ИСТОРИЯ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

ФОРМИРОВАНИЕ, РАЗВИТИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ МАРКСИЗМА, УТВЕРЖДЕНИЕ ЕГО В РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ

40-е годы XIX века — 1871 год

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА при ЦК КПСС

ИСТОРИЯ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

Главная редакционная комиссия:

А. Г. Егоров
(председатель),
М. П. Мчедлов
(заместитель председателя).
С. С. Волк,
Л. И. Гольман,
М. Т. Иовчук,
В. П. Наумов,
Т. И. Ойзерман,
В. Ю. Самедов,
В. Ф. Цага

Москва
Издательство политической литературы
1986

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА при ЦК КПСС

ИСТОРИЯ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

ФОРМИРОВАНИЕ, РАЗВИТИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ МАРКСИЗМА, УТВЕРЖДЕНИЕ ЕГО В РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ

40-е годы XIX века — 1871 год

Редакционная коллегия:

В. Ю. Самедов
(руководитель),
Л. И. Гольман,
Н. Ю. Колпинский,
Н. Е. Королев,
И. С. Нарский,
З. М. Павлова,
Р. В. Петропавловский,
В. Ф. Цага,
Б. А. Чагин

Москва
Издательство политической литературы
1986

ББК 1г
И90

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ:

В. Ю. Самедов, доктор философских наук (руководитель),
В. С. Выгодский, доктор экономических наук,
Л. И. Гольман, доктор исторических наук,
Е. П. Кандель, кандидат исторических наук,
Н. Ю. Колпинский, доктор исторических наук,
В. Э. Кунина, доктор исторических наук,
А. И. Малыш, доктор экономических наук,
Е. А. Меликьян, кандидат экономических наук,
Л. М. Минаев, доктор исторических наук,
Л. Р. Миськевич, кандидат экономических наук,
И. С. Нарский, доктор философских наук,
Р. В. Петропавловский, кандидат философских наук,
З. М. Протасенко, доктор философских наук,
В. А. Смирнова, кандидат исторических наук,
Л. Н. Суворов, доктор философских наук,
Н. Г. Федоровский, кандидат исторических наук,
В. Ф. Цага, доктор экономических наук,
Б. А. Чагин, член-корреспондент АН СССР

В работе над отдельными главами участвовали:

М. С. Давыдова, кандидат исторических наук,
Б. А. Калашников, кандидат философских наук,
Н. Е. Королев, кандидат исторических наук,
Ю. В. Кунец, кандидат исторических наук,
З. М. Павлова, кандидат философских наук

При подготовке глав использованы тексты и материалы, которые представили:

В. В. Галкин, доктор исторических наук,
А. С. Калтахчян, кандидат философских наук,
Г. О. Мучаидзе, доктор исторических наук,
Ф. Г. Рябов, кандидат исторических наук,
А. В. Тушунов, кандидат экономических наук

В научном редактировании отдельных глав участвовали:

В. С. Выгодский, доктор экономических наук,
Е. П. Кандель, кандидат исторических наук,
Л. Н. Суворов, доктор философских наук

И $\frac{0302020000-086}{079(02)-86}$ 56—86

© ПОЛИТИЗДАТ, 1986 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ

Все большую актуальность приобретает разработка систематической истории марксизма-ленинизма. Назрела насущная необходимость научного освещения истории марксистско-ленинского учения в его целостности, в единстве его составных частей, в органической связи с общественным развитием, международным рабочим и коммунистическим движением. Такой труд призван обобщить достижения советских и зарубежных исследователей в изучении истории марксизма-ленинизма.

Научный труд по истории марксизма-ленинизма имеет большое идейно-теоретическое и практическое значение.

Роль марксистско-ленинского учения, теоретической деятельности коммунистических партий неуклонно возрастает. Творческое же применение революционного учения Маркса — Энгельса — Ленина к решению актуальных проблем предполагает основательное знание его истории. Известно, что Ленин, исследуя важнейшие вопросы современности, постоянно обращался к деятельности Маркса и Энгельса, опыту международного рабочего движения. Познание закономерностей и всего процесса исторического развития марксизма-ленинизма помогает глубже его понять, притом усвоить его творчески, полнее уяснить его великую преобразующую силу, активную роль в общественной жизни.

К этому побуждает и обострение идеологической борьбы на мировой арене между социализмом и капитализмом, противоборства двух противоположных мировоззрений. Идет борьба за умы и сердца сотен миллионов людей на планете. И будущее человечества зависит в немалой степени от этой борьбы. Победа в ней достигается в конечном счете широкими народными массами, носителями коммунистического мировоззрения, решается их высокой сознательностью, убежденностью, идейной стойкостью, активностью и самоотверженностью в революционной борьбе и созидании нового общества. Знание истории марксизма-ленинизма способствует повышению идейно-теоретического уровня кадров партии и государства, всех коммунистов, усилению их теоретической, марксистско-ленинской подготовки, идейно-политической закалки.

Показывая, в борьбе с какими разновидностями буржуазной идеологии и мелкобуржуазного социализма вырос и закалился марксизм, разбив и развенчав их в ходе своего исторического развития, целостная история марксизма-ленинизма послужит разоблачению современных попыток оживить в подновленном виде различные формы домарксовского мелкобуржуазного социализма, выдавая их за «новое» слово.

Труд по истории марксизма-ленинизма призван способствовать опровержению попыток буржуазных идеологов и ревизионистов исказить и извратить марксизм, разобщить его составные части — философию, политическую экономию, научный коммунизм, противопоставить друг другу воззрения классиков марксизма-ленинизма по тем или другим проблемам, противопоставить «раннего» Маркса «позднему», взгляды Маркса взглядам Энгельса, учение Маркса — Энгельса учению Ленина, изобразить ленинизм как якобы исключительно национально-русское явление, как «русскую интерпретацию марксизма».

В последние годы появились издания, искаженно представляющие исторический путь развития марксизма-ленинизма. Характерно в этом отношении, например, сочинение П. Враницкого «История марксизма», вышедшее в Югославии с 1961 года двумя изданиями [1] и переведенное в Италии и ФРГ. Сочинение это не содержит цельного освещения поступательного развития марксистско-ленинского учения; история марксизма распадается на ряд очерков о воззрениях отдельных личностей. Ленинский этап в развитии марксизма в установившемся его понимании вообще не выделен. Марксизм в изображении Враницкого со временем все более распадается на «марксизмы» разных стран, на концепции, разрабатываемые различными теоретиками, к которым он относит и взгляды тех, кто, называя себя марксистами, в действительности отношения к марксизму не имеет, а также разного толка оппортунистов. Вследствие такого подхода сочинение Враницкого выглядит не столько как история марксизма, сколько как объективистская история оппортунизма и ревизионизма, их борьбы против подлинного марксизма.

Одним из «последних слов» в фальсификации истории марксизма-ленинизма явилось трехтомное сочинение ревизиониста и ренегата Л. Колаковского под претенциозным названием «Основные течения марксизма. Возникновение — развитие — распад», изданное во Франции и переведенное в ФРГ и Англии в 1976—1979 годах [2]. В этом «труде», полном антимарксистских измышлений, автор начинает с извращения процесса формирования воззрений Маркса, приписывая им эпигонский характер. В стремлении доказать изначальную неоднородность марксизма он выискивает «различия» во взглядах Маркса и Энгельса, приписывая последнему «существенное изменение того марксизма, каким он был до 1848 года». Отрицая революционный переворот, совершенный основоположниками марксизма в науке об обществе, Колаковский стирает различие между научным социализмом и всем предшествовавшим, утопическим социализмом. С особым пристрастием Колаковский пытается умалить значение ленинизма, изображая его одним из многочисленных направлений марксизма.

В 1978—1983 годах в Италии вышла в свет четырехтомная «История марксизма» [3]. Среди ее авторов имеются и члены коммунистической партии, и те, которые себя марксистами не считают, а также лица, отдавшие дань ревизионизму. Одним из главных мотивов сочинения является противопоставление марксизма ленинизму, изображение ленинизма в качестве одной из возможных интерпретаций марксизма, которая возникла в специфических условиях российской действительности. Не Маркс и Энгельс

---

[1] См.: *Vranicki Predrag.* Historija marksizma. Zagreb, 1961, 1971.

[2] См.: *Kolakowski Leszek.* Główne nurty marksizmu. Paris, 1976; Die Hauptströmungen des Marxismus: Entstehung — Entwiclung — Zerfall. München; Zürich, 1977—1979; Main currents of Marxism: Its rise, growth and dissolution. Oxford, 1978.

[3] См.: Storia del marxismo. Vol. I—IV. Torino: Giulio Einaudi editore. 1978—1983.

(воззрения которых якобы расходятся), а один Энгельс объявляется основоположником современного марксизма и духовным отцом современного коммунистического движения. Для «доказательства» своих измышлений авторы идут на прямое искажение фактов, заявляя, например, что Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме», ориентируясь на Энгельса, а также Фейербаха и Дицгена, лишь в одном или двух случаях ссылается на Маркса (в то время как в действительности отсылки к Марксу в этом ленинском произведении содержатся на десятках страниц). Отрицая ленинский этап в развитии марксизма, избегая самого понятия «марксизм-ленинизм», авторы тщатся принизить значение Ленина как мыслителя и теоретика, отрицают интернациональное значение его вклада в марксизм.

Эти и подобные им «концепции» должны быть подвергнуты принципиальной критике. Подлинная история марксизма-ленинизма раскрывает научную несостоятельность утверждений о неизбежности «плюралистических» тенденций в развитии марксизма, ведущих якобы к возникновению и сосуществованию его различных вариантов.

Подготовка научного труда по истории марксизма-ленинизма стала возможна благодаря тому, что ученые в СССР и других социалистических странах, марксисты в несоциалистических странах проделали огромную работу по изданию идейного наследия классиков марксизма-ленинизма, изучению их жизни и деятельности, исследованию и научной разработке проблем теории и истории марксизма-ленинизма.

В Советском Союзе вышли в свет два издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, пять изданий Сочинений В. И. Ленина. Эти издания послужили основой для изданий сочинений Маркса, Энгельса, Ленина, осуществленных в социалистических и других странах. Ныне Институты марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и ЦК СЕПГ осуществляют совместное издание Полного собрания сочинений Маркса и Энгельса на языках оригинала (МЭГА). Сочинения Маркса и Энгельса в 50-ти томах издаются на английском языке. Опубликована «Библиография прижизненных изданий произведений К. Маркса и Ф. Энгельса», выходят в свет тома Ленинианы — библиографии работ о В. И. Ленине и ленинизме. Завершено издание Биографической хроники В. И. Ленина в 12-ти томах. Несколькими изданиями вышли подготовленные Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС научные биографии К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, которые переведены и переизданы во многих странах мира.

Обществоведы проделали плодотворную исследовательскую работу по изучению идейного наследия Маркса, Энгельса и Ленина, подготовив много коллективных и индивидуальных трудов. Осуществлены исследования и монографическая разработка отдельных периодов истории марксистско-ленинской философии, экономической мысли, ряда теоретических проблем научного коммунизма. Важное значение имеют посвященные марксизму-ленинизму соответствующие тома обобщающих трудов «История философии» и «История философии в СССР». Издательство «Высшая школа» выпустило подготовленный коллективом авторов

«Курс лекций по истории марксистско-ленинской философии» (1972). В Институте философии АН СССР и Академии общественных наук при ЦК КПСС созданы научные труды «Марксистская философия в XIX веке» (1979) и «Марксистская философия в международном рабочем движении в конце XIX — начале XX века» (1984). Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС выпущены несколько книг серийного издания «Из истории марксизма и международного рабочего движения», коллективные монографии: «Литературное наследство К. Маркса и Ф. Энгельса. История публикации и изучения в СССР» (1969), «Очерки истории идейной борьбы вокруг «Капитала» К. Маркса» (1968), «Парижская Коммуна и марксизм» (1973), «Очерки по истории «Капитала» К. Маркса» (1983) и др. Обширна научная литература, посвященная теоретической, революционной деятельности Ленина, ленинизму, ленинскому этапу в развитии марксизма.

В Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС завершается создание многотомного труда «История КПСС», в котором на историческом опыте первой в мире пролетарской партии нового типа марксизм-ленинизм предстает в действии и творческом развитии. Вышли в свет книги по истории Интернационалов, международного коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения: «Первый Интернационал» (Ч. I—III. 1964—1968), «История Второго Интернационала» (Т. I—II. 1965—1966), «Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк» (1969), «Ленин в борьбе за революционный Интернационал» (1970), «В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал» (1970), «История международного рабочего и национально-освободительного движения» (Ч. I—IV. 1962—1978), «Мировое коммунистическое движение» (1982) и др. Большим коллективом ученых подготовлен многотомный труд «Международное рабочее движение (Вопросы истории и теории)» (1976—1985).

Проделана большая и трудоемкая работа по изучению, систематизации и изданию протоколов, стенографических отчетов съездов и конференций, а также других документов КПСС и братских коммунистических партий, международного рабочего и коммунистического движения.

Серьезный вклад в изучение отдельных этапов и проблем истории марксистско-ленинской теоретической мысли, борьбы за соединение научного социализма с рабочим движением, истории международного коммунистического движения внесли исследователи-марксисты зарубежных стран.

Много ценных исторических материалов содержится в произведениях А. Бебеля, П. Лафарга, В. Либкнехта, Ф. Меринга и других учеников и соратников Маркса и Энгельса, видных деятелей международного коммунистического движения. Большой интерес представляет трехтомный фундаментальный труд О. Корню «Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Жизнь и деятельпость», «История трех Интернационалов. Международное социалистиче-

ское и коммунистическое движение с 1848 г. до настоящего времени» У. Фостера, «Интернационал. Очерк истории коммунистического движения. 1848—1963» Р. Палм Датта.

В ГДР издана восьмитомная «История немецкого рабочего движения», в Венгрии — трехтомная «История венгерского революционного рабочего движения». В 1969 г. вышел в свет I том (в двух книгах), а в 1979 г.— III том труда «К истории марксистско-ленинской философии в Германии». Обобщающие труды по истории своих коммунистических партий создали историки-марксисты Австралии, Аргентины, США, Финляндии, Испании, Франции, Чили, Великобритании, Вьетнама, Монголии, Японии, Италии, Югославии, Австрии, Чехословакии, Румынии, ГДР, Болгарии, Канады и других стран.

Таким образом, в области разработки истории марксизма-ленинизма сделано немало. Вместе с тем нельзя не отметить, что изученность ее проблематики далека от желаемой полноты. Нет еще монографических исследований по различным периодам истории марксизма-ленинизма, рассматриваемого в совокупности его составных частей. Недостаточно создано работ, раскрывающих вклад коммунистических партий разных стран, их теоретических кадров в развитие марксизма-ленинизма. Слабо разработаны методологические вопросы исследований по истории марксизма-ленинизма, отстает от требований библиографическая и историографическая работа в этой области.

Несмотря на все это, было решено взяться за создание научного труда по истории марксизма-ленинизма, имея в виду, что разработка и воплощение научной концепции исторического развития марксизма-ленинизма послужат основой для дальнейшего всестороннего и более детального исследования всех проблем истории марксизма-ленинизма.

Труд по истории марксизма-ленинизма по своему содержанию и характеру является в известной мере сводным, ибо призван свести воедино накопившиеся за десятилетия в СССР и других странах достижения марксистской историографии в области истории марксизма-ленинизма, объединить все то ценное и значительное, что внесено в ее изучение советскими и зарубежными исследователями — историками, философами, экономистами, представителями других общественных наук. Одновременно он является обобщающим, так как не механически соединяет в себе итоги и результаты исследований различных проблем и вопросов, а объединяет их в творческом синтезе и осмысливает на основе марксистско-ленинских методологических принципов научного исследования. Вместе с тем создание труда потребовало специальных исследований и разработки ряда комплексных проблем, в том числе связанных с методикой освещения целостного развития марксизма-ленинизма в совокупности его составных частей, рассмотрения развивающегося марксизма-ленинизма в единстве его революционной теории и революционной практики.

Теоретической и методологической основой труда «История марксизма-ленинизма» послужили произведения Маркса, Энгельса, Ленина, документы КПСС, Коминтерна, современного международного коммунистического движения.

Из произведений Маркса следует особо выделить такие, как «Разоблачение о кёльнском процессе коммунистов», «Господин Фогт», «Мнимые расколы в Интернационале», предисловия к книге «К критике политической экономии», к I тому «Капитала», а также многие его письма к Энгельсу, Ф. Фрейлигграту, Веберу, И. Вейдемейеру, Л. Кугельману, Ф. А. Зорге, Ф. Больте и ряду других лиц, где содержится много ценных сведений и указаний по вопросам формирования и развития воззрений основоположников марксизма, их деятельности.

Первым биографом Маркса и историком марксизма является, как известно, Энгельс. Он дал определение сущности марксистского учения, показал его структуру и соотношение составных частей, раскрыл идейные источники формирования марксизма, его связь с предшествующими философскими, экономическими и социалистическими теориями, осветил закономерности генезиса и развития нового мировоззрения, его основные этапы. Важнейшие положения по этим вопросам содержатся в произведениях Энгельса «Анти-Дюринг», «Развитие социализма от утопии к науке», «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», «Социализм в Германии», «К истории Союза коммунистов», «Маркс и «Neue Rheinische Zeitung»», в предисловиях к различным изданиям трудов Маркса и своих, а также во многих письмах.

Ленин в своих произведениях неоднократно касался вопросов исторического развития марксизма. Этим вопросам он посвятил и ряд специальных работ. Уже в начале своей революционной деятельности он был непревзойденным знатоком трудов Маркса и Энгельса, истории международного рабочего и социалистического движения. Как продолжателю дела Маркса и Энгельса, Ленину, наряду с дальнейшей разработкой их учения, приходилось защищать его от многочисленных попыток буржуазных идеологов и ревизионистов извратить и дискредитировать теоретические основы марксизма, исказить его историю, набросить тень на его исторические судьбы. В полемике с ними Ленин создал научную концепцию истории марксизма, основанную на раскрытых им объективных закономерностях его развития. Эта научная концепция истории марксизма воплощена в его произведениях: «Карл Маркс», «Фридрих Энгельс», «Три источника и три составных части марксизма», «Исторические судьбы учения Карла Маркса», «Марксизм и ревизионизм», «О некоторых особенностях исторического развития марксизма», в предисловиях к изданиям переписки Маркса и Энгельса, в статье «Август Бебель» и др. Большое место занимают проблемы истории марксизма в таких ленинских трудах, как «Что делать?», «Две тактики социал-демократии в

демократической революции», «Государство и революция», «Пролетарская революция и ренегат Каутский», «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». В трудах Ленина содержатся указания о предмете истории марксизма, о диалектике исторического и логического в ее исследовании и освещении. Ленин разработал научную периодизацию истории марксизма, показал ее органическую связь с рабочим движением, всем общественным развитием, возрастающую роль марксистских идей в историческом процессе. Важнейшее значение имеют ленинские положения по вопросам истории большевизма, развития общественной мысли и международного рабочего движения в эпоху империализма и пролетарской революции, эпоху перехода от капитализма к социализму.

В документах КПСС, Коминтерна, современного международного коммунистического движения, братских партий содержится характеристика ленинского этапа в развитии марксизма, истории марксизма-ленинизма в целом, развития марксизма-ленинизма на современном этапе.

* * *

Созданию труда «История марксизма-ленинизма» предшествовала всесторонняя подготовительная работа. Прежде всего был определен *предмет* истории марксизма-ленинизма.

Предмет истории марксизма, как и предмет самого марксизма, изменялся исторически, становясь все более емким, сложным, многообразным, наполняясь все новым содержанием. В самом общем значении предметом научной истории марксизма-ленинизма является формирование и творческое развитие марксистско-ленинской теории, ее распространение, соединение с рабочим движением, претворение в жизнь в революционной классовой борьбе, в процессе построения социализма и коммунизма.

Безусловно, главной задачей разработки научной истории марксизма-ленинизма и основным содержанием сводного, обобщающего труда по истории марксизма-ленинизма является исследование и освещение возникновения, формирования и поступательного развития марксистской теоретической мысли как единого комплекса составляющих ее идей, всего марксистско-ленинского мировоззрения в целом, рассмотрение процесса исторического развития этого мировоззрения на всех его этапах. При этом имеется в виду показать также развитие составных частей марксизма-ленинизма — философии диалектического и исторического материализма, политической экономии и теории научного коммунизма и в необходимой степени осветить разработку исторических, этических, эстетических, правовых, научно-атеистических, военно-теоретических взглядов марксизма-ленинизма.

Разумеется, построение научной истории марксизма-ленинизма мыслится не в виде параллельного рассмотрения развития его составных частей на протяжении сменявших друг друга исторических этапов. Развитие составных частей должно рассматривать-

ся слитно, в их диалектическом единстве, взаимодействии и целостности, именно так, как оно происходило в действительности, то есть как единый процесс развития марксистско-ленинской теоретической мысли, все части и стороны которой взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Единство и целостность марксизма-ленинизма определяется тем, что составные элементы марксизма обладают по своей природе одной общей сущностью, представляя в совокупности научную идеологию пролетариата, давая теоретическое обоснование с разных сторон одного и того же — всемирно-исторической роли рабочего класса, его целей и идеалов. Ленин осуждал попытки сузить марксизм, свести его содержание к экономическому учению, «минуя все особенности его социологического метода, минуя учение о классовой борьбе, минуя прямую цель исследования — вскрыть все формы антагонизма и эксплуатации, чтобы помочь пролетариату сбросить их» [1]. Пользуясь суждением Ленина о марксистской философии, можно сказать о марксизме в целом, что он «вылит из одного куска стали» — из него «нельзя вынуть ни одной основной посылки, ни одной существенной части, не отходя от объективной истины, не падая в объятия буржуазно-реакционной лжи» [2].

Развитие единого, цельного марксистско-ленинского учения совершается, как известно, путем выдвижения на первый план в отдельные периоды разных частей, различных сторон его богатого и многогранного содержания. Выдвижение на первый план одной из сторон марксизма-ленинизма определяется конкретно-историческими условиями эпохи, ее политическими задачами, назревшими потребностями общественного развития.

Так, до революций 1848—1849 годов в Западной Европе первоочередным было формирование философии марксизма — диалектического и исторического материализма. В период революций 1848—1849 годов приобрели актуальное значение и выдвинулись на первый план политические идеи марксизма, теоретическое осмысление революционного опыта. В 50-е и 60-е годы XIX века получило преобладающее значение экономическое обоснование научного коммунизма, разработка экономического учения марксизма. В 70-е и последующие годы интенсивно разрабатывались проблемы теории научного коммунизма, стратегия и тактика классовой борьбы пролетариата.

Так происходит и на ленинском этапе развития марксизма. Например, в 90-е годы XIX века в связи с потребностями российского и мирового общественного развития особую актуальность приобрели применение и разработка экономического учения марк-

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? — Полн. собр. соч., т. 1, с. 339.

[2] См.: *Ленин В. И.* Материализм и эмпириокритицизм.— Там же, т. 18, с. 346.

сизма. В период российской революции 1905—1907 годов первостепенное внимание привлекла марксистская политика, основательную разработку получили теория революции, стратегия и тактика классовой борьбы пролетариата в новых исторических условиях и другие вопросы теории научного коммунизма. После первой российской революции преобладающий интерес и значение приобрели дальнейшая разработка философских основ марксизма, теоретическое осмысление новых открытий и данных естествознания, анализ новых явлений и тенденций в общественном развитии. В годы первой мировой войны в центре марксистской мысли находились проблемы империализма, теория социалистической революции, материалистическая диалектика. В период с февраля по октябрь 1917 года первостепенное значение приобрели вопросы стратегии и тактики революционной борьбы, теории научного коммунизма.

«При богатстве и разносторонности идейного содержания марксизма ничего нет удивительного в том, что... различные исторические периоды выдвигают особенно вперед то одну, то другую сторону марксизма...— писал Ленин.— Это не значит, что позволительно когда бы то ни было игнорировать одну из сторон марксизма; это значит только, что не от субъективных желаний, а от совокупности исторических условий зависит *преобладание интереса* к той или другой стороне» [1].

В соответствии с этим при изложении, к примеру, развития марксизма в 50—60-е годы XIX века (когда Маркс специально занялся анализом капиталистического способа производства, имея целью открытие основного экономического закона движения буржуазного общества и экономическое обоснование научного коммунизма) подробное и обстоятельное освещение развития экономического учения марксизма сопровождается рассмотрением развития и других его составных частей.

Так, при раскрытии богатства содержания «Капитала» показано, что это творение Маркса является не только гениальным экономическим, но и глубоким философским и историческим исследованием. В «Капитале» Маркс наглядно применил к анализу обширного материала созданные им и Энгельсом метод и теорию диалектического и исторического материализма, которые, в свою очередь, получили здесь дальнейшую разработку. «Если Маркс не оставил *«Логики»* (с большой буквы), то он оставил *логику* «Капитала»...— отметил Ленин.— В «Капитале» применена к одной науке логика, диалектика и теория познания... материализма...» [2] Научно обобщив в «Капитале» богатейший конкретно-исторический материал, Маркс развил дальше материалистическое понимание истории, глубже обосновал исторические взгляды марксизма.

---

[1] *Ленин В. И.* Наши упразднители.— Полн. собр. соч., т. 20, с. 128.
[2] *Ленин В. И.* Философские тетради.— Там же, т. 29, с. 301.

Такой подход к освещению развития теоретической мысли определил структуру труда по истории марксизма-ленинизма. Эта структура воплотила в себе также органическое единство и неразрывность метода и теории марксизма-ленинизма на всем протяжении и в каждый рассматриваемый момент его исторического развития.

Истории марксизма-ленинизма свойствен и свой подход к освоению теоретического материала. Известно, например, что в научном марксоведении и лениноведении специально выделяются в качестве объекта исследования подготовительные материалы — планы, черновики, конспекты, наброски, предварительные варианты, не законченные и не опубликованные самими авторами рукописи. Они позволяют проникнуть в их творческую «лабораторию», проследить детально путь, которым они шли к своим общеизвестным положениям и выводам, классическим формулировкам.

История марксизма-ленинизма, опираясь на достижения научного марксоведения и лениноведения, освещает теоретический материал обобщенно. Дело не только в том, что содержащиеся в черновых, подготовительных рукописях некоторые первоначальные формулировки положений и выводов в дальнейшем подверглись переработке и существенно видоизменились, а некоторые — не получили развития и в окончательный текст произведений не вошли. При исследовании и освещении истории марксизма-ленинизма, учитывая специфику ее предмета, важно не столько детальное описание обстоятельств и момента, когда у классиков впервые мелькнула та или иная мысль, зародилась гениальная идея и когда они сделали о ней первую заметку для себя в своих рабочих записях (что весьма существенно в исследованиях о Марксе, Энгельсе, Ленине как мыслителях). Главное состоит в освещении того, когда и в какой форме эта мысль воплотилась в их произведении (статье, документе, тезисах, речи, пусть даже в письме), когда и каким образом та или иная идея включается в сферу идеологической жизни и борьбы, начинает оказывать воздействие, приобретает действенную роль. Поэтому, останавливаясь в необходимых случаях и на подготовительных, незаконченных, неопубликованных или не предназначенных для печати произведениях (таких, как «Экономическо-философские рукописи 1844 года» и «Тезисы о Фейербахе» Маркса, «Немецкая идеология» Маркса и Энгельса, «Диалектика природы» Энгельса, «Философские тетради» Ленина), а главным образом — на законченных и опубликованных работах Маркса, Энгельса, Ленина, история марксизма-ленинизма стремится запечатлеть прежде всего этапы движения теоретической мысли [1].

---

[1] Известной спецификой отличается подход не только к идейному, мыслительному материалу, но и к биографическим фактам и подробностям жизни и деятельности классиков и теоретиков марксизма. Далеко не все из этих фактов (закономерно являющихся предметом пристального внимания и подробного освещения в научных биографиях Маркса, Энгельса, Ленина)

История марксизма-ленинизма не сводится, однако, к развитию его теоретической мысли. Ибо важнейшей характерной чертой его является органическая связь, единство, слитность научной теории и революционной практики. Марксизм-ленинизм коренным образом отличается от теоретических систем прошлого и настоящего именно своей действенностью, активностью, целеустремленностью, тем, что это не просто мировоззрение, система взглядов на мир, а теория борьбы, преобразования действительности, живое руководство к действию. В этом — само назначение марксизма.

Марксизм-ленинизм — это не только мировоззрение, направление общественной мысли, но и общественное, политическое движение. В марксизме Ленин подчеркивал «соединение революционной теории с революционной политикой, то соединение, без которого марксизм становится брентанизмом, струвизмом, зомбартизмом. Доктрина Маркса связала в одно неразрывное целое теорию и практику классовой борьбы» [1]. Ленин отмечал, что марксизм вырос «из совокупности революционного опыта и революционной мысли всех стран света» [2].

В истории марксизма-ленинизма, стало быть, нельзя ограничиться исследованием лишь теоретической мысли, ее формирования, развития и конкретизации в различных исторических условиях. Необходимо также на конкретном материале истории раскрывать важнейшее положение марксизма о том, что «теория становится материальной силой, как только она овладевает массами» [3]. Поэтому в труде освещается в общих чертах и распространение марксистско-ленинских идей в массах, выявляются общие закономерности этого процесса.

Распространение идей марксизма-ленинизма выражает объективную историческую необходимость. Созревание классового сознания пролетариата в ходе и на опыте его классовой борьбы подготавливает почву для распространения идей научного социализма, восприятия и усвоения их массами. Вместе с тем распространение идей марксизма-ленинизма — это не стихийный процесс. Оно совершается в результате коллективных усилий, целенаправленной деятельности пролетарских партий и организаций, которые

служат объектом рассмотрения в истории марксизма-ленинизма. Известным образом отличается и подход к историческому материалу вообще: многое из того, что в научном марксоведении и лениноведении нередко выступает в качестве исторического фона и носит подчиненный характер, в истории марксизма-ленинизма является предметом специального исследования и освещения — как объективная основа и побудительная причина возникновения и дальнейшего развития той или иной теоретической идеи и как объект обратного активного воздействия этих идей на действительность, рабочее движение, революционную практику.

[1] *Ленин В. И.* Предисловие к русскому переводу писем К. Маркса к Л. Кугельману.— Полн. собр. соч., т. 14, с. 375.

[2] См.: *Ленин В. И.* Честный голос французского социалиста.— Там же, т. 27, с. 11.

[3] *Маркс К.* К критике гегелевской философии права. Введение.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. (здесь и везде далее — 2-е изд.), т. 1, с. 422.

несут в рабочие массы диалектико-материалистическое мировоззрение, научный социализм, излагая его идеи в своих изданиях, в устной пропаганде, разъясняя, развивая их, применяя к конкретным условиям классовой борьбы пролетариата, соединяя их с рабочим движением, воплощая в жизнь, защищая в идейно-политической борьбе против явных и скрытых врагов.

Вот почему история марксизма-ленинизма содержит сведения о том, как складывалось марксистское направление в общественной мысли, формировались марксистские организации, рабочие и коммунистические партии в разных странах, как идейно зрели и закалялись они в борьбе с противниками, как укрепляли живые связи с массами, озаряли их борьбу светом марксистско-ленинских идей. Это позволяет выявить общие закономерности распространения марксизма-ленинизма и показать особенности этого процесса на разных исторических этапах, в разных странах. Для этого важно было тщательно проанализировать отражение марксизма-ленинизма в программах и других документах пролетарских партий, определяющих их политику. Наглядным показателем укрепления связей партий с массами, влияния на массы идей марксизма-ленинизма является рост рядов коммунистических партий и всего международного коммунистического движения. В данной связи существенны и те средства, которыми располагали партии для пропаганды марксизма-ленинизма (газеты, журналы, издательства), поэтому потребовалось кратко охарактеризовать их литературно-издательскую деятельность, показать литераторов-марксистов, выдающихся теоретиков и пропагандистов марксизма-ленинизма.

В неразрывной связи с теоретической деятельностью Маркса и Энгельса освещаются выработка ими на различных этапах революционной политики и тактики классовой борьбы пролетариата, основные моменты руководства деятельностью Союза коммунистов, явившегося прообразом революционной партии рабочего класса, первой коммунистической международной пролетарской организацией, а в дальнейшем — деятельностью международных объединений пролетариата — Первого и Второго Интернационалов. В этом же аспекте, в связи с теоретической деятельностью Ленина и его соратников, революционных марксистов-ленинцев разных стран, будет рассмотрена деятельность Коммунистического Интернационала, положившего основание современному международному коммунистическому движению.

История марксизма-ленинизма прослеживает закономерности и освещает важнейшие проблемы процесса соединения научного социализма с рабочим движением, усвоения пролетариатом научного мировоззрения, развития сознания членов социалистического общества. С развертыванием классовой борьбы пролетариата марксистское учение, выступавшее первоначально лишь как одно из течений общественной и революционной мысли, побеждает в социалистическом рабочем движении, а затем — в социалистическом

обществе — превращается в господствующую идеологию, теоретическую основу жизнедеятельности всего народа. При этом развитие марксизма-ленинизма, соединение его с рабочим движением, превращение в господствующую в обществе идеологию происходило в острой борьбе с буржуазной идеологией, различными течениями домарксовского, мелкобуржуазного социализма и оппортунистическими воззрениями в самом рабочем движении.

Чтобы показать, как марксистско-ленинские идеи распространялись в массах, находили путь к умам и сердцам рабочих, достигали цели, овладевали массами, становились их достоянием,— потребовались данные о распространении на каждом этапе марксистско-ленинской литературы, партийных изданий, о постановке устной пропаганды среди трудящихся. При этом важно проследить, как марксистско-ленинские идеи воспринимались массами, усваивались ими, воздействовали на их сознание, поднимая на организованную классовую борьбу, служили руководством к революционному действию, претворялись в революционных битвах, воплощались в жизнь в социалистическом строительстве. Иначе говоря, необходимо было использовать основные сведения из истории революционного рабочего движения под руководством марксистско-ленинских партий.

Разумеется, все это отнюдь не значит, что ставилась задача в сводном, обобщающем труде по истории марксизма-ленинизма воспроизвести (пусть даже в самом сжатом виде) историю международного рабочего и коммунистического движения, историю строительства социализма. У истории марксизма-ленинизма свой подход, свой аспект освоения и освещения исторического материала. Конкретный исторический материал здесь привлекается в строго необходимой мере, имея своим назначением показать, во-первых, что марксистско-ленинская теория развивается на основе анализа и осмысления живой действительности, революционной практики, во-вторых, действенность марксистско-ленинской теории, ее преобразующую, созидательную роль, в-третьих, что революционная практика служит критерием истинности и жизненности теории, побуждает к ее непрестанному творческому развитию и совершенствованию.

Распространение марксистских идей, воздействие их на революционную практику, соединение научного социализма с рабочим движением представляют собой сложный процесс. На каждом историческом этапе этот процесс, развивавшийся в силу определенных закономерностей, имел свои особенности, не говоря уже о своеобразных чертах его в каждой стране, связанных с условиями развития освободительной борьбы пролетариата. Совершенно очевидно, например, что масштабы распространения идей научного коммунизма, конкретные формы, в которых оно происходило, степень влияния этих идей на участников революционной борьбы не были одинаковыми на протяжении всей истории марксизма-ленинизма.

Так, в годы, когда завершилось формирование марксистского мировоззрения и оно впервые выступило на исторической арене, марксизм являлся идейным знаменем небольшого отряда революционных пролетариев, объединившихся в Союз коммунистов и выступивших как передовая часть пролетарского крыла демократического движения в период буржуазно-демократических революций 1848—1849 годов.

В последовавшие за этим годы европейской реакции, после роспуска Союза коммунистов, пропаганда и распространение революционно-коммунистических идей велись главным образом в форме литературно-публицистической деятельности Маркса, Энгельса и их соратников, выступавших на страницах демократической печати и немногочисленных в ту пору пролетарских газет. Это было время, когда марксизм все еще имел сравнительно узкий круг сторонников и на более широкие слои пролетариата и революционной демократии оказывало влияние не столько марксистское учение в целом, сколько отдельные его идеи, особенно пролетарского интернационализма.

В годы Первого Интернационала процесс распространения марксизма, соединения его с рабочим движением приобрел новые отличительные черты. Марксизм начал завоевывать себе массовую базу, вытесняя влиятельные тогда течения мелкобуржуазного социализма, активно воздействуя на выработку программы и тактики международного пролетариата, определяя характер и мощь его солидарных действий и выступлений. Расширился круг сторонников научного коммунизма. Происходило усвоение не только его отдельных идей, но уже и марксизма как мировоззрения, разумеется, в разной степени и с разной глубиной у различных участников революционной борьбы.

После Парижской коммуны начался новый период всемирной истории и истории рабочего движения. На принципах, возвещенных Первым Интернационалом, стали создаваться социалистические и рабочие партии в разных странах, строившие свои программы и тактику в той или другой степени на марксистской основе. Марксизм завоевал ведущие позиции в рабочем движении, хотя окончательное вытеснение домарксовского, мелкобуржуазного социализма произошло не сразу и завершилось позднее. Возросли и сделались более разнообразными средства распространения марксистских идей, которые стали оказывать все более глубокое, определяющее воздействие на политическую и идеологическую деятельность социалистических партий. Сфера пропаганды марксизма расширилась не только в связи с ростом социалистической печати и выпуска социалистической литературы, но и с формированием теоретических и литературно-пропагандистских сил пролетарских партий, появлением целой плеяды талантливых теоретиков и пропагандистов марксизма. В то же время этот процесс распространения марксизма вширь имел, как отмечал Ленин, и свои негативные стороны: марксистское учение усваивалось подчас поверх-

ностно, революционное содержание его выхолащивалось оппортунистами.

Следующий этап в развитии марксизма, связанный с наступлением эпохи империализма и пролетарской революции, с деятельностью Ленина, с созданием и борьбой пролетарской партии нового типа — большевистской партии, характеризуется новым качественным сдвигом не только в развитии революционной теории, но и в соединении научного социализма с рабочим движением. В это время речь идет уже о распространении марксистско-ленинских идей. Соединение научного социализма с рабочим движением осуществлялось с тех пор в новой, более высокой форме — в создании пролетарской партии нового типа, в прямом и глубоком воздействии на рабочее движение, на величайшие революционные битвы XX века, начало которым положила первая российская революция. Под знаменем марксизма-ленинизма победила Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 года.

Послеоктябрьская эпоха — эпоха перехода человечества от капитализма к социализму во всемирном масштабе — обусловливает и качественно новый характер процесса взаимодействия марксистско-ленинской теории и революционной практики. Марксизм-ленинизм претворяется в жизнь во всей его полноте, воплощается в практике строительства и развития социализма, в создании мировой системы социализма и ее революционизирующем воздействии на все общественное развитие. В связи с возникновением и укреплением международного коммунистического движения соединение научного социализма с рабочим движением приобретает несравненно большие масштабы, глубину и эффективность. Речь идет уже о всевозрастающем воздействии марксистско-ленинских идей на весь мировой революционный процесс.

Вот почему необходимо под углом зрения именно истории марксизма-ленинизма осветить *общие закономерности* процесса распространения марксистско-ленинских идей в массах, соединения научного социализма с рабочим движением в целом и на основных этапах исторического развития, с учетом при этом особенностей тех или иных регионов и стран.

Таким образом, создание истории марксизма-ленинизма является комплексной научной проблемой, находящейся на стыке исторических, философских, экономических и других общественных наук, и требует для своего осуществления коллективных творческих усилий обществоведов разного научного профиля.

Понятно, что комплексное исследование и освещение истории марксизма-ленинизма в единстве научной теории и революционной практики потребовало определить правильное соотношение между теоретическим и конкретно-историческим материалом, найти для изложения его целесообразные пропорции, выработать соответствующую структуру научного труда.

Такой подход к задаче определил и характер труда «История марксизма-ленинизма». Сложность здесь состояла в том, чтобы

найти свой угол зрения при освещении развития марксизма-ленинизма в единстве революционной теории и революционной практики. При этом наряду с принципиальной стороной решения данной задачи, из которой предстояло исходить, было принято во внимание и то обстоятельство, что, как уже отмечалось, в СССР осуществлялся ряд других многотомных изданий, связанных с историей марксизма-ленинизма,— «Истории КПСС», труда «Международное рабочее движение (Вопросы истории и теории)», истории марксистско-ленинской философии.

* * *

Принятая и реализованная в данном труде *общая концепция* систематической истории марксизма-ленинизма включает в себя, наряду с изложенным (в связи с обоснованием ее предмета), ряд методологических принципов и соображений.

Это, прежде всего, зависимость развития его идей от экономических и других социальных отношений, определяемых объективными закономерностями общественного развития и составляющих материальную основу марксистской идеологии, от развертывания классовой борьбы, являющейся осью политической жизни капиталистического общества, от рабочего движения и деятельности коммунистических партий. Марксизм-ленинизм развивается в связи с коренными преобразованиями в социально-экономическом строе общества, изменениями в его политической организации, качественными сдвигами в развитии социалистического общества.

Марксизм-ленинизм органически связан с науками о природе и обществе, являясь законным преемником всего лучшего, передового в многовековой культуре человечества. История марксизма-ленинизма, исходя из этого, отражает процесс освоения им завоеваний мировой культуры, достижений передовой общественной мысли, диалектико-материалистического обобщения революционных сдвигов в естествознании и обществоведении, показывает его как могучее орудие познания действительности.

Марксизм-ленинизм воплощает органическое единство научной теории и революционной практики, процессов научного познания и революционного преобразования мира. История марксизма-ленинизма раскрывает эту диалектику теории и практики, показывая, что революционная теория освещает путь революционной практике светом науки, знания, вооружает ее ясным пониманием целей и перспектив движения, придавая ей уверенность, поднимая на более высокий уровень. В свою очередь революционная практика обогащает революционную теорию новым опытом истории, революционного движения вообще, классовой борьбы пролетариата в особенности, опытом социалистического строительства, выступает основой и критерием истинности положений и выводов теории марксизма-ленинизма, требуя конкретизации и обновления их в новых исторических условиях, уточнения и совершенствования.

История марксизма-ленинизма на конкретном материале развертывает ленинское положение о том, что правильная революционная теория «складывается в тесной связи с практикой действительно массового и действительно революционного движения» [1]. Марксизм-ленинизм, как интернациональное учение, аккумулировал в теоретически обобщенной форме все ценное, что было в борьбе пролетарских масс всех стран, сделав завоевания рабочих каждой страны достоянием всего борющегося международного пролетариата. Умение выявлять все значительное, непреходящее в движении рабочего класса, интернациональные тенденции, общие закономерности революционного процесса, разрабатывать и совершенствовать на этой основе пролетарскую стратегию и тактику с учетом особенностей различных стран — вот что делало марксистское учение организующей и преобразующей силой. Именно в этом смысле Ленин говорил о марксизме как научном синтезе опыта революционных действий и усилий самих народных масс, в первую очередь пролетарских, как о теоретическом выражении этого опыта. В книге «Государство и революция», освещая развитие марксистского учения о государстве и диктатуре пролетариата на основе анализа революционных событий 1848 и 1871 годов, он писал: «Учение Маркса и здесь — как и всегда — есть освещенное глубоким философским миросозерцанием и богатым знанием истории *подытожение опыта*» [2].

Методологическим принципом построения истории марксизма-ленинизма является также материалистическое понимание роли народных масс и личности в истории, соотношения масс, класса, партии, вождей, связи революционной практики рабочего класса и теоретической деятельности его идеологов, которые опираются на революционный опыт масс, познают объективные закономерности общественного развития, раскрывают его назревшие задачи, научно выражают коренные интересы и цели классовой борьбы пролетариата. В соответствии с этим принципом в труде и освещена деятельность теоретиков марксизма. При этом важное значение имело освещение органической связи и преемственности идей и деятельности Маркса, Энгельса, Ленина, теоретических установок и практики КПСС и других коммунистических партий, современного международного коммунистического движения, закрепленных в решениях партийных съездов, конгрессов Коминтерна, международных совещаний коммунистических партий.

Данный труд отразит закономерность неуклонного возрастания роли коллективной теоретической мысли в развитии марксизма-ленинизма, показав, что в эпоху перехода человечества от капитализма к социализму, по мере развертывания мирового революционного процесса все более повышается значение теоретической

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Детская болезнь «левизны» в коммунизме.— Полн. собр. соч., т. 41, с. 7.

[2] *Ленин В. И.* Государство и революция.— Там же, т. 33, с. 29.

деятельности коммунистических партий, их съездов и руководящих органов, возрастает значение коллективных усилий братских партий, всего международного коммунистического движения в обобщении нового революционного опыта, в осмыслении новых тенденций и явлений мирового развития, в совместной разработке актуальных проблем научного коммунизма, единой стратегии революционной борьбы, в творческом развитии всех сторон марксизма-ленинизма как единого интернационального учения.

Марксизм с самого начала возник как интернациональное учение, как научная идеология международного пролетариата. В этом качестве он развивался и дальше, обогащаясь опытом рабочего и революционного движения всех стран. Марксизм-ленинизм является теоретической основой мирового коммунистического движения. Поэтому принципиальное значение имеет выявление на протяжении исторического развития марксизма-ленинизма его интернациональной сущности, международного характера, применимости его коренных положений и выводов ко всем странам для определения исторических судеб и перспектив всех народов, всего человечества.

Поскольку выводы марксизма-ленинизма предназначены для практики, как руководство к действию, важно осветить закономерности и основные проблемы реализации их в общественной жизни и классовой борьбе, показывая активное воздействие марксизма-ленинизма на экономические и социальные отношения, освободительное движение, на развитие науки и культуры. Труд раскрывает действенность марксизма-ленинизма, великую силу его преобразующего воздействия на рабочее и революционное движение, на практику строительства социализма и коммунизма, показывает неуклонное возрастание этого воздействия на общественную жизнь, революционные процессы, на все мировое развитие.

Научный труд по истории марксизма-ленинизма — историко-теоретическое исследование. Последовательно реализуя принцип историзма, следуя принятой периодизации, он в то же время воплощает методологический принцип единства исторического и проблемно-логического в исследовании и изложении истории марксизма-ленинизма. Это определило необходимость и целесообразность широко прибегать (на рубежах, когда происходил значительный подъем рабочего движения, качественный сдвиг в развитии той или иной идеи) к проблемному рассмотрению вопросов теории и революционной практики, к обобщенному освещению уровня разработки теоретической проблемы, развития рабочего движения, достигнутого в пределах определенного периода, опираясь на всю группу произведений, созданных Марксом, Энгельсом или Лениным в тот период. Это обстоятельство нашло отражение и в структуре труда, в названиях его глав, разделов, параграфов.

Данный труд наглядно демонстрирует творческий характер, новаторский дух марксизма-ленинизма, его принципиальную враждебность всякому догматизму, застою теоретической мысли.

Марксизм-ленинизм — не окостенелая система застывших, неизменных, раз навсегда данных положений и выводов, готовых ответов, годных на все случаи жизни, а живое, непрерывно развивающееся учение, метод и теория познания, революционного преобразования действительности, руководство к действию.

«Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса как на нечто законченное и неприкосновенное,— писал Ленин,— мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты *должны* двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни» [1].

В труде показано, что марксистско-ленинская теория жизненна именно потому, что она непрерывно учитывает, отражает и теоретически обобщает все новое, что дает развитие природы и общества, обогащается новыми научными данными и открытиями, новым опытом революционного движения и социалистического строительства. Она постоянно пополняется новыми положениями и выводами, заменяющими устаревшие положения и выводы, превзойденные практикой, переставшие соответствовать более глубоким знаниям о действительности, изменившимся историческим условиям и задачам классовой борьбы пролетариата. Творческий, новаторский дух марксизма-ленинизма определяет его чуткую связь с современностью, устремленность в будущее, что делает его надежным руководством к революционному действию.

Творческий характер марксизма-ленинизма, непрерывное развитие его положений, совершенствование и уточнение выводов, обогащение его новыми теоретическими идеями вместе с тем обязательно предполагают незыблемость его основных принципов, которые уже доказали на практике свою истинность и получают все новые подтверждения, более глубокое и всестороннее обоснование.

Принципом научной истории марксизма-ленинизма является исследование его развития в процессе борьбы против буржуазной и мелкобуржуазной идеологии, всех ее проявлений в общественной науке, политике, идеологической жизни. Обострение этой борьбы на различных направлениях и участках идеологического фронта неизбежно и закономерно в условиях развертывания противоборства двух мировых систем — социализма и капитализма. Поэтому в труде подвергнуты критике буржуазные извращения истории марксизма-ленинизма, домыслы фальсификаторов и антикоммунистов, а также социал-реформистские и ревизионистские концепции.

Труд по истории марксизма-ленинизма написан с позиций воинствующей партийности; он освещает непримиримую борьбу рабочих и коммунистических партий против старых и новых форм проявлений буржуазной идеологии, антимарксистских, антиленинских взглядов в рабочем движении; он содержит конкретный ма-

[1] *Ленин В. И.* Наша программа.— Полн. собр. соч., т. 4, с. 184.

териал для активной наступательной борьбы против буржуазной идеологии, против фальсификаторов истории и теории марксизма-ленинизма.

Научная история марксизма-ленинизма не только исследует его возникновение и развитие на различных этапах, но одновременно пропагандирует его как систему идей, убеждений и принципов, составляющих в совокупности коммунистическое мировоззрение, чтобы служить оружием в современной идеологической борьбе, средством коммунистического воспитания, руководством к действию. Поэтому труд по истории марксизма-ленинизма рассчитан на широкие круги партийного и советского актива, пропагандистов, преподавателей и студентов.

* * *

При подготовке труда по истории марксизма-ленинизма была на основе ленинских идей и принципов разработана ее *периодизация,* неразрывно связанная с периодизацией международного рабочего движения, главными периодами всемирной истории.

Единый, цельный и неразрывный в своем существе процесс развития марксизма-ленинизма имеет свои исторические эпохи, делится на этапы и периоды в зависимости от качественных сдвигов в социально-экономическом развитии общества, переворотов в его политическом строе, от крутых переломов в международном рабочем движении.

Социально-экономическое развитие общества составляет, несомненно, материальное основание для периодизации научной истории марксизма-ленинизма. Но роль этого объективного фактора как критерия периодизации нельзя трактовать прямолинейно. Поступательное, восходящее развитие марксизма-ленинизма в силу относительной самостоятельности развития идеологии, а также взаимодействия форм общественного сознания не совпадает точно с периодизацией социально-экономического развития, которое тем не менее остается основой периодизации любых общественных процессов. К тому же и осознание, осмысление в идеологических формах изменений, происходящих в экономическом строе общества, зачастую отстает от общественного бытия, от экономического развития.

Поэтому Ленин при периодизации истории марксизма оперировал не столько этапами экономического развития, сколько решающими историческими событиями, прежде всего — революциями, в которых наиболее отчетливо проявлялись, выражались и закреплялись коренные изменения в экономике и политике, общественном сознании. «Такие этапы, как октябрь 1905 г., февраль и октябрь 1917 г.,— отмечал Ленин,— имеют всемирно-историческое значение» [1]. Социальные революции выступают как узловые пунк-

[1] *Ленин В. И.* Очередные задачи Советской власти.— Полн. собр. соч., т. 36, с. 202.

ты в истории развития общества, служат основными рубежами в периодизации научной истории марксизма-ленинизма, особенно если иметь в виду, что предметом ее является не только развитие марксистско-ленинской теоретической мысли, а историческое развитие марксизма-ленинизма в единстве научной теории и революционной практики.

Периодизация научной истории марксизма-ленинизма определяется также коренными переломами в истории международного рабочего движения, в классовой борьбе пролетариата за свержение капитализма, а затем и в строительстве социалистического общества.

Сообразно с этим вся история марксизма-ленинизма делится на две большие эпохи: от возникновения марксизма до победы первой пролетарской революции в России в октябре 1917 года и прорыва фронта мирового капитализма; от Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней. Эта эпоха продолжается.

Такое деление вытекает из революционного существа марксизма-ленинизма как научного выражения всемирно-исторического призвания пролетариата, как руководства в коммунистическом преобразовании мира.

Свержение капиталистического строя в России и установление пролетарской диктатуры означали коренной перелом во всемирной истории, в развитии человечества, положив начало новой исторической эпохе — эпохе крушения капитализма и утверждения социализма. Определяющим фактором дальнейшего мирового развития стало противоборство двух общественных систем — социалистической и капиталистической, превращение социализма в международную силу, всевозрастающее влияние мирового социализма на судьбы человечества. С победой Великого Октября, явившегося главным событием XX века, узловыми пунктами в истории развития общества, международного рабочего движения, марксизма-ленинизма становятся не только революции, но и прежде всего развитие и укрепление оплота мирового революционного процесса — реального социализма, превращение его в мировую систему. Гигантски возросла социальная роль марксизма-ленинизма, его теории и практики. Оставаясь орудием революционного сокрушения эксплуататорских порядков, руководством для штурма старого строя, он превратился вместе с тем в научную основу творческого созидания, в руководство для построения нового общества, формирования социалистических общественных отношений. Существенно изменилось соотношение объективных условий и субъективного фактора в историческом развитии.

Конечно, субъективный фактор и до победы пролетарской революции играл важную роль в революционном движении, в той мере, в какой политическое руководство рабочим движением правильно исходило из объективных условий, которые имеют определяющее значение во все периоды исторического развития. С побе-

дой же социалистической революции коммунисты получают возможность, исходя из познанной исторической необходимости, несравненно более целеустремленно и планомерно воздействовать на ход общественного развития, сознательно преобразовывать общественные отношения, определять назревшие потребности и объективные тенденции развития общества и в соответствии с ними организованно направлять социальные процессы. Роль субъективного фактора в истории, таким образом, в огромной степени возрастает.

Все это определяет собой самый крупный, главный рубеж для периодизации истории марксизма-ленинизма.

В пределах каждой из двух больших эпох различается по два качественно отличных этапа. Дооктябрьская эпоха включает в себя:

— формирование, развитие и распространение марксизма в эпоху домонополистического капитализма (40-е годы XIX века — начало XX века);

— становление ленинизма как дальнейшего развития марксизма, развитие и распространение марксизма-ленинизма в эпоху империализма и пролетарской революции (90-е годы XIX века — октябрь 1917 года).

Послеоктябрьская эпоха — это эпоха революционного сокрушения капиталистического строя, социалистического преобразования мира, дальнейшего всестороннего развития ленинизма, торжества марксизма-ленинизма. В ней различимы два крупных этапа:

— развитие, распространение и претворение в жизнь марксизма-ленинизма в условиях общего кризиса мирового капитализма, победы Великой Октябрьской социалистической революции, построения социализма в СССР, выхода социализма за пределы одной страны и превращения его в мировую систему (октябрь 1917 года — начало 50-х годов XX века);

— развитие, распространение и торжество марксизма-ленинизма в условиях роста и укрепления мировой системы социализма, борьбы двух общественных систем на мировой арене, распада колониальной системы империализма, дальнейшего развертывания мирового революционного процесса (с начала 50-х годов XX века до наших дней).

Крупные исторические этапы можно представить более дробно, расчленить на более мелкие единицы периодизации.

Так, первый дооктябрьский этап (40-е годы XIX века — начало XX века) состоит из нескольких периодов, которые четко намечены Лениным в периодизации, данной им в статьях «Исторические судьбы учения Карла Маркса» и «Август Бебель» (1913).

В первой из этих статей Ленин указывает, что со времени выхода в свет в 1848 году «Манифеста Коммунистической партии» Маркса и Энгельса, содержащего цельное, систематическое, непревзойденное изложение марксизма, всемирная история «делится

явственно на три главные периода: 1) с революции 1848 года до Парижской Коммуны (1871); 2) от Парижской Коммуны до русской революции (1905); 3) от русской революции».

«В начале первого периода учение Маркса отнюдь не господствует. Оно — лишь одна из чрезвычайно многочисленных фракций или течений социализма... К концу первого периода (1848—1871), периода бурь и революций, домарксовский социализм *умирает*. Рождаются самостоятельные *пролетарские* партии: первый Интернационал (1864—1872) и германская социал-демократия.

Второй период (1872—1904) отличается от первого «мирным» характером, отсутствием революций. Запад с буржуазными революциями покончил. Восток до них еще не дорос. Запад вступает в полосу «мирной» подготовки к эпохе будущих преобразований. Везде складываются пролетарские по своей основе социалистические партии, которые учатся использовать буржуазный парламентаризм, создавать свою ежедневную прессу, свои просветительные учреждения, свои профессиональные союзы, свои кооперативы. Учение Маркса одерживает полную победу и — *идет вширь*. Медленно, но неуклонно идет вперед процесс подбирания и собирания сил пролетариата, подготовки его к грядущим битвам».

«Не успели оппортунисты нахвалиться «социальным миром» и не необходимостью бурь при «демократии», как открылся новый источник величайших мировых бурь в Азии. За русской революцией последовали турецкая, персидская, китайская. Мы живем теперь как раз в эпоху этих бурь и их «обратного отражения» на Европе... За Азией стала шевелиться — только не по-азиатски — и Европа. «Мирный» период 1872—1904 годов отошел бесповоротно в вечность» [1].

Во второй статье Ленин продолжает развивать свои соображения относительно периодизации истории марксизма. Он различает два крупных периода в истории международной социал-демократии. Первый из них — это «период подготовки и рождения марксизма, как единственной, выдержавшей испытания истории, доктрины социализма. Охватывая приблизительно две первые трети прошлого века, этот период заканчивается полной победой марксизма, крахом (особенно после революции 1848 года) всех домарксовских форм социализма * и отделением рабочего класса от мелкобуржуазной демократии, вступлением его на самостоятельный исторический путь.

Второй период есть период образования, роста и возмужания массовых социалистических партий классового, пролетарского состава. Громадное распространение социализма вширь, невиданный рост всяческих организаций пролетариата, всесторонняя под-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 23, с. 1, 2—3, 4.

* Здесь Ленин имеет в виду *идейную* победу марксизма над домарксовскими социалистическими учениями, притом в тех странах Западной Европы, где марксизм распространился и утвердился в рабочем движении.

готовка его на самых различных поприщах к выполнению им великой всемирно-исторической цели — вот что характеризует этот период. Ему на смену стучится уже в последние годы третий период, когда подготовленные силы в ряде кризисов осуществят свои цели» [1].

Разумеется, ленинская периодизация, данная в этих статьях 1913 года, относится к развитию не только марксистской теоретической мысли, а к истории марксизма в широком смысле, то есть марксизма, взятого в единстве научной теории и революционной практики.

Стало быть, согласно ленинской периодизации, после периода формирования марксизма в 40-х годах XIX века, завершившегося созданием «Манифеста Коммунистической партии», следует период развития и распространения марксизма, утверждения его в рабочем движении в условиях восходящего развития капитализма, в «период бурь и революций». Он охватывает 1848—1871 годы — от буржуазных революций в странах Западной Европы до Парижской коммуны.

Его сменяет сравнительно «мирный» период 1872—1904 годов, когда марксизм одерживает полную победу в социалистическом рабочем движении и распространяется вширь, крепнет массовое социалистическое движение, пролетариат сплачивает свои силы и готовится к грядущим революционным битвам, домонополистический капитализм перерастает в империалистическую стадию.

За этими тремя периодами истории марксизма следует период становления и развития ленинизма (который переходит в послеоктябрьскую эпоху).

В послеоктябрьскую эпоху первый исторический этап (октябрь 1917 г.— начало 50-х годов XX века) делится на два периода.

Первый период охватывает развитие, распространение и претворение в жизнь марксизма-ленинизма в условиях общего кризиса мирового капитализма, победы Великой Октябрьской социалистической революции и перехода от капитализма к социализму в СССР (октябрь 1917 — 1937 год).

Второй период — развитие, распространение и воплощение в жизнь марксизма-ленинизма в условиях упрочения и развития социализма в СССР, второго этапа общего кризиса капитализма, развертывания мирового революционного процесса и возникновения мировой системы социализма (1937 год — начало 50-х годов XX века).

Второй послеоктябрьский этап включает развитие, распространение и торжество марксизма-ленинизма в условиях существования мировой системы социализма (с начала 50-х годов XX века до наших дней).

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 23, с. 363—364.

* * *

Сообразно с принятой периодизацией труд «История марксизма-ленинизма» создается в составе шести томов. Три первых тома отведены дооктябрьской эпохе, три следующих — послеоктябрьской эпохе. При этом первые два тома охватят историю марксизма в XIX веке, третий — дооктябрьский период ленинского этапа в развитии марксизма, четвертый и пятый — историю марксизма-ленинизма от Октября до образования мировой системы социализма, шестой том доведет изложение до наших дней. Имеется в виду создать и специальный том, посвященный историографии истории марксизма-ленинизма.

В процессе реализации замысла предстояло разработать и осуществить новый тип научного исследования, в котором метод и теория марксизма-ленинизма применены к изучению и построению его собственной истории. Ввиду комплексного характера задачи, предусматривающей наряду со слитным изложением развития всех составных частей марксистско-ленинской теоретической мысли также освещение ее распространения, соединения с рабочим движением, воздействия на мировой революционный процесс, воплощения в реальный социализм,— к участию в создании обобщающего научного труда в качестве авторов, редакторов, консультантов, рецензентов привлечен широкий круг ученых-обществоведов разного научного профиля — специалистов по истории философии, политической экономии, научного коммунизма, истории этики и эстетики, научного атеизма, истории КПСС, истории международного рабочего и коммунистического движения, всеобщей истории и др.

Труд этот является изданием Института марксизма-ленинизма. Вместе с тем к его созданию привлечены специалисты из Академии общественных наук при ЦК КПСС, из ряда гуманитарных институтов Академии наук СССР, из Московского и Ленинградского университетов. Это способствовало мобилизации и объединению научных сил в коллективной работе комплексного характера, более полному использованию накопленных в науке знаний, а также опыта их систематического изложения.

Институт марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС

ВОЗНИКНОВЕНИЕ МАРКСИЗМА — ВЕЛИКИЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРЕВОРОТ В ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ, КОРЕННОЙ ПЕРЕЛОМ В ОСВОБОДИТЕЛЬНОМ ДВИЖЕНИИ

1. ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ МАРКСИЗМА

Как научная идеология пролетариата марксизм возник в силу объективной исторической необходимости. Его появление, как объяснил Ленин, было подготовлено европейским и мировым экономическим, социальным, политическим и идейно-теоретическим развитием. Анализ генезиса марксизма полностью опровергает распространенное в буржуазной «марксологии» представление, будто марксизм — это всего лишь теория, которая стихийно выросла на основе других теорий, это философия, которая механически вобрала в себя достижения других философских учений. Марксизм явился на свет не как простое порождение предшествующего идейно-теоретического развития, а как теоретическое осмысление экономического, социального, политического и духовного прогресса человечества, раскрывшее его гигантские возможности, как теоретическое обобщение опыта борьбы буржуазии против феодалов, уроков крестьянских восстаний и первых выступлений пролетариата. Революционный переворот в мировоззрении не стал бы возможен, если бы не возникло рабочее движение, если бы не был накоплен известный опыт классовой борьбы пролетариата с буржуазией, если бы этот опыт не взывал к необходимости научной идеологии пролетариата.

Условия возникновения марксизма — это условия общественной жизни на уровне развития, который был достигнут человечеством к середине XIX века. Это такие всемирно-исторические процессы, как крушение феодализма и утверждение капиталистического способа производства в главных странах Европы и в США, складывание мирового рынка и распространение капиталистических отношений по свету и в то же время все более резкое проявление общественных антагонизмов, обострение борьбы между двумя основными классами капиталистического общества —

буржуазией и пролетариатом. Социально-экономические предпосылки коммунизма Энгельс кратко определил так: «Коммунизм есть следствие крупной промышленности и ее спутников: возникновения мирового рынка и обусловленной этим безудержной конкуренции; принимающих все более разрушительный, все более всеобщий характер торговых кризисов, которые теперь уже окончательно стали кризисами мирового рынка; формирования пролетариата и концентрации капитала; вытекающей отсюда классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией» [1].

Основоположники марксизма придавали важное значение происходившему в новое время процессу интернационализации хозяйственной, политической и духовной жизни народов. Они видели растущие связи и взаимозависимость развития каждой национальной и всей мировой экономики, их сложное, противоречивое взаимодействие, влияние на сущность и характер отношений между классами, нациями и странами.

Развитие производительных сил и укрепление капиталистических производственных отношений вели к глубоким изменениям форм общения между народами, в организации производства и всей общественной жизни. Экономические отношения внутри каждой страны перестали быть самодовлеющими и независимыми и стали все больше зависеть от связей с другими странами. «Буржуазия путем эксплуатации всемирного рынка сделала производство и потребление всех стран космополитическим» [2],— писали Маркс и Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии».

Достигая той ступени, которая обусловливает складывание и развитие мирового рынка, производительные силы становятся причиной зарождения таких межнациональных общественных процессов, которые представляют собой нечто большее, чем простые контакты, связи и взаимодействие между странами и народами в предшествующие эпохи, нечто качественно новое. Возникновение крупной машинной индустрии, мирового рынка, развитие международного разделения труда приводят к эпохальным переменам во всемирной истории. Рушится типичная для прежнего времени обособленность отдельных стран, народов, континентов, местная и национальная замкнутость. Теперь человечество существует уже как взаимосвязанная совокупность стран и народов, чего не было прежде. История «тем больше становится историей человечества, чем больше выросли производительные силы людей, а следовательно, и их общественные отношения» [3]. Из сравнительной истории отдельных разобщенных очагов цивилизации она превращается в действительно всемирную историю.

Мировой исторический процесс выходит из прежней фазы, ког-

---

[1] *Энгельс Ф.* Коммунисты и Карл Гейнцен.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 281—282.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 427.

[3] См.: Маркс — Павлу Васильевичу Анненкову, 28 декабря 1846 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 27, с. 402.

да его единство определялось только аналогичным действием в разных странах общих исторических закономерностей. Зарождается и постепенно усиливается объективная взаимосвязь развития многих народов. Мировой рынок, развитие крупного машинного производства и международного разделения труда, представляющие материальную основу этого нового состояния, связали многообразное развитие стран и народов в единое целое. От простого сосуществования стран и народов земного шара, при котором связь осуществляется в случайных формах, международное общение поднимается на качественно новую ступень — ступень неразрывных причинных и функциональных связей, регулярных взаимодействий и взаимозависимости, которые становятся все более глубокими и все более общими. Возникает *мировая система* экономических, политических, социальных и духовных взаимодействий.

Основной движущей силой этой системы, всеобъемлющего процесса расширения, углубления и обогащения контактов и связей между странами и народами является развитие производительных сил. Оно объективно требует установления и развития материального и духовного, экономического и внеэкономического обмена. «Это в равной мере относится как к материальному, так и к духовному производству,— отметили Маркс и Энгельс.— Плоды духовной деятельности отдельных наций становятся общим достоянием» [1].

В буржуазном обществе с разрушением старых, застойных, рутинных форм производства и всей общественной жизни, с гораздо более быстрым, чем в предшествующих формациях, развитием производительных сил развертывается социальный процесс величайшей исторической важности: замена общинных, сословных, цеховых группировок старого общества классами капиталистического общества, формирующимися на основе единства социального положения и социальных интересов в масштабах нации. Капитализм, писал Ленин, «создает новые общественные классы, по необходимости стремящиеся к связи, к объединению, к активному участию во всей экономической (и не одной экономической) жизни государства и всего мира» [2].

Таким образом, рост экономических связей, которые с развитием капитализма преодолевают национально-государственные границы, создают мировой рынок, мировую экономику, проявляется в социальной структуре и общественной жизни: у буржуазии и у пролетариата возникают классовые интересы, которые вынуждают «к соединению всех представителей данного класса *во всей нации* и даже в различных государствах» [3]. Противостоящие

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии.— Соч., т. 4, с. 428.

[2] См.: *Ленин В. И.* Развитие капитализма в России.— Полн. собр. соч., т. 3, с. 382.

[3] См.: *Ленин В. И.* К характеристике экономического романтизма.— Там же, т. 2, с. 207.

классы капиталистического общества — буржуазия и пролетариат — все более обретают противоположные социально-психологические и идейно-духовные черты, противоположные мировоззрения.

Важно при этом подчеркнуть, что буржуазия не создала и не могла создать своего интернационального мировоззрения. Это объясняется ее социальной природой, характером капиталистических частнособственнических отношений, буржуазных классовых интересов. Частная собственность разделяет классы и народы, порождает конкуренцию, соперничество, междоусобную борьбу, межгосударственные и межнациональные противоречия. Интересы буржуазии разных стран хотя и смыкаются, но остаются конкурентными, враждебными. Ее объединяет лишь потребность совместной защиты эксплуататорского строя от революционных движений пролетариата или освободительных движений колониальных народов. Основа мировоззрения буржуазии — национализм. Он возбуждает трения и противоречия между нациями, непрерывно воспроизводимые эксплуататорским строем, изображает их в виде неизбежных и вечных явлений. Буржуазный космополитизм — лишь мнимое, кажущееся преодоление буржуазного национализма: он, как правило, служит лишь идеологическим прикрытием гегемонизма крупного капиталистического хищника и отражением духовного капитулянтства тех или иных групп буржуазии, нетвердо чувствующих себя в собственной стране и низкопоклонствующих перед более сильным и удачливым патроном, либо формой сплочения сил буржуазии перед лицом революционного рабочего класса.

Напротив, международный характер освободительной борьбы пролетариата определяет объективную необходимость пролетарского интернационализма, солидарности, объединения усилий, взаимной помощи рабочего класса всех стран, интернациональную сущность его мировоззрения. Для рабочего класса интернационализм не является абстрактным вопросом справедливости и человеколюбия, чем было межнациональное общение у гуманистов эпохи Возрождения, у просветителей XVIII века, у социалистов-утопистов; он составляет неразрывную часть практической борьбы пролетариата за социальное освобождение. Коренные интересы рабочего класса носят интернациональный характер и объединяют, сплачивают пролетариев, независимо от их национальной принадлежности.

* * *

Исторически марксизм зародился в канун буржуазных революций, разразившихся в 1848—1849 годах в странах Западной Европы. Это была третья волна эпохи буржуазных революций, поднявшаяся после английской буржуазной революции середины XVII века и французской буржуазной революции конца XVIII века. На смену феодализму всюду шел капиталистический строй.

Опираясь на свое экономическое могущество, буржуазия повсеместно в Западной Европе поднималась к политическому господству, оттесняя от власти феодальную аристократию и дворянство. В утверждении капитализма решающую роль сыграл промышленный переворот, ознаменовавший переход от мануфактурной стадии с ее ручной техникой к фабричной системе капиталистического производства, опирающейся на машинную технику. Промышленный переворот дал гигантский толчок техническому прогрессу и привел к стремительному росту производства на основе эксплуатации наемного труда. Но капиталистический строй, так же как и уходивший феодальный, был строем антагонистическим, чреватым непримиримыми противоречиями, которые со всей остротой дали себя знать с самого начала его утверждения.

Капиталистический способ производства породил чудовищную эксплуатацию наемного труда, невыносимые условия существования пролетариата. В буржуазном обществе происходили обнищание, рост обездоленности рабочих на одном полюсе и накопление богатства буржуазии — на другом. Рабочий класс вступает на трудный путь борьбы за лучшую долю. «Его борьба против буржуазии начинается вместе с его существованием» [1]. Пролетариату выпадает историческая задача уничтожения капиталистической эксплуатации, освобождения человечества от любых форм угнетения. «Его цель и его историческое дело самым ясным и непреложным образом предуказываются его собственным жизненным положением, равно как и всей организацией современного буржуазного общества» [2]. Классовая борьба пролетариата против капитализма становится движущей силой общественного развития.

Англия явилась первой страной, где в последней трети XVIII века начался промышленный переворот, который приобрел здесь классические формы. Предшествовавшее промышленному перевороту аграрное развитие Англии подготовило условия для ускоренного становления в ней капитализма: сырьевую базу за счет товарного характера сельскохозяйственного производства; дешевую рабочую силу огромной армии безработных, созданной в результате экспроприации крестьянства; емкий внутренний рынок. Вместе с колониальными захватами и грабежом колониальных народов все это способствовало быстрому капиталистическому развитию страны. Англия превратилась в «мастерскую мира», пожиная плоды мировой промышленной монополии. Бурный технический прогресс в Англии оказал влияние на все западноевропейские страны.

Процесс пролетаризации городского и сельского населения в Англии происходил с особой интенсивностью. Технический прогресс, расширяя общественное производство, вместе с тем выталкивал из его сферы массу рабочих рук, что вело к дальнейшей пау-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии.— Соч., т. 4, с. 431.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Святое семейство.— Там же, т. 2, с. 40.

перизации части населения, усиливало классовую поляризацию английского общества. Пользуясь обилием на рынке свободных рабочих рук, предприниматели ужесточали эксплуатацию рабочих, особенно женщин и детей, удлиняли рабочий день, сокращали и всячески урезали заработную плату, не заботились об охране труда на предприятиях, что приводило к массовым увечьям и заболеваниям рабочих, преждевременной утрате ими трудоспособности.

Развитие промышленности вело к концентрации пролетариата на крупных предприятиях. В стране быстро росли фабричные города, а с ними — обездоленность, нарастали возмущение и борьба рабочих против беззастенчивой капиталистической эксплуатации. Борьба рабочих первоначально была стихийной, несознательной, вначале выливалась в анархические бунты против введения машин, их растущего использования. Стихийные выступления рабочих обычно кончались поражениями. Отмечая отсутствие сознательного начала в зарождавшемся движении пролетарских масс, Маркс заметил: «Требуются известное время и опыт для того, чтобы рабочий научился отличать машину от ее капиталистического применения и вместе с тем переносить свои атаки с материальных средств производства на общественную форму их эксплуатации» [1].

Этот опыт постепенно приходил к рабочему классу. Рабочее движение принимало более организованный и массовый характер. Происходят митинги, забастовки и демонстрации рабочих в Лондоне, Бирмингеме, Глазго и других городах. Правительство жестоко подавляло эти выступления. В 1819 году в Манчестере войска стреляли в безоружных рабочих, проводивших митинг. Однако нараставшее движение рабочих заставило парламент в 1819 году принять закон о регламентации детского труда, а в 1824 году формально отменить запрет на создание рабочими профессиональных организаций. Характеризуя остроту антагонистических противоречий и накал классовой борьбы в Англии в специфических условиях ее экономического развития, Маркс писал: «Из всех стран Великобритания является той страной, где деспотизм капитала и рабство труда достигли наибольшего развития... В Великобритании произошло полное отделение собственности от труда. Поэтому ни в одной другой стране война между двумя классами, образующими современное общество, не принимала таких колоссальных размеров и таких четких и осязательных очертаний» [2].

В схватках с буржуазией (в 1839 году выступление рабочих в Уэльсе вылилось в восстание) рабочее движение крепло, мужало, породив широкую сеть полулегальных профессиональных союзов (тред-юнионов) и чартизм — первое массовое политическое движение английских рабочих. Чартистское движение, зародившееся в середине 30-х годов XIX века, воплотило в себе борьбу англий-

[1] *Маркс К.* Капитал. Т. I.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 439.
[2] *Маркс К.* Письмо Рабочему парламенту.— Там же, т. 10, с. 122.

ского рабочего класса за демократизацию избирательной системы. Представители чартистских организаций разных городов собирались в Лондоне на съезды и в 1840 году создали Национальную чартистскую ассоциацию, которая развернула борьбу за «Народную хартию»; ее главным пунктом было требование всеобщего и равного избирательного права при тайном голосовании на ежегодных выборах в парламент.

В борьбе за «Народную хартию» проводился массовый сбор подписей, устраивались демонстрации и политические стачки, причем в некоторых местах дело доходило до вооруженных столкновений. Однако в то время пролетариат еще не отделился окончательно от мелкобуржуазной демократии, и потому среди руководителей чартистского движения не было единства в вопросе о формах и средствах борьбы. Значительным влиянием пользовались сторонники «моральной силы», легального и мирного движения рабочих; сторонникам «физической силы», настроенным революционно, не всегда удавалось противостоять этому влиянию. К тому же они не имели научной теории, которая могла бы осветить путь борьбе за социальные цели пролетариата, и руководствовались ближайшими политическими задачами рабочего движения. Их взглядам были присущи утопические представления.

Несмотря на упорство и стойкость рабочего класса, на понесенные им в ходе трех политических кампаний жертвы, чартистам не удалось вынудить правящие верхи к избирательной реформе, но непосредственным результатом чартистского движения были некоторые уступки правительства в фабричном законодательстве: в 1847 году был принят закон о 10-часовом рабочем дне для женщин и подростков. В 1848 году чартистское движение пошло на убыль. И хотя в его неудачах сказался недостаточный уровень классового самосознания рабочего класса и неспособность его идеологов того времени выразить действительные интересы пролетариата, его цели и задачи, оно имело важное историческое значение не только для Англии, но и для рабочего движения всех стран. «...Англия,— писал Ленин,— дала миру первое широкое, действительно массовое, политически оформленное, пролетарски-революционное движение, чартизм...» [1] Оно предвосхитило многое из будущего рабочего движения, его организации и тактики. Ленин писал, что чартизм «во многих отношениях был подготовкой марксизма, «предпоследним словом» к марксизму» [2]. Чартизм со всей очевидностью показал, что для успеха рабочего движения, его единства, роста самосознания пролетариата необходима руководящая политическая организация — партия, более сплоченная и идейно зрелая, чем Национальная чартистская ассоциация, а также научная революционная теория освободительной борьбы. Маркс

---

[1] *Ленин В. И.* Третий Интернационал и его место в истории.— Полн. собр. соч., т. 38, с. 305.

[2] См.: *Ленин В. И.* О компромиссах.— Там же, т. 40, с. 290.

и Энгельс извлекли эти важные выводы из опыта рабочего движения Англии.

Во Франции происходили аналогичные социально-экономические процессы, связанные с промышленным переворотом, который был ускорен буржуазной революцией конца XVIII века. Они протекали медленнее, чем в Англии, но и здесь переход от мануфактуры к фабричной системе, основанной на использовании машин, вел к разорению мелких производителей, формированию промышленного пролетариата, концентрации машинного производства и рабочего класса в крупных городах, особенно в Париже и Лионе.

Росший численно промышленный пролетариат Франции унаследовал богатые революционные традиции своего народа. Со времени революции 1830 года, плодами которой воспользовалась верхушка буржуазии, не прекращались забастовки углекопов, ткачей и других отрядов рабочих. В 1831 году в Лионе вспыхнуло восстание ткачей, в 1834 году последовало их второе вооруженное выступление. Лионские восстания оказали влияние на пролетариев других городов, побудили их к вооруженным выступлениям в Париже, Гренобле, Сент-Этьене, Марселе. В 1840 году Париж, где были особенно сильны революционные традиции, охватила стачка рабочих разных профессий, которая снова вылилась в вооруженное выступление.

В стране издавна существовали различные общества. В Париже, Гренобле, Лионе и других городах действовали рабочие общества взаимопомощи на профессиональной основе, которые выполняли функции стачечных касс в борьбе против предпринимателей. После революции 1830 года в стране появились тайные общества республиканского направления. Среди них наиболее радикальным было «Общество прав человека», которое лишь в Париже насчитывало свыше 160 секций. После разгрома этого общества его главные руководители О. Бланки и А. Барбес создали заговорщическое «Общество семей», а затем, в 1838 году,— «Общество времен года», ставившее целью борьбу за коммунизм в духе программы социального равенства Г. Бабефа и привлекавшее в свои ряды рабочих. Передовые рабочие проявляли интерес к идеям утопического социализма и коммунизма, в частности к учению Э. Кабе, который изложил свою социально-политическую программу в утопическом романе «Путешествие в Икарию», получившем распространение и в рабочей среде.

40-е годы, когда формировался марксизм, были еще продолжением эпохи буржуазных революций. Однако в отличие от кануна и периода буржуазных революций в Англии и Франции XVII—XVIII веков эти годы ознаменовались превращением пролетариата в самостоятельную классовую силу и вступлением его на самостоятельный путь политической борьбы, ибо классовая противоположность и антагонизм классовых интересов пролетариата и буржуазии выявились уже отчетливо и резко. Это относилось не только к Англии и Франции, но и к Германии, Австрии, где также

происходили социально-экономические процессы, связанные с утверждением капиталистического способа производства, хотя они и протекали в этих странах несколько замедленно. Назревание буржуазной революции совершалось здесь при более прогрессивных условиях в Европе, чем в XVII—XVIII веках, когда происходили революции в Англии и Франции.

В начале XIX века Германия была еще аграрной и мануфактурно-ремесленной страной. Промышленный переворот в ней начался лишь в 40-х годах. В Германии в то время фабричная промышленность только зарождалась, и существенную часть немецкого рабочего люда составляли ремесленники. Это обстоятельство наложило отпечаток на характер демократического движения того времени и на социальный состав немецких революционных организаций.

Были и другие особенности, которые сказывались на росте рабочего движения. В Германии господствовало дворянство, феодальный класс, что сдерживало капиталистическое развитие экономики. Страна была раздроблена, насчитывая три десятка феодальных государств и четыре вольных города. Бастионом феодально-крепостнических отношений была юнкерская Пруссия. Религиозно-аристократическая реакция всюду представляла решающую силу.

Германия стояла на пороге своей буржуазной революции, важнейшими задачами которой были ликвидация феодализма и феодальной раздробленности, обеспечение простора для капиталистического развития страны. Но немецкая буржуазия вела нерешительную политику, робела перед бюрократически-полицейским, феодально-монархическим строем. Перед лицом противостоявшего ей пролетариата она с самого начала была склонна к измене народу, к компромиссу с монархией и дворянством.

Несмотря на значительные помехи со стороны феодальных отношений, экономическое развитие Германии с середины 30-х годов убыстрилось. Этому способствовало создание в 1834 году (под главенством Пруссии) Германского таможенного союза, что явилось существенным шагом на пути складывания единого национального рынка. Центрами капиталистического производства становятся Рейнская провинция, Саксония, Силезия. Развертывается интенсивное железнодорожное строительство. По мере капиталистического развития рос рабочий класс. К 1848 году число наемных рабочих достигло почти одного миллиона, что составило десятую часть самодеятельного населения страны. Несмотря на то что рабочий класс Германии непрерывно пополнялся разорявшимися подмастерьями, он был политически более развитым, яснее сознавал свои классовые интересы, чем мануфактурные рабочие и ремесленники в канун буржуазных революций в Англии и Франции в XVII—XVIII столетиях.

Кризис цеховой организации и упадок ремесла в Германии под натиском капитализма вызывали широкую эмиграцию ремеслен-

ных подмастерьев в Англию, Францию и другие страны, где многие из них знакомились с демократическими идеями, с рабочим движением, входили в тайные и полулегальные демократические общества; возвращаясь на родину, они привносили в среду немецкого пролетариата новые общественные веяния. Революционные общества немецких рабочих и ремесленных подмастерьев возникли впервые во Франции. В Париже в 1832 году образовалось общество немецких рабочих республиканско-демократического направления, на базе которого в 1834 году был основан Союз отверженных. В 1836—1837 годах здесь оформился Союз справедливых. Оба союза были связаны с французскими бланкистскими организациями, в частности с «Обществом времен года». Таким образом, немецкий пролетариат в пору своего формирования через передовых рабочих, побывавших за рубежом, имел возможность опереться на богатый революционный опыт французского пролетариата, массового движения английских рабочих, а также познакомиться с демократическими и социалистически-утопическими идеями, которые в той или иной форме воспринимались идеологами немецкого рабочего движения того времени. Так, Вильгельм Вейтлинг испытал влияние идей Ш. Фурье, что нашло отражение в его популярном произведении «Гарантии гармонии и свободы». В основе теоретических взглядов Вейтлинга лежала идея уравнительного коммунизма, почерпнутая у французских коммунистов-утопистов. Воздействие французской социалистической мысли способствовало идейному росту немецких рабочих в канун буржуазной революции.

Гнет абсолютизма в Германии в условиях феодальной раздробленности страны, переплетаясь с растущей капиталистической эксплуатацией, тяжелым бременем ложился на плечи трудящихся, вызывая брожение и массовые выступления рабочих и городских мелкобуржуазных слоев — ремесленных мастеров и подмастерьев. Наиболее сильно протест против эксплуатации и угнетения проявился в крупном стихийном восстании ткачей Силезии летом 1844 года. Ткачи испытывали тройной гнет: они подвергались нещадной эксплуатации со стороны скупщиков-предпринимателей, им приходилось выплачивать помещику оброк, отбывать барщину, платить государству поземельный налог, выполнять общинные повинности. Силезское восстание получило глубокий отклик в рабочем движении Германии. «Силезские ткачи,— писал Энгельс,— дали сигнал в 1844 г., богемские и саксонские ситцепечатники и рабочие на строительстве железных дорог, берлинские ситцепечатники и вообще промышленные рабочие почти по всей Германии ответили стачками и возникшими кое-где волнениями» [1].

Характеризуя первые шаги стихийного рабочего движения и блуждания социалистической мысли в Западной Европе накануне

[1] *Энгельс Ф.* Недавняя бойня в Лейпциге.— Рабочее движение в Германии.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 557.

появления марксизма, Ленин писал: «Первый период — рождение социалистических идей и зачатки классовой борьбы пролетариата. Долгая и упорная борьба крайне многочисленных социалистических учений и сект. Социализм ищет своей дороги, ищет себя. Классовая борьба пролетариата, едва начинающего выделяться из общей массы мелкобуржуазного «народа», носит характер отдельных вспышек, вроде восстания лионских ткачей. Рабочий класс в этот период тоже лишь нащупывает свою дорогу» [1].

Социалистическая мысль того периода, будучи ненаучной, утопической, была бессильна дать рабочему движению правильную ориентацию, вооружить его теорией освободительной борьбы. Между тем рабочее движение ощущало настоятельную потребность в научной пролетарской идеологии, выражающей классовые интересы, общественный идеал и исторические задачи пролетариата, остро нуждалось в революционной теории, определяющей стратегию и тактику классовой борьбы за свержение капиталистического строя, за социалистическое переустройство общества. Такую теорию дал рабочему движению марксизм.

Марксизм — революционная идеология рабочего класса — порождение не только немецких общественных условий. Марксизм явился порождением международного общественного развития, социально-экономических, политических и идеологических процессов, происходивших во всех главных странах Европы, повсеместного роста классовой борьбы пролетариата, выхода его на политическую арену. «...Коммунизм,— подчеркнул Энгельс,— не следствие особого положения английской или какой-либо другой нации, а необходимый вывод, неизбежно вытекающий из предпосылок, заложенных в общих условиях современной цивилизации» [2].

В странах Европы и в США все больше обнаруживались пороки капиталистического способа производства, присущие ему антагонистические противоречия, происходил безудержный рост эксплуатации рабочего класса. В народных массах рассеивались былые иллюзии насчет справедливости буржуазных свобод и порядков. В ходе нараставшей классовой борьбы обнажались скрытые пружины общественного развития. Сама жизнь выдвигала вопрос о необходимости уничтожения первопричины всех общественных зол — частной собственности на средства производства, ликвидации анархии производства, несущей трудящимся неисчислимые бедствия. Развитие капитализма создало общественный класс, который должен был произвести переворот во всей системе общественных отношений. Но для того, чтобы такой переворот совершить, наряду с материальными предпосылками требовались осознание пролетариатом его исторической необходимости, способ-

---

[1] *Ленин В. И.* Август Бебель.— Полн. собр. соч., т. 23, с. 363.

[2] *Энгельс Ф.* Успехи движения за социальное преобразование на континенте.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 525.

ность пойти на борьбу за его осуществление, знание законов этой борьбы; нужна была научная теория, раскрывающая закономерности общественного развития и борьбы за коммунизм.

Творцами такой теории стали Маркс и Энгельс.

Создание нового мировоззрения двумя мыслителями, сходное идейное развитие этих мыслителей в пору формирования их взглядов, одновременный приход к одинаковым результатам — наглядное подтверждение того, что возникновение научной пролетарской идеологии было велением времени, исторической необходимостью, пролетарское мировоззрение должно было появиться.

* * *

Предпосылки возникновения марксизма имели, таким образом, объективный характер. Они вытекали из исторических условий эпохи. В свете этого все попытки современных буржуазных идеологов и «исследователей» представить марксизм как учение, лишенное объективных предпосылок, корней в общественно-историческом развитии, являются насквозь ложными.

Одну из таких попыток предпринял В. Таймер, который в предисловии к своему сочинению «Марксизм. Учение — влияние — критика» безапелляционно утверждает, будто учение Маркса не имеет объективных предпосылок. «Эти предпосылки — не научные, как это утверждает марксизм... а скорее априорные философские положения веры... Так называемый диалектический материализм — не более как слабо завуалированный вариант веры в разумный ход мирового процесса» [1].

Этот вымысел в разных вариантах навязчиво муссируется антикоммунистами Ю. Бохеньским, Г. Веттером и др., стремящимися во что бы то ни стало извратить происхождение марксизма.

Исторически первой разновидностью фальсификаций происхождения марксизма было изображение его в качестве «национально ограниченной», «специфически немецкой идеологии». С первых своих шагов марксизм столкнулся с подобными попытками своих противников умалить его значение, причем среди этих противников оказались не только реакционеры, но и идеологи ряда непролетарских групп и течений в демократическом и революционном движении.

Еще Антонио Лабриола хорошо показал существо националистической «аргументации» мелкобуржуазных демократов Дж. Мадзини и М. А. Бакунина, рассчитанной на то, чтобы представить марксистское учение как «немецкую идеологию». Марксизм, писал Лабриола, постарались изобразить как «продукт интеллектуальной деятельности двух *талантливых немцев*. Ставя вопрос таким образом, Мадзини, собственно, возбуждал национальные обиды по отношению к этим двум авторам, которые, как материалисты и коммунисты, были как бы созданы для противопоставления его идеалистической формуле *отечество и бог*... В этом отношении судьба творцов научного социализма почти трагична. *Двумя немцами* они бывали не раз в глазах тех из революционеров, которые были *шовинистами*, иногда они сходили и за агентов *пангерманизма* — в несправедливых выпадах Бакунина, имевшего ум, столь склонный к вымыслам, чтобы не сказать

[1] *Theimer W.* Der Marxismus: Lehre — Wirkung — Kritik. Bern; München, 1969, S. 4.

иначе; это *два немца,* которые и на родине, оставленной ими как изгнанниками уже в годы первой молодости, сталкивались с сознательным замалчиванием со стороны профессоров, для которых раболепие есть патриотический акт» [1].

М. А. Бакунин отвергал марксизм как «чужеродное немецкое учение», прямо противопоставляя народы славянской и латинской групп (как «революционные по духу» народы) «немцам вообще», которым он отказывал в способности к революционному мышлению и действию.

Бакунинская «методика» была использована мелкобуржуазными противниками марксизма во Франции, которые разделяли идею, заимствованную у буржуазных революционеров конца XVIII века, о том, что миссия освобождения Европы и всего мира принадлежит Франции. К 70—80-м годам вера в это переросла в открытый шовинизм: мелкобуржуазные социалисты считали, что право возглавлять освободительное движение монопольно принадлежит Франции [2]. Уверовав в свое идейное первородство, они яростно нападали на «ввозной, немецкий» марксизм.

Третируя марксизм как «немецкое» учение, реформисты-поссибилисты в 80-х годах называли марксиста Жюля Геда «проконсулом» — «наместником» Германской социал-демократии во Франции. Их лидеры Б. Малон и П. Брусс приходили, иронизировал Энгельс, «в ужас при мысли, что нация, осчастливившая мир французскими идеями, обладавшая монополией на идеи, что Париж, этот светоч всего мира, должны теперь вдруг получать социалистические идеи совсем готовыми от немца Маркса» [3]. Людям, влачившим на себе груз шовинистических предубеждений, это казалось чем-то вроде национального предательства, во всяком случае — тяжелым ударом по национальной гордости. Анархисты не отставали от поссибилистов и подобно им объявляли пролетарских социалистов «прусскими агентами». Все оппортунистические группы в рабочем движении — и правые и «левые» — пытались эксплуатировать национальные чувства французов после поражения в войне 1870—1871 годов, отождествляя марксизм с... пруссачеством.

Это повторялось во Франции множество раз, вплоть до наших дней. Известна, например, получившая широкую рекламу в 70-х годах нашего века попытка Робера Арона противопоставлять «германскому» социализму Маркса «французский» социализм Прудона. «...Одним из решительных виражей в истории нашей цивилизации был разрыв между двумя людьми — Прудоном и Марксом» [4],— писал этот автор, призывая вернуться к прудонизму. Ряд других авторов видит «специфически французское учение» также в сорелианстве, указывая на национальный характер источников этого анархо-синдикалистского течения: учения П. Ж. Прудона, синдикалиста Ф. Пелутье, философа-идеалиста А. Бергсона.

Не только во Франции, но и в других странах предпринимались подобные попытки «локализации» якобы «немецкого» марксизма. В Италии, например, говорили о «своей», «национальной» интерпретации научного социализма, которая опиралась бы на «национальное наследие итальянского историзма Вико и Кроче».

Уже во второй половине XIX века мелкобуржуазные идеологи пытались «локализировать» теорию Маркса — Энгельса и другим способом, относя ее только к специфическим условиям капиталистического развития Англии в XVIII—XIX веках. Маркса и Энгельса упрекали, будто они «некритически» распространили выводы из своих наблюдений за экономическими отношениями Англии на весь мир, «неправомерно» приписали

---

[1] *Labriola A.* Discorrendo di socialismo e di filosofia. Bari, 1947, p. 46—47.

[2] См.: Энгельс — Карлу Каутскому, 7 февраля 1882 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 35, с. 220.

[3] См.: Энгельс — Эдуарду Бернштейну, 25 октября 1881 г.— Там же, с. 187.

[4] *Aron R.* Le socialisme français face au marxisme. Paris, 1971, p. 242.

конфликтам, развертывающимся «на английской фабрике», значение главного противоречия современного общества, «безосновательно» придавали своим «британским впечатлениям» значение всеобщих законов. И в наше время не перевелись попытки подобного рода доказать «национальную» (или же «континентальную») «ограниченность» Марксова анализа капиталистического способа производства.

Нелепо рассматривать теоретическую деятельность Маркса и Энгельса, а позже и Ленина как обобщение лишь частного, специфического, «национального» опыта. Подобное обвинение должно быть целиком переадресовано их идейным противникам, которые за «открытые» ими всеобщие истины выдают те или иные элементы именно своего опыта, ограниченного классово, пространственно и во времени, придавая им абстрактную форму. И тогда буржуазное общество превращается в «общество вообще»; буржуа, живущий в определенном регионе мира и в определенный исторический период, приобретает идеализированную форму «человека вообще»; смазывается различие между общим и особенным, всеобщим и национально-специфическим.

Марксизм, если подходить к делу объективно, писал Антонио Лабриола, по своему происхождению принадлежит в равной мере Франции, Англии и Германии. Жизненные нужды отечества его основоположников — Германии, стоявшей на пороге буржуазно-демократической революции, жаждавшей уничтожения феодальной раздробленности и национального объединения, побудили Маркса и Энгельса с молодых лет включиться в политическую борьбу, происходившую в стране, заняв место на крайнем левом фланге противников абсолютизма, феодализма, мракобесия. Изучение классической немецкой философии позволило им разглядеть в диалектическом методе теоретические предпосылки освободительной борьбы. В то же время новейшая история Франции и Англии дала Марксу и Энгельсу более широкое, более определенное понимание исторического материализма, чем то, которое могла дать тогдашняя, еще отсталая Германия, которая была пока далека от крупнейших социальных движений века [1].

Маркс и Энгельс осмыслили историю английского и французского общественного развития. Во Франции молодой Маркс увидел и исследовал организованное рабочее движение, прежде всего политическое, связанное — пусть непрочными — нитями с социалистическими учениями. В Англии молодой Энгельс изучил классовую борьбу в условиях гораздо более развитого капиталистического общества, однако здесь рабочее движение оказалось в большей мере в стороне от теоретической мысли.

В идейной эволюции Маркса, в превращении его из демократа в идеолога рабочего класса громадную роль сыграло его знакомство с развитыми социальными и политическими условиями Франции, с обострявшимися уже в ней классовыми противоречиями буржуазного общества (которое в Германии еще только складывалось), с ее живыми революционными традициями и боевым духом масс, с растущей активностью французского рабочего движения, в котором распространялись социалистические идеи; велико

[1] См.: *Labriola A.* Discorrendo di socialismo e di filosofia, p. 49.

было и значение живого общения с парижскими рабочими (в 1843—1845 годах). Прежде всего на примере более развитой Франции, развернувшейся в ней классовой борьбы пролетариата молодой Маркс, демократ и гуманист, убеждается в ограниченности либерализма, «надклассового» демократизма, абстрактного гуманизма.

В идейном развитии Энгельса такое же значение имели знакомство с чартистским движением, непосредственное наблюдение за положением английских рабочих. «Социалистом Энгельс сделался только в Англии» [1],— писал Ленин. На примере более развитой Англии молодой Энгельс увидел то, что в Германии было еще в зародыше и едва угадывалось,— возрастающую роль пролетариата. В Англии Энгельс, наблюдая за развитием английского капитализма, высказал гениальные догадки о природе капиталистической формации, побудившие Маркса к экономическим исследованиям. Чартизм привлек пристальное внимание не только Энгельса, но и Маркса, вызывал у них подлинное воодушевление, хотя основоположники марксизма не закрывали глаза на его слабости. Именно первое рабочее движение, достигшее общенационального размаха,— движение английских чартистов вместе с первым рабочим восстанием в Лионе были теми событиями, которые, как отметил Энгельс, вызвали решительный поворот в понимании истории [2], в идейном развитии будущих творцов марксизма.

Разумеется, и Германия дала основоположникам марксизма не только философско-теоретический материал. Она предоставила им также поучительный опыт развития общественных отношений, выражавшийся прежде всего в неуклонном выявлении несостоятельности либеральных иллюзий, в трусливом поведении немецкой буржуазии, которая уже угодливо склонялась к компромиссу с монархической реакцией за счет народа и никак не походила на силу, которая могла бы содействовать утверждению «царства Разума» по образцу, вымышленному младогегельянцами. Это был также опыт первых шагов рабочего движения в самой Германии, прежде всего — восстания силезских ткачей и агитационно-теоретической деятельности В. Вейтлинга.

Подчеркивая, что марксизм явился порождением международного общественного развития, Энгельс впоследствии писал: «...поскольку, с одной стороны, для возникновения научного социализма необходима была немецкая диалектика, постольку же, с другой стороны, были необходимы развитые экономические и политические отношения Англии и Франции. Отсталые в начале сороковых годов в еще большей степени, чем теперь, экономические и политические условия Германии могли в лучшем случае вызвать к жизни только карикатуры на социализм... Только когда создавшиеся в Англии и Франции экономические и политические отношения

---

[1] *Ленин В. И.* Фридрих Энгельс.— Полн. собр. соч., т. 2, с. 9.

[2] См.: *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 25.

были подвергнуты немецко-диалектической критике, можно было достигнуть действительных результатов. С этой точки зрения, следовательно, научный социализм представляет собой не *исключительно* немецкий, а в не меньшей степени и международный продукт»[1].

И в дальнейшем изучение действительности XIX века, экономических и социальных процессов, классовой борьбы и рабочего движения Маркс и Энгельс строили на основе обширного материала, охватывающего мировой опыт, ввиду чего марксизм представляет собой осмысление интернационального развития.

Основоположники марксизма всегда имели широкий интернациональный кругозор и в научной сфере, и в сфере наблюдений за мировым общественным развитием, за рабочим движением. Маркс назвал Лондон, в котором жил с 1849 года, удобным наблюдательным пунктом для изучения буржуазного общества[2]. Лондонская эмиграция не стала для творца «Капитала» лишь тяжкой юдолью: она была использована им для тщательного изучения «образцовой капиталистической страны» XIX века, мирового рынка, международной политики. С величайшим вниманием изучали Маркс и Энгельс опыт рабочего и революционного движения во всех странах европейского континента и в США. Опыт Парижской коммуны послужил для них источником разработки представлений о будущем, социалистическом обществе. Маркс и Энгельс научились трудному русскому языку, чтобы читать в оригинале русскую литературу, знать по первоисточникам, как идет общественное развитие и освободительное движение еще в одной стране, в существенных чертах не похожей на западноевропейские и вступившей на капиталистический путь в иную историческую эпоху.

Формирование и развитие марксизма происходило также в процессе теоретического осмысления опыта национально-освободительного движения угнетенных народов, в том числе народов колониальных стран Азии, Африки и Латинской Америки.

Маркс и Энгельс изучали горы литературы на иностранных языках. «Посмотрел бы ты на груду немецких, французских, итальянских, испанских, польских, русских, датских, американских, английских, а иногда и румынских газет, которые я получаю и которые должен хотя бы просматривать, чтобы быть в курсе движения»[3],— писал Энгельс Ф. А. Зорге 5 марта 1892 года. Круг знакомств Маркса и Энгельса, международный размах их общения, обширнейшая переписка с людьми из десятков стран Европы и Америки также указывают на то, какое громадное зна-

---

[1] *Энгельс Ф.* Предисловие к первому немецкому изданию «Развития социализма от утопии к науке».— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 322—323 (примечание).

[2] См.: *Маркс К.* К критике политической экономии. Предисловие.— Там же, т. 13, с. 8.

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 38, с. 251.

чение придавали основоположники марксизма максимальной осведомленности и обобщению интернационального опыта.

Труд основоположников марксизма представлял собой исследование всемирного процесса общественного развития методами, выработанными на основе творческого освоения и переработки мирового теоретического наследия.

2. ИДЕЙНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ МАРКСИЗМА

Марксизм — законный преемник всего лучшего, что создала передовая мысль человечества в ходе многовекового идейного развития. В процессе своего формирования марксизм критически переработал и творчески освоил достижения прогрессивной общественной мысли, науки и культуры.

Если корни коммунизма лежат глубоко в материальных экономических фактах, писал Энгельс, и научный коммунизм есть прежде всего результат наблюдения классовых противоположностей и анархии производства в капиталистическом обществе, то, как теория, он «должен был исходить прежде всего из накопленного до него идейного материала...» [1]. Создание подлинно научной революционной теории было бы невозможно, если бы ко времени ее рождения не был достигнут достаточно высокий уровень науки, если бы, далее, ее творцы не опирались на весь материал человеческого знания, если бы, наконец, к середине XIX века теоретической мыслью разных народов не были бы выдвинуты крупнейшие проблемы социального развития (хотя ставились они большей частью в утопически-иллюзорной или буржуазно-ограниченной форме). «...Вся гениальность Маркса состоит именно в том, что он дал ответы на вопросы, которые передовая мысль человечества уже поставила» [2],— подчеркнул Ленин.

Одним из общих условий возникновения и развития марксизма является, таким образом, неразрывная связь его со всем предшествующим и сопутствующим развитию пролетариата ростом, накоплением и обогащением культуры человечества. «История философии и история социальной науки показывают с полной ясностью, что в марксизме нет ничего похожего на «сектантство» в смысле какого-то замкнутого, закостенелого учения, возникшего *в стороне* от столбовой дороги развития мировой цивилизации» [3],— писал Ленин. Марксизм не отбросил, а «усвоил и переработал все, что было ценного в более чем двухтысячелетнем развитии человеческой мысли и культуры» [4].

---

[1] См.: *Энгельс Ф.* Развитие социализма от утопии к науке.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 189.

[2] *Ленин В. И.* Три источника и три составных части марксизма.— Полн. собр. соч., т. 23, с. 40.

[3] Там же.

[4] См.: *Ленин В. И.* О пролетарской культуре.— Там же, т. 41, с. 337.

Конечно, в теориях и идеях прошлого неизбежно отражаются — не могут не отражаться — общественные условия того времени, когда эти теории и идеи рождались. Они отмечены печатью разделения умственного и физического труда, отражают классовую позицию и, следовательно, классовую ограниченность своих создателей; в них содержится бо́льшая или меньшая доля иллюзий, заблуждений, они обнаруживают бо́льшую или меньшую односторонность и незрелость. Однако история общественной мысли, предшествующей марксизму, отнюдь не сводится к одним заблуждениям. Эти теории и идеи занимают свое место в процессе развития познания как ступени приближения к истине.

История общественной мысли — это история многовековых размышлений над коренными вопросами мировоззрения, выработки и обогащения философских и социологических категорий. В ходе своего исторического развития мысль человечества накопила материал, который служит основой дальнейшего прогресса; столкнувшись со многими значительными явлениями и процессами действительности, она поставила крупнейшие вопросы о сущности природы и общества, дала, наряду с ограниченными, односторонними, классово-корыстными, абсурдными, также и позитивные решения.

Диалектика, ставшая «душой марксизма», представляет собой итог, сумму, вывод истории познания, говорил Ленин. Поступательное движение философской мысли включает достижения многих материалистических и идеалистических систем; его важными вехами остаются научные завоевания крупнейших мыслителей рабовладельческой эпохи — античного мира и древнего Востока, феодальной эпохи, капиталистической эпохи. Общественную науку строили «экономисты-классики, открывая закон стоимости и основное деление общества на классы», «эту науку обогащали далее, в связи с ними, просветители XVIII века борьбой с феодализмом и поповщиной...». Общественную науку «двигали вперед, несмотря на свои реакционные взгляды, историки и философы начала XIX века, разъясняя еще дальше вопрос о классовой борьбе, развивая диалектический метод и применяя или начиная применять его к общественной жизни...» [1].

Процесс формирования и развития марксистского мировоззрения показывает, что оно творчески освоило достижения стремительного взлета естественных наук в XVIII—XIX веках, результаты исследований, которые осуществляли физики, химики, математики, биологи, астрономы разных стран, выводы из открытых ими закономерностей природы. Основоположники марксизма извлекают и углубляют выводы из материалистических философских учений П. Гольбаха, К. А. Гельвеция, Д. Дидро, Л. Фейербаха, из едких социальных обличений Ф. Вольтера, его насмешек над представлением о действительности как «лучшем из миров», из сочи-

[1] *Ленин В. И.* Еще одно уничтожение социализма.— Полн. собр. соч., т. 25, с. 49.

нений мыслителей, подметивших противоречивость общественной жизни, отсутствие в ней гармонии (Ж.-Ж. Руссо, И. Кант), из явившихся интеллектуальным результатом французской революции конца XVIII века первых исследований о классах и классовой борьбе (О. Тьерри, Ф. Минье, Ф. Гизо) и т. д.

Однако марксистское мировоззрение не было простой суммой накопленных открытий и знаний, не было и всего лишь упорядочившей их системой. Оно преодолело раздробленность, разобщенность достижений труда и разума, тенденцию частных наук, теорий и доктрин замкнуться в себе, претендуя вместе с тем на универсальность своих выводов, не замечая их неполноты, односторонности. Все разрозненные достижения человеческой мысли и практики были, наконец, рассмотрены как составные элементы некоего целого, как разнообразные и противоречивые проявления прогресса мировой цивилизации, которая теперь бросила новый свет и на историю, и на природу. Были раскрыты глубокая связь и взаимоотношения между, казалось бы, разнохарактерными и несопоставимыми фактами и проблемами, которые без конца выявляли развивавшиеся науки и общественная практика. Фрагментарные факты и проблемы, разнообразные аспекты, в которых к ним подходили ученые, многочисленные точки зрения на одни и те же проблемы подверглись аналитической и синтетической обработке и переосмыслению, неузнаваемо преобразившим прежнюю хаотическую картину интеллектуальных усилий человечества.

Верный путь научного творчества, преодолевающего устаревшие идейные системы, состоит не в том, чтобы просто отбросить их, заменяя «другой, односторонней, противоположностью», а в том, чтобы развить дальше созданное предшествующей мыслью, включить ее плодотворные результаты «в нечто более высокое» [1]. Теоретическая деятельность Маркса и Энгельса развивалась именно так. Содержание и метод творческого труда Маркса над мировым идейным наследием Ленин охарактеризовал в следующих словах: «Все то, что человеческою мыслью было создано, он переработал, подверг критике, проверив на рабочем движении, и сделал те выводы, которых ограниченные буржуазными рамками или связанные буржуазными предрассудками люди сделать не могли» [2].

Первой реакцией буржуазных идеологов на возникновение учения Маркса и Энгельса было его замалчивание. Но скоро замалчивание стало невозможным и сменилось классовой клеветой на марксизм. С целью его «посрамления» и «опровержения», сочинения Маркса были объявлены чуть ли не заимствованием из книги Лоренца Штейна «Социализм и коммунизм современной Франции», вышедшей в 1842 году. В. Зомбарт утверждал, будто Штейн больше всех других повлиял на Маркса [3]. Еще Г. В. Плеханов опроверг подобный взгляд П. Струве, который в своей статье «Этюды и

[1] См.: *Ленин В. И.* Философские тетради.— Полн. собр. соч., т. 29, с. 149.

[2] *Ленин В. И.* Задачи союзов молодежи.— Там же, т. 41, с. 304.

[3] См.: *Зомбарт В.* Социализм и социальное движение в XIX столетии. М., 1905, с. 92—93.

заметки к вопросу об истории развития научного социализма» в «Neue Zeit» изобразил Л. Штейна провозвестником идеи борьбы классов. «Тут у него,— заметил Плеханов,— Лоренц фон Штейн является первым провозвестником этой идеи, по крайней мере в немецкой литературе. Г-н Струве думает, что Маркс заимствовал ее у Штейна. Это ни на чем не основанная и совершенно невероятная догадка. Чтобы подкрепить ее, г. Струве нужно было бы доказать, что во время выхода книги Л. фон Штейна о французском социализме Марксу оставались совершенно неизвестны сочинения французских историков времен Реставрации, которые уже твердо держались точки зрения борьбы классов. Г-н Струве этого не доказал и никогда не докажет»[1]. Тщательный анализ взглядов Л. Штейна и отношения к ним его современников приводит к безусловному выводу, что книга Штейна в немецком социалистическом движении, а тем более — в формировании мировоззрения Маркса и Энгельса, не играла той роли, которую ей приписывали буржуазные идеологи и оппортунисты.

Буржуазные идеологи, касаясь философских основ марксизма, пытались представить их в качестве эклектической системы, объединяющей будто бы фейербахианство и гегельянство. П. Пленге силился «доказать», что Маркс в решении исторических и социально-экономических проблем следовал за идеалистическим учением Гегеля[2]. П. Барт заявлял, что вовсе не Маркс и Энгельс, а Сен-Симон является истинным создателем материалистического понимания истории[3]. Что касается экономических воззрений Маркса, то и их самостоятельность буржуазные экономисты пытались поставить под сомнение. Марксу был противопоставлен К. Родбертус, который будто бы первым дал экономическое обоснование социализму. Ревизионисты также старались причислить его к основоположникам теории научного социализма. Р. Люксембург, опровергая эти утверждения, указала, что Родбертус не мог быть таковым, ибо выражал интересы немецкого юнкерства и буржуазии[4].

И в наше время не прекращаются попытки буржуазных авторов представить марксизм в качестве эклектической системы, составленной из теоретических заимствований у историков, экономистов и философов прошлого. Так, неотомист Г. Веттер в книге «Диалектический и исторический материализм» при рассмотрении философии и социологии Маркса и Энгельса отождествляет их диалектику с диалектикой Гегеля[5]. Другой неотомист П. Биго в книге «Марксизм и гуманизм» приписывает гегельянскую идею отчуждения всем произведениям Маркса, включая «Капитал», делая вывод, что Маркс так и не освободился от влияния Гегеля и «всю жизнь оставался гегельянцем»[6]. И. Фетчер в книге «Карл Маркс и марксизм» пытается обнаружить в философской системе Гегеля всю структуру марксистской теории. Различие между ними он видит лишь в том, что у Гегеля история имеет теологический, а у Маркса — будто бы метафизический

---

[1] *Плеханов Г. В.* Избранные философские произведения. М., 1956, т. 1, с. 473.

[2] Типичной в этом смысле представляется и брошюра Г. Леви-Корефа «Карл Маркс и Гегель», в которой утверждается, что основы социально-политического и экономического учения Маркса, а именно теория концентрации капитала и обнищания масс, учение о классовой борьбе и др., будто бы уже содержатся в «Философии права» Гегеля. Социализм Маркса должен быть также выведен оттуда. (См.: *Levy-Koreff H.* Karl Marx und Hegel. Berlin, 1925, S. 20—25).

[3] См.: *Барт П.* Философия истории как социология. Спб., 1902, с. 268—281 и др.

[4] См.: *Люксембург Р.* Накопление капитала. 5-е изд. М.— Л., 1934, т. 1 и 2, с. 154.

[5] См.: *Wetter G.* Dialektischer und historischer Materialismus. Frankfurt a. M.; Hamburg, 1962.

[6] См.: *Bigo P.* Marxisme et humanisme. Paris, 1954, p. 117.

смысл [1]. В современной буржуазной литературе навязчиво утверждается, что учение Маркса представляет собой дальнейшее развитие и новую интерпретацию гегелевской и фейербаховской теории отчуждения, ввиду чего истинная суть марксизма заключена в идеях, изложенных Марксом в ранних рукописях 1844 года. Противники марксизма изобретают все новые аргументы для «доказательства» эпигонского характера взглядов Маркса и Энгельса. Например, В. Таймер утверждает, что «марксизм стоит на почве прагматизма» [2]. Словом, фальсификация марксизма расцвечена всеми цветами — от томизма до экзистенциализма. Но все эти надуманные утверждения буржуазных теоретиков лишены основания. Об этом свидетельствует действительный процесс формирования воззрений Маркса и Энгельса.

Взгляды Маркса и Энгельса формировались и развивались в процессе критического осмысления и переработки прогрессивного содержания учений прошлого, передовых идей в различных областях общественной мысли, творческого освоения достижений естествознания. При этом основоположники марксизма создали принципиально новую, целостную систему взглядов, новое мировоззрение, коренным образом отличающееся от всех прежних мировоззренческих теорий. Новое качественное содержание марксизма по сравнению с предшествующими социальными учениями заключалось в выработке диалектико-материалистической теории и метода рассмотрения явлений окружающего человека мира; в коренном изменении взглядов на общество и его развитие — в создании материалистического понимания истории; в экономическом обосновании неизбежности уничтожения классового общества и возникновения коммунистической общественно-экономической формации; в обосновании всемирно-исторической миссии рабочего класса, который и призван произвести переворот в существующих общественных отношениях. Это была принципиально новая общественная теория, органически связанная с революционным движением рабочего класса.

Еще в прошлом веке Г. В. Плеханов, опровергая попытки буржуазных авторов приписать Марксу заимствования теоретических положений у экономистов и историков прошлого, справедливо заметил: «В политической экономии Маркс так же относится к английским социалистам, как в научном объяснении истории — к Огюстену Тьерри, Гизо или Минье. И тут и там не учителя, а только предшественники, подготовившие некоторый — правда, весьма ценный — материал для теоретического здания, построенного впоследствии Марксом» [3]. Возражая ревизионистам, пытавшимся преувеличить значение предшествующих учений и тем самым принизить принципиально самостоятельное значение марксизма, Плеханов писал: «Дерево, без сомнения, «заимствует» у того семени, из которого оно выходит; но дерево отделяется от семени целым — и очень сложным — процессом развития. То же надо сказать и об

---

[1] См.: *Fetscher I.* Karl Marx und der Marxismus. München, 1967.

[2] *Theimer W.* Der Marxismus: Lehre — Wirkung — Kritik, S. 24.

[3] *Плеханов Г. В.* Избранные философские произведения. М., 1957, т. 3, с. 586 (примечание).

отношении учения Маркса к учению Смита... Ту же мысль можно пояснить и другим сравнением. Уже у Гизо, Огюстена Тьерри и других историков времён Реставрации и Июльской монархии встречается самый несомненный зародыш правильного взгляда на природу и происхождение *борьбы классов. Но только у Маркса этот несомненный зародыш развился в стройную и чуждую противоречий теорию.* Так же обстоит дело и с учением о прибавочной стоимости» [1].

* * *

Характеризуя теоретические источники марксизма, Ленин писал о роли «трех главных идейных течений XIX века, принадлежащих трем наиболее передовым странам человечества: классической немецкой философии, классической английской политической экономии и французского социализма в связи с французскими революционными учениями вообще» [2]. При этом теоретические источники марксизма Ленин не сводил только к этим трем *непосредственным* источникам. Марксизм возник в результате переработки и развития всего богатства накопленных человечеством знаний. Вобрав же в себя в критически переработанном виде лучшие достижения общественной мысли первоначально нескольких европейских народов, марксизм уже с самого начала приобрел интернациональный характер. И если каждый из главных теоретических источников марксизма носил в известном смысле национальный характер, был в основном достоянием общественной мысли одного какого-либо народа, развивался в целом обособленно, то их освоение в формировавшемся марксизме происходило слитно, комплексно, в процессе творческого синтеза и взаимообогащения.

Каждая из основных сфер домарксистской общественной мысли (философия, политическая экономия, социалистические теории) в первой половине XIX века достигла своего классического выражения, но и на этой высокой ступени ни одна из них не смогла дать должного решения возникших комплексных проблем, ибо исчерпала себя на собственной основе. Классическое выражение каждая из них получила именно как самостоятельная отрасль, отделенная от других, что явилось достижением разных народов: диалектическая философия была особенно развита немцами, политическая экономия — англичанами, социалистические учения — преимущественно французами.

Творческий гений этих народов проявился в различных сферах в силу специфики исторических условий национального развития. И английская политическая экономия, и французский социализм, и даже немецкая классическая философия не были, конечно, порождением чисто мыслительных процессов, протекавших в головах

[1] Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова. М., 1973, т. 2, с. 42.

[2] *Ленин В. И.* Карл Маркс.— Полн. собр. соч., т. 26, с. 50.

их творцов: они в той или иной мере и каждый по-своему, зачастую абстрактно и мистифицированно, отразили материальный, объективный, практический опыт экономического, социального, политического, идеологического развития. Экономическую науку в Англии взрастила ее высокоразвитая экономика. Социально-политическую науку во Франции питал ее огромный политический опыт. Философия в Германии развилась в значительной мере потому, что тогдашняя немецкая действительность оставляла лучшим умам ограниченный выбор — либо служить отжившему существующему строю, либо теоретизировать. Однако не отсталость общественной и политической жизни этой страны вызвала расцвет немецкой философии; никакого расцвета не было бы, если бы общественная мысль Германии не подвергалась влиянию более передовых стран, если бы эти страны, по выражению Г. В. Плеханова, «не пришпоривали немецкий ум» [1].

Английские экономисты, наиболее выдающимися среди которых были У. Петти, А. Смит, Д. Рикардо, занялись выяснением роли труда в создании общественного богатства, экономического значения общественного разделения труда, механизма обмена продуктами труда, природы стоимости. Французский социализм подверг острой критике классово-эксплуататорское общество; произведения его выдающихся представителей содержали зародыши плодотворных идей и гениальные догадки о необходимости и характере коренных социальных преобразований. Главным достижением немецкой классической философии явилась диалектика.

Теоретические источники марксизма уже раскрывали для проницательного взгляда возможности взаимодействия и взаимодополнения. Французские социалисты выдвигают проекты коренного преобразования общества, обнажая его пороки, клеймя господствующую в нем несправедливость; французские историки периода Реставрации открывают противоречия социальной структуры, существование классов. Английские экономисты рисуют радужные перспективы общественного прогресса, открываемые свободным действием законов рынка и разделения труда, но обходят основные экономические и социальные противоречия буржуазного общества, в исследовании ряда сторон которого они добились выдающихся результатов. Отличаясь трезвостью взглядов, они умеют ценить факты и стараются провести научную систематизацию своих воззрений. В отличие от них французские социалисты не умеют теоретически обосновать свои взгляды, не видят материальных основ современного общества и предпосылок социализма, не имеют научной методологии, которую возмещают воображением, и остаются утопистами. Рядом с ними — французские материалисты, которые во многом превосходят английскую «эмпирическую» традицию и немецкий идеализм, смело наносят удары фидеизму, мра-

[1] См.: Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова. М., 1974, т. 3, с. 57.

кобесию, невежеству. Но в то же время они подчиняются методу естественных наук своего времени и впадают в механицизм, проявляют метафизичность, а потому не могут предложить социалистам необходимый метод. Французские историки, открыв классы и классовую борьбу, отнюдь не стали от этого революционными идеологами и политиками (достаточно сослаться на Ф. Гизо, который фактически руководил всей политикой режима Июльской монархии).

В Германии не было еще «политических голов» (как во Франции) и «экономических голов» (как в Англии), но в ней были «философские головы»; высокое идеологическое и теоретическое развитие контрастировало с экономической, социальной и политической неразвитостью страны. Величайший представитель немецкого философского идеализма Гегель разрабатывает гигантскую диалектическую систему, отвергая метафизику, статичность, механистичность в мышлении. Но эта система тем не менее оставалась «колоссальным недоноском» — диалектика имела абстрактный, умозрительный, «спекулятивный» вид, ее метод был по своему существу идеалистическим [1]. Характерной особенностью философской мысли в Германии было превратное понимание ею действительности, общественных отношений, привычка «мыслить то, что англичане и французы делают», и видеть реальность через призму своих идеологических схем и догм, вера в «царство Разума», надежды на то, что «Разум» одарит Германию либеральной революцией.

С такой «немецкой идеологией» немилосердно рассчитались Маркс и Энгельс во многих своих произведениях, обличая ее туманность, бессилие, бегство от жизни и борьбы. Эта очистительная творческая работа с полной силой развернулась уже в первые эмигрантские годы молодых творцов нового мировоззрения. Происходит открытие настоящей Франции (Марксом) и настоящей Англии (Энгельсом) — реальных, а не иллюзорных,— то есть капиталистических обществ, в которых кипит ожесточенная классовая борьба. Была, таким образом, открыта реальность, которую высокопарная немецкая философия предпочитала не видеть,— реальность классовых схваток между пролетариатом и буржуазией, первые шаги рабочего движения. Это и побудило Маркса и Энгельса оглянуться на «немецкую идеологию», которая обманула их в юношеские годы и продолжала обманывать их недавних друзей и единомышленников, оставшихся на старых позициях: искажала одни и совершенно замалчивала другие реальные отношения (таковы взгляды младогегельянцев, подвергнутые уничтожающему анализу в первых совместных произведениях Маркса и Энгельса «Святое семейство» и «Немецкая идеология»).

---

[1] См.: *Энгельс Ф.* Карл Маркс «К критике политической экономии».— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 495.

* * *

Путь человеческой мысли к диалектико-материалистическому пониманию мира был тернист и сложен. Достижения теоретического познания перемежались бесплодными исканиями, заблуждениями, односторонними суждениями о действительности. Отыскание зерен истины происходило в противоречиях, являлось результатом деятельности многих поколений. В этом процессе развития философского знания материализм представлял собой прогрессивное направление. Анализируя философский процесс, Маркс подметил внутреннюю логическую связь между французским материализмом XVIII века, который явился более высокой формой предшествующего развития материалистического мировоззрения, и представлениями утопистов о социализме и коммунизме. «Не требуется большой остроты ума,— писал Маркс,— чтобы усмотреть необходимую связь между учением материализма о прирожденной склонности людей к добру и равенстве их умственных способностей, о всемогуществе опыта, привычки, воспитания, о влиянии внешних обстоятельств на человека, о высоком значении промышленности, о правомерности наслаждения и т. д.— и коммунизмом и социализмом» [1].

Маркс и Энгельс исследовали историю философии как историю накопления теоретического знания, обнаружив в развитии философии закономерный процесс, обусловленный развитием естествознания, общественного производства и борьбой классов. Но в сознании идеологов господствующих классов результаты познания представлялись в искаженном свете — «в рамках ложной, но для своего времени и для самого хода развития неизбежной идеалистической формы» [2].

Процесс познания происходил в борьбе материализма с идеализмом. Идеалистические учения, ложно отражая действительность, тем не менее в искаженной форме нередко скрывали глубокое содержание, выдвигали рациональные идеи. Среди них особую ценность представляла гегелевская диалектика. Энгельс в этой связи указывал, что при чтении произведений Гегеля необходимо отыскивать «под неправильной формой и в искусственной связи верное и гениальное» [3], говорил о необходимости «вышелушивания» из идеалистических учений ценных результатов.

Маркс и Энгельс поняли необходимость выделения в теоретическом познании рационального, прогрессивного и отсечения всего реакционного, что связано с идеалистическим мировоззрением. Но в предшествующем материализме они разглядели метафизическую и механистическую односторонность, неспособность применить ма-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Святое семейство.— Соч., т. 2, с. 145.

[2] См.: *Энгельс Ф.* Диалектика природы.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 513.

[3] См.: Энгельс — Конраду Шмидту, 1 ноября 1891 г.— Там же, т. 38, с. 177.

терналистический принцип к объяснению общественной жизни. Для того чтобы сделать материализм основой научного социализма, предстояло преодолеть его созерцательный, метафизический характер, распространить на развитие общества и органически слить с практикой революционного движения пролетариата.

В противоположность метафизическому материализму деятельную сторону познания в абстрактной форме развивал идеализм. Именно эта сторона учения Гегеля и особенно младогегельянцев привлекла Маркса и Энгельса в пору их идейных исканий на подступах к материализму. Диалектический метод Гегеля они начали применять при истолковании общественно-исторических и экономических процессов еще в период, когда находились на революционно-демократических позициях. Но диалектический метод, разработанный Гегелем в его идеалистической системе, Маркс и Энгельс восприняли творчески, очистили от идеализма, переработали материалистически, соединив с материалистическим пониманием действительности.

В идейной эволюции Маркса и Энгельса от идеализма к материализму важную роль сыграли материалистические произведения Л. Фейербаха. Его «Сущность христианства», «Основы философии будущего» и другие книги, в которых были подвергнуты критике религия и идеалистическая философия, оказали существенное влияние на Маркса и Энгельса, ускорив их отход от идеалистических воззрений, пересмотр ранних философских позиций. С позиций материализма Фейербах подверг критике идеалистический подход Гегеля к человеку и его отношению к миру. Не существует мирового Разума, оторванного от реального человека, писал Фейербах, «новая философия, разумеется, также опирается на разум, но на разум, сущность которого сводится к человеческой сущности, таким образом, опирается не на тот безымянный разум, который лишен сущности, лишен красок, но на разум, насыщенный человеческой кровью» [1]. Антропологический материализм Фейербаха был направлен против идеализма и теологии. В нем содержались плодотворные попытки (хотя и в несовершенной форме) рассмотреть вопрос о практической деятельности человека.

Разделяя критику Фейербахом идеалистических воззрений Гегеля на мир и человека, Маркс и Энгельс не согласились с его антропологическим принципом, игнорировавшим общественные отношения и общественную жизнь, и с его отрицательным отношением к диалектическому методу. Они никогда не были безоговорочными сторонниками философских взглядов Фейербаха. Восприняв некоторые его материалистические идеи, они преодолевали в процессе выработки своего нового взгляда на мир и человека односторонности и слабости всего прежнего, в том числе фейербаховского материализма. В этом преодолении важное значение имели

[1] *Фейербах Л.* Избранные философские произведения. М., 1955, т. 1, с. 198.

как материалистическая разработка ими диалектического метода, так и приобщение философии к действительной жизни, раскрытие природы человека как социального, а не просто биологического существа.

Философские взгляды основоположников марксизма явились результатом осмысления и критической переработки достижений не только немецкой классической философии. Ранние труды Маркса и Энгельса показывают, что ими глубоко и тщательно были изучены древнегреческая философия, произведения английских и французских мыслителей.

На становление философской системы Маркса и Энгельса и особенно на ее дальнейшее развитие оказали влияние успехи в области естествознания. Уже в начале XIX века в естествознание пробивались идеи, отражавшие так или иначе диалектику самой природы. Это был период, писал Энгельс, когда «уже достаточно были разработаны и геология, и эмбриология, и физиология растений и животных, и органическая химия, и когда на основе этих новых наук уже повсюду зарождались гениальные догадки, предвосхищавшие позднейшую теорию развития (например, Гёте и Ламарк)»[1]. С конца 30-х годов XIX века началась полоса великих естественнонаучных открытий, которые с очевидностью опровергали прежний метафизический взгляд на природу, властно вносили в естествознание идею развития. Три великих открытия — открытие клеточного строения всего живого, закон сохранения и превращения энергии и теория органической эволюции — стремительно двинули вперед естественные науки, успехи которых с естественнонаучных позиций подготавливали диалектико-материалистическую теорию развития.

Объективный ход развития естествознания неуклонно подводил к сознательному диалектическому взгляду на мир, ставя перед философией новые задачи. Энгельс писал, что диалектический характер процессов природы стал приковывать внимание теоретической мысли; все неизменное улетучилось, все признававшееся вечным стало считаться преходящим, вся природа предстала в вечном потоке и круговороте[2]. Новые идеи в естествознании, раскрывая диалектику природы, своим объективным содержанием подводили к мысли, что развитию подвержены и события человеческой истории, которая не могла быть исключением из общей закономерности объективной действительности.

Для формирования взглядов Маркса и Энгельса большое значение имело изучение ими исторической и экономической литературы. В рабочих тетрадях Маркса содержатся многочисленные выписки из работ по истории Англии, Франции, Германии, Соединенных Штатов Америки, Италии и других стран, по истории и

---

[1] *Энгельс Ф.* Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 287.

[2] См.: *Энгельс Ф.* Диалектика природы.— Там же, т. 20, с. 354.

теории государства, по истории французской буржуазной революции конца XVIII века и т. д. Эти выписки и замечания на полях книг из его личной библиотеки свидетельствуют о внимательном изучении всемирной истории, о проникновении в суть изучаемых исторических событий и явлений. Особое внимание Маркс уделял анализу работ по истории французской революции, опыт которой он тщательно изучал. Исторические работы давали фактический материал для выводов о классовой борьбе, о позиции различных классов. В 40-х годах Маркс и Энгельс познакомились с произведениями французских историков, впервые заговоривших о классовой борьбе в период буржуазных революций.

Великий революционный переворот, осуществленный Марксом и Энгельсом в общественной науке, состоял в создании научного мировоззрения пролетариата, в разработке диалектико-материалистической теории, объясняющей развитие природы и общества, в создании материалистического понимания истории — социологической основы революционного движения рабочего класса. Материалистическое понимание истории было величайшим достижением человеческой мысли, не просто логическим следствием из философии диалектического материализма, но и результатом глубокого проникновения в существо объективного исторического процесса. При этом важную роль сыграло то обстоятельство, что Маркс и Энгельс, изучая революционное движение народных масс и активно участвуя в политической жизни, на практике столкнулись с противоречиями социальной действительности, борьбой классов, приобщились к рабочему движению.

Создание материалистического понимания истории — одно из глубоких выражений революционного переворота, который марксизм совершил в общественной науке. Распространение материализма на область общественной жизни означало «достройку материализма доверху», преодоление ограниченностей, свойственных всему домарксовскому материализму, прежде всего — идеалистической трактовки общественных явлений, игнорирования роли народных масс в истории. Идеализм был изгнан из своего последнего убежища. «Хаос и произвол, царившие до сих пор во взглядах на историю и на политику,— писал Ленин,— сменились поразительно цельной и стройной научной теорией, показывающей, как из одного уклада общественной жизни развивается, вследствие роста производительных сил, другой, более высокий,— из крепостничества, например, вырастает капитализм» [1].

Исторический материализм является теорией и методологией исследования общественного развития. Он представляет собой теорию общества, источников и движущих сил социального прогресса и одновременно — общую концепцию всемирной истории, дает ее периодизацию. Поэтому его создание имело в высшей степени ре-

---

[1] *Ленин В. И.* Три источника и три составных части марксизма.— Полн. собр. соч., т. 23, с. 44.

волюционные последствия как для общественных наук, так и для освободительного движения рабочего класса. Открыв основу общественной жизни — развитие производительных сил и производственных отношений, марксизм сформулировал основной закон исторического процесса: каждая новая ступень экономического развития общества образует основу, на которой существуют и развиваются классы, социальные институты, государство, все формы общественного сознания. Маркс «указал путь к научному изучению истории, как единого, закономерного во всей своей громадной разносторонности и противоречивости, процесса» [1].

С созданием материалистического понимания истории, отметил Энгельс, «социализм... стал рассматриваться не как случайное открытие того или другого гениального ума, а как необходимый результат борьбы двух исторически образовавшихся классов — пролетариата и буржуазии» [2].

Научным подвигом Маркса и Энгельса явилось открытие всемирно-исторической роли рабочего класса. Материалистическое понимание истории дало рабочему классу ориентировку в его революционной деятельности, обосновало решающую роль трудящихся масс в истории. Созданная Марксом и Энгельсом теория классовой борьбы выявила основное содержание и движущую силу исторического процесса в антагонистическом обществе, показала решающее значение классовой борьбы пролетариата для ликвидации капитализма и перехода к социализму, явилась основой для разработки стратегии и тактики революционной борьбы пролетариата и его партии.

Хотя в истории марксизма философско-социологическое обоснование социализма выступает по времени раньше, чем его экономическое обоснование, анализ экономических проблем в целях выяснения их значения для научной теории социализма начался еще в ранний период формирования марксизма. Теоретическим источником для этого послужила классическая английская политическая экономия. Маркс и Энгельс внимательно изучают экономические учения Адама Смита и Давида Рикардо, созданную ими трудовую теорию стоимости и оценивают ее значение для исследования экономических законов капитализма. Из трудовой теории стоимости вытекал вывод о роли рабочего класса как главной производительной силы буржуазного общества, созидателя общественных богатств, который был существенно важен для формирования представления о роли народных масс в истории и всемирно-исторической миссии пролетариата.

Но, высоко оценивая теоретическое значение трудов классиков политической экономии, некоторое время разделяя многие их идеи, Маркс и Энгельс с первых же шагов своих экономических

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Карл Маркс.— Полн. собр. соч., т. 26, с. 58.

[2] *Энгельс Ф.* Развитие социализма от утопии к науке.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 208—209.

занятий подметили классовую ограниченность буржуазной политической экономии, ее коренные слабости и пороки, особенно ее метафизический метод, апологетику в ней буржуазного строя, стремление скрыть нарастание противоречий между капиталом и трудом.

Опираясь на рациональные идеи и достижения классической политической экономии, но при этом подвергая их тщательному критическому разбору и творческой переработке, Маркс при участии Энгельса создал совершенно новое экономическое учение, коренным образом отличающееся от буржуазной политической экономии,— пролетарскую политическую экономию. Были открыты и прослежены в действии экономические законы капитализма. Диалектико-материалистической переработке подверглась теория стоимости. На этой основе Маркс создал теорию прибавочной стоимости, явившуюся краеугольным камнем пролетарской политической экономии. Теория прибавочной стоимости раскрыла «механизм» капиталистической эксплуатации, который глубоко завуалирован буржуазными отношениями. Экономическое учение марксизма, всесторонне разработанное в «Капитале», выявило объективный источник коренного различия в положении пролетариата и буржуазии, показало непримиримость их классовых интересов, дало экономическое обоснование обреченности капитализма и неизбежности перехода общества к социалистическому строю. Практически-революционные выводы из марксистской политической экономии послужили обоснованию и положений научного коммунизма, стратегии и тактики классовой борьбы пролетариата за свержение капиталистического строя и построение коммунистического общества.

Важнейшим теоретическим источником марксизма явился также критически-утопический социализм, учения А. Сен-Симона, Ш. Фурье, Р. Оуэна, которые, как писал Энгельс, «несмотря на всю фантастичность и весь утопизм их учений, принадлежат к величайшим умам всех времен и которые гениально предвосхитили бесчисленное множество таких истин, правильность которых мы доказываем теперь научно...» [1].

Когда в странах Западной Европы свершились первые буржуазные революции и в обществе воцарилась буржуазная свобода, то быстро выяснилось, что долгожданная «свобода» на деле означает новую систему угнетения и эксплуатации трудящихся, не менее тяжелую, но более изощренную, чем прежние. Как протест против нового гнета и эксплуатации стали возникать различные социалистические учения. «Но первоначальный социализм,— писал Ленин,— был *утопическим* социализмом. Он критиковал капиталистическое общество, осуждал, проклинал его, мечтал об уничтожении его, фантазировал о лучшем строе, убеждал богатых в

[1] См.: *Энгельс Ф.* Добавление к предисловию 1870 г. к «Крестьянской войне в Германии».— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 499.

безнравственности эксплуатации. Но утопический социализм не мог указать действительного выхода. Он не умел ни разъяснить сущность наемного рабства при капитализме, ни открыть законы его развития, ни найти ту *общественную силу,* которая способна стать творцом нового общества» [1].

Утопический социализм не мог разрешить эти проблемы, ибо оставался в целом на почве идеалистического понимания истории. «Незрелому состоянию капиталистического производства,— объяснял Энгельс,— незрелым классовым отношениям соответствовали и незрелые теории. Решение общественных задач, еще скрытое в неразвитых экономических отношениях, приходилось выдумывать из головы» [2]. Но в учениях критически-утопических социалистов XIX века содержались рациональные моменты, правильные идеи и догадки относительно будущего общества. Социалисты опережали свое время и исторические условия; они, замечает Ленин, «смотрели в ту же сторону, куда шло и действительное развитие; они действительно *опережали* это развитие» [3].

В учении Сен-Симона Энгельс особо отмечал мысли о закономерности общественных явлений, ввиду чего изучение общества должно стать столь же строгой наукой, как и естествознание. Разумным было соображение Сен-Симона о том, что нужды промышленности имеют решающее значение в истории человечества. Основоположники марксизма высоко ценили трезвый и смелый взгляд Фурье на общественный прогресс, его мысли о труде и выгодах ассоциации в будущем обществе. Энгельс отмечал у Фурье исключительно глубокую и остроумную критику буржуазного общества.

Оуэн в Англии — стране наиболее развитого капиталистического производства — развивал мысль о преодолении классовых различий в обществе на базе крупной промышленности [4]. Именно понимание того, что только могучие производительные силы могут стать основой преобразования буржуазного общества, прежде всего привлекло внимание Маркса и Энгельса к взглядам Оуэна. Привлекала их и критика Оуэном противоречий в английском обществе, понимание антагонизма между рабочими и капиталистами. В отличие от французских социалистов Оуэн держался того взгляда, что рост производительных сил углубляет разделение общества на наемных рабочих и предпринимателей. Во взглядах Оуэна Маркс и Энгельс видели реалистические элементы, отражавшие действительные тенденции общественного развития: понимание значения машинной техники в качестве фундамента будущего общества; подчеркивание значения науки в развитии производительных сил и преобразовании общества; указание на роль труда в общественном прогрессе, на роль рабочих в создании общественных богатств; понимание необходимости соединения умственного и физического труда.

В Германии на рубеже 30—40-х годов XIX века возник рабочий коммунизм — разновидность утопического социализма. Его родоначальником и теоретиком явился не представитель интеллигенции, а портной-ремесленник Вильгельм Вейтлинг. Критикуя

---

[1] *Ленин В. И.* Три источника и три составных части марксизма.— Полн. собр. соч., т. 23, с. 46.

[2] *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 269.

[3] См.: *Ленин В. И.* К характеристике экономического романтизма.— Полн. собр. соч., т. 2, с. 240.

[4] См.: *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 18.

абстрактный характер немецкого утопического социализма того времени, Маркс и Энгельс выделяли Вейтлинга, ставя ему в заслугу обличение буржуазного строя и пропаганду социалистических идей среди немецких рабочих. Главное произведение Вейтлинга «Гарантии гармонии и свободы», решая в целом идеалистически вопрос о движущих силах истории, содержало некоторые рациональные мысли о возникновении классов и эксплуатации, о взаимоотношении классов в буржуазном обществе. Маркс назвал это произведение Вейтлинга «*беспримерным* и блестящим литературным дебютом немецких рабочих»[1]. Впоследствии Энгельс оценил рабочий коммунизм Вейтлинга в качестве «первого самостоятельного теоретического движения немецкого пролетариата»[2]. Когда же ввиду незрелости и сектантских тенденций взгляды Вейтлинга превратились в идейное препятствие на пути развития рабочего движения, Маркс и Энгельс резко критиковали принципы его «уравнительного» коммунизма.

Историческая заслуга выдающихся представителей критически-утопического социализма состояла в том, что они подвергли обличительной критике пороки буржуазного общества и выдвинули в качестве альтернативы капитализму социалистический идеал в более развитой форме, чем это делали их предшественники. В их трудах были высказаны важные идеи о значении промышленности в развитии общества, о будущем устройстве общества и об управлении общественными делами. Поставленные ими проблемы привлекли внимание и стимулировали мысль основоположников марксизма.

Вместе с тем социалистам-утопистам были присущи историческая ограниченность, объяснявшаяся незрелостью капиталистических отношений, и коренные слабости, связанные с идеалистическим пониманием общественного развития. В свое время они не могли подняться до понимания классового, пролетарского характера социалистического идеала, не могли увидеть реальных путей его достижения, заблуждались насчет методов социалистического преобразования общества. Критически-утопический социализм не был связан с революционным рабочим движением, которое делало только первые свои шаги. Не поднявшись до изучения закономерностей общественного развития, он апеллировал к разуму, добрым чувствам и побуждениям абстрактного человека, отчего проистекали аполитичность и мирно-реформаторский характер его практических планов и рекомендаций.

Маркс и Энгельс, создавая новое мировоззрение, на основе материалистического понимания истории и экономического учения преодолели коренные слабости утопического социализма. Открыв всемирно-историческую роль пролетариата как могильщика капитализма и созидателя социалистического общества, они соверши-

[1] См.: *Маркс К.* Критические заметки к статье «Пруссака» «Король прусский и социальная реформа».— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 444.

[2] См.: *Энгельс Ф.* К истории Союза коммунистов.— Там же, т. 21, с. 217.

ли переворот в представлениях о будущем обществе, поставив учение о социализме и коммунизме на прочный фундамент научного знания.

* * *

Диалектика отрицания и преемственности пронизывала процесс формирования марксизма, творческой переработки его основоположниками, критического освоения и синтеза достижений передовой мысли и культуры человечества. Маркс и Энгельс отвергли предпринимавшиеся в конце 30 — начале 40-х годов идеологами Союза справедливых (до его преобразования в Союз коммунистов) незрелые попытки бессистемного освоения теоретических источников. Вспоминая о годах работы в Союзе коммунистов, Маркс писал: «Мы... подвергли беспощадной критике ту смесь французско-английского социализма или коммунизма с немецкой философией, которая составляла тогда тайное учение Союза; вместо этого мы выдвигали научное изучение экономической структуры буржуазного общества как единственно прочную теоретическую основу...» [1]

Результатом работы основоположников марксизма с теоретическими источниками было вовсе не суммирование этих источников, не их механическое соединение (при котором неизбежно сохранились бы ограниченность и слабости каждого источника). Три источника, зародившиеся исторически без реальной взаимосвязи и взаимодействия, дали только материал для создания единой мировоззренческой системы. Прежние черты обособленности источников при новом подходе к ним сменяются в марксизме согласованием и взаимопроникновением его частей, сторон единого целого. Появляется качественно новое — как по отношению к источникам, так и по отношению к мировоззрению, теории, науке, идеологии всего предшествующего времени. Не сумма и не механическое соединение, а преобразование содержания и смысла, устраняющее отрыв от реальности, безжизненность, всякое извращение, классово-корыстную интерпретацию; не только слияние, объединение, но прежде всего возвышение, восхождение на неизмеримо более высокий уровень теоретического сознания, на пролетарскую классовую позицию — единственную высоту, с которой становятся видны все наносы идеологических мистификаций, скрывающие под собой существо классового господства и эксплуатации, классовые интересы, с которой различимы и сознательный обман, и невольные иллюзии идеологов.

Так, восприняв и материалистически переработав высшее достижение классической немецкой философии — диалектику, Маркс и Энгельс создали научный метод критического анализа английской политической экономии и французских теорий социализма, шаг за шагом формируя подлинно научный социализм. Эта идей-

[1] *Маркс К.* Господин Фогт.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 14, с. 451.

ная перестройка сопровождалась выработкой учения о пролетарском движении. Энгельс заметил, что «материалистическое понимание истории и его специальное применение к современной классовой борьбе между пролетариатом и буржуазией стало возможно только при помощи диалектики» [1]. Диалектический материализм, писал Энгельс, «представляет собой не простое восстановление старого материализма, ибо к непреходящим основам последнего он присоединяет еще все идейное содержание двухтысячелетнего развития философии и естествознания, как и самой этой двухтысячелетней истории» [2].

И другие составные части марксизма поднялись на новый качественный уровень в результате взаимообогащения достигнутыми результатами и взаимодействия в системе целостного мировоззрения. Если изучение классической немецкой философии позволило более глубоко вскрыть метафизическую ограниченность классической буржуазной политической экономии, то, в свою очередь, изучение классической политической экономии дало возможность глубже понять роль материально-экономических факторов в жизни общества и тем самым основательнее показать несостоятельность идеализма, а изучение критически-утопического социализма плодотворно повлияло не только на формирование научного коммунизма, но и на разработку диалектического и исторического материализма и экономического учения марксизма.

Итак, опираясь на теоретические источники, марксизм формировался как целостное учение, стройная система философских, экономических и социально-политических взглядов, положений и выводов. И если теоретические источники марксизма развивались разобщенно, то составные части марксизма — философия диалектического материализма, пролетарская политическая экономия, теория научного коммунизма — внутренне связаны, взаимно дополняют, обусловливают друг друга, образуя диалектическое единство и целостность.

Поэтому все попытки буржуазных теоретиков расщепить марксистское учение на части, якобы не связанные между собой, являющиеся к тому же результатом механического заимствования из буржуазных учений прошлого, несостоятельны. Еще при жизни Маркса и Энгельса предпринимались попытки «доказать» отсутствие внутреннего единства между составными частями марксизма. Позже эти попытки приобрели систематический характер в сочинениях буржуазных теоретиков — В. Зомбарта, Т. Масарика, ревизионистов — Э. Бернштейна, П. Кампфмейера и др. На заре XX века в одном американском издании утверждалось: «Главные элементы идей Маркса изложить легко; попытки же придать им связный вид наталкиваются на трудность. Сомнительно, чтобы сам Маркс смог бы когда-либо привести в полное единство свои взгляды... Марксизм как историческое явление... представляет собой совокупность слабо связанных друг с другом идей, из которых то одна, то другая выхватываются в зависимости от того, что

---

[1] *Энгельс Ф.* Предисловие к первому немецкому изданию «Развития социализма от утопии к науке».— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 322—323.

[2] *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг.— Там же, т. 20, с. 142.

нужно для текущей политической дискуссии»[1]. В. Зомбарт стремился представить марксизм в качестве учения, лишенного монизма, полного противоречий. «Революционер,— утверждал он,— берет из них (из произведений Маркса.— *Ред.*) себе оружие так же хорошо, как и убежденный эволюционист»[2]. В современной буржуазной литературе подобную линию дискредитации марксизма продолжают Ю. Бохеньский, М. Ланге, Г. Веттер и др.

Но ухищрения противников марксизма тщетны. Вся история формирования и дальнейшего развития марксизма показывает, что составные части марксизма, все входящие в него идеи, положения и выводы составляют единство, скрепленное диалектическим методом, опирающееся на материалистическую теорию общества и вытекающее из единой природы и задач революционного движения рабочего класса. И если в различные исторические периоды в едином, целостном учении марксизма в зависимости от конкретных условий и задач рабочего движения на первый план и выдвигаются те или другие его составные части и стороны, то происходит это в пределах и на основе его целостности. И это обстоятельство, как видно из всего дальнейшего изложения, составляет не слабость, а силу марксизма, выступает проявлением его творческой подвижности и универсальности.

3. ПРЕВРАЩЕНИЕ СОЦИАЛИЗМА ИЗ УТОПИИ В НАУКУ

Задавленные непосильным гнетом эксплуататоров и угнетателей, люди труда издавна мечтали о лучшей доле, об уничтожении подневольного труда и неравенства, о свободе и справедливости. Лучшие умы человечества, отражая вековечные чаяния простых людей, рисовали фантастические картины будущего, разного рода социальные утопии, нередко сопровождавшие народный протест против угнетения и эксплуатации. Идеальный строй, основанный на общности имущества и совместном труде, изобразил в своей утопии английский мыслитель XVI века Томас Мор. О справедливом обществе без эксплуатации мечтал итальянский мыслитель XVII века Томмазо Кампанелла. Народные чаяния о справедливом обществе без крупной частной собственности и эксплуатации нашли отражение в требованиях Томаса Мюнцера — одного из вождей крестьянской войны в Германии в XVI веке, в лозунгах «истинных левеллеров» (уравнителей) в период английской буржуазной революции XVII века, в требованиях «регуляторов» времен американской буржуазной революции XVIII века. В XVIII веке во Франции возникли утопические теории Ж. Мелье, Морелли, Г. Мабли, Г. Бабефа, в XIX веке — учения Э. Кабе и Т. Дезами.

В первой трети XIX века в условиях все большего выявления

---

[1] Annals of the American Academy of Political and Social Science, 1901, November, p. 6—7.

[2] *Sombart W.* Das Lebenswerk von Karl Marx. Jena, 1909, S. 5.

в буржуазном обществе классовых противоречий появились глубокие социальные утопии А. Сен-Симона, Ш. Фурье и Р. Оуэна, имевших последователей во многих странах Европы, в том числе в России. Сен-Симон эпиграфом к одному из своих сочинений избрал вещие слова: «Золотой век, который слепое предание относило до сих пор к прошлому, находится впереди нас».

Но великие социалисты-утописты XIX века, как и их предшественники, не могли преодолеть горизонт, который ставили им существующие общественные отношения. Утопизм их учений объясняется тем, что они создавались в то время, когда в общественных условиях еще невозможно было усмотреть реальной экономической и социальной основы для коренных общественных преобразований и найти решение этой задачи в самом развитии существующего общества. Поэтому социалисты-утописты решение социальных проблем искали в области мысли и для реализации своих проектов наивно обращались к разуму и добродетели имущих классов. Только с развитием капитализма, когда возникли соответствующие материальные предпосылки и ясно выявились объективные тенденции, ведущие к социалистическому переустройству общества, а классовые антагонизмы обнажились, предельно упростились и обострились, лишь тогда создались объективные условия для появления научной теории социализма и коммунизма.

Характеризуя взгляды Сен-Симона, Фурье и Оуэна, Энгельс в произведении «Развитие социализма от утопии к науке» писал: «Общим для всех трех является то, что они не выступают как представители интересов исторически порожденного к тому времени пролетариата. Подобно просветителям, они хотят сразу же освободить все человечество, а не какой-либо определенный общественный класс в первую очередь» [1]. В пролетариате они видели лишь угнетенное, страдающее сословие, помощь которому могла быть оказана только извне. «Социализм для них всех есть выражение абсолютной истины, разума и справедливости, и стоит только его открыть, чтобы он собственной силой покорил весь мир...» [2]

Хотя у Сен-Симона и Оуэна и обнаруживаются некоторые подходы к идее закономерности общественного прогресса, представителям утопического социализма было свойственно идеалистическое понимание истории. Они отвергали борьбу классов, выступали мирными реформаторами, хотя видели антагонистические противоречия в обществе; их социальные планы и рецепты, не опиравшиеся на науку, были утопичны, неосуществимы.

Только Маркс и Энгельс создали подлинную науку об обществе — научный коммунизм. Они дали ответы на вопросы, которые передовая мысль человечества поставила, но не смогла ре-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 19, с. 191.
[2] Там же, с. 201.

шить. Указав реальные пути и средства осуществления исторических задач социалистического преобразования общества, они совершили революционный переворот в общественной науке. Учение Маркса и Энгельса ознаменовало вместе с тем коренной перелом в освободительном движении, позволив поднять его на ступень сознательной борьбы.

В противоположность утопистам Маркс и Энгельс взглянули на развитие общества как на закономерный процесс, который характеризовался сменой исторических фаз. В потоке исторических событий, случайностей и произвольных действий людей они обнаружили историческую необходимость, закономерное возникновение и смену эпох, чередование общественных формаций. Маркс и Энгельс открыли объективные законы общественного развития, выяснили его направление и перспективу. Они научно доказали, что социализм и коммунизм — не выдумка мечтателей, не благое пожелание утопистов, а закономерный результат общественного развития, следующая после капитализма ступень существования общества, будущее всего человечества. «Теоретические положения коммунистов ни в какой мере не основываются на идеях, принципах, выдуманных или открытых тем или другим обновителем мира,— гласил «Манифест Коммунистической партии».— Они являются лишь общим выражением действительных отношений происходящей классовой борьбы, выражением совершающегося на наших глазах исторического движения» [1]. Ленин отмечал, что у Маркса нет ни тени утопизма в доказательстве неизбежности коммунистической стадии общественного развития. «Маркс ставит вопрос о коммунизме, как естествоиспытатель поставил бы вопрос о развитии новой, скажем, биологической разновидности, раз мы знаем, что она так-то возникла и в таком-то определенном направлении видоизменяется» [2].

Научное обоснование будущего коммунистического общества коренным образом отличало марксизм от всех форм утопического социализма. Оно было связано с открытием и обоснованием Марксом и Энгельсом всемирно-исторической роли рабочего класса, которое опиралось на строго научный анализ основных тенденций развития капиталистического способа производства и социальных отношений. Научные исследования и общественно-политическая деятельность привели Маркса и Энгельса на позиции пролетариата, и этот переход явился решающим условием превращения ими социализма из утопии в науку. «Коммунизм,— писал Энгельс,— поскольку он является теорией, есть... теоретическое обобщение условий освобождения пролетариата» [3]. Только с позиций единственного до конца революционного класса основоположники марк-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 438.

[2] *Ленин В. И.* Государство и революция.— Полн. собр. соч., т. 33, с. 85.

[3] *Энгельс Ф.* Коммунисты и Карл Гейнцен.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 282.

сизма могли увидеть объективные тенденции и перспективу исторического развития, его неотвратимое движение к коммунизму. Вместе с тем теория социализма и коммунизма перестала быть доктринерской системой, утопией, став отныне осознанным выражением целей и задач рабочего движения, духовным оружием пролетариата, наставляя его на правильный путь, вооружая пониманием перспектив революционной борьбы.

Превращение социализма из утопии в науку произошло благодаря раскрытию Марксом и Энгельсом общественной природы человека, материалистического истолкования общественных отношений. Отвлеченным мечтам о человеческом счастье и утопическим иллюзиям гуманистов прошлого с их созерцательностью и пассивностью противостоял теперь гуманизм реальный, пролетарский, действенный, основанный на революционной борьбе против эксплуатации и угнетения, за создание социалистического общества.

Теоретической основой превращения социализма из утопии в науку явились два великих открытия Маркса: материалистическое понимание истории и теория прибавочной стоимости, раскрывшая тайну капиталистической эксплуатации, показавшая вопиющую несправедливость буржуазного строя, закономерность революционной классовой борьбы пролетариата за его уничтожение. «Благодаря этим открытиям,— писал Энгельс,— социализм стал наукой, и теперь дело прежде всего в том, чтобы разработать ее дальше во всех ее частностях и взаимосвязях» [1]. Таким образом две составные части марксизма — философская и экономическая — способствовали всестороннему развитию третьей составной части — теории научного коммунизма.

Противники марксизма пытались заявлять, что теория социализма Маркса и Энгельса будто бы лишена научно-объективного характера и отражает лишь их априорно-субъективные предположения. В наиболее откровенной форме эту точку зрения выражал в своих выступлениях Э. Бернштейн, который в венской газете «Die Zeit» писал: «Между прочим, стоило бы когда-нибудь заняться более подробным исследованием того, насколько такая теория, как социалистическая, предметом которой является то, что лишь должно произойти, может вообще быть наукой, и таковой ли ей быть необходимо» [2]. В журнале «Sozialistische Monatshefte» Бернштейн утверждал, что «доктрина, в которой начинает играть роль наша воля, перестает быть чистой наукой» [3]. Занявшись опровержением научного характера марксистской теории социализма, Бернштейн потерпел полный провал. Но и в наше время буржуазные философы, социологи, историки продолжают линию на опровержение научного характера теории социализма Маркса и Энгельса, силясь представить ее в качестве учения, основанного на предположениях и пожеланиях. Однако все их усилия тщетны.

Открыв всемирно-историческую миссию рабочего класса, показав ее объективные основы, Маркс и Энгельс подчеркнули, что

---

[1] *Энгельс Ф.* Развитие социализма от утопии к науке.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 209.

[2] Die Zeit, 1899, 15.VI.

[3] Sozialistische Monatshefte, 1901, N 8, S. 603.

для осуществления этой миссии необходимо, чтобы рабочий класс проникся научным мировоззрением и в своей революционной борьбе руководствовался научной теорией освободительного движения. Они разъяснили значение революционной теории в борьбе против капитализма и в социалистическом преобразовании общества.

Теоретическая мысль в прошлом играла, конечно, ту или иную роль в освободительном движении, ставя перед ним вдохновлявшие людей социальные задачи. Но никогда прежде она не выражала прямо — и не могла выразить — классовые интересы пролетариата, его цели и задачи, не могла послужить путеводным ориентиром в его повседневной борьбе. Общественная роль всех домарксовских социологических учений не идет ни в какое сравнение с ролью марксизма в революционном движении пролетариата.

Превращение социализма из утопии в науку, возникновение марксизма создало прочный фундамент для научной разработки стратегии и тактики пролетарской классовой борьбы: в ее основу была положена необходимость строгого учета объективной экономической и социально-политической обстановки, соотношения классовых сил, зрелости рабочего движения. Маркс и Энгельс неоднократно указывали, что революционная теория является основой и условием выдержанной и последовательно революционной тактики пролетариата. «...Именно поэтому мы,— писал Энгельс о себе и Марксе,— придаем особенное значение тому, чтобы практика германской партии, в особенности же публичные выступления партийного руководства, не расходились с общей теорией» [1].

Маркс и Энгельс всегда, особенно после Парижской коммуны, отводили важную роль правильной тактике классовой борьбы пролетариата, разрабатывали ее теоретические основы, ставя ее в диалектическую связь с объективными условиями и субъективным фактором рабочего движения. Проблемы тактики классовой борьбы пролетариата основоположники марксизма развивали в борьбе против сектантства и оппортунизма. Характеризуя значение этой стороны их деятельности, Ленин писал, что «Маркс в течение всей своей жизни, наряду с теоретическими работами, уделял неослабное внимание вопросам тактики классовой борьбы пролетариата... Основную задачу тактики пролетариата Маркс определял в строгом соответствии со всеми посылками своего материалистически-диалектического миросозерцания» [2].

Научный коммунизм и указывает, излагает, обосновывает теорию и тактику классовой борьбы пролетариата за свержение капиталистического строя и построение социализма и коммунизма.

---

[1] Энгельс — Августу Бебелю, 14 ноября 1879 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 34, с. 334.

[2] *Ленин В. И.* Карл Маркс.— Полн. собр. соч., т. 26, с. 77.

«Учение Маркса всесильно, потому что оно верно» [1],— писал Ленин. Оно верно отражает закономерности общественно-исторического развития, правильно, исходя из действительности, намечает пути и средства революционного преобразования общества и потому безотказно служит рабочему классу надежным идейно-теоретическим оружием, руководством к действию в его революционной борьбе за коммунизм.

Даже противники марксизма вынуждены признавать, что Маркс как ученый по своему влиянию на людей XX века имеет исключительное значение.

Так, западногерманский историк и социолог Т. Шидер писал: «...важнейшим фактом является то, что, пожалуй, никто из людей XIX века по своим мыслям, по своему прямому и косвенному влиянию не кажется столь современным, как Карл Маркс» [2]. Признавая этот несомненный факт, буржуазные теоретики, даже наиболее прогрессивные из них, тем не менее оспаривают выводы марксизма, игнорируют методологию материалистического понимания истории. И все же в высказываниях буржуазных социологов и историков нередко прорывается признание влияния марксизма на научную литературу современности. Убедительным свидетельством этому являются заимствования буржуазными историками из исторического материализма отдельных положений о роли экономики в историческом процессе, о значении политической борьбы и т. д., конечно, в рамках своих концепций. Например, американский социолог Ч. Р. Миллс признает, что «не овладев вполне идеями марксизма, нельзя стать настоящим ученым-обществоведом...» [3]. Правда, он приемлет, не без оговорок, лишь отдельные идеи Маркса в области социологии и политики.

4. ТЕОРИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДЕЙСТВИЯ, КОММУНИСТИЧЕСКОГО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ МИРА

Теоретической мысли прошлого, как правило, был свойственен созерцательный характер. Даже в материалистическом учении Фейербаха эта созерцательность и пассивность не были преодолены. Деятельную сторону философии развивал идеализм, но эту его активность следует понимать весьма условно: она касалась не реальной действительности, а проявлялась в области мысли. Противопоставление теоретической мысли общественно-политической практике было вообще характерно для предшествующего идейного развития. Поэтому философские учения и теории прошлого лишь в ограниченной мере влияли на общественную деятельность и в целом были непригодны в качестве руководства для социальных преобразований.

Марксизм преодолел эту разобщенность теоретической мысли и практического действия. Он впервые поднял теорию на уровень практического руководства освободительной борьбой угнетенного класса. Этому в немалой степени способствовали личные качества

---

[1] *Ленин В. И.* Три источника и три составных части марксизма.— Полн. собр. соч., т. 23, с. 43.

[2] *Schieder T. K.* Marx und seine Stellung in der europäischer Geschichte.— Geschichte in Wissenschaft und Unterricht, 1964, Januar, S. 16.

[3] *Mills C. W.* The Marxists. New York, 1963, p. 11.

основоположников марксизма. Как отмечал Ф. Меринг, Маркс «был одновременно человеком действия и человеком мысли, политика и наука в нем настолько тесно переплелись, что совершенно невозможно отделить одну от другой» [1]. То же самое можно сказать об Энгельсе. Основоположникам марксизма были присущи как строгий ум ученых, так и темперамент революционеров, пламенное стремление к освобождению пролетариата от эксплуатации и угнетения, к социалистическому переустройству общества.

Марксизм изменил назначение и общественную роль философии, теоретической мысли. «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его» [2],— писал Маркс. И основоположники марксизма придали новому, пролетарскому мировоззрению активный, действенный характер. Назначением теоретической мысли стало не только правильное отражение действительности, постижение закономерностей и тенденций ее развития, но и ее преобразование. В марксизме было достигнуто органическое единство научной теории и общественно-политической, революционной практики.

От предшествующей теоретической мысли марксизм унаследовал не только ее достижения, но и поставленные, однако не разрешенные ею проблемы. К ним добавились еще новые, великие проблемы века. В силу этого марксизм представляет собой учение, глубоко связанное с назревшими проблемами человеческой практики, которые выдвинуты общественным развитием и решаются или ждут своего теоретического и практического решения. И вполне естественно, что марксизм внутренне и неразрывно «соединяет строгую и высшую научность (являясь последним словом общественной науки) с революционностью...» [3].

Марксизм указал на необходимость для социалистического преобразования общества классовой борьбы пролетариата, революционной деятельности, творческого созидания. При этом он подчеркнул громадное значение для этого научной идеологии, правильной революционной теории. «Величайшее в мире освободительное движение угнетенного класса,— писал Ленин,— самого революционного в истории класса, невозможно без революционной теории» [4]. Марксизм и явился такой теорией, раскрывшей законы изменения действительности, указавшей пути и средства революционного сокрушения капитализма, социалистического преобразования общества, обосновавшей революционно-преобразующую деятельность людей, классов, партий. Впервые научная теория была поставлена на службу освободительной борьбе пролетариата, ста-

---

[1] См.: *Mehring F.* Eine Episode des Marxismus.— Archiv für die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung. Leipzig, 1919, S. 309.

[2] *Маркс К.* Тезисы о Фейербахе.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 4.

[3] См.: *Ленин В. И.* Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? — Полн. собр. соч., т. 1, с. 341.

[4] *Ленин В. И.* Честный голос французского социалиста.— Там же, т. 27, с. 11.

ла его духовным оружием. Марксизм осуществил «соединение революционной теории с революционной политикой», писал Ленин, связал «в одно неразрывное целое теорию и практику классовой борьбы» [1].

Марксизм исходит из теоретически осмысленного им факта, что размах и характер общественных движений зависят от активности трудящихся масс, от их сознательности, организованности, убежденности в правоте своего дела. Поэтому ложным является утверждение противников марксизма, будто ему присуща фаталистичность в объяснении деятельности людей. Подобный вздор распространялся еще при жизни Маркса и Энгельса. В своих произведениях 90-х годов Энгельс дал отпор буржуазным и оппортунистическим теоретикам, пытавшимся представить марксизм в качестве фаталистического учения, в котором единственно определяющей силой общественного развития признается экономика, а деятельность людей принижается [2].

В действительности же Маркс и Энгельс предназначали свое революционное учение для практической деятельности рабочего класса. Еще в одной из своих ранних работ, критикуя идеалистически-фаталистический подход младогегельянцев к истории, непонимание ими активной роли человека в историческом процессе, они писали: «Не «история», а именно *человек,* действительный, живой человек — вот кто делает все это, всем обладает и за все борется. «История» не есть какая-то особая личность, которая пользуется человеком как средством для достижения *своих* целей. История — *не что иное,* как деятельность преследующего свои цели человека» [3]. Люди сами являются творцами своей истории. Только деятельность людей, связанных определенными общественными отношениями, изменяет обстоятельства общественной жизни.

Маркс и Энгельс глубоко обосновали диалектику субъективного фактора и объективных условий в историческом процессе. Подчеркивая определяющее значение объективных условий, они отмечали активную, а подчас и решающую роль субъективного фактора.

В основе взглядов марксизма на роль субъективного фактора в историческом процессе лежит представление о том, что «в истории общества действуют люди, одаренные сознанием, поступающие обдуманно или под влиянием страсти, стремящиеся к определенным целям. Здесь ничто не делается без сознательного на-

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Предисловие к русскому переводу писем К. Маркса к Л. Кугельману.— Полн. собр. соч., т. 14, с. 375.

[2] В настоящее время подобные вымыслы распространяются Ю. Бохеньским, Г. Веттером, В. Таймером. Последний, например, утверждает, что марксизм будто бы рассматривает исторический поток явлений как нечто совершенно независимое от людей: «Люди — это сторонние наблюдатели с берега» (*Theimer W.* Marxismus: Lehre — Wirkung — Kritik, S. 25).

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Святое семейство.— Соч., т. 2, с. 102.

мерения, без желаемой цели»[1]. Историческая обстановка сама по себе, независимо от действий людей, не меняется. В исторических событиях, когда великие цели воодушевляют народ на борьбу, большую роль играют сознательность, идейная убежденность, энтузиазм, организованность, решимость, воля масс, то есть различные слагаемые субъективного фактора. С возникновением марксизма и внесением в рабочее движение марксистских идей развивается социалистическая сознательность, отражающая понимание перспектив социального прогресса. Сознательная деятельность рабочего класса играет важнейшую роль в историческом процессе, особенно в революции.

Раскрывая активную роль субъективного фактора, основоположники марксизма вместе с тем постоянно напоминали, что его действие и результаты этого действия в конечном счете определяются объективными, в первую очередь экономическими условиями. Отстаивая диалектическое решение проблемы, Маркс и Энгельс вели борьбу на два фронта: против фаталистических представлений, стихийности борьбы, за внесение в нее сознательности, целеустремленности, организованности и против сектантства, заговорщической тактики, исходивших из абсолютизации значения субъективного фактора без учета объективных и конкретных условий классовой борьбы.

Марксизм исходит из того, что рабочий класс, руководимый своей революционной партией, постигшей объективный ход и перспективу исторического процесса, является решающей силой общественного прогресса. Маркс и Энгельс научно обосновали эту революционно-преобразующую деятельность рабочего класса и его партии. Марксизм связал в одно неразрывное целое научную теорию коммунизма и практическую деятельность рабочего класса.

Из самого существа марксистской теории вытекает ее творческий характер. Она не является застывшей системой взглядов, совокупностью неизменных догм. Маркс и Энгельс всегда выступали против догматического понимания своего учения как системы постулатов, законченных выводов. Творческий характер марксизма выражается в конкретно-историческом подходе к окружающей действительности с учетом многообразия ее сторон и диалектики развития. Теория, отстающая от жизни, не поспевающая за ней, за ее изменениями, приходит в противоречие с действительностью, перестает быть наукой, не может служить руководством к действию в революционно-преобразующей практике рабочего класса.

История марксизма свидетельствует о постоянном развитии и обогащении его идейного арсенала в соответствии с изменениями в объективной действительности, в условиях освободительной борьбы рабочего класса. Подчеркивая принципиальность как важ-

[1] *Энгельс Ф.* Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 306.

нейшую черту революционной теории и отвергая какие-либо уступки в отношении ее основных положений, Маркс и Энгельс указывали на правомерность изменения и развития ее отдельных формул и теоретических решений в зависимости от исторических условий и обстоятельств. Они сами подали пример этому: на всем протяжении своей деятельности они непрерывно развивали и совершенствовали все составные части и стороны революционной теории. Так было, например, после революций 1848—1849 годов в странах Западной Европы, когда марксизм прошел свою первую историческую проверку и надо было теоретически осмыслить революционный опыт. Так было в период деятельности Первого Интернационала, когда марксизм утвердился в международном рабочем движении и стал его идейным оружием. Так было после Парижской коммуны, когда марксизм получил дальнейшее развитие на основе опыта первой пролетарской революции и деятельности первых пролетарских партий, возникших в разных странах.

Стремительный творческий подъем марксизма связан с новым этапом исторического развития, с вступлением капитализма в высшую и последнюю стадию своего существования — империализм. После смерти Маркса и Энгельса учение марксизма получило всестороннее развитие применительно к условиям новой эпохи в трудах Ленина.

Начало XX века во всемирной истории ознаменовалось революцией 1905—1907 годов в России, непрерывным нарастанием и углублением в мире капитализма социальных и межнациональных противоречий, возникновением мировой империалистической войны, общим кризисом капитализма, приведшим к прорыву мировой цепи империализма в ее слабом звене. Капитализм в России был свергнут силами Великой Октябрьской социалистической революции, открывшей новую эру в истории человечества. Борьба рабочего класса всего мира поднялась на новую, более высокую ступень.

Творчески развивая марксистскую теорию в новой исторической обстановке, Ленин дал ответы на коренные вопросы, выдвинутые ходом общественного развития в эпоху империализма и пролетарской революции. Надо было теоретически осмыслить новый этап мирового развития и двинуть вперед теорию марксизма, опираясь на его метод и принципы. Ленин развил марксизм на основе опыта революционной борьбы рабочего класса против капитализма, за построение социализма, а также на основе обобщения достижений общественных и естественных наук за период после Маркса и Энгельса. Он обогатил марксизм анализом закономерностей новой исторической эпохи и революционного движения народных масс во главе с рабочим классом, учением о пролетарской партии нового типа, разработкой теории и тактики социалистической революции и диктатуры пролетариата, обобщением опыта первой в истории социалистической революции и первых лет социалистического строительства.

В эпоху, открытую Великим Октябрем, идеи Маркса, Энгельса, Ленина стали практическим делом сотен миллионов людей. «Социализм, превращенный Марксом и Энгельсом из утопии в науку и обогащенный Лениным новыми выводами и открытиями, воплотился в социальную практику всемирно-исторических масштабов, стал основной революционной силой нашего времени» [1]. Ныне марксизм-ленинизм — это не только то, что написано его основателями и последователями; он органически включает теоретически обобщенный и осмысленный опыт международного коммунистического движения, завоевания реального социализма.

Марксизм-ленинизм — теоретическая основа научного предвидения. Проблемы общественного развития он ставит на «историческую почву, не в смысле одного только объяснения прошлого, но и в смысле безбоязненного предвидения будущего и смелой практической деятельности, направленной к его осуществлению...» [2]. Метод и теория марксизма-ленинизма, раскрывая объективные закономерности общественного развития, позволяют заглядывать в будущее, определять перспективу движения вперед, давать научно обоснованные прогнозы относительно результатов революционно-преобразующей деятельности.

* * *

Самая суровая проверка для всякого общественного учения — проверка его в горниле меняющейся и развивающейся действительности, а также проверка его способности усваивать новый опыт; не рушиться, не гибнуть в новых исторических и идейных условиях, а развиваться и крепнуть. XIX век, когда родился марксизм, выдвинул многочисленные философские и социологические теории, претендовавшие на универсальное и непреходящее значение. Но из всех учений, возникших в прошлом столетии, только марксизм выдержал проверку новыми условиями и новым опытом, шагнул в XX век и сделал его столетием своего всемирного распространения и величайших исторических побед, превратившись в марксизм-ленинизм. Подняться на эту новую, более высокую ступень он смог потому, что содержал и в своей теории, и в методе предпосылки совершенствования, творческого развития, выработал принципы и методологию этого развития.

Ленинизм исходит из марксизма, продолжает марксизм, обогащает марксизм. «Ленинизм — это марксизм эпохи империализма и пролетарских революций, эпохи крушения колониализма и победы национально-освободительных движений, эпохи перехода человечества от капитализма к социализму и строительства комму-

---

[1] К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Тезисы Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза. М., 1969, с. 3.

[2] См.: *Ленин В. И.* Карл Маркс.— Полн. собр. соч., т. 26, с. 75.

нистического общества» [1]. Ленинизм — это современная форма существования и развития марксизма. Ленинизм — это марксизм нашей эпохи. Коммунистические партии всего мира ныне вносят свой вклад в марксистско-ленинскую теорию на основе обобщения нового опыта революционной борьбы и социалистического созидания, что с новой силой подчеркивает значение марксизма-ленинизма как единого интернационального учения.

В марксизме-ленинизме решена проблема соотношения национального и интернационального в теоретической работе, в осмыслении опыта классовой борьбы и строительства нового общества.

Марксистско-ленинская наука включает как непременное условие успешного развития революционного движения в каждой стране требование не только досконально изучать конкретную обстановку и особенности классовой борьбы в этой стране, но и активно воспринимать достижения других отрядов революционного движения, иметь *всемирный* кругозор. Само изучение национальной обстановки возможно лишь на основе научной теории, имеющей универсальный характер. Научная социалистическая идеология не может возникнуть в атмосфере духовного провинциализма, не может быть доморощенной идеологией той или иной страны. Социалистическое сознание рабочего класса каждой страны отражает *международный,* а не только национальный опыт. Интернациональное в революционном опыте есть продукт широчайшего взаимодействия на самом высоком уровне,— более высоком, чем любой национальный уровень. И в нем содержится то, чего в полном объеме не найти среди достижений какой бы то ни было отдельной нации, страны.

Духовное наследие всего человечества — животворный источник развития революционной мысли. Марксизм-ленинизм подытоживает то, что подтверждено жизнью и деятельностью всего человечества, он непрерывно развивается и совершенствуется на основе всемирно-исторической практики. Поэтому, вооружившись марксистско-ленинской наукой, рабочий класс каждой страны и каждой эпохи выходит далеко за пределы своей национальной истории, приобретая общечеловеческое культурное наследие, идейное богатство мыслителей и провозвестников прогресса всех времен. С ней он познает будущее, получает реальную возможность и моральное право вести за собой свой народ. Рабочий класс, вооружаясь научным коммунизмом, тем самым овладевает совокупностью революционного опыта и революционной мысли всех стран света, обобщающей содержание и смысл всей мировой истории.

Марксизм-ленинизм — высший итог общечеловеческого идейного и культурного развития. По Ленину, коммунизм как общественный строй в определенном смысле является следствием суммы знаний, накопленных человечеством, и дальнейшая работа над его

[1] К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Тезисы Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, с. 5.

развитием, над развитием социалистической культуры должна двигаться на этой основе и в этом же направлении, опираясь на практический опыт. Вопреки измышлениям буржуазных идеологов, марксизм-ленинизм никогда не отгораживался от происходящей за его пределами мыслительной работы. Даже в том случае, если эта работа велась теми, кого Ленин называл учеными приказчиками класса капиталистов. «Задача марксистов...— писал Ленин,— суметь усвоить себе и переработать те завоевания, которые делаются этими «приказчиками» (вы не сделаете, например, ни шагу в области изучения новых экономических явлений, не пользуясь трудами этих приказчиков),— и *уметь* отсечь их реакционную тенденцию, уметь вести *свою* линию и бороться *со всей линией* враждебных нам сил и классов» [1]. Вести *свою* линию, а не оказаться, подобно махистам начала XX века, в рабстве у реакционной профессорской науки — таков принцип, которым руководствуются марксисты-ленинцы, оценивая и перерабатывая плоды современной немарксистской науки.

Теоретический арсенал марксизма-ленинизма непрерывно вбирает в себя современные достижения передовой научной мысли. Благодаря беспрестанно происходящему теоретическому обобщению и осмыслению всего нового и животворного, что рождает передовая мысль человечества, марксизм-ленинизм во всякий данный момент есть последнее слово науки. В силу этого он находится сегодня в центре духовной жизни мира, владеет умами миллионов и миллионов людей.

Марксизм-ленинизм является учением, доказавшим всемирную применимость своих основных принципов и достижимость выдвигаемых им целей и задач. Поэтому его значение интернационально; его принципы имеют всеобщий смысл.

---

[1] *Ленин В. И.* Материализм и эмпириокритицизм.— Полн. собр. соч., т. 18, с. 364.

Раздел первый

ФОРМИРОВАНИЕ МАРКСИЗМА

Глава первая

ИДЕЙНОЕ РАЗВИТИЕ МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА К МАТЕРИАЛИЗМУ И КОММУНИЗМУ (1842—1844 гг.)

Формирование воззрений Маркса и Энгельса в пору их возмужания шло в направлении от идеализма к материализму и от революционного демократизма к коммунизму. Путь этот был непростым. Изучение первоначальных этапов их духовного развития позволяет проследить зарождение у них новых идей, показать отношение их к духовному наследию прошлого, выяснить внутреннюю логику становления их мировоззрения.

В раннем идейном развитии Маркса и Энгельса выделяются два этапа. Первый этап — пора их юношеских исканий; хотя теоретическое мышление Маркса и Энгельса складывалось под влиянием господствующей идеалистической философии, общественно-политическое развитие привело их на позиции революционного демократизма. Второй этап — переходный в их мировоззрении и политическом сознании. Его сущность и хронологические границы Ленин связывал с переходом «от идеализма к материализму и от революционного демократизма к коммунизму» [1]. У Маркса этот переход наметился в период работы в «Рейнской газете» (май 1842 — март 1843 г.) и совершился окончательно в 1844 году, о чем свидетельствуют его статьи в «Немецко-французском ежегоднике». Аналогичную эволюцию претерпевают в эти годы и взгляды Энгельса; все более обнаруживается общность основных тенденций в мировоззрении и политических позициях Маркса и Энгельса, которая с начала их сотрудничества превращается в единое направление их духовного развития.

Процесс формирования марксизма раскрывает обусловленность идейно-политического становления его основоположников в конечном счете социально-экономическим и политическим развитием

[1] См.: *Ленин В. И.* Карл Маркс.— Полн. собр. соч., т. 26, с. 82.

современного им европейского общества. Формирование воззрений Маркса и Энгельса происходило в условиях назревания революционной ситуации в ряде стран Западной Европы (Германия, Франция, Италия и др.), вылившейся в буржуазно-демократические революции 1848—1849 годов. 40-е годы прошлого столетия характеризовались стремлением буржуазии к утверждению своего господства во всех сферах общественной жизни, дальнейшим упрочением капиталистических отношений. Западноевропейские народы к тому времени еще не вполне избавились от оков феодализма и стремились к радикальной ликвидации его корней в экономике, политической организации общества, во всей общественной надстройке.

Активное участие Маркса и Энгельса в идеологической и политической борьбе в Германии, а затем на международной (общеевропейской) арене способствовало становлению их мировоззрения, укреплению политических позиций и связей с ведущими общественными движениями и передовой общественной мыслью. При этом вырабатываемая ими идейно-политическая позиция с самого начала носила интернациональный характер.

Вступление основоположников марксизма в самостоятельную жизнь совпало с важными событиями в идеологической жизни немецкого общества: во второй половине 30 — начале 40-х годов наряду с либерально-буржуазным движением литераторов из «Молодой Германии» сложилось философско-политическое течение младогегельянцев, которое приобрело значительную популярность в среде прогрессивно настроенной интеллигенции. Младогегельянское течение было неоднородным по своей политической программе: от буржуазного либерализма до революционного демократизма — таков спектр политических воззрений и позиций его представителей. Но все они в той или иной форме критиковали феодально-монархические устои германских государств, а наиболее радикальные из них — ставили в пример Великую французскую революцию. Выражая интересы буржуазного развития, течение это — критическим отношением к отсталой немецкой действительности и общественной активностью — привлекало к себе недовольных существующими, в особенности политическими, порядками.

Младогегельянское течение явилось продуктом разложения гегелевской философии, которая в 30-х годах еще господствовала в немецкой общественной мысли. Противоречие между революционным методом и консервативной системой в философии Гегеля, отразившее в идеологической форме острые социально-политические противоречия, характерные для Германии того времени, привело к разделению гегелевской школы на два течения: консервативно-ортодоксальных его учеников, или старогегельянцев, и радикально настроенных последователей — младогегельянцев. Разделение между этими течениями, споры между их представителями можно характеризовать как критику Гегеля «справа» и критику «слева».

Критика Гегеля «справа» таких ортодоксальных гегельянцев, как Хинрикс, Мархейнеке и др., совпала с ожесточенными нападками на гегелевскую философию со стороны богословов, реакционных философов и историков (Хенгстенберг, Лео и др.), которых поддерживали прусский король, придворная знать.

Критика Гегеля «слева» велась младогегельянцами и порой принимала радикально-политический и даже революционно-демократический характер. Значительную роль в идейном размежевании сыграл Давид Фридрих Штраус, выпустивший в 1835 — 1836 годах книгу «Жизнь Иисуса», в которой он поставил под вопрос реальное историческое существование Христа, подверг критике Священное писание. Выступление Штрауса вызвало негодование в среде ортодоксов и консервативных гегельянцев, но содействовало сплочению прогрессивно настроенных гегельянцев в младогегельянское течение. Признанным главой младогегельянского течения был Бруно Бауэр. Пропаганду своих взглядов младогегельянцы повели через журнал «Галлеский ежегодник по вопросам немецкой науки и искусства», который был основан Арнольдом Руге и Теодором Эхтермейером в 1838 году.

В начале 40-х годов в Пруссии воцарилась реакция, которая, обрушившись на прогрессивные круги, сковала общественную жизнь. С вступлением на престол Фридриха-Вильгельма IV, крайне реакционного и склонного к демагогии политика, последовал ряд репрессивных мер, направленных и против младогегельянской оппозиции: назначенный министром просвещения реакционер Эйххорн стал удалять младогегельянцев из университетов, подвергать преследованиям авторов за неугодные правительству сочинения, закрывать либеральные органы печати, увольнять людей за сотрудничество в них и т. п. Все это обостряло идеологическую и политическую обстановку в стране.

Несмотря на политическую неоднородность и организационную аморфность, младогегельянское течение в самом начале 40-х годов переживало период известного подъема, обнаруживая различные тенденции. Часть младогегельянцев сосредоточила свое внимание на критике теологии, религии и порой делала атеистические выводы из гегелевской философии. Ведущая роль в этой группе принадлежала членам «Докторского клуба» — младогегельянской организации во главе с Б. Бауэром, возникшей в 1837 году при Берлинском университете. Другая часть младогегельянского течения пыталась связать философскую борьбу против религии с политикой, видя в борьбе против религии средство для решения политических проблем. Представители этой тенденции группировались вокруг «Галлеских ежегодников», редактируемых весьма непоследовательным и умеренным в политических взглядах А. Руге. Выразителем еще одной тенденции был М. Гесс, пропагандировавший утопически-социалистические идеи. Оттенки в младогегельянском течении отвечали различным запросам прогрессивно настроенных элементов в немецком обществе, что обеспечивало

популярность этого течения, особенно в среде интеллигенции. В связи с этим движением, выдвигавшим на передний план философскую борьбу, и началась деятельность Маркса и Энгельса.

1. В НАЧАЛЕ ПУТИ. ЮНОШЕСКИЕ ИСКАНИЯ МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА

Начало жизненного пути связано у Маркса и Энгельса с различной средой.

Карл Маркс (1818—1883) родился в г. Трире, в семье местного адвоката Генриха Маркса — человека образованного, испытавшего на себе благотворное влияние идей французского и немецкого Просвещения и сумевшего пробудить интерес и симпатии к этим идеям у сына. Просветительские идеи разделял другой близкий Марксу человек — Людвиг фон Вестфален, отец его будущей жены — Женни; он был передовым человеком своего времени, увлекался древнегреческой поэзией, Шекспиром и внушил любовь к ним юному Марксу. В Трирской гимназии, где Маркс учился в 1830—1835 годах, юноша проявил блестящие способности.

Об умонастроении юного Маркса, его чаяниях и стремлениях той поры создают представление сохранившиеся гимназические сочинения. Эти ученические работы Маркса, в особенности его сочинение «Размышления юноши при выборе профессии», свидетельствуют о начитанности, образованности молодого человека, широте его культурного кругозора, пытливом характере ума и высокой гражданственности побуждений. Стремясь определить сферу своей дальнейшей деятельности, он не сомневался в том, что посвятит свою жизнь служению человечеству, но размышлял над вопросом — какую профессию должен избрать: ту ли, которая «вторгается в самую жизнь», или ту, которая имеет дело с «абстрактными истинами». Закончив гимназию (1835), Маркс поступил на юридический факультет Боннского университета. Началась новая полоса в жизни Маркса, первый самостоятельный этап в его развитии.

Фридрих Энгельс (1820—1895) родился в г. Бармене *, в семье фабриканта, в которой господствовали консервативный дух и ревностная набожность. Обстановку в доме смягчал дед ван Хаар, с увлечением рассказывавший внуку мифологические сказания о древнегреческих героях. Религиозный дух царил также в барменской школе и в гимназии в г. Эльберфельде, где Энгельс учился. Отец Энгельса отличался строгостью и придирчивостью в отношении сына. В 1837 году, не дав сыну закончить гимназию, отец определил его в свою контору, намереваясь сделать из него коммерсанта. Но молодой Энгельс не питал склонности к «торгашеству» и мечтал о литературе, поэзии. Дом и школа оказывали гнетущее действие на духовное состояние юноши. Его дарования,

* Бармен и соседний с ним Эльберфельд в дальнейшем слились в единую административную единицу — город Вуппераль.

способности, стремление к знанию не находили поддержки и достойного приложения в той среде, где ему приходилось жить. Юный Энгельс обладал острой наблюдательностью. Осмысливая свои наблюдения жизни окружающего общества, он порицал в нем обывательский дух, лицемерие и ханжество. Но это пока сочеталось у Энгельса с религиозностью, благоговейной верой в христианского бога, и ему потребовалось некоторое время, чтобы избавиться от религиозных предрассудков.

Летом 1838 года отец направил Энгельса в г. Бремен, в контору крупной фирмы для совершенствования в практике ведения коммерческих дел. Энгельс с радостью воспринял это решение отца, ибо, переехав в Бремен, получал относительную свободу, избавившись от докучливого родительского надзора.

Различие среды и условий, в которых прошли ранние годы Маркса и Энгельса, не помешало, однако, им одинаково быстро повзрослеть и достигнуть гражданской возмужалости. Начались первые самостоятельные шаги на жизненном пути.

Идейное развитие Маркса в университетские годы

Высшее образование Маркс получил в двух лучших учебных заведениях страны — в Боннском и Берлинском университетах. В Бонне Маркс начал изучать юридические науки, в Берлине получил философское образование. В университете он серьезно увлекся также историей и литературой.

Поэтическое творчество Маркса 1835—1837 годов является одним из источников, позволяющих судить о его духовных интересах. Значительное место в нем занимает философская лирика, в которой ясно проступают элементы политического радикализма, революционности. Маркс берет под защиту Шиллера и в особенности Гёте, которые подвергались нападкам консервативных литераторов и клерикалов.

По окончании первого семестра в Берлинском университете Маркс в письме к отцу делится своими планами и настроениями, рассказывает о своих занятиях: сначала он увлекся лирической поэзией, которая была его «первой темой», помогая выражать мысли и чувства. Однако тут же Маркс признается, что поэзия могла быть только «попутным занятием»; он должен был сосредоточиться на изучении юриспруденции и почувствовал необходимость «испытать свои силы в философии» [1], осмыслить философские основания права. Для этого он попытался рассмотреть правовые отношения с позиций философии права Канта и Фихте. Но его попытки не привели к желаемым результатам, и он без сожаления отбрасывает свой кантиански-фихтеанский опус. От кантовского и фихтевского идеализма Маркс «перешел к тому, чтобы искать идею в самой действительности» [2]. Сказалось благотворное воздействие идей Просвещения, которые обращали к реальной действительно-

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 40, с. 10.
[2] См. там же, с. 14.

сти, проповедовали свободу и равенство всех людей, могущество человеческого разума. К гегелевской философии ввиду ее абстрактности он в то время относился с предубеждением, к тому же познакомился с ней лишь отрывочно. В эпиграммах из «Тетради стихов», посвященной отцу, Маркс выражает свою неудовлетворенность как Кантом и Фихте, которые «в надзвездном эфире ищут мир неизвестный во мгле», так и Гегелем, преподносящим людям «Ничто» и выражающим свою мудрость словами, которые каждый волен понять так, «как ему любо понять» [1].

Очередная попытка создать философскую концепцию права привела Маркса к Гегелю. В дни отдыха в пригороде Берлина Маркс изучил философию Гегеля «от начала до конца» [2]. Тогда же он познакомился с представителями младогегельянского течения и стал активным членом «Докторского клуба». Несмотря на обнаружившиеся различия и даже некоторую противоположность во взглядах Маркса и младогегельянцев, крепли узы, связывавшие его «с современной мировой философией», то есть гегелевской философией и младогегельянцами. Вскоре Маркс становится душой клуба, и берлинские младогегельянцы признают его авторитет.

Принятие Марксом гегелевской философии и сотрудничество с младогегельянцами отнюдь не означали, что Маркс слепо следовал их принципам. С самого начала своего сближения с младогегельянцами он отличался самостоятельностью суждений. Иначе, чем младогегельянцы, он относился к гегелевской философии, расходился с ними в оценке гегелевского наследия. Конечно, в условиях господства идеализма мировоззрение Маркса было тогда также идеалистическим.

Взгляды и политическую позицию Маркса в 1837—1841 годах отразили его «Тетради по эпикурейской философии» (1839) и докторская диссертация «Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура» (1840—1841). Духовный мир молодого Маркса весьма рельефно предстает и из упомянутого выше его письма отцу от 10—11 ноября 1837 года.

С молодых лет Маркс был энергичным, решительным, трудолюбивым, целеустремленным. Эти ценные качества проявились с первых его шагов в области науки. Так, занявшись проблемами философии, он должен был решить для себя вопрос об отношении философии к религии. Свойственная ему до тех пор веротерпимость переросла вскоре в убежденный атеизм. В докторской диссертации и в «Тетрадях по эпикурейской философии» Маркс отрицает необходимость идеи бога и религии. «Неразумность есть наличное бытие бога» [3],— пишет он. Философия, по его мысли,

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 40, с. 486.
[2] См. там же, с. 16.
[3] Там же, с. 233.

является противницей всех богов — «небесных и земных»[1]. Эта позиция Маркса граничила с политическим радикализмом: выступления против христианской религии, антиклерикализм в то время в Германии были равносильны выступлениям против основ прусского государства.

Маркс хотел бы противопоставить теологии свободную от религиозных предрассудков философию. Он ищет такую философию, которая является «мирской», служит людям, содержит «энергический принцип». Его привлекают целостные философские системы, которые являются узловыми пунктами в истории философской мысли, вбирают в себя достижения предшествующего ее развития, содержат зародыш дальнейшего философского прогресса. Обращаясь к древнегреческой философии, он внимательно исследует философские системы Демокрита и Эпикура, проявляя, в частности, интерес к рассмотрению ими проблемы свободы воли и необходимости.

В подготовленных материалах к докторской диссертации Маркс использует значительный оригинальный материал по эпикурейской, стоической и скептической философии, а также историографическую литературу и приступает к анализу воззрений древнегреческих мыслителей. В самой докторской диссертации, которая была первым законченным исследованием Маркса по истории философской мысли, явственно ощущается влияние на него гегелевской философской и историко-философской концепций. Но история философии оказалась и той областью, в которой впервые наметились и расхождения Маркса с Гегелем в решении некоторых историко-философских проблем, в оценках философских систем античных мыслителей.

Маркс высоко ценил гегелевскую концепцию историко-философского процесса, особенно его диалектику во взглядах на развитие философской мысли; Гегель, по словам Маркса, создал смелый и обширный план истории философии, с которого только и начинается научная история философии. Вместе с тем в подготовительных рукописях и в самой диссертации Маркс уже не соглашается с некоторыми гегелевскими взглядами на историю философских идей. Его прежде всего не удовлетворяла умозрительная трактовка Гегелем истории философской мысли. Не был согласен он и с гегелевским решением вопроса о соотношении философии и религии: Гегель «перевернул» все теологические доказательства бытия бога и «отверг их, чтобы их оправдать»[2]; Гегель видел различия между философией и религией только в форме, но не в содержании. Маркс возражал против «теологизирующего рассудка в философии», независимо от того, кто его проводит — Плутарх, Гегель или его последователи. Философия — «страна разума», ко-

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 40, с. 153.
[2] См. там же, с. 232.

торая, по выражению Маркса, является «для бога вообще — областью, где его существование прекращается» [1].

Оставаясь в целом на почве гегелевского идеализма, Маркс уже в 1839—1840 годах выдвигает идеи, которые в совокупности выходили за рамки гегелевской философской концепции. Основная тенденция этих идей состояла в стремлении сделать философию более критичной, действенной. Маркса занимает связь философии с действительным миром, ее активная роль в обществе, «превращение философии в практическое отношение к действительности» [2]. В этом состоял существенный шаг в сторону от философии Гегеля. Маркс полагал, что философия обращается к внешнему миру не только во имя его постижения, что «теоретический дух превращается в практическую энергию» и «обращается против земной, существующей помимо него действительности». Хотя «сама *практика* философии *теоретична*» [3], выражается в критике идей, но эта критика служит земным делам людей.

В своих рассуждениях Маркс исходил еще из гегелевского понимания действительности и идеалистического толкования практики. Однако он стремился не только перенести философию из сферы чистой мысли в сферу идеологической борьбы, как делали некоторые младогегельянцы, но и соединить идейную борьбу с борьбой за конкретные цели. Подобная тенденция обнаруживается, в частности, в его рассуждениях о противоречивости философского процесса.

Маркс полагал, что противоречия в философских системах нельзя объяснить личными обстоятельствами, как поступали некоторые гегельянцы. Источник этих противоречий надо искать как в самих системах, так и вне их. Противоречивость философии (например, философии Гегеля) объясняется тем, что мир, которому она противостоит,— «расколовшийся мир». Неизбежным следствием этого является существование в философии различных направлений. Так, сама гегелевская философия — источник двух направлений. Одно из них через критику обращается к внешнему миру. Представители этого направления стремятся мир сделать «философским», а философию — «мирской». В характеристике этого направления нетрудно узнать младогегельянцев. Второе направление уходит в себя, оторвано от жизни, его действия выражены только в философствовании. Ввиду этого только первое направление «может привести к реальному прогрессу» [4],— писал Маркс.

Характер философии диктует определенный вид ее взаимодействия с действительностью. Всесторонне разработанная, «завершенная», «охватившая целый мир» «мировая» философия, какой Маркс считал в то время философию Гегеля в ее радикальной ин-

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 40, с. 232.
[2] См. там же, с. 109.
[3] Там же, с. 210.
[4] См. там же, с. 211.

терпретации, должна была воздействовать на мир, революционизируя его. Поэтому современная Марксу философская борьба рассматривалась им как предвестник революционной бури. «Не нужно приходить в смятение перед лицом этой бури, которая следует за великой, мировой философией» [1]. Эта буря, то есть революция,— «историческая необходимость» и логический вывод диалектики. Кто этого не понимает, тот не понимает Гегеля.

Так Маркс, еще будучи по мировоззрению идеалистом, связал философию с идеей революции, приблизился к революционно-демократическим позициям.

Становление революционно-демократических взглядов Энгельса

Во время пребывания в Бремене Энгельс увлекся поэтическим творчеством, любовь к которому сохранял на протяжении многих лет жизни; пробовал свои силы на поприще литературно-критической и политической публицистики; искал сближения с прогрессивными течениями литературной и общественной мысли своего времени; обладая незаурядными лингвистическими дарованиями, занимался изучением иностранных языков.

В то время Энгельса занимал вопрос об отношении к религии; но влечения и запросы юноши выходили за пределы богословской и критическо-богословской литературы, с которой ему приходилось знакомиться: внимание его привлекали немецкая литература, международные отношения, историческое развитие немецкого и других европейских народов, в особенности их революционное прошлое, общественные движения в Германии и за ее пределами. Изучаемая литература так или иначе втягивала в круг политической проблематики. Уже на ранней ступени идейного развития Энгельса политический аспект стал необходимым элементом рассмотрения теоретических вопросов.

Энгельс с юношеских лет отличался радикальностью суждений в политических и этических вопросах, что проявилось в первой же его публицистической статье — «Письма из Вупперталя», напечатанной в марте — апреле 1839 года в журнале «Германский телеграф». Статья свидетельствовала о наблюдательности Энгельса, чуткости к народным страданиям, способности делать серьезные обобщающие выводы. В статье он указывает на различие в положении предпринимателей и их работников: материальное благополучие господ опирается на бедственное положение массы работников, занятых на их предприятиях. Он рисует ужасающие следствия хозяйничанья владельцев фабрик: нищета, пьянство, болезни, суеверия — вот удел работников. Энгельс подвергает критике нравственные устои господствующих слоев общества: здесь царят религия и ханжеская мораль, осуждающие все новое и прогрессивное.

За сравнительно короткий срок пребывания в Бремене поли-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 40, с. 109—110.

тическое развитие Энгельса шло от свободолюбия, облаченного в романтические одежды, к республиканизму, основанному на революционном демократизме. Значительную роль в формировании его воззрений сыграли литературное течение «Молодая Германия» и его основатель — Людвиг Бёрне. Но в 1837 году, после смерти Бёрне, «Молодую Германию» возглавили либерально настроенные буржуазные идеологи — К. Гуцков, Т. Мундт, политические взгляды и эстетические принципы которых не удовлетворяли Энгельса. Он высоко ценил народность литературы, считал, что книга для народа призвана «прояснить его нравственное чувство, заставить его осознать свою силу, свое право, свою свободу, пробудить его мужество, его любовь к отечеству» [1].

Духовное развитие Энгельса совершалось стремительно. Религиозные сомнения и искания побудили его обратиться к передовой литературе по религиозным и философским вопросам. Уже в конце 1839 года он сообщает школьному товарищу, что ознакомился с «Жизнью Иисуса» Штрауса и что этот автор осветил ему Гегеля. «Я как раз на пороге того, чтобы стать гегельянцем» [2],— писал Энгельс. Он изучает гегелевскую философию, примкнув к младогегельянцам. Что касается политической позиции, то она образно выражена в его словах: «От государя я жду чего-либо хорошего только тогда, когда у него гудит в голове от пощечин, которые он получил от народа, и когда стекла в его дворце выбиты булыжниками революции» [3]. Республиканский образ правления и народная революция — вот главное в политической позиции Энгельса.

Статья и переписка Энгельса показывают, что тяжелая атмосфера, которая окружала юношу в семье и Эльберфельдской гимназии, повлияла на его умонастроение. Наблюдательный и восприимчивый, он накапливал чувство протеста против общественных зол и несправедливостей, проявлял свободолюбие, нетерпимость к ханжеству и лицемерию. Жизнь воспитывала в нем волю и выдержку — важные качества революционера. Энгельс во всех отношениях обгонял своих сверстников.

В 1841 году Энгельс для прохождения военной службы приезжает в Берлин. Но не военная служба занимает его помыслы. Притягательной силой обладает Берлинский университет — центр идейной жизни и борьбы в Германии, и он становится вольнослушателем университета. Знакомство с берлинскими младогегельянцами привело его в кружок «Свободных» [4]. В то время широкий резонанс получили лекции философа Шеллинга в Берлинском университете, вызвав резкую критику со стороны младогегельянцев. Наиболее решительной была критика Энгельса. Его статья «Шеллинг о Гегеле», брошюры-памфлеты «Шеллинг и открове-

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 41, с. 11.
[2] Там же, с. 436.
[3] Там же, с. 444.
[4] Младогегельянский кружок, возникший в Берлине в 1840 году.

ние» и «Шеллинг — философ во Христе» наносили ощутимые удары по антигегелевским выступлениям престарелого философа.

Ко времени написания памфлетов против Шеллинга Энгельс уже ознакомился с принципами антропологического материализма Фейербаха. «Сущность христианства» Фейербаха помогла ему встать на позиции атеизма.

В произведениях, направленных против «философии откровения» Шеллинга, Энгельс высказывает ряд положений о духовном развитии общества. Он проводит идею о том, что христианская религия и политика прусского государства представляют единую линию в общественной жизни — линию реакции. Защищая гегелевскую философию от нападок «справа», Энгельс писал: «Гегель есть тот человек, который открыл нам новую эру сознания, потому что он завершил старую» [1]. И если Шеллинг, занявшийся критикой Гегеля «справа», оказался на стороне реакции и не продвигается по пути философского познания, то Штраус и Фейербах, критикующие Гегеля «слева», по словам Энгельса, движутся вперед, приходя к атеистическим выводам [2]. Энгельс видит и внутреннюю противоречивость гегелевской философии, что порождает раскол философов на два противоборствующих течения. Он порицает философско-религиозную реакцию и приветствует атеистическую антропологическую философию Фейербаха. Вместе с тем он одобряет диалектический характер воззрений Гегеля. Диалектика, ведущая к познанию истины, отвечает взглядам и настроениям Энгельса.

Образцом памфлетной атеистической литературы является написанное Энгельсом в июне — июле 1842 года произведение в стихотворной форме — «Библии чудесное избавление от дерзкого покушения, или торжество веры...». В ней в образной форме показано отношение берлинских младогегельянцев к вопросам религии, характерными штрихами обрисована политическая позиция каждого из упомянутых лиц. При этом наиболее радикальными младогегельянцами Энгельс представил себя, Маркса и Э. Бауэра.

В то время Энгельс выступает и с обличением половинчатости, дряблости буржуазного либерализма, критикует его печатные органы, а также прусские законы о печати, продолжает пробовать силы на литературно-критическом поприще. Но в середине 1842 года он принимает решение «на некоторое время совершенно отказаться от литературной деятельности и вместо этого побольше учиться» [3]. В том же году, осенью, закончился срок прохождения им воинской повинности; Энгельс возвратился домой, а затем, после краткого пребывания под отчим кровом, был направлен отцом в Англию для изучения коммерческого дела на бумагопрядильной фабрике в Манчестере.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 41, с. 224.

[2] См. там же.

[3] См.: Энгельс — Арнольду Руге, 26 июля 1842 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 27, с. 365.

Итак, в начале духовного развития Маркс и Энгельс шли каждый своим собственным путем. Пути эти привели их к младогегельянскому течению в немецкой общественной мысли. Младогегельянство, обладая притягательной силой ввиду своей критической направленности, привлекало к себе противников общественного строя и политической организации немецкого общества того времени. Течение было не просто философским, что соответствовало устремлениям Маркса, которого привлекала и философия, и политика; не в меньшей степени оно отвечало и умонастроению Энгельса. Философская же направленность этого течения в значительной степени определила преобладание интереса Маркса и Энгельса в 40-х годах к философским занятиям.

2. НА ПУТИ ОТ ИДЕАЛИЗМА К МАТЕРИАЛИЗМУ И ОТ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДЕМОКРАТИЗМА К КОММУНИЗМУ

Деятельность Маркса в «Рейнской газете»

Весной 1841 года Маркс окончил Берлинский университет. В апреле того же года в Йенском университете, куда он направил свою диссертацию «Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура», ему была присуждена докторская степень. Но надеждам молодого доктора философии получить место преподавателя в одном из университетов Германии не суждено было осуществиться: в немецких университетах и гимназиях по велению властей прокатилась волна гонений и репрессий, направленных против младогегельянцев. Путь к академической деятельности для Маркса был закрыт, и, отказавшись от нее, он в мае 1842 года принимает предложение о сотрудничестве в недавно созданной в Кёльне «Рейнской газете» — оппозиционном органе прирейнской буржуазии; вначале он работает в качестве корреспондента, а в октябре становится редактором газеты. Под руководством Маркса «Рейнская газета» приобрела революционно-демократическое направление. Работа в газете приблизила Маркса к жизни и повседневным интересам различных общественных слоев, в особенности трудящихся масс. Именно в тот период наметились серьезные изменения в его взглядах.

Первые публицистические выступления Маркса были связаны с развернувшейся в то время в Германии борьбой вокруг проблемы свободы печати. Требования демократически настроенных элементов освободить печать от цензурных ограничений становились к концу 1841 года все более настойчивыми. В этой обстановке прусское правительство вынуждено было предпринять шаги, чтобы разрядить напряженность: 24 декабря 1841 года была принята, а 14 января 1842 года опубликована новая цензурная инструкция, которая создавала видимость признания свободы печати, но фактически сохраняла полноту контроля правительства над прессой. Маркс разглядел антидемократический характер этой инструкции, расценил ее как уловку правительства в целях усыпления и обма-

на общественного мнения и подверг это критике в статье «Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции».

В своей критике Маркс исходил еще из гегелевских принципов, согласно которым государство является выражением всеобщего разума, а печать «воплощает в себе родовое начало» [1], то есть отражает общие интересы народа. Анализ же новой цензурной инструкции показывал, что действия прусского государства не соответствуют этим принципам, они противоречивы, логически непоследовательны. В прусском государстве «истинно то, что приказывает правительство» [2], правительство же не является выразителем всеобщего духа народа, а законы, издаваемые им, служат интересам лишь части граждан; «закон, карающий за образ мыслей... это — *закон одной партии против другой*» [3],— писал Маркс.

Таким образом, Маркс вскрывает противоречие между гегелевскими теоретическими принципами права и реальным прусским государством, высказывает догадку относительно сословного характера государства и права. При этом он мастерски использует логику для едкой критики противоречивости и нелогичности действий властей, для обличения пороков государства и его идеологии.

Статья о цензурной инструкции [4] показала острый интерес Маркса к событиям политической жизни страны. Он широко проявился во всех его статьях, опубликованных в «Рейнской газете» и в приложениях к ней. Эти статьи свидетельствовали о значительных сдвигах, происходивших в воззрениях и политической позиции Маркса: сравнительно далекие от практических интересов людей религиозные и философские проблемы уступают первый план практически-политическим вопросам, непосредственно затрагивающим интересы противоборствующих классовых сил. Маркс втягивается в идейную борьбу против апологетов существующего феодально-монархического строя, а также против фразерства, которое исходило от берлинских младогегельянцев, группировавшихся в кружке «Свободных».

Преодолевая цензурные рогатки, Маркс использовал «Рейнскую газету» для критики действий правительства. Видя разлад между должным и существующим положением вещей, между идеалом и реальными отношениями, он стремился уяснить его суть, вскрыть и понять причины правовых и политических явлений.

В анализе дебатов шестого рейнского ландтага о свободе печати Маркс, продолжая линию критического отношения к прусской монархии, приходит к выводу о том, что ее политика исходит исключительно из интересов господствующих сословий. И законоположение о печати, как всякий принимаемый государственными органами закон, следует расценивать не абстрактно, а исходя из

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 1, с. 17.

[2] См. там же, с. 8.

[3] Там же, с. 15.

[4] В силу цензурных ограничений она не увидела света в Германии; была опубликована в 1843 году в Швейцарии.

интересов народа, с учетом переживаемого им исторического периода. На деле же так называемая свобода печати дарована лишь в интересах определенных сословий. Сословный дух пронизывает также деятельность государственных учреждений, в том числе представительных. Ландтаг является сословным собранием, его мероприятия (принятие закона о печати, опубликование протоколов и т. п.) проводятся в интересах не всего населения, а только определенных сословий. В этом смысле Маркс не видит существенного различия между конституционной монархией и монархией абсолютной.

При освещении дебатов шестого рейнского ландтага о свободе печати Маркс прибегает к конкретно-историческому анализу рассматриваемых общественных явлений. Так, пресса, пишет он, «есть пресса именно этой страны» [1], порождение конкретной исторической эпохи [2], она связана с языком, жизненными условиями конкретных народов. Свободная же печать есть «идеальный мир, который непрерывно бьет ключом из реальной действительности и в виде все возрастающего богатства духа обратно вливается в нее животворящим потоком» [3].

Это стремление Маркса глубоко разобраться во взаимоотношениях материальной и духовной деятельности проявляется в его попытках уяснить значение печати в подготовке революционного преобразования общества. Он проводит мысль о том, что печать сама по себе не может ни задержать ход истории, ни ускорить его. Однако прогрессивная печать может явиться рупором революции: «Разве революция уже с самого начала должна выступать в *материальной* форме? Разве она уже с самого начала бьет, а не говорит?» [4] При этом Маркс ссылается на события бельгийской революции 1830 года, в которых демократическая печать сыграла вдохновляющую роль.

В статьях «Дебаты по поводу закона о краже леса» и «Оправдание мозельского корреспондента» Маркс углубляет рассмотрение государства и его правовой деятельности. Он всецело стоит на стороне трудящихся, стремится оправдать их действия. Собирание неимущими валежника в лесу, по его суждению, нельзя квалифицировать как кражу леса. Если любое нарушение частной собственности рассматривается как кража, «то не является ли в таком случае всякая частная собственность кражей?» [5] — задает вопрос Маркс и дает на него утвердительный ответ: частное владение собственностью одним есть, по существу, нарушение права на нее для другого.

Анализируя правовую деятельность прусского государства,

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 1, с. 43.
[2] См. там же, с. 42.
[3] См. там же, с. 66.
[4] Там же, с. 42.
[5] Там же, с. 123.

Маркс показывает, что в обществе действуют законы, которые полезны для крупных частных собственников. Обычно интересы имущих сословий не приемлют формы всеобщего закона, хотя идеологи этих сословий и стремятся частный интерес собственника представить как всеобщий. Маркс решительно оспаривает утверждения о всеобщности права в обществе, где существуют богатые и бедные. Право оказывается достоянием лишь людей, принадлежащих к имущим сословиям.

Государство, согласно гегелевскому идеалу разумности, всеобщности, должно было бы использовать имеющиеся у него средства для защиты интересов всех граждан. В действительности же оно опускается «до образа действий частной собственности, противоречащего разуму и праву»[1]. Здесь Маркс с помощью диалектико-логических доказательств указывает на глубокое противоречие между существующим государственным строем и идеалом государства. Логика частнособственнических отношений «превращает государственный аппарат в прислужника лесовладельца»; весь государственный строй, все административные учреждения, по существу, низведены «до роли орудия лесовладельца»[2]. Следовательно, государство есть орудие защиты интересов частных собственников.

Наибольшей остроты постановка вопросов о свободе печати (праве) и о государстве достигла в статье «Оправдание мозельского корреспондента». Статья была написана в связи с публикациями, в которых описывалось бедственное положение мозельских крестьян-виноделов. Опираясь на обширный фактический материал о положении крестьян в примозельском крае, Маркс выступил в поддержку мозельского корреспондента, привел доказательства его правоты, попутно подвергнув критике социально-политический строй Пруссии. Статью удалось напечатать в «Рейнской газете» лишь частично, но и в урезанном виде она произвела сильное впечатление на общественное мнение, послужив одним из основных поводов для правительственного решения от 19 января 1843 года о закрытии «Рейнской газеты» с 1 апреля 1843 года и введении для нее на оставшийся до закрытия срок строгого цензурного надзора.

В опубликованной части статьи Маркс прежде всего подчеркивает, что бедственное положение тружеников примозельского края не может объясняться неблагоприятными природными условиями или нерадивостью отдельных чиновников; оно связано с порочностью всей системы управления: административные органы края не могут собственными силами исправить это положение, да это и не входит в их задачу; управляющая же государством бюрократия уверена в непогрешимости своего правления и цинично рекомендует страдающим гражданам приспособиться к существующим

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 1, с. 137.
[2] См. там же, с. 142.

порядкам. Из этого следует, что к «физической нищете» прибавляется еще и «правовая нищета» бедноты, и постоянно происходит нарушение равенства в правах. Существующее бюрократическое государство способно только содействовать обнищанию мозельских крестьян.

Маркс приходит к выводу о том, что в основе общественных явлений лежат не действия того или иного конкретного лица, а объективные отношения, складывающиеся в обществе помимо воли людей. «При исследовании явлений *государственной* жизни,— подчеркивает Маркс,— слишком легко поддаются искушению упускать из виду *объективную природу отношений* и все объяснять *волей* действующих лиц. Существуют, однако, *отношения,* которые определяют действия как частных лиц, так и отдельных представителей власти и которые так же независимы от них, как способ дыхания» [1]. Здесь Маркс высказывает мысль о зависимости институтов государства, права от господствующих в обществе объективных отношений.

Таким образом, от выявления сословного характера прусского государства и права Маркс приходит к более общим выводам о том, что порочность государства не может быть исправлена отдельными деятелями, что политика есть область определенных отношений как внутри государственного организма, так и между ним и всем обществом. Он клеймит конституционную монархию, «этого ублюдка, который от начала до конца сам себе противоречит и сам себя уничтожает» [2].

Поворот Маркса к материализму и коммунизму

Начав критику действительности с обличения существующего политического строя, Маркс высказывает свое отношение и к философии. Он полемизирует прежде всего с философией государства и права правогегельянского толка, а также с религиозной догматикой, освящающей существующий государственный порядок. Вместе с тем он рассматривает философию как форму общественного сознания, подмечая особенности ее развития. В этом отношении важное значение имеют его статьи «Философский манифест исторической школы права» (апрель — начало августа 1842 г.), «Передовица в № 179 «Kölnische Zeitung»» и особенно работа «К критике гегелевской философии права», написанная после закрытия «Рейнской газеты» и ознаменовавшая собой значительный шаг вперед, сделанный Марксом на пути преодоления гегелевского идеализма.

В первой из названных статей Маркс разоблачает реакционную суть так называемой исторической школы права, возглавляемой Гуго, Савиньи и др. «Родословное дерево» этой школы, ее теоретические истоки составляют реакционный романтизм, спекулятив-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 1, с. 192.

[2] См.: Маркс — Арнольду Руге, 5 марта 1842 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 27, с. 356.

ная, умозрительная философия, схоластическая догматика «немецкой учености». Маркс указывает, что в сочинениях представителей этой школы бессодержательность «антиисторических фантазий, неопределенных мечтаний и намеренных фикций» [1] имеет определенный смысл — отрицание наследия эпохи Просвещения — культа разума и исторического прогресса, призыв к возврату старых, отживших порядков.

Непосредственным поводом к написанию второй статьи послужило выступление реакционной «Кёльнской газеты» с передовицей, в которой говорилось о недопустимости как распространять через газету философию и религиозные идеи, так и вести против них полемику. Между тем автор передовицы, выступая на словах против религиозных идей, сам распространял религиозные взгляды. К тому же он упрекал государство «в слишком далеко идущей мягкости» цензуры и выступал, по существу, против свободы печати. Маркс последовательно разбивает аргументы автора статьи, вскрывает противоречивость его рассуждений, их реакционную направленность, показывает, что передовица «Кёльнской газеты» фактически берет под защиту религию.

Маркс подвергает критике взгляд на философию как на умозрительную систему, далекую от насущных социальных вопросов, от острых проблем общественной жизни. На самом деле философы, в том числе немецкие,— «продукт своего времени, своего народа, самые тонкие, драгоценные и невидимые соки которого концентрируются в философских идеях» [2]. Немецкая философия лишь по видимости витает над земным миром, в действительности же она связана с ним. Всякая подлинная философия есть «духовная квинтэссенция своего времени». Она с необходимостью вступает в соприкосновение и во взаимодействие с «действительным миром своего времени». Новая философия вступает в мир при «криках ее врагов», к числу которых Маркс относит в первую очередь религиозные идеи. Он отмечает, что вопросы религии для немецкой публики «стали *вопросами дня*» [3]. Следовательно, повседневная печать должна их освещать.

Что же касается права философов выступать на страницах газет по проблемам государства, то Маркс отметил, что «мирская мудрость, философия, имеет больше права интересоваться царством мира сего, государством, чем потусторонняя мудрость, религия» [4]. Поскольку же религия является основой государства, философская критика должна включать в себя критику религии. В итоге своих рассуждений Маркс заключает: государство надо строить не на основе религии, а на основе свободы разума и выводить его

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 1, с. 91.
[2] См. там же, с. 105.
[3] См. там же, с. 106—108.
[4] Там же.

«не из природы христианского, а из природы человеческого общества» [1].

Здесь в воззрениях Маркса уже ощущается наличие тенденций, не свойственных идеализму. Еще в письме к Д. Оппенхейму (от 25 августа 1842 г.) он писал: «Правильная теория должна быть разъяснена и развита применительно к конкретным условиям и на материале существующего положения вещей» [2]. Маркс считает необходимым изучать вещи такими, каковы «они на самом деле». В статье «О запрещении «Лейпцигской всеобщей газеты»» он призывает проводить принцип: «возьмем мир таким, каков он есть»[3]. Рассматривая положение примозельских крестьян-виноделов, Маркс высказывает замечание и о своем методе анализа: «...мы хотим строить все наше изложение на одних *фактах* и стараемся только, по мере сил, выразить эти факты в обобщенной форме...» [4]

Таким образом, в трактовке явлений общественной жизни, в методологии их изучения Маркс начинает удаляться от идеализма.

При анализе и характеристике государства Маркс обращает внимание на наличие объективных общественных отношений, которые являются определяющим фактором всех явлений и процессов, протекающих в обществе. Он подчеркивает методологическое значение этого положения: «Став с самого начала на эту объективную точку зрения, мы ...будем видеть действия объективных отношений там, где на первый взгляд кажется, что действуют только лица» [5].

В упомянутой выше статье «Оправдание мозельского корреспондента» Маркс выделяет ряд объективных отношений: отношения между сферой частных интересов и государством (сферой всеобщего интереса); отношения внутри «организма управления»; состояние печати и общественного мнения. Бедственное положение примозельского края образуется из взаимодействия двух сторон: частной и государственной. Отношение сферы частных интересов к государству Маркс проследил уже в предшествующих статьях и пришел к выводу, что современное ему государство является государством частных собственников. Анализируя отношения внутри современного ему государства, Маркс показывает, что они представляют собой отношения бюрократической иерархии. Деятельность любого чиновника в этой бюрократической иерархии определяется ставшими традиционными принципами, признающими всесилие и непогрешимость высших чиновников. Законы бюрократической иерархии являются реальной силой. Они определяют враждебное отношение чиновников к управляемому организму, к населению, находящемуся вне бюрократической сферы.

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 1, с. 110.
[2] Там же, т. 27, с. 367.
[3] Там же, т. 1, с. 171.
[4] Там же, с. 199.
[5] Там же, с. 192—193.

В силу действия этих законов все граждане разделяются на пассивных, управляемых, и активных, управляющих. Управляемое население, попадая в тяжелые условия существования, теряет всякое доверие к государственным чиновникам. Маркс заключает: *«Бедственное положение примозельского края* является одновременно и *бедственным положением управления»* [1].

Этот радикальный вывод являлся открытой констатацией в печати непригодности существующей системы правления: поскольку основу государства составляют не личности, а сословия, то препятствием для оздоровления «организма управления» являются не отдельные лица, а имущие сословия.

В сопротивлении произволу прусского бюрократического государства, в радикализации общественного мнения, согласно воззрению Маркса, важную роль могла сыграть свободная печать. Свободная пресса носит народный характер, и в противоположность законам бюрократической иерархии ее принципы демократичны. Проводя эти принципы в «Рейнской газете», неустанно преодолевая цензурные препоны, Маркс поставил газету на службу демократии. Его работа в «Рейнской газете» явилась ярким примером действенности прогрессивной печати, первым для него опытом практического проведения своих взглядов в жизнь.

Упрочение революционно-демократических позиций было переходным этапом в формировании политического сознания Маркса. Именно в период работы в «Рейнской газете» наметился его поворот к коммунизму.

Рабочий вопрос становился злободневным в странах, вступивших на путь капиталистического развития. Обсуждение его приводило к расширению социальной проблематики, к выяснению коренных, глубинных причин общественных явлений. Для Маркса этот аспект рассмотрения общественных явлений был естественным продолжением и углублением революционно-демократического воззрения на жизнь и историю общества. В то время он тщательно изучал работы Прудона, Дезами, Леру, Консидерана, Вейтлинга и все более убеждался в необходимости ближе познакомиться с условиями жизни и труда прирейнской бедноты. Это входило в его планы и как редактора «Рейнской газеты». Кроме того, берлинские младогегельянцы, охотно сотрудничавшие в «Рейнской газете», в своих статьях подчас касались идей утопического коммунизма, что давало реакционной прессе, в частности аугсбургской «Всеобщей газете», повод для обвинения «Рейнской газеты» в коммунистической пропаганде. Все это побуждало Маркса определить свое отношение к сути дела и изложить свое понимание коммунизма.

Имея в виду идеи утопического коммунизма, Маркс заявлял, что редактируемая им газета «не признает даже *теоретической реальности* за коммунистическими идеями в их теперешней фор-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 1, с. 205.

ме» и «подвергнет эти идеи основательной критике» [1]. Что же касается практических опытов некоторых утопистов, то они не угрожают господствующим в обществе порядкам; на них «могут ответить *пушками,* как только они станут опасными» [2].

Наряду с этим Маркс выражал недовольство легкомысленным отношением к проблеме берлинских младогегельянцев, их манерой «вводить контрабандой коммунистические и социалистические положения, то есть новое мировоззрение, в случайные театральные рецензии» [3]. Маркс ждал от берлинских младогегельянцев серьезного, «основательного обсуждения коммунизма» [4]. Он считал, что коммунизм представляет собой такое явление, которое требует глубокого изучения, но отнюдь не в салонах высокопоставленной публики. Существенной задачей времени Маркс считал «теоретическое обоснование» коммунизма, учитывая притягательную силу его идей. «*Идеи* же, которые овладевают нашей мыслью, подчиняют себе наши убеждения и к которым разум приковывает нашу совесть,— писал он,— это узы, из которых нельзя вырваться, не разорвав своего сердца, это демоны, которых человек может победить, лишь подчинившись им» [5].

Если революционный демократизм ограничивался признанием роли трудящихся масс в государственно-правовых сферах общественной жизни, то коммунизм требовал анализа самих понятий «трудящиеся массы», «народ», «сословие». В полемике с противниками «Рейнской газеты» Маркс конкретизирует понятие «народ»: это «трудящиеся массы», а из общей массы народа, трудящихся выделяет сословие неимущих работников, то сословие, которое «не владеет ничем», но «*требует* доли в богатстве средних классов» [6]. Именно из движения этого сословия на улицах Манчестера, Парижа и Лиона рождался коммунизм. Исходя из интересов этого беднейшего класса, Маркс начнет обосновывать идеал политического и социального устройства жизни.

Следуя гегелевской традиции, Маркс выделял два этапа в мировой истории: этап несвободы и этап свободы. Но между Марксом и его предшественниками существует значительное различие в понимании этих этапов: Гегель основное внимание обращал на осознание свободы, Маркс — на ее осуществление; у Гегеля прогресс свободы выступает как количественный ее рост — от свободы одного до свободы всех, у Маркса же этот прогресс рассматривается с точки зрения отношения к различным социальным слоям общества. В период несвободы человечества, называемый Марксом, по примеру Гёте и Гегеля, «духовным животным царством», история общества составляла еще часть естественной истории. Она характеризовалась сословной расчлененностью общества, враждебным отношением людей друг

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 1, с. 117.

[2] См. там же, с. 118.

[3] См.: Маркс — Арнольду Руге, 30 ноября 1842 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 27, с. 369.

[4] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 1, с. 118.

[5] Там же.

[6] См. там же, с. 115.— У Маркса в это время нет еще четкого разграничения понятий «класс» и «сословие».

к другу. Но «если в природном животном мире рабочие пчелы убивают трутней, то в духовном животном мире, наоборот, трутни убивают рабочих пчел — убивают их, изнуряя работой»[1]. Маркс выступает против «духовного животного царства», в современном ему обществе усматривает характерные черты обрисованной эпохи.

«Духовному животному царству» противостоит идеал общества, в котором человеческий мир «сам создает свои различия и неравенство которого есть не что иное, как разноцветное преломление равенства»[2]. Идеалом же политического строя или «истинным государством» является государство, которое есть продукт собственной деятельности народа, самопредставительство народа — демократия. Задача состоит в том, чтобы теоретически обосновать идеал общественного строя, а также пути и средства его достижения.

Так деятельность в «Рейнской газете», непосредственное соприкосновение с разными сторонами общественной жизни, изучение ее назревших проблем, участие в идейно-политической борьбе подводили Маркса к материалистическому пониманию истории, к коммунизму.

Но «Рейнская газета» по велению правительства была закрыта. В этом акте правительственного произвола Маркс усматривал признание действительной силы «Рейнской газеты», а также «некоторый *прогресс* политического сознания»[3]. Завершив работу в «Рейнской газете», он несколько месяцев провел в Крейцнахе, а осенью 1843 года переехал в Париж с целью издавать за границей новый печатный орган.

У истоков материалистического понимания истории

К 1843 году относится незавершенная рукопись Маркса «К критике гегелевской философии права». Она содержит критический анализ одного из подразделов книги Гегеля «Основы философии права», который посвящен государству. Содержание рукописи свидетельствует о неудовлетворенности Маркса идеализмом и умозрительным подходом к реальной действительности. Критический анализ гегелевской философии права и обусловил его поворот к противоположной философской системе — к материалистической философии Фейербаха.

Вместе с тем отношение Маркса к философии Фейербаха отличалось взыскательностью. 13 марта 1843 года он писал Руге относительно «Предварительных тезисов» Фейербаха: «Афоризмы Фейербаха не удовлетворяют меня лишь в том отношении, что он слишком много напирает на природу и слишком мало — на политику. Между тем, это — единственный союз, благодаря которому теперешняя философия может стать истиной»[4]. Маркс воспринял суть взглядов Фейербаха как многообещающий способ истолкования результатов познания (в корне отличный от гегелевского), кото-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 1, с. 126.

[2] См. там же, с. 125.

[3] См.: Маркс — Арнольду Руге, 25 января 1843 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 27, с. 372.

[4] Там же, с. 374—375.

рый должен быть проверен путем его применения к анализу явлений общественной жизни. Младогегельянцы же методологического значения фейербаховской философии совершенно не понимали.

Рукопись «К критике гегелевской философии права» характерна самим подходом к оценке учения классика немецкого идеализма. Вслед за Фейербахом Маркс вскрыл «великие» и «жалкие» стороны этого учения, «великое» отделил от «жалкого», при этом по-новому истолковывал «великое». В отличие от Фейербаха он расширил сферу рассмотрения гегелевской философии, затронув проблемы общества и познания.

Рукопись 1843 года дает представление о важном этапе перехода Маркса на позиции материализма, который совершался в процессе критического переосмысления и преодоления гегелевского идеализма, еще недавно составлявшего основу его мировоззрения. Из критического характера и содержания рукописи 1843 года вырисовываются новые тенденции в воззрениях Маркса на государство и его функции. Главный порок гегелевской философии права он видел в ее неспособности вскрыть истинные причины общественных явлений. Анализ отношений семьи, «гражданского общества» и государства убеждает его в том, что «Гегель всюду делает идею субъектом, а действительного субъекта в собственном смысле... превращает в предикат» [1]. В этом идеалистическом переворачивании действительных отношений Маркс усматривает «коренной порок гегелевского хода мыслей» [2] и противопоставляет ему объяснение государства, исходящее из реальной действительности. Но, критикуя гегелевский идеализм, Маркс в то же время сохранил ценное достояние гегелевской философии — диалектику. По мере усвоения материализма Фейербаха он материалистически перерабатывал диалектику, открывая ее в самой действительности (природе и обществе). При этом углубление Маркса в материализм сопровождалось революционно-критическим отношением к его старой форме, постижением его ограниченности. Этому способствовало различие политических позиций Фейербаха и Маркса: ограниченной буржуазно-демократической позиции философа-одиночки, изолированного от общественного движения и борьбы, противостоял политический радикализм Маркса с наметившейся коммунистической тенденцией.

Рассматривая государство в отношении к индивиду, Маркс подчеркнул, что все функции и сферы деятельности государства связаны с деятельностью индивидов. Умозрительно-идеалистической гегелевской трактовке государства Маркс противопоставил рассмотрение (пока еще в абстрактной постановке) государства как результата деятельности индивидов. Разумеется, на его понимание роли индивида в государстве в то время оказывал влияние

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 1, с. 228.
[2] См. там же, с. 245.

фейербаховский гуманизм. Вместе с тем при анализе роли и деятельности индивидов Маркс делает акцент не на природные, а на социальные их свойства. Сущность личности, живущей в обществе, составляет «не ее абстрактная физическая природа, а ее *социальное* качество»; государственные функции — это, прежде всего, «способы существования и действия социальных качеств человека» [1]. Потребность человека проявлять себя не только в сфере частных интересов, но также в сфере общественных (общих) интересов, в политической области — одно из этих качеств. Следовательно, подлинно человеческое в индивиде составляет потребность в общении с другими индивидами, в деятельности на общее благо. Эти действия объединяют индивидов в народ и носят политический характер. Подобный взгляд на роль индивидов отличал Маркса от всех идеалистов, просветителей материалистического и деистического толка и от антропологического материалиста Фейербаха.

По-новому решает Маркс и вопрос об отношении государства к народу. Народ сам себя организует в государство. «Не государственный строй создает народ, а народ создает государственный строй» [2],— заявляет Маркс. Пренебрежительно-идеалистическому отношению Гегеля и гегельянцев к народу как пассивной массе Маркс противопоставляет признание активной роли народных масс в истории.

Рассматривая исторические типы общества, Маркс использует рациональные идеи и представления предшествующей философской и социально-политической мысли. Он различает несколько исторических типов связи между «гражданским обществом» [3] и государством. Античное государство Маркс характеризует как «единство между народом и государством» [4]; «народ» (свободные) и государство здесь тождественны. Гражданское же общество еще не считалось народом, так как труд — удел рабов. В силу этого «у греков гражданское общество было *рабом* политического общества» [5]. В средние века, которые Гегель считал вершиной тождества гражданского и политического общества, это тождество осуществлялось через сословия; государственные функции превратились в привилегию одного из сословий. В современных условиях государство и гражданское общество оказываются отчужденными друг от друга. Маркс считает, что «исторической задачей стало... вернуть политическое государство в реаль-

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 1, с. 242.

[2] Там же, с. 252.

[3] «Гражданское общество,— определял позднее Маркс,— обнимает все материальное общение индивидов в рамках определенной ступени развития производительных сил... Выражение «гражданское общество» возникло в XVIII веке, когда отношения собственности уже высвободились из античной и средневековой общности (Gemeinwesen). Гражданское общество как таковое развивается только вместе с буржуазией; однако тем же именем всегда обозначалась развивающаяся непосредственно из производства и общения общественная организация, которая во все времена образует базис государства и прочей идеалистической надстройки» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений. (Новая публикация первой главы «Немецкой идеологии»). М., 1966, с. 95—96).

[4] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 1, с. 255.

[5] Там же, с. 302.

ный мир»[1], преодолеть отчуждение в обществе и осуществить единство гражданского общества и государства. Этого можно достигнуть путем упразднения бюрократии и установления демократии.

«Демократия есть государственный строй как родовое понятие»[2]. Все остальные формы государства являются одним из ее видов. Углубляясь в историю демократии как государственного строя, Маркс приходит к заключению, что общественную жизнь характеризуют прежде всего собственность, гражданское общество, семья; государство же есть лишь организующая форма. Однако отношения гражданского общества еще не составляют для Маркса предмета специального рассмотрения, хотя он уже почувствовал необходимость изучения конкретной истории буржуазного общества, исследования природы и законов частной собственности.

Рукопись 1843 года свидетельствует о глубоком интересе Маркса к изучению истории. Результаты этого изучения отразились и в «Крейцнахских тетрадях». Помеченные Марксом «Крейцнах, июль — август 1843», они составляют объемистый рукописный текст, содержащий извлечения из трудов видных историков и мыслителей. Особый интерес Маркс проявляет к истории французской революции.

Изучение исторического процесса Маркс предпринимает в целях постижения его закономерностей. Значение этих занятий состояло в том, что они усиливали тяготение к материалистическим воззрениям. Изучение истории человечества давало ключ к пониманию сложных и противоречивых явлений современной общественной жизни, помогало Марксу искать свой ответ на вопрос о политических и социальных отношениях сословий, классов, наталкивало на необходимость исследования «гражданского общества».

Обнаружив противоречивость общественной жизни, Маркс подступает к изучению вопроса о генезисе частной собственности. Правда, в рукописях 1843 года он еще не ставит перед собой этот вопрос. Но зато в материалистическом духе он решает проблему взаимоотношения государства и частной собственности. По его убеждению, идея об «определяющей» роли государства по отношению к частной собственности представляет собой иллюзию. В действительности, государство является «определяемым»; «государственный строй является здесь, таким образом, *государственным строем частной собственности*»[3]. Отношения частной собственности, по Марксу, составляют сердцевину в гражданском обществе. Вслед за первоначальным толкованием взаимодействия этих отношений и государственного строя в рукописях 1843 года следующий шаг должен состоять в раскрытии существа частной собственности, и Маркс вскоре этот шаг сделал.

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 1, с. 254.
[2] Там же, с. 251.
[3] Там же, с. 346.

Таким образом, движение Маркса от идеализма к материализму, наметившееся и проявившееся в статьях «Рейнской газеты», усиливается в рукописях и исторических конспектах 1843 года.

Первые шаги Энгельса к материализму и коммунизму

С антропологическим материализмом Энгельс познакомился еще до своей поездки в Англию. Он с глубоким интересом изучал труд Фейербаха «Сущность христианства», пережил «освободительное действие» этой книги [1]. Однако всю значимость материалистических принципов Фейербаха он осознал не сразу. С идеями утопического социализма и коммунизма Энгельс познакомился еще будучи в Германии, тяготел к ним. Но социалистом, по словам Ленина, он стал в Англии [2].

По дороге в Англию (ноябрь 1842 г.) Энгельс заехал в Кёльн, где впервые встретился с редактором «Рейнской газеты» — Марксом. Эта первая встреча, по свидетельству самого Энгельса, была холодной: Маркс критически относился к берлинским «свободным», Энгельс же был с ними связан. Однако интересы дела победили предубежденность; в лице Энгельса Маркс приобрел ценного корреспондента из Англии.

Пребывание Энгельса в Англии явилось важным этапом в его идейном развитии: непосредственное знакомство с чартизмом, оуэнизмом привело его на позиции социализма. Уже 29 ноября 1842 года он написал для «Рейнской газеты» статью «Английская точка зрения на внутренние кризисы», а затем за короткий срок отправил Марксу серию статей, которые все были опубликованы. В отличие от широковещательных, но малосодержательных корреспонденций берлинских «свободных», статьи Энгельса были насыщены политически заостренными теоретическими идеями; они давали конкретную информацию немецким читателям о жизни английского общества. Корреспонденции Энгельса в «Рейнскую газету» свидетельствовали о том, что в его духовном развитии происходят изменения, аналогичные тем, которые переживал в то время Маркс.

В Англии Энгельс столкнулся с явлением, которое в Германии не бросалось в глаза, будучи завуалировано идейными наслоениями и теоретической борьбой; он подметил, что в английском обществе, в различных его областях, на передний план выдвигались в неприкрытом виде материальные интересы. Государство, партии, общественное движение, идейная борьба, мораль и литература — все формы общественной жизни явственно пронизывались материальными интересами. Наблюдая и анализируя картину английского общества, Энгельс сделал вывод: «...революция неизбежна для Англии, но как во всем, что происходит в Англии, эта революция будет начата и проведена ради интересов, а не ради

---

[1] См.: *Энгельс Ф.* Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 281.

[2] См.: *Ленин В. И.* Фридрих Энгельс.— Полн. собр. соч., т. 2, с. 9.

принципов; лишь из интересов могут развиться принципы, т. е. революция будет не политической, а социальной»[1].

Двухлетнее знакомство с самой развитой капиталистической страной помогло Энгельсу уяснить значение экономических интересов (— все, что происходит в Англии, можно понять лишь исходя из факта господства в жизни общества материальных интересов, а не из отвлеченных теоретических принципов) и характер назревающего революционного переворота (— противоречия материальных интересов столь остры, что революция неизбежно должна выйти за рамки политического переворота и затронуть глубинные, экономические основы общества).

Энгельс приступает к изучению экономической и социалистической литературы и, вооружившись знаниями, продолжает писать и публиковать статьи в различных печатных изданиях. Так, в мае — июне 1843 года, после закрытия «Рейнской газеты», он поместил в журнале «Швейцарский республиканец» свои «Письма из Лондона», в ноябре того же года напечатал в оуэнистской газете «Новый нравственный мир» статью «Успехи движения за социальное преобразование на континенте».

В первой из названных статей Энгельс освещает реальные социальные силы — классы и политические партии, действующие в английском обществе. Он показывает, что чартизм, черпающий свои силы в рабочей среде, и социалисты, приобретающие себе сторонников из низших слоев буржуазии и из пролетариев, пользуются значительным влиянием в английском обществе, что в Англии рабочий класс — действительный носитель прогресса во всех областях общественной жизни, в том числе духовной. Коснувшись научного прогресса, Энгельс отметил, что «Англия — родина политической экономии», но в среде профессоров и практических политиков идеи этой науки выродились «в бредовую по своим выводам мальтусовскую теорию народонаселения»[2]. В противовес буржуазным ученым Энгельс подчеркивает положительную роль в развитии политической экономии английских социалистов и чартистов, создающих убедительные экономические трактаты. Английских социалистов-оуэнистов он характеризует и как более решительных противников церкви и религии, чем французские утописты. Далее он отмечает, что в среде «низших сословий» охотно читаются переводы сочинений Вольтера, Руссо, Гольбаха, «Жизнь Иисуса» Штрауса, а также произведения английских поэтов Байрона и Шелли. В английском обществе Энгельс констатирует примечательный факт: «...чем ниже стоит класс в обществе, чем он «необразованнее» в обычном смысле слова, тем он прогрессивнее, тем большую будущность он имеет»[3]. Таким образом, историче-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 1, с. 503.
[2] См. там же, с. 513.
[3] Там же.

ские перспективы английского народа Энгельс связывает с рабочим классом.

Во второй статье выражено отношение Энгельса к коммунизму. Он обращает внимание на его необходимость и неизбежность: передовые мыслители трех крупных стран — Англии, Франции и Германии «пришли к заключению, что радикальная революция в общественном устройстве, имеющая своей основой коллективную собственность, стала теперь настоятельной и неотвратимой необходимостью» [1]. Примечательным здесь является определение коммунизма как общества, опирающегося на коллективную собственность, которое достижимо в результате социальной революции. Энгельс подчеркивает международный характер коммунизма: к нему ведет не особое развитие английской или какой-либо другой нации, а неизбежное развитие общих условий современной цивилизации.

Во Франции со времени буржуазной революции ни одно общественное усовершенствование, ни одна доктрина не могут приобрести национального значения, если они не облечены в политическую форму. Французская революция положила начало демократии в Европе. Но Энгельс решительно критикует демократию современного ему общества. Она «есть противоречие в себе самой», ложь, лицемерие. Политическая свобода в ее современном виде есть «мнимая свобода», а «видимость свободы» — худший вид рабства. «Демократия, как и всякая другая форма правления, должна в конечном итоге распасться...» [2] «Действительная свобода и действительное равенство станут возможными лишь при коммунистических порядках» [3], возникнут на развалинах буржуазной демократии.

Далее в статье дан краткий очерк истории французского утопического социализма и коммунизма. Энгельс критически характеризует учения Бабёфа, Сен-Симона, Фурье, Кабе и других утопистов. Он склонен выше оценивать те теории, в которых делаются попытки научного объяснения общественных явлений. Поэтому теорию Фурье и фурьеристов он называет «социальной философией» и ставит выше сен-симонистских идей, которые характеризует как «социальную поэзию». В учениях утопистов Энгельс подмечает непоследовательность и противоречия. «Очень важная непоследовательность» фурьеризма состоит в том, что он «не отменяет частной собственности» [4]. Опыты утопистов по созданию колоний на новых принципах общежития он оценивал не более как способ убеждения общественности в возможности осуществить коммунистические идеалы. Энгельс считал, что утопический социализм и коммунизм, несмотря на предпринятые его сторонни-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 1, с. 525.
[2] Там же, с. 526.
[3] Там же, с. 532.
[4] См. там же, с. 529.

ками практические попытки улучшить положение трудящихся, не может обеспечить действительной свободы и равенства, именно ввиду утопичности предлагаемых для достижения этих целей путей и средств.

Энгельс отмечает также, что идеи коммунизма с необходимостью появились и в Германии, несмотря на противодействие реакции.

3. ПЕРЕХОД МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА НА ПОЗИЦИИ ПРОЛЕТАРИАТА

Участие Маркса и Энгельса в «Немецко-французском ежегоднике»

Завершение перехода, или, по выражению Ленина, «окончательный» переход Маркса и Энгельса к материализму и коммунизму, было связано с рядом важных событий в жизни немецкого общества и в их личной жизни. С закрытием «Рейнской газеты» Маркс лишился реальной возможности открыто высказывать свои взгляды и бороться с социальной несправедливостью на родине. Поэтому он, приняв предложение А. Руге, переехал в Париж (октябрь 1843 г.), чтобы попытаться осуществить издание нового печатного органа. Создание журнала, надеялся он, явится «делом, которое может вызвать энтузиазм» [1], ибо такой орган содействовал бы объединению прогрессивных сил двух народов — немецкого и французского.

Новое издание, получившее название «Немецко-французского ежегодника», было, по существу, делом интернациональным. В нем были опубликованы не только произведения по идейно-политическим вопросам немецкой и французской общественной жизни, но и статьи Энгельса об Англии и английской политической экономии.

Переезд в Париж привел к расширению сферы занятий Маркса. Здесь он непосредственно познакомился с рабочим движением, что ускорило критическое переосмысление им идей утопического социализма, переход на позиции пролетариата.

При подготовке издания нового органа принципиальное значение приобрела разработка его программы. Ее создание предполагало осознанный подход и оценку философских направлений того времени, утопического социализма и коммунизма. Совокупность задач, поставленных жизнью перед теорией, Маркс сформулировал в переписке с А. Руге по поводу программы «Немецко-французского ежегодника» (переписка эта, ввиду ее принципиального характера, была опубликована в журнале). Главную задачу журнала он видел в том, чтобы от критики идей обратиться к критике действительности, в особенности к критике государства и политики. В одном из писем к Руге Маркс подчеркивает зна-

[1] См.: Маркс — Арнольду Руге, 13 марта 1843 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 27, с. 373.

чение политической направленности философии. Именно отсутствие такой направленности в работах Фейербаха побудило Маркса критически отнестись к его социальному учению. Журнал призван содействовать созданию качественно новой, «мирской» философии, которая должна быть втянута в водоворот борьбы. Назначение этой философии — посредством «критики старого мира найти новый мир» [1]. Критика всего существующего должна быть бесстрашной в двух смыслах: «эта критика не страшится собственных выводов и не отступает перед столкновением с властями предержащими» [2]. Журнал должен также помочь представителям утопического коммунизма уяснить реальный смысл своих собственных принципиальных положений.

Это была программа, выходившая за рамки задач «Немецко-французского ежегодника». Над ее осуществлением Маркс и Энгельс с 1844 года продолжали целеустремленно работать уже совместно.

Первым шагом на пути реализации программы, выдвинутой Марксом для «Немецко-французского ежегодника», были его статьи «К еврейскому вопросу» и «К критике гегелевской философии права. Введение», а также статьи Энгельса «Наброски к критике политической экономии» и «Положение Англии», опубликованные в первом (сдвоенном) и единственном номере журнала, вышедшем в свет в конце февраля 1844 года в Париже.

Статьи Маркса носили острокритический характер. Он отмечал, что всякая идейная критика в современной Германии «начинается с критики религии», поскольку религия является основой государства. Но, начав с этого, Маркс в обеих статьях далеко вышел за пределы критики религии, а в воззрениях на религию — за рамки младогегельянской и фейербаховской ее трактовок.

В статье «К еврейскому вопросу», написанной по поводу статьи Б. Бауэра «Еврейский вопрос», Маркс рассмотрел проблему соотношения религиозной эмансипации с политической (понимая под политической эмансипацией буржуазно-демократические преобразования). Б. Бауэр утверждал, что, пока государство остается христианским, а евреи исповедуют иудаизм, их политическая эмансипация невозможна; предпосылкой политической эмансипации евреев является их отказ от собственной религии. Воззрения же Маркса по данному вопросу коренным образом отличались от этой точки зрения, распространенной в то время в среде младогегельянцев. В противоположность абстрактному подходу Б. Бауэра, Маркс при рассмотрении вопроса исходит из реально существующего общественного строя, а также продолжает исследовать политическую организацию общества — государство в его отношении к «гражданскому обществу». Он указывает, что если в Германии еврейский вопрос действительно оказывается чисто религиозным, теологическим, то во Франции — это «вопрос конституционализма», или недостаточности и «половинчатости политической эмансипации», а в США еврейский вопрос утрачивает теологическое значение и становится «действительно мирским вопросом» [3]. Но высокий уро-

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 1, с. 379.
[2] Там же.
[3] См. там же, с. 387.

вень политического строя государства отнюдь не избавляет людей от религии. Религия, отмечал Маркс, существует и проявляет «жизнеспособную силу» даже при завершенной политической эмансипации.

В связи с этим встают вопросы о социальных истоках религии, о соотношении религиозной, политической и человеческой эмансипации. Маркс развенчивает теолого-идеалистическое «обоснование» религии и противопоставляет ему свой, материалистический, взгляд. Религия — проявление «мирской ограниченности» гражданского общества. «Религиозные путы» и суеверия граждан государства объясняются «мирскими путами». «Вопрос *об отношении политической эмансипации к религии* становится для нас вопросом *об отношении политической эмансипации к человеческой эмансипации*» [1],— рассуждает Маркс. Он фиксирует разорванность современной ему общественной жизни на реальную и иллюзорную, на земную и религиозную. Политическая эмансипация не уничтожает религиозности человека, она лишь разрушает узы, сковывающие эгоистический дух гражданского общества, и делает принципом последнего «эгоистического человека», «богом» которого являются деньги. «Деньги,— по Марксу,— это отчужденная от человека сущность его труда и его бытия; и эта чуждая сущность повелевает человеком, и человек поклоняется ей» [2]. Чтобы избавиться от любой, в том числе иудейской, религии, необходимо устранить отчуждение сущности человека, осуществить коренное преобразование гражданского общества. Поскольку политическая эмансипация не устраняет отчуждения, а лишь доводит его до предела, освободительную борьбу следует продолжить до достижения человеческой эмансипации. Так, терминологически пока несовершенно, Маркс выражает зреющую у него мысль, которая в дальнейшем будет сформулирована как ликвидация в обществе эксплуатации человека человеком.

Статью «К критике гегелевской философии права. Введение» Маркс начинает с критики религии. В отличие от Фейербаха он акцентирует внимание на социальной стороне религии, вскрывает ее угнетательский характер. Религия, определяет он, есть самосознание человека, который или еще не обрел себя, или уже снова себя потерял. Это — превратное мировоззрение, порожденное обществом, государством, тяжелыми условиями существования. Религиозное убожество есть одновременно выражение действительного убожества и протест против него. «Религия — это вздох угнетенной твари... Религия есть *опиум* народа. Упразднение религии, как *иллюзорного* счастья народа, есть требование его *действительного* счастья» [3],— утверждает Маркс.

«Оружие критики не может заменить критики оружием»

В задачу философии, которая хочет действительно служить людям, по мысли Маркса, входит раскрывать реальные формы отчуждения человека. «Критика неба превращается, таким образом, в критику земли, *критика религии — в критику права, критика теологии — в критику политики*» [4]. И далее Маркс обращается к критике действительной жизни современного немецкого общества и его истории. Он отмечает, что немецкая история стоит ниже всякой критики, указывает на несправедли-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 1, с. 388.
[2] Там же, с. 410.
[3] Там же, с. 415.
[4] Там же.

вость существующих в Германии порядков, на реакционную суть официальной политики. «С нашими пастырями во главе мы обычно оказывались в обществе свободы только один раз — в день ее погребения» [1],— иронизирует Маркс. Его возмущает пассивность немецкого филистерского (буржуазного и мелкобуржуазного) мира. Вместо того чтобы действовать и перестраивать жизнь, немцы лишь мысленно переживают свое будущее. «Мы — *философские* современники нынешнего века,— констатирует Маркс,— не будучи его *историческими* современниками» [2].

Статья эта представляет собой одно из первых философских произведений Маркса, в котором критика сопровождается положительным решением рассматриваемых вопросов. Его критические оценки социального, политического и идейного состояния немецкого общества имели революционную направленность. Он рассуждал о жизненно важных для Германии вопросах: о перспективах ее развития, о возможности революции, способной поднять немецкое общество до уровня передовых народов и превзойти этот уровень. Его ответы на эти вопросы глубоко оптимистичны и опираются на новые, по сути — материалистические, хотя еще недостаточно четко сформулированные принципы. Глубинные причины (корни) религии, основы политической жизни, правопорядка, философии, всей идеологии Маркс видит в действительной истории, в материальной жизни гражданского общества. «Немецкая философия — *продолжение* немецкой истории в *идее*» [3],— заявляет он. Поскольку действительность плоха, идеология тоже плоха, ибо она дает отражение все той же действительности, к тому же извращенное.

Маркс диалектически решает вопрос о соотношении теории и практики. Всякая теория, в том числе философия государства и права, есть порождение реальных общественных порядков, их «абстрактное продолжение». Из этого следует, что философская критика должна включить в свой предмет и реальную действительность, а не только ее отражение в идеях. К тому же в сфере идей возникают вопросы, которые могут быть разрешены лишь практикой. В противовес младогегельянцам Маркс высказывает убеждение, что одна только критика в области идей сама по себе не может привести к коренному изменению материальных основ существования общества. «Оружие критики не может, конечно, заменить критики оружием, материальная сила должна быть опрокинута материальной же силой...» [4]

Это материалистическое положение Маркс диалектически дополняет признанием активной роли идей в общественном развитии: «...но и теория становится материальной силой, как только

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 1, с. 416.
[2] Там же, с. 419.
[3] Там же.
[4] Там же, с. 422.

она овладевает массами» [1]. Теория осуществляется в истории народа постольку, поскольку является отражением его потребностей. Потому «недостаточно, чтобы мысль стремилась к воплощению в действительность, сама действительность должна стремиться к мысли» [2]. Это взаимотяготение осуществляется в периоды радикальной революции, в революционной практике. Маркс убежден, что Германии неминуемо предстоит осуществить такую революцию.

Рассматривая проблему вызревания предпосылок революции, Маркс приходит к открытию исторической миссии пролетариата, класса, образующегося из расслоения всех сословий и классов и являющегося средоточием всех бедствий современного общества. Именно этот класс, чтобы освободить себя, должен осуществить общечеловеческую эмансипацию, то есть избавить общество от различных форм угнетения. В революционной практике пролетариата осуществятся принципы новой философии; общечеловеческая эмансипация есть практическое осуществление новых философских принципов.

При этом Маркс четко определяет социально-классовую природу новой философии, которую собирается разрабатывать: «Подобно тому как философия находит в пролетариате свое *материальное* оружие, так и пролетариат находит в философии свое *духовное* оружие» [3]. Эмансипация человечества от всякого материального и духовного гнета осуществится с помощью «радикальной», «основательной» социальной революции. «*Голова* этой эмансипации — *философия*, ее *сердце* — *пролетариат*» [4].

Эти положения Маркса представляли собой решающий шаг вперед, свидетельствуя о его переходе на позиции коммунизма и рабочего класса.

Таким образом, Маркс, по сути, порывает с идеалистической концепцией при объяснении явлений общественной жизни: государства, права, религии, философии и идеологии в целом, роли народных масс в историческом процессе. Он дает им диалектико-материалистическое объяснение; материалистические идеи противопоставляются всем формам идеализма. Перешагнув границы критики идей, теорий, он обратился к критике реальной действительности — политической (государства) и материальной жизни людей (гражданского общества). Уяснив революционную сущность пролетариата, Маркс указал реальную силу коренного изменения общества.

Статьи в «Немецко-французском ежегоднике» свидетельствуют об окончательном переходе Маркса на позиции материализма и пролетарского коммунизма. Ленин писал, что «в своих

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 1, с. 422.
[2] Там же, с. 423.
[3] Там же, с. 428.
[4] Там же, с. 429.

статьях в этом журнале Маркс выступает уже как революционер, провозглашающий «беспощадную критику всего существующего» и в частности «критику оружия», апеллирующий к *массам* и к *пролетариату*» [1].

«Гениальный набросок» новой экономической теории

К сходным выводам пришел Энгельс в опубликованных в «Немецко-французском ежегоднике» статьях «Наброски к критике политической экономии» и «Положение Англии». При этом аргументацию для своих выводов он черпал прежде всего в английской классической буржуазной политической экономии, в истории и современной жизни Англии. Идентичность выводов, сделанных Марксом и Энгельсом на материалах разных стран, подчеркивала всеобщий характер этих выводов. Маркс высоко ценил «Наброски к критике политической экономии», считая их «гениальным наброском» новой экономической теории [2].

Статья посвящена критике буржуазной политической экономии в связи с анализом экономических отношений современного (преимущественно английского) общества. От отдельных критических замечаний в адрес буржуазных экономистов, содержащихся в его ранее опубликованных статьях, Энгельс переходит здесь к систематическому критическому освещению основных этапов движения буржуазной экономической мысли. При этом он следующим образом сформулировал свою задачу: «...критикуя политическую экономию, мы будем исследовать основные категории, раскроем противоречие, привнесенное системой свободы торговли, и сделаем выводы, вытекающие из обеих сторон этого противоречия» [3].

В процессе критического анализа буржуазной политической экономии Энгельс рассматривает экономические явления буржуазного общества, дает им собственное толкование. В фокусе его внимания находятся частная собственность и ее следствие — «раскол между капиталом и трудом».

Анализируя основные этапы развития буржуазной экономической мысли, представленные различными школами, Энгельс эволюцию политической экономии связывал с развитием торговли и частной собственности. Экономическая наука возникла как «естественное следствие распространения торговли» [4], из потребности заменить стихийно осуществляемое торгашество научным ведением дела, «наукой обогащения», которая при своем возникновении опиралась на наивные представления людей о богатстве, заключающемся якобы в накоплении благородных металлов. Уже на первом этапе отчетливо проявилась ее зависимость от личных интересов, корыстолюбия торговцев. Энгельс показывает, что на этом этапе наука сумела подняться лишь до «меркантилистской системы», что соответствовало раннему этапу капитализма. XVIII век — век революций — революционизировал политическую экономию. Меркантилизм уступил место новой полити-

---

[1] *Ленин В. И.* Карл Маркс.— Полн. собр. соч., т. 26, с. 47—48.

[2] См.: *Маркс К.* К критике политической экономии.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 8.

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 1, с. 548.

[4] См. там же, с. 544.

ческой экономии — «системе свободной торговли», обоснованной в трудах ее классика Адама Смита. Экономическая теория Смита, именуемая классической, была прогрессом по сравнению с меркантилизмом, но она не избавилась от противоречий, непоследовательности, абстрактности. Смит и его последователи не выяснили «вопрос о *правомерности частной собственности*» [1]. От классической Энгельс отличает новейшую, или «либеральную», политическую экономию. Достижением новейших экономистов он считает «разработку законов частной собственности» [2]. Но они не могут подняться до глубоких теоретических обобщений о сути частной собственности, вскрыть причины ее появления, понять необходимость ее уничтожения [3], то есть показать исторически преходящий характер частной собственности. Либеральные экономисты не способны дать научную критику своим предшественникам; они не могут правильно оценить меркантилизм, так как имеют общую с ним основу — апологетику частной собственности. Энгельс вскрывает зависимость экономической науки от интересов капитала. «Чем ближе экономисты к нашему времени, тем дальше они от честности. С каждым прогрессом времени необходимо усиливается софистическое мудрствование» [4].

Критический анализ основных категорий буржуазной экономической науки Энгельс начинает с торговли. Показав, что торговля является сферой жестокой борьбы частных собственников, именуемой конкуренцией, он охарактеризовал ее как узаконенный обман. Критики меркантилизма пытались скрыть этот характер торговли, превознося ее гуманное влияние. Энгельс же исходит, прежде всего, из действительных отношений торговли, которая влекла за собой обострение конкуренции, удушение мелких производителей более крупными. Безграничное расширение свободы торговли и конкуренция сделали вражду между людьми всеобщей, разрушили связи между ними и превратили их в изолированных индивидов. Иначе говоря, здесь, как и в других подобных случаях, Энгельс стремился выяснить объективное содержание анализируемой категории.

Ближайшей категорией, которая обусловлена торговлей, является, по мнению Энгельса, стоимость. Приводя определения стоимости, данные буржуазными экономистами, он не соглашался ни с одним из них. Энгельс понимает стоимость как отношение издержек производства к полезности, полагает, что обмен по стоимости может совершаться, если полезность покрывает издержки производства. Относясь в целом отрицательно к буржуазной политической экономии, он в это время не приемлет еще и трудовой теории стоимости классиков, проходя мимо и того ценного, что заключалось в ней; классики ставятся пока в один ряд с вульгарными экономистами.

Энгельс высказывает ряд мыслей относительно соотношения стоимости и цены, отмечает различие между ними, указывает, что цена в каждом данном случае находится под воздействием рынка, испытывает на себе влияние спроса и предложения. В I томе

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 1, с. 545.
[2] См. там же, с. 547.
[3] См. там же.
[4] Там же.

«Капитала» Маркс без всяких комментариев цитирует это место из «Набросков к критике политической экономии» [1].

Анализ экономических отношений в обществе, в котором господствует частная собственность, приводит Энгельса к выводу относительно определяющего значения конкуренции. Он ясно видит анархию производства и стихию рынка с их разорительными последствиями. Участники производства действуют на свой страх и риск. Из-за конкуренции торговля становится источником раздора между людьми, из-за конкуренции ни стоимость, ни цена не могут быть правильно определены сообразно отношению издержек производства к полезности. Конкуренция — неизбежное порождение частной собственности. Это война всех против всех за сохранение и увеличение участниками этой войны своего имущества. В этой борьбе побеждают сильнейшие среди капиталистов и землевладельцев.

В связи с конкуренцией Энгельс рассматривает и проблему кризисов. Если буржуазные экономисты говорили об автоматическом влиянии спроса и предложения на производство и рыночную конъюнктуру, считая, что спрос и предложение должны совпадать, то Энгельс, в противоположность распространенной точке зрения, подмечает, что, хотя спрос и предложение и стремятся совпасть друг с другом, в действительности они никогда полностью не совпадают, в результате чего возникают торговые кризисы. Происходит постоянное чередование расцвета и кризиса, перепроизводства и застоя. Энгельс подчеркнул, что сам механизм капиталистического общества предполагает кризисы: поскольку производство ведется ради наживы, а не для удовлетворения потребностей, то расширение его периодически прерывается сокращениями. Кризисы будут поражать общество до тех пор, пока производство осуществляется «нынешним несознательным, бессмысленным, предоставленным господству случая способом» [2], то есть пока господствует анархия производства.

В «Набросках» кризисы рассматриваются в качестве неизбежного явления, сопутствующего капитализму, как его «естественный закон», покоящийся на «бессознательной» деятельности участников производства. Кризисы — это наиболее существенная форма проявления несостоятельности капиталистической системы. При характеристике кризисов Энгельс справедливо подчеркнул относительный характер перепроизводства при капитализме. Вместе с тем он еще не постиг основного противоречия капитализма, а потому не смог до конца вскрыть глубинные причины экономических кризисов.

Усугубляя бедственное положение рабочего класса, кризисы накаляют социальные противоречия, ведут к обострению классовой борьбы и к социальной революции. «...Каждый последующий кри-

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 175; ср.: т. 1, с. 553.
[2] См. там же, т. 1, с. 561.

зис,— писал Энгельс,— должен быть универсальнее, следовательно — тяжелее предыдущего, должен разорять большее число мелких капиталистов и увеличивать в возрастающей прогрессии численность класса, живущего только трудом; должен, следовательно, заметно увеличивать массу людей, нуждающихся в получении работы, что является главной проблемой наших экономистов, и, наконец, все это должно вызвать такую социальную революцию, какая и не снится школьной мудрости экономистов» [1].

Раскрытие внутренних противоречий системы частной собственности и связанных с ней экономических понятий укрепляло Энгельса в убеждении, что система эта, вопреки утверждению буржуазных экономистов, не может рассматриваться как разумная, вечная форма общества. Наоборот, неразрешимые, антагонистические противоречия буржуазной экономики определяют ее исторически преходящий характер. Анализируя различные экономические явления, соответствующие традиционным категориям буржуазной политической экономии, Энгельс выявлял противоречия в развитии каждого из них, подчеркивал, что в основе свойственных капитализму противоречий лежит частная собственность. С ее уничтожением будет преодолен неуклонно усиливающийся и обостряющийся раскол общества на капиталистов и рабочих, исчезнут классы-антагонисты, будут устранены основы для эксплуатации трудящихся масс, ликвидировано ограбление их капиталом и землевладельцами. «Раз мы устраним частную собственность, то отпадут все эти противоестественные расщепления» [2],— утверждал Энгельс.

Энгельс рассматривает также проблему централизации капитала. Централизация есть закон, неминуемо вытекающий из господства частной собственности. По мере централизации капитала сокращается число собственников, образуется пропасть между горсткой крупных предпринимателей и массой пролетариев, постоянно создается так называемое избыточное население, неразрывно связанное с избыточным богатством. Энгельс критикует тезис буржуазных экономистов о том, что избыточное население порождено якобы недостатком богатства. В действительности же избыточное население сосуществует с избыточным накоплением капитала. Энгельс, стало быть, не просто фиксировал факт обнищания рабочего класса (об этом писали еще Сисмонди, английские экономисты-утописты), но и высказал мысль о неразрывной связи обнищания рабочего класса с капиталистическим накоплением.

В этой связи в «Набросках» подвергнута критике мальтусовская теория народонаселения. «Если бы Мальтус,— отметил Энгельс,— не смотрел на дело так односторонне, то он должен был бы увидеть, что избыточное население или избыточная рабочая сила всегда связана с избыточным богатством, избыточным капи-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 1, с. 561.
[2] Там же, с. 558.

талом и избыточной земельной собственностью»[1]. Энгельс указал на несостоятельность доводов Мальтуса, объявившего бедствия народных масс следствием естественных законов природы, в частности пресловутого закона «убывающего плодородия почвы». Против утверждения Мальтуса он выдвинул такой аргумент, как развитие науки и техники, которое дает возможность неограниченного повышения производительной силы земли. «Производительная сила, находящаяся в распоряжении человечества, беспредельна,— писал Энгельс.— Урожайность земли может быть бесконечно повышена приложением капитала, труда и науки»[2]. Что же касается науки, то «ее прогресс так же бесконечен и происходит, по меньшей мере, так же быстро, как и рост населения»[3].

В «Набросках» Энгельс затрагивает и проблемы земельной ренты. Он рассматривает ренту как порождение монополии на землю, выступая против землевладельцев, которые, монополизируя землю, обращают ее в источник личной выгоды и присваивают плоды улучшения земли, достигнутого арендаторами. «В этом тайна все растущего богатства крупных землевладельцев»[4],— заключает Энгельс.

Таким образом, в противоположность буржуазной политической экономии, которая идеализировала капиталистический строй, Энгельс увидел в капитализме глубоко противоречивую систему, подметил тенденцию нарастания ее внутренних противоречий, неуклонного обострения социальных антагонизмов, уяснил объективную обусловленность враждебности между трудом и капиталом.

Ленин писал, что в «Набросках к критике политической экономии» Энгельс «с точки зрения социализма рассмотрел основные явления современного экономического порядка, как необходимые последствия господства частной собственности. Общение с Энгельсом бесспорно содействовало тому, что Маркс решил заняться политической экономией, той наукой, в которой его труды произвели целый переворот»[5].

Принципиальные идеи «Набросков» пронизывают и серию статей Энгельса «Положение Англии». Первая из них, помещенная в «Немецко-французском ежегоднике», посвящена критическому разбору памфлета Т. Карлейля «Прошлое и настоящее», который был напечатан в Лондоне в 1843 году. Энгельс отмечает, что даже представители господствующего класса английского общества не могут удержаться от критики существующих порядков. Правда, эта критика носит морализирующий характер, а предлагаемые средства исцеления от общественных язв также сводятся к мо-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 1, с. 565—566.
[2] Там же, с. 563.
[3] Там же, с. 568.
[4] Там же, с. 556.
[5] *Ленин В. И.* Фридрих Энгельс.— Полн. собр. соч., т. 2, с. 10.

ральным рекомендациям. Но Энгельс положительно оценивает нарисованную Карлейлем правдивую и впечатляющую картину бедственного положения трудящихся масс и падения нравов господствующего класса. Причину этих бедствий Энгельс видит в характере экономических отношений в обществе.

Таким образом, публикации в «Немецко-французском ежегоднике» отчетливо показывали сходство идейных позиций Маркса и Энгельса.

«Немецко-французский ежегодник», едва выйдя в свет, сразу же привлек к себе внимание. Весной — летом 1844 года в печати появились многочисленные отклики; как реакционная, так и либеральная пресса с разных сторон выступила против его революционно-критической направленности, вступила в полемику с положениями и выводами, сформулированными в статьях Маркса и Энгельса.

Так, консервативная газета «Allgemeine Zeitung» в номере от 10 марта 1844 года негодовала: «Критика, к которой прибег новый парижский журнал, не знает никакой пощады...» А реакционная лейпцигская газета «Die Eisenbahn» 4 апреля отметила, что целью редакторов и сотрудников журнала является «апофеоз пролетариата всех наций, и только на него они смотрят с надеждой и доверием».

Но журнал находил и отзывчивого читателя — как в Германии, так и в других странах. Так, например, великий русский революционный демократ В. Г. Белинский, ознакомившись с журналом, делился своим впечатлением с А. И. Герценом: «Истину я взял себе — и в словах *бог* и *религия* вижу тьму, мрак, цепи и кнут, и люблю теперь эти два слова, как следующие за ними четыре» [1].

Прусские власти запретили ввоз в страну журнала, часть его тиража конфисковали на границе, отдали распоряжение о задержании Маркса, Руге, Гейне и других причастных к изданию лиц при их появлении на территории Пруссии.

4. ВАЖНАЯ ВЕХА В ПОДГОТОВКЕ НОВОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

«Экономическо-философские рукописи 1844 года»

Летом 1844 года Маркс создает три рукописи, которые известны под общим редакционным названием «Экономическо-философские рукописи 1844 года». Рукописи фрагментарны, отдельные части их касаются разнородных проблем и между собой органически не связаны, ибо написаны Марксом в ходе уяснения самому себе занимавших его вопросов. Многие вопросы формулируются абстрактно. По сравнению со своими предшественниками Маркс в ряде вопросов вырывается вперед, выражается самобытно, но в целом еще не свободен от унаследованных традиций и

[1] *Белинский В. Г.* Собрание сочинений. М., 1982, т. 9, с. 574.

балласта несостоятельных традиционных формул. Его кипучая мысль обгоняла перо и ложилась на бумагу пластами, которые требовали еще тщательной отделки. Текст несет на себе черты непосредственного поиска и свежести только что найденного. Достижения важные, но поиск лишь начат. В силу этого рукописи представляют ценность как свидетельство зарождения нового мировоззрения, как работа, раскрывающая творческую лабораторию Маркса. Явившись отражением первых экономических изысканий и размышлений Маркса, они содержат первоначальную постановку проблем, которые были разработаны и решены им в дальнейшем.

Осмысливая современную ему действительность Германии и других стран, Маркс анализирует гегелевскую философию, эмпирический материал и теоретические выводы классической буржуазной политической экономии, сочинения многих, особенно французских, утопических социалистов и коммунистов. Результаты этой работы, отраженные в рукописях, свидетельствуют о дальнейшем идейном развитии Маркса.

В рукописях 1844 года уже намечаются элементы, из которых будут складываться диалектико-материалистические философские, экономические и научно-коммунистические идеи, развившиеся в дальнейшем в составные части марксистского учения. Правда, здесь эти элементы представлены пока в неразвитом, нерасчлененном виде. Но это обстоятельство помогает постигнуть их органическую связь, взаимообусловленность, единство.

Проблематика рукописей разнообразна. Исходя из факта существования частной собственности, Маркс ставит перед собой целый комплекс проблем — «осмыслить существенную взаимосвязь между частной собственностью, корыстолюбием, отделением друг от друга труда, капитала и земельной собственности, между обменом и конкуренцией, между стоимостью человека и его обесценением, между монополией и конкуренцией и т. д., между всем этим отчуждением и *денежной* системой» [1]. Его интересуют различные аспекты общественных отношений — экономический, нравственно-политический, социальный. При этом он выделяет «две задачи: 1) Определить всеобщую *сущность частной собственности,* как результата отчужденного труда, в ее отношении к *истинно человеческой и социальной собственности.* 2) Мы приняли, как факт, *отчуждение труда,* и этот факт мы подвергли анализу. Спрашивается теперь, как дошел *человек до отчуждения* своего *труда*? Как обосновано это отчуждение в сущности человеческого развития?» [2].

Таким образом, задачи, сформулированные Марксом, были одновременно политико-экономическими и социально-философскими. Решение их означало развитие экономической науки на основе

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 42, с. 87.
[2] Там же, с. 98.

создания новой, историко-материалистической теории общества.

В рукописях 1844 года Маркс выступает как критик философской и экономической мысли, а также различных теорий утопического социализма и коммунизма.

Маркс осмысливает философию Гегеля, дает оценку его «Феноменологии духа», подвергает критике абсолютный идеализм, выделяя гегелевскую диалектику. Идеализму Гегеля он противопоставляет материалистическое воззрение на мир, причем противопоставляемая новая философская концепция представляла собой материализм более высокого уровня, чем все предшествующие материалистические системы, в том числе антропологический материализм Фейербаха.

В рукописях Маркс дал высокую оценку философии Фейербаха, подчеркнул ее значение в немецкой и мировой истории философской мысли. Он использовал рациональное содержание антропологического материализма Фейербаха, материалистическую сущность его основных принципов. Но он не остановился на достигнутых Фейербахом результатах, применив принципы материализма к объяснению явлений общественной жизни, относящихся к различным ее сферам — экономической, политической, нравственной, философской, религиозной. В последовательности проведения материалистического принципа, то есть в распространении материалистического воззрения и на общество, состоит одно из важнейших отличий материализма Маркса — уже в тот период — от антропологической философии Фейербаха.

Поворот Маркса к материализму оказал воздействие и на его диалектические взгляды: он начинает «переворачивать» гегелевскую диалектику, срывает с нее мистический покров, усматривая диалектику в реальной жизни и в действительной истории познания мира, материалистически трактует диалектические взаимосвязи. В диалектичности состоит важное отличие его философских воззрений 1843—1844 годов от антропологического материализма Фейербаха, который, критикуя гегелевский идеализм, не оценил значения диалектики.

Таким образом, в рукописях 1844 года мировоззрение Маркса представлено материализмом, качественно отличным от антропологического материализма Фейербаха, хотя и облаченным нередко в фейербаховскую терминологию. В философских воззрениях Маркса данного периода зарождался диалектический материализм, но он находился на начальном этапе своего становления, был еще во многом несвободен от методологии и терминологии прежних философских концепций и традиций.

Определение социальной сущности частной собственности

В рукописях 1844 года Маркс начал свой критический анализ буржуазной политической экономии, осуществляя его на основе материалистического и диалектического подхода к рассмотрению предмета и метода экономической науки. Прежде всего он отметил, что буржуазные экономисты

исходили из факта существования частной собственности, но объяснения ей не давали. Материальный процесс, определяемый в действительности частной собственностью, буржуазная экономическая наука «укладывает в общие, абстрактные формулы, которые и приобретают для нее затем значение *законов*. Эти законы она не *осмысливает,* т. е. не показывает, как они вытекают из самого существа частной собственности. Политическая экономия не дает нам ключа к пониманию основы и причины отделения труда от капитала и капитала от земли» [1]. Зачастую экономисты наталкиваются на противоречия, которые бессильны объяснить с помощью своего метода. Маркс пошел иным путем, исследуя реально существующие в капиталистическом обществе взаимосвязи и отношения, стремясь дать им научное объяснение.

Свой анализ Маркс начинает с выяснения реального содержания рассматриваемых в буржуазной экономической науке общественных явлений — труда, капитала, земельной собственности и связанных с ними экономических категорий. Для него труд, капитал, земельная собственность — реальные общественные явления и отношения, за которыми стоят борющиеся классы современного ему общества. Соответственно установленному А. Смитом делению буржуазного общества на три класса — наемных рабочих, промышленную буржуазию и землевладельцев — Маркс рассматривает свойственные этим классам три вида доходов — заработную плату, прибыль на капитал, земельную ренту, причем в качестве общей основы существования и антагонистической формы распределения общественного богатства он фактически принимает частную собственность на средства производства. Разбирая происхождение, сущность и взаимную связь указанных видов доходов, Маркс опирается на достижения классической политической экономии, на труды А. Смита и других буржуазных экономистов. Он пока еще не дает своего собственного теоретического толкования этих вопросов, но от предшественников его уже отличает последовательная классовая позиция защитника интересов рабочих. Он подчеркивает, что в условиях любой экономической конъюнктуры буржуазного общества рабочий страдает и не имеет обеспеченного существования. С развитием фабричной системы производства и ростом накопления капитала положение рабочих ухудшается, они попадают в полную зависимость от произвола капиталистов, от колебаний рынка. Маркс выразительно рисует картину капиталистического накопления: «привилегированные и праздные боги» буржуазного общества — земельный собственник и капиталист «всюду одерживают верх над рабочим и диктуют ему свои законы», богатое состояние общества ведет к страданию его большинства, рабочему достается самая малая доля продукта, по мере прогресса капиталистического производства рабочий низводится до роли машины, с накоплением

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 42, с. 86.

богатства и капитала заработная плата рабочих сводится к жалкому уровню, а часть рабочих вовсе лишается работы. «Рабочий становится тем беднее, чем больше богатства он производит, чем больше растут мощь и размеры его продукции» [1].

Рассматривая экономическое положение рабочих в системе капиталистического общественного производства, Маркс констатирует существенное различие между стоимостью произведенного рабочим продукта труда и величиной его заработной платы. Он подмечает, что количество затраченного рабочим труда определяет не столько его заработную плату, сколько величину прибыли на капитал. Заработная же плата есть лишь простой вычет на долю труда, выплата капиталистом стоимости минимума жизненных средств существования рабочего, «чтобы он мог прокормить семью и чтобы рабочая раса не вымерла» [2].

Уже в соотношении заработной платы рабочего и прибыли капиталиста проявляется существующий между ними антагонизм. Правда, еще Д. Рикардо отмечал, что, чем выше заработная плата, тем ниже прибыль, и наоборот, но он не пошел дальше констатации факта. Маркс же, анализируя экономические отношения, видит в них проявление борьбы классов. Он отмечает, что жизненный уровень рабочего определяется не только характером его труда, но и размахом борьбы рабочих за улучшение их условий. Заработная плата «определяется враждебной борьбой между капиталом и трудом» [3].

Анализируя взаимоотношение труда и капитала, Маркс сопоставляет их отношение к частной собственности. Если рабочий не владеет частной собственностью, то капитал Маркс определял, прежде всего, как *форму* частной собственности. Он не ограничился фиксацией этого факта, поставив вопрос об объективной перспективе капитала как формы частной собственности.

Буржуазная политическая экономия, провозглашающая идею гармонии труда и капитала, в действительности «видит в рабочем лишь рабочее животное, скотину, потребности которой сведены к самым необходимым физическим потребностям» [4]. Признавая фактически труд средством увеличения общественного богатства, буржуазные экономисты в то же время считают нормальным такое положение трудящихся. Капиталист и рабочий, изображаемые буржуазными экономистами как два равноправных товаровладельца, свободно обменивающиеся своими товарами, в действительности отнюдь не равноправны: капиталист господствует над рабочим, который в силу экономического принуждения подвергается эксплуатации. Капитал «есть *командная власть* над трудом и его продуктами» [5]. Буржуа, персонифицирующий капитал, обладает

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 42, с. 87. См. также с. 50—53.
[2] См. там же, с. 47.
[3] См. там же.
[4] См. там же, с. 55.
[5] См. там же, с. 59.

этой властью как собственник капитала, перед силой которого «ничто не может устоять» [1]. На этом держится разделение общества на два антагонистических класса — «*собственников* и лишенных собственности *рабочих*» [2].

Непрерывное воспроизводство отношения *труд — капитал* углубляет противоположность между ними. «Эта противоположность труда и капитала, будучи доведена до крайности, неизбежно становится высшим пунктом, высшей ступенью и гибелью всего отношения» [3]. Антагонизм труда и капитала вырастает из противоречия, порожденного частной собственностью. Буржуазная политическая экономия игнорирует развитие этого противоречия, которое пронизывает всю экономическую жизнь капиталистического общества. Между тем противоположность между отсутствием собственности у наемных рабочих и наличием собственности у капиталистов развивается в социально-классовое, чреватое революцией противоречие.

Стало быть, Маркс не ограничивается констатацией существования противоречия, а выясняет его природу, развитие и разрешение. Он отмечает, что частная собственность сама толкает себя к упразднению, порождая пролетариат как олицетворение своей противоположности. Изучение частной собственности в ее высшей, капиталистической форме позволило Марксу указать и способ преодоления антагонизма между трудом и капиталом, увидеть в пролетариате силу, которая призвана уничтожить общество эксплуатации и угнетения. Рукописи 1844 года представляют, таким образом, первоначальный вклад в основание диалектико-материалистической теории классов и классовой борьбы.

Рассматривая доходы основных классов, их сущность, различия и единство, обусловленные частной собственностью, Маркс исследует и земельную ренту. Ее источник он видит не в естественных факторах, а в характере общественных отношений. Это положение при анализе земельной ренты как экономической категории, выражающей производственные отношения в капиталистическом сельском хозяйстве, имеет методологическое значение, и Маркс исходил из него в своей критике буржуазных экономистов.

В рукописях 1844 года Маркс сделал первый шаг в создании своей концепции земельной ренты. Пока это еще отдельные фрагменты, отправные пункты будущей стройной теории. Здесь рассмотрен процесс превращения феодальной земельной собственности в капиталистическую частную собственность на землю. Происходит это в результате проникновения капитализма в сельское хозяйство, подчинения его промышленностью. Под воздействием капиталистического развития изменяется и классовая структура в сельском хозяйстве: появляются новые социальные группы —

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 42, с. 59.
[2] См. там же, с. 86.
[3] Там же, с. 102.

арендаторов-капиталистов и сельскохозяйственных рабочих. Маркс показал, что в капиталистическом сельском хозяйстве действуют те же экономические законы, что и в промышленности. В сельском хозяйстве, как и в промышленности, крупное производство имеет преимущество перед мелким, происходит разорение мелких производителей и концентрация производства в крупных хозяйствах.

В рукописях 1844 года Маркс пока еще в самых общих чертах выясняет связь частной собственности не только с производством, но и с иными сферами общественной жизни, прослеживая ее воздействие в современном ему обществе и в предшествующем феодальном — на политику, нравственность и другие общественные явления. Он приходит к выводу: «Религия, семья, государство, право, мораль, наука, искусство и т. д. суть лишь *особые* виды производства и подчиняются его всеобщему закону» [1]. И политическую борьбу в обществе можно понять лишь на основе анализа его экономики. «Все революционное движение,— писал Маркс,— находит себе как эмпирическую, так и теоретическую основу в движении *частной собственности*, в экономике» [2].

Выяснение связи частной собственности с материальным производством, трудом (процессом труда) и иными областями общественной жизни, экскурсы в историю предшествующих капитализму общественных форм в целях выяснения этой же связи, рассмотрение труда как социальной силы создавали предпосылки, из которых вскоре возникла диалектико-материалистическая концепция развития общества и движущих сил этого процесса.

Выяснение происхождения частной собственности

Рассмотрение вопроса о частной собственности, уяснение ее исторически преходящего характера наталкивало Маркса на совершенно новую для тогдашней экономической науки проблему — о происхождении частной собственности. В силу классовой ограниченности предшествующая и современная ему экономическая и философская мысль не могла справиться с ее разрешением. Сложившаяся к 1844 году классовая позиция побуждала Маркса отвергнуть исходную посылку буржуазной политической экономии — взгляд на частную собственность как на извечную естественную предпосылку всякого производства — и начать критику экономических теорий, в которых абсолютизировались и фетишизировались частнособственнические отношения.

В том, что буржуазные экономисты не ставят вопроса о происхождении частной собственности, наглядно проявляется, по мнению Маркса, их буржуазная ограниченность. Та же буржуазная ограниченность проявляется и в их утверждениях о том, что труд производит товары. Это очевидное на первый взгляд, но неверное

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 42, с. 117.
[2] Там же.

мнение основывается на смешении продукта труда с его товарной формой. Труд всегда производит необходимые для жизни людей предметы, поскольку он по самой своей природе является целесообразной деятельностью. Но из этого не вытекает, что труд в силу своей природы производит именно товары; лишь исторически преходящая форма труда производит товары. Задача заключается в том, чтобы выяснить специфические особенности этой формы труда, ее возникновение и развитие.

В поисках решения этой проблемы Маркс обратился к реальной общественной жизни, а также к истории экономической и философской науки. В истории политической экономии, в гегелевской и фейербаховской философии он обнаружил как плодотворные идеи, пригодные для научной разработки интересующих его вопросов, так и приемлемую общетеоретическую концепцию. В известных Марксу отраслях знания — экономической науке, юриспруденции, идеалистической и материалистической философии, а также в истории утопического социализма и коммунизма уже ставился и обсуждался вопрос о труде, о его антиподе — капитале, о частной собственности. При этом некоторые мыслители исходили из концепции «отчуждения», которая выполняла в их сочинениях, как правило, методологическую функцию. В рукописях 1844 года Маркс также использует эту концепцию. В тот период она оказалась подходящей теоретической формой резюмирования его собственных политико-экономических идей. Концепция отчуждения, в которой были критически переработаны положения предшествующей философии и политической экономии, послужила критике буржуазных отношений, развернутой в «Экономическо-философских рукописях».

Проблема отчуждения, термины «отчуждение» и «самоотчуждение» занимали значительное место в классической немецкой философии, в особенности у Гегеля и Фейербаха. Однако Гегель под отчуждением понимал переход абсолютной идеи из абстрактно-логического состояния в природное и социальное, различные виды отчуждения сводил к разным формам сознания и самосознания. Фейербах пытался вскрыть ограниченность гегелевской концепции отчуждения. Рассматривая религию как духовную форму отчуждения и массовую разновидность идеализма, он считал, что и гегелевская трактовка отчуждения, будучи идеалистической, представляет собой проявление отчужденного сознания человека. Но Фейербах не сумел выяснить социально-экономические корни ни религии, ни отчуждения. Развенчивая идеалистический смысл гегелевского понимания отчуждения и низводя его до религиозно-идеалистического, он абсолютизировал эту частную форму отчуждения. Маркс еще в «Немецко-французском ежегоднике» выразил свою неудовлетворенность сведением Фейербахом критики отчуждения лишь к его религиозно-философской форме. В статье «К еврейскому вопросу» отчуждение он связывал не с абстракциями всякого рода и политическим произволом власть имущих, а с господством определенных общественных отношений, с отношениями частной собственности. Отчужденная от человека сущность его труда и его бытия воплощена, в частности, в деньгах — предмете поклонения и неуемной жажды буржуазии. В рукописях 1844 года Маркс развивает свою мысль, указывая на недостаточность критики отчуждения лишь в сфере сознания, во внутреннем мире человека. Маркс ставит проблему несравненно шире: «Экономическое от-

чуждение есть отчуждение *действительной жизни*» [1]. Поэтому его упразднение предполагает коренное изменение и действительной жизни, и сознания.

Таким образом, в «Экономическо-философских рукописях» Маркс не удовлетворяется ни гегелевским, ни фейербаховским толкованием отчуждения. Тем не менее он дал положительную оценку их рациональным идеям, имевшимся в трактовке отчуждения, использовав эту категорию при «положительной разработке» своей теории. Маркс ценил объединяющее Гегеля и Фейербаха критическое отношение к самому отчуждению, а также их гуманистическое убеждение в необходимости и возможности его преодоления. Он использовал рациональные моменты из фейербаховской критики гегелевской идеалистической концепции отчуждения. Вместе с тем Маркса привлекали «*положительные* моменты гегелевской диалектики» [2] в трактовке категории отчуждения, из которых были возможны революционные выводы. Гегель, несмотря на свой идеализм, рассматривал человека как «результат его собственного труда», а труд — как «подтверждающую себя сущность человека» [3], хотя, как идеалист, признавал лишь один вид труда — абстрактно-духовный труд. Но даже в такой форме его рассуждения о роли труда в человеческой жизни давали повод для размышлений.

В рукописях 1844 года категория отчуждения употребляется в конкретной форме «отчужденного труда». Следствия же отчуждения рассматриваются в различных сферах общественной жизни, включая политику, мораль, социальную психологию, идеологию, философию.

Маркс исходил из признания решающей роли трудовой деятельности, зависимости всех форм и областей человеческой жизни от сферы материального производства. С точки зрения буржуазного экономиста, всякий труд, труд вообще создает товары, капитал, частную собственность. Маркс же, отвергая это воззрение, отмечает, что частную собственность и все то, что вытекает из нее, создает не труд вообще, а исторически определенная его форма — отчужденный труд. Этим принципиально новым выводом Маркс сделал крупный шаг вперед по сравнению с буржуазной философией и политической экономией.

С помощью категории «отчужденный труд» Маркс описывает специфическое отношение человека к результату своего труда, к продукту труда. Продукт труда есть труд, закрепленный в произведенном предмете. В процессе производства происходит опредмечивание труда, что является естественной целью и результатом нормально протекающего трудового процесса. Готовый продукт получает внешнюю и в известном смысле независимую жизнь. Однако в эксплуататорском обществе продукт труда принадлежит не рабочему, а владельцу средств производства, который в силу этого, под угрозой голодной смерти держит в состоянии безысходной зависимости от себя рабочего. Вследствие этого «предмет, производимый трудом, его продукт, противостоит труду как некое *чуждое существо*, как *сила, не зависящая* от производителя» [4]. И чем больше рабочий производит материальных ценностей, чем

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 42, с. 117.
[2] См. там же, с. 168.
[3] См. там же, с. 159.
[4] Там же, с. 88.

больше затрачивается на них сил, тем «могущественнее становится чужой для него предметный мир, создаваемый им самим против самого себя» [1]. Продукты труда рабочего отчуждаются от него, становятся средством его порабощения, принуждения к новому труду. В конечном счете рабочий работает не на себя, его труд не свободный, а подневольный. Это — отчужденный труд.

Но если опредмечивание труда свойственно любой форме человеческой деятельности на всех этапах общественно-исторического развития, то отчуждение труда, указывает Маркс, происходит только при определенных условиях, при определенной организации общественного производства.

Смысл отчуждения труда состоит и в том, что рабочий отчуждает себя не только в продукте труда, но также «в самом акте производства» [2]. Он не распоряжается своей деятельностью и собой, так как его труд куплен капиталистом и используется им в своих целях. Пролетарий «в своем труде не утверждает себя, а отрицает, чувствует себя не счастливым, а несчастным, не развивает свободно свою физическую и духовную энергию, а изнуряет свою физическую природу и разрушает свои духовные силы» [3].

Отчуждение труда нарушает «родовую жизнь» человечества. Человеческий род раздирается различием устремлений и положения отдельных индивидуумов. Отчуждение труда рабочего приводит к отчуждению от него его собственной человеческой сущности. Этот термин, распространенный в домарксовской философии, наполняется у Маркса новым содержанием: по Марксу, сущность человека как общественного существа составляет мотивированный, целесообразный труд; условия существования человека, соответствующие его потребностям, равно как и сами потребности, созданы также его трудом. У Фейербаха же «человеческая сущность» сводилась к совокупности потребностей и свойств человека.

Составляя сущностную основу человека, труд в условиях капитализма не выполняет своей гуманизирующей функции и лишает рабочего подлинно человеческого существования. «Чем больше ценностей он создает, тем больше сам он обесценивается и лишается достоинства» [4]. Происходит разрушение человеческой личности. Отчужденный труд «отчуждает от человека *род:* он превращает для человека *родовую жизнь* в средство для поддержания индивидуальной жизни... Сама жизнь оказывается лишь средством к жизни» [5]. Поэтому получается, что «рабочий только вне труда чувствует себя самим собой, а в процессе труда он чувствует себя оторванным от самого себя» [6]. Маркс считает, что отчужденный труд отчуждает от человека не только его собственную природу,

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 42, с. 88.
[2] См. там же, с. 90.
[3] См. там же.
[4] Там же, с. 89.
[5] Там же, с. 92—93.
[6] Там же, с. 90.

но и природу вообще [1], тогда как освобожденный от отчуждения человек «производит даже будучи свободным от физической потребности, и в истинном смысле слова только тогда и производит, когда он свободен от нее» [2].

В качестве одного из следствий отчуждения труда Маркс усматривает отчуждение людей друг от друга. Он видел, что в обществе происходит классовая поляризация, что конкуренция между капиталистами дополняется конкуренцией между рабочими и она «становится все сильнее, противоестественнее и принудительнее» [3]. Маркс считал, что внутриклассовая рознь есть следствие продолжающейся поляризации классовой структуры буржуазного общества.

Исследование процесса отчуждения труда привело Маркса к необходимости выяснить сущность самого труда, его роль в жизни человека, личности, общества. Маркс размышляет и над этими вопросами. Он высоко оценивает экономическую теорию А. Смита, которая «признала своим принципом *труд*» [4], но не удовлетворен тем, что в ней признается только экономическое значение труда. Маркс видит в труде основу всего общественного процесса, истории человечества, «акт *самопорождения* человека» [5]. Труд принимается им как главная форма человеческой жизнедеятельности, которая всегда представлена производительным процессом и является основным видом общественной практики. Такое понимание роли труда в общественной жизни кладет конец антропологическому воззрению на человека, предвосхищает трудовую теорию его происхождения. Положение о том, что «мое *собственное* бытие *есть* общественная деятельность... Индивид *есть общественное существо*» [6], было затем развито Марксом в Тезисах о Фейербахе.

Маркс рассматривает труд в различных аспектах: экономическом, социальном, политическом, общефилософском, стремясь постигнуть действительную, объективную сущность этого процесса, его многостороннее содержание. Он рассматривает труд как сущностную силу человека, определяющую его отличие от всего остального животного мира. «*Всемирная история*,— подмечает он,— есть... порождение человека человеческим трудом» [7]. В процессе труда осуществляется связь человека с другими людьми, с природой. Особенно обстоятельно Маркс анализирует материальный труд, определяя его как материальную (предметно-овеществленную) целесообразную деятельность человека.

Размышляя о превращении опредмечивания труда в отчуждение труда, а рабочего — в «отчужденного» пролетария, Маркс

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 42, с. 92.
[2] См. там же, с. 93.
[3] См. там же, с. 50.
[4] См. там же, с. 108.
[5] См. там же, с. 169.
[6] Там же, с. 118—119.
[7] Там же, с. 126.

объясняет это явление господством в обществе отношений частной собственности. А в условиях эксплуататорского общества частная собственность, в свою очередь, выступает как «материальное, резюмированное выражение отчужденного труда»[1]. Если отчуждение труда порождено отношениями частной собственности и является их следствием, то, с другой стороны, оно само служит причиной, постоянно воспроизводящей эти отношения. Частная собственность не только основа всякого отчуждения, она в то же время есть «результат, необходимое следствие *отчужденного труда*»[2]. Продукт, в котором отчуждены силы и способности непосредственного производителя, попадает в руки другого лица, и власть продукта над производителем превращается в господство одного лица над другим. Отчужденный труд является основой особых общественных отношений, заключающих в себе антагонистическую противоположность между людьми, антагонистическую форму общения[3].

Маркс устанавливает, таким образом, связь между отчужденным трудом и частной собственностью. Он отмечает, что не в труде вообще, а в отчужденном труде, в особом его характере причина возникновения частной собственности. «Хотя частная собственность и выступает как основа и причина отчужденного труда, в действительности она, наоборот, оказывается его следствием... Позднее это отношение превращается в отношение взаимодействия»[4].

Это была первая попытка объяснить частную собственность экономически. До Маркса ни экономисты, защищавшие принцип частной собственности, ни социалисты, подвергавшие его острой критике, не имели научного представления о природе частной собственности и не могли объяснить ее происхождения.

Идеи пролетарского коммунизма

В диалектике отчуждения и частной собственности Маркс подчеркивает их исторически преходящий характер. Частная собственность в свое время возникла, поскольку появилась «историческая необходимость частной собственности»[5]. Ныне она изжила себя и стало необходимо ее «положительное упразднение» именно как *частной* собственности.

Частная собственность и интересы рабочих находятся в непримиримом противоречии: она — причина их бедности. Но в то же время крупная собственность таит в себе определенные экономические преимущества, которые реализуются при превращении

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 42, с. 99.

[2] См. там же, с. 97.

[3] В «Экономическо-философских рукописях» уже отчетливо выражена идея, что люди производят не только продукты, но и отношения — формы общения, которые Маркс в дальнейшем назовет производственными отношениями.

[4] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 42, с. 97.

[5] См. там же, с. 118, 144.

частного владения в общественное достояние. «Ассоциация, в применении к земле,— пишет Маркс,— использует выгоды крупного землевладения в экономическом отношении... Земля перестает быть объектом торгашества и благодаря свободному труду и свободному наслаждению опять становится подлинным, личным достоянием человека» [1].

Разрешение внутренних противоречий, присущих капиталистической частной собственности, Маркс трактует как коренное преобразование экономической основы общества. Положение о разрешении противоречий как процессе качественного преобразования экономической основы общества выступает у Маркса в качестве теоретического обоснования неизбежности революции. Только уничтожением частной собственности можно положить конец отчужденному труду, взаимному отчуждению людей. Вместе с преодолением отчуждения исключаются условия, порождающие частную собственность. Таким образом, в противовес исходной посылке буржуазной политической экономии Маркс отрицал вечность капитализма, указывал на исторически преходящий его характер, отвергал тезис о соответствии принципа частной собственности изначальным требованиям природы человека.

Анализ отчужденного труда сыграл важную роль в выработке у Маркса научного взгляда на общественно-историческое развитие. Именно в ходе исследования вопросов, связанных с отчужденным трудом, он вплотную подошел к идее производственных отношений.

В рукописях 1844 года Маркс подверг критике теории утопического социализма и коммунизма, подчеркнув, в частности, несостоятельность присущих многим из них грубо-уравнительных тенденций, примитивных представлений о всеобщей нивелировке индивидуальных потребностей в будущем обществе. При этом он делает вывод о том, что практическое рабочее движение несет с собой «обогащение *человеческого* существа» [2]; общность положения вызывает у рабочих потребность в общении, формирует дух солидарности, коллективизма, «человеческое братство» и «человеческое благородство» [3]. Рассматривая коммунизм как упразднение частной собственности, Маркс уже тогда полагал, что «возвращение человека к самому себе как человеку *общественному*, т. е. человеческому» [4] может быть осуществлено «сознательным образом» и «с сохранением всего богатства предшествующего развития» [5]. Он отметил, что эмансипация общества от частной собственности и связанных с ней общественных бедствий «выливается в *политическую* форму *эмансипации* рабочих... ибо их эмансипация

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 42, с. 83.
[2] См. там же, с. 128.
[3] См. там же, с. 136.
[4] См. там же, с. 116.
[5] См. там же, с. 98.

заключает в себе общечеловеческую эмансипацию»[1]. Социальная революция, призванная упразднить частную собственность и соответствующий ей общественный порядок, есть сознательное действие пролетарских масс во имя освобождения всего человечества, при сохранении всех предшествующих, действительных его достижений.

В рукописях 1844 года зарождается, стало быть, материалистическое понимание коммунизма, опирающееся на уже намеченные, но еще не разработанные и не сформулированные экономические категории новой политической экономии. Это двустороннее — философское и экономическое — объяснение коммунизма подводит к заключению, что коммунизм является *необходимым* результатом развития противоречий отчужденного труда в буржуазном обществе, их революционного преодоления; что он нацеливает пролетариев на *сознательную* ликвидацию изжившего себя несправедливого общественного строя.

Материалистический подход к диалектике и теории познания

При исследовании отношений буржуазного общества Маркс рассматривает связь человека с внешней природой. Он подмечает, что человек, будучи общественным существом, не перестает быть частью природы и живет «неорганической природой»[2]. «Рабочий ничего не может создать без *природы*, без *внешнего чувственного мира*»[3]. Однако связь между человеком и природой Маркс рассматривает иначе, чем Фейербах: только в обществе и через общество природа выступает как основа собственного человеческого бытия и является звеном, связывающим людей друг с другом; общество есть «сущностное единство человека с природой»[4].

Пристальное внимание к диалектике Гегеля имело для Маркса принципиальное значение в его поисках и выработке нового научного метода. В методе буржуазных экономистов он уже констатировал поверхностность, эмпиризм и абстрактность, которые не способствуют научному изучению общественных явлений. В методе же Гегеля он обнаруживает «главный порок» — идеализм, из которого проистекают его умозрительные конструкции; но под идеалистическими наслоениями он выявляет рациональные диалектические идеи. В специальном фрагменте о философии Гегеля Маркс разбирает его диалектику с материалистических позиций. Для него очевидна мысль о том, что процесс самопорождения человека есть продолжение самопорождения природы, хотя первый процесс отличен от второго[5]. Взаимоотношения между людьми, а также отношение человека к природе осуществляются в процессе целесообразной деятельности человека. Исходя из реально су-

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 42, с. 98.
[2] См. там же, с. 92.
[3] Там же, с. 89.
[4] См. там же, с. 118.
[5] См. там же, с. 119, 125.

ществующих общественных явлений и их взаимосвязей, Маркс подмечает диалектический характер общественного процесса, и его критика идеалистической диалектики Гегеля становится более конкретной и определенной. Он показывает, что у Гегеля отрицание отрицания (отчуждение и его снятие) становится отрешением от предметности; это — «чистое *безостановочное* кружение в самом себе» [1]. Реальное отчуждение и его действительное преодоление превращаются Гегелем в «мысль об отчуждении», в абстрактное выражение его «отрицания» и «бессодержательное снятие этой абстракции» отрицанием отрицания [2].

Существенно важной для формирования метода материалистической диалектики была критика Марксом примирения противоположностей у Гегеля. Примирение противоположностей в гегелевской философии есть порождение идеализма и свойственной Гегелю классовой ограниченности. Имея в виду последнее обстоятельство, Маркс пишет о «мнимом критицизме» Гегеля. Перемещение Гегелем критики в область идей ведет к примирению с реальной действительностью, к пассивному восприятию этой действительности, к примирению противоположностей в ней. Разрешение противоположностей, по убеждению Маркса, «представляет собой действительную жизненную задачу, которую *философия* не могла разрешить именно потому, что она видела в ней *только* теоретическую задачу» [3].

Маркс видит необходимость создания теории, которая не ограничивается теоретическими решениями и служит практическому преобразованию действительности. «Для уничтожения *идеи* частной собственности вполне достаточно *идеи* коммунизма. Для уничтожения же частной собственности в реальной действительности требуется *действительное* коммунистическое действие» [4] — революционная практика. Корни идеализма Гегеля Маркс усматривал в отрыве от действительности, в отчужденной практике. Свободная от отчуждения практика есть необходимое условие развития и утверждения истинной теории, обеспечения единства теории и практики. Марксово решение вопроса о единстве теории и практики связывало концепцию отчужденного труда с требованием реального, революционного уничтожения частной собственности — важнейшей идеей научного коммунизма, теории революционного действия.

Уяснение единства теории и практики вело к зарождению диалектико-материалистической теории познания. Маркс критически переосмысливает сенсуализм Фейербаха и рационализм Гегеля, высказывая качественно новые идеи. Он понимает чувственность прежде всего как чувственно-практическую деятельность, стремится выявить связи и взаимообусловленность между философской,

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 42, с. 170.
[2] См. там же, с. 167.
[3] См. там же, с. 123.
[4] Там же, с. 136.

экономической и социальной сторонами исследуемого предмета, вскрывая «внутреннюю связь целого» [1]. Он указывает на противоречивость процесса познания и необходимость прослеживать реальное движение противоположностей, вплоть до их «высшей ступени» и разрешения.

Маркс проводит мысль о зависимости развития идей от истории реальных отношений и социальных движений. Так, экономическая мысль связана с движением частной собственности. Противоречия общества, в котором господствует частная собственность, рождают коммунистические идеи. «Отчужденное» общество питает идеалистическую философию, метафизическую методологию, но оно же породит новую, революционную пролетарскую теорию, которая явится их положительным упразднением.

В «Экономическо-философских рукописях» отсутствуют пока четкие формулировки ряда понятий, однако рукописи эти могут рассматриваться в качестве первоначальной попытки осмысления вопросов, разработка которых составит двумя годами позже основы материалистического понимания истории.

«Экономическо-философские рукописи» в идеологической борьбе

«Экономическо-философские рукописи 1844 года» полностью были впервые опубликованы на языке оригинала в СССР в 1932 году. С тех пор они стали как предметом тщательного исследования марксистов-ленинцев, так и объектом всевозможных фальсификаторских ухищрений их противников — буржуазных идеологов и ревизионистов. Последние сделали рукописи исходным пунктом различных извращений истории марксизма, составивших предмет специальной особой отрасли буржуазного науковедения — «марксологии». С того времени до сих пор не утихает полемика о месте данного произведения молодого Маркса в истории марксизма.

Первоначально буржуазные марксологи и ревизионисты из социал-демократического лагеря интерпретировали рукописи таким образом, чтобы противопоставить «молодого» Маркса Марксу «позднему». Так, уже в том же 1932 году З. Ландсхут и И. Майер, комментируя рукописи, поспешили заявить, что они имеют «основополагающее значение» и «в определенном смысле являются важнейшей работой Маркса. Они образуют узловой пункт всего умственного развития Маркса, пункт, в котором из идеи «истинной действительности человека» непосредственно возникают принципы его экономического анализа» [2]. Характеризуя рукописи 1844 года как высшее достижение Маркса, они писали: «Это — единственный документ, в котором интеллект Маркса выступает во всей своей мощи» [3]. Рукописи показывают, продолжают авторы, что первоначальный, подлинный марксизм исходил не из «грубой» идеи экспроприации экспроприаторов, а провозглашал гуманистическую задачу «осуществления истинного предназначения человека» [4].

Почти одновременно с З. Ландсхутом и И. Майером со статьей «Вновь открытый Маркс» выступил правый социал-демократ Г. де Ман, заявив, что рукописи позволяют по-новому оценить основной смысл учения Маркса,

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 42, с. 43.

[2] *Landshut S., Mayer J. P.* Die Bedeutung der Frühschriften von Marx für ein neues Verstandnis.— In: Marx Karl. Der Historische Materialismus. Die Frühschriften. Leipzig, 1932, Bd. 1, S. XIII.

[3] Ibidem, S. XXXVIII.

[4] Ibidem, S. XLI.

уяснить, в частности, отношение Маркса к тому, что впоследствии получило название «марксизм». Именно в рукописях выражены оригинальные взгляды Маркса, отличающие «гуманистический марксизм» от последующей трансформации его в «материалистический марксизм», воплощенный в «Капитале» и в «Критике Готской программы». Все без исключения положения рукописей 1844 года принадлежат к зрелому марксизму, и «как бы высоко ни ценились позднейшие произведения Маркса, тем не менее они обнаруживают известное торможение и ослабление его творческих возможностей, которое Марксу не всегда удавалось преодолевать героическим напряжением сил» [1].

К этим голосам в том же 1932 году присоединился и Г. Маркузе, который в своей статье «Новые источники к изложению основ исторического материализма» заявил, что рукописи 1844 года ставят «на новую почву спор о происхождении и первоначальном смысле исторического материализма, как, впрочем, и всей теории «научного социализма»» [2]. Ценность рукописей Г. Маркузе усматривал в том, что в них Маркс рассматривает человека не как совокупность общественных отношений, представителя того или иного класса (как это предстанет год спустя в Тезисах о Фейербахе), а просто как человека, человеческий индивид, личность, и в этом якобы сказывается гуманизм «раннего» Маркса.

С тех пор в буржуазной марксологии стал складываться так называемый «миф о двух Марксах». Провозглашая рукописи 1844 года венцом учения Маркса, результатом восходящей эволюции его взглядов, марксологи при этом умаляли все написанное им после 1844 года, изображая это как творческий спад, как отступничество от собственного учения, отвергая на этом основании учение о всемирно-исторической роли пролетариата, теорию социалистической революции, как якобы наносные элементы, привнесенные в философскую концепцию под пагубным влиянием политики. Буржуазные марксологи и ревизионисты с тех пор не устают повторять, что после 1844 года марксизм утратил свою гуманистическую сущность: на смену человеческой проблематике рукописей 1844 года явились безличные экономические категории последующих произведений и «Капитала». Так, Э. Фромм, автор сочинения «Марксова концепция человека («Экономическо-философские рукописи» К. Маркса)», специально оговаривается, что в этой своей работе он абстрагируется от произведений «позднего» Маркса ввиду их негуманистического содержания [3]. Отстаивая ту же точку зрения, другой буржуазный марксолог, Г. Корен, в сочинении «Маркс и аутентичный человек» уверяет читателя в том, что «Маркс, посредством отрицания всех других признаков полнокровного существования человека, практически сводит его не более чем к рабочему» [4], чем и определяется содержание «позднего» марксизма.

Наибольшая часть фальсификаций современных марксологов относится к текстам рукописей 1844 года, затрагивающим проблему отчуждения. Несмотря на то, что в этих рукописях Маркс в общих чертах уже подошел к обоснованию необходимости революционной ломки буржуазного строя, уничтожения частной собственности — основы и причины отчуждения, марксологи стремятся приписать Марксу признание извечности неравенства людей, невозможности полного преодоления отчуждения в человеческом обществе. Эта тенденция отчетливо выступает в сочинениях представителей югославского «Праксиса» и теоретиков Франкфуртской школы. Так, бывший редактор журнала «Праксис» Г. Петрович, ссылаясь на вырванные из контекста и тенденциозно подобранные отдельные места ранних рукописей Маркса, писал: «Из основных идей Маркса следует, что только

---

[1] *Man H. de.* Neuentdeckte Marx.— Der Kampf, 1932, N 5, S. 276.

[2] *Marcuse H.* Neue Quellen zur Grundlegung des historischen Materialismus.— Die Gesellschaft. Berlin, 1932, N 8, S. 136.

[3] См.: *Fromm E.* Marx's Concept of Man. New York, 1961, p. 5.

[4] *Koren H. J.* Marx and the Authentic Man. Pittsburgh, 1967, p. 46.

относительная ликвидация отчуждения может иметь место. Невозможно стереть отчуждение с лица земли раз и навсегда...» [1] Таким образом, Марксу приписывается трактовка в рукописях отчуждения как константы, присущей человеку и человечеству.

Некоторые марксологи объявляют отчуждение даже центральной категорией марксизма. «Фундаментальная идея и как бы источник всей марксистской мысли — идея *отчуждения*, заимствованная у Гегеля и Фейербаха,— вещает Ж. Ипполит.— Я полагаю, что, исходя из этой идеи и определяя *человеческое освобождение* как активную борьбу человека в ходе истории против всякого отчуждения его сущности, в какой бы форме оно ни выступало, можно лучше всего объяснить марксистскую философию в ее целостности и понять структуру главного труда Маркса, «Капитала»» [2]. Цепляясь за отчуждение, приписывая эту категорию Марксу, буржуазные марксологи сводят сущность его философии к учениям, которые он к середине 40-х годов уже преодолел и превзошел. Более того, фальсифицируя понимание Марксом отчуждения и употребление этого понятия в рукописях 1844 года, они извращают и выхолащивают экономическое учение марксизма, представляя его в своем изображении всего лишь конкретизацией концепции отчуждения. Так, например, Ж. Кальвез пишет: ««Капитал» — это не что иное, как теория фундаментального отчуждения, включающая в себя также и отчуждение в сфере экономической идеологии» [3].

Итак, буржуазные марксологи и ревизионисты подняли на щит «Экономическо-философские рукописи», пожалуй, как ни одно другое произведение Маркса. Вот уже в течение нескольких десятилетий они изображают их «вершиной мысли Маркса», воплощением так называемого «аутентичного марксизма». Но это славословие целого сонма мнимых панегиристов рукописей не имеет ничего общего с подлинным уважением к Марксу, а является на деле безудержным восхвалением тех взглядов, которые не выходят пока за пределы домарксистских форм, или тенденциозным гипертрофированием зародышевых форм марксизма. Игнорируя процесс становления и развития нового мировоззрения, буржуазные марксологи противопоставляют им более поздние и, естественно, более зрелые результаты развития этих форм, стараясь принизить их ценность, отрицают генетическую связь между первоначальной и вполне развитой ступенями научной мысли Маркса.

Следует отметить, что перед лицом детальной и аргументированной критики со стороны марксистов, а также развития марксистской мысли на фоне послевоенного подъема мирового революционного движения сторонникам оценки рукописей 1844 года как «венца Марксова учения», «интеллектуального зенита Маркса» пришлось считаться с тем, что «Капитал» и другие произведения зрелого марксизма отнюдь не померкли от их противопоставления ранним и незаконченным рукописям Маркса. Именно популярность и всемирное распространение зрелого марксизма вынудили буржуазных идеологов вновь ухватиться за рукописи 1844 года в надежде посеять сомнения относительно «истинных» взглядов Маркса. Характерно, что тот же Г. Маркузе, оценивавший в 1932 году рукописи как повод к пересмотру смысла марксизма, в дальнейшем был вынужден написать: «Ранние работы Маркса... во всех отношениях представляют собой лишь предварительные ступени к его зрелой теории, ступени, значение которых не следует переоценивать» [4]. Теперь вместо былого противопоставления ранних работ Маркса его зрелым произведениям выдвигается, казалось бы, истинный тезис об их преемственности. Однако преемственность эта пони-

---

[1] *Petrovich G.* The Problem of Man in Marxism.— In: Marx and the Western World. Notre Dame; London, 1967, p. 142.

[2] *Hyppolite J.* Études sur Marx et Hegel. Paris, 1955, p. 147.

[3] *Calvez J.* La pensèe de Karl Marx. Paris, 1956, p. 320.

[4] *Marcuse H.* Vernunft und Revolution: Hegel und die Entwicklung der Gesellschaftstheorie. Darmstadt; Neuwied a. R., 1972, S. 260.

мается без качественных сдвигов, как простое переложение, более детальная проработка идей, высказанных в ранних рукописях. «Я мог бы сказать,— утверждает, например, Г. Эктон, один из сторонников такой интерпретации,— что всю свою жизнь Маркс затратил на переписывание книги, первым наброском которой были парижские рукописи» [1].

Рассматривая рукописи 1844 года как наиболее свойственное Марксу, «аутентичное» произведение, буржуазные идеологи преследуют еще одну цель: представить это, еще незрелое, произведение Маркса как основу для сближения его взглядов той степени зрелости с позднейшими буржуазными философскими и социологическими теориями — прагматизмом, фрейдизмом, экзистенциализмом. Выдвигая на первый план то, что в рукописях 1844 года носит еще отпечаток абстрактности, используя еще несовершенную терминологию, элементы антропологической философии Фейербаха и пережитки гегелевских идей, не окончательно преодоленные молодым Марксом, и затушевывая решительный шаг вперед, который был сделан им в этой работе к материализму и коммунизму, некоторые буржуазные авторы пытаются использовать рукописи для того, чтобы сблизить «первоначальный» марксизм с буржуазными концепциями, ища точки соприкосновения в проблеме человека и проблеме отчуждения.

Истинные цели буржуазных и ревизионистских фальсификаций содержания рукописей 1844 года, их значения и места в истории марксизма ясны, как очевидна и полная научная несостоятельность писаний фальсификаторов. Однако нельзя недооценивать вредоносности фальсификаторских измышлений и необходимости их разоблачения. Многое для этого уже сделано советскими и зарубежными исследователями марксизма. Убедительным опровержением мифа о «двух Марксах» и прочих подобных измышлений служит сама история марксизма, в которой рукописи предстают в их истинном значении — как примечательное произведение, важный этап в подготовке нового мировоззрения, предвестник революционных открытий в общественной науке.

---

[1] *Acton H. B.* The Materialism of Karl Marx,— Revue internationale de philosophie, t. XII, 1958, N 45—46, p. 271.

Глава вторая

СОЗДАНИЕ МАРКСОМ И ЭНГЕЛЬСОМ ОСНОВ НАУЧНОГО ПРОЛЕТАРСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ (1844—1847 гг.)

1. НАЧАЛО СОВМЕСТНОЙ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА

Историческая встреча

После выхода в свет в феврале 1844 года первого и единственного выпуска «Немецко-французского ежегодника» Маркс в Париже продолжил изучение работ буржуазных экономистов и начал сотрудничать в издававшейся здесь немецкой газете «Vorwärts!» («Вперед!»). В конце августа 1844 года в Париж по дороге из Англии в Германию приехал Энгельс. Здесь произошла вторая встреча Маркса и Энгельса, которая определила их деятельность во все последующие годы, положив начало многолетней дружбе и творческому сотрудничеству. Позднее Энгельс писал: «Когда я летом 1844 г. посетил Маркса в Париже, выяснилось наше полное согласие во всех теоретических областях, и с того времени началась наша совместная работа» [1].

Маркс привлек Энгельса к сотрудничеству в газете «Vorwärts!», познакомил с деятелями демократического и социалистического движения Франции и революционными эмигрантами из других стран, среди которых были руководитель парижских общин Союза справедливых А. Г. Эвербек, один из редакторов «Vorwärts!» К. Л. Бернайс, русские эмигранты М. А. Бакунин, Н. И. Сазонов и др. Вдвоем они разработали план книги, в которой решили дать бой своим основным оппонентам в то время — идеологам младогегельянства. Это был план «Святого семейства». Свои разделы книги Энгельс написал еще будучи в Париже; после его отъезда в Германию Маркс в сентябре — ноябре продолжил работу над «Святым семейством». В это же время в Бармене

---

[1] *Энгельс Ф.* К истории Союза коммунистов.— Маркс К., Энгельс Ф, Соч., т. 21, с. 220.

(Германия) Энгельс работал над книгой «Положение рабочего класса в Англии», в которой обобщал результаты изучения жизни трудящихся, развития капитализма в этой стране. Он завязывает связи с социалистами Бармена, Эльберфельда, Кёльна, Дюссельдорфа, Бонна и других городов Германии, принимает участие в демократическом и социалистическом движении в Рейнской провинции.

Важной задачей в этот период Маркс и Энгельс считали последовательное изложение своих взглядов по мировоззренческим вопросам. В начале октября 1844 года Энгельс пишет Марксу: «Пока наши принципы не будут развиты в нескольких работах и не будут выведены логически и исторически из предшествующего мировоззрения и предшествующей истории как их необходимое продолжение, настоящей ясности в головах не будет» [1].

Провозглашенные еще в «Немецко-французском ежегоднике» материалистические и коммунистические идеи Маркса и Энгельса нашли отражение и дальнейшее развитие в их революционно-публицистических статьях, помещенных в июле — октябре 1844 года в газете «Vorwärts!».

В августе 1844 года Маркс опубликовал в «Vorwärts!» статью «Критические заметки к статье «Пруссака» «Король прусский и социальная реформа»», в которой раскрыл сущность общественной борьбы в Пруссии, показал определяющее значение экономических условий жизни в назревании и нарастании социальных противоречий, в подъеме классовой борьбы угнетенных масс. Политика правящих эксплуататорских классов, указал Маркс, выступает как реальное выражение экономического неравенства различных классов. При этом пролетариат, как с очевидностью подтвердило восстание силезских ткачей, «с разительной определенностью, резко, без церемоний и властно заявляет во всеуслышание, что он противостоит обществу частной собственности» [2]. Единственный выход из созданного капитализмом положения — революционная борьба за социализм. Социальная революция в антагонистическом обществе — не что иное, как «протест человека против обесчеловеченной жизни» [3], стремление классов, отторгнутых от политического влияния, уничтожить свою изолированность от государственной власти. «Каждая революция,— писал Маркс, развивая эту мысль,— разрушает *старое общество,* и постольку она *социальна.* Каждая революция низвергает *старую власть,* и постольку она имеет *политический* характер» [4]. Революция является необходимым социально-политическим процессом, *«социализм* не может быть осуществлен без *революции»* [5], ибо он может возник-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 27, с. 5.
[2] См. там же, т. 1, с. 443.
[3] См. там же, с. 447.
[4] Там же, с. 448.
[5] Там же.

нуть лишь на основе разрушения старого общества и низвержения старой власти.

Эти идеи Маркс сформулировал в полемике с буржуазно-радикальными взглядами младогегельянца А. Руге, выступившего в «Vorwärts!» под псевдонимом «Пруссак» и пытавшегося принизить значение восстания силезских ткачей в июле 1844 года.

В августе — октябре 1844 года в «Vorwärts!» были помещены две статьи Энгельса, посвященные анализу становления и развития капитализма в Англии, которыми была продолжена разработка этой темы, начатая им в статье «Положение Англии. Томас Карлейль. Прошлое и настоящее», опубликованной в «Немецко-французском ежегоднике».

В статье «Положение Англии. Восемнадцатый век» Энгельс анализирует суть социальных изменений, происшедших в Англии, в английском обществе после промышленной революции. Краткий исторический очерк промышленной революции он заключает выводом: «Это революционизирование английской промышленности — основа всех современных английских отношений, движущая сила всего социального развития» [1]. Его первым следствием было возвышение интересов частных собственников до господства над человеком. Собственность, вещь, стали «властителем мира». Вновь создаваемые промышленные силы под воздействием частной собственности стали монополией немногих капиталистов и средством порабощения трудящихся масс. Буржуазия поднялась до положения настоящей аристократии. Но грозным порождением промышленной революции XVIII века явился промышленный пролетариат, которому принадлежит будущее.

Попутно Энгельс подверг критике представление об извечности отчуждения. Рассматривая это явление с материалистических позиций, он в противоположность Гегелю, абсолютизировавшему отчуждение как якобы вечный атрибут человека, указал на исторически преходящий характер этого явления и устранение его из общественной жизни связал с социальной революцией пролетариата. Энгельс писал: «Завершение отчуждения человека в господстве денег есть неизбежный переход к ныне уже близкому моменту, когда человек вновь должен обрести самого себя» [2].

В статье «Положение Англии. Английская конституция» дан обзор истории политической организации английского общества. Особое внимание Энгельс обращает на утвердившийся в Англии правопорядок, вскрывает его эксплуататорский характер, подчиненность деятельности всех политических институтов интересам имущих. Он подвергает критике английскую конституцию, которая не предусматривает «прав гражданина», «прав личности». Эти права существуют в силу обычая или в силу отдельных специальных правительственных установлений, не связанных с конститу-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 1, с. 615.
[2] Там же, с. 605.

цией. Свобода печати, право собраний, право союзов, некоторые права, связанные с судопроизводством,— комплекс прав буржуазной демократии. Энгельс показывает, что все эти демократические права в условиях господства частной собственности оказываются правами для богатых, но не для бедных. В соответствии с этим он делает важный прогноз относительно исторических судеб Англии: «Демократическое равенство есть химера, борьба бедных против богатых не может быть завершена на почве демократии или политики вообще. И эта ступень есть, следовательно, только переход, последнее, чисто политическое средство, которое еще следует испробовать и из которого тотчас же должен развиться новый элемент, принцип, выходящий за пределы существующей политики. Этот принцип есть принцип социализма» [1].

С июля 1844 года под влиянием Маркса, принимавшего активное участие в редактировании «Vorwärts!», газета приобрела коммунистическую направленность. Ее статьи вызывали широкий общественный резонанс и раздражение прусских властей. Под их нажимом французские власти в январе 1845 года решили выслать Маркса из Франции; он был вынужден перебраться в Брюссель. Издание «Vorwärts!» прекратилось.

Первый совместный труд Маркса и Энгельса

«Святое семейство, или Критика критической критики» — первый совместный труд Маркса и Энгельса, работу над которым они начали во время встречи в Париже; он был завершен в ноябре 1844 года. Его полемическое содержание направлено против группы младогегельянцев во главе с Б. Бауэром, фигурирующей в произведении под ироническим наименованием «святое семейство». В этом труде раскрыты идейно-политическая эволюция и вырождение младогегельянства, утратившего к тому времени в значительной степени свой радикализм.

Свою главную задачу Маркс и Энгельс видели в разоблачении идеализма младогегельянцев, которые в своих построениях на место действительного человека ставили его «самосознание» или «дух». Маркс и Энгельс не могли мириться с тем, что активная роль философии у младогегельянцев проистекала из пассивной роли, которую они отводили массе, ввиду чего немногие избранные — «критически мыслящие личности» как носители активного духа противопоставлялись неодушевленной массе, к которой относили всех трудящихся, в том числе пролетариев; именно «критически мыслящим личностям» предоставлялась активная роль в изменении действительности. Таким образом, приверженцы Б. Бауэра занимали позиции, враждебные пролетариату, материализму и коммунизму, а идеология младогегельянства стала реальным препятствием на пути развития общественной мысли и освободительного движения в Германии.

В предисловии к «Святому семейству» Маркс и Энгельс так

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 1, с. 642.

сформулировали замысел своего произведения: помочь широкой публике «составить себе ясное представление об иллюзиях спекулятивной философии» [1]. Но критика младогегельянства не сводилась к опровержению их умозрительных идей и принципов. Для Маркса и Энгельса эта критика означала, прежде всего, последовательное противопоставление материализма («реального гуманизма» [2]) идеализму («спиритуализму», или «спекулятивному идеализму»), что предполагало разработку материалистического воззрения на мир.

Прибегнув для критики идеализма к сатирической, часто доходящей до гротеска форме, Маркс и Энгельс вместе с тем сформулировали и развили ряд идей и положений, относящихся к составным частям складывавшегося нового мировоззрения — теории коммунизма, диалектическому и историческому материализму. На эту сторону содержания «Святого семейства» обращал внимание Ленин. Изучая идейное развитие Маркса, он в конспекте «Святого семейства» отметил: «Маркс подходит здесь от гегелевской философии к социализму: переход наблюдается явственно — видно, чем уже овладел Маркс и как он переходит к новому кругу идей» [3].

Новый круг идей, как видно из содержания этого произведения, относится к философии и теории коммунизма. «Святое семейство» явилось средоточием новых идей, которые были подготовлены предшествующими работами Маркса и Энгельса. Оно представляло собой полемически оформленное своеобразное введение к произведениям, в которых основоположники марксизма намеревались изложить свои «положительные взгляды» и «положительную точку зрения по отношению к новейшим философским и социальным доктринам» [4]. Свои намерения Маркс и Энгельс выполнили в ближайшие же годы в ряде произведений, написанных ими для печати совместно или каждым в отдельности.

Критика субъективного идеализма младогегельянцев

Младогегельянская философская концепция, по определению Маркса и Энгельса,— продукт разложения гегелевской идеалистической философии. И критика младогегельянских взглядов перерастает в «Святом семействе» в критику философии Гегеля, критика же гегелевского идеализма — в критику всякой идеалистической философии и идеализма вообще.

Книга «Святое семейство» построена в форме критики сочинений основных представителей младогегельянства, группировавшихся вокруг «Allge-

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 2, с. 7.

[2] «Реальный гуманизм» — термин, применявшийся для обозначения современного Марксу и Энгельсу материализма, представленного в Германии того времени философской системой Л. Фейербаха. Стремясь отмежеваться от вульгарного материализма, Фейербах предпочитал вместо термина «материализм» пользоваться понятием «реализм». Однако философия Фейербаха не тождественна «реальному гуманизму» в понимании Маркса и Энгельса.

[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 8.

[4] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 2, с. 8.

meine Literatur-Zeitung» («Всеобщей литературной газеты»), являвшейся в тот период главным печатным органом младогегельянцев. Книга написана в виде своеобразной пародии на «Феноменологию духа» Гегеля. Схема этого гегелевского труда, как известно, включает в себя три основных раздела: деятельность индивидуального сознания («субъективный дух» — по Гегелю), общественного или массового сознания («объективный дух» или просто «дух») и абсолютного сознания («абсолютное знание» или «абсолютная идея»). Сопоставляя высказывания младогегельянцев с сочинением Гегеля, Маркс в «Святом семействе» показал, что взгляды младогегельянцев прямо исходят из гегелевской «Феноменологии». Но если Гегель в своей «Феноменологии» дает — вопреки идеалистической сущности своей системы — «по многим пунктам элементы действительной характеристики человеческих отношений», то младогегельянцы «дают лишь бессодержательную карикатуру» [1].

Идеалистическая система Гегеля толковала человеческую деятельность как «духовную», или идеальную, а материальные действия представляла вторичными по отношению к идеальному, «отчуждением» идеального. Деятельность людей в начале их истории характеризовалась Гегелем как результат субъективного, еще не достигшего уровня подлинной социальности сознания; постепенно, по мере роста самосознания людей, их духовный мир становился все более общественным, «объективным». Осознание же законов собственного развития духа приводит к торжеству «абсолютного знания», то есть полностью растворяет субъективное и объективное в абсолюте — боге. Такова схема Гегеля.

Раскрывая идеализм младогегельянцев, Маркс и Энгельс подвергли критическому рассмотрению и эту схему Гегеля, показав ее несостоятельность, равно как безжизненность и надуманность младогегельянских конструкций. Это хорошо видно из самой структуры «Святого семейства». В первой главе (Энгельс) в иронической форме говорится о том, как «святая» «критическая критика» посылает на землю своего сына, дабы преодолеть узкие горизонты сознания широкой публики и слиться с ней. Вторая (Энгельс), третья (Энгельс) и четвертая (Маркс и Энгельс вместе) главы показывают, как эта «святая» критика мудрствует относительно актуальных проблем общественной жизни Англии, Германии и Франции, рассматривая субъективное сознание индивидов как выражение «объективного духа», подводя реальные факты истории этих стран под свою схему. В пятой главе (Маркс) дано саркастическое изображение умозрительной гегелевской конструкции, согласно которой абстракция оказывается творцом реальности, показано, что субъективистские идеи младогегельянцев рассматриваются ими как фактор, определяющий общественное развитие. В шестой главе (написана Марксом за исключением одного подраздела, принадлежащего Энгельсу) рассказывается, как «критическая критика» обращает свои взоры на самое себя, становится «абсолютной» и персонифицируется в лице Б. Бауэра. В главах седьмой (Маркс и Энгельс) и восьмой (Маркс) по гегелевской схеме прослеживается, как «критическая критика» объявляет все остальное человечество своим предметом или «материей критической критики». Эта масса пока делится на «критическую», то есть жаждущую от «критической критики» спасения, с одной стороны, и «закоснелую», «обыденную», то есть не верящую в критику,— с другой. Но и эта последняя в конечном счете жаждет спасения, и ее будущее — искупление греха неверия и слияние с «критической критикой». Книга завершается сатирическим изображением «критического страшного суда» (глава девятая, написанная Марксом), в ходе которого критика провозглашает гибель всего мира, а сама в виде нового Христа возносится на небо сообразно с законами своего развития (как «слияние в абсолютной идее» у Гегеля). В конце книги дано ироническое послесловие: «Как мы после узнали, погиб не мир, а критическая «Literatur-Zeitung»» [2].

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 2, с. 211.

[2] Там же, с. 230.

Философия Гегеля, явившаяся венцом немецкой идеалистической философии, рассматривалась основоположниками марксизма как «реставрация» идеализма XVII века, побитого французским Просвещением и в особенности французским материализмом XVIII века, как реставрация «победоносная и содержательная». Но эта реставрация активизировала и выступления против идеализма и теологии. Против идеализма выступили Л. Фейербах — «выразитель материализма» в «теоретической области», социалисты и коммунисты — сторонники материализма «в практической области» [1]. Маркс и Энгельс выразили уверенность в том, что «спекулятивная философия и всякий идеализм вообще будут навсегда побеждены» материализмом [2]. Перспективы философского развития они связывали с материализмом. Французский материализм XVIII века и особенно материализм Фейербаха Маркс и Энгельс продолжали высоко ценить, но нарастало и сознание их недостаточности, что проявилось фактически во взглядах Маркса и Энгельса на исторический процесс, изложенных в «Святом семействе». Следовательно, критику младогегельянского течения основоположники марксизма предприняли с позиций, противоположных идеализму и уже отличавшихся от предшествующего материализма, включая фейербаховский.

Критикуя младогегельянцев, Маркс и Энгельс показали, что представители этого течения бессильны выйти за пределы гегелевского идеализма, ибо не идут дальше противопоставления одного элемента гегелевской философии другому, хотя и выдают это за полное преодоление слабостей его системы. Младогегельянцы стремились быть последовательнее своего учителя в применении к жизни той или иной стороны его учения, но критику старой философии, разработку «новых» философских идей, дискуссии между собой они вели в пределах гегелевских философских принципов. Философия Гегеля оказывалась у них расщепленной на составные части, каждую из которых они двигали не вперед, а назад, к фихтеанству: младогегельянцы не столько критиковали учение Гегеля, сколько ревизовали его с позиций Фихте. Маркс и Энгельс отметили, что только Фейербах достоин положительной оценки, так как лишь он один успешно критикует Гегеля, «отправляясь от *гегелевской точки зрения*» [3].

Основоположники марксизма показали, что младогегельянская философия является разновидностью идеализма, она не связана с реальной практикой, с действительной жизнью. Повторяя вслед за Гегелем идею о тождестве теории и практики, младогегельянцы растворяют практику в «беспредельной всеобщности самосознания», что означает объективно игнорирование действительной, реальной, жизненной практики. Таким образом, за «тождеством»

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 2, с. 139.
[2] См. там же.
[3] См. там же, с. 154.

теории и практики скрывается, по существу, разрыв между ними. Отрыв же теории от практики является истоком идеализма, коренной причиной его созерцательности.

Другая причина идеалистичности младогегельянских концепций заключена в их отношении к процессу познания объективного мира. Философ гегельянского толка «превращает *вне его* находящийся мир в *иллюзию,* в простой каприз *своего* мозга, а затем объявляет этот *фантом* тем, что он есть на самом деле,— чистой фантазией» [1]. Он конструирует категории абстрактного самосознания и наделяет их, подобно Гегелю, сверхъестественной силой — производить конкретную действительность. Абсолютизируя роль понятий в отражении действительности, такой философ объявляет их субстанцией конкретных вещей и, переворачивая отношение понятий и вещей, создает фантастическую картину мира.

Маркс и Энгельс обратили внимание на метод младогегельянских философов, порочность их псевдодиалектических, софистских приемов доказательства истины. Хотя одна из главных задач «критической критики» по заявлению ее представителей состояла в том, чтобы дать ответ на актуальные вопросы современности, постановка жизненно важных вопросов и тем более поиски ответа на них у младогегельянцев были безуспешными, ибо задачу эту они понимали и решали умозрительно: они не выделяли назревших проблем современности, подменяли вопросы действительной жизни отвлеченными вопросами, давали на них абстрактные ответы. Маркс и Энгельс показали субъективизм и софистику, свойственные методу младогегельянцев, который имел лишь видимость диалектического подхода; в действительности же младогегельянцы были далеки от понимания диалектического метода Гегеля. Их спекулятивный, умозрительный метод заводил научное познание в тупик.

Критически разбирая идеалистические концепции, Маркс и Энгельс отметили, что эти концепции были порождением своего времени. Одобрительно отнеслись они к высказанному впервые Фейербахом определению идеалистической философии как «спекулятивной и мистической эмпирии» [2]; в противоположность младогегельянцам, провозглашавшим «надпрактичность философии», Фейербах считал, что философия должна не отгораживаться от человеческих страданий, окунуться в жизнь, критиковать ее пороки.

Выдвижение идей пролетарского мировоззрения

«Святое семейство» — по преимуществу философский труд, в котором получили дальнейшую разработку важные элементы материалистического понимания истории, положения материалистической диалектики; здесь осуществлен первый опыт диалектико-материалистического освещения истории

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 2, с. 155.
[2] См. там же, с. 43.

философской мысли. В этом труде Маркс и Энгельс указали на действительное соотношение философских идей и общественной практики. Они отметили, что «философия должна с небес спекуляции спуститься в глубину человеческой нужды» [1], где «место *свободы* договаривающейся стороны заняло *принуждение*» [2]. Принуждению классового общества Маркс и Энгельс противопоставили идеал подлинной, действительной свободы трудящихся масс, основанной на их освобождении от оков строя частной собственности, и указали на условия ее осуществления путем революционного ниспровержения капитализма и установления социализма.

Основоположники марксизма дали определение исторического процесса как целенаправленной деятельности людей, вплотную подошли к научному пониманию роли народных масс и личности в истории. «Вместе с основательностью исторического действия,— указал Маркс,— будет, следовательно, расти и объем массы, делом которой оно является» [3].

Выдвигая качественно новое представление о роли философии и месте человека в историческом процессе, Маркс и Энгельс активность философии связывают с революционным движением рабочего класса, который призван осуществить коренное преобразование общества под знаменем новой революционной теории.

«Святое семейство» содержит социально-экономическое обоснование освободительной роли пролетариата. Диалектика истории такова, что пролетариат «вынужден упразднить самого себя, а тем самым и обусловливающую его противоположность — частную собственность,— делающую его пролетариатом» [4]. Тем самым, отмечал Маркс, «пролетариат приводит в исполнение приговор, который наемный труд выносит самому себе, производя чужое богатство и собственную нищету. Одержав победу, пролетариат никоим образом не становится абсолютной стороной общества, ибо он одерживает победу, только упраздняя самого себя и свою противоположность» [5]. Ленин отметил, что в «Святом семействе» содержится «почти уже сложившийся взгляд Маркса на революционную роль пролетариата» [6].

Рассматривая реальную действительность, опираясь на материалистический принцип, Маркс и Энгельс приходят к выводу о том, что основание общественных отношений буржуазного общества находится в «гражданском обществе», которое они понимают как совокупность материальных отношений людей при господстве частной собственности. Именно гражданское общество является той почвой, на которой произрастают идеи, зиждется государство и

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 2, с. 43.
[2] Там же, с. 35.
[3] Там же, с. 90.
[4] См. там же, с. 39.
[5] Там же.
[6] См.: *Ленин В. И.* Конспект книги Маркса и Энгельса «Святое семейство».— Полн. собр. соч., т. 29, с. 11.

т. п. Государство — не надклассовая сила, как идеалистически изображали его младогегельянцы, а порождение гражданского общества, реальное выражение царящих в нем общественных отношений. Действительным движущим мотивом исторической деятельности людей является «интерес» и, прежде всего, интерес материальный. *«Идея»* неизменно посрамляла себя, как только она отделялась от «интереса»»[1],— отметили Маркс и Энгельс.

Критикуя проистекающую из идеалистического мировоззрения абстрактность социально-политических требований младогегельянцев, чей радикализм в политической области не шел дальше провозглашения расплывчатых прав и свобод личности, которая с упразднением феодальных отношений будто бы освободится от всякого угнетения, Маркс и Энгельс этим отвлеченным рассуждениям противопоставили политический реализм и классовое чутье трудящихся масс. «Массовые коммунистические рабочие», писали они, которые согласно младогегельянской концепции общественного процесса попадают в разряд противников прогресса и составляют элемент «слепой толпы», на деле хорошо разбираются в конкретных жизненных явлениях. «Они очень болезненно ощущают *различие* между *бытием* и *мышлением,* между *сознанием* и *жизнью.* Они знают, что собственность, капитал, деньги, наемный труд и тому подобное представляют собой далеко не призраки воображения, а весьма практические, весьма конкретные продукты самоотчуждения рабочих и что поэтому они должны быть упразднены тоже практическим и конкретным образом...»[2]

В «Святом семействе» выделяется дальнейший анализ соотношения и противоборства диалектических противоположностей, осуществленный применительно к буржуазному обществу. «Пролетариат и богатство,— указал Маркс,— это противоположности. Как таковые, они образуют некое единое целое»[3]. Но мало констатировать единство этих двух сторон; суть проблемы заключается в том, чтобы определить не только целое, но и то конкретное положение, которое «каждый из этих двух элементов занимает внутри противоположности»[4]. И Маркс раскрывает свое понимание природы и сущности диалектического противоречия на примере противоположности пролетариата и буржуазии. Последняя, являясь носителем принципа частной собственности, «вынуждена сохранять *свое собственное существование,* а тем самым и существование своей противоположности — пролетариата. Это — *положительная* сторона антагонизма, удовлетворенная в себе самой частная собственность»[5]. В противоположность буржуазии пролетариат стремится уничтожить частную собственность, а тем самым и буржуазию, и самого себя, как лишенный собственности класс.

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 2, с. 89.
[2] Там же, с. 58.
[3] Там же, с. 38.
[4] См. там же.
[5] Там же.

Поэтому в системе капитализма, в рамках единства противоположностей пролетариат — это *«отрицательная* сторона антагонизма, его беспокойство внутри него самого, упраздненная и упраздняющая себя частная собственность» [1].

Новые плодотворные мысли и соображения были высказаны в «Святом семействе» относительно соотношения идей, теории и человеческой деятельности, общественной практики. Идеи сами по себе, вопреки гегелевским и младогегельянским воззрениям, «никогда не могут выводить за пределы старого мирового порядка: во всех случаях они могут выводить только за пределы идей старого мирового порядка,— отметил Маркс.— Идеи вообще *ничего* не могут *осуществить*. Для осуществления идей требуются люди, которые должны употребить практическую силу» [2].

В «Святом семействе» Маркс и Энгельс впервые представили историю философии как историю борьбы двух основных направлений — материализма и идеализма: французское Просвещение и материализм XVIII века философски отразили протест общества против феодализма и религии; английский материализм XVII века, равно как и материализм французских энциклопедистов, вытекал из успехов передового естествознания своего времени. Из учений, выдвинутых передовыми мыслителями этих веков, ясно видна связь материализма с идеями социализма и коммунизма: «Как *картезианский* материализм вливается в *естествознание в собственном смысле слова,* так другое направление французского материализма вливается непосредственно *в социализм и коммунизм*» [3]. Маркс показал, что утопический социализм конца XVIII — начала XIX века исходит из философского материализма. На этой основе он сделал вывод: материалистическая философия представляет собой не что иное, «как учение *реального гуманизма* и *...логическую* основу коммунизма» [4].

В «Святом семействе» содержится ряд идей, важных для формирования исторического материализма и экономического учения марксизма. Здесь выдвинуто положение о том, что ключ к истолкованию истории следует искать в «грубо материальном производстве», именно оно является основой развития общества. Это положение подводило к пониманию материального производства в качестве основы общественных отношений.

В более ранних произведениях Маркса и Энгельса подвергнут критике общественный строй, основанный на частной собственности, однако там еще нет представления о капитализме как специфическом способе производства. В «Святом семействе» они к

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 2, с. 39.— Термины «положительная» и «отрицательная» употребляются Марксом в данном случае в философском смысле, для обозначения соответственно консервативной и революционной сторон антагонистического противоречия.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 2, с. 132.

[3] Там же, с. 145.

[4] См. там же, с. 146.

этому понятию подходят. Критикуя младогегельянцев за отрыв истории от естествознания и материального производства, Маркс и Энгельс указали, что для понимания любого исторического периода нужно исследовать отношения производства, необходимо знание «непосредственного способа производства самой жизни» [1]. Это положение послужило методологической основой для анализа капиталистического общества.

Некоторые проблемы политической экономии в «Святом семействе» Маркс рассмотрел в связи с разбором книги Прудона «Что такое собственность?», с разнузданной критикой которой выступил Э. Бауэр. Маркс берет под защиту это сочинение Прудона, которое младогегельянцы старались опорочить с помощью произвольного перевода и тенденциозных комментариев. Он обращает внимание на то, что сочинение, определенно направленное против системы буржуазной частной собственности, младогегельянцы представили как требование всего лишь отмены неопределенных привилегий. «Тон Маркса по отношению к Прудону,— отметил впоследствии Ленин,— очень хвалебный» [2].

Достоинство указанной книги Прудона, с которой тот выступил в 1840 году, Маркс видит в том, что Прудон попытался охарактеризовать сущность частной собственности, подверг *«частную собственность* критическому исследованию, и притом — первому решительному, беспощадному...» [3]. Буржуазная политическая экономия, по существу, уклонилась от анализа частной собственности, объявляя ее вечной и разумной категорией. Прудон же, критически исследуя частную собственность, отмечает Маркс, совершает большой научный прогресс, который «революционизирует политическую экономию и впервые делает возможной действительную науку политической экономии» [4].

Маркс отрицательно настроен ко всем буржуазным экономистам (ученым представителям богатства, как он их называет), ибо они несерьезно отнеслись к бесчеловечной сущности буржуазных экономических отношений. Всем буржуазным экономистам противопоставляется фигура Прудона, который в отличие от них «отнесся серьезно к *человеческой видимости* экономических отношений» и обнажил их *«бесчеловечную действительность»* [5]. Маркс отмечает: «Прудон не только пишет в интересах пролетариев: он сам пролетарий, ouvrier. Его произведение есть научный манифест французского пролетариата...» [6]

Разумеется, такая оценка превышает действительные заслуги Прудона как теоретика рабочего движения, не только если исходить из целостной характеристики его эволюции, но даже при рассмотрении одной лишь его книги «Что такое собственность?». Осуждая частную собственность, Прудон не менее резко выступал против коммунизма, был убежденным мелкобуржуазным противником коммунистической революции. Конечно же, назвать сочинение, содержащее открытые высказывания против коммунизма, манифестом пролетариев Маркс и Энгельс могли только вследствие того, что у них еще не сложились окончательно и твердо научные представления о коммунизме; они не видели еще с полной ясностью, что взгляд Прудона на частную собственность обусловлен его мелкобуржуазной позицией и совершенно несовместим с подлинно коммунистическими целями пролетариата. Впоследствии, анализируя практическую и теоретическую

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 2, с. 166.

[2] *Ленин В. И.* Конспект книги Маркса и Энгельса «Святое семейство».— Полн. собр. соч., т. 29, с. 8.

[3] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 2, с. 34.

[4] См. там же.

[5] См. там же, с. 35.

[6] Там же, с. 45.

деятельность Прудона, Маркс покажет реакционный утопизм прудоновских взглядов, существенно расширит и углубит те критические оговорки, которые сделаны в отношении Прудона в «Святом семействе». Но уже в этой книге взгляды Маркса на собственность отличались от взглядов Прудона: тот не видел капиталистических тенденций мелкой собственности, осуждал фактически лишь злоупотребление собственностью, не отвергая ее частной основы; Маркс же доводит критику частной собственности до полного ее отрицания.

Разбирая прудоновский принцип «равного владения», Маркс высказывает плодотворную мысль: «Представление о *«равном* владении» есть политико-экономическое, следовательно — все еще отчужденное выражение того положения, что *предмет,* как *бытие для человека,* как *предметное бытие человека,* есть в то же время *наличное бытие человека для другого человека,* его *человеческое отношение к другому человеку, общественное отношение человека к человеку»* [1]. Ленин находил это место в высшей степени характерным, ибо оно «показывает, как Маркс подходит к основной идее всей своей «системы»...— именно к идее общественных отношений производства» [2].

Отношения собственности — развивающиеся отношения. Та их форма, которая прежде представлялась целесообразной и разумной, в известном смысле идеальной, в дальнейшем может уже не соответствовать новым условиям производства и обязательно претерпевает необходимые изменения. Этого существенного момента как раз и не понимала буржуазная политическая экономия. «Политическая экономия,— говорится в «Святом семействе»,— принимающая отношения частной собственности за человеческие и разумные, непрерывно впадает в противоречие со своей основной предпосылкой — частной собственностью, в противоречие, подобное тому, в которое впадает теолог, когда он, постоянно истолковывая религиозные представления на человеческий лад, тем самым беспрестанно грешит против своей основной предпосылки — сверхчеловечности религии. Так в политической экономии заработная плата вначале выступает как причитающаяся труду пропорциональная доля в продукте. Заработная плата и прибыль на капитал стоят друг к другу в самых дружественных, взаимно благоприятствующих, по видимости в самых что ни на есть человечных отношениях. Впоследствии же оказывается, что отношения эти — самые враждебные, что заработная плата находится в *обратном* отношении к прибыли на капитал» [3].

Если в предыдущих своих произведениях Маркс и Энгельс еще фактически отрицают или игнорируют трудовую теорию стоимости А. Смита и Д. Рикардо, то в «Святом семействе» намечается уже определенный поворот. Маркс пользуется категорией издержек производства. Например, он говорит, что *«рабочее время,* которое нужно затратить на производство какого-нибудь предмета, принадлежит к *издержкам производства* этого

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 2, с. 46—47.

[2] *Ленин В. И.* Конспект книги Маркса и Энгельса «Святое семейство».— Полн. собр. соч., т. 29, с. 16.

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 2, с. 34—35.

предмета, что *издержки производства* какого-нибудь предмета и составляют то, чего он стоит, т. е. то, за что он может быть продан, если исключить влияние *конкуренции...*» [1]. Он считает разумным определение стоимости издержками производства и общественной полезностью вещи [2]. Здесь налицо некоторое смешение научных взглядов, высказанных Смитом и Рикардо, с вульгарными, субъективистскими концепциями стоимости, которые выдвигались другими буржуазными экономистами. Но в целом Маркс нащупал уже главное и начинает осваивать трудовую теорию стоимости. Имея в виду совокупность его высказываний, Ленин сделал вывод о том, что в «Святом семействе» «Маркс подходит к теории трудовой стоимости» [3].

Таким образом, это произведение содержало ряд новых идей, послуживших в дальнейшем разработке методологии марксистской политической экономии, постановке коренных экономических проблем.

Книга «Святое семейство» явилась важной вехой в формировании марксизма. Сами Маркс и Энгельс придавали большое значение своему первому совместному труду и настолько высоко его ценили (отчасти в силу молодого задора), что незадолго до опубликования книги Маркс писал: в ней «имеет значение *каждое* слово» [4]. Несмотря на переходный характер этого произведения и пока еще значительное влияние Фейербаха, в нем, как отмечал Ленин, «заложены основы» [5] научного мировоззрения.

Книга «Святое семейство, или Критика критической критики» вышла в свет во Франкфурте-на-Майне в конце февраля 1845 года и вызвала широкий отклик в немецкой прессе. Рецензия в радикальной «Mannheimer Abendzeitung» 25 марта 1845 года приветствовала публикацию книги и оценивала ее как глубокое и сильное произведение Маркса и Энгельса. Либеральная «Kölnische Zeitung» в номере от 14 апреля 1845 года признавала большие знания, силу диалектических суждений и доказательств Маркса и Энгельса, действенность их критики младогегельянской философии, но отмечала «одностороннее пристрастие» книги, которая отвергает предложения о социальных реформах, как «полумеры» и «сентиментальность». Реакционная кёльнская газета «Rheinischer Beobachter» в номере от 5 июня 1845 года обратила внимание на связь в «Святом семействе» материализма с коммунистическими воззрениями: среди тех, кто пытается «царство идей» заменить «живой действительностью и обрести в чувственности полную истину», иронизировала газета, «оказался и коммунизм, привлекший к себе внимание обещанием вновь восстановить в своих правах чувственность и, соблюдая меру высокой справедливости, наделить каждого и поровну земным счастьем и благополучием». Орган берлинских гегельянцев «Ежегодник научной критики» в № 57 за

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 2, с. 53.

[2] См. там же, с. 35.

[3] *Ленин В. И.* Конспект книги Маркса и Энгельса «Святое семейство».— Полн. собр. соч., т. 29, с. 16.

[4] См.: Маркс — Генриху Бернштейну, осень 1844 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 27, с. 384.

[5] См.: *Ленин В. И.* Фридрих Энгельс.— Полн. собр. соч., т. 2, с. 9—10.

1845 год отметил «резкое столкновение» между материалистами и младогегельянцами: «Эта борьба проходит через всю книгу». Консервативная аугсбургская «Allgemeine Zeitung» 8 апреля 1845 года писала, что при чтении книги «глубокое возмущение должно охватить каждого немца, который любит свой народ и свято придерживается христианской веры», так как в ней «каждая строчка проповедует мятеж... против государства, церкви, семьи, законности, религии и собственности... и выступает самый радикальный, самый неприкрытый коммунизм».

Таким образом, «Святое семейство» привлекло внимание самых различных общественных кругов Германии.

Эльберфельдские речи

Разработку теоретических основ нового мировоззрения Маркс и Энгельс сопровождали пропагандой своих идей как в печати, так и на общественных собраниях.

1845 год был для Германии, как отметил Энгельс в одном из писем Марксу, годом распространения коммунистических идей. «Коммунизм,— писал Энгельс,— является главной темой разговоров, и каждый день приносит нам новых приверженцев» [1]. Распространявшиеся идеи были, разумеется, идеями утопического коммунизма. Интерес к ним проявляли люди самых различных убеждений и общественного положения, вплоть до буржуазных радикалов, что отражало рост в обществе оппозиционных настроений. Энгельс описал этот процесс в своих корреспонденциях в «The New Moral World» («Новый нравственный мир»), озаглавленных «Быстрые успехи коммунизма в Германии». В этих заметках он, в частности, отметил, что «вместо двух человек, писавших о социализме для публики, отнюдь не знакомой с этим вопросом и не интересовавшейся им, у нас есть теперь десятки одаренных писателей, которые проповедуют новое учение тысячам, жадно ловящим все, что связано с этим предметом» [2]. Среди этих писателей были и Генрих Гейне, и такие, как М. Гесс, К. Грюн, Г. Пютман, которые выступали с мелкобуржуазной теорией «истинного социализма», за что подверглись сокрушительной критике в трудах Маркса и Энгельса 1845—1848 годов.

В противоположность отвлеченным рассуждениям о коммунизме как абстрактном идеале равенства для всех классов и социальных групп, Энгельс в своих выступлениях на публичных общественных собраниях в Эльберфельде в феврале 1845 года изложил сложившиеся к тому времени у них с Марксом коммунистические идеи. Следует учесть, что Энгельс выступал с речами на широких собраниях, на которых присутствовали представители различных слоев городского населения, и это, естественно, определяло характер его выступлений, их форму. Он как бы предупреж-

---

[1] Энгельс — Марксу, 22—26 февраля, 7 марта 1845 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 27, с. 21.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 2, с. 518.

дал буржуа, указывая, какая опасность их ожидает, если они будут противиться социальным преобразованиям, чем и объясняются содержащиеся в речах призывы к благоразумию.

В современном, то есть буржуазном, обществе, говорил Энгельс, царит свободная конкуренция, где «каждый работает на свой собственный страх и риск, каждый стремится к своему собственному обогащению и ему совершенно нет дела до того, чем занимаются другие» [1]. Такое положение неизбежно ведет к анархии производства и вытекающим из этого кризисам, к дезорганизации общественной жизни, к поляризации богатства и бедности. «Современное общество, ставящее отдельного человека во враждебные отношения ко всем остальным, приводит, таким образом, к социальной войне всех против всех» [2]. Но человек — существо общественное; его жизнь неразрывно связана с жизнью всего общества. «Мы все трудимся,— отмечал Энгельс,— преследуя только свою собственную выгоду, не заботясь о благе других, а между тем это ведь очевидная, сама собой понятная истина, что интерес, благо, счастье каждого в отдельности неразрывно связаны с благом остальных людей» [3]. Именно эта истина лежит в основе коммунизма. Коммунизм призывает к созданию такой общественной организации, при которой «управлению придется ведать не только отдельными сторонами общественной жизни, но и всей общественной жизнью во всех ее отдельных проявлениях, во всех направлениях» [4]. И Энгельс отмечал гуманистическую сущность коммунистического идеала, подчеркивая: «Мы уничтожаем антагонизм между отдельным человеком и всеми остальными, мы противопоставляем социальной войне социальный мир» [5].

Какие же силы и процессы должны обеспечить движение общества к коммунизму? На первое место Энгельс ставил экономическую необходимость [6], указывая, что развитие производства неуклонно ведет к его дальнейшему обобществлению, концентрации производительных сил, усилению социальной роли основного производителя — пролетариата. Он отмечал, что при капитализме «пролетариат должен постоянно расти численно», так как «причины, постоянно создающие пролетариат и увеличивающие его ряды, продолжают действовать и будут вызывать те же последствия, пока существует конкуренция» [7]. Постоянный рост численности пролетариата и его социальной активности с исторической неизбежностью приведет к положению, «когда пролетариат достигнет такой степени силы и сознательности, что не пожелает больше нести бремя всего социального здания», «когда он потре-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 2, с. 532.
[2] Там же, с. 537.
[3] Там же, с. 535.
[4] Там же, с. 537.
[5] Там же.
[6] См. там же, с. 546.
[7] Там же, с. 547.

бует более справедливого распределения социальных тягот и прав»[1]. Тогда общество вплотную приблизится к исторической ситуации, при которой «социальная революция станет неизбежной»[2].

Но что такое социальная революция, чем она отличается от политических переворотов прошлого, когда на смену одному господствующему эксплуататорскому классу приходил другой эксплуататорский класс? Социальная революция, указал Энгельс, есть нечто совершенно иное, так как она направлена против монополии собственности; «социальная революция — это *открытая война бедных против богатых*»[3]. Пролетариат должен осознать свою роль в этой борьбе. Сама действительность его существования все более подводит к осознанию ее исторической неизбежности.

2. ИДЕИ ПРОЛЕТАРСКОГО КОММУНИЗМА В КНИГЕ ЭНГЕЛЬСА «ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА В АНГЛИИ»

Около двух лет (с ноября 1842 по август 1844 г.) Энгельс находился в Англии. В этот период в общественной жизни Германии происходили существенные изменения, связанные с развитием и утверждением капиталистических отношений. Рабочий вопрос стал предметом общественного обсуждения. Младогегельянство уступало позиции утопически-социалистическим течениям. Силезское восстание и последовавшая за ним волна выступлений трудящихся в различных частях Германии послужили толчком для активизации социалистического и коммунистического направлений в общественной мысли.

Для уяснения социальной обусловленности революционной борьбы за коммунизм важное значение имела книга Энгельса «Положение рабочего класса в Англии».

«Наброски к критике политической экономии» Энгельс закончил обещанием вскоре «разобрать отвратительную безнравственность» фабричной системы[4]. Это обещание он выполнил, написав в 1845 году книгу «Положение рабочего класса в Англии».

Для книги были изучены многочисленные источники. Среди официальных материалов — парламентские отчеты комиссий по обследованию условий детского труда за 30-е — начало 40-х годов (подобными документами, но за более поздний период, широко пользовался Маркс в I томе «Капитала»), отчеты министру внутренних дел, представленные комиссией по закону о бедных, о результатах обследования санитарных условий жизни трудящихся Англии (материалами этого рода Маркс также широко пользовался при написании I тома «Капитала»). Из специальной литературы Энгельс, за небольшими исключениями, брал книги буржуазных авторов, чтобы тем самым отвести от себя возможные обвинения критиков в сознательном выборе «пристрастных» источников, дающих якобы тенденциозное изображение, преднамеренно сгущающих краски при освещении бедствий рабочего класса. Огромная работа была проделана по изучению и отбору мате-

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 2, с. 547.
[2] Там же.
[3] Там же, с. 552.
[4] См. там же, т. 1, с. 571.

риалов из текущей прессы — разнообразных газет и журналов. Знания, почерпнутые из литературы, Энгельс проверил и дополнил личными наблюдениями благодаря непосредственным контактам с рабочими: многие часы он посвятил беседам с рабочими и их семьями; собственными глазами он мог видеть их труд и быт.

Обобщив разнообразный материал, Энгельс с большой силой выразительности представил социальную действительность тогдашней Англии, написав, как он сам говорил, «обвинительный акт против английской буржуазии» [1]. Конкретные характеристики тогдашних условий труда и жизни рабочих стали уже достоянием истории, но книга Энгельса тем не менее сохраняет свое непреходящее значение, представляя собой образец научного исследования влияния прогресса капиталистической промышленности на положение трудящихся, тех коллизий, которые по мере совершенствования техники и увеличения масштабов производства неизбежны во взаимоотношениях между буржуазией и пролетариатом.

В обращении «К рабочему классу Великобритании» и предисловии к книге Энгельс объяснил цели и задачи предпринятого им исследования и освещения реального положения и истории английского пролетариата. Положение рабочего класса в любой стране в XIX веке являлось, по его словам, «действительной основой и исходным пунктом всех социальных движений». И чтобы дать обоснование социалистическому движению и социалистическим теориям, а также суждениям об их ценности и правомерности, «необходимо изучить условия существования пролетариата» [2]. Внимание к истории и условиям жизни именно английских рабочих Энгельс объяснял тем, что Англия — наиболее развитая в капиталистическом отношении страна, и в силу этого ее развитие обнаруживает те тенденции и перспективы, которые со временем проявят себя и в других странах [3]. На примере английского пролетариата Энгельс раскрывает наиболее характерные черты пролетариата как класса: чувство классовой солидарности, интернационализм, неукротимое стремление к прогрессу. Пролетарии — «больше чем просто *английские* люди», они — «члены одной великой общей семьи», сознающие, что их «интересы совпадают с интересами всего человечества» [4]. На примере классового развития английских рабочих социалисты могут представить себе перспективы движения рабочих и в других странах.

Книга Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» стала важной вехой в формировании научной методологии марксизма, основу которой составили исторический материализм и материалистическая диалектика. Конкретно-исторический подход к анализу объективных предпосылок формирования английского рабочего

---

[1] См.: *Энгельс Ф.* Дополнения к характеристике положения рабочего класса в Англии.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 270.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 2, с. 238.

[3] См. там же, с. 239.

[4] См. там же, с. 236—237.

класса, изменений в его социальной структуре, консолидации пролетариата как класса в борьбе с его классовыми противниками, форм пролетарской классовой борьбы и их развития имел большое значение для формирования марксизма в целом, и в особенности теории научного коммунизма. Все это явилось существенным вкладом в научную разработку и обоснование идеи всемирно-исторической роли пролетариата, выдвинутой Марксом и Энгельсом на предшествующем этапе их теоретической деятельности.

Пролетариат не только страдающий, но и борющийся класс

Энгельс дал анализ условий формирования и развития промышленного пролетариата, его общественного положения и борьбы в стране наиболее развитого, классического капитализма, какой стала Англия. Историю формирования и развития пролетариата он связал с промышленной революцией, которая произвела переворот во всех сферах общественной жизни. «История рабочего класса в Англии,— отметил он,— начинается со второй половины XVIII века, с изобретения паровой машины и машин для обработки хлопка» [1]. Изобретение и внедрение в производство машин и других механических устройств ознаменовало собой победу машинного труда над ручным трудом. Этот процесс первоначально развернулся в обрабатывающей промышленности, прежде всего в прядильном и ткацком производстве. Потребности обрабатывающей промышленности стимулировали рост добычи сырья, горнорудного производства; возник новый отряд пролетариата — рабочие угольных копей и рудников. Наконец, развитие промышленности повлияло на сельское хозяйство, что повлекло за собой появление третьего основного отряда рабочего класса — сельскохозяйственного пролетариата.

К середине XIX века пролетариат в Англии стал самым многочисленным классом общества. На примере формирования английского капитализма Энгельс показал действие определяющего фактора общественного развития — экономического фактора, роста производительных сил.

«...Уровень развития различных рабочих,— подметил Энгельс,— находится в прямой зависимости от их связи с промышленностью»; «промышленные рабочие лучше всех сознают свои интересы, горнорабочие уже хуже, а сельскохозяйственные рабочие еще почти совсем их не сознают» [2]. Энгельс отметил, что «фабричные рабочие — эти первенцы промышленной революции — с самого начала и до настоящего времени являлись ядром рабочего движения и что остальные рабочие примыкали к движению в той мере, в какой их ремесло захватывалось промышленным переворотом» [3].

Возникнув, тот или иной отряд рабочего класса обретал признаки этого класса и входил в него как органический элемент, не-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 2, с. 243.
[2] Там же, с. 260.
[3] Там же.

разрывно связанный с другими его отрядами. Отмечая принципиальную важность понимания этого единства, Энгельс обратил внимание на то, что в общей массе пролетариата «положение отдельных его отрядов, именно в силу того, что они все заняты в промышленности, имеет много общего» [1].

Промышленная революция повлекла за собой быстрый рост национального богатства английского общества, с одной стороны, и обнищание массы трудящегося населения — с другой. Концентрация капитала, сосредоточение его в руках крупных предпринимателей сопровождались разорением крестьянства, ремесленников и мелких собственников. Из разорявшихся слоев формировался новый класс, представители которого были полностью лишены средств производства; он явился «прямым детищем» [2] промышленного переворота. «Мелкая промышленность создала буржуазию,— отметил Энгельс,— крупная создала рабочий класс...» [3] Буржуазия и пролетариат — основные, противостоящие друг другу социальные силы капиталистического общества; в основе антагонизма между ними лежит частная собственность и порождаемая ею конкуренция. Частная собственность на средства производства, рационализация производственного процесса, подневольный труд и нищенские условия жизни рабочих являются, по словам Энгельса, той основой, на которой зиждется буржуазное общество.

Исследуя отношения между пролетариатом и буржуазией, Энгельс указал на наличие экономического принуждения при капитализме. В противоположность апологетам капитализма, изображавшим буржуа и пролетария равноправными, а подневольный труд рабочего — как «свободный» труд, Энгельс показал, что пролетарий экономически вынужден работать на капиталиста: хотя рабочий юридически свободен, волен наниматься или не наниматься на работу, ничто не гарантирует ему пропитания и, значит, существования без «добровольной» работы на капиталиста.

Раскрывая истинный характер кажущейся свободы рабочего при капитализме, Энгельс со всей убедительностью показал, что рабочий по существу — раб всего класса буржуазии. «Вся разница между этим и старым откровенным рабством состоит только в том,— объяснял Энгельс,— что современный рабочий *кажется* свободным, потому что он продается не раз навсегда, а по частям, на день, на неделю, на год, и потому что не один собственник продает его другому, а он сам вынужден таким образом продавать себя, ибо он раб не одного человека, а всего имущего класса» [4].

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 2, с. 260.— Между тем К. Каутский в начале XX века, извращая идеи Энгельса, объявил рабочим классом только людей, занятых в обрабатывающей промышленности, а всех остальных отнес к «сельскому хозяйству», ограничив тем самым понятие рабочего класса, по существу, пролетариатом развитых капиталистических стран.

[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 2, с. 260.

[3] Там же, с. 261.

[4] Там же, с. 315.

В произведении «Положение рабочего класса в Англии» появляется понимание рабочего как товара на рынке труда. Рабочий, отметил Энгельс, «продается, как товар, и как товар повышается и падает в цене» [1]; его заработная плата зависит в основном от соотношения спроса и предложения на рынке труда.

На обширном фактическом и статистическом материале Энгельс показал, что развитие капитализма делает существование рабочих бедственным: условия работы, быта, семейных отношений ухудшаются и усложняются, а неуверенность в завтрашнем дне, в возможности сохранить хотя бы минимально сносную жизнь все более возрастает. «Существование раба,— писал Энгельс,— по крайней мере, обеспечено личной выгодой его владельца; у крепостного все же есть кусок земли, который его кормит; оба они гарантированы, по меньшей мере, от голодной смерти; а пролетарий предоставлен исключительно самому себе...» [2] Материалы фабричной инспекции и официальной статистики Англии, которые использовал в своем исследовании Энгельс, привели к выводу о том, что «рабочие не только в физическом и интеллектуальном, но и в моральном отношении отвергнуты господствующим классом и покинуты на произвол судьбы» [3]. Если страдания рабочих становятся невыносимыми и они начинают протестовать, «к ним применяют только одно воспитательное средство — кнут, грубую, не убеждающую, а устрашающую силу» [4]. Им остаются только два исхода: «рабочие, с которыми обращаются, как с животными, либо на самом деле уподобляются животным, либо черпают сознание и чувство своего человеческого достоинства только в самой пламенной ненависти, в неугасимом внутреннем возмущении против власть имущей буржуазии. Они остаются людьми, лишь пока они исполнены гнева против господствующего класса; они становятся животными, когда безропотно подставляют шею под ярмо... не думая о том, чтобы от этого ярма избавиться» [5].

Свойственная капиталистическому строю концентрация производства способствовала сплочению рабочих, росту их классового самосознания. «Рабочие начинают чувствовать себя — в своей совокупности — как класс, до их сознания доходит, что, будучи слабыми в одиночку, они все вместе образуют силу; это способствует отделению от буржуазии и выработке самостоятельных, свойственных рабочим и их жизненным условиям понятий и идей, появляется сознание своего угнетения, и рабочие приобретают социальное и политическое значение. Большие города,— продолжал Энгельс,— очаги рабочего движения: в них рабочие впервые начали задумываться над своим положением и бороться за его изменение, в них впервые выявилась противоположность интересов

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 2, с. 315.
[2] Там же, с. 349.
[3] Там же, с. 347.
[4] Там же.
[5] Там же, с. 347—348.

пролетариата и буржуазии, в них зародились рабочие союзы, чартизм и социализм» [1].

Энгельс охарактеризовал облик и черты рабочего, находящиеся в непримиримом противоречии с его существованием. В противоположность ханжеской писаной морали буржуазии и откровенной аморальности ее деяний рабочие в своем протесте и борьбе против капитализма обретают все более благородные, подлинно человеческие черты. Энгельс отметил, что «английский рабочий класс с течением времени стал совсем другим народом, чем английская буржуазия» [2]. И если до середины XIX века континентальная Европа знала только один английский народ — буржуазию, то «именно другой народ, состоящий из пролетариев, имеет гораздо большее значение для будущего Англии» [3]. В отличие от буржуа, рабочие «говорят на другом диалекте, имеют другие идеи и представления, другие права и нравственные принципы, другую религию и политику» [4]. Они значительно более отзывчивы в повседневной жизни, всегда готовы прийти на помощь слабому (Энгельс привел многозначительный факт: общая сумма, которую ежегодно бедняки дают друг другу, превосходит ту, которую богачи дают беднякам). Гуманизм пролетариев легко увидеть и в других проявлениях. «Для них каждый человек — человек, между тем как для буржуа рабочий не вполне человек» [5]. Рабочие обходительнее и приветливее, чем буржуа, несравненно менее привержены к деньгам, хотя больше в них нуждаются, независимы в своих мнениях, более восприимчивы к действительности, объективны в оценках и суждениях. Рабочим чужд фанатизм, который столь характерен для буржуа. Если рабочий религиозен — то, как правило, больше на словах, чем на деле; в жизни же он руководствуется земными интересами, стремится улучшить свое существование в реальном мире.

Все это делает рабочих людьми, самой жизнью подготовленными к активной борьбе за лучшее будущее, к восприятию передовых идей, зовущих к этому будущему. Между тем буржуазия склонна к миру с рабочими только до тех пор, пока рабочие ей покорны. «Как только рабочий обнаруживает стремление освободиться от существующего положения вещей, буржуазия становится его открытым врагом» [6],— подчеркнул Энгельс. Это обстоятельство побуждает рабочих объединять свои силы в борьбе против капиталистических порядков.

Ленин писал: «И до Энгельса очень многие изображали страдания пролетариата и указывали на необходимость помочь ему. Энгельс *первый* сказал, что пролетариат *не только* страдающий класс; что именно то позорное экономическое положение, в кото-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 2, с. 354.
[2] Там же, с. 356.
[3] Там же.
[4] См. там же.
[5] Там же, с. 357.
[6] Там же, с. 437.

ром находится пролетариат, неудержимо толкает его вперед и заставляет его бороться за свое конечное освобождение. А борющийся пролетариат *сам поможет себе*. Политическое движение рабочего класса неизбежно приведет рабочих к сознанию того, что у них нет выхода вне социализма» [1].

Развитие и перспективы рабочего движения

Первая, наиболее грубая и бесплодная форма возмущения рабочих — сопротивление введению машин в производство; рабочие ломали машины, разрушали оборудование фабрики. Протест в такой форме носил характер стихийных, беспорядочных выступлений и оборачивался против рабочих жестокими репрессиями властей. Следующий шаг в развитии рабочего движения — борьба пролетариата за право на образование ассоциаций, призванных оградить рабочих от произвола буржуазии. Это право было завоевано английским рабочим классом в длительной борьбе, и в 1824 году парламент принял соответствующий закон. Во всех отраслях труда стали возникать такие ассоциации (тред-юнионы). Результатом первых десятилетий их существования явились рост сплоченности и солидарности рабочих в стачечной борьбе, подъем рабочего движения. И хотя история тред-юнионов в 20—40-е годы XIX века — это история частых поражений и лишь немногих побед, Энгельс отметил, что проводившиеся ими стачки были незаменимой школой борьбы. «Стачки являются военной школой, в которой рабочие подготовляются к великой борьбе, ставшей уже неизбежной; они являются манифестацией отдельных отрядов рабочего класса, возвещающих о своем присоединении к великому рабочему движению» [2],— писал Энгельс. Осознание рабочими необходимости объединения в профессиональные союзы, борьба за их создание и при их помощи — за общие интересы — стали важным шагом вперед в рабочем движении, в формировании классового сознания пролетариата.

Рабочее движение в Англии явилось опорой двух общественных течений — чартистского и социалистического. Энгельс характеризовал чартизм как «концентрированную форму оппозиции против буржуазии» [3]. В отличие от экономических требований, за которые борьбу вели тред-юнионы, чартисты выдвигали и отстаивали программу, направленную на демократизацию политического строя Англии. В конце 30 — начале 40-х годов чартизм достиг кульминационного уровня в своем развитии. После отделения в 1843 году его буржуазно-радикального крыла чартизм становится чисто пролетарским движением.

Изучение классового состава, программных требований и целей чартистов позволило Энгельсу сделать вывод о характере и политических тенденциях этого движения. *«По существу своему чар-*

---

[1] *Ленин В. И.* Фридрих Энгельс.— Полн. собр. соч., т. 2, с. 9.
[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 2, с. 448.
[3] См. там же, с. 451.

тизм есть явление социального характера», «сближение его с социализмом неизбежно» [1],— писал Энгельс. Успехи чартистского движения свидетельствовали о его влиянии на рабочие массы, умении организовать их и повести за собой. Энгельс называл чартизм первой рабочей партией.

Рабочее движение Англии было неоднородно; наряду с чартистами влияние на рабочих оказывали и социалисты, сторонники взглядов Р. Оуэна. Энгельс подверг критике английский утопический социализм Р. Оуэна и его последователей, отметив его терпимость в отношении буржуазии, миролюбие в выборе путей изменения существующего строя. Оуэнисты, отмечал Энгельс, не признают исторического развития и хотят перевести страну в коммунистическое состояние сразу, «а не путем дальнейшего развертывания политической борьбы до ее завершения, при котором она сама себя упразднит» [2]. Будучи выходцами главным образом из имущих классов и в значительной части — из интеллигенции, оуэнисты во взглядах на рабочий класс разделяют общий взгляд социалистов-утопистов, видя в нем лишь объект преобразующей деятельности внешних общественных сил. Социализм, проповедуемый оуэнистами, отмечал Энгельс, не выражает интересов рабочего движения, ввиду чего социалисты оуэнистского толка не в состоянии сблизиться и соединиться с рабочим классом. Для того чтобы стать достоянием масс, социализм должен спуститься с абстрактных высот к земным делам и реальным интересам рабочего класса, «вернуться к чартистской точке зрения» [3]. Поэтому будущее рабочего движения Англии Энгельс видел в соединении социализма с чартизмом. «Слияние социализма с чартизмом, воспроизведение французского коммунизма применительно к английским условиям — вот что должно произойти в ближайшем будущем и частью уже началось. Лишь тогда, когда это осуществится, рабочий класс действительно станет властелином Англии» [4].

Одну из основных идей книги Энгельса Ленин видел в провозглашении необходимости соединения социализма с рабочим движением, ибо «социализм будет только тогда силой, когда он станет целью *политической* борьбы рабочего *класса*» [5].

Таким образом, из анализа действительного положения английского пролетариата, развития его борьбы и организации, его моральных качеств Энгельс сделал важнейший теоретический вывод: рабочему классу ввиду его положения в буржуазном обществе выпала историческая миссия — он призван стать силой, которая путем революции направит развитие общества к социализму и коммунизму. При этом Энгельс указал: «Единственным возможным выхо-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 2, с. 458, 459.
[2] См. там же, с. 460.
[3] См. там же.
[4] Там же, с. 461.
[5] *Ленин В. И.* Фридрих Энгельс.— Полн. собр. соч., т. 2, с. 9.

дом остается насильственная революция, и она, несомненно, не заставит себя долго ждать» [1].

В заключительных главах книги «Положение рабочего класса в Англии» Энгельс рассмотрел вопрос о классовой организации пролетариата, формах и методах его борьбы, об экономических и политических движущих силах общества на пути к социальной революции. Он полагал, что социальная революция в Англии близка и неизбежна. Вместе с тем он считал, что, приближая наступление революции, пролетариат и его организации должны позаботиться о том, чтобы революция приняла «более мягкие формы» [2]. А это последнее он ставил в зависимость от степени организованности рабочих, уровня их социалистической сознательности. «Чем больше пролетариат проникнется социалистическими и коммунистическими идеями,— писал он,— тем менее кровавой, мстительной и жестокой будет революция» [3]. Ибо коммунизм по своим принципам стоит «выше вражды между буржуазией и пролетариатом», «он именно ставит себе целью устранить эту вражду» [4].

Соображения Энгельса относительно «надклассового» характера коммунистического идеала звучали диссонансом ко всему содержанию его исследования. Позднее в приложении к американскому изданию своей книги (1887) Энгельс объяснил эту точку зрения как пережиток прежних воззрений [5]. Однако и во время работы над «Положением рабочего класса в Англии» он ясно понимал, что непримиримость рабочих и буржуа выступает «как наиболее важный рычаг *начинающегося* рабочего движения» [6].

Энгельс закончил свою книгу выводом о том, что классы буржуазии и пролетариата обособляются все резче, революционный потенциал пролетариата растет. Отдельные стычки закономерно должны перерастать во все более крупные сражения, и скоро будет достаточно небольшого толчка, чтобы в движение пришла вся лавина народного негодования. «Тогда,— писал он,— действительно раздастся по всей стране боевой призыв: «Война дворцам, мир хижинам!», но тогда для богатых будет уже слишком поздно принимать меры предосторожности» [7].

Идеи экономического учения

На основе складывавшегося материалистического понимания истории, в связи с проблемами научного коммунизма в книге «Положение рабочего класса в Англии» (вслед за более ранним своим произведением «Наброски к критике политической экономии», 1844) Энгельс сформулировал и некоторые отправные идеи пролетарской политической экономии.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 2, с. 481.
[2] См. там же, с. 516.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] См. там же, т. 21, с. 265.
[6] См. там же, т. 2, с. 516.
[7] Там же, с. 517.

В книге подробно анализируются с точки зрения рабочего класса последствия применения машин в промышленном производстве Англии. В этой части труд Энгельса является своеобразным введением в соответствующие разделы «Капитала» Маркса. Особенно это касается таких глав первого тома «Капитала», как «Рабочий день» и «Машины и крупная промышленность». При характеристике фабричной системы и ее изнурительных последствий для рабочего класса Маркс в «Капитале» неоднократно упоминает и цитирует книгу Энгельса. Он отметил, что Энгельс «глубоко понял... дух капиталистического способа производства» и его выводы, относящиеся к периоду от возникновения крупной промышленности в Англии и до 1845 года, целиком подтвердились обследованиями и наблюдениями более позднего времени. После этой работы Энгельса Маркс не считал нужным специально касаться того периода, а прямо отсылал читателя к произведению Энгельса [1]. «Моральное калечение, вытекающее из капиталистической эксплуатации женского и детского труда,— писал Маркс в другом месте «Капитала»,— с такой исчерпывающей полнотой описано Ф. Энгельсом в его «Положении рабочего класса в Англии» и другими авторами, что я здесь ограничиваюсь простым напоминанием об этом» [2]. О книге «Положение рабочего класса в Англии» в написанном Марксом введении к французскому изданию 1880 года брошюры Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке» сообщалось: это — «важный труд, значение которого в полной мере оценил Маркс в «Капитале»» [3].

Энгельс показал, что капиталистическое использование науки и техники усугубляет тяжесть положения наемных рабочих и вообще трудящихся. Новые машины, сработанные руками человека, выталкивают его же из сферы производства, живые «машины», остающиеся не у дел, вливаются в армию безработных, составляют резервную армию труда. Впервые в науке Энгельс объяснил безработицу как необходимое условие функционирования капитала. Тем самым был нанесен удар как по вульгарно-апологетическим посулам обеспечить полную занятость, так и по мальтузианским теориям абсолютного перенаселения.

Энгельс высказал мысль о том, что промышленная резервная армия труда, будучи закономерным результатом капиталистического накопления, является в то же время его необходимым условием. Он описал формы существования промышленной резервной армии труда, показал влияние безработицы на уровень заработной платы. Резервная армия безработных давит на уровень заработной платы и благоприятствует произволу капиталистов в отношении занятых рабочих. Армия безработных выполняет в капиталистическом обществе важную функцию в качестве резерва, позволяющего осуществлять наращивание производства в фазе промышленного подъема.

Энгельс стремится применить к своему анализу трудовую теорию стоимости А. Смита. Он приходит к заключению, что рабочий — это товар, существующий наравне с другими товарами. Поэтому спрос на рабочих, по аналогии со всеми другими товарами, регулирует их численность. Заработная плата — особое наименова-

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 251.
[2] Там же, с. 411.
[3] См. там же, т. 19, с. 241.

ние цены рабочих. Колебание ее уровня зависит от соотношения спроса и предложения. Энгельс догадывается о наличии объективной основы этой цены, которая не зависит от конъюнктуры рынка и представляет собой тот минимум средств, который физически необходим для поддержания жизни рабочего. Каково бы ни было соотношение между спросом и предложением свободных рабочих, капиталист должен гарантировать рабочему такое количество средств, которое обеспечивает возможность функционирования его рабочей силы. Соотношение между спросом и предложением может лишь в каждом отдельном случае вносить известные поправки в обязательную цену рабочего как товара. Правда, если предложение превышает спрос, то часть рабочих вообще ничего не получает. Если же, наоборот, спрос очень велик и намного превышает предложение, то капиталист, по образному выражению Энгельса, может дать рабочему даже колбасу, однако только затем, чтобы в конечном счете выиграть целый окорок.

Положение рабочих особенно ухудшается во время экономических кризисов. Исследуя это обстоятельство, Энгельс рассмотрел проблему экономических кризисов. Их причина — в самом капиталистическом производстве; застой общественного производства и свойственные ему кризисы — закономерность капитализма. При рассмотрении этой проблемы Энгельс сформулировал объективно обусловленную цель капиталистического производства, которая определяет противоречивый и циклический характер его развития. «При современной беспорядочной системе производства и распределения жизненных средств, целью которой является не непосредственное удовлетворение потребностей, а извлечение денежной прибыли, когда каждый работает и обогащается на свой собственный страх и риск, в любой момент может получиться застой» [1],— отметил Энгельс.

Энгельс дал описание двух фаз капиталистического цикла — кризиса и подъема. В отличие от распространенной в то время концепции перманентного кризиса при капитализме, высказанной впервые Сисмонди, он обосновал периодический характер кризисов перепроизводства. С 1825 года Англию потрясают периодические кризисы, которые по истечении известного времени сменяются периодом процветания. «Так дело продолжается непрерывно: за процветанием следует кризис, за кризисом процветание, затем новый кризис, и этот вечный кругооборот, в котором находится английская промышленность, обычно возобновляется... раз в пять или в шесть лет» [2].

Во время кризисов растет «избыточное население», усиливаются все формы и способы эксплуатации промышленных рабочих, массы незанятого населения терпят огромную нужду и лишения, обречены на нищету. Относительно избыточное население, сопутст-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 2, с. 317.
[2] Там же, с. 320.

вующее столь же относительно избыточному производству, используется капиталом для выхода из кризисного состояния, для увеличения объема промышленности в период процветания, когда складываются на ряд лет более благоприятные условия сбыта, когда повышается общий платежеспособный спрос. Следовательно, будучи порождением самого механизма капиталистического накопления, как его неизбежный продукт, избыточное население оказывается при особых обстоятельствах необходимым фактором «нормального» функционирования этого механизма. Впоследствии Ленин писал, что именно Энгельс впервые подметил эту специфическую служебную роль и особенность избыточного населения в системе капиталистического способа производства [1].

Экономические кризисы характеризуются особой остротой «скрытой войны» буржуазии против рабочего класса. Однако при этом он не только страдает, но и учится, прозревает. Развитием противоречий капиталистической экономики, в частности кризисами перепроизводства, подготавливаются предпосылки революционного взрыва.

Важное значение имело экономическое обоснование неизбежности пролетарской революции, определение ее исторических предпосылок. Промышленный переворот принес победу буржуазии, создал материально-технический фундамент для капиталистических отношений. Вместе с тем он принес обнищание широким массам трудящихся. Буржуазные экономисты концентрировали внимание на том, что́ промышленный переворот дал капиталистам, мелкобуржуазные экономисты — на разорении мелких производителей. Энгельс же впервые дал действительно научную оценку промышленному перевороту как воплощению противоречивых тенденций: с одной стороны, он значительно продвигает вперед развитие производительных сил буржуазного общества и укрепляет позиции буржуазии, с другой — способствуя разорению мелких производителей и превращению их в наемных рабочих, все больше обостряет классовые противоречия. Тем самым Энгельс подходит к мысли о том, что в самом буржуазном строе подготавливаются предпосылки пролетарской революции. Логика развития капиталистической экономики такова, что вместе с ростом производства, с прогрессом производительных сил накапливаются силы для решительной социальной битвы. Итогом исследования был вывод о неизбежности социальной революции, «с которой ни одна из бывших до сих пор революций сравниться не сможет» [2].

Труд Энгельса вошел в сокровищницу марксистской науки, хотя он еще и не во всех своих элементах находится вполне на уровне зрелой теории.

---

[1] См.: *Ленин В. И.* К характеристике экономического романтизма.— Полн. собр. соч., т. 2, с. 172.

[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 2, с. 515.

Примечательным является суждение самого Энгельса в приложении к американскому изданию «Положения рабочего класса в Англии» (1887). Энгельс писал тогда, что «общая теоретическая точка зрения настоящей книги в философском, экономическом и политическом отношениях не вполне совпадает с моей теперешней точкой зрения. В 1844 г. еще не существовало современного международного социализма, который с тех пор, прежде всего и почти исключительно благодаря трудам Маркса, полностью развился в науку. Моя книга представляет собой только одну из фаз его эмбриопального развития. И подобно тому как человеческий зародыш на самых ранних ступенях своего развития воспроизводит еще жаберные дуги наших предков — рыб, так и в этой книге повсюду заметны следы происхождения современного социализма от одного из его предков — немецкой философии» [1]. Но наличие кое-каких «жаберных дуг», то есть рудиментов, относящихся к числу слабых или ошибочных положений теоретических источников марксизма, не снижает общей оценки книги Энгельса как произведения классического.

В предисловии к первому выпуску «К критике политической экономии» (1859) Маркс писал, что в «Положении рабочего класса в Англии» Энгельс самостоятельным путем пришел к тем же результатам и выводам, что и он, Маркс, к тому времени [2].

Книга «Положение рабочего класса в Англии» вышла в свет на немецком языке в Лейпциге в мае 1845 года [3]. Издавая книгу в Германии, Энгельс стремился помочь немецким сторонникам коммунизма преодолеть абстрактность в коммунистической пропаганде, вооружив их знанием подлинных фактов капиталистической эксплуатации и угнетения рабочих в наиболее развитой стране мира, а также побудить их по аналогии осмысливать немецкую действительность, уясняя перспективы рабочего движения и в Германии.

Книга сыграла большую роль в разъяснении положения и всемирно-исторической роли пролетариата. Ленин ценил ее, как одно из лучших произведений мировой социалистической литературы [4]. Он писал, что книга Энгельса явилась «ужасным обвинением капитализма и буржуазии», будучи полна самых достоверных и потрясающих картин бедствий английского пролетариата; впечатление, производимое ею, было очень велико, так как она давала лучшую, яркую и правдивую картину положения современного пролетариата [5].

Общая оценка теоретической деятельности Энгельса в 1844—1845 годах дана Лениным в связи с идеологической борьбой в Германии того периода: в феодально-монархических государствах, еще не объединившихся в единую Германию, сочувствие коммунистическим идеям являлось формой выражения оппозиционных настро-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 265.

[2] См. там же, т. 13, с. 8.

[3] Последующие ее издания при жизни Энгельса были: второе издание в Германии — в 1892 году, авторизованный перевод на английский язык — в Нью-Йорке в 1887 году и в Лондоне в 1892 году. В России основные идеи книги Энгельса стали известны в изложении революционного демократа Н. В. Шелгунова, пересказавшего их в статье «Рабочий пролетариат в Англии и во Франции», опубликованной в журнале «Современник» в 1861 году.

[4] См.: *Ленин В. И.* Переписка Маркса с Энгельсом.— Полн. собр. соч., т. 24, с. 265.

[5] См.: *Ленин В. И.* Фридрих Энгельс.— Там же, т. 2, с. 9.

ений против правительств этих государств, и многие «сторонники» коммунизма были по своей классовой позиции заурядными буржуа; другие, кичившиеся своим либерализмом или даже радикализмом, не шли дальше обычных буржуазных и мелкобуржуазных концепций типа младогегельянства или «истинного социализма». Величие Энгельса, подчеркнул Ленин, заключалось в том, что «в такой обстановке, среди необъятного количества якобы социалистических направлений и фракций, Энгельс сумел пробивать себе дорогу к *пролетарскому* социализму, не боясь разрыва с массой добрых людей, горячих революционеров, но плохих коммунистов» [1].

3. «ГЕНИАЛЬНЫЙ ЗАРОДЫШ НОВОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ» (ТЕЗИСЫ О ФЕЙЕРБАХЕ)

Для формирования нового мировоззрения важное значение имел крепнущий творческий контакт между Марксом и Энгельсом, оживленное обсуждение возникавших у них идей. Так, теоретическую работу Энгельса в области научного коммунизма нельзя отделить от научного поиска, осуществленного в тот же период Марксом в области философии и политической экономии.

Тезисы о Фейербахе

1845 год занимает в теоретических занятиях Маркса особое место. Если в предшествующем, 1844 году результатом его занятий явились «Экономическо-философские рукописи», а затем вместе с Энгельсом он работал над «Святым семейством», где проявляется заметное влияние материализма Фейербаха, то в 1845 году Маркс пишет тезисы о Фейербахе, в которых, продвигаясь вперед вполне собственным путем, он свое прежнее отношение к философскому учению Фейербаха решительно переосмысливает. К этому его побуждала и неудовлетворенность идейным уровнем рабочего и социалистического движения в Германии, многие деятели которого довольствовались антропологическим учением Фейербаха, его сентиментальными призывами.

Тезисы, озаглавленные «К Фейербаху» и уместившиеся на нескольких страничках записной книжки, были набросаны Марксом в Брюсселе весной 1845 года. В начале апреля в Брюссель прибыл Энгельс. Позднее он вспоминал: «Когда мы весной 1845 г. снова встретились в Брюсселе, Маркс... уже завершил в главных чертах развитие своей материалистической теории истории, и мы принялись за детальную разработку этих новых воззрений в самых разнообразных направлениях» [2].

Теоретическая разработка основ нового, научного мировоззрения осуществлялась в процессе критического осмысления философ-

---

[1] *Ленин В. И.* Переписка Маркса с Энгельсом.— Полн. собр. соч., т. 24, с. 267.

[2] *Энгельс Ф.* К истории Союза коммунистов.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 220.

ского наследия. Результатом размышлений над вставшими перед ним проблемами стали тезисы Маркса о Фейербахе и развернутая разработка содержащихся в них идей в рукописи, написанной вместе с Энгельсом и составившей «Немецкую идеологию». Тезисы о Фейербахе через много лет были обнаружены Энгельсом в архиве покойного Маркса и впервые опубликованы им в 1888 году в приложении к отдельному изданию своей книги «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии». Отмечая историческое значение тезисов, Энгельс подчеркнул, что они «неоценимы как первый документ, содержащий в себе гениальный зародыш нового мировоззрения» [1]. Впоследствии, обозревая ранний этап формирования своего мировоззрения, Энгельс упомянул, что в 1845 году и он написал свои заметки о Фейербахе, в которых содержалась критика этических и социологических воззрений знаменитого мыслителя.

Тезисы о Фейербахе явились своеобразным итогом предшествующего идейного развития Маркса; в них было выражено качественное отличие формировавшегося нового мировоззрения от всех предшествующих ему учений и намечены основные направления его разработки.

Тезисы о Фейербахе со времени их опубликования стали одним из наиболее популярных произведений марксизма. К Тезисам постоянно обращались сторонники марксизма, видя в них исходные принципиальные положения для марксистского решения гносеологических, методологических и социологических проблем. Популярность Тезисов в среде марксистских исследователей различных времен и народов является свидетельством их идейной содержательности, теоретической значимости.

Вместе с тем Тезисы о Фейербахе были и являются до сих пор объектом извращенного толкования марксистской теории познания и социологии многими ревизионистами и буржуазными идеологами (Б. Рассел, С. Хук, А. Мейер и др.). Путем произвольной интерпретации Тезисов Марксу приписывается прагматическая концепция истины, вульгарно-экономическое решение проблем человека, общественной закономерности и др.

Глубина содержания «беглых заметок» Маркса обусловлена сложившейся у него к тому времени материалистической концепцией исторического процесса. После критики идеалистической философии, которая была дана в рукописи «К критике гегелевской философии права», в статьях «Немецко-французского ежегодника», в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» и «Святом семействе», пришла пора взяться за революционно-критическую оценку философских принципов Фейербаха, почитателем которого он был, ибо Маркс не мог мириться с характерным для воззрений Фейербаха идеализмом в объяснении общественной жизни.

С позиций диалектического материализма и коммунизма Маркс дал принципиальную, научную оценку мировоззрения Фейербаха и всей предшествующей философии. Тезисы о Фейербахе посвящены главным образом всестороннему рассмотрению его антропологического принципа и в целом носят критический характер.

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 371.

Каждый из одиннадцати тезисов затрагивает ту или иную сторону фейербаховских воззрений: гносеологию, учение о нравственности, педагогику, теорию религии и атеизма. Однако Маркс не ограничивает критику сферой фейербаховского антропологического материализма, а распространяет ее на всю предшествующую философию — и идеалистическую и материалистическую.

Существенным является тот факт, что в Тезисах речь идет не просто о критике одной философской системы с позиций другой, в пределах существовавшего прежде предмета и метода; критическому рассмотрению подвергаются и предмет и метод всей предшествующей философии. Методологическая слабость Фейербаха и всей предшествующей философии отразилась на предмете философии, ее характере: в философии господствовали созерцательность, безразличие к «практически-критической» деятельности, социальная функция философии ограничивалась воззрениями и идейным влиянием отдельных философов. Идеалистическому миропониманию и метафизическому методу познания Маркс противопоставил диалектико-материалистический метод изучения природы и общества. Мировоззренческий аспект философии Маркс органически связал с ее социальной функцией.

В Тезисах о Фейербахе по всем линиям критики Маркс противопоставил идеализму последовательно материалистическую концепцию человека, его отношений, всего общественного процесса. Как итог проделанной ранее теоретической работы, в Тезисах Маркса проведен глубокий рубеж между старым и новым мировоззрением не только в форме критики, но и в виде позитивного противопоставления идеализму и предшествующему материализму диалектико-материалистических взглядов на историю.

В первом и девятом тезисах Маркс вскрыл *созерцательность* старого материализма в двух аспектах: свойственное ему отношение к познанию как пассивному восприятию окружающей среды органами чувств человека; пассивное отношение к действительности, лишенное преобразующего на нее воздействия.

Предшествующий материализм сводил познание к чувственному созерцанию, роль мышления — самое большее к комбинированию результатов созерцания, а человеческую активность в познании — к самому этому комбинированию. Он не постиг взаимосвязи чувственного и рационального моментов в познании, не сумел включить в теорию познания практику. Преодоление созерцательности классиками немецкого идеализма начала XIX века свелось к признанию ими активности только мыслящего сознания, но не практической материальной деятельности людей. Их идеалистические построения, умаляя существо человеческой активности, затемняли путь к практическому изменению социальной действительности. Фейербах попытался преодолеть эту умозрительность, но сумел отвергнуть только сам идеализм, да и то не до конца: гегелевской умозрительности он противопоставил чувственность, но этого было недостаточно для опровержения идеализма в понимании познавательной деятельности мышления и общественного развития.

«Главный недостаток всего предшествующего материализма — включая и фейербаховский,— начинает Маркс первый тезис,— за-

ключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме *объекта,* или в форме *созерцания,* а не как *человеческая чувственная деятельность, практика,* не субъективно»[1]. Иными словами, старый материализм оставлял вне рассмотрения всю сферу взаимодействия человека с внешним миром. В лучшем случае, как, например, у Фейербаха, внешний мир рассматривался как фактор воздействия на человека. А обратная связь — творческое отношение человека к окружающей его среде, преобразование этой среды сообразно человеческим потребностям — оставалась вне поля зрения старого материализма.

Концепция практики

В противовес этой пассивной, созерцательной позиции Маркс выдвинул положение о решающей роли материальной практики в развитии общества, в формировании и воспитании человека, обращая тем самым внимание на деятельную, творческую сторону диалектико-материалистического мировоззрения. Задачу нового мировоззрения в этой связи он видел в анализе значения революционной, преобразующей, «практически-критической» деятельности людей.

Таким образом, Маркс за исходный пункт в познании действительности принимал человеческую чувственную деятельность, практику. Это нельзя, разумеется, понимать в том смысле, будто практика является первичной реальностью. Такой первичной реальностью, а значит, источником познания является, по Марксу, материальный мир, в котором действует человек. Но люди познают мир через чувственно-предметную практику, в процессе жизнедеятельности, взаимодействия с внешним миром. При этом человек — это не только объект воздействия окружающей среды, но и активно взаимодействующий с ней и преобразующий ее субъект. И новое материалистическое мировоззрение в качестве отправной посылки своей теории познания берет положение о чувственно-предметной, «практически-критической» деятельности в материальном мире.

Выделение этой категории было обусловлено во многом тем, что исследование «гражданского общества», частной собственности, сущностных сил человека подвело Маркса к необходимости диалектико-материалистического определения практики.

Гегель и Фейербах пользовались этим понятием, трактуя его в духе своих философских принципов: Гегель понимал практику как реализацию абсолютной идеей цели самопознания в процессе совокупной духовной деятельности человечества; Фейербах же, хотя и размышлял о реальных, чувственных человеческих существах, «истинно человеческую» практику сводил к теоретической деятельности. Таким образом, предшествующий марксизму материализм и идеализм даже в своих высших формах подпимались лишь до ограниченного, одностороннего, узкого понимания практики.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 3, с. 1.

Ограниченность понимания практики проявлялась в различных областях философского знания, прежде всего в трактовке предмета и функций философии. Вся предшествующая марксизму материалистическая философия не могла разрешить проблему взаимодействия субъекта и объекта в смысле уяснения активного воздействия первого на второй. И несмотря на то, что именно материализму XVIII века принадлежит заслуга выдвижения человека в качестве предмета философского знания, а в антропологическом материализме Фейербаха и природа являлась предметом философии, поскольку рассматривалась в отношении к человеку,— все же эти формы материализма оказались не в состоянии осмыслить и обосновать активную роль человека, а философию истолковать как одно из средств проявления этой активности.

Исторически сложилось так, что «деятельной стороной» субъектно-объектных отношений больше занимался идеализм, и венцом его занятий явилась диалектика Гегеля, который, однако, понимал деятельность, практику как проявление активности абсолютной идеи. Согласно же Марксу, практика есть процесс жизнедеятельности людей в определенных объективных условиях, ведущей к изменению этих условий и самой человеческой деятельности. Объективная, материальная действительность, природа есть обязательная предпосылка, необходимое условие всякой практики; но столь же обязательной и необходимой предпосылкой практики является наличие субъекта, способного подчинять функционирование своих органов сознанию, контролировать свои физические и духовные силы. Из совокупности конкретных видов практики складывается общественно-историческая практика.

Практика и сознание

Если Фейербах считал «истинно человеческой» практикой лишь теоретическую деятельность, то Маркс указал на предметную, чувственную, материальную форму практики как на основу теоретической и всякой иной деятельности.

Из признания материальной практики в качестве основы всех иных форм деятельности вытекал последовательно материалистический и диалектический взгляд как на философию в целом, так и на ее важную часть — теорию познания (гносеологию). Вопрос о предметной истинности человеческого знания, отметил Маркс, отнюдь не теоретический, а «практический вопрос». В практике — духовной (теоретической) и материальной (производственной) — проявляется сила и действенность философии. «В практике должен доказать человек истинность, т. е. действительность и мощь, посюсторонность своего мышления» [1]. Значит, нет никаких изначальных средств познания, которые могли бы стать «над» практикой, порождая не зависящие от нее, практики, истины.

Маркс отнюдь не противопоставлял практику теоретическому мышлению, а, напротив, подчеркнул их диалектическое единство; именно отрывом от практики, умозрительностью объясняется по-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 3, с. 1.

рочность идеалистических построений. «Все мистерии,— отметил он,— которые уводят теорию в мистицизм, находят свое рациональное разрешение в человеческой практике и в понимании этой практики» [1].

Эти положения были краткой формулировкой основ теории познания диалектического материализма, первоначальным изложением ее представлений о том, что материальная, преобразующая практика людей выступает как исходный пункт, основа и цель познания, критерий его истинности. Практическая деятельность людей — не только основа познания, но и главное содержание всей их истории и современной жизни.

В этой связи Маркс рассмотрел вопрос, который был в центре поисков Фейербаха,— об источниках религиозных иллюзий. Этому посвящен четвертый тезис, а три последующих — его дополняют и развивают, формулируя тем самым основы научного атеизма.

Фейербах показал, что религия — не случайное заблуждение, а вид происшедшего в свое время духовного самоотчуждения человека, чему имеются глубокие корни в жизнедеятельности людей. Он полагал, что религия проистекает из природных условий бытия и естественных свойств человеческой психологии, из способности и стремления людей посредством иллюзий возмещать неудовлетворенность потребностей, возникающую в борьбе с суровой природой. К этим причинам если что-то и добавляется социальными условиями, то только чувство зависимости от вождей и правителей, которое способствует нарастанию абстрактности веры, завершающемуся переходом к монотеизму. Натуралистический взгляд на происхождение религии вел к выводу о естественности и вечности религиозных чувств, ввиду чего Фейербах и предложил заменить веру в бога верой в человека. Фейербах не видел того, что религия в классовом обществе не сводится к порождению индивидуальной, пусть массовидной, психологии, но есть продукт социальных отношений и противоречий, что регилиозное чувство есть «общественный продукт» [2]. Поэтому, хотя трактовка Фейербахом религии была шагом вперед в обосновании атеизма, этот шаг не выводил за пределы буржуазного просветительского атеизма; критика религии могла добраться до действительных истоков религиозного сознания, лишь рассмотрев общественные отношения, порождающие религию.

В четвертом тезисе о Фейербахе Маркс отметил: «...то обстоятельство, что земная основа отделяет себя от самой себя и переносит себя в облака как некое самостоятельное царство, может быть объяснено только саморазорванностью и самопротиворечивостью этой земной основы» [3]. Религиозное самоотчуждение человека не сводится к реализации его способности созерцать плоды собственного воображения; проистекая из общественной практики, оно есть порождение определенных общественных отношений. И только социальная практика может революционно преобразовать земную основу, чем будет подорвано и религиозное самоотчуждение.

В пятом тезисе Маркс раскрыл гносеологические (теоретико-познавательные) истоки ограниченности воззрений Фейербаха на

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 3, с. 1.
[2] См. там же, с. 3.
[3] Там же, с. 2.

происхождение и судьбы религии: чувственность (в смысле и ощущений, и эмоций) рассматривалась им в отрыве от практики. Между тем не чувства биолого-психологического свойства, как таковые, но чувства социальные, сложившиеся в процессе общественно-исторической практики, могут пролить свет на причины укоренения религии в сознании людей. Поэтому прежний материализм не историчен не только в том смысле, что он не распространялся на историю, но и в том, что он неисторично подходил к природе человека.

Общественная сущность человека

Историко-материалистическое понимание природы человека выражено в шестом тезисе. Здесь Маркс определил: «...сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» [1]. То, что было сказано в четвертом тезисе о «самопротиворечивости» земной основы религиозного сознания человека, оказывается частным случаем общей зависимости внутреннего содержания человеческого индивида от противоречивых отношений в обществе, в котором он живет. Если в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» Маркс определил «земную основу» жизни людей как общественно-экономические связи, то теперь подчеркнул отличие этого толкования «земной основы» от натуралистической ее трактовки Фейербахом; там было указано, что частная собственность — результат отчужденного труда, здесь же она выступает как причина отчужденного сознания. Поэтому вопрос о корнях религии есть составной элемент отношения между «самопротиворечивым» предметным миром людей и миром их идей.

Это был принципиально новый взгляд на проблему человека. Если в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» понятие социальной сущности человека связывалось в основном с характеристикой индивида, его отношения к другим людям и к самому себе, то теперь Марксово понимание сущности человека возвышало индивидуальное до социального, представляя общественные отношения людей первоосновой, определяющим фактором.

Такое понимание принципиально отличалось от фейербаховской трактовки человеческой сущности. С точки зрения исторического материализма, сущность человека как совокупность общественных отношений формируется самим человечеством в ходе всемирной истории, а не есть нечто первичное, предысторическое, как считал Фейербах.

Противники марксизма неоднократно пытались сделать из этого тезиса вывод о том, что Марксова характеристика сущности человека будто бы нивелирует все различия между людьми, превращая их в безликих «среднестатистических» индивидов. Или же утверждали, что индивиды якобы вообще не интересовали Маркса, ибо он имел в виду только общие классовые характеристики. Эти и подобные им интерпретации ложны, ибо Марк-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 3, с. 3.

сово определение сущности человека имеет в виду сущность человеческого рода, а не отдельного индивида или личности.

При рассмотрении вопросов, связанных с проблемой отношений между предметным и духовным мирами, Маркс в Тезисах о Фейербахе подверг критике созданную предшествующим материализмом концепцию воспитания, которая была воспринята утопическими социалистами, положившими ее в основу своей теории социалистического переустройства общества. Если в «Святом семействе» Маркс и Энгельс еще ссылаются на эту теорию, отмечая содержащиеся в ней исторически прогрессивные идеи и зачатки материалистического понимания истории, то в Тезисах о Фейербахе Маркс идет дальше, вскрывая утопизм, заключающийся в самой постановке вопроса о преобразовании человеческого бытия путем воспитания. «Это учение забывает,— отметил Маркс,— что обстоятельства изменяются именно людьми и что воспитатель сам должен быть воспитан. Оно неизбежно поэтому приходит к тому, что делит общество на две части, одна из которых возвышается над обществом...» [1] Тем самым Маркс вскрывал методологические корни утопизма ранних социалистов.

Какова же основа для правильного разрешения проблемы? «Совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности может рассматриваться и быть рационально понято только как *революционная практика*» [2]. Это положение Маркса содержит определение существа практической деятельности уже не в отношении к познанию, а в ее отношении к судьбам общества и его членов. Оно подтверждается в восьмом тезисе, а полный смысл его проясняется из сопоставления Тезисов о Фейербахе с предшествующими и последующими произведениями Маркса того периода. Из всего этого следует, что революционная практика народных масс, как кульминация классовой борьбы и как высшая форма общественной практики вообще, в частности практики воспитания, переделывает сознание ее участников в ходе самой революции и на основе достигнутых ею результатов. В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» и в «Святом семействе» Маркс рассматривал общественную практику прежде всего как процесс материального производства. Теперь он подчеркнул, что революционная практика есть средоточие наиболее активного исторического действия, а вместе с тем — высшая форма воспитания человека. В Тезисах о Фейербахе Маркс набросал, таким образом, отправные идеи историко-материалистической теории воспитания.

Итак, Маркс в своих тезисах подверг критике не только теорию познания старого материализма, но и свойственное ему идеалистическое понимание истории. У этих слабых мест метафизического материализма общая социально-классовая основа. В десятом тезисе Маркс указал на нее, одновременно подчеркнув связь

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 3, с. 2.
[2] Там же.

нового, создаваемого им мировоззрения с идеями преобразования общества на коммунистических началах: «Точка зрения старого материализма есть «гражданское» общество; точка зрения нового материализма есть *человеческое* общество, или обобществившееся человечество» [1]. Это — выраженное в форме афоризма противопоставление коммунистического мировоззрения идеологии антагонистического общества.

Назначение философии — служить изменению мира

Знаменитый одиннадцатый, заключительный тезис гласит: «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его» [2]. Толковать этот тезис следует в связи со всеми ему предшествующими положениями, и он есть предельно сжатое, но чрезвычайно выразительное их обобщение. В этих чеканных словах заключена краткая формулировка существа совершенного Марксом революционного переворота в философии. Философская теория должна, наконец, стать научной, действенной, пригодной для того, чтобы осветить пролетариату путь революционной борьбы за преобразование действительности. Передовая философия призвана теоретически обосновать практическую революцию.

Между тем буржуазные марксологи и ревизионисты прилагают много усилий к тому, чтобы извратить смысл одиннадцатого тезиса. Так, С. Хук, искажающий воззрения Маркса в духе прагматизма, усмотрел в этом тезисе порицание материалистических взглядов на познание и истину. Ю. Хабермас, представитель «второго поколения» Франкфуртской школы, заявил, что Маркс выступает здесь будто бы за ликвидацию всякой философии, поскольку она себя дискредитировала самим фактом теоретизирования, и заменить ее должна практика.

В действительности же конкретизация содержания одиннадцатого тезиса развертывает его на следующие положения: нельзя противопоставлять философию практике; одно лишь философское, хотя бы и истинное, познание мира, если оно изолировано от практики, совершенно недостаточно; познание и объяснение мира становится верным и глубоким только тогда, когда оно способно указать конкретный путь практического преобразования действительности.

Данные положения пронизаны общей идеей единства и необходимого взаимодействия теории и практики. Эта идея отчетливо проступает, например, в четвертом тезисе, где говорится, в частности, о том, что земная основа человеческих иллюзий, «во-первых, сама должна быть понята в своем противоречии, а затем практически революционизирована путем устранения этого противоречия. Следовательно, после того, как, например, в земной семье найдена разгадка тайны святого семейства, земная семья должна сама быть подвергнута теоретической критике и практически революционно преобразована» [3].

С другой стороны, как следует из восьмого тезиса, необходимо теоретическое понимание самой практики, ее философское осмысление, ввиду чего нельзя отрывать и практику от теории.

В одиннадцатом тезисе о Фейербахе Маркс, завершая критику созерцательности старого материализма, охарактеризовал дейст-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 3, с. 4.
[2] Там же.
[3] Там же, с. 2.

венную роль новой, диалектико-материалистической философии в жизни общества, а тем самым — коренное отличие ее от всех других философских систем по отношению к практике, подчеркивая самую важную особенность нового мировоззрения. Существеннейшая черта революционного переворота в философии, совершенного марксизмом, состоит в раскрытии теоретического значения практики в новом ее понимании, достигнутом через критику не только ложности немецкого идеализма первой трети XIX века, но и ограниченности фейербаховского и всего старого материализма. Как «совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности» [1], практика есть основа всей общественной жизни, формирования человека, его духовного мира.

К моменту написания тезисов у Маркса, таким образом, уже сложилось в основных чертах материалистическое понимание истории, и в его тезисах содержатся главные принципы распространения материализма на понимание общественных процессов: материальность («предметность») практической основы жизни общества; производность духовной стороны жизни от материальной; формирование человека под воздействием общественных отношений. Тезисы отразили достигнутый уровень в процессе становления философии марксизма, а также новые теоретические задачи.

4. «СВЕДЕНИЕ СЧЕТОВ С ПРЕЖНЕЙ ФИЛОСОФСКОЙ СОВЕСТЬЮ»

Интенсивное вызревание революционной ситуации в европейских странах требовало решения целого ряда теоретических и практических задач. В среде же социалистов и коммунистов стран Западной Европы царил идейный разброд, нарастали противоречия, проявились сектантские тенденции. Перед Марксом и Энгельсом встала задача идейного и организационного сплочения разрозненных коммунистических сил.

«Немецкая идеология»

Идеи, сложившиеся у Маркса и Энгельса к тому времени, дальнейшую детальную разработку получили в их рукописи, написанной в основном с ноября 1845 по июнь 1846 года и известной под названием «Немецкая идеология». Написанная в форме критики послегегелевской философии — воззрений Л. Фейербаха, Б. Бауэра, М. Штирнера, а также «истинного социализма», работа эта имела целью, как вспоминал позже Маркс, «сообща разработать наши взгляды в противоположность идеологическим взглядам немецкой философии, в сущности свести счеты с нашей прежней философской совестью» [2]. Работа вылилась в огромный труд объемом в 50 печатных листов, но в силу обстоятельств осталась неопубликованной. По этому поводу Маркс заметил: «Мы тем охотнее предоставили

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 3, с. 2.

[2] См.: *Маркс К.* К критике политической экономии.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 8.

рукопись грызущей критике мышей, что наша главная цель — уяснение дела самим себе — была достигнута» [1].

Работу первоначально предполагалось публиковать (вместе со статьями Гесса, Берпайса, Веерта и Даниельса) в специальном «Ежеквартальнике» под редакцией Маркса. Но замысел этот остался неосуществленным из-за помех со стороны «истинных социалистов». Тщетными оказались и другие попытки издать рукопись в Германии и Швейцарии. Из нее удалось опубликовать во второй половине 1847 года в немецкой прессе только главу, посвященную критике книги «истинного социалиста» К. Грюна. В 1903—1921 годах из рукописи были опубликованы несколько разделов. Сохранившийся текст рукописи впервые полностью был напечатан в Москве в 1932 году в виде книги «Немецкая идеология». В 1965 году увидел свет еще один, неизвестный ранее отрывок рукописи.

«Немецкая идеология» имеет подзаголовок «Критика новейшей немецкой философии в лице ее представителей Фейербаха, Б. Бауэра и Штирнера и немецкого социализма в лице его различных пророков». Как и «Святое семейство», этот труд имеет два основных аспекта — критический и позитивный. В ходе критики новейшей немецкой философии Маркс и Энгельс изложили свои взгляды, важнейшие положения своего мировоззрения — о философии, ее предмете и задачах, о роли идейной борьбы в жизни общества, а главное — материалистическое понимание истории в его связи с теорией научного коммунизма.

Если сравнить содержание «Немецкой идеологии» с мыслями, высказанными Марксом и Энгельсом в «Святом семействе», то при общей их идейной основе явственно видно, что в «Немецкой идеологии» критика послегегелевской философии значительно глубже, а положительные идеи получили дальнейшее развитие и впервые связаны в целостную концепцию.

Критика немецкой философии

Важный аспект критической стороны книги составляет выявление ограниченности философии Фейербаха, его антропологического материализма. Общая оценка этой ограниченности была дана в Тезисах о Фейербахе. Воспроизводя ее в «Немецкой идеологии», Маркс и Энгельс конкретизировали характеристику взглядов Фейербаха, особенно в связи с его отношением к коммунизму. Они отметили, что Фейербах «при помощи определения «общественный человек» объявляет себя коммунистом», делая ударение на слове «человек», в то время как слово «коммунист» обозначает «в существующем мире приверженца определенной революционной партии» [2]. При этом Маркс и Энгельс показали, что представление Фейербаха о коммунизме носит абстрактно-умозрительный характер; все рассуждения его по вопросу о взаимоотношении людей направлены на то, чтобы доказать, что люди нуждаются и всегда

---

[1] *Маркс К.* К критике политической экономии.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 8.

[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений. (Новая публикация первой главы «Немецкой идеологии»), с. 56.

нуждались друг в друге. Весь пафос Фейербаха в данном случае заключается в стремлении правильно осознать существующий факт, в то время как «задача действительного коммуниста состоит в том, чтобы низвергнуть это существующее» [1].

Ограниченность философии Фейербаха, указали Маркс и Энгельс, состоит в том, что он говорит о «человеке как таковом», а не о «действительном, историческом человеке» [2]. Если у Фейербаха и встречаются высказывания о человеке как конкретно-историческом существе, «они никогда не выходят за пределы разрозненных догадок и оказывают на его общее мировоззрение слишком ничтожное влияние...» [3]. Принимая окружающий мир как некую от века данную неизменную сущность, Фейербах не воспринимал его как объект человеческой деятельности, продукт общественных отношений. Заслуга Фейербаха, отметили Маркс и Энгельс, состоит в том, что он признает человека и окружающий его мир «чувственным предметом»; но он не видит, что этот «чувственный предмет» включает в себя «чувственную деятельность»; «он и тут остается в сфере теории и рассматривает людей не в их данной общественной связи, не в окружающих их условиях жизни... а застревает на абстракции» [4], впадая в идеализм там, где материалист должен видеть необходимость преобразующей человеческой деятельности. «Поскольку Фейербах материалист, история лежит вне его поля зрения; поскольку же он рассматривает историю — он вовсе не материалист. Материализм и история у него полностью оторваны друг от друга...» [5]

Абстрактному материализму Фейербаха в «Немецкой идеологии» противопоставляется «практический материализм» или коммунизм, для которого «все дело заключается в том, чтобы революционизировать существующий мир, чтобы практически выступить против существующего положения вещей и изменить его» [6].

Маркс и Энгельс дали также исчерпывающую оценку идеализма младогегельянцев. Они показали, что попытки Б. Бауэра поставить самосознание над субстанцией, то есть дух над материей, оживляют идеализм Гегеля. Б. Бауэр «ошибочно принимает мысли, идеи, ставшее самостоятельным мысленное выражение существующего мира — за основу этого существующего мира» [7]. Разбор этой идеалистической конструкции был дан еще в «Святом семействе». Развертывая критику младогегельянства в «Немецкой идеологии», Маркс и Энгельс показали, что это направление, претендующее на «новое слово» в философии, на деле не идет дальше идей Фихте и Гегеля.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Фейербах..., с. 56.
[2] См. там же, с. 33.
[3] Там же.
[4] Там же, с. 36.
[5] Там же.
[6] Там же, с. 33.
[7] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 3, с. 84.

Важным является ответ, который Маркс и Энгельс дали Б. Бауэру по поводу его попыток отвергнуть замечания в свой адрес в «Святом семействе». Они показали, что Б. Бауэр и его сторонники отрывают теоретическую критику от практики; этим они коренным образом отличаются от коммунистов, которые, будучи практическими материалистами, придерживаются принципа единства теории и практики, научного познания и революционного преобразования действительности. Этим практические материалисты отличаются не только от младогегельянцев, но и от приверженцев антропологического материализма Фейербаха.

Другой представитель младогегельянства — М. Штирнер продолжал утверждать, что для изменения действительности достаточно изменения сознания и понятий индивидов. В противовес младогегельянцам, сеявшим столь иллюзорное представление о путях уничтожения социального и политического гнета, Маркс и Энгельс разъясняли, что «все формы и продукты сознания могут быть уничтожены не духовной критикой, не растворением их в «привидения», «призраки», «причуды» и т. д., а лишь практическим ниспровержением реальных общественных отношений, из которых произошел весь этот идеалистический вздор,— что не критика, а революция является движущей силой истории, а также религии, философии и всякой иной теории» [1].

Маркс и Энгельс особо рассмотрели индивидуалистские взгляды М. Штирнера, которые стали идейной основой последующих анархистских теорий, отрицавших объективные законы развития общества и проповедовавших крайний эгоизм и эгоцентризм. В книге «Единственный и его собственность» (1844) Штирнер попытался с этих позиций опорочить идеи коммунизма. Ввиду этого Маркс и Энгельс дали в «Немецкой идеологии» развернутую критику его воззрений.

Представления Штирнера о коммунизме проистекали из отождествления им процесса пролетаризации с пауперизмом, из буржуазно-обывательских представлений о пролетариате как скопище неимущего, деклассированного люда с корыстными интересами, низменными потребительскими побуждениями. Отвергая эти тенденциозные представления, Маркс и Энгельс писали, что коммунизм есть не простое «равенство» в доходах или заработной плате, а борьба за подлинное социальное равенство всех трудящихся.

Критика идей Штирнера и его единомышленников до конца развенчала идеологию младогегельянства, показав как ее теоретическую несостоятельность, так и политическую бесплодность.

Еще одно направление критики в «Немецкой идеологии» было обращено против «истинного социализма», получившего к тому времени довольно широкое распространение в Германии. «Истинный социализм» отражал настроения немецкого мещанства, напуганного напором капитализма и развертыванием классовой борь-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 3, с. 37.

бы. Восприняв слабые стороны немецкой классической философии и французского утопического социализма, идеологи «истинного социализма» (К. Грюн, М. Гесс и др.) критику капитализма сопровождали идеализацией докапиталистических порядков, сеяли иллюзии о возможности развития Германии к социализму, минуя капитализм, проповедовали надклассовую идею «всеобщей любви и братства»; они отрицательно относились к политической борьбе, к участию в оппозиционном движении против существующего строя, игнорировали значение борьбы за демократические свободы. В условиях назревания в Германии буржуазной революции такие взгляды оказывали на рабочее и демократическое движение демобилизующее влияние. Поэтому в «Немецкой идеологии» (а также в примыкающей к ней работе Энгельса «Истинные социалисты») Маркс и Энгельс дали резко критическую оценку этого псевдосоциалистического мелкобуржуазного течения.

Суть «истинного социализма», отметили Маркс и Энгельс, заключается в том, что его носители абстрагируются от классовой борьбы, от рабочего движения, «отрывают коммунистические системы, как и коммунистические сочинения, посвященные критике и полемике, от реального движения» [1]. В социальном плане «истинный социализм», являясь мелкобуржуазным идеологическим течением, представляет собой «выражение такого социального литературного движения, которое возникло вне подлинных партийных интересов» [2].

Ввиду того что К. Грюн и другие идеологи «истинных социалистов» пытались опереться на положения французского утопического социализма, Маркс и Энгельс показали, что «истинные социалисты» в действительности извратили содержание идей Сен-Симона, Фурье и Кабе, изобразив их разновидностью религиозных догматов. Они отметили также сходство взглядов Грюна и Прудона в отношении диалектики Гегеля, понятой ими в субъективистском духе.

В целом критика Марксом и Энгельсом послегегелевской идеологии в Германии показала, что вся эта идеология «лишь повторяет, в философской форме, представления немецких бюргеров, что хвастливые речи этих философских комментаторов только отражают убожество немецкой действительности» [3].

Критическое содержание «Немецкой идеологии» весьма значительно и многосторонне. Но общее значение этого труда заключается прежде всего в позитивном изложении нового, пролетарского мировоззрения, в формулировании основ философии диалектического и исторического материализма и теории научного коммунизма в их связи с классовой борьбой пролетариата.

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 3, с. 458.
[2] См. там же, с. 459.
[3] См. там же, с. 11.

Материалистическое понимание истории

В этом произведении Маркс и Энгельс впервые ввели в научный оборот термин «материалистическое понимание истории», раскрыли его содержание, указали на принципиальное отличие нового мировоззрения от всех предшествующих и современных ему социологических концепций. Суть материалистического понимания истории состояла в признании первенствующей роли материального производства по отношению к остальным сферам и сторонам общественной жизни. «...Это понимание истории заключается в том, чтобы, исходя именно из материального производства непосредственной жизни, рассмотреть действительный процесс производства и понять связанную с данным способом производства и порожденную им форму общения — т. е. гражданское общество на его различных ступенях как основу всей истории; затем необходимо изобразить деятельность гражданского общества в сфере государственной жизни, а также объяснить из него все различные теоретические порождения и формы сознания, религию, философию, мораль и т. д. и т. д. и проследить процесс их возникновения на этой основе, благодаря чему, конечно, можно будет изобразить весь процесс в целом (а потому также и взаимодействие между его различными сторонами). Это понимание истории... остается все время на *почве* действительной истории, объясняет не практику из идей, а идейные образования из материальной практики...» [1]

Таким образом, за исходный пункт исследования общества и его истории Маркс и Энгельс взяли материальное производство, принцип примата общественного производства. Они сформулировали положение исторического материализма, гласящее, что человеческое общество начинает свое существование тогда, когда люди, его составляющие, «начинают производить необходимые им жизненные средства» [2]. Рассматривая зависимость форм общения (так Маркс и Энгельс в тот период называли производственные отношения) от характера и уровня развития производительных сил, они указали на необходимость соответствия этих форм общения характеру производительных сил для нормального функционирования общественного производства.

Это было принципиально новое понимание исторического процесса. Маркс и Энгельс подвергли сокрушительной критике идеалистическую философию истории вообще и немецкую историографию в особенности, которая превращала дух, сознание в движущую силу истории. Гегелевскую философию истории Маркс и Энгельс охарактеризовали как «последний, достигший своего «чистейшего выражения» плод всей этой немецкой историографии, с точки зрения которой все дело не в действительных и даже не в политических интересах, а в чистых мыслях» [3]. В противоположность

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Фейербах..., с. 51.
[2] См. там же, с. 53.
[3] Там же, с. 79.

объективному идеализму, который видел источник и движущие силы истории за пределами самой истории, Маркс и Энгельс связали историю с ее действительным творцом — деятельным человеком, а движущие силы ее обнаружили в самом историческом процессе, в его материальном основании — в производстве и соответствующих ему формах общения. Марксистская концепция истории была противоположна также субъективному идеализму, согласно которому движущие силы истории заложены в деятельности «критически мыслящих» личностей. Абсолютизация сознания отдельных индивидов в историческом процессе влекла за собой субъективизм и отрицание законов общественного развития. Исходя из материалистического понимания истории, Маркс и Энгельс сделали вывод о главенствующей роли народных масс в истории и на примере рабочего класса показали, что трудящиеся массы активно воздействуют на ход исторического процесса.

Материалистическая теория общества явилась методологией научной истории. Анализируя взгляды немецких идеологов на общество, Маркс и Энгельс отметили, что они представляют не что иное, как мысли господствующих классов, взятые в отрыве от реальных общественных отношений. При таком подходе к истории «вся идеология сводится либо к превратному пониманию этой истории, либо к полному отвлечению от нее» [1]. Подвергнув критической разборке умозрительные концепции истории, Маркс и Энгельс выступили за подлинно научный подход к ее освещению: «Там, где прекращается спекулятивное мышление,— перед лицом действительной жизни,— там как раз и начинается действительная положительная наука... действительное знание» [2].

История, согласно Марксу и Энгельсу, имеет объективный характер, ибо в основе ее лежит объективная общественная реальность, развивающаяся в соответствии с присущими ей объективными законами. В одном из примечаний к тексту «Немецкой идеологии» они отметили: «Историю можно рассматривать с двух сторон, ее можно разделить на историю природы и историю людей. Однако обе эти стороны неразрывно связаны; до тех пор, пока существуют люди, история природы и история людей взаимно обусловливают друг друга» [3]. Объективные основы истории Маркс и Энгельс видели, стало быть, в существовании самих людей, в условиях их обитания, в способе производства и формах общения, складывающихся в процессе производства. Развивая идеи, высказанные Марксом еще в Тезисах о Фейербахе, они указали, что предметом исторической науки является не просто человек как часть природы и тем более не природа, взятая без человека, а деятельный, действующий человек в его взаимоотношении с себе подобными, а также с окружающими природными и общественными си-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 3, с. 16.
[2] Там же, с. 26.
[3] Там же, с. 16.

лами. История как положительная наука представляет собой «изображение практической деятельности, практического процесса развития людей» [1].

В «Немецкой идеологии» раскрываются наиболее важные стороны или моменты содержания человеческой истории. Первым «историческим актом» является производство средств для удовлетворения жизненно важных материальных потребностей, которое квалифицируется как «производство самой материальной жизни» [2]. Другой исторический акт состоит в порождении новых потребностей, стимулирующих развитие производства и всего общества. Следующий исторический акт заключается в том, что люди воспроизводят не только свою собственную жизнь, но и производят других людей. Наконец, важным историческим актом является возникновение определенного способа совместной деятельности, соответствующей определенному способу производства материальных благ. Совокупность перечисленных моментов или сторон охватывает всю материальную жизнь и жизнедеятельность человека [3]. В противоположность идеалистам, утверждавшим примат процесса сознания, подлинная наука начинает изучение истории с реального процесса жизни людей, с их бытия.

Материалистическое понимание истории представляет общетеоретическую и методологическую базу для исторической науки, «единственное научное понимание» [4] истории, писал Ленин. Материалистическая теория общества является непосредственной основой научного коммунизма. Маркс и Энгельс использовали ее в «Немецкой идеологии» для теоретического обоснования научного коммунизма, в особенности для обоснования всемирно-исторической роли пролетариата, путей и средств ее осуществления.

Разработка материалистического понимания истории в «Немецкой идеологии» сопровождалась формированием соответствующего ему категориального аппарата. Маркс и Энгельс вводят новые понятия (способ производства, формы общения), а также используют общепринятые термины (производство, производительные силы, гражданское общество и др.), наполняя их новым содержанием сообразно материалистическому пониманию общественной жизни. Научный аппарат материалистической теории общества выстраивался в стройную целостную систему внутренне связанных определений, отражающих действительный процесс жизни человечества.

Диалектика общественного развития

Диалектико-материалистическому взгляду на ход исторического процесса присуще признание объективных закономерностей развития общества, в основе которого лежит материальная деятель-

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 3, с. 26.
[2] См. там же.
[3] См. там же, с. 35.
[4] См.: *Ленин В. И.* Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? — Полн. собр. соч., т. 1, с. 140.

пость людей. Объективный характер законов природы и общества обусловлен тем, что их действие не зависит от воли и сознания людей. Различие же их состоит в том, что законы природы действуют помимо людей, в то время как общественные закономерности проявляются лишь в процессе деятельности людей.

«История есть не что иное, как последовательная смена отдельных поколений, каждое из которых использует материалы, капиталы, производительные силы, переданные ему всеми предшествующими поколениями; в силу этого данное поколение, с одной стороны, продолжает унаследованную деятельность при совершенно изменившихся условиях, а с другой — видоизменяет старые условия посредством совершенно измененной деятельности» [1].

Прогресс общественной жизни начинается с прогресса производительных сил, с развития разделения труда, которое, согласно воззрениям Маркса и Энгельса, «становится действительным разделением лишь с того момента, когда появляется разделение материального и духовного труда» [2]. Сообразно с разделением труда осуществляется распределение труда и его продуктов — складывается соответствующая форма собственности, которая и определяет формы общения людей. «Производительная сила, общественное состояние и сознание» могут и должны вступить в противоречие друг с другом, ибо разделение труда создает положение, при котором «духовная и материальная деятельность, наслаждение и труд, производство и потребление выпадают на долю различных индивидов» [3], принадлежащих к разным классам.

Дальнейшее уяснение исторического характера экономических явлений и категорий позволило Марксу и Энгельсу дать более глубокую, чем в «Святом семействе», трактовку проблемы собственности. Если в более ранних своих работах они еще не проводили четкого различия между буржуазной собственностью и другими формами частной собственности — собственностью мелкого производителя или собственностью феодала, то в «Немецкой идеологии» такое различие проводится и специально анализируется процесс исторического развития частной собственности. Маркс и Энгельс показали диалектику смены форм собственности в зависимости от исторических ступеней в развитии разделения труда. Они отметили, что «каждая ступень разделения труда определяет также и отношения индивидов друг к другу соответственно их отношению к материалу, орудиям и продуктам труда» [4]. Анализ истории общества позволил им выделить соответствующие различным ступеням в развитии разделения труда формы собственности.

Первая из них относится к наиболее раннему состоянию общества, когда господствовала родо-племенная собственность. Она

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Фейербах..., с. 47.
[2] См. там же.
[3] Там же, с. 41.
[4] Там же, с. 24—25.

соответствует неразвитой стадии производства; люди живут охотой и рыболовством, скотоводством, отчасти земледелием. Разделение труда развито слабо и ограничивается рамками племени. Не менее проста и общественная структура: патриархальные главы племени, подчиненные им члены племени, рабы. Рабство в скрытом виде существует в семье и постепенно развивается вместе с ростом населения и с расширением внешнего общения.

Вторая форма собственности — античная общинная и государственная собственность, возникающая преимущественно благодаря объединению путем договора или завоевания. На этой ступени «наряду с общинной собственностью развивается уже и движимая, а впоследствии и недвижимая, частная собственность, но как отклоняющаяся от нормы и подчиненная общинной собственности форма» [1]. Граждане государства сообща владеют своими работающими рабами и благодаря этому связаны общинной формой собственности. Разделение труда в этом обществе имеет более развитой характер, растет противоположность между городом и деревней, между промышленностью и морской торговлей.

Третья форма — феодальная (или сословная) собственность эпохи средневековья. Исходным пунктом для этой эпохи является землевладение. Феодальная собственность покоится на известном сообществе, которому противостоят, в качестве непосредственно производящего класса, крепостные крестьяне. Феодальной структуре землевладения соответствовала корпоративная собственность и феодальная организация ремесла в городах. Даже в период расцвета феодализма разделение труда было все же незначительным. Общественная структура имела ярко выраженный сословный характер.

Каждая из рассмотренных форм собственности являлась основанием для определенной социальной структуры, а со времени появления классов — для политической организации общества. Рабовладельческое и феодальное общества опирались на господство частной собственности, на основе которой складывались отношения господства эксплуататорского меньшинства и угнетенного состояния подавляющего трудящегося большинства общества.

Особое внимание Маркс и Энгельс уделили разделению труда и эволюции частной собственности при капиталистических производственных отношениях. Они намечают и характеризуют три этапа в истории капиталистических отношений: 1) до середины XVII века; 2) с середины XVII до конца XVIII века; 3) с конца XVIII века. Капиталистические формы общения, подобно предшествующим отношениям, зародились в недрах предшествующего строя. По мере роста населения, а следовательно, и потребностей в материальных средствах существования произошло обособление торговли от промышленности, появился класс купцов, сосредоточивших в своих руках значительные капиталы. Ближайшим след-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Фейербах..., с. 25.

ствием разделения труда между отдельными городами явилось возникновение мануфактуры, переросшей рамки цехового строя. Торговля и мануфактура содействовали появлению крупной буржуазии; концентрировавшаяся в цехах мелкая буржуазия уже не господствовала в городах и склонялась перед силой крупного торгового капитала и владельцев мануфактур. Складывался мировой рынок, который отдельные нации делили между собой в длительных войнах.

В «Немецкой идеологии» впервые дан анализ буржуазной собственности, раскрыты ее черты. Маркс и Энгельс показали, что для буржуазной частной собственности характерна поляризация общества, в результате чего «на одной стороне находятся действительные частные собственники, а на другой — лишенные собственности коммунистические пролетарии» [1]. Буржуазной собственности они противопоставили общественную собственность в социалистическом обществе. Идея смены форм собственности подводила к экономическому обоснованию исторически преходящего места капитализма в истории и к заключению о революционном характере смены одних общественных отношений другими, более прогрессивными.

Исследование предшествующих исторических форм и ступеней производства, выявление их роли в развитии различных сфер общественной жизни привели Маркса и Энгельса к необходимости введения такого важного социально-экономического понятия, как способ производства. Способ, каким люди производят необходимые им жизненные средства, характерен не только тем, что является воспроизводством физического существования индивидов. «В еще большей степени это — определенный способ деятельности данных индивидов, — указали Маркс и Энгельс,— определенный вид их жизнедеятельности, их определенный *образ жизни*. Какова жизнедеятельность индивидов, таковы и они сами. То, что они собой представляют, совпадает, следовательно, с их производством — совпадает как с тем, *что* они производят, так и с тем, *как* они производят» [2].

Разработка понятия «способ производства» имела методологическое значение для научного исследования всего хода исторического процесса, создавая основу для правильного осмысления исторических фактов, уяснения основных этапов и перспектив общественного развития. Показав, что переход от одного способа производства с соответствующей формой собственности и структурой общества к другому способу производства, более прогрессивному, определяет ступени, пройденные человечеством в своем историческом развитии, Маркс и Энгельс заложили основы для диалектико-материалистического представления о формационном

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 3, с. 472.
[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Фейербах..., с. 23.

развитии всемирной истории, которое будет складываться в дальнейшем.

Материалистическое понимание истории и рассмотрение на его основе диалектики общественного развития рождали плодотворные идеи, ложившиеся в фундамент формировавшегося экономического учения марксизма.

Проблемы революции и государства

Обозревая историю человечества, Маркс и Энгельс отметили, что с древнейших времен оно развивалось в зависимости от достигнутого уровня развития производительных сил. «...Недостаточное для всего общества производство делало возможным развитие лишь в том виде, что одни лица удовлетворяли свои потребности за счет других...» [1] Это оказывалось возможным в силу господства в обществе частной собственности на жизненные средства. Поэтому «общество развивалось до сих пор всегда в рамках противоположности, которая в древности была противоположностью между свободными и рабами, в средние века — между дворянством и крепостными, в новое время — между буржуазией и пролетариатом» [2].

Быстро возраставший спрос на продукты производства в буржуазном обществе стимулировал бурное развитие производительных сил. Развитие крупной капиталистической промышленности «породило массу производительных сил, для которых частная собственность стала такими же оковами, какими цеховой строй был для мануфактуры, а мелкая деревенская промышленность — для развивающегося ремесла» [3]. Тем самым Маркс и Энгельс подметили важную закономерность общественного развития, а именно — возникновение противоречий между производительными силами и формами общения. Они указали, что «все исторические коллизии... коренятся в противоречии между производительными силами и формой общения» [4]. Это противоречие неоднократно возникало в истории и должно было разрешаться или, по выражению Маркса и Энгельса, «прорываться в виде революции» [5]. Иными словами, если восходящее развитие производства осуществляется при условии соответствия производительных сил и форм общения, то переход от одной исторической ступени производства к другой происходит путем революции, обязательной предпосылкой которой является назревание противоречия между производительными силами и формами общения.

Производительные силы буржуазного общества, по заключению Маркса и Энгельса, уже достигли такой ступени развития, на которой они стали «разрушительными силами». Возник класс пролетариев, который вынужден нести на себе «все тяготы общества,

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 3, с. 433.
[2] Там же.
[3] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Фейербах..., с. 77.
[4] Там же, с. 79.
[5] См. там же, с. 78.

не пользуясь его благами». Этот класс «неизбежно становится в самое решительное противоречие ко всем другим классам; этот класс составляет большинство всех членов общества, и от него исходит сознание необходимости коренной революции, коммунистическое сознание...» [1]. Эта революция явится естественным и исторически необходимым следствием развития капиталистического производства.

Таким образом, применив материалистическую теорию общества к истории и современному им состоянию общественной жизни, Маркс и Энгельс сделали ряд основополагающих выводов, в которых вскрыли материальные основы и диалектический характер общественного процесса:

1) движение материального производства в рамках устаревших форм общения ставит производительные силы в разрушительные условия. Этим завершается и развитие капиталистического производства;

2) исторически определенные, антагонистические формы общения выражают господство одного класса над другим. Политическую форму этого господства образует государство. Поэтому «всякая революционная борьба направляется против класса, который господствовал до этого» [2], и «каждый стремящийся к господству класс,— если даже его господство обусловливает, как это имеет место у пролетариата, уничтожение всей старой общественной формы и господства вообще,— должен прежде всего завоевать себе политическую власть...» [3];

3) коммунистическая революция коренным образом отличается от всех предшествующих социальных революций: она ликвидирует не исторически устаревшую форму частной собственности, а всякую частную собственность, устраняет подневольный труд, «уничтожает господство каких бы то ни было классов вместе с самими классами...» [4], закладывая основы для бесклассового общества;

4) при переходе к коммунизму (Маркс и Энгельс в это время еще не разграничивают социализм и коммунизм как фазы коммунистической общественной формации) стихийное развитие общественного производства уступит место сознательному его регулированию: «Коммунизм отличается от всех прежних движений тем, что совершает переворот в самой основе всех прежних отношений производства и общения и впервые сознательно рассматривает все стихийно возникшие предпосылки как создания предшествующих поколений, лишает эти предпосылки стихийности и подчиняет их власти объединившихся индивидов» [5];

5) коммунистическая революция означает не только уничто-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Фейербах..., с. 50.
[2] Там же.
[3] Там же, с. 43.
[4] См. там же, с. 50.
[5] Там же, с. 86.

жение старых экономических и политических отношений, но и изменение людей, участвующих в ее осуществлении. Задачи коммунистического преобразования общества и перевоспитания масс могут быть осуществлены лишь революционным путем. «...Революция необходима не только потому, что никаким иным способом невозможно свергнуть *господствующий* класс, но и потому, что *свергающий* класс только в революции может сбросить с себя всю старую мерзость и стать способным создать новую основу общества» [1],— писали Маркс и Энгельс.

Материалистическое рассмотрение истории общества вело, стало быть, к коммунистическим выводам, к обоснованию исторической необходимости революционного уничтожения капиталистического строя. Выразителем этой необходимости является пролетариат. Крупная промышленность, рассуждали Маркс и Энгельс, создала повсюду, где она появилась, примерно одинаковые отношения между классами общества, нивелировав их национальные особенности. Если буржуазия каждой нации еще сохраняет свои особые национальные интересы, то у рабочего класса уже уничтожена национальная обособленность, пролетариату всех наций присущи одни и те же классовые интересы. Пролетариат «оторвался» от старого мира и вместе с тем противостоит ему. «Крупная промышленность делает для рабочего невыносимым не только его отношение к капиталисту, но и самый труд» [2]. Коренные интересы рабочего класса совпадают с насущными интересами подавляющего большинства трудящихся. Поскольку крупная промышленность не во всех местностях данной страны достигает одинакового уровня, движение пролетариата также развивается неравномерно. «...Тот слой пролетариев, который порожден крупной промышленностью, становится во главе этого движения и увлекает за собой всю остальную массу...» [3]

Рассматривая историю государства, Маркс и Энгельс выявили важную закономерность: каждый эксплуататорский класс, стремившийся к завоеванию политической власти, вначале выступал как представитель всего общества; его интересы в период борьбы против реакционных сил в значительной мере совпадали с интересами других негосподствующих классов. Расхождение интересов поднимавшегося к власти класса и остальной массы угнетенных проявлялось после того, как этот класс достигал политического господства. Обобщив опыт буржуазных революций, Маркс и Энгельс сделали следующий вывод: «...основа, на которой каждый новый класс устанавливает свое господство, шире той основы, на которую опирался класс, господствовавший до него; зато впоследствии также и противоположность между негосподствующим классом

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Фейербах..., с. 50.
[2] Там же, с. 78.
[3] Там же.

и классом, достигшим господства, развивается тем острее и глубже» [1].

Стало быть, революционные перевороты ведут ко все большему расширению социальной базы политического строя, что способствует развертыванию классовой борьбы. Это объясняет неуклонное усиление роли народных масс в истории. Логическим продолжением этих выводов явилось признание Марксом и Энгельсом необходимости установления политического господства рабочего класса, что означало подход к идее диктатуры пролетариата.

«Жизнь определяет сознание»

Материалистическое понимание истории Маркс и Энгельс распространили на объяснение общественного сознания. «Сознание... с самого начала есть общественный продукт и остается им, пока вообще существуют люди» [2]. Сознание первоначально вплетено в материальную деятельность людей и выступает как осознание окружающей среды, связи с другими людьми и природой, которая на заре человечества представлялась людям чуждой и враждебной силой. Позднее, в ходе развития материального производства и частной собственности, произошло отделение умственного труда от физического. Процесс разделения сфер трудовой деятельности привел к тому, что умственный труд превратился в специальную отрасль и привилегию господствующих классов. В связи с разделением физического и умственного труда возникает иллюзия некоей «самостоятельности» сознания по отношению к бытию. Но такое понимание является «ложным сознанием», идеологией [3] господствующих классов, использующих эту идеологию для оправдания и увековечения своего господствующего положения в обществе.

История и наука показывают, что сознание с самого начала непосредственно связано с языком, что «язык так же древен, как и сознание; язык *есть* практическое, существующее и для других людей и лишь тем самым существующее также и для меня самого, действительное сознание, и, подобно сознанию, язык возникает из потребности, из настоятельной необходимости общения с другими людьми» [4].

Возникновение и формирование общественных идей и теорий, различных форм и продуктов сознания уходит своими корнями в «материальную практику», в «гражданское общество» [5]. Задача науки состоит в том, чтобы, исходя из материальной практики, объяснить всевозможные порождения и формы сознания — религию, философию, мораль и т. д. «...Люди, развивающие свое ма-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Фейербах..., с. 61.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 3, с. 29.

[3] В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс под идеологией понимают ложное сознание господствующего класса.

[4] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 3, с. 29.

[5] См. там же, с. 37.

териальное производство и свое материальное общение, изменяют вместе с этой своей деятельностью также свое мышление и продукты своего мышления,— объяснили Маркс и Энгельс.— Не сознание определяет жизнь, а жизнь определяет сознание» [1].

Маркс и Энгельс обратили внимание на тот факт, что реальная жизнь порождает не только правильное духовное отражение действительности. Возникают и ложные, иллюзорные, фантастические порождения в области идей — идеалистическая философия, религия и т. п. Это объясняется противоречивостью самой жизни, разделением общества на антагонистические классы. Маркс и Энгельс отметили, что господствующими идеями в обществе являются идеи экономически и политически господствующего класса: «...мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями» [2]. Идеология теснейшим образом связана с политическими отношениями. Так как государство в буржуазном обществе есть «форма организации» господствующего класса в целях защиты его материальных интересов, то все общие установления, относящиеся к различным сферам духовной жизни, неминуемо приобретают политическую классовую форму.

Учитывая связь материальной и духовной жизни общества, Маркс и Энгельс сделали вывод, имеющий практическое значение: «...все формы и продукты сознания могут быть уничтожены не духовной критикой... а лишь практическим ниспровержением реальных общественных отношений»; «не критика, а революция является движущей силой истории, а также религии, философии и прочей теории» [3]. Революция необходима не только для свержения господствующего класса, но и для коммунистической переделки сознания совершающих ее масс трудящихся.

Коммунизм — практический материализм

«Немецкая идеология» проникнута идеей органической связи теории и практики коммунистического движения, и потому коммунистов Маркс и Энгельс называли практическими материалистами. Теоретическое (историко-материалистическое) обоснование коммунизма стало возможным благодаря тому, что Маркс и Энгельс размышляли по поводу будущего общества не умозрительно, а уяснив закономерность общественного развития, объективный характер общественного прогресса, происходящего в истории человечества. Поэтому, считали они, освобождение человечества «невозможно осуществить иначе, как в действительном мире и действительными средствами... «Освобождение» есть историческое дело, а не дело мысли» [4].

В противоположность различным утопическим социалистам, в том числе немецким «истинным социалистам», Маркс и Энгельс

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Фейербах..., с. 30.
[2] Там же, с. 59.
[3] Там же, с. 51—52.
[4] Там же, с. 32.

называли коммунизмом «действительное движение, которое уничтожает теперешнее состояние. Условия этого движения порождены имеющейся теперь налицо предпосылкой» [1]. Коммунизм есть закономерный результат развития производительных сил капиталистического общества. Производительные силы в эпоху промышленного капитализма достигли высокого уровня развития, а разделение труда приобрело широкий размах. Существование «лишенной собственности» массы работников обнаруживается одновременно у всех народов, а взаимозависимость этих народов возрастает. Промышленный капитализм рождает интернациональную по своей социальной основе общественную силу — пролетариат, которому чужда национальная ограниченность. Коммунистическая революция, осуществляемая пролетариатом, должна уничтожить частную собственность и привести к утверждению «универсального общения» членов общества. «Поэтому установление коммунизма имеет по существу экономический характер: оно есть создание материальных условий этого объединения; имеющиеся налицо условия оно превращает в условия объединения. Строй, создаваемый коммунизмом, является как раз таким действительным базисом, который делает невозможным все то, что существует независимо от индивидов» [2].

Маркс и Энгельс отметили, что коммунизм как общественное движение коренным образом отличается от всех предшествующих ему движений важнейшими особенностями: представители его стремятся к совершению коренного переворота «в самой основе всех прежних отношений производства и общения» [3]; коммунистическое движение осуществляет свою преобразовательную работу сознательно, на основе знания законов общественного развития, подчиняя стихийно действующие общественные силы «власти объединившихся индивидов» [4]. Согласно взглядам Маркса и Энгельса, коммунистическое общество будет опираться на качественно новую форму собственности, назначение которой есть удовлетворение потребностей каждого и по отношению к которой все равны. «...При пролетарском присвоении масса орудий производства должна быть подчинена каждому индивиду, а собственность всем индивидам» [5].

Высокий уровень развития производительных сил и новый характер форм общения создадут предпосылки для ликвидации противоположности между городом и деревней, между умственным и физическим трудом; коренным образом изменятся жизненные условия и социальный облик всех членов общества. Революционные пролетарии в своей преобразовательной деятельности поставят

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Фейербах..., с. 46.
[2] Там же, с. 86.
[3] См. там же.
[4] См. там же.
[5] Там же, с. 94.

«под свой контроль как условия своего собственного существования, так и условия существования всех членов общества: в этой коллективности индивиды участвуют как индивиды. Она представляет собой такое объединение индивидов... которое ставит под их контроль условия свободного развития и движения индивидов» [1].

Развивая и обосновывая идеи научного коммунизма, Маркс и Энгельс опирались на анализ современного им уровня капитализма и состояния общественного движения. Из этого анализа они сделали вывод о возможности лишь одновременной победы коммунизма в капиталистически развитых странах: «Коммунизм эмпирически возможен только как действие господствующих народов, произведенное «сразу», одновременно» [2]. Этот вывод в их последующих произведениях получил более определенную, конкретно-историческую формулировку.

* * *

«Немецкая идеология» явилась важным этапом в формировании марксизма. В этом произведении основные идеи нового мировоззрения целостно представлены на достигнутом к тому времени уровне. И хотя здесь Маркс и Энгельс нередко используют старую терминологию, в нее вкладывается уже новое содержание. Обоснование идей, принципов и категорий материалистического понимания истории стало главным итогом совместной работы Маркса и Энгельса над «Немецкой идеологией», явилось великим открытием.

«Немецкая идеология» в свое время не увидела света. Но положения и выводы, к которым пришли основоположники марксизма в этом произведении, были включены ими в развитом виде в последующие труды того периода — «Нищету философии», «Манифест Коммунистической партии» и др.

5. КРИТИКА ВЗГЛЯДОВ ПРУДОНА

Середина 40-х годов XIX века в Германии, как и в ряде других стран Западной Европы, была кануном назревавшей революции. В этих условиях настоятельной была потребность в ограждении рабочего движения от различных буржуазных и мелкобуржуазных влияний. Если социальная сущность и идейная основа некоторых мелкобуржуазных течений (например, «истинного социализма») были достаточно выяснены в «Немецкой идеологии» и других произведениях Маркса и Энгельса 1844—1845 годов, то иные псевдосоциалистические мелкобуржуазные концепции еще требовали критического разбора. Провозглашая целью ограничение и устранение пагубных сторон капитализма, защиту и укреп-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Фейербах..., с. 85.
[2] Там же, с. 46.

ление позиций мелкого производства, мелкобуржуазные реформисты выдавали свои проекты за выражение насущных потребностей пролетариата. Особенно опасными в этом отношении были идеи французского мелкобуржуазного социалиста и экономиста П. Ж. Прудона (1809—1865), распространявшиеся в рабочем движении Франции, Германии и других стран.

Маркс и Энгельс поначалу возлагали на Прудона определенные надежды и, подмечая его ошибки, некоторое время воздерживались от систематической и решительной их критики, считая его представителем пролетарской политической экономии. Однако мелкобуржуазные мотивы в творчестве Прудона оказались своеобразной прелюдией к его социальной утопии, наиболее полно проявившейся в книге «Система экономических противоречий, или Философия нищеты» (1846). В этой книге Прудон выступил с проповедью мирного преобразования капитализма в общество независимых мелких производителей, высказавшись при этом против коммунизма, рабочего движения и политической борьбы. Подобные взгляды представляли серьезную опасность для тогдашнего рабочего движения, которое нуждалось в правильной идейно-политической ориентировке. Поэтому после ознакомления с книгой Прудона Маркс занялся развенчанием этой псевдосоциалистической идеологии. И в истории формирования марксизма вторая половина 1846 года и 1847 год отмечены борьбой Маркса и Энгельса против взглядов Прудона.

В этот период Маркс (в ответ на книгу Прудона «Система экономических противоречий, или Философия нищеты») создал свою книгу «Нищета философии» — труд, названный Лениным, наряду с «Манифестом Коммунистической партии», первым произведением зрелого марксизма[1]. В ленинском теоретическом наследии это произведение, вслед за «Манифестом Коммунистической партии» и «Капиталом», одно из наиболее часто упоминаемых и цитируемых.

Разумеется, развитие марксистской теории в тот период не исчерпывается книгой «Нищета философии». В конце 1846 года и в 1847 году Маркс и Энгельс пишут ряд произведений, в которых выступают против других направлений мелкобуржуазного социализма («Циркуляр против Криге» и др.), публикуют статьи, анализирующие развитие рабочего движения и назревание революционных событий в Германии, Франции, Бельгии, Англии. Но крупнейшей работой того периода была «Нищета философии» — книга, в которой Маркс разбирает взгляды Прудона с позиций сложившегося пролетарского мировоззрения. Это одно из важнейших теоретических произведений марксизма. В органическом единстве здесь изложены проблемы материалистической диалектики, учение о законах общественного развития, основополагающие идеи, относящиеся к тактике классовой борьбы пролетариата.

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Государство и революция.— Полн. собр. соч., т. 33, с. 22.

Первый набросок «Нищеты философии»

1 ноября 1846 года к Марксу с письмом о теории Прудона обратился русский либерально настроенный литератор П. В. Анненков, интересовавшийся тогда вопросами рабочего движения. Ответ Маркса Анненкову, написанный 28 декабря 1846 года, явился по существу первым наброском будущей «Нищеты философии». Маркс оценил книгу Прудона как плохое, бесформенное и претенциозное сочинение.

Прудон «преподносит нам смехотворную философию потому,— отметил Маркс,— что не понял современного общественного строя», не понял самого основного в социальных процессах — их экономической основы, определяющей все общественное развитие, весь действительный ход истории. При этом Прудон «прибегает к поверхностно усвоенному гегельянству, чтобы изображать из себя глубокого мыслителя» [1]. Для этого он к месту и не к месту употребляет гегелевскую терминологию, не понимая существа гегелевской диалектики.

Надуманным конструкциям Прудона Маркс противопоставил новое мировоззрение, материалистическое понимание истории. Общество, какова бы ни была его форма,— продукт взаимодействия людей. При этом люди отнюдь не свободны в выборе той или иной формы общественного устройства. «Возьмите определенную ступень развития производительных сил людей,— писал Маркс,— и вы получите определенную форму обмена (commerce) и потребления. Возьмите определенную ступень развития производства, обмена и потребления, и вы получите определенный общественный строй...» [2]

Далее Маркс указал, что люди также «не свободны в выборе *своих производительных* сил, которые образуют основу всей их истории, потому что всякая производительная сила есть приобретенная сила, продукт предшествующей деятельности» [3]. Каждое последующее поколение использует производительные силы, созданные предшествующими поколениями, благодаря чему «образуется связь в человеческой истории, образуется история человечества» [4]. Эта история тем больше становится историей человечества, чем выше уровень развития производительных сил и чем больше развились общественные отношения. Отсюда Маркс делал вывод: общественная история людей есть прежде всего история развития их материальных отношений. «Эти материальные отношения суть лишь необходимые формы, в которых осуществляется их материальная и индивидуальная деятельность» [5]. Материальные экономические отношения «являются формами *преходящими и ис-*

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 27, с. 401.
[2] Там же, с. 402.
[3] Там же.
[4] См. там же.
[5] Там же, с. 403.

торическими. С приобретением новых производительных сил люди меняют свой способ производства, а вместе со способом производства они меняют все экономические отношения...» [1].

Прудон допустил путаницу, включив в систему описываемых им экономических категорий, наряду с «разделением труда», «конкуренцией» и др., понятие «машина». Маркс заметил, что «машина так же мало является экономической категорией, как бык, который тащит плуг» [2]. Прудон не понял, писал Маркс, что «*экономические категории* суть лишь *абстракции*... действительных отношений и являются истинными лишь постольку, поскольку существуют эти отношения» [3]. С помощью категорий социальная наука имеет возможность формулировать свои законы. Это исторические законы, то есть «законы, действительные лишь для определенной стадии исторического развития, для определенной стадии развития производительных сил» [4]. Прудон не понял, что «люди сообразно своим производительным силам производят также общественные отношения» [5]. А «*идеи и категории*... есть отвлеченные, идеальные выражения этих самых общественных отношений» [6]. Поэтому утверждения Прудона о вечности «разума», «добра» и т. п., несмотря на постоянные ссылки на Гегеля, были метафизичны, обнаруживали непонимание им исторического характера общественных явлений, из чего вытекала его трактовка буржуазных отношений как вечных и неустранимых. Отвергая такую трактовку, Маркс отметил, что «буржуазный способ производства есть историческая и преходящая форма, подобно тому как исторической и преходящей была форма феодальная» [7].

Доктринерство Прудона свидетельствовало о непонимании им действительных основ буржуазного общества. Еще менее он оказался способен понять закономерность рабочего движения, классовой борьбы пролетариата против буржуазного строя. «Г-н Прудон,— заключал Маркс,— с головы до ног философ, экономист мелкой буржуазии» [8].

6 января 1847 года П. В. Анненков писал в ответ Марксу: «Вы... меня очень обязали своим прекрасным письмом от 28 декабря. Мне, действительно, помогло Ваше суждение о сочинении Прудона своей справедливостью, своей ясностью и особенно своей тенденцией к реализму вещей. Как часто изложение теряется среди обманчивых раскатов абстрактной мысли, как часто стараются нас поразить ложными ослепительными измышлениями ума, занятого исключительно самим собой, как последним словом науки и спекулятивной философии! Дружеский голос, который только что прозвучал и который возвращает вас к экономическим и историческим *фактам*,

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 27, с. 403.
[2] Там же, с. 405.
[3] Там же, с. 406.
[4] См. там же, с. 406—407.
[5] Там же, с. 408.
[6] Там же, с. 408—409.
[7] Там же, с. 409.
[8] Там же, с. 411.

который указывает вам их в *реальном* развитии, совершенно отличном от фактического развития чистых категорий и логических противоречий, который, наконец, подрывает перегретую и слишком усложненную основу системы, находящейся вне жизни, вне истории и действительной науки,— такой голос должен заслужить нашу признательность... Вы, мой дорогой господин Маркс, этим последним письмом вполне искупили Ваше долгое молчание. Я не перестаю перечитывать его» [1].

Идеи, изложенные Марксом в письме к Анненкову, вскоре были развиты им в книге «Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона».

В «Нищете философии» Маркс начал анализ книги Прудона с раскрытия мелкобуржуазной природы его идей и утопического характера предложенных им проектов. Он показал, что экономические взгляды Прудона представляют собой плохо переваренные теории представителей английской классической политической экономии, что его построения есть попытка теоретического оправдания приспособления мелкой буржуазии к законам современного буржуазного общества. Прудон — не противник всякой частной собственности, он против только капиталистической собственности, но за сохранение собственности мелкого производителя; он стремится к реформированию и упорядочению сферы обмена, чтобы сделать «более справедливым» и равным распределение. Прудон утверждал, что каждое экономическое отношение имеет свою «хорошую» и свою «дурную» стороны; задача теории, по его мнению,— сохранить «хорошее» и уничтожить «дурное». Маркс оценил эту позицию иронически: Прудон, писал он, «хочет парить над буржуа и пролетариями, как муж науки, но оказывается лишь мелким буржуа, постоянно колеблющимся между капиталом и трудом, между политической экономией (Маркс имеет здесь в виду буржуазную политическую экономию.— *Ред.*) и коммунизмом» [2].

Прудон выступал против засилья крупного капитала с его бесчеловечным гнетом, но ратовал за сохранение частной собственности, выдвигал нереальные проекты, вроде «безденежного обмена товаров», «беспроцентного кредита» и т. п., якобы ведущие к мирному переходу общества в состояние всеобщего равенства. Свои утопические идеи он основывал на рассуждениях о противоречиях между требованиями индивидуального и общего разума, то есть на чисто идеалистическом понимании общества. Маркс отметил, что Прудон в своих взглядах не смог подняться — даже умозрительно — выше буржуазного кругозора. Острой критике Маркс подверг метафизическую методологию Прудона, его спекуляции на гегелевской диалектике, извращенной в духе субъективизма и отрицания внутреннего самодвижения процессов и явлений.

---

[1] MEGA, III. Abt., Bd. 2, S. 321. См. также: К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967, с. 142.

[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 147.

Проблемы материалистической диалектики

Важную часть «Нищеты философии» составляет критический анализ метода социально-экономической доктрины Прудона. Критику метода Прудона Маркс превратил в критику методологии философского идеализма и буржуазной политической экономии. Методу Прудона, по существу метафизическому, он противопоставил качественно новый, диалектико-материалистический метод.

Критике Прудона Маркс предпосылает анализ гегелевской диалектики, которую французский утопист хотя и не усвоил, но объявил основой своего метода, в результате чего реальный мир потонул у Прудона «в мире абстракций, в мире логических категорий» [1]. Маркс пояснил, что «абстрактный метод» Гегеля представляет собой движение чистого разума, ввиду чего мир реальных вещей и отношений утопает в мире абстракций, которые в виде логических категорий выступают в качестве субстанциальной основы действительных явлений и вещей. Характеризуя идеалистическую концепцию Гегеля, Маркс отметил, что «все, что происходило, и все, что происходит еще в мире, тождественно с тем, что происходит в его собственном мышлении. Таким образом, философия истории оказывается лишь историей философии — его собственной философии» [2]. Гегель воображает, будто «строит мир посредством движения мысли; между тем как в действительности он лишь систематически перестраивает и располагает, согласно своему абсолютному методу, те мысли, которые имеются в головах у всех людей» [3].

В ходе критики метафизического метода Прудона Маркс развил ряд важных положений материалистической диалектики, в частности теории развития. Принцип движения, развития, указал Маркс, является главным, определяющим для всего материального мира. «Все существующее, все живущее на земле или под водой,— писал он,— существует, живет лишь в силу какого-нибудь движения» [4]. Сутью же такого движения, развития является диалектически противоречивое единство и борьба внутренних противоположностей. «Сосуществование двух взаимнопротиворечащих сторон, их борьба и их слияние в новую категорию составляют сущность диалектического движения» [5],— указал Маркс.

Прудон не уловил взаимодействия противоположностей в явлении; у него противоположности не взаимодействуют, а лишь сосуществуют. Пытаясь устранить одну из противоположностей («дурное»), он изменял диалектике. Экономические категории рассматривались Прудоном как вечные и неизменные, то есть ин-

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 131.
[2] Там же, с. 132.
[3] Там же, с. 133.
[4] Там же, с. 131.
[5] Там же, с. 136.

терпретировались также метафизически. В действительности же, указал Маркс, категории не есть нечто независимое от материального мира. Они выступают в виде своеобразного отражения, как абстракция этого реального мира, как теоретическое выражение действительных процессов материального развития. Так, «экономические категории представляют собой лишь теоретические выражения, абстракции общественных отношений производства» [1],— пояснил Маркс. Стало быть, «эти идеи, эти категории столь же мало вечны, как и выражаемые ими отношения. Они представляют собой *исторические и преходящие продукты*» [2].

Рассуждения Маркса включают в себя как важный элемент мысль об относительности познания в каждый данный момент. Человеческий разум, заметил он, не создает истины. «Он может только открывать ее. Но открытые им до сих пор истины неполны, недостаточны и потому противоречивы» [3]. В этом смысле и экономические категории «также неполны и носят в себе зародыш противоречия» [4].

В ряду теоретических проблем диалектики, разработанных в «Нищете философии», стоит учение об объективном характере диалектических противоречий, их структуре и путях разрешения. Если Прудон понимал противоречие как соотношение «хорошего» и «дурного», то есть субъективистски, то Маркс показал, что основа диалектического противоречия всегда объективна, не зависит от чьей-либо оценки или отношения. Обратившись к истории, он указал, что в антагонистических обществах основой социального процесса является антагонизм классов. Этот антагонизм есть не отношения одного индивида к другому, а «отношения рабочего к капиталисту, фермера к земельному собственнику и т. д. Устраните эти общественные отношения, и вы уничтожите все общество» [5].

Развитие диалектического противоречия есть результат внутренней борьбы его сторон, укрепление данного единства или его разрушение. «...Чтобы правильно судить о феодальном производстве,— пояснял Маркс на конкретном примере,— нужно рассматривать его как способ производства, основанный на антагонизме» [6]. Материалистическая диалектика позволяет увидеть, как в рамках этого антагонизма создавалось богатство, как одновременно с антагонизмом классов развивались производительные силы, как один из классов — буржуазия, представляя собой отрицающую общественную силу, добился революционного уничтожения феодального строя.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 133.
[2] Там же.
[3] Там же, с. 139.
[4] См. там же.
[5] Там же, с. 125.
[6] Там же, с. 143.

Аналогичный процесс происходит и при господстве буржуазии. Вначале антагонизм капиталистического общества, сторонами которого выступают буржуазия и пролетариат, более или менее замаскирован, существует лишь в скрытом состоянии. Затем «развертывается борьба, которая, прежде чем обе стороны ее почувствовали, заметили, оценили, поняли, признали и открыто провозгласили, проявляется на первых порах лишь в частичных и кратковременных конфликтах, в отдельных актах разрушения» [1]. Наконец, эта борьба осознается обеими сторонами, приобретает взаимоисключающий характер и ведет к полному преодолению антагонизма, то есть революционному ниспровержению власти буржуазии. Для этого, для освобождения угнетенного класса, «нужно, чтобы приобретенные уже производительные силы и существующие общественные отношения не могли долее существовать рядом» [2]. Разрешение социального антагонизма между классом-эксплуататором и угнетенным классом есть выход за пределы старой общественной основы — существовавших до того производственных отношений, то есть революция, знаменующая собой диалектический скачок от одной ступени общественного развития к другой. Пока существуют классы, необходимым условием каждого революционного «всеобщего переустройства» общества, писал Маркс, будут насильственные революции [3].

Согласно Марксу, антагонистический характер производственных отношений капиталистического строя накладывает отпечаток на процессы, происходящие в сфере буржуазной науки. «Чем более обнаруживается этот антагонистический характер, тем более экономисты, эти ученые представители буржуазного производства, приходят в разлад со своей собственной теорией, и среди них образуются различные школы» [4]. По мере обособления классовых интересов буржуазного общества обособление происходит и в сфере общественного сознания. «Точно так же, как *экономисты* служат учеными представителями буржуазного класса, *социалисты* и *коммунисты* являются теоретиками класса пролетариев» [5],— констатировал Маркс.

Идеи пролетарской политической экономии

В полемике с Прудоном Маркс формулирует методологические принципы пролетарской политической экономии. Это принципы материализма, историзма, диалектики. Отдельные экономические явления, экономические категории Маркс рассматривает не изолированно друг от друга, а в их внутреннем единстве, взаимосвязях. Общественное производство анализируется как единый

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 141.
[2] Там же, с. 184.
[3] См. там же, с. 185.
[4] Там же, с. 144.
[5] Там же, с. 146.

процесс. Маркс указывает, что «в каждом обществе производственные отношения образуют некоторое единое целое» [1].

Важное значение имел вывод Маркса о преходящем характере капиталистического способа производства. Он отметил, что экономисты исследуют, как совершается производство при существующих отношениях, рассматривая существующий общественный строй — капиталистический — как навсегда данный, неизменный; при этом у них остается невыясненным происхождение самих этих отношений, поскольку совершенно не исследуется, как складывается этот строй, как он возникает [2]. Между тем все это проясняется при изучении развития производительных сил в связи и взаимодействии их с производственными отношениями. Рассуждения и мысли Маркса по этому вопросу венчает заключение: «Общественные отношения тесно связаны с производительными силами. Приобретая новые производительные силы, люди изменяют свой способ производства, а с изменением способа производства, способа обеспечения своей жизни,— они изменяют все свои общественные отношения. Ручная мельница дает вам общество с сюзереном во главе, паровая мельница — общество с промышленным капиталистом» [3]. В понятие производительных сил Маркс включает уже и людей. «Из всех орудий производства,— указывает он,— наиболее могучей производительной силой является сам революционный класс» [4].

Развитие производительных сил с необходимостью ведет к изменению производственных отношений. Установив эту закономерность, Маркс в противоположность буржуазной политической экономии рассматривает капитализм исторически, выясняя его возникновение, развитие и неизбежность его гибели.

Исходя из исторического характера экономических явлений и категорий, Маркс подверг критике Прудона, который определял собственность как абстрактную и вечную категорию. Впервые в политической экономии Маркс связал буржуазную собственность с совокупностью исторически сложившихся общественных отношений. «...Определить буржуазную собственность,— писал он,— это значит не что иное, как дать описание всех общественных отношений буржуазного производства» [5].

Исторический подход свойственен Марксу и при анализе земельной собственности. Отмечая специфический характер земельной собственности на каждом этапе развития общества, он указал на ее продолжающуюся эволюцию в условиях капиталистического

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 133.— В этом произведении Маркс преодолевает прежнюю терминологическую неопределенность и начинает применять термин «производственные отношения».

[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 129.

[3] Там же, с. 133.

[4] Там же, с. 184.

[5] Там же, с. 168.

производства. При анализе земельной ренты, упрекая Рикардо в неисторическом подходе, он писал, что такой подход характерен для всех экономистов, которым отношения буржуазного производства представляются в виде вечных категорий [1]. Маркс рассматривает ренту как экономическую категорию, выражающую сущность производственных отношений в капиталистическом сельском хозяйстве. Рента является результатом тех общественных отношений, при которых происходит землепользование. Она «обязана своим происхождением обществу, а не почве» [2]. Улучшение землепользования и совершенствование аграрных отношений он органически связывал с социальными преобразованиями.

Маркс впервые высказал здесь мысль о национализации земли. Это положение он в дальнейшем разовьет как программное требование революционной партии. «Мы понимаем, почему такие экономисты, как Милль, Шербюлье, Хильдич и др., требовали присвоения ренты государством и употребления ее для замены налогов,— писал он.— Это было лишь открытым выражением ненависти промышленного капиталиста к земельному собственнику, являющемуся в его глазах бесполезным и излишним в общем ходе буржуазного производства» [3].

Диалектически рассматривает Маркс и обмен продуктов производства. Общество, разделенное на классы, должно иметь обмен деятельностью индивидуальных, частных производителей, поддерживающих отношения друг с другом при посредстве рынка, на котором властвует демоническая сила — особого рода товар — деньги. В своих иллюзиях реформировать буржуазное общество в интересах мелкого буржуа при помощи безденежного обмена Прудон повторял несостоятельные проекты тех утопистов (Годскина, Томпсона, Брея), которые делали из учения Рикардо социалистические выводы. Критически разбирая идеи Прудона, Маркс подметил существенную слабость и ошибку всех без исключения буржуазных экономистов: в их сочинениях различные экономические категории изображались застывшими, неизменными, вечными. Историческое движение, приведшее к возникновению и развитию разделения труда, кредита, денег и т. п., было вне поля зрения буржуазных экономистов. В противоположность ненаучной меновой концепции Маркс подчеркнул обусловленность обмена формой производства и зависимость изменения обмена от изменения способа производства. «Вообще форма обмена продуктов соответствует форме производства,— писал Маркс.— Измените эту последнюю, и следствием этого будет изменение формы обмена. Поэтому в

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 173.

[2] См. там же, с. 177.

[3] Там же, с. 174.— Ленин не раз ссылался на это место из «Нищеты философии». Так, в работе «Аграрная программа социал-демократии в русской революции» он писал: «Национализация земли является наиболее последовательной буржуазной мерой. Маркс *неоднократно* утверждал это, начиная с «Нищеты философии»» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 17, с. 162).

истории общества мы видим, что способ обмена продуктов регулируется способом их производства» [1].

Посредством диалектико-материалистического метода Маркс анализирует проблему общественного разделения труда. Прудон трактовал его как вечный закон, абстрактную категорию. В предшествующих произведениях Маркс и Энгельс выяснили происхождение разделения труда и его роль в развитии производительных сил. Теперь Маркс четко формулирует тезис о том, что разделение труда есть историческое явление, ставит его в зависимость от уровня развития производительных сил. Если в предшествующих произведениях разделение труда рассматривалось больше как форма развития производительных сил, то теперь внимание обращено также на связь разделения труда с эволюцией орудий труда.

Маркс подверг критике рассуждения Прудона о роли машин в преодолении общественного разделения труда. Прудон сопоставлял вещи разного порядка: разделение труда — экономическую категорию, отражающую производственные отношения общества, он противопоставлял машинам, которые сами по себе не являются и не могут быть экономической категорией. «Машины,— писал Маркс,— это только производительные силы. Современная же фабрика, основанная на употреблении машин, есть общественное отношение производства, экономическая категория» [2]. Он отметил, что нет ничего нелепее видеть в машине фактор восстановления единства разделенного труда, ибо «машина есть соединение орудий труда, а вовсе не комбинация работ для самого рабочего» [3]. Более того, концентрация орудий производства и разделение труда не исключают, а сопровождают друг друга. «Благодаря применению машин и пара разделение труда приняло такие размеры, что крупная промышленность, оторванная от национальной почвы, зависит уже исключительно от мирового рынка, от международного обмена и международного разделения труда» [4].

В связи с критикой экономических взглядов Прудона значительное внимание Маркс уделил рассмотрению мануфактурной системы промышленности. Необходимым условием ее возникновения он считал накопление капитала, открытие Америки и прилив оттуда в Европу драгоценных металлов, в результате чего началось падение реальной заработной платы и земельной ренты, повышение промышленных прибылей и возвышение класса капиталистов (по мере ослабления класса землевладельцев и разорения трудящихся). Свое влияние оказало развитие колониальной системы и морской торговли. Обобщая эти соображения, Маркс писал, что «расширение рынка, накопление капиталов, перемены в общественном положении классов, появление множества людей, ли-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 108.
[2] Там же, с. 152.
[3] Там же, с. 156.
[4] Там же, с. 157.

шенных источников дохода,— вот исторические условия для образования мануфактуры. Не полюбовные соглашения между равными, как утверждает г-н Прудон, собрали людей в мастерские. Мануфактура возникла не в недрах старинных цехов. Главой новейшей мастерской сделался купец, а не старый цеховой мастер. Почти всюду между мануфактурой и ремеслами велась ожесточенная борьба» [1].

Таким образом, в «Нищете философии» Маркс поставил проблему генезиса капитализма, причем иначе, чем Смит и Рикардо. Он показал, что первые формы капиталистического производства возникли за счет ограбления буржуазией народных масс, колониальных народов и разложения феодализма. Здесь нет еще термина «экспроприация», но вырисовываются контуры концепции «первоначального накопления» капитала. Правильно определялась роль великих географических открытий, ускоривших накопление капитала, колониальную экспансию, развитие рыночных предпосылок капитализма. Правда, Маркс не давал анализа форм мануфактурной системы, но мануфактура рассматривалась как стадия развития капитализма.

В «Нищете философии» Маркс выступает сторонником основных экономических идей классиков буржуазной политэкономии — А. Смита и Д. Рикардо, соглашается с их пониманием стоимости и денег, с теорией земельной ренты Рикардо, не подвергает сомнению верность их положений в этих вопросах. Он отмечает, что Рикардо «строго, безжалостно резюмирует точку зрения всей английской буржуазии», «показывает нам действительное движение буржуазного производства», своей теорией стоимости дает «научное истолкование современной экономической жизни» [2]. К тому времени у Маркса еще не созрели предпосылки для критического переосмысления трудовой теории стоимости и других воззрений Смита и Рикардо.

Критикуя Прудона, Маркс выступил против вульгаризации трудовой теории стоимости и сведения ее к теории издержек производства. Раскрывая механизм осуществления закона эквивалентного обмена через колебания спроса и предложения, отклонения цен от стоимости, он показал, что из самого закона стоимости вытекают диспропорции, которые становятся исходной точкой для анархии производства, кризисных явлений.

В «Нищете философии» формируются и некоторые отправные идеи марксистской теории денег. Намечается разграничение закономерностей двух видов обращения денег — металлических и бумажных. Маркс указал на исторический характер денег, сделал важный вывод о том, что появление денег связано с определенным способом производства. Этот вывод явился исходным для того, чтобы в теории денег пойти дальше классиков буржуазной политической экономии. Критикуя Прудона, Маркс показал, что не всякий товар может быть деньгами, охарактеризовал деньги как особый

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 155.
[2] См. там же, с. 82, 85, 86.

товар, выполняющий общественные функции. «Деньги не вещь,— писал он,— а общественное отношение»[1].

Идеи материалистической теории общества

В анализе проблем общественного развития Маркс раскрывал диалектическое единство экономической жизни общества, его политики и идеологии. Конкретизируя это положение на примере движения общества от феодализма к капитализму, он показал, что исторический процесс выступает как внутренне закономерное развитие производительных сил и производственных отношений общества, ведущее к смене способов производства. Феодализм, основанный на антагонизме двух классов — феодалов и крепостных крестьян, имел в составе крепостного сословия «все зародыши буржуазии». Эта отрицающая сторона противоречия, «порождая борьбу, создает движение, которое образует историю»[2]. Взяв верх в борьбе, окрепшая буржуазия вступила во владение производительными силами и создала новую экономику — капиталистические производственные отношения. Буржуазные революции XVII и XVIII веков привели к возникновению политических институтов капитализма — буржуазного государства, права, к утверждению специфической идеологии этого строя — философии, экономических и социальных теорий, изображающих буржуазное общество «естественным» и потому «вечным». Эти апологетические теории имели целью «сохранить категории, выражающие собой буржуазные отношения, но без того антагонизма, который составляет сущность этих категорий и от них неотделим»[3].

К каждой общественной ступени, отмечал Маркс, необходимо подходить как к конкретно-историческому образованию. Все многообразие общественных отношений в каждую историческую эпоху составляет единое целое, опирающееся на объективное, материальное основание — совокупность производственных отношений данного способа производства. Вместе взятые, все общественные отношения составляют целостный общественный организм, развивающийся согласно объективным законам истории[4]. Так Маркс все ближе подходил к одному из своих важнейших достижений в теории исторического процесса — к представлению о формационном развитии всемирной истории.

Во всемирно-историческом процессе смена общественных форм происходит с естественноисторической необходимостью. Но это вовсе не означает, что история ставится над людьми, что она обособляется от действительного субъекта истории. Маркс рассматривает людей как «творцов и исполнителей собственной драмы»[5].

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 110.
[2] См. там же, с. 143.
[3] См. там же, с. 146.
[4] См. там же, с. 133, 134.
[5] См. там же, с. 138.

Поэтому задача научного познания состоит здесь не в исследовании категорий в отрыве от их реального содержания, а в изучении действительной, земной истории человечества, которой категории обязаны своим существованием. Только изучение действительной истории избавит науку от фантазий и идеализма. Важнейшим принципом общественной науки является конкретно-исторический подход к исследуемым явлениям и процессам.

В органической связи с диалектико-материалистической разработкой вопросов философии и политической экономии Маркс формулирует комплекс идей теории научного коммунизма. При этом принципиальные различия между утопическим и пролетарским коммунизмом он объясняет степенью развитости отношений буржуазного общества, уровнем развития рабочего движения. Анализируя историю, состояние и перспективы рабочего движения, формы и методы классовой борьбы, он обстоятельно разбирает вопросы стратегии и тактики пролетарского движения, подчеркивает решающее значение политической борьбы пролетариата в ходе его освободительного движения [1].

«Нищета философии» — первое крупное произведение Маркса, обращенное к пролетарским революционерам как руководство для практического действия. В нем изложены важнейшие идеи формировавшегося научного мировоззрения. Оно сыграло важную роль в идеологической подготовке создания пролетарской партии.

Книга «Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона» вышла в свет в Брюсселе и Париже в начале июля 1847 года на французском языке [2]. Друзья Маркса рассматривали появление «Нищеты философии» как большой теоретический успех.

8 декабря 1847 года П. В. Анненков сообщал Марксу об интересе к его книге в Париже: «У меня еще нет Вашей брошюры о Прудоне и его доктрине, так как единственный имеющийся в Париже экземпляр принадлежит Гервегу и переходит из рук в руки» [3].

Читательские отклики и толкования «Нищеты философии» были разные, но самая точная оценка книги принадлежит самому Марксу. Впоследствии он писал: «...в этой книге содержится в зародыше то, что после двадцатилетнего труда превратилось в теорию, развитую в «Капитале»»; «чтобы расчистить путь социализму критическому и материалистическому, стремящемуся сделать

---

[1] Эта часть содержания «Нищеты философии» рассматривается в следующей главе, в непосредственной связи с идейно-политической борьбой, происходившей в то время в рабочем движении.

[2] В 1885 году вышло первое немецкое издание «Нищеты философии». В 1886 году марксистской группой «Освобождение труда» в Женеве было выпущено первое русское издание книги. В 1892 году выходит ее второе немецкое издание.

[3] MEGA, III. Abt., Bd. 2, S. 377. См. также: К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия, с. 144—145.

понятным действительное историческое развитие общественного производства, надо было резко порвать с той идеалистической политической экономией, последним воплощением которой был, сам того не сознавая, Прудон» [1].

* * *

1844—1847 годы явились этапом непосредственной разработки Марксом и Энгельсом основ научного пролетарского мировоззрения. Оно создавалось на основе теоретического осмысления современной им общественно-исторической практики, истории человечества, достижений предшествующей науки. Маркс и Энгельс создавали качественно новую, целостную революционную теорию, воплотившую в себе все интеллектуальное богатство человечества и его истории.

В период формирования марксизма на первый план выдвинулась его философская часть — диалектический и исторический материализм. Материалистическое понимание истории и диалектико-материалистический метод явились важнейшими открытиями Маркса и Энгельса, составившими основу революционного переворота в общественной мысли. Главной задачей их теоретической деятельности было обоснование коммунизма как общественного движения пролетариата, как его цели и как качественно определенной ступени развития общества.

Создаваемое Марксом и Энгельсом научное мировоззрение вооружало пролетарских революционеров программой политической борьбы. Тем самым был подготовлен новый этап в развитии рабочего движения — этап организованного движения, который могла открыть лишь пролетарская партия, созданию которой Маркс и Энгельс посвятили свою энергию.

---

[1] *Маркс К.* О «Нищете философии».— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 231—232.

Глава третья

НАЧАЛО БОРЬБЫ МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА ЗА ПРОЛЕТАРСКУЮ ПАРТИЮ. СОЗДАНИЕ ПРОГРАММЫ МЕЖДУНАРОДНОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ (1846—1848 гг.)

1. «ВАЖНО БЫЛО УБЕДИТЬ В ПРАВИЛЬНОСТИ НАШИХ УБЕЖДЕНИЙ ЕВРОПЕЙСКИЙ И ПРЕЖДЕ ВСЕГО ГЕРМАНСКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ»

Чем основательнее становились результаты научных занятий Маркса и Энгельса, чем активнее они втягивались в политическую борьбу, тем сильнее нарастала у них потребность систематизировать возникшие теоретические представления и выводы о всемирно-исторической миссии рабочего класса, о пролетарской революции и коммунизме, вооружить ими рабочее движение, которое страдало от неорганизованности и остро нуждалось в научно обоснованной программе.

«На нас,— писал впоследствии Энгельс,— лежала обязанность научно обосновать наши взгляды, но не менее важно было для нас убедить в правильности наших убеждений европейский и прежде всего германский пролетариат. Как только мы все уяснили сами себе, мы приступили к работе» [1].

В среде пролетарских революционеров

Непосредственное знакомство Маркса и Энгельса с участниками рабочего движения впервые произошло в 1843—1844 годах. Как рассказывал впоследствии Энгельс, первыми революционными пролетариями, с которыми он познакомился (в Лондоне в 1843 г.), были: наборщик, в прошлом студент, Карл Шаппер, сапожник Генрих Бауэр и часовщик Иосиф Молль; все они являлись руководителями лондонских общин Союза справедливых — тайной организации немецких рабочих-эмигрантов, возникшей в 1836—1837 годах в Париже, а затем создавшей сеть своих общин в Лондоне и Швейцарии. Союз справедливых с самого начала не был чисто немецким и имел интернациональный состав. В тесно связанное с ним лондонское Просветительное общество немецких

[1] *Энгельс Ф.* К истории Союза коммунистов.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 221.

рабочих наряду с выходцами из Германии входили швейцарцы, скандинавы, голландцы, венгры, чехи, южные славяне, русские. Союз поддерживал связь с французскими революционерами, с польскими политическими эмигрантами, а позже — и с английскими чартистами. Таким образом это немецкое движение постепенно становилось в известном смысле *«первым международным рабочим движением»* [1].

Деятели Союза справедливых произвели на молодого Энгельса сильное впечатление. Отмечая их заслуги в развитии рабочего движения, Энгельс впоследствии писал: «...они оказались в состоянии инстинктивно предвосхитить свое будущее развитие и конституироваться, хотя еще и не вполне сознательно, как партия пролетариата» [2].

Члены Союза справедливых, как и других рабочих обществ, с интересом знакомились с общественными идеями и учениями того времени, среди которых наибольшей популярностью пользовались взгляды В. Вейтлинга, Э. Кабе, О. Бланки, Ш. Фурье, Р. Оуэна. Примитивно-коммунистические представления у членов рабочих обществ совмещались с заговорщическими замыслами, причем ни одно из учений не получало у рабочих решающего перевеса над остальными, ибо ни одно из них не давало исчерпывающих ответов на волновавшие рабочих вопросы. Для передовых пролетариев то была пора жадных исканий идейного знамени и правильной тактики действия. Приверженность членов Союза «ограниченному уравнительному коммунизму» [3] не расположила к ним Энгельса. Не приняв сделанного ему тогда Шаппером предложения вступить в Союз справедливых, Энгельс тем не менее не прекращал отношений с его деятелями.

Живя в Манчестере, крупнейшем центре английской текстильной промышленности и «колыбели пролетариата» [4], Энгельс стал часто бывать в рабочих кварталах, знакомился с рабочими, их бытом, чаяниями и стремлениями. Он примкнул к чартистскому движению, установил тесные отношения с такими его лидерами, как Джеймс Лич и особенно Джордж Джулиан Гарни. С 1843 года Энгельс печатался в чартистской газете «The Northern Star» («Северная звезда»).

Непосредственное знакомство Маркса с организациями французских рабочих и немецких рабочих-эмигрантов состоялось в Париже в 1844 году. Маркс посещал их бурно проходившие собрания. Он познакомился с Этьенном Кабе, общался с Пьером Жозефом Прудоном и руководителями Союза справедливых — Августом Германом Эвербеком и Германом Мёйрером; с 1844 года Маркс переписывался, а в 1845 году лично познакомился с Виль-

[1] См.: *Энгельс Ф.* К истории Союза коммунистов.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 214.

[2] Там же, с. 219.

[3] См. там же, с. 216.

[4] См.: *Веерт Г.* Избранные произведения. М., 1953, с. 302.

гельмом Вейтлингом; поддерживал он контакт и с деятелями тайных французских рабочих обществ. «Вам бы следовало,— писал Маркс Фейербаху в августе 1844 года,— присутствовать на одном из собраний французских рабочих, чтобы убедиться в девственной свежести и благородстве этих изнуренных трудом людей... История готовит из этих «варваров» нашего цивилизованного общества практический элемент для эмансипации человека» [1].

Не входя ни в одну из рабочих организаций, которые воплощали тогда «детство пролетарского движения» [2], Маркс и Энгельс до 1845—1846 годов сосредоточили свои усилия преимущественно на разработке теоретических проблем. Однако живая связь с представителями рабочего движения, пристальное его изучение явились важнейшим фактором формирования их взглядов, способствовали их становлению как создателей научного мировоззрения пролетариата, как революционеров. В свою очередь, личное общение с деятелями рабочих обществ, выступления в печати по идейно-политическим вопросам позволяли Марксу и Энгельсу оказывать на них известное направляющее влияние.

Уже с 1843 года Энгельс регулярно публиковал в ряде газет, журналов и других изданий сообщения и статьи, знакомившие участников рабочего и социалистического движения в Англии, Франции, Германии, Швейцарии с положением дел у их собратьев. Наиболее существенными из его статей были: «Письма из Лондона» (май — июнь 1843 г.), опубликованные цюрихским прогрессивным журналом «Schweizerischer Republikaner» («Швейцарский республиканец»), «Успехи движения за социальное преобразование на континенте» (ноябрь 1843 г.) и «Быстрые успехи коммунизма в Германии» (май 1844 г.) [3], появившиеся в газете английских социалистов «The New Moral World» («Новый нравственный мир»), а также «Эльберфельдские речи» (август 1845 г.) — в «Rheinische Jahrbücher zur gesellschaftlichen Reform» («Рейнский ежегодник по вопросам социальной реформы»).

С осени 1845 года Маркс и Энгельс стали оказывать и организационное содействие участникам революционно-демократического, а затем и пролетарско-коммунистического движения в странах Западной Европы.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 27, с. 381.

[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Мнимые расколы в Интернационале.— Соч., т. 18, с. 30.

[3] Эти статьи получили высокую оценку английских социалистов и чартистов. Редактор «The New Moral World» Флеминг, выступая на митинге по случаю приезда В. Вейтлинга в Лондон в 1844 году, заявил: «Британский читатель впервые познакомился с этим реформатором благодаря «The New Moral World», где в конце прошлого года появилась серия хорошо написанных статей живущего в нашей стране молодого немца — «Континентальный социализм», выдержки из которых были затем напечатаны в «The Northern Star». Эти статьи вызвали глубокий интерес к движению, природу и размах которого они обрисовывали, и особенно к судьбе его мужественного и самоотверженного зачинателя и вождя Вейтлинга» (The New Moral World, 1844, vol. VI, N 14, p. 110).

После высылки из Франции Маркс в феврале 1845 года поселился в Брюсселе. Туда же через несколько месяцев переехал из Германии Энгельс. В июле — августе они совершили поездку в Лондон и Манчестер. Во время этой поездки Маркс и Энгельс, помимо изучения английской экономической литературы, встречались и вели переговоры с Гарни, Шаппером, Моллем, деятелями революционного и демократического движения ряда стран Европы. Они участвовали в совещании чартистов и политических эмигрантов в Лондоне, которое подготовило создание международной организации «Братские демократы», оформившейся 22 сентября 1845 года, уже после отъезда Маркса и Энгельса из Англии. Организация «Братские демократы» способствовала собиранию и интернациональному единению революционных сил демократического и рабочего движения стран Европы. Маркс и Энгельс поддерживали связи с этой организацией, пропагандируя среди ее членов идеи пролетарского интернационализма и формировавшегося научного коммунизма.

В статье «Празднество наций в Лондоне», помещенной в «Рейнском ежегоднике по вопросам социальной реформы», Энгельс подробно осветил ход собрания 22 сентября и его значение для международного пролетариата. Пролетарии, подчеркнул Энгельс, «во всех странах имеют одни и те же интересы, одного и того же врага, им предстоит одна и та же борьба...» [1]. Фактически это было первым провозглашением в печати принципа пролетарского интернационализма. А в словах Энгельса: «пролетарские партии различных национальностей соединяются между собой» и «пролетарии всех наций... начинают *действительно брататься* под знаменем коммунистической демократии» [2] — при всем терминологическом несовершенстве этих выражений — зарождался знаменитый призыв пролетарского интернационализма, в чеканном, классическом виде сформулированный несколько позже.

Теоретическое осмысление опыта классовой борьбы и стихийного стремления пролетариата к организации приводило Маркса и Энгельса к заключению, что для успешной освободительной борьбы рабочий класс нуждается в своей собственной независимой *политической* классовой организации. Разработка теоретических основ коммунистического преобразования общества, выяснение роли и задач пролетариата в этом революционном процессе позволили Марксу и Энгельсу с 1846 года приступить к практической работе по преодолению идейной отсталости и национальной разобщенности рабочего движения и созданию революционной пролетарской организации. Подходящей формой для такой деятельности в то время они считали создание коммунистических корреспондентских комитетов. Комитеты должны были связать

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 2, с. 590.
[2] Там же, с. 589, 590.

участников коммунистического и рабочего движения как в Германии, так и за ее пределами в сеть объединений, которые бы обменивались между собой печатными и рукописными материалами, организовывали внутри комитетов и между ними теоретические дискуссии для выработки общих взглядов, способствовали изданию доступных для рабочих популярных произведений и брошюр коммунистического содержания. Корреспондентские комитеты призваны были «установить связь между немецкими социалистами и социалистами французскими и английскими, сообщать иностранцам о ходе социалистического движения в Германии и осведомлять немцев в Германии о развитии социализма во Франции и в Англии. Таким путем,— считал Маркс,— смогут обнаружиться различия мнений, при этом будет возможен обмен мнениями и беспристрастная критика»[1]. Эта программа деятельности была уже непосредственно ориентирована на подготовку почвы для создания международной пролетарской коммунистической организации.

В январе 1846 года по инициативе Маркса и Энгельса в Брюсселе был создан коммунистический корреспондентский комитет. В его состав наряду с Марксом и Энгельсом в дальнейшем входили: революционный публицист Вильгельм Вольф — защитник силезских ткачей, тесно связанный со многими социалистами и рабочими Силезии; Иосиф Вейдемейер — отставной лейтенант, оставивший прусскую военную службу из-за демократических убеждений, сотрудник социалистических журналов, поддерживавший связи с социалистами Вестфалии; редактор бельгийского демократического и социалистического листка в Брюсселе «L'Atelier Démocratique» («Демократическая мастерская») Луп Хейльберг; немецкий радикальный журналист, социалист Себастьян Зейлер; бельгийский социалист Филипп Шарль Жиго и др.

С самого начала своего существования Брюссельский комитет развернул работу по налаживанию связей с коммунистическими группами в Германии (Кёльн, Эльберфельд, Вестфалия, Силезия), а также с немецкими коммунистами, проживавшими в Париже и Лондоне, в том числе с членами Союза справедливых. Кроме того, Энгельс по поручению комитета установил корреспондентскую связь с революционным крылом английских чартистов, возглавляемым Джулианом Гарни[2]. Установив контакт с Гарни и другими революционными деятелями чартистского движения, Маркс и Энгельс тем самым приобретали связь с социалистами и демократами Франции, Бельгии, Польши, входившими вместе

---

[1] См.: Маркс — Пьеру Жозефу Прудону, 5 мая 1846 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 27, с. 394.

[2] См.: Союз коммунистов. 1836—1849: Сборник документов. М., 1977, с. 95—96, 107, 113—116, 124—125, 127—128.

с чартистами и деятелями Союза справедливых в Лондоне в общество «Братские демократы» [1].

Под направляющим влиянием Маркса и Энгельса коммунистический корреспондентский комитет был создан и в Лондоне. Его ядро составили находившиеся здесь руководящие деятели Союза справедливых — Карл Шаппер, Иосиф Молль, Генрих Бауэр.

В результате деятельности Маркса и Энгельса в комитетах и вокруг них удалось сплотить пролетарских революционеров и передовых представителей революционной интеллигенции. Среди них, кроме упомянутых выше, были также портной Фридрих Лесснер, немецкий пролетарский поэт и публицист Георг Веерт, рабочий-живописец Карл Пфендер, журналист Фердинанд Вольф, наборщик Стефан Борн, врач Роланд Даниельс, портной Георг Эккариус, бельгийский адвокат и революционный публицист Виктор Тедеско, рабочий-столяр Адольф Юнге.

Брюссельский комитет вел активную переписку с социалистическими деятелями разных стран. В письмах комитета давались практические рекомендации о тактике коммунистов, о налаживании сбора средств для революционной пропаганды и покрытия корреспондентских расходов [2]. По важным вопросам комитет выпускал литографированные обращения. Таким путем в рамках корреспондентских комитетов Маркс и Энгельс собирали революционные силы для создания политической партии пролетариата.

Разрыв с Вейтлингом

Среди важнейших условий создания такой партии и принятия ею научных представлений о коммунизме было высвобождение молодого рабочего движения из-под влияния различных ненаучных взглядов и сектантства. Против них во многом и были направлены действия корреспондентских комитетов. Примечательным событием этой идейной борьбы была критика Марксом и Энгельсом на заседании Брюссельского комитета взглядов Вейтлинга.

К этому времени в вейтлингианстве все больше стали выявляться его теоретическая и практическая несостоятельность: изображение коммунистической революции стихийной вспышкой, разжигаемой усилиями узкой группы людей, фактически заговорщиков; пренебрежительное отношение к участию рабочих в борьбе за демократию, в политической борьбе; непонимание необходимости буржуазных революций и ошибочное представление, будто

---

[1] Маркс и Энгельс пытались привлечь к общей работе также Кабе и Прудона. Однако Прудон заявил о своем несогласии с принципами революционного коммунизма, а Кабе, хотя предложения о связи не отверг, от участия в организации отказался.

[2] См., например, письмо Брюссельского коммунистического корреспондентского комитета эльберфельдскому социалисту Густаву Адольфу Кётгену от 15 июня 1846 года (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 19—21).

коммунистическое преобразование общества можно произвести в любое время; игнорирование роли революционной интеллигенции в рабочем движении; нигилистическое отношение к революционной теории. В последних своих сочинениях Вейтлинг пропагандировал примитивное уравнительное представление о коммунистическом обществе как простой ассоциации трудовых семей, без централизованного управления, без единой программы действий; допускал возможность актов посягательства деклассированных элементов на частную собственность как средства борьбы; наконец, вносил в коммунизм религиозность, представляя его осуществлением царства небесного на земле.

В 1846 году Вейтлинг, высланный из Швейцарии и побывавший в Лондоне, где он не нашел взаимопонимания с руководителями Союза справедливых, приехал в Брюссель и был введен в корреспондентский комитет. Однако попытки Маркса и Энгельса помочь ему преодолеть утопизм и сектантство оказались тщетными. Разрыв с Вейтлингом стал неизбежен.

На заседании Брюссельского корреспондентского комитета 30 марта 1846 года вспыхнула дискуссия о характере литературы для коммунистической пропаганды в Германии. Вейтлинг предложил печатать его книги, ссылаясь на то, что они, призывая рабочих к непосредственной борьбе за коммунизм, «важнее для общего дела, чем критика и кабинетные анализы доктрин», имея при этом в виду теоретические работы Маркса и Энгельса. В ответ на это Маркс заявил, что обращаться к рабочим «без строго научной идеи и положительного учения равносильно пустой и бесчестной игре в проповедники, при которой, с одной стороны, полагается вдохновенный пророк, а с другой — допускаются только ослы, слушающие его, разинув рот... Люди без положительной доктрины ничего не могут сделать, да и ничего не сделали до сих пор, кроме шума, вредных вспышек и гибели самого дела...» [1]. Маркс подверг критике утопические предложения и волюнтаристские призывы Вейтлинга, непонимание им закономерностей общественного развития, указав, что назревающая в Германии революция будет буржуазной и об осуществлении коммунизма в ближайшее время не может быть и речи [2].

Комитет встал на сторону Маркса и Энгельса. О происшедшем вскоре разрыве с Вейтлингом и причинах разрыва Брюссельский корреспондентский комитет информировал связанных с ним деятелей движения. Большинство из них, в частности руководители Союза справедливых — Шаппер в Лондоне, Эвербек в Париже, одобрили действия Брюссельского комитета. Окончательно вейтлингианство обнаружило свою несостоятельность и утратило значение в ходе революции 1848—1849 годов.

---

[1] Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе. 2-е изд. М., 1983, ч. 2, с. 7.
[2] См.: Союз коммунистов. 1836—1849: Сборник документов, с. 99, 100.

Борьба с «истинным социализмом»

Другим идейным течением, приобретшим значительное влияние на рабочих и особенно на интеллигентов, был «истинный социализм». Страшась развития капитализма и роста пролетариата, пытаясь отстаивать не классовые интересы, а «интересы человека вообще, человека, который не принадлежит ни к какому классу и вообще существует не в действительности, а в туманных небесах философской фантазии» [1], «истинный социализм», как проявление мелкобуржуазной оппозиционности, мог дезориентировать пролетарское движение. Его нужно было идейно развенчать.

Борьбе с «истинным социализмом» Маркс и Энгельс придавали столь большое значение, что посвятили этому полностью второй том «Немецкой идеологии», о которой говорилось выше. Однако «Немецкую идеологию» не удалось опубликовать. Развернутое выступление Маркса и Энгельса специально против «истинного социализма» было связано с обсуждением на заседании Брюссельского коммунистического корреспондентского комитета 11 мая 1846 года деятельности Германа Криге [2].

Криге был журналистом, членом Союза справедливых. С января 1846 года он редактировал в Нью-Йорке еженедельную газету на немецком языке «Der Volks-Tribun» («Народный трибун»), которая распространялась среди немецких рабочих не только в США, но также в Лондоне и в Германии. При этом защиту ряда буржуазно-демократических требований, а также различные филантропические призывы Криге выдавал за выражение коммунизма. В постановлении Брюссельского комитета («Циркуляр против Криге») указывалось, что тенденция, проводимая в газете, не является коммунистической, а напыщенный способ изложения компрометирует коммунистов, что фантастические сентиментальные бредни Криге «оказали бы в высшей степени деморализующее влияние на рабочих, если бы они были ими приняты» [3].

В постановлении комитета было показано, что Криге трактовал коммунизм вне связи с действительными общественными отношениями, с классовой борьбой и превращал его в проповедь абстрактной, всечеловеческой любви. Криге объявлял коммунистической призрачную мещанскую мечту, которая, по существу, сводилась к желанию превратить всех людей в частных собственников.

«Циркуляр против Криге» был разослан корреспондентским комитетам и опубликован по требованию Брюссельского комитета в

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии.— Соч., т. 4, с. 452.

[2] Первым печатным (но только попутным) выступлением против «истинного социализма» были введение и заключение Энгельса к выполненному им переводу «Отрывка из Фурье о торговле», написанные осенью 1845 года и опубликованные летом 1846 года.

[3] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 1.

газете самого Криге. Кроме того, хотя и с некоторыми искажениями, он был напечатан в Германии в журнале «Das Westphälische Dampfboot» («Вестфальский пароход»). В результате влияние «истинного социализма» было существенно поколеблено. Вейдемейер в Вестфалии, Эвербек в Париже и некоторые другие участники движения, ранее в некоторой степени поддавшиеся увлечению «истинным социализмом», стали отходить от него. Упал авторитет Криге и среди немецких эмигрантов в Нью-Йорке. Но «Циркуляр против Криге» явился лишь началом борьбы с «истинным социализмом»; основная борьба была впереди.

В августе 1846 года в этих целях, для укрепления связей с парижскими общинами Союза справедливых и проведения линии Брюссельского комитета, в Париж направился Энгельс. Установив контакт с Эвербеком и другим деятелем Союза — рабочим Адольфом Фридрихом Юнге, он начал энергичную наступательную кампанию прежде всего против «истинного социализма», проповедником которого в Париже выступал Карл Грюн, а также против реформистских утопий Прудона, которыми Грюн обильно насыщал свою проповедь. Идеи Прудона были подняты на щит «истинными социалистами» не случайно: их роднили отказ от революционных методов борьбы, мелкобуржуазные утопические иллюзии о возможности избежать развития крупной капиталистической промышленности, враждебность идее самостоятельного рабочего движения. В Париже Энгельс познакомился с прудоновскими проектами учреждения системы обмена между мелкими производителями, которые в письме Марксу назвал *«совершенно беспредельной нелепостью»* [1].

На еженедельных собраниях активистов парижских общин Союза (самыми деятельными среди них были столяры-мебельщики), а также в беседах с отдельными членами организации Энгельс разъяснял бессмысленность слащавых рассуждений и нереалистичность программ Грюна, заимствованных у Прудона. «Главное, что приходилось мне доказывать,— сообщал Энгельс 23 октября 1846 года Брюссельскому корреспондентскому комитету,— это — необходимость насильственной революции и вообще антипролетарский, мелкобуржуазный, филистерский характер грюновского «истинного социализма», почерпнувшего новые жизненные силы в прудоновской панацее» [2].

Полемизируя с «истинными социалистами», Энгельс столкнулся с необходимостью дать определение сути коммунизма. Не выходя из рамок обсуждавшихся спорных вопросов, он в качестве основного принципа коммунизма выделил утверждение общности имущества, то есть общественной собственности. При этом Энгельс сформулировал следующие задачи коммунистов: «1) отстаивать интересы пролетариев в противоположность интересам буржуа;

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 27, с. 48.
[2] Там же, с. 59.

2) осуществить это посредством уничтожения частной собственности и замены ее общностью имущества; 3) не признавать другого средства осуществления этих целей, кроме насильственной демократической революции»[1]. Это определение обобщало положительные идеи, которые высказывались в Союзе справедливых и ранее.

В дискуссионных схватках с приверженцами Грюна Энгельс одержал решительную победу: когда после споров, обсуждений и разъяснительных бесед Энгельс предложил собравшимся выявить свое отношение к коммунизму, собрание 13 голосами против двух объявило себя коммунистическим в духе определения коммунизма, сформулированного Энгельсом.

Продолжением борьбы против «истинного социализма» явилось распространение во второй половине октября 1846 года Брюссельским корреспондентским комитетом второго циркуляра против Криге (вскоре после чего газета Криге перестала выходить), а также публикация в 1847 году в виде отдельной статьи главы «Немецкой идеологии», написанной Марксом, и очерков Энгельса «Немецкий социализм в стихах и прозе», содержащих критику сочинений Грюна.

Все это уже существенно подорвало влияние «истинного социализма» на рабочее движение и его деятелей, в частности на таких руководителей Союза справедливых, как Шаппер, Молль, Бауэр.

Разоблачение реформистских взглядов Прудона

Практическая агитационно-разъяснительная работа Энгельса в Париже показала, что воззрения Прудона, получившие к тому времени известное распространение среди рабочих, являлись серьезным препятствием для идейно-политической консолидации революционных сил пролетарского движения. А между тем рабочее движение явственно проявляло тенденцию к политической самостоятельности. В условиях нараставшего в странах Западной Европы революционного брожения идеи Прудона отвлекали рабочих от политической борьбы, отчуждали рабочее движение от коммунистических и революционно-социалистических деятелей, мешали их сближению, внушали рабочим, у которых еще были сильны мелкобуржуазные иллюзии, что капитализм можно исправить путем «разумных реформ». Цельным изложением оформившихся мелкобуржуазных взглядов Прудона явилась, как уже говорилось, вышедшая в конце 1846 года «Философия нищеты», в которой он выступил с критикой революционной демократии и пролетарского коммунизма, отрицал классовую борьбу в буржуазном обществе. Перед Марксом и Энгельсом встала задача защитить идею коммунизма и дать бой реформистским идеям Прудона. Это и было сделано Марксом в книге «Нищета философии», мировоззренческое содержание которой изложено выше.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 27, с. 60.

Круг вопросов, рассмотренных Марксом в этом произведении, определялся прежде всего потребностями революционной борьбы пролетариата. Поэтому, давая отповедь Прудону, показывая теоретическую несостоятельность его как экономиста и философа, а тем более — как выразителя интересов рабочего движения предреволюционной поры, Маркс в «Нищете философии», кроме рассмотренных выше философских и экономических вопросов, составивших вклад в создание основ научного пролетарского мировоззрения, сформулировал также комплекс идей, относящихся к теории научного коммунизма, истории и теории рабочего движения, к стратегии и тактике классовой борьбы пролетариата и его авангарда — политической партии.

Маркс показал, в противовес Прудону, что именно борьба в обществе между антагонистическими классами создает движение, которое образует историю. Буржуазное общество отчетливо воплощает в себе эту общую тенденцию развития. В процессе развития капитализма буржуазия превращается в консервативный класс, а интересы прогресса выражает пролетариат, лишенный в буржуазном обществе собственности и политических прав.

Мелкобуржуазной идее равенства мелких производителей и представлению, будто пролетариат является продуктом разложения общества, Маркс противопоставил идею уничтожения классов в результате борьбы пролетариата против буржуазии. Он отметил роль профессиональных объединений и стачечной борьбы рабочих в подготовке пролетариата к революционному натиску на капиталистический строй. Большинство социалистов-утопистов отвергало как политическую, так и экономическую борьбу рабочих, будто бы отвлекающую силы от осуществления реформистских проектов социальных преобразований. И Прудон, следуя этой традиции, пытался экономически обосновать нецелесообразность стачечной борьбы, в частности за повышение заработной платы, бесперспективность профессиональных объединений рабочих. Полемизируя с Прудоном, Маркс объяснил, что в условиях, когда капиталисты постоянно стремятся разобщить рабочих, расколоть их единство, объединение рабочих имеет целью устранить конкуренцию между рабочими, чтобы они были в состоянии общими силами бороться с капиталистами, сообща отстаивать свои интересы (заработная плата, условия труда и др.) [1]. Стачечная же борьба и профсоюзная активность неуклонно развивают классовое сознание рабочих. Это с достаточной очевидностью показали чартистское движение в Англии и возникновение в тот период массовых профессиональных объединений рабочих — тред-юнионов. Мирная стачечная борьба рабочих неизбежно выливается в острые столкновения с буржуазией и охраняющими ее господство властями. Экономическая борьба рабочих при этом с необходимостью, закономерно становится и политической. «В этой борьбе,— писал Маркс,— настоящей гражданской войне — объединяются и развиваются все элементы для

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 183.

грядущей битвы. Достигши этого пункта, коалиция (т. е. объединение рабочих.— *Ред.*) принимает политический характер» [1], становится политической организацией.

Господство капитала, равнодушие и жестокость эксплуататоров-капиталистов по отношению к рабочим создали для массы пролетариев одинаковое положение и общие интересы. Рабочая масса становится классом по отношению к капиталу, но еще не осознает себя в качестве класса. В ходе же стачечной борьбы создается сплочение, единство рабочих, возникают их союзы и объединения, направленные против уже не отдельных буржуа, а всей буржуазии. В борьбе, указал Маркс, пролетариат «конституируется как класс для себя». Защищаемые им интересы становятся классовыми, направленными против капитализма, его борьба — политической, ибо «борьба класса против класса есть борьба политическая» [2].

Политическая борьба пролетариата против буржуазии имеет целью освобождение от эксплуатации и угнетения. И если «существование угнетенного класса составляет жизненное условие каждого общества, основанного на антагонизме классов», то «освобождение угнетенного класса необходимо подразумевает... создание нового общества» [3]. Для уничтожения же капиталистического строя и создания социализма требуется классовая борьба, которая, «будучи доведена до высшей степени своего напряжения, представляет собой полную революцию» [4].

В классовом обществе социальные процессы приобретают политический характер, а политические движения всегда решали социальные задачи. «Никогда,— писал Маркс,— не бывает политического движения, которое не было бы в то же время и социальным» [5]. Социальные преобразования осуществляются в ходе политических революций. «Только при таком порядке вещей, когда не будет больше классов и классового антагонизма, *социальные эволюции* перестанут быть *политическими революциями*» [6]. А до тех пор для всеобщего переустройства общества необходима решительная, революционная борьба.

Маркс показал, что, в противовес деятельности буржуазных ученых — защитников капитализма, в буржуазном обществе возникают социалистические и коммунистические теории, выражающие интересы угнетенного класса — пролетариата. Пока борьба пролетариата с буржуазией выступает в неразвитых формах, не имеет еще политического характера, писал Маркс, создатели этих теорий являются утопистами; они, «чтобы помочь нуждам угнетенных классов, придумывают различные системы и стремятся

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 183.
[2] Там же.
[3] Там же, с. 184.
[4] См. там же.
[5] Там же, с. 185.
[6] Там же, с. 183.

найти некую возрождающую науку... До тех пор, пока они ищут науку и только создают системы, до тех пор, пока они находятся лишь в начале борьбы, они видят в нищете только нищету, не замечая ее революционной, разрушительной стороны, которая и ниспровергнет старое общество»[1]. По мере же того как развиваются материальные условия общества, его производительные силы, общественные отношения, возникает подлинно научная теория коммунизма. Как только коммунизм становится наукой и начинает изучать реальные процессы действительности, он неизбежно приходит к раскрытию роли и значения революционной борьбы масс. А «раз замечена эта сторона, наука, порожденная историческим движением и принимающая в нем участие с полным знанием дела, перестает быть доктринерской и делается революционной»[2].

Именно эта наука — теория коммунизма — показывает, что капитализм идет к своей неизбежной гибели, ибо, сделав предметом обмена и торговли не только материальные продукты производства, но и духовные ценности — убеждения, знание, добродетель, любовь, совесть, он становится обществом всеобщей продажности, всеобщей коррупции[3], обществом антигуманным, античеловечным в самой своей сущности.

Коммунисты являются теоретиками класса пролетариев, писал Маркс, а ставший наукой коммунизм — учением о его освобождении и построении нового общества[4]. Задача рабочего класса — «уничтожение всех классов»; цель его борьбы — создание ассоциации, которая «исключает классы и их противоположность; не будет уже никакой собственно политической власти, ибо именно политическая власть есть официальное выражение противоположности классов внутри буржуазного общества»[5].

Эти положения вносили важный элемент в научную характеристику коммунистического строя.

Книга «Нищета философии», увидевшая свет в начале июля 1847 года, сыграла важную роль в идейной подготовке создания пролетарской партии. Как подчеркнул Энгельс в беседе с Луи Бланом, книга эта стала для единомышленников Маркса и Энгельса своеобразной программой[6]. Фердинанд Вольф написал на книгу Маркса обстоятельную рецензию, где изложил ее основные положения и привел из нее большие выдержки. Это было тем более важно, что рецензия, опубликованная в немецком журнале «Das Westphälische Dampfboot», сделала идеи Маркса доступными для передовых немецких рабочих, не владевших французским языком, на котором Маркс написал свою книгу.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 146.
[2] Там же.
[3] См. там же, с. 73.
[4] См. там же, с. 146.
[5] Там же, с. 184.
[6] См.: Энгельс — Марксу, 25—26 октября 1847 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 27, с. 92.

Таким образом, разрабатывая и обосновывая научный коммунизм, выступая с его устными, письменными и печатными разъяснениями, убеждая участников немецкого и международного рабочего движения в правильности, действенности, силе своего учения, добиваясь усвоения рабочими подлинно классовых представлений о революционных целях и задачах и одновременно раскрывая несостоятельность и вредность вейтлингианства, «истинного социализма» и прудонизма, Маркс и Энгельс создавали предпосылки для объединения передовых пролетарских борцов на идейной основе нового, научного мировоззрения. К Марксу и Энгельсу потянулись лучшие силы рабочих организаций и социалистов того времени. Это было большим успехом.

Важным шагом на пути к цели явилась переписка Маркса и Энгельса с Лондонским коммунистическим корреспондентским комитетом, в состав которого, как уже отмечалось, входили руководящие деятели Союза справедливых К. Шаппер, И. Молль, Г. Бауэр. Эта переписка, имевшая идейно-политическое содержание, побудила руководителей Союза справедливых пригласить Маркса и Энгельса принять участие в реорганизации Союза и составить для него новую программу. 20 января 1847 года в Брюссель к Марксу и затем в Париж к Энгельсу руководством Союза справедливых был направлен Молль. «Если мы пожелаем вступить в Союз,— передавал Энгельс общий смысл сделанного им предложения,— то нам дана будет возможность изложить на конгрессе Союза наш критический коммунизм в виде манифеста, который после этого будет опубликован как манифест Союза; вместе с тем мы будем иметь возможность содействовать замене устарелой организации Союза новой, более целесообразной и соответствующей условиям времени» [1].

Готовность к перестройке и переориентации, которую проявили члены Союза справедливых, позволила Марксу и Энгельсу на основе этой рабочей организации начать создание революционной партии. Немалое значение имел при этом интернациональный характер Союза, охват им наиболее сознательных, политически развитых рабочих в ряде стран Европы (в Союз справедливых входило примерно 400—500 человек, но еще большее число рабочих находилось под его влиянием). Поэтому Маркс и Энгельс вступили в Союз.

Результаты этого шага сказались в деятельности Союза справедливых незамедлительно. Уже Обращение руководства Союза к членам организации в феврале 1847 года отражало прямое влияние Маркса и Энгельса. Обращение было пронизано сознанием исторической миссии рабочего класса, пролетарским интернациона-

[1] *Энгельс Ф.* К истории Союза коммунистов.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 223.— Слова Энгельса не следует понимать так, будто в переговорах с Моллем была согласована даже форма, в которой должно было последовать изложение коммунистической программы. Форма манифеста для нее была избрана позднее.

лизмом, партийностью. «...Мы должны,— говорилось в нем,— приложить все силы, чтобы как следует организовать нашу партию. Только при помощи пролетариата Европы человечество сможет добиться своего освобождения. Поэтому наш священный долг — организовать наши боевые силы...» [1] В своем Обращении руководители Союза впервые безоговорочно признали непригодность «истинного социализма» и решительно осудили заговорщические, сектантские тенденции в среде пролетарских революционеров.

2. СОЮЗ КОММУНИСТОВ — ПЕРВАЯ РЕВОЛЮЦИОННАЯ ПАРТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРОЛЕТАРИАТА. ПЕРВЫЕ ШАГИ В ПОДГОТОВКЕ ПАРТИЙНО-ПРОГРАММНОГО ДОКУМЕНТА МАРКСИЗМА

Основание Союза коммунистов

2—9 июня 1847 года в Лондоне состоялся конгресс Союза. Энгельс приехал на него делегатом парижских общин, Маркс прибыть в Лондон не смог; от брюссельских коммунистов был делегирован В. Вольф, ближайший соратник и друг Маркса и Энгельса. Вся работа конгресса и его документы свидетельствовали о торжестве в Союзе идейного руководства Маркса и Энгельса.

Конгресс рассмотрел положение дел на местах и в центре. Было одобрено исключение из Союза парижскими общинами нескольких рьяных приверженцев Грюна. Конгресс единогласно исключил из Союза Вейтлинга и парижских вейтлингианцев. Эти меры существенно подрывали остатки утопизма и сектантства в среде членов Союза. Затем конгресс приступил к реорганизации Союза. Прежнее наименование общества — Союз справедливых — было заменено на новое, более соответствующее его цели,— Союз коммунистов, в связи с чем конгресс вошел в историю как I конгресс Союза коммунистов. Был принят новый устав. Он открывался лозунгом-девизом, подчеркивавшим классовый и интернациональный характер Союза коммунистов: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» [2]. Новый призыв сменил девиз Союза справедливых «Все люди — братья». Впервые новый лозунг был напечатан на обложке пробного номера журнала «Kommunistische Zeitschrift» («Коммунистический журнал»), выпущенного Союзом коммунистов в начале сентября 1847 года. Так впервые был провозглашен один из основополагающих принципов революционного рабочего движения — принцип пролетарского интернационализма.

Устав Союза коммунистов был освобожден от заговорщическо-сектантских положений. В основу организационного строения Союза и внутрисоюзной деятельности были положены принципы демократизма и централизма. Решительно отличаясь от прежних

[1] Союз коммунистов — предшественник I Интернационала: Сборник документов. М., 1964, с. 130.

[2] См.: Устав Союза коммунистов.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 397 (приложения).

организационных установок тайных обществ, эти принципы поднимали революционный пролетарский союз с уровня секты на уровень политической партии рабочего класса. С этого времени принципы демократизма и централизма являются важнейшими организационными устоями революционных партий рабочего класса всех стран.

В соответствии с новым уставом Союз образовал общины, объединенные в округа. Каждая община избирала председателя и его помощника, а все эти выборные лица составляли окружной комитет. Один из округов, по определению конгресса, избирал Центральный комитет, который отчитывался перед конгрессом, а местопребыванием имел данный округ. Все должностные лица Союза были, таким образом, выборными. Для низших звеньев Союза решения высших его инстанций были обязательны.

В Союз мог быть принят каждый, кто признавал принципы Союза и был готов вступить в одну из его общин. Эти уставные требования предусматривали, что среди членов Союза «*нет* таких, для кого интересы коммунистической партии, свержение буржуазии и победа общности не являются самым кровным, самым дорогим делом» [1].

Перестройка Союза была началом его превращения в революционную партию рабочего класса и реализовала одно из двух основных условий происходившего соединения научного коммунизма с рабочим движением. Другим условием, имевшим величайшее историческое значение, была выработка марксистской программы Союза. Этот пункт был следующим в работе конгресса — вопрос о «символе веры» Союза коммунистов.

Предтеча Союза коммунистов — Союз справедливых после первых дискуссий по теоретическим и программным вопросам, а затем обсуждения в 1838 году написанной по его поручению В. Вейтлингом брошюры «Человечество как оно есть и каким оно должно быть», которая учла коллективный обмен мнениями во время предварительных дискуссий, принял в качестве своего основного программного принципа «общность имущества». При этом было признано, что эта «общность имущества» может быть осуществлена путем насильственной революции трудящихся классов, составляющих подавляющее большинство народа, против имущих классов — богатых тунеядцев [2]. То был «грубоватый, плохо отесанный, чисто инстинктивный вид коммунизма» [3], обладавший, однако, благодаря указанным идеям, известной четкостью содержания и классовой определенностью.

Этот коммунизм Союза справедливых, не имевший научного теоретического обоснования, был подвержен разного рода влияниям. В этом отношении он разделял судьбу французского рабочего коммунизма. Сталкиваясь

---

[1] См.: Циркулярное письмо Первого конгресса Союза коммунистов — членам Союза, июнь 1847.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 413 (приложения).

[2] См.: Союз коммунистов. 1836—1849: Сборник документов, с. 58—60, 324—325.

[3] См.: *Энгельс Ф.* Предисловие к английскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» 1888 года.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 367. См. также: *Энгельс Ф.* Предисловие к немецкому изданию «Манифеста Коммунистической партии» 1890 года.— Там же, т. 22, с. 62.

с мирно-реформаторскими идеями, «истинным социализмом» и иными системами, он терял свои первоначальные принципиальные позиции. Вейтлинг в роли идейного вождя становился все более неприемлем и для парижского и для лондонского актива Союза. Начались интенсивные идейные искания, разбивавшие прежнюю сплоченность Союза. Эвербек и Мёйрер в Париже стали приверженцами Кабе. Шаппер, Бауэр и Молль в Лондоне заинтересовались учениями Фурье и Оуэна. Позже они, как и Эвербек, возлагали надежды на учение Фейербаха. «Различные фазы, через которые проходила немецкая философия в период с 1839 по 1846 г.», констатировал Маркс, находили в среде Союза справедливых «самых страстных последователей» [1].

Идейный разброд стал очевиден в 1844 году, когда в Союзе справедливых развернулись дебаты по основным вопросам движения. Постепенно в поисках выхода из лабиринта сомнений у лондонских деятелей Союза созрел план провести последовательное, по пунктам, обсуждение проблем, относящихся к принципам и целям движения. Когда Вейтлинг летом 1844 года прибыл в Лондон, Шаппер, Бауэр и Молль воспользовались его приездом для организации задуманной ими дискуссии. Вейтлинг подготовил более 20 вопросов, и с февраля 1845 по январь 1846 года в лондонском Просветительном обществе немецких рабочих шло их обсуждение. Наибольшее внимание привлекли вопросы о сущности, путях и средствах осуществления коммунизма, о теоретических основах и субъекте коммунистического движения.

Это показывает, что для преодоления идейного кризиса в Союзе справедливых требовалось выяснить весьма серьезные проблемы, разрешение которых на уровне «инстинктивного» коммунизма оказалось невозможным. Несомненное значение лондонской дискуссии 1845—1846 годов заключалось в том, что она показала недостатки вейтлингианства и других систем — Фурье, Кабе, Оуэна. Была предпринята также попытка найти опору в учении Фейербаха (обсуждалась его работа «Религия будущего») [2]. Активисты Союза справедливых начинали понимать, что нужен научно обоснованный коммунизм и что собственными силами разработать его они не сумеют.

Об уровне представлений, к которому в 1845 году пришли лондонские активисты Союза справедливых, свидетельствуют некоторые их высказывания во время дискуссии. Так, Молль высказал мысль, что все происходившие ранее революции совершались в интересах лишь меньшинства. Г. Бауэр говорил, что коммунизм, видимо, возникнет сначала не во всех странах, будет иметь свою историю и лишь впоследствии распространится повсюду. Это противостояло представлениям Вейтлинга, что коммунизм можно ввести почти повсеместно и незамедлительно. Бауэр считал также, что для достижения коммунизма необходимо «насильственное свержение старого порядка». Это была прямая ориентация на революцию. Шаппер доказывал, что в Германии сначала выступит буржуазия; тогда, говорил он, «на заднем плане встанем мы, пролетарии, и сделаем это лучше, чем французы в 1830 году». Когда Вейтлинг высказался в том духе, что революционные идеи могут воспринять и легко воспламеняющиеся молодежь, женщины, а также деклассированные элементы, Бауэр решительно возразил: «Нет! Революцию сделают рабочие». Карл Пфендер и Альберт Леман его поддержали. Леман сказал: «Давайте возьмем пример с ученых и обратим наш взор на фабричные города». В этих суждениях можно обнаружить идейное влияние книги Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» [3].

Рост политической сознательности членов Союза справедливых

[1] См.: *Маркс К.* Господин Фогт.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 14, с. 450.

[2] См.: Союз коммунистов. 1836—1849: Сборник документов, с. 82.

[3] Der Bund der Kommunisten: Dokumente und Materialien. Bd. 1. 1836—1849. Berlin, 1970, S. 213—238. См. также: Союз коммунистов. 1836—1849: Сборник документов, с. 72—82.

объективно подготовил принятие на I конгрессе Союза коммунистов программного документа. Этот документ давал ответы на вопросы, которые волновали членов Союза и были сформулированы в ряде его материалов; и по своему содержанию — как программный,— и по форме он отвечал настроениям и стремлениям членов Союза и был обусловлен предшествующими идейными исканиями пролетариев-коммунистов. Он оказался возможным благодаря тому, что встретились стихийное рабочее движение, передовой отряд которого ощущал настоятельную потребность в научной теории освободительной борьбы, и шедшие ему навстречу Маркс и Энгельс, воплощавшие в себе коммунистическую науку.

Проект программного документа

Программный документ I конгресса — проект «Коммунистического символа веры» (обнаруженный в 1968 г.) написан Энгельсом. Он был разослан общинам Союза для дальнейшего обсуждения и для дополнений. Проект предельно краток и является наброском будущего окончательного документа. В нем воплощена первая попытка представить в едином комплексе важнейшие принципы и программные задачи коммунистов как организационно оформленной партии [1].

Проект «Коммунистического символа веры» написан в форме катехизиса: в нем 22 вопроса с ответами. Они охватывают проблемы, составившие позже предмет первых двух разделов «Манифеста Коммунистической партии». Их изложение дано на основе общих установок, которые были определены Циркулярным письмом конгресса, составленным при очевидном участии Энгельса. Эти установки требовали: «держаться подальше от всякого изобретения систем и всякого казарменного коммунизма», «отмежеваться от жалкой и пошлой болтовни о любви и слезливого умиления некоторых коммунистов», «постоянно принимать во внимание общественные отношения, которые только и порождают коммунизм», «всегда сохранять твердую почву под ногами» [2].

Начальные пункты проекта провозглашали намерение коммунистов уничтожить частную собственность, место которой должна

---

[1] Набросок программного документа создавался как выражение взглядов не только лично Энгельса, а всего Союза коммунистов. Поэтому Энгельс не мог в нем не идти навстречу мнениям большинства участников конгресса, когда они были настоятельны, даже если эти мнения не вполне соответствовали его и Маркса позициям. Отсюда несколько положений (например, по вопросам 4, 5 и др.), которые на последующих этапах подготовки программного документа были опущены. Здесь проводился (четко сформулированный позднее) следующий принцип Маркса и Энгельса: «...участвовать во всяком действительно всеобщем движении рабочего класса, принимая его фактическую точку отправления такой, какова она есть, и постепенно поднимать его на уровень теории» (Энгельс — Флоренс Келли-Виштневецкой, 28 декабря 1886 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 36, с. 497).

[2] См.: Циркулярное письмо Первого конгресса Союза коммунистов — членам Союза, июнь 1847,— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 411 (приложения).

занять общность имущества[1] (пункт 3). Эта мера утверждалась не как благое пожелание, а как необходимость, связанная с исторически достигнутым уровнем развития производительных сил и массы жизненных средств и с возможностью их неограниченного увеличения в дальнейшем в ходе экономического прогресса общества (пункт 4). Достижение коммунистических целей проект связывал с активностью пролетариата (пункт 6). Так коммунизм ставился на реальную почву — истории, экономики, классовой структуры общества, понимался как историческая необходимость.

В последующих пунктах было дано определение пролетариата (пункт 7), показано его формирование как непосредственно противостоящего буржуазии класса в результате введения машин и утверждения фабричной системы промышленного производства (пункт 9), обрисованы отличия пролетария от раба, крепостного и ремесленника (пункты 10—12). Тем самым Энгельс ввел в изложение некоторые основные представления, характеризующие классовую и экономическую анатомию буржуазного общества, пояснил, что пролетариат является не случайным образованием, не социальным бедствием, которое следует устранить, как это считали утописты, а закономерным продуктом общественного развития, одним из основных классов буржуазного общества, занимающим в нем особое положение и имеющим специфические классовые черты. На этой основе Энгельс сделал выводы, раскрывающие всемирно-историческую миссию рабочего класса. Пролетарий, говорилось в проекте, «может освободить себя, только упразднив *собственность вообще*», он «освобождает себя тем, что уничтожает собственность, конкуренцию и все классовые различия»[2].

В этой же связи была дана характеристика сознательному коммунистическому движению как движению именно пролетариата: внимание направлялось на объективную историческую обусловленность коммунизма, на его связь с существованием и социальной деятельностью пролетариата. «Коммунизм,— писал Энгельс,— возник только тогда, когда машины и другие изобретения сделали возможной для всех членов общества перспективу всестороннего образования, счастливого существования. Коммунизм есть учение об освобождении, которое было невозможно для рабов, крепостных или ремесленников, а стало возможно только для пролетариев, и поэтому он неизбежно принадлежит девятнадцатому столетию и был невозможен когда-либо в прежние времена»[3] (пункт 13).

Таким образом, объяснение коммунизма и его связи с проле-

[1] В проекте «Коммунистического символа веры» прежнее представление об общности имущества еще не вытеснено вполне научным представлением об общественной собственности, хотя последнее уже введено в оборот в пункте 18.

[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 42, с. 357.— Под упразднением или уничтожением «собственности вообще» в данном случае, как явствует из пункта 18, имелось в виду обращение частной собственности в собственность общественную.

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 42, с. 358.

тариатом строилось не как произвольное конструирование «самой совершенной системы», а как научное, историко-материалистическое отображение объективно необходимых процессов. На той же методологической основе были рассмотрены затем проблема необходимости и закономерности революции и программа мероприятий, обязательных в ходе революционного преобразования общества.

Отвергая тактику заговоров как вредную, Энгельс подчеркивал, что «революции нельзя делать предумышленно и по произволу», что они «везде и всегда являются необходимым следствием обстоятельств, которые вовсе не зависят от воли и руководства отдельных партий, равно как и целых классов» [1] (пункт 14). Эти слова были направлены против волюнтаризма и беспочвенных мечтаний бланкистов, вейтлингианцев и иных утопистов, подчеркивали закономерный характер революций. Но Энгельс не проповедовал и фатализма; далее в тексте говорилось о готовности коммунистов защищать свое дело действием не хуже, чем словом. Энгельс признавал плодотворными только такие действия, только такую активность классов, партий, а также отдельных людей, которые не идут вразрез, а сообразуются с объективными условиями общественной жизни.

Перечисляя революционные преобразования, Энгельс прежде всего указал на «политическое освобождение пролетариата путем установления демократического государственного устройства» [2] (пункт 16). Эта еще несовершенная формулировка в дальнейшем подверглась уточнению, развитию. Реальное содержание «политического освобождения пролетариата» выявляется в перечне конкретных революционных мероприятий. Это — ограничение частной собственности, которое «подготовляет постепенное превращение ее в общественную собственность» [3]; предоставление рабочим работы в национальных мастерских и фабриках, а также в национальных имениях; воспитание детей на государственный счет [4] (пункты 18—19).

Последние пункты проекта «Коммунистического символа веры» касались семьи, национальностей и религии в революционно-преобразуемом обществе. Отмечалось, что в дела семьи общество будет вторгаться «лишь в той мере, в какой сохранение существующих форм стало бы препятствовать новому общественному строю» (пункт 20), что национальные черты народов «неизбежно будут смешиваться и таким образом исчезнут» (пункт 21),

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 42, с. 358.

[2] См. там же, с. 359.

[3] См. там же.

[4] Сравнение этой программы (которая в дальнейшем многократно уточнялась и детализировалась) с программой, которую Энгельс намечал в первой из «Эльберфельдских речей» 8 февраля 1845 года, показывает, насколько за два с небольшим года революционно-коммунистические представления Энгельса стали более зрелыми.

что все когда-либо существовавшие религии «являлись выражением исторических ступеней развития отдельных народов или народных масс. Коммунизм же является той ступенью исторического развития, которая делает излишними и снимает (aufhebt) все существующие религии»[1] (пункт 22). Таким образом, провозглашалось, что в сферах семейных отношений, национальных особенностей народов и религии коммунисты считают целесообразным довериться во многом собственной логике развития явлений, предвидя, что в новых исторических условиях эти явления неизбежно претерпят существенные изменения.

Таково содержание проекта «Коммунистического символа веры» — первого программного документа, написанного одним из основоположников марксизма от имени формировавшейся революционной партии рабочего класса. При всей эскизности в этом документе органически сочетался объективный анализ социальной действительности, особенно общественного положения рабочего класса, с обоснованием классовых интересов, программных целей и революционно-преобразующей миссии пролетариата. Эти черты стали обязательными для всех последующих марксистских партийных программных документов. Тем, что проект «Коммунистического символа веры» был самым первым таким документом, определяется его место в истории марксизма и революционного рабочего движения.

Обсуждение проекта «Коммунистического символа веры» после I конгресса Союза коммунистов встало в центр состоявшихся дискуссий, отразивших благотворные преобразования внутри Союза. Проект вооружил членов Союза коммунистов новыми аргументами в их выступлениях в защиту коммунизма и пролетарской партийности[2].

Общий итог I конгресса Союза коммунистов состоял в том, что он положил начало соединению рабочего движения с научным коммунизмом, марксизмом: зарождалась первая революционная марксистская партия рабочего класса.

Борьба за сплочение революционных сил

После конгресса Маркс и Энгельс с удвоенной энергией продолжили работу по идейному и организационному сплочению пролетарских революционеров — теперь уже в рядах Союза коммунистов, вокруг него. Соратники Маркса и Энгельса (среди них — большинство актива корреспондентских комитетов) вошли в Союз

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 42, с. 359—360.

[2] Его влияние сказалось, в частности, на брошюре наборщика Стефана Борна «Государство Гейнцена», а также на опубликованных в пробном номере «Kommunistische Zeitschrift» статьях «Пролетарии!» и «Прусский ландтаг и пролетариат в Пруссии, как и в Германии вообще» (первая была написана, по-видимому, Шаппером, вторая — В. Вольфом). Содержание проекта воспроизведено и в брошюре Пера Йётрека «О пролетариате и его освобождении благодаря истинному коммунизму». (См.: Der Bund der Kommunisten: Dokumente und Materialien. Bd. 1. 1836—1849, S. 503—508, 511—521, 558—566).

коммунистов. 5 августа 1847 года Маркс вместе с приехавшим из Парижа Энгельсом реорганизовал существовавшую в Брюсселе общину, разделив ее на две, составил и возглавил окружной комитет Союза. В состав окружного комитета кроме Маркса вошли В. Вольф, Ф. Жиго, А. Юнге. Брюссельский окружной комитет не только руководил бельгийскими общинами, но практически оказывал направляющее влияние на деятельность всего Союза коммунистов. Затем по образцу лондонского Просветительного общества немецких рабочих Маркс и Энгельс в конце августа основали Немецкое рабочее общество в Брюсселе, которое стало центром объединения пролетарских революционных сил в Бельгии и, по существу, легальным филиалом Союза коммунистов. Маркс и Энгельс неоднократно выступали в нем перед рабочими; яркие обзоры текущих событий еженедельно делал В. Вольф. Просветительные общества с библиотеками, кружками, курсами общеобразовательных и политических знаний стали возникать и вокруг других общин Союза, что позволяло вести революционную пропагандистско-политическую работу среди передовых рабочих.

Расширяя связи Союза коммунистов с рабочими, Маркс и Энгельс вместе с тем содействовали и консолидации общедемократического движения. Их тактическая линия заключалась в следующем: коммунисты должны полностью освободиться от сектантской узости и поддерживать демократов, их прогрессивные начинания, так как это помогает созданию условий, облегчающих борьбу революционного пролетариата. Однако пролетарская партия не должна растворяться в общедемократическом движении, не должна терять своего классового лица, отказываться от критического отношения к союзникам и отступать от собственной программы.

Руководствуясь этими принципами, Маркс и Энгельс в сентябре — ноябре 1847 года приняли участие в создании международной Демократической ассоциации в Брюсселе, схожей по задачам с обществом «Братские демократы» в Лондоне. Маркс стал вице-председателем Ассоциации. Во многом именно благодаря Марксу Ассоциация установила связи с демократами ряда стран Европы и содействовала их сближению. Заметную роль она играла в объединении бельгийских демократов, в возбуждении у них революционных настроений. Демократическая ассоциация расширяла возможности для деятельности пролетарских революционеров, что способствовало повышению их авторитета в глазах широкой общественности.

Маркс и Энгельс наладили и поддерживали отношения с Александром Ледрю-Ролленом и Луи Бланом — лидерами партии мелкобуржуазных демократов и социалистов, возглавлявшей во Франции движение за всеобщее избирательное право, за демократическую республику, за проведение ряда социальных мероприятий в интересах трудящихся. В газете этой партии «La Réforme» Энгельс неоднократно помещал статьи о европейском социалистическом и демократическом движении.

Для Союза коммунистов после I конгресса весьма острой стала потребность в собственном печатном органе. Организовать в Лондоне намеченное конгрессом издание «Коммунистического журнала» не удалось; с большим трудом был выпущен лишь один, пробный номер. Не удалось наладить и выпуск коммунистического журнала в Брюсселе. Но здесь выходила эмигрантская «Немецкая Брюссельская газета», основанная и редактируемая мелкобуржуазным демократом А. Борнштедтом. В идейном отношении эта газета была не слишком разборчива, и все же Маркс и Энгельс, В. Вольф, Г. Веерт, Ф. Вольф для своих печатных выступлений нередко использовали ее страницы, одновременно стараясь усилить в ней свое влияние. С 12 сентября 1847 года Маркс и Энгельс стали ее постоянными сотрудниками, а к концу года — ее фактическими соредакторами. Тем самым Союз коммунистов приобрел неофициально печатный орган, что имело существенное значение для пропаганды идей научного коммунизма, для роста и укрепления партийно-коммунистического движения.

Из опубликованных в «Немецкой Брюссельской газете» статей богатством содержания выделяются прежде всего «Коммунисты и Карл Гейнцен» Энгельса и «Морализирующая критика и критизирующая мораль» Маркса. Первая печаталась в двух, вторая — в пяти номерах газеты с конца сентября до конца ноября 1847 года. В них подверглись беспощадной критике шумливая, сопровождавшаяся выпадами против коммунизма агитация и убогие социальные идеи мелкобуржуазного радикала Гейнцена. Этот автор призывал революционеров к немедленному восстанию, причем смысл революции сводил главным образом к расправе с монархами, личной воле которых придавал определяющее значение. Все свои рассуждения и призывы Гейнцен строил на морально-этической основе, рассматривая добродетель и справедливость в качестве неких «вечных истин», составляющих устои, нравственную основу всякого общества. Критика взглядов Гейнцена дала повод изложить передовым рабочим и демократической общественности многие из отправных теоретических идей научно-коммунистического мировоззрения, углубить обоснование позиций и тактики партии коммунистов в классовой борьбе пролетариата, в назревавшей революции.

Статьи разъясняли, что «вечные истины» морали, являясь, как писал Энгельс, не основой, а «продуктом того общества, в котором они фигурируют» [1], только выглядят неизменными, вечными, тогда как на деле изменчивы и часто весьма неопределенны. Поэтому результат, к которому приходит «морализирующая критика», может быть только жалким: такая критика не способна предложить в качестве основы для суждений ничего, кроме «морального негодования», субъективного и весьма поверхностного восприятия явлений отдельным лицом.

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 279.

Всему этому Маркс и Энгельс противопоставили историко-материалистический подход к объяснению явлений общественной жизни, теорию, раскрывающую объективные законы развития общества, из чего проистекали и научные методы определения программы партийной деятельности. Нужно, пояснял Энгельс, сначала разобраться в сложных взаимоотношениях между отдельными классами страны, в их отношениях с правительством, а затем уже «вывести отсюда основы политики, которой следует придерживаться» [1]. Коммунистическое учение тем и сильно, что основывается на действительности и ее изучении, а не на чьих-то случайных идеях или моральных представлениях. Коммунизм, как объяснялось в статьях,— «не доктрина» (в том смысле, что он возник не из оторванного от действительности умствования идеологов-доктринеров), он «исходит не из принципов» [2] (то есть он вырос не из произвольных теоретических допущений, не является кабинетной выдумкой идеологов). Его предпосылка, писал Энгельс,— «весь ход предшествующей истории и, в особенности, его современные фактические результаты в цивилизованных странах. Коммунизм есть следствие крупной промышленности и ее спутников: возникновения мирового рынка и обусловленной этим безудержной конкуренции; принимающих все более разрушительный, все более всеобщий характер торговых кризисов, которые теперь уже окончательно стали кризисами мирового рынка; формирования пролетариата и концентрации капитала; вытекающей отсюда классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией. Коммунизм, поскольку он является теорией, есть теоретическое выражение позиции пролетариата в этой борьбе и теоретическое обобщение условий освобождения пролетариата» [3].

Сопоставление этих определений с 13-м пунктом проекта «Коммунистического символа веры» показывает, что статьи против Гейнцена разъясняли и одновременно конкретизировали и развивали то, что было кратко выражено в наброске программного документа Союза коммунистов.

Положения, выдвинутые Марксом и Энгельсом в статьях против Гейнцена, послужили определению ближайших и более отдаленных задач зарождавшейся пролетарской партии, руководящих принципов ее политической деятельности, тактических установок. Последовательно проводя историзм в объяснении общественных явлений, Маркс и Энгельс показали, что коммунизм явится результатом прохождения обществом определенных этапов развития. Этапами на пути к коммунизму они считали сначала завоевание демократии, при которой власть окажется в руках радикальной буржуазии, борющейся с остатками феодализма, и затем — завоевание «политического господства пролетариата», которое

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 269.
[2] См. там же, с. 281.
[3] Там же, с. 281—282.

рассматривалось ими как «первая предпосылка всех коммунистических мероприятий» [1].

Из этих посылок были сделаны четкие выводы, определяющие партийную тактику. Один из них — об отношении коммунистов к демократам-некоммунистам. «Пока... демократия еще не завоевана,— указал Энгельс,— до тех пор коммунисты и демократы борются рука об руку, и интересы демократов являются также интересами и коммунистов» [2]. Пролетарии, писал Маркс, рассуждая по этому поводу, «могут и должны участвовать в *буржуазной революции,* поскольку она является предпосылкой *рабочей революции*» [3]. Мало того, аристократия, по утверждению Маркса, сделанному несколько ранее в той же «Немецкой Брюссельской газете», «не может быть свергнута иначе, как только совместными усилиями буржуазии и народа» [4]. Тогда же Маркс дал набросок программы демократических преобразований, которых коммунистам предстояло добиваться в буржуазной революции [5].

В статьях против Гейнцена высказана также мысль, которая позже была развернута в учение о гегемонии пролетариата в революционном движении. Имея в виду соображение Маркса (в применении к тогдашней Германии), что настоящий народ составляют пролетарии, мелкие крестьяне и городская беднота [6], и рассмотрев революционный потенциал каждой из этих основных социальных групп, Энгельс сделал вывод: «Промышленный пролетариат городов стал ядром всякой современной демократии; мелкие буржуа и еще больше крестьяне всецело зависят от его инициативы» [7]. Этот вывод был подходом к идее руководящей роли (гегемонии) пролетариата в демократических движениях, охватывающих крестьян и мелкобуржуазные слои города.

Формула Энгельса «политическое господство пролетариата как первая предпосылка всех коммунистических мероприятий» явилась новым шагом в формировании идеи диктатуры пролетариата. Мысль Маркса двигалась в том же направлении, когда он писал: «...там, где политическая власть уже находится в руках буржуазии, пролетарии должны ее ниспровергнуть. Они должны сами стать властью, прежде всего революционной властью» [8]. При этом Маркс в противовес Гейнцену указал, что момент для свержения власти буржуазии нельзя выбирать произвольно. Он подверг критике ошибочные представления о том, что политическая власть якобы определяет отношения собственности и что, свергнув существующую власть, можно тотчас же разрешить все социальные

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 276.
[2] Там же.
[3] См. там же, с. 313.
[4] См. там же, с. 206.
[5] См. там же, с. 201.
[6] См. там же, с. 206.
[7] Там же, с. 272.
[8] Там же, с. 298.

проблемы. Не отношения собственности определяются политической властью, писал он, а, наоборот, характер политической власти зависит от отношений собственности, от исторически сложившихся объективных причин. Поэтому политический строй нельзя уничтожить по желанию в любой момент. Для этого непременно должны развиться «*материальные условия* нового общества», которые невозможно создать усилиями мысли или воли [1].

Касаясь мероприятий по революционному переустройству общества, Энгельс подчеркивал их объективно необходимый и переходный характер. Коммунистами, отметил он, эти мероприятия рассматриваются не как произвольные, а как «вытекающие из развития» экономики и обусловленной этим классовой борьбы между буржуазией и пролетариатом; «и они будут вытекать из этого не как окончательные мероприятия, а как переходные mesures de salut public (меры во имя общественного блага.— *Ред.*), продиктованные самой, также преходящей, классовой борьбой» [2]. Вместе с тем Энгельс предупреждал, что при осуществлении этих мероприятий пролетариат натолкнется на различные трудности и препятствия, которые, возможно, вынудят его применить вооруженную силу. Но «именно эти трудности и препятствия,— писал Энгельс,— заставят пролетариат идти все дальше и дальше до полного уничтожения частной собственности, чтобы не потерять снова то, что было им уже завоевано» [3]. Таким образом, под угрозой реставрации старых порядков пролетариату в революции нельзя останавливаться на полдороге.

Важным выступлением Маркса в «Немецкой Брюссельской газете» была также статья «Коммунизм газеты «Rheinischer Beobachter»», в которой был дан отпор апологетам прусской монархии, стремившимся представить королевскую власть и христианскую церковь защитницами трудящихся, пекущимися о благе народа. Колеблющейся политике буржуазных либералов Маркс противопоставил комплекс революционно-демократических преобразований — ликвидацию монархии, введение демократической конституции, обеспечивающей подлинно народное представительство, свободу слова, печати, собраний, союзов. Решение этих задач, указал Маркс, будет зависеть от революционной активности народа (то есть пролетариата, мелких крестьян и городской бедноты). В статье доказывалась прямая заинтересованность рабочего класса в победе буржуазной революции.

В «Немецкой Брюссельской газете» были опубликованы речи Маркса и Энгельса на международном митинге в Лондоне 29 ноября 1847 года, посвященном годовщине польского восстания 1830 года. В них нашел яркое выражение и обоснование принцип пролетарского интернационализма. «Чтобы народы могли дейст-

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 299.
[2] Там же, с. 274.
[3] Там же, с. 273.

вительно объединиться,— подчеркнул Маркс,— у них должны быть общие интересы. Чтобы их интересы могли быть общими, должны быть уничтожены существующие отношения собственности, ибо существующие отношения собственности обусловливают эксплуатацию одних народов другими; в уничтожении существующих отношений собственности заинтересован только рабочий класс. Только он один и способен это сделать. Победа пролетариата над буржуазией означает вместе с тем преодоление всех национальных и промышленных конфликтов, которые в настоящее время порождают вражду между народами. Вот почему победа пролетариата над буржуазией является одновременно сигналом к освобождению всех угнетенных наций» [1]. Энгельс в своем выступлении говорил, что буржуазии всех наций рабочие «должны противопоставить братский союз рабочих всех наций» [2]. Он произнес фразу, ставшую крылатой: «Никакая нация не может стать свободной, продолжая в то же время угнетать другие нации» [3].

В большой статье «Движения 1847 года» Энгельс, сделав обзор важнейших политических событий, отметил повсеместный общественный подъем и большие успехи буржуазии: вынужденный созыв властями Соединенного ландтага в Пруссии, всеобщее движение за национальную независимость и реформы в Италии, гражданскую войну в Швейцарии, движение за всеобщее избирательное право и республику во Франции. При этом он указал, что повсюду за спиной буржуазии стоит пролетариат. «Итак, продолжайте смело вашу борьбу, милостивые государи от капитала! — заключал Энгельс.— Пока вы нам нужны; кое-где мы нуждаемся даже в вашем господстве. Вы должны убрать с нашего пути остатки средневековья и абсолютную монархию. Вы должны уничтожить патриархальщину, вы должны осуществить централизацию, вы должны превратить все более или менее неимущие классы в настоящих пролетариев — наших новобранцев. При помощи ваших фабрик и торговых связей вы должны создать для нас основу тех материальных средств, в которых пролетариат нуждается для своего освобождения» [4]. Так буквально за несколько дней до начала буржуазно-демократической революции 1848 года Энгельс призывал сознательных пролетариев в собственных классовых интересах и целях вырабатывать правильное отношение к социальной миссии буржуазии и буржуазному прогрессу.

Последним выступлением основоположников марксизма в «Немецкой Брюссельской газете» была статья Энгельса «Революция в Париже», опубликованная 27 февраля 1848 года. Вскоре издание газеты было прекращено в связи с последовавшими политическими событиями и гонениями на коммунистов в Бельгии.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 371.
[2] См. там же, с. 373.
[3] Там же, с. 372.
[4] Там же, с. 469—470.

В целом в период с сентября 1847 по февраль 1848 года, когда влияние Маркса и Энгельса на «Немецкую Брюссельскую газету» было решающим, она служила трибуной для пропаганды идей научного коммунизма и принципов революционной пролетарской партии, сыграла известную роль в развитии классового сознания рабочих, особенно немецких, в привлечении к коммунистам новых сил. На ее страницах было опубликовано более 20 статей Маркса и Энгельса. Их выводы и идеи представляли непосредственный вклад в разработку теоретических и тактических основ пролетарской партии, расширяли и упрочивали ее научный фундамент, уточняли революционный курс Союза коммунистов.

«Принципы коммунизма»

Важным этапом в определении теоретических основ революционной партии пролетариата явился написанный Энгельсом проект нового программного документа Союза коммунистов — «Принципы коммунизма».

Непосредственным поводом к этому послужило обсуждение в парижских общинах Союза коммунистов проекта «Коммунистического символа веры» и выдвинутого в противовес ему проекта сторонника «истинного социализма» Мозеса Гесса. Энгельс, вновь приехавший в октябре 1847 года в Париж для организационного и идейного сплочения общин Союза и контактов с французскими демократами и социалистами, подверг на заседании окружного комитета уничтожающей критике «божественно исправленный катехизис» [1] Гесса и тут же получил от комитета поручение составить новый документ. Так были написаны «Принципы коммунизма» (опубликованы они были только в 1914 году).

Рассматривая этот второй вариант программного документа, следует иметь в виду, что, как и первый, он был только проектом; он так же составлялся от имени организации и призван был выразить ее позицию. В связи с этим Энгельс писал Марксу: «...я надеюсь добиться того, чтобы в него не попало — за исключением некоторых, не имеющих значения мелочей — ничего такого, что противоречило бы нашим взглядам» [2].

«Принципы коммунизма» — основательная доработка проекта «Коммунистического символа веры». В этом документе вместе с вопросно-ответной формой сохранились большая часть прежних вопросов, общий характер их освещения, последовательность их постановки. Но некоторые пункты первого варианта были отброшены, а к оставленным пунктам добавлены новые. Главное же — изложение их существа — было значительно расширено и уточнено. В новом варианте документа 25 пунктов; объем его в сравнении с прежним увеличился почти вчетверо.

«Принципы коммунизма» Энгельс начал с определения, что

---

[1] См.: Энгельс — Марксу, 25—26 октября 1847 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 27, с. 96.

[2] Энгельс — Марксу, 23—24 ноября 1847 г.— Там же, с. 102.

такое коммунизм: это — «учение об условиях освобождения пролетариата» [1] (пункт 1).

Переходя к характеристике пролетариата как класса и к истории его становления (пункты 2—4), Энгельс обновил и расширил прежние ответы на вопросы. В ряде формулировок акцент с освещения роли буржуазии в общественном прогрессе перенесен на раскрытие объективных основ этого процесса. Дополнительно были даны фактические сведения о развитии фабричной системы, введены понятия промышленной революции и способа производства, отсутствовавшие в проекте «Коммунистического символа веры».

В «Принципы коммунизма» был внесен новый вопрос, призванный показать, чем определяется заработная плата пролетария (пункт 5). Однако к тому времени в формировавшемся экономическом учении марксизма еще не была выявлена природа прибавочной стоимости и экономический механизм эксплуатации рабочих буржуазией еще не был раскрыт. Энгельс пока исходил из мнения, что в качестве заработной платы, или «цены труда», рабочий получает в среднем «минимум, который необходим для поддержания жизни» [2].

Повторив основные формулировки проекта «Коммунистического символа веры» относительно положения и особенностей пролетариата в сравнении с предшествовавшими ему угнетенными классами, Энгельс указал на зависимость положения классов от ступени общественного развития (пункты 6—10).

Затем были введены три новых вопроса (пункты 11—13) — об общественных последствиях промышленной революции и торговых кризисов. В них Энгельс набросал картину прогрессивных исторических изменений в жизни человечества, совершавшихся под влиянием капиталистического способа производства. Страны, которые до того времени «оставались более или менее чуждыми историческому развитию», писал Энгельс, были «насильственно вырваны из своего состояния замкнутости», крупная промышленность «связала между собой все народы земли, объединила все маленькие местные рынки во всемирный рынок, подготовила всюду почву для цивилизации и прогресса» [3]. Там, где она сменила собой мануфактуру, она в огромной степени умножила богатство и силы буржуазии и «сделала ее первым классом в стране» [4]. Могущество дворянства и цехового бюргерства буржуазия сокрушала свободной конкуренцией, при которой члены общества «не равны между собой лишь постольку, поскольку не равны их капиталы» [5]. Вместе с тем, став в обществе первым классом экономически, она «провозгласила себя первым классом и в политической области.

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 322.
[2] См. там же, с. 324.
[3] См. там же, с. 326.
[4] См. там же, с. 327.
[5] См. там же.

Она сделала это путем введения представительной системы, которая основана на буржуазном равенстве перед законом, на законодательном признании свободной конкуренции» [1]. Правами избирателей при таком порядке пользовались те, кто обладал известным капиталом, то есть буржуазия. Следовательно, порядок сводился к тому, что буржуа-избиратели выбирали буржуа-депутатов и те избирали буржуазное правительство.

Одновременно Энгельс показал, что промышленная революция способствует развитию пролетариата «в той же мере, как и развитию буржуазии» [2]. К тому же она «собирает буржуа и пролетариев в большие города, где всего выгоднее развивать промышленность, и этим скоплением огромных масс в *одном* месте внушает пролетариям сознание их силы» [3], а возрастающее давление крупной промышленности на заработную плату рабочих вызывает рост их недовольства.

Так рассмотрение реальных процессов развития экономики и общественных отношений подводило к важнейшему, ключевому выводу научного коммунизма: «промышленная революция подготовляет социальную революцию, которую произведет пролетариат» [4]. Тем самым «Принципы коммунизма» продолжали мысль, что пролетарская революция — это не волевой акт, она обусловлена экономическими причинами и происходит в силу объективных законов общественного развития, когда обстоятельства для этого созреют.

В «Принципах коммунизма» вывод о пролетарской революции облечен в более решительные выражения, чем в проекте «Коммунистического символа веры». Там вопрос о пролетарской революции на первый план не выдвигался, необходимость революции трактовалась несколько условно; указывалось, что имущие классы насильственно подавляют развитие пролетариата и тем самым «противники коммунистов усиленно работают на революцию». Далее в форме допущения делалось заключение: «Если все это, в конце концов, толкнет угнетенный пролетариат на революцию, то мы, коммунисты, будем тогда защищать дело пролетариата действием не хуже, чем сейчас словом» [5]. Эти высказывания были оставлены и в «Принципах коммунизма», однако здесь им предшествовал вывод о том, что революция подготавливается объективным ходом общественного развития, что совершить ее призван пролетариат.

Как известно, Маркс и Энгельс задолго до этого пришли к пониманию характера пролетарской революции. Энгельс еще парижским активистам Союза справедливых доказывал «необходимость насильственной революции» и, определяя тогда намерения комму-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 327.
[2] См. там же, с. 328.
[3] См. там же.
[4] Там же.
[5] Там же, с. 331.

пистов, специально включал в них непризнание «другого средства» осуществления их целей, «кроме насильственной демократической революции» [1]. Однако до преобразования Союза справедливых в Союз коммунистов взгляды Маркса и Энгельса на пролетарскую революцию принимались членами Союза, еще не освободившимися из-под влияния «истинного социализма», с некоторым сомнением. Поэтому при защите этих взглядов приходилось делать акцент на том, что насильственная революция явится неизбежностью лишь тогда, когда буржуазия не оставит рабочим иного выхода. Образование Союза коммунистов, пропаганда в нем идей марксизма, аргументированные выступления против «истинного социализма», с одной стороны, и явное изменение всей атмосферы общественной жизни в странах Западной Европы в течение 1847 года, назревание новой буржуазной революции, с другой стороны, революционизировали передовых рабочих и способствовали лучшему усвоению ими идеи объективной необходимости и характера пролетарской революции. Это нашло отражение в «Принципах коммунизма».

Энгельс начинал с рассмотрения общественных последствий экономических кризисов [2]. Он называл их торговыми, но лишь по терминологической традиции: по существу же речь шла об экономических кризисах во всей полноте их проявления.

Экономические кризисы, периодически сотрясавшие буржуазное общество, создавая в нем «всеобщее расстройство», рассматривались Энгельсом как прямой результат развития производства, вызванного промышленной революцией, в условиях капиталистической свободной конкуренции. Кризисы выступали как неоспоримое свидетельство того, что крупная промышленность «уже переросла свободную конкуренцию», что «конкуренция и вообще ведение промышленного производства отдельными лицами превратились для крупной промышленности в оковы, которые она должна разбить и разобьет», что крупная промышленность «делает безусловно необходимым создание совершенно новой организации общества, при которой руководство промышленным производством осуществляется не отдельными конкурирующими между собой фабрикантами, а всем обществом по твердому плану и соответственно потребностям всех членов общества» [3].

Вместе с тем, подчеркивал Энгельс, кризисы, означая переполнение рынка продукцией, показывают, что промышленность об-

---

[1] См.: Энгельс — Брюссельскому коммунистическому комитету, 23 октября 1846 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 27, с. 59, 60.

[2] Энгельс многократно указывал на кризисы как на революционизирующий фактор: в корреспонденциях из Англии «Внутренние кризисы» (1842), в «Набросках к критике политической экономии» (конец 1843 — январь 1844 г.), в первой из «Эльберфельдских речей» (1845), в книге «Положение рабочего класса в Англии» (сентябрь 1844 — март 1845 г.), наконец, за две-три недели до написания «Принципов коммунизма» — в статье «Коммунисты и Карл Гейнцен» (1847).

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 329.

ладает способностью «бесконечного расширения производства», а потому позволяет «создать такой общественный строй, в котором всех необходимых для жизни предметов будет производиться так много, что каждый член общества будет в состоянии совершенно свободно развивать и применять все свои силы и способности» [1].

Обосновав таким образом неизбежность пролетарской революции и установления нового общественного строя, Энгельс перешел к вопросу, который не затрагивался в проекте «Коммунистического символа веры»: каков должен быть новый общественный строй (пункт 14).

Характеристику нового строя Энгельс начал с цели общественного производства, принципов его организации, со способов управления. Все отрасли производства, писал он, «будут вестись в общественных интересах, по общественному плану и при участии всех членов общества». С учетом этого новый общественный строй рисовался как свободная ассоциация тружеников, основой которой будет «общее пользование всеми орудиями производства и распределение продуктов по общему соглашению», «так называемая общность имущества» [2], которая, как добавлял Энгельс, сменяет собой частную собственность и обусловленную ею конкуренцию.

Эта характеристика коммунистического строя в последующих пунктах «Принципов коммунизма» была развернута. Здесь же Энгельс обращал внимание главным образом на ликвидацию при новом общественном строе частной собственности, которая стала препятствием для общественного развития. «Уничтожение частной собственности,— подчеркнул Энгельс,— даже является самым кратким и наиболее обобщающим выражением того преобразования всего общественного строя, которое стало необходимым вследствие развития промышленности. Поэтому коммунисты вполне правильно выдвигают главным своим требованием уничтожение частной собственности» [3].

Далее Энгельс, используя аргументы из книги Маркса «Нищета философии», разъяснял, что возможность уничтожения частной собственности исторически сложилась только при господстве буржуазии (пункт 15). Отношения собственности должны приводиться в соответствие с развившимися производительными силами. Пока нельзя производить продукты в размерах, достаточных для покрытия потребностей всех людей и для дальнейшего развития производительных сил, до тех пор существуют «господствующий класс, распоряжающийся производительными силами общества, и другой класс — бедный и угнетенный. Каковы эти классы, это зависит от ступени развития производства» [4]. Но возникшие при капитализме могучие производительные силы уже

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 329.
[2] См. там же, с. 330.
[3] Там же.
[4] Там же, с. 330—331.

«переросли частную собственность и буржуа», а потому «теперь уничтожение частной собственности стало не только возможным, но даже совершенно необходимым» [1].

Вместе с тем Энгельс отмечал, что невозможно сразу значительно увеличить производительные силы, ввиду чего «революция пролетариата сможет только постепенно преобразовать нынешнее общество и только тогда уничтожит частную собственность, когда будет создана необходимая для этого масса средств производства» [2] (пункт 17).

Ответ на вопрос о ходе пролетарской революции (пункт 18) начинался следующим положением: «Прежде всего, она создаст *демократический строй* и тем самым, прямо или косвенно, политическое господство пролетариата» [3]. Эта формулировка в «Принципы коммунизма» была перенесена из статьи «Коммунисты и Карл Гейнцен». Нашло здесь отражение и другое положение, выдвинутое в той же статье: господство пролетариата будет достигнуто *прямо* там, где пролетариат уже составляет большинство народа, и *косвенно* — там, «где большинство народа состоит не только из пролетариев, но также из мелких крестьян и городских мелких буржуа, которые... в осуществлении всех своих политических интересов все более зависят от пролетариата и потому вскоре должны будут присоединиться к его требованиям» [4].

При этом, по мысли Энгельса, демократия, выражающая политическое господство пролетариата, для того и необходима, чтобы ею «воспользоваться немедленно, как средством для проведения широких мероприятий, непосредственно посягающих на частную собственность и обеспечивающих существование пролетариата» [5].

Энгельс сделал набросок и самой программы таких мероприятий. В нее вошло то, что уже содержалось в проекте «Коммунистического символа веры» и во многом было предложено предшественниками Маркса и Энгельса. Но имевшиеся в проекте три пункта были теперь детализированы и развернуты в двенадцать; кроме того, в отличие от своих предшественников-утопистов Энгельс трактовал намечаемые революционные мероприятия не как осуществление собственно коммунизма, а как преобразования переходного характера, программу деятельности демократического государства, осуществляющего господство пролетариата и приводящего общество к коммунизму.

В «Принципах коммунизма» (пункт 19) был поставлен и отрицательно решен вопрос о возможности пролетарской революции в одной стране, рассмотренный аналогично ранее — во второй из «Эльберфельдских речей» Энгельса и в «Немецкой идеологии» [6].

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 331.
[2] Там же, с. 332.
[3] Там же.
[4] См. там же.
[5] См. там же.
[6] См. там же, т. 2, с. 551. См. также: *Маркс К., Энгельс Ф.* Фейербах..., с. 46.

Обосновывалось это тем, что общественное развитие основных буржуазных стран в значительной мере выравнено крупной промышленностью, превратившей буржуазию и пролетариат в решающие классы общества, и что эти страны уже прочно связаны крупной промышленностью и мировым рынком в относительно цельный организм. Энгельс, хотя и ставил развертывание пролетарской революции в каждой из стран в зависимость от их особенностей, находил, что революция произойдет в них более или менее одновременно. «Она есть всемирная революция и будет поэтому иметь всемирную арену» [1],— писал он.

В «Принципах коммунизма» (пункт 20) дана обобщенная характеристика коммунистического общества, возникающего в результате окончательного устранения частной собственности: «Всеобщая ассоциация всех членов общества в целях совместной и планомерной эксплуатации производительных сил; развитие производства в такой степени, чтобы оно удовлетворяло потребности всех; ликвидация такого положения, когда потребности одних людей удовлетворяются за счет других; полное уничтожение классов и противоположностей между ними; всестороннее развитие способностей всех членов общества путем устранения прежнего разделения труда, путем производственного воспитания, смены родов деятельности, участия всех в пользовании благами, которые производятся всеми же, и, наконец, путем слияния города с деревней — вот главнейшие результаты ликвидации частной собственности» [2].

Столь обстоятельная характеристика общества будущего дана здесь впервые, хотя отдельные ее элементы были выработаны ранее. Она явилась существенным вкладом в разработку теории научного коммунизма.

Давая определение коммунизма, Энгельс остановился на важной проблеме удовлетворения потребностей людей в новом обществе. Он указал, что избыток производства, превышающий ближайшие потребности общества, будет «вызывать новые потребности и одновременно создавать средства для их удовлетворения» [3]. Не сиротский, казарменный коммунизм, а общество всеобщего изобилия и удовлетворения многообразных разумных потребностей людей; вместе с тем не безудержное потребительство, а всесторонний расцвет личности — вот на что нацеливала программа коммунистов. Коммунистическое общество «предполагает людей со всесторонне развитыми способностями, людей, способных ориентироваться во всей системе производства» [4]. Оно даст им возможность «всесторонне применять свои всесторонне развитые способности» [5]. Ведение производства силами всего об-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 334.
[2] Там же, с. 336.
[3] См. там же, с. 334.
[4] См. там же, с. 335.
[5] См. там же, с. 336.

щества, писал Энгельс, «будет нуждаться в совершенно новых людях и создаст их» [1].

Оставив в основном без изменений то, что в проекте «Коммунистического символа веры» было сказано относительно семьи, национальностей и религии, Энгельс сделал некоторые новые разъяснения лишь относительно семьи и брака (пункты 21—23). Устранение частной собственности и общественное воспитание детей уничтожат, утверждал он, «обе основы современного брака, связанные с частной собственностью,— зависимость жены от мужа и детей от родителей» [2]. Энгельс отверг вздорные измышления о стремлении коммунистов наряду с общностью имущества ввести общность жен. Повод для таких обвинений давал Вейтлинг, утверждавший, будто общность жен, как и воровство, поможет скорее разрушить старое общество. От подобных взглядов надо было отмежеваться. Поэтому Энгельс писал, что в ходе революции будет уничтожена зависимость жены от мужа. На вопли же «высоконравственных мещан» относительно коммунистической общности жен он ответил: «Общность жен представляет собою явление, целиком принадлежащее буржуазному обществу и в полном объеме существующее в настоящее время в виде проституции. Но проституция основана на частной собственности и исчезнет вместе с ней. Следовательно, коммунистическая организация вместо того, чтобы вводить общность жен, наоборот, уничтожит ее» [3].

В заключение Энгельс рассмотрел еще две проблемы (пункты 24 и 25), интересовавшие деятелей Союза коммунистов: об отличии коммунистов от социалистов и об отношении коммунистов к остальным политическим партиям [4]. Они касались определения тактики коммунистов на этапе борьбы за пролетарскую революцию. Выделяя три различные категории социалистов: *реакционных* (стремящихся восстановить феодальное и патриархальное общество), *буржуазных* (защищающих тот строй, который коммунисты желают разрушить) и *демократических* (являющихся попутчиками коммунистов в достижении близких целей, связанных с устранением бедствий современного общества), Энгельс указал на необходимость решительной борьбы с первыми и вторыми и на возможность соглашений для совместных действий с третьими, не исключающих обсуждения разногласий с ними, критики их взглядов и действий. По существу, на тех же принципах предлагалось коммунистам строить отношения и с остальными политическими партиями.

Особое внимание Энгельс проявил к условиям революционного движения в странах, где буржуазия еще не была у власти, в ча-

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 335.
[2] См. там же, с. 337.
[3] Там же.
[4] См.: Союз коммунистов — предшественник I Интернационала: Сборник документов, с. 124—125.

стности в Германии. «...В борьбе либеральной буржуазии с правительствами,— писал он,— коммунисты должны быть всегда на стороне первой, остерегаясь, однако, того самообмана, в который впадает буржуазия, и не доверяя ее соблазнительным заверениям о тех благодетельных последствиях, которые якобы повлечет за собой для пролетариата победа буржуазии» [1]. Торжество буржуазной демократии в известной мере облегчит коммунистам распространение их идей, а тем самым и «объединение пролетариата в тесно сплоченный, готовый к борьбе и организованный класс» [2].

Оценивая «Принципы коммунизма» как второй проект программного выступления марксизма, следует отметить, что это был уже не набросок, а предварительный вариант подготовляемого партийного документа. Он представлял собой значительную часть окончательного текста, намечал общую схему расположения материала. Решения по большинству вопросов и целые формулировки позже перешли отсюда в «Манифест Коммунистической партии».

Рассмотрение проблем в «Принципах коммунизма» в сравнении с проектом «Коммунистического символа веры» отличается большей обстоятельностью и идейной зрелостью. Научный коммунизм выглядит здесь как цельная, многосторонняя и обоснованная система, противостоящая ненаучным, утопическим построениям, а также всем учениям, концепциям, идеям, направленным на защиту буржуазного или феодального строя.

Достоинством «Принципов коммунизма» явилось то, что в них были в развернутом виде выражены и обоснованы общее мировоззрение коммунистов, их отношение к основным проблемам социальной действительности, позиция в классовой борьбе в качестве выразителей интересов пролетариата, представления о будущем, а также освещены партийные задачи коммунистов, принципы и направления их деятельности, их стратегия и тактика как особой партии, партийное отношение ко всем политическим силам того времени.

Энгельс довел подготовку программного документа Союза коммунистов до этапа завершения, однако рассматривал «Принципы коммунизма» лишь как проект, который нуждался в значительной доработке. Придавая значение на подготовительной стадии главным образом содержанию, Энгельс еще не занимался его формой. В письме Марксу он с присущей ему скромностью заметил, что подготовленный проект «написан... ужасно плохо, наспех отредактирован» [3]. Но даже в неотредактированном до конца виде «Принципы коммунизма» давали блестящие образцы выражения мыслей, точные, яркие и сильные формулировки. Окончательная доработка текста во многом зависела от выбора формы программного до-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 339.

[2] См. там же.

[3] См.: Энгельс — Марксу, 23—24 ноября 1847 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 27, с. 102.

кумента. К этому Маркс и Энгельс приступили после того, как его основное содержание было выяснено.

От формы программы в немалой мере зависела ее действенность. Поэтому Маркс и Энгельс подошли с чрезвычайно высокими требованиями как к содержанию программного выступления партии, так и к его форме. «Подумай над «Символом веры»,— обращался к Марксу Энгельс.— Я считаю, что лучше всего было бы отбросить форму катехизиса и назвать эту вещь «Коммунистическим *манифестом*». Ведь в нем придется в той или иной мере осветить историю вопроса, для чего теперешняя форма совершенно не подходит» [1]. Маркс согласился с мнением Энгельса и в отношении формы, и в отношении названия будущего документа.

Так завершилась предварительная работа по подготовке «Коммунистического манифеста». Ее проделал Энгельс, опираясь на достигнутые к тому времени результаты совместной с Марксом теоретической работы. На заключительном этапе над «Манифестом» трудились сначала вместе Маркс и Энгельс, затем — один Маркс.

Второй конгресс Союза коммунистов

С 29 ноября по 8 декабря 1847 года в Лондоне состоялся II конгресс Союза коммунистов.

Центральный комитет Союза придавал большое значение предстоящему конгрессу. Как видно из его сентябрьского Обращения к Союзу, на конгрессе предстояло обсудить не только новый проект программы, но и окончательно утвердить устав, принять решение о печатном органе, а также о дальнейшей пропагандистской деятельности [2]. Между тем накануне конгресса в Союзе сложилась напряженная обстановка. Она была вызвана ростом сопротивления противников нового, революционного курса и примиренчеством к ним в общинах Парижа, Лейпцига, Гамбурга и Берна, где влияние вейтлингианства и «истинного социализма» было еще значительным, что проявилось уже при обсуждении в местных организациях Союза (по предложению I конгресса) проекта «Коммунистического символа веры». Сказывалась и теоретическая слабость К. Шаппера и других членов Центрального комитета. Поэтому члены комитета настаивали на обязательном присутствии на конгрессе Маркса. «...Мы бы были очень довольны, *если бы на конгресс мог приехать Маркс,*— писали они в Брюссель.— Мы сделаем все, что только в наших силах, чтобы облегчить вам расходы» [3]. Маркс выехал на конгресс из Брюсселя, Энгельс — из Парижа; по дороге в Лондон они встретились 27 ноября в Остенде, где обсудили еще не согласованные вопросы.

Среди участников конгресса кроме Маркса, Энгельса (избранного секретарем), К. Шаппера (избранного председателем),

---

[1] Энгельс — Марксу, 23—24 ноября 1847 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 27, с. 102.

[2] См.: Союз коммунистов. 1836—1849: Сборник документов, с. 207.

[3] Там же, с. 211.

Г. Бауэра, И. Молля, В. Тедеско были, по всей вероятности, К. Пфендер, А. Леман, И. Г. Эккариус, Дж. Гарни, Э. Ч. Джонс. Делегаты, прибывшие на конгресс, представляли членов Союза из Швейцарии, Франции, Бельгии, Германии, Англии, Польши, что позволило Марксу и Энгельсу охарактеризовать это событие как «первый международный конгресс пролетариата» [1].

Протоколы конгресса до сих пор не обнаружены. Из его документов известен только принятый 8 декабря 1847 года Устав Союза коммунистов. От имени конгресса он подписан Шаппером и Энгельсом.

Из изменений, внесенных в Устав Союза коммунистов, особенно существенна новая редакция статьи 1 — о цели Союза. Вместо «распространения теории общности имущества» она объявляла целью Союза «свержение буржуазии, господство пролетариата, уничтожение старого, основанного на антагонизме классов буржуазного общества и основание нового общества, без классов и без частной собственности» [2]. Тем самым расплывчатое представление о коммунизме как обществе, характеризуемом «общностью имущества», устранялось, и цель Союза была определена в соответствии с научным пониманием всемирно-исторической миссии рабочего класса. Из Устава было исключено положение, по которому решения конгресса могли отклоняться общинами, ибо оно урезало принцип централизма и могло допустить ослабление внутрисоюзной дисциплины, подрыв единства Союза. Было изъято также отдававшее сектантством требование, чтобы член Союза не принадлежал ни к какой политической или национальной организации. Вместо него условия членства предусматривали «отказ от участия во всяком антикоммунистическом — политическом или национальном — обществе и обязанность сообщать соответствующему руководящему органу об участии в каком-либо обществе» [3]. Уточнены были и некоторые другие условия членства в Союзе. Так, вместо расплывчатого «достойное поведение» было записано со ссылкой на цель Союза, сформулированную в статье 1: «образ жизни и деятельность, соответствующие этой цели». К обязанностям члена Союза добавлены «революционная энергия и рвение в пропаганде», «подчинение постановлениям Союза». Формула «признание принципов Союза» заменена более определенной формулой «признание коммунизма» [4]. Сохранено было требование единогласия при приеме в общинах новых членов Союза.

Программный документ конгрессом не был принят, но написанные Энгельсом «Принципы коммунизма», а также представленные другие предложения программного характера явились пред-

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Митингу в Женеве, созванному в память 50-й годовщины польской революции 1830 года.— Соч., т. 19, с. 248.

[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 524 (приложения).

[3] См. там же.

[4] См. там же.

метом обстоятельного рассмотрения. Обсуждение программных вопросов, как позже писал Энгельс, было в центре внимания конгресса. Маркс «в продолжительных прениях — конгресс продолжался по меньшей мере десять дней — защищал новую теорию. Все разногласия и сомнения были, наконец, разрешены, и новые принципы приняты единогласно. Марксу и мне было поручено выработать манифест» [1].

Таким образом, если к моменту открытия конгресса в Союзе коммунистов и даже в среде его активных деятелей еще имелись разногласия и сомнения, относившиеся к определению основ партийной программы, к теории научного коммунизма, то Маркс и Энгельс своими книгами, статьями, устными выступлениями, письмами и живым общением с людьми в такой степени подготовили активных членов Союза к восприятию идей научного коммунизма, что высказанные Марксом и Энгельсом на конгрессе разъяснения рассеяли последние сомнения и обеспечили им в итоге единодушную поддержку.

II конгресс Союза коммунистов закрепил начало соединения научного коммунизма с рабочим движением в лице наиболее передового отряда европейского пролетариата, ставшего на путь превращения в революционную пролетарскую партию. Благодаря этому Союз коммунистов своими программными, тактическими и организационными основами коренным образом отличался от всех других существовавших в то время рабочих организаций, а также от организаций социалистов.

Во время пребывания в Лондоне Маркс и Энгельс упрочили связи брюссельской Демократической ассоциации с лондонским обществом «Братские демократы», выступали в лондонском Просветительном обществе немецких рабочих, которое тогда вместе со своими секциями насчитывало примерно 500 членов. Непосредственный контакт с рабочими был успешно использован для разъяснения им основ коммунистической теории и тактики. Маркс сделал в Обществе доклад о деятельности брюссельского Немецкого рабочего общества, о пролетарском движении и революционной пропаганде. Энгельс осветил историю формирования буржуазии и пролетариата как классов, показал значение промышленной революции и экономических кризисов.

3. «НАЕМНЫЙ ТРУД И КАПИТАЛ» — ОПЫТ ПРОПАГАНДЫ МАРКСИЗМА СРЕДИ РАБОЧИХ

По возвращении в Брюссель Маркс развил разностороннюю деятельность. В центре нее была работа над «Манифестом Комму-

[1] *Энгельс Ф.* К истории Союза коммунистов.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 224.— В другом случае Энгельс сообщал, что на втором конгрессе Союза «было постановлено выработать и опубликовать основы партийной программы в форме манифеста, составление которого было поручено Марксу и Энгельсу» (*Энгельс Ф.* Карл Маркс.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 107).

нистической партии». Одновременно он много сил отдавал Демократической ассоциации и подготовке намечавшегося международного демократического конгресса, выступал с публичными речами, из которых особое значение имела «Речь о свободе торговли», где прозвучала критика буржуазной идеологии, фритредерства, буржуазного космополитизма. Внимания и труда требовало от Маркса редактирование «Немецкой Брюссельской газеты».

Особое место в деятельности Маркса в это время заняло чтение цикла лекций в Немецком рабочем обществе, начатое во второй половине декабря 1847 года. Эти лекции, получившие при публикации общее название «Наемный труд и капитал», имели важное значение для идейного укрепления Союза коммунистов и политического просвещения передовых рабочих.

В «Наемном труде и капитале», а также в рукописи «Заработная плата», являющейся наброском к лекциям, рассматривались вопросы политической экономии с позиций рабочего класса, причем в отличие от «Нищеты философии» они излагались не полемически, а позитивно. Особенно важно, что лекции Маркса были обращены прямо к рабочим, вооружали их научно-коммунистическими знаниями, развивали их революционную убежденность. «Мы хотим, чтобы нас понимали рабочие»[1],— писал Маркс, публикуя лекции.

Экономические основы классовой борьбы

В задачу лекций входило раскрытие *«экономических отношений,* составляющих материальную основу современной классовой и национальной борьбы»[2], объяснение производственных отношений капиталистического общества, сути капиталистической эксплуатации рабочих.

Товаром, который покупается капиталистом при найме рабочего, Маркс тогда считал пока не рабочую силу, а труд; соответственно он говорил о стоимости (или цене) труда[3], причем сводил ее к минимуму издержек производства, необходимых, чтобы поддерживать существование рабочего и обеспечивать продолжение его рода. По этому минимуму, как полагали тогда Маркс и Энгельс, выравнивается в пределах своих колебаний заработная плата всего рабочего класса. Впоследствии эти положения классической буржуазной политической экономии, не соответствовавшие действительности, были Марксом пересмотрены. Однако не они составляли главное в лекциях Маркса.

Маркс разъяснил, что превращение труда в товар — результат исторического развития. Это превращение и составляет суще-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 6, с. 429.

[2] См. там же, с. 428.

[3] Исправления, которые определялись позднейшими исследованиями и открытиями Маркса, были внесены в «Наемный труд и капитал» Энгельсом при его переиздании в 1891 году.

ственную черту и непременное условие капиталистического производства. «Труд не всегда был *товаром*. Труд не всегда был наемным трудом, т. е. *свободным* трудом. *Раб* не продает свой труд рабовладельцу... Раб вместе со своим трудом раз и навсегда продан своему господину. Он — товар, который может переходить из рук одного собственника в руки другого» [1]. *Сам он* — товар, но *его труд* не является товаром. Труд стал товаром в условиях капиталистического строя, и цену труда регулируют те же общие законы капиталистического рынка, которые действительны для всех других товаров. Капиталистическая эксплуатация возможна благодаря тому, что капиталисты покупают труд дешевле издержек (расходов) рабочего на поддержание своего существования и продолжение своего рода. Так Маркс в то время объяснял происхождение прибыли капиталиста.

В анализе товара, продаваемого рабочим при найме капиталисту, Маркс продвинулся уже значительно дальше буржуазных классиков. Он говорил, что капитал (капиталист) меняет принадлежащие ему жизненные средства (деньги) «на рабочую силу», на «благородную воспроизводящую силу» рабочего, на «творческую силу, посредством которой рабочий не только возмещает то, что он потребляет, но и придает накопленному труду большую стоимость, чем этот труд имел прежде» [2]. В этих формулировках Маркс приближался к объяснению сути капиталистической эксплуатации на основе закона стоимости, нащупывал проблему прибавочной стоимости, открытие которой он совершил позже.

В противовес буржуазным экономистам, которые рассматривали заработную плату как долю рабочего в продукте труда, Маркс доказывал, что заработная плата выплачивается не как доля готового продукта, а как часть авансированного капитала, являясь лишь статьей издержек производства. Продуктом труда рабочего целиком распоряжается капиталист.

Маркс отмечал, что труд есть проявление жизнедеятельности рабочего и что она проявляется в продукте труда. Но при наемном труде продукт труда не принадлежит рабочему. Примечательно, что, как ни сильно перекликается в отдельных частях «Наемный труд и капитал» с «Экономическо-философскими рукописями 1844 года», термины «отчуждение», «отчужденный труд», характерные для рукописей, здесь не употребляются вовсе. Философская терминология затруднила бы понимание рабочими экономической теории. Вместе с тем на новой, более высокой стадии формирования пролетарской политической экономии Маркс уже сознавал недостаточность категориального аппарата «Экономическо-философских рукописей 1844 года» для характеристики отношений между трудом и капиталом.

В противоположность буржуазным экономистам Маркс в на-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 6, с. 433.
[2] См. там же, с. 444.

емном труде видит не свободное волеизъявление, а безысходную экономическую зависимость рабочего. Если раба раз и навсегда продают господину, то *«свободный* рабочий сам продает себя». При этом рабочий «не может покинуть *всего класса покупателей, т. е. класса капиталистов,* не обрекая себя при этом на голодную смерть. *Он принадлежит не тому или другому буржуа, а буржуазии, классу буржуазии в целом;* и уже его дело — найти себе хозяина...» [1].

Важным теоретическим достижением Маркса явилась сформулированная им концепция капитала. В «Набросках к критике политической экономии» Энгельса и в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» Маркса еще не было подвергнуто специальной критике воззрение Рикардо, будто капитал представляет собой вещественный элемент в процессе труда, часть общественного богатства, которая применяется в производстве и состоит из пищи, одежды, инструментов, сырья, машин, необходимых для того, чтобы привести в действие наемный труд. Теперь Маркс дал четкое определение капитала, раскрыл его социальную природу.

Если классическая буржуазная политическая экономия видела в капитале накопленный труд, обусловливающий дальнейшее производство, то Маркс уточнил, что накопленный труд сам по себе не является капиталом и может им не быть, ибо все решают общие экономические условия. Люди, указал Маркс, «не могут производить, не соединяясь известным образом для совместной деятельности и для взаимного обмена своей деятельностью» [2]. Потому производство имеет место только в рамках определенных общественных связей и отношений. Производственные отношения, преобразующиеся с развитием материальных средств производства, производительных сил, «*в своей совокупности образуют то, что* называют *общественными отношениями, обществом,* и притом образуют общество, находящееся на *определенной ступени исторического развития,* общество с своеобразным отличительным характером» [3]. Рассматриваемый в этом свете капитал, по заключению Маркса, представляет собой «тоже общественное производственное отношение. Это — *буржуазное производственное отношение,* производственное отношение буржуазного общества» [4].

Иными словами, накопленный труд превращается в капитал лишь при известных общественных условиях. Составляя в одном отношении материальные продукты (жизненные средства, орудия труда, сырье), он в другом отношении является суммой товаров, меновых стоимостей, общественных величин. Эта сумма товаров, или меновых стоимостей, становится капиталом при условии, что она выступает «как сила, принадлежащая *одной части общества*», которая «сохраняется и умножается путем *обмена на*

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 6, с. 433.
[2] См. там же, с. 441.
[3] См. там же, с. 442.
[4] Там же.

непосредственный, живой труд». «Существование класса, не владеющего ничем, кроме способности к труду, является необходимой предпосылкой капитала» [1].

Суть капитала состоит, следовательно, не в том, что он является накопленным трудом, хотя он и является таковым. Его суть заключается в том, что капитал — такое производственное отношение, при котором творческая сила и производительная деятельность наемного рабочего, не обладающего никакой собственностью, служит средством сохранения и увеличения меновой стоимости овеществленного в материальных продуктах (и тем самым накопленного) труда, составляющего частную собственность особого общественного класса людей. Следовательно, *«капитал предполагает наемный труд, а наемный труд предполагает капитал»*. Иными словами, капитал и наемный труд, класс собственников — капиталистов и класс наемных рабочих, не владеющих частной собственностью, образуют два полюса антагонистического общественного единства. *«Они взаимно обусловливают друг друга; они взаимно порождают друг друга»* [2].

Такая трактовка капитала давалась в экономической науке впервые. Противостоя буржуазным экономическим концепциям и выражая пролетарскую позицию в политической экономии, она раскрывала рабочим экономические основы классовой борьбы.

Заработная плата и революционная борьба

Значительное место в «Наемном труде и капитале» отведено анализу соотношения прогресса капиталистического производства, заработной платы и положения рабочих. Маркс обнаружил, что условием сколько-нибудь сносного положения рабочего является быстрый рост производительного капитала, ибо капиталисту при этом требуется большее число рабочих, и рабочий продает ему себя дороже. Но рост производительного капитала оборачивается ростом господства буржуазии над рабочим классом.

Чтобы обосновать данное положение, Маркс обращал внимание рабочих на то, что заработную плату характеризуют не только сумма денег, за которую рабочий продает себя капиталисту (номинальная заработная плата), и не только количество товаров, которые можно купить на эти деньги (реальная заработная плата), но и ее отношение к капиталу и прибыли капиталиста (сравнительная, относительная заработная плата). «Относительная заработная плата,— разъяснял Маркс,— может падать даже в том случае, когда вместе с номинальной заработной платой... повышается и реальная заработная плата, но если только эта последняя повышается не в такой степени, как прибыль» [3]. Беря самую благоприятную для рабочего класса ситуацию — быстрый рост производительного капитала, Маркс отмечал, что в этом слу-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 6, с. 443.
[2] Там же, с. 444.
[3] Там же, с. 450.

чае заработная плата может повыситься, но несравненно быстрее повышается прибыль капиталиста. Следовательно, материальное положение рабочего улучшилось за счет ухудшения его общественного положения: «если при быстром росте капитала и увеличивается доход рабочего, то одновременно увеличивается общественная пропасть, отделяющая рабочего от капиталиста, а вместе с тем увеличивается и власть капитала над трудом, зависимость труда от капитала» [1].

Общий вывод Маркса был таков: «...чем быстрее рабочий класс умножает и увеличивает враждебную ему силу, господствующее над ним чужое богатство, тем благоприятнее условия, на которых ему позволяют снова работать над умножением богатства буржуазии, над увеличением власти капитала — работать, довольствуясь тем, что он сам кует золотые цепи, на которых буржуазия тащит его за собой» [2]. Это — выраженная в общем виде идея относительного обнищания рабочего класса.

Показал Маркс и то, каким образом происходит абсолютное обнищание рабочих, означающее, что на заработную плату можно купить все меньшее количество товаров. Буржуазный способ производства, постоянная погоня капиталистов за прибылью в условиях конкуренции означают рост, накопление и концентрацию капитала, ведут к беспрерывному, осуществляемому во все более широких масштабах разделению труда, применению новых машин и усовершенствованию старых. А это упрощает труд, вытесняет искусных рабочих малоискусными, мужчин — женщинами, взрослых — детьми (заработная плата которых значительно ниже), приводит к увольнению «лишних» рабочих, порождает среди безработных конкуренцию и в итоге сокращает заработную плату.

В «Наемном труде и капитале», стало быть, положено начало критике пресловутой «теории компенсации» буржуазных экономистов, согласно которой рабочие, потерявшие работу вследствие применения машин в одной отрасли, обязательно найдут применение себе в других отраслях промышленности, в частности там, где производятся эти машины. Раскрывая несостоятельность этой вульгарной теории, Маркс объяснил, что такая «компенсация» невозможна в силу действия двух факторов: новые отрасли производства поглощают отнюдь не всех уволенных рабочих, ибо в них самих тоже применяется машинный труд, причем зачастую в более широких масштабах, чем в старых отраслях, машины здесь вытесняют рабочих так же, как и в других отраслях, а быть может, и сильнее; численность потенциальных рабочих не является стабильной, раз навсегда данной величиной, она растет за счет пополнения рабочего класса разоряющимися представителями других слоев общества. Оба эти обстоятельства приводят к уси-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 6, с. 450—451.
[2] Там же, с. 451.

лению конкуренции среди самих рабочих, что обусловливает давление на уровень заработной платы. «Таким образом, лес рук, простертых вверх с требованием работы, становится все более густым, а сами руки — все более худыми» [1].

Огромные бедствия рабочим несут кризисы, которые Маркс назвал «землетрясениями» промышленности. Их пагубные последствия показывают, что «капитал не только *живет* за счет труда. Как знатный варвар-рабовладелец, он уносит с собой в могилу трупы своих рабов — целые гекатомбы рабочих, погибающих во время кризисов» [2].

Таким образом, хотя Маркс еще не уяснил себе, что не труд, а рабочая сила в буржуазном обществе является товаром, это не помешало ему продвинуться вперед в постижении тенденции к обнищанию рабочего класса, к разорению промежуточных слоев, показать обманчивый характер так называемой свободы рабочего при капитализме.

Ряд теоретических положений, изложить которые Марксу публично тогда не удалось, запечатлены в его весьма содержательной, хотя и фрагментарной рукописи о заработной плате. По-видимому, эта рукопись была составленным Марксом для самого себя рабочим наброском (конспектом или тезисами) лекций из цикла о наемном труде и капитале, которые еще предполагалось прочитать в брюссельском Немецком рабочем обществе: рукопись «Заработная плата» датирована декабрем 1847 года.

Готовясь к выступлению перед рабочей аудиторией, Маркс освежил в памяти свои конспекты прежних лет, сделал из них нужные выписки, взял отдельные факты. Выписки тематически объединены одной главной целью: показать, насколько тяжелым, порой невыносимым является положение рабочих в крупной капиталистической промышленности, разъяснить, что рабочий на капиталистической фабрике как бы уподобляется машине и что его заработная плата служит для возмещения износа этой «машины». Выписки предназначены также для выяснения влияния роста производительного капитала на условия жизни и труда промышленных рабочих, для критики мальтусовской теории народонаселения, для уяснения роли сберегательных касс как дополнительного средства ограбления рабочих в пользу буржуазии.

Заработная плата рассматривается Марксом как один из необходимых элементов капиталистического производства. Заработная плата могла бы исчезнуть только в том случае, если бы рабочие могли существовать, не продавая свой труд. Она столь же не случайна, как капитал и земельная рента, выражающие сущность производственных отношений капитализма. В то же время заработная плата в ее капиталистической форме не вечна, ибо отношения буржуазного производства являются «преходящими и устранимыми на известной стадии развития» [3].

Система наемного труда приносит рабочим наемное рабство, которое во многих отношениях хуже, чем отношения господства и подчинения, основанные на личной зависимости раба от своего господина. Но она же, указывает Маркс, имеет и свои положительные стороны: в процессе своего развития эта система создает материальные средства для освобождения пролетариата. Прежде существо отношений между хозяином и работником — между рабовладельцем и рабом, между феодалом и крепостным крестьянином — было окружено ореолом патриархальной святости: все сред-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 6, с. 458.
[2] Там же, с. 459.
[3] См. там же, с. 599.

ства идеологического и политического воздействия служили для доказательства того, что такие именно отношения — в природе вещей, они «от бога» и что в них все хорошо — одни призваны повелевать и «заботиться» о своих ближних, а другие — в благодарность за эти «заботы» должны безропотно гнуть спину на своих благодетелей. Система наемного труда сорвала все и всяческие покровы; исчезло все патриархальное. Единственным отношением между предпринимателем и рабочими стало денежное отношение, отношение купли и продажи. Капиталистическая промышленность объединила и сплотила рабочих в один класс, у членов которого общая судьба и единые интересы. Бедственное положение подавляющего большинства рабочих побуждает их к активной защите своих прав от посягательств капитала. Пролетариат в ходе классовой борьбы достигает «такого объединения и такой ступени развития, когда он действительно становится способным совершить революцию в старом обществе и революционизировать самого себя» [1]. Маркс отмечает далее, что при системе наемного труда достигается высокий уровень производства и производительности труда, который позволит перейти к новой организации общества.

Рост производительных сил в буржуазном обществе выражается в расширении производства товаров. Но это означает также, что условия производства для рабочих постоянно ухудшаются, рабочий должен «за все меньшую заработную плату работать все больше, при все более снижающихся издержках производства. Таким образом, самый минимум все более и более сводится к большему напряжению сил при минимуме наслаждения жизнью» [2]. «Следовательно,— заключает Маркс,— рост производительных сил сопровождается усилением господства крупного капитала, возрастающим опрощением и упрощением машины, называемой рабочим, возрастающей прямой конкуренцией между рабочими вследствие усиленного разделения труда и применения машин, вследствие премии, открыто назначаемой за производство людей, вследствие конкуренции разорившихся слоев буржуазии и т. д.» [3].

Эти тенденции закономерны для технического прогресса при системе наемного труда. Они порождаются всецело характером общественных отношений, покоящихся на частной собственности на средства производства. Но буржуа, особенно с того времени, когда пролетариат начинает оказывать открытое сопротивление капиталу, стараются оправдать органические пороки общественного строя и все до очевидности отвратительные стороны жизни буржуазного общества относят на счет неодолимого действия законов природы, убеждая, что отрицательные последствия применения передовой техники и технологии производства свойственны любому общественному строю. В этой связи Маркс в рукописи о заработной плате (подобно Энгельсу в «Набросках к критике политической экономии» и в «Положении рабочего класса в Англии») безоговорочно отвергает домыслы Мальтуса относительно причин массовой безработицы, утверждая, что абсолютного перенаселения нет и быть не может. Но есть другое перенаселение (точного названия ему Маркс пока еще не дает), которое «необходимо вытекает из природы крупной промышленности и из отношения между трудом и капиталом» [4].

Для формирования экономического учения марксизма важен был сделанный в этой рукописи новый вывод о том, что «всеобщий закон, необходимо вытекающий из природы отношения между капиталом и трудом, таков, что при росте производительных сил та часть производительного капитала, которая превращается в машины и в сырье, т. е. капитал как таковой, возрастает несоразмерно по сравнению с той частью, которая предназначается на заработную плату; т. е., другими словами: рабочим приходится делить между собой все уменьшающуюся по сравнению со всей

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 6, с. 601.
[2] Там же, с. 594.
[3] Там же.
[4] См. там же, с. 597.

массой производительного капитала часть этого капитала» [1]. В этом выводе Маркс, по существу, подошел к различению постоянного и переменного капитала, к представлению об органическом строении капитала, хотя сами эти понятия, чрезвычайно важные для разработки экономической теории марксизма, здесь пока отсутствовали и были сформулированы позже.

Маркс подверг критике несостоятельные проекты (о сберегательных кассах для рабочих, о производственном образовании), посредством которых буржуазные реформисты предлагали облегчить положение рабочего класса.

Важное значение имел вывод Маркса о том, что борьба за повышение заработной платы революционизирует рабочего, без чего он остался бы совершенно в стороне от роста общественного богатства, успехов цивилизации, «следовательно для него была бы исключена сама возможность освобождения» [2].

В рукописи Маркс критически разбирает доводы экономистов против рабочих коалиций. Он отмечает, что их заявления о том, будто коалиции неспособны в течение долгого времени сопротивляться стихии конкуренции, что повышение заработной платы обязательно ускорит введение новых машин и т. п.,— верны лишь с точки зрения самих буржуазных экономистов. Помимо того, что коалиции служат средством защиты экономических интересов рабочего класса, Маркс видит в них средство объединения и политического воспитания рабочего класса, его «подготовки к ниспровержению всего старого общества с его классовыми противоречиями» [3]. Сами рабочие уже перестают смотреть на свои союзы так узко и ограниченно, как это делают буржуазные экономисты и утопические социалисты. Рабочие готовы отдавать все, что они могут выкраивать из своей заработной платы, на создание профессиональных и политических организаций, на поддержку рабочего движения. Рабочие, подчеркнул Маркс, «получают от своей революционной деятельности величайшее в жизни наслаждение» [4]. Это была прямая агитация за революционную, партийную деятельность пролетариата.

В целом лекции Маркса в брюссельском Немецком рабочем обществе явились существенным этапом как в формировании марксистской экономической теории и научного коммунизма, так и в революционном просвещении авангарда пролетариата.

Маркс намеревался опубликовать свои лекции, однако публикация их в Брюсселе не состоялась из-за начавшихся в феврале 1848 года революционных событий и высылки Маркса из Бельгии. Доработанные записи лекций под названием «Наемный труд и капитал» частично увидели свет только в апреле 1849 года в Кёльне в «Новой Рейнской газете», которую Маркс в то время редактировал [5].

По рекомендации Кёльнского рабочего союза произведение «Наемный труд и капитал» после его опубликования в «Новой

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 6, с. 596.

[2] См. там же, с. 590.

[3] См. там же, с. 600.

[4] См. там же, с. 601.

[5] Первое отдельное издание произведения «Наемный труд и капитал» было осуществлено в 1880 году в Бреславле без участия Маркса. В 1881 году оно было повторено там же. После смерти Маркса «Наемный труд и капитал» при участии Энгельса был выпущен отдельным изданием в 1884 году в Хоттингене — Цюрихе, а в 1891 году — в Берлине. На русском языке произведение вышло в свет в 1883 году в Женеве в издании группы «Освобождение труда».

Рейнской газете» обсуждалось рабочими Кёльна и других городов. И в дальнейшем рабочие с интересом читали и оживленно обсуждали это популярное произведение. Оно развивало классовое сознание, помогало уяснять материальную основу классовой борьбы в капиталистическом обществе, укрепляло веру в необходимость упорной борьбы с эксплуататорами.

4. «МАНИФЕСТ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ»

Для совместной работы над «Манифестом Коммунистической партии» у Маркса и Энгельса было несколько дней в Лондоне, после окончания II конгресса Союза коммунистов, и около полутора недель в Брюсселе, до отъезда Энгельса в Париж. Позже более месяца Маркс работал над «Манифестом» один [1].

Свое учение Маркс и Энгельс, при известном «разделении труда», разрабатывали общими усилиями, в самом тесном контакте, и «Манифест Коммунистической партии» явился итогом формирования марксизма в 40-х годах XIX столетия. По поводу основных положений «Манифеста» Энгельс позже писал, что к ним за несколько лет до 1845 года постепенно приближались оба они с Марксом и что книга «Положение рабочего класса в Англии» показывает, в какой мере ему, Энгельсу, «удалось продвинуться в этом направлении самостоятельно» [2]. Ленин, говоря о создании «Манифеста», писал, что «имена Маркса и Энгельса справедливо ставят рядом, как имена основоположников современного социализма» [3].

«Манифест Коммунистической партии» — произведение, составившее эпоху. В чеканных, образных, запоминающихся словах и выражениях оно излагает новое, революционное пролетарское мировоззрение и обосновывает программу действий, которая стала знаменем всего революционного пролетариата, вдохновляя его на коренное обновление социальной действительности. По определению Ленина, в «Манифесте» «с гениальной ясностью и яркостью обрисовано новое миросозерцание, последовательный материа-

---

[1] В первых двух изданиях, осуществленных Союзом коммунистов в 1848 году, это произведение именовалось «Манифестом Коммунистической партии», причем его авторы не были названы. Тем самым на первый план выдвигалось значение «Манифеста» как документа партии — Союза коммунистов. На авторство Маркса и Энгельса впервые было указано в предисловии Дж. Гарни к английскому переводу «Манифеста» в чартистском еженедельнике «The Red Republican» в 1850 году. Что же касается его названия, то в 1872 году, когда Союз коммунистов уже не существовал, Маркс и Энгельс переиздали свое произведение под названием «Коммунистический манифест». Таким образом, два названия были равно признаны Марксом и Энгельсом. Этими названиями произведение равнозначно именуется и в литературе.

[2] См.: *Энгельс Ф.* Предисловие к апглийскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» 1888 года.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 367.

[3] *Ленин В. И.* Переписка Маркса с Энгельсом.— Полн. собр. соч., т. 24, с. 269.

лизм, охватывающий и область социальной жизни, диалектика, как наиболее всестороннее и глубокое учение о развитии, теория классовой борьбы и всемирно-исторической революционной роли пролетариата, творца нового, коммунистического общества»[1].

Преходящий характер буржуазного строя

В «Манифесте» четыре раздела. Первый из них — «Буржуа и пролетарии» — раскрывает возникновение и развитие буржуазного общества, буржуазии и пролетариата. Этот раздел, а затем и второй — «Пролетарии и коммунисты» — пронизывает мысль о неизбежности коренного преобразования рабочим классом существующих общественных отношений во всем мире. Эта мысль, исходящая из материалистического понимания исторического процесса, как формулировал ее Энгельс в предисловии к английскому изданию 1888 года, «заключается в том, что в каждую историческую эпоху преобладающий способ экономического производства и обмена и необходимо обусловливаемое им строение общества образуют основание, на котором зиждется политическая история этой эпохи и история ее интеллектуального развития, основание, исходя из которого она только и может быть объяснена; что в соответствии с этим вся история человечества (со времени разложения первобытного родового общества с его общинным землевладением) была историей борьбы классов, борьбы между эксплуатирующими и эксплуатируемыми, господствующими и угнетенными классами; что история этой классовой борьбы в настоящее время достигла в своем развитии той ступени, когда эксплуатируемый и угнетаемый класс — пролетариат — не может уже освободить себя от ига эксплуатирующего и господствующего класса — буржуазии,— не освобождая вместе с тем раз и навсегда всего общества от всякой эксплуатации, угнетения, классового деления и классовой борьбы»[2].

Первый раздел «Манифеста» начинается с положения о том, что история общества — от рабовладельческого до буржуазного — была историей борьбы классов. «Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, короче, угнетающий и угнетаемый,— отметили Маркс и Энгельс,— находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов»[3].

Таким образом, социальные революции были закономерным завершением борьбы между определенными антагонистическими классами, кульминацией этой борьбы, в результате которой общество в своем развитии вступало в очередную, более высокую фазу. Следовательно, и буржуазное общество, вышедшее из недр

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Карл Маркс.— Полн. собр. соч., т. 26, с. 48.
[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 367.
[3] Там же, т. 4, с. 424.

феодального, и присущие ему новые классы, новые способы угнетения и новые формы классовой борьбы — закономерный этап в развитии человечества, подготовленный предшествующей историей и сам исторически преходящий. Необходимость классовой борьбы пролетариата и неизбежность пролетарской революции, направленной против буржуазного общественного строя, имеют историческое обоснование.

В «Манифесте» значительно глубже и конкретнее по сравнению с предварительными вариантами программного документа были раскрыты закономерности развития материального производства, соотношение производительных сил и производственных отношений, связь политической и духовной жизни общества с его экономическим основанием.

Рисуя выразительную картину становления буржуазного строя, Маркс и Энгельс указали на роль, которую сыграли при этом великие географические открытия, появление новых товаров и новых рынков, процесс вытеснения цехового ремесла мануфактурой и мануфактуры — крупной промышленностью. Крупная промышленность явилась следствием революции, совершенной в производстве паром и машиной. На известной исторической ступени, разъяснял «Манифест», «отношения, в которых происходили производство и обмен феодального общества, феодальная организация земледелия и промышленности, одним словом, феодальные отношения собственности, уже перестали соответствовать развившимся производительным силам. Они тормозили производство, вместо того, чтобы его развивать. Они превратились в его оковы. Их необходимо было разбить, и они были разбиты. Место их заняла свободная конкуренция, с соответствующим ей общественным и политическим строем, с экономическим и политическим господством класса буржуазии» [1].

В эпоху становления капитализма все «застывшие, покрывшиеся ржавчиной» отношения феодального общества разрушались, говорилось в «Манифесте», «вместе с сопутствующими им, веками освященными представлениями и воззрениями» [2]. Уничтожив свойственный феодализму «трепет религиозного экстаза, рыцарского энтузиазма, мещанской сентиментальности», буржуазия утвердила в жизни эгоистический расчет, а «эксплуатацию, прикрытую религиозными и политическими иллюзиями, она заменила эксплуатацией открытой, бесстыдной, прямой, черствой» [3]. Она завоевала не только экономическое, но и политическое господство и превратила государственную власть в «комитет, управляющий общими делами всего класса буржуазии» [4].

Диалектико-материалистическое понимание общественного раз-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 429.
[2] См. там же, с. 427.
[3] Там же, с. 426.
[4] См. там же.

вития позволило дать в «Манифесте» научную оценку исторического места буржуазного строя. Утопический социализм первым взялся за критику капитализма с позиций народных масс, однако, не умея, как писал Ленин, «ни разъяснить сущность наемного рабства при капитализме, ни открыть законы его развития», он просто «осуждал, проклинал его, мечтал об уничтожении его» [1]. «Манифест» же, всесторонне раскрывая противоречивую сущность буржуазного строя, объяснил и его прогрессивность по сравнению с феодализмом. Спустя много лет Энгельс отметил это обстоятельство: ««Манифест» воздает полную справедливость той революционной роли, которую капитализм сыграл в прошлом» [2].

Маркс и Энгельс указали в «Манифесте»: «Буржуазия сыграла в истории чрезвычайно революционную роль» [3]. Ее заслугой является невиданное прежде развитие производительных сил. «Буржуазия менее чем за сто лет своего классового господства создала более многочисленные и более грандиозные производительные силы, чем все предшествовавшие поколения, вместе взятые» [4]. Совершенствуя орудия производства, развивая средства сообщения, завоевывая новые рынки, буржуазия придала производству и потреблению международный характер. «На смену старой местной и национальной замкнутости и существованию за счет продуктов собственного производства приходит всесторонняя связь и всесторонняя зависимость наций друг от друга. Это в равной мере относится как к материальному, так и к духовному производству» [5]. Наконец, капитализму присущ необычайный динамизм. Если «первым условием существования всех прежних промышленных классов было сохранение старого способа производства в неизменном виде», то «буржуазия не может существовать, не вызывая постоянно переворотов в орудиях производства, не революционизируя, следовательно, производственных отношений, а стало быть, и всей совокупности общественных отношений... Беспрестанные перевороты в производстве, непрерывное потрясение всех общественных отношений, вечная неуверенность и движение отличают буржуазную эпоху от всех других» [6].

Эти особенности буржуазного строя создают совершенно новые условия и перспективы освободительной борьбы трудящихся масс. И «Манифест» рисует впечатляющую картину нарастания революционной борьбы при капитализме, разъясняя, что создание материальных предпосылок для уничтожения частной собственности,

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Три источника и три составных части марксизма.— Полн. собр. соч., т. 23, с. 46.

[2] *Энгельс Ф.* К итальянскому читателю. Предисловие к итальянскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» 1893 года.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 382.

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 426.

[4] Там же, с. 429.

[5] Там же, с. 428.

[6] Там же, с. 427.

ускорение темпов общественного развития, интернационализация общественной жизни, а главное — возникновение и развитие новой социальной силы — пролетариата придает борьбе против эксплуатации и угнетения новое качество: «Все до сих пор происходившие движения были движениями меньшинства или совершались в интересах меньшинства. Пролетарское движение есть самостоятельное движение огромного большинства в интересах огромного большинства» [1].

Показав, каким образом рост производительных сил и развертывание классовой борьбы привели к крушению феодального и утверждению буржуазного строя, авторы «Манифеста» предсказали, что действие тех же общих закономерностей в новых исторических условиях поставит под вопрос существование и буржуазного строя.

Создавая производительные силы, все более перерастающие тесные рамки буржуазных общественных отношений, буржуазия тем самым создавала материальные предпосылки для новой революции и делала эту революцию неизбежной. Применяя в качестве средства преодоления кризисов перепроизводства уничтожение массы производительных сил и захват новых рынков, буржуазия обнаруживала свою неспособность и невозможность при капитализме обеспечить сносные условия существования пролетариям, создающим все общественные богатства. Это свидетельствовало о том, что антагонистические противоречия капитализма не могут быть разрешены в рамках буржуазного строя, что буржуазия «неспособна оставаться долее господствующим классом общества и навязывать всему обществу условия существования своего класса в качестве регулирующего закона» [2]. Развивая производительные силы и тем самым выковывая оружие против себя, буржуазия, как указал «Манифест», «породила и людей, которые направят против нее это оружие,— современных рабочих, *пролетариев*» [3].

Всемирно-историческая миссия пролетариата

«Коммунистический манифест» всесторонне раскрывал черты и общественное положение пролетариата как класса, антагонистичного буржуазии, выявлял природу его революционности. «Жизненные условия старого общества,— писали Маркс и Энгельс,— уже уничтожены в жизненных условиях пролетариата. У пролетария нет собственности; его отношение к жене и детям не имеет более ничего общего с буржуазными семейными отношениями; современный промышленный труд, современное иго капитала, одинаковое как в Англии, так и во Франции, как в Америке, так и в Германии, стерли с него всякий национальный характер. Законы, мораль, религия — все это для него не более как буржуазные предрассудки, за которыми скрываются буржуазные интересы» [4].

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 435.
[2] См. там же.
[3] См. там же, с. 430.
[4] Там же, с. 434.

В «Манифесте» указан также ряд других особенностей, присущих пролетариату как классу. Рабочие «только тогда и могут существовать, когда находят работу, а находят ее лишь до тех пор, пока их труд увеличивает капитал». Они вынуждены «продавать себя поштучно» и «представляют собой такой же товар, как и всякий другой предмет торговли». Они становятся «простым придатком машины», «лишь рабочими инструментами», труд для них утрачивает «всякую привлекательность». Для них «в той же самой мере, в какой растет непривлекательность труда, уменьшается заработная плата» и «в той же мере, в какой возрастает применение машин и разделение труда, возрастает и количество труда», отдаваемого капиталистам, усиливается эксплуатация рабочих. Как «рядовые промышленной армии», рабочие «ставятся под надзор целой иерархии унтер-офицеров и офицеров»; они — «рабы не только класса буржуазии, буржуазного государства, ежедневно и ежечасно порабощает их машина, надсмотрщик и прежде всего сам отдельный буржуа-фабрикант». Рабочих, однако, эксплуатирует не один фабрикант: на получивших заработную плату рабочих тут же «набрасываются другие части буржуазии — домовладелец, лавочник, ростовщик и т. п.» [1].

Вместе с тем пролетариат, работая на крупных фабриках в городах, сплачивается в большие и постоянно увеличивающиеся массы, которые «организуются по-солдатски». А потому «сила его растет, и он все более ее ощущает» [2]. Наконец, буржуазия в борьбе против феодальной аристократии и для ведения междоусобных войн вынуждена призывать пролетариат себе на помощь и «вовлекать его таким образом в политическое движение», обучать классовой борьбе, передавать ему «элементы своего собственного образования, т. е. оружие против самой себя» [3].

Заканчивая характеристику пролетариата как класса и перечень причин, побуждающих его вести классовую борьбу против буржуазии, Маркс и Энгельс делали вывод: «Из всех классов, которые противостоят теперь буржуазии, только пролетариат представляет собой действительно революционный класс» [4].

Далее авторы «Манифеста» обосновывали этот вывод, излагая учение о всемирно-исторической миссии пролетариата. «Все прочие классы,— писали они,— приходят в упадок и уничтожаются с развитием крупной промышленности, пролетариат же есть ее собственный продукт... Все прежние классы, завоевав себе господство, стремились упрочить уже приобретенное ими положение в жизни, подчиняя все общество условиям, обеспечивающим их способ присвоения. Пролетарии же могут завоевать общественные производительные силы, лишь уничтожив свой собственный нынешний

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 430—431.
[2] См. там же, с. 431—432.
[3] См. там же, с. 433.
[4] Там же, с. 434.

способ присвоения, а тем самым и весь существовавший до сих пор способ присвоения в целом. У пролетариев нет ничего своего, что надо было бы им охранять, они должны разрушить все, что до сих пор охраняло и обеспечивало частную собственность... Пролетариат, самый низший слой современного общества, не может подняться, не может выпрямиться без того, чтобы при этом не взлетела на воздух вся возвышающаяся над ним надстройка из слоев, образующих официальное общество» [1].

Следовательно, пролетариат революционен по своей социальной природе, вследствие его объективного положения в системе капиталистического производства, во всей системе буржуазных общественных отношений. Он не может не стремиться к ниспровержению буржуазного и вообще классово-антагонистического строя. Эти выводы образно и лаконично переданы в «Манифесте» словами: буржуазия «производит прежде всего своих собственных могильщиков. Ее гибель и победа пролетариата одинаково неизбежны» [2].

Еще до «Манифеста» Маркс и Энгельс пришли к заключению, что пролетарская революция, направленная против частнособственнического строя, будет насильственной. Развивая это положение, «Манифест» указывал, что насильственный характер пролетарской революции проистекает прежде всего из того, что всякая политическая власть по своей сути — «это организованное насилие одного класса для подавления другого» [3]. Необходимость применения силы, революционного насилия вытекает и из задач, которые должна решить пролетарская революция. Упразднить старые производственные отношения [4], разрешить в первую очередь «вопрос о собственности, как основной вопрос движения» [5], «вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал» [6] — всего этого можно добиться, лишь располагая силой, «лишь при помощи деспотического вмешательства» [7] в буржуазные общественные отношения. Потому «Манифест» прямо и недвусмысленно говорит о пролетарской революции как насильственной. Его заключительные строки гласят: «Коммунисты считают презренным делом скрывать свои взгляды и намерения. Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного ниспровержения всего существующего общественного строя» [8].

«Манифест Коммунистической партии» создавался, когда страны Западной Европы стояли на пороге буржуазных революций, и вышел в свет в феврале 1848 года, в дни, когда началась революция в Париже. Маркс и Энгельс ожидали, что буржуазно-революцион-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 434—435.
[2] Там же, с. 336.
[3] См. там же, с. 447.
[4] См. там же.
[5] См. там же, с. 459.
[6] См. там же, с. 446.
[7] См. там же.
[8] Там же, с. 459.

ные преобразования, особенно в Германии, где они должны были происходить при более прогрессивных условиях, чем в Англии XVII и Франции XVIII столетия, могут стать «непосредственным прологом пролетарской революции» [1]. Эти соображения тем более побуждали создателей «Манифеста» писать так, чтобы готовить рабочий класс к решающей схватке с буржуазией, не давая ему увлечься парламентско-демократическими, реформистскими иллюзиями.

В процессе своего развития пролетариат, напоминал «Манифест», прошел ряд ступеней. Из массы, раздробленной конкуренцией и не сознающей ни своего положения как класса, ни собственных интересов, он должен был стать сплоченным, организованным классом, понимающим свои интересы и цели и способным совершить революцию. «Рабочие начинают с того,— говорилось в «Манифесте»,— что образуют коалицию против буржуа; они выступают сообща для защиты своей заработной платы» [2]. В то время Маркс и Энгельс еще не выработали представлений о самостоятельном значении экономической борьбы за улучшение положения рабочих и считали, что результатом их борьбы с опорой на пролетарские коалиции (профессиональные союзы) явится «не непосредственный успех» в виде завоевания более приемлемых условий, а «все шире распространяющееся объединение рабочих» [3]. Но тем решительнее авторы «Манифеста» подчеркивали значение этого объединения и показывали этапы его развития — возникновение связи между рабочими различных местностей, централизацию местных очагов борьбы, их слияние в общенациональную классовую борьбу, приобретающую политический характер. В итоге этот процесс приводит к организации «пролетариев в класс и тем самым — в политическую партию». Об этой организации говорится, что конкуренцией между рабочими она разрушается, но «возникает снова и снова, становясь каждый раз сильнее, крепче, могущественнее» [4].

Коммунистическая партия и ее принципы

В «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс выдвинули ряд идей о пролетарской партии, ее роли в освободительной борьбе пролетариата, в создании коммунистического общества.

Здесь Маркс и Энгельс впервые выдвинули положение, согласно

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 459.

[2] Там же, с. 432.

[3] См. там же.— Вместе с тем в «Манифесте» имеется тенденция к признанию значения экономических успехов классовой борьбы рабочих. В нем говорится, что организация пролетариев в класс «заставляет признать отдельные интересы рабочих в законодательном порядке, используя для этого раздоры между отдельными слоями буржуазии. Например, закон о десятичасовом рабочем дне в Англии» (см. там же, с. 433). Замечание, касающееся «иллюзий относительно результатов этой меры» (см. там же, т. 42, с. 366), не было перенесено из черновой рукописи «Манифеста» в его окончательный текст.

[4] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 433.

которому сплочение еще не обладающих классовым самосознанием пролетариев в класс неразрывно связано с организацией политической партии этого класса. Стало быть, отсутствие у пролетариата политической партии свидетельствует о том, что рабочие еще не образовали класса в полном смысле слова; классом в полном значении они станут тогда, когда их социальная активность под влиянием пролетарской политической партии приобретет организованный, целенаправленный, осмысленный характер. Это положение подчеркивает громадное значение самостоятельной политической партии для рабочего класса и занимает в марксистском учении о партии ключевое место.

Провозглашая в «Коммунистическом манифесте» как манифесте политической партии основные цели и принципы ее деятельности, Маркс и Энгельс писали, что у коммунистов «нет никаких интересов, отдельных от интересов всего пролетариата в целом», что коммунисты отстаивают «общие, не зависящие от национальности интересы всего пролетариата», являются «представителями интересов движения в целом» [1].

В этих определениях ясно выражен важнейший принцип революционного рабочего движения — пролетарский интернационализм, без соблюдения которого невозможен общий успех движения пролетариата. Этот принцип выражен в «Манифесте» и в виде боевого клича, который стал лозунгом всего международного рабочего движения: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Пролетарский интернационализм как принцип революционного движения, идущего под знаменем научного коммунизма, марксизма, требовал и учета национальных задач пролетариата. «Если не по содержанию, то по форме борьба пролетариата против буржуазии,— разъяснял «Манифест»,— является сначала борьбой национальной. Пролетариат каждой страны, конечно, должен сперва покончить со своей собственной буржуазией» [2]. Излагая тактику коммунистической партии, Маркс и Энгельс ставили перед коммунистами задачу работать в существовавших национальных организациях рабочих. И именно в этом смысле нужно воспринимать положение «Манифеста» о том, что коммунисты как партия не противостоят другим рабочим организациям; они — наиболее решительная, «всегда побуждающая к движению» часть национальных отрядов пролетариата [3]. Коммунисты борются «во имя ближайших целей и интересов рабочего класса», но в движении сегодняшнего дня «отстаивают и будущность движения» [4]. Ближайшая цель коммунистов определялась как «формирование пролетариата в класс, ниспровержение господства буржуазии, завоевание пролетариатом политической власти» [5]. Будущность же движения, его

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 437.
[2] Там же, с. 435.
[3] См. там же, с. 437.
[4] См. там же, с. 458.
[5] См. там же, с. 437—438.

конечная цель, предусматривала коммунистическое переустройство общества.

Маркс и Энгельс пояснили, что в теоретическом отношении у коммунистов перед остальной массой пролетариата есть «преимущество в понимании условий, хода и общих результатов пролетарского движения» [1]. Ввиду этого коммунисты, как наиболее сознательная часть, авангард рабочего класса, призваны организовать и направлять весь рабочий класс в революционной борьбе. Характеризуя в этой связи теорию, которой руководствуются коммунисты, «Манифест» указал на ее научный характер: теоретические положения коммунистов основываются не на выдуманных кем-то принципах, а являются «общим выражением действительных отношений происходящей классовой борьбы, выражением совершающегося на наших глазах исторического движения» [2].

Основные черты коммунизма

С позиций научного коммунизма «Манифест» подверг критике отношения, институты и идеологию буржуазного общества, противопоставляя им соответствующие черты будущего, коммунистического общества.

Относительно собственности Маркс и Энгельс давали важное разъяснение: коммунистами провозглашается «не отмена собственности вообще, а отмена буржуазной собственности» [3]. Это разъяснение было нужно потому, что, во-первых, в среде Союза коммунистов еще не вполне были изжиты шедшие от вейтлингианства нереалистические и неисторичные представления об уничтожении всякой собственности (и замене ее «общностью имущества») и, во-вторых, такими представлениями злоупотребляли буржуазные и мелкобуржуазные идеологи, например Штирнер и Прудон, уверяя, будто коммунисты хотят «уничтожить собственность, лично приобретенную, добытую своим трудом, образующую основу всякой личной свободы, деятельности и самостоятельности» [4]. «Манифест» выяснял несостоятельность таких обвинений. Он указал, что уничтожение ранее существовавших отношений собственности не является чем-то, присущим исключительно коммунизму. Отношения собственности и ранее подвергались историческим преобразованиям. Например, французская революция заменила феодальную собственность собственностью буржуазной. И буржуазную собственность ждет подобная участь. Что же касается мелкобуржуазной, мелкокрестьянской собственности, то она исторически предшествовала собственности буржуазной, и ее можно считать добытой своим трудом. Но коммунистам «нечего ее уничтожать, развитие промышленности ее уничтожило и уничтожает изо дня в день» [5].

В отличие от других классов буржуазного общества у проле-

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 437.
[2] См. там же, с. 438.
[3] См. там же.
[4] См. там же.
[5] См. там же.

тариев нет собственности. В этом состоит особенность пролетариата, который формировался из разорявшихся мелких собственников. Наемный рабочий получает от буржуазии лишь то, что необходимо для воспроизводства его жизни. По этому поводу в «Манифесте» говорилось: «Мы вовсе не намерены уничтожить это личное присвоение продуктов труда, служащих непосредственно для воспроизводства жизни, присвоение, не оставляющее никакого избытка, который мог бы создать власть над чужим трудом. Мы хотим уничтожить только жалкий характер такого присвоения, когда рабочий живет только для того, чтобы увеличивать капитал, и живет лишь постольку, поскольку этого требуют интересы господствующего класса» [1].

Относительно же буржуазной собственности в «Манифесте» указывалось, что она не является результатом личного труда капиталиста. Капитал, то есть «собственность, эксплуатирующую наемный труд, собственность, которая может увеличиваться лишь при условии, что она порождает новый наемный труд, чтобы снова его эксплуатировать» [2], авторы «Манифеста» характеризовали как «коллективный продукт», который может быть приведен в движение «лишь совместной деятельностью многих членов общества, а в конечном счете — только совместной деятельностью всех членов общества... Капитал — не личная, а общественная сила» [3]. Далее делался вывод о том, что если капитал будет превращен в коллективную собственность, принадлежащую всем членам общества, то «это не будет превращением личной собственности в общественную. Изменится лишь общественный характер собственности. Она потеряет свой классовый характер» [4].

По поводу лицемерного ужаса буржуа перед намерением уничтожить частную собственность Маркс и Энгельс напоминали: «...в вашем нынешнем обществе частная собственность уничтожена для девяти десятых его членов; она существует именно благодаря тому, что не существует для девяти десятых... Мы хотим уничтожить собственность, предполагающую в качестве необходимого условия отсутствие собственности у огромного большинства общества» [5].

В связи с частной собственностью (которую идеологи буржуазии и по сей день выдают за основу личной свободы и самостоятельности людей [6]) в «Манифесте» рассмотрены проблемы личности и свободы в буржуазном обществе и при коммунизме.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 439.
[2] См. там же, с. 438.
[3] Там же, с. 439.
[4] Там же.
[5] Там же, с. 440.
[6] Так, например, в своем сочинении «Капиталистический манифест» современные апологеты капитализма Л. Келсо и М. Адлер пишут, что именно частная собственность «дает всем людям ту экономическую независимость, в которой они нуждаются для защиты своей политической свободы» (*Kelso L., Adler M.* The Capitalist Manifesto. New York, 1958, p. 102).

Маркс и Энгельс показали, что в буржуазном обществе живой труд есть лишь средство увеличивать труд накопленный, который в силу частной собственности превращается в капитал. И именно капитал, монополизируемый собственниками, «обладает самостоятельностью и индивидуальностью, между тем как трудящийся индивидуум лишен самостоятельности и обезличен». В рамках буржуазных производственных отношений под свободой «понимают свободу торговли, свободу купли и продажи» [1]. Буржуазные отношения и вместе с ними буржуазная личность, буржуазная самостоятельность, буржуазная свобода действительно должны быть упразднены при коммунистическом преобразовании общества. Но это вовсе не означает, что коммунизм будто бы вообще упраздняет свободу и обезличивает индивидуума.

«Коммунизм,— гласит «Манифест»,— ни у кого не отнимает возможности присвоения общественных продуктов, он отнимает лишь возможность посредством этого присвоения порабощать чужой труд» [2]. В коммунистическом обществе накопленный труд превращается в «средство расширять, обогащать, облегчать жизненный процесс рабочих» [3]. Здесь личность не только не будет принижена, но, наоборот, получит все условия для расцвета, ибо коммунизм означает, что на место общества с классами и классовыми противоположностями приходит «ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех» [4]. Таким образом, высокопарные речи буржуа о свободе если и имеют какой-то смысл, то «лишь по отношению к несвободному торгашеству, к порабощенному горожанину средневековья, а не по отношению к коммунистическому уничтожению торгашества, буржуазных производственных отношений и самой буржуазии» [5].

«Манифест» раскрывал также несостоятельность буржуазных измышлений о семье, воспитании и образовании при коммунизме.

Саркастически высмеивая «высокоморальный ужас» буржуазии перед мнимой общностью жен при коммунизме, «Манифест» указал, что именно буржуазная семья, буржуазный брак вместе с вынужденной бессемейностью пролетариев и публичной проституцией означают в действительности общность жен. Но так как и для буржуазной семьи, и для проституции основанием служат буржуазные производственные отношения, та и другая «вместе исчезнут с исчезновением капитала» [6], с уничтожением частной собственности, буржуазных производственных отношений.

«Манифест» подчеркивал, что при коммунизме упразднению подлежит не образование вообще, мнимую гибель которого опла-

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 439.
[2] Там же, с. 440.
[3] См. там же, с. 439.
[4] См. там же, с. 447.
[5] См. там же, с. 440.
[6] См. там же, с. 443.

кивает буржуазия, а лишь буржуазное классовое образование, которое при господстве буржуазии оборачивается для трудящихся превращением их в придаток машины. Коммунисты, обосновывая необходимость общественного воспитания детей при новом общественном строе, «не выдумывают влияния общества на воспитание; они лишь изменяют характер воспитания, вырывают его из-под влияния господствующего класса» [1].

В ответ на обвинения в адрес коммунистов, будто они хотят отменить отечество и национальность, «Манифест» указывал: «Рабочие не имеют отечества. У них нельзя отнять то, чего у них нет. Так как пролетариат должен прежде всего завоевать политическое господство, подняться до положения национального класса, конституироваться как нация, он сам пока еще национален, хотя совсем не в том смысле, как понимает это буржуазия» [2]. В этих положениях, направленных против буржуазного понимания вопроса, разумеется, нет ни национального нигилизма, ни антипатриотизма. В них — отказ лишь от насаждаемого буржуазией под видом патриотизма тлетворного национализма, который под флагом любви к отечеству, с одной стороны, подчиняет рабочих своей национальной буржуазии, а с другой — препятствует интернациональной солидарности рабочих разных стран.

«„У рабочего нет отечества",— разъяснял Ленин,— это значит, что (α) экономическое положение его (le salariat*) не национально, а интернационально; (β) его классовый враг интернационален; (γ) условия его освобождения тоже; (δ) интернациональное единство рабочих *важнее* национального» [3].

С позиций исторического материализма «Манифест Коммунистической партии» объяснял действительный смысл идеологических представлений буржуазии, с которыми она выступает против коммунизма и которые выдает за вечные нормы и законы природы и разума. «Нужно ли особое глубокомыслие,— ставил вопрос «Манифест»,— чтобы понять, что вместе с условиями жизни людей, с их общественными отношениями, с их общественным бытием изменяются также и их представления, взгляды и понятия,— одним словом, их сознание? Что же доказывает история идей, как не то, что духовное производство преобразуется вместе с материальным? Господствующими идеями любого времени были всегда лишь идеи господствующего класса» [4].

Поэтому Маркс и Энгельс считали излишним оспаривать буржуазные представления о тех или иных общественных явлениях и их значении. «Ваши идеи,— говорили своим противникам авторы «Манифеста»,— сами являются продуктом буржуазных произ-

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 443.

[2] Там же, с. 444.

* — система наемного труда.

[3] Ленин — И. Ф. Арманд, 20 ноября 1916 г.— Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 324.

[4] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 445.

водственных отношений и буржуазных отношений собственности, точно так же ваше право есть лишь возведенная в закон воля вашего класса, воля, содержание которой определяется материальными условиями жизни вашего класса» [1].

Касаясь заявлений о том, что коммунизм отменяет «вечные истины», религию и нравственность, «Манифест» разъяснял, что вследствие классово-антагонистического характера исторического процесса «общественное сознание всех веков, несмотря на все разнообразие и все различия, движется в определенных общих формах, в формах сознания, которые вполне исчезнут лишь с окончательным исчезновением противоположности классов» [2]. Поскольку же коммунистическая революция коренным образом преобразует общественные отношения, она в ходе своего развития «самым решительным образом порывает с идеями, унаследованными от прошлого» [3]. Из этого не следовало, конечно, что коммунизм отменяет принципы и нормы морали вообще; он решительно порывает лишь с моралью классово-антагонистического, эксплуататорского общества. Вместе с тем авторы «Манифеста», указав на то, что между идеями коммунистического общества и идеями, характерными для общества классово-антагонистического, возникнет самый решительный разрыв, предсказали, что не только отдельные идеи, но даже формы сознания, существовавшие на протяжении ряда эпох и присущие частнособственническому обществу, при коммунизме исчезнут.

Таким образом, в противовес карикатурным изображениям коммунизма буржуазными и мелкобуржуазными идеологами Маркс и Энгельс в «Манифесте» выявили подлинные черты будущего, коммунистического общества как воплощения социального прогресса, показали его истинно гуманистическую природу. Коммунистическая революция, подчеркнули авторы «Манифеста», навсегда покончит со всеми видами социального неравенства и угнетения, паразитического существования одного человека за счет другого. Исчезнут классовые противоречия и различия, полностью будет ликвидирован национальный гнет, причины, порождающие войны между народами, колониальное угнетение. «Вместе с антагонизмом классов внутри наций падут и враждебные отношения наций между собой» [4]. Бурное развитие производительных сил будет использовано в интересах всестороннего удовлетворения материальных и духовных потребностей членов общества. Возникнут реальные возможности для преодоления противоположности между умственным и физическим трудом, чему будет способствовать «соединение воспитания с материальным производством» [5], а также

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 443.
[2] Там же, с. 445—446.
[3] См. там же, с. 446.
[4] Там же, с. 445.
[5] См. там же, с. 447.

для преодоления противоположности между городом и деревней. Сельское население избавится от «идиотизма деревенской жизни». Будут созданы условия для подлинного расцвета человеческой личности, для проявления и развития индивидуальных способностей каждого, для установления гармонического единства интересов личности и общественных интересов.

В «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс как бы приоткрыли завесу над будущим человечества. Они выступили провозвестниками грядущего коммунистического общества, причем не в виде красочной фантазии, как это было в сочинениях социалистов-утопистов, а в том реальном облике, прогнозировать который уже тогда позволяли их научный метод и материалистическое понимание истории.

Стратегия и тактика партии в борьбе за коммунизм

Объяснив основные законы общественного развития, соотношение производительных сил, производственных отношений и духовной жизни общества, роль классовой борьбы, всемирно-историческую миссию рабочего класса как могильщика старого и созидателя нового общества, показав перспективу общественного развития от буржуазного строя через пролетарскую революцию к коммунизму и критически рассмотрев реальное состояние различных сторон буржуазного общества, Маркс и Энгельс приступили к изложению и обоснованию стратегии и тактики классовой борьбы пролетариата и его партии. При этом они подчеркнули основные принципы, которыми должны руководствоваться коммунисты: умение подчинять ближайшие цели освободительной борьбы пролетариата его конечным целям и обеспечивать единство его национальных и интернациональных задач.

Общая установка (в основе своей уже намеченная ранее в статьях в «Немецкой Брюссельской газете» и «Принципах коммунизма») в «Манифесте Коммунистической партии» была выражена в следующих положениях: коммунисты «повсюду поддерживают всякое революционное движение, направленное против существующего общественного и политического строя», «повсюду добиваются объединения и соглашения между демократическими партиями всех стран», и, в частности, «поскольку буржуазия выступает революционно, коммунистическая партия борется вместе с ней против абсолютной монархии, феодальной земельной собственности и реакционного мещанства». При этом «ни на минуту не перестает она вырабатывать у рабочих возможно более ясное сознание враждебной противоположности между буржуазией и пролетариатом», чтобы рабочие «могли сейчас же использовать общественные и политические условия, которые должно принести с собой господство буржуазии, как оружие против нее же самой» [1]. В отношении демократических сил и партий, с которыми комму-

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 459.

нисты могут заключать соглашения в борьбе против общего врага, «Манифест» считал невозможным отказываться от «права относиться критически» к фразам и иллюзиям, проистекающим из традиции мелкобуржуазной, непролетарской революционности [1].

«Манифест Коммунистической партии» давал четкие представления о содержании пролетарской революционности: ее первым шагом является «превращение пролетариата в господствующий класс, завоевание демократии. Пролетариат использует свое политическое господство для того, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, т. е. пролетариата, организованного как господствующий класс, и возможно более быстро увеличить сумму производительных сил» [2]; он «силой упраздняет старые производственные отношения» и вместе с ними «уничтожает условия существования классовой противоположности, уничтожает классы вообще, а тем самым и свое собственное господство как класса» [3]. Это возможно осуществить лишь «при помощи мероприятий, которые экономически кажутся недостаточными и несостоятельными, но которые в ходе движения перерастают самих себя и неизбежны как средство для переворота во всем способе производства» [4].

Приведенная характеристика выражает идею и задачи диктатуры пролетариата, хотя недостает пока самого термина «диктатура пролетариата». В сравнении с «Принципами коммунизма» программа диктатуры пролетариата в «Манифесте» выражена глубже и многостороннее.

Из общей характеристики содержания пролетарской революции вытекало, что революция будет не кратковременным актом, а составит целую эпоху.

Перечень основных мероприятий, при посредстве и в форме которых пролетариат, властно вмешиваясь в право собственности и производственные отношения, должен осуществить перестройку всей экономической системы, социальных порядков и духовной жизни общества, был почти таким же, каким его выработал Энгельс в предварительном проекте программного документа. Однако формулировки «Манифеста» более сжаты, пункты сгруппированы несколько иначе и их число сокращено с 12 до 10. Маркс и Энгельс отметили, что революционные мероприятия в разных странах будут иметь отличия и что намечаемый перечень предназначается для наиболее передовых стран.

В этот перечень вошли:

1. Экспроприация земельной собственности и обращение земельной ренты на покрытие государственных расходов.
2. Высокий прогрессивный налог.
3. Отмена права наследования.

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 458.
[2] Там же, с. 446.
[3] См. там же, с. 447.
[4] См. там же, с. 446.

4. Конфискация имущества всех эмигрантов и мятежников.

5. Централизация кредита в руках государства посредством национального банка с государственным капиталом и с исключительной монополией.

6. Централизация всего транспорта в руках государства.

7. Увеличение числа государственных фабрик, орудий производства, расчистка под пашню и улучшение земель по общему плану.

8. Одинаковая обязательность труда для всех, учреждение промышленных армий, в особенности для земледелия.

9. Соединение земледелия с промышленностью, содействие постепенному устранению различия между городом и деревней.

10. Общественное и бесплатное воспитание всех детей. Устранение фабричного труда детей в современной его форме. Соединение воспитания с материальным производством и т. д. [1]

Опыт социалистической революции и социалистического строительства в СССР и других странах социалистического содружества при всех их особенностях подтвердил общую правильность и действенность этих мероприятий, намеченных в «Манифесте Коммунистической партии» почти за 70 лет до победы Великой Октябрьской социалистической революции.

Наконец, важное место в «Манифесте» занимает вывод относительно пролетарской государственности. Считая, что ближайшей целью пролетариата является завоевание политической власти, что путем насильственного ниспровержения буржуазии пролетариат должен установить свое господство, Маркс и Энгельс тем самым проводили мысль, что победивший пролетариат использует государственность для осуществления своих целей. Реализация всех 10 пунктов программы пролетарской революции, перечисленных в «Манифесте», связана с деятельностью государства. Но государство, используемое победившим пролетариатом в революционных целях,— иной социальной природы, чем государство буржуазное.

В «Манифесте» есть определение: «государство, т. е. пролетариат, организованный как господствующий класс» [2]. Оно раскрывает природу государства, которое рождается в пролетарской революции. Ленин неоднократно обращался к этому определению, борясь с оппортунизмом лидеров социал-демократических партий, которые, замалчивая высказывания Маркса и Энгельса о революционной замене буржуазного государства пролетарским, стремились протащить и выдать за марксизм противоречащую ему реформистскую идею введения социализма путем «мирного развития демократии» и, стало быть, сохранения и использования буржуазного государства.

Пролетарское государство коренным образом отличается от

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 446—447.

[2] См. там же, с. 446.

буржуазного и вообще эксплуататорского государства и тем, что на определенном этапе оно само собой упраздняется. Это произойдет тогда, указал «Манифест», «когда в ходе развития исчезнут классовые различия и все производство сосредоточится в руках ассоциации индивидов»; при этом «публичная власть потеряет свой политический характер» [1]. Ликвидируя старые, эксплуататорские, и устанавливая новые, исключающие эксплуатацию производственные отношения, пролетариат уничтожает тем самым условия существования классовой противоположности и самих классов, а вместе с тем исчезает и необходимость в его господстве; пролетарское государство исчерпывает свои функции и уступает место общественному самоуправлению, не имеющему политического, а стало быть, и государственного характера.

Таковы судьбы государства и государственности при коммунизме, освещенные в «Манифесте Коммунистической партии» теоретически более основательно, чем в предшествовавших ему произведениях Маркса и Энгельса — «Нищете философии» и «Принципах коммунизма».

Размежевание с ненаучным социализмом

Если первые два раздела «Манифеста» излагают основы научного мировоззрения пролетариата, определяют программные цели и задачи пролетариата и его партии в революционно-коммунистическом преобразовании общества, то третий раздел — «Социалистическая и коммунистическая литература» — посвящен критическому анализу ненаучного социализма.

Марксизм при своем возникновении в середине XIX века представлял собой, по выражению Ленина, лишь одну «из чрезвычайно многочисленных фракций или течений социализма» [2], и потому первое целостное изложение в программном документе принципов научного коммунизма естественно сопровождалось размежеванием с ненаучными социалистическими теориями, предшествовавшими или современными Марксу и Энгельсу. «Манифест» является образцом целостного диалектико-материалистического анализа основных разновидностей немарксистского социализма с позиций пролетарского социализма, полностью сохраняя и в этом отношении свою актуальность для современности.

В основе оценки ненаучного социализма в «Манифесте» лежит принцип выявления социальной обусловленности теорий, что помогает понять ненаучный социализм как своеобразный продукт исторического развития на той его ступени, когда общественные противоречия наметились, но еще не достигли зрелости, когда отсутствовали необходимые материальные предпосылки для освобождения от эксплуатации. При этом Маркс и Энгельс в разновидностях ненаучного социализма видели не только умственные кон-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 447.

[2] См.: *Ленин В. И.* Исторические судьбы учения Карла Маркса.— Полн. собр. соч., т. 23, с. 1.

струкции мыслителей-одиночек, но и идеологическое выражение интересов определенных общественных групп, классов.

Множественность социалистических течений объяснялась сложностью реальной социально-классовой структуры капитализма, многообразием классовой борьбы в капиталистическом обществе, которая не ограничивается противоборством двух основных классов — пролетариата и буржуазии. Против капитализма в той или иной степени выступают и другие классы — «средние сословия: мелкий промышленник, мелкий торговец, ремесленник и крестьянин — все они борются с буржуазией для того, чтобы спасти свое существование от гибели»; сама «буржуазия ведет непрерывную борьбу: сначала против аристократии, позднее против тех частей самой же буржуазии, интересы которых приходят в противоречие с прогрессом промышленности, и постоянно — против буржуазии всех зарубежных стран» [1].

Поэтому в эксплуататорском обществе возникали различные по своей классовой сущности направления в критике капитализма, исходящие от различных социальных групп, которые находятся в состоянии противоречия с капитализмом или какой-либо одной его стороной. Характерной чертой всех этих направлений является апелляция к массам, которая неизбежна в силу закономерностей идейной борьбы в антагонистическом обществе, когда каждый класс для достижения своей цели пытается выдать свой интерес за общий интерес всего общества. Иллюстрацией может служить характеристика Марксом и Энгельсом феодального социализма: «Чтобы возбудить сочувствие, аристократия должна была сделать вид, что она уже не заботится о своих собственных интересах и составляет свой обвинительный акт против буржуазии только в интересах эксплуатируемого рабочего класса... Аристократия размахивала нищенской сумой пролетариата как знаменем, чтобы повести за собой народ» [2].

В «Манифесте» рассмотрены основные разновидности ненаучного социализма, дана их характеристика. К реакционным учениям, обращенным в прошлое, отнесены феодальный и мелкобуржуазный социализм (включая немецкий «истинный» социализм), к консервативным — буржуазный социализм, который хотел бы затормозить ход истории, остановить развитие общества.

Феодальный социализм, который представлял собой идеологическую форму борьбы аристократии с победившей ее буржуазией, был охарактеризован в «Манифесте» насмешливо, в духе памфлета: «наполовину похоронная песнь — наполовину пасквиль, наполовину отголосок прошлого — наполовину угроза будущего, подчас поражающий буржуазию в самое сердце своим горьким, остроумным, язвительным приговором, но всегда производящий комическое впечатление полной неспособностью понять ход современ-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 433—434.
[2] Там же, с. 448.

пой истории»[1]. Идеологи феодального социализма, ссылаясь на то, что в докапиталистическую эпоху пролетариата не существовало, обвиняли буржуазию в том, что именно она породила революционный пролетариат. Однако они не хотели признавать, что буржуазия сама была «необходимым плодом» феодального общественного строя[2].

В «Манифесте» упоминался христианский социализм, который, идя рука об руку с феодальным социализмом, стремился придать социалистический оттенок религиозному мировоззрению. О нем было сказано, что это «лишь святая вода, которою поп кропит озлобление аристократа»[3].

Мелкобуржуазный социализм, писали Маркс и Энгельс, господствует «в странах, менее развитых в промышленном и торговом отношении», где сословие горожан и мелких крестьян «прозябает рядом с развивающейся буржуазией». Этот социализм отражает точку зрения мелкой буржуазии, «которая колеблется между пролетариатом и буржуазией»; ее представители, «становясь на сторону пролетариата против буржуазии, в своей критике буржуазного строя прикладывали к нему мелкобуржуазную и мелкокрестьянскую мерку и защищали дело рабочих с мелкобуржуазной точки зрения»[4]. За мелкобуржуазным социализмом «Манифест» признавал известную способность подмечать противоречия буржуазного общества. Но по своему реальному содержанию этот социализм стремился «или восстановить старые средства производства и обмена, а вместе с ними старые отношения собственности и старое общество, или — вновь насильственно втиснуть современные средства производства и обмена в рамки старых отношений собственности, отношений, которые были уже ими взорваны и необходимо должны были быть взорваны. В обоих случаях он одновременно и реакционен и утопичен»[5].

Характеризуя «истинный социализм», который возник в Германии как жалкий отголосок французской социалистической и коммунистической литературы в такое время, когда немецкая буржуазия только начала свою борьбу против феодального абсолютизма, авторы «Манифеста» писали о его представителях: «Под французский оригинал они вписали свою философскую чепуху. Например, под французскую критику денежных отношений они вписали «отчуждение человеческой сущности», под французскую критику буржуазного государства — «упразднение господства Абстрактно-Всеобщего» и т. д.»[6]. Этот псевдосоциализм «провозгласил немецкую нацию образцовой нацией, а немецкого мещанина — образцом человека. Каждой его низости он придавал сокровенный,

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 448.
[2] См. там же, с. 449.
[3] См. там же.
[4] См. там же, с. 450.
[5] См. там же.
[6] Там же, с. 451.

возвышенный социалистический смысл, превращавший ее в нечто ей совершенно противоположное. Последовательный до конца, он открыто выступал против «грубо-разрушительного» направления коммунизма и возвестил, что сам он в своем величественном беспристрастии стоит выше всякой классовой борьбы» [1]. Все это было не более чем выражением реакционных интересов немецкого мещанства и «подслащенным дополнением к горечи плетей и ружейных пуль» [2], которыми феодальные немецкие правительства усмиряли восстания рабочих.

Буржуазный социализм, к которому «Манифест» с едкой иронией причислял экономистов, филантропов, членов обществ покровительства животным, основателей обществ трезвости, мелкотравчатых реформаторов разнообразных видов, стремился «внушить рабочему классу отрицательное отношение ко всякому революционному движению, доказывая, что ему может быть полезно не то или другое политическое преобразование, а лишь изменение материальных условий жизни, экономических отношений. Однако под изменением материальных условий жизни этот социализм понимает отнюдь не уничтожение буржуазных производственных отношений, осуществимое только революционным путем, а административные улучшения, осуществляемые на почве этих производственных отношений, следовательно, ничего не изменяющие в отношениях между капиталом и наемным трудом, в лучшем же случае — лишь сокращающие для буржуазии издержки ее господства и упрощающие ее государственное хозяйство» [3]. Эта характеристика буржуазного социализма применима и к современным реформистским теориям.

В «Манифесте» особо рассмотрен критически-утопический социализм и коммунизм. По своей социальной сущности он выражал интересы трудящихся, главным образом — пролетариата. Наибольшей зрелости он достиг в творчестве Сен-Симона, Фурье и Оуэна, когда впервые появились, по выражению «Манифеста», «собственно социалистические и коммунистические системы», существенно отличавшиеся от первоначальной социалистической литературы, которая хотя и выступала революционно, но по сути была реакционна, поскольку проповедовала «всеобщий аскетизм и грубую уравнительность», что было, впрочем, естественно для ранних этапов пролетарского движения [4].

Характеристика истории утопического социализма в «Манифесте» обобщила теоретическую работу Маркса и Энгельса по критическому осмыслению предшествующей социалистической мысли. Поэтому в первом программном документе научного коммунизма его создатели сочли необходимым отмежеваться и от примитивного коммунизма, присущего революционным представителям про-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 453.
[2] См. там же, с. 452.
[3] Там же, с. 454.
[4] См. там же, с. 455.

летариата на ранних ступенях рабочего движения. Свойственное ему грубо-уравнительное понимание коммунистического равенства они расценили как черту реакционную и противопоставили ему учение представителей критически-утопического социализма и коммунизма о всестороннем гармоническом развитии человека в будущем обществе.

Из критически-утопического социализма и коммунизма Маркс и Энгельс рассмотрели системы Сен-Симона, Фурье и Оуэна. Заслугу этих мыслителей Маркс и Энгельс видели в критике капитализма: их «сочинения нападают на все основы существующего общества. Поэтому они дали в высшей степени ценный материал для просвещения рабочих» [1]. Относительно их позитивных выводов «Манифест» отметил, что эти выводы имели «еще совершенно утопический характер» [2]. Вместе с тем Маркс и Энгельс оценили предвосхищение утопистами некоторых черт коммунизма, отметив, однако, что это были догадки, которые не имели научного обоснования.

Объясняя причины утопизма Сен-Симона, Фурье, Оуэна, Маркс и Энгельс констатировали, что данное этими мыслителями «фантастическое описание будущего общества возникает в то время, когда пролетариат еще находится в очень неразвитом состоянии и представляет себе поэтому свое собственное положение еще фантастически, оно возникает из первого исполненного предчувствий порыва пролетариата к всеобщему преобразованию общества» [3]. Именно поэтому в отражавших такой уровень развития системах место общественной деятельности занимала личная изобретательская деятельность мыслителей, а место постепенной организации пролетариата в класс — организация общества по умозрительно придуманному проекту. Сен-Симон, Фурье и Оуэн сознавали, что в своих проектах они защищали главным образом интересы рабочего класса. Но в рабочих они видели только наиболее страдающий класс. Они не видели на стороне пролетариата «никакой исторической самодеятельности, никакого свойственного ему политического движения» [4] и, считая себя стоящими выше классовых антагонизмов, отвергали политическое и в особенности революционное действие.

В целом значение критически-утопического социализма и коммунизма «Манифест» расценил как стоящее в обратном отношении к историческому развитию. «По мере того как развивается и принимает все более определенные формы борьба классов, это фантастическое стремление возвыситься над ней, это преодоление ее фантастическим путем лишается всякого практического смысла и всякого теоретического оправдания. Поэтому,— заключили Маркс и Энгельс,— если основатели этих систем и были во многих отно-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 456.
[2] См. там же.
[3] См. там же.
[4] См. там же, с. 455.

шениях революционны, то их ученики всегда образуют реакционные секты» [1].

Третий раздел «Манифеста», занимающий свыше одной трети всего текста, сосредоточивает в себе обширный исторический материал и находится в органическом единстве с другими частями документа. Ленин высоко ценил этот материал, неоднократно к нему обращался, считал такого рода раздел необходимой частью партийной программы. Намечая в 1917 году основные направления пересмотра партийной программы, Ленин одним из пунктов внес «добавление характеристики основных течений современного социализма», мотивировав это тем, что «в «Коммунистическом манифесте» такое добавление сделано» [2].

Заключительный, четвертый раздел «Манифеста» — «Отношение коммунистов к различным оппозиционным партиям» — конкретизировал подход коммунистов к демократическим партиям стран Европы и Северной Америки на основе общих стратегических и тактических установок, которые были определены ранее, во втором разделе.

Заканчивался «Манифест» полными уверенности, пророческими словами: «Пусть господствующие классы содрогаются перед Коммунистической Революцией. Пролетариям нечего в ней терять кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир. *Пролетарии всех стран, соединяйтесь!*» [3]

«Духом «Манифеста» живет и движется весь организованный и борющийся пролетариат»

«Манифест Коммунистической партии» впервые вышел в свет на немецком языке в 20-х числах февраля 1848 года в издании лондонского Просветительного общества немецких рабочих и вскоре же был переиздан. В 1848 году предприняты его переводы на французский, польский, датский, шведский языки [4], а в 1850 году он был напечатан в Лондоне по-английски.

«При своем появлении,— писал позже Энгельс,— он был... восторженно встречен тогда еще немногочисленным авангардом научного социализма...» [5] Получив к началу февраля 1848 года рукопись «Манифеста» в Лондоне, Шаппер выступил 8 февраля на праздновании годовщины Просветительного общества немецких рабочих с речью, в которой ряд положений прямо почерпнут из этого произведения [6]. В июне 1850 года Роланд Даниельс, руководитель группы коммунистов в Кёльне и Рейнской провинции, писал Марксу о «Манифесте»: «Он был нашей библией, на которой мы присягали» [7].

Однако ввиду поражения революций 1848—1849 годов в стра-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 456.

[2] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 412.

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 459.

[4] Из них известно только шведское издание под названием «Голос коммунизма: Декларация Коммунистической партии» (Стокгольм, 1848).

[5] *Энгельс Ф.* Предисловие к немецкому изданию «Манифеста Коммунистической партии» 1890 года.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 61.

[6] См.: Deutsche Londoner Zeitung, 1848, 11.II, N 15, S. 1241—1242.

[7] Союз коммунистов — предшественник I Интернационала: Сборник документов, с. 298.

нах Западной Европы и начавшейся реакции рабочее движение пошло на спад, и дальнейшее распространение «Манифеста» временно приостановилось.

Новые издания и переводы «Манифеста» начали появляться с конца 60 — начала 70-х годов, после того, как рабочее движение, окрепнув, приобрело новый размах с образованием I Интернационала. При жизни Маркса и Энгельса «Манифест» был переведен на 19 языков и публиковался более 100 раз [1]. В частности, в 1869 году в Женеве был напечатан первый русский перевод «Манифеста». Второе издание «Манифеста» на русском языке в переводе Г. В. Плеханова вышло в Женеве в 1882 году. Оно неоднократно переиздавалось нелегально и получило широкое распространение в России.

В 1872, 1883 и 1890 годах выходили авторизованные издания «Коммунистического манифеста» на немецком, а в 1888 году — на английском языках. Авторизованным был также французский перевод Лауры Лафарг, изданный в 1886 и 1894 годах. К двум изданиям «Манифеста» — немецкому 1872 года и русскому 1882 года — предисловия написали совместно Маркс и Энгельс. Еще к пяти изданиям — немецким 1883 и 1890 годов, английскому 1888 года, польскому 1892 года и итальянскому 1893 года — предисловия написал Энгельс, снабдивший к тому же «Манифест» в 1888 и 1890 годах рядом примечаний.

Переведенный на многие языки «Коммунистический манифест», по выражению Энгельса, «обошел весь мир» [2] и стал «самым распространенным, наиболее международным произведением всей социалистической литературы, общей программой, признанной миллионами рабочих от Сибири до Калифорнии» [3].

В XX столетии, особенно со времени Великой Октябрьской социалистической революции в России и образования коммунистических партий во многих странах мира, «Коммунистический манифест» стал переводиться и публиковаться в большинстве стран Европы, Америки, Азии, а также в Австралии и Африке. В Советском Союзе вышло в свет 568 изданий на 90 языках общим тиражом около 39 миллионов экземпляров.

Чем обусловлены беспрецедентное распространение, всемирное признание и огромная, неувядаемая действенность «Манифеста Коммунистической партии»? Отвечая на этот вопрос, нельзя не отметить, что «Манифест» написан с непревзойденным мастерством; стиль его прост, каждое слово доступно и доходчиво. Но главное — в вещих словах «Манифеста» живет могучая и властная сила воздействия; эту силу придает воплощенная в них великая правда коммунистических идей. С революционной страстностью и пафосом, с мудростью самой истории, с ее непререкаемостью «Манифест» выносит приговор эксплуататорскому прошлому и настоящему и возвещает светлое будущее.

«Коммунистический манифест» — первое систематизированное изложение марксизма в единстве его философских, научно-коммунистических и экономических идей, обращенное непосредственно к массам пролетариата. «Коммунистический манифест» воодушевлял рабочих подниматься на борьбу, придавал им уверенность в конечной победе, разъяснял историческую миссию пролетариата —

[1] См.: «Коммунистический манифест» и современность. М., 1974, с. 234.

[2] См.: *Энгельс Ф.* К истории Союза коммунистов.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 224.

[3] См.: *Энгельс Ф.* Предисловие к английскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» 1888 года.— Там же, с. 366.

произвести величайший переворот в истории человечества, указал, что он является классом, «которому принадлежит будущее» [1], «который взорвет на воздух весь старый общественный порядок» [2]. Для этого «Манифест» вооружал рабочих пониманием законов истории, экономики, развития классовой борьбы, учением об организации пролетариата и о пролетарской революции, показал роль партии коммунистов как передового, ведущего, теоретически подготовленного отряда рабочего класса. Именно поэтому духом «Коммунистического манифеста», как писал Ленин, живет и движется весь организованный и борющийся рабочий класс [3].

«Манифест Коммунистической партии» явился, таким образом, классическим произведением зрелого марксизма, итогом его формирования в 40-х годах XIX века. Он стал и первой научной программой международного рабочего движения, возвестив о начавшемся соединении науки о коммунизме с рабочим движением.

«Манифест Коммунистической партии» сыграл громадную роль в идейно-политическом развитии рабочего класса, в сплочении и революционной мобилизации его сил на всех этапах борьбы против классовой эксплуатации, против эксплуататорского общественного строя, за построение социалистического общества. Идеи «Манифеста Коммунистической партии» лежат в основе программных документов международного коммунистического движения, коммунистических партий всего мира.

За всю историю, прошедшую со времени появления «Манифеста Коммунистической партии», буржуазными идеологами и их ревизионистскими приспешниками было предпринято множество попыток опровергнуть «Манифест», а затем — убедить массы в том, что он устарел, противопоставить ему некоммунистические альтернативы и концепции общественного развития. Но все эти концепции весьма быстро обнаруживали свою несостоятельность и сходили со сцены, а «Манифест Коммунистической партии» и его идеи остаются жизненными и действенными, продолжая вдохновлять все революционные силы на борьбу до победы.

«Манифестом Коммунистической партии» марксизм громогласно возвестил о себе, вступив в период буржуазных революций 1848—1849 годов в Европе, в ходе которых прошел первую историческую проверку.

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 433.
[2] См. там же, с. 449.
[3] См.: *Ленин В. И.* Фридрих Энгельс.— Полн. собр. соч., т. 2, с. 10.

Раздел второй

РАЗВИТИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ МАРКСИЗМА, УТВЕРЖДЕНИЕ ЕГО В РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ

(1848—1871 гг.)

Глава четвертая

ПЕРВАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОВЕРКА МАРКСИЗМА. ОБОБЩЕНИЕ МАРКСОМ И ЭНГЕЛЬСОМ ОПЫТА РЕВОЛЮЦИЙ 1848—1849 годов

1. В ПЕРИОД ПОДЪЕМА РЕВОЛЮЦИЙ

На исходном рубеже периода «бурь и революций»

Вспыхнувшее 22 февраля 1848 года в Париже народное восстание положило начало революциям, которых с таким нетерпением ожидали Маркс и Энгельс. Революционные события в Париже привели к ниспровержению буржуазной монархии Луи Филиппа, вызвав широкий отклик в Европе. Революционный пожар охватил Францию, государства Германского союза, в первую очередь Пруссию и Австрию с многочисленными землями, входившими в состав империи Габсбургов (Венгрия, Чехия, Словакия, Галиция, Трансильвания и т. д.), всю Италию, включая североитальянские владения Австрийской империи, Валахию. Революционные потрясения отозвались на общественной жизни других стран: в Ирландии усилилось национально-освободительное движение, в Англии происходил новый подъем чартизма, в Бельгии, Швейцарии, Испании, скандинавских странах, России обострилась классовая борьба, активизировалась деятельность прогрессивных оппозиционных сил.

Революции 1848—1849 годов были буржуазными по своему содержанию и задачам. Активное участие в революционной борьбе широких народных масс, особенно пролетариата, выдвигавших самостоятельные и радикальные требования, придало многим из них — во Франции, в Пруссии и Австрии, в южногерманских и ряде итальянских государств — буржуазно-демократический характер. Революционные события были вызваны кризисом сохранившихся на значительной части европейского континента абсолютистских режимов, назревшей потребностью освободить от пережитков феодализма развивавшееся буржуазное общество, ликвидировать унаследованную от феодальной эпохи политическую раздробленность Германии и Италии, уничтожить национальный гнет, тяготевший над многими порабощенными народами

Европы. Во Франции, где феодальный строй был разрушен Великой французской революцией 1789—1794 годов, новая буржуазная революция была вызвана необходимостью покончить с господством финансовой аристократии, чья монополия на власть препятствовала свободному развитию капитализма.

В отличие от предшествующих буржуазных революций, революции 1848—1849 годов произошли при значительно изменившихся исторических условиях. К середине XIX века процесс роста капиталистической промышленности и формирования рабочего класса существенно продвинулся вперед. Противоречия между отсталыми феодальными и полуфеодальными порядками и потребностями поднимавшейся буржуазии все больше переплетались с противоречиями между классом капиталистов и классом наемных рабочих, принимавшими особенно острые формы в Англии. Энгельс подметил эту характерную черту исторической обстановки еще накануне революции. Отмечая признаки ее приближения, он писал: «Повсюду за спиной буржуа стоит пролетариат, то разделяя их стремления и отчасти их иллюзии, как в Италии и Швейцарии, то держась молчаливо и осторожно, но исподволь подготавливая свержение буржуа, как во Франции и Германии, то, наконец, как в Англии и Америке,— в состоянии открытого восстания против господствующей буржуазии» [1].

Нараставший антагонизм между буржуазией и пролетариатом определил своеобразие революций 1848—1849 годов, повлиял на их ход и результаты. Революции в европейских странах потерпели поражение, оказались незавершенными, тем не менее события этих лет оставили глубокий след в истории. Они продемонстрировали высокий потенциал энергии народных масс, рабочего класса, показав, что именно они являются подлинными движущими силами истории. Ускорились процессы социальной и политической поляризации буржуазного общества, размежевания между силами прогресса и лагерем контрреволюции. Революции 1848—1849 годов, даже и потерпев поражение, заставили с особой силой ощутить настоятельную необходимость буржуазных преобразований. После временной полосы реакции неизбежен был новый цикл революционных выступлений и национально-освободительных движений, завершивших к началу 70-х годов развитие буржуазного общества по восходящей линии, эпоху буржуазных революций на Западе. Ленин охарактеризовал период истории с 1848 по 1871 год как период «бурь и революций» [2]. 1848—1849 годы представляли собой исходный рубеж этой полосы общественного развития, явившийся важной вехой в истории марксизма и международного рабочего движения.

---

[1] *Энгельс Ф.* Движения 1847 года.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 469.

[2] См.: *Ленин В. И.* Исторические судьбы учения Карла Маркса.— Полн. собр. соч., т. 23, с. 2.

Революции — время испытаний

Революции с их быстрыми и крутыми изменениями ситуации, накалом политической борьбы — это время испытаний для доктрин и идеологий различных партий и течений. Подавляющее большинство из них в ходе революций 1848—1849 годов не выдержало исторической проверки. В ходе событий наглядно обнаружился сектантско-догматический характер различных течений мелкобуржуазного утопического социализма, его оторванность от реальной жизни, от потребностей классовой борьбы. Показали свою теоретическую беспомощность и тактическую слабость, проявили колебания, неустойчивость, неспособность в решающие моменты возглавить революционные действия масс представители буржуазной и мелкобуржуазной демократии.

Так, революционные события в Германии выявили, в частности, утопический характер социальных идеалов немецкого мелкобуржуазного «истинного социализма». Если «истинные социалисты» свои помыслы направляли к тому, чтобы уберечь Германию от развивающегося капитализма, то революция 1848—1849 годов ускорила развитие в ней капиталистических отношений. Подобно сторонникам Луи Блана во Франции, «истинные социалисты» проповедовали «гармонию между трудом и капиталом», выдвигали свои проекты ее осуществления. Но революционные дни показали несбыточность и реакционный характер таких проектов. Революционное движение в Европе, вылившееся в форму ожесточенной борьбы классов, выглядело как злая ирония над сентиментальными сентенциями «истинных социалистов» о «всеобщей любви». Как известно, идеологи «истинного социализма» отвергали политическую деятельность, борьбу за демократические свободы, считая это «изменой» социализму. Однако их теория пришла в непримиримое противоречие с практикой: в дни революции трудящиеся массы именно активным участием в политической борьбе рассчитывали добиться необходимых социальных преобразований; да и сами «истинные социалисты» не удержались от участия в политической борьбе, преимущественно на стороне мелкобуржуазной демократии.

Революции 1848—1849 годов явились исторической проверкой и для марксизма как сложившегося к тому времени научного мировоззрения рабочего класса и направления в рабочем движении. Практика должна была подтвердить правильность марксистского подхода к общественным явлениям, действенность разработанного Марксом и Энгельсом метода проникновения в их сущность, способность марксизма определять стратегию и тактику рабочего класса в изменяющихся условиях революции. И хотя в 1848—1849 годах в Европе еще далеко не созрели социально-экономические и идейные предпосылки для широкого распространения научного коммунизма, и под его знаменем пока выступали лишь десятки наиболее передовых представителей пролетариата, развитие революций показало, что из всех участвовавших в них направле-

ний только марксистское оказалось на высоте своих задач. Применение метода материалистической диалектики к анализу общественных процессов позволило Марксу и Энгельсу в 1848—1849 годах уверенно выяснять сущность бурных событий в различных странах, вскрывать их побудительные причины, предсказывать дальнейший ход и последствия. Выдвигаемая ими на различных этапах революции политическая платформа отражала как коренные тенденции общественного развития в целом, так и практические цели революционной борьбы в конкретный момент. Марксизм оказался единственным направлением, которому по плечу было научное обобщение уроков революций. Обогащение революционного учения, достигнутое во время революции анализом живого повседневного опыта классовой борьбы народных масс, а затем теоретическим осмыслением ее итогов, свидетельствовало о творческой силе марксизма, его способности к непрестанному совершенствованию.

Революции 1848—1849 годов обусловили известную особенность в развитии марксистской мысли: если накануне революций первостепенное значение приобрело формирование общетеоретических основ марксизма — его философии, то в период революции особенно важной стала разработка его политических идей, вопросов стратегии и тактики. Глубоко осмыслены были Марксом и Энгельсом в этот период закономерности революционной борьбы, особенности революционного движения в середине XIX века, роль в нем различных классов, тактические формы и методы революционных действий.

В 1848—1849 годах полнее раскрылась такая характерная черта марксизма, как органическое единство теории и практики. В это время в большей степени, чем до тех пор, Маркс и Энгельс действовали не только как теоретики и идеологи движения, но и как революционеры-практики, непосредственные участники событий. Ярко проявилось дарование Маркса и Энгельса как пролетарских публицистов, народных трибунов, организаторов пролетарского и демократического движения. Ленин отмечал, что в деятельности Маркса и Энгельса «период их участия в массовой революционной борьбе 1848—1849 года выделяется, как центральный пункт»[1]. Они находились в гуще народной борьбы, на переднем крае революционных схваток. Их смелые выступления в печати и на собраниях, революционные призывы, гневные обличения противников революции раздавались на всю Германию, встречали отклик в демократических кругах и рабочей среде, вызывали резонанс за рубежом.

Стойкими революционными борцами проявили себя многие соратники Маркса и Энгельса по Союзу коммунистов. «В течение обоих революционных лет, 1848—1849, Союз коммунистов вдвойне выдержал испытание: во-первых, тем, что его члены повсюду энер-

[1] См.: *Ленин В. И.* Против бойкота.— Полн. собр. соч., т. 16, с. 24.

гично участвовали в движении, что они и в печати, и на баррикадах, и на полях сражений стояли в первых рядах единственного решительного революционного класса, пролетариата. Союз, далее, выдержал испытание и в том смысле, что его воззрения на движение, как они были изложены в циркулярных письмах конгрессов и Центрального комитета в 1847 г. и в «Коммунистическом манифесте», оказались единственно правильными...»[1]

Несмотря на то, что широкие слои пролетариата в то время еще не были подготовлены к восприятию научного коммунизма во всей его полноте, его главные идеи и лозунги, выдвигавшиеся и популяризировавшиеся основоположниками марксизма и их соратниками, доходили до сознания масс, подхватывались революционно-демократической печатью, побуждали к действию революционные круги. Сфера влияния марксизма в тот период расширилась, охватывая уже сравнительно больший круг передовых рабочих и революционных интеллигентов.

Программа пролетариата в революции

Представители марксистского направления вступили в революционную борьбу, ясно сознавая ее характер и задачи, что получило свое отражение уже в первом политическом документе, созданном Марксом и Энгельсом в начале революции,— в «Требованиях Коммунистической партии в Германии». Документ был написан в 20-х числах марта 1848 года в Париже, где Маркс (высланный в начале этого месяца бельгийскими властями из Брюсселя) возглавил вновь образованный Центральный комитет Союза коммунистов. В Париж вскоре переехал из Брюсселя и Энгельс. В столице Франции до Маркса и его сторонников дошли известия о народных восстаниях 13 марта в Вене и 18 марта в Берлине, о революционных событиях в других местах Германии. Начало германской революции потребовало от руководителей Союза коммунистов четко определить его политическую позицию.

Составляя «Требования Коммунистической партии в Германии», Маркс и Энгельс опирались на опыт революционного движения, на выдвигавшиеся в разное время его участниками программы. Они учли демократические требования «Народной хартии» английских чартистов, особенно ее главный пункт — о введении всеобщего избирательного права, меры, предлагавшиеся французскими социалистами в интересах рабочих, популярные среди американского пролетариата и фермерства аграрные требования. Вместе с тем Маркс и Энгельс избежали свойственных проектам реформ, исходившим от мелкобуржуазных социалистов и демократов, половинчатости и односторонности, абсолютизирования отдельных требований, выдаваемых за универсальное средство для решения социальных проблем, попытки представить меры переходного характера конечной целью движения. Им удалось создать до-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Обращение Центрального комитета к Союзу коммунистов. Март 1850.— Соч., т. 7, с. 257.

кумент, который отличался не только последовательным радикализмом, но и систематичностью: все сформулированные в нем требования были органично связаны между собой, составляя в совокупности целостный комплекс революционных мероприятий, охватывающих важнейшие стороны социальной и политической жизни. При этом не только намечались коренные преобразования, но и определялись условия, в которых они были реально осуществимы.

В «Требованиях Коммунистической партии в Германии» получили развитие соображения о расстановке классовых сил и о задачах пролетариев в назревавшей германской революции, которые Маркс и Энгельс высказывали в 1847 году в своих статьях в «Немецкой Брюссельской газете». Они конкретизировали в документе и те общие стратегические принципы, которые были выдвинуты ими в «Манифесте Коммунистической партии», где подчеркивалось, что устранение абсолютной монархии, феодальной земельной собственности и других пережитков феодализма в Германии является необходимой предпосылкой для достижения пролетариатом его собственных классовых целей. Эти общие установки в «Требованиях» были развернуты в целостную программу; поскольку она была разработана применительно к Германии, ряд пунктов ее отражал специфику тогдашнего положения этой страны. Однако в целом документ имел вовсе не локальное значение; по своему главному содержанию он представлял собой образец марксистской платформы для стран, где первоочередной революционной задачей являлась ликвидация остатков феодального строя и последовательное осуществление буржуазно-демократической революции.

Первый пункт «Требований» предусматривал создание единой Германской республики[1]. В уничтожении монархических, абсолютистских в большинстве германских государств режимов, в преодолении экономической и политической раздробленности страны, состоявшей в то время из трех десятков крупных и мелких государств, Маркс и Энгельс видели одну из центральных задач революции. Формулируя это важнейшее требование рабочего класса, отвечавшее интересам всего немецкого народа, основоположники марксизма рассматривали его осуществление как средство устранения существовавших в то время многочисленных преград для национального объединения Германии революционно-демократическим путем. Необходимо было, считали они, навсегда покончить с властью местных династий и правящих дворянско-бюрократических клик, с соперничеством Пруссии и Австрии, с проявлением провинциальной ограниченности и сепаратистских тенденций. Уже в вопросе о германском единстве позиция пролетарских революционеров резко противостояла линии буржуазных либералов, чьи идеалы не шли дальше конституционной монархии и объединения страны под властью прусских Гогенцоллернов или австрийских

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 5, с. 1.

Габсбургов. Отмежевались Маркс и Энгельс и от мелкобуржуазных демократов, в среде которых рождались проекты превращения Германии в децентрализованное федеративное государство наподобие Швейцарского союза; в тогдашних условиях, обоснованно считали Маркс и Энгельс, это было бы равносильно увековечению глубоко укоренившихся пережитков средневековой раздробленности и местничества. Рабочий класс был заинтересован в демократической централизации страны, создающей наиболее благоприятные условия для объединения пролетарских сил в национальном масштабе.

Требование единой республики сопровождалось в программном документе пунктами, предусматривающими полную ликвидацию феодального гнета, освобождение крестьян «без всякого выкупа» от всех сохранившихся еще феодальных повинностей и платежей, уничтожение экономических основ господства дворян — обращение в собственность государства земельных владений монархов и прочих феодальных имений, а также рудников и шахт. Столь решительной программы в аграрном вопросе не выдвинула в 1848—1849 годах ни одна партия. С последовательно революционных позиций намечали «Требования» и демократические преобразования политического строя страны. Предлагалось создать подлинно народное представительство — парламент немецкого народа — на основе всеобщего избирательного права, осуществить коренную реформу судопроизводства, отменить привилегии государственных чиновников, ввести всеобщее бесплатное народное образование, отделить церковь от государства, осуществить всеобщее вооружение народа.

В «Манифесте Коммунистической партии» предстоявшая германская буржуазная революция рассматривалась как пролог к пролетарской революции. В соответствии с этим в «Требованиях Коммунистической партии в Германии» был намечен ряд мероприятий, которые должны были облегчить переход от буржуазно-демократических преобразований к социалистическим. К этим мероприятиям относились: создание крупных государственных хозяйств на конфискованных у феодалов и национализированных землях, а также на шахтах и рудниках; национализация всех средств транспорта и связи, банков; передача в руки государства ипотек на крестьянские земли и арендных прав; ограничение права наследования; введение высокого прогрессивного налога. Особое внимание уделялось защите интересов трудящихся; с этой целью на государство возлагались обязанности: обеспечить работой всех трудящихся, заботиться о нетрудоспособных, создавать специальные мастерские. Последнему требованию не придавалось, однако, самодовлеющего значения. В противовес французскому мелкобуржуазному социалисту Луи Блану, рассматривавшему создание национальных мастерских в качестве основного рычага решения социального вопроса путем «организации труда» в рамках существующего строя, в «Требованиях» оно фигурировало лишь

как одна из подготовительных, переходных мер к социалистическим преобразованиям. В ориентации на развитие революции по восходящей линии, на ее углубление и выход за буржуазные рамки содержался важный элемент складывавшегося марксистского учения о непрерывной революции.

Общественными силами, которые могли бы посредством решительных революционных действий осуществить указанные требования, Маркс и Энгельс считали германский пролетариат, городскую мелкую буржуазию и мелкое крестьянство. Они с самого начала полагали, что намеченная программа встретит противодействие не только реакционных классов, но и либеральной буржуазии. Стремление немецких либералов разрешить проблемы революции путем компромисса Маркс и Энгельс отмечали еще накануне 1848 года. Это понимание ограниченности революционных возможностей либеральной буржуазии и зависимости глубины и основательности революционных преобразований от политической активности народных масс вело к уяснению тенденции утраты буржуазией как классом роли гегемона в буржуазных революциях. Дальнейший ход событий еще больше укрепил Маркса и Энгельса в этом мнении.

«Требования Коммунистической партии в Германии» отразили позицию наиболее передовых элементов тогдашнего пролетарского движения. Для того чтобы они стали программой действий масс, необходима была большая подготовительная работа. Сами авторы и их единомышленники относились к «Требованиям» как к важному средству революционного воспитания народных масс [1].

Были приняты меры для массового распространения документа. Экземплярами напечатанной в Париже в конце марта 1848 года листовки с текстом «Требований» руководители Союза коммунистов снабдили рабочих-эмигрантов, возвращавшихся из Франции в Германию. В начале апреля 1848 года «Требования» были опубликованы во многих немецких демократических газетах. В период революции они неоднократно перепечатывались либо в виде новых листовок, либо на страницах различных печатных органов. Предложенные в «Требованиях» социальные мероприятия обсуждались на собраниях местных рабочих союзов. В конце сентября 1848 года на втором общегерманском конгрессе демократов в Берлине при обсуждении социального вопроса докладчик Ф. Бёйст, делегат от Кёльнского рабочего союза, воспроизвел в своих предложениях ряд пунктов этого документа.

Таким образом, созданный Марксом и Энгельсом в начале революции программный документ оказал в 1848—1849 годах определенное революционизирующее влияние на пролетар-

---

[1] Член Союза коммунистов Луи Хейльберг, например, писал 17 апреля 1848 года одному из своих корреспондентов, что 17 требований партии «дают чрезвычайно богатый материал для журналистской деятельности и пропаганды в народе» (см.: Союз коммунистов. 1836—1849, с. 257).

ские, а также демократические круги, способствуя консолидации революционных сил.

На пролетарском фланге революционной демократии

В апреле 1848 года Маркс и Энгельс вернулись в Германию. Для своей деятельности они избрали Кёльн — центр Рейнской провинции Пруссии, наиболее развитой в промышленном и наиболее передовой в общественно-политическом отношении области Германии; здесь действовало более прогрессивное и более благоприятное для революционной печати и организаций (нежели в других прусских провинциях) законодательство, сохранившееся еще со времен оккупации западногерманских территорий наполеоновской Францией. В намерение Маркса и Энгельса входило превращение Союза коммунистов в ядро массовой пролетарской партии, способной вовлечь широкие слои немецкого рабочего класса в революционную борьбу и возглавить их действия. На достижение этой цели было направлено выпущенное их соратниками К. Валлау и А. Клуссом воззвание Майнцского рабочего просветительного союза к рабочим союзам Германии с призывом к объединению, а также посылка уполномоченных Союза коммунистов в различные города и местности страны. Однако сообщения посланцев и знакомство с конкретным положением дел убедили руководителей Союза коммунистов в том, что условия для создания массовой пролетарской партии в Германии еще не сложились. Основная масса немецкого пролетариата, связанная с мелким производством, была распылена и отличалась идейной незрелостью. В ее среде были сильны ремесленнические предрассудки, мелкобуржуазные иллюзии о возможности выбиться в мастера, стать хозяином собственной мастерской. В своем большинстве немецкие рабочие были далеки от понимания необходимости придерживаться самостоятельной классовой линии в революции и только инстинктивно начинали сознавать противоположность своих интересов интересам буржуазии. Они верили в лозунги лидеров мелкобуржуазной демократии и даже либеральных политиков и обычно шли у них на поводу. Сказывались и разобщенность немецкого пролетариата, вызванная раздробленностью Германии, различия в уровне социального развития в германских государствах, влияние сепаратистских тенденций, препятствовавших пониманию необходимости объединения пролетарских сил в общенациональном масштабе.

В сложившейся ситуации выдвигать в качестве непосредственной задачи создание общегерманской пролетарской партии было преждевременным. Необходимо было найти такие организационные формы деятельности Союза коммунистов, которые позволили бы распространить идейное влияние на рабочий класс и широкие слои народа и способствовали бы превращению пролетариата в самостоятельную политическую силу, созреванию предпосылок для создания его классовой партии. Решительно отвергая сектантское игнорирование конкретных исторических условий, строя тактику

на их уяснении и учете, Маркс и Энгельс в то же время были далеки от того, чтобы приспосабливать ее к низкому уровню сознания большинства рабочих ценой отказа от программных целей, намеченных в «Требованиях Коммунистической партии в Германии».

В новой обстановке Маркс и Энгельс прежде всего сочли целесообразным, чтобы Союз коммунистов перешел от конспиративной деятельности к открытому активному участию в массовых рабочих и демократических организациях. В условиях, когда для пролетарских революционеров открылись легальные возможности, существование Союза в качестве тайного общества утрачивало смысл, и назрела его соответствующая перестройка. Политическое руководство разбросанными по стране общинами и отдельными членами удобнее всего было осуществлять через печатный орган, идея создания которого у Маркса и Энгельса возникла сразу же после начала революции. Главным поприщем деятельности членов Союза коммунистов должны были стать местные рабочие союзы, возникавшие в различных городах Германии. Их организационное укрепление, налаживание связей между ними, идейно-политическое воспитание входивших в них рабочих становилось первоочередной задачей. Сами Маркс и Энгельс установили тесный контакт с основанным в апреле 1848 года Кёльнским рабочим союзом, выступая на его собраниях и участвуя в проводившихся в нем дискуссиях на политические и социальные темы. Побуждая рабочих к активной борьбе за закрепление и углубление завоеваний революции, члены Союза коммунистов должны были в то же время всячески стремиться к формированию у них классового сознания, понимания собственных интересов и целей пролетариата.

Вывод о необходимости союза рабочего класса с демократическими слоями народа — крестьянством и городской мелкой буржуазией — был сделан Марксом и Энгельсом еще накануне революции и приобрел значение одного из важнейших принципов пролетарской стратегии. Однако формы этого союза могли определиться лишь на опыте, в зависимости от конкретных условий. Пока отсутствовала возможность создания массовой пролетарской партии, Маркс и Энгельс считали целесообразным, чтобы члены Союза коммунистов вели революционную работу и в рамках возникших в Германии различных демократических организаций, в рядах которых вместе с мелкобуржуазными элементами действовало немало пролетариев. Это позволяло пролетарским революционерам оказывать влияние и на те слои немецкого пролетариата, которые еще не обособились от мелкой буржуазии, и одновременно на мелкобуржуазных демократов, побуждая их к более решительным, революционным выступлениям. «Когда мы вернулись в Германию весной 1848 г.,— вспоминал впоследствии Энгельс,— мы примкнули к демократической партии, потому что это было единственно возможным средством привлечь внимание рабочего класса; мы

были самым передовым крылом этой партии, но все же ее крылом» [1].

Маркс, Энгельс и их ближайшие соратники (В. Вольф, Э. Дронке, К. Шаппер) вступили в Демократическое общество, основанное в Кёльне в конце апреля 1848 года. Позднее Маркс вошел в состав окружного комитета демократов Рейнской провинции. В качестве его делегата он участвовал в работе окружного конгресса демократов Рейнской провинции и Вестфалии, состоявшегося в Кёльне 13—14 августа 1848 года, был участником народных собраний, которые созывались рабочими и демократическими организациями для мобилизации масс на отпор контрреволюции, автором ряда воззваний окружного комитета, инициатором совместных действий демократических обществ ряда провинций и городов. Такой же линии по отношению к демократическому движению придерживались сторонники Маркса и Энгельса по их рекомендации и в других местностях Германии.

Против шатаний «влево» и «вправо»

Участвуя в демократическом движении, Маркс и Энгельс отнюдь не рассматривали это участие как компромисс с идеологами мелкобуржуазной демократии и отказ от самостоятельной политической позиции пролетарских революционеров. Напротив, с первых же дней революции они подвергали критике неустойчивую линию мелкобуржуазных союзников, их колебания и слабости, проявления мещанской ограниченности, а в ряде случаев и впадание в другую крайность — в «революционный» авантюризм. Так, еще до переезда из Парижа в Германию Маркс и Энгельс решительно выступали против выдвинутого популярным поэтом Г. Гервегом, бывшим официальным редактором «Немецкой Брюссельской газеты» А. Борнштедтом и другими мелкобуржуазными демократами плана вторжения на германскую территорию добровольческого эмигрантского легиона с целью поднять здесь республиканское восстание. Это свидетельствовало о принципиально отрицательном отношении основоположников марксизма к попыткам развязывания революции извне. В противовес агитации Гервега и Борнштедта Маркс и его сторонники призывали немецких рабочих поодиночке возвращаться на родину и включаться в развертывавшуюся на местах революционную борьбу. Как и предвидели Маркс и Энгельс, затея с эмигрантским легионом окончилась крахом: переправившийся в конце апреля 1848 года на территорию Бадена, он был рассеян правительственными войсками. И в дальнейшем Маркс и Энгельс не проходили мимо порочных черт в тактике и идейных позициях мелкобуржуазных демократов, их тяготения к псевдореволюционному фразерству, их шатаний и растерянности в решающие моменты революционной борьбы.

Тактика Маркса и Энгельса встретила противодействие со сто-

[1] Энгельс — Флоренс Келли-Вишневецкой, 27 января 1887 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 36, с. 504.

роны реформистских и сектантских элементов внутри немецкого рабочего движения. Председатель Кёльнского рабочего союза, член кёльнской общины Союза коммунистов (вскоре порвавший с ним) А. Готшальк с группой своих приверженцев предложил тактику, резко противоречившую линии Маркса и Энгельса. Готшальк выступил против союза с демократами, призывал бойкотировать выборы в общегерманское и прусское национальные собрания, считая непосредственной задачей борьбу за установление «рабочей республики». Такая позиция вела к изоляции рабочего класса от общедемократического лагеря, к разобщению революционных сил. При этом ультрареволюционные лозунги в пропаганде Готшалька и его сторонников сочетались с расплывчатыми рассуждениями в духе мещанского «истинного социализма» об установлении общечеловеческого братства, с тенденцией представить коммунистическое учение некоей этико-религиозной доктриной.

Через своих сторонников — Шаппера, Молля, Рёзера, Нотьюнга и др.— Маркс и Энгельс стремились нейтрализовать влияние Готшалька в Кёльнском рабочем союзе. После ареста в июле 1848 года кёльнскими властями Готшалька и других руководителей Союза председателем организации был избран Иосиф Молль. Новому руководству Союза при поддержке Маркса и Энгельса удалось осуществить его идейную и организационную перестройку, заменить прежний устав, составленный Готшальком в духе узкопрофессиональных, цеховых принципов, новым, основанным на демократических началах. Изменился характер проводимых в Союзе дискуссий, предметом которых стали злободневные политические и социальные вопросы. Одно время, с середины октября 1848 года в течение трех недель, должность председателя Союза занимал Маркс, затем его сменил на этом посту Рёзер, а с конца февраля 1849 года — Шаппер. Под воздействием представителей марксистского направления Кёльнский союз превратился во влиятельную рабочую организацию, последовательно отстаивавшую как демократическую программу рабочего класса, так и его социальные требования.

Не понял линии Маркса и Энгельса в революции и другой член Союза коммунистов — Стефан Борн, избравший местом своей деятельности Берлин. Проявив реформистские тенденции, «сродни нашим «экономистам»», как заметил впоследствии Ленин [1], Борн сводил задачи возникавших пролетарских союзов к защите повседневных экономических нужд рабочих, не придавал значения политическим вопросам. В составленных им документах рабочих организаций, в частности основанного в сентябре 1848 года Рабочего братства, эклектически смешивались обрывки идей «Манифеста Коммунистической партии» с мелкобуржуазными доктринами Луи Блана и Прудона и с ремесленнической идеализацией цехового

[1] См.: *Ленин В. И.* Две тактики социал-демократии в демократической революции.— Полн. собр. соч., т. 11, с. 131.

строя; в них сквозила вера в возможность радикально улучшить участь рабочих на базе существующего строя путем различных социальных реформ, обходился вопрос о революционных политических преобразованиях как предпосылке для осуществления радикальных социальных изменений.

Маркс и Энгельс отмежевались от программы и тактики Борна, однако от открытой критики его взглядов воздержались, приняв во внимание позитивные стороны его практической деятельности — усилия, направленные на объединение рабочих союзов, значительная часть которых, особенно в Восточной Пруссии, Мекленбурге и Саксонии, вошла в состав Рабочего братства, что объективно способствовало консолидации пролетарских сил. Учитывали Маркс и Энгельс и готовность Борна сотрудничать в основанной ими газете. Они надеялись, что ход революционных событий побудит Рабочее братство и его руководителей включиться в политическую борьбу, и эти надежды впоследствии в известной мере оправдались.

Разногласия Маркса и Энгельса с Готшальком и Борном в период революции 1848—1849 годов показали, что уже на ранних этапах рабочего движения марксистское направление неизбежно сталкивается с течениями, отражающими идейную незрелость пролетариата и влияние на него мелкобуржуазной идеологии. Борьба марксистского направления против антипролетарской идеологии, проникавшей в ряды рабочего класса, становилась закономерной чертой процесса соединения научного коммунизма с рабочим движением.

2. «НОВАЯ РЕЙНСКАЯ ГАЗЕТА» — ОРГАН ПРОЛЕТАРСКОГО КРЫЛА НЕМЕЦКОЙ И ЕВРОПЕЙСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

Главные усилия Маркса и Энгельса с момента приезда в Германию были направлены на создание ежедневной революционной газеты. Имея свой печатный орган, считали они, Союз коммунистов приобретет могучее средство идейного воздействия на рабочий класс, широкие слои немецкого народа, реальную возможность непосредственно обращаться к народным массам, влиять на их борьбу. Преодолевая организационные и финансовые трудности, Маркс и Энгельс сумели в короткий срок подготовить выпуск такой газеты. С 1 июня 1848 года в Кёльне начала выходить «Neue Rheinische Zeitung» («Новая Рейнская газета»). Ее название подчеркивало как преемственность в отношении радикальной «Рейнской газеты», издававшейся в Кёльне в начале 40-х годов, так и качественно новый характер революционного демократизма созданного печатного органа.

Издание «Новой Рейнской газеты» составило выдающуюся страницу в истории пролетарской и всей революционной печати. Газета отличалась целенаправленностью и глубиной содержания публикуемых материалов, широтой диапазона затрагиваемых проблем,

обилием и разнообразием информации, быстротой откликов на текущие события как в Германии, так и во всей Европе, а также оперативностью своего распространения среди читателей. Помимо обычных ежедневных выпусков газеты (с сентября 1848 года она выходила каждый день, за исключением понедельника) в отдельных случаях издавались дополнительные выпуски за то же число; к некоторым номерам, когда важный материал не умещался в основном выпуске, добавлялись приложения, а иногда и экстренные приложения уменьшенного формата, которые можно было расклеивать в виде листовок на улицах. 26 сентября 1848 года в связи с введением в Кёльне осадного положения выпуск газеты был временно прерван; издание возобновилось 12 октября и продолжалось до мая 1849 года.

Штаб революционной борьбы

Осуществление издания массового печатного органа было крупным достижением марксистского направления в рабочем движении. В обстановке участившихся вылазок контрреволюционных сил, пользовавшихся каждым поводом, чтобы посягнуть на свободу печати и слова и прибегнуть к полицейским преследованиям, удалось наладить почти бесперебойный выпуск газеты, которая страстной революционной пропагандой, мужественной защитой народных интересов, беспощадным разоблачением происков контрреволюции и трусости либеральной буржуазии снискала себе высокий авторитет среди демократических кругов Германии и за ее пределами. «Во всей Германии удивлялись нашим смелым выступлениям в прусской крепости первого класса, перед лицом восьмитысячного гарнизона и гауптвахты» [1],— вспоминал позднее об этих временах Энгельс.

Основная роль в издании «Новой Рейнской газеты» принадлежала Марксу — ее главному редактору. Трезвый ум и обширнейшие познания, помогавшие быстро разбираться в меняющейся обстановке, сочетались у него с неутомимой энергией и темпераментом революционного борца, с организаторским талантом и мастерством публициста и редактора. Во время редактирования газеты все эти его дарования раскрылись с необычайной силой. «Именно его принципиальности и твердой линии,— писал Энгельс,— газета была в первую очередь обязана тем, что стала самой известной немецкой газетой революционных лет» [2]. Многообразные обязанности легли на плечи Маркса как руководителя редакции. Он писал передовые статьи, определявшие политический облик газеты, организовывал и редактировал публикуемые в ней материалы, занимался ее административными и финансовыми делами, поддерживал связи с другими демократическими печатными органами, вел перепис-

---

[1] *Энгельс Ф.* Маркс и «Neue Rheinische Zeitung» (1848—1849).— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 21.

[2] Там же, с. 17.

ку с корреспондентами газеты. Немало сил и политического таланта требовала защита газеты от посягательств властей и судебных инстанций, от нападок и клеветы со стороны реакционной и буржуазной прессы.

Успех газеты был обеспечен тем, что ее редакция под руководством Маркса работала как тесно сплоченный коллектив. В ее состав вошли Фридрих Энгельс, ближайшие соратники и единомышленники Маркса: Вильгельм Вольф, Фердинанд Вольф, Георг Веерт, Эрнст Дронке. Все они были видными деятелями Союза коммунистов. Позднее членом редакции стал также революционный поэт Фердинанд Фрейлиграт. Для каждого из них сотрудничество в «Новой Рейнской газете» явилось важнейшим этапом в общественной деятельности, в развитии индивидуального творчества и в то же время формой участия в коллективных усилиях представителей марксистского направления по пропаганде революционной программы и тактики среди широких слоев народа. Члены редакции, каждый в близком его таланту жанре — политической публицистики, корреспондентского очерка, поэзии, сатирического фельетона — несли в массы революционные идеи, отстаивая боевую платформу газеты.

Энгельс был правой рукой Маркса в «Новой Рейнской газете»; он заменял Маркса в качестве главного редактора во время его отъездов из Кёльна. Перу Энгельса принадлежит множество статей, в которых излагалась их общая с Марксом точка зрения на различные события и позиция редакции газеты в целом. Сотрудничество Энгельса Маркс высоко ценил, восхищаясь эрудицией и литературными дарованиями своего друга, его необычайной способностью мгновенно схватывать суть вопроса, облекать свои мысли в четкую и яркую форму [1]. Как и Маркс, Энгельс отдавался работе в газете с энтузиазмом. Много лет спустя он вспоминал о своем участии в ее издании: «Это было революционное время, а в такое время работать в ежедневной печати — одно наслаждение. Воочию видишь действие каждого слова, видишь, как статьи буквально бьют подобно гранатам и как разрывается выпущенный снаряд» [2].

Значительная роль в редакции принадлежала Вильгельму Вольфу. Он оказывал большую помощь Марксу в организационных вопросах, активно участвовал в редактировании газеты. Вольф являлся автором многих статей, а также корреспонденций, печатавшихся под рубрикой «По стране». Эта серия представляла собой сатирически заостренную хронику событий в мелких германских государствах, раскрывавшую свойственные политической раздробленности Германии убожество и провинциальную ограниченность местной общественной жизни. Обличал Вольф и порядки, царившие

[1] «...Он — настоящая энциклопедия,— писал Маркс об Энгельсе,— работоспособен в любое время дня и ночи, трезвый и навеселе, пишет и соображает быстро, как черт...» (Маркс — Адольфу Клуссу, середина октября 1853 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 28, с. 505).

[2] *Энгельс Ф.* Прощальное письмо читателям газеты «Sozialdemokrat».— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 82.

в Прусском королевстве, особенно в его финансовом и налоговом ведомствах. Особенно проявился публицистический талант Вольфа в его статьях по аграрному вопросу. Хорошо зная положение трудового крестьянства, он поднял голос в защиту его интересов, обнажил корни хищнической эксплуатации крестьян помещиками, показал масштабы ограбления господствующими классами Пруссии крестьянских масс, осуществленного под видом выкупа феодальных повинностей. Своими печатными выступлениями Вольф внес вклад в обоснование аграрной программы пролетарских революционеров в буржуазной революции.

На страницах газеты внимание читателей не раз привлекали задорные, остроумные стихотворения Георга Веерта, которого Энгельс назвал «первым и *самым значительным* поэтом немецкого пролетариата» [1]. В моменты, когда другие редакторы (Энгельс, Вольф) вынуждены были скрываться от полицейских преследований, Веерт включался и в организационную деятельность редакции. В газете он проявил себя и как мастер сатирической прозы, обличающей врагов революции. Так, в сатирическом романе «Жизнь и подвиги знаменитого рыцаря Шнапганского» Веерт в гротескной форме нарисовал типичный образ воинствующего контрреволюционера и надменного прусского юнкера.

Эрнст Дронке и Фердинанд Вольф, помимо участия в работе редакции во время пребывания в Кёльне, выполняли функции внешних корреспондентов газеты. Дронке, выступавший в газете по германским проблемам (о деятельности франкфуртского Национального собрания, о политике Пруссии в польском вопросе и др.), помещал в ней и статьи о Франции, а также обзоры положения в Италии, составленные по материалам французских газет. Фердинанд Вольф был одним из главных парижских корреспондентов газеты, в своих статьях освещал бурную политическую жизнь Второй республики. Некоторые фактические материалы из этих статей были впоследствии использованы Марксом в его произведении «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.».

С сотрудничеством в «Новой Рейнской газете» связан расцвет творчества Фердинанда Фрейлиграта. Лучшие образцы его поэзии, проникнутые революционным пафосом и отразившие влияние идей Маркса и Энгельса, были созданы им в это время.

«Лучший, непревзойденный орган революционного пролетариата»

Влияние «Новой Рейнской газеты» распространилось далеко за пределы Рейнской провинции Пруссии. Газета обросла сетью штатных и внештатных корреспондентов. Редакция получала множество писем из разных мест Германии, в том числе от участников рабочего движения. Различные органы демократической и рабочей печати подхватывали ее идеи, нередко перепечатывали ее материалы. В острые моменты противоборства революционных и контрреволюционных сил призывы к революционным действиям, которые Маркс и Энгельс выдвигали и обосновывали на страницах газеты, становились боевыми лозунгами для широких народных масс всей страны. Газета разъясняла им задачи борьбы, воспитывала революционную смелость и выдержку, пробуждала готовность к открытым выступлениям.

Популярность газеты объяснялась прежде всего ее последовательно революционной линией. В немалой степени этому способствовали боевой тон ее статей, яркость и острота политических обличений. Широкий отклик получали гневные протесты газеты против произвола полицейских и судебных властей, ее разоблаче-

[1] См.: *Энгельс Ф.* Георг Веерт.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 5.

ния организаторов расправы с участниками революционного движения, вдохновителей попыток удушить свободную печать, лишить народ завоеванных в марте 1848 года политических прав.

Направление газеты определялось общей политической ориентацией, выработанной Марксом и Энгельсом на основе учета особенностей германской революции и идейного уровня германского пролетариата. Газета издавалась как орган демократии, но демократии, по характеристике Энгельса, выдвигавшей повсюду, по каждому отдельному случаю свой специфический пролетарский характер [1]. Выступая под знаменем демократии, газета отстаивала самостоятельную линию рабочего класса в буржуазно-демократической революции.

Газета освещала с революционных позиций события не только в Германии, но и в других странах Европы. Ее редакторы и сотрудники поддерживали связи с французскими, итальянскими, венгерскими, польскими, австрийскими, бельгийскими демократами, с английскими чартистами; защищая их дело в своих статьях и корреспонденциях, «Новая Рейнская газета» выступала глашатаем не только германской, но и всей европейской демократии. Это была первая в истории печати массовая газета, явившаяся выразителем интернациональных классовых интересов международного пролетариата, демократических и социалистических задач его освободительной борьбы. Недаром передовые представители тогдашнего рабочего движения высоко оценивали роль газеты в борьбе против политического и социального гнета. Чартистская газета «The Northern Star» («Северная звезда») писала о ней: «Она редактируется с редкостным умением и необычайной смелостью, и мы приветствуем ее как достойного, талантливого и доблестного товарища в великой борьбе против всех видов и форм тирании и несправедливости» [2].

«Новая Рейнская газета» была не только провозвестником революционных идей, но и подлинным организатором и руководителем масс. Ее редакторы, сотрудники, корреспонденты активно участвовали в массовом движении, в деятельности рабочих союзов и демократических обществ. Нередко они были инициаторами революционных выступлений, созыва народных собраний, проведения манифестаций, кампаний протеста против действий властей и солидарности с жертвами полицейских репрессий. В дни вооруженных боев сотрудников газеты можно было встретить среди защитников баррикад и в рядах повстанческих отрядов. Возглавляемая Марксом редакция сделалась настоящим боевым штабом авангарда рабочего класса. Она стала направляющим центром Союза коммунистов, фактически заменив прежний Центральный комитет. Газета и ее редакция сделались как бы связующим звеном,

---

[1] См.: *Энгельс Ф.* Маркс и «Neue Rheinische Zeitung» (1848—1849).— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 16.

[2] The Northern Star, 1848, 24.VI, N 557.

объединяющим членов Союза, находившихся в разных частях Германии и за рубежом. Публикуемые в газете статьи, написанные Марксом и Энгельсом или отредактированные ими, служили для членов Союза практическим руководством, помогали ориентироваться в обстановке и избирать нужный образ действий. Посредством газеты Маркс и Энгельс стремились обеспечить идейное и политическое единство своих партийных сторонников. Со многими из них они продолжали поддерживать и личные связи, вели переписку, давая практические советы и разъяснения. С другой стороны, письма и сообщения с мест членов Союза коммунистов нередко содержали важную политическую информацию.

«Новая Рейнская газета» была во многих отношениях прообразом боевой партийной газеты, которую позднее, в начале XX века, создал Ленин. Из всех исторических предшественниц «Искры» Ленин ставил выше всего «Новую Рейнскую газету», назвав ее «лучшим, непревзойденным органом революционного пролетариата» [1].

«Мы отступали с развевающимся знаменем»

О характере «Новой Рейнской газеты» свидетельствует и отношение к ней врагов революции. Против революционного пролетарского органа ополчились все силы реакции. Деятельность редакции протекала в обстановке бесконечных преследований и козней со стороны прусского правительства и местных чиновников, постоянных нападок монархической и буржуазной прессы, прусской военщины. Кёльнское окружное управление по указке министерства внутренних дел отказало Марксу в восстановлении в прусском подданстве (он вышел из него в 1845 г.), и над главным редактором газеты постоянно висела угроза высылки из Пруссии как «иностранца». Судебные органы пользовались всяким поводом, чтобы возбудить против газеты обвинения в оскорблении прокуратуры и жандармов, в призывах к мятежу и т. п. Однако власти долгое время не решались дать ход этим обвинениям, опасаясь, что привлечение к суду редакторов популярной газеты вызовет волну общественного протеста. Тем не менее в сентябре 1848 года в связи с введением в Кёльне осадного положения многим членам редакции стал грозить арест за участие в народных собраниях. Чтобы избежать его, Энгельс и Дронке вынуждены были покинуть Германию, Вильгельму Вольфу пришлось перейти на нелегальное положение. Для Энгельса, обосновавшегося (после пребывания в Бельгии и Франции) в Швейцарии, возвращение в Кёльн стало возможным лишь в январе 1849 года.

Наконец, ободренные государственным переворотом в Пруссии в ноябре — декабре 1848 года, кёльнские власти сочли момент подходящим для давно готовившейся судебной расправы с руководителями революционного печатного органа. 7 февраля 1849 года редакторы «Новой Рейнской газеты» Маркс и Энгельс предстали пе-

[1] См.: *Ленин В. И.* Карл Маркс.— Полн. собр. соч., т. 26, с. 83.

ред судом присяжных в Кёльне по обвинению в публикации в газете материалов, «оскорбительных» для представителей прусских государственных инстанций. В защитительных речах на процессе Маркс и Энгельс не просто опровергли доводы обвинения, но решительно отстаивали право демократической печати обличать произвол и злоупотребления властью государственных чиновников, защищать от их посягательств свободу и достоинство граждан. Очевидец этого судебного заседания Ф. Лесснер писал в своих воспоминаниях: «Было наслаждением видеть и слышать, с каким огромным превосходством и глубокими знаниями сражались Маркс и Энгельс против черно-белой реакции. Даже противники не могли скрыть своего восхищения этими двумя людьми» [1].

8 февраля 1849 года в том же суде слушалось дело о написанном Марксом воззвании Рейнского окружного комитета демократов от 18 ноября 1848 года, призывавшем отвечать неуплатой налогов на узурпаторские действия прусского правительства в отношении берлинского Национального собрания. Выступая на этом процессе, Маркс сразу же перешел от обороны к наступлению. Роспуск Национального собрания прусским королем и его министрами явился грубым проявлением насилия, явным нарушением законности и народного суверенитета, доказывал он в своей речи. Народ имел все основания оказывать сопротивление подобным актам самоуправства и деспотизма, вплоть до применения революционного насилия. «Когда корона совершает контрреволюцию, народ с полным правом отвечает революцией» [2].

Обезоруженные логикой и убедительностью аргументов в речах обвиняемых, присяжные в обоих процессах вынесли оправдательный приговор. Провал попыток судебной расправы заставил власти искать другие способы пресечения деятельности редакции газеты. Они стали выжидать удобный случай, чтобы выслать Маркса из Кёльна. Удар последовал в середине мая 1849 года, когда контрреволюционные войска подавили разрозненные восстания в Рейнской провинции, поднятые в защиту общегерманской имперской конституции. 16 мая Маркс получил предписание в 24 часа покинуть пределы Пруссии. Такое же распоряжение было вручено Дронке и Веерту. Против Энгельса было возбуждено судебное преследование за участие в восстании в Эльберфельде. Дни газеты были сочтены. 19 мая вышел ее последний, 301-й номер; он был отпечатан красной краской. В опубликованном в нем обращении «К кёльнским рабочим» говорилось: «Редакторы «Neue Rheinische Zeitung», прощаясь с вами, благодарят вас за выраженное им участие. Их последним словом всегда и повсюду будет: *освобождение рабочего класса!*» [3]

---

[1] Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе. 2-е изд. М., 1983, ч. I, с. 361.

[2] *Маркс К.* Речь на процессе против Рейнского окружного комитета демократов.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 6, с. 272.

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 6, с. 564.

На протяжении всей этой тяжелой борьбы с реакцией «Новая Рейнская газета» ни разу не поступилась своими революционными принципами, ни одной уступки не сделала противнику. Наоборот, чем ожесточеннее становились нападки на газету, чем воинственнее и развязнее действовали враги революции, тем решительнее выступала газета, острее становились ее обличения, тем энергичнее призывала она к отпору контрреволюционерам. Газета сделала свое дело, с честью выполнив революционный долг перед пролетариатом. «Мы вынуждены были сдать свою крепость,— писал впоследствии Энгельс,— но мы отступили с оружием и снаряжением, с музыкой, с развевающимся знаменем последнего красного номера...» [1]

Анализ хода германской революции

Выступления Маркса и Энгельса на страницах «Новой Рейнской газеты» являются образцом глубокого осмысления бурных событий революции. В их анализе, в оценке позиций различных классов и партий, в объяснении крутых переломов в соотношении политических сил марксистская мысль продемонстрировала научную зрелость и проницательность, умение постигать не только ведущие тенденции общественной жизни, но и существо быстротечных процессов как проявления исторических закономерностей. Диалектико-материалистический подход к раскрытию характера общественных явлений, социальной, классовой подоплеки политических конфликтов, которым руководствовались редакторы газеты, в полной мере показал свою эффективность, познавательные возможности. Сделанные при этом теоретические выводы явились существенным вкладом в развитие разных сторон марксистского учения, прежде всего в понимание им классовой борьбы и революции.

В центре внимания Маркса и Энгельса, естественно, были события германской революции. Оценивая результаты ее начального этапа, они отмечали ее незавершенность: народные массы, вырвав в результате восстаний в марте 1848 года в Австрии, Пруссии и других государствах ряд уступок у монархов (обещание введения конституции, согласие на созыв учредительных собраний, образование полулиберальных и либеральных правительств, формальное провозглашение буржуазных свобод), не сумели, однако, добиться решительной победы над старыми, феодально-монархическими режимами. Повсюду сохранились в неприкосновенности прежние государственные учреждения, чиновничий, военный и полицейский аппарат. *«Но Бастилия еще не взята»* [2],— писала «Новая Рейнская газета», подчеркивая, что на пути к торжеству революции стоит еще множество преград.

Неоднократно указывая на непрочность завоеваний, достигну-

---

[1] *Энгельс Ф.* Маркс и «Neue Rheinische Zeitung» (1848—1849).— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 22.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 5, с. 82.

тых народом в марте 1848 года, Маркс и Энгельс стремились пробудить у своих читателей чувство неудовлетворенности результатами революции, решимость довести ее до конца. На страницах газеты они разъясняли причины половинчатого характера германской революции, отмечая, что главный источник ее слабости заключается в политике пришедшей к власти либеральной буржуазии. Напуганная активностью масс, особенно революционными выступлениями французского пролетариата, она встала на путь измены революционному делу. «Крупная буржуазия, антиреволюционная с самого начала, заключила оборонительный и наступательный союз с реакцией из страха перед народом, то есть перед рабочими и демократической буржуазией»[1] — так характеризовала «Новая Рейнская газета» ситуацию, сложившуюся в послемартовской Пруссии и Германии в целом. В ряде статей, посвященных дебатам берлинского Национального собрания и характеристике политики прусских буржуазных министров, а также в последующих выступлениях Маркс и Энгельс резко критиковали идею соглашения с королевской властью, выдвинутую лидерами прусской либеральной буржуазии в оправдание компромисса с феодально-монархическими силами.

Четко проводилось в статьях Маркса и Энгельса противопоставление двух курсов: линии на углубление революции в интересах народных масс, на решительную ликвидацию феодально-монархических институтов, подобно тому, как это было осуществлено во Франции в 1789—1794 годах, и линии на свертывание революционного движения, сговора с дворянско-аристократическими кругами, проводимой либералами. Возобладание второго курса, предупреждала «Новая Рейнская газета», неизбежно проложит дорогу монархической контрреволюции, приведет к полному или частичному восстановлению домартовских порядков.

Тактика революционной борьбы

Диалектико-материалистическое восприятие действительности служило Марксу и Энгельсу методологической основой для выработки революционной стратегии и тактики. При этом если стратегические задачи, намеченные в «Требованиях Коммунистической партии в Германии», в целом оставались в силе на протяжении всей революции, развитие которой подтвердило правильность сформулированных в этом документе положений, то тактические формы борьбы неизбежно должны были меняться на разных ее этапах. Сочетание последовательной революционности с умением трезво взвесить особенности каждой ситуации, подготовленность масс к революционным действиям, увязать текущие задачи движения с его стратегическими целями, отношение к тактике как к важной области революционной науки — все это позволило Марксу и Энгельсу выдвигать тактические решения, отвечающие

[1] *Энгельс Ф.* Берлинские дебаты о революции.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 5, с. 64.

требованиям момента, определять характер тактики революционных сил на каждом новом этапе.

Залог дальнейшего развития революции Маркс и Энгельс видели в усилении революционной активности масс. С целью пропаганды опыта революционной борьбы, разъяснения значения решительных схваток между силами народа и реакции газета освещала ход всех крупных народных выступлений в германских государствах: штурм трудящимися цейхгауза в Берлине в июне 1848 года, восстание во Франкфурте-на-Майне в сентябре, октябрьское восстание в Вене и т. д. Газета стремилась пробудить в массах солидарность с участниками этих революционных событий, научить правильно воспринимать вытекающие из них уроки, чтобы готовить революционные силы к более решительным и повсеместным действиям, видя в их сплочении в общегерманском масштабе одно из главных условий победы народа.

В то же время редакторы «Новой Рейнской газеты» учили читателей серьезно относиться к революционной борьбе, соизмерять свои силы с реальными шансами на успех. Они, в частности, неоднократно подчеркивали, что преждевременное и плохо подготовленное восстание может оказаться на руку противникам революции. Еще в июне 1848 года в статье «Кёльн в опасности» Энгельс призывал кёльнских рабочих не поддаваться на попытки властей спровоцировать их на выступление, предостерегал от «ловушки, которую ставит им реакция» [1]. Маркс в октябре 1848 года разъяснял недопустимость волюнтаристского подхода к вооруженному восстанию, к выбору момента для выступления. Он писал, что начинать восстание тогда, когда ни один крупный вопрос не толкает все население на борьбу, означало бы действовать безрассудно, обрекать движение на поражение, лишать его боеспособности ко времени решающей схватки [2].

Маркс и Энгельс отстаивали и популяризировали идею народного суверенитета, усматривая в нем гарантию закрепления победы революционных масс и решения стоящих перед революцией задач. Уже в первых своих статьях в «Новой Рейнской газете» они призвали к осуществлению принципа народного суверенитета, к признанию неограниченными прав общегерманского Национального собрания и учредительных собраний отдельных государств. Став полновластными, опираясь на созданный революцией правопорядок, эти собрания, по мысли основоположников марксизма, должны были бы выработать подлинно демократическую конституцию и обеспечить проведение ее в жизнь. «Немецкий народ завоевал свой суверенитет на улицах почти всех больших и малых городов страны и особенно на баррикадах Вены и Берлина. Этот свой суверенитет он осуществил на выборах в Национальное соб-

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 5, с. 61.

[2] См.: *Маркс К.* «Кёльнская революция».— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 5, с. 453.

рапие,— писал Энгельс.— Первым актом Национального собрания должно было быть громогласное и официальное провозглашение этого суверенитета немецкого народа» [1].

Важнейшим, с точки зрения реального обеспечения народовластия в условиях революции, явился вопрос об отношении к старому государственному аппарату, созданному дореволюционным режимом и глубоко враждебному народу. Опыт уже первых месяцев германской революции привел Маркса и Энгельса к выводу о необходимости смещения представителей старой административной, военной и судебной власти, радикальной чистки всего прежнего правительственного аппарата, уничтожения господства бюрократии, особенно всесильной в Прусском королевстве. Именно в Пруссии, где как в военной, так и в гражданской сфере царила власть бюрократической иерархии, писал Энгельс, «было более чем где бы то ни было необходимо провести полную смену гражданских и военных чиновников» [2]. В этой связи первостепенное значение Маркс и Энгельс придавали вооружению народа, созданию силы, противостоящей контрреволюционной военщине. В стремлении буржуазии ограничить гражданское ополчение лишь имущими слоями, способными вооружиться на собственные средства, они подметили опасную тенденцию — лишить народные массы доступа к оружию, помешать формированию армии революции.

Маркс и Энгельс считали, что создаваемые в результате революции представительные учреждения должны, опираясь на поддержку народа, смело брать на себя учредительные и правительственные функции. При этом они указывали на необходимость тесной связи этих учреждений с народными массами, сочетания энергичной политики органов власти с революционными действиями снизу, на право революционного народа оказывать давление на парламенты, добиваясь от них принятия решительных мер. «Право демократических народных масс оказывать своим присутствием моральное воздействие на позицию учредительных собраний,— разъясняла «Новая Рейнская газета»,— есть старое революционное право народа, которое со времен английской и французской революций использовалось во все бурные эпохи. Этому праву история обязана почти всеми энергичными шагами таких собраний» [3].

Однако собравшиеся во Франкфурте-на-Майне общегерманское Национальное собрание, прусское собрание в Берлине и собрания других германских государств оказались жалким подобием революционных представительных учреждений и в основном занялись пустыми словопрениями. Маркс и Энгельс во многих своих выступ-

---

[1] *Энгельс Ф.* Франкфуртское собрание.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 5, с. 10.

[2] См.: *Энгельс Ф.* Согласительное заседание 4 июля (статья вторая).— Там же, с. 201.

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 5, с. 436.

лениях беспощадно заклеймили поведение либерального большинства этих собраний, трусливое потворство со стороны либералов антинародным поползновениям монархических клик, саботаж ими революционных мероприятий, филистерское преклонение перед фразой — одно из проявлений «парламентского кретинизма», по выражению Маркса.

Маркс и Энгельс с полным основанием критиковали парламентских лидеров фракций демократической мелкой буржуазии в национальных собраниях и руководителей демократических организаций за колебания и нерешительность, за подмену революционных действий «проповедническим пафосом» [1]. Они указывали на пагубность конституционных иллюзий, в плену которых находились левые фракции, необоснованность надежд провести общественные преобразования исключительно парламентским путем, без опоры на революционные массы.

Когда в середине сентября 1848 года в Берлине разразился политический кризис, связанный с отказом военного министра выполнить постановление Национального собрания об увольнении из армии реакционных офицеров, Маркс и Энгельс облекли идею народного суверенитета в формулу революционной диктатуры. «Всякое временное государственное устройство после революции требует диктатуры, и притом энергичной диктатуры» [2],— писал в те дни Маркс. Эту диктатуру редакторы «Новой Рейнской газеты» понимали как подлинно народную власть, демократическую по своей природе и в то же время твердую и решительную, способную пресечь все происки контрреволюции и обеспечить победоносное завершение буржуазно-демократической революции. Как видно из выступления Маркса против Вейтлинга на собрании кёльнского Демократического общества 4 августа 1848 года, он решительно отвергал толкование революционной власти как диктатуры узкого круга лиц [3].

Идею основоположников марксизма о революционной диктатуре народа высоко ценил Ленин и творчески использовал ее для обоснования выдвинутого им в период буржуазно-демократической революции 1905—1907 годов в России положения о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства. Раскрывая существо этой идеи, Ленин писал, что «по содержанию своему, те задачи, которые ставил Маркс в 1848 году революционному правительству или диктатуре, сводились прежде всего к *демократическому* перевороту: защита от контрреволюции и фактическое устранение всего противоречащего самодержавию народа. Это и есть не что иное, как революционно-демократическая диктатура» [4].

---

[1] См.: *Маркс К.* Воззвание демократического конгресса к немецкому народу.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 5, с. 481.

[2] *Маркс К.* Кризис и контрреволюция.— Там же, с. 431.

[3] См.: Отчет о выступлениях Маркса и Энгельса на общем собрании Демократического общества в Кёльне 4 августа 1848 г.— Там же, т. 43, с. 457—458.

[4] *Ленин В. И.* Две тактики социал-демократии в демократической революции.— Полн. собр. соч., т. 11, с. 124.

Соглашательская политика либеральной буржуазии, непоследовательность мелкобуржуазной демократии все больше сказывались на германской революции — контрреволюционные силы переходили в наступление. Попытки народных масс дать им отпор терпели неудачу. Тяжелым ударом для демократических кругов явилось поражение октябрьского восстания в Вене. Ответственность за трагический исход трехнедельной героической борьбы венских повстанцев — рабочих, студентов, демократической интеллигенции — Маркс возложил прежде всего на либеральную буржуазию Австрии и Германии, предоставившую реакции расправиться с революционной Веной. Проявилась неспособность немецких мелкобуржуазных демократов организовать народное движение в ее поддержку. Уроки венских событий подтвердили вывод Маркса и Энгельса о необходимости противопоставить линии буржуазии тактику сплочения всех революционных сил на борьбу с контрреволюцией.

Затем последовал новый политический кризис в Пруссии. Когда в начале ноября 1848 года король вручил бразды правления реакционному генералу, а местопребыванием прусского Национального собрания был объявлен захолустный городок Бранденбург, Маркс расценил это как подготовку к разгону прусского парламента [1]. Конкретизируя тактическую платформу революционной борьбы, Маркс (Энгельс в это время находился в Швейцарии) в качестве действенного средства сопротивления начавшемуся государственному перевороту выдвинул лозунг отказа населения от уплаты налогов. Эта мера должна была, по его мысли, не только подорвать финансовые ресурсы контрреволюции, но и способствовать вовлечению в борьбу с ней широких масс народа, что позволило бы революционным силам перейти от обороны в контрнаступление. В то же время для превращения этого радикального требования в призыв к массовому действию важное значение имело решение самого Национального собрания о повсеместном проведении кампании по неуплате налогов, которое оно приняло лишь 15 ноября под влиянием многочисленных обращений с мест. Проявляя осмотрительность в применении тактических средств, Маркс до этого момента, хотя и ориентировал массы на воздержание от уплаты налогов, считал несвоевременным призывать народ сопротивляться их взиманию. Однако, когда неуплата налогов была официально санкционирована Национальным собранием, он выступил с призывом противодействовать их взысканию любыми, в том числе насильственными, способами. 17 ноября он писал в «Новой Рейнской газете»: *«Уплата налогов является государственной изменой, отказ от уплаты налогов — первый долг гражданина!»* [2]. С 19 ноября вплоть до 17 декабря газета выходила с набранным крупным шрифтом лозунгом — «Долой налоги!».

[1] См.: *Маркс К.* Контрреволюция в Берлине.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 6, с. 10.

[2] *Маркс К.* Долой налоги!!! — Там же, с. 29.

В написанном Марксом воззвании Рейнского окружного комитета демократов от 18 ноября 1848 года были намечены и другие конкретные меры борьбы: создание на местах вооруженного народного ополчения, переизбрание общинных муниципальных советов, отказывающихся подчиниться постановлению Национального собрания, создание комитетов безопасности. В таких комитетах Маркс видел зародыш временных революционных органов власти, призванных сменить чиновничий административный аппарат. Сам Маркс вошел в состав созданного в Кёльне комитета безопасности. Второй Рейнский окружной конгресс демократических обществ, состоявшийся 23 ноября 1848 года при участии Маркса, одобрил выдвинутый им план действий.

Между тем большинство прусского Национального собрания, состоявшее из либеральных и демократических депутатов, ограничилось лишь пассивным сопротивлением. Нерешительность проявили и многие демократы на местах. Маркс предупреждал, что такая тактика обрекает движение на провал, ибо уподобляется, с едкой иронией отмечал он, «сопротивлению теленка, которого мясник тащит на убой» [1]. Воспользовавшись слабостью и нерешительностью своих противников, прусские контрреволюционеры полностью овладели положением; 5 декабря 1848 года прусское Национальное собрание было распущено.

Буржуазия и пролетариат в революции

Причины такого оборота событий Маркс раскрыл в ряде статей, среди которых особенно выделяется серия «Буржуазия и контрреволюция». В этом произведении была дана обобщающая характеристика германской революции 1848 года, раскрыты ее отличительные черты по сравнению с предшествующими революциями против феодализма — в середине XVII века в Англии и в конце XVIII века во Франции. Сопоставляя их, Маркс сделал важный теоретический вывод о разных типах буржуазных революций. Их особенности определялись в первую очередь историческими условиями, степенью зрелости капиталистических производственных отношений, остротой противоречий между буржуазией и угнетенными классами.

Революция в Германии, констатировал Маркс, явилась, как и предшествовавшие ей революции в Англии и Франции, результатом назревшего социального конфликта между феодальными порядками и складывавшимися капиталистическими отношениями. Однако в отличие от английской буржуазии XVII века и французской — XVIII века, действовавших, когда пролетариат и другие эксплуатируемые слои «еще не составляли самостоятельно развитых классов или частей класса» [2], буржуазия Германии вступила на арену борьбы при ином соотношении классовых сил. «Немецкая буржуазия развивалась так вяло, трусливо и медленно, что в тот

[1] См.: *Маркс К.* Приказ Эйхмана.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 6, с. 32.
[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 6, с. 114.

момент, когда она враждебно противостояла феодализму и абсолютизму, она сама оказалась враждебно противостоящей пролетариату и всем слоям городского населения, интересы и идеи которых были родственны пролетариату»[1]. Этим в первую очередь Маркс объяснял трусливость и политическую дряблость, проявленные буржуазией Пруссии и всей Германии, ее воздержание от чистки старого чиновничьего аппарата феодально-абсолютистского государства, от каких-либо посягательств на помещичью собственность. «...Без инициативы, без веры в себя, без веры в народ, без всемирно-исторического призвания — точно старик, над которым тяготеет проклятье, осужденный на то, чтобы извращать первые молодые порывы полного жизни народа и подчинять их своим старческим интересам... такой очутилась *прусская буржуазия* после мартовской революции у руля прусского государства»[2].

В прошлом буржуазия, особенно французская, в борьбе с феодально-абсолютистским режимом не боялась использовать революционную энергию народных масс. О революции во Франции 1789—1794 годов Маркс заметил: «*Весь французский терроризм* был не чем иным, как *плебейским способом* разделаться с *врагами буржуазии*, с абсолютизмом, феодализмом и мещанством»[3]. В противоположность этому в Германии 1848 года буржуазия, особенно крупная, больше всего опасалась революционных действий масс и всячески стремилась воспрепятствовать им ценой уступок реакции.

Государственный переворот в Пруссии, констатировал Маркс, явился логическим результатом политики прусских либеральных кабинетов, сменявших друг друга после марта 1848 года и сдававших одну позицию за другой дворянско-монархическим кругам, что позволило им набрать достаточно силы. Этот переворот, как и другие действия контрреволюции, явился следствием порочной позиции немецкой либеральной буржуазии в целом, что нашло особенно наглядное выражение в предательском акте либерального большинства франкфуртского парламента, объявившего решение берлинского Национального собрания о неуплате налогов противозаконным.

Анализируя происшедшие события, Маркс пришел к заключению о дальнейшем размежевании в Германии двух враждебных лагерей — противников революции, в который все более входила либеральная буржуазия, и подлинно демократического лагеря. В условиях обострявшегося противоборства между ними все больше вырисовывалась вставшая перед страной альтернатива — полной победы реакции или новой вспышки революционной борьбы, в результате которой рабочий класс, крестьянство и мелкая буржуазия могли бы добиться установления демократической республики и проведения социальных мероприятий, подготавливающих пере-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 6, с. 116.
[2] Там же, с. 116—117.
[3] Там же, с. 114.

ход к пролетарской революции. «История прусской, как и вообще немецкой буржуазии с марта по декабрь доказывает,— писал Маркс,— что в Германии невозможна чисто *буржуазная революция* и установление *буржуазной власти* в форме *конституционной монархии,* что возможна либо феодально-абсолютистская контрреволюция, либо *социально-республиканская революция*» [1].

Таким образом, выяснение изменившейся роли буржуазии в антифеодальной борьбе привело Маркса к обобщениям, составившим важнейший элемент марксистской концепции характера европейского революционного движения с середины XIX века. Эту концепцию Маркс и Энгельс продолжали развивать и после 1848—1849 годов. Однако уже в ходе самой революции они убедились в том, что значительные слои как немецкой, так и европейской буржуазии утратили к этому времени качества передовых борцов против феодального строя и его пережитков. Тяготение европейской буржуазии к компромиссу с реакционно-монархическими кругами, а во многих случаях прямое превращение ее в контрреволюционную силу— несмотря на то, что на отдельных участках борьбы (Венгрия, Италия) она продолжала еще действовать революционно,— вносило существенные изменения в соотношение движущих сил буржуазно-демократической революции. Поскольку буржуазия все больше становилась не способной осуществлять буржуазно-демократические преобразования революционным путем, эту задачу должен был так или иначе брать на себя рабочий класс. К нему переходила авангардная роль в народной борьбе против остатков феодализма, становившейся ступенью к достижению его собственной классовой цели— ниспровержению эксплуататорского строя. Энгельс подчеркивал, что из всех антифеодальных сил пролетариат представляет собой главную опасность для реакционного феодально-монархического режима, так как он «по самому своему положению революционен» [2]. Так в процессе анализа позиций различных классов Маркс и Энгельс подходили к идее гегемонии пролетариата в революционном движении.

Развенчание конституционных иллюзий

Обстановка, сложившаяся после государственного переворота в Пруссии, характеризовалась подготовкой как контрреволюционных, так и революционных сил к окончательной схватке. В это временное затишье надо было убедить рабочий класс и народные массы в неизбежности новых революционных боев, в которых будут решаться судьбы революционного движения. Стремясь поддерживать массы в состоянии мобилизационной готовности, «Новая Рейнская газета» выступала против деморализующих иллюзий, будто реакция удовлетворилась разгоном Национального собрания, и дарованная в дни государственного переворота прус-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 6, с. 134.

[2] См.: *Энгельс Ф.* Дебаты по поводу закона о плакатах.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 6, с. 478.

ским королем конституция послужит гарантией от дальнейших покушений контрреволюции на свободы и права граждан. Либеральные буржуа и некоторые демократы тешили себя надеждами, будто введение этой конституции открывает возможность мирным путем осуществить политические и социальные реформы и даже внести прогрессивные изменения в сам конституционный акт. Развенчивая эти заблуждения, Маркс писал, что дарованная конституция допускает единственно возможный пересмотр ее — только в реакционном духе, в соответствии с тем, как это будет угодно «королю и второй палате, состоящей из захолустных юнкеров, финансовых баронов, высших чиновников и попов». Маркс предвидел неизбежность такой ревизии и подчеркивал, что смысл ее будет заключаться «в отказе от конституционной системы и в восстановлении старого христианско-германского *сословного строя*» [1].

В то же время Маркс и вернувшийся в январе 1849 года в Кёльн Энгельс придавали серьезное значение участию широких слоев народа в выборах в нижнюю палату ландтага. В противоположность либеральным и мелкобуржуазным демократам они рассматривали это участие отнюдь не как путь к непосредственному достижению политических и социальных целей, а прежде всего как способ активизировать массы, убыстрить их политическое воспитание и сплочение. В период выборов и во время сессии ландтага Маркс и Энгельс конкретизировали и развили дальше сформулированные еще в первые месяцы 1848 года основы парламентской тактики революционеров. Суть ее, разъясняли они, состоит в использовании реакционных парламентов для обличения политики правящих кругов, для обращения через их головы к массам с призывом к внепарламентским действиям, для мобилизации народа на борьбу с контрреволюцией. Резко осуждали они на страницах «Новой Рейнской газеты» поведение в ландтаге представителей либерально-демократической оппозиции, проявивших робость и примиренчество по отношению к правым силам. «Вместо того, чтобы занять в парламенте внепарламентскую позицию, единственно достойную позицию в такой палате,— писал Энгельс,— они, в угоду парламентскому приспособленчеству, делают одну уступку за другой; вместо того, чтобы по возможности игнорировать конституционную точку зрения, они постоянно заигрывают с ней во имя драгоценного мира» [2].

Предупреждения Маркса и Энгельса о беспочвенности надежд прусских либералов на конституционные методы решения политических вопросов вскоре подтвердились. Несмотря на умеренность парламентской оппозиции, прусские правящие круги сочли нижнюю палату ландтага чересчур радикальной и распустили ее в конце апреля 1849 года. Положение вновь обострилось, и не только в Пруссии. В Австрии еще в начале марта 1849 года правительство

[1] См.: *Маркс К.* Монтескье LVI.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 6, с. 195.
[2] *Энгельс Ф.* Дебаты в Берлине по вопросу об адресе.— Там же, с. 400.

разогнало депутатов учредительного рейхстага. Было объявлено о даровании императором Францем-Иосифом конституции, которая, однако, так и не была введена в действие. Фактически восстанавливался абсолютистский режим. Назревал конфликт между франкфуртским Национальным собранием, выработавшим общегерманскую имперскую конституцию, и правительствами германских государств, отказавшимися ее признать. Германия вступала в последнюю стадию революционных битв. Этот этап оказался последним и в деятельности Маркса и Энгельса в качестве редакторов «Новой Рейнской газеты», сыгравшей в этот критический момент роль знаменосца народного отпора наступавшей контрреволюции.

Международные аспекты революции

Ход революции в Германии Маркс и Энгельс постоянно рассматривали в тесной связи с событиями в других странах Европы. Революционные вспышки как на немецкой земле, так и в других странах европейского континента они считали составной частью европейской революции. Революция в их понимании являлась не только крутым переломом в жизни данного народа, но и вехой всемирной истории, а революционные события в разных странах — взаимосвязанными звеньями международного революционного движения. Поэтому в их поле зрения всегда были международные аспекты революции в Германии и других странах. Всесторонний учет не только внутренних, но и внешнеполитических условий развития революционного движения давал возможность глубже разобраться в его закономерностях, точнее определить его задачи и перспективы.

Маркс и Энгельс считали, что каждое крупное революционное выступление в странах Европы отражалось и на ситуации в Германии. Особенно большое влияние на развитие событий во всей Европе, по их мнению, оказала классовая борьба во Франции — стране, продолжавшей с конца XVIII века играть авангардную роль в революционном движении. Недаром революционная активность французского пролетариата, в особенности парижских рабочих, поднявших восстание в июне 1848 года, вызвала консолидацию контрреволюционной буржуазии не только во Франции, но в значительной мере обусловила антиреволюционный курс немецкой буржуазии, почувствовавшей в действиях французских пролетариев потенциальную угрозу собственным классовым интересам, увидевшей в этом пример, которому могут последовать и немецкие рабочие. С другой стороны, поражение июньских повстанцев имело тяжелые последствия для революции не только во Франции, но и во всей Европе. Во многих странах, в том числе и в Германии, оно послужило сигналом реакционным силам для перехода в наступление. «Своей победой в Париже европейская контрреволюция начала справлять свои оргии» [1],— писал Маркс.

---

[1] *Маркс К.* Победа контрреволюции в Вене,— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 5, с. 493.

Несмотря на тяжесть удара, который был нанесен европейскому революционному движению подавлением июньского восстания в Париже, Маркса и Энгельса не покидала вера в возможность изменения общего соотношения противоборствующих сил в пользу революции в результате подъема борьбы народных масс на какомлибо важном ее участке. Главную надежду при этом редакторы «Новой Рейнской газеты» продолжали возлагать на возрождение революционной энергии французского пролетариата, на его новое, на этот раз победоносное восстание против буржуазного режима, которое послужило бы могучим стимулом для развития революции и в других странах Европы. «Низвержение буржуазии во Франции, победа французского рабочего класса, освобождение рабочего класса вообще — таков, следовательно, лозунг европейского освобождения» [1],— писал Маркс в канун 1849 года.

Очагами, которые могли вновь разжечь пламя общеевропейской революции, Маркс и Энгельс в первой половине 1849 года считали также Италию и Венгрию. Несмотря на то, что развитие революции в Европе в целом шло по нисходящей линии, в этих странах наблюдался прилив революционной активности народных масс. Революционные события того времени в ряде итальянских государств (Папская область, Тоскана), падение там контрреволюционных и умеренно-либеральных правительств, возобладание республиканских движений, провозглашение в феврале 1849 года Римской республики были восприняты редакторами «Новой Рейнской газеты» как предвестие благоприятных перемен в общеевропейском революционном развитии. Так оценивалась ими и новая фаза, в которую вступила в то время освободительная борьба в Венгрии. Разгромив в апреле 1849 года австрийские войска, венгерская революционная армия подорвала военную мощь одного из главных оплотов контрреволюции в Европе — реакционной империи Габсбургов. Уже этим было оказано революционизирующее воздействие и на другие страны. События в Италии и Венгрии, полагали Маркс и Энгельс, позволяют рассчитывать на наступление перелома в ходе общеевропейской революции, когда не только будут пресечены реставраторские поползновения реакции, но революционный процесс наберет новую силу.

Через многие выступления «Новой Рейнской газеты» проходит мысль о необходимости добиваться того, чтобы революционная борьба не замыкалась национальными рамками, чтобы революционные движения в разных странах сливались в общий поток. В интернациональном сплочении участников революционной борьбы Маркс и Энгельс видели одно из условий успеха революции, эффективное средство противодействия складывавшемуся блоку ее противников. Размежевание между силами революции и контрреволюции, подчеркивали они, происходит не только внутри отдельных

[1] *Маркс К.* Революционное движение.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 6, с. 159.

стран, но и на международной арене. И здесь проявлялась свойственная значительной части европейской буржуазии тенденция к антиреволюционному сговору с феодально-монархическими кругами, что выражалось, в частности, в общих враждебных революции чертах внешней политики правительств буржуазной Французской республики и буржуазно-аристократической Англии, с одной стороны, и правящей верхушки таких феодально-монархических государств, как царская Россия, Пруссия и Австрия — с другой. Господствующие классы этих держав сближали общность контрреволюционных замыслов, готовность к вмешательству во внутренние дела охваченных революцией стран, дипломатическая, а нередко и военная поддержка (французская интервенция против Римской республики, царская интервенция в Венгрии), оказываемая контрреволюционным силам. При попустительстве западноевропейской буржуазной дипломатии правящие клики России, Австрии и Пруссии предпринимали попытки создания антиреволюционной коалиции, возрождения Священного союза.

Революционному движению противостояли, таким образом, не только внутренние, но и внешние враги, силы международной реакции, в стане которой оказалась и правящая буржуазия Франции и Англии.

В сложившейся обстановке, полагали Маркс и Энгельс, развитие революции вглубь должно было породить международные конфликты и войны.

Одним из главных противников революции в Германии и Европе редакторы «Новой Рейнской газеты» с полным основанием считали российский царизм: царское правительство сразу же сконцентрировало свои войска на границах и готово было бросить их на подавление революционного движения в Европе, не ограничиваясь враждебными дипломатическими акциями. По убеждению Маркса и Энгельса, интересы защиты революции требовали революционной войны против царской России и других реакционных держав. В этой войне они видели также средство активизировать сопротивление масс внутренним реакционным силам. В ходе ее могли созреть предпосылки и для революционной вспышки в тех странах, где начавшееся брожение среди народа не вылилось еще в открытое революционное выступление. Из стран, где существовала возможность назревания такого революционного кризиса, Маркс и Энгельс не исключали и Россию. На страницах «Новой Рейнской газеты» воспроизводились доходившие до Германии сведения о неустойчивом внутреннем положении страны, сдерживавшем воинствующий пыл царского правительства, о признаках народного недовольства в ряде районов империи [1]. Все это давало основание в случае войны ожидать революционных событий и в цитадели тогдашней контрреволюции — царской империи.

Серьезная опасность для революции, по мнению Маркса и Энгельса, грозила и со стороны буржуазно-аристократической Англии. Враждебное отношение к революционному движению стало к тому времени традиционным для ее господствующих классов — землевладельцев и капиталистов. Еще в период французской буржуазной революции конца XVIII века они вступили в союз с феодальной Европой против революционной Франции, являлись главными организаторами и участниками всех антифранцузских коалиций. Их контрреволюционность была обусловлена как остротой, которую достигли здесь классовые противоречия между буржуазией и пролетариатом, так и стремлением сохранить существующий миропорядок, обеспечи-

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 5, с. 315.

вавший Англии промышленное и торговое преобладание, господство на мировом рынке. Маркс сравнивал Англию — страну, превращающую целые нации в своих наемных рабочих, своими руками охватывающую весь мир,— со «скалой, о которую разбиваются революционные волны...» [1]. Новое успешное выступление французского пролетариата и тот подъем, который оно должно было вызвать в революционных кругах Европы, считал Маркс, неизбежно умножили бы контрреволюционные усилия английских правящих классов, что было чревато военным столкновением. В ходе вооруженной борьбы между революционными и контрреволюционными силами могла бы сложиться революционная обстановка и в самой Англии, вновь, и в более мощной форме, могли возродиться чартистское движение и возникнуть реальная угроза для существующего эксплуататорского строя. «Как в эпоху Наполеона, Англия будет стоять во главе контрреволюционных армий, но в результате этой войны она сама будет брошена в революционное движение, станет во главе его и искупит свою вину перед революцией XVIII века» [2],— писал Маркс.

С отпором силам международной реакции, с революционной войной Маркс и Энгельс связывали такое возможное развитие событий, которое способствовало бы повсеместному развертыванию революционного движения. При этом они допускали и другие, неблагоприятные для революции перспективы. И действительно, в дальнейшем ходе революции в целом не произошло ожидаемых перемен, которые отвечали бы интересам рабочего класса и революционной демократии: не оправдались надежды на новое восстание французского пролетариата; вооруженная борьба участников революции против ее внутренних и внешних врагов не приобрела общеевропейского масштаба; господствующие классы Англии, делавшие ставку на победу контрреволюции на континенте, сумели достичь этой цели, не прибегая к открытому военному вмешательству; недостаточная сплоченность рядов помешала революционерам дать отпор царской интервенции, предпринятой в помощь австрийской реакции, защитить последние бастионы европейской революции в Венгрии и Италии. И тем не менее правильность мыслей Маркса и Энгельса о диалектическом взаимодействии внутренних и внешнеполитических факторов во время революции, о влиянии их соотношения на ее развитие, о противоборстве революционных и контрреволюционных сил не только в каждой стране, но и на международной арене, о необходимости постоянно учитывать международные условия, в которых протекает революционное движение, многократно подтверждалась в той или другой форме в течение 1848—1849 годов. В теоретическом отношении эти мысли конкретизировали диалектико-материалистическое понимание общественных явлений, обогатив марксистское учение, и их ценность для практической революционной борьбы была доказана последующими событиями всемирной истории.

Под знаменем пролетарского интернационализма

В призывах «Новой Рейнской газеты» к международному объединению революционных сил получила развитие выдвинутая Марксом и Энгельсом накануне революции идея поддержки рабочим классом всех прогрессивных движений, независимо от их национальных границ. В этом интернациональном духе воспитывала газета своих читателей, приучая рассматривать борьбу за свободу в любой стране как общее дело. На первое место при этом редакторы газеты ставили разъяснение общности интересов и революционных целей пролетариев всех стран, решающего значения в ус-

[1] См.: *Маркс К.* Революционное движение.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 6, с. 159.

[2] Там же, с. 160.

ловиях революции принципов пролетарского интернационализма, провозглашенных в «Манифесте Коммунистической партии».

Последовательно интернационалистская линия «Новой Рейнской газеты» выразилась в постоянном внимании к положению и революционной классовой борьбе рабочих разных национальностей, в решительных проявлениях солидарности с участниками рабочего движения наиболее развитых в то время капиталистических стран — Франции и Англии, особенно в моменты их острых схваток с правящей буржуазией. Об этом ярко свидетельствовало отношение газеты к героическому восстанию парижских рабочих 23—26 июня 1848 года.

Июньское восстание рабочих Парижа явилось кульминационным событием французской революции, важной вехой в истории освободительного движения пролетариата. По характеристике Ленина, это была «первая великая гражданская война между пролетариатом и буржуазией» [1]. «Новая Рейнская газета» была единственной в Германии и почти во всей Европе газетой, которая с момента получения первых известий о событиях в Париже безоговорочно выступила как горячая защитница восставших рабочих. Она гневно опровергала клевету и поношения, которые мутным потоком полились на них со страниц многочисленных печатных органов господствующих классов не только Франции, но и других стран. Июньскому восстанию Энгельс посвятил целую серию статей, проследив в них день за днем ход баррикадных сражений, развернувшихся в столице Франции. Маркс откликнулся на восстание одним из своих самых эмоциональных выступлений в газете — статьей «Июньская революция», прозвучавшей как настоящий гимн в честь участников парижской битвы, как дань восхищения их революционной стойкостью и мужеством. Само употребление Марксом и Энгельсом понятия «революция» применительно к парижскому восстанию говорит об их желании подчеркнуть величие этого события. Написанные в дни боев и непосредственно после их окончания, в атмосфере вспышки ненависти к революционным рабочим со стороны официальных кругов и буржуазной публики, статьи Маркса и Энгельса об июньском восстании проникнуты подлинным пафосом борьбы. В то же время они содержат научную оценку характера и исторического значения подвига парижских рабочих.

В своей статье Маркс показал принципиальное отличие июньского восстания от предшествующих революционных выступлений народных масс. Он охарактеризовал его как первое открытое проявление глубоких классовых антагонизмов буржуазного общества, беспримерное по своей остроте и масштабам. Восстание явилось, отмечал Маркс, закономерным результатом развития событий в стране после 22—24 февраля 1848 года; хотя под натиском парижских

[1] См.: *Ленин В. И.* Третий Интернационал и его место в истории.— Полн. собр. соч., т. 38, с. 305.

рабочих и ремесленников была свергнута Июльская монархия и установлена республика, но и в новых условиях правящая буржуазия продолжала наступать на интересы и права трудящихся масс. Ответом на эти посягательства и были июньские дни, разрушившие иллюзии всеобщей гармонии и братства, якобы существующих в буржуазном обществе. Истинным, прозаическим выражением этого «братства», указал Маркс, явилась «гражданская война в своем самом страшном обличии — война труда и капитала» [1].

«Ни одна из бесчисленных революций французской буржуазии, начиная с 1789 г.,— продолжал Маркс,— не была покушением на *порядок,* так как все они сохраняли классовое господство, рабство рабочих, сохраняли *буржуазный порядок,* как бы часто ни менялась политическая форма этого господства и этого рабства. Июнь посягнул на этот *порядок*» [2]. Сразу же уяснив этот смысл восстания, буржуазные депутаты французского Национального собрания — законодательного органа, олицетворявшего собой Французскую республику, выступили с призывом к правительству расправиться с «мятежниками». В результате республика, завоеванная рабочими в феврале, в июне превратилась в их палача. Июньские события дали наглядное доказательство непримиримости противоречий между классом буржуазии и рабочим классом, подтвердив необходимость революционного ниспровержения капиталистического строя как единственного пути освобождения трудящихся. В этом, подчеркнул Маркс, заключалось всемирно-историческое значение июньского восстания, несмотря на тяжелое поражение, понесенное парижским пролетариатом.

Военную сторону июньских событий осветил в своих статьях Энгельс. Он подчеркивал героизм и самоотверженность бойцов парижских баррикад, которые в течение четырех дней противостояли противнику, значительно превосходившему их численностью, вооружением и военным опытом, а также проявленную парижскими рабочими способность овладевать в ходе боев навыками военного дела, тактическим мастерством [3]. Опираясь на опыт июньского восстания, Энгельс высказал ряд важных суждений о тактике повстанческой уличной борьбы. Эти суждения, в частности мысль о важности для восставших развивать успех, прибегая к наступательному образу действий, он использовал в дальнейшем при разработке марксистского учения о вооруженном восстании.

Маркс и Энгельс надеялись, что уроки июньского восстания не будут забыты участниками рабочего движения Франции. Они верили в то, что лучшие традиции героического парижского пролетариата получат свое развитие в новых революционных выступлениях французских рабочих и будут так или иначе восприняты рабочими других стран. Редакторы «Новой Рейнской газеты» счи-

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 5, с. 139.
[2] Там же, с. 140.
[3] См.: *Энгельс Ф.* Июньская революция (ход восстания в Париже).— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 5, с. 152.

тали своим интернациональным долгом открыто выражать верность делу восставших рабочих Парижа. Так, в последнем, прощальном номере газеты, выпущенном 19 мая 1849 года, Маркс специально напомнил о ее солидарности с героями июньского восстания, отметив, что *«душа июньской революции»* была и душой «Новой Рейнской газеты» [1].

Одной из важнейших задач немецкого пролетариата Маркс и Энгельс считали установление революционных интернациональных связей с английскими чартистами. Они всячески содействовали этому, стремясь пробудить у читателей газеты интерес и симпатии к чартистскому движению. Продолжали они поддерживать личные контакты с лидерами левого крыла чартизма, в частности с Д. Гарни. Из номера в номер «Новая Рейнская газета» публиковала информацию о деятельности чартистов, о созываемых ими митингах, о стачках, в которых они участвовали, о преследованиях, которым подвергались. На ее страницах воспроизводились чартистские воззвания, обращения, материалы из главного чартистского органа «The Northern Star», газеты, в которой накануне революции регулярно сотрудничал Энгельс и поддерживать связь с которой он и Маркс особенно стремились. Основоположники марксизма ценили революционные интернационалистские позиции этой газеты, в частности ее выступления в защиту участников июньского восстания в Париже.

Чартистскому движению Маркс и Энгельс отводили важное место в стратегических расчетах на углубление революции и расширение ее сферы в Европе. Хотя Англия и избежала в 1848—1849 годах революционной бури и даже играла роль одного из оплотов европейской контрреволюции, за фасадом внешней устойчивости и стабильности английского капиталистического общества основоположники марксизма видели симптомы острых социальных конфликтов, нарастанию которых способствовал общеевропейский революционный кризис. В статьях на английские темы «Новая Рейнская газета» отмечала широкий размах в 1848 году чартистского движения. Выступления чартистов газета расценивала как борьбу «организованной партии пролетариата против организованной государственной власти буржуазии» [2]. В Англии, считали Маркс и Энгельс, материальные предпосылки для социалистического преобразования общества созрели в гораздо большей степени, чем в любой другой стране. Трезво оценивая экономическую мощь английских господствующих классов, сознавая все трудности противоборства с ними, они надеялись, что вовлечение страны в русло общеевропейской революционной борьбы приведет к укреплению позиций английского пролетариата и чартистской партии, а победа

---

[1] См.: *Маркс К.* Полицейское уничтожение «Neue Rheinische Zeitung».— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 6, с. 548.

[2] См.: *Энгельс Ф.* «Kölnische Zeitung» об английских порядках.— Там же, т. 5, с. 301.

чартистов, в свою очередь, даст импульс развитию европейской революции. В английских чартистах они видели прямых союзников в достижении не только ближайших целей революционного движения — осуществления буржуазно-демократических преобразований, но и в дальнейшей освободительной борьбе рабочего класса. Неудачи чартистов, в частности срыв организованной ими массовой демонстрации 10 апреля 1848 года, рассматривались Марксом и Энгельсом как серьезный удар для всей европейской революции; признаки же нового оживления чартистской агитации воспринимались ими как радостное и многообещающее событие. Энергично защищала «Новая Рейнская газета» чартистов от нападок буржуазной печати. С большим сочувствием отзывалась она и о борцах за независимость Ирландии, являвшейся одним из очагов революционного брожения на Британских островах. В союзе чартистов с участниками ирландского национально-освободительного движения основоположники марксизма видели важный резерв усиления борьбы трудящихся Великобритании против господства буржуазно-аристократической олигархии.

Не прошли Маркс и Энгельс и мимо разногласий в чартистском движении между революционным и реформистским течениями, которые обострились весной 1849 года. «Новая Рейнская газета» отозвалась на полемику, развернувшуюся на страницах «The Northern Star» между Д. Гарни и О'Коннором, ставшим к тому времени выразителем умонастроений мелкобуржуазных реформистских элементов; он открыто высказался против революционной тактики, за отказ от требования республики, от поддержки освободительного движения других народов. С осуждением этих взглядов выступил Гарни, и защита им революционных и интернационалистских принципов вызвала горячее одобрение Маркса и Энгельса. Пространные выдержки из его ответа О'Коннору были перепечатаны в «Новой Рейнской газете». Комментируя их, Энгельс отметил, что Гарни выражает взгляды подавляющего большинства чартистской партии, разрыв которого с О'Коннором и его последователями является «весьма желательным для дела демократии» [1]. Подлинными выразителями пролетарской классовой сущности чартизма основоположники марксизма считали представителей его левого, революционного крыла, и именно с ними они стремились поддерживать интернациональные связи.

Позиция Маркса и Энгельса по отношению к революционному движению французских и английских рабочих отражала их борьбу за единство международного пролетариата. На этих конкретных примерах они наглядно продемонстрировали значение объединения усилий пролетариев разных стран как важнейшего условия их победы. Боевой интернациональный союз рабочих выковывается в горниле революционной борьбы, участники которой на практике

---

[1] См.: *Энгельс Ф.* Джулиан Гарни против Фергюса О'Коннора.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 50, с. 357.

должны убедиться в важности солидарных действий и взаимной поддержки, в необходимости усваивать опыт каждого отряда рабочего движения, поучительный опыт, нередко приобретенный ценой тяжелых поражений. Отстаивание и развитие идей пролетарского интернационализма составило важную сторону деятельности Маркса и Энгельса в 1848—1849 годах, одну из характерных черт их революционной публицистики того времени.

Защита интересов крестьянских масс

В этот период значительное развитие получило представление марксизма о крестьянстве как одной из главных движущих сил буржуазно-демократической революции. Вовлечение в революционное движение широких масс крестьянства Маркс и Энгельс считали одним из действенных средств расширения и укрепления демократического фронта. Поэтому «Новая Рейнская газета» постоянно откликалась на стихийные выступления крестьян, происходившие в различных частях Германии. На страницах газеты то и дело появлялись материалы о крестьянских волнениях, перераставших в отдельных местах, в частности в Силезии, в настоящие восстания, о сопротивлении крестьян произволу помещиков и чиновников, об отказе их выполнять повинности, о разрушении усадеб и замков, о столкновениях с войсками. Признаки революционного брожения газета отмечала и среди сельского населения Австрии, в славянских землях империи Габсбургов. Так, весной 1849 года в разгар военных действий венгерской революционной армии против австрийских войск Энгельс особо обращал внимание на происходившие или назревавшие крестьянские волнения в Буковине, Словакии и Галиции, оценивая эти очаги крестьянского движения как резервы революционных сил. «Новой поддержкой для мадьяр, имеющей в высшей степени важное значение именно сейчас, накануне их вероятной победы, явится *восстание польских крестьян,* которое назревает в Галиции» [1],— писал он в апреле 1849 года. Сообщение о вспыхнувшей в Буковине борьбе украинских (гуцульских) крестьян во главе с Лукьяном Кобылицей против помещиков Энгельс закончил восклицанием: «В добрый час, крестьянская война в Австрии!» [2].

Публикуя сведения о крестьянских выступлениях, «Новая Рейнская газета» стремилась показать, какие крупные революционные возможности таятся в сопротивлении крестьян феодальному гнету. Освещением бедственного положения сельских тружеников, решительным осуждением бесчеловечных форм эксплуатации, которой они подвергались, и жестоких карательных мер, применяемых властями по отношению к участникам «аграрных беспорядков», газета вызывала сочувствие к крестьянским массам, убеждая читателей в справедливости их возмущения и протеста. Газета ориентиро-

[1] *Энгельс Ф.* С театра военных действий.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 43, с. 385.

[2] *Энгельс Ф.* С театра военных действий.— Крестьянская война в Буковине.— Там же, с. 352.

вала пролетарские и демократические круги Германии на поддержку антифеодальной борьбы крестьян, призывая придавать этой борьбе организованный и целенаправленный характер.

Радикальное решение аграрного вопроса Маркс и Энгельс рассматривали как одну из основных задач буржуазно-демократической революции. Между тем аграрные законопроекты, вносимые либеральными кабинетами, и обсуждение их в берлинском Национальном собрании убеждали в том, что буржуазия Пруссии, как и других германских государств, весьма далека от намерения осуществлять коренные изменения в аграрном строе в пользу крестьянства. В антифеодальных выступлениях крестьян либеральные буржуа видели посягательства на священный для них принцип частной собственности. Оказавшись временно у власти, буржуазные политики взяли на себя охрану феодальных привилегий помещиков, не останавливаясь перед применением военно-полицейской силы для подавления мятежных крестьян. Предлагаемые ими проекты урегулирования крестьянского вопроса сводились к выкупу многочисленных (сохранившихся и после отмены крепостного права в Пруссии в начале XIX века) феодальных повинностей на условиях, весьма выгодных для дворянства. По меткому определению Ленина, немецкая буржуазия в 1848 году «боялась доведения революции до конца, боялась самостоятельности пролетариата, боялась полной победы крестьянства над его средневековыми эксплуататорами-помещиками, хозяйство которых сохраняло тогда немало крепостнических черт» [1].

Маркс и Энгельс оценивали позицию прусской и в целом немецкой буржуазии в аграрном вопросе как особенно наглядное выражение ее трусливого отречения от революции. «Новая Рейнская газета» с возмущением писала, что прусские либеральные министры и законодатели не решились санкционировать осуществленную крестьянами в первые дни революции явочным порядком отмену феодальных повинностей. Усилия прусских либералов были направлены на сохранение старых правил выкупа этих повинностей, которые были установлены во время действия реакционных, благоприятных для дворянства законов [2]. Энгельс характеризовал подобные выкупные операции по прусскому образцу как продолжение грабежа крестьян помещиками, открывающего перспективу участия в этом грабеже и буржуазно-ростовщических элементов. «Прусское правительство,— писал он,— вообще всегда умело подчинять угнетенные классы одновременному гнету феодальных и современных буржуазных отношений и таким образом делать ярмо вдвое тяжелее» [3]. Мероприятия в аграрной области, выдвигавшиеся

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Фр. Меринг о второй Думе.— Полн. собр. соч., т. 15, с. 264.

[2] См.: Записка Патова о выкупе.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 5, с. 111.

[3] *Энгельс Ф.* Дебаты по поводу законодательства о выкупе.— Там же, с. 328.

прусскими либералами, представляли «убедительное доказательство того, что немецкая революция 1848 г. есть лишь *пародия французской революции* 1789 года» [1]. Они свидетельствовали о вопиющем отступничестве буржуазии от своей миссии в борьбе с феодальным строем, о предательстве по отношению к ее естественному союзнику в этой борьбе — крестьянам, «без которых она бессильна против дворянства» [2].

В противовес политике либеральной буржуазии «Новая Рейнская газета» решительно выступала за радикальное преобразование аграрных отношений, за уничтожение материальных основ господства помещиков-юнкеров. Конкретизируя аграрную программу пролетарских революционеров, намеченную в «Требованиях Коммунистической партии в Германии», Маркс и Энгельс в своих выступлениях делали главный акцент на удовлетворении насущных потребностей крестьянских масс. На первый план руководимая ими газета выдвигала требования безвозмездной отмены всех феодальных повинностей, выплаты крестьянам компенсаций за хищнические вымогательства и урезку их владений, учиненные в ходе выкупных операций помещиками, ликвидации помещичьего землевладения. Разъясняя, что осуществить эти требования можно лишь революционным путем, связывая их реализацию с решением других важнейших задач революции — объединения Германии, демократизации ее политического строя, основоположники марксизма выступали за развертывание в стране широкого антифеодального движения, объединяющего в своих рядах рабочий класс, крестьянство, все революционно-демократические силы.

Большая заслуга в обосновании и пропаганде платформы «Новой Рейнской газеты» по аграрному вопросу принадлежала одному из ближайших соратников Маркса и Энгельса Вильгельму Вольфу. В его статьях и других публикуемых материалах затрагивалось общее состояние немецкого крестьянства, приводились факты, характеризующие умонастроения и чаяния крестьянских масс, их участие в революционной борьбе, разоблачались организаторы расправы с крестьянским движением, подвергалась критике политика либералов в аграрном вопросе. Особое внимание газета уделяла малоимущим слоям сельского населения, а также сельскохозяйственным рабочим-поденщикам и батракам. Пробуждению революционной энергии у этих слоев газета придавала большое значение.

Широкий отклик в Германии получила серия статей Вольфа «Силезский миллиард», публиковавшаяся в газете в марте — апреле 1849 года. В этом произведении был ярко обрисован груз феодальных пережитков в аграрном строе, с которым большинство германских государств подошло к началу революции, было дано, по словам Энгельса, «верное изображение положения в деревне до 1848 г. во всей Пруссии...» [3]. На конкретных примерах Вольф раскрыл грабительский характер осуществлявшегося в Пруссии выкупа феодальных повинностей. По его подсчетам, сумма взысканных у крестьян одной только Силезии выкупных платежей, налогов и поборов

---

[1] См.: *Маркс К.* Законопроект об отмене феодальных повинностей.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 5, с. 299.

[2] Там же.

[3] См.: *Энгельс Ф.* Вильгельм Вольф.— Там же, т. 19, с. 88.

достигла миллиардной цифры. Вольф поставил вопрос о возвращении крестьянам этих денег, награбленных у них помещиками и помещичьим государством. Отстаивая требование отмены повинностей без всякого выкупа, он предлагал также поделить конфискованные у земельных магнатов имения между неимущими, безземельными крестьянами.

Последовательная революционная линия, проводимая Марксом, Энгельсом и их соратниками в аграрном вопросе, была направлена на то, чтобы вовлечь крестьянские массы в совместную с рабочим классом борьбу за коренные демократические преобразования. Основоположники марксизма внесли при этом вклад в разработку тактики рабочего класса по отношению к своему главному союзнику — крестьянству. Ведущее место в этом союзе они отводили пролетариату, раскрыв своими выступлениями на страницах «Новой Рейнской газеты» его роль передового борца за интересы эксплуатируемых масс деревни, за освобождение крестьян от пережитков феодального гнета. Такая трактовка отношения рабочего класса к крестьянству, а также разъяснение того обстоятельства, что буржуазия все больше становится на путь измены делу антифеодальной борьбы, послужили предпосылкой для вывода о гегемонии пролетариата в революционном движении, к которому подходила марксистская мысль.

Пролетарская позиция в национальном вопросе

Важное значение в период революций 1848—1849 годов имело обоснование позиции пролетарских революционеров в национальном вопросе. К этому побуждала острота, которую в то время приобрел национальный вопрос. Революция, начавшаяся в феврале 1848 года во Франции, привела в движение угнетенные народы Европы, во многих странах развернулась борьба за национальное объединение и завоевание национальной независимости. В многонациональных государствах с большой силой обнажились национальные противоречия. В этой обстановке возникла необходимость разобраться во вспыхнувших национальных конфликтах, определить отношение пролетариата к тому или иному национальному движению, выработать тактическую платформу и в этой области. Руководящими принципами служили при этом выдвинутые основоположниками марксизма еще до революции положения об интернациональной обязанности рабочего класса выступать против политики национального порабощения, проводимой господствующими классами, оказывать поддержку борьбе угнетенных народов за освобождение. Маркс и Энгельс исходили также из задач рабочего класса и революционной демократии в данной революции, из конкретного характера и особенностей каждого национального движения, его места и роли в общем противоборстве революционных и контрреволюционных сил.

На всем протяжении германской революции Маркс и Энгельс выступали за революционно-демократический путь достижения национального единства раздробленной Германии. Они последовательно придерживались линии, намеченной в «Требованиях Ком-

мунистической партии в Германии», решительно отвергая вынашиваемые либералами планы объединения страны под эгидой прусской или австрийской монархии. Основоположники марксизма пропагандировали объединение Германии снизу, посредством сокрушительного натиска народных масс на обветшалый монархический строй германских государств, в первую очередь Пруссии и Австрии. «Германия должна стать единым государством не только на словах, но и на деле,— писал Энгельс.— А для этого прежде всего необходимо, чтобы больше не существовало «ни Австрии, ни Пруссии»» [1].

С решением этой задачи Маркс и Энгельс связывали и национальное освобождение народов, порабощенных господствующими классами Австрии и Пруссии. «Новая Рейнская газета» приветствовала подъем национально-освободительного движения поляков, чехов, венгров, итальянцев. В статьях «Внешняя политика Германии», «Внешняя политика Германии и последние события в Праге» и многих других газета выступала как горячий поборник солидарности немецкого пролетариата и революционной демократии с борцами против национального угнетения. В этих статьях доказывалась заинтересованность революционных сил Германии в уничтожении системы национального гнета и разжигания национальных распрей, которой широко пользовались реакционные феодально-монархические режимы. Сурово осуждалась немецкая буржуазия, по существу продолжившая после марта 1848 года угнетательскую национальную политику Гогенцоллернов и Габсбургов. «Революционная Германия должна была, особенно в отношении соседних народов, отречься от всего своего прошлого,— писал Энгельс.— Одновременно со своей собственной свободой она должна была провозгласить свободу тех народов, которых она до сих пор угнетала» [2]. В поддержке освободительной борьбы угнетенных народов Маркс и Энгельс видели условие прогрессивного развития немецкого народа как свободной демократической нации. «Германия станет свободной в той же мере, в какой предоставит свободу соседним народам» [3],— подчеркивала «Новая Рейнская газета».

Многократно выступали основоположники марксизма в период революции в поддержку требования восстановления независимости Польши. При этом они ориентировались на союз с революционным крылом польского движения, представители которого борьбу за национальное возрождение Польши связывали с осуществлением демократических преобразований в ее социальном и политическом строе. В серии статей Энгельса «Дебаты по польскому вопросу во Франкфурте», в других печатных выступлениях его и Маркса на данную тему гневно разоблачалась политика прусского

---

[1] *Энгельс Ф.* «Zeitung-Halle» о Рейнской провинции.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 5, с. 399.

[2] *Энгельс Ф.* Пражское восстание.— Там же, с. 84.

[3] *Энгельс Ф.* Внешняя политика Германии.— Там же, с. 161.

правительства, спровоцировавшего, а затем зверски подавившего национально-освободительное восстание поляков Познани и объявившего о включении большой части этой провинции в состав Германского союза. Ответственность за этот новый акт порабощения польского народа Маркс и Энгельс возложили и на либеральное большинство франкфуртского Национального собрания, санкционировавшего действия прусского правительства.

В создании независимого демократического польского государства Маркс и Энгельс видели одну из важных предпосылок победы немецкой и международной демократии. В упомянутой серии статей Энгельс подчеркивал, что восстановление Польши на демократической основе нанесет удар трем контрреволюционным монархиям — Пруссии, Австрии и России — участницам раздела польских земель и будет способствовать изменению соотношения сил в пользу революции. Это поможет немцам преодолеть препятствия, мешающие им «и у себя дома освободиться радикально от патриархально-феодального абсолютизма» [1].

С большим сочувствием и пониманием общности революционных интересов немецкого и итальянского народов относились Маркс и Энгельс к борьбе итальянских патриотов за национальное возрождение своей родины. «Мы будем отстаивать дело итальянской независимости, мы будем вести смертельную борьбу против австрийского деспотизма в Италии, равно как в Германии и в Польше» [2] — такими словами охарактеризовал позицию «Новой Рейнской газеты» в итальянском вопросе Маркс, сообщая в конце мая 1848 года о предстоящем начале ее издания редактору флорентийской демократической газеты.

Анализ положения в Италии много дал основоположникам марксизма и для уяснения общего характера национальных движений в Европе середины XIX века, их места в революционной борьбе, свойственных им тенденций. Как и Германия, Италия представляла собой конгломерат больших и малых государств, значительная часть их находилась под австрийским владычеством. Национальное объединение и прогрессивное развитие страны было невозможно без освобождения от иноземного гнета и свержения феодально-монархических режимов. Однако итальянские либералы, стремившиеся держать национальное движение под своим контролем, в большинстве своем ориентировались на объединение страны в форме конституционной монархии, под скипетром сардинского короля. Для того чтобы итальянское движение достигло своих целей, указывала «Новая Рейнская газета», итальянский народ должен взять дело национального освобождения в свои руки, избавившись от опеки либерально-монархических элементов и династических интриг. Своекорыстную политику буржуазно-помещичьих кругов и либералов, их противодействие развертыванию подлинно народ-

[1] См.: *Энгельс Ф.* Внешняя политика Германии.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 5, с. 353.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 5, с. 4.

ного сопротивления австрийцам Энгельс относил к главным причинам неудач итальянцев в австро-итальянской войне 1848—1849 годов. Покончить с австрийским господством, подчеркивал он, можно только придав войне подлинно революционный, народный характер. «Против измены и трусости правительства имеется только одно средство: революция» [1].

Таким образом, сила и устойчивость национально-освободительного движения, его шансы на успех, по мнению Маркса и Энгельса, зависели от активности участвовавших в нем народных масс, их готовности применять революционные методы борьбы, наличия энергичного руководства, опирающегося на массы. В статье «Поражение пьемонтцев» Энгельс писал: «Народ, который хочет завоевать себе независимость, не должен ограничиваться *обычными* способами ведения войны. Массовое восстание, революционная война, партизанские отряды повсюду — вот единственный способ, при помощи которого малый народ может одолеть большой, при помощи которого менее сильная армия может противостоять более сильной и лучше организованной» [2].

Наглядное подтверждение этих идей Маркс и Энгельс увидели в развитии венгерского национально-освободительного движения, за которым следили с неослабным вниманием. Дело в том, что революционная война венгерских патриотов против господства Австрийской империи, являвшейся одним из оплотов европейской реакции, с конца 1848 года, после понесенных революциями в странах Европы тяжелых поражений, приобрела особое значение: ее успех мог дать импульс новому подъему революционной борьбы в Италии, Польше, Германии, Франции и других странах, тогда как ее поражение закрепляло победу контрреволюции повсюду в Европе. Поэтому с начала февраля 1849 года Энгельс стал регулярно помещать в «Новой Рейнской газете» обзоры хода освободительной войны венгров против австрийских правительственных войск. Обобщающая статья Энгельса «Венгрия», подводившая итог его анализу революционной борьбы в этой стране, была напечатана в последнем номере газеты от 19 мая 1849 года.

Создавая свои обзоры, Энгельс проявил себя талантливым военным публицистом, сумевшим на основании австрийских бюллетеней и сообщений пристрастной немецкой буржуазной печати, несмотря на всю тенденциозность этих источников, проницательно восстановить подлинную картину военных действий. При этом его обзоры писались пером отнюдь не бесстрастного наблюдателя. Полемически заостренные против врагов венгерской революции, опровергавшие ложь и дезинформацию, которые распространяла о ней немецкая шовинистическая пресса, они воплощали революционную и интернационалистскую линию «Новой Рейнской газеты», ее солидарность со справедливым делом сражающейся Венгрии.

[1] *Энгельс Ф.* Война в Италии и Венгрии.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 6, с. 412.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 6, с. 416.

В своих статьях Энгельс доказывал, что Венгрия ведет освободительную войну, подлинно революционную и народную как по своему характеру, так и по самим методам боевых действий. Мобилизация всех сил народа на отпор врагу, на защиту революционных завоеваний и национальных прав, высокая боевая активность и маневренность революционной армии, сочетание военных операций регулярных войск с широким партизанским движением в тылу врага — таковы отличительные черты действий патриотов. Энгельс подчеркивал, что, несмотря на преимущества австрийцев в численности и вооружении, венгерская народная армия превосходит противника своими боевыми качествами, революционным энтузиазмом, высоким моральным духом, единством фронта и тыла. «О храбрость и энтузиазм маленького народа, насчитывающего едва ли пять миллионов человек, разбивается вся мощь 36 объединенных миллионов Австрии...— писал он в одном из обзоров.— Императорским войскам теперь вновь приходится в Венгрии на своем горьком опыте убеждаться в правильности уроков 50-летней давности, полученных ими при Жемапе и Флерюсе: вести войну с революцией не так-то легко!» [1] Высоко оценивал Энгельс военных и политических руководителей венгерской революции. О главе революционного правительства Кошуте он отзывался как о деятеле, который «воплощает для своей нации в одном лице Дантона и Карно» [2].

Источником силы венгерского национально-освободительного движения, по убеждению Маркса и Энгельса, явились внутренние прогрессивные преобразования, ликвидация ряда сохранившихся феодальных институтов, проведение аграрной реформы, принятие «Декларации независимости» и низложение династии Габсбургов. «Революция в общественных отношениях внутри, уничтожение феодализма было первым мероприятием в Венгрии» [3],— отметил Энгельс.

Опыт венгерской революции, несмотря на то, что она, как и революции 1848—1849 годов в других странах, потерпела в конечном счете поражение под натиском объединенных контрреволюционных сил, оказался особенно ценным для выработки тактики пролетарских революционеров в национальном вопросе. Этот опыт подкрепил выводы основоположников марксизма о национально-освободительной борьбе как важнейшем факторе общественного прогресса.

Конкретно-исторический подход к национальным движениям

В выступлениях Маркса и Энгельса по национальному вопросу проявился их конкретно-исторический подход к каждому национальному движению, к оценке его с точки зрения интересов международного пролетариата и революционной демократии. Национальные проблемы они рассмат-

[1] *Энгельс Ф.* Победы венгров.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 43, с. 387.
[2] См.: *Энгельс Ф.* Борьба в Венгрии.— Там же, т. 6, с. 175.
[3] *Энгельс Ф.* Венгрия.— Там же, с. 559.

ривали в свете перспектив развития революции. Они учитывали, какие классовые силы играют в движении доминирующую роль, является ли это движение резервом революционного лагеря или, наоборот, в какой-то степени используется реакцией в контрреволюционных целях. Классовый критерий был для них решающим при выяснении подлинного характера данного национального движения, который мог и изменяться в ходе событий в зависимости от перевеса влияния в нем тех или иных социальных группировок.

Так, развитие национального движения некоторых народов Австрийской империи происходило в 1848—1849 годах сложным, противоречивым путем. В результате разгрома или оттеснения на задний план представителей революционно-демократического крыла в руководстве движением возобладали монархические, буржуазные и помещичьи, элементы, объективно действовавшие в интересах Габсбургской монархии и российского царизма. С другой стороны, в условиях острых национальных коллизий, сопровождавших в Центральной Европе события 1848—1849 годов, правящие круги стремились разжечь национальную рознь, силой и обманом вовлечь отдельные народы в контрреволюционные войны против тех народов, которые боролись за победу буржуазно-демократической революции и подлинное национальное освобождение. Австрийской реакции удалось бросить на подавление октябрьского восстания в Вене, революционного движения в Венгрии и Италии формирования, навербованные и в отдельных славянских землях, а также в Трансильвании из сербов, хорватов, румын и других национальностей. Она сумела натравить на революционную Венгрию сербское и хорватское национальные движения, опираясь на их правые элементы, которые ориентировались на союз с Габсбургами, на создание автономных славянских государств в рамках Австрийской империи; этому способствовала также негибкая политика в национальном вопросе правительства Кошута, которое игнорировало чаяния славянских национальных меньшинств и официально декларировало их равноправие лишь накануне своего падения.

Перед революцией Маркс и Энгельс сочувственно относились к борьбе за независимость всех угнетенных народов австрийской монархии. «Для нас, немцев,— писал Энгельс в январе 1848 года,— падение Австрии имеет еще особое значение. Австрия повинна в том, что мы пользуемся дурной славой угнетателей других наций и наемников реакции во всех странах» [1]. В июне 1848 года «Новая Рейнская газета» с горячим одобрением откликнулась на народное восстание в Праге, направленное против произвола австрийских властей. В статьях «Пражское восстание» и «Демократический характер восстания» Энгельс приветствовал революционное выступление чешских народных масс и заклеймил австрийскую военщину за кровавую расправу с участниками восстания. Он пре-

[1] *Энгельс Ф.* Начало конца Австрии.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 477.

дупреждал и об опасных последствиях, которые может повлечь за собой подавление восстания для чешского национального движения. И действительно, перейдя под контроль либерально-буржуазных кругов, движение приобрело антиреволюционную направленность; вместо национальной независимости знаменем его стали идеи панславизма в их проавстрийском варианте (австрославизм) — программа объединения славян под эгидой монархии Габсбургов. Проповедь этих идей, противопоставлявших славянские народы другим нациям, противоречила призыву к консолидации революционно-демократических сил, мешала их объединению и мобилизации на борьбу против контрреволюции.

Проявление панславистских тенденций в национальном движении чехов и некоторых других славянских народов Австрийской империи, дань чему отдали и некоторые демократы, использование австрийских славян реакционными кругами Австрии для подавления революционного движения соседних народов побудили Маркса и Энгельса выступить с резкой критикой панславизма. Разоблачение его явилось составной частью их борьбы против националистической идеологии господствующих классов, которую в любых ее формах (в том числе и таких, как пангерманизм, панскандинавизм и т. п.) они считали глубоко враждебной интернационалистскому мировоззрению рабочего класса, вредной для революционно-демократического движения.

В статьях «Борьба в Венгрии», «Демократический панславизм» (январь — февраль 1849 г.) Энгельс, выражая общую с Марксом точку зрения, доказывал, что следует делать строгое различие между национальными движениями, которые приводят народы в революционный лагерь, и теми, которые превращают их в орудие реакции. Но, правильно охарактеризовав объективно антиреволюционную роль национального движения ряда славянских народов Австрийской империи в 1848—1849 годах, Энгельс высказал и некоторые односторонние и неточные суждения об историческом прошлом и будущих судьбах этих народов, что отразило реальное противоречие исторической действительности. Оценка покорения этих народов немецкими государствами как распространения цивилизации противоречила им же самим нарисованной (в упомянутой выше серии статей «Дебаты по польскому вопросу во Франкфурте») картине грубо захватнической политики немецких колонизаторов на Востоке Европы. Не подтвердилось историческим развитием мнение Энгельса, повторенное им в некоторых произведениях 50-х годов («Революция и контрреволюция в Германии», «Германия и панславизм»), о том, что небольшие славянские народы Средней Европы ожидает поглощение соседними крупными нациями, подобно тому, как это произошло с гэлами Шотландии, бретонцами Франции и т. д. Принимая во внимание тенденцию к централизации, вызванную развитием капитализма и приводившую к утрате малыми народами национальной самостоятельности, Энгельс недостаточно учел противодействующую тенденцию, в то время еще не в полной мере проявившуюся, а именно: усиление по мере обострения национальных противоречий борьбы угнетенных наций, как больших, так и малых, за создание собственной государственности.

При этом точка зрения об отсутствии перспектив самостоятельного национального развития у малых народов, в частности у ряда славянских народов, отнюдь не была высказана Энгельсом в категорической форме. В ходе дальнейшей разработки национального вопроса Маркс и Энгельс

вносили в нее существенные изменения на основе учета новых конкретных данных о национально-освободительном движении как в Европе, так и в колониальных странах Азии и Африки. Так, Энгельс уже накануне Крымской войны 1853—1856 годов выступил в защиту требования о предоставлении национальной независимости малым славянским народам Балканского полуострова, порабощенным деспотической Османской империей.

Известные уточнения в свои взгляды на судьбы славянских народов Австрии Энгельс внес уже в 1849 году, освещая ход венгерской революционной войны. Он отметил, что австрийские славяне сами явились жертвами коварной провокационной политики австрийской реакции, не скупившейся на демагогические посулы предоставить им автономию, что на деле оказалось прямым обманом. «Их заманивали обещаниями создать «славянскую Австрию», их использовали для того, чтобы одержать победу в Италии и Венгрии, а в благодарность их вновь отбрасывают назад, под гнет старого меттерниховского палочного режима»[1]. Тщательно фиксировал Энгельс каждый признак пробуждения революционных настроений у чехов и других славянских народов, растущего среди них разочарования в идеях австрославизма, недовольства проявлением военного деспотизма и централизаторских мер правителей Австрийской империи. Энгельс надеялся, что противоборство революционных и контрреволюционных сил просветит массы австрийских славян и они осознают, что их обманули и использовали в целях, противоположных их подлинным интересам, что хотя бы часть славянских народов перейдет на сторону революции и окажет поддержку венгерской революционной армии. Он с удовлетворением отмечал пробуждение симпатий к венграм у словаков[2].

Таким образом, Энгельс отнюдь не абсолютизировал высказанное им в статье «Демократический панславизм» предположение о том, что славянские народы Австрии, за исключением поляков, вряд ли сыграют в будущем самостоятельную прогрессивную роль. Уже в то время в других своих печатных выступлениях он допускал возможность прогрессивного изменения характера движения этих народов. Да и в указанной статье он сделал весьма существенную оговорку: «Если бы славяне в какую-нибудь эпоху своего угнетения начали *новую революционную историю*, они уже этим одним доказали бы свою жизнеспособность»[3]. Именно эти его слова в дальнейшем вполне оправдались.

3. НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ РЕВОЛЮЦИЙ

На пути к пролетарской партии

Стремясь к сплочению всех революционных сил, Маркс и Энгельс в то же время боролись за консолидацию рабочего движения в Германии на собственной классовой основе. Эта борьба усилилась в 1849 году, когда не только стала очевидной измена либеральной буржуазии делу революции, но и наглядно выявился ущерб, причиняемый ей постоянными колебаниями мелкобуржуазной демократии. Решительная критика ее неустойчивости и половинчатости на страницах «Новой Рейнской газеты» приобрела характер идейного и политического размежевания между пролетарскими революционерами и мелкобуржуазными демократами. Газета Маркса и Энгельса подчеркивала, что хотя в борьбе против контрреволюционных прави-

---

[1] *Энгельс Ф.* О военной диктатуре в Австрии.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 43, с. 439.

[2] См.: *Энгельс Ф.* Война в Венгрии.— Там же, с. 170.

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 6, с. 299.

тельств представители пролетариата выступают совместно с мелкими буржуа, между ними существуют глубокие принципиальные разногласия. «Мы — сторонники решительной позиции,— говорилось в статье, опубликованной в феврале 1849 года.— Мы никогда не заигрывали с какой-либо парламентской партией. Партия, которую *мы* представляем, партия народа, существует в Германии пока только в зачаточном виде» [1].

Углубление разногласий между пролетарским крылом революционного лагеря и мелкобуржуазными демократическими кругами побуждало всерьез позаботиться об идейной независимости революционного пролетариата, организационной самостоятельности рабочего движения. Весной 1849 года Маркс и Энгельс приступили к практическому осуществлению этой задачи, вернувшись к плану создания общегерманской партии рабочего класса, который они выдвинули еще в начале революции, но вскоре признали в тех условиях нереальным. Тот факт, что возможность осуществления этой задачи появилась лишь год спустя, в результате демократической революции, отметил Ленин, говорит об отсталой обстановке предреволюционного периода — «до того мещанской, мелкобуржуазной была тогда вся атмосфера в Германии» [2].

Выбор момента для возобновления усилий по созданию рабочей партии свидетельствовал о реалистическом подходе Маркса и Энгельса к проблемам развития рабочего движения, о понимании необходимости определенных объективных и субъективных предпосылок для достижения очередной ступени в его организации. Если на протяжении 1848 года такие предпосылки еще отсутствовали, то те сдвиги, которые произошли за месяцы революции в условиях классовой борьбы в сознании рабочих, привели основоположников марксизма к заключению, что почва для решения поставленной задачи в известной мере подготовлена. За время участия в революционных боях передовые рабочие накопили значительный политический опыт, приобрели идейную зрелость. У участников существующих рабочих организаций появилось стремление к преодолению разобщенности. Сама жизнь ломала узкоцеховые рамки рабочих союзов, способствовала изживанию ремесленнических предрассудков их членов, пробуждала их внимание к общим интересам рабочего класса, поворачивала к политике. Политическую активность проявило и руководимое Борном Рабочее братство, начинавшее отходить от чисто реформистской практики. Наметилась тенденция к объединению рабочих союзов в общегерманскую организацию. Эта тяга к классовому единству нашла свое отражение в решениях ряда региональных рабочих съездов, состоявшихся зимой и весной 1849 года. «Новая Рейнская газета» широко освещала работу этих съездов. Ее редакторы поддержали идею основания общенациональной организации немецких рабочих и при-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 6, с. 318.

[2] См.: *Ленин В. И.* Две тактики социал-демократии в демократической революции.— Полн. собр. соч., т. 11, с. 129.

няли активное участие в претворении ее в жизнь. В этом они увидели реальный путь к созданию массовой политической партии германского пролетариата. Опираясь на Кёльнский рабочий союз, пользуясь личными связями с рабочими деятелями, с членами Союза коммунистов, они рассчитывали достигнуть объединения рабочих организаций сначала в Рейнской провинции и Вестфалии, а затем в масштабах всей Германии. С этой целью намечался созыв общегерманского рабочего конгресса.

Серьезное внимание уделяли Маркс и Энгельс идейной подготовке рабочих к созданию самостоятельной политической партии. На страницах «Новой Рейнской газеты» стало появляться больше материалов, раскрывающих противоположность интересов буржуазии и пролетариата, доказывающих, что только уничтожением всей системы наемного труда можно избавиться от эксплуатации. Важное значение для классового воспитания немецких рабочих имела публикация в газете в апреле 1849 года обработанных Марксом лекций по политической экономии, которые он читал в декабре 1847 года в Немецком рабочем обществе в Брюсселе. Они печатались в виде серии передовых статей под общим заголовком «Наемный труд и капитал». Излагая в этом произведении в популярной форме основы формирующегося пролетарского экономического учения, Маркс стремился достичь у своих читателей понимания объективной обусловленности и неизбежности борьбы рабочих против капиталистического строя, разъяснить цели рабочего движения. В кратком введении к публикации он писал: «Теперь, после того как наши читатели видели развернувшуюся в грандиозных политических формах классовую борьбу 1848 года, настало время поближе рассмотреть сами экономические отношения, на которых основано как существование буржуазии и ее классовое господство, так и рабство рабочих» [1].

«Наемный труд и капитал», а также другие статьи «Новой Рейнской газеты» на социальные и политические темы обсуждались в Кёльнском рабочем союзе и других рабочих организациях. Расширяя пропаганду идей научного коммунизма, Маркс и Энгельс старались тем самым повлиять на формирование платформы будущего объединения немецких рабочих, подготовить условия для включения в нее программных принципов Союза коммунистов.

Предпринимая практические шаги к созданию самостоятельной рабочей партии, Маркс и Энгельс пришли к выводу, что в сложившейся ситуации назрела необходимость организационного размежевания пролетарских революционеров с мелкобуржуазными демократами. 14 апреля 1849 года Маркс и его соратники вышли из состава Рейнского окружного комитета демократов. В их заявлении подчеркивалось, что демократическая организация «включает в себя слишком много разнородных элементов» и во имя классовой однородности предпочтительнее «более тесное объединение рабо-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 6, с. 429.

чих союзов»[1]. Заявление было воспринято многими участниками рабочего движения как призыв к выходу из демократических обществ ради укрепления самостоятельности рабочих союзов и их объединения. Такое решение, в частности, приняло 16 апреля 1849 года общее собрание Кёльнского рабочего союза, до тех пор входившего в общегерманское объединение демократических обществ. Одновременно Кёльнский рабочий союз постановил принять участие в созыве общегерманского рабочего конгресса в Лейпциге, проведя предварительно в начале мая в Кёльне съезд рабочих союзов Рейнской провинции и Вестфалии. В комиссию по подготовке съезда вошел Маркс.

Организационное размежевание с мелкобуржуазными демократами Маркс и Энгельс отнюдь не рассматривали как отказ от совместных действий рабочего класса с представителями демократического движения. Наоборот, они стояли за всемерное укрепление сотрудничества всех прогрессивных сил в борьбе с контрреволюцией, считая, однако, что в новых условиях его не следует осуществлять в рамках общей организации. Для совместных действий рабочих и демократов нужны, полагали они, такие формы, которые не наносили бы ущерба самостоятельности создаваемой пролетарской партии.

К маю 1849 года напряженная работа по подготовке объединения рабочих союзов начала приносить ощутимые плоды. Однако в общей обстановке в Германии к тому времени произошли крутые перемены. Контрреволюционные силы повсеместно стали переходить в решающее наступление. В этих условиях созванный в Кёльне 6 мая провинциальный съезд рабочих союзов должен был ограничить свои заседания лишь несколькими часами, которые прошли под знаком мобилизации сил на отпор врагам революции. Основать общегерманскую политическую рабочую организацию не удалось. Победа реакции, запрещение «Новой Рейнской газеты», вынужденный выезд Маркса и Энгельса из Пруссии помешали проведению в жизнь намеченного плана основания массовой партии немецкого пролетариата.

В авангарде борьбы против наступления контрреволюции

Весной 1849 года революция в Германии вступила в последний этап. Развертывались острые сражения между народными массами и контрреволюцией, стремившейся силой оружия подавить очаги народного сопротивления. Маркс и Энгельс предупреждали о таком обороте событий, предсказывая неизбежность открытой вооруженной схватки сил революции и реакции. В предвидении назревания такого столкновения они усилили на страницах «Новой Рейнской газеты» разоблачение происков контрреволюционных кругов, призывая пролетариат и демократические массы быть готовыми к решающей борьбе. Покушениям на сохранившиеся еще свободы печати, собраний, союзов, попыткам

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 6, с. 462.

протащить реакционные законы, возвращающие страну к дореволюционным порядкам, актам полицейского и судебного произвола газета давала решительный отпор. Редакторы газеты беспощадно клеймили контрреволюционных политиков и идеологов, монархическую печать как прислужников деспотизма, душителей освободительного движения. Маркс называл их «монархическими террористами», подчеркивая, что они «на практике жестоки, презренны и подлы, в теории трусливы, скрытны и двуличны, в обоих отношениях *бесчестны*» [1]. По характеристике чартистского журнала «Democratic Review», «Новая Рейнская газета» «объявляла каждой своей строкой «беспощадную войну» его величеству прусскому королю и всем угнетателям и предателям немецкого народа» [2].

Особенно энергично стали звучать призывы газеты к отпору контрреволюции в момент, когда конфликт между франкфуртским Национальным собранием и правительствами германских государств, отвергшими выработанную им имперскую конституцию, перерос в мае 1849 года в открытую борьбу. Сама по себе имперская конституция, считали Маркс и Энгельс, не могла служить подлинным знаменем для пролетариата и революционной демократии; она отражала компромиссную позицию пруссофильски настроенного либерального большинства франкфуртского Национального собрания в вопросе объединения Германии и сохраняла монархическую форму правления; имперская корона была предложена прусскому королю, который, однако, не пожелал ее принять из рук парламентариев. Маркс и Энгельс предвидели бесславный конец этой антиреволюционной ассамблеи, депутаты которой проявили полную растерянность и неспособность защитить свое собственное детище — имперскую конституцию. «Эти господа,— предсказывал Энгельс,— немного пошумят, немного будут упираться, в той мере как этого требует хоть некоторая степень приличия, а затем решат все так, как им продиктует строптивый Гогенцоллерн» [3].

Видя ограниченность конституции и критикуя трусливое поведение ее либеральных творцов, Маркс и Энгельс, однако, положительно оценили народное движение в защиту конституции. Они увидели в этом движении форму революционного противодействия народа наступлению реакции, способ отстаивания некоторых еще уцелевших революционных завоеваний. При всей своей умеренности имперская конституция закрепляла ряд гражданских свобод, открывала известные возможности преодоления политической раздробленности страны. «Народ видит в каждом, пусть даже жалком шаге на пути к объединению Германии,— писал Энгельс,— шаг к устранению мелких государей и к освобождению от непосильного

---

[1] См.: *Маркс К.* Полицейское уничтожение «Neue Rheinische Zeitung».— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 6, с. 548.

[2] См.: *Marx K., Engels F.* Collected Works, v. 9, p. 513 (appendices).

[3] *Энгельс Ф.* Прусский пинок франкфуртцам.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 6, с. 499.

гнета налогов» [1]. В ряде статей редакторы «Новой Рейнской газеты» приветствовали участников вооруженной борьбы в Саксонии, Рейнской провинции Пруссии, Юго-Западной Германии, выступавших под флагом защиты имперской конституции. Обнадеживающим обстоятельством они считали переход армии в Пфальце и Бадене на сторону народа. Они надеялись, что кампания за имперскую конституцию перерастет в народное восстание общегерманского масштаба, которое сольется с национально-освободительной борьбой венгерского и итальянского народов и с новым выступлением французского пролетариата. Не одобряя политические принципы и тактику мелкобуржуазных руководителей движения, Маркс и Энгельс тем не менее старались оказать им действенную поддержку. Энгельс принял непосредственное участие в восстании в Эльберфельде. Однако его попытка побудить местный комитет безопасности предпринять энергичные революционные меры против крупной буржуазии вызвала противодействие, и ему пришлось покинуть город.

Маркс и Энгельс не прекращали борьбы за расширение восстания, вовлечение в него новых слоев народа и после поражения повстанцев в Дрездене и на Рейне. Вынужденные покинуть Кёльн после запрещения «Новой Рейнской газеты», они отправились во Франкфурт-на-Майне, где продолжало заседать Национальное собрание, рассчитывая повлиять на его левых депутатов, которые в результате дезертирства либералов (правые еще раньше покинули собрание) оказались в большинстве. Маркс и Энгельс предложили радикальный план действий, который сразу мог бы изменить ситуацию в пользу защитников конституции: открыто присоединиться к охваченным восстанием Пфальцу и Бадену, вызвать части революционной армии во Франкфурт в качестве вооруженной опоры собрания, с тем чтобы перенести главную арену борьбы в центр Германии, объявить всех контрреволюционных монархов и правительства вне закона, обратиться с призывом к народу повсеместно браться за оружие. Проведение этих мер и одновременное создание энергичной исполнительной власти означало бы переход от обороны к решительному наступлению. Однако на такие революционные действия левая фракция Национального собрания не отважилась. Она предпочла выжидательную тактику, предоставив событиям развиваться своим чередом. Убедившись в бесполезности дальнейших переговоров, Маркс и Энгельс выехали в восставший Баден, а затем в Пфальц, где также встретились с бездеятельностью и беспечностью лидеров движения. Восстание в защиту имперской конституции так и не переросло рамки локальных, лишенных общегерманского центра выступлений. В Бадене и Пфальце борьба продолжалась до июля 1849 года и закончилась победой объединенных правительственных войск.

После безуспешных попыток воздействовать на руководителей

[1] *Энгельс Ф.* Прусский пинок франкфуртцам.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 6, с. 499.

движения Маркс в начале июня 1849 года отправился в Париж, где назревали новые революционные события. Он надеялся, установив связи с представителями демократических и социалистических кругов, содействовать достижению единства революционных сил Франции и Германии. Однако возглавлявшая оппозицию правительству партия французских мелкобуржуазных демократов, так называемая «Гора», решилась лишь на проведение 13 июня 1849 года безоружной демонстрации, которая была разогнана войсками. Маркс отметил, что провал этого выступления явился следствием непоследовательности «Горы», а также антипролетарской позиции ее лидеров — Ледрю-Роллена и др. во время июньского восстания парижских рабочих в 1848 году. «В общем и целом, 13 июня 1849 года — это только возмездие за июнь 1848 года,— писал он в газетной статье.— Тогда пролетариат был покинут «Горой», теперь «Гора» была покинута пролетариатом» [1]. За поражением французских демократов последовали полицейские репрессии, затронувшие и прибывавших во Францию революционеров из других стран: Марксу было предписано покинуть Париж и отправиться в северный департамент Морбиан (Бретань), известный своим нездоровым климатом. Не желая подчиниться произволу, Маркс 26 августа 1849 года переехал в Лондон (где прожил в качестве политического эмигранта до конца своих дней).

Энгельс, как и ряд других членов Союза коммунистов, решил вступить волонтером в баденско-пфальцскую повстанческую армию, чтобы доказать, что пролетарские революционеры, сотрудники «Новой Рейнской газеты» готовы не только пером, но и оружием защищать революцию. Он отказался от предлагавшихся ему руководящих постов, не желая разделять ответственность за очевидные для него ошибки мелкобуржуазных лидеров движения; всю военную кампанию он провел в качестве адъютанта Виллиха, командира добровольческого отряда, состоявшего в основном из рабочих. Вместе с этим отрядом, прикрывавшим отход повстанческой армии, теснимой многократно превосходившими ее правительственными войсками, он одним из последних 12 июня 1849 года перешел швейцарскую границу. Из Швейцарии в первой половине ноября Энгельс также переехал в Лондон.

Таким образом, несмотря на прекращение выпуска «Новой Рейнской газеты» и полицейские преследования, заключительные события германской и в значительной степени — европейской революции застали Маркса, Энгельса и их соратников на боевых постах, на решающих участках борьбы. Их деятельность и на этом этапе отличалась революционной последовательностью, а проводившаяся тактика была единственным эффективным средством противодействия наседавшим контрреволюционным силам. Как и на предшествующих этапах германской революции, пролетарская тактическая линия, основанная на научном понимании конкрет-

[1] *Маркс К.* 13 июня.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 6, с. 573.

ной ситуации и общих закономерностей революционного движения, противостояла неустойчивой линии мелкобуржуазных участников революции, впадавших то в авантюризм, то в противоположную крайность — утрату боевого духа и энергии. Неустойчивость мелкобуржуазных элементов, преобладавших в движении, и предопределила поражение на заключительном этапе революции.

Марксизм о причинах поражения революций 1848—1849 годов

Причины неудачи революции в Германии и других странах были в значительной мере выявлены Марксом и Энгельсом уже в ходе анализа событий 1848—1849 годов на страницах «Новой Рейнской газеты». Отмечая те или иные слабости революционного движения, редакторы газеты давали понять, что в них кроются источники возможного поражения народа и торжества контрреволюции. В своих статьях они неоднократно предупреждали, что если революционные силы не сумеют добиться коренного перелома в ходе событий, то переход значительной части европейской буржуазии в контрреволюционный лагерь, соглашательско-капитулянтская политика немецких либералов, колебания мелкобуржуазных демократов будут иметь для судеб революции роковые последствия. Измену буржуазии революции, компромисс, который она заключила в ущерб интересам народа с феодально-монархическими кругами, уступив им в конечном счете власть, Маркс и Энгельс считали главными причинами поражения германской революции. Впоследствии Маркс прямо писал, что немецкое движение в 1848—1849 годах потому потерпело поражение, что «буржуа тогда предпочли мир с рабством одной уж *перспективе* борьбы за свободу...» [1].

Резко обнаружилась в ходе революций беспомощность и левого крыла буржуазного движения — буржуазных и мелкобуржуазных демократов. События как в Германии, так и особенно во Франции показывали, как правило, их неспособность руководить революционными действиями масс. Многие решающие сражения революций были проиграны по их вине, в результате их колебаний, отсутствия энергии и твердости. В 1848—1849 годах выявилась несостоятельность не только их тактики, но и их идеологии. Не выдержали соприкосновения с действительностью их благодушные представления о возможности достигнуть всеобщего умиротворения и братства в условиях буржуазно-демократического режима, идеализация буржуазных свобод, наивная вера в парламентско-конституционные методы разрешения политических конфликтов, равно как и надежды мелкобуржуазных социалистов установить социальную справедливость путем отдельных реформ и социальных экспериментов. Опровержение самой жизнью этих иллюзорных идеалов и утопических доктрин Маркс и Энгельс считали одним из положительных результатов революции, несмотря на ее поражение. Еще в декабре 1848 года Маркс писал: «Главным

[1] Маркс — Энгельсу, 11 февраля 1865 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 31, с. 57.

плодом революционного движения 1848 года является не то, что выиграли народы, а то, что они потеряли,— *потеря их иллюзий*» [1]. Эту мысль Маркса высоко ценил Ленин [2].

Однако, несмотря на то что события 1848—1849 годов вызывали разочарование трудящихся масс, прежде всего рабочего класса, в доктринах и тактике буржуазных и мелкобуржуазных демократов, сами массы еще не достигли в то время достаточной политической самостоятельности, организованности и сознательности, чтобы изменить направление общественного развития в пользу революции. В этих условиях возглавляемые Марксом и Энгельсом пролетарские революционеры при всем влиянии, которое они оказывали, особенно через «Новую Рейнскую газету», на ход классовой борьбы в Германии, не могли совлечь подавляющее большинство участников движения с пути, по которому его вели буржуазные и мелкобуржуазные лидеры. Выработанные основоположниками марксизма стратегическая и тактическая линии еще не могли быть восприняты широкими массами (ввиду их идейно-политической незрелости) в той степени, в какой это было необходимо для обеспечения победы революции.

Умение трезво оценивать итоги революционных битв и в тех случаях, когда они не увенчиваются успехами, отдавать себе ясный отчет в причинах поражений и извлекать из этого необходимые выводы является показателем зрелости того или иного идейного и политического течения. Такую зрелость, способность к критическому осмыслению пережитого, к самопроверке из всех участников революции обнаружили лишь представители марксистского направления. У Маркса, Энгельса и их соратников поражение революции не ослабило воли к продолжению борьбы за великие освободительные цели, не разуверило в правильности своих взглядов, не вызвало стремление их пересмотреть. Ни на мгновение не была поколеблена их вера в народные массы, в рабочий класс, в его неисчерпаемые революционные потенции, в неизбежность новых, в конечном счете победоносных классовых сражений. У основоположников марксизма не было оснований усомниться не только в верности своего учения в целом, его методологических основ, но и в правильности высказанных во время революции конкретных политических идей, выдвинутых стратегических и тактических установок. Наоборот, развитие событий, как ни неблагоприятно оно было для революции, подтвердило жизненность этих идей и положений, показав, что они выражали реальные потребности и задачи общественного прогресса, хотя и не разрешившиеся в 1848—1849 годах, но не утратившие актуальности и в дальнейшем дававшие о себе знать с нарастающей силой. Временное торжество реакции не могло поэтому перечеркнуть исторического зна-

---

[1] *Маркс К.* Прусская контрреволюция и прусское судейское сословие.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 6, с. 148.

[2] См.: *Ленин В. И.* Революция и контрреволюция.— Полн. собр. соч., т. 16, с. 124.

чения идейно-политического творчества Маркса и Энгельса в период революции, сколько-нибудь умалить непреходящую ценность выводов, сделанных ими в тот бурный период. Для них самих эти выводы послужили отправным пунктом при последующей разработке различных сторон марксистского учения, когда углубленный теоретический анализ революционного опыта стал первоочередной задачей.

Таким образом, в 1848—1849 годах марксизм не только подтвердил в огне революции неоспоримость своих методологических и теоретических принципов, но и доказал свою способность служить эффективным руководством к практическим революционным действиям. Марксистская мысль значительно пополнила свой арсенал новыми идеями, особенно в области революционной стратегии и тактики. К этим идеям впоследствии не раз обращался Ленин, видя в них образец для творческого применения в новой исторической обстановке. «Маркс и Энгельс учили пролетариат революционной тактике, тактике развития борьбы до самых высоких форм, тактике, ведущей крестьянство за пролетариатом, а не пролетариат за либеральными предателями»,— писал Ленин, подчеркивая, что тактическая линия Маркса и Энгельса в 1848 году «действительно дала верные, прочные, незабвенные уроки пролетариату» [1].

4. ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ОПЫТА РЕВОЛЮЦИЙ — ГЛАВНАЯ ЗАДАЧА

Ко времени переезда Маркса, а затем и Энгельса в столицу Англии в европейских странах либо уже воцарилась реакция, либо дело шло к этому. Во Франции политика господствующей «партии порядка», объединявшей роялистские фракции, все больше подрывала республиканский строй и расчищала дорогу для реставрации монархии. Создавшееся положение Маркс и Энгельс рассматривали как вынужденный перерыв в открытой революционной борьбе, считая, что его следует использовать для подготовки пролетарских масс к новым боям.

Возрождение Союза коммунистов

В трудных условиях, вызванных поражением революций, началась напряженная организаторская работа по собиранию уцелевших революционных сил пролетарского движения. В Лондоне Маркс сразу энергично взялся за возрождение Союза коммунистов, понесшего тяжелый урон. Необходимо было вновь объединить рассеянных по разным странам пролетарских революционеров (многие из которых вынуждены были эмигрировать), восполнить потери в их рядах, восстановить нарушенные связи. Усилиями Маркса и его сподвижников был воссоздан Центральный комитет, в ряд городов посланы уполномоченные, возобновлено функционирование старых общин в Англии, Германии, Франции, Швейцарии

[1] *Ленин В. И.* По торной дорожке! — Полн. собр. соч., т. 17, с. 34.

и основаны новые, налажены их прерванные связи с руководством Союза, находящимся в Лондоне. Позднее сторонниками Маркса А. Клуссом и И. Вейдемейером общины Союза коммунистов, преимущественно из немецких эмигрантов, были созданы в США. Значительную роль в оживлении Союза сыграл основанный Марксом в сентябре 1849 года в Лондоне Комитет помощи немецким эмигрантам, особенно после размежевания с первоначально входившими в него мелкобуржуазными демократами, в результате чего он был реорганизован и переименован в Социал-демократический эмигрантский комитет. В эту работу по возрождению Союза активно включился по прибытии в столицу Англии и Энгельс, введенный в его Центральный комитет.

Возрождая Союз коммунистов, Маркс и Энгельс продолжали рассматривать его как ядро будущей более широкой рабочей партии. Поражение революции в Германии исключило возможность создания такой партии путем осуществления выдвинутого основоположниками марксизма весной 1849 года плана объединения легальных рабочих союзов. В сложившихся условиях центр тяжести снова переносился на нелегальную деятельность, на укрепление конспиративной пролетарской организации, на активизацию ее роли в пропаганде среди масс революционных идей различными средствами — через печать, легальные просветительные и другие рабочие общества. «Как и до 1848 г.,— писал позднее Энгельс,— обстоятельства делали невозможной какую бы то ни было открытую организацию пролетариата; приходилось, следовательно, опять организовываться тайно» [1].

В обращениях Центрального комитета к Союзу коммунистов сообщалось о состоянии дел в Союзе, намечалась программа его действий. Особенно важное значение имело Обращение ЦК, написанное в марте 1850 года. Оно послужило идейной основой всей работы по оживлению Союза. Ленин впоследствии назвал этот документ «чрезвычайно интересным и поучительным» [2] и опирался на него при разработке революционной стратегии и тактики партии нового типа.

Продолжая строить Союз коммунистов как международную организацию, Маркс и Энгельс стремились расширить и укрепить его интернациональные связи с революционными течениями в рабочем движении разных стран. С этой целью они заключили в апреле 1850 года с представителем левого крыла чартистов Д. Гарни и французскими эмигрантами, сторонниками О. Бланки, соглашение об основании Всемирного общества коммунистов-революционеров. Левых чартистов Маркс и Энгельс и раньше рассматривали как своих ближайших союзников. Не разделяя утопических взглядов и заговорщической тактики Бланки и его сторонников, они в

[1] *Энгельс Ф.* К истории Союза коммунистов.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 228.

[2] См.: *Ленин В. И.* О временном революционном правительстве.— Полн. собр. соч., т. 10, с. 233.

то же время ценили их революционное чутье и самоотверженную борьбу против буржуазного режима. Бланки, брошенного французскими властями в апреле 1848 года в тюрьму, они назвали «благородным мучеником революционного коммунизма»[1]. Идя на соглашение с бланкистами, Маркс и Энгельс рассчитывали воздействовать на них в духе принципов Союза коммунистов. И действительно, формулировки заключенного с ними и с чартистами соглашения отражали влияние идей научного коммунизма. Его первый пункт гласил: «Целью общества является низложение всех привилегированных классов, подчинение этих классов диктатуре пролетариев путем поддержания непрерывной революции вплоть до осуществления коммунизма, который должен явиться последней формой устройства человеческого рода»[2].

Однако осенью 1850 года, ввиду авантюристических тенденций, проявленных бланкистами, Маркс и Энгельс вынуждены были расторгнуть с ними соглашение. С Гарни же они продолжали поддерживать отношения. Но когда весной 1851 года он стал сближаться с мелкобуржуазными эмигрантами, Маркс и Энгельс расценили это как отход от пролетарских позиций и осудили его поведение. С другим лидером революционного крыла чартизма, Эрнстом Джонсом, сохранившим верность революционным пролетарским традициям и воспринявшим ряд идей научного коммунизма, основоположники марксизма и в это время, и в последующие годы продолжали сотрудничать, относясь к нему как к одному из своих соратников.

В произведениях и документах Союза коммунистов, написанных до осени 1850 года, Маркс и Энгельс ориентировали своих сторонников на кратковременность перерыва между революционными боями. Они надеялись, что революционная буря вскоре грянет вновь, ускоренная начинающимся, по их первоначальному мнению, новым экономическим кризисом. Однако углубленное изучение состояния мировой капиталистической экономики, переживавшей подъем, а также политического положения в странах Европы привело их вскоре к признанию неосновательности этих прогнозов. Они убедились в том, что нового подъема революции, в неизбежность которого продолжали твердо верить, нет основания ожидать в ближайшее время. Сохраняя стратегический курс на подготовку пролетариата к новым революционным боям, тактику Союза коммунистов следовало изменить, исходя из установления в Европе сравнительно длительной полосы нереволюционного развития. Главный упор необходимо было сделать на собирание пролетарских сил, на идейно-теоретическую закалку кадров пролетарских революционеров, на поиск форм для распространения идей научного коммунизма.

Излишне оптимистическое представление о близости новой

[1] См.: Предисловие к немецкому переводу тоста О. Бланки.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 569 (приложения).

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 7, с. 551 (приложения).

революции и надежды на то, что она вскоре примет социалистический характер, были отчасти порождены переоценкой Марксом и Энгельсом зрелости тогдашнего капитализма и возможности быстро подготовить рабочий класс к его свержению. «История показала,— признал впоследствии Энгельс,— что и мы и все мыслившие подобно нам были неправы. Она ясно показала, что состояние экономического развития европейского континента в то время далеко еще не было настолько зрелым, чтобы устранить капиталистический способ производства» [1]. В то же время и в этих несбывшихся прогнозах Маркса и Энгельса не было утопизма, поскольку они в целом верно указывали общее направление общественного развития и являлись преждевременными лишь в отношении сроков предстоящих революционных перемен, точно определяя их историческую неизбежность и объективную обусловленность. Проявленный Марксом и Энгельсом революционный оптимизм Ленин противопоставлял мещанской утрате веры в революционную перспективу, деморализующей массы. «Да,— писал он впоследствии,— много ошибались и часто ошибались Маркс и Энгельс в определении близости революции... Но *такие* ошибки гигантов революционной мысли, поднимавших и поднявших пролетариат всего мира над уровнем мелких, будничных, копеечных задач,— в тысячу раз благороднее, величественнее и *исторически ценнее, правдивее,* чем пошлая мудрость казенного либерализма, поющего, вопиющего, взывающего и глаголющего о суете революционных сует, о тщетности революционной борьбы, о прелести контрреволюционных «конституционных» бредней...» [2]

«Уяснить пережитый период революции»

В теоретическом отношении на первое место в это время выдвигалась задача всестороннего изучения только что пережитых революционных событий, чтобы помочь участникам пролетарского движения извлечь из них правильные уроки, воспринять все ценное из опыта 1848—1849 годов и избежать повторения допущенных ошибок. Важно было привести в систему идеи, рожденные в период революции, подвергнуть анализу ход классовой борьбы в свете тех результатов, к которым она привела, пополнить революционное учение новыми выводами. Дальнейшее развитие революционной теории было необходимо для того, чтобы передовые борцы рабочего класса могли встретить во всеоружии наступление нового этапа революционных битв.

«Такое время кажущегося затишья, как теперешнее,— писали Маркс и Энгельс в декабре 1849 года,— должно быть использовано именно для того, чтобы уяснить пережитый период революции, характер борющихся партий, общественные отношения, которые

---

[1] *Энгельс Ф.* Введение к работе К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.».— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 535.

[2] *Ленин В. И.* Предисловие к русскому переводу книги «Письма И. Ф. Беккера, И. Дицгена, Ф. Энгельса, К. Маркса и др. к Ф. А. Зорге и др.».— Полн. собр. соч., т. 15, с. 249.

обусловливают существование и борьбу этих партий»[1]. Формулируя эту же задачу, Энгельс позднее подчеркивал, что в условиях временной мирной передышки исследование причин, сделавших неизбежной недавнюю революцию и приведших к ее поражению, являлось делом первостепенной важности[2].

Анализ итогов и уроков революций 1848—1849 годов сделался, таким образом, предметом специальных занятий Маркса и Энгельса в течение нескольких лет, последовавших за окончанием революционных боев. Они и в дальнейшем постоянно возвращались к урокам революций 1848—1849 годов, используя наблюдения и выводы того времени как отправной пункт для новых суждений. «Из этого пункта исходят они в определении судеб рабочего движения и демократии разных стран,— писал Ленин.— К этому пункту возвращаются они всегда для определения внутренней природы разных классов и их тенденций в самом ярком и чистом виде. С точки зрения тогдашней, революционной эпохи оценивают они всегда позднейшие, более мелкие, политические образования, организации, политические задачи и политические конфликты»[3].

Революционные периоды, отличавшиеся повышенной активностью народных масс, интенсивностью классовой борьбы и разнообразием ее форм, давали особенно важный материал для теоретических обобщений. Вполне закономерно поэтому, что революции 1848—1849 годов послужили стимулом взлета марксистской мысли. Недаром Ленин специально подчеркнул важнейшее значение в дальнейшем развитии марксизма подытожения исторического опыта этих революционных лет[4]. Хотя он имел в виду анализ Марксом уроков революции в его произведении «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», эту характеристику можно с полным основанием отнести и к другим произведениям Маркса и Энгельса, посвященным революции.

Усилия, предпринятые Марксом и Энгельсом для теоретического осмысления итогов революции, принесли богатые плоды. Свой общий замысел они реализовали в различных формах — в крупных очерках, статьях на текущие темы, в документах Союза коммунистов, в устных выступлениях, в письмах, адресованных друг другу и своим соратникам. За короткий срок, с конца 1849 по 1852 год, были созданы такие выдающиеся произведения, как «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» и «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» Маркса, «Крестьянская война в Германии» и «Революция и контрреволюция в Германии» Энгельса. В них в разных аспектах освещались итоги революционной борьбы, причем анализ ее развития был дополнен рассмотрением со-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Извещение о выходе «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue».— Соч., т. 7, с. 1.

[2] См.: *Энгельс Ф.* Революция и контрреволюция в Германии.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 6.

[3] *Ленин В. И.* Против бойкота.— Полн. собр. соч., т. 16, с. 24.

[4] См.: *Ленин В. И.* Государство и революция.— Там же, т. 33, с. 29.

бытий последующих лет. Широко был использован метод исторического сопоставления, сравнения революций 1848—1849 годов с предшествующими революционными выступлениями против феодализма, что позволило выявить общие закономерности и специфику этапов революционного процесса, раскрыть диалектику общего и особенного в общественном развитии. В ходе анализа совершенствовалась диалектико-материалистическая методология исторического исследования. Значительный вклад был сделан в научную разработку важнейших проблем всемирной истории и истории отдельных стран.

Обобщение Марксом и Энгельсом исторического опыта осуществлялось на общеевропейском материале. При этом события во Франции не случайно оказались в центре внимания, так как именно в них наиболее ярко проявились общие социально-политические тенденции эпохи. «Франция — та страна, в которой историческая классовая борьба больше, чем в других странах, доходила каждый раз до решительного конца. Во Франции в наиболее резких очертаниях выковывались те меняющиеся политические формы, внутри которых двигалась эта классовая борьба и в которых находили свое выражение ее результаты» [1],— писал позднее Энгельс о причинах особого интереса к французским делам. Большое значение придавали основоположники марксизма изучению революции в Германии и других странах (в Венгрии, Италии, польских землях).

Путеводной нитью в предпринятых Марксом и Энгельсом исследованиях служил метод исторического материализма. Их новые произведения наглядно продемонстрировали подлинно научное применение этого метода, не имеющего ничего общего с догматическим схематизированием и упрощенческим сведением всех общественных явлений к непосредственному действию экономических законов. Видя в них глубинную причину исторических процессов, Маркс и Энгельс не сбрасывали со счетов активное влияние на общественную жизнь социальных и политических факторов, их сложное взаимодействие, накладывающее отпечаток на классовую борьбу — главную пружину развития антагонистического общества. Большое значение они придавали идеологии различных классов, участвовавших в этой борьбе, их умонастроению, социальной психологии. Одним словом, марксистский метод позволял рассматривать исторические явления во всей их сложности и многообразии.

Превосходство марксистской методологии явно обнаружилось на фоне литературы о событиях тех лет, которая появилась одновременно с произведениями Маркса и Энгельса и исходила от представителей буржуазной и мелкобуржуазной демократии и мелкобуржуазного социализма. Их многочисленные попытки разобраться в том, что произошло в этот период, в причинах поражения революционного движения, как правило, сводились к

[1] *Энгельс Ф.* Предисловие к третьему немецкому изданию работы К. Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта».— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 258—259.

поверхностному и идеалистическому истолкованию хода революции, к объяснению ее успехов и неудач главным образом действиями отдельных личностей. В таком же духе торжество контрреволюции объяснялось преимущественно личными качествами и козпями ее вдохновителей. Так, даже такой горячий обличитель бонапартизма, как Виктор Гюго, государственный переворот 2 декабря 1851 года во Франции объяснял злой волей Луи Бонапарта и тем самым приписал этой заурядной личности, по выражению Маркса, «беспримерную во всемирной истории мощь личной инициативы» [1]. Лишь у представителей марксизма оказался необходимый арсенал методологических средств для подлинно научного подхода к анализу происшедших событий. Только они оказались способными уяснить их сущность, дать исторически точное объяснение их причин и меткую характеристику их участников.

Изучение опыта революции не исчерпывало научных занятий Маркса и Энгельса в рассматриваемые годы. С весны 1850 года Маркс возобновил свои исследования в области политической экономии, определившие в дальнейшем генеральное направление его научного творчества. Энгельс с ноября 1850 года (после переезда в Манчестер, где ему предстояла служба в конторе текстильной фирмы, дававшая средства к существованию и возможность материально помогать Марксу) много времени стал посвящать систематическому изучению военного дела, филологии и истории, позднее — естествознания.

Налаживание марксистской печати

Для публикации своих произведений, развития и пропаганды революционной теории Маркс и Энгельс видели необходимость в выпуске собственного периодического издания, на первых порах в виде ежемесячного журнала. Наладить выпуск такого журнала им удалось с большим трудом. Первый его номер вышел в свет в марте 1850 года. Журнал составлялся и редактировался в Лондоне, а печатался в Гамбурге. Помимо Европы журнал предполагалось распространять в США; поэтому Нью-Йорк также значился в качестве места издания.

Своему новому печатному органу Маркс и Энгельс дали название «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue» («Новая Рейнская газета. Политико-экономическое обозрение»). Этим подчеркивалась преемственная связь между журналом и издававшейся ими в 1848—1849 годах революционной газетой. Он должен был, по замыслу основоположников марксизма, продолжить ее боевую линию, послужить средством идейного воспитания членов Союза коммунистов и близких им революционных кругов. В намерение редакторов входило превратить его со временем в еженедельник, а затем, при первой возможности, возобновить издание газеты. Однако планам этим не суждено было осуществиться. За девять месяцев 1850 года удалось опубликовать лишь шесть номеров журнала, два последних — в виде сдвоенного выпуска. Дальнейшие попытки продолжить издание оказались безуспешными из-за полицейских препятствий и денежных затруднений.

[1] См.: *Маркс К.* Предисловие ко второму изданию «Восемнадцатого брюмера Луи Бонапарта».— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 375.

Несмотря на кратковременность существования, журнал составил важную веху в истории марксистской мысли и революционной пролетарской журналистики. Шесть его номеров небольшого формата отличались разнообразием тематики и богатством идей, отразивших первый этап теоретической работы Маркса и Энгельса по уяснению уроков революции.

Большая часть произведений, опубликованных в журнале, принадлежала перу основоположников марксизма. Здесь были напечатаны «Классовая борьба во Франции» Маркса, «Германская кампания за имперскую конституцию» и «Крестьянская война в Германии» Энгельса, ряд их статей и совместно написанных международных обзоров, а также рецензий. Публикация в журнале статей В. Вольфа и И. Г. Эккариуса свидетельствовала о стремлении Маркса и Энгельса привлечь к публицистической и теоретической работе своих соратников.

Серьезное внимание на страницах журнала Маркс и Энгельс уделили критике непролетарской идеологии, а также практической деятельности в период революции различных представителей мелкобуржуазного социализма и мелкобуржуазной демократии. Они отводили этой теме значительное место в своих крупных произведениях, посвятили ей ряд полемических статей и рецензий. Выявление идейной несостоятельности и тактической слабости различных мелкобуржуазных течений, раскрытие причин их фактического банкротства в 1848—1849 годах органически входило в задачу осмысления итогов пережитой революции. Было важно выяснить, как ее ход и результаты преломлялись в сознании самих буржуазных и мелкобуржуазных идеологов, противопоставить их интерпретации событий научное истолкование этих событий с пролетарских позиций. К тому же, оказавшись в эмиграции, мелкобуржуазные лидеры нередко использовали репутацию участников революции и жертв полицейских преследований для завоевания популярности и в пролетарской среде. Сорвать фальшивый ореол революционной непогрешимости с этих лидеров, показать их подлинную, часто весьма неприглядную, роль в событиях 1848—1849 годов стало одной из целей печатных выступлений Маркса и Энгельса.

В «Классовой борьбе во Франции» Маркс сосредоточил критику мелкобуржуазного социализма на взглядах и деятельности французского социалиста Луи Блана. Маркс раскрыл утопический характер выдвинутых им реформистских идей о возможности социалистического преобразования общества путем классового сотрудничества с буржуазным государством, способным якобы взять на себя миссию «организации» труда и покровителя рабочих ассоциаций. На практике луи-блановский «социализм» причинил прямой вред рабочему классу, ослабляя его сопротивление буржуазному режиму Второй республики. Претендуя на роль вождя социалистической демократии, Луи Блан на деле играл роль марионетки буржуазии, являлся, по характеристике Ленина, «игрушкой в ее

руках» [1]. Вхождение Блана в состав временного буржуазного правительства, принятие поста председателя комиссии по рабочему вопросу, заседавшей в Люксембургском дворце, создавало видимость заботы правящей буржуазии о нуждах рабочих, сеяло вредные иллюзии о ее готовности решить социальный вопрос. Маркс с едкой иронией называл люксембургскую комиссию «министерством бессилия, министерством благих пожеланий» [2]. Эта комиссия послужила своего рода ширмой, прикрывавшей мобилизацию буржуазным правительством контрреволюционных сил для борьбы с пролетариатом. Социал-реформистские идеи и соглашательская тактика Блана по существу помогли контрреволюционной буржуазии подготовиться к кровавой расправе с парижскими рабочими в июне 1848 года.

Политическую неустойчивость и ограниченность мелкобуржуазных участников революции Маркс показал в «Классовой борьбе во Франции» на примере «парламентского восстания» демократической партии «Горы» 13 июня 1849 года. Энгельс в таком же свете охарактеризовал мелкобуржуазных руководителей восстания в Рейнской провинции Пруссии, Бадене и Пфальце весной — летом 1849 года в очерках «Германская кампания за имперскую конституцию», а позднее в серии статей «Революция и контрреволюция в Германии». В этих произведениях были вскрыты типичные черты мелкой буржуазии как класса, занимающего промежуточное положение в буржуазном обществе, раздираемого противоречивыми — и антикапиталистическими, и антипролетарскими — тенденциями. В этом — главный источник постоянных колебаний мелкой буржуазии, парализующих ее революционную активность и обрекающих ее самостоятельные выступления на поражение. Особенности этого класса, отмечали Маркс и Энгельс, воплотились в политическом облике его лидеров.

В интересах борьбы с идейными противниками рабочего класса Маркс и Энгельс считали необходимым подвергнуть критическому разбору только что вышедшие в свет сочинения буржуазных и мелкобуржуазных авторов, посвященные революции или написанные под ее влиянием. Для рецензирования избирались произведения, показательные для уяснения происшедших в результате революции сдвигов в умонастроении непролетарских классов. В рецензиях, опубликованных в журнале, разбирались новейшие исторические концепции, касающиеся как революционных событий 1848—1849 годов, так и вообще роли революции в истории, а также новомодные псевдосоциалистические теории в духе буржуазного социализма.

Маркс и Энгельс отметили, что реакция на события 1848—1849 годов такого видного историка, как Ф. Гизо, а также Т. Карлейля, в прошлом выступавшего с критикой капитализма «справа», с позиций «феодального социализма», отразила процесс контрреволюционного вырождения значительной части европейской буржуазии. У Гизо это выразилось в тенденции пересмотреть в его новой брошюре «Почему удалась английская революция?» свой прежний взгляд на историческую правомерность революционных методов борьбы буржуазии против феодального строя. У Карлейля в его

[1] См.: *Ленин В. И.* «Великий отход».— Полн. собр. соч., т. 32, с. 311.

[2] См.: *Маркс К.* Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 16.

книге «Современные памфлеты» присущий ему и ранее субъективно-идеалистический культ героев перерос в прямую апологию полицейско-террористического господства буржуазии, в оправдание ее расправы с революционными массами.

Настроения консервативных слоев немецкого мещанства, смертельно напуганного революцией, выразил немецкий историк Г. Ф. Даумер в своей книге «Религия нового века». Филистерски осуждая революционные выступления народа, он изображал их как покушение на высшие духовные ценности. «Вся современная классовая борьба,— с осуждением заметили Маркс и Энгельс,— представляется г-ну Даумеру только как борьба «грубости» против «культуры». Вместо того чтобы объяснить ее из исторических условий жизни этих классов, он находит причины ее в интригах и происках нескольких злонамеренных лиц, которые играют на низких инстинктах черни, натравливая ее на образованные сословия» [1].

Приписывание отдельным личностям решающей роли в истории Маркс и Энгельс обнаружили не только у консервативных писателей, но и у авторов, принадлежавших к мелкобуржуазному демократическому лагерю. У последних это нередко принимало форму всяческого приукрашивания собственной деятельности в период революции. Маркс и Энгельс в своих рецензиях выступили против такого фальшивого восхваления деятелей буржуазной и мелкобуржуазной оппозиции. «Было бы весьма желательно,— писали они,— чтобы люди, стоявшие во главе партии движения,— будь то перед революцией, в тайных обществах или в печати, будь то в период революции, в качестве официальных лиц,— были, наконец, изображены суровыми рембрандтовскими красками во всей своей жизненной правде. Во всех существующих описаниях эти лица никогда не изображаются в их реальном, а лишь в официальном виде, с котурнами на ногах и с ореолом вокруг головы. В этих восторженно преображенных рафаэлевских портретах пропадает вся правдивость изображения» [2].

Издававшийся Марксом и Энгельсом журнал помимо историко-социологических исследований теоретического характера и критики буржуазной и мелкобуржуазной литературы помещал материалы, посвященные анализу текущих событий общественной жизни. В публиковавшихся в нем, в частности, «Международных обзорах» обстоятельно рассматривались экономическое и политическое развитие отдельных стран, важные события, происходившие на разных континентах, а также на международной арене.

После прекращения выхода журнала Маркс и Энгельс в начале 1851 года пытались возобновить его выпуск в Швейцарии в виде ежеквартального альманаха. Однако обстановка в Европе становилась все более неблагоприятной не только для издания революционных периодических печатных органов, но и для публикации отдельных произведений основоположников марксизма. Так, предпринятое с большими усилиями Германом Беккером в Кёльне издание Сочинений Маркса было прервано арестом издателя и других членов Союза коммунистов, последовавшим вскоре после появления в 1851 году первого выпуска, содержащего несколько статей 1842 года. И тем не менее, несмотря на возраставшие трудности, Маркс и Энгельс ни на минуту не прекращали научно-литературной деятельности, продолжая поиск издателей, чаще всего остававшийся безрезультатным.

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 7, с. 210.
[2] Там же, с. 280.

Обнадеживающая перспектива появилась осенью 1851 года, когда переехавший в США И. Вейдемейер, опираясь на поддержку А. Клусса, который прибыл туда раньше, предпринял шаги к выпуску в Нью-Йорке с января 1852 года коммунистического еженедельника «Die Revolution». Маркс и Энгельс не только сами энергично взялись за подготовку для него очерков и статей, но и побудили сотрудничать в нем товарищей по эмиграции — Вольфа, Эккариуса, Фрейлиграта, Пипера. В этом издании Маркс рассчитывал опубликовать задуманную им критическую работу о новой книге П. Ж. Прудона «Общая идея революции в XIX веке», которую в письме Энгельсу от 14 августа 1851 года охарактеризовал по существу как «полемику против коммунизма», как попытку противопоставить идее революционного коммунистического преобразования общества мелкобуржуазный проект реформ в области кредита и анархистский план «ликвидации», а вернее — децентрализации государства [1]. Для «Die Revolution» Маркс написал одно из своих лучших произведений — «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», в котором раскрыл причины и характер государственного переворота во Франции 2 декабря 1851 года, начав тем самым выяснение сущности того социального явления, которое позже получило название «бонапартизм». В этом произведении Маркс сформулировал также ряд важнейших теоретических положений научного коммунизма.

Надежды Маркса и Энгельса на то, что с основанием «Die Revolution» Союз коммунистов приобретет новый постоянный печатный орган, не оправдались. Вейдемейер сумел издать лишь два выпуска. Помещенное в первом из них объявление о предстоящей публикации критики Марксом книги Прудона не было реализовано. «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» Вейдемейер напечатал позднее, в мае 1852 года, отдельной брошюрой, изданной в качестве непериодического выпуска «Die Revolition». Но возобновить издание в прежнем виде не удалось.

В дальнейшем сподвижники основоположников марксизма опубликовали в США некоторые другие произведения Маркса, в частности его брошюру «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов» (1853). Однако издательские возможности Клусса и Вейдемейера, при всем их горячем желании развернуть пропаганду научного коммунизма в США, были ограничены.

Поддерживая попытки своих соратников наладить издание коммунистической литературы, Маркс и Энгельс для распространения революционных идей уже в тот период прибегли к использованию прогрессивной буржуазной печати. Принятие Марксом в августе 1851 года предложения редакции «New-York Daily Tribune» («Нью-йоркской ежедневной трибуны») стать лондонским корреспондентом этой популярной газеты, которую читали рабочие, позволило опубликовать в ней в 1851—1852 годах серию

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 27, с. 279.

статей Энгельса «Революция и контрреволюция в Германии» — одно из важнейших произведений, освещавших итоги событий 1848—1849 годов.

Так, используя все доступные им средства, Маркс и Энгельс в трудных условиях наступавшей реакции добивались того, чтобы результаты проделанной ими теоретической работы по осмыслению уроков революции дошли в том или другом виде до современников, стали уже тогда достоянием участников пролетарского движения.

Теоретическое обобщение революционного опыта обогатило в первую очередь такие составные части марксизма, как диалектико-материалистическое понимание истории и теория научного коммунизма, особенно в тех ее разделах, которые относятся к стратегии и тактике классовой борьбы пролетариата и революционно-коммунистического преобразования общества.

«Революции — локомотивы истории»

Прежде всего углубились и получили дальнейшее развитие взгляды Маркса и Энгельса на роль революций в общественной жизни, их закономерности. Значение социальных революций как рычага, посредством которого происходит смена общественно-экономических формаций, было выяснено основоположниками марксизма еще в середине 40-х годов. Теперь же была подчеркнута роль революций как могучих ускорителей исторического развития, приводящих к коренным и быстрым переменам во всех общественных сферах, в том числе в сознании широких масс, целых классов. В «Классовой борьбе во Франции» Маркс облек эту мысль в чеканную формулу: *«Революции — локомотивы истории»* [1]. Он писал относительно французской революции 1848 года: «... в этом вихре движения, в этом мучительном и беспокойном ходе истории, в этом драматическом приливе и отливе революционных страстей, надежд и разочарований различные классы французского общества должны были исчислять неделями периоды своего развития, ранее исчислявшиеся полустолетиями» [2]. Энгельс назвал революцию «могучим двигателем общественного и политического прогресса», заставляющим нацию «за какой-нибудь пятилетний срок проделать путь, который в обычных условиях она не совершила бы и в течение столетия» [3].

Маркс и Энгельс уяснили те важные изменения, которые революционное движение претерпело в середине XIX века по сравнению с предшествующими буржуазными революциями, прежде всего с французской конца XVIII века. Аналитическое сопоставление революционного движения в XVIII и XIX веках было начато основоположниками марксизма еще в 1848 году на страницах «Но-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 7, с. 86.

[2] Там же, с. 60.

[3] См.: *Энгельс Ф.* Революция и контрреволюция в Германии.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 38.

вой Рейнской газеты». Теперь они резюмировали и углубили свои выводы на основе уроков не только немецкого, но и общеевропейского революционного движения. В наиболее обобщенной форме это было сделано Марксом в его работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», где он впервые выдвинул и обосновал тезис о двух линиях в развитии буржуазной революции — восходящей и нисходящей. Примером первой, указал он, явился ход революционных событий во Франции в конце XVIII века, примером второй — французская революция 1848 года, которая оказалась «втянутой в это попятное движение еще прежде, чем была убрана последняя февральская баррикада и установлена первая революционная власть» [1]. Такое развитие Маркс считал типичным для обстановки, сложившейся в середине XIX века во многих европейских странах, когда буржуазия превращалась в антинародную силу, а пролетариат еще недостаточно окреп, чтобы воспрепятствовать попятному движению революции.

Опираясь на сделанные еще в ходе самой революции наблюдения, основоположники марксизма пришли к заключению, что буржуазия в целом начинала играть контрреволюционную роль не только там, где пролетариат противостоял ей непосредственно (как во Франции и Англии), но во многих случаях и там, где революционные действия рабочего класса и народных масс были направлены против феодальных устоев (как в Германии, Австрии, Пьемонте). Страх буржуа перед революционными массами оказывался сильнее стремления устранить путы, сковывавшие развитие капитализма. Буржуазия, таким образом, не только утрачивала способность к завершению буржуазно-демократических преобразований революционным путем, но и в значительной мере сама превращалась в препятствие для радикального осуществления этих преобразований. С этой задачей не могла справиться и мелкая буржуазия, обнаружившая в 1848—1849 годах свою слабость. В создавшихся условиях доведение до конца буржуазно-демократической революции ложилось на плечи самого революционного класса общества — пролетариата. Ему предстояло стать не только активным участником этой революции, но и ее ведущей силой. История ставила его в центр революционного движения уже на стадии борьбы с пережитками феодализма. В рабочем классе, по выражению Маркса, все больше «сосредоточиваются революционные интересы общества» [2], и не только в том смысле, что этому классу предстоит в будущем совершить переход к коммунизму, но также в том, что только он и может довершить демократические преобразования.

Этот вывод явился существенной конкретизацией марксистского учения о всемирно-исторической миссии рабочего класса. Программа революционных преобразований, которую ему пред-

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 8, с. 141—142.

[2] См.: *Маркс К.* Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 16.

стояло осуществить, оказалась и шире, и сложнее. Прежде чем ниспровергнуть капиталистический строй и приступить к созданию коммунистического общества, рабочий класс должен расчистить пути к этому, устранив такие преграды, как остатки феодальных отношений.

Идея непрерывной революции

Постигая закономерности революционного движения, Маркс и Энгельс обогатили теорию положением о непрерывной революции.

Идея непрерывной революции органически вытекала из взглядов основоположников марксизма на особенности революционного движения в XIX веке и перспективы его развития. Элементы этой идеи складывались у Маркса и Энгельса еще до событий 1848—1849 годов, а сам термин появился в произведениях Маркса еще раньше — в 1844 году. Он применил его тогда к французской буржуазной революции 1789—1794 годов, в непрерывном развитии которой увидел известную закономерность [1], позднее обозначенную как развитие революции по восходящей линии. После 1848—1849 годов понятие это основоположниками марксизма было переосмыслено и превращено в формулу для обозначения революционного процесса, ведущего к установлению господства пролетариата. Еще накануне революционного взрыва 1848 года они рассматривали буржуазную революцию как преддверие революции пролетарской. Рабочий класс, считали они, должен использовать свержение феодальных монархических режимов для подготовки атаки на буржуазию, предоставив ей лишь «короткий период власти» [2]. Однако представление о революционном характере самого перехода от первой стадии революции, на которой решаются задачи уничтожения пережитков феодализма, к ее более высокой стадии, когда вплотную встанут задачи ликвидации господства буржуазии, появилось у Маркса и Энгельса после революции 1848 года, на основании анализа ее уроков. Характерно, что уже в самом ее начале, разрабатывая программу германского пролетариата — «Требования Коммунистической партии в Германии», Маркс и Энгельс наметили, как уже отмечалось, ряд облегчавших переход к пролетарской революции мероприятий, проведение которых предполагалось в процессе демократических преобразований. Но эта ориентация здесь была выражена еще в самом общем виде. В дальнейшем на основе анализа событий в Германии и других странах положение о непрерывной революции приобрело четкую форму.

Основоположники марксизма увидели объективную возможность двух путей развития буржуазной революции после первых побед народа: либо кратковременное господство буржуазных пар-

[1] См.: *Маркс К.* К еврейскому вопросу.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 393; *Маркс К., Энгельс Ф.* Святое семейство, или Критика критической критики.— Соч., т. 2, с. 137.

[2] См.: *Энгельс Ф.* Движения 1847 года.— Там же, т. 4, с. 470.

тий, берущих курс на свертывание революции и сдачу позиций реакции, как это и произошло в большинстве случаев в 1848—1849 годах, либо постоянное углубление революции, все большее оттеснение правых сил и умеренных либералов, а после кратковременного пребывания у власти мелкобуржуазной демократии — завоевание власти пролетариатом. Именно в таком непрерывном ходе революции, во все большем вовлечении в нее народных масс, в усилении ведущей роли рабочего класса заключались, по мысли Маркса и Энгельса, важнейшие предпосылки его победы. «...Наши интересы и наши задачи заключаются в том, чтобы сделать революцию непрерывной до тех пор, пока все более или менее имущие классы не будут устранены от господства, пока пролетариат не завоюет государственной власти» [1],— писали они в марте 1850 года в «Обращении Центрального комитета к Союзу коммунистов». В этом документе идея непрерывной революции была изложена в развернутом виде. Обращение указывало на необходимость «действовать в таком направлении, чтобы непосредственное революционное возбуждение не было опять подавлено тотчас же после победы», и призывало рабочих «его поддерживать, насколько это только возможно» [2].

Новые соображения высказали Маркс и Энгельс относительно отличий пролетарской революции от буржуазной. Особенно четко это было сделано в произведении «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». Маркс показал здесь, что буржуазные революции — ввиду ограниченного характера их классовых целей — являются более или менее кратковременными, скоропреходящими, быстро достигающими своего апогея, после чего «общество охватывает длительное похмелье» [3]. Их высшее достижение — буржуазная демократия, при всей своей прогрессивности, носит в целом формальный, показной характер; провозглашенные права и свободы граждан противоречат социальной действительности, основанной на эксплуататорском строе, и попираются на практике. Непрочность этих прав и свобод выражена в самих буржуазных конституциях, как это продемонстрировал Маркс на примере конституции Французской республики, каждый параграф которой содержал «в самом себе свою собственную противоположность, свою собственную верхнюю и нижнюю палату: свободу — в общей фразе, упразднение свободы — в оговорке» [4].

В противоположность этому пролетарские революции, указал Маркс, отличаются основательностью, грандиозностью своих задач. Они предполагают гораздо более глубокую ломку существующих социальных и политических отношений, коренное их преобразование, требующее сравнительно длительного времени и напря-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 7, с. 261.
[2] См. там же, с. 263.
[3] Там же, т. 8, с. 122.
[4] См. там же, с. 132.

женных усилий. Этим революциям должна быть свойственна целеустремленность, неудовлетворенность достигнутым, стремление преодолевать трудности, устранять допущенные промахи, совершенствовать свои достижения. В этом смысле Маркс писал, что пролетарские революции «постоянно критикуют сами себя»[1]. Законом их развития является неукротимое движение вперед, не исключающее и готовности заново браться за решение ранее недостаточно выполненных задач.

Диктатура пролетариата

К новым достижениям марксистской мысли относится разработка проблем государственной власти пролетариата. То, что рабочий класс не сможет добиться победы над буржуазией, не покончив с ее политическим господством, не завоевав государственную власть, которую он должен использовать для построения нового, социалистического общества, Маркс и Энгельс установили до 1848 года. Однако формула «диктатура рабочего класса» впервые появилась у основоположников марксизма после революций 1848—1849 годов — в произведении Маркса «Классовая борьба во Франции», в упомянутом выше договоре с бланкистами и чартистами («диктатура пролетариев»), в письме Маркса к И. Вейдемейеру от 5 марта 1852 года («диктатура пролетариата»).

Введение этой формулы было не просто терминологическим уточнением положения марксизма. Оно явилось результатом развития революционной теории на основании опыта только что закончившихся революционных боев. В «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс делали акцент на демократическом характере политического господства пролетариата, выражавшего интересы большинства народа. В «Классовой борьбе во Франции», не снимая вопроса о последовательном демократизме политического режима, устанавливаемого рабочим классом, Маркс подчеркнул другую важную особенность: пролетарская власть должна быть энергичной и решительной в защите интересов народных масс, смело пользоваться революционными методами, проявлять в случае необходимости революционное насилие, твердой рукой пресекая происки врагов революции. События 1848—1849 годов дали множество примеров пагубных последствий дряблости либеральных правительств и беспомощности мелкобуржуазных демократов. Этим широко пользовались контрреволюционеры, не стеснявшиеся в применении самых насильственных и диктаторских средств для подавления революционного движения. Уже в 1848 году, как говорилось выше, Маркс доказывал, что сам характер революционной эпохи требует энергичной революционной диктатуры. Развитием этой идеи и явилось положение о том, что завоевание рабочим классом политической власти должно быть по сути установлением его классовой диктатуры. Для пролетарской революции эта революционная диктатура нужна еще в большей степени, чем

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 8, с. 123.

для революции демократической, так как рабочему классу предстоит отражать более ожесточенные атаки защитников старого порядка и провести в жизнь более радикальные преобразования, чем это доводилось делать какому-либо революционному классу в прошлом.

В «Классовой борьбе во Франции» были четко сформулированы основные задачи пролетарской диктатуры в деле экономического преобразования общества: «...присвоение средств производства, подчинение их ассоциированному рабочему классу, следовательно, уничтожение наемного труда, капитала и их взаимоотношения» [1]. Этой формулировкой Маркс уточнил основное требование коммунистического движения, показав, что оно состоит в упразднении частной собственности на средства производства, что именно они подлежат обобществлению и переход их в общественную собственность является главным экономическим рычагом для ликвидации эксплуататорского строя.

Облекая мысль о необходимости политического господства рабочего класса в формулу «диктатура пролетариата», основоположники марксизма вместе с тем продолжали, как и в «Манифесте Коммунистической партии», подчеркивать исторически преходящий характер этого господства. Диктатура пролетариата, отметил Маркс в «Классовой борьбе во Франции», это — «необходимая переходная ступень к *уничтожению классовых различий вообще*», к ликвидации всех производственных отношений, на которых покоятся эти различия, к соответствующему коренному изменению в социальной структуре общества и в сознании его членов [2]. В таком же духе трактовалось Марксом положение о диктатуре пролетариата в письме к И. Вейдемейеру от 5 марта 1852 года. Указывая в нем на принципиальное отличие своего понимания развития классовой борьбы от взглядов буржуазных историков и экономистов, он писал: «То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что *существование классов* связано лишь с *определенными историческими фазами развития производства,* 2) что классовая борьба необходимо ведет к *диктатуре пролетариата,* 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к *уничтожению всяких классов* и к *обществу без классов*» [3].

Маркс и Энгельс высказали соображения и о конкретных путях установления революционной диктатуры рабочего класса. Они выдвинули идею формирования органов пролетарской власти в самом процессе непрерывной революции, еще до того, как пролетариат сумеет взять в свои руки власть по всей стране. В мартовском «Обращении Центрального комитета к Союзу коммунистов» они ориентировали рабочих на создание на местах «рабочих правительств» в виде рабочих комитетов, муниципальных советов и клубов, а также на формирование собственных вооруженных отрядов.

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 7, с. 40.
[2] См. там же, с. 91.
[3] Там же, т. 28, с. 427.

Из этих местных пролетарских органов и должна была сложиться в дальнейшем ходе революции центральная власть рабочего класса, опирающаяся на пролетарские военные силы.

Слом буржуазной государственной машины

Вопрос о государственной власти затрагивал проблему отношения революции к существующему, старому государству с его главными атрибутами: правительственной системой, армией, полицией, административными и судебными органами. Эта проблема была рассмотрена в произведении Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», в котором были обобщены и некоторые предыдущие мысли его и Энгельса на этот счет.

Маркс показал, что государственная машина, созданная эксплуататорскими классами, по самой своей природе является антинародной, угнетательской. В своей военно-бюрократической форме она была создана в период абсолютных монархий. Буржуазные революции не уничтожили ее, а лишь приспособили к потребностям класса капиталистов, который нуждался в механизме для угнетения трудящихся масс и усовершенствовал этот механизм. Старый военно-полицейский государственный аппарат был в целом сохранен во время революций 1848—1849 годов и везде он был оплотом контрреволюционных заговоров и саботажа демократических мероприятий, орудием подавления народных восстаний, одним из главных препятствий революционному движению.

Исходя из опыта прошлых революций, в том числе и только что пережитой, Маркс пришел к заключению, что пролетариату в революции противостоит «исполнительная власть с ее громадной бюрократической и военной организацией, с ее многосложной и искусственной государственной машиной», с многочисленным чиновническим аппаратом и огромной армией, «этот ужасный организм-паразит, обвивающий точно сетью тело... общества и затыкающий все его поры» [1]. Пролетарская революция должна «сконцентрировать против нее все свои силы разрушения» [2]. Одной из главных ее задач, непременным условием ее победы является слом старой, угнетательской государственной машины. «Все перевороты усовершенствовали эту машину вместо того, чтобы сломать ее» [3],— отметил Маркс. Государственность, в которой нуждается пролетариат, «может возникнуть лишь на развалинах военно-бюрократической правительственной машины, выкованной в борьбе с феодализмом» [4].

Это важнейшее положение, выдвинутое Марксом в 1852 году, Ленин рассматривал как «главное, основное в учении марксизма о государстве». Он подчеркнул, что в этой области марксистская мысль сделала громадный шаг вперед по сравнению с «Манифестом Коммунистической партии». «Там вопрос о государстве ста-

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 8, с. 205—206.
[2] См. там же, с. 205.
[3] Там же, с. 206.
[4] См. там же, с. 213.

вится еще крайне абстрактно, в самых общих понятиях и выражениях. Здесь вопрос ставится конкретно, и вывод делается чрезвычайно точный, определенный, практически-осязательный: все прежние революции усовершенствовали государственную машину, а ее надо разбить, сломать» [1].

Положение о разрушении буржуазной государственной машины выражало важнейшую закономерность революционного движения. Следует отметить, что закономерность эта была уяснена еще до того, как она получила свое практическое воплощение; в период 1848—1849 годов нигде не было сделано попыток разрушить существующий государственный аппарат. Марксистская мысль здесь, как и в ряде других случаев, в частности в отношении идеи непрерывной революции, опережала события в своих теоретических выводах, научность и жизненность которых позднее была подтверждена историей. Эти выводы, однако, отнюдь не делались умозрительным путем. Они, как и все положения марксистского учения, базировались на изучении реальной действительности, на постижении свойственных ей тенденций и потенциальных возможностей, которые Маркс и Энгельс умели обнаруживать и тогда, когда на реализацию их можно было рассчитывать лишь в будущем. Но и в своих долгосрочных прогнозах основоположники марксизма не выходили за пределы действительных жизненных процессов. Так, Маркс не стал тогда строить предположений о том, чем конкретно следует рабочему классу, пришедшему к власти, заменить разбитую государственную машину буржуазии. Для ответа на этот вопрос потребовался исторический опыт революционных пролетарских масс. Это оказалось возможным лишь в 1871 году на основе уроков Парижской коммуны.

Крестьянство — союзник пролетариата

В развитии взглядов Маркса и Энгельса на условия победы пролетарской революции особое место заняла проблема союза рабочего класса с крестьянством.

Еще накануне революционных событий 1848 года у основоположников марксизма зрела идея вовлечения беднейших слоев крестьянства в борьбу против буржуазного строя. Энгельс, например, выражал тогда надежду на то, что «придет время, когда разоренная, обедневшая часть крестьян присоединится к пролетариату, который к тому времени достигнет более высокой ступени развития, и объявит войну буржуазии...» [2]. Однако качественно новая ступень в воззрениях Маркса и Энгельса на взаимоотношения пролетариата и крестьянства была достигнута в период революций 1848—1849 годов и в процессе обобщения их опыта. При этом если в ходе самой революции они придавали первостепенное значение совместным выступлениям рабочего класса с кре-

[1] *Ленин В. И.* Государство и революция.— Полн. собр. соч., т. 33, с. 28.

[2] *Энгельс Ф.* Движения 1847 года.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 465—466.

стьянством, а также с городской мелкой буржуазией против оплотов феодализма, то в дальнейшем их стал все больше занимать вопрос о завоевании трудящихся крестьян на сторону пролетариата и на социалистическом этапе революционной борьбы. Уже в начале 1850 года в серии статей «Письма из Германии», опубликованной в чартистском органе «Democratic Review», Энгельс в ожидании новой вспышки революции, которая в конечном счете должна привести к утверждению власти пролетариата, выражал уверенность, что немецкие пролетарии и крестьяне будут действовать в ней как союзники. Он писал, что «рабочий люд и крестьянство повсюду находятся в состоянии qui vive (полной готовности), ожидая сигнала к восстанию, которое на сей раз не утихнет, пока не будут обеспечены политическая власть и социальный прогресс пролетариев» [1].

Больше того, Маркс и Энгельс пришли к заключению, что союз с трудящимся крестьянством является необходимым для победы рабочего класса, важнейшей предпосылкой успешного завершения пролетарской революции. Поражение июньских повстанцев ясно показало, к чему ведет социальное одиночество пролетариата. Аналогичный урок дали и другие революционные события, в которых рабочий класс и крестьянство действовали разобщенно. Все это свидетельствовало о том, что лишь с поддержкой крестьянских масс «*пролетарская революция,*— по образному выражению Маркса,— *получит тот хор, без которого ее соло во всех крестьянских странах превратится в лебединую песню*» [2].

С другой стороны, общественное развитие показывало, что капитализм неизбежно обрекает мелкое крестьянское хозяйство на упадок, долговую кабалу, разорение. Крестьянские массы оказываются объективно заинтересованными в победе рабочего класса над буржуазией, ибо, как писал Маркс в «Классовой борьбе во Франции», «только падение капитала может поднять крестьянина, только антикапиталистическое, пролетарское правительство может положить конец его экономической нищете и общественной деградации» [3].

Чтобы выявить революционные возможности крестьянства как союзника рабочего класса, показать значение традиций его освободительной борьбы против феодального гнета, Энгельс обратился к истории Великой крестьянской войны в Германии 1524—1525 годов. При этом он пересмотрел свою прежнюю негативную оценку крестьянских восстаний в средние века, которую давал в некоторых печатных выступлениях накануне революции в полемике с идеологами мелкобуржуазной демократии [4]. Раскрывая в

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 44, с. 33.

[2] См.: *Маркс К.* Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 607 (примечание 89).

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 7, с. 86.

[4] См.: *Энгельс Ф.* Коммунисты и Карл Гейнцен.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 272.

своем произведении «Крестьянская война в Германии» черты подлинной революционности крестьянских масс, Энгельс не прошел и мимо слабостей крестьянского движения, проистекающих из общественных условий существования крестьян. Он отмечал присущие им провинциальную ограниченность, узость кругозора, плохую организованность, распыленность их выступлений. Анализируя причины поражения крестьянских восстаний, Энгельс подводил читателя к выводу о том, что крестьянство не может добиться освобождения собственными силами, что оно нуждается не только в союзе с другим, идейно и политически более зрелым классом, но и в руководстве со стороны этого класса. Таким классом является пролетариат.

Трезво оценивали основоположники марксизма и те трудности, которые стояли на пути вовлечения крестьян в совместную с рабочим классом освободительную борьбу. Они видели природу крестьянина как мелкого собственника, его привязанность к парцелле, собственнические иллюзии и считали, что препятствовать развязыванию частнособственнических тенденций крестьянства пролетариат должен уже на буржуазно-демократическом этапе революции. Мелкобуржуазные демократы захотят (как в революции конца XVIII века во Франции) конфискованные феодальные поместья раздать крестьянам в их частную собственность, чтобы упрочить мелкобуржуазный класс крестьян и превратить его в свою социальную опору. Рабочие должны противодействовать этому, говорилось в «Обращении Центрального комитета к Союзу коммунистов» в марте 1850 года. «Они должны требовать, чтобы конфискованная феодальная собственность осталась государственным достоянием и была превращена в рабочие колонии, обрабатываемые ассоциированным сельским пролетариатом, который использует все преимущества крупного земледелия»[1]. В мартовском «Обращении Центрального комитета к Союзу коммунистов» наметился и дифференцированный подход к различным слоям сельского населения: из их общей массы были выделены сельские батраки, сельскохозяйственные рабочие как прямая опора промышленного пролетариата в его борьбе за завоевание политической власти[2].

Характеристику присущих мелкому крестьянству противоречивых тенденций — консервативной и революционной — Маркс дал в «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта». Он отметил, что собственнические инстинкты породили у французского крестьянина монархические предрассудки, наивную веру в «крестьянского императора» — Наполеона, в династию Бонапартов как якобы покровительницу крестьян. Это дало возможность бонапартистским кругам получить крестьянские голоса при избрании в декабре 1848 года Луи Бонапарта на пост президента республики и заручиться поддержкой части крестьянства во время государствен-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 7, с. 265.
[2] См. там же, с. 265—266.

ного переворота в 1851 году. Однако, тут же подчеркивал Маркс, неизбежное при капитализме разорение парцеллы должно рассеять эту «наполеоновскую идею», раскрыть глаза крестьянам на антинародную сущность бонапартистской политики, пробудить у них революционные настроения, побудить их искать «своего естественного союзника и вождя в *городском пролетариате,* призванном ниспровергнуть буржуазный порядок» [1].

Таким образом, свойственные крестьянству заблуждения и колебания, по мнению Маркса и Энгельса, не были непреодолимым препятствием к союзу рабочего класса с крестьянскими массами, направленному против капиталистического строя. Следовало помочь крестьянину избавиться от предрассудков, убедить его в том, что любой буржуазный режим, в том числе бонапартистский, враждебен его действительным интересам, что реальное решение своих жизненных проблем он может ожидать только от рабочего класса. Только так можно было привлечь трудящееся крестьянство к участию в борьбе против капиталистического строя, что могло бы иметь решающее значение для исхода этой борьбы. Развивая несколько позднее эту мысль применительно к германским условиям, Маркс в письме Энгельсу от 16 апреля 1856 года высказался так: «Все дело в Германии будет зависеть от возможности поддержать пролетарскую революцию каким-либо вторым изданием Крестьянской войны» [2].

Руководство революционной борьбой. Вооруженное восстание — искусство

События 1848—1849 годов подтвердили выдвинутое Марксом и Энгельсом ранее положение о народных массах как движущей силе истории и о возрастающей роли их в революционные периоды. В то же время уроки революции дали основоположникам марксизма возможность конкретизировать это положение, раскрыть его другую сторону, показать, что революционного инстинкта, героизма и самоотверженности народных масс, рабочего класса еще недостаточно для успешного решения революционных задач.

Опыт 1848—1849 годов ярко продемонстрировал значение субъективного фактора в революции. Он показал, что активность масс могла бы оказаться во много раз большей и принести более значительные результаты, если бы был достигнут более высокий уровень их сознательности и организованности, если бы было обеспечено более выдержанное, умелое и гибкое руководство их действиями, чем то, на которое оказались способными мелкобуржуазные демократы и социалисты. Одним из итоговых выводов, сделанных Марксом и Энгельсом на основании анализа только что пережитых революционных событий, было признание чрезвычайной важности сознательного элемента в революционном движении, способного направить энергию масс в нужное русло, играть роль

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 8, с. 211.
[2] Там же, т. 29, с. 37.

их идейного вдохновителя и организатора, непосредственно руководить их революционными выступлениями. С этими задачами могла справиться только революционная партия пролетариата, тесно связанная с массами. Рабочий класс, убеждались Маркс и Энгельс, нуждался не просто в политической организации, а в подлинно боевом авангарде, в партии революционного действия, владеющей мастерством не только политического, но и военного руководства.

Стремясь вооружить пролетарских революционеров знанием закономерностей революционной борьбы, основ революционной тактики, Энгельс посвятил этому многие страницы своего произведения «Революция и контрреволюция в Германии».

Еще в статьях в «Новой Рейнской газете», посвященных восстанию рабочих Парижа в июне 1848 года, Энгельс обстоятельно освещал военную сторону событий. При этом он сделал ряд выводов о методах ведения и значении уличной и баррикадной борьбы, к которой прибегнул парижский пролетариат. С точки зрения общей организации восстания он отметил, что весь план борьбы «совершенно правильно опирался на населенные исключительно рабочими части города» [1]. Именно благодаря этому повстанцы в течение нескольких дней смогли успешно противостоять превосходящим силам правительственных войск. «Вообще поразительно,— отмечал Энгельс,— как быстро рабочие усвоили план военных действий, как планомерно они поддерживали друг друга, как искусно они сумели использовать столь сложные условия местности. Это было бы просто необъяснимо, если бы рабочие не были организованы в значительной степени на военный лад уже в национальных мастерских, где они были разбиты на роты, так что им оставалось только применить свою промышленную организацию к области военных действий, чтобы тотчас же образовать хорошо организованную армию» [2].

Энгельс вместе с тем указал и на слабые стороны восстания, повлиявшие на его поражение. «Успех восстания,— писал он,— зависел от того, удастся ли как можно более быстро продвинуться в центр Парижа и обеспечить захват ратуши... Известно, что ни одно восстание не имело успеха, если повстанцам с самого начала не удавалось овладеть этим центром Парижа, примыкающим к Тюильри» [3]. Энгельс указал также на неуместное великодушие повстанцев по отношению к своим врагам, когда рабочие, захватив 13 пушек, не пустили их в действие [4].

На основе опыта революционных боев 1848—1849 годов Маркс и Энгельс в Обращении ЦК к Союзу коммунистов в марте 1850 года сформулировали важное тактическое положение: готовясь к восстанию, пролетариат должен создать свою военную организацию и вооружиться [5].

В произведении Энгельса «Революция и контрреволюция в Германии» военный опыт революционной борьбы был обобщен и осмыслен и здесь впервые были изложены основы марксистского учения о вооруженном восстании.

«Восстание есть искусство, точно так же как и война, как и

---

[1] См.: *Энгельс Ф.* Июньская революция (ход восстания в Париже).— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 5, с. 151.

[2] Там же, с. 152.

[3] Там же, с. 151.

[4] См.: *Энгельс Ф.* 24 июня.— Там же, с. 130.

[5] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 7, с. 263—264.

другие виды искусства. Оно подчинено известным правилам, забвение которых ведет к гибели партии, оказавшейся виновной в их несоблюдении» [1]. Эти слова Энгельса ярко выразили научный подход марксизма к военной стороне революционных действий масс, его высокие требования к руководству вооруженной борьбой.

Энгельс указал на важность выбора момента для восстания, чтобы застать противника врасплох и не дать ему собрать силы. Он подчеркивал необходимость действовать наступательно, с величайшей решительностью, постоянно добиваясь все новых успехов и сохраняя моральный перевес над врагом, что побудит колеблющихся примкнуть к восстанию. «Оборона есть смерть всякого вооруженного восстания» [2],— писал он. От революционной партии, указал Энгельс, требуется исключительная энергия и смелость. Он отметил, что «в революции, как и на войне, всегда необходимо смело встречать врага лицом к лицу и нападающий всегда оказывается в более выгодном положении; в революции, как и на войне, в высшей степени необходимо в решающий момент все поставить на карту, каковы бы ни были шансы» [3].

Ленин высоко ценил это произведение, в частности, высказанную в нем мысль о том, что «бывают моменты в революции, когда сдача позиции врагу без борьбы больше деморализует массы, чем поражение в борьбе» [4]. Сформулированные в «Революции и контрреволюции в Германии» идеи о вооруженном восстании Ленин считал важнейшими положениями марксизма в области революционной тактики [5].

Углубление методологических основ революционной теории

Развивая теорию в этот период в рассмотренных выше направлениях, Маркс и Энгельс одновременно совершенствовали и углубляли ее методологические основы — диалектический и исторический материализм. Новые идеи были внесены в учение об общественно-экономических формациях и их революционной смене. Сам термин «общественная формация» был впервые употреблен Марксом в «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта» [6]. Исследование основоположниками марксизма положения различных классов в разные исторические эпохи — во Франции в первой половине XIX века в произведениях Маркса, в Германии начала XVI и середины XIX века в произведениях Энгельса — значительно обогатило научное представление о классовой структуре общества, о зависимости этой структуры от уровня развития производительных сил и характера производственных

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 8, с. 100.
[2] Там же.
[3] Там же, с. 80.
[4] См.: *Ленин В. И.* Исторический смысл внутрипартийной борьбы в России.— Полн. собр. соч., т. 19, с. 365.
[5] См.: *Ленин В. И.* Марксизм и восстание; Советы постороннего.— Там же, т. 34, с. 242, 383.
[6] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 8, с. 120.

отношений. Были конкретизированы положения марксизма о роли классовой борьбы в развитии общества, показаны как материальные, экономические первопричины противоборства классов, так и политические и идеологические формы, в которые на разных этапах истории облекается это противоборство. В толковании соотношения между материальным базисом общества, политической и идеологической надстройкой в произведениях Маркса и Энгельса этих лет был сделан больший, чем ранее, акцент на активную роль в жизни общества надстроечных явлений — государства, общественного сознания. Эти произведения — образцы комплексного изучения сложных общественных явлений с учетом их многообразия.

В «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта» Маркс показал неприемлемость вульгарного представления, будто идеологи определенного класса, их политические и литературные представители по своему общественному положению и образу жизни должны не отличаться от массы этого класса. Тот или иной общественный деятель, разъяснил Маркс, становится идейным выразителем данного класса в первую очередь в силу того, что теоретически приходит к тем же выводам, к которым рядового представителя этого класса приводит его жизненная практика. В этом произведении содержалась и важная в методологическом отношении мысль о необходимости различать объективные, материальные побудительные мотивы действий тех или иных участников классовой борьбы и то, как эти мотивы преломляются в их сознании, какое отражение находят в их убеждениях и принципах. Маркс писал, что «в исторических битвах следует проводить различие между фразами и иллюзиями партий и их действительной природой, их действительными интересами, между их представлением о себе и их реальной сущностью» [1].

Обогащение марксистской теории в рассматриваемый период явилось важным этапом в развитии диалектико-материалистического мировоззрения, подтвердив познавательную силу материалистической диалектики как метода исследования общественных процессов. В произведениях того периода Маркс и Энгельс на новом историческом материале вновь продемонстрировали диалектический характер общественного развития. Сам путь установления теоретических истин на основании анализа революционных и контрреволюционных событий в Европе отличался диалектическим подходом к исторической действительности. Многие из выдвинутых Марксом и Энгельсом положений не столько опирались на подытоживание положительного опыта (зачастую таковой вообще отсутствовал), сколько явились плодом диалектического рассмотрения причин поражения революционных сил. Только при умелом применении диалектического метода можно было из этих негативных результатов извлечь правильные выводы, за обстоятельствами, приведшими к неудаче революции, разглядеть факто-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 8, с. 145.

ры, в которых заключены условия ее будущей победы, увидеть в зародышевой форме тенденции, которые в будущем, в иной исторической обстановке превратятся в могучие силы общественного прогресса.

5. УРОКИ БОРЬБЫ С СЕКТАНТСКО-АВАНТЮРИСТИЧЕСКОЙ ФРАКЦИЕЙ В СОЮЗЕ КОММУНИСТОВ

Идейно-тактические разногласия в Союзе коммунистов

В 1850 году в Союзе коммунистов обострилась борьба с сектантскими элементами, выступившими под «ультрареволюционными» лозунгами.

Это не было случайным. Поражение революции, породив у части рабочих разочарование в революционных методах борьбы, что создавало почву для распространения реформистских настроений, пробудило у другой неустойчивой части пролетариев, не склонной к кропотливой революционной работе, увлечение путчизмом, «левой» фразой. Источником обеих тенденций — как реформизма, так и псевдореволюционного бунтарства (как в то время, так и впоследствии) — было мелкобуржуазное влияние на пролетариат. При всем внешнем различии это были, употребляя высказывание Ленина, «две ограниченности одного и того же мелкобуржуазного течения, «два флюса», выражающие одну «болезнь»: неустойчивость мелкой буржуазии, неспособность ее к систематической, упорной, выдержанной и дружной массовой борьбе» [1].

Рассматривая обе эти тенденции как серьезное препятствие для развития классового сознания пролетариата, решительно выступив против обеих во время самой революции, Маркс и Энгельс в обстановке спада революционной волны считали особенно опасным проявление «левого» сектантства, пытавшегося навязать рабочему движению заговорщическую, авантюристическую тактику. Последствиями неизбежных провалов, к которым она вела, были бы деморализация участников революционной борьбы, отрыв рабочих организаций, принявших такую тактику, от масс, их вырождение в сектантские группки. Именно это обусловило резкую форму, которую принял конфликт Маркса, Энгельса и их соратников с сектантской группировкой в Союзе коммунистов, возглавляемой А. Виллихом и К. Шаппером.

Идейные разногласия между Марксом и Виллихом возникли еще зимой 1849—1850 годов; главным предметом спора были перспективы новой революции в Германии. Игнорируя необходимость буржуазно-демократических преобразований и создания материальных и духовных предпосылок для перехода к коммунистическому переустройству общества, Виллих ратовал за немедленное

[1] См.: *Ленин В. И.* Как социалисты-революционеры подводят итоги революции и как революция подвела итоги социалистам-революционерам.— Полн. собр. соч., т. 17, с. 351.

установление коммунизма, учреждаемого волей революционного меньшинства. Этому карикатурному плану Маркс противопоставил научно обоснованный взгляд на историческую обусловленность, неизбежность и последовательность различных этапов революции.

Теоретическая полемика переросла в разногласия по вопросам тактики и практической деятельности Союза коммунистов, когда летом 1850 года его руководителям стали очевидны тщетность ожидания нового революционного взрыва в ближайшее время и необходимость существенно менять тактическую ориентацию. Виллих, Шаппер и их сторонники, составлявшие меньшинство в Центральном комитете, не считаясь с коренным изменением в обстановке и полагая возможным развязывание революции в любой момент, настаивали на решительных действиях, на осуществлении немедленных выступлений. Это была попытка превратить Союз коммунистов, по словам Энгельса, в заговорщическую организацию для устройства революции ex tempore (экспромтом, без всякой подготовки) [1]. Образовав особую фракцию в Союзе, Виллих и его приверженцы стремились втянуть организацию в затеянную мелкобуржуазными эмигрантскими кругами шумливую, но совершенно бессмысленную кампанию по распространению революционного займа, формированию добровольческих отрядов, созданию в эмиграции революционных правительств. Это сближение с различными непролетарскими эмигрантскими группировками на почве авантюристических, заведомо обреченных на провал действий не только могло скомпрометировать Союз коммунистов как революционную организацию, но и грозило идейным и политическим подчинением его мелкобуржуазной демократии. Возглавляя большинство членов Центрального комитета, Маркс и Энгельс энергично воспротивились участию Союза коммунистов во вредной «игре в революцию», которой предавались фракционеры и их союзники — мелкобуржуазные эмигранты.

Свое принципиально отрицательное отношение к прикрываемому революционной фразой авантюризму и заговорщичеству основоположники марксизма выразили еще раньше в одной из рецензий в журнале «Новая Рейнская газета. Политико-экономическое обозрение». Они охарактеризовали в нем приверженцев заговорщической тактики как «алхимиков революции», стремившихся к насильственному ускорению процесса революционного развития, к тому, чтобы «искусственно гнать его к кризису, делать революцию экспромтом, без наличия необходимых для нее условий» [2]. Сектантская позиция фракционеров проистекала из серьезных изъянов в их мировоззрении; развиваемые ими взгляды расходились с идеями «Манифеста Коммунистической партии», с

---

[1] См.: *Энгельс Ф.* Недавний процесс в Кёльне.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 418.

[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 7, с. 287—288.

программными принципами Союза коммунистов. Идейная незрелость фракционеров обнаружилась и в их нигилистическом отношении к теории, в попытках противопоставить себя как якобы «людей дела» сторонникам Маркса и Энгельса, будто бы оторванным от жизни. Представители фракции игнорировали связь практики с теорией, по-сектантски сводили практику к заговорщичеству, путчизму. Виллих склонен был и революцию трактовать как чисто военный переворот.

Борьба с фракцией Виллиха — Шаппера

На чрезвычайном заседании Центрального комитета Союза коммунистов 15 сентября 1850 года Маркс подверг развернутой критике идейные и тактические установки фракции Виллиха — Шаппера. Он указал, что идейной основой авантюристических заскоков в политике является волюнтаризм, приписывание такому субъективному фактору, как воля, решающей роли в общественном развитии. У фракционеров эти субъективно-идеалистические представления сочетались с известной долей националистических предубеждений. «На место универсальных воззрений Манифеста ставится немецкое национальное воззрение, льстящее национальному чувству немецких ремесленников,— говорил Маркс.— Вместо материалистического воззрения Манифеста выдвигается идеалистическое. Вместо действительных отношений главным в революции изображается *воля*. В то время как мы говорим рабочим: Вам, может быть, придется пережить еще 15, 20, 50 лет гражданской войны для того, чтобы изменить существующие условия и чтобы сделать самих себя способными к господству,— им, вместо этого, говорят: Мы должны *тотчас* достигнуть власти, или же мы можем лечь спать» [1].

Глубоко порочным Маркс считал игнорирование реальных условий революционной борьбы, тенденцию искусственно форсировать события, перескочить через важнейшие этапы развития революции. Он называл пустой фразой разговоры о немедленном завоевании рабочим классом власти при отсутствии для этого объективных предпосылок. «Наша партия,— отвечал он фракционерам,— может прийти к власти лишь тогда, когда условия позволят проводить в жизнь *ее* взгляды» [2]. С этими словами перекликается высказанная Энгельсом в «Крестьянской войне в Германии» мысль о том, что при отсутствии объективных возможностей осуществить свою программу революционер, становящийся у кормила правления, обрекает себя на неизбежное поражение. «Самым худшим из всего, что может предстоять вождю крайней партии,— писал Энгельс,— является вынужденная необходимость обладать властью в то время, когда движение еще недостаточно созрело для господства представляемого им класса и для проведения мер, обеспечи-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 8, с. 582 (приложения).
[2] Там же, с. 584.

вающих это господство... Кто раз попал в это ложное положение, тот погиб безвозвратно» [1].

Считая необходимым идейно и организационно размежеваться с фракцией Виллиха — Шаппера, Маркс в то же время стремился предотвратить раскол Союза коммунистов. Он предложил такую форму разрыва с сектантами, при которой сохранилось бы единство организации, а сторонники фракции получили бы возможность под влиянием самой жизни пересмотреть свои взгляды и вернуться на пролетарские позиции. Расчеты эти имели свои основания, как об этом свидетельствует возвращение в круг союзников Маркса через несколько лет К. Шаппера, осознавшего свои заблуждения [2]. Маркс предложил передать полномочия Центрального комитета Кёльнскому окружному комитету, а в Лондоне образовать два отдельных округа: один — из сторонников большинства, другой — из приверженцев фракции; каждый должен был самостоятельно сноситься с кёльнским Центральным комитетом и подчиняться его решениям.

Однако фракционеры сорвали выполнение этого предложения, принятого большинством лондонского Центрального комитета. Они образовали свой собственный Центральный комитет, объявили Маркса, Энгельса и их сторонников исключенными из Союза, разослали эмиссаров на места с целью привлечь местные общины на сторону своей сепаратной организации. Отказ фракционеров подчиниться решениям образованного в Кёльне Центрального комитета побудил последний, в свою очередь, исключить их из рядов Союза коммунистов. Раскол Союза, происшедший по вине сектантской фракции, стал фактом. Раскольникам удалось временно добиться преобладающего влияния в лондонском Просветительном обществе немецких рабочих, что побудило Маркса, Энгельса и их сторонников заявить о своем выходе из него. За раскольниками пошли также малочисленные и слабо организованные общины во Франции и Швейцарии. Однако почти все организации Союза в Германии солидаризировались с Марксом и Энгельсом. В обращении кёльнского Центрального комитета от 1 декабря 1850 года, выпущенном в связи с расколом, отмечалось, что взгляды и действия фракционеров противоречат программе и уставу Союза коммунистов. В этом документе их примитивное представление о коммунизме, пренебрежительное отношение к теоретической работе, выпады против «литераторов» расценивались как возврат к грубо-уравнительским воззрениям, а сближение с непролетарскими эмигрантскими группировками — как свидетельство мелкобуржуазности [3]. В борьбу против сектантов и их союзников из лагеря

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 7, с. 422—423.

[2] См.: *Маркс К.* Послесловие ко второму изданию «Разоблачений о кёльнском процессе коммунистов».— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 550.

[3] См.: Союз коммунистов — предшественник I Интернационала: Сборник документов, с. 339—340.

мелкобуржуазной демократии вскоре включились и сторонники Маркса и Энгельса в Америке — И. Вейдемейер и А. Клусс.

После раскола Союза коммунистов сепаратная организация Виллиха — Шаппера все больше втягивалась в авантюристические затеи мелкобуржуазных эмигрантских кругов, принимая участие и во внутренних склоках между различными эмигрантскими группировками, в «войне мышей и лягушек», как эти дрязги с презрением называли Маркс и Энгельс, и все больше утрачивала пролетарский облик, растворяясь в мелкобуржуазной среде. Она способствовала распространению среди рабочих, последовавших за Виллихом, вредных иллюзий о близости новой революции, отвлекая их от повседневной революционной работы, раздувала среди них фальшивый авторитет мелкобуржуазных эмигрантских лидеров. Сектантство и авантюризм в рабочем движении вели к утрате классовой самостоятельности пролетарской организации, к превращению ее в придаток мелкобуржуазных течений. Таков был один из главных уроков борьбы пролетарских революционеров с фракцией Виллиха и Шаппера, а затем с созданным ими сепаратным объединением.

В этих условиях выступления Маркса и Энгельса против сектантства сделались составной частью их борьбы против мелкобуржуазных течений, враждебных революционному пролетариату, против влияния мелкобуржуазной идеологии на пролетариат. Основоположники марксизма считали необходимым разоблачать организаторов эмигрантских кампаний отнюдь не потому, что отрицали возможность в новых условиях политических соглашений с демократическими элементами мелкой буржуазии. Их непримиримая позиция была обусловлена тем, что действия демократических кругов эмиграции носили показной характер, служили выражением вульгарных идей и мещанских умонастроений, противоречили подлинным интересам революционной борьбы, сводились к «ультрареволюционному» фразерству, сбивали с толку неустойчивых, сектантски настроенных рабочих, превращая их в охвостье мелкобуржуазной эмиграции. К тому же клевета и инсинуации, которые вульгарные демократы, а также фракционеры распространяли в адрес пролетарских революционеров в Европе и США, требовали отпора.

Отпор организаторам травли пролетарских революционеров

Маркс и Энгельс неоднократно предупреждали о том, что авантюристические затеи мелкобуржуазных эмигрантов и их сектантских подголосков могут дать дополнительный повод реакционным кругам для преследования участников революционного движения. Затеянная эмигрантами псевдореволюционная шумиха создавала благоприятную почву для правительственных репрессий, направленных против подлинных борцов за интересы народа, в первую очередь против пролетарских революционеров, облегчала реакции задачу разгрома революционных сил. Авантюризм сторонников Виллиха

и Шаппера был особенно опасен, поскольку он ставил под удар непосредственно Союз коммунистов. Маркс и Энгельс предвидели, что расколом Союза, увлечением сектантских элементов «левой фразой», заговорщичеством, планами военного переворота непременно воспользуется реакция. Сектанты могли в любой момент послужить слепым орудием полицейских провокаций. Эти опасения Маркса и Энгельса вскоре подтвердились.

По мере возобладания реакции ее вдохновители все больше нацеливались на окончательное подавление рабочего движения. В борьбе с ним установилось сотрудничество полицейских ведомств разных государств, в первую очередь Пруссии, Франции и Англии. В этом международном полицейском сговоре участвовали представители всех ступеней правящей иерархии, от царствующих особ, министров, послов, высокопоставленных полицейских чиновников до мелких провокаторов и шпиков, действовавших под маской дипломатов, купцов, торговых служащих. Гнусную роль в кознях реакции сыграла провокаторская деятельность прусских полицейских чиновников — Вермута и Штибера — «двух подлейших полицейских негодяев нашего столетия» [1].

Главным объектом преследований сделался Союз коммунистов. Избрав его основной мишенью своих происков, реакционные круги тем самым признали наиболее революционным и опасным для существующего строя именно то направление в рабочем движении, во главе которого стояли Маркс и Энгельс. Недаром глава полиции Берлина, Хинкельдей, сравнивая Союз коммунистов с организациями мелкобуржуазных эмигрантов — Эмигрантским клубом и Агитационным союзом, писал в апреле 1852 года своему начальству: «Уже сейчас можно с полным основанием сказать о партии Маркса и Энгельса, что она стоит намного выше всех членов «эмиграции», «агитации» и центральных комитетов, ибо она бесспорно располагает гораздо большей силой знания и таланта. Сам Маркс — известная личность, и следует признать, что у него в одном кончике пальца больше ума, чем в головах всей прочей компании» [2].

В результате арестов, произведенных в Германии весной — летом 1851 года, за тюремной решеткой оказались многие активные деятели Союза коммунистов, в том числе члены кёльнского Центрального комитета. Но прусской реакции этого было мало. Она добивалась публичного осуждения коммунистической организации, ее идей, руководителей, находящихся за границей. В правящих кругах Пруссии решено было организовать громкий судебный процесс над деятелями Союза коммунистов, обвинив их в «носящем характер государственной измены заговоре» и представив в глазах

---

[1] См.: *Энгельс Ф.* К истории Союза коммунистов.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 214.

[2] Цит. по кн.: *Obermann K.* Zur Geschichte des Bundes des Kommunisten 1849 bis 1852. Berlin, 1955, S. 92.

общественного мнения социально опасными преступниками, посягающими на устои общества. Прусские власти рассчитывали не только покарать ненавистных им пролетарских революционеров, но и очернить их в глазах обывательской массы, морально их унизить, уничтожить. Суд над ними должен был сломить всякую, даже либеральную оппозицию, оправдать полицейские меры прусского правительства, представить его спасителем не только Германии, но и других стран от «коммунистической угрозы». Это была одна из антикоммунистических акций не только судебно-полицейского, но и политико-идеологического характера, по своим масштабам и провокационным способам проведения оставившая далеко позади все прежние преследования приверженцев коммунистических убеждений.

Документы Союза коммунистов, захваченные при арестах, не давали оснований для подтверждения обвинения в заговоре. Следственным и полицейским органам понадобилось полтора года, чтобы состряпать обвинительный материал. Для этого прусская полиция не брезговала никакими средствами, пуская в ход всевозможные провокации. Во время самих судебных заседаний полицейские чиновники выступили в роли свидетелей обвинения, не стесняясь давать под присягой заведомо ложные показания. Весь процесс, по характеристике Маркса и Энгельса, представлял собой серию «совершенных полицией мошеннических проделок, клятвопреступлений, подделок документов, подтасовок дат, краж и т. д., которые не имеют прецедентов даже в анналах прусской политической юстиции» [1].

Одним из замыслов организаторов процесса явилась попытка представить сторонников Маркса и Энгельса причастными к заговорщической деятельности сектантской организации Виллиха — Шаппера. Пользуясь беспечностью ее членов, полицейские шпики выкрали в Лондоне архив ее Центрального комитета. Обнаруженные в нем документы были объявлены выражением кредо «партии Маркса». В Париже агент Штибера втерся в доверие членов местных общин виллихо-шапперовского объединения и выдал их французской полиции. Возникло дело о «немецко-французском заговоре» 1851 года. Таким образом, авантюристические действия раскольнической группировки Виллиха — Шаппера облегчили полиции фабрикацию ложных улик против членов Союза коммунистов.

С 4 октября по 12 ноября 1852 года в Кёльне проходил процесс над коммунистами. Перед судом присяжных предстало 11 обвиняемых (двенадцатого — революционного поэта Фрейлиграта — судили заочно). Устроителям процесса, однако, не удалось осуществить своего главного замысла — скомпрометировать Союз коммунистов. Морально кёльнский процесс был проигран прусскими

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Заявление в редакции английских газет.— Соч., т. 8, с. 397—398.

властями. И это в первую очередь явилось результатом энергичной деятельности Маркса, который сумел в Лондоне сосредоточить в своих руках главные средства защиты и привести их в действие. Благодаря этой деятельности суд в Кёльне превратился в арену борьбы между силами реакции, опиравшимися на прусский полицейско-административный и судебный аппарат, и передовыми борцами рабочего класса, сумевшими использовать судебные заседания для того, чтобы злостной клевете на Союз коммунистов противопоставить правду.

С момента получения известий об арестах коммунистов в Германии Маркс и Энгельс прилагали все усилия для оказания помощи своим партийным товарищам. Однако их попытки выступить в печати в защиту заключенных и с разоблачением произвола прусских властей натолкнулись на противодействие редакторов буржуазных газет. Только в октябре 1852 года им удалось поместить разоблачительное заявление в пяти английских печатных органах. Во время процесса Маркс, несмотря на многочисленные препятствия и негласный надзор за ним прусских полицейских агентов, фактически направлял из Лондона действия защиты. Преодолевая трудности с доставкой документов в Кёльн, посылая их через Манчестер с коммерческой почтой Энгельса или в частных письмах по неизвестным полиции адресам, он вооружал защитников необходимыми инструкциями и документальными доказательствами; нащупывая уязвимые пункты обвинения, он выдвигал контраргументы, указывал способы опровержения полицейских вымыслов. В письме Энгельсу от 28 октября 1852 года Маркс сравнивал посылаемые им в Кёльн материалы с контрминой, от которой «взлетит на воздух весь правительственный обман» [1].

С помощью этих материалов защита опровергла обвинения, одно за другим выдвигавшиеся на процессе против подсудимых. Была доказана лживость утверждений об участии сторонников Маркса в «немецко-французском заговоре», об их ответственности за заявления и действия группы Виллиха и Шаппера, опровергнута подлинность предъявленных на суде в качестве обвинительного материала различных полицейских фальшивок, в том числе так называемой книги протоколов Центрального комитета Союза коммунистов, изготовленной Штибером с помощью прусских шпионов в Лондоне. В результате закулисные махинации прусских судебных и полицейских органов оказались разоблаченными, и престиж этих органов был подорван даже в глазах антикоммунистически настроенной публики, присутствовавшей на процессе или следившей за ним по газетным отчетам.

И тем не менее большинство подсудимых, в том числе Г. Беккер, Г. Бюргерс, П. Нотьюнг, Ф. Лесснер и П. Рёзер, были приговорены судом к заключению в крепости на срок от 3 до 6 лет. Но четверых подсудимых — ввиду полного отсутствия улик — суд

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 28, с. 140.

все же вынужден был оправдать. Такой исход процесса не был неожиданным для Маркса. Подсудимые, считал он, были фактически заранее осуждены, ибо в их лице «перед господствующими классами, представленными судом присяжных, стоял безоружный революционный пролетариат» [1].

Маркс и Энгельс продолжали борьбу за правду и после окончания судебного разбирательства. Еще в дни процесса у Маркса возникло намерение дать публичный отпор вдохновителям травли участников пролетарского движения, выступив со специальной обличительной брошюрой. К концу 1852 года Маркс закончил работу над брошюрой «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов». Она была напечатана в Базеле (Швейцария) и Бостоне (США). Бостонское издание, вышедшее в апреле 1853 года, получило весьма широкое распространение, особенно среди немецких эмигрантов в Америке. В США на страницах «Нью-йоркской ежедневной трибуны» была опубликована и статья Энгельса «Недавний процесс в Кёльне».

Своей брошюре Маркс придал характер боевого политического памфлета. Это было не только мужественное выступление в защиту борцов за дело рабочего класса, ставших жертвами судебно-полицейского произвола, но и гневная отповедь врагам коммунистического движения. Памфлет — один из ярких примеров борьбы основоположников марксизма против антикоммунизма, образец применения ими наступательной тактики в этой борьбе. Маркс отнюдь не ограничился опровержением клеветнических обвинений, выдвигавшихся против коммунистов. Разоблачением грязных действий прусских судебных и полицейских властей, фальсификаторских, провокационных приемов устроителей кёльнского судилища он заклеймил прусскую государственную систему, реакционный режим, порождающий гнусные методы подавления движения революционного пролетариата. Процесс в Кёльне выставил к позорному столбу не только его непосредственных организаторов,— вместе с ними были «пригвождены прокуратура, суд, почта, правительство, полицей-президиум в Берлине, министерства, прусское посольство в Лондоне — одним словом, все прусское государство...» [2].

Обличения Маркса затрагивали не одну только Пруссию. Ярая враждебность рабочему движению и неразборчивость в средствах борьбы с ним были присущи, отметил он в брошюре, не только юнкерской прусской монархии, но и всякому эксплуататорскому государству, его судебному аппарату. Маркс, в частности, изобличил классовую пристрастность и тенденциозность буржуазного суда присяжных. Этот суд, как и буржуазная юстиция в целом, является карательным инструментом в руках привилегированных классов, используемым для расправы с пролетарскими деятелями.

[1] *Маркс К.* Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 490.

[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 8, с. 468.

В «Разоблачениях о кёльнском процессе коммунистов» Маркс дал должную оценку сектантской группировке Виллиха — Шаппера. Из материалов процесса широкой публике стало известно и о существовании Союза коммунистов, и о расколе в нем. Отпала необходимость воздерживаться в печати, из конспиративных соображений, от освещения внутренней борьбы в организации. Теперь Маркс мог и счел нужным открыто осудить воззрения и действия фракционеров, раскрыть причины разрыва с ними. В своей брошюре Маркс показал, что представители фракции являются выразителями мелкобуржуазных умонастроений, волюнтаристских и догматических взглядов, чуждых пролетарскому мировоззрению. Он вновь подчеркнул вредность их заговорщической и авантюристической тактики, которой воспользовались организаторы кёльнского процесса.

Значение Союза коммунистов

Во время процесса и после его окончания Маркс и Энгельс стали серьезно задумываться о будущих судьбах Союза коммунистов и перспективах дальнейшей борьбы за пролетарскую партию. Творчески подходя не только к теории и тактике пролетарского движения, но и к формам его организации, они считали, что эти организационные формы должны соответствовать конкретным историческим условиям и меняться в зависимости от изменений в обстановке. Анализ сложившейся к осени 1852 года ситуации привел основоположников марксизма к выводу, что тайный Союз коммунистов исчерпал свои революционные возможности. В странах европейского континента организации Союза были разгромлены. Сложившиеся обстоятельства не позволяли рассчитывать на преодоление оторванности от масс его общин, если даже ценой огромных усилий и жертв их кое-где и удалось бы восстановить. Маркс и Энгельс сочли поэтому нецелесообразным продолжение деятельности Союза коммунистов. 17 ноября 1852 года по инициативе Маркса на собрании лондонского округа Союза было принято решение о роспуске его местной организации и признано несвоевременным его существование на континенте.

Решение о роспуске Союза коммунистов не перечеркивало результатов, достигнутых этой, первой в истории, партией немецкого и международного пролетариата. Признание того или иного этапа освободительной борьбы пройденным, с точки зрения марксистской диалектики, не означает умаления роли этого этапа, значения его опыта и традиций для будущего. Союз коммунистов сошел со сцены, оставив великое, непреходящее наследие. Разработанные его основателями программные, тактические и организационные принципы, сформулированные в «Манифесте Коммунистической партии» и других документах, прочно вошли в идейный арсенал борцов за коммунизм. Эти документы стали программными для всего последующего рабочего движения. Союз коммунистов явился средоточием лучших пролетарских сил своего времени, школой, из которой вышла первая когорта пролетарских

революционеров — соратников Маркса и Энгельса. Из них в дальнейшем формировалось руководящее ядро национальных и международных пролетарских организаций. Признав своим знаменем научный коммунизм, сделав первые шаги к соединению коммунистических идей с рабочим движением, Союз коммунистов послужил в идейном и в известной степени в организационном отношении прообразом этих организаций. Огромной заслугой Союза было провозглашение принципа пролетарского интернационализма, выдвижение боевого призыва «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Деятельность Союза коммунистов, сравнительно малочисленной организации, соответствовала ранней ступени пролетарской борьбы, когда идеи научного коммунизма еще только начинали проникать в пролетарскую среду. Преобладающей фигурой в рабочем движении на этой стадии был во многих странах еще не промышленный пролетарий, а пролетаризирующийся ремесленник. В середине XIX века процесс формирования фабрично-заводского пролетариата стал развиваться более быстрыми темпами. Уже в силу этого ориентация Маркса и Энгельса на другой тип организации, нежели Союз коммунистов, оказалась оправданной. При всей важности использования революционных традиций Союза, сохранения преемственности между ним и последующим рабочим движением, оно не могло развиваться в прежних формах. В новых условиях в борьбе за пролетарскую партию неверно было бы держать курс на простое восстановление Союза. Поиск организационной формы должен был базироваться на новом опыте рабочего движения, на учете его насущных потребностей и условий развития.

Маркс и Энгельс сознавали, что позади остался целый этап общественного развития, что пройдена полоса революционных битв и подведения их итогов, что начинается новый период в деятельности пролетарских революционеров, что сама жизнь подскажет, какие организационные формы должно принять рабочее движение, какие практические задачи встанут перед ним. Перед собой они видели ясную цель: сберечь все ценное, что оставил после себя Союз коммунистов, содействовать подготовке почвы для создания массовой революционной партии пролетариата, развивать и совершенствовать революционную теорию — идейное оружие рабочего класса в его освободительной борьбе.

Глава пятая

РАЗВИТИЕ МАРКСИСТСКОЙ МЫСЛИ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ МАРКСИЗМА В ГОДЫ РЕАКЦИИ И НОВОГО ПОДЪЕМА ПРОЛЕТАРСКОГО И ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЙ (1852—1864 гг.)

Европа после революций

Политическая реакция в Европе после поражения буржуазно-демократических революций, сменившаяся с конца 50-х годов новым оживлением революционного движения, бурный подъем капиталистической экономики, сопровождавшийся крупными достижениями в области науки и техники,— таковы были главные объективные условия, в которых происходило дальнейшее развитие марксистской мысли, разработка теории и тактики пролетарской классовой борьбы. Небывалый рост капиталистического производства, лихорадочное железнодорожное строительство, непрерывное расширение рынков, торгового оборота и кредитных операций, происходившие в эти годы, давали богатейший материал для исследования экономических и социальных отношений капитализма в их развитой форме.

Существенные сдвиги происходили в экономической структуре буржуазного общества. Промышленная революция, еще в первые десятилетия XIX века приведшая в Англии к вытеснению ремесла и мануфактуры крупной фабричной промышленностью, сделала в 50—60-е годы значительные успехи и в других странах. При этом развитие экономики протекало неравномерно. Плоды торгово-промышленного подъема 1849—1857 годов в первую очередь пожала Англия, еще больше опередив за это время другие капиталистические страны по уровню производства и удельному весу на мировом рынке. Однако уже в следующее десятилетие, 1858—1868 годы, Германия и США начали соперничать с Англией по темпам развития ряда отраслей производства.

Эволюция капитализма в 50—60-е годы не только подтвердила сделанные Марксом и Энгельсом выводы о неизбежности углубления присущих ему антагонистических противоречий по мере

расширения капиталистического производства, но и дала обильный материал для конкретного анализа этой закономерности.

Дважды за указанный промежуток времени капиталистический мир потрясали экономические кризисы еще невиданной силы. Кризис 1857 года по своим масштабам и интенсивности намного превзошел предшествующий кризис 1847 года. Это был первый в истории мировой экономический кризис, парализовавший экономику многих стран и вызвавший застой всей мировой торговли. Мировой характер носил и кризис 1866 года.

Общая тенденция к обострению капиталистических противоречий проявилась в углублении социальных антагонизмов, прежде всего между буржуазией и пролетариатом. При этом в большинстве стран рабочий класс все еще был лишен легальных возможностей вести борьбу против произвола предпринимателей. Лишь там, где он достиг известной организованности, как в Англии, или где миграция работников в неосвоенные районы создавала более благоприятные для них условия найма, как в США, объединенные в тред-юнионы рабочие сумели добиться у капиталистов некоторых уступок в отношении продолжительности рабочего дня и заработной платы. Однако предприниматели компенсировали эти уступки интенсификацией труда. Страшным бичом рабочего класса оставалась безработица, достигавшая огромных размеров в годы кризисов. В ряды пролетариата продолжали вливаться разорявшиеся слои ремесленников и крестьян. Изменилась структура рабочего класса, который численно значительно вырос; рабочие крупных предприятий стали составлять по отношению к общей массе пролетариата более высокий процент [1], хотя в ряде стран, в том числе во Франции и Германии, все еще весьма большую прослойку составляли те, кто был занят в мелких полуремесленных мастерских.

Утвердившаяся в Европе после поражения революций 1848—1849 годов реакция не могла на длительный срок приостановить консолидацию сил рабочего класса, обусловленную самим развитием капитализма. Во всех капиталистических странах после временного относительного затишья стали складываться условия для роста рабочего движения, вновь пробуждалась политическая активность рабочих, возникала тяга к интернациональному сплочению пролетариата. Тем самым объективно исподволь создавалась почва для распространения идей марксизма в рабочем движении разных стран.

Характерной чертой того времени была усиливавшаяся потребность в завершении буржуазных преобразований, в ликвидации пережитков феодализма, сохранившихся во многих странах. Экономические сдвиги делали все более необходимым устранение

[1] Так, например, в Англии в хлопчатобумажной промышленности среднее количество рабочих, приходившееся на каждое предприятие, возросло со 137 в 1838 году до 177 в 1870 году. В машиностроении и судостроении процесс концентрации капитала происходил еще быстрее.

уцелевших оплотов феодальных порядков — последних преград на пути развития капиталистического способа производства. Особую остроту приобрела задача преодоления такого наследия средневековья, как политическая раздробленность Германии и Италии, а также национального освобождения угнетенных народов. Ленин относил буржуазные национально-освободительные движения к главным факторам исторического процесса того периода [1].

Вместе с тем на том этапе еще сильнее, чем в канун революций 1848—1849 годов, стали проявляться классовые антагонизмы капиталистического строя, ввиду чего все большие слои буржуазии склонялись к решению вопроса о буржуазной перестройке общественной и политической системы путем компромисса с дворянством и аристократией. Буржуазные круги все определеннее ориентировались на достижение национального единства антиреволюционными средствами, путем объединения сверху: в Германии — под гегемонией Пруссии или Австрии, в Италии — Пьемонта (Сардинского королевства).

Движение за национальное объединение порождало международные конфликты и войны, в которых борьба за решение национальных задач переплеталась со столкновением династических интересов и с завоевательными поползновениями правящих классов. 50—60-е годы были также временем освободительных выступлений народов Азии и Африки против усиления колониальной экспансии капиталистических государств.

Все эти социально-экономические и политические процессы стимулировали развитие марксистской мысли, давали повод и основу для новых обобщений и выводов, для дальнейшего пополнения теоретического арсенала рабочего класса.

Но деятельность Маркса и Энгельса в обстановке реакции протекала при крайне неблагоприятных обстоятельствах. Прекратил свое существование Союз коммунистов. Особенно затруднено в эти годы было распространение идей марксизма. С осени 1850 года, после выхода последнего выпуска журнала-обозрения «Новая Рейнская газета», Маркс и Энгельс надолго лишились собственного печатного органа. Их попытки публиковать свои произведения наталкивались на препятствия. Разгром рабочих организаций и уничтожение рабочей печати в странах европейского континента крайне сузили сферу легальной деятельности пролетарских революционеров. По словам Маркса, после революций 1848—1849 годов рабочий класс «был лишен igni et aqua *, лишен свободы печати, слова и союзов» [2]. Трудности усугубили сопутствовавшие поражению революций настроения разочарования, апатии, политического индифферентизма, охватившие значительную часть трудящихся.

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Под чужим флагом.— Полн. собр. соч., т. 26, с. 140.

* буквально: огня и воды, т. е. необходимых жизненных условий.

[2] См.: *Маркс К.* Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов,— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 481.

С конца 50-х годов ситуация стала меняться. Кризис 1857 года привел к оживлению демократического и пролетарского движений. Под давлением роста революционных настроений масс правящие круги европейских государств вынуждены были ослабить полицейские запреты и легализовать в известных пределах рабочие объединения. Однако коренных перемен в условиях деятельности пролетарских революционеров еще не произошло. Реакционные режимы продолжали широко пользоваться полицейскими методами подавления рабочего движения, нередко сочетая их с социальной демагогией. Деморализующее влияние на пролетарские массы оказывала и активность в «рабочем вопросе» либеральных буржуа, стремившихся отвлечь рабочих от революционной борьбы ложной перспективой улучшения их положения путем создания кооперативных товариществ, проведения мелких реформ и т. п. (прогрессисты в Германии, либеральные кооперативисты в Англии и др.). Словом, серьезные преграды, мешавшие развертыванию пропаганды идей научного коммунизма и формированию классово самостоятельного рабочего движения, продолжали существовать и в начале 60-х годов XIX века. Для распространения этих идей у основоположников марксизма и их соратников имелись пока ограниченные возможности, мало отличавшиеся от тех, которые были в годы реакции.

Несмотря на все трудности, марксистское направление в рабочем движении продолжало активно выступать на общественной арене. В то время оно представляло собой сравнительно малочисленную, но весьма стойкую и сплоченную группу пролетарских революционеров, которая продолжала энергично действовать, изыскивая пути распространения влияния на пролетарские массы. Хотя сторонники Маркса не были тогда объединены организационно, их всех объединяла идейная общность, внутренняя самодисциплина и общая ответственность перед рабочим классом, взаимная спайка и товарищеские обязательства по отношению друг к другу. Главную роль в сплочении передовых пролетарских борцов играли Маркс и Энгельс, стремившиеся сохранить и укрепить это ядро будущей пролетарской партии, задачу создания которой они не снимали с повестки дня.

Теоретические исследования Маркса и Энгельса

Первостепенное значение Маркс и Энгельс придавали развитию революционной теории, с тем чтобы своевременно вооружить ею пролетарскую партию к предстоящим новым революционным боям. После того как задача теоретического осмысления уроков революций 1848—1849 годов была в основном решена, на первый план выдвинулись проблемы политической экономии. Необходимость в разработке в первую очередь этого раздела марксистского учения диктовалась потребностями революционного движения: и события революции и послереволюционные социальные и политические процессы показали огромную роль экономики в общественном развитии. Чтобы

уяснить механизм ее воздействия на все сферы общественной жизни,— а это было необходимо для научного понимания характера освободительной борьбы пролетариата и руководства этой борьбой,— требовалось раскрыть природу экономических законов капитализма. С подобной задачей могла справиться только новая экономическая наука, фундамент которой Маркс и Энгельс начали закладывать еще в 40-е годы. Теперь предстояло завершить создание этого фундамента и строить на нем пролетарскую политическую экономию.

В условиях относительного спада революционной активности масс в 1852—1864 годах Маркс и Энгельс получили возможность сосредоточиться на теоретических занятиях. Характеризуя значение этого периода для развития марксистской политической экономии, Ленин впоследствии писал: «Мы знаем, что форма общественного движения меняется, что периоды непосредственного политического творчества народных масс сменяются в истории периодами, когда царит внешнее спокойствие, когда молчат или спят (по-видимому, спят) забитые и задавленные каторжной работой и нуждой массы, когда революционизируются особенно быстро способы производства, когда мысль передовых представителей человеческого разума подводит итоги прошлому, строит новые системы и новые методы исследования. Вот, ведь, и в Европе период после подавления революции 1848 года отличался небывалым экономическим прогрессом и работой мысли, которая создала хотя бы «Капитал» Маркса» [1].

Исследования Маркса в области политической экономии привели к огромным по своему значению научным результатам. В 1857 году, создавая первоначальный черновой вариант «Капитала», он сформулировал в общих чертах свою теорию прибавочной стоимости. Это великое открытие Маркса, наряду с материалистическим пониманием истории, сыграло решающую роль в превращении социализма из утопии в науку. Поэтому его можно считать крупнейшей вехой в истории марксистского учения, историческим рубежом, обозначившим новую ступень в его развитии. Однако теория прибавочной стоимости не вышла тогда еще за рамки, если можно так выразиться, научной лаборатории Маркса. В опубликованном в 1859 году первом выпуске книги «К критике политической экономии» Маркс осветил лишь ее предпосылки в виде нового учения о товаре и деньгах. Ему потребовалось создать новую, более полную и систематизированную экономическую рукопись 1861—1863 годов, чтобы самому досконально разобраться в существе превращенных форм прибавочной стоимости. Лишь в 1867 году, выпустив в свет I том «Капитала», он обнародовал результаты своих изысканий в этой области. Таким образом, великий научный подвиг, венчавший собой революционный переворот в

[1] *Ленин В. И.* Победа кадетов и задачи рабочей партии.— Полн. собр. соч., т. 12, с. 331—332.

политической экономии и сопровождавшийся значительным обогащением диалектического и исторического материализма, экономическим обоснованием учения о коммунистическом обществе, совершался Марксом поэтапно. Теоретические достижения в экономической области составили главное содержание развития марксистской мысли в рассматриваемое время [1].

Расширялась и естественнонаучная база марксистской теории. Середина XIX века была отмечена крупнейшими успехами во всех отраслях естествознания. К 1850 году, в частности, английский физик Дж. Джоуль завершил серию исследований, давших вслед за работами немецкого ученого Ю. Р. Майера одно из экспериментальных доказательств существования и проявлений закона сохранения и превращения энергии. В биологии получила свое дальнейшее развитие клеточная теория строения растений и животных, разработанная еще в 30-е годы М. Шлейденом и Т. Шванном. Первостепенное значение с точки зрения утверждения диалектико-материалистических взглядов на природу имело эволюционное учение Ч. Дарвина. Его труд «О происхождении видов путем естественного отбора», вышедший в свет в 1859 году, Маркс и Энгельс восприняли как убедительное опровержение идеалистического и метафизического толкования природных явлений. В дарвинизме они увидели «естественноисторическую основу» своей революционной теории [2].

Основоположники марксизма пристально следили за развитием естественных наук и стремились осмыслить их достижения в свете нового, революционного мировоззрения. Именно к этому времени относится начало систематических занятий Энгельса проблемами естествознания, изучение Марксом (первоначально в связи с его экономическими исследованиями) математики, агрохимии, истории техники, прикладных научных дисциплин. Из письма Энгельса Марксу от 14 июля 1858 года видно, что уже тогда зарождалась идея философского обобщения результатов естествознания, которая позднее получила у Энгельса воплощение в произведении «Диалектика природы» [3].

Публицистическая деятельность

Важнейшим средством общения с массами и пропаганды идей научного коммунизма были выступления Маркса и Энгельса и их соратников в печати.

Ввиду того что пролетарская печать в период реакции и в ближайшие последующие годы даже в тех странах, где существовали возможности для издания рабочих газет (в частности, в Англии и США), имела весьма слабое распространение, Маркс и Энгельс

---

[1] Разработка экономического учения марксизма в данный период специально рассматривается в следующей главе.

[2] См.: Маркс — Энгельсу, 19 декабря 1860 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 30, с. 102.

[3] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 29, с. 275—277.

для изложения своих взглядов широко прибегали к использованию прогрессивных буржуазных периодических изданий.

С осени 1851 по март 1862 года Маркс состоял постоянным сотрудником ежедневной американской газеты «New-York Daily Tribune» («Нью-йоркская ежедневная трибуна»), являвшейся в то время глашатаем прогрессивных буржуазных кругов. Газета издавалась массовым тиражом и была известна за пределами США. Статьи Маркса, а также Энгельса, неофициально привлеченного им к корреспондентской работе, часто перепечатывались в специальных (еженедельных и выходивших два раза в неделю) выпусках газеты. С конца 1854 до последних месяцев 1855 года Маркс выполнял обязанности лондонского корреспондента издававшейся в Бреславле «Neue Oder-Zeitung» («Новая одерская газета») — наиболее радикальной газеты из всех уцелевших в Пруссии оппозиционных органов печати. Возможностью публиковать свои статьи на ее страницах Маркс особенно дорожил, поскольку это позволяло ему непосредственно обращаться к немецким читателям. Однако вследствие финансовых трудностей и цензурных притеснений издание этой газеты в конце 1855 года было прекращено. С октября 1861 по декабрь 1862 года Маркс сотрудничал в либеральной венской газете «Die Presse» («Пресса»), выступившей в то время с критикой абсолютистско-бюрократических порядков в Австрии и внешней политики бонапартистской Второй империи. Насчитывавшая в 1861 году 30 тысяч подписчиков, имевшая дневные и вечерние выпуски, газета эта читалась не только в австрийских землях, но и во многих германских государствах. Эпизодически Маркс и Энгельс публиковали свои статьи и в других периодических изданиях Европы и Америки.

Сотрудничество в буржуазной прессе, даже прогрессивной, требовало большой гибкости, умения облекать революционные идеи в форму, приемлемую для этих изданий, не поступаясь в то же время идейными принципами. Этим искусством Маркс и Энгельс владели в высокой степени. В своих печатных выступлениях по различным вопросам они отстаивали революционную пролетарскую точку зрения, нередко в противовес взглядам редакторов и общей линии той или иной газеты. Они находили возможность и на страницах буржуазных органов печати обнажать антагонизмы и пороки буржуазного общества, подводить читателя к мысли о неизбежности смены его новым общественным строем, освещать ход развития революционного движения, классовую борьбу пролетариата, раскрывая перспективу этой борьбы — ниспровержение капитализма. Смелым обличением внутренней и внешней политики господствующих классов, памфлетно заостренной характеристикой не только антинародных политических систем, но и их конкретных представителей они воздействовали на общественное мнение в революционном духе, способствовали росту народного возмущения, усилению сопротивления реакционным режимам. «Маркс в самые мирные, казалось бы, «идиллические», по его выражению,— «безотрадно-болотные» (по словам ред. «Neue Zeit») времена,— отмечал Ленин,— умел нащупывать близость революции и *поднимать* пролетариат до сознания им его передовых, революционных задач» [1]. Выступления основоположников марксизма в те годы в бур-

[1] *Ленин В. И.* Предисловие к русскому переводу писем К. Маркса к Л. Кугельману.— Полн. собр. соч., т. 14, с. 375.

жуазной печати и поныне являются образцом использования пролетарскими революционерами легальной трибуны для борьбы против контрреволюционной буржуазии и других реакционных сил.

Особое значение Маркс и Энгельс придавали своим обращениям непосредственно к рабочим со страниц пролетарской печати. Эти возможности в то время были весьма ограничены, и тем большую ценность представляли выступления Маркса на страницах лондонского чартистского еженедельника «The People's Paper» («Народная газета», 1852—1856) и выходившей в Нью-Йорке в 1853—1854 годах немецкой рабочей газеты «Die Reform» («Реформа»). В 1859 году в обстановке начавшегося революционного подъема Маркс сделал попытку превратить еженедельный немецкий эмигрантский листок в Лондоне «Das Volk» («Народ», начал выходить с 7 мая) в орган коммунистической пропаганды. В июле в его руки фактически перешли не только редакционные, но и административные дела газеты. Под руководством Маркса она стала подлинным рупором идей научного коммунизма. Однако ее тяжелое финансовое положение поправить не удалось, и она смогла просуществовать лишь до 20 августа.

С декабря 1862 года в журналистской деятельности Маркса и Энгельса наступил вынужденный перерыв. Еще в марте 1862 года Маркс прекратил сотрудничество в «New-York Daily Tribune», в редакции которой усилилось влияние сторонников компромисса с южными плантаторами. «Die Presse» также эволюционировала вправо, что побудило Маркса к концу года порвать отношения и с этой газетой. Вплоть до основания Интернационала в сентябре 1864 года основоположники марксизма фактически были лишены возможности регулярно выступать в печати. Тем не менее масштабы их публицистической работы за весь период в целом были огромны. За это время ими были опубликованы сотни статей, корреспонденций, заявлений, не считая нескольких десятков статей, написанных для справочного издания «Новая Американская энциклопедия». К этому следует добавить выпущенные ими брошюры и книги: «По и Рейн», «Савойя, Ницца и Рейн» Энгельса, «Рыцарь благородного сознания», «К критике политической экономии», «Господин Фогт» Маркса. Некоторые статьи перепечатывались отдельными изданиями. Так, в виде брошюр было издано несколько статей из серии «Лорд Пальмерстон», опубликованной Марксом в 1853 году.

Журналистская деятельность в то время основоположников марксизма, а также группировавшихся вокруг них пролетарских революционеров играла важную роль в консолидации марксистского течения, в утверждении его общественных позиций. Через печать оно выражало свое идейное направление, высказывало свою точку зрения по различным социальным и политическим вопросам.

Публицистика у Маркса и Энгельса тесно переплеталась с научным творчеством. В их статьях затрагивались важные теоретические проблемы, делались широкие обобщения. Нередко для напи-

сания их Маркс и Энгельс проделывали предварительную исследовательскую работу, изучая обширную литературу и разнообразные источники: парламентские отчеты, мемуары, статистические сборники и другие документы. Так, например, для написания в 1853 году серии статей об Индии Маркс заполнил три обширных тетради с выписками из такого рода материалов, при работе в 1854 году над циклом «Революционная Испания» — пять тетрадей. С другой стороны, работая над своими корреспонденциями, Маркс и Энгельс накапливали сведения и углубляли свои знания в области конкретной экономики, политики, истории военного дела, которые использовались в теоретических занятиях.

Публицистические выступления Маркса и Энгельса были не только своеобразной формой теоретического осмысления явлений текущей жизни, но и практической сферой выработки стратегии и тактики рабочего класса и революционной демократии, обоснования тактической платформы пролетарской партии.

Общение пролетарских революционеров, обсуждение ими теоретических и политических вопросов происходило также путем переписки основоположников марксизма как между собой, так и со своими единомышленниками и соратниками. В рассматриваемые годы она была весьма интенсивной, содержала важные теоретические выводы, меткие характеристики и оценки различных общественных явлений, событий, деятелей, научных трудов, полемические замечания в адрес идейных противников. В переписке Маркса и Энгельса ярко отразилось дальнейшее развитие марксистской теоретической мысли.

1. РАЗРАБОТКА ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ В ПУБЛИЦИСТИКЕ МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА

Если основные теоретические усилия Маркса в рассматриваемое время были сосредоточены на исследовании проблем политической экономии, что нашло свое выражение в первую очередь в создании предварительных вариантов «Капитала», то не оставлены были без внимания и остальные стороны марксистского учения; прогресс марксистской мысли в разных областях общественных наук в немалой степени отразили и статьи, корреспонденции, брошюры, написанные Марксом и Энгельсом в эти годы.

Новые идеи экономического учения

В статьях Маркса получили конкретизацию многие положения его экономического учения, сформулированные в 40-е годы. Анализом реальной действительности 50-х годов был подтвержден сделанный ранее вывод о циклическом характере развития капитализма, выявлены конкретные черты проявления этой закономерности. «Современная промышленность и торговля,— писал Маркс в 1852 году,— проделывает в своем развитии, как это хорошо известно, периодические циклы продолжительностью от пяти до семи лет, проходя с регулярной последовательностью через различные

состояния — затишья, затем известного улучшения дел, растущей уверенности, оживления, процветания, лихорадочного возбуждения, чрезмерного расширения торгово-промышленной деятельности, потрясения, угнетенного состояния дел, застоя, истощения и, наконец, снова затишья» [1]. В этих образных выражениях, которые позднее сменила строго научная терминология для обозначения отдельных фаз капиталистического цикла, Маркс указал последовательность смены этих фаз и неизбежность кризиса как кульминационного пункта всего цикла.

Марксистская теория экономических кризисов получила всестороннюю разработку в экономических рукописях Маркса, особенно в рукописи 1861 — 1863 годов. В то же время ее отдельные элементы складывались и в ходе анализа Марксом конкретных экономических явлений, освещавшихся им в периодической печати. Особенно большую роль в этом отношении сыграло изучение им причин, хода и последствий кризиса 1857 года, которому он посвятил десятки статей. Исследование экономического потрясения 1857 года не только подтвердило прежний вывод о неизбежности и регулярной повторяемости кризисов, но позволило выявить их типичные симптомы, специфику их проявления в различных сферах хозяйственной жизни — промышленности, торговле, финансах, показать их разрушительный характер и социальные последствия. За внешними проявлениями кризисов Маркс видел их глубинные причины, коренящиеся в самих законах капиталистического производства, в присущих капиталистическому строю противоречиях. До тех пор, «пока существует данная система», писал Маркс, кризисы будут «неизбежно порождаться ею, подобно тому как происходит естественная смена времен года» [2].

Свои взгляды на природу экономических кризисов Маркс развивал в полемике с вульгарными буржуазными экономистами, пытавшимися представить капиталистическую систему строем всеобщей гармонии и благоденствия. Он раскрывал несостоятельность распространяемых английскими фритредерами иллюзий о возможности наступления бескризисной капиталистической эры, попыток идеологов буржуазии представить фазу процветания нормой, а кризисы некоей аномалией, отклонением от обычного развития, вызванным случайными обстоятельствами (недальновидностью отдельных групп капиталистов, злоупотреблением кредитом, чрезмерной спекуляцией и др.). Маркс отметил, что не было ни одного периода процветания, когда бы буржуазные апологеты «не воспользовались случаем для утверждения, что *на этот раз* медаль не имеет оборотной стороны, что *на этот раз* неумолимый *рок* побежден. А в дни, когда кризис наступал, они делали невинный вид, обрушиваясь на торговцев и промышленни-

---

[1] *Маркс К.* Пауперизм и свобода торговли.— Надвигающийся торговый кризис.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 385—386.

[2] См.: *Маркс К.* Британская торговля и финансы.— Там же, т. 12, с. 586.

ков с правоучительными, банальными проповедями против непредусмотрительности и неосторожности» [1].

Исходя из целостного представления о капиталистическом цикле, Маркс, характеризуя фазу процветания, в противовес россказням о всеобщем благоденствии, которое она якобы несет всем классам общества, показал, что глубокие антагонизмы капиталистического строя, с особой силой проявляющиеся во время кризисов, действуют и в условиях благоприятной экономической конъюнктуры. Процветание, констатировал он, не уничтожает ни безработицы, ни обнищания значительных слоев трудящихся, ни вынужденной эмиграции, ни других социальных бедствий. Оно ведет к углублению пропасти между верхушкой эксплуататоров и прозябающей на низших ступенях социальной лестницы массой трудящихся. «В истории британского общества,— писал Маркс,— не найдется, пожалуй, более точно установленного факта, чем факт соответственного роста современного богатства и пауперизма» [2].

Раскрывая оборотную сторону подъема капиталистической экономики, Маркс сделал выводы о характере общественного прогресса при капитализме в целом, показав его двойственность, глубокую противоречивость. Каждый крупный шаг в развитии капиталистической промышленности, в процессе индустриализации, в совершенствовании материально-технической базы общественного производства совершается, отмечал он, ценой невероятных страданий и жертв со стороны широких народных масс. «В наше время,— говорил Маркс в 1856 году на юбилее чартистского еженедельника «The People's Paper»,— все как бы чревато своей противоположностью. Мы видим, что машины, обладающие чудесной силой сокращать и делать плодотворнее человеческий труд, приносят людям голод и изнурение. Новые, до сих пор неизвестные источники богатства благодаря каким-то странным, непонятным чарам превращаются в источники нищеты. Победы техники как бы куплены ценой моральной деградации... Этот антагонизм между современной промышленностью и наукой, с одной стороны, современной нищетой и упадком — с другой, этот антагонизм между производительными силами и общественными отношениями нашей эпохи есть осязаемый, неизбежный и неоспоримый факт» [3].

Историю создания могучих производительных сил капиталистической эпохи Маркс называл «мартирологом трудящихся» [4], летописью жестоких мук непосредственных производителей. Ука-

---

[1] *Маркс К.* Пауперизм и свобода торговли.— Надвигающийся торговый кризис.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 391.

[2] *Маркс К.* Рост числа умалишенных в Англии.— Там же, т. 12, с. 548.

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 12, с. 4.

[4] См.: *Маркс К.* Вынужденная эмиграция.— Кошут и Мадзини.— Вопрос об эмигрантах.— Избирательные подкупы в Англии.— Г-н Кобден.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч.. т. 8, с. 569.

зывая, что капиталистический строй, обрекающий слаборазвитые страны на колониальное рабство, заставляет целые народы идти тяжким путем крови и грязи, нищеты и унижения, Маркс сравнивал общественный прогресс при капитализме с отвратительным языческим идолом, «который не желал пить нектар иначе, как из черепов убитых» [1]. Лишь грядущая социалистическая революция призвана придать прогрессу подлинно гуманный характер, сделать плоды его достоянием самих производителей.

Еще в «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс указали на стремление капитала внедриться во все сферы жизни, ликвидировать все преграды для своего распространения, подчинить себе отсталые страны. В 50—60-е годы на основе анализа нового конкретно-исторического материала Маркс глубже раскрыл такие социально-экономические последствия упрочения и распространения крупной фабричной промышленности, как расширение до мировых масштабов кредита и торговли, проникновение капитала в самые удаленные уголки мира, создание мирового рынка, насильственная перестройка на капиталистический лад архаических аграрных отношений там, где они еще сохранились.

Новым в анализе Маркса было выяснение влияния развития капитализма на демографические процессы. Он показал, что капиталистическая эпоха породила необычайную подвижность населения, мощные миграционные процессы, превзошедшие по своему размаху и интенсивности переселения народов в прежние времена. В Англии и других капиталистических странах, образно заметил Маркс, действует невидимый социальный деспот, который «изгоняет целые племена и классы с земли их предков, подобно ангелу с огненным мечом, изгнавшему Адама из рая» [2].

Закладывая основы научного истолкования законов народонаселения, Маркс в противовес реакционной мальтузианской концепции, сторонники которой объявляли перенаселение результатом естественных, природных причин, показал, что оно определяется в первую очередь социальными условиями жизни общества. Вынужденная эмиграция при капитализме, объяснил Маркс, вызывается социальными последствиями развития капиталистического производства, вытеснением излишних рабочих рук в результате его модернизации, разорением средних слоев под влиянием усиливающейся с ростом производства конкуренции, сгоном крестьян с земли в аграрных странах, втягиваемых в орбиту капиталистической экономики. В отличие от докапиталистических эпох «избыток» населения создается уже не вследствие недостатка производительных сил, а, наоборот, в результате их роста. «Не

---

[1] См.: *Маркс К.* Будущие результаты британского владычества в Индии.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 9, с. 230.

[2] См.: *Маркс К.* Парламентские дебаты.— Духовенство и борьба за десятичасовой рабочий день.— Голодная смерть.— Там же, т. 8, с. 564.

народонаселение давит на производительные силы, а последние давят на народонаселение» [1],— указал Маркс.

Разработка теории революции

Исследование противоречий, порождаемых бурным ростом капиталистической экономики, дало Марксу и Энгельсу новый материал для дальнейшей разработки теории социалистической революции. Как показали основоположники марксизма, само развитие капитализма с неотвратимой последовательностью создавало необходимые предпосылки для революционной замены капиталистической общественно-экономической формации коммунистической. Эти предпосылки они усматривали не только в росте производительных сил, техническом прогрессе и концентрации производства, усиливающей его общественный характер, но и в обострении противоречий капитализма, в растущей консолидации антагониста буржуазии — пролетариата, в неуклонном развертывании классовой борьбы. Каждая новая ступень этой борьбы все ближе подводила пролетариат к осуществлению его главной исторической задачи — революционному ниспровержению капитализма, коммунистическому преобразованию общества.

В «Письме Рабочему парламенту» (1854) Маркс расширил содержание коренного положения научного коммунизма о всемирно-исторической миссии пролетариата, подчеркнув его роль и как революционного сокрушителя буржуазного строя, и как создателя материальных предпосылок для коммунистического переустройства общества. «Создав неисчерпаемые производительные силы современной промышленности,— писал Маркс о рабочем классе,— он выполнил первое условие освобождения труда. Теперь он должен осуществить его второе условие. Он должен освободить эти производящие богатства силы от постыдных оков монополии и подчинить их коллективному контролю производителей, которые до сих пор позволяли, чтобы самый продукт их труда обращался против них и превращался в орудие их собственного угнетения» [2].

Развитие теории социалистической революции в публицистике Маркса и Энгельса шло в направлении дальнейшего выявления характера конкретных форм и перспектив рабочего движения, его места в общем революционном процессе. В своих статьях Маркс, в частности, нередко касался вопроса о стачках. Он показал, какие революционные потенции заложены в этой элементарной форме пролетарской борьбы. Развивая мысли, высказанные в «Нищете философии» и в «Манифесте Коммунистической партии», он разъяснял, что стачки служат школой борьбы пролетарских масс, средством вовлечения их в самостоятельные и организованные коллективные действия, воспитания их в духе классовой солидарности.

[1] *Маркс К.* Вынужденная эмиграция.— Кошут и Мадзини.— Вопрос об эмигрантах.— Избирательные подкупы в Англии.— Г-н Кобден.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 568.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 10, с. 123.

Участие в стачках и создание профессиональных организаций Маркс рассматривал как необходимую ступень в подготовке рабочего класса к решающим боям против капиталистического строя. Он подчеркивал моральное и политическое значение стачек и деятельности рабочих союзов, независимо от достигаемых ими экономических результатов. Если бы не существовало стачечного движения и профессиональных объединений, постоянной войны между хозяевами и рабочими, писал Маркс в 1853 году, «рабочий класс Великобритании и всей Европы был бы подавленной, умственно отсталой, внутренне опустошенной, покорной массой, для которой освобождение собственными силами было бы так же невозможно, как для рабов Древней Греции и Рима» [1]. Позднее, в процессе своих исследований, Маркс выяснил также и экономическую роль стачек и деятельности профессиональных союзов как важного средства в борьбе за повышение заработной платы и улучшение условий труда.

В то же время Маркс постоянно обращал внимание на недостаточность одной экономической борьбы, на необходимость сочетать ее с борьбой политической. В упомянутом выше «Письме Рабочему парламенту» и в ряде печатных выступлений он ориентировал рабочих Англии и других стран на создание собственной политической партии как непременного условия победы рабочего класса, главным поприщем борьбы которого, разъяснял он, должна стать политическая арена.

Вкладом Маркса в теорию научного коммунизма было выдвижение (в связи с борьбой передовых английских рабочих за возрождение чартистского движения) тезиса о возможном различии путей осуществления пролетарской революции в странах европейского континента и в Англии. На основе анализа специфических особенностей экономического и политического развития Англии Маркс пришел к выводу о возможности для пролетариата этой страны завоевать власть мирными и легальными средствами, без вооруженного восстания. Такой вывод вытекал из оценки соотношения классовых сил в Англии, данной Марксом в статьях «Чартисты» (август 1852 г.) и «Ассоциация административной реформы.— Народная хартия» (июнь 1855 г.). Он был связан с применением к конкретным условиям этой страны сформулированного в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» положения о необходимости в ходе революционного переворота слома военно-бюрократической государственной машины буржуазии. Маркс учел, что военно-бюрократический аппарат в Англии был тогда развит сравнительно слабо, а пролетариат составлял большинство населения. Поэтому введение всеобщего избирательного права и принятие других требований чартистской Хартии (тайное голосование, ежегодные выборы в парламент, равные избиратель-

[1] См.: *Маркс К.* Русская политика по отношению к Турции.— Рабочее движение в Англии.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 9, с. 175.

ные округа и т. д.) здесь, в отличие от стран континента, могли бы создать чрезвычайно благоприятные условия для прихода рабочего класса к власти и социалистического преобразования им общества, если бы он был достаточно сплочен и организован[1]. В дальнейшем Маркс показал, что возможность мирного развития революции существовала не только в Англии[2]. Однако реализовать ее в те времена можно было лишь в виде исключения. Энгельс и Ленин впоследствии неоднократно и с разных сторон, учитывая новый исторический опыт, обращались к этому выводу Маркса. Энгельс в 1886 году писал, в частности, что Маркс, говоря о возможности осуществления социальной революции в Англии всецело мирными и легальными средствами, «никогда не забывал прибавить, что вряд ли можно ожидать, чтобы господствующие классы Англии подчинились этой мирной и легальной революции без «бунта в защиту рабства»»[3].

Грядущую пролетарскую революцию Маркс и Энгельс рассматривали как высшую ступень развития освободительного движения, развертывавшегося в мире и проявлявшегося в революционных событиях разного характера и типа. Их обобщающие оценки этих событий складывались в концепцию революционного движения как сочетания действий различных социальных сил, которые находились на разных ступенях революционной борьбы и вели ее в разных формах, в одних случаях выступая против сохранившейся еще феодальной системы, в других — против национального и колониального гнета, в третьих — непосредственно против капиталистического строя. Особенность этой формирующейся марксистской концепции заключалась в том, что отдельные звенья революционного движения в ней рассматривались не изолированно друг от друга, а в их взаимосвязи и взаимодействии. Аграрные, антиколониальные, национально-освободительные и антикапиталистические революционные выступления образовывали составные элементы и разные потоки общей борьбы за социальный прогресс, главной силой которой становился рабочий класс. Он был заинтересован в успехе каждого из этих движений, ибо каждое из них приближало его собственную победу.

Характерной чертой революционного движения, подмеченной Марксом и Энгельсом, было расширение его сферы, втягивание в него все новых народов и стран. Это подтверждалось революционными событиями 50—60-х годов, ареной которых становились Испания, Италия, Ирландия, Россия, польские земли, США, ряд

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 8, с. 361—362; т. 11, с. 280—281.

[2] См.: *Маркс К.* О Гаагском конгрессе. Корреспондентская запись речи, произнесенной на митинге в Амстердаме 8 сентября 1872 года.—Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 154.

[3] *Энгельс Ф.* Предисловие к английскому изданию первого тома «Капитала».— Там же, т. 23, с. 34. См. также: *Ленин В. И.* Государство и революция; О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности.— Полн. собр. соч., т. 33, с. 38; т. 36, с. 304—305.

стран Азии, Латинской Америки, иными словами — периферийные районы тогдашнего капиталистического мира. По мере включения в общее русло революционной борьбы в локальных движениях усиливалось проявление общих закономерностей. Маркс показал это на примере испанской революции 1854—1856 годов, в ходе которой выявились типичные и для других стран признаки революционной активности формирующегося пролетариата и крестьянских масс [1].

Продолжали развивать Маркс и Энгельс выдвинутое ими в 1850 году положение о влиянии экономических кризисов на назревание революционных взрывов. В 50-е годы их убеждение в том, что потрясение экономического базиса капиталистического общества неизбежно влечет за собой обострение классовой борьбы, еще больше укрепилось. Накануне кризиса 1857 года Маркс предсказывал «новое, дополненное издание не только кризиса 1847 г., но и революций 1848 года» [2]. И хотя этот прогноз оправдался не вполне, хотя революционные последствия кризиса 1857 года проявились не сразу и иначе, чем последствия кризиса 1847 года, тем не менее наступивший в конце 50-х годов революционный подъем свидетельствовал, что в своих выводах о революционизирующем воздействии кризисов на общественное развитие Маркс был глубоко прав и дальновиден. Основоположники марксизма подметили возможности перерастания экономических кризисов в общеполитические, которое, разумеется, как они себе ясно представляли, происходит не автоматически, а зависит от ряда объективных и субъективных факторов. Они установили стимулирующее, ускоряющее влияние кризисов на развитие рабочего движения, на весь революционный процесс. «Кризис подготовляет выступление *пролетариата* (как кавалерия атаку)» [3],— суммировал Ленин эту мысль Энгельса из письма Марксу 15 ноября 1857 года.

Роль политической и идеологической надстройки

Публицистические выступления Маркса и Энгельса 50 — начала 60-х годов существенно обогатили марксистскую социологию и историческую науку. Анализируя важнейшие события, происходившие как в странах Европы, так и на других континентах, они конкретизировали и развивали диалектико-материалистическое понимание истории. К их журналистскому творчеству особенно подходят слова Ленина: «...постоянное дело публицистов — писать историю современности...» [4] В статьях и корреспонденциях основоположников марксизма нарисована широкая панорама общественной жизни тогдашнего мира. Они раскрыли различные формы и проявления классовой борьбы, сущ-

[1] См.: *Маркс К.* Революция в Испании.—Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 44—49.

[2] См.: *Маркс К.* Денежный кризис в Европе.— Там же, с. 56.

[3] *Ленин В. И.* Конспект «Переписки К. Маркса и Ф. Энгельса 1844—1883 гг.». М.: Политиздат, 1968, с. 30.

[4] *Ленин В. И.* Революционные дни.— Полн. собр. соч., т. 9, с. 208.

пость внутренних и международных конфликтов, причины и характер войн, позиции различных партий и политических деятелей, объяснили важнейшие явления в идеологической сфере, обличали мораль и нравы господствующих классов.

Анализ и теоретическое обобщение Марксом и Энгельсом в эти годы многочисленных исторических фактов привели к конкретизации научных представлений о механизме действия законов общественного развития, в частности к пониманию возможности разных путей реализации исторической необходимости. Они все больше внимания обращали на то, что назревшие исторические перемены происходят отнюдь не с фатальной предопределенностью, что действие исторических закономерностей, определяемое в конечном счете развитием материального производства, может проявляться в той или другой форме в зависимости от конкретных исторических условий, от перевеса тех или иных борющихся общественных сил. Эта мысль была, в частности, ярко выражена в одной из статей Маркса, где он показал, что назревшие преобразования, например ликвидация пережитков феодализма и национальное объединение раздробленных стран, если эти задачи не выполнит революция, могут быть осуществлены в выхолощенном виде контрреволюционными верхами правящих классов [1].

Такое понимание диалектического характера действия общественных закономерностей исключало всякие элементы созерцательности и пассивности в тактике рабочего класса. Поскольку развитие событий в том или ином направлении зависело от противоборства различных социальных сил, от революционной энергии масс, задача заключалась в том, чтобы максимально пробудить эту энергию, побудить массы взять в свои руки инициативу проведения необходимых преобразований, не дав контрреволюционным классам их изуродовать.

Все больше придавая значение активной роли политической и идеологической надстройки в развитии общества, Маркс и Энгельс много внимания в эти годы уделяли анализу существующих политических систем.

На основании изучения различных форм государственного устройства Маркс внес важное дополнение в характеристику сущности буржуазного государства, данную в 40-е годы, в частности в «Манифесте Коммунистической партии». Анализ новых данных целиком подтвердил справедливость важнейшего вывода этого произведения о том, что в защите устоев эксплуататорского строя, в обеспечении внутренних и внешних условий его существования буржуазное государство действует как «комитет, управляющий общими делами всего класса буржуазии» [2]. Вместе с тем, подметил Маркс, организация государственного механизма и его функ-

---

[1] См.: *Маркс К.* Эрфуртовщина в 1859 году.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 432.

[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 426.

ционирование определялись не только классовой структурой всего общества, но и структурой самого господствующего класса, взаимоотношениями между его различными фракциями и слоями. В статьях «Выборы в Англии.— Тори и виги» (1852), «Британская конституция» (1855), «Политические партии в Англии.— Положение в Европе» (1858) и многих других Маркс отмечал, что государственный строй ведущей капиталистической страны покоится на компромиссе между земельной аристократией (лендлордами — землевладельцами капиталистического типа) и торгово-финансовой буржуазией, который позднее был распространен и на промышленных магнатов. В результате, хотя буржуазия фактически господствовала почти во всех сферах жизни, официально страной правила земельная аристократия, преобладавшая в парламенте и занимавшая ключевые позиции в правительстве, административном аппарате, военном и дипломатическом ведомствах. При этом две аристократические партии — тори и виги — попеременно сменяли друг друга у власти.

Двухпартийная система, показал Маркс, явилась одной из главных пружин, посредством которой приводился в действие подобный государственный механизм. Она хорошо служит делу маскировки консерватизма и антинародной сущности политического строя, позволяя правящим кругам придавать своей монополии на власть видимость свободного и демократического соревнования политических сил. Эта система в той или иной форме вошла в политическую жизнь многих буржуазных государств, хотя состав соперничающих партий как в Англии, так и в других странах видоизменился в соответствии с изменениями в соотношении сил между разными фракциями класса капиталистов.

Пристальное внимание уделяли Маркс и Энгельс такому типу буржуазного государства, как бонапартистская монархия. Продолжая анализ сущности бонапартизма, начатый в произведении «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», Маркс в ряде статей показал, что отличительными чертами режима бонапартистской диктатуры является грубо деспотический образ правления, раздувание военно-полицейского бюрократического аппарата, чрезвычайное расширение прерогатив исполнительной власти, особенно главы государства, прикрываемое псевдоконституционными институтами, унаследованное от абсолютных монархий периода разложения феодализма лавирование между классами, ставившее государство как бы над обществом. Появление бонапартистского государства, считал Маркс,— не результат случайных обстоятельств, а закономерная стадия эволюции буржуазной государственности. Эта ее форма соответствует достигнутой ступени развития классовых антагонизмов и процесса контрреволюционного перерождения буржуазии. Внешняя независимость государственной власти в бонапартистской Второй империи является иллюзорной. Подлинной опорой ей служат наиболее хищнические, авантюристические слои буржуазии. Бонапартистское государство с присущими ему вак-

ханалией обогащения, коррупцией, расхищением государственных средств представляло собой воплощение худших пороков разлагающегося буржуазного общества, падение его нравов, морали.

Маркс и Энгельс неоднократно подчеркивали, что Вторая империя стала одним из главных душителей рабочего и демократического движений, очагом провокаций, международных конфликтов и войн. Серьезную опасность представляли собой характерные для бонапартистской политики попытки использовать в контрреволюционных и экспансионистских целях национальные движения угнетенных народов. В статьях основоположников марксизма, особенно в памфлете Маркса «Господин Фогт» (1860), решительно разоблачалась бонапартистская демагогия в национальном вопросе, спекуляция на «принципе национальностей». Столь же типичным для бонапартистского режима и не менее опасным Маркс считал заигрывание его главарей с рабочим классом. В упомянутом памфлете он раскрыл контрреволюционный замысел бонапартистских правящих кругов под видом покровительства подчинить рабочих государственному контролю.

Затрагивались в публицистике Маркса и Энгельса и проблемы сохранившихся в ряде стран Европы феодально-помещичьих государств. Рассматривая эти государства как оплоты внутренней и международной реакции, Маркс и Энгельс указывали, что их существование с каждым годом все больше приходит в противоречие с экономическим и социальным прогрессом. Их ждала перспектива либо оказаться сметенными революционным потоком, либо, если возобладают тенденции к верхушечным реформам, приспособиться к развивавшемуся капитализму. Это был бы медленный и болезненный путь превращения этих государств в буржуазные, связанный, как отмечал Маркс (в частности, в статьях о подготовке крестьянской реформы в России[1]), с сохранением многих пережитков феодализма в ущерб интересам народных масс.

Таким образом, в рассматриваемое время Маркс и Энгельс углубили представление о классовой природе государства, особенно буржуазного, исследовали его конкретные формы, выявили характерные черты его эволюции.

Из сферы политической надстройки рассмотрению подверглись также дипломатия и внешняя политика. Этой проблемой Маркс и Энгельс до 50-х годов занимались сравнительно мало. В письме Энгельсу 2 ноября 1853 года Маркс признавал, что она до тех пор упускалась ими из виду[2]. Зато в рассматриваемое время этот пробел был основательно восполнен. Внешней политике и международным отношениям посвящены сотни печатных выступлений

[1] См.: *Маркс К.* Вопрос об отмене крепостного права в России; Об освобождении крестьян в России; Россия использует Австрию.— Варшавский конгресс.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 605—608, 692—701; т. 15, с. 184—185.

[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 28, с. 259.

Маркса и Энгельса. Из наиболее важных, законченных произведений, в которых освещены эти вопросы, следует назвать памфлет «Господин Фогт», серии статей «Падение Карса», «Лорд Пальмерстон», «Лорд Джон Рассел» Маркса, статьи по восточному вопросу, статью «Политическое положение Швейцарской республики» Энгельса.

Теоретический анализ внешней политики, основанный на обстоятельном изучении истории дипломатии (о чем свидетельствуют, например, обширные выписки Маркса из собрания международных договоров и различных исторических трудов [1]), позволил основоположникам марксизма выяснить подлинную роль дипломатии в общественной жизни, в мировой политике, в возникновении международных конфликтов и войн. В своих произведениях Маркс и Энгельс раскрыли влияние на дипломатию внутреннего развития различных государств, выявили классовую подоплеку ее действий, ее функций как одного из важных средств осуществления политики господствующих классов, достижения ими тех или иных целей, за которыми в конечном счете скрывались материальные интересы. Маркс подверг критике идеалистические концепции, придававшие дипломатической деятельности некое самодовлеющее значение, показав, в частности, несостоятельность попыток английского консервативного публициста Д. Уркарта приписать ей решающую роль в истории [2].

В то же время, выявляя связь между внешней и внутренней политикой, доискиваясь до глубинных, социально-экономических корней внешнеполитических действий, Маркс и Энгельс подметили, что в этой сфере определяющее влияние экономики проявляется опосредствованно; на первый план здесь часто выдвигаются чисто политические побуждения и мотивы. Значительную роль в осуществлении внешней политики играет сложившийся арсенал дипломатических методов и средств, организация дипломатической службы, ее традиции, искусство и ловкость дипломатов разных рангов. Порожденная и обусловленная (как и другие формы государственной деятельности) социальной и политической структурой общества, дипломатия в то же время активно влияла на ход событий, воздействовала на них в духе общей политики господствующих классов, носившей в середине XIX века, как правило, контрреволюционный характер. Внешняя политика оставалась монополией узкой привилегированной клики правящего класса; она проводилась, как отмечал Маркс, не только втайне от народа, но часто даже за спиной широких кругов буржуазии.

Выявлению сущности и роли дипломатии как одной из важных сторон государственной деятельности господствующих классов Маркс и Энгельс придавали отнюдь не только теоретическое значение. Они стремились таким путем помочь пролетарским рево-

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 44, с. 228—242, 275—279, 332—356.
[2] См.: *Маркс К.* Давид Уркарт.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 44, с. 185.

люционерам, участникам рабочего движения овладеть дипломатическими тайнами в интересах эффективной борьбы против агрессивной и контрреволюционной внешней политики, против существующих антинародных режимов.

2. РАЗВИТИЕ МАРКСИСТСКОГО УЧЕНИЯ ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ И КОЛОНИАЛЬНОМУ ВОПРОСУ

Если в 40-е годы Маркс и Энгельс вскрыли социальные корни национального гнета и указали на необходимость активной поддержки со стороны рабочего класса прогрессивных национальных движений, то в 50-е — начале 60-х годов пролетарская платформа по национальному вопросу была расширена. В нее была включена задача освобождения не только угнетенных народов Европы (венгров, поляков, итальянцев, ирландцев, южных славян и др.), но и порабощенных народов Азии, Африки, Латинской Америки. Продолжая следить за национальными движениями в Европе, Маркс и Энгельс сосредоточили внимание теперь и на колониальной периферии капиталистического мира.

При этом Маркс и Энгельс учли специфику национальных проблем в применении к колониальному миру. Если национальное угнетение ряда народов восточной и южной Европы носило характер пережитков феодализма и восходило к образованию многонациональных абсолютистских государств, то система колониального гнета являлась порождением капиталистической эпохи. Ее возникновение и эволюция были связаны с разными ступенями в развитии капитализма, начиная с эпохи первоначального накопления. И если освобождение европейских народов от национального гнета в общем укладывалось в рамки буржуазно-демократической революции, то серьезный удар по колониализму затрагивал уже основы капиталистического строя. Тем не менее, каковы бы ни были различия в историческом происхождении и форме той или другой системы национального порабощения, а также в последствиях ее уничтожения, Маркс и Энгельс выдвинули единый принцип отношения рабочего класса к борцам против этих систем — принцип пролетарского интернационализма.

Обличение колониальной системы

Подходы к исследованию сущности колониальной системы капитализма были намечены Марксом и Энгельсом еще в произведениях 40-х годов («Речь о свободе торговли», «Манифест Коммунистической партии»). В 50—60-е годы этот вопрос был изучен ими всесторонне. Результаты проделанной работы были внушительны: ими были опубликованы целые циклы статей и ряд очерков на колониальные темы, в том числе серия статей Маркса об Индии («Британское владычество в Индии», «Будущие результаты британского владычества в Индии» и др.), очерки Энгельса для «Новой Американской энциклопедии» — «Афганистан», «Алжир», «Бирма», статьи основоположников марксизма о Турции, о

колониальных войнах европейских держав против Китая, Персии, Мексики, Марокко, о народном восстании 1857—1859 годов в Индии, об Ирландии, которую они называли «первой английской колонией» [1]. Касались они и борьбы за независимость латиноамериканских колоний Испании в первые десятилетия XIX века. Для всех этих произведений характерны как глубина теоретического анализа, так и страстное обличение Марксом и Энгельсом колониализма, их солидарность с народами, ставшими жертвами европейских держав, особенно с борцами за освобождение от колониального рабства. Решительно осудили они проявления шовинистического или расистского подхода к истолкованию колониальных проблем, а также попытки оправдать эксплуатацию колоний якобы осуществлением европейцами цивилизаторской миссии, приобщением отсталых народов к европейской культуре. Изображение колонизаторов радетелями о благе покоренных народов они расценивали как беззастенчивое фарисейство. Иронизируя по поводу подобных лицемерных рассуждений, Маркс как-то едко заметил, что при чтении английских буржуазных газет можно подумать, будто «Джон Буль захватывает колонии единственно с целью воспитать их в принципах народной свободы...» [2].

В произведениях Маркса и Энгельса была раскрыта хищническо-эксплуататорская природа колониальной системы, явившейся воплощением самых кровавых и угнетательских черт капиталистического строя. «Глубокое лицемерие и присущее буржуазной цивилизации варварство,— писал Маркс,— предстают перед нашим взором в обнаженном виде, когда мы эту цивилизацию наблюдаем не у себя дома, где она принимает респектабельные формы, а в колониях, где она выступает без всяких покровов» [3]. Само складывание колониальной системы, как показал Маркс на примере установления власти Ост-индской компании над Индостанским полуостровом, происходило путем кровавых завоевательных войн, разбойничьих захватов территорий, расхищения достояния покоренных народов.

Перед Марксом и Энгельсом встал вопрос, почему европейским завоевателям, несмотря на упорное сопротивление местного населения, удалось захватить столь обширные территории, как Индия и другие страны, покорить их многочисленные народы. Колониальное подчинение народов Азии и Африки, доказывали в своих статьях и письмах Маркс и Энгельс, объясняется не их инертностью и покорностью, а экономической отсталостью, замедленным по сравнению с Европой ходом исторического развития этих (ранее достигавших более высокого, чем у европейцев, уровня циви-

[1] См.: Энгельс — Марксу, 23 мая 1856 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 29, с. 43.

[2] См.: *Маркс К.* Вопрос об Иопических островах.— Там же, т. 12, с. 685.— «Джон Буль» — иропическое прозвище Англии.

[3] *Маркс К.* Будущие результаты британского владычества в Индии.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 9, с. 229.

лизации) регионов в ту эпоху, когда европейские страны переходили от феодализма к капитализму. На Востоке общественному прогрессу мешали особенности экономической и социальной структуры, стойко сохранявшей вековые архаические патриархальные формы производственных отношений. В письме Энгельсу 14 июня 1853 года Маркс указал на замкнутость и изолированность индийских сельских общин и на сосредоточение общественных работ в руках деспотических правителей Индии как на обстоятельства, породившие «застойный характер этой части Азии» [1]. Все это облегчало европейским колонизаторам, использовавшим технические достижения и более высокий экономический потенциал, завоевание стран Азии и Африки.

Раскрывая черты колониальной системы, характерные особенности ее функционирования, Маркс и Энгельс показали, что она покоится на самых варварских и изощренных формах угнетения. Колониализм возродил плантационное рабство, торговлю невольниками — «человеческим мясом и кровью» [2]. Широко применялись в колониях и другие докапиталистические методы эксплуатации непосредственных производителей. Так, земельный, соляной и другие налоги в Индии носили характер прямой колониальной дани, вроде ренты-налога, которым древние восточные деспоты облагали крестьян-общинников. Зависимость индийских крестьян от Ост-индской компании и ее налоговых агентов, а в тех провинциях, где была введена откупная система, от откупщиков налогов — заминдаров, представляла собой настоящую кабалу полуфеодального типа. Огромным паразитическим наростом в угнетенных странах являлся военно-административный колониальный аппарат.

Изменения в методах колониального господства Маркс и Энгельс связывали с различными стадиями в развитии капиталистического строя. В период его становления преобладал прямой грабеж населения покоряемых стран акционерными торговыми компаниями. С началом промышленного переворота стала возрастать заинтересованность поднимающейся промышленной буржуазии в колониях как рынках сырья и сбыта готовых товаров. Она добивалась расширения возможностей эксплуатировать колонии экономическими методами. Превращение колониальных и зависимых стран в аграрно-сырьевые придатки метрополий было в основном делом ее рук.

Установление колониального господства причинило неописуемые страдания и бедствия народам, подпавшим под ярмо колонизаторов. Последствиями британского владычества в Индии, отмечал Маркс, были запущенность ирригационной системы (о поддержании которой раньше заботились даже деспотические восточные правители), деградация сельского хозяйства, обнищание

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 28, с. 228.

[2] См.: *Маркс К.* Британское правительство и торговля рабами.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 525.

жителей, частые неурожаи и голод. Болезненно отражался на положении трудящихся колоний процесс втягивания их в орбиту капиталистической экономики. Так, наводнение Индии — родины хлопка — английскими хлопчатобумажными изделиями оставило без средств существования сотни тысяч местных ремесленников-ткачей. Ирландия превращалась в скотоводческое угодье, обслуживающее английскую шерстяную промышленность, и этот переход к пастбищному хозяйству вызвал массовое обезземеливание и эмиграцию ирландских мелких арендаторов. Экономическое развитие колоний, целиком подчиненное хозяйственным потребностям метрополий, происходило однобоко, уродливо. Диспропорция между экономическим уровнем колоний и метрополий возрастала, отсталость и зависимое положение колониальных стран усиливались.

Освободительное движение в колониях

50-е годы XIX века были временем, когда колониальная система капитализма находилась еще в стадии становления. И тем не менее уже тогда основоположники марксизма увидели не только ее неизбежность при капитализме, но и ее порочность, чреватость непримиримыми противоречиями; они были убеждены, что колониальное владычество установлено не навечно, ибо несет в себе источник собственного крушения. Разрушая патриархальные отношения, в частности индийскую общину, разоряя местных ремесленников и крестьян, усиливая экономический и политический гнет, тяготевший над трудящимся населением колоний, колониализм не только обрекал его на тяжелые и мучительные страдания, но и пробуждал среди него освободительные настроения, подготавливал почву для роста и консолидации сил сопротивления колониальному режиму.

Даже в колониально изуродованной экономике покоренных стран, отмечали Маркс и Энгельс, неизбежно было появление зачатков капиталистической промышленности. Действуя отнюдь не из филантропических или цивилизаторских побуждений, а в интересах повышения эффективности колониальной эксплуатации, буржуазия метрополий объективно способствовала зарождению в экономике колоний элементов капиталистического уклада. Стремление выгоднее использовать природные богатства Индии и другие подобные корыстные интересы побудили английских колонизаторов начать в середине 50-х годов сооружение в стране железных дорог и создание необходимой для них промышленной базы (ремонтные мастерские и т. п.). Возникновение зародышей капитализма в Индии и других колониальных странах неизбежно влекло за собой формирование национальной буржуазии и пролетариата — классов, которым предстояло возглавить освободительную борьбу многомиллионного крестьянства против колониального господства.

Историческое подтверждение своих прогнозов о неизбежном нарастании возмущения и протеста народных масс против коло-

низаторов Маркс и Энгельс увидели в волне антиколониальных народных движений, которая прокатилась в 50-е годы по ряду стран Азии, и особенно в мощном восстании в Индии в 1857—1859 годах — так называемом восстании сипаев. В противовес английской буржуазной прессе, изображавшей это восстание бунтом военных наемников, Маркс и Энгельс подчеркивали его народный, национальный характер. Поддержка широкими массами поднявшихся на борьбу сипаев — солдат английской армии в Индии, навербованных из местного населения, и другие реальные факты, писал Маркс, «смогут убедить даже самого Джона Буля в том, что движение, которое он считает военным мятежом, на самом деле является национальным восстанием» [1]. Маркс связывал индийское восстание с движением сопротивления в других колониальных и зависимых странах, указывая на неслучайность его совпадения «с проявлением всеобщего недовольства великих азиатских народов английским владычеством» [2].

Не остались незамеченными Марксом и Энгельсом и слабые стороны восстания, типичные для народных движений, главную массу которых составляло крестьянство: распыленность и недостаточная централизация повстанческих сил, невысокий уровень военного руководства, социальная неоднородность повстанцев, порождавшая трения между примкнувшими к ним феодальными элементами и народными низами. Отрицательное влияние оказывала отсталая, религиозно-монархическая идеология движений. Консервативные идеологические и политические тенденции Маркс отмечал и в движении тайпинов (1850—1864) — мощной крестьянской войне в Китае, направленной как против феодального гнета и деспотического режима маньчжурской династии, так и против европейских колонизаторов. Эти тенденции особенно усилились на последнем этапе существования Тайпинского государства, когда в нем стала складываться бюрократическо-титулованная прослойка. В 1862 году Маркс резко отзывался о попытках тайпинской верхушки придать антиманьчжурскому движению династический характер, культивировать в армии жестокость и фанатизм, «застойному маразму» своих противников «противопоставить разрушение в уродливо отвратительных формах» [3]. Таким образом, Маркс и Энгельс были весьма далеки от односторонности в оценке антиколониальных движений своего времени. Это не мешало им, однако, увидеть огромные революционные потенции, заложенные в освободительной борьбе угнетенных народов против колониализма, и сделать вывод о неизбежности нарастания этой борьбы, о том, что она в конечном итоге приведет к падению колониальной системы.

---

[1] См.: *Маркс К.* Известия из Индии.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 259.

[2] См. там же.

[3] См.: *Маркс К.* Китайские дела.— Там же, т. 15, с. 529—530.

Тщательно изучили Маркс и Энгельс опыт победоносных действий народов против колонизаторов — восстаний латиноамериканцев против испанского колониального владычества (1810—1826), успешного сопротивления афганцев английскому вторжению во время англо-афганской войны 1838—1842 годов. Основоположники марксизма выразили убеждение в том, что национально-освободительные движения в колониальных и зависимых странах приведут к избавлению народов этих стран не только от колониального рабства, но и от отживших свой век патриархальных порядков и вековой отсталости, проложат путь к социальному прогрессу.

Антиколониальное движение и пролетариат

Результатом рассмотрения Марксом и Энгельсом колониальных проблем был вывод о том, что уничтожение колониальной системы отвечает коренным интересам рабочего класса и поддержка борьбы угнетенных народов является одной из важнейших задач его революционного движения. Выдвинутый основоположниками марксизма в 40-е годы интернационалистский принцип осуждения национального угнетения получил новое преломление, будучи подкреплен анализом влияния колониальной политики на судьбы трудящихся метрополий. Маркс и Энгельс показали, что, предоставляя буржуазии своей страны возможность беспрепятственно эксплуатировать колонии и использовать колониальные ресурсы, рабочий класс тем самым укрепляет ее власть над собой. С другой стороны, удары, наносимые колониальному господству буржуазии национально-освободительным движением колониальных народов, не могли не подрывать ее позиции и в метрополии. Они, следовательно, облегчали борьбу пролетариата против буржуазии. «Индия,— сформулировал Маркс эту мысль во время восстания сипаев,— с тем отливом людей и денег, которого она будет стоить Англии, является теперь нашим лучшим союзником» [1].

Таким образом, в 50-е годы Маркс и Энгельс обосновали одно из важнейших положений пролетарского интернационализма — о значении взаимодействия борьбы пролетариев против капиталистического строя в цитаделях капитализма и национально-освободительной борьбы угнетенных народов на его колониальных окраинах. С поразительной проницательностью подметив взаимное влияние революционных событий на Западе и Востоке, основоположники марксизма, по существу, положили начало выявлению исторической тенденции к слиянию в единый революционный поток социалистического движения пролетариата капиталистических стран и освободительного движения колониальных народов. Эта тенденция в то время еще только намечалась, но впоследствии стала могучим фактором развития революционного процесса.

---

[1] Маркс — Энгельсу, 14 января 1858 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 29, с. 212.

Пролетариат должен стать последовательным борцом против колониального рабства. Этим тезисом Маркс и Энгельс углубили свое учение о всемирно-исторической роли рабочего класса, связав перспективу освобождения колоний с задачами пролетарской революции. Крушение колониализма, предсказали они, наступит в результате либо прихода рабочего класса к власти в метрополии, либо успешной антиколониальной революции в самих колониях [1]. Определив эти два возможных пути ликвидации колониального господства, Маркс и Энгельс не считали их взаимоисключающими. Наоборот, из их высказываний видно, что они допускали совпадение ударов, наносимых капитализму как в европейских странах, так и в колониях, совмещение революционных атак на него и с фронта, и с тыла.

Марксистская мысль вплотную подходила и к проблеме перспектив будущего развития бывших колоний после изгнания колонизаторов. Для Маркса и Энгельса было ясно, что после завоевания независимости предстоит нелегкий процесс избавления от последствий колониального хозяйничания и создания условий для экономического и культурного прогресса освободившихся стран. Не исключали они, что их развитие пойдет по капиталистическому пути, даже если в Европе произойдет пролетарская революция. «Трудный вопрос,— писал Маркс Энгельсу 8 октября 1858 года,— заключается для нас в следующем: на континенте революция близка и примет сразу же социалистический характер. Но не будет ли она неизбежно подавлена в этом маленьком уголке, поскольку на неизмеримо большем пространстве буржуазное общество проделывает еще восходящее движение?» [2] О другой перспективе развития стран, освободившихся от колониальной зависимости, в то время Маркс и Энгельс не высказывались, не располагая еще на этот счет необходимыми данными. Нет сомнения, однако, что сама постановка вопроса о будущих судьбах этих стран, а также мысль о влиянии социалистической революции в передовых капиталистических странах на весь остальной мир, подводили основоположников марксизма к решению этого сложного вопроса. В дальнейшем — в 70—80-е годы — они пришли к выводу о том, что победоносная социалистическая революция в развитых странах откроет для бывших колоний возможность избежать капиталистическую стадию или пройти ее сокращенным путем.

Развитие Марксом и Энгельсом в 50—60-е годы пролетарской платформы по национальному и колониальному вопросу существенно обогатило марксистскую теорию. Их идеи послужили Ленину отправным пунктом для разработки в эпоху империализма учения об освободительном движении в колониальных и зависимых странах как составной части мирового революционного процесса.

---

[1] См.: *Маркс К.* Будущие результаты британского владычества в Индии.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 9, с. 228—229.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 29, с. 295.

3. РАЗРАБОТКА ОСНОВ МАРКСИСТСКОЙ ВОЕННОЙ ТЕОРИИ

Формирование марксистского учения о войне и армии было органически связано с общим процессом развития марксистской теории, составило его важную сторону. Немалый вклад в разработку военно-теоретических проблем внес Маркс. Не говоря уже о создании общетеоретических, методологических предпосылок изучения военного дела и военной истории, им был выяснен характер многих военных событий, раскрыта политическая и дипломатическая подоплека военных конфликтов того времени. Но первенство в этой области принадлежало Энгельсу. В письме Ф. Лассалю от 25 февраля 1859 года Маркс отметил, что после революций 1848—1849 годов Энгельс сделал одной из своих главных специальностей «изучение военных вопросов» [1]. Именно неутомимые и плодотворные занятия Энгельса в этой области заложили прочный фундамент марксистской военной теории и военно-исторической науки. Поэтому он с полным основанием считается первым военным теоретиком рабочего класса. Ленин назвал его «великим знатоком» военного дела [2].

Занятия Энгельса в этой области начались в предыдущие годы. С первых дней, как только в феврале 1848 года загремели выстрелы на баррикадах Парижа, он стал откликаться в печати на военные события европейских революций. Он освещал ход июньского восстания парижских рабочих в 1848 году, перипетии вооруженной борьбы в Италии, Венгрии, Шлезвиг-Гольштейне; обстоятельно характеризовал он действия повстанцев в Рейнской провинции Пруссии, Бадене и Пфальце, в которых принимал личное участие. Анализируя эти события, Энгельс высказал глубокие соображения о характере и особенностях революционных войн. В обобщенном виде основы марксистского учения о тактике революционной вооруженной борьбы, о вооруженном восстании как искусстве были сформулированы им, как отмечалось выше, в серии статей «Революция и контрреволюция в Германии» (1851—1852). В рукописи «Возможности и перспективы войны Священного Союза против Франции в 1852 году» (создана в апреле 1851 г.) им был выдвинут ряд основополагающих идей о зависимости организации вооруженных сил и способов вооруженной борьбы от общественного строя и социального состава армий. Здесь содержался также прогноз о создании в результате пролетарской революции нового типа вооруженных сил, превосходящих — по своей подвижности, боеспособности и моральному духу — армии эксплуататорских обществ.

Становление военной теории марксизма

50—60-е годы явились решающим этапом в становлении марксистской военной теории. Внимание Маркса и особенно Энгельса к военным вопросам в это время было обусловлено сознанием важности овладения военными знаниями для того, чтобы во всеоружии встретить новую вспышку революционной борьбы. Энгельс писал И. Вейдемейеру 9 июня 1851 года, что одним из решающих мотивов, побудивших его заняться военными науками, было понимание того значения,

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 29, с. 475.

[2] См.: *Ленин В. И.* Революционная армия и революционное правительство.— Полн. собр. соч., т. 10, с. 340.

которое «получит военная сторона дела в ближайшем движении» [1]. Из-под пера Энгельса в эти годы вышли десятки произведений: военные корреспонденции и обзоры, очерки и брошюры, энциклопедические статьи, статьи для специальных военных периодических изданий. Круг разбираемых в них военных и военно-исторических вопросов был чрезвычайно широк: здесь нашли отражение результаты тщательного изучения Энгельсом различных военных дисциплин, истории войн, начиная с глубокой древности, творческого освоения и переработки им наследия предшествующих и современных ему военных теоретиков и историков. В его произведениях, а также письмах и конспектах использованы материалы из сочинений военных деятелей и писателей различных эпох, в том числе Цезаря, Вегеция, Н. Макиавелли, Р. Монтекукули, М. Монталамбера, Фридриха II, Наполеона, К. Клаузевица, Ф. Мюфлинга, А. Жомини, У. Нейпира, В. Виллизена, Ф. В. Рюстова, В. М. Аничкова и многих других. Взглядам ряда авторов Энгельс давал весьма критическую оценку.

Освещая в печати текущие военные события, Энгельс продолжал пристально следить за развитием военного дела, обобщая новый военный опыт. В его статьях и письмах был обстоятельно проанализирован ход всех главных военных кампаний того времени. Новой чертой его занятий в этой области было изучение колониальных войн и вооруженной освободительной борьбы колониальных народов.

В военных обзорах Энгельса особую ценность представляла методология анализа конкретных военных событий, умение увидеть в ходе войн проявление общих исторических закономерностей. Энгельс показывал влияние уровня социально-экономического развития и политического строя государств на состояние армий, на исход военных действий, раскрывал зависимость военной стратегии от политики господствующих классов, от целей, которые они преследовали в той или иной войне. Он неоднократно отмечал, например, что завоевательные и контрреволюционные цели политики бонапартистских верхов Франции и правящей английской аристократии находили отчетливое отражение в их военных планах и способах проведения военных операций.

Энгельс четко проводил грань между войнами захватническими, династическими и войнами революционными, освободительными, относя к последним и борьбу угнетенных народов за независимость. Как пролетарский теоретик, Энгельс подходил к военным проблемам с последовательно партийных позиций, сочетая это со строгой научной объективностью. Партийный подход проявлялся прежде всего в разоблачении консервативных черт различных политических режимов, влиявших на организацию армии и на руководство военными действиями. Критикуя реакционное командование тех или иных армий, военную систему тогдашних

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 27, с. 483.

буржуазных и абсолютистских государств, Энгельс в то же время отдавал должное мужеству и стойкости рядовых участников вооруженной борьбы, солдат и офицеров, искусству военных инженеров, таланту изобретателей новых видов оружия и средств защиты. Так, будучи непримиримым противником российского царизма, резко осуждая реакционные порядки в царской армии, Энгельс в то же время высоко оценил подвиг участников одиннадцатимесячной героической обороны Севастополя во время Крымской войны. Он отметил, что «вся организация этой обороны была поставлена образцово» [1].

Принципиальное значение придавал Энгельс коренным сдвигам в развитии военного дела под влиянием технического прогресса. В статье «Итальянская кампания» (май 1859 г.) он указал на два важных обстоятельства, вызвавших перемены в характере вооруженной борьбы со времен наполеоновских войн — усовершенствование системы укрепления государственных границ и распространение парового транспорта, значительно ускорившее мобилизацию и переброску войск [2]. В ряде случаев Энгельс высказывал предположение о дальнейшей эволюции средств и методов вооруженной борьбы. О проницательности этих научных предвидений свидетельствуют, в частности, высказанные на основании изучения опыта Гражданской войны в США мысли Энгельса о преобладании в будущих военно-морских флотах бронированных кораблей, и притом не с бортовым, а с башенным вооружением [3].

В серии очерков «Армии Европы», опубликованной в 1855 году в американском журнале «Putnam's Monthly Magazine» («Ежемесячный журнал Патнема»), Энгельс нарисовал картину состояния вооруженных сил европейских государств в середине XIX века. На примере организации, вооружения, способа комплектования каждой армии Энгельс раскрыл конкретную форму проявления в военной области решающего влияния материальных факторов, прежде всего экономики, на различные сферы общественной жизни. Он показал, что состояние и боеспособность армии определяются в первую очередь экономическим потенциалом каждой страны, ее техническим уровнем. Общий прогресс в военной технике и усовершенствования, вводимые в военном деле, делают необходимым для каждой армии учитывать и использовать опыт остальных. Однако эта закономерность проявляется в каждой армии в зависимости от существующих общественных условий, от национальных традиций и особенностей. Сильнейшее воздействие оказывает на нее социальный и политический строй страны, либо тормозящий, либо стимулирующий прогрессивные преобразования.

Написанные Энгельсом брошюры «По и Рейн» (1859) и «Са-

---

[1] *Энгельс Ф.* Ход войны.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 11, с. 180.

[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 13, с. 374—375.

[3] См.: *Энгельс Ф.* Броненосные и таранные суда и Гражданская война в Америке; Заметки об артиллерии в Америке.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 15, с. 526; т. 44, с. 360—363.

войя, Ницца и Рейн» (1860) представляют собой пример рассмотрения военно-теоретических проблем под углом зрения тактики пролетарских революционеров, образец использования военной науки для обоснования этой тактики. Военный анализ послужил здесь для доказательства необходимости ориентации на революционный путь национального объединения Германии и Италии и создания в них единых государств, для разоблачения контрреволюционной политики бонапартистской Второй империи, прусских и австрийских правящих кругов. Военные доводы, приведенные Энгельсом в обосновании революционно-пролетарской линии, опирались на изучение уроков войн, ареной которых явились Северная Италия и Швейцария, начиная от периодов Французской революции и Наполеона I, кончая событиями времен революций 1848—1849 годов. Из военных кампаний, разыгравшихся на этом театре военных действий, Энгельс особо выделял переход русских войск под командованием А. В. Суворова через Альпы в 1799 году, который, по его мнению, был «самым выдающимся из всех совершенных до того времени альпийских переходов» [1]. Важные военно-теоретические обобщения были сделаны Энгельсом относительно роли крепостей, о характере горной войны.

Диалектико-материалистическое осмысление проблем военного дела

В 1857—1860 годах Энгельс написал для «Новой Американской энциклопедии» серию статей, среди которых выделяются очерки «Армия», «Пехота», «Кавалерия», «Артиллерия», «Фортификация», «Военно-морской флот». Их дополняют статьи, освещающие детали военного дела, дающие описание отдельных сражений, а также краткие характеристики некоторых полководцев и военных деятелей.

В этих статьях Энгельс систематизировал огромное количество фактов и изложил сложившиеся у него взгляды на сущность вооруженной борьбы, ее видоизменение в ходе истории, на войну, армию, основные принципы военного искусства, стратегию и тактику, организацию вооруженных сил. Здесь диалектико-материалистический метод впервые был применен к анализу многовековой эволюции военного дела, всего процесса развития вооруженных сил, как сухопутных, так и морских, включая и историю основных родов войск. Определяющее влияние экономического базиса и классовой структуры общества на развитие военного искусства, организацию, вооружение и комплектование войск, на способ вооруженной борьбы было впервые показано на обширном материале, относящемся ко всем основным этапам всемирной истории. Недаром, ознакомившись с главной статьей этой серии — «Армия», Маркс в письме Энгельсу от 25 сентября 1857 года отметил: «История *армии* всего нагляднее подтверждает правильность нашего воззрения на связь производительных сил и общественных отношений» [2].

[1] См.: *Энгельс Ф.* По и Рейн.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 243.
[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 29, с. 154.

Воздействие производительных сил на военное дело, показал Энгельс, в первую очередь проявляется в той роли, которую играют во всей его эволюции изменения в технических средствах вооруженной борьбы, в военной технике. На многочисленных примерах он раскрыл революционизирующее влияние, которое важнейшие технические открытия — изобретение пороха, применение и усовершенствование огнестрельного оружия, введение штыка, позволившее соединить холодное оружие с огнестрельным, прогресс в артиллерийской науке и военно-инженерном деле, использование паровых двигателей в военно-морском флоте и т. п.— оказывали на развитие вооруженных сил и военного искусства. Зависимость военной тактики от военной техники, неизбежность изменения тактических форм военных действий в результате появления новых видов оружия, доказывал Энгельс в своих статьях, отражали определяющую роль способа производства во всей общественной жизни, в том числе и в военной сфере.

Принимал Энгельс во внимание влияние на развитие армии и военного искусства и других социальных и политических факторов. В противовес буржуазным военным теоретикам-идеалистам, которые не в состоянии были уяснить связь эволюции вооруженных сил с социальными процессами, Энгельс впервые рассмотрел историю военного дела на основе марксистского учения об общественно-экономических формациях. Само появление армии — «организованного объединения вооруженных людей» [1] — Энгельс связал с возникновением классового общества и государства. Он показал, что вооруженные силы являются в известном смысле слепком того или иного общественного и политического строя, что каждой общественной формации соответствуют определенный тип армии и способ ведения войны. Энгельс установил, что состояние и боевые качества армии наряду с вооружением и боевой техникой, которыми она располагает, обусловлены породившей ее общественно-политической системой, той классовой средой, из которой она комплектуется. С переходом от одной формации к другой неизбежно изменялись существенным образом и состав вооруженных сил, и все основные элементы военной организации, формы и приемы вооруженной борьбы.

В рамках самих общественных формаций военное дело, показал Энгельс, также не остается неизменным. Становление, развитие и разложение того или иного общественного строя сказываются и на эволюции армии. Поэтому армии определенного классового типа — рабовладельческие, феодальные и буржуазные — также проходят в своем развитии через разные стадии. Их истории свойственны периоды расцвета и упадка. Так, армия Древней Греции с ее фалланговой тактикой и армия Древнего Рима с более прогрессивной легионной системой, констатировал Энгельс, утрачивали свои боевые качества в периоды кризиса рабовладельче-

[1] См.: *Энгельс Ф.* Армия.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 14, с. 5.

ского общества. Разложение феодализма выразилось и в распаде феодальной военной системы, в вырождении и деградации рыцарской кавалерии. В эпоху становления капитализма вооруженные силы претерпели значительные изменения, пройдя путь от наемного войска до массовых армий, набираемых на основе всеобщей воинской повинности, в соответствии с потребностями развивавшегося буржуазного строя.

Поворотными вехами в развитии военного дела Энгельс считал периоды смены старой общественной формации новой, более прогрессивной. Особенно наглядно он показал это на примере истории войн периода ранних буржуазных революций, в первую очередь французской буржуазной революции конца XVIII века. Именно в эти переходные революционные периоды рождались армии нового типа, происходили крутые изменения в способах ведения войны; с большой силой проявлялось военное творчество самих народных масс, непосредственных участников вооруженной борьбы, стихийно нащупывавших новые формы боя и новые боевые порядки, что позднее закреплялось в военных уставах. Существенные прогрессивные сдвиги в военном деле, отмечал Энгельс, порождались и национально-освободительными войнами, борьбой с иноземными захватчиками.

В военно-теоретических работах Энгельса дальнейшее развитие получило марксистское толкование роли в истории народных масс и выдающихся личностей. Он отмечал заслуги крупных полководцев, военных реформаторов, изобретателей, но его оценка значения их деятельности резко расходилась с той, которая преобладала в буржуазной военной литературе, проявлявшей тенденции к крайней идеализации великих полководцев, вплоть до сведения всей военной истории к их деяниям. Военачальники, реформаторы и т. д., отмечал Энгельс, вносят свой вклад в эволюцию военного дела и военного искусства не в силу произвольного творчества, а в результате умелого применения тех форм и методов ведения войны и боя, которые выдвигаются объективным процессом развития вооруженной борьбы, проистекают из рационального использования изменений в военной технике и в кадрах армии, вызванных переменами в общественном строе. Величие Наполеона, например, считал Энгельс, заключалось в том, что он превратил в «регулярную систему» новый способ ведения войны, порожденный французской буржуазной революцией [1].

Как истинный диалектик, Энгельс при этом умел подмечать в действиях военачальников противоречивые черты, проявления классовой ограниченности, такие стороны, которые либо уже при их жизни шли наперекор прогрессу в военном деле, либо стали его тормозить позднее. О Фридрихе II он, в частности, писал, что при всех своих военных достижениях прусский король «не только заложил основы того педантизма и муштры, которыми с тех пор

[1] См.: *Энгельс Ф.* Армия.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 14, с. 38.

отличались пруссаки, но и фактически подготовил их к беспримерному позору Йены и Ауэрштедта» [1]. В стратегии и тактике Наполеона Энгельс отмечал элементы авантюризма и шаблона, сказавшегося, например, в упорных попытках применять огромные дивизионные колонны, что в борьбе с активным противником (а не с медлительным и неповоротливым), как правило, приводило к поражению [2].

Своими военно-теоретическими произведениями Энгельс опроверг представление буржуазных теоретиков о вечности и неизменности основных правил военного искусства. Содержание его работ утверждало принцип историзма в военной науке, обосновывало необходимость диалектического подхода к любому объекту военных знаний, в том числе и к военному искусству, как постоянно развивающемуся и видоизменяющемуся. Он указывал, что тактические правила, пригодные в одних исторических условиях, оказываются несостоятельными в других. Эволюция военного искусства, по Энгельсу,— сложный поступательный процесс, в котором различные составные компоненты постоянно взаимодействуют друг с другом. Это относится и к развитию вооруженных сил в целом, отличающемуся постоянным взаимовлиянием различных родов войск; существенные изменения в каждом из них неизбежно отражаются на состоянии остальных.

Ряд статей Энгельс написал в 1860—1861 годах для «Волонтерского журнала Ланкашира и Чешира». Сотрудничать в этом журнале Энгельса побудило желание поддержать демократическое волонтерское движение, развернувшееся в ответ на агрессивную политику Наполеона III, которая воспринималась в Англии как угроза вторжения на Британские острова. В развитии этого движения прогрессивные круги видели также одно из средств осуществления реформы крайне консервативной английской военной системы.

В статьях Энгельса для волонтерского журнала — «История винтовки», «Ротное учение», «Французская легкая пехота», «Маршал Бюжо о моральном факторе в бою» и др.— конкретизировались положения о влиянии развития военной техники и усовершенствования вооружения на изменения в тактике вооруженной борьбы, о методах повышения боеспособности войск, о моральном духе армии как факторе, имеющем первостепенное значение в ходе военных действий. Много внимания уделил Энгельс в этих статьях способам и формам обучения войск, их физической и моральной закалке, строевой и стрелковой подготовке. Он высказал важные мысли о необходимости развития у бойцов личной инициативы и в то же время воспитания их в духе строго согласованных совместных действий, сознательного соблюдения воинской дисциплины.

---

[1] См.: *Энгельс Ф.* Пехота.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 14, с. 374.
[2] См.: *Энгельс Ф.* Кавалерия.— Там же, с. 322.

Несколько статей было предназначено Энгельсом для немецкой «Всеобщей военной газеты». Их отличает марксистская критика буржуазной военной мысли. В статье «Кинглек о сражении на Альме» Энгельс, в частности, резко осудил националистические тенденции буржуазной военной историографии.

Творчество Энгельса как военного теоретика и историка в 50—60-е годы явилось новым ярким свидетельством универсальности и могучей познавательной силы диалектико-материалистического метода. Своими достижениями в этой области Энгельс создал теоретические предпосылки для использования военного дела в интересах революционного пролетариата, для выработки программных установок в военной области будущих пролетарских партий, для развертывания борьбы рабочего класса против милитаризма и захватнических войн.

4. АНАЛИЗ МАРКСОМ И ЭНГЕЛЬСОМ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ. ОБОСНОВАНИЕ ПРИНЦИПОВ МАРКСИСТСКОЙ ЭСТЕТИКИ

Круг научных проблем, которыми занимались в те годы Маркс и Энгельс, был широк. Они стремились не только глубоко проникнуть в сферу материальных отношений, изучить природу экономических и политических явлений, но и постигнуть духовную жизнь общества, выяснить ее специфику, присущие ей закономерности. В своих исследованиях, в публицистике, в письмах Маркс и Энгельс постоянно затрагивали различные стороны духовной деятельности. Они продолжали разработку заложенных еще в 40-х годах основ учения о классовой природе различных форм общественного сознания, о зависимости идеологической надстройки от материальных, экономических отношений, о неизбежности коренных сдвигов в идеологической сфере в результате преобразований в экономическом базисе общества.

Общественные науки в условиях буржуазного строя

На примере эволюции буржуазной политической экономии и буржуазной историографии Маркс и Энгельс установили такую важную особенность развития общественной мысли, как отражение в ней не только радикальных изменений в социальной структуре общества, вызванных сменой способов производства, но и тех процессов, которые происходят в пределах одного и того же общественного строя. Социальная и политическая метаморфоза различных классов общества также находит свой отзвук в духовной сфере. Так, утрата буржуазией тех боевых качеств, которые в свое время отличали ее в борьбе с феодализмом, постепенное превращение ее в контрреволюционную силу вызвали характерные сдвиги в буржуазном мировоззрении, выражением которых становилась буржуазная философская, экономическая, историческая мысль и другие буржуазные общественные науки.

Переломным моментом в их развитии, по мнению Маркса и Энгельса, в известной мере были события 1848—1849 годов. Раскрыв остроту антагонизма между буржуазией и пролетариатом, они породили поворот в сознании многих видных буржуазных идеологов, побудили их к пересмотру прежних прогрессивных взглядов. Под влиянием пережитых революционных потрясений в буржуазных общественных науках усилились консервативные тенденции. Буржуазные обществоведы стали утрачивать научную проницательность. «Поистине... таланты буржуазии уходят» [1],— такими словами охарактеризовал Маркс в 1850 году это явление.

Несмотря на то, что в отдельных специальных отраслях буржуазная общественная мысль еще могла достигать значительных результатов, в целом же, как убеждались Маркс и Энгельс, она уже приближалась к рубежам, за которыми начиналась пора ее попятного движения. В рукописи «Бастиа и Кэри» (1857) Маркс, например, констатировал, что прогресс буржуазной политической экономии по существу закончился на Рикардо и Сисмонди. Последующие экономические сочинения представляли собой либо плодотворную, но узкую разработку специальных проблем, либо эклектическую компиляцию прежних идей, а чаще всего — вульгарную переделку учения экономистов-классиков, искажавшую существо этого учения. «Это всецело литература эпигонов» [2],— писал Маркс. В то время он окончательно приходит к выводу, что в буржуазной экономической науке после Рикардо наступил этап преобладания вульгарной политической экономии, затушевывания классовых противоречий и откровенно апологетического приукрашивания капитализма, опошления теорий экономистов-классиков или подмены их антинаучными доктринами.

В буржуазной исторической науке Маркс и Энгельс отмечали аналогичные процессы. Высшими достижениями буржуазной историографии основоположники марксизма считали труды французских историков периода Реставрации (1815—1830) — О. Тьерри, Ф. Гизо, Ф. Минье и др. Маркс отзывался о них как о своих предшественниках в постижении роли классовой борьбы в истории [3]. Их заслуги, особенно Тьерри, которого Маркс называл отцом ««классовой борьбы» во французской историографии» [4], он охарактеризовал в письме Энгельсу от 27 июля 1854 года. Прогрессивной чертой этого направления было выдвижение в качестве главного фактора в истории средних веков борьбы третьего сословия с феодальной аристократией, признание закономерности буржуазной революции против феодализма. В том же письме Маркс

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Гизо. «Почему удалась английская революция? Рассуждение об истории английской революции». Париж, 1850.— Соч., т. 7, с. 223.

[2] *Маркс К.* Экономические рукописи 1857—1859 годов.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 3.

[3] См.: Маркс — Иосифу Вейдемейеру, 5 марта 1852 г.— Там же, т. 28, с. 424—427.

[4] См. там же, с. 321.

указал и на пределы, дальше которых не проникла мысль даже самых проницательных буржуазных историков в познании общественного развития: Тьерри не смог разобраться в материальной основе классовых противоречий. Как и Гизо, он считал их результатом завоевания германцами Галлии, норманнами Англии и т. д. Он ограничивал борьбу классов периодом феодализма, закрывая глаза на современные ему антагонизмы буржуазного общества; третье сословие трактовал как единый класс, не замечая, что внутри него зарождались антагонистические противоречия между городской верхушкой и трудящимися низами. Маркс в своем письме подчеркнул глубокое различие между пролетарским пониманием классовой борьбы и ее либеральным толкованием историками периода Реставрации.

В дальнейшем своем развитии буржуазная историческая мысль не только не преодолела этой ограниченности школы Тьерри, но и подвергла ревизии даже либеральную концепцию классовой борьбы. Начало этому положил представитель этой школы — Гизо. Консерватор в политике до революции 1848 года, он стал после нее консерватором и в науке. В выпущенной в 1851 году брошюре «Почему удалась английская революция?», вызвавшей, как отмечалось выше, резко критический отзыв Маркса, в противовес прежнему оправданию буржуазных революций он осудил революционные «крайности» и даже попытался трактовать революционные события как акты, вызванные «злой волей и религиозным фанатизмом нескольких смутьянов, которые не захотели довольствоваться умеренной свободой» [1]. Подобные тенденции дали повод Марксу сделать вывод, что даже талантливые представители французской исторической науки были «до того сбиты с толку роковыми февральскими событиями, что утратили всякое понимание истории...» [2].

Марксу и Энгельсу становилось все яснее, что узкие рамки буржуазного мировоззрения и пороки буржуазной методологии все больше препятствуют прогрессу общественных наук. Разработка их подлинной методологической основы в виде нового, диалектико-материалистического мировоззрения отвечала не только интересам передового класса — пролетариата, но и объективным потребностям дальнейшего развития общественной мысли.

Идеологическая функция прессы

В рассматриваемые годы Маркс и Энгельс особенно тесно соприкасались с такой формой проявления духовной активности общества, как журналистика. Систематическое обращение к прессе как источнику информации в процессе их публицистической деятельности позволило им углубить сложившиеся у них представления о классовом характере печати, о функциях официальной прес-

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Гизо. «Почему удалась английская революция? Рассуждение об истории английской революции». Париж, 1850.— Соч., т. 7, с. 221.

[2] См. там же, с. 218.

сы как проводника влияния господствующих классов на широкие массы, средства формирования общественного мнения.

Еще в «Немецкой идеологии» и других произведениях 40-х годов Маркс и Энгельс показали, что монополия господствующих классов распространяется не только на материальное, но и на духовное производство. Для осуществления функций, обеспечивающих идеологическое влияние, господствующий класс, в том числе буржуазия, нуждается в особой категории людей, к которым относятся и работники печати: редакторы и издатели журналов и газет, публицисты и корреспонденты. В 50-е и 60-е годы Маркс и Энгельс продолжали развивать и конкретизировать эти идеи. Характеризуя состояние английской прессы, они отмечали тесную зависимость ведущих английских газет от правящей буржуазно-аристократической верхушки. Ее контроль над текущей прессой обеспечивался созданием привилегированного положения для буржуазных периодических изданий, классовым законодательством о печати, налоговой политикой (в частности, введением высокого штемпельного сбора, который в состоянии были вносить лишь издатели, обладавшие солидными средствами), влиянием на подбор редакторов и главных сотрудников, наконец, преградами, которые чинились демократической и рабочей печати. Пресловутая свобода печати, не раз подчеркивали основоположники марксизма, является в капиталистических условиях фикцией, лицемерным прикрытием фактического превращения прессы в прислужницу буржуазии. В статье «Наполеон и Барбес.— Штемпельный сбор с газет» Маркс отметил: «Свобода печати была до сих пор в Англии исключительно привилегией капитала» [1]. Практику издания газет в капиталистической Англии Маркс назвал «покровительственной системой по отношению к существующей печати и запретительной системой по отношению к продукции свободного духовного творчества» [2]. В еще большем подчинении у правительства находилась пресса в странах с деспотическим режимом — в бонапартистской Франции, Пруссии, Австрии. Здесь в те годы не существовало даже видимости свободы печати и свирепствовала жестокая правительственная цензура.

В буржуазной печати в большей мере, чем в других идеологических сферах, констатировали Маркс и Энгельс, проявлялся процесс поправения буржуазии, усиления в ее среде контрреволюционных настроений, отражались разложение и моральная деградация буржуазного общества в целом. В памфлете «Господин Фогт» (1860) и в ряде статей Маркс показал, как печать превращается в поприще для буржуазного предпринимательства, в арену, на которой подвизаются беспринципные дельцы, циничные наемники пера. Поверхностное и вместе с тем тенденциозное освещение

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 11, с. 165—166.
[2] См. там же, с. 165.

фактов, искажение правды, дезинформация, погоня за сенсациями становились обычными нормами буржуазной журналистики. Ко многим органам тогдашней печати относилось то, что Маркс писал о влиятельной лондонской газете «Дейли телеграф», издатели которой на потребу низкопробным вкусам обывателей заполняли ее столбцы описанием различных скандалов, уголовных преступлений и происшествий. «...Мировая столица,— едко заметил Маркс,— спускает все свои социальные нечистоты через систему гусиных перьев в одну большую бумажную центральную клоаку — «Daily Telegraph»» [1].

Ретроградные тенденции буржуазной печати особенно проявились в тех яростных нападках, с которыми она обрушивалась на участников революционной борьбы. Маркс, в частности, указывал на ведущую роль «Левиафана британской прессы» — газеты «Таймс» в организации кампаний против политических эмигрантов в Англии [2]. Во время народного восстания в Индии эта газета, разжигая шовинистические страсти, призывала к свирепой расправе с повстанцами. Когда в США в 1861 году вспыхнула гражданская война, вся лондонская ежедневная пресса, особенно консервативная, хором стала требовать интервенции против Севера в защиту южных рабовладельцев. Маркс писал, что «даже голодные волки, почуяв добычу, не воют так громко, как завывают эти торийские газеты, предвидя войну с Америкой и золотой дождь, который за ней последует!» [3].

С особым классовым пристрастием относилась буржуазная пресса к рабочему движению. Важные события, свидетельствующие о его росте, официальная пресса просто замалчивала. Зато любую клевету или инсинуацию в адрес деятелей рабочего движения буржуазные журналисты немедленно подхватывали и распространяли.

Анализируя основные тенденции развития буржуазной печати, Маркс и Энгельс отмечали все большее превращение ее в составное звено политического господства, предназначенное для идеологической обработки масс в интересах правящих клик. Пресса все больше становилась огромной фабрикой лжи и дезинформации, камуфлирующих цели внутренней и внешней политики правительств, орудием злобной травли противников эксплуататорского строя, дополняющим арсенал полицейских, судебных и других карательных средств, которым располагало буржуазное государство. Продажной и развращенной буржуазной прессе Маркс и Энгельс противопоставляли революционную пролетарскую печать, а также те прогрессивные органы буржуазной

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 14, с. 608.

[2] См.: *Маркс К.* Кошут и Мадзини.— Происки прусского правительства.— Торговый договор между Австрией и Пруссией.— «Times» и эмигранты.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 575—576.

[3] *Маркс К.* Мнение газет и мнение народа.— Там же, т. 15, с. 443.

прессы, которые еще сохранили демократические традиции и сумели не поддаться разлагающему влиянию порочных тенденций буржуазной журналистики.

Материализм и диалектика в понимании художественного творчества

В процессе изучения духовной жизни общества основоположники марксизма теоретически осмыслили также некоторые проблемы и явления искусства и литературы. Творчество крупных писателей разных народов Маркс и Энгельс высоко ценили с юношеских лет. Произведения великих мастеров слова и памятники фольклора занимали важное место среди источников их собственного научного и публицистического творчества. Редко какой теоретик, политический деятель или публицист использовал такое разнообразие и богатство литературных сравнений, мифологических и поэтических образов, изречений и афоризмов, какие встречаются в литературном наследии основоположников марксизма. Весьма заботились они о литературной форме своих работ, придавали значение образности и отточенности языка.

Глубоко интересовали Маркса и Энгельса особенности художественного творчества как своеобразной формы освоения и отображения действительности.

Еще в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» Маркс раскрыл материальные предпосылки проявления эстетических потребностей и стимулов к художественному отображению жизни. Он указал на роль труда в развитии способности человека придавать материи определенный облик «также и по законам красоты», творить и воспринимать прекрасное [1]. В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс отметили, что способность художника создавать произведения искусства определяется не только его природными человеческими свойствами, но и общественными условиями его существования — «достигнутыми до него техническими успехами в искусстве, организацией общества и разделением труда» [2].

В 1847 году в очерках «Немецкий социализм в стихах и прозе» Энгельс подверг критике идеалистические эстетические взгляды представителей «истинного социализма», подходивших к оценке художественных произведений с абстрактными критериями. На примере произведений И. В. Гёте Энгельс показал связь между творчеством художника и социально-политической и духовной средой, в которой он творит. Сфера искусства, указал Энгельс, постоянно отражает происходящие в обществе противоречивые процессы, политическую и идейную борьбу [3].

В 50-е годы основоположники марксизма углубили свое понимание зависимости художественного восприятия действительности в конечном счете от социально-экономического строя общества и сделали дальнейший шаг в выяснении особенностей художественного творчества, его места в общественной жизни. Они глубже раскрыли познавательные возможности искусства и литературы, их способность, благодаря силе эмоционального воздействия на сознание и чувства людей, оказывать могучее влияние на их духовное развитие.

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 42, с. 93—94.
[2] См. там же, т. 3, с. 392.
[3] См. там же, т. 4, с. 223—248.

В общем «Введении», входящем в состав экономических рукописей 1857—1858 годов, Маркс выявил общественную, исторически развивающуюся природу искусства. Он показал, что искусство связано «с известными формами общественного развития»; формы искусства художественным образом отражают своеобразные «общественные условия, при которых это искусство возникло, и только и могло возникнуть» [1]. В этом Маркс видел основную причину неповторимости искусства разных эпох, невозможности, например, повторения в буржуазную эпоху мифологии и эпической поэзии древних греков. «Разве тот взгляд на природу и на общественные отношения, который лежит в основе греческой фантазии, а потому и греческой [мифологии],— писал он,— возможен при наличии сельфакторов, железных дорог, локомотивов и электрического телеграфа?» [2].

Отражение в искусстве общего состояния общества, уровня его экономического развития происходит, однако, не прямолинейно. Развитие художественного творчества, подчиняясь в конечном счете общим законам общественного развития, имеет свои специфические особенности. Разъясняя это, Маркс указал на возможность несовпадения между временем бурного развития искусства и периодами подъема в сфере материального производства. «Относительно искусства известно,— писал он,— что определенные периоды его расцвета отнюдь не находятся в соответствии с общим развитием общества, а следовательно, также и с развитием материальной основы последнего, составляющей как бы скелет его организации» [3].

Рассматривая произведения искусства как своеобразное отражение исторически определенных социальных отношений, Маркс при этом указал на необходимость выделения в них тех сторон, которые имеют общечеловеческую ценность, отвечая эстетическим идеалам новых поколений. Он отметил, что прекрасные образцы греческого изобразительного искусства, поэмы Гомера и другие творения греческого гения, созданные в условиях неразвитых производительных сил, тем не менее «все еще доставляют нам художественное наслаждение и в известном отношении признаются нормой и недосягаемым образцом» [4]. Причину неувядающей свежести греческого искусства Маркс видел в том, что оно отразило свойственное детству человечества наивное, но в то же время здоровое, естественное, реалистичное восприятие действительности, ввиду чего оно обладает неиссякаемой привлекательностью. Признание не только неповторимости, но и преемственности эстетических идеалов и вкусов явилось одной из важных черт диалектического толкования развития искусства. На этом основывается марксист-

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 46, ч. I, с. 48.
[2] Там же, с. 47.
[3] Там же.
[4] См. там же, с. 48.

ский принцип бережного отношения к культурному наследию прошлого, сочетания классового подхода к нему с признанием его непреходящей ценности для духовного обогащения членов общества, социального и культурного прогресса.

Развивая мысли, высказанные еще в 40-е годы, Маркс в работе «Теории прибавочной стоимости» осветил важный вопрос о судьбах литературы и искусства в капиталистическом обществе. Противоречивость этих судеб отражает внутренние антагонизмы, свойственные самому капиталистическому строю. Вызванные его развитием прогресс науки и техники, расширение общего кругозора людей, вытеснение рациональной философией средневекового религиозно-схоластического миросозерцания дали толчок подъему художественного творчества. Но сама природа капитализма с его черствым эгоизмом, циничной и бесчеловечной эксплуатацией, лишенным привлекательности подневольным трудом, с превращением не только материальных, но и духовных ценностей в предмет купли-продажи враждебна гуманистическим началам подлинного искусства, отстаивающего права человеческой личности. Маркс отмечал, например, тот поразительный факт, что с точки зрения буржуазной политической экономии труд художника, артиста, музыканта, писателя только тогда может считаться производительным, когда он превращается в источник предпринимательской прибыли, независимо от того, доставляет ли продукт этого труда эстетическое наслаждение или нет. Создатель «Потерянного рая» Мильтон в глазах капиталиста может оказаться непроизводительным работником, а автор низкопробных литературных поделок, выгодно сбываемых книгоиздателем, наоборот, будет таковым [1]. Производственные отношения буржуазного общества и порождаемые ими критерии духовных ценностей сдерживают развитие истинного искусства.

Однако эти выводы отнюдь не означали, будто искусство при капитализме обречено на застой. Его развитие не только тормозится, подметил Маркс, но и стимулируется капиталистической действительностью. Буржуазное общество с присущими ему трагическими коллизиями, а порой и ситуациями, полными комизма, дает для художника в изобилии материал для критических наблюдений и раздумий, для отображения в форме художественных образов окружающих его явлений, нередко уродливых и постыдных. Даже такое порождение классового общества, как преступление, писал Маркс, вызвало к жизни не только уголовный кодекс, но и соответствующий отзвук в литературе, в том числе в виде шедевров, подобных «Разбойникам» Ф. Шиллера [2]. В эпоху капитализма появляются и различные формы художественного протеста против капиталистической действительности, антибуржуазные мотивы в искусстве. Чем яснее сознает художник пропасть между сущест-

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 26, ч. I, с. 410.
[2] См. там же, с. 394.

вующими буржуазными отношениями и своими гуманистическими устремлениями, тем сильнее звучит в его произведениях осуждение капиталистической системы. Капиталистическая эпоха уже на заре своего становления выдвинула В. Шекспира, в дальнейшем — О. Бальзака и других гениев, которые в своих творениях, наряду с утверждением гуманистических идей, с прославлением человеческих добродетелей, сумели с поразительной художественной силой изобразить и заклеймить пороки эксплуататорского строя — алчную жажду богатства, безграничную власть денег, жестокосердие по отношению к обездоленным, грубое попрание человеческого достоинства и т. п.

Метод реализма

Важнейшие принципы марксистской эстетики были сформулированы Марксом и Энгельсом в полемике с Ф. Лассалем по поводу написанной им исторической драмы «Франц фон Зиккинген», посвященной немецкому рыцарскому восстанию 1522 года против крупных феодалов.

В письмах Лассалю (Маркса от 19 апреля, Энгельса от 18 мая 1859 года) основоположники марксизма раскрыли сущность реализма как метода художественного творчества, позволяющего глубоко и правдиво отображать общественные явления, не копируя их, а обобщая в художественной форме. Реализм Маркс и Энгельс считали главным достоинством искусства и литературы. Еще в 1850 году в рецензии для журнала-обозрения «Новая Рейнская газета» они подчеркнули предпочтительность — и в художественных произведениях, и в исторических работах — изображения действительности «суровыми рембрандтовскими красками», без идеализации и приукрашивания [1]. Правдивость художественного отображения типических черт той или иной эпохи больше всего ценили Маркс и Энгельс в творчестве В. Шекспира, М. Сервантеса, И. Гёте, О. Бальзака, А. С. Пушкина и других великих писателей-реалистов. Английских реалистов XIX века — Ч. Диккенса, У. Теккерея, Ш. Бронте и Э. Гаскелл — Маркс в 1854 году назвал блестящей плеядой романистов, «которые в ярких и красноречивых книгах раскрыли миру больше политических и социальных истин, чем все профессиональные политики, публицисты и моралисты вместе взятые» [2].

Разбирая достоинства и недостатки драмы Лассаля, Маркс и Энгельс упрекали автора прежде всего в отходе от реализма, в подмене живой обрисовки характеров героев драматического произведения абстрактной риторикой, в превращении их в «простые рупоры духа времени» [3]. Неумение Лассаля по-настоящему отобразить историческую обстановку, передать ее колорит сказалось в

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 7, с. 280.

[2] См.: *Маркс К.* Английская буржуазия.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 10, с. 648.

[3] См.: Маркс — Фердинанду Лассалю, 19 апреля 1859 г.— Там же, т. 29, с. 484.

фактическом отсутствии в его драме подлинного социального фона рисуемых событий кануна Великой крестьянской войны в Германии 1525 года, представителей народных масс, мятежных крестьян и плебеев.

Из писем Маркса и Энгельса явствует, что герои реалистического произведения должны обладать не произвольными и надуманными, а типичными чертами, отражающими реальный характер классовой среды, к которой принадлежит то или иное действующее лицо. При этом, подчеркивалось в письмах, автор-реалист выражает свои идеи не в форме резонерских назидательных рассуждений, а посредством полнокровных образов и живого действия, подлинно жизненных коллизий и ситуаций, которые, если речь идет о произведении на исторические темы, отражали бы действительные стороны исторического процесса. Лассаль, считали Маркс и Энгельс, усугубил некоторые слабости творческого метода великого поэта и драматурга Ф. Шиллера — его склонность к отвлеченной дидактике. Писатель же реалист должен стремиться, по словам Энгельса, к полному слиянию «большой идейной глубины, осознанного исторического содержания», в значительной степени присущих шиллеровской драме, «с шекспировской живостью и богатством действия», с шекспировским умением изображать настоящие человеческие страсти, богатство, разносторонность и противоречивость человеческой натуры [1].

В письмах Лассалю Маркс и Энгельс затронули вопрос о политической позиции писателя, о связи литературы и искусства с жизнью. Идейно-политическая направленность, считали они, присуща любому художественному произведению; основоположники марксизма отрицательно относились к попытке поставить художественное творчество над политикой, к теории «чистого искусства». Лассаля же Маркс и Энгельс критиковали за глубокую ошибочность политической тенденции, которая пронизывала содержание его драмы: в ней проявилась склонность Лассаля ориентироваться на юнкерство и буржуазию в борьбе за объединение Германии, пренебрегая ролью, которую призваны были сыграть в этой борьбе пролетарские и крестьянские массы. Для литературы, которая должна играть роль выразительницы интересов передовых общественных сил, подобная политическая позиция, по убеждению Маркса и Энгельса, была неприемлемой. Эта позиция была несовместима с ее назначением провозвестника и глашатая революционных идей. Только органическое соединение идейности с художественным мастерством, по их мнению, превращало искусство и литературу в могучий духовный двигатель общественного прогресса.

---

[1] См.: Энгельс — Фердинанду Лассалю, 18 мая 1859 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 29, с. 492—493.

5. ВКЛАД В РАЗРАБОТКУ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ ПРОЛЕТАРИАТА

Важное место в деятельности Маркса и Энгельса в 50—60-е годы занимала разработка стратегии и тактики пролетариата и революционной демократии в политической жизни и борьбе. Поскольку влияние марксизма на рабочее движение было в те времена еще весьма ограниченным, да и само движение в целом отличалось слабой организованностью и идейной незрелостью, вырабатываемая основоположниками марксизма политическая платформа не могла еще стать программой непосредственных действий масс. Ценность стратегических и тактических установок, выдвинутых Марксом и Энгельсом в эти годы, состояла прежде всего в том, что они служили образцом революционной политики, основанной на научном анализе исторической обстановки и всестороннем учете потребностей общественного развития, известного рода примером для будущего. Пропаганда этих установок уже тогда являлась средством революционного воспитания масс, разъяснения насущных задач рабочего движения, облегчавшим в дальнейшем развертывание практической борьбы за их осуществление.

Линия Маркса и Энгельса в рассматриваемые годы определялась в целом задачами борьбы за доведение до конца буржуазно-демократических преобразований, прерванных поражением революций 1848—1849 годов, в том числе объединения политически раздробленных стран и национального освобождения угнетенных народов. Эта общая стратегическая ориентация была в основном намечена основоположниками марксизма еще в период революций. В целом она оставалась в силе и в последующие годы. Однако в разное время она видоизменялась и конкретизировалась Марксом и Энгельсом в зависимости от сложившейся ситуации. Основоположники марксизма отстаивали при этом такую форму осуществления указанных исторических задач, которая предполагала их наиболее радикальное решение, активное участие в революционной борьбе широких масс народа, достижение в огне борьбы сплочения сил пролетариата, подготовку его к социалистической революции. Ибо Маркс и Энгельс не упускали из виду перспективу непрерывной революции, то есть возможности перехода ее от буржуазного этапа к пролетарскому, что они теоретически обосновали еще в 1850 году.

Разумеется, исторические события далеко не всегда развивались в том направлении, которое отвечало интересам рабочего класса и демократических кругов. Нередко верх брали противоположные тенденции, и это трезво принималось в расчет Марксом и Энгельсом. Но уже в то время в ряде случаев — в Италии 1860 года, в период Гражданской войны в США — их ориентация на революционное решение назревших вопросов целиком или частично оправдалась; политический курс основоположников марксиз-

ма имел реальную почву, опирался на действительные возможности в историческом процессе.

С позиций «шестой державы»

Первым крупным европейским событием, потребовавшим уточнения тактики с учетом изменившейся после 1848—1849 годов обстановки, была Крымская война 1853—1856 годов. Причину ее возникновения Маркс и Энгельс видели в торговом и политическом соперничестве между западноевропейскими державами — Англией и Францией, с одной стороны, и царской Россией — с другой, на Балканах и Ближнем Востоке, в борьбе за захват ключевых позиций в этом регионе, в первую очередь Дарданелл и Босфора, за раздел владений одряхлевшей Османской империи, сотрясаемой национально-освободительной борьбой угнетенных ею народов.

Царскую Россию Маркс и Энгельс продолжали, как и в 1848—1849 годах, считать опасной для революционного движения агрессивной силой. Они отмечали, что хотя победы русской армии в войнах с Турцией объективно помогали угнетенным народам Балкан освобождаться от османского ига, царизм под маской покровителя единоверцев — греков и славян стремился утвердить на Балканском полуострове собственное владычество [1]. Но и правящие классы буржуазно-аристократической Англии и бонапартистской Второй империи действовали не менее корыстно. Лицемерно выдавая себя за защитников целостности турецкого государства, они на деле вынашивали собственные планы захвата отпадавших от него территорий, навязывали Турции свой финансовый и политический контроль, бесцеремонно вмешивались в ее внутренние дела. Добиваясь ослабления России как соперника на Востоке и в Европе, правящие верхи англо-французского блока в то же время старались сохранить царское самодержавие в качестве оплота международной реакции.

Маркс и Энгельс подходили к решению восточного вопроса с позиций «шестой державы», как они называли будущую европейскую революцию, противопоставляя ее пяти тогдашним европейским «великим державам» — Австрии, Англии, Пруссии, России и Франции. Они считали, что вызванный политикой господствующих классов военный кризис может создать ситуацию, благоприятную для революционного развития, что европейский пролетариат и демократия заинтересованы в превращении ведущейся с обеих сторон в завоевательных целях Крымской войны в народную войну против царизма и фактически поддерживавших его международных реакционных сил. Если бы удалось изменить характер войны таким образом, то это неизбежно вызвало бы новый революционный подъем, означавший для английской аристократии *«утрату ее*

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Британская политика.— Дизраэли.— Эмигранты.— Мадзини в Лондоне.— Турция; *Энгельс Ф.* Что будет с европейской Турцией? — Соч., т. 9, с. 2—10, 31—36.

правительственной монополии» [1] и чреватый еще более грозными последствиями для бонапартистского режима. Европейский пролетариат смог бы тогда, отмечал Маркс в статье «Ближайшие перспективы во Франции и Англии», «занять положение, утраченное им в результате июньской битвы 1848 года во Франции» [2]. В этом случае открылся бы подлинный путь к свободе и для народов, изнывавших под игом Османской империи. Разрушение в результате народной революции этого очага феодального варварства и создание на его обломках независимых национальных государств, считали Маркс и Энгельс, отвечали потребностям исторического прогресса.

В 1853—1856 годах в революционных расчетах Маркса и Энгельса появился новый, по сравнению с 1848—1849 годами, существенный момент: они стали допускать, что в борьбу с царизмом включатся прогрессивные силы в самой России. Энгельс 12 апреля 1853 года писал И. Вейдемейеру: «...дворянско-буржуазная революция в Петербурге с последующей гражданской войной внутри страны вполне возможна» [3]. Основоположники марксизма предвидели вероятность распространения европейского революционного движения и на Россию. «Начиная с 1789 г., границы революции неизменно передвигаются все дальше,— отмечал Энгельс.— Ее последними рубежами были Варшава, Дебрецен, Бухарест; аванпостами ближайшей революции должны быть Петербург и Константинополь» [4].

Исход Крымской войны не оправдал надежд Маркса и Энгельса, не приведя к существенным политическим и социальным сдвигам в Европе. Однако послевоенная обстановка в России подтвердила их прогноз о вероятном усилении внутреннего сопротивления царскому режиму. Война обострила кризис крепостничества, ускорила процесс созревания революционной ситуации, что побудило правящую верхушку стать на путь крестьянской и других реформ. Об этих последствиях войны Маркс писал во второй половине 50-х годов и позднее, в 1871 году, в наброске «Гражданской войны во Франции», подчеркивая, что поражение царской армии «в самой стране вскрыло гнилость ее социальной и политической системы,— пусть Россия защитой Севастополя даже спасла свою честь и ослепила иноземные государства своими дипломатическими триумфами в Париже...» [5].

В 50-х годах Маркс выдвинул и обосновал один из тактических

---

[1] См.: *Маркс К.* Ретроспективный взгляд на крымскую кампанию.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 10, с. 586.

[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 11, с. 191.

[3] Там же, т. 28, с. 487.

[4] *Энгельс Ф.* Что будет с европейской Турцией? — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 9, с. 33.

[5] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 17, с. 520—521.— Имеется в виду Парижский конгресс 1856 года, на котором был заключен мир между участниками Крымской войны.

принципов пролетарского движения — о возможности совместных политических действий не только с представителями естественных союзников рабочего класса — крестьянства и радикальной мелкой буржуазии, но и с некоторыми группировками господствующего класса, находящимися в оппозиции к реакционной правящей верхушке. Особенно важны мысли Маркса об условиях, соблюдение которых было обязательным при проведении такой тактики. Совместные действия, считал он, не должны достигаться ценой каких-либо отступлений со стороны пролетарских революционеров от их идейных принципов и не должны сопровождаться отказом их от критики неприемлемых взглядов и действий своих временных попутчиков. В одном из своих писем в мае 1860 года Маркс указал, что люди различных партийных убеждений могут *«совместно* выступать против внешних врагов, не идя на какие-либо взаимные уступки» [1]. Совместные действия с различными оппозиционными течениями, подчеркивал Маркс, должны идти на пользу рабочему классу, а не в ущерб его классовым интересам. «В политике ради известной цели можно заключать союз даже с самим чертом,— писал он,— нужно только быть уверенным, что ты приведешь чёрта, а не чёрт тебя» [2].

Пролетарская тактика борьбы за национальное единство Италии и Германии

Новым, после революций 1848—1849 годов, импульсом для выработки тактики пролетарских революционеров в вопросах национального объединения Италии (а также Германии) послужила вспыхнувшая весной 1859 года война Франции и Пьемонта против Австрии. В предвоенный период, во время военных действий и после их окончания Маркс и Энгельс выступали в печати с разъяснением тактических задач в итальянском вопросе не только итальянской, но и всей европейской демократии, прежде всего рабочего класса. Эта тактическая линия предусматривала сосредоточение усилий на борьбе против бонапартизма как основного препятствия на пути демократического объединения Италии. Бонапартизм в то время Маркс и Энгельс считали главным врагом европейского пролетариата и демократии, особенно опасным тем, что свою контрреволюционную и завоевательную политику он проводил под флагом защиты угнетенных наций. Разыгрывая фальшивую роль «освободителя» Италии от австрийского господства, Наполеон III стремился подчинить французскому влиянию Аппенинский полуостров, сохранить его политическое расчленение, усилить гегемонию Второй империи в Европе, укрепить бонапартистский режим в самой Франции. Маркс разъяснял, что *«бонапартовское* освобождение Италии только предлог, чтобы держать Францию в угнетении, подчинить

---

[1] См.: Маркс — Эдуарду Фишелю, 8 мая 1860 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 30, с. 441.

[2] *Маркс К.* Кошут, Мадзини и Луи-Наполеон.— Там же, т. 8, с. 410.

Италию режиму государственного переворота, расширить «естественные границы» Франции в сторону Германии, превратить Австрию в орудие России и вовлечь народы в войну между легитимной и нелегитимной контрреволюцией» [1].

Борьба против Второй империи становилась центральной задачей революционных сил, в том числе французских. Противодействие, которое бонапартистское государство оказывало объединению не только Италии, но и Германии, его посягательства и на немецкие территории превращали эту борьбу в национальное дело как итальянского, так и немецкого народов. Поэтому Маркс и Энгельс считали, что вступление государств Германского союза в войну против бонапартистской Франции отнюдь не означало бы поддержку угнетения Австрией Италии. Желательным развитием событий было бы превращение Итальянской войны из войны «легитимной» (т. е. австрийской) и «нелегитимной» (т. е. бонапартистской) контрреволюции, из династической и завоевательной с обеих сторон в войну народов за действительное объединение своих стран, в национально-революционную войну. Она могла нанести удар всем тем силам, которые препятствовали решению этой задачи, поколебать бонапартистский режим во Франции, монархии Габсбургов и Гогенцоллернов в Австрии и Пруссии, а также царскую Россию — резерв европейской контрреволюции. Потенциальных союзников революционных армий в войне против Французской империи, а также царской России, если последняя войдет с ней в коалицию, основоположники марксизма видели в трудящихся массах этих стран, в частности в русских крепостных крестьянах. Энгельс прямо писал об этом в брошюре «Савойя, Ницца и Рейн» [2].

Надежды Маркса и Энгельса на то, что народные массы и демократические силы Италии сами возьмут в свои руки дело национального возрождения страны, начали сбываться в апреле 1860 года, когда в Сицилии высадились бойцы добровольческого отряда Дж. Гарибальди. Осенью того года вся территория Неаполитанского королевства оказалась в руках гарибальдийцев. И хотя Гарибальди и его сподвижники не сумели помешать итальянским либерально-монархическим кругам воспользоваться плодами народной победы и включить освобожденный Юг страны в состав Итальянского королевства, гарибальдийская эпопея на практике доказала правильность тактической линии Маркса и Энгельса, их ориентации на осуществление национального объединения революционным путем.

В Германии в это время также вновь обозначилась перспектива двух возможных путей достижения национального единства — революционно-демократического объединения страны, означавшего свержение существующих династий и коренные внутренние преобразования, или объединения ее сверху, под эгидой либо Гоген-

[1] *Маркс К.* Господин Фогт.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 14, с. 485.
[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 13, с. 635—636.

цоллернов, либо Габсбургов, посредством дипломатических комбинаций и династических войн. В этих условиях долгом рабочего класса и революционной демократии, считали Маркс и Энгельс, было всячески противодействовать замыслам прусских монархических кругов, к поддержке которых все больше склонялись немецкие либеральные буржуа и многие буржуазные демократы. В борьбе за углубление революционного процесса в Германии необходимо было давать решительный отпор попыткам навязать Германии прусскую гегемонию, распространить на всю страну господствовавшие в юнкерской Пруссии полицейско-бюрократические порядки.

«Независимость Польши и революция в России взаимно обусловливают друг друга». Солидарность с борцами против рабства в США

В начале 60-х годов внимание Маркса и Энгельса все больше стали привлекать известия о революционном брожении в России. Хотя сведения об этом были отрывочными и неполными — о деятельности Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова, о создании их последователями в 1862 году тайной революционной организации «Земля и воля» Марксу и Энгельсу стало известно значительно позднее,— они послужили основанием для важных выводов. Основоположники марксизма приходили к убеждению о неизбежности народной революции в России, о невозможности предотвратить ее верхушечными реформами, о международной роли, которую ей предстоит сыграть. С тех пор революционное движение в России стало занимать в их стратегической ориентации место не просто потенциального союзника западноевропейских революционных сил, а важного фактора общеевропейского революционного процесса. Если в периоды Крымской и Итальянской войн вспышку революции в России Маркс и Энгельс рассматривали как возможное последствие революционных событий на Западе, то теперь у них начало складываться мнение, что от русской революции можно ожидать толчка для революционного развития Западной Европы. В крестьянских волнениях в России, в национально-освободительном восстании в польских землях Российской империи 1863—1864 годов они увидели симптомы вероятного изменения маршрутов будущей революции. «Будем надеяться, что на сей раз лава потечет с востока на запад, а не наоборот...» [1] — писал Маркс Энгельсу 13 февраля 1863 года в связи с известием о начавшемся польском восстании.

Как и в предыдущие годы, в 1863—1864 годах Маркс и Энгельс выступили со страстной защитой прав польского народа на независимость. Образование демократического польского государства, считали они, должно было нанести удар трем столпам европейской реакции, участвовавшим в конце XVIII века в разделе Польши,— царской, австрийской и прусской монархиям, расстроить жандармский союз, который эти державы всякий раз заключали против революционных и национально-освободительных движений. Европей-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 30, с. 266.

ский рабочий класс был глубоко заинтересован в освобождении Польши, как и других угнетенных народов. Для немецких рабочих требование независимости Польши превращалось в составную часть программы борьбы за объединение Германии революционно-демократическим путем в противовес планам ее опруссачивания.

Одной из важных задач Маркс и Энгельс считали разоблачение демагогии английских и французских правящих кругов в польском вопросе. Их показные демарши в пользу польских повстанцев, как это было с самого начала ясно Марксу и Энгельсу, служили лишь завесой, прикрывавшей корыстные стремления использовать польское движение как разменную монету в дипломатической игре, как средство приобретения для себя внешнеполитических выгод. Подлинными союзниками польских борцов за независимость на Западе были лишь пролетариат и революционная демократия. Эта идея пронизывала все выступления Маркса и Энгельса по польскому вопросу.

В это же время основоположники марксизма выдвинули и новое, важное положение о путях и условиях освобождения Польши. Они связали эти пути с перспективой революционного развития России, придя к заключению, что соединение революционных усилий польских и русских народных масс явится залогом успеха в борьбе за восстановление польского государства. Эта мысль позднее получила четкую формулировку в одном из произведений Энгельса: «Независимость Польши и революция в России взаимно обусловливают друг друга» [1]. Союз революционной России и борющейся Польши при энергичной поддержке западноевропейского пролетариата и подлинно демократических кругов — такая расстановка сил, по мнению Маркса и Энгельса, действительно могла обеспечить решение польского вопроса в революционно-демократическом духе, а также способствовать успеху русской и общеевропейской революций.

В такой постановке проблемы получила отражение и дальнейшее развитие идея союза рабочего класса с крестьянством. На основе анализа событий 50 — начала 60-х годов в Италии, Польше, России, колониальных странах Маркс и Энгельс расширили свое понимание вопроса о формах этого союза, учтя как его внутригосударственный, так и международный аспект. Они пришли к заключению, что революционную энергию крестьянских масс, проявляющуюся и в их участии в национально-освободительных движениях, следует использовать в совместной борьбе с пролетариатом не только в отдельных странах, но и на международной арене. Солидарность с выступлениями крестьянства аграрных стран против помещичьего и национального гнета становилась, по убеждению Маркса и Энгельса, одним из важных интернациональных принципов международного пролетариата.

[1] *Энгельс Ф.* Эмигрантская литература.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 509.

Опыт Гражданской войны в США 1861—1865 годов позволил Марксу и Энгельсу углубить понимание интернационального характера тактики рабочего класса. Революционные события по ту сторону Атлантического океана они рассматривали не только как внутреннее дело американского народа. Тот или другой исход борьбы против рабства негров в Америке глубоко затрагивал интересы трудящихся европейского континента. Подчеркивая в своих печатных выступлениях значение интернациональной солидарности европейского рабочего класса с борцами против рабства в США, Маркс с удовлетворением отмечал, что эти идеи проникали в сознание передовой части рабочих. Это ярко проявилось в массовой кампании протеста против вынашиваемых правящими кругами Англии и Франции планов военного вмешательства в поддержку рабовладельцев Юга. В выступлениях передовых рабочих Англии против готовившейся интервенции в США Маркс увидел подтверждение своей мысли о способности пролетариата оказывать эффективное противодействие планам правящей верхушки, срывать затеваемые ею внешнеполитические авантюры.

6. ЗА ПРОЛЕТАРСКУЮ ПАРТИЮ, ПРОТИВ МЕЛКОБУРЖУАЗНЫХ ТЕЧЕНИЙ В РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ

Сплочение ядра будущей партии

На протяжении 50-х и первой половины 60-х годов Маркс и Энгельс обосновывали в своих печатных выступлениях и письмах необходимость пролетарской партии и предпринимали практические шаги к тому, чтобы исподволь готовить почву для ее создания. При этом свои усилия они направляли на теоретическую закалку костяка будущей партии, состоявшего из группы их учеников и соратников, на привлечение новых приверженцев, на поиск средств для распространения коммунистических идей в массах и воспитания их в революционном духе.

Маркс и Энгельс не предопределяли организационного устройства будущей партии, исходя из убеждения, что оно будет зависеть от конкретных условий развития рабочего движения. По-прежнему стремясь к интернациональному объединению пролетариата, они считали важным также создание пролетарских организаций в тех странах, где для этого складывались благоприятные возможности. Ошибочную, особенно опасную в обстановке реакции, тенденцию они видели в попытках свести борьбу за партию к возрождению организаций сектантского типа, оторванных от масс. Маркс, в частности, в конце 50-х годов отверг исходившее от некоторых его сторонников в США предложение восстановить Союз коммунистов в Европе, разъяснив, что задача развертывания европейского рабочего движения исключает возврат к узким формам организации наподобие Союза, а предпосылки для создания массового полити-

ческого объединения рабочих пока еще не созрели [1]. В то же время Маркс и Энгельс большое значение придавали сохранению преемственности в развитии освободительной борьбы пролетариата. Следовало заботиться о том, чтобы политический и организационный опыт, накопленный в результате деятельности Союза коммунистов и участия рабочих в революционных боях, не был утрачен, чтобы лучшие традиции прошлого этапа рабочего движения были прочно усвоены. Ввиду этого важно было стремиться придать деятельности существующих рабочих организаций и органов пролетарской печати подлинно революционный характер, а там, где они отсутствовали, вести подготовительную работу для их создания. Одной из насущных задач Маркс и Энгельс считали сохранение и расширение интернациональных связей между рабочими деятелями разных стран.

За возрождение чартизма на социалистической основе

В Англии Маркс и Энгельс всячески способствовали попыткам левого крыла чартистов, возглавляемого Э. Джонсом, возродить чартистское движение, несмотря на трудности, которые встречала агитация за Народную хартию в те годы, в условиях охлаждения к ней значительных слоев рабочих, усиления аполитичности среди членов тред-юнионов, роста влияния буржуазных кооперативистов и христианских социалистов. Тем не менее в рядах Национальной чартистской ассоциации, численность которой по сравнению с 40-ми годами значительно сократилась, действовало немало подлинно революционных элементов. В 1851 году чартистским конвентом впервые в истории чартизма была принята программа, провозгласившая социалистические цели движения. В этом сказалось влияние идей научного коммунизма, отразившееся и на других сторонах деятельности революционных чартистов: на содержании их печатных и устных выступлений, на их стремлении сочетать борьбу за политические требования с защитой экономических интересов рабочих и крепить связи с массами. «Джонс стоит на вполне правильном пути, и мы можем смело сказать, что без нашего учения он никогда не выбрался бы на верную дорогу...» [2] — писал Энгельс Марксу 18 марта 1852 года о чартистском лидере.

Маркс и Энгельс считали, что борьба за возрождение чартизма на новой, социалистической основе открывала известную перспективу создания в Англии массовой революционной партии рабочего класса и позволяла рассчитывать на то, что ее идейная платформа будет более выдержанной и зрелой, чем прежние чартистские программы. В поисках путей создания такой партии, что могло в какой-то мере послужить примером и для передовых рабочих

---

[1] См.: Маркс — Иосифу Вейдемейеру, 1 февраля 1859 г.; Маркс — Фердинанду Фрейлигграту, 29 февраля 1860 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 29, с. 468; т. 30, с. 400.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 28, с. 31.

других стран, они видели главный смысл деятельности своих чартистских друзей. Основоположники марксизма рассматривали эту деятельность как одну из форм противодействия усиливавшимся реформистским тенденциям в английском рабочем движении, как способ вновь придать ему революционное направление. Поэтому они деятельно помогали Джонсу и его соратникам налаживать выпуск чартистских печатных органов — еженедельника «Notes to the People» («Заметки для народа», 1851—1852) и особенно газеты «The People's Paper» («Народная газета», 1852—1858). Одобрение и поддержку Маркса и Энгельса встретили усилия чартистов, направленные на расширение сферы массовой агитации, на установление контактов с участниками стачек, их попытка основать новую широкую организацию «Массовое движение» и созыв с этой целью в Манчестере в марте 1854 года Рабочего парламента. Маркс рассчитывал, что деятельность Рабочего парламента, где были представлены различные отряды пролетариата (чартисты, члены тред-юнионов и кооперативных обществ, неорганизованные рабочие), позволит найти соответствующую тогдашним условиям форму национального объединения пролетарских сил, которое при надлежащем политическом руководстве может развиться в массовую пролетарскую партию. Но чартистам не удалось преодолеть косного отношения к политической борьбе представителей тред-юнионов и достигнуть намеченных целей.

Стремясь популяризировать опыт чартистского движения в других странах, Маркс освещал его важнейшие стороны в статьях для «New-York Daily Tribune» и «Neue Oder-Zeitung», воспроизводил в них материалы чартистской печати, выступления чартистских лидеров на различных митингах. О его отношении к революционному чартизму ярко свидетельствует участие 14 апреля 1856 года в собрании, посвященном четырехлетнему юбилею «Народной газеты», на котором он произнес речь, полную оптимистической веры в конечное торжество рабочего класса.

Обстоятельства, однако, все больше вели к свертыванию чартистского движения. Одним из симптомов этого стали проявленные с 1857 года Джонсом политические колебания, его уступки буржуазным радикалам, следствием чего был переход в их руки в июне 1858 года «Народной газеты», а вскоре и прекращение ее издания. Маркс с горечью писал, что Джонс, который с 1850 года «с величайшей самоотверженностью и талантом принялся за реорганизацию чартистской партии», пошел на непростительную посредническую сделку с буржуазными политиками [1].

Причину происходивших перемен Маркс и Энгельс видели в социальных процессах, затронувших рабочий класс Англии, в образовании среди него верхушечного слоя, которому английская

[1] См.: *Маркс К.* Об Эрнесте Джонсе.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 50, с. 354—355.— Отказавшись в это время поддерживать личные отношения с Джонсом, Маркс и Энгельс в 1860 году возобновили их, когда бывший чартистский лидер снова стал выступать в революционном духе.

буржуазия создавала привилегированное положение, делясь с ним крохами своих баснословных барышей от эксплуатации колоний и господства на мировом рынке. Именно этот слой явился главным проводником буржуазного влияния на пролетариат, основным источником распространения среди него реформистских настроений. Энгельс писал Марксу 7 октября 1858 года, что «самая буржуазная из всех наций», которая эксплуатирует весь мир, хочет «иметь буржуазную аристократию и буржуазный пролетариат *рядом* с буржуазией» [1]. Таким образом, Энгельс сумел подметить такое новое, характерное в то время только для Англии явление, как формирование рабочей аристократии, обусловленное мировой промышленной и колониальной монополией этой страны. «В обоих отношениях Англия была тогда исключением среди капиталистических стран,— отмечал Ленин,— и Энгельс с Марксом, анализируя это исключение, совершенно ясно и определенно указывали *связь* его с победой (временной) оппортунизма в английском рабочем движении» [2].

В то же время Маркс и Энгельс были убеждены, что революционное наследие чартизма не утратило своего значения. Они верили в восстановление преемственности между чартистским этапом и последующей ступенью развития английского рабочего движения, надеясь, что революционное течение в нем не исчезнет бесследно, что рано или поздно рабочий класс Великобритании вновь проявит революционную энергию. Они считали необходимым всемерно способствовать этому, поддерживать различные формы вовлечения английских рабочих в активную борьбу — стачечное движение, политическую агитацию, кампании солидарности с рабочими и революционными демократами других стран и т. д.,— которые могли бы привести в движение пролетарские массы.

Коммунистическая пропаганда в рабочем движении США

Возможности для легальной пропаганды научного коммунизма и создания пролетарских организаций помимо Англии в то время существовали также в США. Однако распространению марксизма в заокеанской республике препятствовали такие факторы, как большая неоднородность американского рабочего класса, пополнявшегося эмигрантами из разных стран, пестрота распространенных в его среде взглядов, идейная незрелость значительных слоев пролетариата, постоянный отлив части рабочих на необжитые земли Запада. Тем не менее и здесь нашлись силы, взявшие на себя задачу распространения революционных марксистских идей. В Америку после революций 1848—1849 годов эмигрировала часть членов Союза коммунистов. Среди них в 50-е годы своей активностью выделялись соратники Маркса И. Вейдемейер и А. Клусс, ставшие подлинными пионерами марк-

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 29, с. 293.

[2] *Ленин В. И.* Империализм и раскол социализма.— Полн. собр. соч., т. 30, с. 170.

сизма в США. Благодаря их усилиям там был издан, как уже отмечалось, ряд произведений Маркса — «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов», «Рыцарь благородного сознания». Выступлениями в печати, участием в основании и работе ряда пролетарских организаций американские сподвижники Маркса оказывали влияние на местное рабочее движение в коммунистическом духе. Они пользовались постоянной поддержкой Маркса и Энгельса, которые содействовали осуществлению их организаторских начинаний, литературных и издательских планов, снабжали их необходимой информацией, разъясняли в письмах свою позицию по различным вопросам.

Активную роль в коммунистической пропаганде сыграл основанный Вейдемейером в мае 1852 года в Нью-Йорке Союз пролетариев — американская ветвь Союза коммунистов, не прекратившая своей деятельности и после роспуска последнего в Европе. Союз пролетариев был связан с местными просветительными, гимнастическими и другими обществами американских рабочих немецкого происхождения. Он явился инициатором основания в марте 1853 года более широкого Американского рабочего союза и фактически влился в эту организацию немецко-американских рабочих. Американский рабочий союз стремился наладить контакт с тред-юнионами, в частности с теми, которые состояли из коренных американских рабочих. Хотя просуществовал он недолго, его деятельность положила начало втягиванию передовых элементов не только из немецкой рабочей эмиграции, но и из коренных американцев в русло интернационального пролетарского движения и приобщению их к революционному мировоззрению. Важную роль в этом сыграла выпускавшаяся с марта 1853 года по апрель 1854 года в Нью-Йорке газета «Die Reform», ставшая органом Американского рабочего союза.

В октябре 1857 года в Нью-Йорке при содействии Вейдемейера немецкими эмигрантами был основан Коммунистический клуб. Вскоре его председателем был избран участник германской революции 1848—1849 годов Фридрих Адольф Зорге, ставший впоследствии близким соратником Маркса и Энгельса. Члены Коммунистического клуба изучали произведения основоположников марксизма, проводили на своих собраниях дискуссии по теоретическим и политическим вопросам. Хотя пропаганда клубом марксистских идей не приобрела широкого размаха, она все же способствовала их распространению в США.

В 1860 году Вейдемейер занял ведущее положение в одной из влиятельных в немецко-американском движении организаций, пользовавшейся авторитетом и среди рабочих других национальностей,— Чикагском рабочем союзе. С марта по август того же года Вейдемейер возглавлял редакцию основанного им органа союза — газеты «Stimme des Volkes» («Голос народа»), которую использовал для коммунистической пропаганды.

Распространение идей научного коммунизма в США в 50 —

начале 60-х годов XIX века способствовало подготовке предпосылок для создания после Гражданской войны 1861—1865 годов американских секций I Интернационала. Союз пролетариев, Американский рабочий союз, Коммунистический клуб, в известной мере Чикагский рабочий союз явились посредствующими звеньями, через которые в американском рабочем движении осуществилась преемственная связь между первоначальной пропагандой марксизма активными членами Союза коммунистов и последующим сплочением передовой части американского рабочего класса на марксистской платформе под знаменем Международного товарищества рабочих.

Связи с пролетарскими революционерами в Германии и Франции

В странах европейского континента, в которых, как правило, революционная деятельность могла продолжаться только нелегально, преемственная связь между первоначальным этапом борьбы за соединение научного коммунизма с рабочим движением и последующими ее ступенями достигалась другими путями. На немецких рабочих, среди которых были живы воспоминания о революции 1848—1849 годов, о «Новой Рейнской газете» и ее боевых выступлениях, оказывали влияние пролетарские революционеры, побывавшие в эмиграции в Швейцарии и Англии. Часть из них, пройдя политическую школу за рубежом, в частности в лондонском Просветительном обществе немецких рабочих, возвращалась на родину обогащенной революционными идеями. К концу 50-х годов в Обществе (в котором в период раскола Союза коммунистов возобладали сектантские элементы) вновь утвердилось влияние соратников Маркса — И. Г. Эккариуса, В. Либкнехта, Ф. Лесснера, К. Пфендера, Г. Лохнера и др. Маркс возобновил свое участие в работе Общества, читал в нем лекции по политической экономии, пользовался его поддержкой при издании в 1859 году газеты «Das Volk».

В самой Германии деятельность последователей Маркса и Энгельса была затруднена. Тем не менее они устраивали нелегальные собрания и сходки, вели дискуссии о тактике, читали произведения основоположников марксизма; некоторые из них переписывались с Марксом, приезжали к нему в Лондон. В нелегальной революционной работе участвовали как бывшие члены Союза коммунистов (К. Клингс, К. Клейн, П. Штумпф, А. Фогт), так и новые силы (З. Мейер, Л. Кугельман, В. Эйххоф и др.). Когда в мае 1863 года в Лейпциге был основан во главе с Ф. Лассалем легальный Всеобщий германский рабочий союз, в его рядах оказалось немало людей, тяготевших к марксизму. В эту организацию их привело стремление к активной политической деятельности, и вскоре они составили в ней ядро революционной оппозиции, выступавшей с критикой реформистской программы и тактики Лассаля и его сторонников. Ведущую роль в формировании этой оппозиции сыграл В. Либкнехт, вернувшийся из лондонской эмиграции в Германию летом 1862 года.

Большое значение придавали Маркс и Энгельс пробуждению революционной активности французского пролетариата, самоотверженность и героизм которого они ставили весьма высоко. Основоположники марксизма не считали исчерпанной авангардную роль, которую рабочий класс Франции играл до тех пор в европейском революционном движении. В этом их убеждала и важность революционной задачи, которую предстояло выполнить французским рабочим,— ниспровергнуть бонапартистский режим, одну из твердынь европейской реакции. Однако в идейном отношении французские рабочие находились не на уровне стоявших перед ними задач. Их умами, как и умами рабочих ряда других европейских стран (Бельгия, Италия, Испания), завладели различные доктрины мелкобуржуазного утопического социализма. В 50-е годы преобладающим влиянием стали пользоваться анархистско-реформистские идеи П. Ж. Прудона. Известное противодействие такому влиянию оказывало то течение среди французских рабочих и революционной интеллигенции, которое группировалось вокруг выдающегося революционного борца О. Бланки. Несмотря на присущие бланкистам волюнтаризм и заговорщические тенденции, их самоотверженная революционность и понимание значения политической борьбы способствовали на том этапе классовому воспитанию пролетариата, изживанию у него реформистских иллюзий. В этом Маркс видел как бы подготовительную ступень к усвоению передовыми французскими рабочими научной революционной теории.

Когда Бланки, выпущенный в 1859 году по амнистии на свободу, в марте 1861 года был вновь брошен в тюрьму французскими властями, Маркс счел нужным принять активное участие в организации кампании протеста. Он вступил в переговоры с французскими приверженцами Бланки, добивался помещения в английской, немецкой и итальянской прессе материалов, обличающих преследователей французского революционера, способствовал сбору денежных средств для противодействия новой полицейской и судебной расправе. «Очень отрадно,— писал Маркс Энгельсу 19 июня 1861 года,— что мы вновь установили непосредственную связь с крайней революционной партией во Франции» [1].

Так, прибегая к различным средствам, используя даже скудные возможности того времени, каждый новый сдвиг в рабочем движении, Маркс и Энгельс готовили почву для объединения пролетарских сил как в отдельных странах, так и на международной арене. Они делали все, что от них зависело, чтобы ускорить процесс созревания классовой сознательности и роста организованности передовых рабочих и тем самым продвинуться к созданию революционной пролетарской партии, опирающейся на массы.

За честь партии и ее кадров

Происходившие с конца 50-х годов в рабочем движении сдвиги — рост стачек, создание профессиональных, просветительных и других рабочих организаций, все большее участие рабочих Анг-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 30, с. 141.

лии, Франции, Германии, США и других стран в политических кампаниях, усиление среди них тенденций к классовой самостоятельности, к развитию международной пролетарской солидарности — побудили Маркса и Энгельса активнее взяться за сплочение ядра будущей пролетарской партии, повышение его авторитета и влияния в рабочей среде. Настоятельной оказалась и необходимость защитить революционные пролетарские кадры от попыток опорочить и оклеветать их, прежде всего в глазах пролетарских масс. Сигнал к подобной кампании был подан немецким мелкобуржуазным публицистом К. Фогтом, выпустившим в конце 1859 года брошюру «Мой процесс против «Allgemeine Zeitung»», полную инсинуаций в адрес Маркса и его соратников. Клевета была подхвачена немецкой, английской, французской, швейцарской буржуазной прессой, а также рядом немецких газет, издававшихся в США; кампания, начатая Фогтом против революционного направления в рабочем движении, приобрела международные масштабы. Интересы будущей пролетарской партии требовали изобличения инициаторов этой кампании, отпора наветам на пролетарских революционеров, распространяемым с целью дискредитировать цели и характер их борьбы, очернить их моральный облик. Маркс считал, что разоблачение Фогта и его пособников имеет «решающее значение для *исторического оправдания* партии и для ее будущего положения в Германии» [1].

Ответ Маркса клеветникам — его памфлет «Господин Фогт», вышедший в свет в декабре 1860 года,— яркий пример бескомпромиссной борьбы с антикоммунизмом. Маркс не только раскрыл грубо клеветнический характер измышлений Фогта о Союзе коммунистов и его деятелях, но и показал, что мотивом, побуждающим авторов подобных небылиц прибегать к нечистоплотным приемам, является ненависть к революционному пролетарскому движению и прислужничество перед реакционной буржуазией. В противовес вымыслам Фогта Маркс нарисовал подлинную картину создания и деятельности Союза коммунистов, охарактеризовал его место в истории пролетарской классовой борьбы.

Однако Маркс отнюдь не ограничился самозащитой. Он дал образец наступательной тактики в разоблачении антикоммунистической идеологии. Маркс предъявил Фогту и стоящим за его спиной кругам уничтожающее контробвинение: привел свидетельства (подтвержденные вскоре документально) прямой связи Фогта с правителями Второй империи, выполнения им неблаговидной роли по обработке общественного мнения Европы в духе реакционной бонапартистской политики; Фогт, показал Маркс, вербовал и других агентов для заправил Второй империи среди неустойчивых элементов либеральной и демократической оппозиции. Памфлет Маркса прозвучал как предупреждение об опасности не только прямых

[1] См.: Маркс — Фердинанду Фрейлигрэту, 23 февраля 1860 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 30, с. 373.

полицейских репрессий со стороны буржуазной реакции, но и применения ею коварных средств в виде использования подрывной агентуры, проникающей в рабочее и демократическое движение.

Выступление Маркса против Фогта, его покровителей и подголосков было важным звеном в цепи идеологических сражений, в которых рождалась пролетарская партия, провозгласившая научный коммунизм своим идейным знаменем.

Опровержение утопических проектов Прудона

Марксизм утверждал свое влияние в рабочем движении в постоянной борьбе с сектантскими и реформистскими течениями мелкобуржуазного социализма. Несмотря на то, что ход событий 1848—1849 годов показал несостоятельность многих из этих течений, социальная неоднородность рабочего класса, идейная незрелость его значительной части, воздействие на него окружающей буржуазной и мелкобуржуазной среды создавали благоприятную почву для возрождения влияния старых и распространения новых разновидностей мелкобуржуазных доктрин. Их критику Маркс и Энгельс считали важнейшей задачей и на новом историческом этапе.

Все большее значение приобретало в эти годы опровержение экономических и социологических воззрений П. Ж. Прудона, начатое Марксом еще в 1847 году в книге «Нищета философии». С тех пор Прудон опубликовал ряд новых сочинений, в которых его взгляды получили дальнейшее развитие, выкристаллизовываясь в некую систему мирного анархизма и реформаторства.

Пропаганда этих идей сопровождалась у Прудона обличением магнатов буржуазии, финансистов, биржевиков, существующего государства с позиций мелких предпринимателей, разоряемых крупным капиталом. Эта критика, а также рисуемый Прудоном идеал бескровной социальной революции, в результате которой произойдет нивелировка общественных состояний, капиталисты и неимущие пролетарии сольются в один класс средних собственников, обменивающихся продуктами и услугами на началах равенства, а государство с его громоздким аппаратом насилия и принуждения будет заменено федералистским союзом свободных общин, привлекали к идеям Прудона довольно широкие слои рабочих Франции и ряда других романских стран. Особенно импонировали эти идеи тем элементам пролетариата, которые недавно вышли из мелкобуржуазной среды и не утратили еще надежд вновь стать мелкими собственниками.

Для преодоления влияния воззрений Прудона необходимо было доказать их теоретическую несостоятельность, противопоставить им научное понимание экономических законов развития общества и путей его революционного преобразования.

В 1851 году у Маркса, как сказано выше, возникло намерение дать критический разбор только что вышедшей книги Прудона «Общая идея революции в XIX веке», в которой реформистская концепция «социальной ликвидации» путем учреждения дарового кредита и безденежного обмена и анархистские идеи децентрализации государственной власти получили целостное воплощение. По просьбе Маркса Энгельс набросал подготовительный вариант выступ-

ления против мелкобуржуазных утопий Прудона [1]. Однако этот замысел в тогдашних условиях реализовать не удалось.

Сознавая важность критики реформистских социальных проектов, Маркс главу о деньгах в экономической рукописи 1857—1858 годов начал с анализа вышедшей в 1856 году книги о реформе банков французского публициста А. Даримона, разделявшего и пропагандировавшего взгляды Прудона. В главе был показан утопический характер прудоновской концепции о реорганизации банков, кредита, о введении рабочих денег как панацеи от социальных неурядиц капиталистического общества. Маркс вскрыл основной методологический порок этой концепции, который заключался в иллюзии, будто путем реформы в сфере обращения можно коренным образом изменить существующие производственные отношения и соответствующие им отношения распределения. «Достаточно установить ошибочность этой основной предпосылки,— писал Маркс,— чтобы доказать наличие у приверженцев этих взглядов такого же непонимания относительно внутренней связи между производственными отношениями, отношениями распределения и отношениями обращения» [2].

Свое отношение к прудоновской утопии Маркс выразил и в печати. В первом выпуске работы «К критике политической экономии» (1859) специальное место он уделил доказательству абсурдности представлений Прудона о возможности безденежного обмена в условиях товарного производства, основанного на частной собственности [3]. Маркс подверг критике утопические проекты реорганизации общества, построенные на ложном толковании роли денег, денежного обращения, кредита в капиталистической экономике, на попытках представить деньги главным источником всех экономических и социальных бедствий.

Основная полемика между марксистским направлением в рабочем движении и сторонниками мелкобуржуазных идей Прудона развернулась, однако, в последующие годы.

Выяснение порочности идейно-политических позиций Лассаля

С конца 50-х годов берут свое начало глубокие разногласия Маркса, Энгельса и их соратников с Ф. Лассалем (1825—1864) — идеологом того направления мелкобуржуазного социализма, которое получило распространение в Германии, Австрии и в ряде других стран, в том числе США. Роль Лассаля в немецком рабочем движении была двойственной, и основоположники марксизма не сбрасывали со счетов положительные стороны его деятельности. Историческую заслугу Лассаля они видели в том, что он помог немецким рабочим создать самостоятельную полити-

---

[1] См.: Маркс — Энгельсу, 8 августа 1851 г.; Маркс — Энгельсу, 14 августа 1851 г.; Маркс — Иосифу Вейдемейеру, 19 декабря 1851 г.; *Энгельс Ф.* Критический разбор книги Прудона «Общая идея революции в XIX веке».— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 27, с. 266—273, 279—281, 519; т. 44, с. 150—177.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 46, ч. I, с. 61.

[3] См. там же, т. 13, с. 67—70.

ческую организацию. Основание Всеобщего германского рабочего союза в мае 1863 года, президентом которого был избран Лассаль, знаменовало собой важный шаг в освобождении немецкого пролетариата от влияния представителей либеральной партии прогрессистов, навязывавших ему буржуазные кооперативистские идеи. Немецкое рабочее движение, отмечал Ленин, обязано Лассалю тем, что он «*совлек* это движение с того пути прогрессистского тред-юнионизма и кооперативизма, на который оно стихийно направлялось...» [1]. Однако реформистские взгляды Лассаля, нашедшие свое воплощение в программе и организационных принципах Всеобщего германского рабочего союза, препятствовали превращению новой организации в подлинного руководителя классовой борьбы пролетариата, ограничивали развитие рабочего движения сектантскими рамками, заражали его оппортунистическими идеями.

Социалистические взгляды Лассаля и его приверженцев были основаны на вульгарных экономических воззрениях, в частности на представлении о действии некоего «железного закона заработной платы», согласно которому всякое повышение последней ведет к росту численности рабочих и усилению конкуренции между ними, что неизбежно влечет за собой восстановление ее прежнего уровня. Таким образом, борьба за улучшение положения рабочих путем создания профессиональных союзов, организации стачек, с точки зрения Лассаля, была бесполезной и бесперспективной. Решение социального вопроса он видел не в революционном ниспровержении рабочим классом капиталистического строя, а в ликвидации неравенства между «рабочим сословием» и капиталистами посредством создания рабочими при поддержке государства производственных ассоциаций, благодаря которым они станут «своими собственными предпринимателями». Государство Лассаль рассматривал с идеалистических позиций, как некое надклассовое учреждение, призванное быть выразителем стремлений человеческого духа к свободе и социальной справедливости. Он считал, что, преобразовав существующее государство, в частности путем введения всеобщего избирательного права, приведя его в соответствие с «истинным предназначением», независимо от его формы (допускалась и «социальная монархия»!), можно превратить его в покровителя рабочего сословия.

Большой вред рабочему движению причиняла догма Лассаля о принадлежности всех слоев существующего общества, за исключением рабочих, к «сплошной реакционной массе». Эта догма исключала союз рабочего класса с крестьянством и другими слоями трудящихся. Характерным для лассальянства было проявление национальной ограниченности, отрицательное отношение к идее международной пролетарской солидарности. Противоречили марксистскому пониманию демократической природы пролетарской партии организационные принципы лассалевского союза, наделение его президента диктаторскими полномочиями, насаждение в союзе культа Лассаля.

Участие рабочих в политической борьбе Лассаль истолковывал реформистски, не допуская применения никаких других средств, кроме мирных. Особенно порочной была тактика заигрывания лассальянских лидеров с консервативными правящими кругами. Осуждая половинчатость либералов, Лассаль в то же время склонялся к соглашению с юнкерским правительством Пруссии. В своих тайных переговорах с его главой Бисмарком он обещал поддерживать его внутреннюю и внешнюю политику за некоторые уступки рабочим. В вопросе объединения Германии Лассаль придерживался ориентации на гегемонию Пруссии.

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Что делать? — Полн. собр. соч., т. 6, с. 40.

Основоположники марксизма некоторое время считали Лассаля деятелем, близким к их партийному кругу, хотя его сочинения, в частности вышедшая в 1858 году книга «Философия Гераклита Темного», свидетельствовали о том, что его мировоззренческие взгляды далеки от материалистических. Тем не менее Маркс стремился воздействовать на Лассаля, помочь ему найти путь к революционному пролетарскому мировоззрению. Однако в 1859 году обнаружились расхождения и в идейно-политической области. В упомянутой переписке о драме Лассаля «Франц фон Зиккинген» речь шла не только о проблемах реализма; политическая тенденция драмы, проявившаяся в попытках в лице вождя рыцарского восстания возвеличить дворянское сословие — исторического предшественника немецкого юнкерства, изобразить дворянство главным выразителем общенациональных интересов, насторожила Маркса и Энгельса.

Резко отрицательную реакцию у Маркса и Энгельса вызвала написанная Лассалем в мае 1859 года брошюра «Итальянская война и задачи Пруссии». В противоположность точке зрения основоположников марксизма Лассаль отстаивал в ней пробонапартистскую тактическую линию, оправдывал итальянскую политику Наполеона III, изображая его покровителем национальных чаяний итальянского народа и чуть ли не союзником немцев в деле объединения Германии. Шатаясь, по выражению Ленина, «в сторону национально-либеральной рабочей политики» [1], Лассаль прямо агитировал за осуществление политического единства страны под эгидой юнкерско-монархической Пруссии, призывал немецких демократов «нести прусское знамя» [2].

Маркс считал подобные взгляды серьезной ошибкой [3]. В памфлете «Господин Фогт» он осудил позицию Лассаля, не называя его имени; направляя главный огонь в этом политическом произведении против бонапартистских и пруссофильских идей Фогта, Маркс метил также и в развивавшего аналогичные взгляды Лассаля. Последний, писал Маркс Энгельсу 26 ноября 1859 года, на деле «дует в одну дудку с Фогтом» [4].

До лета 1862 года Маркс поддерживал личные отношения с Лассалем, не теряя надежды вовлечь его в русло пролетарской политики или, по крайней мере, побудить действовать как попутчика будущей пролетарской партии. Однако, наблюдая за начатой им весной 1862 года агитационной кампанией среди рабочих, Маркс окончательно пришел к выводу, что выдвигаемая им программа носит сектантский и реформистский характер, а его честолюбивые претензии на роль «революционного кардинала Ришелье», «рабо-

[1] См.: *Ленин В. И.* Под чужим флагом.— Полн. собр. соч., т. 26, с. 138.
[2] См.: *Lassalle F.* Gesammelte Reden und Schriften. Berlin, 1919, Bd. 1, S. 112.
[3] См.: Маркс — Энгельсу, 18 мая 1859 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 29, с. 350.
[4] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 29, с. 416.

чего диктатора», «маркиза Позы пролетариата» при короле Вильгельме и Бисмарке чреваты большой опасностью для рабочего движения [1].

Маркс доказывал утопичность идеи Лассаля о возможности помощи производительным ассоциациям рабочих со стороны эксплуататорского государства, в частности прусской монархии, отметил также несостоятельность его попытки догматически соединить эту панацею с чартистским требованием всеобщего избирательного права. Он считал недопустимым абсолютизировать это требование, не учитывая различий в осуществлении его в условиях Англии и Германии. В последней, в обстановке господства юнкеров в деревне и засилья мещанства в городах, всеобщее голосование могло быть обращено на пользу контрреволюционных сил. Все доводы Маркса, однако, не смогли разубедить Лассаля, поколебать его стремления навязать рабочему движению свои доктринерские рецепты.

Порвав фактически связи с Лассалем, Маркс и Энгельс из тактических соображений до поры воздерживались от публичных выступлений против него. Эта позиция отнюдь не означала примирения с лассальянскими догмами, с реформистской и сектантской программой и тактикой лассальянцев. Маркс ориентировал своих соратников на развертывание — в противовес лассальянству — пропаганды революционных идей в духе научного коммунизма, с тем чтобы посредством идейного воздействия на чуждые сектантству элементы рабочего движения постепенно добиться консолидации революционных сил во Всеобщем германском рабочем союзе и совлечь эту рабочую организацию с реформистской колеи, на которую поставили ее Лассаль и его сторонники.

Маркс и Энгельс отчетливо понимали, что пролетарским революционерам предстоит еще упорная идейная борьба как с последователями Прудона и Лассаля, так и с другими разновидностями мелкобуржуазного социализма, что необходимо усилить противодействие влиянию на рабочий класс также буржуазных демократов и радикалов. Наблюдая рост реформистских тенденций в рабочем движении Англии, они понимали, что даже поворот, под влиянием сдвигов в настроениях масс, некоторых лидеров английских тред-юнионов к политике не вывел их за пределы идеологии классового сотрудничества: как в идейном, так и в политическом отношении они следовали в фарватере буржуазных либералов и радикалов. На пути соединения научного коммунизма с массовым рабочим движением стояло еще множество преград, устранение которых требовало огромных усилий.

---

[1] См.: Маркс — Энгельсу, 30 июля 1862 г.; Маркс — Энгельсу, 9 апреля 1863 г.; Маркс — Людвигу Кугельману, 23 февраля 1865 г.—Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 30, с. 211, 278; т. 31, с. 380—381.— Маркиз Поза — персонаж трагедии Шиллера «Дон Карлос»; образ свободомыслящего придворного, пытавшегося повлиять на деспота-короля.

7. ПРОПАГАНДА ИДЕЙ НАУЧНОГО КОММУНИЗМА СОРАТНИКАМИ МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА

Пропагандисты марксизма

Сложившееся еще до 1848—1849 годов марксистское направление общественной мысли и рабочего движения выдвинуло на политическую арену плеяду как пролетарских борцов и организаторов, так и одаренных публицистов и писателей, особенно проявивших себя в период революций. И в 50—60-е годы литературная активность единомышленников Маркса и Энгельса не ослабевала. Они выступали в пролетарской и буржуазной печати Англии, США, Швейцарии, Германии, публиковали очерки, статьи, корреспонденции, заявления, даже сатирические стихотворения. В печатной пропаганде участвовали И. Вейдемейер, Э. Джонс, А. Клусс, В. Либкнехт, В. Пипер, И. Г. Эккариус и др. Сближение с Марксом в начале 60-х годов ряда революционно-демократических деятелей — И. Ф. Беккера, С. Боркхейма, В. Эйххофа, приведшее их в ряды рабочего движения, отразилось и на их печатных выступлениях, которые становились все более созвучными публицистике основоположников марксизма и их учеников.

Маркс и Энгельс всячески поощряли журналистскую деятельность своих соратников, считая, что подготовка их к будущим революционным боям предполагает не только изучение теории, но и активное участие во всех доступных видах идейно-политической борьбы, в том числе в отстаивании коммунистических принципов в печати. Маркс вовлек ближайший круг своих сподвижников в корреспондентскую работу для пролетарских газет, издаваемых в Европе и США. Многосторонней была помощь основоположников марксизма пролетарским публицистам: от рекомендации тем для статей до их редактирования; теоретически осмысленный материал для печатных выступлений часто содержали адресованные им письма Маркса.

Выступал Маркс и в роли фактического соавтора. Так, опубликованные в «Notes to the People» в 1851—1852 годах статьи Э. Джонса о кооперации были написаны им с помощью Маркса. Позднее, просматривая комплект этого еженедельника, Маркс заметил, что эти статьи создавались при его «непосредственном участии» [1]. Они были направлены против узкореформистских взглядов буржуазных кооперативистов и христианских социалистов, проповедовавших идею возможности при помощи кооперативного движения преодолеть классовые противоречия в капиталистическом обществе. В противовес им Джонс с помощью Маркса доказывал, что при капитализме кооперативы не могут устоять против капиталистической конкуренции, что кооперация только тогда сможет стать рычагом социальных преобразований, когда она бу-

[1] См.: Маркс — Энгельсу, 4 ноября 1864 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 31, с. 7.

дет осуществляться завоевавшим власть рабочим классом в общенациональных масштабах [1].

Публицистика представителей марксистского направления отличалась разнообразием тематики. В их статьях и корреспонденциях популяризировалось содержание произведений Маркса и Энгельса, развивались их тактические установки применительно к различным событиям, самостоятельно осмысливались с позиций марксистской теории те или иные общественные явления. Соратники Маркса и Энгельса включались в идейную борьбу, в полемику с сектантскими и реформистскими течениями.

В среде учеников и последователей Маркса и Энгельса были сделаны первые, хотя еще несовершенные, попытки применить диалектико-материалистический метод к познанию природы. В 1850 году Р. Даниельс, активный деятель Союза коммунистов, создал большую работу «Микрокосмос. Набросок физиологической антропологии». В августе — сентябре 1853 года в упоминавшейся уже американской газете «Die Reform» была опубликована статья «О гибели земли», вышедшая из-под пера другого партийного соратника Маркса — А. Якоби, врача по профессии. Автор отстаивал в ней идеи материальности мира, непрерывности развития материи, диалектического перехода от низших к высшим формам ее движения. Что касается общественной жизни, то Якоби толковал ее в духе научного коммунизма, подчеркивал определяющую роль в ней классовой борьбы, указывал на неизбежность пролетарской революции.

В большинстве своем публицистические выступления пролетарских революционеров содержали анализ событий и явлений общественной жизни, информацию о рабочем движении, выражали солидарность с пролетарскими борцами других стран, давали отпор враждебным выпадам против участников пролетарской борьбы.

И. Г. Эккариус в Англии

Эккариус (1818—1889) — видный деятель Союза коммунистов, позднее — I Интернационала. Портной по профессии, много занимавшийся самообразованием, Эккариус выделялся среди рабочих-революционеров публицистическим дарованием и восприимчивостью к научному мировоззрению. Еще в 5—6-м выпуске журнала-обозрения «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue» (1850) Маркс и Энгельс поместили статью Эккариуса «Портняжное дело в Лондоне, или Борьба крупного и мелкого капитала», в которой он на примере этой отрасли сумел четко раскрыть господствующую тенденцию капиталистического развития — коп-

Одним из активных пропагандистов марксизма становится в эти годы Иоганн Георг

---

[1] См.: *Jones Ernest.* A letter to the advocates of the co-operative principle, and to the members of co-operative societes; Co-operation. What it is, and what it ought to be.— In: Marx K., Engels F. Collected Works, v. 11, p. 573—589 (appendices).

центрацию производства и вытеснение мелкого ремесла. В редакционном примечании Маркс и Энгельс оценили статью как яркий пример способности к теоретическому мышлению выходцев из рабочего класса. «Еще до того как пролетариат завоюет свою победу на баррикадах и на полях сражений,— писали они,— он возвещает о наступлении своего господства рядом интеллектуальных побед» [1].

Активно сотрудничал Эккариус в чартистской прессе, способствуя распространению идей научного коммунизма в Англии. На страницах чартистских периодических изданий он излагал и комментировал содержание «Манифеста Коммунистической партии», «Классовой борьбы во Франции» Маркса, статей Маркса и Энгельса из «Новой Рейнской газеты».

Эккариус первый познакомил английского читателя с произведением Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». Он сделал это в опубликованном в нескольких номерах «The People's Paper» «Обзоре литературы о государственном перевороте» (сентябрь — декабрь 1852 г.). В нем Эккариус не только изложил главные идеи этого произведения и привел из него большие выдержки, но и сопоставил его с сочинениями на эту тему буржуазного республиканца В. Гюго, мелкобуржуазного демократа К. Дюрье и мелкобуржуазного социалиста П. Ж. Прудона. Он показал преимущество диалектико-материалистического метода анализа и истолкования исторических событий по сравнению с чисто фактографическим их описанием и идеалистической интерпретацией упомянутыми авторами, сопровождаемой у Прудона к тому же апологией бонапартистского переворота и утопическими проектами решения социального вопроса путем растворения как буржуазии, так и пролетариата в некоем среднем классе. В критике этих буржуазных и мелкобуржуазных концепций помощь Эккариусу оказал Маркс. О нем Эккариус писал: «Весьма примечательно, что все французские авторы, которые осчастливили мир своими описаниями недавнего государственного переворота и от которых больше всего следовало бы ожидать понимания не только последствий, но и источников происхождения этого события, потерпели неудачу, пытаясь объяснить его истинную причину, тогда как немецкий писатель, следивший за ходом событий издалека, дал не только первое, но и единственное научное истолкование бонапартистской узурпации... Не независимость от партийных принципов и партийных взглядов придали г-ну Марксу силу для убедительной оценки причин и следствий описываемых им событий, а скорее правильность метода и справедливость тех принципов, которых он придерживался в своей работе». Эккариус назвал Маркса «представителем ре-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Редакционное примечание к статье И. Г. Эккариуса «Портняжное дело в Лондоне, или Борьба крупного и мелкого капитала».— Соч., т. 7, с. 440.

волюционной теории рабочего движения, литературным кормчим наиболее передовой части европейской демократии»[1].

В дальнейшем тематика публицистики Эккариуса стала отражать как его интерес к положению во Франции и на европейском континенте, так и усиливающееся внимание к английским делам, в первую очередь к английскому рабочему движению, связь с которым у него неуклонно укреплялась. В газете «Das Volk» в июле 1859 года он опубликовал большую статью о позиции различных слоев английского общества относительно избирательной реформы, а в августе того же года поместил обзор «Пресса и стачка», осветив в нем отношение буржуазной печати к крупному событию в истории классовой борьбы английского пролетариата — стачке строительных рабочих Лондона 1859 года[2]. Посылал Эккариус корреспонденции и в американские рабочие газеты.

И. Вейдемейер и А. Клусс в США

Широко развернулась журналистская деятельность в США близких соратников Маркса и Энгельса — Иосифа *Вейдемейера* (1818—1866) и Адольфа *Клусса* (1825—1905). Пропаганда марксизма стала главным содержанием их публицистики. Ими была сделана и первая попытка творчески применить марксистскую теорию к анализу американской действительности, экономики и истории США.

Значительное место в статьях Вейдемейера заняло освещение экономических вопросов. Он стремился выяснить экономические причины антагонизма между рабовладельческим Югом и промышленно развитым Севером, экономически обосновать необходимость борьбы против рабовладения. В апреле — августе 1853 года Вейдемейер напечатал в «Die Reform» серию статей под общим заголовком «Очерки по политической экономии». Это была первая популяризация основ экономического учения Маркса (на тогдашней стадии его развития). Использовал Вейдемейер в своих очерках и «Положение рабочего класса в Англии» Энгельса, показав вслед за ним роль в становлении капиталистического способа производства и в формировании пролетариата промышленной революции конца XVIII — первой половины XIX веков. Из анализа противоречий капиталистического общества Вейдемейер, в соответствии с учением Маркса и Энгельса, делал коммунистические выводы о неизбежности революционного преобразования существующего социального строя.

Вейдемейер энергично выступил в печати с защитой Маркса и Энгельса от нападок со стороны вульгарных мелкобуржуазных и сектантско-авантюристических элементов в демократическом и рабочем движении.

Немалая заслуга в пропаганде марксистских идей в США принадлежала А. Клуссу. Инженер-архитектор по образованию, Клусс

[1] *Eccarius Georg.* A review of the literature on the Coup d'Etat.— In: Marx K., Engels F. Collected Works, v. 11, p. 615, 617 (appendices).

[2] См.: Das Volk, 1859, 9.VII, № 10; 1859, 30.VII, № 13; 1859, 20.VIII, № 16.

в молодости вступил в рабочее движение, активно участвовал в деятельности майнцской общины Союза коммунистов и Майнцского рабочего союза в период революции 1848—1849 годов. В эмиграции в США Клусс был одним из организаторов общин Союза коммунистов в Америке, проявил себя и как незаурядный пролетарский публицист. Он выступал с многочисленными статьями в американской печати, был американским корреспондентом чартистской «The People's Paper».

Летом 1853 года в ряде номеров газеты «Die Reform» публиковалась его работа «Социальные очерки по истории Америки». Это произведение явилось, по существу, первым опытом рассмотрения истории США с марксистских позиций. Другим примечательным выступлением Клусса, отразившим яркость его стиля и умение пользоваться сатирическими приемами в полемике, явилась статья ««Лучшая газета Штатов» и ее «лучшие люди» и политэкономы», опубликованная в той же газете в сентябре 1853 года. Объектом критики в ней были издаваемая в Бостоне немецкими эмигрантами газета «Neu-England-Zeitung», а также писатели и общественные деятели, которые слыли непререкаемыми авторитетами в мелкобуржуазной среде,— проповедник теории гармонии классовых интересов, вульгарный экономист Г. Кэри, буржуазный радикал А. Руге, один из столпов мелкобуржуазной демократии К. Гейнцен и др. В текст статьи Клусс умело включил целые отрывки из писем Маркса (адресованных ему и Вейдемейеру) с критической характеристикой взглядов Кэри. Публикацией этой и других статей Клусс деятельно поддержал Маркса в борьбе с враждебной рабочему классу буржуазной и мелкобуржуазной идеологией.

Э. Джонс в Англии

Для пропаганды идей научного коммунизма в эти годы немало сделал талантливый пролетарский оратор, публицист и поэт Эрнест *Джонс* (1819—1869). Первая половина 50-х годов была временем наибольшего идейного сближения Джонса с Марксом. Чартистский лидер открыто признавал себя его сторонником, подписываясь под документами представителей марксистского направления. Не усвоив целиком основы научного пролетарского мировоззрения, Джонс тем не менее воспринял ряд ведущих положений научного коммунизма, соединил их с наиболее передовыми чартистскими идеями и пропагандировал их в присущей ему оригинальной, проникнутой революционным пафосом форме.

В своих печатных и устных выступлениях Джонс обличал эксплуататорский капиталистический строй, источник порабощения и бедствий трудящихся масс. Он клеймил антидемократические государственные порядки буржуазно-аристократической Англии, ее законодательство, призывал к коренному социальному преобразованию существующей общественной системы, разъясняя, что рычагом его должно стать завоевание рабочим классом государственной власти. «Я считаю, что освобождение труда может быть пол-

ностью осуществлено только при условии овладения политической властью,— писал он в 1851 году, допуская как мирный, так и немирный способ достижения этой цели,— но независимо от того, каким путем вы, рабочие, придете к власти, твердо помните истину: труд должен стать господином капитала, труд должен стать независимым и свободным» [1].

В упомянутых статьях о кооперации, написанных при участии Маркса, Джонс доказывал иллюзорность реформистских утопий о возможности преобразования существующего общества без классовой борьбы, при сохранении власти эксплуататоров. В печатных выступлениях Джонса, опять-таки под влиянием Маркса, проявлялось понимание соотношения экономической и политической борьбы рабочего класса. Призывая рабочих добиваться проведения в жизнь чартистской Народной хартии, как средства овладения государственной властью, он в то же время уделял серьезное внимание защите повседневных экономических нужд пролетарских масс, стачечному движению, пытался воздействовать в революционном духе на тред-юнионы.

Джонс выступал как решительный поборник принципов пролетарского интернационализма. 27 ноября 1852 года в связи с вынесением на кёльнском процессе приговора коммунистам он объявил в «The People's Paper», что страницы газеты будут всегда открыты для агитации в защиту революционных борцов других стран.

Одним из первых в английском рабочем движении Джонс страстно осудил колониальную систему. «Над ее колониями никогда не заходит солнце, но и земля ее никогда не просыхает от крови» [2],— с гневом писал он в 1851 году о Британской империи. В 1853 году Джонс опубликовал в «The People's Paper» цикл статей о колониальном владычестве Англии в Индии, а также статьи о тайпинском восстании в Китае. Выступал он по национальному и колониальному вопросу и в последующие годы. В своих статьях Джонс не только разоблачал колониальное ограбление капиталистической Англией индийского и других покоренных народов, но и развивал интернационалистский тезис о заинтересованности трудящихся Англии в ниспровержении колониализма — угнетательской системы, усиливающей власть эксплуататоров и над народными массами метрополии. Теоретически еще не вполне осознав роль пролетарской революции в ликвидации колониального гнета и значения антиколониальных движений как мощного революционного фактора, Джонс, однако, поднялся до понимания связи борьбы английских рабочих за Народную хартию и социальные преобразования с борьбой за освобождение колоний. Он призывал английских рабочих рассматривать вопрос о судьбах колониальных стран как свое дело. В 1857 году Джонс поднял свой голос в защиту индийских повстанцев. «Их дело так же спра-

[1] *Джонс Эрнест.* Статьи о чартистской программе. Письма. М., 1970, с. 55.

[2] Notes to the People, 1851, v. 1, p. 1.

ведливо и священно,— писал он,— как дело поляков, венгров, итальянцев и ирландцев...» [1]

В публицистике Джонса, таким образом, нашли отражение многие идеи складывавшейся марксистской концепции о задачах рабочего класса в борьбе против колониализма. Это свидетельствовало о плодотворном влиянии идей научного коммунизма на чартистскую мысль.

В. Либкнехт в лондонской эмиграции и в Германии

50-е годы и начало 60-х годов были временем формирования — как приверженца научного коммунизма и пролетарского публициста — будущего видного деятеля I Интернационала, одного из основателей и лидеров Германской социал-демократической рабочей партии Вильгельма *Либкнехта* (1826—1900). В годы лондонской эмиграции Либкнехт вел интенсивную журналистскую работу: с 1851 по 1862 год опубликовал более 100 статей и корреспонденций в газетах, выходивших в Германии. Деятельно участвовал Либкнехт в пролетарской и демократической печати Англии и США. Ряд его корреспонденций помещен в газете «Das Volk». Регулярно — вплоть до начала Гражданской войны — он посылал корреспондентский материал в радикальные немецкие органы печати США. В статьях, опубликованных по возвращении в 1862 году в Германию в ряде южнонемецких демократических и леволиберальных печатных органах, Либкнехт выступал против бисмарковского курса на опруссачивание Германии, критикуя при этом нерешительность и колебания буржуазной оппозиции.

Одной из главных тем публицистики Либкнехта рассматриваемого периода была Англия, ее экономическое развитие, социально-политический строй, внутренняя и внешняя политика господствующих классов, рабочее движение. Освещение им этих вопросов отражает влияние идей марксизма. Если у Либкнехта и сохранялись остатки воззрений предшествующего периода его деятельности, в частности иллюзорные представления о возможности участия английской радикальной буржуазии в коренном социальном и политическом преобразовании общества, то в главном, основном он подходил к рассмотрению английских проблем с революционно-пролетарских позиций, и его корреспонденции по своему идейному направлению примыкали к статьям Маркса на английские темы.

Либкнехт рассматривал Англию как капиталистическую страну, достигшую наиболее высокого уровня индустриального развития и в то же время являющуюся средоточием глубоких антагонизмов, резких контрастов между эксплуататорским меньшинством и огромной массой трудящихся, очагом хронической безработицы, экономических кризисов и других социальных бедствий. Четко представлял себе Либкнехт классовую структуру английского общества, распад его на два основных класса: буржуазию и

[1] Цит. по кн.: Народное восстание в Индии. 1857—1859 гг. М., 1957, с. 222.

пролетариат, исчезновение крестьян-собственников, трансформацию земельной аристократии — превращение ее из феодального класса в землевладельческую фракцию буржуазии. Господствуя во всех сферах общественной жизни, буржуазия, отмечал Либкнехт, допускала сохранение политической власти в руках земельных аристократов лишь при условии полного соблюдения ими ее экономических и торговых интересов. Чтобы властвовать над миром, английская буржуазия экономически навязывала и другим нациям свое господство, превращала их страны, по существу, в колонии английской державы.

Близкой ко взглядам Маркса и Энгельса была оценка английской правительственной и парламентской системы, которую Либкнехт противопоставлял идеализации ее буржуазными конституционалистами-англоманами. Он отмечал антидемократизм и олигархический характер этой системы, контрреволюционную направленность внешней политики английских правительств, осуждал насилие и произвол английских колонизаторов, особенно в Индии.

Много внимания уделял Либкнехт рабочему движению в Англии. Его оценка попыток передовых английских рабочих возродить в 50-е годы чартистское движение совпадала с той, которую давал Маркс. Как и Маркс, он полагал, что введение всеобщего избирательного права и осуществление других чартистских требований в условиях Англии, где большинство населения составлял пролетариат, явится возможным путем к завоеванию власти рабочим классом, созданию «рабочей республики» и к социалистическим преобразованиям. Стачку строительных рабочих Лондона 1859 года Либкнехт считал показателем углубляющихся классовых конфликтов в Англии даже после спада чартистского движения. В то же время он видел и силу английской буржуазии, заключающуюся не только в ее экономическом могуществе, но и в политической гибкости, умении маневрировать, использовать в своих интересах демократические свободы — собраний, союзов, печати.

Постоянно выступал Либкнехт в печати против бонапартизма, против завоевательной политики Второй империи, прикрываемой националистической демагогией. Он участвовал и в разоблачении клеветника и бонапартистского агента Фогта.

И. Ф. Беккер в Швейцарии

В 60-е годы вклад в распространение идей революционного социализма среди немецких рабочих Германии, Швейцарии и США внесла литературная деятельность Иоганна Филиппа *Беккера* (1809—1886), будущего организатора и руководителя секций Интернационала в Швейцарии. Ветеран революционной борьбы, принимавший в ней участие с 30-х годов XIX века, «один из благороднейших немецких революционеров», как отзывался о нем Маркс [1], в это время проявил тяготение к научному коммунизму и глубокий интерес к произведениям его основоположников. Коммунистические убеждения

[1] См.: Маркс — Фердинанду Лассалю, 28 апреля 1862 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 30, с. 511.

его складывались не сразу, долгое время сочетаясь с революционно-демократическими взглядами. Однако и на этом этапе высказывания Беккера в печати о задачах революционной борьбы все больше совпадали с общим направлением публицистики пролетарских революционеров. Так, например, пронизывающая его брошюру «Как и когда? Серьезное слово о вопросах и задачах времени» (выпущена в Женеве в 1862 г.) идея объединения Германии снизу, путем революционной борьбы народа и свержения существующих монархических режимов, соответствовала позиции Маркса и Энгельса.

В другой своей брошюре «Открытое письмо рабочим о Шульце-Деличе и Фердинанде Лассале, буржуазии и пролетариате», изданной в Женеве в 1863 году, Беккер, до тех пор не видевший потребности в создании самостоятельной политической партии пролетариата, выступил уже как горячий поборник этой идеи. Поддержав стремление Лассаля к освобождению рабочего движения от опеки буржуазных кооперативистов, Беккер, однако, высказался по ряду вопросов программы и тактики рабочего движения вразрез его взглядам: в отличие от Лассаля он ориентировал своих читателей на революционный, а не реформистский путь достижения социализма; разделяя в то время веру в некоторые догмы Лассаля — положения о «железном законе заработной платы», о государственной помощи производительным ассоциациям и др.,— он стремился истолковать их в революционном духе. Так, государство, от которого ожидалась эта экономическая помощь, должно было, по мнению Беккера, быть не просто демократическим, а революционным, созданным в результате завоевания рабочим классом политической власти. В свойственной лассальянской доктрине форме, что было показателем его недостаточной теоретической зрелости, Беккер пропагандировал, по существу, идеи «Манифеста Коммунистической партии». В противоположность националистическим тенденциям Лассаля Беккер отстаивал принципы интернациональной солидарности рабочего класса.

Журналистская деятельность соратников Маркса и Энгельса явилась важным средством пропаганды идей научного коммунизма и пролетарского интернационализма в среде передовых рабочих Европы и Америки. Она была одной из форм — нередко несовершенной, не соответствующей достигнутому уровню развития марксистского учения — распространения марксизма в эти годы. Вместе с теоретическими и публицистическими произведениями самих основоположников марксизма выступления в печати их единомышленников способствовали созреванию у рабочих классового самосознания, пробуждали у них понимание глубокой противоположности буржуазного мира, его политических учреждений и идеологии интересам пролетариата, воспитывали в духе классовой борьбы и пролетарской солидарности. Зерна нового, революционного мировоззрения, посеянные благодаря этим выступлениям в умах передовых рабочих разных стран, дали вскоре обильные всходы.

Глава шестая

РАЗРАБОТКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ И ДРУГИХ СОСТАВНЫХ ЧАСТЕЙ МАРКСИЗМА В ПРОЦЕССЕ СОЗДАНИЯ «КАПИТАЛА»

1. «КАПИТАЛ» «ИМЕЕТ ПРЯМУЮ РЕВОЛЮЦИОННУЮ ЗАДАЧУ»

Промышленный переворот, развертывавшийся с разной степенью интенсивности, но неуклонно в ряде стран Западной Европы и в США, создал экономические предпосылки для утверждения и победы капиталистического способа производства. В классовой структуре общества происходили коренные изменения, связанные с усиленной поляризацией классов, разорением и экспроприацией мелких производителей. В ходе промышленного переворота изменились организация производства и условия труда. Введение машин позволяло предпринимателям повышать интенсивность труда рабочего, расширять круг приемов и методов эксплуатации пролетариата. Рабочий все больше становился придатком машины. Появилась возможность широкого привлечения на предприятия неквалифицированных рабочих, а также замены труда мужчин трудом женщин и детей. Это влекло за собой обесценение рабочей силы, падение заработной платы, возникновение массовой безработицы, образование резервной армии труда. Все это не могло не вызывать роста сопротивления рабочего класса.

С созданием машинной индустрии развитие капиталистической экономики приобрело циклический характер; капиталистические кризисы стали периодическими [1]. Частично разрешая противоречия капиталистического воспроизводства, кризисы в то же время вели к еще большему их обострению. Ускоряя процессы концен-

[1] Первый кризис перепроизводства в 1825 году поразил Англию. Затем кризисы периодически повторялись в 1836 году (кризис охватил кроме Англии и США), в 1847 году (в этот кризис были вовлечены Англия, США, Франция и Германия), в 1857, 1866, 1873 годах и т. д. С 1857 года капиталистические кризисы приобрели всемирный характер, поражая одновременно многие, а в некоторых случаях и все развитые капиталистические страны.

трации и централизации капитала, они тем самым способствовали повышению степени обобществления производства и дальнейшему обострению основного противоречия капитализма.

Важнейшим последствием кризисов было резкое столкновение классовых интересов. Во время кризисов ухудшалось положение трудящихся: росла безработица, снижалась заработная плата, разорялись массы мелких собственников. Все это вызывало рост недовольства трудящихся, оказывало революционизирующее влияние на их сознание.

Изучение капитализма — революционная задача

Поражение революций 1848—1849 годов побуждало основоположников марксизма по-новому оценить исторические перспективы, в частности уточнить представление относительно степени зрелости капитализма и готовности общества к социалистическим преобразованиям, устранив имевшуюся ранее переоценку исторических возможностей. Необходимо было глубже уяснить социально-экономические основы освободительной борьбы пролетариата. Поэтому, как уже говорилось, Маркс в лондонской эмиграции возобновил экономические занятия, прерванные в период революций; с весны 1850 года он вновь погрузился в работу по изучению проблем политической экономии.

Бурное развитие капитализма в Англии и других странах давало Марксу богатый материал для экономических исследований. Лондон в то время был центром капиталистического мира и представлял собой, по словам Маркса, «удобный наблюдательный пункт для изучения буржуазного общества» [1]. В столицу самого развитого капиталистического государства и крупнейшей колониальной империи поступала разнообразная информация о состоянии промышленности и сельского хозяйства не только Великобритании, но и многих других стран, о положении на внутренних и внешних рынках, о банковских и биржевых делах. Но в центре экономических исследований Маркса оказался, естественно, английский капитализм.

Этим занятиям Маркса способствовала и его журналистская деятельность. С осени 1851 года Маркс был, как уже известно, лондонским корреспондентом американской газеты «New-York Daily Tribune» и в течение десяти лет писал для нее статьи и обзоры, многие из которых касались положения Англии. Журналистская работа Маркса тесно переплеталась с его теоретическими занятиями в области политической экономии. Обусловленное газетной работой постоянное обращение к текущим событиям, к конкретной экономике расширяло базу для теоретического анализа экономических явлений. В предисловии к книге «К критике политической экономии» Маркс отметил, что регулярная журналистская деятельность обогатила его знакомством со многими

[1] См.: *Маркс К.* К критике политической экономии.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 8.

«практическими деталями, лежащими за пределами собственно науки политической экономии» [1].

К исследованию законов общественного развития Маркс подошел теперь с гораздо более зрелых позиций, чем в предреволюционные годы. Он понимал важность изучения новых явлений экономической жизни, проявившихся в революционные годы и особенно в первые годы после европейских революций. Для того чтобы выяснить условия и перспективы освободительной борьбы рабочего класса, необходимо было вскрыть тенденции развития буржуазного общества, выяснить экономический механизм его функционирования. Из материалистического понимания истории, разработанного Марксом и Энгельсом в 40-е годы, следовало, что основой буржуазного общества является капиталистический способ производства, ввиду чего первоочередной задачей было открытие и исследование «экономического закона движения» [2] этого общества. Маркс возвратился к мысли о написании большого труда по политической экономии.

Уже в начале 40-х годов, когда Марксу стал ясен утопический характер предшествовавших социалистических и коммунистических воззрений, им была поставлена задача «*теоретического обоснования* коммунистических идей» [3]. Европейские революции 1848—1849 годов обнажили теоретическую и практическую несостоятельность сен-симонизма и фурьеризма, различных форм мелкобуржуазного социализма, выродившихся в реакционные секты, и, напротив, подтвердили правильность первоначального анализа буржуазного общества, данного Марксом и Энгельсом в их произведениях тех лет, марксистский вывод о всемирно-историческом призвании пролетариата. После революций 1848—1849 годов на первый план выдвинулась задача разработки пролетарской политической экономии, которая дала бы научное обоснование необходимости революционной смены капитализма социализмом, решающей роли в этом рабочего класса, являющегося в силу своего экономического положения при капитализме единственным классом, способным быть последовательно социалистическим и революционным до конца.

50—60-е годы XIX века были решающим этапом на пути создания марксистской политической экономии. Важнейшим политико-экономическим произведением марксизма, главным и основным сочинением, обосновавшим научный социализм [4], явился «Капитал» Маркса. Этот фундаментальный труд возник не сразу; он увенчал огромную научно-исследовательскую деятельность

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 13, с. 9.

[2] См. там же, т. 23, с. 10.

[3] См.: *Маркс К.* Коммунизм и аугсбургская «Allgemeine Zeitung».— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 118.

[4] См.: *Ленин В. И.* Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? — Полн. собр. соч., т. 1, с. 187.

Маркса по разработке методологии политической экономии, по постижению законов и выработке категорий политической экономии капитализма, по критике буржуазных и мелкобуржуазных экономических концепций. В «Капитале» Маркс не ограничился одной экономической теорией, выяснением только экономических законов и категорий политической экономии капитализма; в нем дано комплексное исследование капитализма как определенной общественно-экономической формации — производительных сил и производственных отношений буржуазного общества, его политической надстройки, идеологии, семейных отношений. «Потому-то «Капитал» и имел такой гигантский успех,— писал Ленин,— что эта книга «немецкого экономиста» показала читателю всю капиталистическую общественную формацию как живую — с ее бытовыми сторонами, с фактическим социальным проявлением присущего производственным отношениям антагонизма классов, с буржуазной политической надстройкой, охраняющей господство класса капиталистов, с буржуазными идеями свободы, равенства и т. п., с буржуазными семейными отношениями» [1].

Новый этап экономических исследований Маркса

В 1850—1857 годах Маркс предпринял историко-критический анализ буржуазной политической экономии. Продолжая исследования 40-х годов, он провел систематическое изучение сочинений английских, французских, итальянских, американских и других буржуазных экономистов, в первую очередь классиков английской политической экономии У. Петти, А. Смита, Д. Рикардо. История буржуазной политической экономии послужила Марксу одним из источников при исследовании капиталистического способа производства. Экономические занятия Маркса в этот период запечатлены в его многочисленных тетрадях с выписками (эксцерптных тетрадях), заметках и письмах, отразивших важную составную часть фактического фундамента, на котором создавалась новая экономическая теория.

Сделанные им выписки из работ буржуазных экономистов, из официальных документов и периодической прессы заключены в десятках тетрадей. Как показывают эти тетради, Маркс проделал глубокое исследование теоретических проблем политической экономии, истории народного хозяйства, экономической действительности современного ему капиталистического мира. В его замечаниях все больше проступает различение вульгарного направления буржуазной политической экономии от ее классической школы.

Сводя воедино и систематизируя свои записи, посвященные истории денег и денежного обращения, Маркс в 1851 году написал небольшую черновую рукопись под заглавием «Завершенная система денежных отношений».

В экономических конспектах 1851—1853 годов углубляется понимание сущности капитала. В отличие от Рикардо, согласно которому капитал — это простая сумма вещей, Маркс считает капитал общественным отноше-

[1] *Ленин В. И.* Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? — Полн. собр. соч., т. 1, с. 139.

нием, характерным для определенной исторической ступени развития товарного производства.

Среди научных достижений Маркса начала 50-х годов следует отметить наброски теории земельной ренты, краткое изложение сути которой он привел в письме Энгельсу 7 января 1851 года. Большое внимание Маркс уделил критике буржуазной теории ренты, поскольку она служила вульгарным экономистам исходной предпосылкой для фальсификации буржуазных производственных отношений. При этом Маркс показал несостоятельность пресловутого «закона убывающего плодородия почвы» Мальтуса, который нищету народных масс изображал как следствие неуклонного оскудения природы.

В 1851 году Маркс в одной из рабочих тетрадей набросал свои «Размышления», которые отразили основное направление развития его экономической мысли в 50-х годах. В «Размышлениях» намечены основные линии критики буржуазных и мелкобуржуазных экономических теорий, сформулированы отдельные исходные положения научной пролетарской политической экономии.

В этой черновой рукописи, в частности, Маркс выдвинул принципиальное методологическое положение об обусловленности денежной системы и обмена специфическими буржуазными отношениями производства, из чего следовало, что сфера обращения не может быть первоосновой коренных общественных изменений. В отношениях обмена Маркс увидел одно из проявлений буржуазных производственных отношений, подчеркнув, что «денежная система основывается на противоположности классов» [1]. Как и в капиталистическом производстве, в обмене выступают «совокупные классовые отношения, предполагаются классы наемных рабочих, земельных собственников, промышленных и непромышленных капиталистов» [2]. Особое место Маркс уделил анализу процесса, который буржуазными и мелкобуржуазными авторами изображался как торговля между деловыми людьми и потребителями [3]. В этом кажущемся простым акте Маркс вскрыл буржуазные отношения: за обменом товара на деньги — обмен капитала на доход, а за отношениями «свободных индивидуумов» — отношения классов буржуазного общества.

Уже в этой ранней рукописи появился важнейший марксистский тезис о специфическом характере богатства. Маркс отметил, что буржуазное общественное отношение «придает богатству характер капитала и отделяет капитал от дохода» [4]. В «Размышлениях» впервые формулируется (хотя еще не раскрывается) положение о том, что в процессе обмена капитала на доход происходит не только возмещение и простое воспроизводство капитала, но и его увеличение.

«Размышления» содержат зародыш концепции товарного и денежного фетишизма. Маркс показывает, что в процессе обмена товара на деньги фетишизируются буржуазные классовые отношения, стирается различие в характере дохода рабочего и капиталиста — заработной платы и прибыли, поскольку доходы выступают как простая сумма денег, а обладатели их — как равноправные индивидуумы — покупатели. «Таким образом,— заключает Маркс,— в акте этого обмена отпадает особый характер превращенного в деньги дохода, а все классовые индивиды стираются и растворяются в категории покупателя, который противостоит здесь продавцу. Вот почему иллюзия в этом акте купли-продажи состоит в том, что видят не классового индивида, а просто покупающего индивида, лишенного классового характера» [5].

В процессе анализа отношений обмена как буржуазных общественных

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 44, с. 146.
[2] См. там же, с. 147.
[3] См. там же, с. 146. 147.
[4] См. там же, с. 147.
[5] Там же, с. 148.

отношений Маркс высказывается по вопросам воспроизводства и кризисов. Он дает, в частности, характеристику противоречия между производством и потреблением как специфического противоречия буржуазного общества, связанного с уменьшением доходов рабочего класса. Это противоречие является непосредственной причиной возникновения перепроизводства товаров, невозможности их полной реализации. К числу принципиальных методологических положений теории кризисов, впервые высказанных Марксом в «Размышлениях», относится его тезис о том, что «перепроизводство обусловливается не только диспропорциональностью производства, но также и отношением между классом капиталистов и классом рабочих» [1].

Сформулированные в «Размышлениях» элементы теории кризисов позволили Марксу продолжить на более высоком теоретическом уровне начатую в 40-е годы критику мелкобуржуазных, в особенности прудонистских, концепций, объяснявших экономические кризисы «недостатками» капиталистической денежной системы. В противовес этому Маркс показал, что денежная система существует не изолированно, а в неразрывной взаимосвязи с антагонистическими отношениями буржуазного производства, представляет собой необходимый компонент буржуазного общества. Он отметил, что при кризисе перепроизводства «действительной трудностью является *необратимость товаров*, т. е. *действительного капитала*, в золото и банкноты» [2]. При этом невозможность реализации всей стоимости капитала вытекает из всей организации капиталистического производства; этого не может изменить никакая реформа денежной системы.

В «Размышлениях» Маркс рассмотрел также влияние денежной формы дохода (заработной платы) на положение рабочего класса, показав, что эта форма, расширяя его общественные связи, тем самым создает ему «большую возможность присваивать себе такие всеобщие силы общества, как его интеллектуальные силы» [3]. Этот вывод означал определенный шаг в преодолении буржуазной концепции «минимума заработной платы».

Научный анализ экономического развития капиталистического строя позволил Марксу предсказать наступление циклического кризиса перепроизводства, который начался в 1857 году. С этим кризисом Маркс и Энгельс связывали большие ожидания, полагая, что потрясения в экономике, вызванные кризисом, повлекут за собой наступление «потопа» — новой революции. В этих условиях перед Марксом встала задача скорейшего создания труда по политической экономии, который бы вооружал пониманием закономерностей экономического развития общества, правомерности классовой борьбы пролетариата, исторической неизбежности его победы.

Еще в разгар кризиса Маркс принимается за обобщение своих экономических исследований, выполненных до того времени. «Переживаемый сейчас торговый кризис,— писал он Ф. Лассалю 21 декабря 1857 года,— побудил меня серьезно приняться за обработку моих основ политической экономии» [4]. С целью уяснения вопросов для самого себя Маркс набрасывает предварительный черновой вариант своего труда. «Я работаю, как бешеный, ночи напролет,— писал он Энгельсу 8 декабря 1857 года,— над подыто-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 44, с. 143.
[2] Там же, с. 144.
[3] См. там же, с. 149.
[4] Там же, т. 29, с. 445.

живанием своих экономических исследований, чтобы до потопа иметь ясность по крайней мере в основных вопросах»[1]. «Работаю я колоссально много, большей частью до 4 часов утра»,— сообщал Маркс Энгельсу 18 декабря и добавлял, что речь идет о «выработке основных положений политической экономии»; «совершенно необходимо для публики вскрыть самую основу вещей»[2].

Экономическая рукопись 1857—1858 годов

В результате интенсивного труда в период с июля 1857 по май 1858 года Маркс создает серию экономических рукописей. Главная из них — обширная рукопись в 50 печатных листов под заголовком «Критика политической экономии», написанная в октябре 1857 — мае 1858 года,— явилась важнейшим этапом в создании «Капитала».

К этой серии рукописей относятся два наброска, написанные Марксом в июле и августе 1857 года, в которых он сформулировал методологические принципы своего исследования. В наброске о вульгарных экономистах Ф. Бастиа и Г. Кэри очерчены рамки классической политической экономии, начало которой было положено в конце XVII века работами У. Петти и П. Буагильбера и которая завершилась в первой трети XIX века трудами Рикардо и Сисмонди, а также дана характеристика «позднейшей политико-экономической литературы».

Маркс проанализировал различные экономические условия, породившие взгляды двух названных вульгарных экономистов. Противопоставляя американские экономические отношения английским, Кэри утверждал, что в Англии буржуазное общество существует не в чистом виде, его развитие стеснено и нарушено ограничениями, унаследованными от эпохи феодализма и проявляющимися главным образом в государственном вмешательстве в экономическую жизнь страны; отсюда антагонизмы, раздирающие английское общество, а также дисгармонии, которые привносятся Англией на мировой рынок. В США же, где отсутствовали феодальные пережитки, экономические отношения, по мнению Кэри, развивались вполне гармонично.

Опровергая Кэри, Маркс подчеркнул, во-первых, что американский капитализм, несмотря на определенные специфические условия своего развития, по существу повторяет путь капитализма английского. Во-вторых, те дисгармонии мирового рынка, о которых говорил Кэри, являются лишь наивысшим выражением внутренних противоречий капиталистической экономики в той или иной стране, не исключая и США.

Бастиа же объяснял антагонизмы французского буржуазного общества отсталым характером экономических отношений во Франции, и, напротив, считал Англию идеалом гармоничного развития капитализма. Однако и Кэри и Бастиа одинаково антиисто-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 29, с. 185.
[2] Там же, с. 192.

ричны, так как считают капиталистическое производство вечным, естественным идеалом гармоничного развития общества. «И тот и другой понимают,— отметил Маркс,— что противники [буржуазной] политической экономии — социализм и коммунизм — находят свою теоретическую предпосылку в трудах самой классической политической экономии, особенно в трудах Рикардо, которые надо рассматривать как ее наиболее законченное и последнее выражение. Поэтому и тот и другой считают необходимым объявить ошибочным и подвергнуть нападкам то теоретическое выражение, которое буржуазное общество исторически получило в современной политической экономии, и доказывать гармонию производственных отношений там, где экономисты-классики наивно обрисовывали их антагонистичность» [1].

В другом наброске — методологическом «Введении» к будущему экономическому труду [2] — Маркс очертил капиталистическое производство в качестве предмета своего исследования; в качестве же основного метода политико-экономического исследования он избрал метод последовательного восхождения от абстрактных определений к научно познанному конкретному, дав этому методу материалистическую интерпретацию. Маркс показал, что предпосылкой восхождения от абстрактного к конкретному служит противоположный процесс — переход от конкретного, данного в представлении, к простейшим абстрактным определениям. Таким образом, конкретное выступает не только как результат, но и как исходный пункт исследования: прежде чем приступить к научному изложению результатов исследования, к логическому воспроизведению (в процессе перехода от абстрактного к конкретному) объективной структуры исследованного объекта, необходимо осуществить само исследование. Оно было проделано Марксом в ходе историко-критического анализа буржуазной политической экономии. В истории буржуазной политической экономии он нашел более или менее адекватное отражение истории капитализма. Поэтому историко-критический аспект исследования играл важную роль в работе Маркса над «Капиталом».

Наконец, важной методологической предпосылкой создания экономической теории явилась разработка Марксом ее структуры, отраженная в приведенном во «Введении» наброске плана «расчленения предмета» [3]. Среди трех фундаментальных категорий, обусловливающих классовые отношения буржуазного общества (капитал, наемный труд, земельная собственность), Маркс выделяет капитал: «это господствующая над всем экономическая сила

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 46, ч. I, с. 4.

[2] «Общее введение, которое я было набросал,— писал Маркс в 1859 году в предисловии к первому выпуску «К критике политической экономии»,— я опускаю, так как по более основательном размышлении решил, что всякое предвосхищение выводов, которые еще только должны быть доказаны, может помешать» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 13, с. 5).

[3] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 46, ч. I, с. 45.

буржуазного общества. Он должен составлять как исходный, так и конечный пункт» [1].

Во «Введении» Маркс полнее, чем где-либо прежде, сформулировал свое понимание предмета и метода политической экономии как особой науки. В разделе о методе он осветил принципы научного исследования и изложения, в частности принцип диалектического единства исторического и логического в исследовательской работе.

В экономической рукописи 1857—1858 годов Маркс заложил основы научной теории стоимости и денег. Разработку своей теории стоимости он осуществил в ходе критики теории денег. При этом он начал с критики не количественной теории денег Рикардо, а мелкобуржуазной теории Прудона, которая представляла собой доведенную до крайности буржуазную трактовку денег и денежного обращения; в связи с экономическим обоснованием неизбежности революционного свержения капитализма весьма важно было дать детальную критику прежде всего реформистских иллюзий мелкобуржуазных социалистов относительно возможности перехода к социализму без революции, опровергнув мнение прудонистов, будто путем реформы денежного обращения и банков можно уничтожить антагонистические противоречия капитализма и заменить этот строй социализмом. Критика прудоновской концепции реформирования буржуазного общества была дана уже в «Нищете философии». Теперь в процессе разработки своей теории в рукописи 1857—1858 годов Маркс показал, что антагонистический характер капиталистических противоречий «не может быть взорван путем тихой метаморфозы» [2], что проекты прудонистов сохранить буржуазное общество, лишь исправив его «недостатки», являются вредной утопией, дезорганизующей рабочий класс, отвлекающей его от революции.

Рукопись 1857—1858 годов подготовила ключевое научное открытие Маркса о двойственном характере труда, воплощенного в товаре. Хотя здесь непосредственно и не говорится еще о конкретном и абстрактном труде, по существу же эти понятия заложены в характеристике противоречий капиталистического товарного производства, в частности противоречия между частным и общественным трудом. Маркс выводит его из противоречий, заложенных в товаре. Труд, производящий товар, предстает, с одной стороны, как труд «натурально определенный», «качественно отличный от других видов труда», а с другой — как «отделенный от своего качества, различающийся лишь количественно труд» [3].

Не давая еще определения товара как единства противоположностей — потребительной стоимости и стоимости, Маркс тем не менее вскрыл содержание этой противоположности. Он видит ее

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 46, ч. I, с. 44.
[2] См. там же, с. 102—103.
[3] См. там же, с. 85.

в том, что «как стоимость, товар — всеобщ, как действительный товар он — нечто особенное» [1].

В процессе исследования Маркс пришел к пониманию того, что именно товар, а не стоимость является исходным пунктом в анализе капитализма. Этот свой вывод он зафиксировал в конце рукописи в следующих словах: «Первая категория, в которой выступает буржуазное богатство, это — *товар*» [2].

Маркс по существу решил проблему происхождения денег и вплотную подошел к определению их как всеобщего эквивалента, рассматривая деньги в качестве «особого товара», «всеобщего товара по отношению ко всем остальным товарам», «всеобщей меновой стоимости». Анализ происхождения и сущности денег позволил определить кризисы как имманентную особенность капитализма, свойственную самой его природе. С возникновением денег, показал Маркс, единый акт купли-продажи распадается на два акта, и несовпадение их во времени и пространстве таит в себе возможность кризиса. «Уже в этом разрыве заложена возможность торговых кризисов» [3].

Если в работе «Наемный труд и капитал» Маркс впервые открыл в капитале выражение специфических буржуазных производственных отношений, то в рукописи 1857—1858 годов он сделал новый крупный шаг вперед в анализе капитала, показав его как самовозрастающую стоимость. Хотя в этой рукописи еще нет терминологической четкости, свойственной «Капиталу», Маркс, по существу, проанализировал в ней содержание товара «рабочая сила», определил ее стоимость и потребительную стоимость. Он вскрыл источник прибавочной стоимости, показав, что им является специфическая потребительная стоимость рабочей силы, эксплуатация рабочего класса. «Потребительной стоимостью, отличной от его меновой стоимости, труд является не для самого рабочего,— подчеркнул Маркс,— а только для капитала» [4].

Маркс ввел в политическую экономию понятие двух способов увеличения прибавочной стоимости — за счет удлинения рабочего дня за пределы необходимого рабочего времени и за счет сокращения необходимого рабочего времени в результате роста производительности труда. Анализ капитала как самовозрастающей стоимости подводил к рассмотрению структуры капитала: в разделе рукописи, посвященном абсолютной и относительной прибавочной стоимости, Маркс заложил основы деления производительного капитала на постоянный и переменный, выделив основной признак этого деления — различное участие отдельных частей капитала в создании прибавочной стоимости. На этой методологической основе впервые в политической экономии Маркс рассматривает при-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 46, ч. I, с. 83.
[2] Там же, ч. II, с. 393.
[3] Там же, ч. I, с. 91.
[4] Там же, с. 260.

быль как превращенную форму прибавочной стоимости и норму прибыли как превращенную форму нормы прибавочной стоимости, вскрывает путаницу в этих понятиях, свойственную всей предшествующей политической экономии.

В экономической рукописи 1857—1858 годов Маркс поставил ряд проблем, связанных с обращением капитала и явившихся впоследствии предметом исследования во II томе «Капитала». Он раскрыл, в частности, обращение капитала как «изменение формы, которое претерпевает стоимость, проходя через различные фазы» [1], что легло в основу анализа кругооборота капитала как последовательной смены его денежной, производительной и товарной форм. В этой рукописи Маркс вплотную подошел к решению проблемы цены производства, положив начало анализу превращенных форм — прибыли как превращенной формы прибавочной стоимости, нормы прибыли как превращенной формы нормы прибавочной стоимости. Впервые в экономической науке Маркс установил органическую связь прибыли с прибавочной стоимостью; прибыль рассматривалась им «как сумма прибавочной стоимости, выраженная в виде отношения к совокупной стоимости капитала» [2].

Разработка структуры будущего «Капитала»

В рукописи 1857—1858 годов Маркс сделал ряд подходов к разработке структуры своей экономической теории.

Первый набросок плана будущего экономического труда содержался в упомянутом выше «Введении». Разработка экономической теории в рукописи 1857—1858 годов полностью подтвердила высказанное там положение о капитале как господствующей силе буржуазного общества. «Необходимо точно развить понятие капитала,— подчеркнул Маркс в рукописи,— так как оно является основным понятием современной политической экономии, подобно тому как сам капитал,— абстрактным отображением которого служит его понятие,— является основой буржуазного общества» [3].

В первом наброске плана существенное значение имел начальный пункт о «всеобщих абстрактных определениях». Маркс имел здесь в виду такие выделенные буржуазной политической экономией категории, как «труд, разделение труда, потребность, меновая стоимость», «продукт вообще», «труд вообще». Последняя категория характеризовалась Марксом как «исходный пункт современной политической экономии» [4].

В «Главе о деньгах» рукописи «Критика политической экономии» Маркс составил второй набросок [5] плана своего труда, в котором предметом первого раздела (всеобщие абстрактные определения) выступает уже товар, тогда как меновая стоимость, деньги, цена рассматриваются лишь в качестве отдельных характеристик товарного производства. Это обстоятельство, несомненно, отражает проведенное в рукописи исследование товара как «экономической клеточки» капитализма.

В начале «Главы о капитале» рукописи «Критика политической экономии» содержится третий набросок [6] плана экономического труда, в котором основное внимание уделено структуре категории «капитал». Соответствую-

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 46, ч. II, с. 126.
[2] См. там же, с. 282.
[3] Там же, ч. I, с. 288.
[4] См. там же, с. 37, 41.
[5] См. там же, с. 173.
[6] См. там же, с. 213.

щий раздел был поделен на шесть частей, но уже через несколько страниц рукописи Маркс дает иную схему раздела о капитале, где впервые было намечено трехчленное деление материала, ставшее впоследствии основой структуры теоретической части труда. В дальнейшем этот раздел получил название «Капитал вообще», и данный термин стал широко применяться Марксом в ходе дальнейшей работы.

В письме к Ф. Лассалю от 22 февраля 1858 года Маркс сформулировал новый план своего экономического труда, представлявший собой дальнейшее развитие предыдущих набросков. «Все в целом,— писал он,— подразделяется на шесть книг: 1) О капитале (содержит несколько вводных глав). 2) О земельной собственности. 3) О наемном труде. 4) О государстве. 5) Международная торговля. 6) Мировой рынок... Критика и история политической экономии и социализма должны составить предмет другой работы. Наконец, краткий *исторический очерк* развития экономических категорий или отношений — третья работа» [1].

Под «вводными главами» в тот период имелись в виду, в частности, разделы о «производстве вообще», о «меновой стоимости вообще», при этом в качестве исходного пункта раздела о меновой стоимости фигурировал товар. Постепенную эволюцию претерпевают «всеобщие абстрактные определения», о которых упоминалось выше: товар, стоимостные категории — в отличие от категории «производство вообще» — все в большей мере рассматриваются как специфически капиталистические категории.

Важно отметить также общее разделение Марксом своего труда на теоретическую и историческую части.

В письмах к Лассалю от 11 марта и Энгельсу от 2 апреля 1858 года продолжалась дальнейшая разработка «плана шести книг». Прежде всего была четко сформулирована трехчленная структура теоретической части будущего «Капитала». Решив публиковать свой труд отдельными выпусками, Маркс сообщал: «Первый выпуск при всех условиях должен был бы представлять собой относительно цельную работу»; «в нем содержится основа для всего изложения в целом... Он содержит: 1) стоимость, 2) деньги, 3) капитал вообще (процесс производства капитала, процесс обращения капитала, единство того и другого, или капитал и прибыль (процент))». При этом Маркс заметил: «...я вовсе и не намерен одинаково подробно разрабатывать все шесть книг, на которые я делю всю работу; напротив, в трех последних книгах я хочу дать лишь основные штрихи, между тем как в трех первых, где собственно и содержится развитие основных экономических положений, не всегда можно будет избежать подробных объяснений» [2]. Стало быть, уже на этом этапе создания экономической теории Маркс, не отказываясь в принципе от «плана шести книг», соответствовавшего объективному членению капиталистической экономики, постепенно суживал свою задачу, намереваясь разработать намеченные им шесть книг с разной степенью детализации.

Содержание первой книги «О капитале» Маркс расчленил следующим образом: «*Капитал* распадается на четыре отдела: a) Капитал вообще... b) *Конкуренция* или действие многих капиталов друг на друга. c) *Кредит*... d) *Акционерный капитал...*» [3]

Наконец, Маркс разработал структуру глав, посвященных стоимости и деньгам. Если в конце рукописи «Критика политической экономии» первая из этих глав фигурировала под названием «Стоимость», то в письме к Энгельсу от 29 декабря 1858 года Маркс уже называет первую главу своей работы «Товар» [4]. Потребовался некоторый промежуток времени для того,

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 29, с. 449.

[2] Маркс — Фердинанду Лассалю, 11 марта 1858 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 29, с. 451—452.

[3] Маркс — Энгельсу, 2 апреля 1858 г.— Там же, с. 254.

[4] См. там же, с. 304.

чтобы совершенное в процессе исследования открытие товара в качестве «элементарной клеточки» капитализма отразилось в перемене названия соответствующей главы.

В результате намеченная Марксом структура труда в общем виде выглядит следующим образом.

Книга I «О капитале»
Отдел I «Капитал вообще»
Глава первая «Товар»
Глава вторая «Деньги»
Глава третья «Капитал вообще»
1. Процесс производства капитала
2. Процесс обращения капитала
3. Единство того и другого, или капитал и прибыль (процент)
Отдел II «Конкуренция капиталов»
Отдел III «Кредит»
Отдел IV «Акционерный капитал»
Книга II «Земельная собственность»
Книга III «Наемный труд»
Книга IV «Государство»
Книга V «Внешняя торговля»
Книга VI «Мировой рынок»

Намеченные Марксом план работы и структура труда представляют не только исторический, но и методологический интерес, поскольку в них даны первоначальное членение политической экономии капитализма, соподчиненность основных экономических категорий, намечены пути развития общей теории капитализма.

Книга «К критике политической экономии»

Еще до окончания работы над экономической рукописью 1857—1858 годов Маркс начал подготовку ее к печати. В период между началом августа и октябрем 1858 года он на основе этой рукописи написал первоначальный текст первых двух глав и начала третьей, а с ноября 1858 по январь 1859 года — окончательный текст для печати под названием «К критике политической экономии». В июне 1859 года в Берлине в издательстве Франца Дункера тиражом 1000 экземпляров книга «К критике политической экономии. Выпуск первый» вышла в свет.

Книга открывается знаменитым предисловием, имеющим самостоятельное научное значение, в котором Маркс дает «цельную формулировку основных положений материализма, распространенного на человеческое общество и его историю»[1], формулирует, притом в чеканной форме, суть материалистического понимания истории, дает определение производительных сил и производственных отношений, базиса и надстройки, показывает характер их взаимодействия.

Историческое значение этого произведения состоит в том, что в нем сформулированы и применены к исследованию законов и категорий политической экономии исходные научные принципы диалектического и исторического материализма. Это произведение знаменовало собой революционный переворот в анализе товара, стоимости и денег. Ленин отмечал впоследствии, что Маркс в сво-

[1] См.: *Ленин В. И.* Карл Маркс.— Полн. собр. соч., т. 26, с. 56.

их сочинениях «К критике политической экономии» и «Капитал» революционизировал науку политической экономии [1].

В книге «К критике политической экономии» Маркс впервые дал анализ товара как «элементарного бытия» буржуазного богатства и тем самым заложил основы научного рассмотрения капиталистического производства как системы товарного производства. В отличие от классиков буржуазной политической экономии, начинавших исследование экономики с проблемы стоимости, предметом анализа у Маркса является не стоимость, а товар. Он осветил товар как противоречивое единство потребительной стоимости и стоимости. Потребительную стоимость и стоимость различали уже классики буржуазной политической экономии, однако они рассматривали то и другое как простые естественные свойства всякого продукта труда; такая методологическая позиция исключала возможность научного решения проблемы денег и капитала и самою постановку вопроса о противоречиях капиталистического товарного производства. Вскрыв уже в простейшей форме товара противоречивый характер капиталистического производства, Маркс создал исходные теоретические позиции для дальнейшего критического анализа экономических явлений и категорий буржуазного общества, для доказательства специфически исторического, но отнюдь не абсолютного характера отношений буржуазной собственности.

В книге «К критике политической экономии» Маркс впервые раскрыл двойственный характер труда, воплощенного в товаре,— конкретный труд, создающий потребительную стоимость, и абстрактный труд, создающий стоимость товара. Это научное открытие явилось логическим завершением предшествовавшего ему анализа исторического процесса превращения натурального хозяйства в товарное и товарного — в капиталистическое. В категориях политической экономии Маркс выразил то, что происходило в процессе превращения простого натурального хозяйства в товарное и постоянно повторяется в капиталистическом товарном хозяйстве, а именно: процесс сведения всех конкретных видов труда к единому выражению — *всеобще-человеческому* труду, измерителем которого является затраченное на производство товара рабочее время.

Признавая труд единственным источником стоимости, Маркс разделяет трудовую теорию стоимости, которую создали и развивали классики буржуазной политической экономии. Но учением о двойственном характере труда он делает существенный, качественно новый шаг вперед в экономической науке. Открыв, что труд является источником меновой стоимости, буржуазные экономисты-классики тем не менее не различали конкретный и абстрактный труд, занимались только величиной стоимости, определяя ее рабочим временем. Маркс же объяснил, что приравнивание и обмен

[1] См.: *Ленин В. И.* Карл Маркс.— Полн. собр. соч., т. 26, с. 49.

товаров, созданных конкретным трудом отдельных производителей, возможен в силу специфически общественного характера труда. Раскрывая этот характер труда, заключающегося в товаре и создающего стоимость, Маркс пришел к выводу, имевшему решающее значение: меновая стоимость есть не вещь, а «отношение между лицами ...скрытое под вещной оболочкой» [1].

Маркс вскрыл в стоимости как кристаллизации однородного абстрактного труда действительные общественные отношения, показав, что ими являются не отношения вещей, а отношения товаропроизводителей, отношения противоречивые, осуществляемые через конкуренцию в сфере обмена. Стоимость выражает противоречие между частным и общественным трудом,— противоречие, внутренне заложенное в товарном производстве, основанном на капиталистической частной собственности. Открытие в стоимости воплощения общественных отношений знаменовало собой революционный переворот в экономической науке — переход от чисто количественного анализа категорий политической экономии к выявлению заложенной в них качественной специфики буржуазных отношений. В такой категории политической экономии, как стоимость, Маркс выразил самою суть способа производства на капиталистической ступени исторического развития, специфический характер производственных отношений буржуазного общества.

В конце главы о товаре Маркс дал краткий обзор взглядов своих предшественников в области трудовой теории стоимости. Этот обзор «К истории анализа товара» свидетельствовал о скрупулезном внимании, с которым Маркс изучал труды буржуазных экономистов, извлекая из них как крупицы истины, так и обнаруживая существенные недостатки. Не случайно интерес к трудам многих к тому времени забытых экономистов, в частности Петти, возродился благодаря вниманию, которое привлек к ним Маркс.

В книге «К критике политической экономии» Маркс продолжил начатый им в экономической рукописи 1857—1858 годов анализ процесса происхождения и сущности денег и дал обстоятельное изложение новой теории денег и денежного обращения, а также исторический очерк буржуазных теорий денежного обращения. Маркс показал, что деньги — это не изобретение отдельных лиц, они не вносятся в обращение для облегчения купли-продажи товаров, а порождаются самим обращением. «Особенный товар, представляющий, таким образом, адекватное бытие меновой стоимости всех товаров, или меновая стоимость товаров в качестве особенного, выделенного товара и есть *деньги*» [2] — так определил Маркс сущность денег. Он охарактеризовал деньги как выделившийся в силу объективных обстоятельств из товарного мира особый, привилегированный, всеобщий товар, как необходимый продукт и органически неотъемлемый компонент товарного производства.

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 13, с. 20.
[2] Там же, с. 35.

Деньги не являются продуктом сознания или соглашения, а возникают из самого обращения; в роли денег по мере развития обмена товаров начинают функционировать то один, то другой товар, за которым впоследствии и закрепляется функция денег. Деньги имеют стоимость не потому, что они выполняют известную общественную функцию — быть посредником в обмене товаров, а потому, что они, как и всякий товар, являются продуктом труда, следовательно, обладают не воображаемой или условной, а вполне реальной стоимостью, выступают в качестве овеществленного рабочего времени. Деньги представляют, таким образом, законченное высшее выражение стоимости, сложившееся из развития противоречия между конкретным и абстрактным трудом, между потребительной стоимостью и стоимостью, противоречия, заключенного в товаре. Маркс показал, в силу каких обстоятельств функция денег закрепилась за благородными металлами, исследовал основные, исторически возникшие и развившиеся функции денег — меры стоимости, средства обращения, образования сокровищ, средства платежа, мировых денег — и сформулировал законы денежного обращения. Он вывел формулу определения количества денег, необходимых для обращения.

По замыслу Маркса, следующий выпуск книги должен был начинаться с главы о капитале, которой отводилось центральное место во всей работе. Маркс неоднократно указывал на это в своих письмах, называл ее «самой важной», «основной», подчеркивая, что она «имеет прямую революционную задачу», что с нее «начинается настоящая битва» [1]. Однако работа над вторым выпуском сначала прервалась, а затем была поглощена более широким замыслом.

Маркс высоко ценил свою книгу, явившуюся результатом многолетних исследований. «Это сочинение впервые научно выражает имеющий важное значение взгляд на общественные отношения» [2],— писал он. «Я надеюсь добиться для нашей партии научной победы» [3].

Книга Маркса «К критике политической экономии» положила начало подлинному перевороту в политической экономии. Но буржуазная наука не могла и не хотела понять ее значения. Те немногие рецензии, которые появились в то время в Германии в периодической печати, носили в основном информационный характер, не касались содержания работы, сообщали лишь общие сведения об авторе книги, почерпнутые из предисловия Маркса; ни один из рецензентов — буржуазных экономистов и журналистов — не смог оценить то новое, что Маркс внес в экономическую науку. Не

---

[1] См.: Маркс — Энгельсу, 2 апреля 1858 г.; Маркс — Фердинанду Лассалю, 28 марта 1859 г.; Маркс — Фердинанду Лассалю, 15 сентября 1860 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 29, с. 260, 479; т. 30, с. 465.

[2] Маркс — Фердинанду Лассалю, 12 ноября 1858 г.— Там же, т. 29, с. 462.

[3] Там же, с. 469.

увенчались успехом и попытки Маркса издать книгу на английском языке.

Однако, в то время как официальная пресса и буржуазная наука замалчивали книгу Маркса, она нашла горячий отклик со стороны передовых ученых и пролетарских революционеров. Ближайшие друзья, соратники Маркса, высоко ценившие его теоретическую деятельность, с живейшим интересом ждали выхода в свет его книги. Члены Коммунистического клуба в Нью-Йорке, революционные немецкие эмигранты в США заранее провели на нее подписку. Публикуя на своих страницах предисловие Маркса из «К критике политической экономии», редакция газеты «Das Volk» — органа лондонского Просветительного общества немецких рабочих — писала: «Эта работа является результатом серьезного, многолетнего и разностороннего исследования»[1]. Предисловие Маркса с вводными словами редакции, а также рецензия Энгельса на книгу из газеты «Das Volk» были перепечатаны в ряде немецких газет в США.

Книга «К критике политической экономии» получила распространение и в России. Уже в начале 1860 года в Москве был прочитан публичный курс политической экономии, в первой же лекции которого излагалось содержание этой книги[2]. Русские друзья и корреспонденты Маркса присылали ему вырезки из русских газет и журналов, говорившие о его популярности в России как экономиста. Впоследствии Маркс писал, что его книги «Нищета философии» и «К критике политической экономии» «нигде не нашли такого большого сбыта, как в России»[3]. В мае 1860 года Маркс получил от русского журналиста Н. И. Сазонова письмо (процитированное им позже в памфлете «Господин Фогт») со следующим отзывом о книге «К критике политической экономии»: «Вы дали ученому миру первую часть прекрасного труда, который призван преобразовать экономическую науку и построить ее на новых, более солидных основах...»[4] Восторженный отзыв о книге «К критике политической экономии» прислал Марксу Иосиф Дицген, немецкий философ-самоучка, проведший много лет в России, работавший в то время мастером фабрики кожевенных изделий в Петербурге. Ленин, читая книгу И. Дицгена «Мелкие философские работы», обратил внимание на следующее признание ее автора: *«Но больше всего* я своим дальнейшим развитием *обязан*, наконец,— после того как я ознакомился с различными философскими писаками в своей уединенной сельской жизни,— появившейся в 1859 г. книге Маркса «К критике политической экономии»»[5]. В декабре 1865 года журнал «Русское слово» опубликовал статью

---

[1] Das Volk, 1859, 4.VI.

[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 14, с. 416.

[3] См.: Маркс — Людвигу Кугельману, 12 октября 1868 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 32, с. 472.

[4] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 14, с. 415—416.

[5] См.: *Ленин В. И.* Философские тетради.— Полн. собр. соч., т. 29, с. 422.

публициста и революционера П. Н. Ткачева, в которой был охарактеризован и высоко оценивался исторический метод Маркса, сформулированный в книге «К критике политической экономии».

Рецензия Энгельса на книгу Маркса

Большое значение для пропаганды книги Маркса имела рецензия Энгельса, написанная в августе 1859 года и опубликованная в газете «Das Volk». Рецензия была написана по просьбе Маркса, пожелавшего, чтобы в ней говорилось «о методе и о новом в содержании» [1]. И действительно, опубликованная часть рецензии почти целиком посвящена методологическим проблемам. (Намерение Энгельса во второй части рецензии рассмотреть «экономическое содержание книги» [2] осталось неосуществленным вследствие прекращения выхода газеты). Рецензия была просмотрена, а возможно, и подредактирована Марксом [3].

В своей рецензии Энгельс обратил внимание на связь экономического учения Маркса с другими частями марксизма. Само возникновение этого учения в Германии он связал с появлением «немецкой пролетарской партии», отметив, что «все содержание ее теории возникло на основе изучения политической экономии» [4]. Энгельс подчеркнул далее, что Марксова политическая экономия «базируется в сущности на *материалистическом понимании истории*», к созданию которого он приравнял по своей значимости выработку метода политической экономии [5]. Этот метод проистекает из общих требований материалистической диалектики о раскрытии внутренней связи исторического процесса; выявление и анализ законов капиталистической экономики он сопровождает критикой буржуазных экономистов — «толкователей и апологетов» [6] этих законов. Эта мысль перекликается с замечанием самого Маркса относительно содержания его экономического труда: «Работа, о которой идет речь в первую очередь,— писал он Ф. Лассалю 22 февраля 1858 года,— это *критика экономических категорий*, или, если угодно, система буржуазной экономики, критически представленная. Это одновременно изложение системы и критика ее в процессе изложения» [7].

Одной из наиболее существенных черт Марксова метода политической экономии Энгельс считал единство логического и исторического. В истории буржуазной политической экономии, являющейся «литературным отражением» исторического процесса, «прослеживается *действительное* развитие» [8]; логический метод у

[1] См.: Маркс — Энгельсу, 19 июля 1859 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 29, с. 373.

[2] См.: *Энгельс Ф.* Карл Маркс. «К критике политической экономии».— Там же, т. 13, с. 499.

[3] См.: Энгельс — Марксу, 3 августа 1858 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 29, с. 380. См. также: MEGA, II. Abt., Bd. 2, S. 403.

[4] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 13, с. 490.

[5] См. там же, с. 490—491, 497.

[6] См. там же, с. 494.

[7] Там же, т. 29, с. 449.

[8] См. там же, т. 13, с. 497.

Маркса «в сущности является не чем иным, как тем же историческим методом, только освобожденным от исторической формы и от мешающих случайностей. С чего начинает история, с того же должен начинаться и ход мыслей, и его дальнейшее движение будет представлять собой не что иное, как отражение исторического процесса в абстрактной и теоретически последовательной форме; отражение исправленное, но исправленное соответственно законам, которые дает сам действительный исторический процесс...» [1].

Здесь Энгельсом дана также характеристика Марксова метода научной абстракции, в частности указано, что объективный критерий для освобождения теории от «мешающих случайностей» исторического процесса дает сам этот процесс, его внутренние закономерности.

Как показал Энгельс, метод Маркса предполагает рассмотрение экономического процесса «в той точке его развития, где процесс достигает полной зрелости, своей классической формы» [2]. Поэтому предметом политической экономии капитализма являются «развитые буржуазные отношения», а исходным пунктом построения экономической теории у Маркса служит «товар в его вполне развитой форме» [3].

Еще в письме к Марксу от 9 апреля 1858 года Энгельс в той же связи говорил об «исторической подоплеке» [4] экономической теории. Теперь же свой тезис о примате исторического процесса перед логическим он подкреплял указанием на то, что логическое развитие теории «нуждается в исторических иллюстрациях, в постоянном соприкосновении с действительностью» [5].

Раскрывая генетическую связь Марксова метода экономического исследования с общими положениями материалистической диалектики, Энгельс показал, что этот метод предполагает интерпретацию экономического процесса в качестве отношения, то есть диалектического, противоречивого единства двух взаимодействующих сторон. «При этом,— писал Энгельс,— обнаруживаются противоречия, которые требуют разрешения. Но так как мы здесь рассматриваем не абстрактный процесс мышления, который происходит только в наших головах, а действительный процесс, некогда совершавшийся или все еще совершающийся, то и противоречия эти развиваются на практике и, вероятно, нашли свое разрешение. Мы проследим, каким образом они разрешались, и найдем, что это было достигнуто установлением нового отношения, две противоположные стороны которого нам надо будет развить и т. д.» [6].

Указанная особенность Марксова метода экономического исследования проистекает из понимания того, что «политическая

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 13, с. 497.
[2] См. там же.
[3] См. там же, с. 489, 498.
[4] См. там же, т. 29, с. 261.
[5] См. там же, т. 13, с. 499.
[6] Там же, с. 498.

экономия имеет дело не с вещами, а с отношениями между людьми и в конечном счете между классами, но эти отношения всегда *связаны с вещами* и *проявляются как вещи*. Эта связь...— подчеркнул Энгельс,— впервые была раскрыта Марксом во всем ее значении для всей политической экономии» [1].

Сравнение положений рецензии Энгельса с положениями книги Маркса показывает, что многие их мысли и определения совпадают, и рецензия является по существу своеобразным дополнением к книге. Это с очевидностью свидетельствует о том, что между Марксом и Энгельсом существовали постоянный обмен мнениями и единомыслие, что пролетарская политическая экономия создавалась в результате совместной теоретической деятельности обоих основоположников марксизма.

Экономическая рукопись 1861—1863 годов

По замыслу Маркса вслед за первым выпуском книги «К критике политической экономии» должны были последовать другие. Во второй выпуск предполагалось включить главу о капитале, завершавшую первый отдел задуманного им фундаментального труда по политической экономии. На основе экономической рукописи 1857—1858 года он набросал план этой главы, который предусматривал три больших раздела: I. Процесс производства капитала; II. Процесс обращения капитала; III. Капитал и прибыль [2]. Маркс выделил также и четвертый раздел под заголовком «Разное» (вопросы, которые предполагалось изложить в нем, не были объединены какой-либо общей проблематикой; это — дефиниции капитала, производительный и непроизводительный капитал, рынок и др.). Однако, по свидетельству Энгельса, после выхода в свет первого выпуска Маркс почувствовал, что не все детали развития основных идей второго и следующих выпусков ему вполне ясны [3]. Возникла необходимость дополнительного изучения ряда вопросов, прежде чем излагать предмет для печати.

Поэтому Маркс продолжил детальную разработку своего экономического учения. С августа 1861 до середины 1863 года им была написана огромная экономическая рукопись, состоящая из 23 тетрадей общим объемом около 200 печатных листов. Эта рукопись, озаглавленная Марксом «К критике политической экономии», явилась вторым черновым вариантом исследования капитала, в котором были рассмотрены (в том или ином объеме) проблемы, вошедшие впоследствии во все четыре тома «Капитала».

В рукописи 1861—1863 годов экономическое учение Маркса представлено в порядке, характерном для внутренней логики и структуры «Капитала». Здесь нашли подробное изложение важнейшие вопросы общей проблемы производства капитала: превращение денег в капитал, абсолютная и относительная прибавочная

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 13, с. 498.

[2] См. там же, т. 46, ч. II, с. 515—521.

[3] См.: *Энгельс Ф.* Маркс, Генрих Карл.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 354.

стоимость, формальное и реальное подчинение труда капиталу, разделение труда, машины и последствия их капиталистического применения, накопление капитала, первоначальное накопление капитала. В ряде тетрадей рукописи затронуты проблемы, относящиеся ко II и III томам «Капитала»: движение денег в процессе капиталистического воспроизводства, прибавочная стоимость и прибыль, превращение прибыли в среднюю прибыль, ссудный и торговый капитал, тенденция нормы прибыли к понижению с прогрессом капиталистического производства.

Экономическая рукопись 1861—1863 годов, вобрав в себя научные достижения рукописи «Критика политической экономии», явилась крупным шагом вперед в дальнейшей разработке марксистской политической экономии. Она знаменательна обстоятельным раскрытием антагонистического характера отношений труда и капитала. Именно в этой рукописи Маркс всесторонне исследовал специфический товар — рабочую силу, ее стоимость и потребительную стоимость, глубоко раскрыв процесс производства прибавочной стоимости, капитала.

Большое внимание Маркс уделил анализу величины стоимости рабочей силы и ее денежного выражения — заработной платы. В отличие от классиков буржуазной политической экономии, которые рассматривали «стоимость труда» как некую неизменную величину, развивали концепцию «минимума заработной платы», согласно которой величина заработной платы определяется набором жизненных средств, физически необходимых для жизни рабочего, Маркс показал, что «объем так называемых первых жизненных потребностей и способ их удовлетворения в значительной мере зависят от состояния культуры общества», «они являются продуктом истории» [1]. При определении величины заработной платы, также как и стоимости рабочей силы, речь не идет «о крайней границе физической необходимости» [2]; если капиталисты и стремятся свести стоимость и цену рабочей силы к ее минимальному пределу, то рабочий класс борется за повышение заработной платы и сокращение рабочего дня.

Создание «Капитала»

В процессе работы над рукописью у Маркса к концу 1862 года сложилось решение — вместо второго выпуска, как продолжения книги «К критике политической экономии», создать новый, более обстоятельный труд под названием «Капитал» с подзаголовком «К критике политической экономии». В письме Л. Кугельману от 28 декабря 1862 года он считал рукопись новой книги в основном готовой. По мнению Маркса, вместе с первым выпуском она представляла бы теоретическую квинтэссенцию, на основе которой можно разрабатывать дальнейшие разделы политической экономии [3].

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 47, с. 42.
[2] См. там же, с. 51.
[3] См. там же, т. 30, с. 527.

Но детальная разработка Марксом своего экономического учения продолжалась в 1863—1865 годы. В частности, он разрабатывает разделы, которые в экономической рукописи 1861—1863 годов не получили должного развития: это — вопросы обращения капитала и превращенных форм прибавочной стоимости — проблемы будущих II и III томов «Капитала».

Самостоятельное значение имеет рукопись «Глава шестая. Результаты непосредственного процесса производства», так как не весь ее материал вошел в окончательный текст «Капитала»; с ее текстом не совпадает ни одна из глав печатного текста «Капитала». В ней дается характеристика капитализма в целом как специфического способа производства.

Здесь Маркс впервые в политической экономии раскрыл две специфические особенности или черты товара: он выступает и как элементарная форма буржуазного богатства, стало быть, как исходный пункт капиталистического производства, и как продукт капитала, что характеризует сложившиеся производственные отношения капитализма. Различие товара как предпосылки образования капитала и исходного пункта капиталистического производства, с одной стороны, и как продукта капитала — с другой, соответствует историческому развитию капитала, капитализма в целом. С одной стороны, капитал возникает на основе предшествующего ему развития товарного обмена, торговли товарами, а с другой — будучи специфическим буржуазным отношением, капитал определяет не просто производство товаров как совокупности материальных ценностей, а производство их как продуктов капитала. «Поэтому,— заключает Маркс,— будучи, с одной стороны, предпосылкой образования капитала, *товар*, с другой стороны, поскольку он есть *всеобщая элементарная форма продукта*, выступает по существу как продукт и результат капиталистического процесса производства» [1].

Маркс раскрыл специфические черты товара как продукта капитала. «*Товар* как *продукт капитала* содержит частью оплаченный, частью неоплаченный труд» [2], то есть является носителем прибавочной стоимости. Второй особенностью товара как продукта капитала является то, что он теряет свойственную ему до капитализма обособленность. При капитализме товар выступает как элемент всей товарной массы, произведенной капиталом. Результатом капиталистически произведенного совокупного продукта является товарная масса, которая в целом является носителем стоимости капитала и произведенной прибавочной стоимости. «Не отдельные товары выступают как результат процесса, а *товарная масса*,— указывает Маркс,— в которой воспроизведена стоимость авансированного капитала плюс прибавочная стоимость — присвоенный прибавочный труд, и каждый отдельный товар есть носитель стоимости *капитала* и произведенной им прибавочной стоимости» [3]. И третья особенность товара как продукта капитала в отличие от товара, который первоначально выступал самостоятельно, «обнаруживается в *объеме, в размерах продажи*» [4]. Реализация содержащейся в товаре прежней стоимости капитала и произведенной прибавочной стоимости может быть достигнута реализацией всей товарной массы, а не отдельных товаров или их части.

В этой рукописи Маркс раскрыл также цель капиталистического производства, его полное подчинение производству прибавочной стоимости. Он показал, что производство прибавочной стоимости есть «специфическая *функция* капитала как капитала» [5].

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 49, с. 4.
[2] Там же, с. 9.
[3] Там же.
[4] См. там же.
[5] См. там же, с. 34.

Маркс охарактеризовал действительное содержание процесса труда при капитализме в отличие от процесса труда самостоятельных товаропроизводителей в условиях простого товарного хозяйства. Результатом процесса труда при капитализме является не простой продукт труда или товар, как это было при системе простого товарного хозяйства, когда производитель товара олицетворял собой и его собственника; при капитализме продукты труда, как и жизненные средства, отчуждены от их производителей — рабочих, являются собственностью капиталиста, капиталом, а потому сам процесс труда выступает лишь как средство возрастания капитала. «В капиталистическом процессе производства,— указал в связи с этим Маркс,— *процесс труда* выступает только как *средство*, а *процесс увеличения стоимости* или *производство прибавочной стоимости* — как цель» [1]. Таким образом Маркс сформулировал в общих чертах основной экономический закон капитализма.

К 1864—1865 годам относится первый черновой вариант II тома «Капитала», озаглавленный Марксом «Вторая книга. Процесс обращения». Эта экономическая рукопись содержит текст всех трех отделов (в рукописи — трех глав) II тома.

Наиболее полная рукопись III тома «Капитала», как свидетельствует Энгельс в предисловии ко II тому «Капитала», была создана Марксом в 1864—1865 годах. Отдельные фрагменты III тома «Капитала» содержатся в более поздних рукописях Маркса, в частности в тетради 1875 года, где анализируется «отношение нормы прибавочной стоимости к норме прибыли, изложенное,— как поясняет Энгельс,— математически (в уравнениях)» [2].

Рассмотрение экономических рукописей Маркса показывает, что наиболее результативным периодом в процессе создания им своего главного экономического труда были 1863—1867 годы, когда он не только подготовил к изданию полный текст I тома «Капитала», но и завершил вчерне рукописи его II и III томов.

I том «Капитала» вышел в свет на немецком языке в Берлине в сентябре 1867 года. После его выхода Маркс усиленно работал над рукописями II и III томов «Капитала», а в дальнейшем — над совершенствованием текста I тома в связи с переизданием его на немецком языке и переводами на другие языки.

Выпуск Энгельсом II и III томов «Капитала»

II и III тома «Капитала» при жизни Маркса не увидели света. Завершение работы над ними, помимо болезни Маркса, отдалило его намерение включить в «Капитал» некоторые данные и материалы о США и России, изучать которые он начал позже других. «...В отделе о земельной собственности,— писал он Н. Ф. Даниельсону 12 декабря 1872 года,— я намерен заняться очень подробно ее русской формой» [3]. К сожалению, Марксу не удалось осуществить этих намерений. Однако нужно отдать должное Н. Ф. Даниельсону — русскому переводчику I тома «Капитала» — он сразу же выслал Марксу литературу по русской земельной соб-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 49, с. 57.
[2] Там же, т. 24, с. 9.
[3] Там же, т. 33, с. 458.

ственности, а в дальнейшем неоднократно посылал книги по крестьянскому вопросу, статистические сборники и таблицы, журнальные статьи об общине. Поступавшие к Марксу обширные статистические материалы и русская литература становились предметом пристального изучения, что задерживало завершение работы над «Капиталом»; Маркс не хотел выпускать продолжение I тома до тех пор, пока досконально не изучит полученное [1].

После 1870 года ввиду перегруженности Маркса делами Интернационала и в связи с его нездоровьем наступила некоторая пауза в работе над «Капиталом». В этот период он занимался агрономией, естественными науками, изучал проблемы денежного обращения и особенно русские поземельные отношения. Тем не менее Маркс стремился завершить II том; он усиленно работал над ним с октября 1877 по июль 1878 года. Однако к середине 1879 года здоровье его резко ухудшилось, и работа, по существу, приостановилась.

Маркс задерживал выпуск II тома «Капитала» и по другим причинам. От его проницательного взгляда не ускользнуло своеобразие экономического кризиса 1873 года, его отличие от предыдущих кризисов. Кризису 1873 года уделено большое внимание в переписке Маркса и Энгельса. Маркс не хотел выпускать II том, не включив в него результаты анализа этого кризиса. «...Я ни за что не согласился бы выпустить второй том, прежде чем нынешний английский промышленный кризис не достигнет своей высшей точки» [2],— писал он 10 апреля 1879 года Н. Ф. Даниельсону. Но болезнь и смерть помешали этому.

II и III тома «Капитала» были подготовлены к изданию и опубликованы Энгельсом. II том «Капитала» вышел в свет в 1885 году. Параллельно с работой над II томом Энгельс готовил к изданию и III том «Капитала». Уже в апреле 1885 года он сообщал Н. Ф. Даниельсону: «Я занят теперь III томом, представляющим собой заключительную часть, которая венчает всю работу и затмит даже I том. Я диктую с оригинала, который решительно никто не способен прочесть, кроме меня, и не успокоюсь до тех пор, пока весь текст не будет переписан так, чтобы его во всяком случае смогли прочесть другие» [3]. Энгельс надеялся завершить подготовку III тома к печати в 1887 году, но другие, не менее неотложные дела, и ослабление зрения оттянули завершение этой работы до осени 1893 года. В 1894 году III том «Капитала» вышел из печати.

II и III тома «Капитала» — поистине совместный труд Маркса и Энгельса. Ленин в статье-некрологе «Фридрих Энгельс» писал: «...эти два тома «Капитала» — труд двоих: Маркса и Энгельса.

---

[1] По свидетельству Поля Лафарга, Энгельс однажды шутя сказал Марксу: «Я с удовольствием сжег бы русские издания о положении сельского хозяйства, которые вот уже несколько лет не дают тебе закончить «Капитал»!» (Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе, ч. 1, с. 168).

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 34, с. 288.

[3] Там же, т. 36, с. 258.

Старинные предания рассказывают о разных трогательных примерах дружбы. Европейский пролетариат может сказать, что его наука создана двумя учеными и борцами, отношения которых превосходят все самые трогательные сказания древних о человеческой дружбе» [1].

2. РАСКРЫТИЕ ТАЙНЫ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ

Предметом исследования в I томе «Капитала», как гласит его подзаголовок, является «процесс производства капитала». В отличие от процесса производства и обмена товаров процесс производства капитала стал предметом политической экономии впервые в произведениях основоположников марксизма. Их предшественники не видели в капитале производственных отношений буржуазного общества, сводили капитал к его вещественному, натуральному бытию — к орудиям и предметам труда, а потому и процесс производства — к процессу создания товаров и возмещения вещественных факторов производства.

Поставив на место процесса производства товаров процесс производства капитала, Маркс с самого начала подчеркнул специфический характер капиталистического производства, как производства, подчиненного созданию прибавочной стоимости, капитала. «Предметом моего исследования в настоящей работе,— писал он в предисловии к первому изданию I тома «Капитала»,— является капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения производства и обмена» [2].

«Экономическая клеточка буржуазного общества»

Свое исследование Маркс начинает с анализа *товара* как элементарной «клеточки» буржуазного общества. Рассмотрение товара было необходимым условием анализа более сложных форм капиталистического производства.

Товар является исходным пунктом капитала. Как основа капиталистического производства он становится всеобщей формой продукта. Самой характерной и специфической чертой капитализма, отличающей его от всех предыдущих способов производства, является *превращение в товар* также *рабочей силы.*

Первый отдел I тома «Капитала» и посвящен анализу предпосылки и основы капитала — проблеме товара и денег. Анализ товара и денег был уже предметом специального исследования в подготовительных экономических рукописях и в книге Маркса «К критике политической экономии». Основные результаты этого исследования вошли в первый отдел I тома «Капитала» — в учение о потребительной стоимости и стоимости как двух факторах товара, о двойственном характере труда, воплощенного в товаре, о заложенных в товаре противоречиях как зародыше всех противоре-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 12.
[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 6.

чий капитализма. Вошла в первый отдел I тома «Капитала» и теория денег, изложенная Марксом во второй главе книги «К критике политической экономии», а до нее — в экономической рукописи 1857—1858 годов. Тем не менее первый отдел I тома «Капитала» отнюдь не был повторением книги «К критике политической экономии». Как отметил сам Маркс, изложение материала в «Капитале» было улучшено по сравнению с произведением 1859 года. «Многие пункты, которые там были едва намечены, получили здесь дальнейшее развитие, поскольку это допускал предмет исследования, и наоборот, положения, обстоятельно разработанные там, лишь вкратце намечены здесь» [1].

К числу пунктов, которые получили дальнейшее развитие и обоснование в «Капитале», относится прежде всего проблема *формы стоимости*. До Маркса только Д. Рикардо и Н. Г. Чернышевский пытались различить стоимость и меновую стоимость товара. Но Рикардо, рассматривая «реальную» и «абсолютную» стоимость, с одной стороны, «относительную» и «сравнительную» — с другой, как и все предшественники Маркса, не сумел дать научного объяснения формы стоимости. Н. Г. Чернышевский со свойственной ему научной интуицией говорил о недопустимости смешения стоимости и меновой стоимости, рассматривая меновую стоимость как производную форму от «внутренней ценности» товара [2]. Однако, не анализируя товара и его специфических свойств в отличие от простого продукта труда, Чернышевский не смог решить и проблемы формы стоимости.

Учение о развитии формы стоимости — это исключительное достижение Маркса. Оно явилось дальнейшим продолжением его учения о товаре и о двойственной природе воплощенного в нем труда. Впервые в политической экономии Маркс со всей полнотой проанализировал в «Капитале» развитие формы стоимости от простой, случайной до денежной и тем самым завершил освещение процесса происхождения денег, проследив при этом развитие противоречий, заложенных в товаре. Он вскрыл свойственную товару противоречивость потребительной стоимости и стоимости, конкретного и абстрактного труда и исходное противоречие между частным и общественным трудом. Учение о форме стоимости явилось вместе с тем глубоким научным обоснованием сделанного в предшествующих работах Маркса и его экономических рукописях вывода о том, что кризисы имманентно присущи товарной форме продукта труда.

Говоря об исключительной трудности понимания формы стоимости, несмотря на ее кажущуюся бессодержательность и простоту, Маркс подчеркнул вместе с тем невозможность анализа природы буржуазных производственных отношений без решения этой проблемы, поскольку «товарная форма продукта труда, или форма

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 5.

[2] См.: *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч. М., 1949, т. 9, с. 518—520.

стоимости товара, есть форма экономической клеточки буржуазного общества» [1].

Решение проблемы формы стоимости дало возможность Марксу выяснить природу *товарного фетишизма.* О свойственном капитализму товарном фетишизме Маркс говорил и ранее, но в «Капитале», в специальном разделе «Товарный фетишизм и его тайна», он объяснил, что «мистический характер товара» порождается отнюдь не его потребительной стоимостью, а товарной формой продукта труда в условиях господства частной собственности на средства производства. Товарная форма продуктов труда «отражает людям общественный характер их собственного труда как вещный характер самих продуктов труда» [2].

Частная собственность, разъединяя товаропроизводителей, скрывает действительные общественные отношения, заслоняя их отношениями продуктов их труда, принявших товарную форму. Скрытое от глаз товаропроизводителей изменение цен товаров и в связи с этим их количественного соотношения в процессе обмена выступает как свойство самих товаров, вещей. Овеществленный в товарах труд соотносится в количестве тех или других обмениваемых вещей, и установившееся количественное соотношение товаров в процессе обмена предстает как свойство самих этих товаров. Общественные производственные отношения людей, товаропроизводителей, таким образом, принимают видимость отношения вещей, выглядят как «физическое отношение между физическими вещами» [3].

Маркс показал также исторические границы товарного фетишизма — он порождается товарной формой продукта, производство которого осуществляется на основе частной собственности, обусловливающей разобщение производителей, их конкуренцию, противоречие между частным и общественным трудом.

Исходя из решения проблемы формы стоимости, Маркс дал более глубокое по сравнению с предыдущими работами освещение природы и функций денег. В «Капитале» значительно полнее изложено учение о цене как денежной форме стоимости, выявлены закономерности всеобщего повышения и понижения цен.

Учение о прибавочной стоимости

II—V отделы I тома «Капитала» содержат изложение учения о *прибавочной стоимости,* которое высветило глубинные экономические основы антагонизма основных классов буржуазного общества, раскрыло «механизм» капиталистической эксплуатации пролетариата, специфическую антагонистическую форму производства и распределения капиталистически произведенного национального богатства. «Учение о прибавочной стоимости,— подчеркнул Ленин,— есть краеугольный камень экономической тео-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 6.
[2] См. там же, с. 82.
[3] См. там же.

рии Маркса»[1]. Оно дало рабочему классу могучее идейное оружие в его революционной борьбе против капитализма.

До Маркса не было дано развернутого анализа прибавочной стоимости. Представители классической буржуазной политической экономии наталкивались на факт ее существования в той или иной отдельной превращенной форме: Петти и физиократы — в форме ренты, Смит, Рикардо, Сисмонди — в форме прибыли, то есть в формах, которые принимает прибавочная стоимость в процессе своего распределения между различными группами собственников. Подчеркивая научное значение открытия прибавочной стоимости в отличие от ее превращенных форм, Энгельс писал: «Однако даже классическая политическая экономия не выходила за пределы общепринятых взглядов на прибыль и ренту, никогда не исследовала этой неоплаченной части продукта (которую Маркс называл прибавочным продуктом) в ее совокупности, как целое. Поэтому она никогда не доходила до ясного понимания как ее происхождения и природы, так и законов, регулирующих последующее распределение ее стоимости»[2].

На основе анализа прибавочной стоимости как совокупной категории, выражающей совокупную массу прибавочного продукта, Маркс открыл основной экономический закон капитализма, показал, что капиталистическое производство является производством прибавочной стоимости, «всасыванием прибавочного труда»[3]. Сам Маркс высшим научным достижением в «Капитале» считал анализ прибавочной стоимости[4], а также раскрытие двойственной природы труда, воплощенного в товаре.

Маркс рассмотрел два способа увеличения степени эксплуатации рабочего класса — производство *абсолютной и относительной прибавочной стоимости*. В предшествующей политической экономии не было предпосылок для постановки и решения этой проблемы. Помимо отсутствия анализа самого понятия прибавочной стоимости в отличие от ее особых форм, выявлению сущности двух способов ее производства и увеличения мешало отождествление классиками буржуазной политической экономии стоимости рабочей силы с их ошибочной категорией «цены труда», а стало быть,— и непонимание ими явления возрастания стоимости товара за пределы воспроизводства стоимости рабочей силы. Постигнув «механизм» увеличения стоимости, Маркс обосновал деление рабочего дня на две различные части — *необходимое* рабочее время, в течение которого рабочий воспроизводит стоимость своей рабочей силы, и *прибавочное* рабочее время, в течение которого он производит прибавочную стоимость.

Абсолютная прибавочная стоимость, образующаяся в резуль-

---

[1] *Ленин В. И.* Три источника и три составных части марксизма.— Полн. собр. соч., т. 23, с. 45.

[2] *Энгельс Ф.* Предисловие к английскому изданию I тома «Капитала».— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 32.

[3] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 275.

[4] См.: Маркс — Энгельсу, 24 августа 1867 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 31, с. 277.

тате удлинения рабочего дня за пределы того времени, в течение которого рабочий воспроизводит стоимость своей рабочей силы, то есть за пределы необходимого рабочего времени, Маркс рассматривает как «всеобщую основу капиталистической системы и исходный пункт производства относительной прибавочной стоимости» [1]. Абсолютная прибавочная стоимость исторически предшествует производству относительной прибавочной стоимости, связанной с изменениями в процессе производства в результате технического прогресса и роста на этой основе производительности труда. Абсолютная прибавочная стоимость предполагает определенный уровень производительности труда, который дает возможность ограничить необходимое рабочее время, идущее на воспроизводство стоимости рабочей силы, лишь частью рабочего дня. В этом отношении различие абсолютной и относительной прибавочной стоимости на первый взгляд представляется условным. «Относительная прибавочная стоимость абсолютна,— писал Маркс,— потому что она предполагает абсолютное удлинение рабочего дня за пределы рабочего времени, необходимого для существования самого рабочего. Абсолютная прибавочная стоимость относительна, так как она предполагает развитие производительности труда, позволяющее ограничить необходимое рабочее время частью рабочего дня» [2]. Однако эта кажущаяся условность исчезает, если рассматривать производство прибавочной стоимости в условиях уже сложившегося капиталистического способа производства: при относительной неизменности стоимости рабочей силы и длины рабочего дня единственным способом увеличения прибавочной стоимости является рост производительности труда в результате технического перевооружения производства. Капитализму свойственно в большей степени производство относительной прибавочной стоимости, нежели абсолютной.

Разработанная в «Капитале» теория прибавочной стоимости, создание которой Энгельс считал «полной и законченной научной революцией» [3] в политической экономии, позволила раскрыть тайну капиталистической эксплуатации — основы функционирования капиталистического способа производства, а также обнаружить объективные тенденции его движения. Ленин подчеркивал, что «неизбежность превращения капиталистического общества в социалистическое Маркс выводит всецело и исключительно из экономического закона движения современного общества» [4].

Рабочий день и заработная плата

В связи с анализом относительной прибавочной стоимости и производительности труда Маркс сделал весьма важные для пролетарской классовой борьбы выводы относительно характера

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 518.
[2] Там же, с. 519.
[3] См.: Энгельс — Лауре Лафарг, 8 марта 1885 года.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 36, с. 246.
[4] *Ленин В. И.* Карл Маркс.— Полн. собр. соч., т. 26, с. 73.

экономии рабочего времени при капитализме. Он показал, что экономия на труде, которая является следствием роста производительности труда, при капиталистическом производстве «отнюдь не имеет целью сокращение рабочего дня. Она имеет целью,— писал он,— лишь сокращение рабочего времени, необходимого для производства определенного количества товаров»[1].

Еще в экономической рукописи 1861—1863 годов Маркс исследовал три исторические стадии повышения производительности труда, а стало быть,— возрастания относительной прибавочной стоимости: 1) кооперацию, 2) разделение труда и мануфактуру, 3) машины и крупную промышленность. В «Капитале» же Маркс обосновал положение о том, что каждая последующая стадия развития капитализма в промышленности приносит рабочему классу усиление степени его эксплуатации. Он доказал, что специфической для капитализма целью применения машин является не облегчение труда рабочего и не сокращение рабочего дня, а сокращение той части его, которая идет на воспроизводство стоимости рабочей силы. Целью капиталистического применения машин является опять-таки возрастание капитала. Одним из социально-экономических последствий капиталистического применения машин явилось удлинение рабочего дня, вызванное стремлением одних капиталистов реализовать свои преимущества перед другими, действующими в той же отрасли и не имеющими еще подобных машин. Другое последствие, не менее тяжелое для рабочего класса — рост степени эксплуатации в связи с ростом производительности труда и, следовательно, относительной прибавочной стоимости. В противоположность буржуазным экономистам, которые утверждали, будто прибыли капиталистов растут по мере того, как машины замещают рабочих, Маркс доказал, что в действительности прибыли капиталистов, их капиталы возрастают вследствие роста степени эксплуатации рабочих, приводящих в движение эти машины.

Важным приобретением марксистской политической экономии явилось учение о *рабочем дне*, получившее в «Капитале» дальнейшее развитие. Учение о рабочем дне послужило одной из методологических предпосылок выяснения проблемы производства абсолютной и относительной прибавочной стоимости. Оно имело революционизирующее значение для развертывания классовой борьбы пролетарских масс, ибо наглядно раскрывало экономические причины бедственного существования рабочего класса, «механизм» нещадной эксплуатации его классом капиталистов. Маркс убедительно показал, что капитализм основан на неутолимой жажде прибавочного труда, что выражается в росте прибавочного продукта и, стало быть, степени эксплуатации рабочей силы. Приведенный в «Капитале» обширный фактический материал о принудительных мерах властей по удлинению рабочего дня, об ухищ-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 331.

рениях предпринимателей, о борьбе рабочих за сокращение рабочего дня всесторонне подтверждал тот вывод, что капитализм не только ведет к истощению человеческой рабочей силы — этой главной производительной силы общества, но и отнимает у рабочего класса нормальные условия для его физического и духовного развития. «Капитал — это мертвый труд,— подчеркивал Маркс,— который, как вампир, оживает лишь тогда, когда всасывает живой труд и живет тем полнее, чем больше живого труда он поглощает» [1].

Открыв экономический закон движения капитализма, закон производства прибавочной стоимости, обусловливающий непримиримый антагонизм буржуазии и пролетариата, Маркс показал обреченность, преходящий характер капитализма. Теория прибавочной стоимости явилась экономическим обоснованием закономерности революционной классовой борьбы пролетариата за свое социальное освобождение.

В связи с анализом процесса производства прибавочной стоимости Маркс в экономических рукописях, а затем в «Капитале» рассмотрел исторически определенную общественную форму, которую при капитализме принимает производительный труд, и раскрыл его сущность, заключающуюся в производстве для капиталиста прибавочной стоимости. Проблема производительного труда рассматривалась ранее представителями классической буржуазной политической экономии — Смитом, Рикардо, Сисмонди — и была предметом полемики между ними и вульгарными экономистами. Маркс оценил постановку этого вопроса А. Смитом, который производительным трудом считал труд, производящий прибыль для капиталиста, и подчеркивал положение Рикардо и Сисмонди о том, что производительным является только сам труд, но не капитал.

В «Капитале», резюмируя результаты своего исследования производительного труда при капитализме, Маркс показал, что с точки зрения буржуа «только тот рабочий производителен, который производит для капиталиста прибавочную стоимость или служит самовозрастанию капитала» [2]. Гневом поэтому проникнуты обличительные слова Маркса в адрес капитализма: «...быть производительным рабочим — вовсе не счастье, а проклятие» [3].

Теория производительного труда при капитализме, вскрывающая экономические основы антагонизма буржуазии и пролетариата, была и остается одной из центральных позиций борьбы между буржуазными идеологами и марксистами. Буржуазные экономисты прибегают к прямой фальсификации марксистских взглядов, утверждая, будто по Марксу производительным для капиталиста является «труд, который создает или увеличивает потребительную стоимость... или который препятствует снижению

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 244.
[2] Там же, с. 517.
[3] Там же.

или ухудшению качества потребительной стоимости»[1]. Однако Маркс не только не связывал характеристику капиталистически организованного производительного труда исключительно с созданием потребительной стоимости товара, но и подверг критике непоследовательность в этом вопросе позиции Смита, который, наряду с правильным определением производительного труда при капитализме, считал производительным всякий труд, создающий материальные ценности, товары. Маркс показал, что материальные ценности, товар создают и мелкий производитель, и отдельный индивидуум, тем не менее их труд с точки зрения экономической природы буржуазных производственных отношений является непроизводительным, так как не создает прибавочной стоимости, не реализует объективно обусловленную господством частной собственности цель капиталистического производства.

Большое внимание в «Капитале» Маркс уделил анализу *заработной платы* как превращенной формы стоимости и цены специфического товара — рабочей силы. По сравнению с предыдущими работами здесь дан более полный анализ заработной платы и ее основных форм — повременной и сдельной. Кроме того, введена специальная глава «Национальные различия в заработной плате».

До Маркса во взглядах на эту проблему господствовал упрощенный подход. Американский вульгарный экономист Г. Кэри в книге «Опыт об уровне заработной платы» (1835) утверждал, будто уровни заработной платы в различных странах прямо пропорциональны производительности труда рабочих в этих странах; концепция заработной платы Кэри была составной частью его апологетической теории гармонии классовых интересов при капитализме.

Маркс противопоставил Кэри подлинно научный анализ производства относительной прибавочной стоимости и доказал, что рост производительности труда при прочих прежних условиях влечет за собой возрастание отнюдь не заработной платы (она, наоборот, скорее должна падать вследствие снижения стоимости рабочей силы), а прибавочной стоимости, капитала. Маркс сформулировал исходное методологическое положение, которое легло в основу сравнительного анализа национальных уровней заработной платы: различия этих уровней определяют те же факторы, которые лежат в основе движения заработной платы внутри каждой страны в отдельности, прежде всего — изменения в величине стоимости рабочей силы.

Критика Кэри, данная Марксом в «Капитале», звучит исключительно злободневно. Теория заработной платы Кэри в различных ее вариантах широко пропагандируется современными буржуазными экономистами. «Профсоюзы, конечно, должны быть заинтересованы в росте производительности труда,— говорил на конференции Международной экономической ассоциации один из ее участников,— потому что уровень реальной заработной платы главным образом, если не абсолютно, определяется произведенным в соответствующей экономике продуктом на душу населения. Это верно по отношению ко всем типам экономики — коммунистической, капи-

[1] См.: *Cuyvers L.* A mathematical Interpretation of Marxian Unproductive.— Economica, London, 1978, vol. 45, N 177, p. 71.

талистической или примитивной «слаборазвитой» — хотя и с различным выражением» [1].

Вопреки утверждениям апологетов капитализма, произведенный в буржуазных странах совокупный общественный продукт не может распределяться иначе, как по капиталу и стоимости рабочей силы. Реальная заработная плата и в целом жизненный уровень рабочего класса определяются не тем количеством благ и услуг, которые производятся на душу населения, а величиной заработной платы, ценами на потребительские товары, продолжительностью рабочего дня, налогами, платой за жилье, ценой медицинского обслуживания и т. д.

Принципиальное значение для критики прежней и современной буржуазной политической экономии имеет замечание Маркса о недопустимости игнорирования роли буржуазного государства в движении уровня заработной платы. Он решительно выступал против попыток Кэри и других экономистов «так исчислять национальные заработные платы, как будто часть их, достающаяся государству в форме налогов, достается самому рабочему» [2]. Эта типичная манера прежних и новых вульгарных экономистов защищать капитализм искажением сущности налоговой политики буржуазного государства особенно характерна для современного капитализма с его тенденцией раздувания военно-промышленного комплекса, приносящего огромные прибыли монополистической буржуазии.

Всеобщий закон капиталистического накопления

В заключительном отделе I тома «Капитала» Маркс дал обобщающий анализ капиталистического способа производства как системы буржуазных производственных отношений, характерной чертой которой является антагонизм основных классов общества, складывающийся в процессе производства капитала. Он показал, что в основе этого процесса лежит превращение прибавочной стоимости в капитал. «Применение прибавочной стоимости в качестве капитала, или обратное превращение прибавочной стоимости в капитал, называется накоплением капитала» [3]. Маркс раскрыл содержание капиталистического расширенного воспроизводства как воспроизводства в расширенном масштабе не только совокупного общественного продукта, но одновременно и буржуазных производственных отношений — антагонистических отношений рабочего класса и буржуазии. «...Капиталистический процесс производства, рассматриваемый в общей связи, или как процесс воспроизводства,— разъяснил Маркс,— производит не только товары, не только прибавочную стоимость, он производит и воспроизводит само капиталистическое отношение,— капиталиста на одной стороне, наемного рабочего — на другой» [4].

Маркс сформулировал и всесторонне обосновал *всеобщий закон капиталистического накопления.* Одной из методологических предпосылок этого обоснования явился анализ *органического строения капитала.* В основе этого анализа лежало проведенное

---

[1] *Turner H. A.* The contribution of Workers to productivity Growth.— Problems in Economic Development. Proceedings of a Conference held by the International Economic Association. New York; London, 1965, p. 336.

[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 574.

[3] Там же, с. 592.

[4] Там же, с. 591.

Марксом впервые в политической экономии разделение производительного капитала на *постоянный* и *переменный,* что отразило соотношение между стоимостью массы средств производства (овеществленным трудом) и стоимостью рабочей силы (живым трудом). Это позволило решить многие проблемы, которые оказались не под силу школе Рикардо — проблемы воспроизводства, цены производства, закона тенденции нормы прибыли к понижению, абсолютной ренты и др. При этом были раскрыты социально-экономические последствия развития производительных сил и технического прогресса в условиях буржуазных производственных отношений, выяснен специфический закон народонаселения при капитализме, глубже объяснены причины ухудшения положения рабочего класса.

Свойственный капитализму рост органического строения капитала, выражающийся в относительно меньшем росте переменного капитала по сравнению с ростом постоянного капитала, имел особенно тяжкие последствия для рабочего класса: порождал безработицу, относительное перенаселение (в чем проявлялся специфический закон народонаселения при капитализме) и относительное сокращение доли рабочего класса в национальном доходе при росте в нем части петрудовых доходов — прибыли, процента, ренты. Все методы повышения производительности труда превращаются в условиях капитализма в средство усиления эксплуатации непосредственных производителей. А так как все методы производства прибавочной стоимости являются одновременно и методами накопления капитала, то положение рабочего, указывает Маркс, ухудшается независимо от того, «высока или низка его оплата» [1].

В процессе накопления капитала все более увеличивается богатство капиталистов. Одновременно с накоплением капитала происходит ухудшение положения пролетариата. «Чем больше общественное богатство, функционирующий капитал, размеры и энергия его возрастания, а следовательно, чем больше абсолютная величина пролетариата и производительная сила его труда, тем больше промышленная резервная армия... Но чем больше эта резервная армия по сравнению с активной рабочей армией, тем обширнее постоянное перенаселение, нищета которого прямо пропорциональна мукам труда активной рабочей армии. Наконец, чем больше нищенские слои рабочего класса и промышленная резервная армия, тем больше официальный пауперизм. *Это — абсолютный, всеобщий закон капиталистического накопления*» [2],— указал Маркс.

Защитники капитализма приписывают марксизму-ленинизму утверждение, что при капитализме материальная обеспеченность пролетариата никогда не повышается, что она непрерывно падает [3]. Однако марксистско-

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 660.
[2] Там же, с. 659.
[3] См., например: *Strachey John.* Contemporary capitalism. London, 1957.

ленинская теория ничего подобного не утверждала. Напротив, классики марксизма-ленинизма предупреждали, что всеобщий закон капиталистического накопления нельзя понимать так, будто ухудшение положения пролетариата происходит непрерывно и повсеместно. «Подобно всем другим законам,— писал Маркс о всеобщем законе капиталистического накопления,— в своем осуществлении он модифицируется многочисленными обстоятельствами...» [1] Среди них главную сдерживающую роль играет рост сопротивления пролетариата капиталистической эксплуатации, развертывание его классовой борьбы против буржуазии.

Маркс вскрыл реакционную сущность теории народонаселения Мальтуса, широко используемой апологетами капитализма поныне. Выдвинутому Мальтусом «вечному» и «естественному» закону народонаселения он противопоставил действующий при капитализме действительный закон народонаселения, который имеет преходящий характер и обусловлен исключительно природой капитализма. Часть рабочего населения вытесняется из производства, образуя так называемое относительное перенаселение, или промышленную резервную армию. Безработица же определяет неустойчивость материального положения всех пролетариев, вызывает в них неуверенность в завтрашнем дне, облегчая капиталистам интенсификацию труда занятых рабочих.

Маркс выявил историческую тенденцию капиталистического накопления, реализующуюся в процессе концентрации и централизации капитала, который развертывается в результате проявления общих законов товарного производства, действующих на базе капиталистической частной собственности. Уже в 50—60-е годы XIX века он в концентрации и централизации капитала увидел процесс обобществления производства и фактор обострения основного противоречия капитализма — противоречия между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения результатов производства. В образовании акционерного капитала он подметил зарождение материальных предпосылок для замены капитализма новой, коммунистической общественно-экономической формацией. Этот вывод был сформулирован Марксом еще в письме Энгельсу от 2 апреля 1858 года в виде тезиса: «*Акционерный капитал*, как самая совершенная форма (подводящая к коммунизму), вместе со всеми его противоречиями» [2].

Всеобщий закон капиталистического накопления, открытый Марксом, позволил до основания обнажить непримиримый антагонизм буржуазии и пролетариата, уяснить историческую неизбежность революционного крушения капитализма. Маркс показал историческое место капитализма как последней антагонистической формации, внутри которой созревают предпосылки социалистической революции. Не случайно поэтому марксистский анализ процесса накопления капитала и его социально-экономических по-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 659.
[2] Там же, т. 29, с. 254.

следствий был и остается объектом ожесточенных нападок со стороны буржуазных, социал-реформистских и ревизионистских противников марксизма-ленинизма.

3. «КАПИТАЛ МОЖНО ПОНЯТЬ ЛИШЬ КАК ДВИЖЕНИЕ, А НЕ КАК ВЕЩЬ, ПРЕБЫВАЮЩУЮ В ПОКОЕ»

Центральной проблемой II тома «Капитала» явилось воспроизводство и обращение капитала. Почти все предшественники Маркса в политической экономии (за иключением главы французской школы физиократов Ф. Кенэ) уделяли мало внимания этой проблеме; они не смогли понять единство процессов производства и обращения капитала как постоянно повторяющийся и возобновляющийся процесс его воспроизводства.

Подметив слабости и ограниченность буржуазных экономистов в понимании этих процессов, Маркс выяснил сущность воспроизводства и обращения общественного и индивидуального капитала, функциональные формы его движения, различные стадии их превращения и значение каждой из них в непрерывном процессе развития капитала. Впервые в политической экономии он объяснил, что в капиталистическом обращении находятся не товары и деньги, а капитал в определенной форме — в товарной и денежной, и каждая из этих форм материально, вещественно представляет созданную в процессе производства прибавочную стоимость, а стало быть, выражает буржуазные производственные отношения. Анализируя обращение капитала, Маркс показал, что для него, как и для капиталистического производства, характерен антагонизм двух основных классов общества, действующих в сфере обращения: пролетарий продает свою рабочую силу, капиталист ее покупает. Специфический товар — рабочая сила является самым характерным для капиталистического обращения объектом обмена.

Кругооборот капитала

На основе анализа *кругооборота капитала* Маркс исследовал совокупность всего экономического процесса. В этом его коренное отличие от всех предшествовавших экономистов, которые исследовали движение лишь индивидуальных капиталов и потому не могли определить основной движущей тенденции (цели) кругооборота общественного капитала.

Исследование процесса обращения капитала Маркс начал с анализа метаморфоз денежного капитала, его превращения в производительный капитал. Как указал он при анализе кругооборота производительного капитала, периодически возобновляемое и повторяемое в этом кругообороте функционирование капитала представляет «процесс его воспроизводства в связи с увеличением стоимости... и периодическое воспроизводство прибавочной стоимости» [1].

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 24, с. 74.

В движении индивидуальных капиталов Маркс впервые увидел единый промышленный капитал, действующий в определенной отрасли, и дал анализ его кругооборота. Этот анализ позволил показать значение обращения капитала в реализации цели капиталистического производства, поскольку именно в обращении денежный капитал превращается в элементы производительного капитала — средства производства и рабочую силу, и тем самым создаются необходимые предпосылки для капиталистического производства прибавочной стоимости. В сфере обращения происходит и превращение товарного капитала, содержащего в себе прибавочную стоимость, в денежный, то есть реализуется созданная прибавочная стоимость.

Каждая форма кругооборота капитала предполагает процесс увеличения авансированного капитала как определяющую цель всего капиталистического производства, независимо от того, представлен ли авансированный капитал непосредственно в денежной форме, когда цель капиталистического производства выступает со всей очевидностью, или в форме производительного и товарного капиталов. В любом случае — это различные материальные выражения движения капитала как самовозрастающей стоимости. «Определяющей целью капиталистического производства всегда является увеличение авансированной стоимости,— указал Маркс,— независимо от того, авансирована ли она в своей самостоятельной форме, т. е. в денежной форме, или же в виде товара...» [1]

Маркс исходил из единства всех форм капитала и их кругооборотов и исследовал три стадии, через которые проходит в своем движении капитал: денежную, производительную и товарную. Соответственно им имеются три формы кругооборота капитала: промышленный капитал в своем движении последовательно принимает и сбрасывает три формы — денежного, производительного и товарного капитала, одновременно находясь во всех трех формах. Маркс подчеркнул в этой связи, что «капитал можно понять лишь как движение, а не как вещь, пребывающую в покое» [2].

Каждый индивидуальный промышленный капитал в любой форме (денежный, производительный, товарный) проходит в своем кругообороте две стадии обращения и одну стадию производства. В целом же процесс кругооборота капитала выступает как единство процесса производства и процесса обращения. При этом общим содержанием всех трех кругооборотов, их движущим мотивом и единой целью является увеличение стоимости, осуществляемое на стадии производства. Кругооборот капитала может совершаться нормально (непрерывно) лишь при условии, что различные формы его движения будут без задержек переходить одна в другую. Однако в действительности, ввиду свойственной капиталистической экономике анархии, движение капитала сталкивается

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 24, с. 172.
[2] Там же, с. 121.

с препятствиями: обращение время от времени ставит ограничения производству, что выливается периодически в экономические кризисы.

Важное методологическое значение имели данный Марксом во II томе «Капитала» анализ основного и оборотного капитала и критика соответствующих теорий А. Смита и Д. Рикардо. Заслуга Маркса состояла в том, что он освободил политическую экономию от путаницы в понимании основного и оборотного капитала, показав, что научное решение этой проблемы возможно только на основе строгого разграничения производительного капитала и капитала обращения. Впервые Маркс определил признак, по которому производительный капитал делится на основной и оборотный: им является различие оборота стоимости производительного капитала, то есть различие способа, каким составные части производительного капитала переносят свою стоимость на продукт.

Воспроизводство общественного капитала

Маркс уделил внимание критике теории воспроизводства Смита, которая оказала сильное влияние на всю буржуазную политическую экономию: в основе ненаучного подхода большинства буржуазных экономистов к проблеме воспроизводства лежала так называемая «догма Смита», согласно которой стоимость всех товаров слагается из суммы доходов — заработной платы, прибыли и ренты. Ошибка Смита, не включавшего в стоимость совокупного общественного продукта стоимость потребленных в процессе производства элементов постоянного капитала, прошла через всю политическую экономию до Маркса и помешала не только решить, но даже правильно поставить проблему воспроизводства общественного капитала.

Переворот в теории воспроизводства, произведенный Марксом, выразился прежде всего в самой постановке этой проблемы. В отличие от классиков буржуазной политической экономии Маркс впервые раскрыл процесс *воспроизводства общественного капитала,* причем не только в его стоимости и материально-вещественном аспекте, но и как воспроизводство буржуазных производственных отношений, воспроизводство класса капиталистов и рабочего класса. Маркс подчеркнул, что его задачей является рассмотрение «функционирования общественного капитала, т. е. всего совокупного капитала, по отношению к которому индивидуальные капиталы являются лишь дробными частями...» [1].

Ленин отмечал это как крупную научную заслугу Маркса. «В высшей степени важным и новым,— писал он,— является, далее, данный Марксом во II томе «Капитала» анализ воспроизведения общественного капитала, взятого в целом. И здесь Маркс берет не индивидуальное, а массовое явление, не дробную частичку экономии общества, а всю эту экономию в совокупности» [2].

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 24, с. 441.

[2] *Ленин В. И.* Карл Маркс.— Полн. собр. соч., т. 26, с. 67.

В процессе рассмотрения воспроизводства общественного капитала Маркс определил стоимостную структуру совокупного общественного продукта, которая включает в себя стоимость потребленных элементов постоянного капитала, вновь созданную стоимость, составляющую эквивалент переменного капитала, и прибавочную стоимость. По натурально-вещественной же форме весь общественный продукт он разделил на два больших подразделения: I — средства производства и II — предметы потребления.

Ленин подчеркнул, что только на основе такого деления всего общественного продукта можно проанализировать воспроизводство общественного капитала в отличие от воспроизводства индивидуального капитала, только исходя из него можно поставить и решить проблему реализации.

При анализе воспроизводства индивидуального капитала деление совокупного общественного продукта на средства производства и предметы потребления не имеет значения, так как каждому капиталисту безразлично, в какой натуральной, вещественной форме воспроизводится и обращается его капитал, лишь бы он приносил наибольшую прибыль. Ленин отмечал, что «при анализе производства индивидуального капитала вопрос о том, где и как будет продан продукт, где и как будут куплены предметы потребления рабочими и средства производства капиталистами» не является существенным; значение имеет «только вопрос о стоимости отдельных элементов производства и о результате производства» [1]. При анализе же воспроизводства общественного капитала «вопрос состоит именно в том, откуда возьмут предметы своего потребления рабочие и капиталисты? откуда возьмут последние средства производства? каким образом произведенный продукт покроет все эти запросы и даст возможность расширить производство?» [2]. Решение этих вопросов заложено в понимании той различной роли, которую играют средства производства и предметы потребления в силу своего вещественного, натурального содержания,— являются ли они объектом производительного или личного потребления, капиталом или доходом.

Реализация общественного продукта

Произведенное Марксом впервые в политической экономии разграничение совокупного общественного продукта не только по стоимостной, но и по его вещественной форме, то есть производительного и личного потребления позволило ему сформулировать и обосновать условия *реализации* совокупного общественного продукта при простом и при расширенном капиталистическом воспроизводстве, определить пропорции обмена между I и II подразделениями и внутри подразделений. Все предшественники Маркса не могли решить проблемы реализации, ибо сводили

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Развитие капитализма в России.— Полн. собр. соч., т. 3, с. 39.

[2] Там же.

ее к проблеме обмена совокупного общественного продукта на доходы, упуская из виду, что в состав совокупного общественного продукта вошла потребленная в процессе производства часть стоимости постоянного капитала и что в составе этого продукта имеются вновь созданные средства производства, которые должны пойти на возмещение потребленных средств производства, а при расширенном воспроизводстве — и на накопление дополнительных средств производства. Благодаря произведенному Марксом разграничению была вскрыта и несостоятельность «догмы Смита», являвшейся исходным пунктом буржуазной теории воспроизводства.

Маркс показал, что оба подразделения общественного производства внутренне связаны между собой сложившейся системой общественного разделения труда и служат друг другу рынком сбыта произведенной продукции, сферой реализации. Если часть средств производства, произведенных в I подразделении (за исключением их части, реализующейся внутри этого подразделения и идущей на возмещение потребленного постоянного капитала), реализуется во II подразделении, то часть предметов потребления, произведенных во II подразделении (кроме той части, которая идет на удовлетворение личных потребностей рабочих и предпринимателей этого подразделения), реализуется в I подразделении.

Пропорции обмена между I и II подразделениями выявляют исходные предпосылки и условия расширенного воспроизводства. Для его осуществления необходима капитализация части прибавочной стоимости. Процесс накопления начинается с I подразделения. Накопляемая часть средств производства берется из вновь созданной стоимости I подразделения, для чего эта стоимость непременно должна превышать стоимость потребленного постоянного капитала во II подразделении, что только и позволит увеличить постоянный капитал в этом подразделении. Условием накопления является создание такого количества средств производства, которое наряду с возмещением постоянного капитала в I и II подразделениях обеспечило бы их дополнительными средствами производства для расширения производства. Для этого вся продукция I подразделения по стоимости должна быть больше потребленного постоянного капитала в обоих подразделениях, что только и позволит увеличить постоянный капитал и в I и во II подразделениях.

Схемы воспроизводства

Маркс проанализировал конкретные пропорции накопления в I и II подразделениях, учитывая различное органическое строение капитала в отраслях этих подразделений и зависимость массы накопляемой прибавочной стоимости во II подразделении от накопления в I подразделении, проиллюстрировал это схемами расширенного воспроизводства.

Выяснение условий и пропорций обмена внутри каждого из двух больших подразделений общественного производства, а так-

же между обоими этими подразделениями явилось предметом специального исследования. При этом Маркс разработал схемы обмена и определил относительные величины составных частей продукта по стоимости и его материальному содержанию в каждом подразделении общественного производства, которые необходимы для реализации и непрерывного производства общественного продукта. Это позволило показать, каким образом в процессе общественного производства происходит возмещение как той части общественного продукта, которая служит личному потреблению рабочих и капиталистов, так и той его части, которая используется для образования элементов производительного капитала.

Маркс дал анализ особенностей возмещения основного капитала. Эта проблема не могла быть решена буржуазными экономистами в силу ошибочной исходной предпосылки их теорий воспроизводства — «догмы Смита», которая исключала процесс возмещения основного капитала вообще.

Особенности возмещения основного капитала вытекают из того, что он функционирует в процессе производства целиком в течение многих лет, но переносит свою стоимость на продукт частями, по мере своего снашивания. Особый способ перенесения стоимости основного капитала на производимый продукт обусловливает и особый способ возмещения основного капитала. Возмещение основного капитала по стоимости совершается в виде его амортизации. До возмещения основного капитала в натуре амортизационный фонд представляет собой капиталистическое сокровище, существующее рядом с функционирующим основным капиталом. Разрыв между возмещением основного капитала по стоимости и его возмещением в натуре усложняет воспроизводство общественного капитала. Бесперебойный ход воспроизводства общественного капитала может совершаться лишь при условии, если возмещение основного капитала в натуре происходит у отдельных капиталистов в разные сроки: в то время как одни — накапливают свой амортизационный фонд, другие — используют уже накопленный амортизационный фонд для натурального возмещения основного капитала. При этом необходимо, чтобы сумма основного капитала, восстанавливаемого в натуре у одной группы капиталистов, была равна сумме амортизационного основного капитала в деньгах — у другой группы капиталистов. В условиях господства частной собственности, стихийно действующих экономических законов нет и не может быть равномерного, планомерного возмещения основного капитала. Циклический ход развития капиталистического производства исключает равномерное воспроизводство основного капитала; его беспорядочное обновление является одной из причин экономических кризисов, периодически происходящих при капитализме.

Впервые в политической экономии Маркс представил расширенное воспроизводство как процесс накопления капитала. Только рассмотрение расширенного воспроизводства в отличие от про-

стого выявляет истинную цель капиталистического производства. При простом воспроизводстве предполагается, что вся прибавочная стоимость, созданная в обоих подразделениях общественного производства, расходуется как доход, а потому создается иллюзия, что целью капиталистического производства является потребление. Расширенное же воспроизводство предполагает деление прибавочной стоимости I и II подразделений на две части — одна расходуется как доход, другая же часть превращается в капитал, сначала в денежный, а затем в производительный — средства производства и рабочую силу, что является исходной предпосылкой дальнейшего увеличения и накопления капитала. «Только при таком предположении происходит действительное накопление,— пишет Маркс.— Утверждение, будто накопление совершается за счет потребления, рассматриваемое в такой общей форме, само по себе представляет иллюзию, противоречащую сущности капиталистического производства, так как оно предполагает, что целью и побудительным мотивом капиталистического производства является потребление, а не получение прибавочной стоимости и ее капитализация, т. е. накопление» [1].

Марксовы схемы воспроизводства выясняют условия, которые необходимы для бесперебойного хода воспроизводства общественного капитала и реализации общественного продукта. Но схемы отнюдь не означают, что условия эти в действительности осуществляются. Теория реализации Маркса, как научная теория, исходит из предположения о строгой пропорциональности между различными отраслями капиталистического производства; Маркс воспользовался методом научной абстракции, ибо иначе нельзя было подойти к постижению условий реализации общественного продукта при капитализме.

Марксовы схемы воспроизводства показывают, что осуществление нормального хода воспроизводства предполагает пропорциональность между обоими подразделениями общественного производства — между производством средств производства и производством предметов потребления, а следовательно, соответствие между производством и потреблением. Для нормального хода воспроизводства необходимо наличие определенного соотношения между накоплением в I подразделении и накоплением во II подразделении, пропорциональности в производстве различных товаров в пределах каждого подразделения и наличие определенного соотношения между стоимостями отдельных частей годового продукта I и II подразделений. Но в действительности при капитализме нет и не может быть необходимой пропорциональности между двумя подразделениями общественного производства и внутри каждого подразделения в силу стихийного действия экономических законов капитализма и проявления присущих ему антагонистических противоречий. При капитализме неизбежно воз-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 24, с. 573.

пикают различные диспропорции, частичные и общие кризисы перепроизводства, денежные кризисы. Сам механизм капиталистического воспроизводства таков, что он не может не порождать постоянно диспропорциональности и периодических колебаний.

Ленин в дальнейшем развил Марксовы схемы воспроизводства, учтя в них неуклонное возрастание доли постоянного капитала и относительное уменьшение доли капитала переменного. При этом Ленин из исследований Маркса сделал вывод, что «в капиталистическом обществе производство средств производства возрастает быстрее, чем производство средств потребления» [1]. Этот вывод вошел в экономическую науку как формула объективно действующего закона расширенного воспроизводства, осуществляющегося на основе технического прогресса и роста производительности труда.

Современные буржуазные экономисты, как правило, замалчивают теорию воспроизводства Маркса, поскольку она, раскрыв до конца источник накопления капитала, антагонизм буржуазных отношений, противоречит их классовым интересам. На вооружении буржуазной политической экономии вплоть до кризиса 1929—1933 годов была апологетическая теория реализации французского вульгарного экономиста Ж. Б. Сэя. Основанная на «догме Смита» и ошибочном отождествлении капиталистического товарного обращения с простым товарным обращением, она служила оправданию буржуазных производственных отношений. Сэй допускал возможность лишь частичного перепроизводства товаров, связанного с тем, что некоторые отрасли произвели товаров меньше, чем это нужно для обмена с товарами других отраслей. «Известных продуктов слишком много,— писал он,— потому что недостает других» [2].

Мировой кризис 1929—1933 годов окончательно опроверг теории бескризисного развития капитализма. Начиная с 30-х годов XX века буржуазные экономисты в подавляющем большинстве признают циклический характер капиталистического производства и воспроизводства. Однако они заняты не столько выяснением причин этого явления, сколько бесплодными поисками методов «лечения» от него капитализма. Современная буржуазная политическая экономия не содержит методологических предпосылок научного решения проблемы воспроизводства и кризисов.

Современные буржуазные экономисты основу капиталистического воспроизводства видят не в производстве, а в производных от него экономических процессах — потреблении, обмене или распределении. В современной буржуазной политической экономии получила широкое распространение теория воспроизводства Дж. М. Кейнса, согласно которой решающую роль в процессе воспроизводства играет рыночный спрос: размеры и темпы роста спроса будто бы определяют размеры и темпы роста производства. «Потребление...— утверждает он,— является единственной целью всякой хозяйственной деятельности». Ее возможности «ограничены масштабами совокупного спроса. Совокупный спрос может проистекать только из нынешнего потребления, или из нынешних мероприятий, обеспечивающих будущее потребление» [3]. Но, как следует из вышеизложенного, исходя из примата спроса и потребления над производством, научный анализ процесса воспроизводства невозможен.

---

[1] *Ленин В. И.* По поводу так называемого вопроса о рынках.— Полн. собр. соч., т. 1, с. 81.

[2] *Сэй Ж. Б.* Трактат политической экономии. М., 1896, с. 42.

[3] *Кейнс Дж. М.* Общая теория занятости, процента и денег. М., 1948, с. 99.

Многие представители буржуазной политической экономии поныне продолжают оставаться на позиции «догмы Смита» при исчислении стоимости совокупного общественного продукта, поэтому критика Марксом «догмы Смита» не утратила своей актуальности и ныне.

4. ВЕСЬ РАБОЧИЙ КЛАСС ЭКСПЛУАТИРУЕТСЯ ВСЕМ КЛАССОМ КАПИТАЛИСТОВ

III том «Капитала» завершает теоретический анализ всего капиталистического способа производства. Он посвящен рассмотрению капиталистического производства, взятого в целом, в единстве всех его сторон — производства, обращения и распределения; в нем анализируются выступающие на поверхности буржуазного общества превращенные формы, которые принимает прибавочная стоимость в процессе своего распределения между различными группами частных собственников.

Проблема распределения занимала большое место в предшествующей Марксу политической экономии. Рикардо даже считал главной задачей экономической науки выяснение законов распределения. Он внес большой вклад в разработку категорий прибыли и ренты, однако не мог создать научной теории распределения, потому что не исследовал прибавочной стоимости в ее совокупности, как всеобщего выражения созданного прибавочного продукта. Он рассматривал прибыль, процент и ренту как исходные формы буржуазного хозяйства, тогда как необходимо было их самих вывести из прибавочной стоимости.

Переворот, произведенный Марксом в анализе нетрудовых доходов буржуазии, состоял прежде всего в том, что он рассмотрел прибыль, процент и ренту как составные части прибавочной стоимости, ее различные формы, раскрыв тем самым их общую паразитическую сущность. Принципиальное отличие своего анализа прибыли, процента и ренты сам Маркс объяснил следующим образом: «...в противоположность *всей* прежней политической экономии, которая *с самого начала* исследует, как нечто данное, особые части прибавочной стоимости в их фиксированных формах ренты, прибыли, процента,— я прежде всего исследую общую форму прибавочной стоимости, в которой все это заключается еще в неразделенном виде, так сказать, в состоянии раствора» [1].

Анализ закономерностей капитализма и обнажение его эксплуататорской сущности

Первые два отдела III тома «Капитала» содержат анализ действия закона стоимости при капитализме и первое в политической экономии объяснение образования *цены производства*. Исследовав влияние капиталистической конкуренции, Маркс показал превращение стоимостей в цены производства, вокруг которых колеблются рыночные цены товаров.

[1] Маркс — Энгельсу, 8 января 1868 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 32, с. 9.

Буржуазные экономисты употребляли понятие цены производства, однако они и не исследовали фактического отличия цены производства от стоимости, и не могли доказать родства этих категорий. Проблема цены производства была решена Марксом потому, что он рассматривал стоимость и цену производства не только как количественные величины овеществленного труда, но и как выражение определенных общественных отношений товаропроизводителей. Поскольку производственные отношения не являются застывшими, исторически развиваются, постольку и стоимость, выражающая эти отношения, со временем приобретает также превращенную форму цены производства. Маркс решил эту проблему также потому, что при рассмотрении образования цены производства исходил не из отдельных актов обмена или поверхностных проявлений конкуренции, а «с точки зрения массовых экономических явлений, всей совокупности общественного хозяйства» [1]. Только с точки зрения всей совокупности общественного хозяйства, всего класса капиталистов и рабочего класса, а не отдельного предприятия или отрасли, отдельного капиталиста или рабочего можно дать анализ тех превращенных форм, которые объективно возникали в результате эволюции простого товарного хозяйства в капиталистическое и в процессе функционирования развитого капитализма. Благодаря такому подходу Маркс показал процесс превращения прибавочной стоимости в прибыль, нормы прибавочной стоимости в норму прибыли, прибыли в среднюю прибыль и на этой основе раскрыл сущность цены производства как превращенной формы стоимости.

В основе трансформации стоимости в цену производства лежит превращение товаров как продуктов труда в товары как продукты капитала. «Вся трудность происходит оттого,— писал Маркс,— что товары обмениваются не просто как *товары,* но как *продукты капиталов,* которые претендуют на пропорциональное их величине или — при равенстве их величин — на равное участие в совокупной массе прибавочной стоимости. И совокупная цена товаров, произведенных данным капиталом за данный промежуток времени, должна удовлетворить этому требованию. Но совокупная цена этих товаров есть просто сумма цен отдельных товаров, образующих продукт капитала» [2]. Конкретным математическим расчетом Маркс показал, что цена производства не игнорирует действие закона стоимости, она есть лишь форма его проявления, поскольку суммы стоимостей и цен производства, суммы прибылей и прибавочной стоимости в обществе в целом совпадают. Сила, управляющая всем ходом экономического развития до появления капитала и при капитализме, одна и та же,— это закон стоимости. Капитал, появившийся в результате действия закона стоимости, изменяет форму проявления закона стоимости, но отнюдь не отменяет его.

[1] См.: *Ленин В. И.* Карл Маркс.— Полн. собр. соч., т. 26, с. 67.
[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 25, ч. I, с. 192.

Важный вклад в разработку и защиту теории цены производства внес Энгельс своей работой «Закон стоимости и норма прибыли», написанной после выхода в свет III тома «Капитала», в мае — июне 1895 года. Энгельс показал, что обмен по стоимости соответствует наиболее низкой ступени его развития, когда средства производства принадлежат еще производителю (крестьянину или ремесленнику). При неразвитой технике производства средства производства производились самими же производителями. Поэтому непосредственно могло быть учтено не только время производства продукта, как такового, но и время производства средств производства, необходимых для изготовления этого продукта. Тогда наиболее непосредственно выступала субстанция стоимости — овеществленный труд. Не могло быть другого соизмерения стоимостей продуктов, кроме потраченного на их производство рабочего времени. «Словом, закон стоимости Маркса,— заключил Энгельс,— имеет силу повсюду,— поскольку вообще имеют силу экономические законы,— для всего периода простого товарного производства, следовательно, до того времени, когда последнее претерпевает модификацию вследствие возникновения капиталистической формы производства» [1]. Энгельс уточнил: «...закон стоимости Маркса имеет экономически всеобщую силу для периода, который длится с начала обмена, превратившего продукты в товары, и вплоть до XV столетия нашего летосчисления» [2].

Превращение стоимости в цену производства происходило в силу развития техники производства, технического прогресса, качественным скачком в котором был промышленный переворот. По мере превращения простого товарного хозяйства в капиталистическое, по мере того как капитал завладевал производством и возникали различия органического строения капитала отдельных отраслей, по мере этого возник и усиливался перелив капитала из отраслей с более высоким органическим строением капитала в отрасли с более низким органическим строением капитала, то есть возникали и развивались объективные предпосылки трансформации стоимости товара в цену производства.

Экономисты до Маркса не смогли понять, как образуется средняя норма прибыли. Если два равных по стоимости капитала применяют одинаковое число рабочих, одинаково эксплуатируют и оплачивают их рабочую силу, то при прочих равных условиях кругооборота эти капиталы должны дать их собственникам одинаковую прибыль; это с необходимостью вытекает из действия закона стоимости. Но если капиталисты эксплуатируют разное количество рабочих и в различной степени, то по закону стоимости они уже не могут рассчитывать на равную прибыль. Однако в действительности происходит прямо противоположное: равновеликие капиталы дают одинаковую прибыль, независимо от того, какое количество живого труда они эксплуатируют. Поэтому возникает видимость, что стоимость товаров определяется не затратами живой рабочей силы, не общественно необходимым трудом, воплощенным в товарах, что действие закона стоимости на практике нарушается.

Маркс же именно на основе закона стоимости объяснил механизм образования равновеликой прибыли на равновеликие капиталы с различным органическим строением. Если бы товары продавались по их стоимости, то в условиях ожесточенной капита-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 25, ч. II, с. 474.
[2] Там же, с. 474—475.

листической конкуренции это сделало бы невыгодным вложение капитала в отрасли с высоким органическим строением капитала, где норма прибыли была бы низкой; в результате наиболее важные отрасли тяжелой индустрии, в развитии которых заинтересовано все общество, не могли бы развиваться. Однако за счет стихийно происходящего перераспределения между различными отраслями общественного производства всей массы прибавочной стоимости, произведенной всем рабочим классом, капиталисты на каждую долю их капитала, вложенного в любое предприятие или любую отрасль производства, получают более или менее пропорциональную часть всей прибыли, созданной в масштабе общества. Как показал Маркс, в тех отраслях производства, где органическое строение капитала совпадает с органическим строением всего общественного капитала, цена товара этих отраслей совпадает с их стоимостью. В других же отраслях цены товаров отклоняются от их стоимостей: в отраслях с высоким органическим строением капитала цены будут выше их стоимости, а в отраслях с низким органическим строением капитала — ниже их стоимости. Происходит это потому, что цены регулируются не самой стоимостью товаров, а ее превращенной формой — ценой производства, которая представляет собой сумму издержек производства и средней прибыли.

Энгельс, а затем и Ленин предостерегали от чисто коммерческого понимания цены производства как средней продажной цены товара, в которой с математической точностью должна быть якобы заключена равная средняя прибыль на равный затраченный на производство этого товара капитал. Маркса занимало выявление основного направления, основной закономерности движения нормы прибыли в условиях различного органического строения капитала отраслей и конкуренции капиталистов. Как и все законы капиталистического хозяйства, закон цен производства действует как тенденция, испытывающая воздействие отношений частной собственности, конкуренции и анархии производства. Поэтому он несет в себе возможность и неизбежных отклонений индивидуальных цен товаров от общественной цены производства, что особенно характерно для стадии капитализма с господством монополий. Тем не менее на любой стадии развития капитализма в основе совокупных цен лежит совокупная стоимость товаров, а совокупных прибылей — совокупная прибавочная стоимость.

Впервые в политической экономии Маркс раскрыл природу средней нормы прибыли. Он показал, что средняя норма прибыли есть отношение всей совокупной прибавочной стоимости, созданной всем рабочим классом, ко всему совокупному общественному капиталу, вложенному во все отрасли капиталистического производства.

Анализ прибыли и нормы прибыли, данный Марксом в III томе «Капитала», имел важное значение для революционного просвещения пролетариата, поскольку обнажал эксплуататорскую сущ-

ность капитализма. На поверхности буржуазного общества прибавочная стоимость выступает в своей превращенной форме — в виде прибыли. Будучи не чем иным, как прибавочной стоимостью, созданной переменным капиталом, прибыль выглядит порождением всего капитала, предстает как результат кругооборота всей авансированной капитальной стоимости. В категории прибыли маскируется эксплуатация рабочей силы. В этом заключается ее качественное отличие от обнажающей капиталистическую эксплуатацию прибавочной стоимости, являющейся непосредственным выражением неоплаченного труда рабочих, самовозрастания переменного капитала.

Прибыль, писал Маркс, «лишь посредством анализа надлежит выводить» [1] из прибавочной стоимости. Этот анализ, впервые осуществленный Марксом, показал, что рабочий класс эксплуатируется не только отдельными капиталистами, но и всем классом буржуазии в целом, что «капиталисты, обнаруживая столь мало братских чувств при взаимной конкуренции друг с другом, составляют в то же время поистине масонское братство в борьбе с рабочим классом как целым» [2]. Следовательно, первейшим условием победы рабочего класса в борьбе за освобождение является сплочение и солидарная борьба против всего класса капиталистов.

Признать теорию цены производства — это значит признать, что теория стоимости Маркса, раскрывшая источник прибавочной стоимости в различных ее формах, применима ко всем стадиям развития капитализма, в том числе и к его монополистической стадии, и что, стало быть, монопольная прибыль имеет тот же источник, что и прибыль периода свободной конкуренции. Монопольные цены и монопольные прибыли не означают ликвидации средней нормы прибыли и средней прибыли. Средняя норма прибыли, как это показано Марксом, есть норма прибыли на весь общественный капитал и в качестве таковой существует на всех этапах развития капитализма.

Некоторые буржуазные идеологи в наши дни пытаются доказывать, будто трудовая теория стоимости не применима к анализу современного капитализма, что «с точки зрения науки теория трудовой стоимости разваливается еще до того, когда в схему исследования вступают сложности капитала» [3]. Стремясь удалить из политической экономии научный марксистский анализ действия закона стоимости при капитализме, экономисты вроде Дж. Робинсон отрицают объективный характер закона стоимости вообще, утверждают, будто он Марксом «был придуман, чтобы сорвать маску с капитализма» [4]. Робинсон пытается представить процесс трансформации закона стоимости в закон цен производства не как объективный исторически закономерный процесс, а как чисто абстрактное теоретическое изложение, придуманное Марксом. «Движение от равной нормы эксплуата-

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 25, ч. I, с. 55.

[2] Там же, с. 217.

[3] *Samuelson P. A.* Marxian Economics as Economics.— The American Economic Review, 1967, vol. LVII, N 2, p. 619.

[4] См.: *Robinson Joan.* Economic Philosophy. London, 1962, p. 41.

ции к равной норме прибыли,—пишет она,— не есть процесс в развитии капитализма, а есть процесс в развитии экономического анализа от примитивной трудовой теории стоимости к теории взаимодействия между относительным спросом и относительными издержками» [1]. Автор призывает отказаться от марксистской трудовой теории стоимости, договариваясь до того, что основной смысл теории Маркса «всегда может быть выражен без употребления понятия *стоимости*» [2].

Относя трудовую теорию стоимости к числу «устаревших доктрин» [3], буржуазные идеологи и ревизионисты ставят под сомнение не только экономические закономерности при капитализме, но и природу ценообразования и в целом планирование народного хозяйства при социализме, тщетно пытаясь тем самым дезориентировать строительство нового общества в социалистических странах.

Противоречия капитализма и неотвратимость его крушения

В третьем отделе III тома «Капитала» Маркс исследовал действие *закона тенденции нормы прибыли к понижению.* Над уяснением этой тенденции бились еще Смит и Рикардо. Как идеолог промышленной буржуазии, Рикардо понимал, что снижение нормы прибыли свидетельствует о замедлении темпов и сокращении размеров накопления. Он правильно полагал, что уровень прибыли является барометром капиталистического развития, однако, считая капитализм разумным и вечным способом производства, не смог увидеть в снижении нормы прибыли специфического закона капитализма, и искал причины этого явления в законах природы, пытаясь объяснить его мальтусовским «законом убывающего плодородия почвы» и ростом народонаселения.

Маркс отметил, что у буржуазной политической экономии не имелось теоретических предпосылок для уяснения тенденции снижения нормы прибыли — не было представлений о постоянном и переменном капитале, об органическом строении капитала, о прибавочной стоимости (в отличие от ее особых форм). Исследуя тенденцию нормы прибыли к понижению как одно из проявлений всеобщего закона капиталистического накоплепия, он нашел разгадку снижения нормы прибыли потому, что искал ее не в области единичных явлений буржуазного хозяйства, а рассматривал капиталистическую экономику в целом, в совокупности всего общественного капитала и его движения. Если же рассматривать только индивидуальный капитал, понять снижение нормы прибыли невозможно, ибо тенденции нормы прибыли индивидуального капитала и средней нормы прибыли общественного капитала между собой не совпадают.

Как показал Маркс, развитие производительных сил при капитализме выражается в росте органического строения капитала. Процесс этот, однако, противоречив ввиду свойственных капитализму анархии производства и конкуренции. Поэтому экономическая реа-

---

[1] *Robinson J.* An Essay on Marxian Economics. London; New York, 1957, p. 17.

[2] Ibidem, p. 24.

[3] См.: *Bergson A.* Productivity and the Social System.— The USSR and the West. Cambridge (Mass.); London, 1978, p. 18.

лизация технического прогресса при капитализме может иметь два различных результата: рост нормы прибыли индивидуального капитала, связанного с применением новой, усовершенствованной техники, за счет получения избыточной прибавочной стоимости (пока эта техника не станет достоянием всей отрасли производства); рост органического строения общественного капитала (то есть уменьшение доли в нем переменного капитала, который порождает прибавочную стоимость) и, стало быть, снижение средней нормы прибыли на весь общественный капитал.

Когда речь идет о законе тенденции нормы прибыли к понижению, имеется в виду тенденция, присущая всему общественному капиталу. В основе закона лежит рост органического строения всего общественного капитала, и закон выражает убывающее отношение всей созданной прибавочной стоимости ко всему общественному авансированному капиталу. Только таким образом понятое понижение нормы прибыли выражает действительную тенденцию капиталистического накопления и развития капиталистического производства в целом.

Маркс считал, что снижение нормы прибыли — не строгая закономерность, а лишь тенденция, которой противодействовали такие факторы, как повышение степени эксплуатации труда, понижение заработной платы ниже стоимости рабочей силы, удешевление элементов постоянного капитала, относительное перенаселение, внешняя торговля, увеличение акционерного капитала. Маркс проанализировал влияние каждого из этих факторов на замедление темпов снижения нормы прибыли.

Закон тенденции нормы прибыли к понижению концентрированно выявляет противоречивый и преходящий характер капитализма, указывает на то, что буржуазная форма производства содержит в себе тормоз общественного прогресса, роста производительных сил. Не случайно поэтому именно в данном разделе «Капитала» Маркс дал глубокий и всесторонний анализ антагонистических противоречий капитализма, прежде всего его основного противоречия, и в наиболее полном виде изложил теорию экономических кризисов. Если при анализе противоречий, заложенных в товаре, данном в I томе «Капитала», Маркс показал объективную основу кризисов перепроизводства при капитализме, то при анализе противоречий буржуазного общества, данном в III томе «Капитала», Маркс доказал неизбежность, неотвратимость экономических кризисов при капитализме.

В отличие от мелкобуржуазных экономистов, которые ошибочно считали, что потребление есть единственная цель накопления, и потому причину кризиса видели в противоречии между производством и потреблением, в «недопотреблении» народных масс, Маркс, открыв основной закон капитализма, обусловленную им цель капиталистического производства, показал, что в действительности причиной кризисов является основное противоречие капитализма — противоречие между общественным характером производ-

ства и частнокапиталистической формой присвоения результатов производства, а противоречие между производством и потреблением является лишь конкретным проявлением этого основного противоречия. Маркс объяснил, что все противоречия капитализма, в том числе противоречие между производством и потреблением, определяются целью капиталистического предпринимательства — безудержной погоней за прибылью, подчинением его производству прибавочной стоимости, производству и накоплению капитала. «Так как целью капитала является не удовлетворение потребностей, а производство прибыли,— писал он,— и так как эта цель достигается лишь такими методами, при которых масса продуктов определяется размерами производства, а не наоборот, то постоянно должно возникать несоответствие между ограниченными размерами потребления на капиталистическом базисе и производством, которое постоянно стремится выйти за эти имманентные пределы» [1].

Маркс показал разрушительную роль кризисов для развития производительных сил и всего общественного прогресса, их пагубную роль в усугублении и без того бедственного положения рабочего класса при капитализме. Представляя собой всегда «только временное насильственное разрешение существующих противоречий» [2], кризисы воспроизводят их на новом уровне, обостряя противоречие между трудом и капиталом.

Учение Маркса о противоречиях капитализма, получившее дальнейшее развитие в III томе «Капитала», содержит глубокое экономическое обоснование неотвратимости крушения капитализма. Основанный на жестокой конкуренции в погоне за увеличением прибыли, капитализм способствует и в то же время препятствует научно-техническому прогрессу, а следовательно, росту производительности труда, развитию производительных сил общества. Поскольку реализация технического прогресса подчинена исключительно цели получения наивысшей прибыли, постольку капиталист вводит в производство только ту машину, которая обеспечит ему преимущества в конкурентной борьбе и не принесет убытка в связи с заменой и обесценением устаревших, но еще не изношенных машин. Как отмечает Маркс, закон повышающейся производительной силы труда имеет при капитализме не безусловное значение. Одним из выражений роста производительной силы труда является сокращение рабочего времени на производство и воспроизводство совокупного общественного продукта и национального богатства в целом. Однако не это является движущим мотивом развития производительных сил буржуазного общества: цели капиталистического производства отвечает увеличение прибавочного рабочего времени, но отнюдь не сокращение рабочего времени для материального производства вообще. Движущая цель капиталистического производства, таким образом, с самого начала ставит границы развитию

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 25, ч. I, с. 281.
[2] См. там же, с. 273.

производительных сил общества. «Предел капиталистического производства — избыточное время рабочих,— пишет Маркс.— Абсолютное излишнее время, выигрываемое обществом, не интересует капиталистическое производство. Развитие производительной силы важно для него лишь постольку, поскольку оно увеличивает прибавочное рабочее время рабочего класса, но не поскольку оно вообще сокращает рабочее время для материального производства; таким образом капиталистическое производство вращается в противоречиях» [1].

Продолжая начатый в I томе «Капитала» анализ исторической тенденции капиталистического накопления и исторического места капитализма, Маркс углубляет его, показывает обострение основного противоречия капитализма по мере накопления капитала, все большей его концентрации. Необходимое следствие этих процессов — рост власти капитала. Возрастающий общественный капитал, персонифицированный в капиталисте, все с большей силой противостоит производителям этого капитала — рабочему классу, как чуждая, порабощающая его сила. Выражая возрастающее обобществление производства, общественный капитал приходит в противоречие с властью отдельных частных собственников, капиталистов. Это противоречие может разрешиться только путем революционного «преобразования условий производства во всеобщие, коллективные, общественные условия производства» [2]. Предпосылки этого преобразования создаются самим капитализмом, возникают в результате развития производительных сил общества, крайнего обострения социальных противоречий. «Это преобразование,— писал Маркс,— обусловливается развитием производительных сил при капиталистическом производстве и тем способом, каким совершается это развитие» [3].

Закон тенденции нормы прибыли к понижению и проявляющиеся в его действии противоречия присущи всем этапам развития капитализма. Как и закон средней нормы прибыли, он действует (в модифицированном виде) и на монополистической стадии развития капитализма. В основе его действия, как и раньше, лежит рост органического строения общественного капитала, усиленный современной научно-технической революцией и капиталистической формой реализации ее достижений.

Значение революционных выводов из закона тенденции нормы прибыли к понижению, обнажившего эксплуататорскую суть и непримиримые противоречия капитализма, было велико. Не случайно это открытие Маркса сразу же стало предметом острой идейной борьбы между марксистами и буржуазными идеологами.

Буржуазные экономисты (а в России главным образом «легальные марксисты») делали все возможное, чтобы объявить «мнимым» или иска-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 25, ч. I, с. 289—290.
[2] См. там же, с. 290.
[3] Там же.

зить обоснованный Марксом закон тенденции нормы прибыли к понижению. Они не гнушались при этом даже арифметических подтасовок, возводили в закономерность нетипичные, исключительные случаи, такие, как, например, повышение производительности труда без уменьшения стоимости продукта [1], объявляли норму прибыли «чисто социальной категорией» [2], не имеющей корней в экономике капитализма.

Ленин решительно выступал против подобных измышлений, затемнявших глубокие противоречия капитализма. Он энергично возражал против попыток П. Струве схоластически «различать» (по существу, противопоставляя) «социологические» и «экономические» категории [3], указывал на недопустимость приемов М. Туган-Барановского, который «просто произвольно внес изменение нормы прибавочной стоимости, чтобы «опровергнуть» Маркса, и предлагает абсурд: изменение производительности труда без изменения стоимости продукта» [4].

В современной буржуазной политической экономии нападки на закон тенденции нормы прибыли к понижению еще более усилились. Многие буржуазные экономисты утверждают, будто «знаменитый» закон тенденции нормы прибыли к понижению «лишен последовательного обоснования» [5], и тем самым ставят под сомнение действие этого закона. Однако наиболее опасными противниками являются те, которые ведут борьбу против марксизма, на словах признавая его правоту. Не отрицая на словах закона тенденции нормы прибыли к понижению, некоторые буржуазные экономисты, подобно Струве, пытаются перенести решение этого вопроса в область социальных и психологических явлений наподобие товарно-денежного фетишизма. «...Марксистские законы роста органического строения капитала и падения нормы прибыли являются законами движения на уровне фетишизма,— пишут американские экономисты Х. Левин и Я. Моррис.— Они имеют дело с изменяющимися отношениями между постоянным капиталом, переменным капиталом и прибавочной стоимостью, которые все являются сущностями, обладающими фетишистскими свойствами, т. е. они являются материальными вещами или массами материальных вещей, которым приписываются определенные общественные свойства» [6]. Эти буржуазные авторы свою собственную ненаучную трактовку объективных экономических законов капитализма как якобы фетишистских явлений буржуазного общества приписывают Марксу с целью доказать, будто в «Капитале» «закон роста органического строения капитала анализируется как фетишистское отражение социального закона классовой борьбы» [7].

Здесь все перевернуто с ног на голову. Совершающийся независимо от воли и сознания участников капиталистического производства рост органического строения капитала, усиливая эксплуатацию рабочего класса, обостряя все противоречия капитализма, является одной из объективных экономических предпосылок усиления классовой борьбы пролетариата, но отнюдь не простым ее отражением.

Х. Левин и Я. Моррис пытаются разорвать единое политико-экономическое содержание «Капитала», количественный и качественный анализ законов и категорий, данный Марксом. В этих целях они рассматривают

---

[1] См.: *Туган-Барановский М.* Основная ошибка абстрактной теории капитализма Маркса.— Научное обозрение, 1899, кн. 5, с. 975—976.

[2] См.: *Струве П.* Основная антиномия теории трудовой ценности.— Жизнь, 1900. № 2, с. 303.

[3] См.: Ленин — А. Н. Потресову, 27 июня 1899 г.— Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 46, с. 30.

[4] См.: Ленин — М. А. и Д. И. Ульяновым, 20 июня 1899 г.— Там же, т. 55, с. 166.

[5] См.: *Laibman D.* Toward a Marxian Model of Economic Growth.— The American Economic Review, 1977, vol. 67, N 1, p. 387.

[6] *Lewin H.* and *Morris J.* Marx's Concept of Fetischism.— Science and Society, 1977, vol. XLI, N 2, p. 176.

[7] Ibidem.

«Капитал» как «двух-уровневое произведение», предметом исследования которого на одном уровне является «фетишистская политическая экономия», а на другом — «мета-экономическая критика или критика политической экономии». Столь запутанная интерпретация методологии и логики «Капитала» понадобилась буржуазным экономистам для того, чтобы доказать, будто в категориях и законах марксистской политической экономии объективно существующие общественно-экономические отношения вовсе не отражены, а только им приписываются.

Рост паразитизма буржуазии

От рассмотрения закона тенденции нормы прибыли к понижению Маркс перешел к анализу конкретных форм средней прибыли. Проанализировав торговый и ссудный капитал, торговую прибыль и процент, он осветил роль кредита в развитии капиталистического производства. На основе проведенного во II томе «Капитала» изучения кругооборота и оборота капитала Маркс впервые в политической экономии выяснил природу торгового и ссудного капиталов как обособившихся частей промышленного капитала, раскрыл сущность торговой прибыли и процента как конкретных форм прибавочной стоимости. В результате анализа ссудного капитала и кредита, предпринимательского дохода и процента Маркс выявил и объяснил тенденцию отделения собственности на капитал от приложения его в производстве, отделения капитала-собственности от капитала-функции, показав тем самым рост паразитизма класса буржуазии.

Одним из наиболее распространенных приемов фальсификации экономического учения Маркса являются попытки буржуазных авторов выискать некие противоречия между I и III томами «Капитала». Если в I томе «Капитала», утверждает американский технократ Д. Белл, Маркс говорил о поляризации общества на два класса и неизбежном экономическом кризисе капитализма, то в III томе он предсказал отделение собственности от контроля в управлении предприятиями, возрастание класса «белых воротничков», который значительно разрастается по сравнению с индустриальным рабочим классом, а также новые способы получения капитала через централизацию банковской системы. «Развитие капитализма,— считает Белл,— пошло практически не по первой, а по второй Марксовой схеме» [1]. На самом деле положения III тома «Капитала» не только не противоречат революционным выводам, сделанным Марксом в I томе, но являются их дальнейшим развитием и обоснованием.

Маркс истолковал тенденцию отделения капитала-функции от капитала-собственности как прямое следствие процесса накопления капитала и проявление всеобщего закона капиталистического накопления, как следствие освещенного в I томе «Капитала» процесса концентрации и централизации капитала на основе действия общих законов товарного производства в условиях господства частной собственности. С большой проницательностью он увидел проявление этой тенденции в *акционерной форме капитала,* которая в тот период еще только зарождалась под стимулирующим воздействием кредита. Он показал, что возникновение акционерных обществ, для которых отделение капитала-функции от капитала-соб-

[1] *Bell D.* The Coming of Post-industrial Society. Harmondworth, 1976, p. 40.

ственности особенно характерно, не только не ослабляет противоречий капитализма, а, напротив, обостряет их, создает материальные предпосылки для революционной замены частной собственности общественной. «В акционерных обществах,— писал Маркс,— функция отделена от собственности на капитал, следовательно, и труд совершенно отделен от собственности на средства производства и на прибавочный труд. Это — результат высшего развития капиталистического производства, необходимый переходный пункт к обратному превращению капитала в собственность производителей, но уже не в частную собственность разъединенных производителей, а в собственность ассоциированных производителей, в непосредственную общественную собственность» [1].

В III томе «Капитала» на основе анализа превращенных форм, которые принимает прибавочная стоимость в процессе своего распределения между группами капиталистических собственников, развита *теория ренты.*

Проблема ренты занимала важное место в произведениях классиков буржуазной политической экономии и русских революционных демократов. И это не случайно. Феодальная форма земельных отношений тормозила развитие капитализма: рента удорожала сельскохозяйственные продукты, а стало быть,— увеличивала издержки производства и снижала темпы накопления капитала. Д. Рикардо, как идеолог промышленной буржуазии, пытался вскрыть тормозящую роль ренты в промышленном развитии Англии. Основным достоинством теории ренты Рикардо была ее органическая связь с трудовой теорией стоимости. Исходя из трудовой теории стоимости, Рикардо источник дифференциальной ренты видел в плодородии земель и местоположении их относительно рынков сбыта. Однако теория ренты Рикардо содержала также глубоко ошибочные положения, в значительной степени обесценивавшие ее достоинства: Рикардо связал свою теорию ренты с ненаучным «законом убывающего плодородия почвы»; он исключал интенсивное ведение сельского хозяйства и потому не знал дифференциальной ренты II, связанной с дополнительным вложением капитала в землю; поскольку Рикардо отождествлял стоимость и цену производства, он отрицал ренту с наихудших участков земли — абсолютную ренту.

Значительный шаг вперед по сравнению с Рикардо в разработке теории ренты сделал Н. Г. Чернышевский, ближе всех из предшественников Маркса подойдя к решению ее сложных проблем. В отличие от Рикардо, который определял ренту как долю «продукта земли, которая уплачивается землевладельцу за пользование первоначальными и неразрушимыми силами почвы» [2], Чернышевский видел в ренте «излишек прибыли», приближаясь тем самым к пониманию ее как части прибавочной стоимости. Он дал критику «закона убывающего плодородия почвы», подчеркнув, что этот надуманный закон противоречит действительному процессу развития и совершенствования агрокультуры.

Чернышевскому принадлежит постановка вопроса о ренте с наихудших участков земли, то есть абсолютной ренте. «Итак,— писал он,— теория Рикадро совершенно основательна, но не совершенно полна; она объясняет только причину различия в ренте различных земель, не принимая, что и самая плохая из обрабатываемых земель приносит ренту, и не объясняя этого...» [3] Но у Чернышевского, как и у Рикардо, для решения проблемы

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 25, ч. I, с. 480.

[2] См.: *Рикардо Д.* Сочинения. М., 1955, т. 1, с. 65.

[3] *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч. М., 1949, т. 2, с. 397.

абсолютной ренты не было теоретических предпосылок в виде представления об органическом строении капитала и анализа цены производства. Тем не менее из своей теории ренты он сумел сделать революционные выводы — о необходимости в целях общественного прогресса безотлагательной ликвидации исключительной собственности помещиков на землю и передачи всей земли крестьянам. Чернышевский объективно отстаивал фермерский, американский путь развития капитализма в сельском хозяйстве России, и это его требование, как показал Ленин, в условиях, когда перед Россией стояли задачи буржуазно-демократической революции, было единственно правильным.

Принципиальное отличие теории ренты Маркса от предшествующих ей теорий состоит прежде всего в определении ренты как «добавочной прибыли», создаваемой в земледелии в результате монопольного использования отдельными производителями-собственниками естественных сил природы. Если предшественники Маркса исходили из факта возникновения дифференциальной ренты в результате приложения труда на лучших и средних землях, то Маркс впервые в политической экономии выяснил самою сущность дифференциальной ренты, показав, что ее источником является прибавочная стоимость, эксплуатация сельскохозяйственного пролетариата.

В отличие от своих предшественников, Маркс исследовал две формы дифференциальной ренты. Помимо известной в общих чертах классикам буржуазной политической экономии ренты по плодородию земель и местоположению их относительно рынков сбыта, названной Марксом первой формой дифференциальной ренты, он выделил и обосновал вторую форму дифференциальной ренты, связанную с наиболее типичным для капитализма способом интенсивного ведения сельского хозяйства, предполагающим дополнительные капиталовложения — на сельскохозяйственные орудия и машины, удобрения, ирригацию и т. д. Вопреки прошлым (и современным) приверженцам «закона убывающего плодородия почвы», согласно которому дополнительные вложения капитала в землю дают убывающий эффект, Маркс показал экономические преимущества интенсивного ведения сельского хозяйства по сравнению с экстенсивным земледелием.

Выдающимся научным достижением Маркса явился анализ абсолютной ренты и введение ее как категории в политическую экономию. Открытие абсолютной ренты — ренты с наихудших участков земли — возможно было только на основе марксистского анализа образования средней прибыли, цены производства и методологических предпосылок, вытекающих из учения об органическом строении капитала, о прибавочной стоимости, о прибыли как превращенной форме прибавочной стоимости. Так как до Маркса соотношение цены производства и стоимости товара не было выяснено, то не могло возникнуть и само представление об абсолютной ренте. Как показал Маркс, величина абсолютной ренты зависит от относительного развития земледелия по сравнению с промышленностью и находится в обратном отношении к техническому про-

грессу в земледелии. Источником абсолютной ренты является монополия частной собственности на землю. Как и при рассмотрении дифференциальной ренты, Маркс подчеркнул реакционную, тормозящую роль в общественном прогрессе частной собственности на землю и паразитизм класса земельных собственников.

Последний отдел III тома «Капитала» подытожил весь анализ капитализма как определенной системы буржуазных отношений в целом. Он имеет также самостоятельное значение в связи с важными методологическими положениями, касающимися политической экономии не только капитализма, но и социализма. Здесь Маркс подверг критике взгляды Ж. Сэя и его сторонников, которые, затемняя буржуазные производственные отношения, основанные на эксплуатации труда капиталом, выводили нетрудовые доходы — прибыль и ренту — из капитала и земли как материальных факторов производства. Отсюда и родилась их «триединая формула»: капитал — прибыль и процент; земля — земельная рента; труд — заработная плата.

Маркс показал, что в «триединой формуле» Сэя выражена общая тенденция вульгарной политической экономии выдавать видимость явлений, как они выступают на поверхности буржуазного общества, за их сущность. Капитал и частная земельная собственность, которые являются специфическими производственными отношениями, выдаются за простые материальные факторы производства, за вещи, участвующие в создании совокупного общественного продукта. Маркс раскрыл действительное участие капитала, земли и труда в общественном производстве, вновь подчеркнув, что средства производства и земля, будучи необходимой материальной предпосылкой производства, материальным базисом повышения производительной силы труда, сами не создают прибыли, процента и ренты; эти нетрудовые, паразитические доходы являются различными формами прибавочной стоимости, создаваемой трудом рабочих в промышленности и сельском хозяйстве.

Будущее человечества — коммунизм

III том «Капитала» имеет исключительное значение в связи с выдвинутыми в нем положениями, обращенными в будущее человечества. Они связаны с выяснением, в частности, общих законов расширенного воспроизводства. «Прибавочный труд вообще, как труд сверх меры данных потребностей, всегда должен существовать» [1] — это принципиальное положение, выведенное Марксом из анализа законов прогрессивного развития производительных сил общества, законов расширенного воспроизводства, вошло в марксистскую политическую экономию социализма и реализуется в практике его строительства.

Современные фальсификаторы, преднамеренно извращая мысли Маркса, заявляют, будто по его мнению при социализме «труд должен получать

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 25, ч. II, с. 385—386.

каждое пенни денежных поступлений от продажи продуктов...» [1]. А так как в странах социализма рабочие не получают полной стоимости созданного ими продукта, то и при социализме, утверждают они, сохраняется эксплуатация «в марксистском смысле», чем попирается теория социалистического распределения Маркса. На самом же деле Маркс вовсе не считал, что при социализме рабочий должен получать полный продукт своего труда. Более того, в «Критике Готской программы» он специально раскрыл несостоятельность лассалевской формулы «неурезанного трудового дохода». Марксистская теория распределения при социализме наряду с фондом потребления всегда предусматривала фонд накопления, который обеспечивает непрерывный рост и совершенствование социалистического производства.

Огромное теоретическое и политическое значение имели выводы Маркса об исторической роли капитализма в развитии производительных сил и производительности труда, которое позволило ограничить производство необходимых средств существования значительно меньшими затратами рабочего времени по сравнению с предшествовавшими общественно-экономическими формациями и создало, таким образом, материальные предпосылки для высвобождения существенной части общественного рабочего времени.

Начиная с первобытного общества, когда дикарь боролся с природой, чтобы добыть себе средства к существованию, до современного, высокоразвитого, цивилизованного общества, когда человек трудится с гораздо меньшей затратой сил и при условиях, более достойных его человеческой природы, но все же трудится в силу необходимости получения средств к существованию, господствует, писал Маркс, «царство необходимости». «По ту сторону его начинается развитие человеческих сил, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвести лишь на этом царстве необходимости, как на своем базисе. Сокращение рабочего дня — основное условие» [2].

Капитализм исключает развитие человеческих сил, которое являлось бы самоцелью. Создавая материальные предпосылки для роста производительной силы труда и сокращения рабочего времени, которое общество затрачивает непосредственно на материальное производство, капитализм вместе с тем исключает использование высвобожденного времени для совершенствования человеческой личности. Сокращение общественного рабочего времени на производство материальных благ интересует капиталистов лишь постольку, поскольку оно увеличивает прибавочное рабочее время, прибавочную стоимость. Это обусловлено основным экономическим законом капитализма.

Маркс и Энгельс говорили о коммунизме как высшей ступени общественного прогресса, ибо коммунизм полностью раскрепостит личность и общество в целом, освободит человека от необходимости трудиться только ради получения средств к существованию, сде-

---

[1] *Abbott L.* Economics and the modern World. New York; Chicago; San Francisco; Atlanta, 1967, p. 832.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 25, ч. II, с. 387.

лает труд первейшей жизненной потребностью человека. Коммунизм, подчеркивали они, создаст действительное богатство общества, мерилом которого будут уже не только и не столько материальные блага и рабочее время, которое требуется для их производства, сколько свободное время всех членов общества, что породит условия для всестороннего развития личности, всех ее физических и духовных сил и способностей.

Своим исследованием капиталистического процесса производства в целом Маркс показал, что, достигнув определенной ступени зрелости, буржуазная форма производства сбрасывается, освобождая место для новой, более высокой формы. Основой этого исторического процесса смены способов производства является «конфликт между материальным развитием производства и его общественной формой» [1].

Какими по-мещански убогими и бесплодными выглядят проекты будущего «свободного общества», предлагаемые человечеству буржуазными и ревизионистскими идеологами в противовес научно обоснованному коммунизму. Исходящие из признания незыблемости частнособственнических интересов, эти проекты предполагают, что «сознание собственности должно присутствовать у работающих людей» [2]. В этих проектах, пронизанных духом собственности, нет места для творческой личности, человек в них присутствует только как потребитель. Современными идеологами потребительства будущее общество изображается как общество ничем не ограниченного потребления. «Что такое коммунизм? — Это когда все имеют всё в достаточном количестве» [3] — эта вульгарная формула коммунизма, пущенная в оборот швейцарским Институтом Востока (Берн), взята на вооружение не только буржуазными, но и правосоциалистическими теоретиками. Она дезориентирует трудящихся, служит распространению среди них паразитических настроений в ожидании «века высокого массового потребления».

Не менее уродливым выглядит будущее в писаниях теоретиков «единого индустриального общества», «пост-индустриального общества» и т. п. Стирая в понятии «единого индустриального общества» различие капитализма и социализма, авторы этого направления определяют прогресс человечества только степенью развития производительных сил или — еще уродливее — различной степенью индустриализации. «В этом историческом смысле,— пишет один из них,— коммунизм, следовательно, не является «следующей» стадией в истории, а просто одним из ряда альтернативных способов индустриализации. То, что создают социалистические режимы,— это «индустриальные» общества, но созданные посредством специфически политического, а не рыночного механизма» [4].

Мещанский образ потребительского, или технократического, социализма как конгломерата отдельных граждан, движимых мотивом стяжательства и наживы, ничего общего не имеет с теорией и практикой научного коммунизма. Это доказано опытом построения и совершенствования социализма в СССР и практикой созидания нового общества в других странах социалистического содружества.

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 25, ч. II, с. 456.

[2] *Šik O.* Für eine Wirtschaft ohne Dogma. München, 1974, S. 116.

[3] Цит. по: Zukunft, 1978, N 1, S. 28.

[4] *Bell D.* The Coming of Post-industrial Society. Harmondsworth, 1976, p. 74,

5. «В НАУКЕ НЕ ТОЛЬКО РЕЗУЛЬТАТ, НО И ПУТЬ К НЕМУ ДОЛЖЕН БЫТЬ ИСТИННЫМ»

«Теории прибавочной стоимости»

Завершающим, IV томом «Капитала» считается произведение Маркса «Теории прибавочной стоимости». Оно было написано в 1862—1863 годах и явилось составной частью экономической рукописи 1861—1863 годов, озаглавленной Марксом «К критике политической экономии». В отличие от первых трех томов «Капитала», в «Теориях прибавочной стоимости» преобладает критический анализ предшествующей и современной Марксу буржуазной политической экономии, что дает возможность глубже понять и полнее оценить содержание и значение революционного переворота, совершенного Марксом в политической экономии. Рукопись эта была написана Марксом до того, как он приступил к систематическому изложению в «Капитале» своего экономического учения. Это и понятно: открытиям в любой науке предшествует обобщение и критическое осмысление того, что уже сделано человеческой мыслью в данной области.

«Теории прибавочной стоимости» не были опубликованы при жизни Маркса, не успел издать IV том «Капитала» и Энгельс. Впервые это произведение было издано в 1905—1910 годах К. Каутским, который, однако, исказил структуру и содержание этого труда. В соответствии с замыслом автора, последний том «Капитала» был впервые издан Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в 1954—1961 годах.

Исходной методологической предпосылкой критики буржуазной политической экономии в IV томе «Капитала» явилось созданное Марксом и Энгельсом учение об общественно-экономической формации, введение в науку понятий производительных сил и производственных отношений, обоснование закона соответствия производственных отношений характеру производительных сил. Применив метод диалектического и исторического материализма к анализу истории экономических идей, Маркс четко разделил буржуазную политическую экономию на классическую и вульгарную. «...Под классической политической экономией,— писал он,— я понимаю всю политическую экономию, начиная с У. Петти, которая исследует внутренние зависимости буржуазных отношений производства. В противоположность ей вульгарная политическая экономия толчется лишь в области внешних, кажущихся зависимостей...» [1]

Главную заслугу классической политической экономии Маркс видел в том, что она — писал Маркс еще в книге «К критике политической экономии» (1859) — теоретически подготовила «сведение товара к труду в его двойственной форме — потребительной стоимости к реальному труду, или целесообразно производитель-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 91.

ной деятельности, а меновой стоимости к рабочему времени, или равному общественному труду...» [1]. Охарактеризовав английскую и французскую школы политической экономии, Маркс определил вклад Смита, Рикардо и Сисмонди в развитие трудовой теории стоимости. «...*Адам Смит* провозгласил труд вообще,— подчеркнул Маркс,— и притом в его общественной совокупности, *как разделение труда*, единственным источником материального богатства...» [2] Отметив эту заслугу Смита, Маркс показал и его непоследовательность, которая выразилась в ошибочном определении стоимости товара «стоимостью труда», а также в том, что, столкнувшись с отклонениями от закона стоимости, которые он не смог объяснить при помощи своей теории, Смит пришел к отрицанию действия закона стоимости при капитализме, относя его лишь к предшествующему периоду. Заслуга Рикардо состояла в том, что он в противоположность Смиту «выработал четкое определение стоимости товара рабочим временем и показал, что этот закон господствует также и над буржуазными производственными отношениями, на первый взгляд более всего противоречащими ему» [3]. В отличие от Рикардо, который считал капитализм вечным и естественным способом производства, Сисмонди поставил вопрос о противоречиях капитализма, и это определило сильные стороны его теории стоимости — он подметил общественный характер труда, создающего меновую стоимость, противоположность между потребительной стоимостью и меновой стоимостью и выдвинул положение о том, что величина стоимости определяется необходимым рабочим временем [4]. Но эти достижения Сисмонди, как показал Маркс, были в значительной степени обесценены его ненаучной теорией воспроизводства и кризисов, базирующейся на «догме Смита».

Основное внимание в IV томе «Капитала» Маркс сосредоточил на критике буржуазных представлений о прибавочной стоимости и тех экономических концепций, которые органически с ними связаны — теории стоимости, производительного и непроизводительного труда, взглядов на природу различных форм прибавочной стоимости — прибыли, ренты, процента, теории капитала и его воспроизводства.

Догадки физиократов

Анализ буржуазных представлений о прибавочной стоимости Маркс начал с физиократов — представителей французской классической школы. Физиократы первые дали критику ненаучной концепции меркантилистов, которые прибыль выводили из обмена, из продажи товара выше его стоимости [5]. Историческая заслуга физиократов, как и в

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 13, с. 38.
[2] Там же, с. 45.
[3] Там же, с. 46.
[4] См. там же, с. 47.
[5] См. там же, т. 26, ч. I, с. 9.

целом классической буржуазной политической экономии, заключалась в том, что они «перенесли исследование о происхождении прибавочной стоимости из сферы обращения в сферу непосредственного производства и этим заложили основу для анализа капиталистического производства» [1]. В противоположность меркантилистам физиократы утверждали, что «обмен или торговля не порождает богатств, совершение обмена ничего, стало быть, не производит» [2], что товары имеют свою стоимость (ценность) до того, как поступают в обмен.

Физиократы выдвинули представление о «чистом продукте» (так они именовали прибавочную стоимость), усматривая источник его и всего богатства общества в сфере производства. Маркс отметил не только заслуги, но и ограниченность взглядов физиократов, ибо они ошибочно полагали, что только земледелие является той сферой производства, где создается «чистый продукт». Тем самым физиократы прибавочную стоимость сводили к дару природы, она представлялась им как прирост вещества, потребительных стоимостей, а не как прирост стоимости.

В связи с анализом производства «чистого продукта» физиократы поставили проблему производительного труда при капитализме. «Они совершенно правильно выставляют то фундаментальное положение,— отметил Маркс,— что *производителен* только такой труд, который создает *прибавочную стоимость,* т. е. только такой труд, в продукте которого содержится стоимость, превышающая сумму стоимостей, потребленных во время производства этого продукта» [3]. Однако, как и при определении сферы образования «чистого продукта», физиократы производительным трудом считали только труд в земледелии.

Маркс объяснил, что натуралистическая трактовка физиократами указанных экономических категорий связана с тем, что в сельском хозяйстве в отличие от промышленности прибавочная стоимость как прирост потребительных стоимостей проявляется со всей очевидностью. Рента — наиболее очевидная форма прибавочной стоимости, которую можно понять даже без анализа стоимости вообще. «Поэтому для физиократов,— писал Маркс,— земледельческий труд есть единственный *производительный труд,* так как, по их мнению, это единственный труд, *создающий прибавочную стоимость,* а *земельная рента* есть *единственная форма прибавочной стоимости,* известная им» [4].

Маркс отметил заслугу в формировании представления о прибавочной стоимости физиократа Жака Тюрго, который значительно глубже проник в существо капиталистических отношений и потому «чистый продукт» у него выступал нередко как результат

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 26, ч. I, с. 14.
[2] *Кенэ Ф.* Избранные экономические произведения. М., 1960, с. 359.
[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 26, ч. I, с. 14.
[4] Там же, с. 17.

эксплуатации сельскохозяйственного работника, то есть как прибавочная стоимость. «Как только земледелец своим трудом начинает производить сверх того, что необходимо для удовлетворения его потребностей, он получает возможность на этот избыток... покупать труд других членов общества. Эти последние, продавая ему свой труд, зарабатывают себе только на жизнь; земледелец же кроме своих средств существования пожинает еще такое богатство, которым он может самостоятельно и свободно распоряжаться, богатство, которое он не купил, но которое он продает» [1]. Оценивая подобные высказывания Тюрго, Маркс писал: «Здесь, стало быть, прибавочная стоимость прямо изображается как та часть труда земледельца, которую собственник земли присваивает себе без эквивалента и продукт которой он поэтому продает, не купив его» [2].

В отличие от меркантилистов, которые рассматривали только капитал обращения, физиократы дали анализ производительной формы капитала, заложили основы деления капитала на основной и оборотный и, в отличие от всех классиков, начиная со Смита, поставили проблему возмещения основного капитала. «Существенная заслуга физиократов состоит в том,— отметил Маркс,— что они в пределах буржуазного кругозора дали анализ *капитала*. Эта-то заслуга и делает их настоящими отцами современной политической экономии» [3].

Трудовая теория стоимости А. Смита

Значительным шагом вперед в создании буржуазной политической экономии и в формировании представления о прибавочной стоимости явилась экономическая теория Адама Смита, которого Маркс характеризовал как обобщающего экономиста мануфактурной стадии развития капитализма. Смит первым из экономистов дал систематическое изложение политической экономии, обобщил достижения экономической науки своего времени и продвинул ее далеко вперед по сравнению с предшественниками — меркантилистами и физиократами. Он первый сформулировал исходный тезис трудовой теории стоимости, положение о том, что «труд является единственным всеобщим, равно как и единственным точным мерилом стоимости» [4]. Маркс высоко оценил трудовую теорию стоимости Смита, отметив, что в противоположность натуралистическому представлению физиократов о стоимости и прибавочной стоимости, у Смита «стоимость создается всеобщим общественным трудом,— в каких бы потребительных стоимостях он ни был представлен,— создается исключительно только количеством необходимого труда» [5].

---

[1] *Тюрго Ж.* Избранные экономические произведения. М., 1961, с. 98.
[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 26, ч. I, с. 29.
[3] Там же, с. 12.
[4] *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962, с. 42.
[5] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 26, ч. I, с. 60.

Смит продвинулся вперед в определении сущности прибавочной стоимости. В отличие от физиократов, которые всю прибавочную стоимость («чистый продукт») отождествляли с рентой, Смит считал, что прибавочная стоимость создается во всех сферах материального производства и что рента, прибыль и процент — лишь различные ее формы. «...У физиократов прибавочная стоимость выступает только в форме земельной ренты, тогда как у А. Смита земельная рента, прибыль и процент — только различные формы прибавочной стоимости» [1],— резюмирует Маркс.

Смит близко подошел к пониманию процесса производства прибавочной стоимости, сведя прибыль к той части труда, которую рабочие присоединяют к обрабатываемому материалу сверх труда, возмещающего их заработную плату. Он вывел ее «исключительно из той части капитала, которая затрачена на заработную плату» [2], не смешивая прибыль с той частью стоимости, которая является эквивалентом потраченного капиталистом капитала. «Хозяин получает... долю стоимости,— писал Смит,— которую труд прибавляет к обрабатываемому им материалу; эта доля и составляет прибыль хозяина» [3]. Смит показал также, что стоимость, которую рабочие присоединяют к материалу, распадается на две части: одна — идет им на заработную плату, другая — составляет прибыль предпринимателя.

Достижением Смита Маркс считал его понимание производительного труда при капитализме. Смит первый выдвинул положение о том, что производительным трудом при капитализме является труд, создающий прибыль, труд, который непосредственно обменивается на капитал, в отличие от труда, который непосредственно обменивается на доход (т. е. на заработную плату, ренту, прибыль). Этим определением производительного труда Смит выразил существо капитализма как общества, подчиненного производству прибыли. «Производительный труд определяется здесь с точки зрения капиталистического производства,— отметил Маркс,— и А. Смит в данном случае проник в самую суть дела, попал прямо в точку» [4].

Выделяя научные заслуги Смита в развитии политической экономии, Маркс вместе с тем показал противоречивый характер его экономических взглядов, двойственность метода его исследования. «Сам Смит,— писал Маркс,— с большой наивностью движется в постоянном противоречии. С одной стороны, он прослеживает внутреннюю связь экономических категорий, или скрытую структуру буржуазной экономической системы. С другой стороны, он ставит рядом с этим связь, как она дана видимым образом в явлениях конкуренции и как она, стало быть, представляется чуждому на-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 26, ч. I, с. 60.
[2] См. там же, с. 65.
[3] *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов, с. 64.
[4] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 26, ч. I, с. 138.

уке наблюдателю, а равно и человеку, который практически захвачен процессом буржуазного производства и практически заинтересован в нем. Оба эти способа понимания, из которых один проникает во внутреннюю связь буржуазной системы, так сказать в ее физиологию, а другой только описывает, каталогизирует, рассказывает и подводит под схематизирующие определения понятий то, что внешне проявляется в жизненном процессе», «не только преспокойно уживаются один подле другого, но и переплетаются друг с другом и постоянно друг другу противоречат» [1].

Прослеживая двойственность метода Смита, Маркс показал, что наряду с научной трудовой теорией стоимости Смит положил начало ненаучной концепции издержек производства, согласно которой стоимость товара определяется тем количеством труда, которое можно купить на этот товар, то есть в конечном счете — заработной платой. Раскрывая научную несостоятельность этого положения, Маркс указал, что заработная плата, или «стоимость труда», как говорил Смит, не может быть общей мерой стоимостей, потому что стоимость рабочей силы, как и всякого другого товара,— величина изменяемая [2].

Маркс подверг критике также непоследовательность Смита в понимании производительного труда при капитализме. Производительным Смит считал также труд, который «производит стоимость», то есть труд, овеществленный в товаре. По этому поводу Маркс заметил, что такое определение производительного труда при капитализме противоречит характеру производственных отношений буржуазного общества: работник может не производить товара и стоимости, но обогащать капиталиста, умножать его капитал и, с точки зрения буржуазных отношений производства, его труд кажется производительным и, напротив, труд мелкого производителя, ремесленника может создавать и стоимость и материальную ценность — товар, но с точки зрения буржуазных отношений он не выглядит производительным, ибо не создает прибыли.

Немало места в IV томе «Капитала» занимает критика теоретически несостоятельной «догмы Смита», которая была воспринята буржуазными экономистами и не позволяла им правильно решить проблемы воспроизводства капитала.

Вклад Д. Рикардо в политическую экономию

Большое внимание в «Теориях прибавочной стоимости» Маркс уделил критическому анализу экономических взглядов другого корифея английской классической школы — Давида Рикардо, прежде всего его теории ренты. В теории ренты Рикардо отчетливо проявилась классовая сущность английской школы политической экономии как выразительницы интересов крупной промышленной

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 26, ч. II, с. 177.
[2] См. там же, ч. I, с. 44.

буржуазии. Достоинство экономических взглядов Рикардо Маркс видел в том, что он увязал проблему ренты с трудовой теорией стоимости и на этой научной основе дал анализ дифференциальной ренты, связанной с различным плодородием земель и местоположением их относительно рынков сбыта. Рикардо преодолел ограниченность физиократов и физиократические элементы в теории ренты Смита. Он выдвинул положение о том, что рента — результат не абсолютного, а относительного плодородия земли, не щедрости, а скудости природы.

Основным недостатком взглядов Рикардо Маркс считал непонимание им абсолютной ренты. Поскольку рассмотрение этой проблемы было связано с выяснением буржуазных производственных отношений, отношений частной собственности на землю, Маркс придавал критическому разбору рикардианской теории ренты большое значение. Непонимание абсолютной ренты было следствием того, что Рикардо не сумел уяснить образование цены производства, ошибочно отождествляя ее со стоимостью. Не было у него и других теоретических предпосылок для постижения абсолютной земельной ренты — понятия органического строения капитала и самое главное — понимания экономического содержания монополии частной собственности на землю.

В процессе критики взглядов Рикардо Маркс указал причину возникновения абсолютной ренты, объяснив при этом, что источником ее является монополия частной собственности на землю. «...Совершенно так же, как *монополия* капитала одна только дает капиталисту возможность выжимать из рабочего прибавочный труд,— писал Маркс,— так и монополия собственности на землю дает возможность земельному собственнику выжимать у капиталиста ту часть прибавочного труда, которая могла бы образовать постоянную *добавочную прибыль*»[1]. Маркс раскрыл паразитическую сущность частной собственности на землю, обосновал прогрессивность ее ликвидации. Впоследствии Ленин напоминал эти разъяснения Маркса в «Теориях прибавочной стоимости», наглядно показавшие революционное в буржуазно-демократическом смысле значение национализации земли[2].

Маркс охарактеризовал также вклад Рикардо в теорию стоимости и в формирование представления о прибавочной стоимости. Основная заслуга Рикардо состояла в том, что он отверг неверную концепцию Смита, согласно которой стоимость товара определяется «стоимостью труда». В отличие от Смита, Рикардо определял стоимость затраченным на производство товара рабочим временем. Формулируя закон стоимости, он писал: «Если меновая стоимость товаров определяется количеством труда, воплощенного в них, то всякое возрастание этого количества должно увеличивать

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 26, ч. II, с. 96.

[2] См.: *Ленин В. И.* Пролетарская революция и ренегат Каутский.— Полн. собр. соч., т. 37, с. 325.

стоимость того товара, на который затрачивается труд, а всякое уменьшение — понижать ее»[1].

Значительный шаг вперед в разработке трудовой теории стоимости Рикардо сделал, попытавшись разграничить стоимость и меновую стоимость — «реальную» и «абсолютную» стоимость, с одной стороны, «относительную» и «сравнительную» — с другой. Однако, не постигнув двойственной природы труда, воплощенного в товаре, Рикардо, как и все предшественники Маркса, не сумел дать научного объяснения формы стоимости. Высоко оценивая выводы Рикардо о противоположности прибыли и заработной платы, Маркс вместе с тем вскрыл в них существенные недостатки. Рикардо, как и Смит, не поднялся до научного понимания природы и существа прибавочной стоимости — он исходил из монолитности рабочего дня, смешивал прибавочную стоимость с прибылью и норму прибавочной стоимости с нормой прибыли. Отсутствие понятия товара «рабочая сила» не позволило ему до конца решить проблему обмена труда на капитал. Исходя из монолитности рабочего дня, он выводил прибавочную стоимость только из роста производительного труда. Рикардо, как отметил Маркс, знал по сути только относительную прибавочную стоимость[2].

В рикардианской концепции заработной платы Маркс выделил понятие относительной, или пропорциональной, заработной платы. Подчеркивая научное значение этого понятия, Маркс писал: «До Рикардо заработная плата всегда рассматривалась лишь безотносительно, а рабочий рассматривался поэтому как животное. Здесь же он рассматривается в его общественном отношении. Положение классов по отношению друг к другу обусловливается в большей мере относительной заработной платой, чем ее абсолютной величиной»[3].

В IV томе «Капитала» Маркс подверг критике всю предшествующую буржуазную политическую экономию по проблемам накопления, воспроизводства капитала и кризисов. В решении этих проблем у Маркса по существу не было предшественников, ибо буржуазная политическая экономия, начиная со Смита, исходила из неверного предположения о том, что накопление капитала сводится к вложению дохода капиталиста только в заработную плату (то есть к накоплению переменного капитала). Исключение из процесса накопления капитала воспроизводства постоянного капитала начисто закрывало решение этой важнейшей политико-экономической проблемы[4].

Смит, Сэй, Рикардо выводили кризисы из отношений обмена между продавцами и покупателями, спроса и предложения. Отождествляя буржуазное товарно-денежное обращение с простым

---

[1] *Рикардо Д.* Сочинения, т. 1, с. 35.
[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 26, ч. II, с. 461.
[3] Там же, с. 463.
[4] См. там же, с. 523—524.

обменом продукта на продукт, Рикардо следовал за формулой равновесия Сэя, согласно которой «каждый продукт, с того самого момента, как он произведен, открывает собою сбыт для других продуктов на полную сумму своей ценности» [1]. Вслед за Сэем, Рикардо отрицал возможность кризисов перепроизводства. Марксова критика взглядов Смита, Сэя и Рикардо по проблемам воспроизводства и кризисов опиралась прежде всего на выяснение цели капиталистического производства. Эта цель, как показал Маркс, состоит не в потреблении, не в обмене продукта на продукт, а в обмене товара на деньги, с тем чтобы реализовать заложенную в этом товаре прибавочную стоимость. «Цель капиталистического производства,— писал он,— это прежде всего не «приобретение других продуктов», а присвоение стоимости, денег, абстрактного богатства» [2].

В «Теориях прибавочной стоимости» Маркс раскрыл классовую ограниченность буржуазной классической политической экономии. Эта ограниченность проявилась прежде всего в оценке капитализма как вечного и естественного способа производства. Она предопределила в конечном счете метафизический подход классиков к исследованию капиталистического общества, из-за чего они не смогли не только решить, но и правильно поставить многие проблемы политической экономии.

Критика Мальтуса

Маркс проанализировал также взгляды основных представителей вульгарной политической экономии — Сэя, Мак-Куллоха, Кэри, Джемса Милля, Родбертуса и других. В центре Марксовой критики оказался Мальтус — один из наиболее реакционных апологетов капитализма, ославивший себя беспринципностью в науке, беззастенчивой фальсификацией научных данных в угоду власть имущим. О Мальтусе Маркс бросил презрительно: «...человека, стремящегося *приспособить* науку к такой точке зрения, которая почерпнута не из самой науки (как бы последняя ни ошибалась), а *извне,* к такой точке зрения, которая продиктована *чуждыми* науке, *внешними* для нее интересами,— такого человека я называю *«низким»*» [3].

Раскрывая лицо Мальтуса как выразителя классовых интересов обуржуазившихся земельных собственников, Маркс подчеркнул, что этот «профессиональный плагиатор» каждый раз «извлекает из добытых уже наукой (и всякий раз им *украденных*) предпосылок только такие выводы, которые *«приятны»* (полезны) аристократии против буржуазии и им обеим — *против* пролетариата» [4]. В интересах буржуазии Мальтус изобрел вульгарную теорию прибыли, выводя прибыль из обращения; в интересах аристократии — ложную концепцию реализации «третьих лиц»; в интересах их обеих — реакционную теорию народонаселения.

---

[1] *Сэй Ж. Б.* Трактат политической экономии, с. 40—41.
[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 26, ч. II, с. 560.
[3] Там же, с. 125.
[4] См. там же, с. 124.

Мальтус выступил против трудовой теории стоимости и теории ренты Рикардо, поскольку эти научные открытия позволяли разоблачить паразитизм буржуазии и земельных собственников. В апологетических целях он воспользовался ненаучным положением из теории стоимости Смита — определением стоимости товара издержками производства; включив в издержки производства прибыль, Мальтус пропагандировал вульгарную концепцию «прибыли от отчуждения», согласно которой прибыль возникает оттого, что продавец продает товар выше его стоимости. Столкнувшись с проблемой реализации прибыли, Мальтус сочинил так называемую теорию «третьих лиц»; понимая, что продажей продуктов рабочим капиталисты могут реализовать лишь часть созданного продукта, Мальтус изобрел «непроизводительных потребителей», которые ничего не производят и не продают, а лишь покупают и тем самым участвуют в реализации оставшейся части продукта, обеспечивая получение капиталистами всей прибыли; к таким покупателям, не являющимся продавцами, он относил лендлордов, духовенство и т. п. Обнажая антинародную сущность этих лжетеорий, Маркс с сарказмом заметил, что они изобретены исключительно в целях защиты господствующих классов, поскольку из них вытекает «необходимость в лендлордах, получателях пенсий, обладателях синекур, попах и т. п., включая их лакеев и прихлебателей» [1].

Плодотворные идеи других представителей буржуазной экономической мысли

Свое место в IV томе «Капитала» заняла критика взглядов Рамсея, Джонса и других экономистов, которых нельзя отнести ни к классической, ни к вульгарной политической экономии. Критикуя вульгарные элементы в их экономических теориях, Маркс в то же время стремился выявить тот полезный вклад, который они внесли в разработку проблем политической экономии.

Маркс отметил попытку Джорджа Рамсея различить постоянный и переменный капитал, его возражение против сведения Смитом стоимости совокупного общественного продукта к сумме всех доходов. Рамсей рассматривал капитал как историческую категорию и — что особенно важно — источником прибавочного продукта считал труд. «Рамсей ближе других подошел к правильному пониманию нормы прибыли» [2]. Однако его взгляды, как показал Маркс, были весьма противоречивы в главном — в понимании прибавочной стоимости. При объяснении образования средней прибыли Рамсей отстаивал точку зрения вульгарной политической экономии, считавшей, что прибыль есть результат «созидательной деятельности капитала».

Положительно оценил Маркс и некоторые теоретические взгляды Ричарда Джонса, прежде всего его попытку исторически пред-

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 26, ч. III, с. 14.
[2] Там же, с. 363.

ставить происхождение капиталистического способа производства [1]. В капитале, прибыли, норме прибыли Джонс выделил именно то, что делало их специфически капиталистическими явлениями. Он отметил воздействие экономики на надстройку, что Маркс подчеркнул как его большое достижение: «Очень хорошо Джонс говорит о том, как с *изменением* материальных производительных сил изменяются экономические отношения, а вместе с ними — социальное, моральное и политическое состояние народов» [2]. Джонс сделал попытку различить постоянный (по его терминологии «вспомогательный») и переменный («содержащий рабочих») капитал и найти причины падения нормы прибыли; он близко подошел к решению этого вопроса, подметив по существу процесс роста органического строения капитала — относительный рост «вспомогательного капитала» по сравнению с капиталом, идущим на содержание «добавочного непосредственного труда».

Вклад в политическую экономию Джонс внес и своей критикой рикардианской теории ренты и мальтусовского «закона убывающего плодородия почвы». Маркс отметил, что в выяснении сущности ренты и причин ее роста Джонс стоял на более верных позициях, чем Рикардо, объясняя, в частности, рост ренты в Англии не «законом убывающего плодородия почвы», а ростом производительности земледельческого труда. Джонс правильно подчеркивал при этом, что рост ренты не уменьшает прибылей арендаторов и не препятствует накоплению их капитала. Вместе с тем Маркс показал и ограниченность экономических взглядов Джонса, связанную прежде всего с его апологетикой буржуазных отношений. Джонс отрицал противоречия капитализма — противоречия интересов рабочего класса и буржуазии, земельных собственников и фермеров.

Разработанная Марксом и примененная в IV томе «Капитала» методология научной критики буржуазной политической экономии имеет непреходящее значение. Она поныне служит могучим оружием в идейной борьбе против буржуазных, социал-реформистских и ревизионистских идеологов, которые в подновленном виде широко используют в полемике против теории и практики марксизма-ленинизма старые концепции как классической, так и вульгарной школ буржуазной политической экономии.

6. «КАПИТАЛ» КАК ЕДИНОЕ ЦЕЛОЕ

«Капитал» отличается поразительной целостностью, несмотря на многообразие трактуемых в его томах проблем, однородностью, несмотря на разносторонний подход к изучаемым явлениям, единством, несмотря на сложное расчленение «Капитала» на составные

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 26, ч. III, с. 414.
[2] Там же, с. 447.

части, каждая из которых носит своеобразный характер и имеет самостоятельное значение.

Краеугольным камнем экономической теории Маркса является учение о прибавочной стоимости. Весь I том «Капитала» посвящен анализу исторических предпосылок и законов производства и накопления прибавочной стоимости. Маркс обосновал здесь фундаментальное положение своей теории — о том, что капитал представляет собой не вещь, а общественное отношение.

Капитал как самовозрастающая стоимость в своем движении проходит не только стадию производства, но и стадию обращения. Анализу процесса обращения капитала посвящен II том «Капитала». Подчеркивая первенствующее значение производства, Маркс в то же время раскрывает роль процесса обращения, теснейшую связь между производством и обращением, их единство. Это последнее находит свое выражение в промышленном капитале. Теория промышленного капитала, разработанная Марксом во II томе, является дальнейшим развитием его общей теории капитала. Если в I томе он доказал, что капитал — общественное отношение, основанное на эксплуатации рабочего класса классом капиталистов, то во II томе Маркс идет дальше. «Капитал как самовозрастающая стоимость,— пишет он,— заключает в себе не только классовые отношения, не только определенный характер общества, покоящийся на том, что труд существует как наемный труд. Капитал есть движение, процесс кругооборота, проходящий различные стадии...» [1]

Политическая экономия до Маркса рассматривала капитал односторонне, в одной из его форм: либо в денежной, либо в производительной, либо в товарной. Но ни одна из форм кругооборота капитала, взятая изолированно, не отображает действительного движения капитала — многообразия его форм. Промышленный капитал представляет собой не только единство производства и обращения, но и единство всех трех его кругооборотов, непрерывно и одновременно протекающих в процессе капиталистического воспроизводства.

Процесс производства в собственном смысле выступает здесь в качестве одного из моментов движения капитала, а кругооборот производительного капитала — в качестве кругооборота одной из трех форм промышленного капитала. Это, однако, отнюдь не умаляет первенствующей роли производства, решающего значения производительного капитала. Напротив, представление о промышленном капитале, охватывающем и производство и обращение, проходящем в своем движении различные стадии, расширяет сферу действия капитала за пределы производства, включает в сферу его влияния как самовозрастающей стоимости процесс обращения, где капитал функционирует в качестве товарного или денежного капитала.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 24, с. 121.

Буржуазные экономисты, как показал Маркс, либо фетишизируют деньги, сводя всю специфику капиталистического хозяйства только к тому, что оно является денежным; между тем то обстоятельство, что деньги выступают как денежный капитал, вытекает не из функций, выполняемых ими в процессе обращения, а из того, что процесс обращения служит необходимым введением к процессу капиталистического производства. Либо буржуазные экономисты рассматривают деньги только в качестве орудия обмена, игнорируя то, что капитал в своем движении с необходимостью проходит денежную стадию, что эта функция капитала является моментом процесса капиталистического воспроизводства, что деньги являются формой капитала. Это же касается и товарного капитала — капитала в товарной форме.

Марксова теория промышленного капитала, разработанная во II томе, дает представление о единстве денежной, производительной и товарной форм капитала. Вместе с тем само наличие трех форм промышленного капитала говорит о возможности их обособления. На этой почве возникают различные группы буржуазии — промышленники, торговцы и банкиры, что рассмотрено Марксом в III томе «Капитала».

Без общего учения о капитале (I том) нельзя понять основного общественного, производственного отношения в буржуазном обществе — отношения эксплуатации. А без дальнейшего развития учения о капитале до учения о промышленном капитале (II том) нельзя понять ни всего многообразия форм капитала, характера его движения за пределами производства, его функций в процессе обращения, ни образования различных групп буржуазии (III том), борющихся за распределение прибавочной стоимости, создаваемой в процессе производства.

В предисловии ко II тому «Капитала» Энгельс отметил, что блестящие исследования II тома представляют собой лишь вводные положения к содержанию III тома [1]. Это обнаруживается уже при исследовании кругооборота капитала, анализ которого действительно является введением к тем отделам III тома, где трактуются вопросы торгового и ссудного капитала. В этом также проявляется единство трех томов «Капитала».

Вслед за анализом кругооборота во II томе следует анализ оборота капитала, рассматривается деление последнего на основной и оборотный капитал — формы капитала в обращении. В I томе Маркс со всей строгостью проводил различие между той частью капитала, которая затрачивается на средства производства, и той, которая затрачивается на рабочую силу. Он рассматривал различие между постоянным и переменным капиталом как кардинальное, раскрывающее тайну капиталистического производства. Но как бы рабочая сила ни отличалась в отношении образования стоимости от других составных частей оборотного капитала, в от-

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 24, с. 23—24.

ношении способа оборота стоимости она ничем от них не отличается, вместе с ними противостоит основному капиталу.

Ни А. Смит, ни Д. Рикардо не знали деления капитала на постоянный и переменный, они проводили только разделение его на основной и оборотный. Маркс впервые показал, что в первом случае речь идет о той роли, которую различные части производительного капитала выполняют в процессе образования стоимости, во втором же случае речь идет о способе обращения различных составных частей капитала.

Но единство производства и обращения, примат производства по отношению к обращению сказываются и здесь. Несмотря на то, что в основе деления капитала на основной и оборотный лежит исключительно различие в способе обращения его составных частей, само это различие, в свою очередь, вытекает из того способа, каким отдельные составные части капитала передают свою стоимость продукту, иными словами, из особенностей их функционирования в процессе труда. Оборотный и основной капитал — формы капитала, непосредственно связанные с процессом обращения, в конечном счете обусловлены характером функционирования капитала в процессе производства.

Таким образом, если деление капитала на постоянный и переменный покоится на той роли, которую его составные части выполняют в процессе образования стоимости, то в основе деления капитала на основной и оборотный лежит та роль, которую различные части капитала играют в процессе труда. Но процесс труда и процесс образования стоимости — это две стороны процесса производства, каждая из которых служит основой соответствующего деления капитала. Оба деления, несмотря на все различие между ними, уходят своими корнями в единый процесс капиталистического производства.

Рассмотрев кругооборот и оборот капитала, Маркс приступает к анализу воспроизводства и обращения всего общественного капитала. Этот анализ теснейшим образом связан со всем предшествующим изложением: содержание третьего отдела II тома «Капитала» логически вытекает из содержания I тома и первых двух отделов II тома.

При построении теории воспроизводства и обращения всего общественного капитала Маркс исходит из того, что совокупная стоимость продукта, создаваемого капиталистическим обществом в течение года, состоит из постоянного, переменного капитала и прибавочной стоимости. Между тем Смит и вслед за ним Рикардо, Сэй, Милль, Мальтус, Сисмонди, а впоследствии русские народники исключали из товарной стоимости постоянный капитал. Маркс исходит также из того, что ежегодный продукт капиталистического общества распадается — по стоимости и по натуральной форме — на две большие части: средства производства и предметы потребления. Маркс показал, что в капиталистическом обществе рост производства средств производства, то есть элементов

постоянного капитала, обгоняет рост производства предметов потребления, ввиду чего, как заметил Ленин, «рост внутреннего рынка для капитализма до известной степени «независим» от роста личного потребления, совершаясь более за счет производительного потребления» [1]. Таким образом, и это положение, равно как и вывод из него, связаны с выяснением роли постоянного капитала в процессе воспроизводства.

Эта роль, раскрытая уже в I томе, была до конца выяснена при анализе кругооборота и оборота капитала во II томе. Кругооборот и оборот капитала — это промежуточные звенья в переходе от анализа постоянного капитала в процессе капиталистического накопления (конец I тома) к анализу постоянного капитала в совокупном процессе капиталистического воспроизводства и обращения (конец II тома).

Таковы органическая связь и внутреннее единство различных категорий, рассматриваемых в I и II томах «Капитала». Категории, рассматриваемые в III томе,— издержки производства, прибыль, норма прибыли, цена производства, средняя норма прибыли, торговая прибыль, процент, ссудный капитал, земельная рента, доходы — также находятся в тесной связи с категориями I и II томов.

Рассматривая превращение прибавочной стоимости в прибыль, а нормы прибавочной стоимости в норму прибыли, Маркс исследует ту превращенную форму, которую принимает на поверхности буржуазного общества прибавочная стоимость. Но для того чтобы раскрыть это превращение, Маркс должен был привлечь к анализу ряд промежуточных звеньев: авансированный капитал, издержки производства. Последняя категория включает в себя износ основного капитала и оборотный капитал. Следовательно, оборот капитала является переходом от прибавочной стоимости к прибыли.

Далее, цена производства в качестве превращенной формы стоимости включает в себя издержки производства и среднюю прибыль. Последняя предполагает форму прибыли, в свою очередь являющуюся превращенной формой прибавочной стоимости. Таким образом, цена производства не может быть выведена из стоимости непосредственно, без таких промежуточных звеньев, как прибавочная стоимость, основной и оборотный капитал, издержки производства и прибыль.

Точно также обстоит дело с торговым и ссудным капиталом как обособившимися частями промышленного капитала. Что же касается земельной ренты, то она, как показал Маркс, есть превращенная форма добавочной прибыли, образующейся в земледелии. «Земельная рента не может быть понята без капитала» [2],— отметил Маркс.

---

[1] *Ленин В. И.* Развитие капитализма в России.— Полн. собр. соч., т. 3, с. 42.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 46, ч. I, с. 44.

В последнем отделе III тома «Капитала» Маркс показывает обусловленность распределения характером производства и обмена. Он высмеивает буржуазных экономистов с их пресловутой «триединой формулой»: капитал — прибыль, земля — земельная рента, труд — заработная плата,— посредством которой они рассчитывали раскрыть механизм общественного производства, но на деле лишь мистифицировали его. В этой формуле, так же как и в других построениях вульгарной политической экономии, проявилось смешение вещественного содержания экономических категорий с их социальной оболочкой. «Первое, что бросается в глаза в этой формуле,— пишет Маркс,— заключается в том, что рядом с капиталом, рядом с этой формой одного элемента производства, принадлежащей определенному способу производства ...непосредственно ставятся: земля — с одной стороны, труд — с другой, два элемента реального процесса труда, которые в этой вещественной форме являются общими для всех способов производства, являются вещественными элементами всякого процесса производства и не имеют никакого отношения к его общественной форме» [1]. Вульгарные экономисты отражали повседневную практику буржуазии и потому рассматривали капитал, земельную собственность и труд в качестве трех равноправных факторов ценообразования, радикально отступая тем самым от трудовой теории стоимости.

Восхождение от абстрактного к конкретному в «Капитале» завершилось в IV томе анализом той идеологической формы, в которой производственные отношения отражаются в сознании буржуазии и ее ученых. В «Теориях прибавочной стоимости» Маркс показал, что вульгарная политическая экономия есть не что иное, как доктринерское выражение повседневных поверхностных представлений буржуа.

Содержание «Теорий прибавочной стоимости» дополняет содержание первых трех томов «Капитала», образуя с ними внутреннее единство.

Поразительную цельность, стройность, четкость и логичность экономическому учению марксизма придала его диалектико-материалистическая методология. Оно пронизано, сцементировано и одухотворено глубокими философскими идеями.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 25, ч. II, с. 382.

Глава седьмая

РАЗРАБОТКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ И ДРУГИХ СОСТАВНЫХ ЧАСТЕЙ МАРКСИЗМА В ПРОЦЕССЕ СОЗДАНИЯ «КАПИТАЛА»

(Продолжение)

7. «В «КАПИТАЛЕ» ПРИМЕНЕНА К ОДНОЙ НАУКЕ ЛОГИКА, ДИАЛЕКТИКА И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ МАТЕРИАЛИЗМА»

Экономические исследования Маркса 50—60-х годов XIX века, разумеется, не имели непосредственной целью рассмотрение философских проблем, но в «Капитале» и примыкающих к нему подготовительных произведениях в процессе разработки экономического учения дальнейшее развитие получили и другие составные части марксизма. Уже создание Марксом метода политической экономии, разработка в связи с этим общетеоретических проблем научной методологии сделали «Капитал» одним из основных философских произведений марксизма.

Энгельс считал метод Маркса великим оригинальным достижением теоретической мысли. «Мой диалектический метод,— писал сам Маркс в послесловии ко второму изданию первого тома «Капитала» в 1873 году,— по своей основе не только отличен от гегелевского, но является его прямой противоположностью. Для Гегеля процесс мышления, который он превращает даже под именем идеи в самостоятельный субъект, есть демиург действительного, которое составляет лишь его внешнее проявление. У меня же, наоборот, идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней» [1]. Если Гегель пытался выводить факты и явления из понятий (категорий), то Маркс, признавая методологическое значение категорий, рассматривал их не как источник знаний, а как форму отражения действительных фактов, связей и явлений.

О создании специальной работы о диалектике Маркс думал, начиная с конца 1857 года (когда он снова просмотрел «Науку логики» Гегеля), имея в виду очистить диалектику от гегелевской

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 21.

«мистической оболочки» [1], но осуществить этот замысел, к которому впоследствии не раз возвращался, не успел.

Диалектико-материалистический метод был развит Марксом в «Капитале» прежде всего как метод политической экономии, явившийся применением его «к фактам определенной эмпирической науки, политической экономии» [2]. «Выработку метода, который лежит в основе Марксовой критики политической экономии,— отметил Энгельс,— мы считаем результатом, который по своему значению едва ли уступает основному материалистическому воззрению» [3].

В этой же связи Ленин писал, что «если Маrх не оставил *«Логики»* (с большой буквы), то он оставил *логику* «Капитала»... В «Капитале» применена к одной науке логика, диалектика и теория познания [не надо 3-х слов: это одно и то же] материализма, взявшего все ценное у Гегеля и двинувшего сие ценное вперед» [4].

Метод «Капитала» складывался в ходе критики как идеалистической диалектики Гегеля, так и метафизического метода классиков буржуазной политической экономии, их предшественников и эпигонов, но перерос рамки этой идейной борьбы, противостоя вообще методологии всех разновидностей идеализма и метафизики. При разработке метода в «Капитале» Маркс опирался на свои предшествующие труды, начиная с рукописи «К критике гегелевской философии права» (1843). В то же время он учел рациональные моменты не только метода Гегеля, но и использованных Смитом и Рикардо приемов абстрагирования и обобщения.

Материалистическая диалектика как теория и метод выступает в «Капитале» в двух различных, но составляющих внутреннее единство формах. Первая, основная, определяющая — это диалектика развития объектов (в данном случае — капиталистического способа производства). Вторая, производная, но обладающая относительным своеобразием — субъективная диалектика как совокупность общих и особенных диалектических законов процесса познания. И в объективной, и в производной от нее субъективной диалектике действуют одни и те же общие законы диалектики, однако в диалектике процесса познания имеются и особенные закономерности. Единство диалектики развития объекта и диалектики его познания, коренящееся в материальном единстве мира, находит свое выражение, в частности, в той закономерности, что в общем виде познанные законы бытия становятся законами его познания, а теория объекта приобретает методологическую функцию.

---

[1] См.: Маркс — Энгельсу, 14 января 1858 г.; Маркс — Фердинанду Лассалю, 10 июня 1858 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 29, с. 212, 457.

[2] См.: *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг.— Там же, т. 20, с. 371.

[3] *Энгельс Ф.* Карл Маркс. «К критике политической экономии».— Там же, т. 13, с. 497.

[4] *Ленин В. И.* Философские тетради.— Полн. собр. соч., т. 29, с. 301.

Законы диалектики

Разрабатывая в «Капитале» теоретические проблемы объективной диалектики, Маркс выдвинул в центр внимания вопрос о *действии* ее *основных законов*. Никто из буржуазных экономистов не вскрыл внутренних связей капиталистического способа производства, так как они (например, меркантилисты) фиксировали лишь поверхностные сцепления явлений. Эти внутренние связи были подмечены Смитом и Рикардо, но они нередко смешивали и даже отождествляли их с внешними и несущественными связями. Маркс в «Капитале» показал внешне наблюдаемые явления в их общей, внутренней, неразрывной и необходимой связи [1], как проявления объективных законов экономической жизни, которые находят свое отражение в науке. При этом он подчеркнул ту особенность экономических и вообще социальных законов, что они существуют независимо от того, осознаны они людьми или нет. Этим законам присущ диалектический характер.

В условиях капитализма эти законы реализуются в форме борьбы между противоположными тенденциями, когда «противодействующие друг другу факторы действуют одновременно один против другого» [2], и пробивают путь «лишь как господствующая тенденция, как некоторая никогда твердо не устанавливающаяся средняя постоянных колебаний» [3]. Такой характер свойствен, как уже известно, закону тенденции нормы прибыли к понижению, действию которого препятствуют усиление эксплуатации рабочих и понижение их заработной платы ниже стоимости рабочей силы; реализации всеобщего закона капиталистического накопления, действие которого ведет к обнищанию пролетариата, противодействует нарастание его классовой борьбы против эксплуататоров.

Диалектика закономерных связей заключается, таким образом, уже в том, что при всей относительной самостоятельности объективных законов необходимым условием их реализации является их взаимодействие. Исторические условия, в которых законы проявляют себя, приводят к коренному преобразованию и даже к прекращению действия законов, что и учитывается Марксовым принципом *историзма* в понимании и исследовании объективной социальной диалектики. Так, например, капитал можно понять лишь как движение, которое носит исторически ограниченный характер, имея начало развития, его кульминацию и конец; капитализм есть исторически преходящий способ производства.

Маркс исторически подходит к экономическим категориям, начиная с тех из них, которые существенно изменяют свое действие при превращении простого товарного хозяйства в хозяйство товарно-капиталистическое. Он подмечает, что изменение исторических условий вызывает глубокое изменение объектов и их законов

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 25, ч. I, с. 246.
[2] См. там же, с. 273.
[3] См. там же, с. 176.

движения. Так, изменение условий, в которых находится накопленный труд, ведет к качественному превращению денежных богатств в капитал.

Одну из закономерностей материалистической диалектики Маркс выявляет во взаимодействии *количественных* и *качественных* сторон объектов. Уже при анализе товарной формы продукта труда он ищет качественную основу количественного приравнивания товаров друг к другу в процессе обмена и находит ее в противоположности — в «бескачественном» абстрактном труде. Рассмотренные в последующем изложении экономические явления и соответствующие категории политической экономии капитализма также действуют и преобразуются согласно закону взаимодействия количества и качества. В письме Энгельсу от 22 июня 1867 года Маркс обращает внимание на 3-ю главу (9-ю главу в последующих изданиях) I тома «Капитала»: «... я там в *тексте* привожу открытый Гегелем *закон превращения чисто количественного изменения в качественное,* как закон, имеющий силу в истории и в естествознании» [1]. Маркс указывает и на обратное превращение, когда, например из качественного различия между ролями рабочей силы и капитала, а значит — характером заработной платы и прибыли, «происходит *количественное деление* произведенной стоимости» [2], в свою очередь ведущее к важным последствиям качественного рода.

При капитализме и на его основе происходит количественное накопление явлений и тенденций, вступающих в конфликт с самой его качественной определенностью: стремление капитала к безграничному накоплению сталкивается с противодействием со стороны тех же средств, которыми это накопление осуществляется,— усиление эксплуатации рабочего класса вызывает его растущее сопротивление, которое приобретает качественно все более зрелые формы; нарастание обобществления производства, концентрации и централизации капитала все более подрывает основу частного предпринимательства. Тем самым капитализм приближается к качественному скачку — социалистической революции. Выявляя в «Капитале» все эти процессы, Маркс, таким образом, показывает глубоко революционное содержание диалектического закона взаимодействия количественных и качественных изменений.

Революционная сущность диалектики особенно ярко проявляется в законе развития объектов через *единство и борьбу противоположностей,* то есть развития этих объектов путем преодоления присущих им внутренних противоречий. «Капитал» — классический образец исследования диалектических противоречий в реальном объекте — в наиболее развитой классово-антагонистической общественно-экономической формации. Единство и борьба проти-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 31, с. 260.
[2] См. там же, т. 25, ч. I, с. 399.

воположностей для Маркса — это закон выявления движущих сил развития данного объекта, тенденций этого развития и его конечного результата. В результате диалектического анализа противоречий капитализма Маркс формулирует существенно важную общую закономерность: «...развитие противоречий известной исторической формы производства есть единственный исторический путь ее разложения и образования новой» [1].

Во взаимодействии противоположностей Маркс видит основной механизм самодвижения социально-экономической системы капитализма. Прогрессивное движение внутренних объективных противоречий становится главным объектом его исследования. Во всей сложной совокупности разностепенных, определяющих и побочных, затухающих и вновь оживающих, углубляющихся и трансформирующихся противоречий Маркс выявляет фундаментальное и всеобщее для капитализма сквозное противоречие, прослеживая его развитие через переходы вещественного содержания (т. е. собственно экономических процессов) в активную социальную форму (т. е. в отношения между людьми, развивающиеся в классовую борьбу).

Как показывает Маркс, товарная форма продуктов общественного производства воплощает в себе отношения между участвующими в нем людьми. В товаре, как в зародыше, заключены возможности всех противоречий, которые в условиях капитализма превращаются в действительность. В письме Энгельсу от 24 августа 1867 года Маркс писал: «Самое лучшее в моей книге: 1) подчеркнутый уже в *первой* главе *двойственный характер труда,* смотря по тому, выражается ли он в потребительной или в меновой стоимости (на этом основывается *все* понимание фактов)...» [2] В противоречивом единстве двух сторон труда аккумулируется противоречивость отношений между людьми — участниками капиталистического производства; в этом единстве коренится и основное противоречие капитализма — между общественным характером производства и частной формой присвоения. Последующее развитие не устраняет этих противоречий, а все более их обостряет.

В конечном счете, пишет Маркс, «мы наблюдаем поразительный результат: на стороне капиталиста право собственности диалектически превращается в право на чужой продукт или в право собственности на чужой труд, в право присвоения чужого труда без эквивалента, а на стороне рабочей силы — в обязанность относиться к собственному труду... как к *чужой собственности*» [3]. Двойственный характер труда развертывается в расширенно воспроизводящееся основное противоречие капитализма, которое на социально-классовом уровне выражается в антагонизме между

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 499.
[2] Там же, т. 31, с. 277.
[3] Там же, т. 46, ч. I, с. 446.

пролетариатом и буржуазией. Это противоречие углубляется и делается все более напряженным по мере действия всеобщего закона капиталистического накопления. Но действие этого закона само противоречиво: «в своем осуществлении он модифицируется многочисленными обстоятельствами...» [1] и самое существенное из них, как уже было отмечено,— рост классового сопротивления пролетариев. Отсюда — важный вывод Маркса о том, что конкретно-исторический результат капиталистического развития определяется реальной диалектикой борьбы классов.

Противоречия капитализма резко обостряются в ходе кризисов перепроизводства, которые все более подводят трудящихся к выводу, что *«настоящий предел* капиталистического производства — это *сам капитал...»* [2]. Разрушительным процессам в объективной сфере (экономические кризисы) сопутствует и взаимодействует с ними обострение разрушительных процессов в сфере общественного сознания (производные формы отчуждения). Уяснение отчуждения как особого вида диалектического противоречия занимает в «Капитале» меньшее место по сравнению с первым его черновым вариантом 1857—1858 годов, а тем более с «Экономическо-философскими рукописями 1844 года»; в «Капитале» эта категория введена в строго научные рамки: здесь Маркс показал, что отчуждение — это социальное явление, производное от процессов производственной эксплуатации пролетариев. В основе всех видов отчуждения лежит отчуждение труда, а производные от него формы отчуждения играют в отношении своей основы противоречивую роль — они способствуют ее закреплению и они же усиливают возмущение эксплуатируемых и угнетенных против своих эксплуататоров и угнетателей.

С возрастающей силой в действие объективных противоречий капитализма включается субъективный фактор. По мере того как обостряется основное противоречие капиталистического способа производства, происходит революционизирование пролетариата. «Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют» [3]. Здесь идея социалистической революции выражена непосредственно с помощью законов и категорий диалектики. «...Капиталистическое производство порождает с необходимостью естественного процесса свое собственное отрицание. Это — отрицание отрицания» [4].

Таков в общих чертах путь движения объективных противоречий капиталистического общества вплоть до их кульмина-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 659.
[2] Там же, т. 25, ч. I, с. 274.
[3] Там же, т. 23, с. 773.
[4] Там же.

ции, рассмотренный Марксом в «Капитале». Законы противоречивого функционирования капитализма обусловливают закон его же грядущей гибели.

Методология познания

Объективно-диалектические закономерности являются также диалектическими закономерностями процесса познания; будучи познанными, они становятся принципами методологии познания. Но последняя ими не исчерпывается, и Маркс взялся за ее тщательную разработку, преследуя цель, во-первых, показать методологическое значение общих законов диалектики при анализе конкретного материала; во-вторых, выработать специфические методологические приемы познания экономических процессов и явлений; в-третьих, выявить в этих приемах моменты, обладающие всеобщим значением для познания любых объектов. Разработанный Марксом метод универсален, его применение и развитие возможно в разных сферах научного познания.

Задача разработанного Марксом научного метода познания — прежде всего обеспечить теоретическое проникновение *через явления в сущность* объектов. Гегель правильно считал, что познание сущности достигается не через «очистку» ее от явлений, а путем раскрытия ее разнообразных проявлений, однако гегелевский идеализм затемнил эту верную идею. Смит и Рикардо понимали соотношение сущности и явлений метафизически огрубленно, а вульгарные экономисты то и дело приходили к их позитивистскому смешиванию, против чего Маркс резко выступал, например, в письме Л. Кугельманну от 11 июля 1868 года. В противоположность всем этим ложным трактовкам Маркс в «Капитале» дал диалектико-материалистическое разрешение проблемы: сущность объекта — это его основное внутреннее противоречие, представляющее собой движущую силу его развития, но это противоречие выступает в сложных системах опосредствований, обнаруживаясь через не менее сложную совокупность явлений.

Явления не совпадают с сущностью, что верно как для явлений объективных, так — тем более — и для явлений в познании: «вещи в своем проявлении часто представляются в извращенном виде» [1], а «научные истины всегда парадоксальны, если судить на основании повседневного опыта, который улавливает лишь обманчивую видимость вещей» [2]. Явления особенно отрываются от сущностной основы тогда, когда они выступают в форме видимости, вызванной идеологическими, по сути своей апологетическими причинами, как, например, в случае пресловутой «триединой формулы» вульгарных экономистов. Ввиду этого, по Марксу, «задача науки заключается в том, чтобы видимое, лишь выступающее в явлении движение свести к действительному внутреннему движе-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 547.

[2] *Маркс К.* Заработная плата, цена и прибыль.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 131.

нию»[1]; вместе с тем необходимо пройти и обратным путем, выяснить, почему и как именно эта сущность проявляется через данные явления, «проследить их *развитие*, со всеми их кажущимися противоречиями, из этой основы...»[2].

Логическое и историческое

Углубление познания от явлений в сущность возможно только через «посредствующие звенья»[3] между ними, прежде всего через реальные фазы развития объекта. Это познавательное движение через посредствующие звенья Маркс рассматривает как логическое преобразование исторического исследования.

Буржуазные экономисты часто противопоставляли логическое (теоретическое) историческому, а Гегель растворял историческое в логическом. Маркс раскрыл действительную диалектику их взаимодействия, различая три проблемы: соотношение логической последовательности в построении теории изучаемого объекта и этапов его истории; соотношение логического метода построения теории объекта и исторических приемов его исследования; соотношение логического метода построения теории объекта с историей его познания в виде смены учений об этом объекте. Эти проблемы, составляющие единый комплекс, Маркс специально рассмотрел во «Введении» к экономической рукописи 1857—1858 годов и так или иначе затронул во всех четырех томах «Капитала». Писал о них и Энгельс, в частности в упомянутой выше рецензии на книгу Маркса «К критике политической экономии» (1859).

Рассматривая первую из этих проблем и имея в виду под логической последовательностью в построении теории объекта тот порядок элементов структуры этой теории, который представляет субординацию категориальных этапов познания этого объекта, Маркс приходит к выводу, что в общем данная логическая последовательность оказывается отражением последовательности этапов исторического развития объекта. «...Ход абстрактного мышления, восходящего от простейшего к сложному, соответствует действительному историческому процессу»[4]. Объективным основанием этого совпадения служит то, что «более развитое выступает как более позднее»[5]; зрелый объект как бы «содержит» в себе в концентрированном виде свою историю, а в подчиненном и преобразованном виде — и предысторию.

Сообразно с этим в «Капитале» ход теоретического исследования, например, функций денег или способов производства прибавочной стоимости «соответствует исторической последовательности»[6] реальных процессов и явлений. Но это соответствие имеет место лишь в общем виде. В рецензии на книгу «К критике поли-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 25, ч. I, с. 343.
[2] См. там же, т. 26, ч. II, с. 160.
[3] См. там же, с. 187—188.
[4] Там же, т. 46, ч. I, с. 39.
[5] Там же, с. 194.
[6] Там же, т. 24, с. 129.

тической экономии» Энгельс, как изложено выше, отметил, что логический способ исследования для Маркса, будучи тем же историческим, являлся, однако, «освобожденным от исторической формы и от мешающих случайностей» [1]. Логическое выражает только основную линию развития предмета и раскрывает внутреннюю структуру предмета в его зрелом виде. Кроме того, логическое берет историческое как «исправленное соответственно законам, которые дает сам действительный исторический процесс...» [2].

Как это осуществляется? Ответ на этот вопрос дает формула Маркса: анатомия человека есть «ключ» к анатомии обезьяны, то есть настоящее, более развитое, состояние объекта есть средство к более глубокому познанию его прошлого бытия. «Намеки же на более высокое у низших видов животных могут быть поняты только в том случае, если само это более высокое уже известно. Буржуазная экономика дает нам, таким образом, ключ к античной и т. д.» [3] Маркс имеет в виду, что постижение отношений зрелого капитализма позволяет лучше понять и объяснить их предпосылки и механизм их появления и функционирования в неразвитых формах на ранних фазах экономической истории.

Этот методологический прием познавательной ретроспекции представляет собой своего рода гносеологический возврат от зрелых стадий объекта к его зачаточным стадиям без какого-либо нарушения временного порядка причинно-следственных связей, которые при этом постигаются с гораздо большей глубиной. Так, торговля исторически и логически была предпосылкой для возникновения капитала, но купеческий капитал детально исследуется Марксом только на основе уже приобретенных знаний о капитале промышленном, что позволяет затем гораздо глубже изучить явления торгового обращения [4]. Ретроспекция в указанном смысле необходима и для того, чтобы разобраться в явлениях, составляющих процесс первоначального капиталистического накопления, что осуществляется Марксом в 24-й главе I тома «Капитала».

Ретроспекция рассматривалась Марксом как прием, подчиненный основному (проспективному) движению в соответствии с единством логического и исторического на основе последнего. Хотя для более глубокого понимания позднего (развитого) состояния объекта необходимо изучение его исторического становления, опасна абсолютизация ретроспекции, когда ошибочным образом «последняя по времени форма рассматривает предыдущие формы как ступени к самой себе и всегда понимает их односторонне» [5]. Залог избежания подобных абсолютизаций — применение ретроспекции в рамках общего принципа историзма.

Границы применения приема ретроспекции определяются тем

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 13, с. 497.
[2] См. там же.
[3] Там же, т. 46, ч. I, с. 42.
[4] См. там же, т. 25, ч. I, с. 314—315.
[5] Там же, т. 46, ч. I, с. 43.

открытым Марксом фактом, что доминирующие в зрелом объекте процессы, которые возникли на основе предшествовавших им низших процессов и форм, затем их себе подчиняют, превращают в свои составные части и определяют новое их содержание, место в системе, обусловленность и следствия. Происходит значительная перестройка связей в объекте, а в познании соответственно — замена исторического порядка категорий теоретико-структурным. Вот как это формулирует Маркс: «...было бы неосуществимым и ошибочным трактовать экономические категории в той последовательности, в которой они исторически играли решающую роль. Наоборот, их последовательность определяется тем отношением, в котором они находятся друг к другу в современном буржуазном обществе, причем это отношение прямо противоположно тому, которое представляется естественным или соответствует последовательности исторического развития» [1].

Использование приема ретроспекции выходит за рамки анализа только экономических явлений; недаром Маркс сформулировал его на примере другой науки — сравнительной анатомии. Он применим к познанию всех развивающихся реальных объектов.

Маркс ставит вопрос о соотношении начального звена в построении теории зрелого объекта с отправным моментом его общего исторического развития. По своему значению этот вопрос выходит за рамки проблемы ретроспекции, ибо здесь речь идет об условиях более глубокого познания специфики поздних этапов истории объекта. В этой связи Маркс указал, что предысторию капитализма следует отличать от его собственно истории, выделяя в последней развитие до стадии зрелости и саму эту стадию; в современном состоянии капитализма имеются черты, относящиеся «к допотопным условиям капитала, к его *историческим предпосылкам*, которые в качестве такого рода *исторических* предпосылок уже изжиты и поэтому принадлежат к *истории образования капитала*, но отнюдь не к его *современной* истории, т. е. они не относятся к действительной системе подчиненного ему способа производства» [2]. Так, если начальным звеном функционирования капитала является наем капиталистами рабочей силы, то отправным пунктом исторического развития капиталистических отношений в недрах разлагающейся феодальной формации послужили экспроприация непосредственных производителей и ограбление колоний.

Этот вопрос Маркс решает, обнаружив самовоспроизводящуюся исходную «клеточку» буржуазного строя в виде товарной формы продукта труда с заложенным в ней противоречием конкретного и абстрактного труда. Это и есть «форма экономической клеточки буржуазного общества» [3]. По этому поводу Ленин писал: «У Маркса в «Капитале» сначала анализируется самое простое, обычное, основное, самое массовидное, самое обыденное, милли-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 46, ч. I, с. 44.
[2] См. там же, с. 448.
[3] См. там же, т. 23, с. 6.

арды раз встречающееся, *отношение* буржуазного (товарного) общества: обмен товаров. Анализ вскрывает в этом простейшем явлении (в этой «клеточке» буржуазного общества) *все* противоречия (respective зародыши *всех* противоречий) современного общества»[1]. Выбор этой «клеточки» определялся тем, какие именно процессы первичны в отношении вполне развитого объекта (буржуазного общества), и этот выбор соответствовал задачам познания его настоящего и будущего.

Познавательная ценность этого методологического приема огромна. Вычленение самопроизводящейся «клеточки» как носителя основного движущего противоречия изучаемого объекта делит историю объекта на предысторическую и собственно историческую ее части, делая возможным подлинно научное изучение последней, тогда как теоретическое исследование первой будет продолжено с помощью ретроспекции.

Вторая проблема логического и исторического — это соотношение между логическим методом построения теории объекта и историческими приемами его исследования. Конкретно-историческое описание еще не есть истолкование и исследование в собственном смысле слова, а является лишь его подготовительной ступенью. Классический пример научного исследования — труд Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», в котором соединены черты и конкретно-исторического и теоретического труда, ибо в этом произведении раскрывался смысл конкретных исторических последствий буржуазной революции 1848—1849 годов во Франции и делались теоретические выводы из последующих событий. Отношение «двух методов» есть соотношение двух уровней в применении единого диалектико-логического метода, из которых один — ориентирован на описание фактов и выяснение исторически конкретных проявлений действия законов развития, а другой — нацелен на широкие теоретические (категориальные) обобщения. Изложение исторических фактов, описание событий нужны в теоретическом труде лишь в необходимых пределах. «...Наш метод,— писал Маркс,— показывает те пункты, где должно быть включено историческое рассмотрение предмета... Для того чтобы раскрыть законы буржуазной экономики, нет необходимости писать *действительную историю производственных отношений*»[2].

Особым аспектом проблемы двух методов является вопрос о специфике способа изложения. Как более дедуктивно упорядоченный, он «не может с формальной стороны не отличаться от способа исследования»[3]; в этом отношении, например, черновые варианты «Капитала» и его окончательный текст отличаются друг от друга, но это различие в рамках единого метода.

Третья проблема — соотношение логического метода построе-

---

[1] *Ленин В. И.* Философские тетради.— Полн. собр. соч., т. 29, с. 318.
[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 46, ч. I, с. 449.
[3] См. там же, т. 23, с. 21.

ния научной теории объекта с историей учений, в которых ранее делались первые шаги к созданию теории этого объекта. Иначе говоря, это проблема соотношения истории объекта, отраженной в его теории, и истории предшествующей науки об этом объекте. Решение проблемы Марксом состоит прежде всего в указании на приблизительное соответствие логики теоретического познания объекта и истории его познания. Познанные закономерности диалектического развития объекта превращаются в общем виде в закономерности не только его теоретического познания, но и исторического развития самого процесса познания. В этой связи Энгельс впоследствии в «Диалектике природы» привел приблизительную аналогию в виде соотношения эмбриологии и палеонтологии *.

Но указанное соответствие именно приблизительно. В «Теориях прибавочной стоимости» Маркс показал, что на «предысторической» фазе познания объекта начинают с того, что легче поддается изучению, то есть с выступающих на поверхности явлений (например, с видимых контрастов бедности и богатства, с бросающихся в глаза изменений народонаселения в связи с общим ростом производства). Так, товар предстает перед исследователями первоначально как носитель потребительной стоимости. Собственно «исторический» период в развитии науки начинается с выявления исходной диалектически противоречивой «клеточки» объекта, после чего движение познания идет уже не от видимости через явления к сущности, а от противоречивого содержания сущности к дальнейшим фазам развития этого содержания. Структура «Теорий прибавочной стоимости» (как исторической части «Капитала») не совпадает со структурой первых трех томов «Капитала» (как его теоретической части) прежде всего потому, что в «Теориях...» рассматривается лишь «предысторическая» фаза истории экономической мысли.

Маркс указал, что, кроме гносеологических, существуют также и идеологические причины несовпадения истории науки с историей развития объекта этой науки. Так, меркантилисты, будучи идеологами раннего капитализма, абсолютизировали роль купеческого и ростовщического капитала. Причиной был не только факт значительной роли последнего в те времена, но и социально-классовая позиция меркантилистов. Эта классовая позиция тем более направляет мысль вульгарных экономистов, занимающихся уже грубой апологетикой капитализма.

Восхождение от абстрактного к конкретному

Итак, Маркс показал, что историческое и логическое в разных своих значениях переплетаются сложным диалектическим образом при сохранении ведущего принципа отражения исторического в логическом. Но каким образом должно быть организовано эффективное развитие теоретического позна-

* Согласно закону Бэра, развитие индивидуального организма из зародыша воспроизводит в самом общем виде историю органической эволюции.

ция в рамках логического? Ответ содержит материалистически переработанное Марксом учение о *восхождении от абстрактного к конкретному* (извлеченное из гегелевской диалектики).

Принцип этого «восхождения» очерчен Марксом уже в первом варианте «Капитала». Под «абстрактным» он понимает определенную ступень познания, которая содержит отображение в понятиях внутренней структуры развивающегося объекта, однако, еще далеко не полное. Иного пути к воспроизведению в теории полноты содержания объекта в его реальной конкретности, кроме как через абстракции науки, не существует.

В «Капитале» Маркс использует различные приемы абстрагирования, в том числе обобщение через абстракцию и абстрагирование через уравнивание. Так, через уравнивание товаров он приходит к понятию стоимости: «...товары обладают стоимостью (Wertgegenständlichkeit) лишь постольку, поскольку они суть выражения одного и того же общественного единства — человеческого труда...» [1] Ряд научных выводов был сделан Марксом посредством так называемых изолирующих абстракций, позволяющих строить теоретические модели. Он рассматривает, например, товарный обмен сначала «абстрактно, т. е. оставляя в стороне обстоятельства, которые не вытекают из имманентных законов простого товарного обращения...» [2]. Именно абстракции последнего вида помогли образовать содержательное понятие исходной «клеточки». Решающую роль в ее образовании сыграло выделение (абстрагирование) ведущего противоречия.

Однако задача науки состоит в том, чтобы через одни абстракции двигаться к другим, все более восходя к теоретически-конкретному, которое есть «синтез многих определений, следовательно единство многообразного» [3]. Если Фейербах отождествил конкретное с чувственно наглядным, то Маркс видит задачу познания в его подъеме к такому конкретному по своей полноте знанию, которое, оставаясь «абстрактным» в том смысле, что сохраняет черты абстрактности (отвлеченности), присущие всякому теоретическому мышлению, в то же время постепенно «наполняет» свои предшествовавшие абстрактные понятия и суждения (законы) конкретностью.

Таким образом, для Маркса «конкретное» есть в данном случае синоним теоретически всесторонне истинного и отнюдь не тождественно понятию «единичное», хотя конкретность познания не достижима без использования эмпирических сведений о единичных предметах и фактах.

В «Капитале» движение познания от абстрактного к более содержательному, конкретному знанию происходит прежде всего как восхождение от определенного начального пункта, исходной

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 56.
[2] См. там же, с. 168.
[3] См. там же, т. 46, ч. I, с. 37.

«клеточки». Ей соответствует реальный прообраз. В условиях капитализма «абстракция труда вообще есть не только мысленный результат некоторой конкретной совокупности видов труда... Труд здесь, не только в категории, но и в реальной действительности, стал средством для создания богатства вообще и утратил ту сращенность, которая раньше существовала между определенными индивидами и определенными видами труда» [1]. Диалектически-противоречивое единство абстрактного и конкретного труда в форме товаров как его продуктов и есть исходная «клеточка» экономических процессов. Вообще исходные научные абстракции — «клеточки» имеют в качестве своих прообразов такие противоречивые свойства объектов, которые коренятся в их существенных внутренних отношениях. Они обладают «самодвижением» в том смысле, что расширенно воспроизводятся, и развитие выраженного в них противоречия определяет бытие и дальнейшие судьбы познаваемого объекта. Так, «простая форма стоимости, отдельный акт обмена одного, данного, товара на другой, уже включает в себе в неразвернутой форме *все* главные противоречия капитализма...» [2]. Отсюда — огромная познавательная ценность «клеточек», конечно, при условии, что они образованы в процессе абстрагирования не произвольно и являются средоточием именно ведущих, главных противоречий.

Как видно из «Теорий прибавочной стоимости», восхождению от начальных теоретических абстракций — «клеточек» к конкретному предшествует движение познания от конкретного (в смысле объекта познания) к абстрактному (в смысле ступеней подхода к абстрактным «клеточкам»), которые есть также и движение от явлений к сущности. Когда же начальные «клеточки» выявлены, начинается вторая, основная стадия познавательного процесса, то есть восхождение от абстрактного к конкретному. Но и на этой стадии время от времени используется движение от конкретного к абстрактному, вводящее в процесс восхождения новый фактический материал, который способствует дальнейшей конкретизации познания. В силу этого, как заметил Энгельс, «общий закон изменения формы движения гораздо конкретнее, чем каждый отдельный «конкретный» пример этого» [3].

В процессе восхождения от абстрактного к конкретному Маркс широко применял упомянутые выше изолирующие абстракции, своего рода теоретические упрощения, имеющие целью рассмотреть процесс «в его основной форме, в которой устранены все затемняющие дело побочные обстоятельства» [4]. Весьма важны подобные приемы при выявлении и определении исходных «клето-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 46, ч. I, с. 41.

[2] *Ленин В. И.* Философские тетради.— Полн. собр. соч., т. 29, с. 160—161.

[3] *Энгельс Ф.* Диалектика природы.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 537.

[4] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 24, с. 519.

чек» восхождения. Они существенно способствуют упорядочению последовательности этапов исследования [1], обеспечивая временную «изоляцию» от разнообразия связей, которое не поддается сразу совокупному осмыслению. Как впоследствии заметил Ленин, «движение познания к объекту всегда может идти лишь диалектически: отойти, чтобы вернее попасть...» [2].

Так, в I томе «Капитала» Маркс в основном абстрагируется от процесса обращения капитала, а во II томе — им изучается, наоборот, процесс обращения при абстрагировании от процесса производства. При этом Маркс делает упрощающее допущение: «предполагая всеобщее и исключительное господство капиталистического производства, за исключением класса капиталистов вообще не существует никаких других классов, кроме класса рабочих» [3]. Маркс прибегает и к ряду других условных теоретических упрощений аналогичного рода, позволяющих формулировать соответствующие экономические тенденции и закономерности. Так он осуществляет изолирующее абстрагирование от внекапиталистической среды в процессе функционирования развитого капитала, от различия органического строения капитала в промышленности и в земледелии и др.

Но подобные идеализации приносят действительную пользу научному познанию только тогда, когда они на последующих его этапах устраняются, преодолеваясь соответствующими конкретизациями. Последние как бы «наращивают» на полученную модель прежде оставленные вне анализа стороны процесса. Если идеализации выявляют законы, которые «оказываются осуществленными в чистом виде» [4], то в результате конкретизаций эти законы учитывают различия условий, корректирующих их (законов) действие, и становятся гораздо более близкими к реальному многообразию процессов. Если исследование вначале имеет «целью представить внутреннюю организацию капиталистического способа производства лишь в его, так сказать, идеально среднем типе» [5], то в итоге наука устанавливает, что в реальной действительности «общие законы осуществляются весьма запутанным и приблизительным образом...» [6]. Тем самым происходит устранение идеализаций, которые сознательно были сделаны раньше. Так, в III томе «Капитала» преодолеваются основные идеализирующие исключения, сделанные в I и II томах, и производство и обращение капитала исследуются уже как единый и целостный процесс.

Таким образом, восхождение от абстрактного к конкретному — это сложный процесс, который нельзя осуществить «путем пря-

---

[1] См.: Маркс — Энгельсу, 2 апреля 1858 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 29, с. 254—260.

[2] *Ленин В. И.* Философские тетради.— Полн. собр. соч., т. 29, с. 252.

[3] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 24, с. 391.

[4] См. там же, т. 25, ч. I, с. 208.

[5] См. там же, ч. II, с. 399.

[6] Там же, ч. I, с. 176.

мого подведения конкретного под абстрактное и путем непосредственного приспособления конкретного к абстрактному»[1]. Процесс восхождения — это диалектико-материалистическая дедукция, действующая на основе ее единства с индуктивным исследованием и существенно отличающаяся как от гегелевской идеалистической дедукции (извлечения всего богатства содержания из ранее постулированных понятий), так и от дедукции формально-логической (образования выводных суждений по строгим формальным правилам). Дедукция в «Капитале» — это выведение нового состояния объекта из исследования тенденций развития противоречий, присущих прежнему его состоянию. Оно осуществляется путем непрерывного подключения к теоретическому рассуждению новых эмпирических фактов и через конкретное разрешение противоречий процесса познания, возникающих на узловых пунктах рассуждения. Классическим примером дедукции этого вида служат рассуждения Маркса о механизме возникновения прибавочной стоимости. На основе реальных фактов из практики изучаемых процессов происходит и проверка результатов дедукции. Ленин подчеркивал, что проверка практикой происходит в «Капитале» на каждом новом шагу исследования[2].

Важное место в методе Маркса занимает проблема диалектического взаимодействия дедукции (как собственно диалектической, так и формально-логической) и индукции. О взаимодействии формально-логических дедукции и индукции Энгельс писал позднее как о непреложном факте познания, не понятом «всеиндуктивистами», мыслящими односторонне и метафизически[3]. Абсолютизация формально-логической дедукции не менее ошибочна: она возвращает к заблуждениям рационалистов XVII века, а затем и к идеализму. Применение индукции необходимо для предварительных обобщений фактов на пути от конкретного к абстрактному, для обобщений их с целью пополнения дедуктивного движения новыми сведениями, а также и для проверки результатов, полученных в ходе этого движения на пути от абстрактного к конкретному. Например, индуктивное обобщение фактов английской истории XVI—XVII веков помогло Марксу проверить и тем самым закрепить ранее им полученный общий вывод о сущности первоначального капиталистического накопления. И вообще во многих главах «Капитала» «абстрактная и кажущаяся иногда чисто дедуктивной форма изложения на самом деле воспроизводит гигантский фактический материал по истории развития обмена и товарного производства»[4].

Восхождение от абстрактного к конкретному происходит, как уже говорилось, через разрешение противоречий процесса познания, что служит познанию противоречий самого объекта. Противоречие познания — категория субъективной диалектики. Буржуазные экономисты смешивали, спутывали противоречия внутренние и внешние, реальные и кажущиеся, объективные и субъективные, и Маркс последовательно критикует их за это[5]. Из противоречий познания особую важность представляют такие, ко-

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 26, ч. III, с. 85.

[2] См.: *Ленин В. И.* Философские тетради.— Полн. собр. соч., т. 29, с. 302.

[3] См.: *Энгельс Ф.* Диалектика природы.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 541—543.

[4] *Ленин В. И.* Карл Маркс.— Полн. собр. соч., т. 26, с. 62.

[5] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 26, ч. II, с. 177—178; ч. III, с. 82, 133 и др.

торые приобретают вид антиномий (взаимоисключающих положений). Буржуазные экономисты нередко затушевывали противоречия такого рода, и Маркс упрекает Смита, в частности, за то, что его не смущает антиномическое противоречие — «цена, достаточная для того, чтобы продукт поступал на рынок, недостаточна для того, чтобы он поступал туда...» [1]. Иногда бывает так, что лишь «возникает *видимость* существования какой-то особой проблемы» [2], но в других случаях трудности познания представляют собой подлинные проблемы, требующие своего решения. И там, где многие экономисты, отмечал Энгельс, уже «видели решение, он (т. е. Маркс.— *Ред.*) видел только проблему» [3].

Классическим примером проблемных противоречий является антиномия: капитал возникает «в обращении и в то же время не в обращении» [4]. Рассматривая данный антиномический тезис об источнике возникновения капитала не как уже достигнутую истину, а как «условия проблемы» [5]. Маркс подверг эти условия содержательному анализу и в конечном счете проблему разрешил: капитал возникает в сфере производства при эксплуатации рабочей силы, создающей прибавочную стоимость, но реализуется в процессе обращения. Методологически Маркс исходит при этом именно из положения о том, что путь к достижению истины лежит через специфические противоречия познания, которые надо преодолевать. Преодоление (разрешение) их позволяет выявить объективные противоречия самого изучаемого объекта. Структура логического механизма разрешения Марксом антиномии возникновения капитала стала для логики научного исследования классической. Аналогично Маркс поступает в «Капитале» в случаях антиномий: «обмен товаров является эквивалентным и не эквивалентным», «цена труда определяется и не определяется ценой необходимых жизненных средств» и др.

Итак, в ходе своих экономических исследований Маркс одновременно развил диалектико-материалистический метод познания, сформулировав и проверив при этом на практике ряд важнейших положений, связывающих воедино диалектику, логику и теорию познания. Достигнутые им результаты явились фундаментальной основой для последующих исследований в области логики и методологии научного познания. Источник же могучей творческой силы метода Маркса заключается прежде всего в его объективных корнях и революционной направленности. Ибо развитая Марксом в «Капитале» диалектика «в позитивное понимание существующего... включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели, каждую осуществленную форму она рассматривает в движении, следовательно также и с ее преходящей стороны, она ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна» [6].

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 26, ч. II, с. 387.
[2] См. там же, т. 24, с. 374.
[3] См. там же, с. 20.
[4] См. там же, т. 23, с. 176.
[5] См. там же, с. 177.
[6] Там же, с. 22.

8. «НЕ СОЗНАНИЕ ЛЮДЕЙ ОПРЕДЕЛЯЕТ ИХ БЫТИЕ, А, НАОБОРОТ, ИХ ОБЩЕСТВЕННОЕ БЫТИЕ ОПРЕДЕЛЯЕТ ИХ СОЗНАНИЕ»

В «Капитале» и подготовительных к нему работах Маркс обогащает и конкретизирует положения и идеи материалистического понимания истории, выдвинутые в 40 — начале 50-х годов.

Развитие исторического материализма

В предисловии к книге «К критике политической экономии» (1859) Маркс в сжатом виде так сформулировал сущность созданного им, совместно с Энгельсом, материалистического понимания истории: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обусловливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением последних — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции» [1].

Далее Маркс дал характеристику соотношения производительных сил и производственных отношений, базиса и надстройки. Он указал, что необходимо с естественнонаучной точностью отличать материальный переворот в экономических условиях производства от идеологических (юридических, политических, религиозных, художественных и философских) форм, в которых люди осознают этот конфликт и борются за его разрешение. Об эпохе переворота, отметил Маркс, нельзя судить по ее сознанию; наоборот, это сознание надо объяснять, исходя из того, что́ составляет его первооснову: из реальных противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между производительными силами и производственными отношениями.

Маркс показал, что такой конфликт назревает постепенно. Ни одна общественно-экономическая формация, пишет он, не погибнет раньше, чем разовьются производительные силы, для которых она создает необходимые условия. Вместе с тем новые, более вы-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 13, с. 6—7.

сокие по уровню производственные отношения не появятся раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах старого общества. И далее Маркс формулирует важное методологическое общетеоретическое положение: «Человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить» [1]. Сама задача смены одной общественно-экономической формации другой возникает перед людьми тогда, когда налицо или, по крайней мере, находятся в процессе становления материальные условия, которые необходимы для ее решения.

В этом произведении Маркс пишет, что человеческая история представляет собой цепь сменяющих друг друга способов производства — азиатского *, античного, феодального и капиталистического и соответствующих им общественно-экономических формаций. В этой цепи общественного развития буржуазные производственные отношения выступают как последняя антагонистическая форма общественного производства. Вырастающие в недрах капитализма материальные производительные силы создают необходимые условия для разрешения антагонизмов, характерных для этого общества. С падением капиталистической общественно-экономической формации, указал Маркс, «завершается предыстория человеческого общества» [2].

В этом сжатом, но необычайно насыщенном изложении Маркс раскрывает существо и специфику основных законов материалистического понимания истории, его важнейших категорий. Он подчеркивает значение основного положения исторического материализма о первичности и определяющей роли общественного бытия по отношению к общественному сознанию, излагает и развивает свое учение об общественно-экономической формации, как определяющей категории исторического материализма. Раскрывая диалектику производительных сил и производственных отношений, Маркс подчеркивает, что их развитие происходит на основе действия объективных законов общественного развития, отмечает своеобразие действия этих законов в условиях капитализма, выявляет существо важнейшего закона исторического материализма — закона соответствия производственных отношений характеру производительных сил. Он показывает соотношение основных структурных элементов общественно-экономической формации, выражаемых в категориях производительных сил и производственных отношений, базиса и надстройки, форм общественного сознания, материальных и идеологических отношений, социальной революции.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 13, с. 7.

* Термин «азиатский способ производства» обязан своим происхождением и географическим оттенком тому обстоятельству, что Маркс и Энгельс исследовали в 50-х годах древние общества, базис и надстройка которых отличались от их европейских форм, на материале, главным образом, азиатских стран. Дальнейшие исследования не привели к закреплению этого термина.

[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 13, с. 8.

Положения эти получили всестороннюю разработку на последующих этапах развития экономического учения и диалектико-материалистической философии марксизма.

Учение об общественно-экономической формации

В «Капитале» Маркс пишет: «Я смотрю на развитие экономической общественной формации как на естественноисторический процесс» [1]. Задачей научного исследования общественного процесса является раскрытие действия объективных законов общества, исторических тенденций, действующих и осуществляющихся, как подчеркивает Маркс, с «железной необходимостью» [2].

Ленин охарактеризовал «Капитал» как «образец научного анализа одной — и самой сложной — общественной формации по материалистическому методу, образец всеми признанный и никем не превзойденный» [3]. Применение материалистического метода к анализу капиталистической общественной формации дало столь блестящие результаты, что исторический материализм стал «научно проверенной теорией» [4]. «Совершенно естественно,— добавлял Ленин,— что необходимость такого метода распространяется и на остальные общественные формации...» [5]

В предисловии к «Капиталу» Маркс указал, что конечной целью его труда является «открытие экономического закона движения современного общества...» [6]. Но анализ Маркса вышел далеко за пределы современного ему капитализма. Избрав объектом исследования капиталистическую общественно-экономическую формацию, Маркс через присущие ей законы и тенденции показал магистральную линию всего исторического развития человечества, дал характеристику общесоциологических законов, действующих во всех формациях, определил перспективу человеческой истории как движение к коммунизму.

Маркс показал, что в каждой общественно-экономической формации на основе общесоциологических законов общественного развития возникают и действуют характерные именно для данной формации закономерности. Так, например, рабовладельческий строй основывался на полной собственности представителей господствующих классов на непосредственных производителей — рабов, феодальный строй — на неполной собственности их на крепостных крестьян. Показав своеобразие закономерностей развития докапиталистических формаций, Маркс раскрыл общую материальную основу их специфических законов — экономические связи и отношения между людьми; он указал, что отношения личной зависимости господствовали в античном и феодальном обществах,

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 10.

[2] См. там же, с. 6.

[3] См.: *Ленин В. И.* Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? — Полн. собр. соч., т. 1, с. 140.

[4] См. там же, с. 143.

[5] Там же.

[6] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 10.

где производительный труд людей был развит в незначительном объеме и в изолированных пунктах [1]. Вторая историческая форма отношений — это экономическая зависимость одних людей от других, приобретающая вид вещной зависимости, при формальной личной независимости [2]. Эта форма характерна для отношений людей в буржуазном обществе. Наконец, третья историческая форма — это «свободная индивидуальность, основанная на универсальном развитии индивидов и на превращении их коллективной, общественной производительности в их общественное достояние» [3]. Эта форма будет присуща коммунистическому обществу.

Показав эту последовательность, Маркс подчеркнул, что формы общественных отношений сменяются закономерно, в силу исторической необходимости, образуя единый процесс прогрессивного развития человечества. В этом находит свое выражение исторический монизм развития человеческого общества и его отражения в марксистской теории общественного развития.

В основе исторического развития лежит общественный процесс производства. «Этот последний,— разъяснял Маркс,— есть одновременно и процесс производства материальных условий существования человеческой жизни, и протекающий в специфических историко-экономических отношениях производства процесс производства и воспроизводства самих производственных отношений, а тем самым, и носителей этого процесса, материальных условий их существования и взаимных их отношений, то есть определенной общественно-экономической формы последних. Ибо совокупность этих отношений, в которых носители этого производства находятся к природе и друг к другу и при которых они производят,— эта совокупность как раз и есть общество, рассматриваемое с точки зрения его экономической структуры» [4].

Первобытный человек боролся с окружающей его и враждебной ему природой за сохранение и воспроизводство своей жизни. Человек буржуазного общества также вынужден бороться за сохранение и воспроизводство своей жизни, но в иных исторических условиях, уже не против природы, а против несправедливых общественных отношений [5]. Достижение подлинной свободы в этой борьбе может произойти лишь тогда, когда «коллективный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того чтобы он господствовал над ними как слепая сила; совершают его с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей» [6].

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 46, ч. I, с. 100—101.
[2] См. там же, с. 101.
[3] См. там же.
[4] Там же, т. 25, ч. II, с. 385.
[5] См. там же, с. 387.
[6] Там же.

Маркс говорит здесь о социализме, к которому с объективной необходимостью идет общественное развитие.

Но и на этой стадии исторического прогресса общества, когда начинается подлинная история человечества, отнюдь не прекращается действие объективных законов общественного развития. И при социализме, говоря словами Маркса, приведенными выше, человеческое общество «остается царством необходимости... Истинное царство свободы... может расцвести лишь на этом царстве необходимости, как на своем базисе» [1].

Разъясняя диалектико-материалистическое понимание экономических отношений как основы общественного развития, Маркс отметил: «...экономический базис... благодаря бесконечно разнообразным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д.— может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств» [2]. Но при всем многообразии вариаций и обстоятельств основу всякого общества составляют экономические отношения людей, возникающие соответственно достигнутому уровню развития производительных сил.

Закономерности человеческой деятельности

В «Капитале» и подготовительных к нему работах Маркс большое внимание уделил раскрытию закономерностей человеческой деятельности, ведущей к революционному преобразованию действительности.

Определяя сущность человеческого труда, он пишет, что «труд... есть не зависимое от всяких общественных форм условие существования людей, вечная естественная необходимость: без него не был бы возможен обмен веществ между человеком и природой, т. е. не была бы возможна сама человеческая жизнь» [3]. В этом, по Марксу, заключается общее значение человеческого труда. Но каково соотношение производительного труда с природой? На этот вопрос Маркс отвечает: «Человек в процессе производства может действовать лишь так, как действует сама природа, т. е. может изменять лишь формы веществ. Более того. В самом этом труде формирования он постоянно опирается на содействие сил природы» [4]. Это значит, что человек не может творить из ничего или обращать объекты своих действий в ничто, он лишь меняет формы этих объектов сообразно своим потребностям. При этом действия человека не только определяются всеобщими законами развития материального мира; в своих действиях он не может обойтись без определенного уровня знания этих законов и сознательного использования их в своих целях.

Далее Маркс рассматривает деятельность людей по ее содер-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 25, ч. II, с. 387.
[2] Там же, с. 354.
[3] Там же, т. 23, с. 51.
[4] Там же, с. 51—52.

жанию. Он пишет: «Труд есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой. Веществу природы он сам противостоит как сила природы» [1]. Цель человеческой деятельности в таком взаимодействии заключается в присвоении человеком необходимых ему для жизни веществ природы. Для того чтобы осуществить такое присвоение в формах, необходимых и пригодных для его жизни, человек «приводит в движение принадлежащие его телу естественные силы: руки и ноги, голову и пальцы. Воздействуя посредством этого движения на внешнюю природу и изменяя ее, он в то же время изменяет свою собственную природу. Он развивает дремлющие в ней силы и подчиняет игру этих сил своей собственной власти» [2].

Таким образом, Маркс подчеркнул, что характер взаимодействия между человеком и внешним миром определяется движением естественных сил человека — его мускульной энергией, сознанием. Целенаправленное изменение человеком окружающей его действительности неизбежно ведет к изменению самого человека, к развитию его внутренних сил и возможностей, к физическому и духовному совершенствованию. В результате этого и возникает то качественное отличие деятельности человека от действий животных, которое Маркс показал на известном примере: «Паук совершает операции, напоминающие операции ткача, и пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей-архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове» [3].

Деятельность человека, стало быть, понимается Марксом как изменение форм веществ природы в полезном для него направлении [4]. Но как соотносится деятельность каждого отдельного индивида с деятельностью общества в целом? В старой, домарксистской философии общество изображалось обычно как совокупность индивидов, выступающих как самодовлеющие единицы, сумма которых и составляет целое. Маркс показал, что такое понимание не отражает подлинной сущности человеческого общества. На деле, отметил он, «частные работы фактически осуществляются как звенья совокупного общественного труда» [5]. А это значит, что в обществе каждый отдельный индивид является лишь элементом определенной социальной целостности.

Целое всегда есть нечто большее, чем просто сумма составляющих его элементов. Маркс иллюстрирует это положение, характеризуя производительную силу общественного труда: «...уже са-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 188.
[2] Там же, с. 188—189.
[3] Там же, с. 189.
[4] См. там же, с. 81.
[5] Там же, с. 83.

мый общественный контакт вызывает соревнование и своеобразное возбуждение жизненной энергии (animal spirits), увеличивающее индивидуальную производительность отдельных лиц, так что 12 человек в течение одного совместного рабочего дня в 144 часа произведут гораздо больше продукта, чем двенадцать изолированных рабочих, работающих по 12 часов каждый, или один рабочий в течение следующих подряд двенадцати дней труда»[1].

Природе как объекту человеческой деятельности противостоит в качестве субъекта этой деятельности не отдельный индивид, а человечество[2]. В характеристике деятельности общества, пояснил Маркс, отдельные индивиды (капиталист, земельный собственник, рабочий) являются «олицетворением экономических категорий, носителями определенных классовых отношений и интересов»[3]. Эти классовые отношения в истории общества углубили разделение общественного труда на умственный и физический, которым сопровождалось их возникновение, отдали функцию познания и истолкования эксплуататорскому классу, а функцию исполнения — угнетенному классу, доводя это разъединение до враждебной противоположности или до антагонизма[4].

Задача исследования человеческой деятельности, по Марксу, заключается в том, чтобы уяснить, как ликвидировать этот антагонизм, и что должно прийти на его место в ходе поступательного развития общества. «Общество,— пишет Маркс,— если даже оно напало на след естественного закона своего развития ...не может ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами. Но оно может сократить и смягчить муки родов»[5]. В ходе исследования нужно определить способы и характер борьбы за создание условий, при которых люди могли бы преодолеть установившееся в классовом обществе отношение к труду как к проклятию, и сделать свою деятельность свободным проявлением физических и интеллектуальных сил, приносящим наслаждение человеку[6], с тем чтобы человек стал «всесторонне развитым индивидуумом, для которого различные общественные функции суть сменяющие друг друга способы жизнедеятельности»[7].

Так Маркс определяет историческую тенденцию: движение от труда, ставшего в классово-антагонистическом обществе тягостным уделом угнетенных классов, к свободному труду как первейшей жизненной потребности каждого человека, к коммунистическому труду.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 337.
[2] См. там же, т. 46, ч. I, с. 21.
[3] См. там же, т. 23, с. 10.
[4] См. там же, с. 516.
[5] Там же, с. 10.
[6] См. там же, с. 188—189.
[7] См. там же, с. 499.

Отчуждение труда, его преодоление

Сущность этого процесса Маркс раскрыл при рассмотрении проблемы отчуждения труда. Явление это в условиях классово-антагонистического общества он первоначально рассмотрел еще в «Экономическо-философских рукописях 1844 года», показав там, что в основе отчуждения труда лежит возникновение и развитие частной собственности на орудия и средства производства; однако ряд положений этой работы имел весьма абстрактный, предварительный характер. В «Капитале» же и примыкающих к нему исследованиях Маркс продолжил начатый в 40-е годы анализ, конкретизируя и углубляя его применительно к капиталистической общественно-экономической формации. Здесь положения Маркса уже строго основаны на сложившейся философии диалектического и исторического материализма, четко сформулированы с позиций классового, пролетарского мировоззрения.

Разъясняя сущность труда и его результаты, Маркс пишет: «...в процессе труда деятельность человека при помощи средства труда вызывает заранее намеченное изменение предмета труда. Процесс угасает в продукте. Продукт процесса труда есть потребительная стоимость, вещество природы, приспособленное к человеческим потребностям посредством изменения формы. Труд соединился с предметом труда. Труд овеществлен в предмете, а предмет обработан» [1]. Таким образом, овеществление сопутствует опредмечиванию труда. «То, что на стороне рабочего проявлялось в форме деятельности (Unruhe), теперь на стороне продукта выступает в форме покоящегося свойства (ruhende Eigenschaft), в форме бытия. Рабочий прял, и продукт есть пряжа» [2].

Если в «Экономическо-философских рукописях 1844 года», а также в подготовительных работах к «Капиталу» опредмечивание и овеществление выглядит порой равнозначно, то в самом «Капитале» эти понятия различаются. Здесь Маркс показывает, что «во время процесса труда труд постоянно переходит из формы деятельности в форму бытия, из формы движения в форму предметности» [3]. Первым отношением труда к результату выступает его опредмечивание, которое Маркс понимает как всеобщее свойство человеческой деятельности, как превращение живого труда человека — его мысли, умения и действия в изменение реальных форм материальных веществ природы, над которыми человек трудится. Опредмечивание возникает вместе с человеком и будет существовать до тех пор, пока человек живет и действует. Сущность же овеществления заключается в том, что продукт человеческого труда выступает по отношению к человеку, его создавшему, как внешняя, активно воздействующая на него сила. Это свойство также

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 191—192.
[2] Там же, с. 192.
[3] Там же, с. 200.

возникает вместе с общественным производством и существует во всей истории его развития.

Однако в классово-антагонистическом обществе всеобщие явления опредмечивания и овеществления начинают осуществляться в форме отчуждения человека и его труда: произведенные человеком в процессе труда вещи приобретают свойство быть не только некоей внешней, но и чуждой ему силой. Это находит свое выражение в возникновении частной собственности, товарного производства и обмена, денег, в конечном счете — капитала как силы не только внешней, овеществленной, но и чуждой, враждебной по отношению к большинству человеческого рода — непосредственным производителям материальных благ, неимущим трудящимся, вынужденным продавать свою рабочую силу собственникам средств производства.

Таким образом, если опредмечивание труда есть свойство его превращаться в реальные формы производимых человеком предметов, если овеществление есть свойство производимых человеком вещей становиться по отношению к нему внешней, обладающей способностью обратного воздействия силой, то отчуждение есть социально-экономический результат овеществления в условиях господства частной собственности на орудия и средства производства, выражение свойства капитала присваивать себе плоды чужого труда, эксплуатировать неимущие и угнетенные классы тружеников.

Явление овеществления, существуя в классово-антагонистических общественных формациях как базис, на котором возникает отчуждение, сохраняется и при переходе к социализму. Но при этом сущность овеществления качественно меняется: продукты труда в социалистическом обществе, производимые для удовлетворения потребностей его членов, перестают быть внешней силой, *враждебной* их создателям. Явление же отчуждения как результат овеществления труда в условиях классово-антагонистических обществ с гибелью капитализма отходит в прошлое.

Поскольку капитал в ходе своего развития все более становится общественной силой, но при этом «отчужденной, обособленной общественной силой, которая противостоит обществу» [1], постольку противоречие между общественным характером производства и частным способом присвоения его результатов «становится все более вопиющим и предполагает уничтожение этого отношения» [2], то есть социалистическую революцию. В обществе, ставшем на социалистический путь развития, «вместе с превращением деятельности индивидов в непосредственно всеобщую или *общественную*, с предметных моментов производства совлекается эта форма отчуждения...» [3].

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 25, ч. I, с. 290.
[2] См. там же.
[3] Там же, т. 46, ч. II, с. 347.

Научное познание, его социальная роль

Раскрывая диалектику взаимодействия человека с окружающим миром, Маркс проанализировал соотношение материально-практических действий человека с его духовной деятельностью, показал значение научного познания для преобразования действительности. Так, характеризуя переход от феодализма к капитализму, он отметил роль великих изобретений, предваряющих буржуазное общество: «Порох взрывает на воздух рыцарство, компас открывает мировой рынок и основывает колонии, а книгопечатание становится... средством возрождения науки, самым мощным рычагом для создания необходимых предпосылок духовного развития» [1].

Маркс раскрывает роль научного знания как необходимого элемента практически-преобразовательной деятельности людей. Применительно к капиталистическому обществу, указал он, «*развитие науки,* этого идеального и вместе с тем практического богатства, является лишь одной из сторон, одной из форм, в которых выступает *развитие производительных сил человека*, т. е. развитие богатства» [2]. Характеризуя этот процесс, Маркс отметил: «Природа не строит ни машин, ни локомотивов, ни железных дорог, ни электрического телеграфа, ни сельфакторов и т. д. Все это — продукты человеческого труда, природный материал, превращенный в органы человеческой воли, властвующей над природой, или человеческой деятельности в природе. Все это — *созданные человеческой рукой органы человеческого мозга,* овеществленная сила знания» [3]. В условиях капитализма развитие основного капитала является показателем того, до какой степени всеобщее общественное знание превратилось в непосредственную производительную силу, до какой степени производительные силы общества созданы и накоплены в форме знания [4]. Развитие науки при капитализме, имея и пагубные социальные последствия, объективно в целом способствует общественному прогрессу. В этом смысле Маркс отметил, что вслед за «революцией в производительных силах, которая выступает как революция технологическая, совершается также и революция в производственных отношениях» [5].

Капиталистический способ производства впервые ставит естественные науки на службу непосредственному процессу производства, а развитие производства предоставляет средства для теоретического изучения природы. Развитие естественных наук и вообще всякого знания, имеющего отношение к процессу производства, происходит на основе капиталистического производства, которое создает для естественных наук материальные средства исследования, наблюдения, экспериментирования [6]. При этом буржуазная организация труда приводит к созданию особого социального слоя — научно-технической интеллигенции, призванной обслуживать господствующий класс своими идеями и разработкой их технологического применения на практике, в капиталистическом производстве. Научно-технический персонал предприятий получает средства к существованию не в виде заработной платы, а в виде жалованья от капиталиста, из его собственных доходов [7].

Таким образом, «с распространением капиталистического производства *научный фактор* впервые сознательно и широко развивается, применяется и вызывается к жизни в таких масштабах, о которых предшествующие эпохи не имели никакого понятия» [8]. Но при этом наука превращается в средство обогащения капиталиста, повышения уровня получаемой им прибы-

---

[1] *Маркс К.* Экономическая рукопись 1861—1863 годов.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 47, с. 418.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 46, ч. II, с. 33.

[3] Там же, с. 215.

[4] См. там же.

[5] См. там же, т. 47, с. 461.

[6] См. там же, с. 554, 556.

[7] См. там же, т. 46, ч. I, с. 375.

[8] Там же, т. 47, с. 556.

ли. Люди науки — профессора и инженеры — все больше становятся объектами эксплуатации, как и непосредственные производители материальных благ. «Имеет место,— пишет Маркс,— *эксплуатация науки*, теоретического прогресса человечества» [1]. С другой стороны, происходит «*отделение науки*, как *науки, примененной* к производству, от *непосредственного труда*» [2]; наука становится в руках капиталистов средством для все более изощренной эксплуатации основной массы рабочих, она сама начинает все более выступать «как *чуждая, враждебная* по отношению к труду и *господствующая* над ним *сила*» [3].

Однако при всех отрицательных сторонах научно-технического прогресса при капитализме именно он создает условия, при которых «могут быть поставлены на службу производства колоссальные силы природы и процесс производства может быть превращен в технологическое приложение науки» [4],— отметил Маркс. Социальные последствия научно-технического прогресса при капитализме еще более значительны. Техническое применение науки способствует обострению капиталистической конкуренции, что усиливает стихийный характер развития капиталистического производства, ускоряет назревание экономических кризисов, несущих трудящимся безработицу и связанные с ней бедствия. Растущее обособление науки от производительного труда еще более обостряет социальные антагонизмы. В пролетариате зреет сознание вопиющей несправедливости капиталистического строя, поднимающее его на революционную борьбу.

9. «КЛАССОВАЯ БОРЬБА, ПРАКТИЧЕСКАЯ И ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИНИМАЕТ ВСЕ БОЛЕЕ ЯРКО ВЫРАЖЕННЫЕ И УГРОЖАЮЩИЕ ФОРМЫ»

В «Капитале», наряду с вопросами политической экономии и философии, концентрированно изложены и развиты теоретические проблемы научного коммунизма. Среди них — определение исторического места капитализма как формации, непосредственно предшествующей социализму; анализ проблемы классов и классовой борьбы при капитализме, путей и перспектив социалистической революции и всего процесса перехода общества от капитализма к социализму; комплекс идей о коммунистическом обществе, его основных чертах и закономерностях развития, о коренном изменении характера производства и труда при коммунизме, о путях формирования человека коммунистического общества.

Место капитализма в истории

Анализируя капитализм, Маркс показал, что его возникновение и развитие явилось закономерной ступенью в истории человеческого общества. Капитал, отметил Маркс, «имеет историческое значение и ...историческое право на существование» [5]. Но существование капиталистического строя столь же закономерно порождает внутренние противоречия, делающие его лишь ступенью в движении общества к новому общественному строю — коммунизму.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 47, с. 554.
[2] См. там же.
[3] См. там же, с. 555.
[4] См. там же, т. 23, с. 638.
[5] См. там же, с. 605.

Буржуазный строй, пишет Маркс, «безудержно понуждает человечество к производству ради производства, следовательно к развитию общественных производительных сил и к созданию тех материальных условий производства, которые одни только могут стать реальным базисом более высокой общественной формы, основным принципом которой является полное и свободное развитие каждого индивидуума» [1]. Поэтому развитие капиталистических отношений сопровождается созданием сил и тенденций, которые приближают его гибель. Маркс показал это на материале промышленного, сельскохозяйственного, научно-технического и духовного развития Англии, Франции, Германии и других капиталистических стран Европы, раскрывая процесс поляризации общественных сил на основе сосредоточения богатства в руках господствующих классов, а с другой стороны — обнищания трудящихся масс.

Историческая тенденция капиталистического накопления приводит к тому, что экспроприации подлежит уже сама капиталистическая частная собственность, капиталист, эксплуатирующий чужой труд. Маркс подчеркивает, что необходимость такой экспроприации назревает в силу имманентных законов самого капиталистического производства [2]. Вначале процесс идет в виде централизации капитала, когда более сильные, изворотливые предприниматели разоряют и выбрасывают из своей среды более слабых и менее приспособленных.

Но рядом и одновременно с этим процессом интенсивно происходит обобществление и концентрация человеческого труда. Это выражается в кооперировании различных работ в едином производственном процессе, которое происходит в постоянно растущих размерах, во все усиливающемся проникновении науки в производство, в превращении орудий и средств труда в такие, которые допускают лишь коллективное употребление, во втягивании народов в единый мировой рынок и все большей транснационализации капитализма. Возрастание всесилия капитала сопровождается ростом эксплуатации и угнетения, нищеты и бесправия трудящихся. «...Вместе с тем растет и возмущение рабочего класса, который постоянно увеличивается по своей численности, который обучается, объединяется и организуется механизмом самого процесса капиталистического производства» [3].

Все это свидетельствует о том, что частная собственность превращается в оковы капиталистического способа производства. Обобществление труда становится несовместимым с капиталистическими производственными отношениями; частной собственности приходит конец. Это — диалектическое отрицание в истории общества: сперва произошло отрицание собственности, основанной на личном труде, капитализмом; теперь предстоит отрицание капита-

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 605.
[2] См. там же, с. 772.
[3] Там же.

листической собственности социалистической революцией, «превращение капиталистической частной собственности, фактически уже основывающейся на общественном процессе производства, в общественную собственность» [1].

Этот вывод указывает на историческую необходимость и закономерность уничтожения капитализма и замены его коммунизмом путем социалистической революции.

Учение о классах и классовой борьбе

В «Капитале» и подготовительных к нему работах Маркса, а также в произведениях Энгельса этого периода получило дальнейшее развитие учение о классах капиталистического общества, классовой борьбе пролетариата против буржуазии. Проблемы этого учения разработаны и обоснованы на обширном конкретном материале из истории капитализма.

Маркс пишет: «Промышленный капитал обусловливает капиталистический характер производства; существование промышленного капитала включает в себя наличие классовой противоположности между капиталистами и наемными рабочими» [2]. Эта противоположность необходимо порождает борьбу между капиталистами и рабочими — классовую борьбу, являющуюся в условиях буржуазного общества главной движущей силой общественного развития. С момента завоевания буржуазией политической власти, отметил Маркс, «классовая борьба, практическая и теоретическая, принимает все более ярко выраженные и угрожающие формы» [3]. Эта борьба идет во всех областях общественной жизни: экономике, политике, идеологии. Буржуазия заинтересована в том, чтобы упрочить свое господство, «возвести существующее положение в закон...» [4]. Пролетариат же, все глубже осознавая свое положение, все более решительно стремится сбросить с себя оковы капиталистической эксплуатации, экономического гнета и политического бесправия. Антагонизм между капиталистами и рабочими усугубляется бесчеловечной, антигуманистической практикой буржуазии, которая, в угоду своим корыстным интересам, не останавливается ни перед какими нарушениями прав человека, преступлениями против человечности. Главное, что интересует капиталиста, это нажива. И ему нет дела до страданий и мук тех, кто обеспечивает ему получение этой наживы. Маркс саркастически замечает: «Après moi le déluge! * — вот лозунг всякого капиталиста и всякой капиталистической нации. Поэтому капитал беспощаден по отношению к здоровью и жизни рабочего всюду, где общество не принуждает его к другому отношению» [5].

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 773.

[2] Там же, т. 24, с. 65.

[3] Там же, т. 23, с. 17.

[4] См. там же, т. 25, ч. II, с. 356.

* После меня хоть потоп! — слова, приписываемые французскому королю Людовику XV.

[5] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 279.

В идеологической сфере капитал стремится духовно подчинить себе рабочих, сделать их покорными исполнителями своей воли. Он отвергает любые попытки контролировать его действия или ставить их под регулирующее воздействие. Маркс отметил, что «буржуазное сознание с одинаковой горячностью попосит всякий сознательный общественный контроль и регулирование общественного процесса производства как покушение па неприкосновенные права собственности, свободы и самоопределяющегося «гения» индивидуального капиталиста» [1]. С этой целью капитал ставит себе на службу все формы общественного сознания — религию, философию, политическую и правовую мысль, мораль, литературу и искусство. С помощью находящейся у него в услужении той части интеллигенции, которую он содержит за счет небольшой доли своих прибылей, капитал стремится держать рабочих не только в экономическом и политическом, но и в духовном рабстве, вселяя и поддерживая в сознании трудящихся масс мысль о «вечности» и «незыблемости» капиталистических порядков.

Гнет капитала уже в самом начале его политического господства встречает противодействие рабочих, которые, начав со стихийно возникающего негодования и ненависти к существующему строю, приходят затем к восприятию идей об исторической закономерности пролетарской революции и необходимости создания единственно справедливого социального строя — коммунизма.

В «Капитале» Маркс дал экономическое и дальнейшее философско-социологическое обоснование исторической роли революционного насилия, пролетарской, социалистической революции. «Насилие,— пишет он,— является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым. Само насилие есть экономическая потенция» [2].

Идею исторической неизбежности победы коммунизма Маркс также обосновал экономически: «...современные условия производства выступают как *устраняющие самих себя,* а потому — как такие условия производства, которые полагают *исторические предпосылки* для нового общественного строя» [3].

Принципы коммунизма

В «Капитале» и подготовительных к нему работах получили экономическое обоснование основные принципы будущего, коммунистического общества.

Конкретизируя и углубляя общую характеристику коммунистического общества, данную в «Манифесте Коммунистической партии» и других произведениях, Маркс указал, что коммунизм отличается от капитализма тем, что если при капитализме «рабочий существует для потребностей увеличения уже имеющихся стоимостей» [4], то при коммунизме, наоборот, материальное богатство дол-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 369.
[2] Там же, с. 761.
[3] Там же, т. 46, ч. I, с. 449.
[4] Там же, т. 23, с. 635.

жно существовать для потребностей развития рабочего[1]. При капитализме общественный разум не в состоянии предвосхитить течение социальных процессов, в которых проявляется анархичность капиталистического производства. В коммунистическом же обществе будет действовать научный подход к определению путей и перспектив общественного прогресса. «Дело сводится просто к тому, что общество наперед должно рассчитать, сколько труда, средств производства и жизненных средств оно может без всякого ущерба тратить на такие отрасли производства, которые, как, например, постройка железных дорог, сравнительно длительное время, год или более, не доставляют ни средств производства, ни жизненных средств и вообще в течение этого времени не дают какого-либо полезного эффекта...»[2] Точно так же расширение или сокращение той или иной отрасли производства в условиях нового строя сознательно определяется обществом из соотнесения производства с общественными потребностями, ибо здесь восстановлена непосредственная связь между производством и потреблением.

Маркс характеризует общественно-экономическую формацию, которая закономерно приходит на смену капитализму и, упраздняя нетрудовые классы, ставит в центр общества самих трудящихся. Основные черты нового общества — это общественная собственность на орудия и средства производства, бесклассовая структура общества, неуклонное и всестороннее развитие производительных сил, научно обоснованный, планомерный характер функционирования и развития общества, свободный коллективный труд, являющийся естественной потребностью всех членов общества. Люди будущего, указал Маркс,— это «универсально развитые индивиды, общественные отношения которых, будучи их собственными коллективными отношениями, также и подчинены их собственному коллективному контролю...»[3]. Их развитие характеризуется подлинной свободой, основанной на знании объективных законов развития природы и общества и умении использовать эти законы наиболее целесообразно для общества. Людей будущего общества отличают, прежде всего, потребность в труде, труд со знанием дела, свобода, основанная на знании, сознательной дисциплине и высоком чувстве ответственности каждого перед обществом.

В «Капитале» и подготовительных к нему работах идеи научного коммунизма тесно, органически переплетены с положениями экономического учения: прогнозирование общественных отношений будущего опирается на экономический анализ, а положения политической экономии неизменно сопровождаются социально-политическими выводами.

Так Маркс показал, что в будущем, коммунистическом обществе коренным образом изменится характер труда в сфере материально-

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 635.
[2] Там же, т. 24, с. 354.
[3] См. там же, т. 46, ч. I, с. 105.

го производства. Эта сфера представляет собой необходимый базис («царство необходимости») всестороннего развития человека, которое и является истинной целью общества и общественного производства. «Царство свободы,— пишет Маркс,— начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства» [1].

Из труда «по внешнему принуждению» он становится трудом добровольным, привлекательным, но, подчеркивает Маркс, это «ни в коем случае не означает, что этот труд будет всего лишь забавой, всего лишь развлечением, как это весьма наивно... понимает Фурье. Действительно свободный труд, например труд композитора, вместе с тем представляет собой дьявольски серьезное дело, интенсивнейшее напряжение» [2]. Маркс указывает на сокращение рабочего дня как на «основное условие» расширения «царства свободы». При этом он делает важный вывод о сохранении при коммунизме прибавочного труда как «труда сверх меры данных потребностей», необходимого для создания страхового фонда и обеспечения расширенного воспроизводства [3].

Характеризуя производственные отношения коммунизма, Маркс подчеркивает присущий ему «заранее данный коллективный характер труда» [4]; эта «коллективность» составляет основу производства, ввиду чего участник процесса труда не должен обменивать произведенный им продукт: «его продукт *не есть меновая стоимость*» [5]. В условиях «пропорционального производства» «вопрос о деньгах становится совершенно второстепенным, и в частности совершенно второстепенным становится вопрос о том, будут ли выпускаться знаки зеленого или синего цвета, жестяные или бумажные, или в какой еще иной форме люди будут вести общественную бухгалтерию» [6].

Следовательно, по мысли Маркса, в условиях развитого коммунистического общества место товарно-денежных отношений занимает общественная бухгалтерия. В результате своего труда индивид приобрел не какой-то конкретный продукт, а «определенное участие в коллективной продукции» [7]. «Вместо того разделения труда,— заключает Маркс,— которое неизбежно порождается при обмене меновыми стоимостями, здесь существовала бы такая организация труда, которая имела бы своим следствием участие отдельного лица в коллективном потреблении» [8].

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 25, ч. II, с. 386—387.
[2] Там же, т. 46, ч. II, с. 110.
[3] См. там же, т. 25, ч. II, с. 385—386.
[4] См. там же, т. 46, ч. I, с. 115.
[5] Там же, с. 116.
[6] Там же, с. 96.
[7] См. там же, с. 116.
[8] Там же.

В ходе дальнейшей работы над «Капиталом» Маркс высказал важное предположение: «Производители могут, пожалуй, получать бумажные удостоверения, по которым они извлекают из общественных запасов предметов потребления то количество продуктов, которое соответствует времени их труда. Эти удостоверения не деньги. Они не совершают обращения» [1].

Путем различения вещественного содержания и социальной формы Маркс подходит и к таким важнейшим категориям, как стоимость и заработная плата, когда определяет их место в экономике будущего общества. Определяющее значение вещественного содержания стоимости при коммунизме заключается в «регулировании рабочего времени и распределении общественного труда между различными группами производства», в «охватывающей все это бухгалтерии» [2]. Вещественное содержание заработной платы в новом обществе Маркс выводит из оптимального соотношения между достигнутым на данной ступени экономического развития уровнем производительности труда рабочего и необходимостью возможно полного развития его индивидуальности, обеспечения непрерывного процесса расширенного воспроизводства, образования страхового и резервного фонда, содержания нетрудоспособных членов общества [3]. Перестав быть иррациональной формой стоимости и цены рабочей силы, заработная плата теперь становится средством удовлетворения потребностей рабочего, развития его индивидуальности. Маркс заключает: «...если снять с заработной платы, как и с прибавочной стоимости, с необходимого труда, как и с прибавочного, специфически капиталистический характер, то останутся уже не эти формы, но лишь их основы, общие всем общественным способам производства» [4].

«Мерой богатства будет свободное время»

Если закономерностью капиталистического способа производства является всемерное уменьшение необходимого труда, превращение потенциального свободного времени, которое при этом высвобождается, в прибавочное время, прибавочный труд, а прибавочного продукта — в прибавочную стоимость, то коммунизм, как показывает Маркс, не только уничтожает антагонизм отношения между необходимым и прибавочным трудом, но делает так, «чтобы прибавочный продукт сам выступал в качестве необходимого продукта и, наконец, чтобы материальное производство оставляло каждому человеку избыточное время для другой деятельности» [5].

Присвоение трудящимися продукта своего прибавочного труда означает освобождение свободного времени от его антагонистической социальной формы: «тогда, с одной стороны, мерой необходимого рабочего времени станут потребности общественного индивида, а с другой стороны, развитие общественной производительной силы будет происходить столь быстро, что хотя производство будет рассчитано на богатство всех, *свободное время* всех возрастет.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 24, с. 402.

[2] См. там же, т. 25, ч. II, с. 421.

[3] См. там же, с. 448.— Эти положения были впоследствии конкретизированы Марксом в «Критике Готской программы».

[4] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 25, ч. II, с. 448.

[5] См. там же, т. 46, ч. II, с. 111.

Ибо действительным богатством является развитая производительная сила всех индивидов. Тогда мерой богатства будет... отнюдь уже не рабочее время, а свободное время» [1]. Таким образом, по мысли Маркса, свободное время выступает как объективная цель коммунистического способа производства, результатом функционирования которого является «свободная индивидуальность, основанная на универсальном развитии индивидов и на превращении их коллективной, общественной производительности в их общественное достояние» [2].

Эти идеи и соображения Маркс излагал и развивал, подходя к вопросу с разных сторон. «...Настоящее богатство,— писал он,— такое время, которое не поглощается непосредственно производительным трудом, а остается свободным для удовольствий, для досуга, в результате чего откроется простор для свободной деятельности и развития. Время — это *простор* для развития способностей и т. п.» Рабочее время, даже при коммунизме, когда будет устранена меновая стоимость, всегда останется созидающей субстанцией общественного богатства и мерой издержек, требующихся для его производства. «Но свободное время,— подчеркнул Маркс,— *время, которым можно располагать,* есть само богатство...» [3]

На смену закону стоимости как регулятору капиталистической экономики приходит при коммунизме закон экономии времени. Маркс отмечал, что определение времени сохраняет в условиях коммунизма «существенное значение», что «как для отдельного индивида, так и для общества всесторонность его развития, его потребления и его деятельности зависит от сбережения времени», что «экономия времени, равно как и планомерное распределение рабочего времени по различным отраслям производства, остается первым экономическим законом на основе коллективного производства. Это становится законом даже в гораздо более высокой степени. Однако это существенно... отличается от измерения меновых стоимостей... рабочим временем» [4].

Закон экономии времени выступает в качестве регулятора коммунистического производства. Стоимостные отношения искажают, тормозят действие этого закона при капитализме, так как регулирование общественного производства происходит здесь не путем планомерного контроля общества над своим рабочим временем, а за спиной производителей, стихийно, через посредство отклоняющихся от стоимостей рыночных цен. Развитое коммунистическое общество, напротив, получает максимальный эффект от действия закона экономии времени.

Изменение характера труда в коммунистическом обществе в первую очередь и проистекает из того, что развитие индивида, про-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 46, ч. II, с. 217.
[2] См. там же, ч. I, с. 101.
[3] Там же, т. 26, ч. III, с. 264, 265.
[4] Там же, т. 46, ч. I, с. 116—117.

исходящее в результате «сбережения» рабочего времени, повышения его продуктивности за счет применения машин и роста производительности труда, и увеличения свободного времени, «в свою очередь, как величайшая производительная сила обратно воздействует на производительную силу труда» [1]. При этом Маркс указал на качественное изменение при коммунизме рабочего времени. Ввиду того что с уничтожением социальных антагонизмов «оно будет ограничено нормальной мерой», «будет затрачиваться уже не для другого, а для меня самого», рабочее время, как время действительно социального труда и как базис для свободного времени, получит «совершенно другой, более свободный характер». «...*Рабочее время* такого человека, который вместе с тем есть человек, располагающий свободным временем, должно будет обладать гораздо более высоким качеством» [2], чем рабочее время пролетария, задавленного капиталистической эксплуатацией.

Таким образом, свободное и рабочее время при коммунизме гармонично взаимодействуют между собой; коммунизм, подчеркнул Маркс, означает «отнюдь не *отказ от потребления*», «а развитие производительной силы, развитие способностей к производству и поэтому развитие как способностей к потреблению, так и средств потребления» [3].

Прогнозируя коммунистические отношения, Маркс указал, что при общественной собственности на средства производства и вытекающем отсюда непосредственно общественном и планомерном характере труда часть общественного продукта используется в качестве средств производства, другая — распределяется в виде жизненных средств для личного потребления. «Способ этого распределения,— пишет Маркс,— будет изменяться соответственно характеру самого общественно-производственного организма и ступени исторического развития производителей» [4]. В качестве одной из таких ступеней — «для того, чтобы провести параллель с товарным производством» — Маркс рассматривает способ распределения по труду, когда «доля каждого производителя в жизненных средствах определяется его рабочим временем», и констатирует двоякую роль рабочего времени в этих условиях: 1) «его общественно-планомерное распределение устанавливает надлежащее отношение между различными трудовыми функциями и различными потребностями»; 2) вместе с тем оно служит «мерой индивидуального участия производителей в совокупном труде, а следовательно, и в индивидуально потребляемой части всего продукта». И далее следует вывод: «Общественные отношения людей к их труду и продуктам их труда остаются здесь прозрачно ясными как

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 46, ч. II, с. 221.
[2] Там же, т. 26, ч. III, с. 266.
[3] См. там же, т. 46, ч. II, с. 221.
[4] Там же, т. 23, с. 89.

в производстве, так и в распределении»[1]. Маркс подчеркивает, что эта «прозрачная ясность» общественных отношений имеет свою материальную основу, которая представляет собой «естественно выросший продукт долгого и мучительного процесса развития»[2].

Таким образом, коммунистическое общество рассматривается Марксом как общество развивающееся; этапы его развития отличаются прежде всего характером общественно-производственного организма, уровнем исторического развития производителей и уже в результате этого — способом распределения предметов личного потребления. В частности, Маркс впервые выделяет здесь способ распределения по труду как этап развития будущего общества.

Свою концепцию двух фаз развития коммунистического общества Маркс подробно разработал впоследствии (в 1875 г.) в «Критике Готской программы». И там он обращал внимание на то, что и на первой фазе коммунизма индивидуальный труд непосредственно существует как составная часть совокупного труда. И там в распределении по труду он усматривал лишь параллель с принципом, регулирующим обмен товаров, но подчеркивал, что это не товарный обмен[3]. «...Способ распределения,— писал Энгельс,— существенным образом зависит от того, *какое количество* продуктов подлежит распределению, и... это количество, конечно, меняется в зависимости от прогресса производства и организации общества, а следовательно, должен меняться и способ распределения... Если рассуждать здраво, то можно все-таки: 1) попытаться отыскать способ распределения, с которого будет *начато,* и 2) постараться найти *общую тенденцию* дальнейшего развития»[4]. Именно это Маркс и сделал в I томе «Капитала», а затем в «Критике Готской программы». Он указал на способ распределения по труду как на первый этап в развитии способа распределения при коммунизме. Он указал и на тенденцию развития этого способа к распределению по потребностям и на условия такого развития.

Проблема человека

В этой связи Маркс анализирует проблему человека, разрабатывая ее как в общетеоретическом плане, так и применительно к коммунистическому обществу.

В обществе, отметил Маркс, «в мире людей, как и в мире животных и растений, интересы рода всегда пробивают себе путь за счет интересов индивидов, и это происходит потому, что интерес рода совпадает с *интересом особых индивидов,* в чем и состоит сила этих последних, их преимущество»[5]. Для капитализма такие «особые индивиды» есть не что иное, как класс буржуазии. Именно интересы этого класса изображаются его идеологами как интересы всего общества, именно этим интересам приносятся в жертву насущные нужды громадного большинства людей капиталистического общества — неимущих трудящихся масс. Поэтому при капитализме (равно как и в предшествующих классово-антагонистических формациях) «развитие способностей рода

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 89.
[2] См. там же, с. 90.
[3] См. там же, т. 19, с. 18—19.
[4] Энгельс — Конраду Шмидту, 5 августа 1890 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 370—371.
[5] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 26, ч. II, с. 123.

«человек» ...совершается за счет большинства человеческих индивидов и даже целых человеческих классов...» [1].

Но объективный ход истории взорвет классово-антагонистические отношения. На смену частной собственности и эксплуатации придут общественная собственность и свободный труд. В этих новых условиях антагонизм человека и общества разрушится, и развитие рода «человек» «совпадет с развитием каждого отдельного индивида» [2].

Таким образом, проблему человека Маркс понимает и анализирует как проблему освобождения и свободного творческого развития в обществе трудящейся личности, как вопрос о тех, кто составляет подавляющее большинство общества на любом этапе его истории. Именно этому большинству и принадлежит коммунистическое будущее.

Подход Маркса к проблеме человека чужд абстрактности. Это — конкретная постановка вопроса о субъекте взаимодействия общества и природы, о творце и созидателе условий собственного существования и развития, человеке-труженике. Такой человек, пишет Маркс, «сам является основой своего материального, как и всякого иного осуществляемого им производства. Поэтому все те обстоятельства, которые воздействуют на человека, этого *субъекта* производства, модифицируют в большей или меньшей степени все его функции и виды деятельности...» [3]. Но между материальным производством и всеми человеческими отношениями и функциями существует непосредственная взаимосвязь, и эти человеческие отношения и функции не только влияют на производство, но и «более или менее определяющим образом воздействуют на него» [4].

Так Маркс раскрывает и обосновывает творческую, созидательную роль человека в окружающем его мире. Это творчество, созидание как функция и качественная определенность человека получит свое наиболее полное и плодотворное развитие в коммунистическом обществе — обществе, победа которого, по словам Маркса, ознаменует собой начало подлинной истории человечества.

* * *

Экономическое учение Маркса на всех этапах его разработки создавалось во взаимной связи и взаимообусловленности с другими составными частями марксизма — философией диалектического и исторического материализма и теорией научного коммунизма. Внутреннее единство всех частей учения Маркса и Энгельса свидетельствует о неразрывной целостности марксистской теории;

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 26, ч. II, с. 123.
[2] См. там же.
[3] Там же, ч. I, с. 283.
[4] См. там же.

оно вытекает из единой задачи, которая ставилась в ходе ее разработки: превращение социализма из утопии в науку, его научное обоснование. Такое обоснование стало возможным в результате двух великих открытий Маркса: разработки совместно с Энгельсом диалектико-материалистического понимания истории и создания теории прибавочной стоимости. «Благодаря этим открытиям,— писал Энгельс,— социализм стал наукой» [1].

Экономическое учение марксизма, пронизанное материалистической диалектикой и разработанное на основе теории познания диалектического материализма, в свою очередь повлияло на развитие марксистской философии, в частности исторического материализма. Это имел в виду Ленин, когда писал: «Теперь — со времени появления «Капитала» — материалистическое понимание истории уже не гипотеза, а научно доказанное положение...» [2]

10. «ВЫВОДЫ «КАПИТАЛА» СТАНОВЯТСЯ ОСНОВНЫМИ ПРИНЦИПАМИ ВЕЛИКОГО ДВИЖЕНИЯ РАБОЧЕГО КЛАССА»

Рецензии Энгельса на I том «Капитала»

Выход в свет I тома «Капитала» был, безусловно, событием, которое невозможно было не заметить, особенно в Германии, где экономическая наука продолжала прозябать; труды немецких экономистов можно было пересчитать по пальцам, теоретический их уровень был крайне низок. В предисловии ко второму изданию «Капитала» Маркс писал о Германии: «...едва здесь возникли условия, при которых буржуазная политическая экономия как наука казалась возможной, как она уже снова сделалась невозможной» [3]. Тем не менее в течение первых месяцев после выхода «Капитала» газеты и журналы делали вид, что они не заметили в области политической экономии новой книги, переворачивавшей ее прежние представления.

У Маркса и Энгельса были все основания предвидеть «заговор молчания» вокруг «Капитала», как это уже бывало по отношению к их предыдущим произведениям. Поэтому они считали принципиально важным привлечь к «Капиталу» общественное внимание. Для этого использовались различные средства. Еще в апреле 1867 года издатель О. Мейснер опубликовал в газетах объявление о предстоящем выходе книги [4]. Будучи в Германии, в Ганновере, для работы над корректурой книги, Маркс разослал множество писем, информировав своих друзей о завершении им важного этапа в разработке пролетарской экономической теории.

---

[1] *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 27.

[2] *Ленин В. И.* Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? — Полн. собр. соч., т. 1, с. 139—140.

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 18.

[4] См.: Маркс — Женни Маркс (дочери), 5 мая 1867 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 31, с. 457.

После выхода книги ее экземпляры рассылались товарищам и знакомым, а также некоторым видным ученым. Мейснер сообщал Марксу, что за два месяца после выхода книги он поместил в прессе около 50 объявлений о «Капитале»; по его же инициативе публиковались выдержки из предисловия. Большое значение имела публикация объявлений о выходе и выдержек из предисловия к книге в рабочей прессе, органах секций Интернационала; выдержки из предисловия Маркс посылал в США для публикации в рабочих газетах.

Но этого было недостаточно. «Доблестные вульгарные экономисты все же достаточно умны, чтобы остерегаться этой книги,— писал Энгельс Л. Кугельману в ноябре 1867 года,— и ни за что не заговорят о ней, если их к этому не принудить. И мы должны *заставить* их заговорить» [1].

Маркс и Энгельс совместно выработали своеобразный план действий для привлечения внимания к «Капиталу», который Ленин охарактеризовал как «план Энгельса (Marx za) напасть на *«Капитал»* с *буржуазной* точки зрения» [2]. Энгельс подготовил несколько рецензий для буржуазной прессы, написанных как бы с позиций беспристрастных ученых. При этом он ставил перед собой тактическую цель: «Главное заключается не в том, *что* и *как* писать, а в том, чтобы о книге *заговорили* и чтобы Фаухеры, Михаэлисы, Роше́ры и Рау были *вынуждены* высказаться о ней» [3]. Первая рецензия Энгельса была опубликована 30 октября 1867 года; всего известно 9 написанных им рецензий (одна из них предназначалась для рабочей газеты), но напечатаны они были не все. Рецензии удалось опубликовать в немецких газетах: буржуазно-демократических «Zukunft» и «Neue Badische Landeszeitung», либеральных «Elberfelder Zeitung» и «Düsseldorfer Zeitung», в органах торгово-промышленных кругов. Подход к предмету был у Энгельса различен: для южногерманских демократов он подчеркивал, что автор книги — противник Пруссии, для биржевых газет приводил примеры глубокого знания им финансовых вопросов.

В рецензиях Энгельс отмечал, что немцы в области политической экономии сделали весьма мало, и тем заметнее на этом фоне фигура Маркса, работы которого выделяются «строго научным характером и беспощадностью критики» [4]. Несмотря на то, что рецензии писались со специальной целью и для буржуазных газет, Энгельс все-таки сумел использовать столь ограниченные возможности для пропаганды идей «Капитала».

В рецензиях внимание в первую очередь обращалось на ха-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 31, с. 475.

[2] *Ленин В. И.* Конспект переписки К. Маркса и Ф. Энгельса 1844—1883 гг. М., 1968, с. 416.

[3] Маркс — Людвигу Кугельману, 12 октября 1867 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 31, с. 471.

[4] См.: *Энгельс Ф.* Рецензия на первый том «Капитала» К. Маркса для газеты «Zukunft».— Там же, т. 16, с. 212.

рактеристику Марксова метода политико-экономического исследования. Прежде всего Энгельс подчеркнул «исторический подход, который пронизывает всю книгу и который позволяет автору видеть в экономических законах не вечные истины, а лишь формулировку условий существования известных преходящих состояний общества» [1]. В другой газете он писал: «...положения политической экономии автор рассматривает не как вечные истины ...а как результаты определенного исторического развития. В то время как даже естествознание все больше и больше превращается в историческую науку ...политическая экономия была до сих пор столь же абстрактной, общей наукой, как математика... Мы считаем непреходящей заслугой Маркса то, что он положил конец этому ограниченному представлению. С выходом в свет этого сочинения уже нельзя будет, например, не делать никакого экономического различия между рабским трудом, крепостным трудом и свободным наемным трудом; нельзя будет законы, действительные для современной крупной промышленности, которая характеризуется свободной конкуренцией, без дальнейших околичностей переносить на отношения древности или на средневековые цехи или, если эти современные законы не подходят к прежним отношениям, просто объявлять эти последние еретическими» [2].

Энгельс отметил, что в «Капитале» дан анализ «основных черт новой истории промышленности» [3]. Он особо подчеркивал фактическую основу «Капитала», писал, что Маркс «нигде не подгоняет факты под свою теорию, а, наоборот, стремится изложить свою теорию как результат фактов», черпает их «из лучших источников... из источников подлинных» [4], что в «Капитале» использована масса «ценнейшего исторического и статистического материала» [5].

Энгельс указал на два исторических факта, послуживших в «Капитале» отправной точкой для теоретических построений: во-первых, «факт, что деньги, функционируя как капитал, притекают обратно к своему исходному пункту, между тем как этого не бывает с деньгами, функционирующими только как средство обращения» [6]; другой факт — появление на рынке труда свободного наемного рабочего. Первый из этих фактов послужил Марксу ис-

---

[1] См.: *Энгельс Ф.* Рецензия на первый том «Капитала» К. Маркса для газеты «Zukunft».— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 212.

[2] *Энгельс Ф.* Рецензия на первый том «Капитала» К. Маркса для «Düsseldorfer Zeitung».— Там же, с. 222—223.

[3] См.: *Энгельс Ф.* Рецензия на первый том «Капитала» К. Маркса для «Gewerbeblatt aus Württemberg».— Там же, с. 234, 235.— В этой же связи в «Философских тетрадях» Ленин обращал внимание на то, что в «Капитале» содержится «история капитализма и анализ *понятий*, резюмирующих ее» (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 301).

[4] См.: *Энгельс Ф.* Рецензия на первый том «Капитала» К. Маркса для «Gewerbeblatt aus Württemberg».— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 234.

[5] См.: *Энгельс Ф.* Рецензия на первый том «Капитала» К. Маркса для «Neue Badische Landeszeitung».— Там же, с. 237.

[6] См.: *Энгельс Ф.* Рецензия на первый том «Капитала» К. Маркса для журнала «The Fortnightly Review».— Там же, с. 299.

ходным пунктом для исследования превращения денег в капитал, второй — для исследования отношений между трудом и капиталом, процесса купли и продажи рабочей силы. «Капитал» явился первым исследованием, отметил Энгельс, где «полно и ясно изображаются фактические отношения, существующие между капиталом и трудом в той классической форме, которую они приобрели в Англии» [1].

Особо выделил Энгельс важнейшие теоретические достижения «Капитала»: «введение новой категории — *прибавочной стоимости*» и установление того, что «в качестве товара на рынке выступает не *труд*, а рабочая *сила*» [2].

Характеризуя «Капитал», Энгельс отметил «диалектическое построение исследования в целом», выражающееся, в частности, в том, что «в понятии товара уже представлены деньги в качестве существующих в себе», а также в том, «как показано превращение денег в капитал» [3]. Метод Маркса представляет собой «совершенно новый, материалистический, естественноисторический метод», применением которого является «изложение проблемы денег, а также выполненное с большим знанием дела подробное исследование того, как различные последовательные формы промышленного производства ...естественно развиваются одна из другой». Маркс «в области общественных отношений стремится установить в качестве закона лишь тот же самый постепенный процесс преобразования, который Дарвин установил в области естественной истории. Такое постепенное изменение,— заметил Энгельс,— и на самом деле происходило до сих пор в общественных науках, начиная с глубокой древности, на протяжении средних веков вплоть до наших дней...» [4].

Энгельс подчеркнул глубокий методологический смысл того, что Маркс в «Капитале» «ставит себе конечной целью «раскрыть *экономический закон движения* современного общества»» [5]. В результате решения этой задачи Маркс пришел к выводу о необходимости социальной революции, требование которой, по словам Энгельса, в «Капитале» «выставлено достаточно ясно» [6]. Он отметил, что Маркс своей критикой «всей существовавшей до сих пор политической экономии» хотел «подвести под социалистические стремления... научный базис»; «социал-демократические семена во многих местах дали всходы среди молодого поколения и рабо-

---

[1] См.: *Энгельс Ф.* Карл Маркс.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 381.

[2] См.: *Энгельс Ф.* Рецензия на первый том «Капитала» К. Маркса для газеты «Zukunft».— Там же, с. 212.

[3] См. там же.

[4] *Энгельс Ф.* Рецензия на первый том «Капитала» К. Маркса для газеты «Beobachter».— Там же, с. 231—232.

[5] См.: *Энгельс Ф.* Рецензия на первый том «Капитала» К. Маркса для «Rheinische Zeitung».— Там же, с. 215.

[6] См.: *Энгельс Ф.* Рецензия на первый том «Капитала» К. Маркса для «Düsseldorfer Zeitung».— Там же, с. 221.

чего населения; в рассматриваемой книге они найдут достаточно большое количество новой пищи» [1].

Таким образом, рецензии Энгельса содержали важные методологические указания для усвоения содержания I тома «Капитала».

«Заговор молчания» сорван

В размещении рецензий Энгельса и других материалов, связанных с пропагандой «Капитала» в прессе, в переговорах с редакциями газет участвовали сторонники Маркса и Энгельса в Германии: Л. Кугельман, К. Зибель, В. Эйххоф, В. Либкнехт. До июля 1868 года по инициативе Энгельса и его друзей было опубликовано в немецких газетах и журналах по меньшей мере 15 рецензий.

Все эти усилия достигли цели: «заговор молчания» вокруг «Капитала» был сорван. Уже в первой половине 1868 года появились три рецензии. Первым со специальной рецензией на «Капитал» выступил Е. Дюринг, приват-доцент Берлинского университета, впоследствии ярый противник марксизма. Маркс с интересом ознакомился с его рецензией, отметив: «Я должен быть благодарен этому человеку за то, что он первый из специалистов вообще заговорил о моей книге» [2]. Но, по существу, это было единственной его заслугой. Вслед за ним с рецензией выступил Ю. Фаухер, вульгарный экономист, попытавшийся обвинить Маркса в заимствовании определения меновой стоимости у Бастиа и поставить под сомнение некоторые положения книги. Маркс с презрением отозвался об этой писанине: «Фаухер ограничивается только такими замечаниями, каких и следовало ожидать от клоуна и наемного шута немецких бастианцев» [3]. Летом 1868 года в журнале «Literarisches Centralblatt für Deutschland» появилась анонимная рецензия, в которой говорилось: «Опровержение теории стоимости — единственная задача того, кто борется против Маркса, ибо если согласиться с этой аксиомой, тогда необходимо признать почти все, сделанные Марксом с железной логикой, выводы» [4]. Автор рецензии пытался подвергнуть критике учение Маркса о стоимости. Вообще попытки буржуазных экономистов «опровергнуть» положения «Капитала» нередко содержали грубые выпады против его автора; некоторые рецензенты, будучи не в силах дать серьезный разбор «Капитала», сбивались на мелочные придирки не по существу, обвиняя Маркса даже в неточном цитировании.

Появились и другие рецензии в европейских и даже американских изданиях. Некоторые буржуазные ученые вынужденно при-

---

[1] *Энгельс Ф.* Рецензия на первый том «Капитала» К. Маркса для «Elberfelder Zeitung».— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 220.

[2] Маркс — Людвигу Кугельману, 6 марта 1868 г.— Там же, т. 32, с. 448.

[3] Маркс — Зигфриду Мейеру, 4 июля 1868 г.— Там же, с. 459.

[4] Цит. по: *Маркс К.* Мой плагиат у Ф. Бастиа.— Там же, т. 16, с. 325.

знавали «Капитал» «наиболее ценной книгой, сделавшей вклад в политико-экономическую науку со времен Рикардо» [1]. Французский вульгарный экономист М. Блок, рецензию которого Маркс считал «доказательством полной деградации теоретических представителей буржуазии» [2], хотя не согласился с выводами «Капитала», все же признал: «Этой работой г-н Маркс доказал, что он является одним из самых выдающихся аналитических умов» [3]. Ленин впоследствии так охарактеризовал отношение буржуазных экономистов к «Капиталу»: «Не будучи в силах ничего мало-мальски серьезного возразить против «Капитала», «общепризнанная наука» стала расшаркиваться перед ним, продолжая в то же время... повторять старые пошлости школьной экономии» [4].

С интересом встретили «Капитал» многие представители немецкой интеллигенции. Его высоко оценил Людвиг Фейербах. Даже А. Руге, с которым Маркс разошелся идейно еще в середине 40-х годов, дал объективную оценку его труда: «Это произведение *делает эпоху;* оно проливает яркий, нередко резкий свет на развитие, гибель, родовые муки и страшные дни страданий общества в различные периоды... Маркс обладает обширной эрудицией и великолепным диалектическим талантом. Книга выходит за пределы кругозора многих людей и газетных писак, но она, несомненно, пробьет себе дорогу и, несмотря на широту исследования, даже как раз благодаря ему, окажет могучее воздействие» [5].

««Капитал» — это наш меч, наша броня, оружие нападения и защиты»

Созданная Марксом политическая экономия была наукой, открыто провозгласившей служение делу пролетариата. «С тех пор как на земле существуют капиталисты и рабочие, не появлялось еще ни одной книги, которая имела бы такое значение для рабочих...» [6] — писал Энгельс в рецензии на I том «Капитала» для рабочей газеты. Значение «Капитала» для рабочего класса состояло прежде всего в том, что изложенное в нем экономическое учение подвело научный базис под стихийные социалистические стремления пролетариата. Это учение явилось средством теоретической закалки передовых рабочих, могучим идейным оружием в революционной классовой борьбе. Поэтому Маркс совершенно справедливо расценивал свою работу над «Капиталом» как часть общего партийного дела. «Это, бесспорно, самый страшный снаряд, который когда-либо

---

[1] См.: New-York Herald, 1871, 5.IX, p. 4.

[2] См.: Маркс — Николаю Франциевичу Даниельсону, 18 января 1873 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 33, с. 469.

[3] Цит. по: *Маркс К.* Послесловие ко второму изданию I тома «Капитала».— Там же, т. 23, с. 19.

[4] *Ленин В. И.* Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? — Полн. собр. соч., т. 1, с. 176.

[5] Арнольд Руге — Штейнталю, 25 января 1869 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 32, с. 582—583 (приложения).

[6] *Энгельс Ф.* Рецензия на первый том «Капитала» для «Demokratisches Wochenblatt».— Там же, т. 16, с. 240.

был пущен в голову буржуа (в том числе и земельных собственников)» [1],— писал он о своей книге. Своим трудом он рассчитывал «нанести буржуазии в области теории такой удар, от которого она никогда не оправится» [2].

I том «Капитала» вышел в свет, когда рабочее движение после периода жестокой политической реакции снова и уже более мощно выступило на сцену истории. Международное товарищество рабочих, созданное в 1864 году, под руководством Маркса превратилось в первую международую массовую организацию пролетариата. В Германии созревали условия для образования революционной рабочей партии. Рабочее движение шло на подъем, росло число стачек и других выступлений пролетариев. В рабочие организации вливались новые члены, возрастало влияние Интернационала. Но социально-экономические воззрения огромной массы рабочих формировались под сильным влиянием догм буржуазной политической экономии или лассальянства: рабочим внушали, что старательной работой и бережливостью они смогут преодолеть все социальные неурядицы; существенным элементом лассальянской пропаганды был пресловутый «железный закон заработной платы», разоружавший рабочих в классовой борьбе. Поэтому научное выяснение основных вопросов рабочего движения становилось насущной потребностью. В этих условиях «Капиталу» предстояло сыграть решающую разъяснительную роль. И не удивительно, что передовые рабочие раньше, чем кто бы то ни было, по достоинству оценили «Капитал». Уже через пять лет после выхода «Капитала», в послесловии к его новому изданию Маркс с удовлетворением писал: «Понимание, которое быстро встретил «Капитал» в широких кругах немецкого рабочего класса, есть лучшая награда за мой труд» [3].

Первыми пропагандистами «Капитала» в рабочем движении были деятели Интернационала. И. Ф. Беккер, руководитель немецких секций Интернационала в Швейцарии, получив от Маркса известие о сдаче рукописи в издательство, с апреля 1867 года почти в каждом номере издаваемого им журнала «Vorbote» («Предвестник») помещал объявления о предстоящем выходе «Капитала». Журнал призывал секции Интернационала и примыкавшие к Интернационалу рабочие общества составлять списки подписчиков на книгу. После выхода I тома журнал перепечатал предисловие Маркса к «Капиталу», оценив в редакционном примечании этот труд как «выигранное сражение» для рабочего класса [4]. ««Капитал» — это наш меч, наша броня, оружие нападения и защиты»,— писал И. Ф. Беккер 11 октября 1867 года одному из своих соратников по Интернационалу, Ф. Лесснеру [5].

[1] Маркс — Иоганну Филиппу Беккеру, 17 апреля 1867 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 31, с. 453.

[2] См.: Маркс — Карлу Клингсу, 4 октября 1864 г.— Там же, с. 354.

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 13.

[4] См.: Vorbote, 1867, N 11.

[5] Цит. по: Первый Интернационал. М., 1964, ч. 1, с. 143.

Активную пропаганду «Капитала» в немецком рабочем движении вел В. Либкнехт, выступавший с сообщениями о нем на рабочих собраниях и в рабочих кружках. Начав издавать с 1868 года рабочую газету «Demokratisches Wochenblatt» («Демократический еженедельник»), он систематически пропагандировал в ней «Капитал». В газете были опубликованы предисловие к книге, отрывок из ее текста, а также две рецензии. Одну из них написал Энгельс. Это была первая оценка исторического значения труда Маркса для рабочего класса. При характеристике содержания и основных идей «Капитала» Энгельс выделил те разделы, которые имели для рабочих актуальное практическое значение: о значении нормирования рабочего дня и об историческом опыте борьбы за его ограничение. О «Капитале» в газете была опубликована также серия статей И. Дицгена, философа-самоучки, мастерового-кожевника.

С лекциями о «Капитале» в рабочих обществах выступали и другие немецкие деятели Интернационала. Рабочие, ремесленники объединялись в кружки для изучения этой книги. Интерес к «Капиталу» у немецких рабочих был так велик, что и деятели лассалевского Всеобщего германского рабочего союза вынуждены были заговорить о нем: орган Союза — газета «Социал-демократ» напечатала серию статей о «Капитале», с докладом о нем на съезде Союза в августе 1868 года выступил В. Бракке, руководитель левых лассальянцев. В борьбе за насущные требования пролетариата в Германии, в частности за ограничение рабочего дня, деятели рабочего движения ссылались на «Капитал».

То, что «Капитал» был написан и издан на немецком языке, естественно ограничивало сферу его распространения. Но и в других странах — в Англии, США, Швейцарии — пропаганда идей «Капитала» велась в организациях немецких рабочих. В нее включились такие видные деятели Интернационала, как Ф. Лесснер, И. Г. Эккариус, Ф. А. Зорге.

Брюссельский конгресс Интернационала в 1868 году принял специальную резолюцию, предложенную немецкой делегацией, в которой говорилось: «Мы, немецкие делегаты Брюссельского конгресса Международного Товарищества Рабочих, рекомендуем рабочим всех стран изданную в прошлом году книгу Карла Маркса «Капитал» и настоятельно рекомендуем им приложить все усилия, чтобы помочь осуществлению перевода этого важного труда на те языки, на которые он еще не переведен. Неоценимой заслугой Карла Маркса является то, что он первым из политэкономов научно проанализировал капитал и разложил его на его составные части» [1].

Рабочие и социалистические газеты того времени нередко перепечатывали отрывки из «Капитала» в собственных переводах, популяризировали его. Такие отрывки появились на страницах

[1] Генеральный Совет Первого Интернационала. 1868—1870. Протоколы. М., 1964, с. 225.

«Demokratisches Wochenblatt» в Германии, в австрийской газете «Arbeiter-Blatt», бельгийской «Liberté», испанской «Emancipacion», французской «Égalité» и др. Известны факты, когда во время стачек среди бастующих распространялись листовки с выдержками из «Капитала». Так, в Нью-Йорке в 1871 году секцией Интернационала была выпущена и распространялась во время демонстрации за 8-часовой рабочий день листовка, в которой приводились материалы из «Капитала» о рабочем дне.

I том «Капитала» сыграл важную роль в развитии рабочего движения. Через 20 лет после выхода «Капитала», в предисловии к его английскому изданию (1886) Энгельс мог констатировать: «На континенте «Капитал» часто называют «библией рабочего класса». Никто из тех, кто знаком с рабочим движением, не станет отрицать, что выводы, сделанные в «Капитале», с каждым днем все больше и больше становятся основными принципами великого движения рабочего класса не только в Германии и Швейцарии, но и во Франции, Голландии, Бельгии, Америке и даже в Италии и Испании; что рабочий класс повсюду признает эти выводы наиболее точным выражением своего положения и своих чаяний» [1].

Русский перевод «Капитала»

В начале октября 1868 года Маркс получил из России письмо от неизвестного ему до того времени корреспондента — Н. Ф. Даниельсона, в котором говорилось: «Значение Вашего последнего труда — «Капитал. Критика политической экономии» — побудило одного из здешних издателей (Н. П. Полякова) предпринять перевод этой работы на русский язык» [2]. Маркс с радостью воспринял это известие. Он сразу же переслал письмо Энгельсу, заметив при этом: «Меня, разумеется, чрезвычайно обрадовало известие о том, что моя книга будет издана в Петербурге в *русском* переводе» [3]. Он с удовлетворением делился этой новостью и с другими друзьями. «Первой иностранной нацией, которая переводит «Капитал», оказывается русская» [4],— писал он Л. Кугельману.

Передовые представители демократической интеллигенции России познакомились с «Капиталом» сразу же после его выхода. Выдающийся русский ученый К. А. Тимирязев с гордостью вспоминал: «С «Капиталом» я ознакомился, вероятно, один из первых в России» [5]. «Капитал» нашел живой отклик в кругах свободомыслящей интеллигенции, которая в поисках ответа на вопрос о судьбах пореформенной России внимательно следила за развитием западноевропейской общественной мысли, с интересом относилась к марксизму. В России спрос на книгу Маркса был велик.

Перевод I тома «Капитала» на русский язык попытался осу-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 33.

[2] К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия, с. 158.

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 32, с. 140.

[4] Маркс — Людвигу Кугельману, 12 октября 1868 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 32, с. 472.

[5] Русские современники о К. Марксе и Ф. Энгельсе. М., 1969, с. 45.

ществить в 1869 году М. А. Бакунин, но попытка эта не удалась. К весне 1870 года инициаторы русского издания нашли другого переводчика. Им стал молодой революционер-народник Г. А. Лопатин, который после удачного побега из ссылки в начале 1870 года прибыл за границу и летом того же года поселился в Лондоне, был введен в Генеральный совет Интернационала. Маркс дал Лопатину согласие на перевод «Капитала». Между ними завязались дружеские отношения.

В работе над переводом Лопатин проявил себя как вдумчивый, теоретически подготовленный ученый. Перевод он начал по совету Маркса со второй главы (в последующих изданиях — второй отдел), ибо первую главу Маркс намеревался переработать: сложный вопрос о форме стоимости в первом издании был изложен дважды — в основном тексте (раздел первой главы «Товар и деньги») и в специальном приложении в конце книги; при переиздании I тома «Капитала» Маркс собирался устранить двойное изложение. Поскольку же русский перевод должен был стать первым его переизданием, то Маркс, как вспоминал позднее Лопатин, пообещал «ко времени окончания мною перевода, соединить первую главу и приложение в одно целое, придав ему более общедоступную форму» [1].

Работая над переводом, Лопатин изучал работы буржуазных экономистов, которых цитировал Маркс, и иногда ему удавалось подметить у этих авторов места, требовавшие дополнительного разбора и критики. Например, заметив путаницу в воззрениях Сениора, Лопатин обратил на это внимание Маркса, который посчитался с мнением переводчика и сделал соответствующее добавление к примечанию 32, появившееся впервые именно в русском издании [2]. В некоторых местах Лопатин комментировал текст, поясняя трудные для перевода понятия (например, Mehrwert — прибавочная стоимость [3]), давал примечания справочного характера.

В процессе работы над переводом Лопатин советовался с Марксом по поводу сложных мест, выбора соответствующей терминологии. Все это позволило ему глубоко уяснить суть экономического учения Маркса и обеспечило высокий уровень русского перевода. Однако завершить работу Лопатину не довелось — он успел перевести около трети книги; осенью 1870 года он выехал в Россию с целью освободить Н. Г. Чернышевского, томившегося в ссылке в Сибири, но в феврале 1871 года был арестован в Иркутске. Перевод остальной части книги, за исключением первой главы, осуществил Н. Ф. Даниельсон, которому Маркс прислал перечень изменений, сделанных им специально для русского перевода. Переделать первую главу для русского издания Маркс не сумел, поскольку был загружен другими делами, и ее перевел Н. Н. Лю-

[1] См.: Русские современники о К. Марксе и Ф. Энгельсе, с. 53.
[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 236.
[3] См.: Капитал. Критика политической экономии. Сочинение Карла Маркса. Перевод с немецкого. Том первый. С.-Петербург, 1872, с. 92.

бавин в том виде, как она выглядела в первом немецком издании. Поэтому русское издание полностью соответствует первому немецкому изданию.

15 (27) марта 1872 года Даниельсон сообщил Марксу: «Печатание русского перевода «Капитала» наконец закончено» [1]. «Это событие как важное знамение времени превратилось для Маркса, его семьи и его друзей в настоящее торжество» [2],— вспоминал об этом Ф. Лесснер, друг и соратник Маркса. Маркс и Энгельс, оба знавшие русский язык, неизменно с похвалой отзывались о первом переводе «Капитала»; Маркс писал, что перевод «выполнен мастерски» [3].

При переводе «Капитала» на русский язык впервые была разработана русская марксистская политико-экономическая терминология, которая точно отражала существо вводимых в научный оборот понятий. Это явилось крупным достижением отечественной экономической мысли.

Перевод «Капитала» был представлен в царскую цензуру, которая дала разрешение на его выпуск, надеясь, что его содержание будет недоступно русскому читателю. Один из цензоров так сформулировал свое мнение о книге: «Можно утвердительно сказать, что ее немногие прочтут в России, а еще менее поймут» [4]. Но царские власти жестоко просчитались и были заслуженно наказаны за свое невежественное представление о духовном уровне и революционном сознании русского народа. «Капитал» на русском языке был выпущен тиражом 3 тысячи экземпляров (втрое больше, чем тираж первого немецкого издания). И уже через полтора месяца после выхода разошлось 900 экземпляров, то есть почти треть тиража,— цифра для научной литературы по тем временам почти небывалая.

Маркса интересовало, как примут «Капитал» в России. По его просьбе Даниельсон пересылал ему все отзывы в газетах и журналах. А их было немало. В 70-е годы в России появилось около 170 рецензий и других публикаций, где цитировался или упоминался «Капитал». В послесловии ко второму немецкому изданию I тома Маркс с гордостью упоминал о выходе русского издания и отзывах о нем в русской печати.

Последующие —II и III тома «Капитала» были переведены и изданы на русском языке почти сразу же вслед за появлением немецких оригиналов. Все тот же Н. Ф. Даниельсон обратился к Энгельсу, занятому выпуском II тома «Капитала», с просьбой высылать ему по мере готовности корректурные листы. Энгельс исполнил эту просьбу и в несколько приемов выслал весь II том. Только такой способ и дал возможность Даниельсону выпустить

---

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия, с. 233.

[2] Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе, ч. 1, с. 331.

[3] Маркс — Фридриху Адольфу Зорге, 21 июня 1872 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 33, с. 414.

[4] Красный архив, 1933, т. 1 (56), с. 7.

русский перевод II тома «Капитала» в 1885 году — в год появления в свет его оригинала. Перевод III тома также делался по корректуре, пересылаемой Энгельсом Н. Ф. Даниельсону в Петербург. «Как только III том будет в печати, я позабочусь о том, чтобы высылать Вам листы» [1],— сообщал Энгельс Н. Ф. Даниельсону 17 октября 1893 года. 20 марта 1894 года были высланы первые шесть листов III тома, до страницы 96-й включительно [2]; за ними последовали остальные. Так вслед за оригиналом, в 1896 году, в Петербурге увидел свет русский перевод III тома — также первый из переводов его на иностранные языки.

Новые издания I тома «Капитала»

К осени 1871 года весь тираж немецкого издания I тома «Капитала» был давно распродан. Возраставший спрос на книгу, рост ее влияния сделали необходимым второе ее издание. Еще ведя корректуру первого издания, Маркс предвидел возможность в будущем переиздания книги и просил поэтому Энгельса при просмотре чистых листов вписывать свои пожелания, возражения, сомнения для второго издания [3]. Подготовка нового издания потребовала от Маркса большой работы. Он внес существенные изменения в структуру книги: вместо 6 глав в первом издании он теперь разбил текст на 7 отделов и 25 глав; почти все главы были разделены на параграфы. Был существенно переработан первый отдел: приложение о форме стоимости Маркс включил в основной текст, более последовательно были изложены вопросы о потребительной стоимости, о деньгах. Маркс написал много новых примечаний, сделал значительные стилистические поправки. Но полностью осуществить весь замысел по переработке текста ему не удалось из-за нехватки времени: много сил он уделял делам Интернационала, устройству в Лондоне эмигрировавших парижских коммунаров.

Второе издание I тома выходило отдельными выпусками начиная с июля 1872 года; всего вышло 9 выпусков. Такая форма издания была выбрана для того, чтобы сделать его дешевым, доступным для рабочих. Целой книгой том вышел в июне 1873 года тиражом 3 тысячи экземпляров. Много книг было раскуплено рабочими. В октябре 1881 года издатель Мейснер предложил Марксу готовить третье издание.

В 1872 году было также начато и через три года завершено французское издание I тома «Капитала». Это было второе после русского издание книги на иностранном языке. Оно имело целью сделать учение Маркса доступным рабочим Франции и других романских стран. Это было особенно важно потому, что в рабочем движении этих стран продолжал сохранять свое влияние прудонизм, тормозивший его дальнейшее развитие.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 39, с. 130.

[2] См. там же, с. 188.

[3] См.: Маркс — Энгельсу, 24 августа 1867 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 31, с. 277.

В подготовке французского издания Маркс принял непосредственное участие. Книгу переводил на французский язык Ж. Руа, который был также переводчиком сочинений Л. Фейербаха. Но, несмотря на прекрасное знание языков, Руа переводил слишком буквально, и Марксу пришлось многое переделывать. Маркс одобрил идею издателя М. Лашатра издать перевод «Капитала» в виде периодически выходящих выпусков. «В такой форме,— считал он,— сочинение станет более доступным для рабочего класса, а это для меня решающее соображение» [1]. Было выпущено 9 выпусков общим тиражом 10 тысяч экземпляров.

Французское издание отличается от двух немецких. На титульном листе французского издания I тома написано: «Совершенно переработанное автором». Маркс подчеркивал, что французское издание «имеет самостоятельную научную ценность наряду с оригиналом» [2]. Во французском издании была изменена структура книги: вместо 7 отделов и 25 глав в нем 8 отделов и 33 главы; во многих местах текст существенно отличается от оригинала [3]. Французское издание «Капитала» сыграло важную роль в утверждении марксизма во французском рабочем движении.

После смерти Маркса оригиналом для всех иностранных переводов I тома «Капитала» служило четвертое немецкое издание 1890 года, вышедшее под редакцией Энгельса. Для этого издания Энгельс окончательно отредактировал текст и примечания к тому. В предисловии к нему он писал, что внес «несколько новых добавлений к немецкому тексту», сравнив его с французским изданием и рукописными пометками Маркса. Энгельс постранично отметил те изменения и добавления, которые он сделал, учитывая авторизованное французское издание I тома «Капитала». Под редакцией Энгельса I том «Капитала» вышел почти на всех основных европейских языках. На английском он выдержал шесть изданий: в 1887, 1889 и 1890 годах в Нью-Йорке, в 1887, 1889 и 1891 годах в Лондоне. Лондонское издание 1887 года было специально отредактировано Энгельсом.

«Капитал» в идеологической борьбе

Враги революционного рабочего движения уже более столетия тщетно пытаются опровергнуть положения и выводы «Капитала», применяя различные, часто взаимоисключающие доводы. Общим в этом походе против марксизма было и остается стремление дискредитировать решающую роль рабочего класса как преобразующей силы общественно-экономического развития, подорвать среди трудящихся веру в историческую миссию пролетариата как освободителя всех эксплуатируемых и угнетенных.

Одним из первых предпринял такую атаку против марксизма М. Туган-Барановский. Трактуя рост органического строения капитала как тенденцию абсолютного сокращения доли переменного капитала, он допускал в перспективе неуклонное сокращение числа рабочих при капитализме вследствие замены их машинами. «Пусть все рабочие вплоть до одного будут замещены машинами,— писал он,— в таком случае этот единственный рабочий будет приводить в движение всю колоссальную массу машин и с их помощью производить новые машины и предметы потребления капитали-

[1] *Маркс К.* Предисловие к французскому изданию I тома «Капитала».— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 25.

[2] См. там же, с. 26.

[3] Важнейшие разночтения опубликованы в 49-м томе второго издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса.

стического класса. Рабочий класс исчезнет, но это нисколько не затруднит реализации продуктов капиталистической промышленности»[1]. Тезис об исчезновении рабочего класса игнорировал тот факт, что единственным источником накопления капитала является прибавочная стоимость, эксплуатация рабочего класса, а не машин.

Подобно Туган-Барановскому современные антимарксисты пытаются доказать, будто в наше время уже не действует всеобщий закон капиталистического накопления, вызывающий безработицу и обнищание рабочего класса, что благосостояние рабочих при капитализме якобы растет, а их численность сокращается. Поэтому, утверждают антимарксисты, рабочий класс не может браться за роль творца нового общества. Так, один из них клеветнически утверждал, будто рабочий класс стран капитала «стал оппортунистическим»[2]. Как и все ренегаты, он отрекается от марксистской теории, ее основополагающих выводов. «Я считаю,— писал он,— что рассматривать марксистскую теорию обнищания рабочих и якобы вырастающую из этого обнищания радикализацию рабочих в качестве экономико-политической основы теории революции и диктатуры пролетариата — не только совершенно старомодно, но и неправильно. В результате мощного развития капитализма возникло совсем не то, что собственно ожидал увидеть Маркс,— а именно — растущую безработицу и связанное с ней обнищание рабочего класса»[3].

Но марксистский анализ накопления капитала и расширенного воспроизводства, данный в I томе «Капитала», и в наше время безотказно служит в идейной борьбе, в частности против утверждения о сокращении численности рабочего класса, об уменьшении его удельного веса в самодеятельном населении капиталистических стран, о падении его революционной роли. Накопление капитала, расширенное воспроизводство может происходить только при условии все большего привлечения рабочей силы, за счет большей ее эксплуатации. Капиталистическое расширенное воспроизводство, как показал Маркс, предполагает воспроизводство не только общественного капитала. «...Воспроизводство в расширенном масштабе, или накопление,— писал он,— воспроизводит капиталистическое отношение в расширенном масштабе: больше капиталистов или более крупных капиталистов на одном полюсе, больше наемных рабочих на другом... Итак, накопление капитала есть увеличение пролетариата»[4].

Современная научно-техническая революция не только не поколебала выявленных Марксом законов накопления капитала и расширенного капиталистического воспроизводства, но, напротив, всецело их подтвердила. Одним из социально-экономических последствий научно-технической революции явился рост численности лиц наемного труда, повышение их удельного веса в самодеятельном населении капиталистических стран. Костяком работающих по найму был и остается рабочий класс. Его общая численность во всем мире с середины XX столетия к началу 80-х годов увеличилась с 282 до 660 миллионов человек. Росла она и в развитых капиталистических странах, увеличившись за это время с 137 до 241 миллиона человек[5].

Многие современные марксологи и политологи, повторяя зады Бернштейна, Каутского, Мартова и прочих извратителей революционного марксизма, пытаются утверждать, будто согласно Марксу переход к социализму возможен только после того, как капитализм полностью сыграет свою «цивилизаторскую» роль, выполнит свою «историческую функцию развития производительной системы до точки насыщения, когда дальнейший

---

[1] *Туган-Барановский М.* Периодические промышленные кризисы. 4-е изд. Смоленск, 1923, с. 212.

[2] См.: *Šik O.* Für eine Wirtschaft ohne Dogma. München, 1974, S. 205.

[3] Ibidem, S. 201—202.

[4] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 627—628.

[5] См.: Коммунист, 1985, № 1, с. 21.

рост будет уже излишним» [1]. Этому утверждению англичанина К. А. Кросленда вторит американец А. Бергсон, по заявлению которого социализм сменит «капитализм лишь после того, как последний выполнит свою миссию, т. е. когда капитализм перестанет быть великим двигателем материального прогресса...» [2]. На самом деле ни Маркс, ни Энгельс никогда не утверждали, что революционный переход к социализму осуществим только тогда, когда капитализм достигнет наивысшей зрелости. Если в начале XX века вопрос об уровне развития капитализма, необходимом для свершения социалистической революции, еще мог быть предметом дискуссий, то теперь он уже решен историей. Исторический опыт показал, что для возникновения объективных условий и субъективного фактора социалистической революции необходим средний, а точнее, такой уровень развития капитализма, который вызывает к жизни промышленный рабочий класс, способный породить свою революционную партию и повести за собой большинство эксплуатируемых и угнетенных.

Изощренным искажениям современные фальсификаторы подвергают те страницы «Капитала», где освещен исторический процесс нарастания противоречий между производительными силами и производственными отношениями буржуазного общества в результате действия имманентных законов капитализма. Буржуазные авторы вроде Л. фон Мизеса пытаются истолковать изложенные здесь положения таким образом, будто автор «Капитала» в результате своих экономических исследований отказался от революционных выводов «Манифеста Коммунистической партии» и перешел на позиции самоликвидации, «атрофии» капитализма, придя к заключению, что «имеется лишь один путь к крушению капитализма, а именно прогрессивная эволюция самого капитализма» [3].

Коварство Мизеса и ему подобных марксологов заключается в том, что атаку против революционных выводов Маркса они ведут под флагом «зрелого» марксизма, согласно которому якобы нецелесообразно прибегать к какому-либо вмешательству в капиталистическую экономику и вообще в жизнь буржуазного общества, ибо это только отдалит человечество от наступления социализма. Спор между современными марксистами и антикоммунистами Мизес и его единомышленники пытаются представить как «проявление конфликта между двумя доктринами — раннего и позднего марксизма» [4]. На самом же деле, как это видно из всего содержания I тома «Капитала», Маркс не только не стоял на позиции «атрофии» капитализма, его «вползания» в социализм на основе плавного эволюционного развития, но, напротив, исходя из непримиримости классовых антагонизмов буржуазного общества, доказал неизбежность именно революционного сокрушения капитализма. «Капитал» Маркса явился продолжением и глубоко научным, экономическим обоснованием тех революционных выводов, которые содержались в «Манифесте Коммунистической партии».

---

[1] См.: *Crosland C. A. R.* The Future of Socialism. London, 1957, p. 47.

[2] См.: *Bergson A.* Productivity and the Social System.— The USSR and the West. Cambrige (Mass.); London, 1978, p. 194.

[3] *Mises L. von.* Planning for Freedom and other essays and addresses. Illinois (USA), 1965, p. 29.

[4] Ibidem.

Глава восьмая

НАЧАЛО СОЕДИНЕНИЯ МАРКСИЗМА С МАССОВЫМ РАБОЧИМ ДВИЖЕНИЕМ. ПЕРВЫЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ (1864—1870 гг.)

1. ПРЕДПОСЫЛКИ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПРОЛЕТАРИАТА

На рубеже 50—60-х годов XIX века развитие международного рабочего движения вступило в новую фазу. Преодолевая сектантскую ограниченность, характерную в предшествовавшем периоде для всех стран (кроме Англии), оно все более приобретало классово-самостоятельный и массовый характер. На новый уровень к тому времени поднялась и марксистская теория, обогатившись множеством идей в различных областях; научный коммунизм был обоснован экономически, что имело величайшее значение. Тем самым создались предпосылки для соединения марксизма с массовым рабочим движением — процесса, открывшего новый этап в истории международного рабочего движения и самого марксизма.

Рабочее движение на новом рубеже

Сдвиги в рабочем движении определялись рядом объективных и субъективных факторов. Промышленный переворот, уже свершившийся в Англии, в 50—60-х годах XIX века бурно проходил в США, развертывался во Франции, Германии и некоторых других странах европейского континента. Развитие машинного производства повлекло за собой преобразование технической базы промышленности, рост крупных индустриальных центров; углублялось общественное разделение труда, расширялись международные экономические связи, рушилась национальная обособленность. Капиталистическое развитие, породившее кризисы перепроизводства, массовую безработицу, огромную резервную промышленную армию, вело к интенсификации эксплуатации трудящихся, к обострению антагонистических противоречий между трудом и капиталом.

В результате промышленного переворота и буржуазных преобразований в странах континентальной Европы и в США в 50—60-х годах происходили существенные изменения в социальной

структуре общества: укреплялись экономические и политические позиции буржуазии; крупные землевладельцы переходили к капиталистическим методам эксплуатации в сельском хозяйстве; население пауперизировалось в результате разорения крестьян и мелких производителей в городах, пополнявших резервную промышленную армию; пролетариат рос количественно, увеличивалась его доля в самодеятельном населении. В структуре рабочего класса прослеживались качественные изменения — возрастал удельный вес фабричного пролетариата; наряду со слоем высококвалифицированных рабочих росла масса работников неквалифицированного труда, вчерашних крестьян, а также женщин и детей; сохранялась значительная прослойка работников квалифицированного ручного труда (часовщики, портные и т. п.).

Экономический кризис 1857 года, оказавший революционизирующее влияние на общественную жизнь, а также демократические и национально-освободительные движения того времени воочию продемонстрировали, что при достигнутом уровне развития производительных сил и средств сообщения, при наличии мирового капиталистического рынка сколько-нибудь значительное событие или потрясение в экономической и социально-политической сферах выходили за пределы национальных границ и приобретали международное значение.

Укрепление и развитие международных экономических связей, массовая политическая и экономическая эмиграция, контакты рабочих разных национальностей, количественный рост и качественные изменения в составе рабочего класса, углубление социальных антагонизмов существенным образом отразились на уровне и характере рабочего движения. В отличие от предшествующего периода, когда в теоретические поиски и революционно-практическую деятельность (за исключением чартизма, июньского восстания 1848 года в Париже) были вовлечены лишь отдельные представители, группы, отряды рабочего класса, теперь процесс формирования классового самосознания захватывал несравненно большую массу. При всем разнообразии предшествующего идейного развития пролетариата разных стран, с рубежа 50—60-х годов можно проследить общую тенденцию — стихийное пробуждение пролетарской солидарности и понимание своего особого положения в обществе, стремление вырваться из-под опеки либеральной и радикальной буржуазии, а также правительственного контроля как в практической деятельности, так и в области идеологии.

Этот процесс протекал сложно; в каждом отдельном случае, в каждой стране на ход его оказывали влияние разнообразные факторы: уровень развития капиталистических отношений, существующие социально-политические условия, традиции политической борьбы, организационный опыт рабочего движения, влияние чуждой классовой идеологии, характер внутриполитических или международных проблем, стоявших перед той или иной страной. Так, например, Гражданская война в США и другие международ-

ные события в немалой степени послужили возрождению интереса рабочих европейских стран к политическим проблемам; в рабочем движении Германии и Италии важную роль играли проблемы национального объединения.

Классовое самосознание пролетариата пробуждалось по мере возрастания его значения в обществе, его роли главного производителя национального богатства. Силу пролетариата правящие классы почувствовали еще во время революций 1848—1849 годов. В 50—60-х годах они все чаще вынуждены были считаться с этой силой как с реальностью. Однако по указанным выше причинам осознание пролетариатом коренных изменений, происходивших в экономической, политической и духовной жизни, уяснение своих классовых интересов и задач в отличие от интересов остальных классов и социальных слоев происходило в разных странах поразному.

В Англии чартизм, представлявший до той поры наиболее мощное революционное движение пролетариата, во второй половине 50-х годов практически сходит на нет, и на передний план выдвигаются тред-юнионы как представители организованного рабочего движения, круто пошедшего вверх особенно со знаменитой стачки строительных рабочих Лондона 1859 года. Создаются объединенные тред-юнионы, включающие рабочих данной профессии ряда городов и даже всей страны.

Тред-юнионы ставили своей целью защиту интересов и улучшение материального положения трудящихся. Однако борьба за экономические интересы (за сокращение рабочего дня, повышение заработной платы) неминуемо ставила перед ними (пусть в ограниченном виде) и политические проблемы: тред-юнионы фактически были поставлены вне закона, стачки, борьба со штрейкбрехерами расценивались как уголовные преступления. Столкновения тред-юнионов с капиталом и властями делали для них неизбежной борьбу против антирабочего законодательства, за свои права.

Хотя в 60-х годах тред-юнионы охватывали главным образом высокооплачиваемые слои английских рабочих, тем не менее они представляли реальное, достаточно массовое, пролетарское по своему классовому характеру движение. Накопив большой опыт экономической борьбы с капиталом, тред-юнионы имели также традиции политических выступлений, стремились к установлению контактов с рабочими организациями других стран для защиты общих экономических интересов (главным образом с целью борьбы с конкуренцией более дешевого труда рабочих, ввозимых предпринимателями с континента) и для выражения солидарности с освободительными движениями.

Но уже в то время в деятельности английских тред-юнионов проявились и негативные стороны и тенденции. Громадные колониальные богатства и монопольное положение Англии в сфере производства и на мировом рынке позволили правящим классам

прибегнуть к подкупу верхушки рабочего класса, к созданию для квалифицированных рабочих (т. е. именно тех, кто был объединен в тред-юнионах) лучшего экономического положения не только по сравнению с положением рабочего класса на континенте, но и по сравнению с положением менее квалифицированных и неквалифицированных рабочих — англичан и ирландцев в самой Великобритании. Высокие членские взносы, делавшие тред-юнионы недоступными для массы трудящихся, формирование бюрократического руководства и другие факторы обусловили уже к концу 60-х годов преобладание в тред-юнионах реформистских и соглашательских тенденций. Однако в целом английским тред-юнионам еще предстоял долгий путь развития: вовлечение в движение широких масс рабочего класса, создание тред-юнионов для низкооплачиваемых и неквалифицированных слоев пролетариата; использование наряду с мирными действиями активных методов борьбы.

В США классовая борьба пролетариата, движение за 8-часовой рабочий день привели к созданию в 1866 году первого в истории этой страны общенационального профессионального союза (Национальный рабочий союз), который возглавил рабочий-литейщик У. Силвис.

Рабочее движение в других странах в те годы развивалось в неблагоприятных условиях: во Франции, Германии, Испании даже такие рабочие организации, как страховые кассы и кассы взаимопомощи, кооперативные и просветительные общества, находились под жестким полицейским контролем или влиянием буржуазии, а все политические и профессиональные объединения были запрещены (прусский закон 1850 года о политических обществах; закон Ле Шапелье во Франции). Тем не менее и в этих странах поднималась волна стачек, пробуждалось стремление к организационному объединению сил рабочего движения. Так, в 1863 году были основаны Всеобщий германский рабочий союз и Союз немецких рабочих обществ.

В первой половине 60-х годов были сделаны первые попытки наладить интернациональные связи и постоянные контакты между рабочими разных стран. Из них наибольшее значение имели встречи в Лондоне во время всемирной промышленной выставки 1862 года, затем — совместное выступление в защиту национально-освободительного восстания в Польше на международном митинге 22 июля 1863 года в Лондоне в Сент-Джеймс-холле. Эти действия проводились главным образом на основе двусторонних контактов французских и английских рабочих, на базе организаций и организационного опыта английского рабочего класса. В них активно участвовали и представители других национальностей (немцы, итальянцы, поляки и др.), в основном из числа проживавших в Лондоне эмигрантов, часть которых сохраняла связь с родиной. Весьма важную роль сыграло лондонское Просветительное общество немецких рабочих, многие члены которого в свое время вхо-

дили в Союз коммунистов. Стремление к организационному сплочению передовых сил пролетариата разных стран увенчалось созданием 28 сентября 1864 года Международного товарищества рабочих (I Интернационала).

Влияние буржуазного либерализма и радикализма. Тред-юнионизм

Несмотря на стихийное влечение к социализму, рабочее движение не могло самостоятельно вырваться из-под идейного влияния буржуазии. Влияние буржуазной идеологии на рабочее движение отчетливо проявилось в Англии. Буржуазия этой страны раньше других поняла неотвратимость выдвижения пролетариата в качестве могучей общественной силы. Кризис старой, олигархической системы управления страной, двухпартийное парламентское противоборство тори и вигов побудили наиболее дальновидных представителей буржуазии прибегнуть к использованию в своих интересах растущего общественного потенциала рабочего класса. Такое развитие событий, в сущности, было предсказано Энгельсом еще в 1853 году, когда он писал, что впредь «Англией нельзя будет управлять без значительного расширения круга избирателей»[1].

Но, учитывая уроки чартизма, идеологи буржуазии стремились не допустить самостоятельной политической организации пролетариата, направляя его активность в русло «буржуазной рабочей политики»[2]. Ведущая роль в этом принадлежала буржуазным радикалам (позитивистам Э. Бизли, Ф. Харрисону, братьям Кромптонам и Дж. Ст. Миллю). Их многолетние контакты с лидерами тред-юнионов — Дж. Оджером, Р. Аплгартом, У. Р. Кримером, Дж. Хауэллом и др. привели к подчинению последних влиянию либеральной и радикальной буржуазной мысли. Пагубные последствия имело и распространение среди рабочих (через систему государственных начальных школ, воскресных школ для взрослых) идей откровенных апологетов капитализма, вульгарных буржуазных экономистов, а также деятелей кооперативного движения. Наибольшее влияние среди английских рабочих приобрели политико-экономические взгляды и этическая концепция Дж. Ст. Милля, который, по словам Маркса, пытался «согласовать политическую экономию капитала с притязаниями пролетариата, которых уже нельзя было более игнорировать»[3]. Несмотря на различия в подходе к социальным проблемам, для всех представителей правящих классов Великобритании, включая «левых» либеральных и радикальных деятелей, общим было стремление идейно подчинить рабочий класс, внедрить в его сознание дух буржуазной «респектабельности», использовать его в качестве орудия в интересах той или иной фракции правящих классов.

Вслед за своими идейными наставниками английские тред-юнионисты исходили из незыблемости капиталистических отношений, естественности существования капиталистов и наемных рабочих. Решение социальных проблем они искали на пути реформ и компромиссов с правящими классами, на основе сотрудничества между буржуазией и пролетариатом. Классовые интересы рабочих понимались узко, а классовая борьба сводилась к их защите в рамках существующего социально-экономического и политического строя. Как видно из манифеста «Рабочим Франции от рабочих Англии», документа, с которым английские тред-юнионисты выступили в канун основания Интернационала, они и международную организацию пролетариата намеревались использовать прежде всего в интересах борьбы за повышение заработной платы, против ввоза в Англию иностранных рабочих в качестве штрейкбрехеров. Но в первые годы существования Интернацио-

[1] Энгельс — Иосифу Вейдемейеру, 12 апреля 1853 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 28, с. 488.

[2] См.: *Ленин В. И.* В Америке.— Полн. собр. соч., т. 22, с. 232.

[3] См.: *Маркс К.* Послесловие ко второму изданию I тома «Капитала».— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 17.

пала в ходе классовой борьбы (стачки, участие в борьбе за реформу избирательного права и др.) английские тред-юнионисты нередко вынуждены были практически идти дальше своих реформистских представлений о необходимости сохранения классового мира, а иногда (хотя робко и непоследовательно) выходить за рамки «законности». К тому же объективные условия жизни и борьба пролетариата оживляли революционные традиции предшествующего, чартистского периода в рабочем движении Англии. Это давало Марксу основание сотрудничать с тред-юнионистами в Товариществе. При этом Маркс вел бескомпромиссную борьбу с реформистскими взглядами их лидеров, стараясь парализовать их влияние на рядовых членов.

Проповедь примирения и «гармонии» классовых интересов велась и по ту сторону океана, в США, где наиболее видным апологетом набиравшей силу американской буржуазии выступал вульгарный экономист Г. Кэри.

Опасность для растущего рабочего движения оказаться под влиянием буржуазной идеологии была велика не только в Англии и США. Представители либеральной и радикальной буржуазии и на европейском континенте (Г. Шульце-Делич в Германии, Дж. Мадзини в Италии и др.) также пытались подчинить рабочее движение, превратить его в союзника, поставить на службу своим интересам; эти попытки неоднократно предпринимались и в Интернационале.

Во Франции, германских государствах и других странах, вследствие незавершенности буржуазной революции, меньшего развития капиталистических отношений, их специфики (сохранение мелкого производства, преобладание крестьянского населения, остатки феодальных отношений, ограниченность политических прав самой буржуазии), процесс осознания возросшей силы пролетариата в обществе принимал иные формы. Правительства Франции, Пруссии, отчасти и других стран прибегали по отношению к рабочему классу к новой политике — сочетанию прежних насильственных методов (зачастую прямого вооруженного подавления выступлений рабочих) с социальной демагогией. Проводя подобную политику, правительства этих стран рассчитывали в какой-то мере опереться на рабочих в борьбе с оппозиционной буржуазией. Политический опыт Франции (результаты плебисцита 1852 года и др.) воочию продемонстрировал заинтересованность правительства Наполеона III в голосах рабочих; его мероприятия (выделение части конфискованного имущества Орлеанской династии на строительство жилищ для рабочих, создание кредитных обществ и обществ взаимопомощи и т. п.) объяснялись именно политическими расчетами, стремлением привлечь рабочих на свою сторону, но отнюдь не заботой об улучшении их положения. Сходной политики по отношению к рабочим придерживался и Бисмарк в Пруссии.

Стихийное влечение к социализму рабочих романских и германских стран создало благоприятную почву для распространения доктрин, претендовавших на выражение интересов пролетариата и выступавших от его имени. Наибольшую популярность в это время приобрели воззрения французского мелкобуржуазного социалиста П. Ж. Прудона и немецкого публициста Ф. Лассаля, составившие идейную основу для формирования двух течений в рабочем движении европейских стран — прудонизма и лассальянства.

Прудонизм

Истоки прудонизма как идейного течения в рабочем движении восходят к 1848—1851 годам, когда взгляды Прудона получили широкое распространение во Франции и ряде других стран. Энгельс прямо указал на это время как на исходный момент формирования прудонизма [1]. Популярности идей Прудона способствовали разочарование французских рабочих после революции 1848—1849 годов в социальных проектах прежних домарксовских учений мелкобуржуазного утопического социализма, особенно социализма лю-

[1] См.: *Энгельс Ф.* К жилищному вопросу.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 261.

главовского толка; несостоятельность мелкобуржуазного политического радикализма; недостаточная зрелость самого рабочего движения; значительный удельный вес в структуре рабочего класса ремесленников, рабочих небольших мастерских и т. п.; банкротство политики социальной демагогии бонапартизма. Поведение Прудона во время революции (защита июньских повстанцев, интересов народа в издаваемых им газетах, тюремное заключение) также способствовало росту его популярности, тем более что прудоновский план социальной революции («социальной ликвидации») в более или менее завершенном виде был обнародован лишь в 1851 году и в целом избежал проверки его состоятельности практикой.

Документом самого рабочего движения, в котором нашла отражение прудонистская социальная программа (свобода труда, кредит, солидарность), явился так называемый «Манифест шестидесяти». Он представлял собой предвыборную программу, с которой парижские рабочие выступили во время дополнительных выборов в Законодательный корпус Франции в 1864 году. Однако авторы этого документа, несмотря на соглашательство по отношению к буржуазии, отходили от проповедуемого Прудоном воздержания от политической борьбы. Судя по «Манифесту», казалось, что объективные условия классовой борьбы подвели французских пролетариев к пониманию необходимости сочетания борьбы за социальное переустройство общества с борьбой за демократию: они требовали проведения ряда буржуазно-демократических реформ (свобода печати и собраний, отделение церкви от государства, местное самоуправление), выдвинули своего кандидата в Законодательный корпус, рабочего-гравера А. Толена, считая, что защищать интересы рабочих в Законодательном корпусе должны их собственные представители. Политические идеи (протест против угнетения народов и др.) были выражены и в обращении «Рабочие Франции своим английским братьям». Все это шло вразрез с прудоновской теорией «социальной ликвидации», с его анархистскими взглядами.

«Манифест шестидесяти» послужил Прудону поводом обратиться непосредственно к самим рабочим, и свое намерение он осуществил в книге «О политической способности рабочего класса» (1865). Опыт истекших десятилетий убедил Прудона в том, что буржуазия (и крупная, и мелкая), деградировав морально, утратила историческую инициативу. Дело преобразования социальных отношений он передавал теперь в руки рабочего класса, признав тем самым, хотя и в ограниченных пределах, его историческую миссию. Осуществление социальных преобразований Прудон связывал с ростом самосознания пролетариата, его солидарности. Рабочие могли якобы мирным путем преобразовать общество на принципах равенства (эгалитаризма), справедливости и взаимности (мютюэлизма). Рабочим надлежало создавать на принципе «взаимных услуг» ассоциации (при этом Прудон решительно отмежевывался как от идеи коммунистической ассоциации, так и от буржуазных акционерных обществ), в которых нашла бы практическое воплощение полная свобода каждого индивида и полное равенство между ними. По-прежнему Прудон ратовал за классовый мир и уравнение положения буржуазии и пролетариата в результате «социальной ликвидации» [1].

Книга Прудона повлияла на формирование взглядов той группы парижских рабочих (впоследствии получившей наименование «правых» или «правоверных» прудонистов), которая сыграла активную роль в основании Интернационала. Именно она на первом же конгрессе Товарищества в Женеве в 1866 году выступила с программой (так называемый «Мемуар»), существенно отличавшейся от исходивших от нее же «Манифеста шестидесяти» и обращения «Рабочие Франции своим английским братьям». Этот «Мемуар» явился по существу программным документом прудонизма. К нему вполне относится оценка Энгельса: «Хотя прудонисты были во

[1] См.: *Proudhon P. J.* De la capacité politique des classes ouvrieres. Paris, 1865, p. 68—70, 226—227, 231.

Франции всего лишь маленькой сектой среди рабочих, тем не менее только они одни имели определенно сформулированную программу и могли во время Коммуны взять на себя руководство в экономической области»[1].

В «Мемуаре» в полном соответствии с последней книгой Прудона отрицалась любая политическая деятельность рабочих в рамках современного им социально-политического строя; тем самым прудонисты отказались даже от крайне ограниченных и непоследовательных требований двух предыдущих собственных документов. В области социально-экономической выдвигалась мютюэлистская программа: отмена процента, взаимный обмен услугами, даровой кредит, кооперация, равенство прав, отказ от стачек и создания профессиональных союзов, осуждение женского труда в промышленности, реформа профессионального образования, введение статистики[2].

Мелкобуржуазный характер прудонизма проявлялся в признании частной собственности на орудия и средства производства и мелкой земельной собственности как якобы необходимого условия гарантии свободы личности. Ему был свойствен и нигилизм в национальном вопросе, пренебрежительное отношение к судьбе других народов. Прудонисты признавали необходимость для пролетариата собственной экономической науки, чтобы дать научное обоснование его интересам, но их теоретические выводы и практические рецепты, заимствованные у Прудона и выдаваемые за достижения новой, разработанной ими политической экономии, уводили рабочих от классовой борьбы, революционного действия, заражали реформистскими иллюзиями, мешали идейному росту рабочего движения.

Таким образом, если Прудону и принадлежит в какой-то мере заслуга в пробуждении классового самосознания французских пролетариев, то она же и перечеркивается тем обстоятельством, что именно взгляды Прудона, особенно его последняя книга, прямые ссылки на которую содержатся в «Мемуаре», побуждали рабочих отойти даже от тех позиций, на которые они были приведены стихийным развитием самого рабочего движения.

Превращение воззрений Прудона в идейное течение неизбежно сопровождалось трансформацией его первоначальных положений. Так, взгляды Прудона оказали большое влияние на швейцарских и бельгийских рабочих; во Франции воздействие его идей прослеживается на рабочих-бланкистах и радикальном студенчестве. Но в этих кругах, так же как среди бельгийцев и швейцарцев, рабочих Лиона и Руана, распространение прудонистских идей носило все же ограниченный характер, ибо ему противостояли сами объективные условия, уроки классовой борьбы, которые по мере формирования классового самосознания подводили пролетариев к пониманию подлинных задач рабочего движения. Кроме того, в Париже имелись значительные слои рабочего класса, которых не коснулось влияние «правоверных прудонистов»; в Интернационале, в рабочем движении Франции в конце 60-х годов, а затем и в Парижской коммуне они сыграли главную роль.

Идейная борьба с прудонизмом развернулась на первых же конгрессах Товарищества. Маркс видел в ней одну из первоочередных задач Интернационала: «Я считаю чрезвычайно важным освободить французов от тех ложных воззрений, во власти которых они находятся благодаря Прудону с его идеализацией мелкой буржуазии»[3]. Программа, которую прудонисты пытались навязать Международному товариществу рабочих, была опасна тем, что, содержа круг конкретных требований, она привлекала идейно незрелых рабочих иллюзией их осуществимости, мирного решения острых социальных проблем.

---

[1] *Энгельс Ф.* Предисловие ко второму изданию книги «К жилищному вопросу».— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 336.— Платформа прудонистов нашла также отражение в резолюциях, предложенных ими Лозаннскому конгрессу Интернационала (1867), и в других документах.

[2] См.: Congrès de Genève. Memoire des délégués français. Bruxelles, 1866.

[3] Маркс — Людвигу Бюхнеру, 1 мая 1867 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 31, с. 456.

Лассальянство

В канун создания Международного товарищества рабочих широкое распространение среди немецких рабочих получили взгляды Ф. Лассаля [1]. Так же как и Прудон, Лассаль обратился со своей проповедью к рабочим, убедившись в политическом бессилии и трусости буржуазии. Однако формирование лассальянства как идейного течения в немецком рабочем движении произошло путем, отличным от формирования прудонизма во Франции. Если идеям Прудона потребовалось около двух десятилетий, чтобы приобрести популярность среди рабочих романских стран, то от начала агитационной деятельности Лассаля среди немецких рабочих весной 1862 года до создания Всеобщего германского рабочего союза в мае 1863 года прошло немногим более года.

Успех агитации Лассаля не в последнюю очередь определялся его темпераментом политического борца, выступившего с резкой критикой социальных последствий капиталистического развития, с ожесточенными нападками на немецкую буржуазию, умелым использованием в агитации неприглядных фактов повседневной действительности. Но главная причина стремительного распространения его влияния заключалась в объективных причинах: Лассаль начал свою агитацию в момент, когда в связи с бурным подъемом немецкой промышленности вырос и немецкий рабочий класс, усилилось рабочее движение. Среди немецкого пролетариата были живы революционные традиции, заложенные деятельностью Союза коммунистов, политической борьбой в годы революции. Ни реакция, наступившая после 1849 года, ни массовая эмиграция немецких рабочих, ни естественная смена поколений не могли искоренить этих традиций. Стихийное влечение немецкого пролетариата к самостоятельной политической организации, поиск им программы борьбы были поэтому в Германии выражены ярче, чем в других странах. В известном смысле Лассаль пожинал плоды того, что посеяли Маркс и Энгельс в предшествующие десятилетия.

В отличие от Прудона Лассаль не был теоретиком; его представления о роли рабочего класса в развитии общества, задачах рабочего движения излагались в речах, письмах, обращениях, прямо адресованных рабочему классу. Они носили открыто агитационный характер, были выражены в предельно доступной для понимания форме и воспринимались пролетариями как программа борьбы. Сильной стороной лассалевской агитации было требование организации самостоятельной политической партии рабочих, хотя задачи такой партии Лассаль сводил к «мирной и законной агитации», чтобы добиваться представительства рабочего сословия в германских законодательных собраниях [2]. Теоретическая несостоятельность воззрений Лассаля, его политический оппортунизм, разумеется, не могли быть сразу распознаны рабочими.

Лассаль неоднократно называл себя учеником Маркса. Однако в его взглядах идеи Маркса и Энгельса преломлялись искаженно. Так, например, положение Лассаля о «единой реакционной массе» всех классов, противостоящих пролетариату, отражает ложно понятое положение «Манифеста Коммунистической партии» о том, что «из всех классов, которые противостоят теперь буржуазии, только пролетариат представляет собой действительно революционный класс. Все прочие классы приходят в упадок и уничтожаются с развитием крупной промышленности, пролетариат же есть ее собственный продукт» [3]. По поводу брошюры Лассаля «Программа работников» Маркс писал Энгельсу 28 января 1863 года, что «это не что иное, как скверная вульгаризация «Манифеста» и других часто проповедуемых нами вещей» [4]. Показательно, что Лассаль формально отмежевался от коммунизма и социализма [5].

---

[1] См. об этом в главе пятой настоящей книги.
[2] См.: *Лассаль Ф.* Сочинения. М., 1925, т. 2, с. 54.
[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 434.
[4] Там же, т. 30, с. 264.
[5] См.: *Лассаль Ф.* Сочинения, т. 2, с. 66, 70.

Лассаль некритически воспринял догму буржуазной политической экономии о «минимуме заработной платы», что в его концепции получило название «железного закона заработной платы». Отсюда проистекало пренебрежение экономической борьбой пролетариата. В написанном Лассалем 1 марта 1863 года «Гласном ответе Центральному комитету, учрежденному для созыва общего германского рабочего конгресса в Лейпциге», который стал, по существу, программой основанного Союза, не уделялось места ни стачкам, ни борьбе за повышение заработной платы, ни созданию профессиональных союзов.

Лассальянство как идейное течение формировалось тогда, когда в политической жизни немецких государств главным стал вопрос о путях объединения Германии. Борьба шла между сторонниками объединения Германии «сверху» — «железом и кровью» (Бисмарк) и «снизу» — революционным путем. Этим вторым путем должны были бы идти немецкая буржуазия и пролетариат. Однако буржуазия (в лице прогрессистской партии) в страхе перед своим главным классовым врагом все более сдавала радикальные позиции и готовилась к капитуляции перед Бисмарком (что и произошло после 1866 года). Лассаль же встал на путь поддержки гегемонистских устремлений прусского правительства Бисмарка. «Лассаль приспособлялся,— отметил Ленин,— к победе Пруссии и Бисмарка...» [1] Но если Лассаль заигрывал с правительством Бисмарка по тактическим соображениям, то у его преемников (Б. Беккера, И. Б. Швейцера) эта политика превратилась в беспринципную поддержку бонапартистской политики правительства по отношению к рабочему классу, в стремление опереться на государственную власть, отказавшись от революционной борьбы, встать на путь соглашательства и реформизма.

В отличие от прудонизма со свойственным ему анархизмом, в лассальянстве с деятельностью государства, приобретавшего якобы надклассовый характер, связывались надежды на преобразование социального строя. А изменение характера самого государства должно было наступить не с революцией, а с завоеванием рабочим классом большинства в представительных учреждениях в результате введения всеобщего избирательного права. Лассальянский план создания с государственной помощью производительных ассоциаций открывал путь для вмешательства прусского государства в реализацию социальных проектов «мирным» путем. Аргументы Лассаля — он доказывал возможность создания кооперативных рабочих обществ с финансовой помощью государства по образцу государственных субсидий железнодорожным компаниям — и заявление правительства в прусском ландтаге в 1865 году о готовности рассмотреть вопрос об оказании государственной помощи кооперативным обществам сеяли среди рабочих иллюзии реальности подобных планов, отвлекали их от задач революционной борьбы. Особая опасность этого для международного рабочего движения заключалась в том, что если во Франции рабочие, находившиеся под влиянием социальной демагогии бонапартистских кругов, в секциях Интернационала пользовались незначительным влиянием, то в Германии, напротив, лассальянские взгляды получили такое распространение, что многие, даже активные участники рабочего движения и члены Товарищества, в той или иной степени испытывали влияние отдельных идей лассальянства.

Серьезным пороком лассальянства были национальная ограниченность и особенно антидемократизм, который нашел отражение в культе Лассаля, в организационной структуре Всеобщего германского рабочего союза, в широких полномочиях президента (сначала им был Ф. Лассаль, потом Б. Беккер, И. Б. Швейцер) и отсутствии прав у местных организаций.

Вместе с тем жизнь порождала предпосылки для преодоления влияния лассальянских догм и развития сознания немецких рабочих в революционном духе. На практике выявилась несостоятельность «железного закона заработной платы». Нельзя было игнорировать в рабочем движении тягу к

[1] *Ленин В. И.* Под чужим флагом.— Полн. собр. соч., т. 26, с. 138.

международной солидарности. Уже в программном заявлении органа Союза — газеты «Социал-демократ» в декабре 1864 года было все же сказано, что деятельность Союза исходит из солидарности «интересов народа и народного дела во всем цивилизованном мире» [1], хотя на деле лидеры Союза, ссылаясь на существующее законодательство, препятствовали присоединению к Интернационалу.

Борьба с лассальянством в Интернационале и за его пределами носила упорный характер, была длительной. Вначале, следуя принятой в Товариществе общей тактической линии — обращаться к уже существующим организациям, Маркс попытался установить контакты с Всеобщим германским рабочим союзом. Осуществляя эту задачу, В. Либкнехт сообщал Марксу 16 февраля 1865 года: «Мой план состоит в том, чтобы склонить на нашу сторону лассальянское рабочее движение и привить ему революционный дух» [2]. Однако очень скоро от этого плана пришлось отказаться. Уже 23 февраля 1865 года Маркс, Энгельс и их сторонники порвали с редакцией газеты «Социал-демократ», открыто заявив, что причиной разрыва является заигрывание газеты с прусским правительством. Это заявление сыграло важную роль в борьбе против лассальянства, по определению Маркса и Энгельса,— «королевско-прусского правительственного социализма» [3].

В противоборстве с лассальянством Маркс и Энгельс опирались на оппозиционные лассальянскому руководству революционные элементы, оставшиеся некоторое время в рядах Всеобщего германского рабочего союза (В. Бракке, Л. Бонхорст и др.). С 1865 года в Германии стали создаваться секции Международного товарищества рабочих, непосредственно связанные с Марксом как секретарем-корреспондентом Генерального совета для Германии. Со второй половины 60-х годов начал активно действовать основанный в 1863 году Союз немецких рабочих обществ, во главе которого в то время стояли В. Либкнехт и А. Бебель. Борьба марксистского крыла в немецком рабочем движении с лассальянством ознаменовалась созданием в 1869 году Социал-демократической рабочей партии Германии — первой революционной массовой рабочей партии, стоявшей в основном на марксистских позициях и провозгласившей свою верность делу Международного товарищества рабочих.

Таковы были главные направления в рабочем движении Англии, Германии и Франции накануне основания Интернационала. Рабочее движение других стран по своей идеологии, обладая специфическими особенностями, имело много общего с тремя главными направлениями — тред-юнионизмом, прудонизмом и лассальянством.

Единая сущность противостоявших марксизму течений

Несмотря на существенные различия между взглядами тред-юнионистов, прудонистов и лассальянцев, теоретическая основа у них, в сущности, была едина. Во многом это объясняется единообразием развития капиталистических отношений, а также общностью идейных источников. Прудон, Лассаль и Дж. Ст. Милль (положения которого главным образом послужили фундаментом реформистских взглядов английских тред-юнионистов) в той или иной степени опирались на А. Смита, Д. Рикардо, социалистов-утопистов рикардианской школы. Сходство идей Смита, Рикардо, Сисмонди, Прудона, Родбертуса неоднократно отмечал Ленин [4].

И тред-юнионисты, и лассальянцы, и прудонисты исходили из пред-

---

[1] См.: Der Social-Demokrat. Probe Nummer, 1864, 15.XII.

[2] Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 1, оп. 1, д. 1834.

[3] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Заявление в редакцию газеты «Social-Demokrat».— Соч., т. 16, с. 79.

[4] См.: *Ленин В. И.* К характеристике экономического романтизма; Заметка к вопросу о теории рынков.— Полн. собр. соч., т. 2, с. 139, 210—211; т. 4, с. 52.

ставления о «минимуме заработной платы», которое логически вытекало из трудовой теории стоимости Рикардо. Не проводя различия между понятиями «рабочая сила» и «труд», Рикардо полагал, что рабочий обменивает свой труд, как и всякий другой товар, по эквиваленту, и его цена совпадает с издержками производства, которые и составляют минимум заработной платы. Отсюда проистекало пренебрежение прудонистами и лассальянцами экономической борьбой пролетариата. В сущности, и деятели тред-юнионов были против стачек, хотя развитые капиталистические отношения и классовые противоречия уже давно заставляли их вести стачечную борьбу. Все беды рабочего класса (низкая заработная плата, безработица, эксплуатация и пр.), по мнению мелкобуржуазных идеологов, проистекали от пороков и злоупотреблений в сфере обмена. Поэтому необходимость социальных преобразований сводилась к требованию упорядочить «по справедливости» принцип распределения общественного продукта, и все конкретные меры (аграрная программа, эмиграционные фонды в Англии; согласительные камеры во Франции; создание с государственной помощью производительных ассоциаций в Германии и др.) были нацелены на решение этой задачи.

В отношении к политической борьбе взгляды представителей этих течений колебались от ее полного отрицания (прудонизм) до сведения ее либо к проблемам борьбы за всеобщее избирательное право (лассальянство), либо к «либеральной рабочей политике» (тред-юнионизм), требования которой, как правило, не выходили за рамки самой общей буржуазно-демократической программы.

И взглядам тред-юнионистов, и воззрениям сторонников прудонизма и лассальянства были присущи национальная ограниченность и узость в понимании задач и целей рабочего класса в области демократического и социального преобразования общества. Эти течения складывались на основании частного опыта самого рабочего движения и заимствования догматических положений у своих основателей (прудонизм и лассальянство). Каждое из этих течений в свое время и в известных пределах выражало интересы определенных слоев трудящихся, и в этом состояло их значение для ранней стадии развития рабочего движения. Однако ни тред-юнионизм, ни прудонизм, ни лассальянство не были способны определить ни конечную цель пролетарского движения, ни его пути и средства. По мере роста рабочего движения эти течения приобретали все более реформистский, оппортунистический, сектантский характер и в Интернационале стали серьезным препятствием на пути развития международного рабочего движения, его соединения с научным социализмом, ибо не могли преодолеть свою теоретическую ограниченность и учесть универсальный, общий опыт классовой борьбы международного пролетариата.

Основание Интернационала и марксизм

В освободительном движении рабочего класса Интернационалу принадлежит важнейшее место. Его историческая заслуга состоит в преодолении национальной и организационной разобщенности в рабочем движении, в сплочении передовых отрядов пролетариата в интернациональную классовую силу, в осуществлении на практике единства действий международного рабочего движения и воплощении в жизнь принципов пролетарского интернационализма. «Первый Интернационал (1864—1872),— писал Ленин,— заложил фундамент международной организации рабочих для подготовки их революционного натиска на капитал» [1].

Историческая роль Интернационала была обусловлена двумя

[1] *Ленин В. И.* Третий Интернационал и его место в истории.— Полн. собр. соч., т. 38, с. 302.

обстоятельствами. Рабочее движение в европейских странах и в США достигло того уровня развития (или подходило к нему), когда оно, не довольствуясь тред-юнионистской практикой, инстинктивно влеклось к социализму. Однако инстинктивное влечение к социализму, стихийное развитие классового самосознания имели пределы, выйти за которые самостоятельно рабочее движение не могло. «...Исключительно своими собственными силами,— отмечал Ленин,— рабочий класс в состоянии выработать лишь сознание тред-юнионистское, т. е. убеждение в необходимости объединяться в союзы, вести борьбу с хозяевами, добиваться от правительства издания тех или иных необходимых для рабочих законов и т. п.» [1]

С другой стороны, образование, а затем и дальнейшее развитие этой первой массовой международной организации пролетариата происходило при возросшем влиянии на рабочее движение марксизма, который достиг к тому времени более высокого, чем прежде, теоретического уровня. Только открытое марксизмом понимание всемирно-исторической роли пролетариата, научно обоснованный принцип пролетарского интернационализма могли создать идейную основу для объединения пролетариата разных стран. Превращение социализма из утопии в науку явилось идейной предпосылкой для соединения массового рабочего движения с научным социализмом. Только открытие законов общественного развития позволяло разработать научную теорию классовой борьбы, революционную стратегию и тактику пролетариата, учитывающие общие закономерности классовой борьбы и национальные особенности каждой страны. В отличие от утопических концепций и проектов лассальянства и прудонизма лишь марксизм дал пролетариату представление о его подлинных интересах и задачах, раскрыл истинную цель его классовой борьбы, определил ее формы, способы социалистического переустройства общества, помогая преодолевать чуждые классовые влияния, догмы мелкобуржуазного социализма, идейную раздробленность, сектантство, национальную замкнутость и ограниченность.

Идея пролетарского интернационализма была обоснована Марксом и Энгельсом накануне революций 1848—1849 годов. Абстрактному лозунгу братства народов, под прикрытием которого буржуазия на деле стремилась к увековечиванию эксплуатации, сохранению национального и колониального гнета, они противопоставили боевой лозунг солидарности рабочих «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», провозглашенный в «Манифесте Коммунистической партии». «Манифест» явился страстным и всесторонним обоснованием идеи пролетарского интернационализма. В нем была раскрыта коренная общность условий существования и освобождения пролетариев всех стран, несмотря на их национальные различия. Пролетарский интернационализм — органическая черта рабочего

[1] *Ленин В. И.* Что делать? — Полн. собр. соч., т. 6, с. 30.

движения. Маркс и Энгельс показали его действенный, революционный характер. Дальнейшее углубленное обоснование идея общности интересов рабочих всех стран получила в экономических работах Маркса 50—60-х годов. Громадное значение имел выход в свет в 1867 году первого тома «Капитала», который, по словам Энгельса, явился «политической экономией рабочего класса в ее научном выражении» [1].

Для воплощения принципов пролетарского интернационализма важное значение имел опыт практической деятельности Союза коммунистов, созданного Марксом и Энгельсом в канун революций 1848—1849 годов.

Попытки создания международных объединений трудящихся (Союз справедливых и др.), как и идейного обоснования общности интересов пролетариев разных стран (социально-утопические идеи о всемирной ассоциации народов Оуэна, Сен-Симона, Вейтлинга и др.), предпринимались и ранее. Однако они носили абстрактно-гуманистический характер, неизбежный в ту пору. Создаваемые объединения либо подпадали под чуждое классовое влияние, либо носили сектантский, заговорщический характер, что являлось преградой на пути развития рабочего движения.

Создание и деятельность Союза коммунистов, основание при участии Маркса и Энгельса международного общества «Братские демократы» явились первым организационным опытом осуществления принципов пролетарского интернационализма. Союзу коммунистов удалось сплотить в единую пролетарскую организацию передовых рабочих разных национальностей, создать свои общины в ряде стран Европы и в США. Члены Союза, получившие теоретическую закалку и прошедшие школу практической революционной деятельности, были первыми сознательными пролетарскими революционерами, вооруженными пониманием задач и конечных целей классовой борьбы пролетариата. Эта когорта впоследствии, в Международном товариществе рабочих, стала живым носителем традиций пролетарского интернационализма, костяком, вокруг которого сплачивалось новое поколение пролетарских революционеров, вступавших на идейную платформу научного социализма. И в этом смысле Союз коммунистов считается идейным предшественником Интернационала.

И после роспуска Союза коммунистов, в условиях реакции, а затем — нового подъема демократического движения, Маркс и Энгельс постоянно заботились о сохранении старых кадров пролетарских революционеров, поддерживали связи с лидерами левого, революционного крыла чартизма, с рабочим и демократическим движением в Англии, США, Германии, Франции, Швейцарии, неустанно распространяли в печати идеи научного коммунизма. Благодаря этому к моменту создания Товарищества имя Маркса как вождя немецких рабочих-коммунистов, страстного интернационалиста, защитника интересов трудящихся всех стран, публициста

[1] См.: *Энгельс Ф.* Карл Маркс.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 381.

и ученого-теоретика было хорошо известно рабочим, организаторам Учредительного собрания Интернационала, которые и пригласили его в президиум собрания как представителя немецкой революционной эмиграции.

Успешная деятельность Товарищества обеспечивалась величайшим умением Маркса «в движении сегодняшнего дня» отстаивать «будущность движения» [1]. В интересах его устойчивого развития Маркс, с одной стороны, не делал уступок отсталым настроениям, а с другой — в соответствии с тактикой, изложенной еще в «Манифесте Коммунистической партии» и испытанной в Союзе коммунистов, выдвигал в порядок дня классовой борьбы требования, до понимания которых рабочее движение уже выросло и которые позволяли рабочим от частного опыта перейти к осознанию своих общих задач. В этой тактике, в неразрывной связи марксизма с реальным рабочим движением, в постоянном анализе и теоретическом осмыслении его опыта, достигнутого уровня состоял залог побед марксизма над сектантскими течениями, которые пытались ввести рабочее движение в русло своих доктринерских схем.

Таким путем Маркс добивался утверждения идей научного социализма в Интернационале. Его руководство Генеральным советом Товарищества, организаторский талант, умение пробудить инициативу и активность рабочих, в ходе и на опыте повседневной борьбы формировать их классовое сознание, воспитание им талантливых, мыслящих руководителей рабочего движения, способных вырабатывать правильную классовую позицию в борьбе с идеологическими противниками, определили в ряду других факторов историческое значение Интернационала. «Объединяя рабочее движение разных стран,— писал Ленин,— стараясь направить в русло совместной деятельности различные формы непролетарского, домарксистского социализма (Мадзини, Прудон, Бакунин, английский либеральный тред-юнионизм, лассальянские качания вправо в Германии и т. п.), борясь с теориями всех этих сект и школок, Маркс выковывал единую тактику пролетарской борьбы рабочего класса в различных странах» [2].

Ближайшим соратником Маркса в руководстве Товариществом был Энгельс. Хотя до 1870 года, живя в Манчестере, Энгельс формально не был членом Генерального совета, на деле все наиболее важные шаги в Совете, при подготовке конгрессов, в выработке тактики по важнейшим вопросам Маркс всегда предпринимал, предварительно посоветовавшись с Энгельсом. Их переписка за 1864—1870 годы дает богатейший материал к истории Международного товарищества рабочих, воссоздает картину совместной разработки ими и в этот период важнейших положений научного коммунизма. По просьбе Маркса Энгельс написал ряд документов Товарищества. Он способствовал также созданию и деятельности

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии,— Соч., т. 4, с. 458.

[2] *Ленин В. И.* Карл Маркс.— Полн. собр. соч., т. 26, с. 49.

местной организации Интернационала в Манчестере, вел обширную переписку с деятелями рабочего движения разных стран.

Таким образом, в лице Маркса и Энгельса Международное товарищество рабочих имело руководителей, вооруженных пониманием коренных интересов пролетариата и конечных целей его движения. Только марксизм мог решить такие проблемы рабочего движения, как соотношение всеобщего и особенного, интернационального и национального, классовых и общедемократических требований, конечных целей и текущих задач. Проблему социального освобождения пролетариата марксизм рассматривал с учетом национальных особенностей, находя для классовых требований пролетариата форму, отвечающую специфическим условиям той или иной страны. Уже на первом этапе существования Интернационала марксизм на практике доказал свою универсальность, способность правильно выразить как общие, так и специфические интересы и задачи любого национального отряда рабочего класса, обусловленные уровнем рабочего движения, степенью его классовой зрелости, взаимоотношениями с другими классами и социальными слоями общества. Марксизм вновь проявил способность к беспрестанному развитию, умение теоретически осмысливать новые явления и тенденции в жизни общества и классовой борьбе пролетариата.

2. ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ И ВОПЛОЩЕНИЕ В ИНТЕРНАЦИОНАЛЕ ПРОГРАММНЫХ И ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ПРИНЦИПОВ МАРКСИЗМА

С основанием Международного товарищества рабочих Маркс и Энгельс получили возможность для распространения своих идей в массовом рабочем движении, ибо в Интернационале были представлены и объединены пролетарии почти всех развитых стран. В деятельности Интернационала и самому марксизму предстояло пройти новую историческую проверку.

Первые программные документы Интернационала

Руководящая роль Маркса в Товариществе определилась сразу. Уже 28 сентября 1864 года он был избран в состав Генерального совета в качестве представителя от немецких рабочих, а 5 октября — в комиссию (подкомитет), созданную для выработки программных документов. В силу ряда обстоятельств Маркс смог принять участие в работе комиссии лишь 18 октября 1864 года. Выявившаяся к этому времени теоретическая беспомощность комиссии, ее безуспешные попытки справиться с этой задачей привели членов Генерального совета к убеждению, что только Маркс может составить программу и устав созданной организации. Отношение к Марксу определилось словами: «The right man on the right place» («Надлежащий человек на надлежащем месте») [1], которые были произнесены при обсуждении

[1] См.: Основание Первого Интернационала. Сентябрь — ноябрь 1864 г. М., 1934, с. 65—66.

вопроса о том, кому доверить окончательную редакцию программных документов Товарищества.

При составлении этой программы Маркс встретился с большими трудностями. Прежде всего ему пришлось считаться с работой, уже проделанной до него. Именно потому исходные программные принципы Интернационала были изложены им не в одном, а в двух документах — «Учредительном манифесте Международного Товарищества Рабочих» и во вводной части (преамбуле) «Временного устава Товарищества». Однако главная трудность была не в этом.

Почти двумя десятилетиями ранее Маркс и Энгельс написали «Манифест Коммунистической партии», который явился программой авангарда рабочего класса, объединенного в Союз коммунистов, стал кредо единомышленников, сознательных сторонников коммунистических идей. Союз коммунистов был первой международной пролетарской организацией, которую с полным основанием можно назвать коммунистической партией. Теперь же Марксу предстояло изложить программу массового международного рабочего движения, идейный уровень которого, ввиду его широты и пестроты состава, был сравнительно ниже, но которое в практике классовой борьбы по своему размаху и влиятельности поднялось на качественно новую ступень.

В передовых отрядах пролетариата уже пробудилось понимание необходимости классовой солидарности в международном масштабе, что нашло воплощение в создании Международного товарищества рабочих. Рабочее движение перерастало господствующие в нем взгляды: ни прудонизм, ни лассальянство, ни тред-юнионизм не были в состоянии выразить его международные задачи. Только Маркс и Энгельс, еще в канун революций 1848—1849 годов выдвинув лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», могли предложить теперь программу созданной международной пролетарской организации, зафиксировав уже достигнутые результаты стихийного подъема рабочего движения и определив его дальнейшие задачи. Нужно было положить в ее основу стержневую идею, которая помогла бы объединить и сплотить национальные отряды рабочего класса, выявив то общее, что было им присуще. Этой идеей стало четко выраженное и в Учредительном манифесте и Временном уставе положение о пролетарском интернационализме, идея единения рабочих всех стран как необходимого условия успешной борьбы за социальное освобождение. Во Временном уставе Маркс подчеркнул, что «освобождение труда — не местная и не национальная проблема, а социальная, охватывающая все страны, в которых существует современное общество...» [1]. Разъясняя эту мысль в Учредительном манифесте, он писал: «Опыт прошлого показал, что пренебрежительное отношение к братскому союзу, который должен существовать между рабочими разных стран и побуждать

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 16, с. 12.

их в своей борьбе за освобождение крепко стоять друг за друга, карается общим поражением их разрозненных усилий»[1].

«Освобождение рабочего класса должно быть завоевано самим рабочим классом»

В четкой формулировке Маркс сумел определить конечную цель пролетарского движения — полное социальное освобождение рабочего класса его собственными силами. Первая же статья Временного устава гласила: «...освобождение рабочего класса должно быть завоевано самим рабочим классом; ...борьба за освобождение рабочего класса означает борьбу не за классовые привилегии и монополии, а за равные права и обязанности и за уничтожение всякого классового господства»[2].

Для осуществления этой задачи пролетариату, подчеркнул Маркс, нужна организация (пока здесь говорилось лишь о принципе; Маркс не уточнял, какую именно организацию он имеет в виду) и научная теория. «Один из элементов успеха — численность — у рабочих уже есть,— констатировал он в Учредительном манифесте,— но численность только тогда решает дело, когда масса охвачена организацией и ею руководит знание»[3].

В основу первых программных документов Интернационала Маркс положил ряд идей и выводов, уже сформулированных им и Энгельсом в «Манифесте Коммунистической партии». Истекший период подтвердил правильность их выводов о возникшем несоответствии производственных отношений выросшим производительным силам капиталистического общества, показав, что «на современной порочной основе всякое дальнейшее развитие производительной силы труда неизбежно углубляет общественные контрасты и обостряет общественные антагонизмы»[4]. На примере самой передовой капиталистической страны того времени — Англии Маркс раскрыл действие сформулированного им в «Капитале» всеобщего закона капиталистического накопления, подчеркнув, что рост промышленного производства, увеличение богатства и могущества страны не только не уничтожили нищеты трудящихся масс, но, напротив, углубили пропасть между имущими классами и массой трудящихся.

Большое внимание в Учредительном манифесте Маркс уделил попыткам рабочего класса улучшить свое положение в буржуазном обществе (борьбе английского пролетариата за ограничение рабочего дня десятью часами, кооперативному движению). Отдавая должное этим усилиям, он, однако, подчеркнул, что их практические результаты всегда будут носить ограниченный характер.

Анализ борьбы английского рабочего класса в 50—60-х годах XIX века позволил Марксу сделать существенный вывод. Благодаря практическому опыту кооперативного движения, коопера-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 16, с. 10—11.
[2] Там же, с. 12.
[3] Там же, с. 10.
[4] Там же, с. 7.

тивных форм, писал Маркс, «не на словах, а на деле рабочие доказали» возможность существования крупной промышленности при отсутствии частной собственности на орудия и средства производства и неизбежность замены наемного труда ассоциированным трудом [1]. И введение 10-часового рабочего дня в Англии, и успехи кооперативного движения Маркс расценил как победу рабочего класса над буржуазией.

«Завоевание политической власти — великая обязанность рабочего класса»

Намечая пока еще в общих чертах пути достижения цели рабочего движения, Маркс указал, что освобождение пролетариата от социальной обездоленности, умственной приниженности и политической зависимости возможно только при уничтожении экономической зависимости от эксплуататоров, иными словами,— при уничтожении основ существующего строя. Таким образом, в первых же программных документах Маркс, сформулировав конечную цель пролетарского движения, указал и условия ее осуществления. В Учредительном манифесте он сформулировал задачу завоевания рабочим классом политической власти: «...магнаты земли и магнаты капитала всегда будут пользоваться своими политическими привилегиями для защиты и увековечения своих экономических монополий. Они не только не будут содействовать делу освобождения труда, но, напротив, будут и впредь воздвигать всевозможные препятствия на его пути... Завоевание политической власти стало, следовательно, великой обязанностью рабочего класса» [2].

Эту мысль Маркс развил в преамбуле Временного устава. Он сформулировал здесь положение о необходимости для пролетариата самостоятельной политики, цель которой отличается от задач общедемократического движения, от задач либеральной буржуазии, демократической и радикальной мелкой буржуазии. Политическую борьбу Маркс рассматривал как средство социально-экономического освобождения пролетариата: «...экономическое освобождение рабочего класса есть, следовательно, великая цель, которой всякое политическое движение должно быть подчинено как средство» [3]. Более того, социально-экономическое освобождение рабочего класса только и возможно путем политической борьбы, политического движения пролетариата. Эти положения Устава противостояли проповеди «воздержания от политики», с которой в Товариществе выступали сначала прудонисты, а затем и бакунисты [4].

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 16, с. 9.

[2] Там же, с. 10.

[3] Там же, с. 12.

[4] Не случайно поэтому при переводе Временного устава на французский язык, предпринятом прудонистами в конце 1864 — начале 1865 года, слова «как средство» были опущены. В свою очередь бакунисты в борьбе против Маркса и Энгельса в Интернационале опирались именно на этот искаженный французский перевод Временного устава (см.: *Энгельс Ф.* В редакцию газеты «Berliner Volks-Tribune».—Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 362).

Устав провозглашал равенство людей независимо от цвета их кожи, верований и национальности. Проблема соотношения национального и интернационального разрабатывалась в дальнейшем на опыте конкретных, живых и острых коллизий современности.

Таковы были ключевые положения первых программных документов Товарищества.

Начало соединения марксизма с массовым рабочим движением

Принятие Учредительного манифеста и Временного устава положило начало соединению в Интернационале марксизма с массовым рабочим движением. Внесение в рабочее движение идеи классовой организации было предпосылкой выполнения пролетариатом своей всемирно-исторической роли. «*Интернационал* был основан для того,— подчеркивал Маркс,— чтобы заменить социалистические и полусоциалистические секты подлинной организацией рабочего класса для борьбы. Первоначальный Устав и Учредительный Манифест сразу же указывают на это» [1].

Учредительный манифест и Временный устав были созданы в качестве основы широкой пролетарской организации. Выдвигая главным условием приема в Товарищество признание его основной цели — защиты, развития и полного освобождения рабочего класса [2], Устав открывал доступ в Интернационал существующим рабочим организациям с целью объединения всех боеспособных сил рабочего класса Европы и Америки. «Было очень трудно сделать так,— писал Маркс Энгельсу 4 ноября 1864 года, рассказывая о создании Учредительного манифеста и Временного устава,— чтобы наши взгляды были выражены в форме, которая делала бы их приемлемыми для современного уровня рабочего движения... Требуется время, пока вновь пробудившееся движение сделает возможной прежнюю смелость речи» [3].

Первые программные документы Товарищества — блестящий образец гибкой тактики, выработанной Марксом и Энгельсом, которая в конкретных условиях середины 60-х годов XIX века обеспечила единство действий международного пролетариата и массовый характер Интернационала. Включение же в них важнейшего положения научного коммунизма о всемирно-исторической роли пролетариата предопределило с самого начала характер Товарищества как классово-самостоятельной международной рабочей организации.

Учредительный манифест и Временный устав были документами организации, которая, провозгласив условием освобождения пролетариата завоевание им политической власти, еще не выдви-

---

[1] Маркс — Фридриху Больте, 23 ноября 1871 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 33, с. 278.

[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 16, с. 13.

[3] Там же, т. 31, с. 13.

гала это требование в качестве своей непосредственной задачи. Язык этих документов отличен от призывного, «набатного» языка «Манифеста Коммунистической партии». В конкретных исторических условиях, в которых возникло Международное товарищество рабочих, оно, как заметил впоследствии Энгельс, «не могло *отправляться непосредственно* от принципов, изложенных в «Манифесте»»[1]. Поэтому в Учредительном манифесте и Временном уставе нет прямых требований уничтожения частной собственности на орудия и средства производства, положения о пролетарской революции и диктатуре пролетариата, не поставлена прямо задача создания пролетарской политической партии. Тем не менее подход к этим идеям содержится и в Учредительном манифесте и в преамбуле Временного устава в самой формулировке конечной цели пролетарского движения.

Первые программные документы Интернационала не делали уступок отсталым взглядам, распространенным в рабочем движении отдельных стран. Напротив, они служили основой для борьбы против чуждых классовых влияний, за пролетарский характер Товарищества, за единство действий международного пролетариата, против реформистской или авантюристической тактики отдельных группировок. Определяя задачи пролетариата на данном этапе его развития, они, будучи социалистическими по своему духу, создавали предпосылки для дальнейшего утверждения в рабочем движении революционных принципов. Маркс рассчитывал, что в ходе практической деятельности Интернационала, посредством дискуссий в печати, на конгрессах, в Генеральном совете и местных секциях удастся преодолеть чуждые идейные влияния, сектантские, реформистские взгляды и воплотить в программе Интернационала принципы научного коммунизма в явной и развернутой форме. «Так как степень развития различных отрядов рабочих одной и той же страны, а также рабочего класса разных стран неизбежно очень различна,— писал Маркс,— то и действительное движение неизбежным образом получает свое выражение в чрезвычайно различных теоретических формах. Общность действий, которую Международное Товарищество Рабочих вызывает к жизни, обмен идеями при посредстве различных органов секций во всех странах, наконец, непосредственное обсуждение на общих конгрессах постепенно приведут к созданию для всего рабочего движения также и общей теоретической программы»[2].

Учредительный манифест и Временный устав были первыми произведениями нового этапа в развитии самого марксизма. Они учитывали реальный опыт рабочего движения (борьба за рабочее законодательство, кооперативное и тред-юнионистское движение,

---

[1] См.: *Энгельс Ф.* Предисловие к немецкому изданию «Манифеста Коммунистической партии» 1890 года.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 61.

[2] Маркс — Энгельсу, 5 марта 1869 г.— Там же, т. 32, с. 218.

участие пролетариата в демократических движениях современности и т. п.), которое в дальнейшем, уже в рамках Интернационала, поставило перед марксизмом задачу разработки конкретной программы политической и экономической борьбы, организационных принципов. Новый уровень рабочего движения предъявил новые требования и к тактике его авангарда (до создания первых пролетарских партий роль этого авангарда выполнял руководимый Марксом Генеральный совет): только гибкая тактика, учитывающая идейную неоднородность и различный уровень развития национальных отрядов пролетариата, могла обеспечить восприятие и утверждение в рабочем движении идей научного социализма.

Разработка организационных принципов

Создание Интернационала вызвало необходимость поиска новых организационных принципов, организационных форм, соответствующих новому этапу рабочего движения. В ходе практической деятельности Товарищества, на его опыте Маркс сумел эти формы найти, эти принципы теоретически разработать и обосновать.

Международное товарищество рабочих не создавалось как пролетарская политическая партия в строгом смысле этого слова. Тем не менее история его становления и развития, теоретическое осмысление его опыта является важнейшим этапом в формировании представлений о пролетарской партии, в уяснении ее места в рабочем движении, роли в классовой борьбе пролетариата, а также в разработке ее организационных принципов.

Формирование этих представлений началось с первых дней существования Интернационала в результате деятельности пролетарского ядра Генерального совета под руководством Маркса. Организационная структура Товарищества складывалась постепенно. Если в разработке его социально-политической программы Маркс опирался на зрелую теорию исторического материализма и пролетарской политической экономии, то в разработке организационных основ в гораздо большей степени пришлось идти опытным путем. Громадное значение имел опыт Союза коммунистов, однако Союз объединял лишь передовых представителей международного пролетариата, стоявших на позициях научного коммунизма, был вынужден действовать нелегально. Его организационную структуру нельзя было механически перенести на массовое рабочее движение, да еще при отсутствии идейного единства. Притом далеко не во всех странах имелись самостоятельные рабочие организации, и ни в одной стране еще не было пролетарской партии. Тем не менее Маркс взял из опыта Союза коммунистов ряд важнейших принципов — отказ от структуры и практики тайных, заговорщических обществ; выборность и отчетность; представление о конгрессе как высшем руководящем органе и др.

Организационный опыт других союзов и объединений рабочего класса не имел для Интернационала большого значения, так как все они ставили перед собой ограниченные цели и их опыт не вы-

ходил за национальные рамки. Традиции боевых пролетарских организаций прошлого, например бланкистских, в силу их заговорщического характера также не могли быть использованы. Организационный опыт предшествовавшего Интернационалу самого массового рабочего движения — чартизма был порожден специфическими условиями Англии и не годился для стран европейского континента.

Некоторые правила, определившие, например, на первых порах процедуру проведения заседаний Генерального совета, порядок внесения и утверждения резолюций и др., были заимствованы из опыта английских демократических обществ (они применялись и в английских рабочих организациях), отчасти демократических организаций других стран (французских революционных клубов, корреспондентских комитетов).

Однако не эти правила определили структуру Товарищества, а те принципиальные положения, которые были сформулированы Марксом во Временном уставе и предусматривали развитие Интернационала как массовой организации международного пролетариата. Исходные организационные принципы постепенно развивались и совершенствовались на опыте практической деятельности, получали отражение в решениях конгрессов Интернационала, фиксировались в его Общем уставе. Детальная разработка положений, касающихся прав и обязанностей конгрессов, Генерального совета, секций, присоединившихся обществ, национальных организаций и отдельных членов Товарищества, привела к созданию нового документа — Организационного регламента, который по решению Женевского конгресса (1866) стал приложением к Уставу Товарищества.

Руководящие органы Интернационала

Сила и действенность Интернационала зависели прежде всего от бесперебойной деятельности Генерального совета, от его прав и обязанностей, обеспечивающих его работоспособность, превращение в «*орудие защиты общих интересов* Интернационала» [1], поскольку между конгрессами Совет выполнял всю работу по руководству Товариществом. Более того, первое время Совет был практически единственной организационной формой, в которой существовал Интернационал, так как создание Совета предшествовало образованию местных организаций. Первоочередной задачей Маркс считал усиление в Генеральном совете пролетарского ядра и превращение Совета в четко работающий орган с обязательной дисциплиной для всех его членов.

Согласно Уставу, избираемый конгрессом и ответственный перед ним Генеральный совет, в который входили лица разных национальностей, избирал из своего состава председателя, генерального секретаря, казначея и секретарей-корреспондентов для от-

[1] См.: Маркс — Полю Лафаргу, 21 марта 1872 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 33, с. 366.

дельных стран; последним вменялось в обязанность быть связующей инстанцией между организациями Товарищества в данной стране и Советом, вести деловую переписку.

Генеральный совет много внимания уделял завязыванию и поддержанию интернациональных связей, организации обсуждения в Интернационале насущных вопросов рабочего движения, налаживанию изучения социально-экономического положения рабочих в разных странах. Он принимал в Товарищество секции, организации и отдельных лиц, мог временно приостанавливать их членство до очередного конгресса, разрешал конфликты, возникавшие в национальных федерациях. Совет осуществлял подготовку очередных конгрессов, проводил обсуждение и согласование с секциями программы работы конгрессов. На основании материалов местных организаций он составлял к очередному конгрессу общий отчет о деятельности Товарищества за истекшее время. На первом же конгрессе в 1866 году Совету было вменено в обязанность приводить в исполнение резолюции конгрессов [1]. Таким образом, с самого начала функции Совета определились как функции исполнительного органа Товарищества [2].

Устав предоставил Генеральному совету полномочия вырабатывать общую политическую и тактическую линию Товарищества, а в случае необходимости, например при международных выступлениях (в поддержку стачек, против правительственных преследований, подавления выступлений рабочих вооруженной силой, в организации помощи политическим эмигрантам и т. п.), предпринимать немедленные практические шаги.

Внутри Генерального совета (насчитывавшего свыше 50 членов) сложился его рабочий орган — Постоянный комитет (Подкомитет). В его состав входили должностные лица Совета, включая секретарей-корреспондентов (сам Маркс, И. Г. Эккариус, Г. Юнг, П. Лафарг, Э. Дюпон и другие, наиболее деятельные и теоретически подготовленные представители пролетарского ядра Совета). Постоянный комитет вел текущую организационную работу, осуществлял практические связи с секциями и присоединившимися организациями, обобщал для Совета сведения из местных организаций, готовил проекты решений. Ведущую роль он играл в подготовке дискуссий по программным и тактическим вопросам, в составлении и редактировании документов Товарищества. Все важнейшие документы Интернационала, написанные Марксом и Энгельсом, как правило, представлялись Генеральному совету от имени Постоянного комитета.

Маркс настойчиво стремился к осуществлению в Интернацио-

[1] См.: *Маркс К.* Устав и регламент Международного Товарищества Рабочих; Общий устав и организационный регламент Международного Товарищества Рабочих.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 547 (приложения); т. 17, с. 450.

[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Мнимые расколы в Интернационале; Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих.— Соч., т. 18, с. 34, 425.

нале коллективного руководства. Он решительно противился попыткам избрать его на пост председателя Совета и добился в 1867 году вообще упразднения этой должности. Он резко критиковал лассалевские принципы рабочей организации (устав лассальянских профсоюзов), высказывался против независимости руководителей, особенно президента, избираемого всеобщим голосованием, видя в этом угрозу диктаторства в рабочем движении.

Таким образом, на практике была решена проблема создания нового типа руководящего органа, ответственного перед организацией и имеющего достаточно широкие полномочия, способного обеспечить единство действий и в то же время исключающего возможность личного диктата, органа, состоящего в основном из рабочих разных национальностей.

Большое значение придавалось гласности заседаний Совета, регулярной публикации отчетов о его заседаниях в рабочей печати. Естественно, многие, особенно организационные вопросы, отчеты с мест в тех условиях должны были сохраняться в тайне. В то же время большинство теоретических вопросов обсуждалось публично.

Высшим руководящим органом Интернационала, как и в свое время Союза коммунистов, являлся общий конгресс, который должен был регулярно собираться и заслушивать отчет Генерального совета о деятельности Товарищества со времени предыдущего конгресса. Он осуществлял контроль за действиями Совета, избирал его членов и определял его местопребывание, назначал время и место созыва следующего конгресса, принимал общую тактическую линию деятельности Товарищества и решения организационного характера. На конгрессе велись дискуссии по теоретическим проблемам, все резолюции принципиального характера принимались большинством голосов при поименном голосовании.

Товариществу принадлежит заслуга выработки рабочего порядка проведения международных форумов пролетариата: проверка мандатов, порядок ведения заседаний, принятия решений и т. д. На открытых заседаниях конгрессов обсуждались и ставились на голосование общие вопросы программы конгресса, на закрытых — организационные вопросы. По каждому вопросу повестки дня составлялась комиссия, изучавшая все представленные материалы и выносившая на обсуждение конгресса общий доклад.

Членство в Интернационале

На опыте Интернационала Маркс разработал некоторые основные критерии членства в пролетарской организации. Представление о том, кто мог быть членом Интернационала, каковы его права и обязанности, нравственный облик, классовая принадлежность, вырабатывалось в процессе деятельности Товарищества, в борьбе с буржуазными традициями, а с 1869 года и в борьбе с дезорганизаторскими действиями бакунистов. В ходе развития Интернационала предметом особого внимания и дискуссий стали два момента: степень ответственности его членов и их классовая при-

надлежность, а в связи с последним — вопрос об интеллигенции в рабочей организации.

Маркс видел задачу Товарищества в том, чтобы оно стало «центром сношений и сотрудничества между рабочими обществами» для борьбы за освобождение рабочего класса [1]. Поэтому Устав Интернационала предусматривал широкое привлечение в его ряды пролетариев, существующих рабочих организаций. В соответствии с этим в Интернационале существовало индивидуальное и коллективное членство. Все рабочие общества, вступающие в Товарищество, сохраняли свою организацию, программу и устав при условии, чтобы в них не содержалось ничего, противоречащего общим принципам Интернационала. При этом предполагалось, что каждый член, независимо от того, вступал ли он в Интернационал в индивидуальном порядке или в составе присоединившегося общества, обладал равными правами и равными обязанностями. Этот один из важнейших организационных принципов был декларирован в преамбуле Временного устава, а затем зафиксирован в Общем уставе и Организационном регламенте [2]. Первоначально, ввиду широты состава Товарищества, эти права и обязанности определялись в самой общей форме, но в дальнейшем, от конгресса к конгрессу, они все более конкретизировались.

При конституировании Товарищества и в начальном периоде его деятельности обращение к уже существующим рабочим обществам, несмотря на сектантский характер многих из них, ограниченность их целей, было единственно возможной и правильной тактикой, обеспечивавшей необходимые на первых порах сплочение и единство действий пролетариата, массовость его международной организации. Однако в дальнейшем присоединение в коллективном порядке стало оборачиваться серьезными издержками: общества практически не чувствовали себя связанными дисциплиной, обязанными подчиняться решениям конгрессов, нерегулярно уплачивали членские взносы. Опасной и чреватой серьезными последствиями становилась идейная неоднородность этих организаций.

В процессе деятельности Интернационала Маркс и Энгельс, возглавляемый ими Генеральный совет изыскивали пути преодоления этого противоречивого положения. В результате присоединение рабочих обществ было поставлено под контроль Совета: он мог принимать или отвергать просьбы о присоединении. В качестве одного из средств укрепления дисциплины и ответственности Совет использовал требование об уплате членских взносов. В Организационный регламент Товарищества был включен пункт о введении единообразного денежного взноса, причем было установлено, что «к участию в конгрессах с правом решающего голоса... допускаются лишь делегаты тех обществ, секций или групп,

---

[1] См.: *Маркс К.* Временный Устав Товарищества.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 13.

[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 17, с. 446, 447, 448.

которые входят в состав Интернационала и уплатили Генеральному Совету членские взносы» [1]. Таким образом, уплата членских взносов в Товариществе стала уставным требованием. Со временем присоединившимся обществам было вменено в обязанность и признание решений конгресса.

Вскоре после образования Интернационала возник вопрос об интеллигенции в рабочей организации. Принципиальные разногласия по этому вопросу обнаружились между сторонниками Маркса и прудонистами, точка зрения которых варьировалась от требования об исключении из членов Товарищества работников умственного труда до запрещения им занимать выборные должности. Впервые открытая дискуссия вспыхнула в марте 1865 года в связи с конфликтом по этому поводу в Парижской секции. Маркс решительно выступил тогда против принципа, что только рабочий может быть признан в качестве должностного лица в Товариществе [2]. В 1866 году на Женевском конгрессе сектантская позиция прудонистов в этом вопросе получила отпор со стороны англичан, немцев и части швейцарцев. Особенно решительно выступали И. Г. Эккариус, а также англичане Д. Картер и У. Кример; последний подчеркнул при этом в качестве примера роль Маркса, который «посвятил всю свою жизнь делу торжества рабочего класса» [3].

Принятые Женевским конгрессом статьи Устава и Регламента не проводили различия между лицами умственного и физического труда при приеме в Товарищество, считая его условием одобрение и защиту вступающим принципов Интернационала и ответственность секций за каждого принятого кандидата. Это создало прецедент в решении данного вопроса в будущем для всех рабочих и коммунистических партий.

Одной из сложных в Интернационале была проблема организации пролетариев, разделенных языковым барьером в пределах одной страны. Такая ситуация существовала в рабочем движении США, Бельгии, Швейцарии. В случае, если было невозможно преодолеть это разделение, Генеральный совет санкционировал образование секций по языковому принципу и даже назначал специальных секретарей-корреспондентов. При решении таких вопросов

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 17, с. 448.

[2] См.: *Маркс К.* Резолюции Генерального Совета о конфликте в Парижской секции.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 82.

[3] См.: The International Courier, 1867, 17.IV.— В этой связи Д. Картер в своей речи сказал: «...люди, всецело посвятившие себя делу пролетариев, слишком редко встречаются, чтобы уместно было «воротить от них нос». Буржуазия одержала верх лишь в тот день, когда она заключила союз с людьми науки; до сих пор экономическая псевдонаука буржуазии поднимает ее престиж и благодаря этому укрепляет ее власть. Пусть же люди, которые изучили политическую экономию с точки зрения пролетариата, придут непременно на наши конгрессы, чтобы разбить ложные положения буржуазной политической экономии» (там же).

Маркс исходил из анализа конкретной обстановки и исторических традиций, не абсолютизируя организационные формы.

Так, например, в Швейцарии Женевская секция, одна из первых секций Товарищества, в 1865 году разделилась на немецкую и французскую. Фактический руководитель немецкой секции (принявшей название — Центральный комитет группы секций немецкого языка) И. Ф. Беккер стремился превратить ее в организационный центр немецких секций Интернационала для Швейцарии, Германии, Франции, Австро-Венгрии и даже США. Деятельность Комитета Беккера первоначально сыграла известную роль в консолидации немецких членов Товарищества, в частности в Германии. Однако по мере роста Интернационала и развития самого рабочего движения деятельность Комитета как центра немецких секций разных стран становилась помехой, по словам Маркса,— «архиреакционной затеей». Он писал Энгельсу 27 июля 1869 года, что Беккер «опрокидывает весь наш Устав, извращает его дух своей *системой организации языковых групп* и превращает нашу естественно возникшую систему в искусственную мешанину *произвольных объединений по языку* вместо *действительных объединений по государствам и национальностям*» [1].

Принципы организационной деятельности

Опыт Интернационала послужил формированию пролетарских принципов организационной деятельности. Один из них — представление о руководящей функции центрального исполнительного органа. Если в первый период существования Товарищества роль и сила его Генерального совета заключались главным образом в моральном авторитете, то в дальнейшем он получил от конгрессов полномочия исключать секции и членов, нарушающих дисциплину Товарищества, дезавуировать газеты, считавшиеся его органами, в случае предания ими гласности не подлежащих оглашению решений или искажения в буржуазном духе позиции Интернационала по тому или иному вопросу. Рост авторитета и правомочности Генерального совета был необходим для превращения его в боевой, компетентный руководящий орган Товарищества. Тенденция централизации в организационной деятельности Интернационала сказалась и в усилении дисциплины, единой для всех членов и для всех секций, обществ и отделений, в обязательности решений вышестоящих организаций, что вело к кристаллизации понятия «партийной дисциплины» [2]. Усиление централизации и дисциплины было насущной необходимостью в условиях классовой борьбы, полицейских преследований, служило препятствием для дезорганизаторской деятельности в Товариществе представителей антимарксистских направлений, особенно бакунистов.

Опыт Интернационала внес существенный вклад в развитие демократических основ организационной деятельности: каждый член Товарищества имел право участвовать в выборах делегатов на конгрессы и сам быть избранным, принимать участие в обсуждении всех внутренних дел Товарищества и его теоретической про-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 32, с. 281.

[2] См.: *Энгельс Ф.* Съезд в Сонвилье и Интернационал.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 17, с. 483.

граммы; неукоснительно действовал принцип коллективного руководства, единых прав и обязанностей для всех членов Товарищества; осуществлялась отчетность высшего исполнительного органа — Генерального совета — перед конгрессом и гласность в его деятельности; существовало право местных организаций апеллировать к высшему органу (конгрессу) в случае несогласия с решением Генерального совета; местным организациям предоставлялась максимальная свобода в их практической деятельности.

Маркс с самого начала включил в Устав ряд положений, предотвращавших вырождение Интернационала в заговорщическую, сектантскую организацию. В заявлении Генерального совета от 3 мая 1870 года особенно четко подчеркивалось, что Устав обязывает все секции Товарищества действовать открыто, что «сама природа Товарищества, отождествляющего себя с рабочим классом, несовместима с какой-либо формой тайного общества» [1]. Даже после подавления Парижской коммуны, когда открытое существование Интернационала в ряде стран Европы стало невозможным, резолюция Лондонской конференции (1871), разрешив местным организациям в таких условиях реорганизовываться под различными другими названиями, вместе с тем категорически запрещала «как сейчас, так и впредь, какие бы то ни было тайные общества в собственном смысле слова» [2]. Тем самым в Товариществе на последнем этапе начала формироваться идея нелегальной деятельности пролетарской партии в условиях полицейских преследований и репрессий, принципиально отличная от представления о «тайном обществе» с его заговорщической деятельностью, чуждой рабочему движению.

Складывание организационной структуры

Практическая деятельность Товарищества требовала известного единообразия в построении организации. Основой организационной структуры Интернационала стала секция (или отделение). Секции признавали за Генеральным советом право контролировать их работу, но при этом сохраняли широкую свободу деятельности. Маркс разъяснял: «...согласно нашему Уставу, Генеральный Совет может налагать свое вето только в случае явного нарушения Устава и принципов Интернационала, но... в остальном мы неизменно придерживаемся политики предоставления секциям свободы действия и права самоуправления» [3]. Кроме того, предусматривалось создание национальных центров, объединяющих разрозненные рабочие организации, с учетом того, что «успех рабочего движения в каждой стране может быть обеспечен только силой единения и организацией...» [4]. Женевский конгресс (1866) включил в Регламент специальную статью

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 16, с. 445.

[2] См. там же, т. 17, с. 427.

[3] Маркс — Зигфриду Мейеру, 21 января 1871 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 33, с. 145—146.

[4] *Маркс К.* Временный Устав Товарищества.— Там же, т. 16, с. 14.

о необходимости создавать всюду, где позволяют условия, центральные советы [1]. Тем самым определялась в общих чертах организационная структура отделений Товарищества в каждой стране: секция, объединение национальных секций (федерация) и его руководящий орган — национальный (федеральный) совет.

Однако процесс создания единообразной организационной структуры Интернационала столкнулся с трудностью, которая проистекала из особого положения в нем профессиональных союзов. Профессиональные организации рабочих, присоединявшиеся в коллективном порядке, в силу своей специфики не могли подчиняться в полной мере той дисциплине, к которой вела внутренняя логика развития Товарищества. Между тем в первые годы Интернационала профессиональные союзы были почти единственной формой организованного массового рабочего движения, и его развитие в широкую международную организацию без участия профсоюзов было бы обречено на неудачу. Поэтому шли поиски решения вопроса об организационном соотношении между Интернационалом и профессиональными союзами. Эти поиски совпали с начавшимся в рабочем движении процессом осознания необходимости создания самостоятельной политической организации и выяснением Марксом и Энгельсом характера и организационных принципов политической партии пролетариата, возглавляющей массовое рабочее движение.

В «Манифесте Коммунистической партии» проблема о соотношении политической организации пролетариата и профессиональных союзов еще не была вычленена. Нерасчлененность проблемы чувствуется и в программных документах, относящихся к периоду конституирования Интернационала. Так, в Учредительном манифесте Маркс отметил, что в рабочем движении разных стран предпринимаются шаги «в целях политической реорганизации рабочей партии» [2]. Тем самым Маркс вскользь, но определенно упомянул не просто об организации, но о политической организации пролетариата, о рабочей партии. Однако через два года Маркс определял роль профессиональных союзов как «организованной силы для уничтожения самой системы наемного труда и власти капитала» [3].

С другой стороны, рост профессиональных организаций привел к некоторой переоценке их возможностей и к зарождению анархо-синдикалистских тенденций. На Базельском конгрессе в 1869 году бельгийский делегат Э. Гипс даже заявил, что «современные профессиональные союзы когда-нибудь окончательно ниспровергнут прежнюю политическую систему; они представляют собой социальную и политическую организацию будущего» [4].

Тем временем во второй половине 60-х годов профессиональное движение бурно развивалось, и были сделаны первые шаги к созданию политических партий пролетариата. В 1869 году возникла Социал-демократическая рабочая партия Германии, шел про-

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 16, с. 548 (приложения).

[2] См. там же, с. 10.

[3] См.: *Маркс К.* Инструкция делегатам Временного Центрального Совета по отдельным вопросам.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 200.

[4] Базельский конгресс Первого Интернационала 6—11 сентября 1869 г. М., 1934, с. 66 (перевод исправлен по оригиналу).

цесс консолидации пролетарских сил во Франции (выдвижение весной 1869 года избирательной программы парижских рабочих), попытки создать самостоятельную рабочую партию предпринимались в Англии (Лига земли и труда), в Швейцарии и США.

Особенно важное значение имело создание Социал-демократической рабочей партии Германии, которым увенчалась длительная борьба Маркса и Энгельса и их сторонников против лассальянства. Несмотря на некоторый груз лассальянских ошибок и неизжитых мелкобуржуазных влияний, программа Социал-демократической рабочей партии Германии в главном основывалась на принципах марксизма. Впервые была создана массовая рабочая социал-демократическая партия, что открыло новую страницу в истории марксизма и международного рабочего движения. Маркс расценивал эту партию как *действительную организацию рабочего класса* [1]. Через своих последователей и соратников (В. Либкнехт, А. Бебель, В. Бракке и др.) Маркс и Энгельс постоянно оказывали партии помощь и поддержку в выработке правильной программы и революционной классовой тактики.

Опираясь на опыт рабочего движения, анализируя первые шаги Социал-демократической рабочей партии Германии (и позднее — деятельность Парижской коммуны), Маркс и Энгельс внесли существенно новое в проблему о соотношении политической партии и профессиональных союзов, об их роли и месте в классовой борьбе пролетариата, о формах организации.

Классовая борьба и опыт организационной деятельности Товарищества, его секций и федераций в разных странах подвели рабочий класс к пониманию необходимости организации своих сил в форме партии. Казалось, и это подсказывала тенденция развития Интернационала, что его национальные организации перерастут в национальные политические партии. Однако различный уровень рабочего движения в разных странах, различные условия его существования и борьбы, неразработанность проблемы соотношения задач партии и профессиональных союзов и другие обстоятельства привели к тому, что процесс создания пролетарских партий не свелся к простому восхождению к более строгим организационным формам в рамках Товарищества, к развитию без перерыва постепенности, к прямому превращению Интернационала в международную пролетарскую партию, а его национальных федераций — в национальные партии пролетариата.

Итак, организационные принципы, выработанные в процессе становления и деятельности Интернационала, обеспечили классовый и революционный характер этой первой массовой организации международного пролетариата. В результате, на завершающем этапе своего развития Интернационал выступал в качестве боевой массовой организации международного пролетариата, а его орга-

[1] См.: *Маркс К.* Конфиденциальное сообщение.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 439.

низационная структура вполне отвечала «нуждам текущей борьбы» [1]. Эти принципы в дальнейшем сыграли важную роль в выработке организационной структуры пролетарской партии, а также в развитии других форм организованной классовой борьбы пролетариата. На этих принципах, начиная с 1869 года, основывались социал-демократические партии рабочего класса.

3. ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЫ ИНТЕРНАЦИОНАЛА. УТВЕРЖДЕНИЕ В ПРОГРАММЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ

Опираясь на опыт пролетариата Англии и других стран, Маркс занялся разработкой исходных принципов социально-экономической программы Товарищества, которая соответствовала бы задачам и уровню тогдашнего рабочего движения. Изложенная первоначально в «Инструкции делегатам Временного Центрального Совета по отдельным вопросам», составленной к Женевскому конгрессу Интернационала (1866), она была новым словом в марксизме: впервые была сформулирована конкретная программа, опиравшаяся в теоретическом отношении на исторический материализм и экономическое учение марксизма, которая была доступна для понимания широких масс пролетариата. Ее требования позволяли «объединить, направив в общее русло, *стихийное движение* рабочего класса...» [2].

Инструкция была не единственным документом этого рода. Еще в 1865 году в Генеральном совете в ходе дискуссии о целесообразности борьбы рабочего класса за повышение заработной платы Маркс сделал доклад «Заработная плата, цена и прибыль», в котором впервые публично сообщил о своем втором великом открытии — теории прибавочной стоимости, научно обосновав необходимость организованной экономической борьбы пролетариата, роль в этом профессиональных союзов [3]. Этот доклад теоретически вооружил членов Генерального совета, и на Женевском конгрессе они действовали в духе Инструкции, что обеспечило принятие большинства ее пунктов в качестве официальных резолюций. Эти резолюции стали основой социально-экономической программы Интернационала. Отдельные требования этой программы повторялись и развивались в резолюциях следующих конгрессов, разъяснялись в листовках, обращениях и других документах Товарищества.

Маркс поставил вопрос об интернациональном объединении

---

[1] См.: *Энгельс Ф.* Доклад об Альянсе социалистической демократии, представленный Гаагскому конгрессу от имени Генерального Совета.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 138.

[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 16, с. 199.

[3] См. там же, с. 101—155; Генеральный Совет Первого Интернационала. 1864—1866. Лондонская конференция 1865 года. Протоколы. М., 1961, с. 66, 67.

действий при помощи Товарищества в борьбе между трудом и капиталом, чтобы «рабочие различных стран не только *чувствовали*, но и *действовали* как братья и товарищи, борющиеся за свое освобождение в единой армии» [1]. Опираясь на опыт английского рабочего движения, требования французских пролетариев, Маркс предложил организовать силами самих рабочих статистическое обследование своего положения. Он разработал анкету, содержавшую одиннадцать вопросов о различных показателях положения рабочих в основных отраслях производства. Это позволяло наглядно сравнить условия труда и быта рабочих в разных странах, помогало осознанию общности их интересов, побуждало переходить от декларирования солидарности к совместным действиям в отстаивании своих социально-экономических требований, к осуществлению на практике принципов пролетарского интернационализма.

Необходимость экономической борьбы пролетариата

До Женевского конгресса (1866) среди рабочих почти повсеместно господствовало представление о так называемом минимуме заработной платы, распространяемое представителями вульгарной буржуазной политической экономии, которые разглагольствовали о неминуемом повышении цен товаров в случае общего повышения заработной платы, а следовательно,— о бесполезности и даже вреде борьбы за ее увеличение. Положение о минимуме заработной платы разделяли в той или иной мере все представители мелкобуржуазного социализма, включая Прудона и Лассаля с его «железным законом заработной платы». Помимо научной несостоятельности такая точка зрения была чревата опасными выводами для рабочего движения: объявляя бессмысленной борьбу за улучшение положения рабочего класса путем увеличения заработной платы и сокращения рабочего дня, она тем самым логически вела к отрицанию стачечной борьбы, к умалению значения профессиональных объединений пролетариата. В Интернационале эти взгляды отстаивал Дж. Уэстон во время дискуссий в Генеральном совете о заработной плате в мае — августе 1865 года; на Женевском конгрессе их защищали особенно прудонисты.

В дискуссиях, которые велись вокруг вопроса о борьбе за повышение заработной платы и сокращение рабочего дня, Маркс еще до конгресса не только показал теоретическую несостоятельность этих взглядов, но сформулировал и обосновал для программы Интернационала новые положения марксизма по этим вопросам. Опираясь на свои экономические исследования в процессе работы над «Капиталом», он раскрыл классовый характер подхода буржуазной политической экономии к объяснению стоимости рабочей силы, разработал теоретические основы экономической борьбы пролетариата с буржуазией.

---

[1] См.: *Маркс К.* Инструкция делегатам Временного Центрального Совета по отдельным вопросам.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 195.

Впервые борьба за улучшение реального положения рабочего класса стала рассматриваться Марксом как экономическая форма классовой борьбы пролетариата, имеющая самостоятельное значение. Ранее, в 40-х годах, в «Положении рабочего класса в Англии», «Нищете философии», «Наемном труде и капитале» Маркс и Энгельс видели ее значение лишь в том, что она помогала пролетариату осознать свои классовые интересы, способствовала сплочению и организации его рядов для достижения конечной цели — ниспровержения власти капитала и победы социальной революции. Теперь же, опираясь на фундаментальные законы развития капиталистического производства, Маркс сверх того дал теоретическое обоснование насущной необходимости систематической экономической борьбы пролетариата за улучшение своего положения в буржуазном обществе, при капитализме.

В докладе «Заработная плата, цена и прибыль» Маркс объяснил своим слушателям, что стоимость товаров определяется не заработной платой, а количеством труда, необходимого для их производства. Исходя из разработанной им теории стоимости и прибавочной стоимости, он впервые публично разъяснил, что стоимость рабочей силы (а не труда) определяется «*стоимостью жизненных средств,* необходимых для того, чтобы произвести, развить, сохранить и увековечить рабочую силу» [1]. Маркс ввел в определение стоимости рабочей силы такие факторы, как физический и исторический (или социальный) элементы; показал, что капиталист всегда стремится понизить цену рабочей силы по сравнению с ее стоимостью, главным образом путем удлинения рабочего дня. Он обратил внимание на то обстоятельство, что с введением машин, ростом органического строения капитала происходит вытеснение части рабочих из производства, рост относительного перенаселения, а следовательно, и ухудшение положения рабочих.

Маркс опроверг утверждение о зависимости цен товаров от уровня заработной платы, доказав теоретическую несостоятельность тезиса о минимуме заработной платы. «...Общее повышение заработной платы,— говорил он в докладе,— приводит к понижению общей нормы прибыли, но не влияет ни на средние цены товаров, ни на их стоимости» [2].

Маркс показал, что при капиталистическом производстве накопленный труд проявляется как все более растущая отчужденная и враждебная пролетариату социальная сила; для рабочего отпадает всякая возможность самому распоряжаться условиями труда, как это иногда бывало при мелком производстве. Обосновывая экономическую необходимость борьбы рабочего класса за повышение заработной платы, он говорил, что эта борьба «есть неизбежный результат предшествующих изменений в размерах произ-

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 16, с. 133.
[2] Там же, с. 149.

водства, в производительной силе труда, в стоимости труда... словом, эта борьба является противодействием, которое труд оказывает предшествующему действию капитала» [1]. Определяя место борьбы за повышение заработной платы в общем освободительном движении пролетариата и предупреждая рабочих от преувеличения ее значения, Маркс вместе с тем подчеркнул, что величина заработной платы устанавливается «лишь путем постоянной борьбы между капиталом и трудом» [2].

Тесно связанным с проблемой заработной платы был и вопрос о сокращении рабочего дня, ставший к тому времени животрепещущим вопросом рабочего движения. Об этом свидетельствовали многолетняя борьба английского рабочего класса за 10-часовой рабочий день, набиравшее в США силу движение за сокращение его до 8 часов. Теоретически этот вопрос был довольно подробно рассмотрен в «Капитале», однако именно стачечная борьба рабочих, ширившееся движение за законодательное ограничение рабочего дня побудили Маркса дополнительно написать для первого тома «Капитала» специальную главу «Рабочий день», которой не было ни в экономических рукописях 1857—1858 годов, ни в экономической рукописи 1861—1863 годов; она была создана Марксом в начале 1866 года [3], то есть уже после того, как вопрос о борьбе за сокращение рабочего дня до 8 часов был включен в повестку Женевского конгресса [4].

Маркс показал экономическую необходимость и целесообразность борьбы и за сокращение рабочего дня, разъяснив, что сопротивление рабочего класса является фактором, противодействующим тенденции капиталистического производства к интенсификации труда и сведению стоимости рабочей силы к ее низшему физическому пределу. «Если повышение интенсивности труда, или массы труда, расходуемой в 1 час,— пояснялось в докладе «Заработная плата, цена и прибыль»,— находится в надлежащем соответствии с сокращением продолжительности рабочего дня, то рабочий все-таки выиграет от этого сокращения. Если же эта граница нарушена, он теряет в одной форме то, что выигрывает в другой, и 10 часов труда могут оказаться столь же разрушительными, как раньше 12 часов. Противодействуя этой тенденции капитала борьбой за такое повышение заработной платы, которое соответствовало бы повышению интенсивности труда, рабочий только борется против обесценения своего труда и вырождения своего рода» [5].

Маркс указал при этом, что разобщенные рабочие не в состоянии вести эту борьбу; здесь необходимо единство пролетариев, так

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 16, с. 149.

[2] См. там же, с. 151.

[3] См.: Маркс — Энгельсу, 10 февраля 1866 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 31, с. 146—147.

[4] См.: Генеральный Совет Первого Интернационала. 1864—1866. Лондонская конференция 1865 года, с. 72, 164.

[5] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 16, с. 147—148.

как борьба за сокращение рабочего дня — это борьба совокупного рабочего против совокупного капиталиста. На основании английского опыта он сделал вывод о необходимости закрепления частичных успехов пролетариата в борьбе с капиталом посредством законодательных актов. «Проведением в жизнь таких законов,— разъяснял Маркс в Инструкции, составленной к Женевскому конгрессу,— рабочий класс отнюдь не укрепляет власти правительства. Наоборот, он превращает в свое орудие ту власть, которая теперь используется против него...» [1]

Развивая мысль, заложенную в первых программных документах Интернационала, Маркс подчеркнул в докладе неразрывную связь экономической борьбы рабочего класса с борьбой политической: «...ограничения рабочего дня никогда нельзя было достигнуть путем частных соглашений между рабочими и капиталистами. Сама эта необходимость *общего политического действия* служит доказательством того, что в своих чисто экономических действиях капитал является более сильной стороной» [2].

Экономическая борьба и профсоюзы

Существенно развил Маркс в это время и представление о роли профессиональных организаций в общей освободительной борьбе пролетариата. В 40-х и начале 50-х годов их значение он видел главным образом в формировании классового сознания, устранении разобщенности и конкуренции между рабочими, их организационном объединении для подготовки к свержению капиталистического строя. Обоснование необходимости экономической борьбы пролетариата позволило Марксу обогатить представление о роли профессиональных союзов, оценить значение их деятельности в борьбе за улучшение социально-экономического положения рабочих. В годы Интернационала он рассмотрел наиболее важные проблемы профессионального движения: роль профессиональных союзов как «подлинной классовой организации пролетариата»; их построение по производственному принципу; демократические основы организационной структуры; важность установления международных контактов и достижения единства действий; участие в политической борьбе рабочего класса. Уже в 1866 году в Инструкции, составленной к Женевскому конгрессу, Маркс писал: «Слишком часто занятые исключительно местной и непосредственной борьбой с капиталом, профессиональные союзы еще не вполне осознали, какую силу они представляют для борьбы против самой системы наемного рабства... Профессиональные союзы должны доказать всему миру, что они борются отнюдь не за узкие, эгоистические интересы, а за освобождение угнетенных миллионов» [3].

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 16, с. 198.

[2] *Маркс К.* Заработная плата, цена и прибыль.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 152.

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 16, с. 200—201.

Принципиальную важность постановки Марксом вопроса о профсоюзах впоследствии особо подчеркнул Ленин: «Когда... образовалось Международное общество рабочих, вопрос о значении профессиональных рабочих союзов и экономической борьбы был поднят на первом же конгрессе в Женеве в 1866 году. Резолюция этого конгресса точно указала значение экономической борьбы, предостерегая социалистов и рабочих, с одной стороны, от преувеличения ее значения (заметного у английских рабочих в то время), с другой стороны, от недостаточной оценки ее значения (что замечалось у французов и у немцев, особенно у лассальянцев)... Резолюция признала, что профессиональные рабочие союзы не должны обращать исключительного внимания на «непосредственную борьбу против капитала», не должны сторониться от общего политического и социального движения рабочего класса; их цели не должны быть «узкими», а должны стремиться к всеобщему освобождению угнетенных миллионов рабочего люда» [1].

Во второй половине 60-х годов профессиональное движение бурно развивается как в Англии и США, так и на европейском континенте — в Бельгии, Германии, Швейцарии, Франции и других странах. Теперь сами рабочие требуют включения вопроса о профессиональных организациях в программу конгрессов Интернационала (так было, например, при подготовке в 1869 году Базельского конгресса). Причем, если в тред-юнионистском движении в Англии, несмотря на существование революционной тенденции, верх в руководстве берут реформистские элементы, то во Франции (здесь профессиональное движение получило широкий размах после отмены закона Ле Шапелье в мае 1864 года и легализации деятельности синдикальных палат весной 1868 года), Германии и других странах оно приобретает ярко выраженный классовый, революционный характер. Даже лассальянское руководство Всеобщего германского рабочего союза, вынужденное считаться с требованиями рядовых членов, в 1868 году пошло на создание профессиональных союзов, пытаясь при этом удержать их под своим влиянием.

Женский и детский труд, воспитание и образование

Социально-экономическая программа Интернационала, основы которой были положены на Женевском конгрессе, включила в себя разработку требований в области образования, женского и детского труда. Женский и детский труд стал жестокой реальностью тогдашнего мира, и естественно, что рабочее движение должно было выразить к нему свое отношение. Поводом для этого послужило требование прудонистов о запрещении труда женщин и детей как причины физического и нравственного вырождения человеческого рода. В противовес этому Маркс разъяснил, что тенденция к вовлече-

[1] *Ленин В. И.* Протест российских социал-демократов.— Полн. собр. соч., т. 4, с. 170—171.

нию женщин и детей в общественное производство носит прогрессивный характер, но при капитализме она принимает уродливые формы. Поэтому при существующем строе рабочие должны добиваться законодательной защиты женского труда и труда подрастающей смены рабочего класса.

С проблемой детского труда была тесно связана позиция Интернационала в вопросе о том, как должно быть поставлено в обществе образование и воспитание. Начиная с 40-х годов XIX века вопрос этот приобрел большую остроту, что определялось, во-первых, необходимостью приведения в соответствие с развивающимися потребностями производства, успехами естественных наук архаичной системы образования, делавшей упор на классические знания и находившейся в ряде стран под сильным клерикальным влиянием; во-вторых, тягой к образованию, пробудившейся в массах трудящихся.

С 40-х годов XIX века предпринимались практические шаги по распространению основ научно-технических знаний среди пролетариев. Определенную роль в этом в Англии сыграли просветители-позитивисты, их пропаганда естественнонаучных знаний, их атеизм и радикализм в политической области. Та же тенденция возникла во Франции, Германии, Бельгии, Швейцарии и других странах, с тем, однако, различием, что в немецких просветительных рабочих обществах преобладал интерес к естественнонаучным знаниям, а во Франции и Бельгии тон задавала антиклерикальная пропаганда свободомыслящих.

Распространение знаний повышало интеллектуальный уровень рабочих, пробуждало в них чувство собственного достоинства, понимание значимости своего труда как главного источника общественного богатства. Это подводило рабочих к уяснению всемирно-исторической освободительной роли пролетариата. Знания ломали стену невежества и предрассудков, избавляли от оков господствующих догм, способствовали росту политической активности. Естественно поэтому, что проблема воспитания и образования стала предметом обсуждения на ряде конгрессов Интернационала. Для Маркса было важно отстоять в этом вопросе классовую позицию пролетариата, противоположную концепции буржуазного просветительства, стремившегося дать рабочим образование лишь в той мере, в какой это отвечало интересам буржуазии. Маркс считал также необходимым опровергнуть мнение прудонистов, отрицавших возможность сколько-нибудь позитивного решения вопроса о народном образовании при существующем социально-экономическом строе. (Правоверные последователи Прудона выступили даже против бесплатного и обязательного образования, что объяснялось отрицательным опытом Франции, где государственные школы находились под жестким контролем церкви и детям рабочих внушалась мораль, угодная правящим классам.)

Маркс в Инструкции, составленной к Женевскому конгрессу, рассмотрел проблему воспитания и образования в двух планах. Для будущего («при разумном общественном строе») он выдви-

нул идею соединения обучения с трудовым воспитанием, приобщением подрастающего поколения к материальному производству. «...*Каждый ребенок* с 9-летнего возраста,— писал он,— должен стать производительным работником так же, как и каждый трудоспособный взрослый человек, должен подчиняться общему закону природы, а именно: чтобы есть, он должен работать, и работать не только головой, но и руками» [1].

Показав в первом томе «Капитала» невозможность в условиях эксплуататорского строя всестороннего гармоничного развития личности и преодоления отрицательных последствий разделения труда, Маркс тем не менее считал, что еще до завоевания пролетариатом политической власти необходимо иметь программу требований в этой области для борьбы за их осуществление в буржуазном обществе. В одной из своих речей в Генеральном совете при подготовке к Базельскому конгрессу он говорил: «С одной стороны, для установления правильной системы образования требуется изменение социальных условий, с другой стороны, для того, чтобы изменить социальные условия, нужна соответствующая система образования; поэтому нам следует исходить из существующего положения вещей» [2]. Программа, изложенная Марксом в Инструкции, носила ярко выраженный классовый характер. «...В нашу задачу,— указал он,— входит забота только о детях и подростках из рабочего класса». «...Наиболее передовые рабочие вполне сознают, что будущее их класса, и, следовательно, человечества, всецело зависит от воспитания подрастающего рабочего поколения» [3]. Маркс считал, что рабочий класс должен добиваться от существующей государственной власти принятия законов, которые могли бы в какой-то степени оградить детей от разрушительного воздействия современной фабричной системы, ослабить вредные последствия капиталистического разделения труда.

В основу программы пролетариата в области воспитания и образования Маркс положил (сформулированный отчасти еще Ж. Ж. Руссо и великими социалистами-утопистами) принцип всестороннего воспитания, гармоничного развития подрастающего поколения. Он считал необходимым с этой целью добиваться уже в буржуазном обществе сочетания умственного образования детей с посильным трудом, физическим воспитанием и политехническим обучением, которое дало бы им представление об основных процессах производства и элементарные навыки обращения с простейшими орудиями труда. «Сочетание оплачиваемого производительного труда, умственного воспитания, физических упражнений и политехнического обучения поднимет рабочий класс значительно выше уровня аристократии и буржуазии» [4],— писал Маркс.

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 16, с. 197.
[2] Генеральный Совет Первого Интернационала. 1868—1870. Протоколы, с. 91.
[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 16, с. 197, 198.
[4] Там же, с. 198.

Принципиально новым в разработанной Марксом концепции было представление о политехническом обучении: оно рассматривалось не как узкоприкладное, профессиональное, а как обучение, которое должно дать учащимся всестороннее развитие. Эту идею Маркс разъяснил в Генеральном совете при обсуждении повестки Базельского конгресса 17 августа 1869 года: «Политехническое обучение, отстаиваемое пролетарскими авторами, рассчитано на то, чтобы компенсировать недостатки, вызываемые разделением труда, которое мешает ученикам приобрести основательное знание своего дела» [1].

Марксистское понимание политехнического образования формировалось в полемике со взглядами Прудона. Еще в 1851 году в критическом разборе одной из книг Прудона Энгельс писал по поводу его идей в области народного просвещения: «...в целом теоретическое образование толкуется очень узко, оно рассматривается в пределах разделения труда, совершенно так же, как ученичество в рабочих товариществах» [2]. В представлении же Маркса и Энгельса политехническое образование должно было способствовать преодолению отрицательных последствий разделения труда, всестороннему развитию личности. Эта мысль нашла отражение в резолюции Брюссельского конгресса Интернационала (1868): «Понимая невозможность создания при существующих условиях рациональной системы образования, конгресс призывает различные секции организовать циклы публичных лекций на научные и экономические темы и этим, насколько возможно, устранить недостатки образования, получаемого в настоящее время рабочими. Само собой разумеется, что сокращение рабочего дня является необходимым предварительным условием всякой подлинной системы образования» [3].

Все социально-экономические требования, предложенные на обсуждение Женевского конгресса (1866), были продиктованы классовой борьбой пролетариата. Задача Маркса заключалась в том, чтобы определить их место и значимость в общей программе, привести их в систему. Это он и сделал в Инструкции, подробно развив те пункты социально-экономической программы, которые касались сферы производства: восьмичасовой рабочий день как ближайшее программное требование рабочих в развитых капиталистических странах; стачки как форма экономической борьбы; создание профессиональных союзов в качестве организационных центров рабочего движения; необходимость всестороннего статистического обследования положения рабочего класса как средства интернационального объединения действий пролетариата; кооперативный труд; труд женщин и детей; проблема воспитания и образования; рабочее законодательство.

Борьба за эти требования сплачивала рабочих, побуждала их действовать совместно, способствовала их организации. Требова-

---

[1] Генеральный Совет Первого Интернационала. 1868—1870. Протоколы, с. 96.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 44, с. 176.

[3] Генеральный Совет Первого Интернационала. 1868—1870. Протоколы, с. 222.

ния же, выдвинутые практикой рабочего движения, но касавшиеся сферы распределения общественного продукта (налоги, кредит), Маркс отодвинул на второй план. Он надеялся, что в практике классовой борьбы рабочие сами определят истинное место этих частных вопросов в общей борьбе за социальное освобождение.

Решения Женевского конгресса, основу которых составили положения Инструкции, явились важной победой революционного крыла Генерального совета в борьбе за пролетарские программные принципы. Впервые экономическая борьба стала рассматриваться как существенная составная часть освободительного движения пролетариата. Она была рассчитана на возможность реализации некоторых социальных требований рабочих при существующем капиталистическом строе, что упрямо отвергали представители мелкобуржуазного социализма, в первую очередь прудонисты, не считавшиеся с объективным фактом непреодолимого развития крупной капиталистической промышленности. Впервые в документах Интернационала рецептам Прудона и прочим реформистским проектам была противопоставлена конкретная программа борьбы за улучшение социально-экономического положения пролетариата в условиях капитализма.

В резолюциях Женевского конгресса была закреплена принципиальная постановка вопроса о связи экономической борьбы рабочего класса с борьбой политической, содержавшаяся в первых программных документах Товарищества. Идея неразрывной связи этих двух форм классовой борьбы пролетариата сыграла большую роль в дальнейшем развитии Товарищества и всего международного рабочего движения; она была шагом вперед к признанию необходимости пролетарской партии. Ленин придавал этой идее особое значение. «...Общий или принципиальный вопрос и сейчас стоит так, как он поставлен марксизмом,— писал он в 1899 году.— Убеждение в том, что единая классовая борьба пролетариата необходимо должна соединять политическую и экономическую борьбу, перешло в плоть и кровь международной социал-демократии» [1].

После Женевского конгресса в программе Интернационала оформляется и крепнет идея необходимости социалистического преобразования общества. В этой связи приобретают значение вопросы тактики пролетариата в социальной революции, его отношение к крестьянству, аграрная политика. Социалистическая программа складывалась постепенно, из отдельных идей, причем лишь в процессе развития каждая из них находила свое место в общей концепции переустройства общества на социалистических началах. Но в постепенном складывании ее была определенная целеустремленность, которую придавали Маркс и Энгельс.

---

[1] *Ленин В. И.* Протест российских социал-демократов.— Полн. собр. соч., т. 4, с. 171.

Кооперативная организация производства

Разрабатывая для Интернационала социалистическую программу, Маркс большое внимание уделял теоретическим проблемам и практическим вопросам кооперативного движения. Проблема кооперативного труда, создания производительных и потребительских рабочих ассоциаций была выдвинута практикой рабочего движения. В теоретическом аспекте ею занимались ранее представители различных течений утопического социализма и коммунизма. Середина XIX века была отмечена и попытками практического осуществления кооперативных планов, которые будили инициативу рабочих и их мысль. Не случайно по инициативе местных организаций Товарищества Женевскому и последующим конгрессам не раз предлагались для обсуждения различные планы создания кооперативных обществ. Вместе с тем кооперативное движение было весьма уязвимым в отношении классового характера. Зачастую оно подпадало под влияние буржуазии, вырождаясь в пропаганду и создание ассоциаций наподобие акционерных обществ. Широкое хождение получили (в Германии, Франции) идеи государственной помощи кооперативным обществам.

Задача Маркса заключалась в том, чтобы определить действительное место кооперации в социальном преобразовании общества, в организации и управлении обобществленным производством. Необходимо было выступить, с одной стороны, против переоценки ее возможностей, которая была свойственна лассальянству и прудонизму (хотя принципы кооперативного производства в лассальянстве и прудонизме были различны), а с другой — против попыток буржуазии использовать популярность этой идеи среди рабочих для удержания их под своим влиянием.

В опыте кооперативного движения Маркса интересовали не его непосредственные результаты, а то, что он свидетельствовал о формировании в недрах капиталистического строя общественной производительной организации, которая делала капиталиста ненужной фигурой общественного производства. В кооперации Маркс увидел переходный институт к превращению капитала в собственность ассоциированных производителей, в общественную собственность. Этот вывод он зафиксировал еще в Учредительном манифесте, а затем и в Инструкции, составленной к Женевскому конгрессу. Он оценил кооперацию как великий социальный опыт [1], как одну из «сил, преобразующих современное общество, основанное на классовом антагонизме» [2]. «Не на словах, а на деле,— подчеркнул Маркс в Учредительном манифесте,— рабочие доказали, что производство в крупных размерах и ведущееся в соответствии с требованиями современной науки, осуществимо при отсутствии класса хозяев, пользующихся трудом класса наемных

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 16, с. 9.
[2] См. там же, с. 199.

рабочих ...и что, подобно рабскому и крепостному труду, наемный труд — лишь преходящая и низшая форма, которая должна уступить место ассоциированному труду, выполняемому добровольно, с готовностью и воодушевлением» [1].

В этот период Маркс вводит в программу рабочего движения представление о том, что для освобождения трудящихся масс «кооперативный труд должен развиваться в общенациональном масштабе и, следовательно, на общенациональные средства» [2]. Рассматривая кооперацию как возможный (но не единственный и не основной) путь к обобществлению собственности, Маркс считал его реальным только после завоевания пролетариатом политической власти и осуществления ряда других мер по обобществлению производства. Отсюда следовал вывод о том, что «необходимы *общие социальные изменения, изменения основ общественного строя,* которые могут быть достигнуты только путем перехода организованных сил общества, то есть государственной власти, от капиталистов и землевладельцев к самим производителям» [3].

Принятое в качестве программного положения Товарищества, это утверждение было направлено против лассалевской идеи социального преобразования общества и устранения эксплуатации пролетариата путем создания ассоциаций рабочих с помощью существующего государства; оно отвергало и прудонистскую концепцию об ассоциации, основанной на началах взаимности. Таким образом, этим утопическим рецептам решения социальных проблем реформистским путем в Интернационале не оставалось места. Тем самым был заложен также фундамент для научной критики так называемого кооперативного социализма [4].

Применение машин. Обобществление орудий производства

Важной составной частью проблемы социалистического преобразования общества стал вопрос о социальных последствиях применения машин при капитализме, включенный в повестку Брюссельского конгресса (1868) по инициативе Маркса.

В «Капитале» Маркс показал, что всестороннее развитие рабочего возможно только при сокращении рабочего времени, а последнее может быть обеспечено лишь применением машин, резко повышающих производительность труда. Однако полностью реализовать эту возможность сумеет только общество, где социальные отношения будут коренным образом изменены в результате обобществления средств производства.

В Интернационале этот вопрос был поставлен Марксом впервые в Генеральном совете 28 июля 1868 года при обсуждении повестки предстоявшего Брюссельского конгресса. Опираясь на раз-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 16, с. 9.
[2] Там же, с. 10.
[3] Там же, с. 199.
[4] См.: *Ленин В. И.* О кооперации.— Полн. собр. соч., т. 45, с. 375.

работку проблемы в главе «Машины и крупная промышленность» первого тома «Капитала», он подчеркнул, что «одним из важнейших следствий применения машин является организованный труд, и это рано или поздно принесет свои плоды» [1]. Обсуждение в Генеральном совете позволило Марксу конкретизировать это положение, которое целиком было принято конгрессом в качестве мотивировочной части общей резолюции: «С одной стороны, машины оказались самым мощным орудием деспотизма и вымогательства в руках класса капиталистов, с другой стороны, развитие машинного производства создает материальные условия, необходимые для замены системы наемного труда подлинно общественной системой производства» [2]. Резолюция конгресса при этом отмечала, что «машины не принесут рабочим реальной пользы до тех пор, пока в условиях более справедливой общественной организации они не будут переданы в собственность рабочих» [3].

Обсуждение в Интернационале вопросов о кооперации и о применении машин, принятие резолюций, написанных самим Марксом или под его влиянием, способствовали формированию принципов социалистической программы. Рекомендовав в специальной резолюции переводить, издавать и изучать первый том «Капитала» Маркса [4], Брюссельский конгресс создал для этого дальнейшие предпосылки. Но решающий сдвиг в этой области произошел после того, как был поставлен и решен вопрос о собственности.

Вопрос о земле. Обобществление средств производства

Впервые в Интернационале этот вопрос был затронут на Лозаннском конгрессе (1867) и уже не сходил с повестки дня вплоть до начала франко-прусской войны и Парижской коммуны. Инициатива постановки вопроса о собственности принадлежала руководителю бельгийской делегации на конгрессе С. Де Папу, заявившему, что передача земли в коллективную собственность явится одним из решающих средств преобразования общества.

Проблема собственности, затронутая в Лозанне мимоходом, стала центральной на следующем, Брюссельском конгрессе (1868), который принял резолюцию о необходимости передачи в общественную собственность рудников, угольных копей, лесов, железных дорог, каналов, шоссе, средств связи. Эта мера касалась и обрабатываемой земли: «Конгресс считает, что экономическое развитие современного общества создает социальную необходимость

---

[1] Генеральный Совет Первого Интернационала. 1866—1868. Протоколы. М., 1963, с. 165.

[2] Там же, с. 171; Генеральный Совет Первого Интернационала. 1868—1870. Протоколы, с. 221.

[3] Генеральный Совет Первого Интернационала, 1868—1870, Протоколы, с. 221.

[4] См. там же, с. 225.

превращения пахотной земли в общественную собственность...»[1] Обобществленные таким образом средства производства в промышленности и в сельском хозяйстве конгресс предлагал передать рабочим ассоциациям и товариществам, то есть кооперативам, которые должны были вести хозяйство на научных принципах. С целью предупреждения возникновения в них нежелательных тенденций, специальный договор должен был закрепить за государством право на проверку отчетности товариществ.

Дискуссии, которые разгорелись в Интернационале вокруг решений Брюссельского, а затем и Базельского (1869) конгрессов, имели большое значение для развития теории научного коммунизма. В ходе дискуссий Маркс доказал необходимость обобществления средств производства, в частности земли, но не с идеалистической точки зрения абстрактного «естественного права», а исходя из общественной необходимости, которая требует устранения частной собственности и ведения сельского хозяйства в крупных масштабах, с применением машин и достижений науки.

Мысли Маркса были поддержаны в выступлениях И. Г. Эккариуса в Генеральном совете и на Базельском конгрессе. На основании статистических данных он показал, что из-за раздробленности мелкого крестьянского землевладения производительность сельского хозяйства Франции ниже производительности сельского хозяйства Англии более чем вдвое. «Я не сомневаюсь в том,— говорил Эккариус,— что руководство производством и распределением продукта станет в конце концов функцией правительства; но прежде чем это осуществится, не только аристократия должна перестать существовать, но и класс капиталистов и система наемного труда»[2].

Аграрная политика пролетариата

На Базельском конгрессе, где необходимость перехода земли в общественную собственность у большинства делегатов уже не вызывала сомнений, внимание было обращено на практическое осуществление этой меры. При этом на первое место выдвинулся вопрос об аграрной политике пролетариата. Это потребовало определения тактики пролетариата по отношению к другим классам и социальным слоям, прежде всего к крестьянству.

Не случайно после конгресса в Базеле Маркс и Энгельс уделяют большое внимание проблеме союзников пролетариата в социальной революции, роли в ней крестьянских масс. Теоретически этот вопрос, вставший еще до революций 1848—1849 годов, первоначально был решен Марксом и Энгельсом на опыте этих революций. Наиболее четко идея необходимости союза пролетариата с крестьянством была сформулирована Марксом в «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта» (1852). Теперь предстояло эту идею

[1] Генеральный Совет Первого Интернационала. 1868—1870. Протоколы, с. 223.

[2] Там же, с. 80.

сделать достоянием рабочего движения, наметив пути и способы осуществления союза городского пролетариата с крестьянством на практике. Для таких стран, как Германия и Франция (а мелкое крестьянское землевладение существовало в большинстве стран тогдашней Европы), этот союз приобретал первостепенное значение.

25 октября 1869 года член Центрального комитета Социал-демократической рабочей партии Германии Л. Бонхорст обратился к Марксу с просьбой написать пособие в виде «руководства для агитации среди крестьян», учитывая исключительную отсталость крестьянства в Германии и принимая во внимание, как мало шансов, «чтобы эта страна одновременно с Англией и Францией вступила на путь практического осуществления базельских решений», ибо «слишком скороспелая попытка может привести только к путчу» [1]. Эту просьбу, по существу, выполнил Энгельс в предисловии ко второму изданию своей «Крестьянской войны в Германии» [2]. Здесь была разработана тактика дифференцированного подхода к различным слоям крестьянства (намеченная им еще в 1865 году в брошюре «Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия»). Крупные крестьяне-собственники, эксплуатирующие труд батраков, рассматривались Энгельсом как буржуазный класс. Сельскохозяйственные рабочие, включая арендаторов, составляющие большинство в районах преобладания средней и крупной земельной собственности, могли выступать как непосредственные союзники городского пролетариата, ближе всего стоящие к промышленным рабочим. Следовало пробуждать классовое самосознание сельскохозяйственных рабочих и вовлекать их в движение. Их лозунгом должно стать требование обращения земли в коллективную собственность с последующей обработкой ее товариществами сельскохозяйственных рабочих на коллективных началах. В докладе «Национализация земли» Маркс существенно уточнил это положение. «...Социальное движение,— писал он,— приведет к решению, что земля может быть только собственностью самой нации. Отдать землю в руки объединенных сельскохозяйственных рабочих значило бы подчинить общество исключительно одному классу производителей» [3].

Задача пролетариата по отношению к мелким земельным соб-

---

[1] См.: Л. Бонхорст — К. Марксу, 25 октября 1869 г.— Вопросы истории КПСС, 1964, № 9, с. 75, 76.

[2] Предисловие Энгельс написал в первой половине февраля 1870 года; ранее основные его положения были сформулированы им в письме Марксу от 1 ноября 1869 года (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 32, с. 306). Что касается Маркса, то в марте — апреле 1872 года специально для Манчестерской секции Интернационала в связи с дискуссией по аграрному вопросу он написал доклад «Национализация земли» (см. там же, т. 18, с. 54—57), который, наряду с предисловием Энгельса, является основным произведением марксизма по аграрному вопросу на том этапе его развития.

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 18, с. 57.

ственникам, мелким крестьянам состояла в пропаганде: необходимо было убедить их в том, что только правительство рабочего класса, превратив все ипотечные долги в долг государству, снизит процент и облегчит их участь. В письме к Марксу от 1 ноября 1869 года Энгельс заметил, что «пролетариат пока что не заинтересован в том, чтобы поднимать вопрос о *мелкой* земельной собственности» [1]. Преждевременное выдвижение требования обобществления всей земли оттолкнуло бы мелких крестьян от городского пролетариата и привело бы их в лагерь контрреволюции.

Проблема союзников рабочего класса в городе, его взаимоотношений с городской мелкой буржуазией прямо в те годы не обсуждалась. В выступлении Маркса в Генеральном совете по вопросу об отмене права наследования, внесенному бакунистами в повестку дня Базельского конгресса, и в ходе обсуждения его на конгрессе эта мера была расценена как несвоевременная, способная лишь отпугнуть мелких собственников; «вместо того, чтобы положить начало социальной революции, она могла бы только положить ей конец» [2].

Так складывался основной принцип тактики пролетариата по отношению к мелкобуржуазным слоям города и деревни — не затрагивая их непосредственных интересов, мелкую собственность, привлекать эти слои в качестве союзников, убеждая в том, что только социалистическая революция может облегчить их участь.

Предисловие Энгельса и разъяснения Маркса имели первостепенное значение для выработки в духе принципов Интернационала аграрной программы молодой Социал-демократической рабочей партии Германии. Это нашло отражение в докладе В. Либкнехта от 12 марта 1870 года и брошюре А. Бебеля «Наши цели»: намеченный в них дифференцированный подход к крестьянству положил начало преодолению в немецком рабочем движении лассальянской догмы о крестьянстве как сплошной «реакционной массе».

Острие идейной борьбы было направлено также против защитников мелкой крестьянской собственности, в частности прудонистов, которые утверждали, что обобществление земли «толкнет крестьянство в объятия реакционной партии» [3].

Полемика со сторонниками мелкой крестьянской собственности неожиданно приобрела значение и для рабочего класса Великобритании: в стране наиболее развитого капитализма и практического отсутствия крестьянства в 60-х годах XIX века возник вопрос о возрождении мелкой крестьянской собственности. Это объяснялось тем, что в Англии обширные невозделанные земельные угодья продолжали оставаться во владении земельной аристократии, которая в силу экономического могущества первой капиталистической державы мира могла позволить себе, по существу, изъять эти земли из сферы национальной экономики. В то же время в стране существовала

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 32, с. 306.

[2] См.: Запись речи К. Маркса о праве наследования.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 594 (приложения).

[3] См.: Базельский конгресс Первого Интернационала, 1869, с. 46.

огромная безработица, и проблему «незанятых рук» не могла решить даже массовая эмиграция за океан. Промышленная буржуазия, в свою очередь, мечтала прибрать к рукам владения аристократии, сделав их объектом капиталистической купли и продажи. Поэтому в Великобритании уже на ранней стадии развития рабочего движения возникла идея «домашней колонизации», переселения безработных на пустующие земли. На появление этой идеи повлиял опыт США, где громадные земельные просторы на Западе поглощали избыточное рабочее население городов, что создавало почву для утопических социальных проектов улучшения положения пролетариата путем предоставления каждому желающему в собственность небольшого участка земли (в частности, теория трудового землевладения Дж. Г. Иванса, получившая широкое распространение в 40-х годах XIX века).

Решения Брюссельского и Базельского конгрессов встретили горячую поддержку английских членов Интернационала в Генеральном совете и на конгрессах. Однако у англичан не было четких представлений о принципиальной разнице между требованием обобществления земли, сформулированным в Интернационале, и требованием национализации земли, выдвигаемым радикальным крылом английской буржуазии, а также о том, что делать с национализированной землей дальше. Многие из них, вслед за буржуазными экономистами, считали, что ее нужно распродавать мелкими участками, воссоздав тем самым крестьянство. В дискуссиях о земле, которые велись в Интернационале, Маркс, Энгельс и их сторонники выступили против буржуазного истолкования лозунга национализации земли и связанной с этим толкованием идеи воссоздания мелкой крестьянской собственности.

Маркс и Энгельс доказывали, что мелкое крестьянское хозяйство при капитализме не в состоянии конкурировать с крупным и осуждено на гибель с экономической и политической точек зрения, что мелкому крестьянскому хозяйству, как показал опыт Франции, Бельгии и других стран (России — после отмены крепостного права), органически свойственны ипотеки, хроническая задолженность и обнищание. Энгельс в произведении «К жилищному вопросу» (1872) писал, что возрождение крестьянской собственности «при нынешнем уровне сельскохозяйственной науки и после опыта Франции и Западной Германии в области парцеллярного землевладения, было бы прямо реакционным шагом» [1]. Высказывая мысль относительно преобразования сельского хозяйства на социалистических основах, он указал, что «существующее еще крупное землевладение представит нам желаемую основу для того, чтобы при помощи ассоциированных работников повести земледелие в крупном масштабе, при котором только и возможно применение всех современных вспомогательных средств, машин и т. п., и тем самым наглядно показать мелким крестьянам преимущества крупного хозяйства на началах ассоциации» [2].

После Базельского конгресса пропаганда его решений получила в Великобритании широкий размах. Маркс принял непосред-

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 18, с. 281. См. также с. 276—277.
[2] Там же, с. 281.

ственное участие в разработке программы обобществления земельной (и не только земельной) собственности в Англии, в создании Лиги земли и труда (октябрь 1869 г.), основание которой рассматривал как один из возможных подходов к образованию политической партии английского пролетариата, преодолению реформистских влияний на рабочее движение. 30 октября 1869 года он сообщал Энгельсу: «Одним из следствий Базельского конгресса надо считать организацию *Лиги земли и труда* (создана, между прочим, непосредственно Генеральным Советом), благодаря чему рабочая партия совершенно порывает с буржуазией, причем исходным пунктом является национализация земли» [1]. Маркс отредактировал программу, написанную для Лиги Эккариусом; в нее были включены требования национализации земли, создания сельскохозяйственных колоний внутри страны, упразднения частных банков, сокращения рабочего дня, всеобщего и равного избирательного права, оплаты исполнения депутатских обязанностей [2].

Маркс специально рассмотрел комплекс вопросов о политике английского пролетариата в аграрном вопросе в письме Р. Аплгарту от 3 декабря 1869 года, где, как он сообщил Энгельсу, изложил свою точку зрения «о земельной собственности и необходимости ее отмены» [3]. При подготовке в 1870 году Майнцского конгресса Маркс намеревался просмотреть составленный Аплгартом документ, который тот собирался предложить для обсуждения [4].

Накопление в программе социалистических элементов

Эта работа велась во исполнение резолюции Базельского конгресса, предложившего секциям Интернационала «разработать к следующему конгрессу план практических мероприятий, которые необходимо провести для того, чтобы разрешить вопрос об общественной собственности» [5]. Конкретные предложения к Майнцскому конгрессу были подготовлены также Бельгийским федеральным советом, Центральным комитетом секций немецкого языка в Женеве. Они обсуждались и в других национальных организациях. Это свидетельствовало о том, что члены Интернационала занялись изучением вопросов: как добиться введения общественной собственности на средства производства и как управлять национализированным общественным достоянием после упразднения частной собственности в промышленности и в сельском хозяйстве.

После Лозаннского конгресса (1867), указавшего в резолюции на неразрывную связь борьбы за социальное освобождение с

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 32, с. 305.

[2] См.: Генеральный Совет Первого Интернационала. 1868—1870. Протоколы, с. 269.

[3] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 32, с. 332.— Само письмо Маркса Аплгарту не разыскано.

[4] См.: Р. Аплгарт — К. Марксу, 14 июля 1870 г.— Новая и новейшая история, 1964, № 6, с. 106.

[5] См.: Базельский конгресс Первого Интернационала. 1869, с. 85.

борьбой за политическое освобождение, на Базельском конгрессе (1869) был сделан следующий шаг — поднят вопрос об отношении пролетариата к государству. Довольно определенно прозвучал он в выступлении И. Г. Эккариуса: «Государство нельзя переделать, если держаться в стороне от него, и социальное преобразование должно быть произведено посредством той власти, которой рабочий класс сможет овладеть в государстве»[1]. На конгрессе и другие делегаты в своих выступлениях в общей форме проводили мысль о необходимости завоевания пролетариатом политической власти[2].

Таким образом, к очередному конгрессу (который должен был собраться в 1870 году в Майнце) в единый узел связались проблемы, которые на протяжении шести предшествующих лет деятельности Товарищества возникали и рассматривались в отдельности: об обобществлении орудий и средств производства, о кооперативной организации производства, о крестьянстве как союзнике пролетариата в социалистическом преобразовании общества. Включенное Марксом ранее во Временный устав положение — «Экономическое освобождение рабочего класса есть, следовательно, великая цель, которой всякое политическое движение должно быть подчинено как средство» — обретало также конкретную форму идеи о необходимости завоевания пролетариатом государственной власти.

4. РАЗРАБОТКА ПОЛИТИКИ ПРОЛЕТАРИАТА ПО ОТНОШЕНИЮ К НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНЫМ ДВИЖЕНИЯМ И ВОЙНАМ

Первый Интернационал действовал в годы бурных политических потрясений и войн. К определению его позиций в вопросах международной политики, межнациональных отношений, войны и мира Маркс и Энгельс подходили всегда с точки зрения интересов борьбы пролетариата за свое социальное освобождение. Классовый подход определял их оценку любой ситуации; при этом они учитывали международное положение, объективные условия классовой борьбы пролетариата в той или иной стране и ее соотношение с общими задачами и состоянием международного рабочего движения, принимали во внимание и национальные традиции. Они различали позиции пролетариата разных стран, разрабатывая всякий раз тактику в зависимости от конкретных условий. В каждом

[1] Базельский конгресс Первого Интернационала. 1869, с. 51—52.

[2] Так, например, Б. Лекрафт говорил: «Для осуществления этих мероприятий прежде всего необходимо, чтобы рабочий класс овладел властью, чтобы он трансформировал парламент в парламент рабочих, который стал бы центральным советом нации, назначающим министра сельского хозяйства и других лиц, осуществляющих надзор за обработкой земли» (Association Internationale des Travailleurs. Compte-rendu du IV-e Congrès international tenu à Bâle, en Septembre 1869. Bruxelles, 1869, p. 74).

случае они считали важным определять отвечающие моменту формы и методы действий в борьбе за достижение цели.

Подведение пролетариата к пониманию неразрывной связи борьбы за демократизацию общественного строя с борьбой за социалистическое преобразование общества, политической деятельности как решающего условия социального освобождения пролетариата было связано с формированием независимой позиции рабочего класса в области международных отношений. При этом Маркс считал, что еще до завоевания власти организованный пролетариат может и должен оказывать влияние на мировую политику. Поэтому в Учредительном манифесте он указал, что задача рабочего класса «самому овладеть тайнами международной политики, следить за дипломатической деятельностью своих правительств и в случае необходимости противодействовать ей всеми средствами, имеющимися в его распоряжении...» [1].

Как и на предшествующем этапе следовало учитывать нерешенные задачи национального объединения ряда крупных европейских народов. Начиная с 50-х годов появилась необходимость определить отношение пролетариата к странам и народам, отставшим в своем социально-экономическом развитии, отличавшимся многоукладностью хозяйства, сложным комплексом политических, национальных, расовых и религиозных проблем. От того, насколько правильной будет политика пролетариата в этом отношении, выступят ли народные массы этих стран в качестве его союзника, зависел успех борьбы пролетариата и в его собственной стране. Разработка политической линии пролетариата в национальном и колониальном вопросе, в вопросах войны и мира, начатая в 50-х годах, проблема союзников пролетариата в революционной борьбе стали занимать в марксизме в период деятельности Интернационала все большее место. Пролетарскую классовую позицию по этим вопросам следовало сделать теперь достоянием членов Интернационала, вырабатывая его отношение к возникавшим в мире животрепещущим международным проблемам и событиям. При этом можно было наглядно показать различие между подходом к ним мелкобуржуазных демократов и интернационалистской пролетарской позицией. В 60-х годах национально-освободительные движения польского и ирландского народов явились конкретным поводом для доходчивого разъяснения рабочим теоретических положений марксизма по национальному и колониальному вопросу, а также побудительной причиной их дальнейшего развития.

Поддержка польского освободительного движения

Как в 40—50-х, так и в 60-х годах Маркс и Энгельс считали, что победа польского национально-освободительного движения нанесет серьезный удар контрреволюционным правительствам России, Пруссии и Австрии, участвовавшим

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 16, с. 11.

в разделе и угнетении Польши, и тем самым будет способствовать победе социальной революции в Европе, ускорит развитие революционных процессов в России и других странах. Поддержка борьбы польского народа, по мнению Маркса и Энгельса, давала рабочим Англии, Франции, Германии возможность разоблачать с позиций пролетарского интернационализма лицемерную, своекорыстную позицию своих правительств по отношению к Польше, контрреволюционный, антинародный, великодержавный характер всей их внешней политики.

Эта задача была не из легких. С одной стороны, существовала демократическая традиция всегда поддерживать стремление поляков к национальному освобождению, хотя при этом нередко проявлялась тенденция к переоценке роли Англии и Франции как «защитников» прав польского народа. Сама идея создания международной организации рабочих возникла на митинге, созванном 22 июля 1863 года в знак солидарности с героическими польскими повстанцами. С другой стороны, под влиянием Прудона среди его приверженцев складывалось нигилистическое отношение к национальному вопросу вообще и к борьбе поляков за свое освобождение в частности. Обе эти тенденции — и буржуазно-демократическая (П. Фокс) и прудонистско-нигилистическая (руководители Парижской секции, отчасти П. Лафарг, Ш. Лонге) — были представлены в Интернационале. Кроме того, давала себя знать общегуманистическая, абстрактная точка зрения; ее придерживался, например, Де Пап, выступивший против включения вопроса о Польше в повестку Женевского конгресса [1].

Для Маркса важно было прежде всего добиться самостоятельной классовой позиции Товарищества в этом вопросе. Достижению данной цели способствовали дискуссии в Генеральном совете в декабре 1864 — январе 1865 года, серия статей «Какое дело рабочему классу до Польши?», написанная Энгельсом по просьбе Маркса в 1866 году, включение вопроса о Польше в составленный Марксом к Женевскому конгрессу программный документ — «Инструкцию делегатам Временного Центрального Совета по отдельным вопросам».

Как всегда, Маркс опирался на предварительное основательное изучение проблемы [2]. В первой же дискуссии острие его выступления было направлено против П. Фокса. В качестве основного аспекта он выделил значение революционного решения польского вопроса для освободительной борьбы международного пролетариата и тесно связанный с этим вопрос о союзнике польского нацио-

---

[1] «Есть столько угнетенных народов,— заявил Де Пап,— что почти несправедливо называть только один из них» (Генеральный Совет Первого Интернационала. 1864—1866. Лондонская конференция 1865 года, с. 179).

[2] В первой половине 1863 года Маркс намеревался написать специальную работу «Германия и Польша. Размышления военно-политического характера в связи с польским восстанием 1863 г.». Планы Маркса осуществлены не были, но остались обширные выписки и наброски к этой работе.

нально-освободительного движения. Он утверждал, что только пролетариат может быть истинным другом польского народа. Маркс раскрыл реакционную, захватническую сущность политики царизма, прусского и австрийского правительств по отношению к Польше, показал несостоятельность идеализации Фоксом традиций внешней политики Франции и Англии, отметил, в частности, что начиная с Людовика XV до Наполеона III Франция всегда использовала борьбу за независимость Польши в своих корыстных интересах, прикрываясь лицемерными фразами о защите польского народа, не раз предавала его интересы в самые трагические моменты.

В серии статей «Какое дело рабочему классу до Польши?», опубликованной в марте и мае 1866 года в органе Генерального совета — газете «Commonwealth» («Республика»), Энгельс обосновал непримиримое отношение пролетариата к политике национального угнетения, необходимость для него быть в авангарде борьбы за освобождение порабощенных народов. Он разъяснил пагубность нигилистической позиции прудонистов, указав, что освобождение Польши является неотъемлемой частью политической программы пролетариата. На примере Пруссии (и Германии) он показал, что участие в разделе Польши привело к усилению внутренней реакции в этой стране, развило в немецкой буржуазии дух воинствующего национализма и шовинизма. Поэтому рабочий класс Германии прямо заинтересован в восстановлении независимости Польши.

Главный удар был направлен Энгельсом против бонапартистской демагогии в национальном вопросе. Всячески противодействуя национально-объединительным движениям исторически сложившихся наций (Германия, Италия), Наполеон III выдвинул так называемый «принцип национальностей», за которым на практике стояло намерение бонапартистских кругов, спекулируя стремлением угнетенных наций и народов к самоопределению, использовать это движение в своих великодержавных, контрреволюционных целях. Бонапартистская пропаганда была крайне опасна для демократического и рабочего движения. В 50—60-х годах ее влияния не избежали даже такие крупные деятели национально-освободительных движений, как Л. Кошут, А. Мицкевич и др. Маркс и Энгельс стремились не допускать распространения ее влияния на рабочих. И в своих статьях Энгельс специально раскрыл и подчеркнул разницу «между «принципом *национальностей*» и старым положением демократии и рабочего класса о праве крупных европейских *наций* на отдельное и независимое существование» [1].

Здесь Энгельс впервые высказал мысль о том, что особое значение требование независимости Польши приобрело в силу сложившейся в Европе ситуации, указав на те вероятные изменения в ней, вследствие которых оно перестанет быть центральным пунк-

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 16, с. 161.

том внешнеполитической программы пролетариата европейских стран: «когда рабочий класс России... создаст политическую программу, и в эту программу войдет требование освобождения Польши» [1]. Маркс развил эту мысль через четыре года, в 1870 году, при приеме в Товарищество Русской секции, основанной в Женеве учениками Н. Г. Чернышевского (Н. И. Утин, Е. Л. Дмитриева, В. И. и Е. Г. Бартеневы и др.). В обращении к ней Маркс писал: «Работая над разбитием цепей Польши, русские социалисты возлагают на себя высокую задачу, заключающуюся в том уничтожении военного режима, которое существенно необходимо как предварительное условие для общего освобождения европейского пролетариата» [2].

Позиция Маркса и Энгельса в отношении к Польше определялась конкретными историческими условиями. Ленин писал: «...К. Маркс и Фр. Энгельс считали безусловно обязательным для всей западноевропейской демократии, а тем более социал-демократии, активную поддержку требования независимости Польши. Для эпохи 40-х и 60-х годов прошлого века, эпохи буржуазной революции Австрии и Германии, эпохи «крестьянской реформы» в России, эта точка зрения была вполне правильной и единственной последовательно-демократической и пролетарской точкой зрения. Пока народные массы России и большинства славянских стран спали еще непробудным сном, пока в этих странах *не было* самостоятельных, массовых, демократических движений, *шляхетское* освободительное движение в Польше приобретало гигантское, первостепенное значение с точки зрения демократии не только всероссийской, не только всеславянской, но и всеевропейской. Но если эта точка зрения Маркса была вполне верна для второй трети и третьей четверти XIX века, то она перестала быть верной к XX веку. Самостоятельные демократические движения и даже самостоятельное пролетарское движение пробудилось в большинстве славянских стран и даже в одной из наиболее отсталых славянских стран, России. Шляхетская Польша исчезла и уступила свое место капиталистической Польше. При таких условиях Польша не могла не потерять своего *исключительного* революционного значения» [3].

Пролетарское решение ирландского вопроса

Теоретические взгляды по национальному и колониальному вопросу Маркс продолжал развивать на опыте освободительной борьбы Ирландии. Дело было не только в том, что ирландский вопрос во второй половине 60-х годов XIX века приобрел особую остроту, и Генеральному совету нужно было выразить свое отношение к национально-освободительной борьбе ирландского народа; главным было то, что решение ирландского вопроса, так же как и вопроса о Польше, Маркс связывал с перспективой социальной революции в Европе.

На примере Ирландии, являвшейся колониальным владением Великобритании, Маркс пришел к новым идеям в вопросе о соотношении классовой борьбы пролетариата метрополии с национально-освободительным движением в колониях. Это положение

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 16, с. 158.

[2] Там же, с. 427.

[3] *Ленин В. И.* О праве наций на самоопределение.— Полн. собр. соч., т. 25, с. 297—298.

он последовательно развивал в 1867 году в докладе по ирландскому вопросу в лондонском Просветительном обществе немецких рабочих, на заседаниях Генерального совета в ноябре — декабре 1869 года, в циркулярном письме «Генеральный Совет — Федеральному совету Романской Швейцарии», в «Конфиденциальном сообщении», в письмах Л. Кугельману 29 ноября 1869 года, Энгельсу 10 декабря 1869 года, П. и Л. Лафарг 5 марта 1870 года, З. Мейеру и А. Фогту 9 апреля 1870 года и в некоторых других документах [1]. Исходя из реальной исторической обстановки тех лет, Маркс считал, что в Англии, где лица наемного труда составляют огромное большинство населения, созрели объективные условия для пролетарской революции. «Хотя революционная *инициатива*,— писал Маркс,— будет исходить, вероятно, от Франции, только Англия может послужить *рычагом* для серьезной *экономической* революции» [2]. Отсюда следовал вывод, что в интересах Товарищества — ускорить эту революцию, и с этой целью решающий удар надо нанести в Ирландии.

При изучении проблем национально-освободительной борьбы польского и ирландского народов Маркс подчеркивал значение для успеха этих движений радикального решения аграрного вопроса. И одну из главных причин неудач восстаний в этих странах он видел в игнорировании лидерами движения интересов крестьян. На опыте Ирландии Маркс вновь повторил: ирландский вопрос является «не просто национальным вопросом, а вопросом о земле». «Англичанам,— продолжал он,— следовало бы потребовать отделения Ирландии и предоставить самим ирландцам решение вопроса о земельной собственности. Все другие меры бесполезны» [3]. Вернувшись к этой мысли в письме к Л. Кугельману 6 апреля 1868 года, он писал: «...я давно был убежден, что социальная революция *серьезно* должна начаться с самых основ, то есть с земельной собственности» [4]. Итак, если английский лендлордизм падет в Ирландии, то он падет и в Англии. В Ирландии нанести удар легче, так как «экономическая борьба сосредоточена там исключительно на земельной собственности» [5], причем экономическая борьба там является одновременно борьбой национальной, а народ в Ирландии настроен более революционно, более ожесточен.

---

[1] Большое значение для изучения взглядов основоположников марксизма на национально-освободительное движение ирландского народа имеют также неоконченная рукопись книги Энгельса «История Ирландии», над которой он работал с сентября 1869 года, выписки и заметки Маркса «Ирландия от американской революции до унии 1801 года» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 16, с. 479—524; т. 45, с. 8—107).

[2] *Маркс К.* Генеральный Совет — Федеральному совету Романской Швейцарии.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 404.

[3] Запись доклада К. Маркса по ирландскому вопросу.— Там же, с. 581 (приложения).

[4] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 32, с. 452.

[5] *Маркс К.* Генеральный Совет — Федеральному совету Романской Швейцарии.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 406.

Угнетение Ирландии позволяло правящим классам разделять пролетариат метрополии на два лагеря, возбуждая среди английских рабочих национальную и религиозную вражду к ирландским пролетариям. В этом, считал Маркс, говоря об английской буржуазии, «подлинная тайна сохранения ее могущества», ибо «народ, порабощающий другой народ, кует свои собственные цепи» [1]. Кроме того, массовая ирландская эмиграция в США, создавшая здесь в составе пролетариата страны значительную прослойку ирландских рабочих, порождала известное разобщение между рабочими США и Англии. Для подавления освободительного движения в Ирландии правящие классы использовали армию, которая в любой момент могла быть обращена против пролетариата в самой Великобритании. На этом основании Маркс пришел к заключению, что *«предварительным* условием *освобождения* английского *рабочего класса* является превращение существующей *принудительной унии* (то есть порабощения Ирландии) *в равный и свободный союз,* если это возможно, или *полное отделение,* если это необходимо» [2].

Таким образом, в 60-х годах на опыте национально-освободительной борьбы польского и ирландского народов в Интернационале дальнейшее развитие получил подход к проблеме соотношения борьбы пролетариата метрополии с борьбой угнетенных народов за свое освобождение. Если раньше Маркс и Энгельс, придя к выводу о взаимосвязи между борьбой за освобождение колоний и пролетарским движением в капиталистических странах, считали, что инициатива должна принадлежать пролетариату метрополии, что свободу угнетенным народам принесет победа пролетариата в угнетающей стране, социалистическая революция в ней, то теперь в это представление вносится существенное дополнение: Маркс формулирует мысль о том, что борьба угнетенного народа за независимость, буржуазно-демократическая по своему характеру, может послужить толчком к социалистической революции в угнетающей стране. И в том и в другом случае подлинным союзником национально-освободительных движений является международный пролетариат вообще (на опыте Польши) и особенно пролетариат метрополии (на опыте Ирландии).

Освобождение от национализма, шовинизма и расовых предрассудков провозглашалось в Товариществе составной, неотъемлемой частью пролетарского интернационализма. Это требование было включено Марксом в текст Временного устава и гласило, что Товарищество и все вступившие в него общества и отдельные лица будут строить свои отношения друг к другу и ко всем людям «независимо от цвета их кожи, их верований или национальности» [3]. В обращениях к президенту А. Линкольну по случаю

[1] См.: *Маркс К.* Генеральный Совет — Федеральному совету Романской Швейцарии.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 406, 407.

[2] Там же, с. 407.

[3] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 16, с. 13.

окончания Гражданской войны в США и к президенту Э. Джонсону в связи с убийством Линкольна Генеральный совет решительно высказался за отмену рабства в США и ликвидацию его последствий, за действительное, революционно-демократическое преобразование страны после отмены рабства.

Так на основе осмысления реальной действительности, конкретных исторических событий Маркс и Энгельс делали теоретические выводы принципиального характера, которые становились программными положениями Интернационала, формируя тактику пролетариата по отношению к национально-освободительным движениям: пролетарский интернационализм как исходная позиция; самостоятельная классовая политика в международных отношениях; авангардная роль рабочего класса в борьбе за освобождение угнетенных народов; неразрывная связь борьбы пролетариата за социальное освобождение с борьбой угнетенных народов за независимость; предоставление угнетенным народам права на самоопределение; несовместимость социализма с любой формой угнетения; обязанность пролетариата угнетающей нации вести борьбу с политикой национального угнетения, проводимой правительством его страны, не только в интересах угнетенных народов, но и в интересах собственной свободы; учет революционного потенциала национально-освободительных движений, переход инициативы революционного выступления при определенных условиях к менее развитым в капиталистическом отношении странам и колониям, к угнетенной национальности; важное значение радикального решения аграрного вопроса для успеха национально-освободительной борьбы и пролетарской революции в метрополии. Таким образом, проблема союзников рабочего класса вышла за пределы одной страны; национально-освободительное движение народов угнетенных стран также стало рассматриваться как союзник пролетариата в социалистической революции.

Политика в вопросах войны и мира

События второй половины 60-х годов выдвигали перед Интернационалом и другие внешнеполитические проблемы, которые требовали выработки четкой линии поведения международного пролетариата. Так, Марксом и Энгельсом были сформулированы принципы пролетарской политики в вопросах войны и мира. Исходя из того, что только уничтожение эксплуататорских отношений между трудом и капиталом явится «действительным условием всеобщего мира» [1], Маркс тем не менее считал, что и в существующих условиях пролетариат может и должен играть активную роль в борьбе за мир. В «Обращении к Национальному рабочему союзу Соединенных Штатов», написанном Марксом от имени Генерального совета в мае 1869 года в связи с возникшей тогда уг-

[1] См.: Запись речи К. Маркса об отношении Международного Товарищества Рабочих к конгрессу Лиги мира и свободы.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 557 (приложения).

розой войны между Англией и США, говорилось: «...на вас возлагается славная обязанность доказать миру, что теперь, наконец, рабочий класс вступает на арену истории уже не как покорный исполнитель, а как независимая сила, сознающая свою собственную ответственность и способная диктовать мир там, где его так называемые хозяева кричат о войне» [1].

Вместе с тем, всегда решительно выступая против захватнических войн, Маркс учил при определении пролетарской политики в каждом конкретном случае исходить из реальной оценки сил рабочего класса, его возможностей. Так, он подверг критике проект резолюции Брюссельского конгресса Интернационала, в котором выдвигалось чисто декларативное требование в случае возникновения войны между Германией и Францией объявить всеобщую стачку. Эта иллюзорная угроза могла лишь дезориентировать рабочий класс, отвлечь его от реальной борьбы за предотвращение войны, за срыв милитаристских планов своих правительств. В инструктивном письме делегатам Брюссельского конгресса И. Г. Эккариусу и Ф. Лесснеру Маркс 10 сентября 1868 года писал: «Резолюция, которую следует принять по этому вопросу, должна попросту гласить, что рабочий класс еще недостаточно организован, чтобы оказывать сколько-нибудь решающее влияние на ход событий, но что конгресс от имени рабочего класса заявляет протест и обличает зачинщиков войны; что война между Францией и Германией есть междоусобная война, гибельная для обеих стран, гибельная и для всей Европы» [2].

В середине 60-х годов XIX века в Европе сложилась взрывоопасная ситуация: на первый план снова выдвинулись вопросы, не решенные революциями 1848—1849 годов, и прежде всего вопрос об объединении Германии. Конституционный конфликт в Пруссии, соперничество между Австрией и Пруссией особенно накалили обстановку, и события, перерастая рамки Германии, вовлекали в свою орбиту Италию, Францию и другие страны. К этому добавилось обострение борьбы за реформу избирательного права в Англии, совпавшее с усилением национально-освободительной борьбы ирландского народа.

Маркс и Энгельс и их соратники считали, что в сложившейся обстановке возможен революционный поворот событий. С целью разработки тактики в назревавших событиях в Генеральном совете в июне — июле 1866 года была проведена дискуссия о войне. Учитывая, что национальное объединение Германии и Италии создаст благоприятные условия для классового сплочения и организации сил немецких и итальянских рабочих в борьбе за социальное освобождение, Маркс и Энгельс ориентировали рабочих на активное участие в этом движении. Это подталкивало бы вперед национально-освободительное движение, способствовало бы, по

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 16, с. 372—373.
[2] Там же, т. 32, с. 466.

выражению Ленина, развитию «либерально-скромного движения в демократически-бурное» [1].

Эта точка зрения была обоснована Энгельсом еще в феврале 1865 года в брошюре «Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия». Здесь был дан анализ расстановки классовых сил в Германии, характеристика немецкой буржуазии, трусливо предающей национальные интересы в страхе перед растущей силой пролетариата. Энгельс показал классовую сущность прусского бонапартизма как специфической формы эволюции феодально-бюрократического государства в буржуазно-юнкерскую монархию. Его анализ бонапартистской демагогической политики правительства Бисмарка по отношению к рабочему классу одновременно разоблачал оппортунистический курс лассальянских лидеров, ориентировавшихся на соглашение с правительством ради его обещания ввести всеобщее избирательное право. Энгельс показал иллюзорность подобных надежд, ибо прусская монархия свела бы на нет результаты всеобщего избирательного права, действия парламента и других демократических институтов. В брошюре была сформулирована мысль о том, что рабочий класс Германии уже сам способен влиять на развитие страны. Предостерегая его от бонапартистских иллюзий, Энгельс призывал немецкий пролетариат занять самостоятельную позицию в общедемократическом движении за объединение страны, следовать революционным путем, имея перед собой задачу создания собственной рабочей партии.

Развивая мысли Энгельса, Маркс в ходе дискуссии в Генеральном совете летом 1866 года вскрыл двойственность характера вспыхнувшей австро-прусской войны, в которой династически-завоевательные намерения Пруссии переплетались с национальными интересами немецкого народа. Тактика Интернационала, выработанная в результате обсуждения, предусматривала, что в сложившейся международной обстановке, при перспективе поражения реакционных сил Пруссии и победы революции в Европе Генеральному совету следовало активизировать свои контакты с рабочими обществами Англии; в случае революции в Германии или другой стране на континенте это позволило бы Совету организовать в Англии массовые митинги, чтобы оказать давление на английское правительство, предотвратить его вмешательство в войну и тем реально помочь успеху революции на континенте [2].

Однако победа прусских войск при Садове (3 июля 1866 г.) и фактический переход либеральной буржуазии в лагерь Бисмарка означали коренное изменение ситуации — утрату надежд на революционное развитие событий, успех Бисмарка в осуществлении

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Под чужим флагом.— Полн. собр. соч., т. 26, с. 139.

[2] Фактически эту тактику Генеральный совет проводил после свержения Наполеона III, установления во Франции республики и особенно в дни Парижской коммуны.

его планов объединения Германии «сверху», «железом и кровью». В этих условиях 25 июля 1866 года Энгельс впервые формулирует новую ориентировку: в изменившейся обстановке необходимо признать факт объединения Германии под главенством Пруссии («нравится он нам или нет»); ясно сознавая отрицательные последствия такого пути объединения страны («Германия будет неизбежно затоплена пруссачеством»), пролетариат должен воспользоваться представившейся ему теперь возможностью организоваться и объединиться в национальном масштабе [1]. Соглашаясь с Энгельсом, Маркс 23 августа 1866 года пишет Л. Кугельману, что нужно исходить из реальной обстановки и «отстаивать революционные интересы таким путем, который соответствует изменившимся обстоятельствам» [2].

Интернационалу нужно было также определить свое отношение к пацифистскому демократическому движению, которое во второй половине 60-х годов получило в Европе довольно большой размах. Антивоенные настроения в 1866—1867 годах нашли отражение в многочисленных митингах, обращениях и протестах. В 1867 году оформилась буржуазно-пацифистская организация — Лига мира и свободы, выступавшая за мир, упразднение постоянных армий и создание Соединенных штатов Европы. Лиге мира и свободы, как и другим инициаторам антивоенных выступлений демократического лагеря, были свойственны пацифистское фразерство, непонимание различия в характере войн, отсутствие материалистического объяснения их происхождения и конкретного анализа международной обстановки.

Пролетариату, считал Маркс, не следует сектантски отгораживаться от буржуазных пацифистских движений, но он должен сохранять при этом свою классовую самостоятельность в идейном и организационном отношениях. Такая позиция оправдала себя полностью: рабочий класс смог активно выступить на международной арене в условиях начавшейся через три года франко-прусской войны.

Деятельность Интернационала способствовала размежеванию с буржуазно-демократическим космополитизмом и утверждению в международном рабочем движении пролетарского интернационализма. Боевые выступления Интернационала вместе с историческим опытом учили рабочий класс давать отпор проявлениям национализма и шовинизма, какими бы демократическими фразами они не прикрывались, развивали в нем понимание того, что пролетарский интернационализм требует полного равноправия всех стран и народов, всех национальных отрядов международного пролетариата.

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 31, с. 202—203.
[2] См. там же, с. 438.

5. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИДЕЙ НАУЧНОГО СОЦИАЛИЗМА, ИХ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

Характерной чертой этого периода является формирование классового сознания широких слоев пролетариата. Если раньше, при стихийном развитии, рабочие, опираясь на свой собственный опыт, лишь интуитивно стремились к солидарности, могли самостоятельно выработать лишь отдельные правильные представления и убеждения, то теперь марксизм приобщал их к научному мировоззрению, вооружал теоретически осмысленным опытом всего международного рабочего движения, всей его истории. При этом процесс соединения марксизма с рабочим движением в период деятельности Интернационала сопровождался поиском каналов и форм, в которых идеи научного социализма могли распространяться, становясь достоянием широких масс рабочего класса.

Влияние мелкобуржуазного социализма (прудонизма, позднее бакунизма), реформистская ограниченность тред-юнионистского движения и лассальянства и другие факторы осложняли процесс усвоения пролетариатом научной идеологии, вызывали рецидивы ненаучных воззрений. Тем не менее марксистское ядро Интернационала настойчиво преодолевало взгляды мелкобуржуазного социализма, реформистские тенденции, старалось неуклонно поднимать идейный уровень рабочего движения до научного социализма, материалистического мировоззрения.

Маркс считал вредным преждевременные забегания вперед: каждое положение научного социализма выдвигалось, популяризировалось и становилось программным требованием Товарищества лишь тогда, когда развитие рабочего движения, его практический опыт давали основание полагать, что оно будет им понято и воспринято. Марксов метод поэтапного приобщения массового рабочего движения к научному социализму был рассчитан на преодоление идейной разнородности в процессе борьбы за общие цели, опираясь на классовый инстинкт и здравый смысл масс. При этом сказывалось умение Маркса определить момент, до которого можно сотрудничать с той или иной организацией, видеть, способствует ли такое сотрудничество расширению влияния научного социализма на рабочие массы или, наоборот, служит ему помехой [1]. Маркс старался «объединить, направив в общее русло, *стихийное движение* рабочего класса, но отнюдь не диктовать или навязывать ему какие бы то ни было доктринерские системы» [2]. Такой подход явился образцом для всего последующего международного рабочего движения: он исключал как мелкобуржуазный авангардизм, так и «хвостизм», преклонение перед стихийностью движения.

---

[1] Примером может служить история сотрудничества Маркса и Энгельса в лассальянской газете «Социал-демократ» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Заявление в редакцию газеты «Social-Demokrat».— Соч., т. 16, с. 79).

[2] *Маркс К.* Инструкция делегатам Временного Центрального Совета по отдельным вопросам.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 199.

Во главе рабочего движения

Практика классовой борьбы служила наглядным доказательством правоты идей марксизма, принося ему победы над мелкобуржуазным социализмом. Поэтому Маркс и Энгельс внимательно следили за всеми выступлениями пролетариата как в защиту своих экономических интересов, так и на политической арене. Оказывая поддержку бастующим рабочим, направляя их действия, Маркс, Энгельс и их соратники в Генеральном совете старались при этом разъяснить сущность социальных явлений, тесную связь класса капиталистов с государственной машиной, показать общность классовых интересов пролетариев разных стран, значение солидарности в борьбе за свои интересы, развивая тем самым сознание рабочих. Маркс считал, что взаимная поддержка в стачечной борьбе, которая в 1864—1870 годах приобрела невиданный до той поры размах, является эффективной формой практического осуществления единства международного рабочего движения. Генеральный совет проводил сбор средств для бастующих, выпускал листовки и воззвания (многие из них были написаны Марксом) в поддержку бастующих и для предупреждения штрейкбрехерства. Обращения Совета на конкретных примерах учили рабочих видеть расстановку классовых сил, правильно определять свои интересы, укрепляли в них чувство классовой солидарности и пролетарского интернационализма, призывали поддерживать братьев по классу в других странах. Совет разъяснял причины, порождающие стачки, их неизбежность в капиталистическом обществе, их роль в освободительной борьбе рабочего класса. Для координации экономической борьбы рабочих Совет собирал и сообщал рабочим статистические данные о заработной плате в разных странах, о расценках на работы в родственных отраслях промышленности, а также посылал депутации для улаживания разжигаемых предпринимателями конфликтов между рабочими разных национальностей.

Под направляющим влиянием Маркса и Энгельса Генеральный совет побуждал рабочих бороться за законодательную защиту своих прав (участие Совета в борьбе английских рабочих за отмену закона о хозяевах и слугах, за легализацию тред-юнионов, за девятичасовой рабочий день и т. п.); разоблачал антирабочую направленность правительственного законодательства, регулирующего отношения капиталиста и пролетария (например, «Доклад о цеховых товариществах горняков в угольных копях Саксонии», написанный Энгельсом для Генерального совета по просьбе Маркса); клеймил расправу правительственных войск над бастующими (написанное Марксом воззвание Генерального совета «Бельгийские избиения», составленное Эккариусом воззвание Генерального совета «Горнякам и рабочим-металлургам Великобритании»).

Помощь в экономической борьбе против капитала способствовала росту популярности и авторитета Товарищества среди пролетариев всех стран, воздействовала и на предпринимателей, нередко вынуждая их идти на уступки рабочим. Как правило, выигран-

пая с помощью Генерального совета стачка влекла за собой приток рабочих данной отрасли производства в ряды Интернационала.

Столь же настойчиво Генеральный совет добивался вовлечения пролетарских масс в политическую борьбу. Рабочих нужно было подвести к пониманию важнейшего программного положения о том, что социальное освобождение пролетариата неосуществимо без завоевания им политической власти. Реальным средством для осознания этой необходимости являлось активное участие рабочего класса каждой страны в широком демократическом движении, и следовало побуждать его занимать в нем классовую, революционную позицию. Такая тактика, способствуя выделению пролетариата из общедемократического движения и развитию его классового сознания, выдвигала его в качестве передовой силы в борьбе за завершение тех буржуазно-демократических преобразований, от которых отказывалась буржуазия, открыто переходившая в ряде стран на контрреволюционные позиции. Эта тактика формировала понимание того, что борьба за демократию является неотъемлемой составной частью борьбы за социализм.

В отличие от прудонистов, других сектантов, реформистских лидеров английских тред-юнионов, стремившихся, как правило, замкнуться в рамках «чисто рабочих» вопросов, Маркс видел задачу Интернационала не только в том, чтобы служить организационным центром рабочего движения, но и в том, чтобы «поддерживать в различных странах всякое политическое движение, способствующее достижению нашей конечной цели — *экономического освобождения рабочего класса*» [1].

Интернационал принимал активное участие в движениях за реформу избирательного права в Англии в 1865—1867 годах, за национальное объединение Германии и Италии, за искоренение пережитков рабства после окончания Гражданской войны в США (1861—1865), в поддержку освободительного движения в Польше, в защиту национально-освободительной борьбы ирландского народа, в широком оппозиционном антибонапартистском движении во Франции во второй половине 60-х годов, поддерживал русских революционеров, поднимавшихся на борьбу с царизмом. Все это имело огромное значение для воспитания рабочих в духе пролетарского интернационализма, преодоления национальных предрассудков, шовинистических настроений, неверия в собственные силы, а также способствовало присоединению к Товариществу рабочих организаций, притоку новых членов. Участие в этих движениях уже к 1870 году определило значение Товарищества как серьезной политической силы на международной арене, заставило считаться с ним правительства и буржуазных деятелей, вынудило их к попыткам объединения сил в борьбе с его растущим влиянием.

[1] См.: *Маркс К.* О преследованиях членов французских секций.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 445.

Распространение идей марксизма

Практическая деятельность Генерального совета и местных секций Интернационала давала Марксу и его соратникам возможность устраивать плодотворные обсуждения теоретических вопросов экономической и политической борьбы пролетариата. В 1864—1870 годах в Генеральном совете был проведен ряд теоретических дискуссий: о польском вопросе — в декабре 1864 года — январе 1865 года, о тред-юнионах — мае — августе 1865 года, о войне — в июне — июле 1866 года, о социальных последствиях применения машин при капитализме — в июле 1868 года, о борьбе за сокращение рабочего дня — в августе 1868 года, о земельной собственности, о праве наследования, о всеобщем образовании — в июле — августе 1869 года и др. Эти дискуссии с участием Маркса имели важное значение для идейно-теоретической подготовки членов Генерального совета к более широким обсуждениям вопросов на конгрессах и конференциях Товарищества.

Решающую роль в утверждении марксистских идей в программе и деятельности Интернационала сыграло распространение в эти годы произведений Маркса и Энгельса, прежде всего выход в свет в сентябре 1867 года I тома «Капитала», который давал пролетариату экономическое обоснование научного коммунизма, надежную теоретическую основу для преодоления влияний мелкобуржуазного социализма и реформизма. Для популяризации этого труда Маркса (как показано в предыдущей главе) многое сделал Энгельс, опубликовавший несколько развернутых рецензий. Кроме того, уже в эти годы отдельные фрагменты «Капитала» (иногда значительные) публиковались в органах рабочей печати США, Германии, Франции, Швейцарии [1]. Большую роль в популяризации идей «Капитала» еще до выхода его в свет сыграли доклад Маркса «Заработная плата, цена и прибыль», «Инструкция делегатам Временного Центрального Совета по отдельным вопросам», а в дальнейшем — более поздние его произведения и выступления в Генеральном совете, в лондонском Просветительном обществе немецких рабочих. Специальная резолюция Брюссельского конгресса, как уже говорилось, призвала членов Интернационала изучать «Капитал» и содействовать переводу его на другие языки.

Положения экономической теории Маркса пропагандировались и защищались его сторонниками на конгрессах, рабочих собраниях, в печати и тем самым распространялись среди рабочих — немцев, англичан, французов, бельгийцев, швейцарцев и др. Особенно широко они популяризировались в немецкой рабочей печати. 2 октября 1868 года деятель Берлинской секции Интернационала В. Эйххоф писал Марксу: «...движение благодаря Вашему «Капиталу» получило научную основу» [2].

[1] См.: Прижизненные издания и публикации произведений К. Маркса и Ф. Энгельса. Библиографический указатель. Часть II. 1864, сентябрь — 1895. М., 1977, № 2766, 2767, 2768, 2769, 2770 и др.

[2] Вопросы истории КПСС, 1964, № 9, с. 72.

Широко распространялись на немецком, английском, французском, итальянском (несколько позднее — на испанском, русском, венгерском и др.) языках документы Интернационала. Учредительный манифест с 1864 по 1870 год печатался (включая газетные публикации) свыше 20 раз, Временный устав около 30 раз; только в 1864—1866 годах тираж этих первых программных документов Интернационала составил несколько десятков тысяч экземпляров. Доклады конгрессам, которые, как правило, также составлялись Марксом, резолюции конгрессов и Генерального совета, обращения, листовки, циркулярные письма Совета и другие документы доводились до сведения членов Интернационала, печатались в его органах или выходили отдельными изданиями. Важное значение имели произведения Энгельса, написанные в связи с возникавшими конкретными вопросами и насущными задачами рабочего движения.

Начавшийся в рядах Интернационала процесс усвоения научной идеологии вызвал невиданную до той поры тягу к знаниям. Рабочие, осознавшие, чем они обязаны Марксу и Энгельсу «в своем духовном развитии» [1], все чаще обращались и к их произведениям, написанным раньше. Новое поколение передовых пролетариев хотело читать «Манифест Коммунистической партии», «Положение рабочего класса в Англии», «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», «Нищету философии». 7 мая 1870 года В. Либкнехт писал Марксу: «Пожалуйста, подготовь для печати *«Коммунистический манифест»:* новое издание требуется немедленно. *Было бы замечательно сопроводить его твоим кратким предисловием»* [2]. До 1870 года удалось добиться переиздания «Восемнадцатого брюмера Луи Бонапарта» Маркса и «Крестьянской войны в Германии» Энгельса с соответствующими, специально написанными для этой цели авторскими предисловиями, которые имели самостоятельное значение, содержали новые выводы, сделанные марксизмом за годы, истекшие со времени первого издания этих произведений.

Соратники Маркса и Энгельса

Громадную роль в приобщении рабочих масс к идеям научного социализма играла деятельность самого Маркса, как подлинного главы Интернационала, и Энгельса, их выдающиеся личные качества — политический опыт, тактическое искусство, темперамент борцов. Важное значение имело и то обстоятельство, что в Генеральном совете Маркс и Энгельс опирались на сплоченную группу пролетарских революционеров, ветеранов рабочего движения, часть которых прошла еще школу Союза коммунистов (И. Г. Эккариус, Г. Юнг, Э. Дюпон, Ф. Лесснер, К. Кауб, К. Пфендер и др.). Опорой революционного пролетарского ядра Генераль-

---

[1] См.: Т. Мецнер, З. Мейер, А. Фогт — К. Марксу, 13 ноября 1865 г.— Вопросы истории КПСС, 1964, № 9, с. 68.

[2] Вопросы истории КПСС, 1964, № 9, с. 77.— Это издание было осуществлено в 1872 году.

ного совета в местных секциях Интернационала стали также ветераны рабочего движения — И. Ф. Беккер, И. Вейдемейер, Э. Джонс, В. Либкнехт, В. Шили и др. Этот костяк постепенно обрастал новыми силами, способными и преданными делу пролетариата людьми. Многие из них непосредственно общались с Марксом, воспринимая идеи из его уст. Среди них были П. Лафарг, А. Бебель, Ш. Лонге, Р. Шо, Г. А. Лопатин, Л. Франкель, С. Де Пап и др.

Личное влияние этих людей в Интернационале было огромным. Они входили в состав делегаций Генерального совета, которые направлялись в рабочие организации, местные отделения тред-юнионов Лондона и его окрестностей, пропагандировали там идеи Товарищества, побуждая рабочих присоединяться к нему. Некоторые из них в качестве секретарей-корреспондентов вели переписку с секциями на континенте и в США, совершали специальные агитационные поездки. Во время конгрессов они посещали рабочие общества, и живое общение помогало вовлекать в ряды Интернационала новых членов. Те же, кто жил за пределами Англии, много делали для пропаганды идей Товарищества в своих странах.

Это были в своей основной массе рабочие разных профессий, которые, как и все их собратья по классу, вынуждены были каждодневным трудом зарабатывать на жизнь. Страстная жажда знаний, нравственная чистота, самоотверженность делали их достойными представителями своего класса. К ним особенно применимы слова Ленина о том, что несмотря на «отупляющую каторжную работу» они находили время, чтобы «учиться, учиться и учиться и вырабатывать из себя сознательных социал-демократов, «рабочую интеллигенцию»» [1]. Политическая деятельность осложняла им и без того нелегкую жизнь: их имена вносились в «черные» списки, их увольняли, оставляя без средств к существованию. Но они подвижнически делали свое благородное дело. Вокруг них в национальных федерациях группировались рабочие, проходившие в Интернационале школу классовой борьбы, воспринимавшие идеи марксизма. Из них формировались в дальнейшем кадры пролетарских партий.

Передовые рабочие овладевали искусством устной и письменной пропаганды, становились политическими деятелями и публицистами. К ним примыкали и лучшие представители буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции, ставшие на позиции пролетариата. Так ширился круг последователей Маркса и Энгельса, их соратников, сыгравших ведущую роль на следующем этапе рабочего движения — в период формирования и деятельности социал-демократических партий. Некоторые из них допускали те или иные ошибки и заблуждения, за что подвергались справедливой критике Марксом и Энгельсом. Однако не ошибками определяется их роль в истории рабочего движения.

[1] См.: *Ленин В. И.* Попятное направление в русской социал-демократии.— Полн. собр. соч., т. 4, с. 269.

Среди них — упоминавшийся выше Иоганн Георг *Эккариус*, портной по профессии, талантливый самоучка, в молодости член Союза коммунистов. Яркий публицист, он выступал в защиту идей марксизма в немецко-язычной (в том числе и в США) и в английской прессе. Его наиболее крупная литературная работа в Интернационале — серия статей «Опровержение рабочим некоторых положений политической экономии Джона Стюарта Милля», опубликованная в органе Генерального совета — газете «Commonwealth» в 1866—1867 годах и изданная затем в 1869 году отдельной книгой на немецком языке. Эккариус был участником всех конгрессов и конференций Товарищества, активно действовал в английском рабочем движении, в частности в борьбе за реформу избирательного права в Англии в 1867 году. Его заслуги в пропаганде марксистских идей значительны, несмотря на более поздние реформистские ошибки и отступления.

Большое влияние на рабочих имела вышедшая в свет в 1868 году книга Вильгельма *Эйххофа* (позднее — члена Социал-демократической рабочей партии Германии) по истории Интернационала [1]. В нее были включены первые программные документы Товарищества, подробно изложена Инструкция Маркса к Женевскому конгрессу. Даже в 1893 году Энгельс отмечал, что из существующих работ об Интернационале «доверия заслуживает *только* Эйххоф, который работал по заметкам Маркса» [2].

Трудно переоценить значение публицистической и организаторской деятельности уже в то время одного из старейших соратников и друзей Маркса и Энгельса — Вильгельма *Либкнехта* (несмотря на отдельные промахи, за которые его критиковали Маркс и Энгельс). Особая заслуга Вильгельма Либкнехта и Августа *Бебеля* (в 60-е годы только начинавшего свой революционный путь) состояла в борьбе за высвобождение немецкого рабочего движения из-под влияния лассальянских догм. Бебелю и Либкнехту принадлежала ведущая роль в создании первой в истории социал-демократической рабочей партии. Они были блестящими публицистами, широко использовали парламентскую трибуну для пропаганды марксистских идей, положив начало парламентской деятельности социал-демократии.

Одной из ярких фигур в Генеральном совете был Эжен *Дюпон*, французский рабочий (мастер по изготовлению музыкальных инструментов), талантливый изобретатель, живой, общительный человек, друг Маркса и Энгельса. В 1848 году еще почти подростком он принял участие в июньском восстании пролетариев Парижа. Живя с 1862 года в Лондоне, Дюпон с созданием Товарищества

---

[1] См.: *Eichhoff W.* Die Internationale Arbeiterassociation. Ihre Gründung, Organisation, politisch-sociale Tätigkeit und Ausbreitung. Berlin, Verlag von A. Eichhoff, 1868.

[2] Энгельс — Владимиру Яковлевичу Шмуйлову, 7 февраля 1893 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 39, с. 21.

стал его активным членом, твердым приверженцем идей научного социализма. Их пропаганду и защиту он активно вел как секретарь-корреспондент для Франции, а на конференциях и конгрессах Интернационала — в качестве делегата Генерального совета.

Деятельно проявил себя в Товариществе Герман *Юнг*, швейцарский рабочий, часовщик, живший с 1855 года в Лондоне. Юнг был хорошим оратором, знал немецкий, французский и английский языки. Эти способности, а также организаторский талант определили его роль на конгрессах и конференциях Интернационала в качестве председателя или вице-председателя и одновременно переводчика. Хотя позднее Юнг (как и Эккариус) допускал реформистские ошибки, его вклад в развитие Товарищества и распространение марксистских идей на первом этапе его существования был значителен.

В Интернационале начиналась революционная деятельность Поля *Лафарга,* вначале носившая отпечаток незрелых и противоречивых идей (прудонистский нигилизм в национальном вопросе, бланкистский радикализм в политической области). Но затем в результате личного общения с Марксом он быстро перешел на позиции научного социализма, посвятив распространению его свой незаурядный талант организатора и публициста, став одним из ближайших учеников и соратников Маркса и Энгельса. Лафарг вошел в Генеральный совет в качестве секретаря-корреспондента для Испании, сыграл важную роль в образовании секций Интернационала во Франции, Испании и Португалии, активно помогал Марксу и Энгельсу в борьбе с раскольнической деятельностью бакунистов.

Заметной фигурой в Генеральном совете и на конгрессах Интернационала был портной Фридрих *Лесснер*, в прошлом член Союза коммунистов, блестяще владевший искусством устной пропаганды и агитации.

Позднее в Интернационал вступил русский революционер Герман *Лопатин*, один из первых переводчиков «Капитала» Маркса. В сентябре 1870 года Лопатин стал членом Генерального совета и некоторое время принимал участие в его работе. Благодаря своим связям с Русской секцией Интернационала и высоким личным достоинствам он сыграл важную роль в борьбе с бакунизмом.

Активно работал в Интернационале ветеран международного рабочего движения Иоганн Филипп *Беккер,* в прошлом рабочий-щеточник, глава Центрального комитета секций немецкого языка в Женеве и редактор одного из лучших печатных органов Интернационала — журнала «Vorbote». Несмотря на отдельные колебания, Беккер в целом стоял на революционных пролетарских позициях, а его энергия и самоотверженность снискали ему высокий авторитет и уважение в рабочем и демократическом движении.

С 1867 года в Интернационале все большую роль стал играть активный пропагандист марксизма в США Фридрих Адольф *Зорге*. Значение его деятельности особенно велико на втором эта-

пе существования Товарищества; в 1872—1874 годах Зорге возглавил Генеральный совет, местопребывание которого по решению Гаагского конгресса было перенесено в Нью-Йорк. В дальнейшем он участвовал в создании Рабочей партии США; в качестве теоретической основы ее программы была принята вводная часть Общего устава Международного товарищества рабочих.

Немалая заслуга в победе марксистских принципов в Интернационале принадлежит Сезару *Де Папу,* типографскому рабочему, впоследствии врачу. Инициатор создания секций в Бельгии, участник нескольких конгрессов Товарищества, он стал в дальнейшем одним из основателей Бельгийской рабочей партии. Общение с Марксом позволило Де Папу на конгрессах в Брюсселе и Базеле активно проявить себя в борьбе за утверждение социалистических программных принципов.

От прудонизма к марксизму в Товариществе шли Эжен *Варлен* (расстрелянный версальцами 28 мая 1871 г.), Зефирен *Камелина* (ставший в 1920 г. членом Коммунистической партии Франции). Значительной была деятельность *О. Серрайе, Л. Франкеля, З. Мейера, Дж. Милнера, А. Фогта,* поддерживавших пролетарское крыло Генерального совета в борьбе с реформизмом и сектантством.

Маркс считал важным привлечение в ряды Интернационала революционной интеллигенции. Помимо П. Лафарга, в Интернационал пришли такие деятели, как *Ш. Лонге, Г. Флуранс, Ш. Жаклар, Ш. Люлье* и др. Представители интеллигенции внесли в движение немало теоретических заблуждений, допустили ряд тактических промахов, свойственных мелкобуржуазным революционерам. Но самоотверженность, нравственная чистота лучших представителей интеллигенции, искренняя защита ими интересов пролетариата перевешивали их слабости. Благородными помыслами и делами, самоотверженной защитой Парижской коммуны многие из них заслужили благодарную память международного пролетариата.

В Интернационале Марксу приходилось вести идейную борьбу с реформистскими лидерами английских тред-юнионов — Дж. Оджером, У. Кримером, Б. Лекрафтом, Дж. Хауэллом и др. Однако, проводя гибкую политику, Маркс на определенных этапах считал целесообразным использовать их возможности для консолидации пролетарской классовой позиции Товарищества и умел при этом оказывать на них известное влияние. Такое воздействие оказывали и доклад Маркса «Заработная плата, цена и прибыль», и социально-экономическая программа Интернационала, сформулированная Марксом в его Инструкции к Женевскому конгрессу. Так, на Базельском конгрессе один из лидеров тред-юнионов Р. Аплгарт заявил, что Интернационал «расширил кругозор английских тред-юнионистов и показал им, что профессиональные союзы можно использовать для более высоких целей, чем простые конфликты из-за заработной платы, и что без международного объединения

невозможно искоренить гнетущее всех зло» [1], то есть с достаточной определенностью повторил марксистские положения. Марксу нередко удавалось вести за собой лидеров тред-юнионов не только в социально-экономических вопросах.

От тред-юнионизма к марксизму в Генеральном совете шел Роберт *Шо*, генеральный секретарь Объединенного общества маляров, по характеристике Маркса, «человек с чистым сердцем, мужественным характером, пылким темпераментом и поистине революционным духом, которому чужды были мелочность, тщеславие и стремление к личной выгоде» [2]. Шо был одним из наиболее деятельных членов Совета, способствовал присоединению местных отделений тред-юнионов к Товариществу.

Пресса Интернационала

Большую роль в пропаганде идей Интернационала играла его пресса. Нужда в ней постоянно ощущалась с момента создания Товарищества. Генеральный совет и местные отделения старались использовать рабочие и демократические газеты, которые предоставляли свои страницы для публикации документов Интернационала, а также создавать свои собственные печатные органы. Эти усилия с первых же лет принесли плоды.

Генеральный совет имел возможность использовать в Лондоне несколько газет в качестве своих печатных органов: «The Bee-Hive Newspaper» (с 22 ноября 1864 г. по 3 мая 1870 г.), «The Workman's Advocate» (с 26 сентября 1865 г.), ее продолжение «The Commonwealth» (с 10 февраля 1866 г. по 20 июля 1867 г.), «The Eastern Post» (с 19 февраля 1871 г.). Несмотря на ряд трудностей (финансовую нужду, нехватку журналистских сил, давление со стороны лиц, финансировавших издание газет, реформистские настроения тред-юнионистских лидеров), Генеральный совет регулярно публиковал в этих органах свои документы, отчеты о заседаниях Совета, выступления и статьи своих членов и другие материалы. Газеты эти издавались тиражами в несколько тысяч экземпляров и имели довольно широкое распространение среди английских рабочих. Кроме того, материалы Интернационала печатались в лондонской газете «The International Courier» (выходила на английском и французском языках), а также в ряде других рабочих и демократических газет. Однако финансовые и иные трудности не позволили Генеральному совету создать газету, которая всецело находилась бы в его руках: ни собственным теоретическим органом, ни газетой для повседневного руководства практическим движением Совет не располагал.

Слабость центральной прессы в известной мере компенсировалась широким развитием периодической печати секций, отделений и федераций Интернационала в разных странах. Многие местные

---

[1] Базельский конгресс Первого Интернационала. 1869, с. 7.
[2] *Маркс К.* Некролог.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 410.

органы существовали, правда, недолгий срок, нередко прекращали выпуск под нажимом властей или из-за отсутствия финансовых средств. Однако среди них были и жизнеспособные издания, сыгравшие важную роль в распространении материалов Интернационала, идей марксизма. Число периодических изданий Товарищества на местах было так значительно, что даже при кратковременном существовании многих из них в целом эти издания оставили заметный след в истории Интернационала.

Во Франции наибольшее значение имели «La Rive gauche» (печаталась в Париже и Брюсселе), «Le Travail», «Le Courrier français» (печатала документы Интернационала, опубликовала часть предисловия к I тому «Капитала»), «La Fédération», «La Marseillaise» (формально органом Товарищества эта газета не была, но весьма широко печатала информацию о нем; выходила тиражом до 100 тысяч экземпляров), «La Réforme sociale» (орган Руанской федерации Интернационала, печаталась в Брюсселе), «La Voix du peuple» и др.

В Бельгии это были «Le Devoir», «L'Espiègle», «La Tribune du Peuple», «L'Internationale», «La Liberté» (публиковала письма и статьи Маркса и Энгельса) и др.

В США выходили газеты немецких рабочих обществ: в Нью-Йорке — «Die Arbeiter-Union» (опубликовала очерки по истории Товарищества до 1869 г., серию отрывков из I тома «Капитала»), в Чикаго — «Der deutsche Arbeiter» (печатала документы Товарищества; ее сотрудники К. Клингс и Г. Мейер переписывались с Марксом и Энгельсом), в Сан-Франциско — «L'Internationale».

В Австро-Венгрии издавались «Arbeiter-Wochen-Chronik» (с параллельным выпуском на венгерском языке «Munkás-Heti-Krónica»), «Die Volksstimme» (и ее продолжение «Volkswille»; в газете сотрудничали Л. Франкель, И. Г. Эккариус, В. Либкнехт, И. Ф. Беккер).

В Италии выходили «L'Eguaglianza», «Gazzettino Rosa», «Libertá e Guistizia» (здесь впервые на итальянском языке была опубликована часть предисловия Маркса к «Капиталу»), «Il Martello», «Il Proletario Italiano», «La Plebe» (ее редактор Э. Биньями переписывался с Энгельсом) и др.

В Испании издавались «La Emancipacion» (опубликовала фрагменты из «Нищеты философии», «Манифеста Коммунистической партии», I тома «Капитала»), «La Federacion» и др.

В Швейцарии выходили «L'Égalité», «Felleisen», «Journal de l'Association Internationale des Travailleurs», «La Liberté» (в редакции участвовал русский революционер А. А. Серно-Соловьевич), «Vorbote» и др. Из них газета «L'Égalité» и особенно журнал «Vorbote» имели значение, далеко выходившее за пределы самой Швейцарии; «Vorbote» на протяжении многих лет издавался И. Ф. Беккером.

В Швейцарии, в Женеве, выпускалась и газета Русской секции Интернационала «Народное дело», в которой впервые были опуб-

ликованы письмо Маркса членам Русской секции, документы Базельского конгресса.

В Германии первостепенную роль сыграла газета «Demokratisches Wochenblatt», переименованная на эйзенахском съезде в 1869 году в «Der Volksstaat»; она стала центральным органом Социал-демократической рабочей партии Германии. Газета, выходившая под редакцией В. Либкнехта, последовательно выступала в духе пролетарского интернационализма, выдвигала революционные идеи, вела борьбу с лассальянством. К 1870 году она имела уже несколько тысяч подписчиков.

Печать Интернационала существовала и в других странах (например, в Голландии издавалась газета «De Werker»).

Таким образом, пресса Интернационала выходила на многих языках, в большинстве стран, где существовали секции Товарищества. Совокупный тираж этих органов печати обеспечивал широкое распространение идей Интернационала в рабочем движении. Вместе с тем из-за низкого идейного уровня рабочего движения в отдельных странах (со слабо развитыми капиталистическими отношениями, в частности, в Италии, Испании), наличия сильных реформистских тенденций (особенно в Англии) органы печати часто подпадали под чуждые классовые или реформистские влияния; имели место упрощенчество и вульгаризация марксистских идей; при публикации документов Товарищества бывали случаи искажения текстов. Однако в целом печать, особенно такие ее органы, как «Der Volksstaat», «Vorbote», «L'Égalité», являлась устойчивым каналом для распространения идей научного социализма в рядах организованного в рамках Интернационала рабочего движения, а также для ознакомления с ними рабочих, стоявших вне Товарищества.

К очередному конгрессу, который должен был состояться в сентябре 1870 года в Германии, в Майнце, Интернационал подходил как боевая массовая организация международного пролетариата, воспринявшая социалистические программные принципы. Но конгрессу не суждено было собраться: франко-прусская война сделала его невозможным. Разразившийся военный кризис, однако, не застал Товарищество врасплох. Опыт классовой борьбы, накопленный им в предшествующий период, разработка Марксом и Энгельсом на его основе теории и тактики пролетарской борьбы обеспечили Генеральному совету, национальным федерациям Товарищества, Германской социал-демократии правильную позицию, позволившую с честью пронести знамя пролетарского интернационализма в обстановке шовинистического военного угара.

Глава девятая

МАРКСИЗМ И ПЕРВЫЙ ОПЫТ ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

Парижская коммуна, ставшая кульминационной точкой революционного подъема в Европе, явилась новым и особенно очевидным подтверждением исторической правоты марксизма. Как и в период революций 1848—1849 годов, объективный ход общественного развития подверг испытанию научную революционную теорию — оправданность сделанных на ее основе прогнозов, ее способность к уяснению сущности и характера происходящих процессов, к дальнейшему развитию на основе обобщения нового опыта. Однако масштабы этой проверки значительно изменились по сравнению с 1848—1849 годами. Во-первых, иной была роль пролетариата в революционном кризисе 1870—1871 годов. Впервые в истории, хотя и в одном только Париже, он установил свое политическое господство. Во-вторых, существовала массовая международная организация рабочих, сложившаяся и развивавшаяся под направляющим идейным влиянием марксизма. Проверялись не только теория и выработанная Марксом и Энгельсом стратегия и тактика, но и жизненность Интернационала, эффективность его практической деятельности. Впервые объективное развитие с такой убедительностью показало значение марксизма для пролетарского движения.

С момента создания Международного товарищества рабочих Маркс и Энгельс видели в нем организацию, призванную подготовить пролетариат к грядущим классовым битвам. Неустанно и целеустремленно они сплачивали международный рабочий класс на основе пролетарского интернационализма, стремились вооружить его научной теорией — пониманием целей и средств борьбы. Однако к 1870 году этот процесс далеко еще не был завершен. Тем не менее удалось поднять передовых рабочих, объединенных в Интернационале, от инстинктивного чувства солидарности к осознанному пониманию международного характера борьбы рабочего класса,

необходимости классовой самостоятельности, роли единства действий в классовой борьбе. В духе идей марксизма в Интернационале был осмыслен, выработан и получил признание широкий круг как общедемократических, так и специфических пролетарских, социалистических требований. Хотя значительная часть их была присуща и немарксистским программам, тем не менее сведенные воедино, составив целостный комплекс, эти требования приобретали новое качество, давая программную ориентировку в борьбе пролетариата. В то же время коренные задачи рабочего движения были сформулированы пока только в общей форме, оставался непроясненным и вопрос о средствах их осуществления. К 1870 году Интернационал только подходил к этим проблемам.

Необходимо отметить также известную ограниченность воздействия идей марксизма. Значительно расширился и все более интернациональным по составу становился круг людей, которых можно назвать марксистами: людей, близких к Марксу и Энгельсу, знакомых с их произведениями, воспринявших марксистские идеи более или менее цельно. Но основная масса членов Интернационала приобщалась к марксизму опосредствованно, через документы Товарищества, воспринимала лишь отдельные идеи в основном при решении практических задач движения. При этом члены Интернационала составляли все же незначительную часть рабочего класса каждой страны, хотя и часть наиболее активную, развитую.

1. РАЗРАБОТКА В ИНТЕРНАЦИОНАЛЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ТАКТИКИ ПРОЛЕТАРИАТА В ПЕРИОД ФРАНКО-ПРУССКОЙ ВОЙНЫ

Осмысление итогов революций 1848—1849 годов не оставляло у Маркса и Энгельса сомнений в неизбежности нового революционного взрыва. Действительность 50—60-х годов подтверждала прогноз основоположников марксизма о том, что новая революция будет существенно отличаться от предшествовавших революций. Количественный и качественный рост пролетариата, его сплочение и все большая классовая самостоятельность показывали, что в грядущих событиях он сыграет более активную роль. Этого боялись правящие классы, все фракции буржуазии, стремившиеся избежать революционного решения насущных общенациональных проблем; альтернативу этому пути они видели в династических «малых» войнах, в преобразованиях «сверху», чем и определялась их внутренняя и внешняя политика. Поэтому, рассматривая перспективы революции, Маркс и Энгельс учитывали международную обстановку 60-х годов, чреватую назреванием военных конфликтов. Анализируя эти конфликты, они стремились определить реальную возможность и предпосылки новой революционной вспышки. Из этого они исходили, разрабатывая внешнеполитическую линию Интернационала. В период австро-прусской войны 1866 года, в обстановке угрозы военного конфликта между Францией и Пруссией

в 1867 году Маркс раскрывал суть происходивших событий, указывал на необходимость активного отношения к ним, исходя из самостоятельной классово-пролетарской позиции. Во второй половине 60-х годов Маркс и Энгельс отмечали нарастание франко-прусского конфликта [1]. К концу десятилетия военное столкновение становится, по их мнению, неизбежным.

Рассматривая вероятные варианты военного конфликта между бонапартистской Францией и бисмарковской Пруссией, Маркс и Энгельс считали, что ввиду авантюристического внешнеполитического курса Луи Бонапарта именно ему будет принадлежать инициатива в развязывании войны. На основе анализа сущности бонапартизма и результатов правления клики Наполеона III, учитывая военное превосходство Пруссии, Маркс и Энгельс предсказали неизбежность поражения Франции, которое приведет к революционному взрыву в этой стране.

Развитие событий подтвердило точность этих прогнозов. В июле 1870 года спровоцированное Бисмарком правительство Наполеона III развязало франко-прусскую войну.

Верность пролетарскому интернационализму

Накопленный рабочими — членами Интернационала политический опыт, направляющее воздействие на них марксистских идей сказались уже в первые дни войны. В обстановке шовинистического угара передовые рабочие Франции и Германии, несмотря на преследования властей, открыто заявили о своей верности пролетарскому интернационализму, о классовой солидарности. В обращении к рабочим всех наций парижские члены Интернационала писали: «Братья в Германии! Вражда между нами имела бы единственным последствием полное торжество деспотизма по обеим сторонам Рейна...» [2]. Интернационалистскую позицию заняла и Германская социал-демократия, что ярко продемонстрировали организованные ею собрания в Берлине, Хемнице, Брауншвейге [3]. Депутаты рейхстага А. Бебель и В. Либкнехт воздержались от голосования за военные кредиты [4].

«В то время как официальная Франция и официальная Германия бросаются в братоубийственную борьбу, французские и немецкие рабочие посылают друг другу вести мира и дружбы. Уже один этот великий факт, не имеющий себе равного в истории, открывает надежды на более светлое будущее. Он показывает, что в противоположность старому обществу с его экономической ни-

---

[1] См.: Энгельс — Марксу, 6 августа 1866 г.; Энгельс — Марксу, 27 апреля 1867 г.; Маркс — Энгельсу, 7 мая 1867 г.; Маркс — Полю Лафаргу, 2 июня 1869 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 31, с. 207, 250, 253; т. 32, с. 507—508.

[2] Цит. по: *Маркс К.* Первое воззвание Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих о франко-прусской войне.— Там же, т. 17, с. 2.

[3] См. там же, с. 4.

[4] См.: Der Hochverraths-Prozess wider Liebknecht, Bebel, Hepner vor dem Schwurgericht zu Leipzig vom 11. bis 26. März 1872. Berlin, 1894, S. 6.

щетой и политическим безумием нарождается новое общество, международным принципом которого будет — *мир*, ибо у каждого народа будет один и тот же властелин — *труд*!»[1] — так оценил эти выступления Маркс.

Однако рабочие организации как Германии, так и Франции не могли до конца разобраться в сущности войны, ее возможных последствиях и четко определить свою тактическую линию. Далеко не все они смогли занять интернационалистскую позицию. В обеих странах нарастала шовинистическая волна, которая грозила захлестнуть и рабочее движение. Выступления же рабочих других стран свидетельствовали о значительном влиянии буржуазного пацифизма и, отчасти, анархистских идей. В этот сложный, критический для Интернационала момент марксизм вновь дал верную ориентировку рабочему движению. 26 июля 1870 года Генеральный совет утвердил написанное Марксом воззвание к рабочим Европы и Америки о франко-прусской войне. В этом документе был воплощен классовый подход к оценке войны на основе анализа предшествующего периода европейских международных отношений, определялись конкретные задачи рабочих разных стран на данной стадии военного конфликта. Разъясняя характер войны, Маркс указал, что на данном этапе она является для Германии оборонительной. В то же время он отметил роль, которую правящие круги Пруссии сыграли в ее подготовке и развязывании. Исходя из предпочтительности военного разгрома бонапартистской империи для борьбы французских членов Интернационала и трудящихся против режима Наполеона III, воззвание в то же время помогло немецким социал-демократам разобраться в принципиальном различии между подлинно национальными интересами германского народа и агрессивной, провокационной политикой бисмарковской Пруссии.

Воззвание Генерального совета получило широкое распространение. И сразу же сказалось, прежде всего в Германии, воздействие этой специфической для Интернационала формы распространения идей марксизма — обращения к рабочим по поводу конкретных событий с обоснованием пролетарской линии поведения. Выступления немецких рабочих после опубликования воззвания Генерального совета дали Марксу основание констатировать, что немецкий пролетариат в своей массе остался в стороне от охватившей тогда Германию волны верноподданнического холопства[2].

К началу августа 1870 года поражение французской армии становилось для Маркса и Энгельса все более очевидным. Надвигавшийся военный разгром Франции приближал крах империи

---

[1] *Маркс К.* Первое воззвание Геперального Совета Международного Товарищества Рабочих о франко-прусской войне.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 17, с. 5.

[2] См.: Маркс — Энгельсу, 28 июля 1870 г.— Там же, т. 33, с. 9.— Об этом свидетельствовали, например, собрания в Бреславле 20 августа 1870 года, в Вандсбеке 21 августа 1870 года.

Наполеона III. «Кажется, революция должна совершиться очень легко,— писал Энгельс Марксу 10 августа 1870 года,— все разваливается само собой, как, впрочем, и следовало ожидать» [1]. Прогнозы Маркса и Энгельса полностью подтвердились: капитуляция Наполеона III под Седаном и вызванная известием о ней революция 4 сентября 1870 года покончили с бонапартистским режимом. Но немецкие войска продолжали наступать. Изменение обстановки, самого характера войны срочно требовало соответствующих коррективов в тактике рабочего класса. Ввиду этого 9 сентября 1870 года появилось написанное Марксом второе воззвание Генерального совета о франко-прусской войне.

Своим острием это воззвание было направлено против завоевательных устремлений прусского юнкерства и немецкой буржуазии. В нем разоблачались попытки прусского правительства оправдать свои аннексионистские устремления ссылками на военно-стратегические соображения, определялись новые тактические задачи рабочего движения. Центральной задачей Интернационала и прежде всего германских рабочих становилась борьба против аннексии Эльзаса и Лотарингии, за почетный мир с Французской республикой; Маркс подчеркнул связь этой интернациональной задачи с национальной задачей немецких рабочих — борьбой с собственной реакцией, со стремлением Бисмарка использовать победу над армиями Луи Бонапарта для притеснения собственного народа. Трезво оценивая реальные возможности немецких рабочих, которые не могли существенно повлиять на внешнюю политику правящих классов, Маркс тем не менее отметил, что смелые выступления Германской социал-демократии, ее верность принципам пролетарского интернационализма показывает, что немецкий рабочий класс «исполнит свой долг» [2]. Тем самым Маркс по достоинству оценил кампанию, развернутую Германской социал-демократией, поощряя ее не из расчета на непосредственный конкретный эффект, а исходя из ее огромного значения в деле классового сплочения немецких рабочих, их идейного развития как передовой силы общества.

Более сложными были задачи французских рабочих. Отмечая предательский характер нового буржуазного правительства Франции, по определению Маркса, правительства «национальной измены», воззвание тем не менее предостерегало рабочих от преждевременного выступления. «Всякая попытка ниспровергнуть новое правительство во время теперешнего кризиса, когда неприятель уже почти стучится в ворота Парижа,— говорилось в воззвании,— была бы безумием отчаяния» [3]. В этих условиях перед рабочими Франции (прежде всего Парижа) ставилась двойная задача: «ис-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 33, с. 29.

[2] См.: *Маркс К.* Второе воззвание Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих о франко-прусской войне.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 17, с. 280.

[3] Там же.

полнить свой гражданский долг», но не дать увлечь себя шовинистической фразой, и использовать все средства, чтобы укрепить организацию своего класса. И если при решении первой задачи они должны помнить, что «им нужно не повторять прошлое, а построить будущее», то при решении второй задачи — понимать, что «от их силы и мудрости зависит судьба республики» [1]. В этих положениях раскрывалось соотношение классово-пролетарских и общенациональных задач рабочих в конкретных условиях назревавшей во Франции пролетарской революции.

Оба воззвания о франко-прусской войне, взятые вместе, вновь продемонстрировали возможности, которые дает диалектико-материалистическое мировоззрение для раскрытия сущности быстротечных и меняющихся исторических событий. В них на основе конкретного материала было освещено соотношение оборонительной и захватнической войн. Воззвания показали основательность разрабатываемой Марксом и Энгельсом тактики пролетариата, комплексного решения национальных и интернациональных задач, подчинения частных проблем общим целям рабочего движения. Весьма знаменательным было и то, что воззвания явились не только произведением Маркса, но и стали официальными документами Интернационала. Их принятие и распространение свидетельствовали о влиятельности марксизма, о возросшем уровне рабочего движения; воззвания несли в него новые идеи, способствуя его дальнейшему развитию. Благодаря Марксу объединенный в рядах Международного товарищества рабочих авангард пролетариата продемонстрировал свою идейно-политическую самостоятельность, прогрессивность своих классовых устремлений. Как отметил Энгельс, «воззвание научит все классы народа понимать, что теперь только у рабочих имеется *подлинная* внешняя политика» [2].

Развитие военной теории марксизма

Идеи воззваний пропагандировались Энгельсом в написанных по горячим следам событий статьях, известных под общим заголовком «Заметки о войне». В них со знанием дела были раскрыты стратегические планы воюющих сторон, анализировался ход военных операций, прогнозировался их исход. Последовательно проводилась в статьях мысль о неизбежности военного поражения бонапартовской Франции.

В статьях проявились огромные, поистине энциклопедические познания Энгельса как военного историка и теоретика, знание им состояния и состава армий, их дислокации, вооружения, театра военных действий (рельефа местности, путей сообщения и т. д.), личных данных военачальников. В этом Энгельс не уступал ни одному из военных специалистов, однако в отличие от буржуазных

---

[1] См.: *Маркс К.* Второе воззвание Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих о франко-прусской войне.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 17, с. 281.

[2] Энгельс — Марксу, 31 июля 1870 г.— Там же, т. 33, с. 12.

теоретиков основу его военных статей составляли детальный анализ внешнеполитической обстановки и внутреннего состояния воюющих сторон — их экономики, политического строя в его конкретных деталях, позиций классов и партий, объективных тенденций общественного развития. «Заметки о войне» убедительно демонстрировали, что марксистское мировоззрение поднимает военную теорию до уровня подлинной науки, связывая военное дело и развитие боевых действий с экономическим и политическим строем общества, не игнорируя при этом и специфические для данной области факторы.

Именно на этой основе в «Заметках о войне» был сделан новый вклад в военно-теоретическую концепцию марксизма. Многие выдвинутые ранее Энгельсом идеи и положения нашли здесь более развернутое и конкретное освещение. Прежде всего в «Заметках о войне», так же как и в воззваниях Генерального совета, но гораздо более обстоятельно, разработано представление о типах и характере войн — войны захватнической и войны оборонительной, выдвинуто понятие народной войны, уяснена возможность изменения характера войны в ходе военных действий. Впервые с такой полнотой был рассмотрен вопрос о начальном этапе войны. Исходя из понимания роли тыла, политического и экономического состояния страны, влияния этих факторов на ход военных операций, Энгельс показал значение размещения войск в канун войны, возможности их быстрого перемещения и развертывания, мобилизационной готовности резервов. Рассмотрел он и такой фактор, как внезапность нападения (на что делал ставку Наполеон III). Отнюдь не сбрасывая его со счетов, Энгельс показал, что сама по себе внезапность первого удара еще не предопределяет исхода войны, хотя вообще захват инициативы является важнейшим фактором успеха. В этом смысле он указал на важность стремительных действий, четкого управления большими массами войск.

Особое внимание на втором этапе франко-прусской войны Энгельс уделил проблемам народной, освободительной войны, в частности партизанского движения, причем не только в политическом, но и военном аспекте. Выступая за то, чтобы придать оборонительной войне Французской республики характер народной войны, доказывая, что только она способна отстоять национальные интересы, Энгельс развил высказанные им еще в 1848—1849 годах мысли об особенностях такой войны. На опыте Франции он показал, что залог военного успеха кроется в сочетании упорной обороны с развертыванием партизанских действий, быстрым формированием новых регулярных армий на подлинно народной основе.

Центральной же идеей «Заметок о войне» было раскрытие зависимости военных операций, исхода войны от внутреннего состояния страны. В этом плане «Заметки о войне» насыщены острым политическим содержанием — прежде всего беспощадной и всесторонней критикой бонапартизма. Энгельс показал, что авантюризм стратегии и тактики Наполеона III, его расчеты только на внезап-

ность нападения и молниеносную войну обусловлены самой сутью бонапартистского режима. Анализируя действия генералов, Энгельс сделал вывод, что поражение французской армии объясняется не столько их профессиональной бездарностью, сколько политической позицией. Вынашивая планы захватнической войны, призванной укрепить шатающийся трон, они вместе со своим императором были готовы на национальное предательство ради своих корыстных интересов. Страх перед собственным народом двигал военной кликой Второй империи, утратившей связь с нацией. Этим, как неоднократно подчеркивал Энгельс, а не военной доктриной определяются их планы и действия — втянув Францию в ненужную ей войну, бонапартистская клика оказалась неспособной отразить вражеское вторжение и привела страну к военной катастрофе. Сжато и ярко характеризовал он итог правления Наполеона III: «Организация армии повсюду оказывается негодной; благородная и храбрая нация видит, что все ее усилия защитить себя оказываются тщетными, потому что она в течение двадцати лет позволяла, чтобы ее судьбами вершила шайка авантюристов, которая превратила администрацию, правительство, армию, флот — фактически всю Францию — в источник своей личной наживы»[1]. «Заметки о войне» значительно дополняли Марксову критику бонапартизма картиной разложения этого режима, в особенности его опоры — армии. Банкротство бонапартизма логически завершилось предательством подлинно национальных интересов страны.

«Заметки о войне» содержали важную характеристику революционной обстановки: развал государственной машины, который наиболее полно прослеживался на примере армии, утрата ею даже видимости защиты общенациональных интересов; все более наглядно выступающая необходимость, жизненная потребность слома этой машины. Показал Энгельс и первые робкие шаги, которые делались после революции 4 сентября по замене разбитой регулярной армии вооруженным народом. Таким образом, в «Заметках о войне» — хотя и не в виде теоретического обобщения, а как фиксация реальных обстоятельств — характеризовалась одна из существенных черт революционной ситуации.

Революционный Париж. Идея Коммуны

В условиях кризиса 1870—1871 годов передовые рабочие, исходя из повседневного жизненного опыта, подталкиваемые логикой классовой борьбы, опираясь на те элементы научного мировоззрения, которые им дал Интернационал, действовали фактически все более в духе марксизма, самостоятельно применяя к обстоятельствам выработанную Марксом и Энгельсом тактику.

Наиболее ярко это проявилось в революционном творчестве (во многом стихийном) парижских рабочих. Маркс рекомендовал пролетариату Франции, выполняя свой гражданский долг по обороне страны, использовать все средства для укрепления своей органи-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 17, с. 76.

зации. Эта идея второго воззвания Генерального совета вскоре стала известна передовым рабочим Парижа; для ознакомления с воззванием членов Интернационала в Париж был послан один из близких Марксу членов Генерального совета — Огюст Серрайе[1]. Решающим же было то, что сами события подводили парижских рабочих к решениям, соответствующим тактическим установкам Маркса.

После революции 4 сентября парижские рабочие увидели свою основную задачу в организации обороны города[2]. Но на пути к осуществлению этой задачи стояло буржуазное правительство «национальной обороны»: французская буржуазия, подобно Наполеону III и его окружению, боялась своих рабочих больше, чем внешнего врага. Антиреволюционность буржуазии, проявившаяся уже в ходе революций 1848—1849 годов, стала теперь неприкрытой. Преодолеть сопротивление буржуазии в решении задач национальной обороны рабочий класс Парижа мог, лишь противопоставив ей широкую и мощную собственную организацию.

В течение всего периода с 4 сентября 1870 года по 18 марта 1871 года в Париже непрерывно шел процесс стихийной организации народных масс города во главе с пролетариатом. Это проявилось в создании окружных комитетов бдительности, в деятельности народных клубов, в образовании Центрального комитета 20-ти округов Парижа. Возникнув первоначально для контроля за действиями властей главным образом в связи с обороной города, общественные организации все шире вторгаются в другие сферы политической жизни, стремясь к замене официальных органов в случаях явного саботажа ими обороны. Другой характерной чертой этого процесса была консолидация различных организаций трудящихся в масштабе всего города. В их рядах зреет идея создания революционной партии социалистической ориентации. Важную роль в этом играли члены парижских секций Интернационала. Они входили в состав практически всех организаций трудящихся Парижа, и их деятельность, отразившая воздействие идей Международного товарищества рабочих, имела в тот период весьма большое значение. Особую роль играл Л. Э. Варлен — один из признанных вождей парижского пролетариата[3].

---

[1] См.: Генеральный Совет Первого Интернационала. 1870—1871. Протоколы. М., 1965, с. 113.

[2] 7 сентября «Le Réveil» писала: «Мы хотим одного, чтобы отечество было спасено, спасено любой ценой». Парижский федеральный совет Международного товарищества рабочих принял обращение, в котором говорилось: «На нас возлагаются только две обязанности, которые нам надлежит выполнить: оборона Парижа и принятие мер предосторожности против растерявшейся... но не побежденной реакции» (История Парижской Коммуны 1871 г. М., 1971, с. 110). В таком же духе были приняты и решения ЦК 20-ти округов Парижа (см.: Парижская Коммуна 1871 г. М., 1961, ч. 1, с. 152, 164).

[3] Луи Эжен Варлен был одним из наиболее ярких представителей передовых рабочих, руководителей масс в 60 — начале 70-х годов, идейное развитие которых определялось деятельностью в Интернационале. Опыт прак-

Наиболее массовой и притом вооруженной организацией трудящихся Парижа явилась Национальная гвардия. Под давлением народных масс правительство вынуждено было после 4 сентября создать новые батальоны Национальной гвардии. С воодушевлением простой люд Парижа, в первую очередь рабочие, создавали свои военные формирования, однако их патриотический порыв сразу же столкнулся с прямым противодействием правительства. Конфронтация с ним вышла за пределы проблем обороны; в условиях саботажа правительством обороны Парижа Национальная гвардия стала организацией, противостоящей официальным властям. Возникла необходимость организационного сплочения батальонов. Процесс этот завершился в канун революции 18 марта созданием Центрального комитета Национальной гвардии. Таким образом, в Национальной гвардии реализовалось предсказанное марксизмом стремление к созданию в революционной борьбе военной организации рабочего класса. В Национальной гвардии народные массы видели единственную реальную силу, способную воспрепятствовать попыткам реставрировать монархию, защитника своих интересов — и политических, и материальных (в первую очередь в борьбе с голодом); правительство же видело в ней угрозу революционного взрыва. Сосуществование официальной власти и Национальной гвардии, все более становившейся властью фактической, долго продолжаться не могло.

Параллельно с развитием Национальной гвардии в военно-политическую организацию народных масс возникает идея создания Коммуны как органа самоуправления Парижа. Эта идея постепенно объединяет парижский пролетариат и значительную часть мелкой буржуазии. Первоначально в Коммуне видели орган, способный наладить эффективную оборону и упорядочить связанные с ней общественные дела. Но в ходе развития событий идея Коммуны наполнялась все более революционным содержанием. Ожесточенная борьба реакционных кругов во главе с правительством против предоставления Парижу самоуправления подводила трудящиеся массы города к мысли, что избрание Коммуны возможно только в результате преодоления сопротивления властей революционным путем. Рост связанных с осадой лишений и предательская политика правительства привели к тому, что создание в Париже Коммуны стало рассматриваться как пример для всей страны, как шаг к решению социального вопроса. При этом задача сопротивления внешнему врагу все более переплеталась с задачей организации народных сил для борьбы против внутренней реакции.

Таким образом, в деятельности народных масс Парижа осенью

тической борьбы, воздействие документов Товарищества помогли ему в значительной степени преодолеть многие прудонистские догмы, все ближе подходить к марксизму. Варлен активно добивался единства парижских рабочих организаций, выступал за создание социалистической партии. В дни Коммуны был одним из ее руководителей. Зверски убит версальцами.

и зимой 1870—1871 годов практически осуществилось то, к чему Маркс и Энгельс призывали еще в 1850 году в мартовском обращении ЦК к Союзу коммунистов: «Наряду с... официальными правительствами... сейчас же учреждать собственные, революционные рабочие правительства, будь то в форме органов местного самоуправления, муниципальных советов, будь то через рабочие клубы или рабочие комитеты, так, чтобы буржуазно-демократические правительства не только немедленно утратили опору в рабочих, но и увидали бы себя с самого начала под наблюдением и угрозой властей, за которыми стоит вся масса рабочих» [1].

2. ПАРИЖСКАЯ КОММУНА — ПЕРВЫЙ ОПЫТ ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

«Духовное детище Интернационала»

Энгельс отметил, что Коммуна была *«духовным детищем Интернационала»* [2], выразив этим определением мысль о том, что героическая эпопея парижских рабочих связана с воздействием идей марксизма. Однако эта связь не была и не могла быть столь прямой и непосредственной, как впоследствии связь Октябрьской революции в России с идеями марксизма-ленинизма. Процесс распространения марксизма переплетался в Париже с процессом стихийного роста рабочего движения, развития классового самосознания и революционного творчества рабочих масс в силу объективных причин. В своей практически-революционной деятельности и борьбе парижский пролетариат шел навстречу марксизму. Деятельность парижских рабочих, те идеи, которые она воплощала, отражали идеи и положения программных документов и решений Интернационала. Действия коммунаров, их решения задач, которые представлялись им вполне естественными, поскольку были подсказаны самой жизнью, шли вразрез с прудонистскими, бланкистскими, а тем более бакунистскими идеями и были в духе идей и решений марксизма.

Успех революции 18 марта 1871 года, стихийно вспыхнувшей в ответ на провокационную попытку правительства разоружить Национальную гвардию, был обусловлен рядом обстоятельств. Ухудшение положения народных масс и их революционизирование, объединение вокруг пролетариата других слоев трудящихся, наличие у него собственных, организованных вооруженных сил, разброд и растерянность среди верхушки правящих классов — все это способствовало стремительному назреванию кризиса и революционному взрыву.

Поражение правительственных войск, переход ряда частей на сторону народа, бегство правительства и крупных чиновников из Парижа в Версаль превратило ЦК Национальной гвардии в един-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 7, с. 263.

[2] См.: Энгельс — Фридриху Адольфу Зорге, 12—17 сентября 1874 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 33, с. 538.

ственную реальную власть в городе. Эта власть возникла революционным путем и по своей сути была властью рабочих. В силу объективных причин ЦК сразу же пришлось выйти за рамки муниципальных обязанностей. К этому вынуждало положение Парижа как столицы Франции и необходимость наладить хотя бы в минимальных масштабах работу некоторых министерств и ведомств. Кроме того, проведение целого ряда мер по нормализации положения в городе лежало за пределами компетенции муниципалитета (отмена осадного положения, амнистия политическим заключенным, зачисление оставшихся в Париже солдат в Национальную гвардию, отсрочка уплаты по векселям и др.).

Революция 18 марта 1871 года впервые в истории показала возможность завоевания политической власти рабочим классом, необходимость для этого известного уровня классовой организованности пролетариата, вооружения масс, а также наличия организации, способной взять в свои руки правительственные функции. Революция в Париже произошла относительно бескровно. Однако роковой ошибкой и пролетарских масс, и особенно их руководителей было то, что, не учтя всей сложности и остроты классовой борьбы в ходе революции, они проявили беспечность в отношении контрреволюции, позволили ей собраться с силами, не приняли необходимых мер к предупреждению контрреволюционного мятежа, придерживались в борьбе с ним оборонительной тактики. Подавление гнезда контрреволюции в Версале (легко достижимое в первые дни) еще не гарантировало бы Парижу победы, но начавшаяся гражданская война в этом случае шла бы в условиях, более благоприятных для парижского пролетариата. На эту ошибку в действиях коммунаров сразу же обратили внимание Маркс и Энгельс.

События 18 марта были спровоцированы правительством Тьера, ясно понимавшим революционную угрозу, которую представлял рабочий Париж с его Национальной гвардией. Однако эти события вряд ли могли привести к Коммуне, если бы за годы существования Интернационала в сознании пролетарских масс не произошел качественный сдвиг. Прежде всего это выразилось в осознании исторической миссии рабочего класса. Если в начале 60-х годов речь шла, в лучшем случае, о понимании рабочими своего особого положения в буржуазном обществе, специфических целей рабочего движения, о проявлениях пролетарской солидарности, то теперь налицо было осознание ими не только своей причастности к судьбам нации, но возможности и необходимости взять на себя ответственность за решение социальных задач: защиты демократии и избавления общества от эксплуатации. Правда, социалистические задачи представлялись участникам событий лишь в самой общей форме.

В передовой статье официального органа ЦК Национальной гвардии от 21 марта 1871 года говорилось: «Пролетарии столицы при виде обманов и измен правящих классов поняли, что настал

час, когда они должны спасти положение, взяв управление общественными делами в свои руки»[1]. Эта мысль постоянно присутствовала в рабочей и демократической прессе Парижа, ее разделяла и прогрессивная интеллигенция, и городские средние слои, связавшие с пролетариатом сначала дело обороны города, а затем защиты и упрочения демократии. Осознание этого важнейшего положения марксизма и попытка претворения его в жизнь явились одним из важнейших результатов деятельности Интернационала.

Мероприятия правительства рабочего класса

Члены ЦК Национальной гвардии и члены Совета Коммуны, торжественно провозглашенной 28 марта 1871 года, рассматривали себя представителями трудящихся Парижа, прежде всего рабочего класса[2]. Для них была ясна их самая общая (и самая далекая) задача — освобождение труда, уничтожение эксплуатации, создание справедливого строя. При этом важен был не только объективный факт пролетарского характера революции и новой власти (что сразу же подметила и вся реакционная печать), но и то, что люди, олицетворявшие эту власть, сами понимали это. Коммуна немного успела сделать в социальной области. Опыт участия в практической борьбе уберег руководителей Коммуны от попыток поспешно декларировать (подобно Бакунину в дни восстания в Лионе в сентябре 1870 г.) нереальные широковещательные мероприятия; они решали по мере возможности конкретные задачи. Столкновение с реальной действительностью, побуждавшей решать эти совершенно конкретные задачи, с очевидностью демонстрировало несостоятельность различных мелкобуржуазных социалистических теорий. Поэтому их приверженцы из числа деятелей Коммуны, действуя на практике сообразно обстоятельствам, оказывались в полном противоречии с основными положениями идейно-теоретических направлений, последователями которых они до тех пор себя считали.

Важным фактором, влиявшим на все стороны деятельности Коммуны, была тесная связь с массовыми организациями трудящихся. Ее декреты широко обсуждались в народных клубах и на страницах газет; в разработке и осуществлении многих из них принимали участие синдикальные палаты Парижа и секции Интернационала; в округах выступали руководящие деятели Коммуны. Важность этих связей многие члены Коммуны хорошо понимали и всячески старались их укреплять[3].

[1] Journal Officiel de la République Française, 1871, 21.III.

[2] См., например: «Предвыборное обращение ЦК Национальной гвардии к жителям Парижа» от 25 марта 1871 года (Journal Officiel de la République Française, 1871, 27.III.). Весьма ярко это было выражено Л. Франкелем на заседании Коммуны 27 апреля 1871 года (см.: Протоколы заседаний Парижской Коммуны 1871 года. М., 1959, т. 1, с. 407, 410).

[3] Со всей определенностью это было выражено, в частности, в предложении Лефрансе 29 марта 1871 года (см.: Первый Интернационал и Парижская Коммуна: Документы и материалы. М., 1972, с. 119) и в «Обращении Коммуны к синдикальным палатам» от 31 марта 1871 года (см. там же, с. 122).

Провозгласив создание Парижской коммуны началом социальной революции, ее участники скоро пришли к пониманию, что освобождение рабочего класса — процесс длительный и они стоят только в начале этого пути. Продвигаясь к цели, они обращались к реальным средствам ее достижения, ставили и решали выполнимые задачи и не брались за осуществление мелкобуржуазных утопических проектов.

Проведенные Коммуной мероприятия соответствовали программным документам Интернационала, прежде всего решениям Женевского конгресса, которые были конкретизированы французскими рабочими в требованиях ЦК 20-ти округов Парижа. Эти требования и мероприятия обсуждались в дни осады в народных клубах и на страницах демократической печати. Многие из них диктовались практическими нуждами (отсрочка платежей по векселям, ликвидация задолженности по квартплате, занятие пустующих квартир и др.) и нередко в большей степени касались не рабочих, а средних городских слоев. Социалистическое же направление преобразований более всего проявилось в декрете от 16 апреля о передаче брошенных хозяевами мастерских рабочим ассоциациям (действие этого декрета по одному из проектов предполагалось распространить на все предприятия), в отмене произвольных штрафов и вычетов из заработной платы, в запрещении ночной работы булочников, в разработке устава Луврских мастерских, в котором были намечены меры к осуществлению рабочего контроля над производством [1].

У всех этих — частично осуществленных, а частично оставшихся в проектах — мер была одна общая социалистическая, по определению Маркса [2], направленность, которую сразу же отметили как сторонники, так и враги Коммуны. Все они являлись посягательством на частную собственность со стороны государственной власти, принадлежащей неимущим. Налицо было то «деспотическое вмешательство в право собственности», которое Ленин считал одним из основных признаков диктатуры пролетариата [3].

Это направление, в значительной степени обусловленное влиянием идей и деятельности Интернационала, и явилось выражением сущности Коммуны как правительства рабочих, ибо было провозглашением войны «труда против монополистических собственников труда, против капитала» [4].

Ярко выраженным был интернационализм Коммуны. Сознавая, что они являются представителями рабочего класса, усвоив

---

[1] См.: Первый Интернационал и Парижская Коммуна, с. 118, 134, 136, 139, 148—150.

[2] См.: *Маркс К.* Наброски «Гражданской войны во Франции».— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 17, с. 562.

[3] См.: *Ленин В. И.* Марксизм о государстве.— Полн. собр. соч., т. 33, с. 199.

[4] См.: *Маркс К.* Наброски «Гражданской войны во Франции».— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 17, с. 563.

важнейшую идею Интернационала о том, что освобождение пролетариата имеет интернациональный характер, коммунары всегда заявляли, что их дело есть дело освобождения всех трудящихся. Своей деятельностью коммунары показали всему миру, что французский пролетариат решительно порывает с националистическими традициями буржуазии. Мероприятия Коммуны наглядно демонстрировали интернационализм рабочего класса, стоящего у власти. В них в общих чертах впервые практически реализовались принципы внешней политики пролетарского государства. В этом отношении характерно разрушение коммунарами Вандомской колонны — символа завоевательных войн Наполеона I, вызвавшее широкий отклик [1]. Декрет о ее низвержении был расценен всей рабочей печатью как демонстрация принципов внешней политики победившего пролетариата [2].

Будучи национальным явлением, Коммуна в то же время была одним из звеньев международного рабочего движения — так расценивалось участие в ее деятельности (причем на ответственных участках и постах) представителей других национальностей. Большое впечатление в этом смысле произвело на пролетариат Европы избрание членом Коммуны венгерского рабочего, члена Интернационала, марксиста Лео Франкеля. На ответственных участках боролись за дело Коммуны поляки, итальянцы, бельгийцы; в ее деятельности активно участвовали русские революционеры. Все это было проявлением осознанной политической линии, связь которой с принципами Интернационала была вполне очевидна уже для современников событий и подчеркивалась рабочей прессой всего мира.

Гораздо сложнее обстояло дело с политической стороной деятельности Коммуны. Здесь сказалась неразработанность многих политических проблем в Интернационале, не только незавершенность дискуссий по ним, но и недостаточная ясность позиций различных идейных течений.

Ломка старых и создание новых органов власти

Придя к власти относительно мирным путем, коммунары и в дальнейшем стремились не нарушать традиционных норм буржуазного права. Для них первостепенное значение имела «законность» Коммуны, избранной на основе всеобщего избирательного права. Но они не просто сохраняли традиционно-привычное, а старались приспособить его к принципиально новым условиям.

Важнейшее положение марксизма о необходимости слома буржуазной государственной машины — вывод, сделанный Марксом на основе опыта революции 1848—1849 годов,— французским рабочим не был известен. Однако уже то, что они не пошли за идея-

[1] См.: Протоколы заседаний Парижской Коммуны 1871 года, т. 1, с. 153.

[2] См.: Crimmitschauer Bürger- und Bauernfreund, 1871, 16.IV, 24 u 28.V, N 86, 118 u 122; Die Tagwacht, 1871, 22.IV, N 17; Volkswille, 1871, 22.IV, N 16; Dresdner Volksbote, 1871, 18 u 20.V, N 38 u 39.

ми Прудона или бакунинским требованием отмены государства (а бакунинские идеи хорошо знал один из виднейших деятелей Коммуны — Л. Э. Варлен), свидетельствует и о вопиющем противоречии этих идей с реальной жизнью, являвшейся основой всех действий и ЦК Национальной гвардии, и Коммуны, и об определенном воздействии на них политики, которая проводилась до этого в Интернационале. И здесь проявился тот подход к решению проблем, который с первых же шагов и документов Товарищества применял Маркс, неустанно прививая рабочему движению, и который, как свидетельствуют документы Интернационала, был воспринят передовыми рабочими,— не декларировать общие принципы, не изобретать панацеи, а анализировать реальность и находить конкретное решение практических вопросов. Конечно, к научному анализу событий, проблем развития революции коммунары не были готовы, но и догматическое мышление школ утопического социализма им уже было чуждо. Коммунары действовали, повинуясь классовому инстинкту. Не декларируя то, что они ломают буржуазную эксплуататорскую государственную машину, они стремились ликвидировать всякую возможность возврата к ненавистной империи и для этого наносили сокрушительные удары по наиболее характерным органам и порядкам старого государства. Упразднение постоянной армии, полиции, отделение церкви от государства, ликвидация экономической основы существования бюрократии путем установления максимума заработной платы чиновника на уровне заработка рабочего — эти меры выдвигались почти во всех общедемократических программах, необходимость их отстаивал и Интернационал. Однако в том, что их проведение во всей полноте и комплексе представляло качественно новое явление и выходило за рамки чисто демократических мер — коммунары отчета себе не отдавали. Конкретные потребности и обстоятельства, а не научное понимание закономерностей классовой борьбы определяли и формирование новых органов власти, которое осуществлялось параллельно с процессом ломки старых институтов. Коммунарам было ясно, что рабочий класс пришел к власти, но они не вполне сознавали, что создают государство нового типа. И действовали они зачастую, исходя из старых представлений.

Избрание Парижской коммуны переводило идею коммунальной организации в практическую область, что требовало и более четкой и конкретной ее формулировки. Идея Коммуны в том виде, в каком она оформлялась в то время, внешне представляла собой некий компромисс между пониманием ее бланкистами как диктатуры революционной коммуны Парижа над остальной страной и прудонистской мечтой о федерации автономных коммун Франции. Но декларации Коммуны показывают, что Париж не диктовал свою волю французскому народу, а лишь звал последовать его примеру. Он не посягал на единство нации, а наоборот — предлагал создать его на более прочной, демократической основе. Это единство мыслилось в виде добровольного союза самоуправляю-

щихся коммун, избранных на местах на основе всеобщего избирательного права. Представители этих коммун должны были создать центральное правительство страны; народ, организованный в коммуны, будет контролировать своих уполномоченных в правительстве и иметь право отозвать их в любой момент.

«Величайшим мероприятием Коммуны,— писал Маркс,— является ее собственное существование, ее работа, ее деятельность в неслыханно тяжелых условиях!» [1] Коммуна не могла устоять и положить начало победоносной пролетарской революции во всей Франции, ибо для этого не было еще необходимых условий. Но тот факт, что рабочий класс посягнул на «привилегию управления государством «верхних десяти тысяч»», что «он взял в свои собственные руки действительное руководство своей революцией и нашел в то же время средство, в случае успеха, держать это руководство в руках самого народа, заменив государственную машину, правительственную машину господствующих классов, своей собственной правительственной машиной» [2],— имел, с точки зрения Маркса, огромное историческое значение. Он отметил, что «подлинный «социальный» характер» Коммуны заключается в том, что ею «управляют рабочие» [3]. Слом буржуазного государственного аппарата и передача функций государственного управления «строго ответственным чиновникам» [4] означали совершенно новую ступень в развитии государственности и демократии.

Попытка коммунаров превратить выборный представительный орган в «работающую корпорацию», организующую по поручению общества нормальное функционирование различных сфер его жизни, уже по своей сути была направлена против основ существующего общественного строя, ибо в корне противоречила роли представительных учреждений в буржуазном обществе и, следовательно, неизбежно влекла за собой принципиальное изменение всей системы общественной жизни. Два месяца существования Коммуны убедительно показали, что при благоприятных обстоятельствах эта задача вполне разрешима, что решение ее (да и вообще управление государством) по плечу самому народу и не является потому привилегией избранных классов, что решить эту задачу в интересах всех трудящихся классов призван пролетариат. Этот факт имел огромное революционизирующее значение; именно под этим углом зрения расценивался в пролетарской среде каждый шаг коммунаров.

Новый уровень демократизма, достигнутый Коммуной, стал возможен только благодаря тому, что власть оказалась в руках пролетариата, и, по словам Ленина, был непосредственно связан

---

[1] *Маркс К.* Наброски «Гражданской войны во Франции».— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 17, с. 561.

[2] Там же.

[3] См. там же, с. 562.

[4] См.: *Маркс К.* Гражданская война во Франции.— Там же, с. 343—344.

«с выходом из рамок буржуазного общества, с началом его социалистического переустройства» [1].

Люди, избранные в Коммуну, представляли практически все революционные и социалистические группировки Парижа и почти все его население, различные социальные слои. В этом заключалась и сила Коммуны и ее слабость. Она была подлинной представительницей народных масс города, но отсутствие единства в ее рядах являлось серьезнейшей помехой в борьбе, которую ей пришлось вести почти с момента своего возникновения. Роковую роль сыграло отсутствие этого единства в ходе военных действий Коммуны против Версаля.

Марксизм учит, что нельзя успешно творить новое, не разделавшись радикально со старым, что только революционные меры, разгром сил контрреволюции, активные наступательные действия могут обеспечить победу. В этом коммунары проявили слабость, о чем свидетельствовал горький опыт поражения. Конечно, не эти ошибки в конечном счете определили поражение Коммуны — объективные условия того времени не благоприятствовали победе пролетарской революции, но ужасы кровавой майской недели, когда озверевшие от страха силы старого мира чинили расправу над провозвестниками нового, во многом связаны с этими ошибками.

Однако серьезные ошибки, допущенные коммунарами в своей деятельности, не могут идти ни в какое сравнение с позитивным значением их деятельности в целом. Одним из аспектов исторического значения Коммуны было то, что развитие событий показало жизненность важнейших положений марксизма, с одной стороны, плодотворность воздействия его идей на рабочее движение — с другой.

Пролетарский интернационализм — основа солидарности с Коммуной

Не менее отчетливо воздействие научной теории на рабочее движение, ее претворение в революционную практику масс и благодаря этому возрастание влияния марксизма на общественное развитие продемонстрировало движение солидарности с Парижской коммуной.

Восстание рабочих Парижа получило единодушную поддержку пролетариата Европы и США. «...Рабочий класс был за Коммуну с самого ее возникновения» [2],— писал Маркс. Первые массовые стихийные выступления скоро переросли в широкое движение солидарности с Коммуной, охватившее практически все страны с более или менее развитым пролетариатом.

Это было первое в истории действительно международное движение солидарности рабочего класса. Движение солидарности с Парижской коммуной при всей его сложности и многообразии,

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Государство и революция.— Полн. собр. соч., т. 33, с. 100.

[2] Маркс — Лео Франкелю и Луи Эжену Варлену, 13 мая 1871 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 33, с. 188.

определявшимися внутренними условиями разных стран, было новой ступенью в развитии пролетарского интернационализма. Впервые в истории международный рабочий класс выступил в поддержку существующего рабочего правительства. В этом движении ярко обнаружилась тесная связь между Коммуной, Интернационалом и международным рабочим движением в целом. Как и сама Коммуна, движение солидарности возникло на почве, подготовленной всей предшествующей деятельностью Международного товарищества рабочих. Важную роль в этом сыграли международные кампании, проведенные под его руководством в 60-е годы. Генеральный совет Интернационала сразу же возглавил организацию массовых выступлений солидарности с Парижской коммуной. Он действовал в качестве центрального штаба, от которого тянулись нити к местным секциям Интернационала, ставшим (наряду с органами рабочей и демократической печати) организационными центрами борьбы в поддержку Коммуны. Маркс и Энгельс считали важным использовать вызванный пролетарской революцией в Париже подъем рабочего движения для укрепления сплоченности и организованности международного пролетариата, для дальнейшего воспитания его в духе интернационализма. Они разъясняли деятелям рабочего движения «истинный характер этой величественной парижской революции» [1], сущность Парижской коммуны как первого в истории правительства рабочих, что способствовало правильной оценке в рабочей среде политического положения, придавало больше классовой заостренности выступлениям солидарности.

Ведущую роль в движении солидарности сыграли немецкие рабочие, жившие как в самой Германии, так и в Австро-Венгрии, Швейцарии, США. Деятельность Социал-демократической рабочей партии Германии, тесно связанной с Международным товариществом рабочих, идейное влияние на ее руководителей Маркса и Энгельса, наибольшая доступность (с точки зрения языка) для ее передовой части ряда важнейших произведений марксизма обусловили самый высокий по тому времени теоретический уровень немецкого пролетариата.

С начала апреля 1871 года в развитии движения солидарности с Парижской коммуной возникает качественно новый этап. Он был обусловлен возраставшим осознанием массами пролетарского характера Коммуны, стремлением извлечь из опыта Коммуны уроки для рабочего движения в других странах. Этому способствовали также действия европейской реакции в поддержку версальцев и развязанного ими белого террора. В сознании передовых рабочих в это время происходили существенные сдвиги. Прежде всего они осознавали закономерность того, что революция 18 марта была возглавлена именно пролетариатом, которому остальные трудящиеся города вручили свою судьбу. Уже в этот период передовые

[1] См.: Маркс — Лео Франкелю, около 26 апреля 1871 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 33, с. 182.

рабочие увидели в Парижской коммуне начало новой эпохи, выход на политическую арену «четвертого сословия», как тогда писали многие печатные органы Интернационала. Отсюда проистекало понимание того, что коммунары объективно борются за дело всего рабочего класса, что они предприняли попытку ликвидировать несправедливые условия его существования и эксплуатации, присущие всему капиталистическому миру. Не менее поучительным для пролетариата различных стран было единство в борьбе против Коммуны всей европейской буржуазии. Никогда еще единство классовых интересов буржуазии в международном масштабе не демонстрировалось с такой убедительной и обнаженной наглядностью. Действенность этого урока была усилена той волной репрессий, которая обрушилась на рабочее движение, в первую очередь на участников движения солидарности, почти во всех странах Европы под флагом крестового похода против Интернационала. Поэтому движение солидарности всюду стало борьбой как с международной, так и с внутренней реакцией. Под воздействием Интернационала оно осознавалось самими его участниками как форма классовой борьбы. Интернациональное единство пролетариата в это время становится лейтмотивом большинства выступлений в поддержку Парижской коммуны.

После поражения Коммуны движение солидарности с ней приняло новые формы. Участие широких пролетарских масс в оказании помощи коммунарам-беженцам имело большое воспитательное значение. Понятие пролетарской солидарности наполнялось новым конкретным содержанием; рабочие разных стран все больше осознавали огромные возможности, которые заложены в совместной борьбе против общего врага. Движение солидарности с борцами Парижской коммуны было логическим продолжением ее дела. Оно демонстрировало могущество пролетарской солидарности, вооружало рабочий класс уверенностью в своих силах, являлось важным стимулом его дальнейшего роста.

3. ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОБЩЕНИЕ МАРКСОМ И ЭНГЕЛЬСОМ ОПЫТА ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

Маркс и Энгельс внимательно следили за развитием событий во Франции. Анализируя складывавшуюся ситуацию, видя назревание революционного взрыва, они пришли к выводу, что выступление парижского пролетариата не может рассчитывать на успех, так как рабочий класс Франции и других стран еще не готов к радикальному осуществлению своих классовых целей. Поэтому первоначально они предостерегали парижских рабочих от преждевременного выступления. Однако, когда выяснилось, что альтернативой восстанию была бы капитуляция без боя и тем самым потеря всех завоеванных парижскими рабочими позиций, Маркс и Энгельс энергично поддержали парижских коммунаров. В случае капитуляции без борьбы деморализация рабочего класса была бы

гораздо большим бедствием, чем гибель какого угодно числа вожаков, подчеркивал Маркс [1]. Эту позицию Ленин считал образцовой для подлинного пролетарского революционера: Маркс воспринимал парижские события не как посторонний наблюдатель, а как непосредственный участник борьбы [2]. В ходе событий Маркс советовал коммунарам действовать более решительно против Версаля, предостерегал о том, что прусское командование нарушит нейтралитет, и советовал укрепить северную часть города, предупреждал о непоследовательности мелкобуржуазных деятелей, указывал на необходимость наладить связи с провинцией, видимо, помог Л. Франкелю в разработке социальных мероприятий [3]. В дальнейшем, благодаря энергичным действиям Маркса, Энгельса и их друзей, десятки коммунаров уцелели, а сотни эмигрантов были устроены в Англии.

«Гражданская война во Франции»

Неотложной своей задачей Маркс и Энгельс считали теоретическое обобщение опыта и уроков Парижской коммуны, что было необходимо для превращения стихийного сочувствия пролетарских масс к Коммуне в сознательное желание продолжить и довести до конца ее дело. Эта задача в обобщенном виде была решена в произведении Маркса «Гражданская война во Франции», изданном в качестве официального документа Генерального совета Интернационала. Этот документ прежде всего отразил те изменения, которые произошли в рабочем движении, в массовом сознании пролетариата в результате борьбы Парижской коммуны. В то же время «Гражданская война во Франции» явилась важным документальным воплощением идейного развития Интернационала. Она открыла новую страницу в разработке на базе научной теории программы Интернационала.

Работу по обобщению опыта Парижской коммуны Маркс и Энгельс начали с первых дней революции. В письмах соратникам, в сообщениях на заседаниях Генерального совета они фиксировали первые результаты анализа событий в Париже. Они подчеркивали пролетарский характер революции, отмечали особенности созданной революционной власти. В письме Л. Кугельману от 12 апреля 1871 года, раскрывая всемирно-историческое значение революции в Париже, Маркс писал, что суть происходящих событий — в попытке «наших геройских парижских товарищей» сломать «бюрократически-военную машину», что он восхищается их исторической инициативой [4]. Со второй половины апреля до 10 мая Маркс делает первый набросок «Гражданской войны во Франции», затем до середины мая пишет ее второй черновой вариант. Работа над

---

[1] См.: Маркс — Людвигу Кугельману, 17 апреля 1871 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 33, с. 175.

[2] См.: *Ленин В. И.* Предисловие к русскому переводу писем К. Маркса к Л. Кугельману.— Полн. собр. соч., т. 14, с. 377, 378.

[3] См.: Карл Маркс. Биография. 2-е изд. М., 1973, с. 539.

[4] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 33, с. 172.

«Гражданской войной во Франции» была завершена к 30 мая 1871 года. Детальное изучение широкого круга разнообразных источников, осмысление фактов, касающихся слома буржуазной государственной машины, осуществления диктатуры пролетариата, послужили основой для дальнейшего развития марксистской теоретической мысли. В «Гражданской войне во Франции» воплотилась и другая особенность теоретической деятельности Маркса: произведение это было написано для масс, для воздействия на них; оно призвано было донести до членов Интернационала то важнейшее, что преподала Коммуна, что научный анализ извлек из ее опыта. В то же время оно должно было отразить и позицию революционной части Генерального совета. Все это было сделано мастерски.

Созданная по горячим следам событий, «Гражданская война во Франции» явила собой блестящий пример того, как научное мировоззрение дает возможность уловить и оценить новое историческое явление в процессе его зарождения и становления. Маркс писал: «Обычной судьбой нового исторического творчества является то, что его принимают за подобие старых и даже отживших форм общественной жизни, на которые новые учреждения сколько-нибудь похожи» [1]. Это замечание говорило об огромной трудности задачи. Найти новое там, где оно только начало проявляться, разглядеть его за старыми формами, причем в самом ходе развития событий, было по плечу только марксизму. При этом о вытекающих из анализа новых явлений теоретических выводах надо было рассказать ясно, четко, доступно. Коммуна лишь начала дело преобразования мира, еще не все тенденции в ее деятельности с достаточной ясностью проявились, но от взора Маркса не укрылось главное — классовая природа нового государства. Шаг за шагом выявлялись и анализировались им политические и социальные мероприятия Коммуны, раскрывалась ее «сокровенная» сущность как государства рабочего класса.

«Гражданская война во Франции» была воспринята современниками прежде всего как гимн коммунарам, как манифест, вновь открыто провозгласивший неизбежность пролетарской революции. Действительно, революция в Париже подтвердила сделанный Марксом и Энгельсом еще в 40 — начале 50-х годов прогноз о том, что пролетариат сыграет решающую роль в грядущей революции, что в союзе с трудящимися массами он возьмет на себя революционное осуществление демократических, а затем и социалистических задач, что приведет к разрешению антагонизмов, порожденных капиталистическим способом производства. Разработка экономической теории в 50—60-е годы явилась дальнейшим научным обоснованием этого вывода. А Парижская коммуна на практике подтвердила, что общественное развитие идет именно так, как это предсказала марксистская теория.

[1] *Маркс К.* Гражданская война во Франции.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 17, с. 344.

Проблемы революции

В «Гражданской войне во Франции» и в последующих произведениях Маркс и Энгельс не раз обращались к опыту Коммуны, развивая теорию революции. Анализируя события во Франции, Маркс показал, как на деле происходит перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую. Вывод о необходимости сочетания борьбы за классовые цели пролетариата с борьбой за демократию был одним из важнейших уроков Коммуны. События франко-прусской войны, сентябрьская революция, революция 18 марта и деятельность Коммуны позволили Марксу и Энгельсу сформулировать отправные идеи учения о революционной ситуации, хотя само это понятие было введено в науку Лениным позднее.

В первоначальных набросках и в самом произведении «Гражданская война во Франции», продолжая и развивая наблюдения и соображения Энгельса, изложенные в «Заметках о войне», Маркс показал, что среди причин, вызвавших всеобщее возмущение, а затем и революцию в Париже, были, с одной стороны, полное разложение правящей верхушки, развал старой государственной машины (прежде всего армии), трусость и неспособность буржуазии взять на себя управление страной, предательство ею национальных интересов, и, с другой стороны, чрезвычайное ухудшение положения народных масс в условиях осады, организация и возраставшая активность рабочих, взявшихся за оружие. При этом Маркс разъяснил, что Коммуна была порождена общими закономерностями общественного развития, классовыми антагонизмами, характерными не только для Франции, но и для других капиталистических стран. За специфическими особенностями развития революционного движения во Франции он раскрыл общую черту — враждебность буржуазного государства освободительным устремлениям пролетариата, предательство буржуазией национальных интересов в страхе перед революцией. Маркс писал: «От подлинного патриотизма буржуазии... осталась одна лишь видимость вследствие того, что ее финансовая, торговая и промышленная деятельность приобрела космополитический характер. При аналогичных обстоятельствах это прорвалось бы наружу во всех странах так же, как прорвалось во Франции» [1].

Характеризуя революцию 18 марта, Маркс выявил ее принципиально новую черту — это революция, в которой участвовало подавляющее большинство народа, в которой массы после своей победы не только не устранились от власти, а продолжали оставаться хозяевами положения. Это подлинная революция большинства народа, революция трудящихся. В набросках к «Гражданской войне во Франции» Маркс писал: «То, что революция произведена *от имени* и открыто в *интересах* народных масс, то есть производящих масс,— эта черта настоящей революции присуща также и

[1] *Маркс К.* Наброски «Гражданской войны во Франции».— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 17, с. 564.

всем ее предшественницам. Новая ее черта заключается в том, что народ не разоружился после первого восстания... он взял в свои собственные руки действительное руководство своей революцией...» [1] Позднее Энгельс разовьет эту мысль как отправной пункт стратегии и тактики социал-демократических партий.

Опыт Коммуны дал Марксу и Энгельсу новый материал для рассмотрения проблемы мирного и немирного пути революции. Коммуна показала, что в определенных условиях приход пролетариата к власти может произойти относительно мирным путем. Однако дальнейшие мероприятия революционного правительства с неизбежностью наталкиваются на растущее сопротивление бывших правящих классов; зреет мятеж контрреволюционеров, которые и развязывают гражданскую войну. Трагический финал Коммуны убедительно показал, что недостаток решительных мер по пресечению контрреволюции или просто промедление в их проведении ведет к поражению. Революционное насилие по отношению к контрреволюции — реакционному меньшинству является гуманным актом спасения подавляющего большинства — трудящихся масс от ужасов гражданской войны. Именно в этом аспекте рассматривали Маркс и Энгельс диалектику революции и контрреволюции — теоретическую проблему, которая опытом Коммуны была поставлена перед рабочим движением.

В этом отношении характерно следующее место из беседы Маркса с корреспондентом нью-йоркской газеты «The World» («Мир»), состоявшейся вскоре, 3 июля 1871 года. В беседе корреспондент заявил: «Я думаю, что в Англии ожидаемая развязка, какова бы она ни была, могла бы быть достигнута не путем насильственной революции. Английский метод агитировать на митингах и в печати до тех пор, пока меньшинство не обратится в большинство, позволяет надеяться на это». Но Маркс возразил: «Я в этом пункте не так оптимистичен, как Вы. Английская буржуазия всегда проявляла готовность принять решение большинства, пока она монопольно распоряжалась правом голоса. Но поверьте, что в тот момент, когда она окажется в меньшинстве по вопросам, которые она считает жизненно важными, мы будем иметь здесь новую войну рабовладельцев...» [2]

Эта мысль помогает понять сказанное Марксом на митинге в Амстердаме после Гаагского конгресса: «Мы знаем, что надо считаться с учреждениями, нравами и традициями различных стран; и мы не отрицаем, что существуют такие страны, как Америка, Англия... в которых рабочие могут добиться своей цели мирными средствами. Но даже если это так, то мы должны также признать, что в большинстве стран континента рычагом нашей революции должна послужить сила; именно к силе придется на время при-

---

[1] *Маркс К.* Наброски «Гражданской войны во Франции».— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 17, с. 561.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 17, с. 637 (приложения).

бегнуть, для того чтобы окончательно установить господство труда»[1].

Из сопоставления этих высказываний, а также из содержания «Гражданской войны во Франции» следует, что после Коммуны вопрос о мирном или немирном пути революции связывался уже не только с типом буржуазного государства, характером его аппарата насилия, но и с сопротивлением свергнутой буржуазии, вероятностью развязывания ею гражданской войны.

Тактика вооруженного восстания

Исходя из закономерности пролетарской революции[2], Маркс и Энгельс на основе опыта Парижской коммуны сделали значительный шаг вперед в разработке тактики вооруженного восстания пролетариата.

Предупреждая в сентябре 1870 года французских рабочих о несвоевременности восстания в условиях войны и прусской оккупации, Маркс тем самым подтвердил сделанный в «Классовой борьбе во Франции» и других произведениях вывод о том, что вооруженное выступление не должно быть спровоцировано, что благоприятный момент для него должен быть выбран самими рабочими. Это положение в дальнейшем было дополнено Энгельсом в статье «Программа бланкистских эмигрантов Коммуны» (1874) критикой заговорщической волюнтаристской тактики бланкистов.

Опыт Парижской коммуны позволил Марксу и Энгельсу сделать новые выводы: во-первых, руководство вооруженной борьбой пролетариата должно быть строжайше централизовано[3]; во-вторых, рабочий класс и его правительство после победы должны быть готовы противостоять контрреволюционным мятежам[4]. В результате успехов в градостроительстве и вооружении условия уличной борьбы для восставших ухудшились[5]; однако на основании этого обстоятельства Маркс и Энгельс не отказались от признания вооруженного восстания наиболее перспективным, решающим видом революционной борьбы. Маркс определил эту борьбу «рабов против рабовладельцев» как вполне правомерную, какую еще не знает история, и выступал за применение в ней самых суровых средств и методов, за право пролетариата не соблюдать «условные формы либерализма»[6]. Вместе с тем он считал, что «восстание было бы безумием там, где мирная агитация привела бы к цели более бы-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 18, с. 154.

[2] См.: *Энгельс Ф.* О грюндерском ажиотаже в Англии; *Маркс К.* О Гаагском конгрессе.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 17, с. 464; т. 18, с. 154.

[3] См.: Энгельс — Карло Терцаги, около 9 января 1872 г.; Энгельс — Карло Терцаги, 14 [—15] января 1872 г.— Там же, т. 33, с. 316, 317.

[4] См.: *Маркс К.* Наброски «Гражданской войны во Франции»; Запись беседы К. Маркса с корреспондентом газеты «The World».— Там же, т. 17, с. 553, 637 (приложения).

[5] См.: *Маркс К.* Гражданская война во Франции.— Там же, с. 351, 362—363.

[6] См. там же, с. 351.

стрым и верным путем» [1]; вооруженное насилие должно быть применено «там, где не помогают другие средства» [2].

Военные действия Коммуны были внимательно изучены Марксом и Энгельсом. Анализируя бои марта — мая 1871 года и критикуя ошибки Коммуны, они подтвердили и конкретизировали свои прежние выводы о необходимости вооружения и военной организации рабочего класса еще до его восстания [3], о необходимости наступательной тактики, о направлении главного удара на пункт, обладание которым дает политический выигрыш; в данном случае такой удар сразу же после 18 марта нужно было нанести по центру контрреволюции в Версале.

Опыт военных действий Коммуны весной 1871 года вместе с заключением о малой боеспособности ополченческих нерегулярных формирований, которое Энгельс сделал при изучении Гражданской войны 1861—1865 годов в США и франко-прусской войны 1870—1871 годов, послужил в дальнейшем основой для его тезиса о невозможности для импровизированных рабочих отрядов противостоять регулярным войскам [4].

После гибели Коммуны разработка тактики вооруженного восстания была продолжена Энгельсом на опыте революции в Испании. Критикуя в 1873 году в статье «Бакунисты за работой» их политику, он отстаивал право рабочих отвечать восстанием на контрреволюционное насилие, указывал восставшим на необходимость решительных действий, концентрации сил или координации действий при наличии нескольких очагов восстания, централизованного и четкого политического руководства.

Слом буржуазной государственной машины

Парижская коммуна практически подтвердила мысль Маркса относительно необходимости слома буржуазной государственной машины и дала возможность ее конкретизировать. Следя за развитием событий в Париже, Маркс уже 12 апреля 1871 года в письме к Л. Кугельману подчеркнул, что слом старой государственной машины есть «предварительное условие всякой действительной народной революции на континенте» [5]. Из этого следовало, что слом буржуазной государственной машины является необходимой предпосылкой для дальнейшего развертывания революции. При этом Маркс уточнил, что необходим слом «бюрократически-военной машины» буржуазного государства.

В «Гражданской войне во Франции», как и в «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта», проблема слома буржуазной государственной машины связана с анализом бонапартистского государства. Этот анализ приводил к выводу, что открыто антинародный

---

[1] Запись беседы К. Маркса с корреспондентом газеты «The World».— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 17, с. 635 (приложения).

[2] См.: О Гаагском конгрессе. Запись речи К. Маркса на митинге в Амстердаме 8 сентября 1872 года.— Там же, т. 44, с. 566 (приложения).

[3] См.: *Маркс К.* Гражданская война во Франции.— Там же, т. 17, с. 321, 331, 342, 355.

[4] См.: Энгельс — Августу Бебелю, 11—12 декабря 1884 г.— Там же, т. 36, с. 218.

[5] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 33, с. 172.

характер государственной власти при Наполеоне III есть наиболее концентрированное выражение общих тенденций и сути эксплуататорского буржуазного государства. С большой силой выразительности Маркс показал, что бонапартистское государство противоречит интересам не только наиболее эксплуатируемого класса — пролетариата, но и большинства нации, национальным интересам всей Франции. Его замечания о том, что «официальная Франция...— гниющий труп» [1], что ее можно было спасти от полного падения и возродить к новой жизни только путем революционного разрушения политических и социальных условий, породивших Вторую империю и под ее покровительством дошедших до полного разложения, основывались на глубоком анализе природы и сущности классовых антагонизмов, положения буржуазии как правящего класса. Маркс опроверг представление о будто бы надклассовом характере как Второй империи, так и всех других форм буржуазного государства.

Анализируя соотношение государственных форм, Маркс обосновывает положение о том, что «истинной противоположностью *самой империи,* то есть государственной власти, централизованной исполнительной власти, которая во Второй империи лишь нашла свою исчерпывающую формулу,— была *Коммуна*» [2]. Он показывает исторический путь превращения буржуазного государства в «государство-паразит» [3], в государство, не только оторванное от общества и независимое от него [4], но и опутавшее «действительный общественный организм», «как удав» [5]. Это отчуждение от общества государственной власти, правительственного аппарата приводит к тому, что возникает вопиющее противоречие между интересами огромного большинства нации и государственной машиной, за которым стоит противоположность классово-своекорыстных интересов буржуазии интересам трудящихся масс.

Однако необходимость слома буржуазной государственной машины Маркс и Энгельс связывали не только с сущностью бонапартизма. Эта необходимость вытекала из анализа классовой природы государства вообще, угнетательского характера всех форм буржуазного государства. Борьба Коммуны, ее подавление силами контрреволюции уже в условиях Французской республики лишь вновь и особенно наглядно подтвердили это положение марксизма. На примере событий во Франции Маркс показал, как контрреволюция использует для осуществления массового террора уцелевшую старую государственную машину (остатки старой армии, полиции и т. п.). Он подметил, что «после каждой революции... чисто угнетательский характер государственной власти выступает

[1] *Маркс К.* Наброски «Гражданской войны во Франции».— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 17, с. 521.

[2] Там же, с. 546.

[3] См. там же, с. 545.

[4] См. там же, с. 547.

[5] См. там же, с. 597.

наружу все более и более открыто»[1]. Угнетательская сущность буржуазного государства проявляется все откровеннее при обострении классовой борьбы[2]. И потому слом государственной машины буржуазии является, по мысли Маркса, закономерным и логическим результатом развертывания классовой борьбы.

Этот вывод Маркс, Энгельс, а затем и Ленин считали основным и главным уроком Парижской коммуны[3].

Коммуна дала возможность конкретизировать понятие «слом государственной машины». Маркс и раньше считал, что уничтожению подлежат прежде всего те органы государственной власти, которые имеют чисто угнетательский характер. На основе опыта Коммуны во втором наброске «Гражданской войны во Франции» он подходит к проблеме слома буржуазной государственной машины более конкретно. Маркс делает следующий вывод: «Устранение постоянного войска и правительственной полиции сломило бы материальную силу угнетения. Отделение церкви от государства и экспроприация всех церквей, поскольку они были корпорациями, владевшими имуществом, и изгнание религиозного преподавания из всех общественных школ (одновременно с введением бесплатного обучения) в уединение частной жизни, где оно существовало бы милостыней верующих, освобождение всех учебных заведений от правительственной опеки и порабощения,— все это должно было сломить силу духовного угнетения, сделать науку не только доступной для всех, но и свободной от оков правительственного гнета и классовых предрассудков... Правительственная сила подавления и власти над обществом была бы таким образом сломлена благодаря уничтожению ее чисто угнетательских органов, а функции, правомерно принадлежащие правительственной власти, должны были осуществляться не органами, стоящими над обществом, а ответственными слугами самого общества»[4].

Здесь Маркс четко высказал мысль о необходимости ликвидации не только «материальной силы угнетения» (постоянного войска, полиции), но и «силы духовного угнетения» буржуазного государства (влияния церкви и правительства на образование и воспитание).

В окончательном тексте произведения Маркс облек все эти мысли в четкую и сжатую формулировку: «Задача состояла в том, чтобы отсечь чисто угнетательские органы старой правительственной власти, ее же правомерные функции отнять у такой власти, которая претендует на то, чтобы стоять над обществом, и пере-

---

[1] *Маркс К.* Гражданская война во Франции.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 17, с. 340.

[2] См. там же, с. 341.

[3] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Предисловие к немецкому изданию «Манифеста Коммунистической партии» 1872 года.— Соч., т. 18, с. 90; *Ленин В. И.* Государство и революция.— Полн. собр. соч., т. 33, с. 37—38.

[4] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 17, с. 602.

дать ответственным слугам общества»[1]. Из указания Маркса о необходимости отсечь у буржуазного государства его органы, предназначенные для подавления трудящихся масс, следовало, что пролетарская революция оказывается перед решением задачи гораздо более сложной, чем простое разрушение всей буржуазной государственной машины. Органы, которые занимаются необходимой всему обществу работой и могут отвечать потребностям развития, должны сохраняться и соответственно преобразовываться.

Анализ событий в Париже позволил Марксу показать, что хотя в ликвидации бонапартистской государственной машины были кровно заинтересованы самые широкие слои трудящихся, только рабочий класс способен последовательно осуществить эту революционную меру. И дело здесь прежде всего в том, что рабочему классу не только присуще отрицательное отношение к буржуазной государственности,— лишь он в состоянии создать взамен государство нового типа — диктатуру пролетариата.

Задачи диктатуры пролетариата

На основе осмысления опыта Парижской коммуны Маркс внес крупный вклад в учение о диктатуре пролетариата. Он сумел увидеть в Коммуне прообраз государства нового типа. «Ее настоящей тайной было вот что: она была, по сути дела, правительством рабочего класса, результатом борьбы производительного класса против класса присваивающего; она была открытой, наконец, политической формой, при которой могло совершиться экономическое освобождение труда»[2],— писал Маркс. Коммуна дала практический ответ на вопрос о том, чем заменить разбитую буржуазную государственную машину.

Опыт Коммуны подтвердил, что завоевание рабочим классом политической власти является прямым и необходимым следствием развития классовой борьбы пролетариата; цель борьбы рабочего класса не может быть осуществлена без создания пролетарской государственности. С другой стороны, контрреволюционный мятеж версальцев, кровавая «майская неделя» продемонстрировали, что пролетариат обречен на поражение, если в ходе революции не создаст свою государственную организацию, которая защитила бы его завоевания, была бы способна подавить контрреволюцию достаточно «авторитарными» мерами. Коммуна дала рабочим Франции, всему международному пролетарскому движению поучительный урок: слабость, нерешительность в подавлении контрреволюции неминуемо ведет к поражению, к ужасам белого террора.

Однако не только подавление сопротивления свергнутых угнетателей и эксплуататоров, «мятежа рабовладельцев», не только потребность в отражении внешней опасности обусловливают необходимость диктатуры пролетариата. Опыт Коммуны практиче-

---

[1] *Маркс К.* Гражданская война во Франции.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 17, с. 344.

[2] Там же, с. 346.

ски показал, что пролетарская революция, установление политического господства рабочего класса не могут сразу уничтожить эксплуататорские классы и единовременным актом преобразовать отношения собственности. Ликвидация эксплуататорских классов и социалистическое преобразование мелкобуржуазной, прежде всего крестьянской, собственности осуществимы в обстановке классовой борьбы. По выражению Маркса, государство типа Коммуны «создает рациональную обстановку, в которой эта классовая борьба может проходить через свои различные фазы наиболее рациональным и гуманным путем» [1].

Социальные преобразования, которые только начала осуществлять Коммуна, показали всю сложность процесса переустройства общества. «Рабочий класс не ждал чудес от Коммуны,— писал Маркс.— Он не думает осуществить par décret du peuple * готовые и законченные утопии. Он знает, что для того чтобы добиться своего освобождения и вместе с тем достигнуть той высшей формы, к которой неудержимо стремится современное общество в силу собственного своего экономического развития, ему придется выдержать продолжительную борьбу, пережить целый ряд исторических процессов, которые совершенно изменят и обстоятельства и людей» [2]. Опыт Коммуны подтвердил, что нельзя просто «декретировать» социальные преобразования; с ними связаны изменения как в области экономики, общественных отношений, так и в сознании людей, которые займут продолжительное время, что потребует функционирования пролетарского государства.

Другой аспект необходимости пролетарского государства в связи с задачами переустройства общества Маркс осветил в замечаниях на книгу М. Бакунина «Государственность и анархия». В ответ на риторический вопрос Бакунина о том, что означает возведение пролетариата в степень господствующего класса, Маркс заметил: «Это значит, покуда существуют другие классы, в особенности класс капиталистический, покуда пролетариат с ним борется (ибо с приходом пролетариата к власти еще не исчезают его враги, не исчезает старая организация общества), он должен применять меры *насилия,* стало быть, правительственные меры; если сам он еще остается классом и не исчезли еще экономические условия, на которых основывается классовая борьба и существование классов, они должны быть насильственно устранены или преобразованы, и процесс их преобразования должен быть насильственно ускорен» [3]. Здесь задачи диктатуры пролетариата определены еще более четко.

---

[1] *Маркс К.* Наброски «Гражданской войны во Франции».— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 17, с. 553.

* — по декрету народа (франц.).

[2] *Маркс К.* Гражданская война во Франции.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 17, с. 347.

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 18, с. 611.

Одной из проблем, развитых и уточненных Марксом и Энгельсом в связи с опытом Коммуны, было выяснение исторического места диктатуры пролетариата в процессе развития государства. Анализируя возникновение и деятельность Коммуны, раскрывая сущность диктатуры пролетариата и необходимость ее установления, Маркс и Энгельс в дальнейшем подчеркивали, что это уже не государство «в собственном смысле слова», а этап в естественно-историческом процессе его отмирания. Уже в набросках «Гражданской войны во Франции» Маркс на основе анализа сущности и мероприятий Коммуны, исходя из истории развития государственности, подметил, что Коммуна «была революцией против самого *государства*»; «народ снова стал распоряжаться сам и в своих интересах своей собственной общественной жизнью» [1]. И далее: «*Коммуна* — это обратное поглощение государственной власти обществом, когда на место сил, подчиняющих и порабощающих общество, становятся его собственные живые силы; это переход власти к самим народным массам...; это политическая форма их социального освобождения, занявшая место искусственной силы общества...» [2]

Таким образом, в отличие от всех предшествовавших государственных форм, в том числе всех форм классового господства буржуазии, Коммуна была первым в истории государством, защищавшим интересы не меньшинства, а большинства общества, государством, у которого с общественным развитием функция подавления, чисто насильственная функция постепенно должна исчезнуть. Подлинно демократическая сущность пролетарского государства, проявившаяся в Парижской коммуне, и является основой отмирания той функции государства, которая всегда была его главной чертой.

Демократическая сущность Коммуны

Парижская коммуна позволила Марксу выявить и специфические черты пролетарского государства. Одна из них выражалась в том, что пролетариат, устанавливая свою диктатуру, осуществляет подлинную демократизацию государственной власти. Всеобщий характер выборов Коммуны, ее состав и мероприятия продемонстрировали, что впервые в истории было создано государство, отвечающее интересам широких трудящихся масс. Сопоставляя практику Коммуны с деятельностью бонапартистского правительства и правительства «национальной обороны», Маркс отметил, что установление диктатуры пролетариата отвечало национальным интересам Франции. Бонапартистское правительство, а затем правительство «национальной обороны» предавали интересы нации и привели Францию к глубочайшему кризису. Революция 18 марта была попыткой найти выход из этого кризиса. Впер-

[1] *Маркс К.* Наброски «Гражданской войны во Франции».— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 17, с. 546.

[2] Там же, с. 548.

вые пролетариат не только почувствовал ответственность за судьбы нации, но и взял на себя эту ответственность. Сложившаяся ситуация обусловила совпадение классовых интересов пролетариата с общенациональными задачами. В этом единстве классовых и общенациональных задач Маркс подметил одну из важнейших черт государства нового типа. Правительство рабочего класса является условием спасения нации и, с другой стороны, подлинно национальным может быть лишь правительство, которое будет работать для освобождения рабочего класса [1]. В период Коммуны, по словам Маркса, рабочие Парижа впервые посягнули на привилегию управления страной в своих собственных интересах и в интересах нации в целом.

Эти положения, выдвинутые на основе анализа конкретной ситуации, имеют более широкое значение: они являются вкладом в развитие учения о гегемонии пролетариата. Коммуна выявила те слои городского населения, которые могут быть союзниками пролетариата. Маркс проанализировал социальные мероприятия Коммуны, которые привлекали к ней не только неимущее население Парижа, но и трудовую интеллигенцию, мелкобуржуазные слои. Однако, как писал Маркс, дело было не только в мероприятиях, которые Коммуна успела провести, а прежде всего в том, что эти слои в условиях национального кризиса увидели в рабочем классе единственную силу, способную вывести страну из кризиса, дать ей подлинную демократию. Опыт Коммуны в отношении крестьянства был негативным, но и он позволил Марксу извлечь из этого необходимые уроки.

Рассматривая Коммуну как конкретную форму пролетарского государства, Маркс указал, что коммунальная система должна быть создана в национальном масштабе, должна сочетать в себе федерализм и централизм. Государство пролетариата представляет собой новый тип централизации, основанной на местном самоуправлении, на активной деятельности самих масс. «Единство нации подлежало не уничтожению, а, напротив, организации посредством коммунального устройства,— писал Маркс.— Единство нации должно было стать действительностью посредством уничтожения той государственной власти, которая выдавала себя за воплощение этого единства, но хотела быть независимой от нации, над ней стоящей» [2].

При этом Маркс отметил, что Коммуна является не простым отрицанием старой централизации. Коммуна наметила путь к демократической организации единства нации, отвечающего потребностям развития современного общественного производства и выполнения общественных функций демократическим путем, в ин-

---

[1] См.: *Маркс К.* Наброски «Гражданской войны во Франции».— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 17, с. 563.

[2] *Маркс К.* Гражданская война во Франции.— Там же, с. 344.

тересах всего народа. Коммуна помогла нащупать формы, обеспечивающие сочетание максимума местной инициативы с демократической централизацией. Важно подчеркнуть, что в этом вопросе Маркс исходил не только из опыта Коммуны, но и из результатов своих экономических исследований, из которых вытекала необходимость при социализме планового развития общественного производства. Демократическую централизацию он связывал с потребностями экономического развития, с хозяйственной деятельностью пролетарского государства, которое призвано добиваться «гармоничной национальной и интернациональной координации общественных форм производства» [1].

Выявляя принципиально новые, характерные черты Коммуны как пролетарского государства, Маркс подметил, что она была «не парламентарной, а работающей корпорацией, в одно и то же время и законодательствующей и исполняющей законы» [2].

Пролетарская революция во Франции дала конкретный материал, позволивший разглядеть, как в органах диктатуры пролетариата проявляется ее демократическая сущность. Коммуна, отмечал Маркс, представляла по своему составу широкие слои трудящихся; ее органы состояли из «рабочих или признанных представителей рабочего класса» [3]. В своей деятельности эти органы Коммуны — комиссии, вооруженные силы, народная милиция, суды — опирались на широкие народные массы. Установление максимума в оплате должностных лиц на уровне заработка рабочего, их ответственность перед избирателями, ликвидировав возможность создания обособленной чиновничьей касты, создавали новые условия функционирования государственного аппарата. Этим мероприятиям Коммуны Маркс придавал особое значение. В них он видел найденные парижскими рабочими на практике жизненные меры, осуществляющие общедемократические требования (дешевое правительство, ответственность чиновников), а также реальный путь к ликвидации отчуждения государства от общества, народа.

Таким образом, трудящиеся массы, которые при всех формах буржуазного государства всячески отстранялись от управления, теперь создали правительство, которое не только действовало в интересах народа, но и свои функции осуществляло через массы. Коммуна на практике сделала трудящиеся массы, прежде всего рабочий класс, обладателем суверенной власти.

Маркс показал также, что новые учреждения власти были созданы по революционной инициативе масс, явились результатом их творческой активности, направленной на решение проблем, поставленных самой жизнью. И хотя коммунары пытались обосновывать

---

[1] См.: *Маркс К.* Наброски «Гражданской войны во Франции».— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 17, с. 553.

[2] См.: *Маркс К.* Гражданская война во Франции.— Там же, с. 342.

[3] См. там же.

свои действия в рамках старых законов и традиций, на деле же новая власть и ее учреждения, взрывая эти законы и традиции, опирались на волю и силу революционных масс.

Опыт Коммуны — рабочим всех стран

В «Гражданской войне во Франции» Маркс подчеркнул международное значение Парижской коммуны. Возникнув в исторически определенных условиях Франции и организовавшись в силу обстоятельств лишь в масштабах Парижа, Коммуна тем не менее носила ярко выраженный интернациональный характер, поскольку приступила к великому делу освобождения труда, начала решать всемирно-историческую задачу. Коммуна действовала «в своих собственных интересах и в интересах человечества» [1],— писал Маркс. Анализ действий Коммуны позволил сделать вывод, что «если Коммуна была, таким образом, истинной представительницей всех здоровых элементов французского общества, а значит, и подлинно национальным правительством, то, будучи в то же время правительством рабочих, смелой поборницей освобождения труда, она являлась интернациональной в полном смысле этого слова» [2]. Эта же мысль ярко выражена Марксом и в набросках: «...Париж, верный своему историческому прошлому, стремится возродить французский народ, делая его борцом за обновление старого общества, превращая социальное возрождение человечества в национальное дело Франции!», «Париж поднял знамя человечества!» [3].

Характеризуя новый исторический тип государства, прообразом которого была Коммуна, Маркс обосновал мысль о том, что оно может успешно функционировать лишь в результате сознательной деятельности масс. Одним из слабых мест Коммуны было то, что она творила свое великое дело, как подметил Ленин, «гениальным чутьем проснувшихся масс» [4]. Хотя ее вожди (в основном бланкисты и прудонисты) в годы Интернационала и преодолели многие из своих ошибочных воззрений, их мировоззрение в целом не было научным, они не были вооружены научным пониманием коренных целей и задач рабочего движения, путей и средств их осуществления. Вынужденная решать конкретные, жизненные вопросы, Коммуна действовала часто вопреки теориям своих руководителей — ««живую душу» всех ее экономических мероприятий составляли не какие-либо принципы, а простая практическая потребность» [5]. Это подтверждало не только правоту и жизненность марксизма,

---

[1] См.: *Маркс К.* Наброски «Гражданской войны во Франции».— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 17, с. 554.

[2] *Маркс К.* Гражданская война во Франции.— Там же, с. 350.

[3] См. там же, с. 521.

[4] См.: *Ленин В. И.* Доклад о пересмотре программы и изменении названия партии 8 марта 1918 года.— Полн. собр. соч., т. 36, с. 50.

[5] *Энгельс Ф.* К жилищному вопросу.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 261.

по и необходимость самой научной теории, опирающейся на нее сознательной революционной деятельности.

История Коммуны убедительно показала вред анархистского преклонения перед стихийностью: для утверждения власти пролетариата, переустройства общества недостаточно одного революционного энтузиазма масс, необходимо, чтобы ими руководило знание. Опыт Коммуны многое дал Марксу и Энгельсу для уяснения роли социалистического сознания в строительстве нового общества. Особенно пагубно сказалось в деятельности и борьбе коммунаров отсутствие политической партии рабочего класса, вооруженной научной теорией. Это был важнейший практический урок Коммуны, поставивший борьбу за создание таких партий в качестве назревшей задачи рабочего движения.

Первая пролетарская революция вызвала значительные сдвиги в воззрениях передовых слоев международного пролетариата. Одним из проявлений этого было создание десятков новых секций Международного товарищества рабочих в Европе, Америке, в отдельных городах Азии и Австралии[1]. Для многих рабочих вступление в Интернационал означало поворот к социализму, вступление на путь, ведущий к марксизму.

Революция 1871 года, Парижская коммуна и международное движение солидарности с ней создали благоприятную почву для дальнейшего распространения и усвоения марксистских идей. Многие годы продолжался идейный подъем в рабочем классе и в кругах радикально настроенной интеллигенции[2]. Пролетарское движение поднялось и в теоретическом и в политическом отношении на новую ступень.

В это время, когда рабочие «переваривали» новый опыт и уроки классовой борьбы, делали из них выводы, произведения, статьи, письма и устные выступления Маркса и Энгельса помогали превращению инстинктивного стремления масс к социализму в ясные и осознанные требования борющегося пролетариата. Особую роль в распространении марксизма сыграл выход в свет на 13 языках произведения Маркса «Гражданская война во Франции», в котором были осмыслены опыт Коммуны и ее основные уроки. Опубликованное как воззвание Генерального совета Интернационала, оно явилось программным документом, определившим задачи пролетариата на новом этапе классовой борьбы. Читая это произведение, передовые рабочие уясняли историческую задачу пролетариата — подготовку к социалистической революции, призванной установить диктатуру пролетариата, опирающуюся на его союз с трудящимися слоями крестьянства и городского населения. Общий вывод заключался в том, что развитие освободительной борьбы пролетариата возможно только в направлении к социалистической революции.

---

[1] См.: Первый Интернационал. М., 1965, ч. 2, с. 217—570.

[2] См. об этом подробно в кн.: Парижская Коммуна и марксизм. М., 1973.

И хотя в «Гражданской войне во Франции» еще отсутствовал вывод о необходимости самостоятельной пролетарской партии для дальнейшего роста революционного движения рабочего класса, все содержание этого произведения вплотную подводило к этому выводу.

4. ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛА ПОСЛЕ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

С поражением Парижской коммуны резко изменились не только внешние условия развития рабочего движения (торжество реакции, практическая невозможность функционирования единой международной массовой пролетарской организации), но и главное направление его идейного развития. В порядок дня встали вопросы: почему Коммуна потерпела поражение? как организовать свои силы для завоевания политического господства? Эти животрепещущие вопросы волновали передовых рабочих всех стран, делали актуальной проблему, которую впоследствии гениально просто сформулировал Ленин: государство и революция. Задачи социалистической революции, отношение к буржуазному государству, характер пролетарской власти, организация сил для натиска на капитал — ответы на эти вопросы становились потребностью идейного развития рабочего движения. В смелом решении этих вопросов наиболее рельефно проявлялось принципиальное отличие марксизма от всех течений мелкобуржуазной социалистической мысли.

Постепенное усвоение идей марксизма передовыми рабочими, формирование социально-экономической программы Интернационала, утверждение в ней социалистических принципов логически подводили к выяснению путей и средств достижения социалистических целей, то есть к разработке политической программы Интернационала. Еще до Коммуны эти проблемы в той или иной мере обсуждались на общих конгрессах и в печати Интернационала. После же Коммуны они сразу выдвигаются в центр внимания Маркса и Энгельса, становятся предметом обсуждения в Генеральном совете и на общих форумах Товарищества. «Путем таких дискуссий,— писал Энгельс,— Совет надеется выработать общую теоретическую программу, которая была бы приемлема для европейского пролетариата» [1].

Пролетарская революция 1871 года дала необходимый материал для разработки подобной политической программы. Обобщение уроков революции в программных документах рабочего движения позволяло точнее определить направление классовой борьбы пролетариата на предстоявшем этапе, раскрывая при этом принципиальное отличие подлинных задач пролетариата от тех

[1] Энгельс — Карло Кафьеро, 28 июля 1871 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 33, с. 222—223.

задач, которые навязывались ему мелкобуржуазными утопическими социалистами, реформистами и либеральными политиками.

Сразу же после Парижской коммуны Маркс и Энгельс старались помочь передовым рабочим осознать программные выводы, вытекавшие из ее уроков. Уже в июле 1871 года Энгельс писал итальянскому революционеру К. Кафьеро: «Мы должны освободиться от земельных собственников и капиталистов, поставив на их место объединенный класс сельскохозяйственных и промышленных рабочих, овладевших всеми средствами производства: землей, орудиями, машинами, сырьем... В результате неравенство должно будет исчезнуть. А чтобы довести это до конца, необходимо политическое господство пролетариата» [1]. Эти же программные положения изложил Маркс в речи на праздновании семилетия Интернационала в сентябре 1871 года в Лондоне. «Уничтожив существующие условия угнетения путем передачи всех средств труда производителю,— говорил он,—...мы устраним единственную основу классового господства и угнетения. Но прежде чем осуществление такой перемены станет возможным, необходима диктатура пролетариата, а первым ее условием является армия пролетариата. Право на свое освобождение рабочий класс должен завоевать на поле битвы. Задача Интернационала — организовать и объединить силы рабочего класса для предстоящей борьбы» [2].

Письмо Энгельса к К. Кафьеро и эта речь Маркса содержали основные положения политической программы, основанной на принципах марксизма: подготовка пролетариата к социалистической революции с целью установления его господства; переход средств производства в руки пролетарского государства; политическая организация пролетариата в борьбе за революционное преобразование общества. Вопрос о создании в странах с развитым рабочим движением пролетарских партий был предложен Марксом и Энгельсом в качестве основного вопроса для очередного конгресса Интернационала, созывавшегося в Гааге в 1872 году. Таким образом, после Парижской коммуны впервые в Интернационале перед рабочими были открыто поставлены те задачи, которые Маркс и Энгельс сформулировали четверть века назад в «Манифесте Коммунистической партии».

Задача создания пролетарских партий

Идея создания самостоятельной партии рабочего класса в общей форме была внесена Марксом еще в «Учредительный манифест Международного товарищества рабочих». Указав там на «великую обязанность рабочего класса» — «завоевание политической власти», Маркс подчеркнул, что задача эта осуществима только тогда, «когда масса охвачена организацией и ею руководит знание» [3]. Эта идея не вызвала тогда возражений ни у лидеров бри-

[1] Энгельс — Карло Кафьеро, 28 июля 1871 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 33, с. 223.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 17, с. 438.

[3] См. там же, т. 16, с. 10.

танских тред-юнионов, противников создания рабочими своей политической партии, ни у прудонистов и других представителей мелкобуржуазного социализма, вошедших в Международное товарищество рабочих; представители каждого из этих направлений трактовали ее в духе собственных воззрений. Между тем совокупность изложенных в Учредительном манифесте соображений уже содержала по сути дела марксистскую идею о необходимости для пролетариата в его освободительной борьбе политически организованной «рабочей партии» [1].

Деятельность Маркса и Энгельса в Интернационале была направлена на практическую подготовку условий для создания самостоятельной пролетарской политической партии. Эти условия предполагали преодоление разобщенности и сплочение рабочих, вовлечение их в сознательную политическую борьбу, выработку общей теоретической и тактической платформы, преодоление мелкобуржуазного и буржуазного влияния в рабочем движении. Маркс и Энгельс были убеждены, что сам ход классовой борьбы, единство действий подведут передовую часть пролетариата к пониманию отличия задач политической партии от задач уже существовавших видов рабочих организаций, профессиональных, кооперативных, просветительных обществ и т. п. И действительно, уже к концу 60-х годов в рабочем движении Германии, Австро-Венгрии, Франции, Швейцарии, Англии более или менее отчетливо проявилась тенденция к созданию пролетарской политической партии, и в этом направлении были сделаны практические шаги. Первыми шли германские рабочие, создавшие в 1869 году, как уже отмечалось, Социал-демократическую рабочую партию. С ее появлением и начался период складывания пролетарских социалистических партий [2]. Создание Германской социал-демократии оказало стимулирующее влияние на рабочих других стран [3]. Ссылаясь на ее опыт, Энгельс в феврале 1871 года, еще до Парижской коммуны, высказался за «создание в каждой стране пролетарской партии, которая ведет самостоятельную политику, ясно отличающуюся от политики других партий, так как должна выражать условия освобождения рабочего класса» [4].

Но до Парижской коммуны подобные рекомендации оставались пока лишь пожеланием: Маркс и Энгельс еще не ставили создание

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 16, с. 10.

[2] См.: *Ленин В. И.* Исторические судьбы учения Карла Маркса.— Полн. собр. соч., т. 23, с. 2.

[3] П. Лафарг писал Энгельсу 8 августа 1872 года, что испанских членов Интернационала очень интересует Германская социал-демократическая партия. «Я им сказал, что попрошу у Вас исторический очерк создания этой партии, что может им послужить примером для организации своей политической партии» (Гаагский конгресс Первого Интернационала 2—7 сентября 1872 г. Отчеты и письма. М., 1972, с. 353).

[4] См.: *Энгельс Ф.* Испанскому Федеральному Совету Международного Товарищества Рабочих.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 17, с. 291.

партии как общую программную и практическую задачу пролетариата. Они понимали, что и передовые рабочие пока не располагают необходимым для этого пониманием назначения такой партии, что еще не изжито в должной мере в рабочей среде влияние мелкобуржуазного утопического социализма, что для постановки этой задачи необходим соответствующий опыт классовой борьбы.

Пролетарская революция 1871 года коренным образом изменила обстановку. Ссылаясь на ее уроки, марксисты могли теперь твердо доказывать необходимость создания в каждой стране пролетарской социалистической партии. Но эту неотложную задачу глубоко понимали пока только марксисты и близкие к ним круги пролетарских революционеров. Обсуждению уроков революции и выработке программных требований пролетариата была посвящена собравшаяся в сентябре 1871 года в Лондоне по предложению Маркса и Энгельса конференция делегатов федераций Интернационала. Задачу конференции Маркс определил следующим образом: необходимо «принять решения по вопросам тактики, политики и организации», отвечающие потребностям данной обстановки [1]. Лондонская конференция вошла в историю как важнейший рубеж в борьбе Маркса и Энгельса за пролетарскую партию, против мелкобуржуазного социализма, сектантства во всех его видах. Впервые в Интернационале на конференции ее делегаты обсуждали вопрос о решающем значении политической деятельности рабочего класса, о высшей форме этой деятельности — революции, о необходимости для этого пролетарской партии.

Маркс, Энгельс и их соратники в выступлениях на конференции теоретически обосновали необходимость создания самостоятельной рабочей партии как основного условия успешной деятельности пролетариата, завоевания им политической власти и построения бесклассового общества. Энгельс говорил на конференции: «Мы хотим уничтожения классов. Каково средство, чтобы добиться этой цели? — Политическое господство пролетариата», но для его осуществления необходима политическая борьба, революция, нужна рабочая партия, которая «должна конституироваться как партия независимая, у которой своя собственная цель, своя собственная политика» [2].

Резолюция конференции о политическом действии рабочего класса, авторами которой были Маркс и Энгельс, предлагала членам Интернационала в своих странах организоваться в самостоятельную политическую партию. Резолюция эта, утвержденная через год Гаагским конгрессом (сентябрь 1872 г.), вошла в Устав и стала программным требованием Международного товарищества

---

[1] См.: Запись речи К. Маркса при открытии Лондонской конференции Интернационала 17 сентября 1871 года.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 44, с. 552 (приложения). См. также т. 17, с. 643 (приложения).

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 17, с. 421—422.

рабочих. В окончательном виде эта статья Устава гласила: «В своей борьбе против объединенной власти имущих классов рабочий класс может действовать как класс, только организовавшись в особую политическую партию, противостоящую всем старым партиям, созданным имущими классами. Эта организация рабочего класса в политическую партию необходима для того, чтобы обеспечить победу социальной революции и достижение ее конечной цели — уничтожение классов... Завоевание политической власти стало великой обязанностью пролетариата» [1].

Тем самым в Интернационале со всей четкостью было сформулировано положение о том, что политическая партия необходима пролетариату не только для завоевания власти, но и для достижения конечной цели — построения коммунистического общества. Это положение марксизма фиксировалось как руководящий принцип международного рабочего движения на его новом этапе. Был сделан новый, большой шаг вперед на пути соединения марксизма с массовым рабочим движением.

По поводу резолюции Гаагского конгресса Энгельс писал в итальянской газете «La Plebe» («Народ»), что удалось «со всей ясностью провозгласить политическую программу Интернационала» [2]. В четких формулировках резолюции было конкретизировано то первоначальное положение о пролетарской организации, вооруженной знанием, которое Маркс ввел в 1864 году в Учредительный манифест Товарищества. Сопоставление формулировок 1864 и 1872 годов свидетельствует о значительном идейном развитии, которое прошли за этот короткий срок передовые отряды рабочих, поднявшиеся в Интернационале к восприятию марксизма.

Проблемы политической деятельности

Политическая программа Интернационала не исчерпывалась новой статьей Устава. Программный характер имел и ряд других постановлений предыдущих конгрессов, Лондонской конференции и Гаагского конгресса: о политике Интернационала по отношению к крестьянству, о женском рабочем движении, о взаимоотношении с профессиональными союзами и др.

В «Гражданской войне во Франции» Маркс указал, что Коммуна на практике подтвердила вывод, сделанный на основе анализа опыта революций 1848—1849 годов, о необходимости союза рабочего класса с трудовым крестьянством. И постановление Лондонской конференции обращало внимание на то, что подготовка такого союза должна стать частью политической деятельности рабочих партий; оно рекомендовало всем руководящим органам Интернационала, всем его секциям и федерациям вести пропаганду в сельских местностях, а также предлагало подготовить свои сооб-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Резолюции общего конгресса, состоявшегося в Гааге 2—7 сентября 1872 года.— Соч., т. 18, с. 143.

[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 18, с. 163.

ражения о том, «какими средствами обеспечить присоединение земледельцев к движению промышленного пролетариата» [1].

По предложению Маркса Лондонская конференция поставила перед Интернационалом еще одну задачу — вовлечение в рабочее движение женщин-работниц. Принятая резолюция рекомендовала всем федерациям Товарищества создавать на фабриках и заводах, где широко применяется женский труд, специальные секции из женщин [2].

На Лондонской конференции и Гаагском конгрессе обсуждался и вопрос о взаимоотношении Интернационала с профессиональными союзами.

Еще в первый период деятельности Интернационала, до Парижской коммуны, в его документах было определено место профессионального движения в классовой борьбе пролетариата. Но на конференции в Лондоне делегаты-анархисты предложили свой проект организации международного рабочего движения — на основе профессиональных объединений, на принципе «административной децентрализации»; главную задачу рабочего движения они видели в обеспечении единства действий в стачечной борьбе; при этом секциям Товарищества отводилась чисто пропагандистская роль [3]. Это было одним из первых проявлений анархо-синдикалистских идей. Понятно, что в условиях, когда требовалось четко определить роль политической организации пролетариата и ее место в освободительном движении рабочего класса, попытка анархистов поставить во главе рабочего движения профессиональные объединения вела к торжеству тред-юнионистской идеологии.

В выступлениях Маркса и его соратников на конференции и конгрессе было подчеркнуто принципиальное отличие политической организации пролетариата от всех других форм его объединения, в том числе профессиональных союзов. При всем значении деятельности профессиональных союзов, подчеркнул Маркс, успех рабочего движения в целом обеспечивает политическая организация рабочего класса [4]. Несколько позднее Энгельс сформулировал

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Резолюции конференции делегатов Международного Товарищества Рабочих, состоявшейся в Лондоне с 17 по 23 сентября 1871 года.— Соч., т. 17, с. 425—426.— К этой задаче Маркс и Энгельс продолжали обращаться и после конференции. На заседании Генерального совета в декабре 1871 года Энгельс, рассказывая о пропаганде, которую вели в деревне датские социалисты, подчеркнул следующую мысль: «Интернационал ставит своей целью освобождение мелких крестьян и сельскохозяйственных рабочих от подчинения людям, которые обогащаются за счет их труда» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 44, с. 427).

[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 17, с. 424.

[3] См.: Лондонская конференция Первого Интернационала 17—23 сентября 1871 г. М., 1936, с. 45—46.

[4] См.: Записи речей К. Маркса о тред-юнионах. Из протокола заседания Лондонской конференции Международного Товарищества Рабочих 20 сентября 1871 года.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 17, с. 644—645 (приложения).

следующее положение: профессиональные союзы не могут являться единственной организацией рабочего класса; «наряду с союзами отдельных профессий или над ними должно возникнуть общее объединение, политическая организация рабочего класса как целого» [1].

На Лондонской конференции и Гаагском конгрессе Генеральному совету было поручено провести соответствующую подготовительную работу и создать международное объединение профессиональных союзов [2].

Маркс и Энгельс не раз обращали внимание на то, что принятые на конгрессе в Гааге политические решения полностью соответствуют программе Союза коммунистов. В 1875 году в газете «Der Volksstaat» Маркс подчеркнул, что принципы «Манифеста Коммунистической партии» обошли «весь свет в виде *программы Международного Товарищества Рабочих...*» [3].

Постановлениями Гаагского конгресса завершилась разработка общей программы Интернационала, базирующейся на принципах марксизма. Конгресс обсудил вопросы, которые, по ленинскому определению, «имеют серьезное политическое значение в силу условий момента и вследствие объективного хода общественного развития» [4].

Отклики передовых представителей рабочего класса разных стран на постановления Гаагского конгресса свидетельствовали о понимании ими значения принятых решений. Делегат конгресса австрийский социалист Г. Шей воспринял их как победу на конгрессе научного социализма, «к которому принадлежит и наша молодая партия в Австрии». Он писал, что конгресс, «высказавшись против сектантства, против анархии и за централизацию всех сил для завоевания политической власти... указал всем рабочим партиям направление, которому они должны следовать в отдельных странах» [5]. Португальская газета «O Pensamento Social» в передо-

---

[1] *Энгельс Ф.* Тред-юнионы.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 268.

[2] Проект создания такого объединения был разработан Генеральным советом весной 1873 года; его краткое изложение вошло в специальное обращение Британского федерального совета Товарищества «Интернационал и профессиональные союзы», написанное при участии Энгельса и опубликованное в английской и американской прессе (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 44, с. 578—584 (приложения)).

[3] См.: *Маркс К.* Послесловие ко второму изданию «Разоблачений о кёльнском процессе коммунистов».— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 551.— Противники марксизма тоже обратили внимание на идейное единство программы Союза коммунистов и Интернационала. В отчете о Гаагском конгрессе бельгийский анархист Флюз писал, что марксисты считают необходимым «конституироваться как могущественная политическая партия, способная завоевать политическую власть... Это является... обращением к программе немецких коммунистов 1848 года» (Гаагский конгресс Первого Интернационала 2—7 сентября 1872 г. Отчеты и письма, с. 202).

[4] См.: *Ленин В. И.* Две тактики социал-демократии в демократической революции.— Полн. собр. соч., т. 11, с. 12.

[5] См.: Гаагский конгресс Первого Интернационала 2—7 сентября 1872 г. Отчеты и письма, с. 125, 126.

вой статье отметила, что принятие конгрессом политических решений означает «огромный шаг вперед в развитии Товарищества»[1]. По мнению Ф. А. Зорге, представлявшего на конгрессе Североамериканскую федерацию, «Гаагский конгресс в главном недвусмысленно определил основное направление нашей дальнейшей деятельности»[2]. Старейший пролетарский революционер И. Ф. Беккер писал в «Die Tagwacht» в связи с гаагскими решениями: «Назначением конгрессов именно является — в результате обсуждения различных точек зрения на цели и средства Товарищества — выработать коллективное мнение, действительное на данное время, сформулировать единую точку зрения, способную служить для рабочих всех стран путеводной нитью в единстве действий, благодаря которому они только и могут приобрести достаточную силу для выполнения своей всемирно-исторической миссии»[3].

По совету Маркса Генеральный совет рекомендовал широко ознакомить членов Интернационала с решениями Лондонской конференции и Гаагского конгресса, обсудив их в местных федерациях и секциях. Обсуждение программных резолюций проходило в острой идейной борьбе, втягивало рабочих в теоретические дискуссии, давая им возможность сравнить марксистские программные положения с утопическими рецептами мелкобуржуазных социалистов, уясняя практическую бесплодность последних. Итоги обсуждения показали, что постановления конференции и конгресса одобрили передовые рабочие Германии, Австрии, Венгрии, Голландии, Дании, Чехии, США, Португалии, частично Швейцарии, Испании, Италии и Англии, нелегальные секции Франции, Русская секция Товарищества. 21 марта 1872 года Маркс с удовлетворением писал П. Лафаргу: русская «революционная молодежь идет со мной»[4].

Пропаганде решений Гаагского конгресса были посвящены статьи в газетах многих стран. Большую роль сыграли статьи Маркса и Энгельса о Гаагском конгрессе, отчеты делегатов[5].

Итоги разработки программы Интернационала

Результаты большой, растянувшейся на несколько лет работы, связанной с выработкой общей теоретической программы Интернационала, не были сведены воедино в каком-либо одном документе. Они воплощались в Уставе и Регламенте Товарищества, в постановлениях ряда конгрессов и Генерального совета. О том, что их обобщение в дальнейшем предпола-

---

[1] Цит. по: *Энгельс Ф.* Сообщения о деятельности Интернационала на континенте.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 307.

[2] Гаагский конгресс Первого Интернационала 2—7 сентября 1872 г. Отчеты и письма, с. 248.

[3] Там же, с. 164.

[4] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 33, с. 367.

[5] Были опубликованы отчеты П. Лафарга в испанской газете «La Emancipacion», А. Гепнера и Ф. Мильке — в немецкой «Der Volksstaat», И. Ф. Беккера — в швейцарской «Die Tagwacht», Г. Шея — в венской «Volkswille» и др.

галось, свидетельствует выступление Маркса на Лондонской конференции, содержащее замечание: «Подразумевается, что резолюции конгрессов, которые относятся к Уставу, будут включены в Устав» [1]. В суммированном виде общая программа Интернационала к 1873 году содержала следующие основные положения:

Социально-экономический раздел. Провозглашена необходимость ликвидации частной собственности на землю, средства сообщения, машины, копи, леса, банки. Средства производства должны были стать общественной собственностью, собственностью самих производителей.— Определено значение экономической борьбы (стачек) как формы классовой борьбы.— Обоснована роль профессиональных союзов как центров организации рабочих для борьбы против капиталистической эксплуатации.— Выдвинуто требование законодательного ограничения рабочего дня, регулирования детского и женского труда.— Сформулированы положения относительно воспитания и образования подрастающего поколения.— Обосновано значение кооперации в национальном масштабе как одного из средств преобразования завоевавшим политическую власть рабочим классом старого общества.

Политический раздел. Провозглашен принцип классовой самостоятельности рабочего движения. Обоснована необходимость сочетания экономической и политической борьбы пролетариата.— Определены политические задачи профессиональных союзов как школы классовой борьбы. Уточнено их взаимоотношение с политической организацией рабочего класса — Интернационалом. Сформулирована идея о руководящей роли пролетарской партии по отношению к профессиональным союзам.— Определено соотношение пролетарского и национально-освободительного движений.— Обоснованы роль рабочего класса как передового борца за демократию и мир между народами, как руководителя (гегемона) освободительной борьбы трудящихся масс, необходимость его союза с трудовыми слоями крестьянства и городского населения.— Поставлена задача подготовки рабочего класса к революции, целью которой является установление диктатуры пролетариата. Провозглашено, что завоевание политической власти стало великой обязанностью рабочего класса. Указана конечная цель революционной борьбы рабочих — построение бесклассового общества.— Поставлена практическая задача создания на основе организаций Интернационала в масштабе каждой страны единой пролетарской партии, сформулированы цели ее борьбы.

Выработка программных положений на протяжении восьми лет деятельности Интернационала показала, что марксизм все это время успешно выполнял свою направляющую роль — помогал международному рабочему движению теоретически осмысливать подлинные потребности революционного пролетариата, ставить и целе-

[1] Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 1, оп. 1, д. 2993.

устремленно решать выдвинутые самим ходом классовой борьбы задачи. Выработанная под руководством Маркса и Энгельса программа свидетельствовала о неразрывной связи марксистской теории с революционной практикой рабочего движения. Маркс и Энгельс, изучая опыт рабочего движения, теоретически обобщая его и проверяя на нем свою теорию, указали передовым отрядам пролетариата путь революционной борьбы за освобождение трудящихся. При этом они неоднократно подчеркивали, что общий план совместных действий рабочих требовал приспособления его, при сохранении основных положений, к разнообразным условиям каждой страны, каждой нации. Разработанная на принципах марксизма общая социально-экономическая и политическая программа создавала предпосылки для достижения того единства мысли и действия, которое, как подчеркивали Маркс и Энгельс, является необходимым условием победы пролетарской революции [1].

Провозглашенные в Интернационале программные требования оставались пока еще достоянием наиболее зрелых слоев рабочего класса, его авангарда. Будущим пролетарским партиям предстоял нелегкий путь приобщения широких рабочих масс к этим требованиям и к сознательной классовой борьбе, развития их сознания до уровня передовой части рабочих. Пропаганда программных требований вместе с разъяснением опыта и уроков классовой борьбы должны были стать средством распространения идей научного социализма. В связи с непрерывным пополнением рабочего класса новыми слоями в результате разорения крестьянства и мелкой буржуазии неизбежно должны были вновь возникать дискуссии по поводу характера, целей и задач рабочего движения, о путях и методах осуществления этих задач. Предстояла еще упорная борьба против анархизма и реформизма, против влияния либеральной буржуазии в рабочей среде. Но марксизм уже завоевал в Интернационале прочные позиции, с которых мог вести борьбу за более широкие рабочие массы.

Укрепление позиций марксизма в борьбе с бакунизмом

Утверждение марксистских принципов в Интернационале происходило в идейной борьбе с представителями различных утопических социалистических течений. Особенно остро их противодействие сказалось в ответственный период завершения разработки политической программы Товарищества. Основным противником марксизма на этом этапе идейной борьбы выступил бакунизм, открыто претендовавший на руководство всем международным рабочим движением и противопоставивший марксизму свою теорию и практику.

Как течение бакунизм оформился в конце 60-х годов. Его социальной базой послужили главным образом пролетаризирующиеся мелкобуржуаз-

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих.— Соч., т. 18, с. 341—342.

ные слои в странах с замедленным развитием капитализма, таких, как Испания, Италия, южная Франция, Швейцария, частично Бельгия. Специфика их экономического развития обусловила более позднее формирование здесь промышленного пролетариата по сравнению с ведущими капиталистическими странами Европы. В годы Интернационала рабочее движение в этих странах еще только выделялось из общедемократического потока, что и определило его идейную незрелость, широкое распространение в рабочей среде мелкобуржуазных социалистических учений, в первую очередь прудонизма, а также сильное влияние буржуазного демократизма. Углубление социальных противоречий в процессе развития капитализма, рост обездоленности рабочего люда порождали у его неустойчивых слоев увлечение идеями анархистского бунтарства.

При низком уровне сознания трудящихся масс, в условиях, когда марксизм был еще мало известен даже передовым рабочим этих стран, пропаганда бакунистских идей, пробуждая в них мысль и общественную активность, на первых порах объективно оказывала мобилизующее воздействие. Яростная критика социального неравенства и угнетения, проповедь необходимости уничтожения частной собственности, призывы к «немедленным революционным действиям для уничтожения государства» — все это производило сильное впечатление на рабочих и радикальную интеллигенцию, разочаровавшуюся в буржуазном демократизме (мадзинизм в Италии) или прудонизме (Бельгия, Испания). Бакунистская идея мировой социальной революции, которая должна уничтожить «первопричину всех бед» — государство и принести всем «абсолютную личную свободу», казалась выходом из существующего положения.

Но предложенная бакунистами анархистская программа (внешний радикализм которой отличал их от других утопических социалистических течений) была в корне противоположна марксистской программе, разрабатывавшейся в Интернационале, что свидетельствовало о непонимании бакунистами закономерностей общественного развития, всемирно-исторической роли рабочего класса. Вместо уничтожения классов бакунисты выдвинули идею уравнения классов, означавшую на практике не что иное, как установление гармонии труда и капитала [1]. Волюнтаристская «социальная ликвидация» (которая могла начаться в любое время и в любом месте) противопоставлялась представлению об исторической закономерности социалистической революции. Целью «социальной ликвидации» провозглашалось уничтожение всякого государства и образование на его развалинах сообщества абсолютно автономных общин. Движущей силой «социальной ликвидации» должен стать, по Бакунину, не рабочий класс, а «нищенский пролетариат» — люмпен-пролетариат; в нем бакунисты видели «весь ум и всю силу будущей социальной революции». Даже в том вопросе, в котором бакунизм, казалось, был близок к социализму,— в вопросе о необходимости ликвидации частной собственности на средства производства и замены ее собственностью коллективной — имелось непреодолимое противоречие: на место капиталистической частной собственности должна была прийти не общественная собственность в рамках пролетарского государства, а коллективная собственность отдельных коммун (общин) и производственных коллективов. Путь к этому, по бакунинской схеме, лежал как через декретирование отмены частной собственности, так и через ликвидацию права наследования [2]. В ряде работ Бакунин к тому же выступал как сторонник казарменного, примитивного, грубоуравнительного коммунизма. В целом

---

[1] См.: *Маркс К.* Генеральный Совет Международного Товарищества Рабочих — Центральному Бюро Альянса социалистической демократии.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 364.

[2] См.: Запись речи К. Маркса о праве наследования; Маркс — Полю Лафаргу, 19 апреля 1870 г.— Там же, с. 594 (приложения); т. 32, с. 563.

бакунизм, по определению Энгельса, являлся некоей смесью утопического коммунизма и прудонизма [1].

Еще в 1868 году бакунисты попытались ввести в Интернационал свою организацию «Международный альянс социалистической демократии» с особой программой. Отказ Генерального совета принять бакунинский Альянс мотивировался тем, что он явился бы второй международной организацией, функционирующей внутри и вне Интернационала, притом с программой, противоречащей принципам Товарищества [2]. Тогда по замыслу Бакунина Альянс формально был распущен, но в действительности сохранился в виде тайно существовавших секций в Испании, Италии, Швейцарии во главе с идейным и организационным центром — Женевской секцией Альянса. Их целью было добиться перехода руководства Интернационалом к бакунистам. О наличии этих тайных секций стало известно только весной 1872 года.

Первое открытое столкновение между сторонниками марксизма и бакунистами произошло на Базельском конгрессе Интернационала в 1869 году. Идеалистической концепции Бакунина, выступившего за отмену права наследования как исходный пункт «социальной ликвидации», Маркс противопоставил изложение основных положений исторического материализма и своей теории пролетарской революции [3].

Наиболее острая идейная борьба между марксизмом и бакунизмом развернулась после Парижской коммуны. Отношение к Коммуне, оценка ее сущности и значения, ее уроков — все это провело резкую межу и в рабочем движении, усилило поляризацию в нем идейных течений. Выводы, которые бакунисты сделали из опыта Парижской коммуны,— будто бы Коммуна является не чем иным, как полным «отрицанием государства»,— были следствием ложного восприятия ими ее опыта и в корне противоположны выводам марксизма. Будучи противниками самой идеи завоевания рабочим классом политической власти, бакунисты первой обязанностью пролетариата (и Интернационала) считали разрушение всякой политической власти. Международное товарищество рабочих, утверждали они, «не имело бы смысла, если бы оно непреодолимо не стремилось к уничтожению государства»; «миссия пролетариата заключается... в том, чтобы растворить государство в промышленной организации» [4]. Анархистская доктрина бакунистов породила догму об «антиавторитаризме», отрицавшую всякую организованную поли-

---

[1] См.: Энгельс — Карло Кафьеро, 1 [—3] июля 1871 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 33, с. 201.

[2] См.: *Маркс К.* Международное Товарищество Рабочих и Альянс социалистической демократии.— Там же, т. 16, с. 353—355.

[3] См.: *Маркс К.* Доклад Генерального Совета о праве наследования.— Там же, с. 383—385.— Базельский конгресс по вопросу о праве наследования не принял никакого решения.

[4] Основные воззрения бакунистов на этот счет были изложены в резолюциях Сонвильерского съезда швейцарских бакунистских секций (ноябрь 1871 г.), отвергавших решения Лондонской конференции Интернационала, и в резолюциях первого общего конгресса бакунистов, созванного в сентябре 1872 года в Сент-Имье в противовес Гаагскому конгрессу.

тическую деятельность рабочего класса, необходимость создания его государства и его партии.

Особая опасность бакунизма, отличавшая его от других мелкобуржуазных социалистических течений в Интернационале, заключалась в том, что свою доктрину Бакунин и его сторонники выдавали за «подлинную программу» Интернационала. Используя тягу рабочих Италии, Испании, Швейцарии к Международному товариществу рабочих, его растущий авторитет, бакунисты создавали секции на основе своей доктрины, убеждая приобщавшихся к движению пролетариев в том, что только она и представляет собой революционную программу Интернационала. Возникла прямая угроза совлечения рабочего движения ряда стран на путь анархизма, мелкобуржуазного авантюризма, ведущего пролетариат к дезорганизации и поражению. В идейной борьбе, которая развернулась внутри Товарищества в 1871—1872 годах, решался вопрос — за кем пойдет рабочий класс ряда стран. В этой борьбе, подчеркивал Маркс, вопрос стоял *«о жизни или смерти Интернационала»* [1].

Первый удар по попыткам бакунистов подменить своими догмами программу Интернационала нанесла Лондонская конференция решениями о политическом действии рабочего класса и против сектантства во всех его видах. Постановления конференции сделали неизбежной открытую борьбу пролетарского крыла Интернационала, группировавшегося вокруг марксистов, с бакунистами, к которым примыкали другие антимарксистские, мелкобуржуазные элементы. В эту борьбу были вовлечены многие местные организации Товарищества.

Важную роль сыграла идейная борьба, которая разгорелась в организациях Интернационала вокруг оценки Парижской коммуны, ее уроков. В ходе этой борьбы передовые круги рабочих постигали истину марксистских выводов, осознавали несостоятельность мелкобуржуазных оценок и домыслов. Поскольку в открытых дискуссиях, как правило, побеждали марксисты, их аргументы и логика, бакунисты стали на путь прямого раскола Интернационала. Борьба из теоретической области перешла в область организационную.

Потребности идейной борьбы с бакунизмом вызвали к жизни ряд произведений Маркса и Энгельса и их сторонников. Совместные произведения Маркса и Энгельса «Мнимые расколы в Интернационале» и «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих» (в работе над последним участвовал и Лафарг), статья Маркса «Политический индифферентизм», статьи Энгельса «Бакунисты за работой» и «Об авторитете», десятки их писем — к А. Бебелю, Ф. Больте, Э. Биньями, Ф. А. Зорге,

[1] См.: Маркс — Фридриху Адольфу Зорге, 21 июня 1872 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 33, с. 413—414.— На значение развернувшейся борьбы обращал внимание и М. Бакунин. Он писал в апреле 1872 года испанскому революционеру Ф. Мора о том, что в борьбе, которую бакунисты ведут с марксистами, «на многие десятилетия решается судьба пролетариата всей Европы» (цит. по: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 18, с. 451).

Ф. Куно, П. Лафаргу, В. Либкнехту, Х. Меса, Ф. Мора и другим — содержали важнейшие теоретические положения марксизма и сыграли большую роль в приобщении к ним пролетарских революционеров, передовых рабочих. Эти и другие произведения составили новый вклад в развитие марксистской мысли. В процессе критического анализа мелкобуржуазных воззрений бакунистов происходила позитивная разработка проблем научного социализма: о соотношении стихийности и сознательности в революционной борьбе, о различных формах политического действия рабочих, в частности о необходимости участия пролетариата в буржуазно-демократической революции, о движущих силах пролетарской революции и ее объективных предпосылках, о государстве и диктатуре пролетариата, о роли пролетарской партии в освободительной борьбе рабочего класса и др.

Ленин высоко ценил произведения Маркса и Энгельса, в которых развенчивалась бакунистская догма отмены государства «одним ударом», еще до уничтожения тех социальных отношений, которые породили государство, и раскрывался исторически преходящий характер государства, выяснялись действительные условия его отмирания. Он отмечал, что в полемике с бакунистами Маркс и Энгельс «выяснили всего тщательнее свои взгляды на отношение революции к государству» [1]. Ленин неоднократно цитировал положения Энгельса из его статьи «Об авторитете» [2].

Важное место в критике бакунистских догм занимают замечания Маркса на книгу М. Бакунина «Государственность и анархия». Фактически это — полемическое произведение, содержащее важнейшие теоретические положения марксизма. Критический анализ бакунинских утверждений дал Марксу повод для разработки таких проблем, как предпосылки социалистической революции, для вывода о том, что «радикальная социальная революция связана с определенными историческими условиями экономического развития; последние являются ее предпосылкой» [3]. Маркс указал на то, что классовая борьба и существование классов основываются на экономических условиях, осветил задачи диктатуры пролетариата, значение союза рабочего класса с крестьянством.

В произведениях Маркса и Энгельса была дана социальная характеристика анархизма как чуждого пролетарскому движению мелкобуржуазного направления, показан вред его заговорщической тактики, его тенденции воскресить сектантство на этапе развития массового движения пролетариата. Даже в том, что было коньком бакунистов — в проповеди революционной борьбы, вооруженного восстания, бакунизм, как показал Энгельс, оказался теоретически несостоятельным. Бакунистская критика капитализма, отмечали Маркс и Энгельс, не содержит каких-либо положительных

[1] См.: *Ленин В. И.* Государство и революция.— Полн. собр. соч., т. 33, с. 103.

[2] См.: *Ленин В. И.* Государство и революция; Пролетарская революция и ренегат Каутский.— Там же, с. 59—60, 61—64, 101; т. 37, с. 249, 261—262, 264—265 и др.

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 18, с. 612.

указаний на пути и средства освобождения рабочих; бакунизм антиисторичен в своей трактовке общественного развития, а его волюнтаризм и показная революционность обрекают идущих за ним рабочих на неизбежное поражение, ведут к их подчинению буржуазной политике.

Победа марксизма в борьбе за организационные принципы

После Парижской коммуны борьба с мелкобуржуазным утопическим социализмом охватила и сферу организационной структуры Интернационала, а тем самым в известном смысле велась и вокруг принципов построения будущих пролетарских партий.

Исходная идея, заложенная Марксом в Уставе и Организационном регламенте Товарищества, явилась зародышем идеи демократического централизма. Она отвечала задаче создания подлинно революционной организации рабочего класса. Но сама организационная структура Интернационала была намечена в самых общих чертах. Маркс исходил из того, что логика классовой борьбы, опыт совместной деятельности рабочих и осознание ими значения своей политической организации неизбежно вызовут потребность в усовершенствовании структуры, более четком определении прав и обязанностей как отдельных членов, так и местных отделений Интернационала, его исполнительного органа. И действительно, уже Базельский конгресс (1869) принял ряд постановлений, оформивших «те отношения, которые складывались в области организационной работы в ходе развития Товарищества» [1].

Потребность в организационном укреплении Интернационала на основе сочетания демократизма и централизма возросла после Парижской коммуны. Она обусловливалась переходом рабочего движения на новую ступень классовой борьбы, его новыми задачами, выдвижением вопроса о создании самостоятельных пролетарских партий, обострением идейной борьбы внутри и вне движения — ввиду наступления реакции во всех странах и развернувшейся борьбы с бакунистами вокруг программных принципов. Покушаясь на складывавшееся в Интернационале идейно-политическое единство, бакунисты должны были выступить и против тех организационных принципов, которые обеспечивали проведение в жизнь программных положений. Именно эти принципы стали объектом нападения бакунистов в их так называемом Сонвильерском циркуляре (ноябрь 1871 г.) и в решениях их конгресса в Сент-Имье (сентябрь 1872 г.).

В борьбе с бакунизмом вокруг организационных принципов построения Интернационала были сформулированы марксистские положения о значении единого руководства в рабочем движении, о правах большинства по отношению к меньшинству, о недопустимости волюнтаристского диктата, о подлинном демократизме, об авторитете программы (Устава) пролетарской партии.

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Мнимые расколы в Интернационале.— Соч., т. 18, с. 36.

Сразу же после принятия Лондонской конференцией 1871 года постановлений, укрепляющих единство организаций Интернационала, бакунисты выступили с огульным отрицанием всякой власти, авторитета, распространяя это отрицание как на пролетарскую революцию и государственность, так и на пролетарскую партийность. Анархистская догма, отвергавшая любое проявление авторитета, имела своей целью помешать дальнейшему сплочению Интернационала в крепкую своим единством боевую политическую организацию рабочего класса. Подвергнув эту догму критике, Маркс и Энгельс раскрыли ее пагубное значение для рабочего класса, собирающего свои силы для революции, и показали роль авторитета для пролетарского государства, победоносной революции, пролетарской партии.

Энгельс выступил с теоретическим обоснованием роли авторитета в различных областях. Его статья «Об авторитете» (1873), а также письма Маркса и Энгельса к деятелям рабочего движения явились вкладом в учение о пролетарской партии. Энгельс показал, что позиция антиавторитаристов враждебна революционным задачам рабочего класса, и они фактически «изменяют движению пролетариата» [1]. Разъясняя, каким должно быть отношение пролетарских революционеров к авторитету, он писал, что «революция есть, несомненно, самая авторитарная вещь, какая только возможна» [2]. «Именно недостаток централизации и авторитета стоил жизни Парижской Коммуне» [3],— подчеркнул Энгельс.

Единство действий рабочих безусловно требует дисциплины, доказывали Маркс и Энгельс, подчинения меньшинства большинству, распорядительных функций руководящих органов — орудия выражения и защиты общих интересов пролетарской организации [4]. Статья Энгельса «Съезд в Сонвилье и Интернационал», опубликованная в январе 1872 года в органе Социал-демократической рабочей партии Германии газете «Der Volksstaat», дает ясное представление о том, как Маркс и Энгельс уже на этой стадии становления рабочих партий определяли важнейшие черты их организационной структуры. Обращаясь к читателям, «достаточно хорошо понимающим, какую цену имеет организация, способная постоять за себя» [5], которая начертала на своем знамени лозунг борьбы за освобождение рабочего класса, Энгельс выделил следующие черты, которыми она должна обладать: единство и сплоченность, партийная дисциплина, подчинение меньшинства большинству, наличие определенных полномочий у исполнительного органа, обеспечивающего

---

[1] См.: *Энгельс Ф.* Об авторитете.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 305.

[2] Там же.

[3] Энгельс — Карло Терцаги, 14 января 1872 г.— Там же, т. 33, с. 317.

[4] См.: Энгельс — Джузеппе Бенедетти, 18 февраля 1872 г.; Маркс — Полю Лафаргу, 21 марта 1872 г.— Там же, с. 344, 366, 368, 370—372.

[5] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 17, с. 482.

проведение в жизнь постановлений конгрессов и принимаемых решений. Только при наличии этих черт организация может соответствовать потребностям борьбы, которую ведет пролетариат.

Для дальнейшего укрепления единства Интернационала Маркс и Энгельс конкретизируют и развивают уже зафиксированные в его Уставе и Регламенте организационные положения. С этой целью летом 1872 года они разработали проект нового Устава и Организационного регламента Товарищества, имея в виду внести проект на обсуждение предстоявшего в сентябре того же года конгресса в Гааге. По предложению Маркса организационный вопрос должен был стать главным предметом обсуждения на конгрессе [1]. Однако обстоятельства работы конгресса сложились так, что удалось обсудить и принять только некоторые из статей или дополнений к статьям существующих Устава и Регламента.

Одновременно с внесением в Устав (по существу — программу) статьи, призывающей пролетариат создать в каждой стране самостоятельную политическую партию, противостоящую всем партиям, созданным имущими классами, были внесены существенные дополнения к организационным положениям, которые могли бы содействовать достижению идейного единства создаваемых партий. Уточнялись полномочия руководящего органа Интернационала — Генерального совета; ему вменялось в обязанность не только «приводить в исполнение постановления конгрессов», как было зафиксировано ранее, но и «следить в каждой стране за строгим соблюдением принципов Общего Устава и Регламента Интернационала» [2].

Когда после Гаагского конгресса, на котором была достигнута победа марксистских теоретических и организационных принципов, бакунисты и поддерживавшие их реформистские элементы отказались признать постановления конгресса и стали на путь прямого раскола рабочего движения, Маркс и Энгельс рекомендовали применить к ним принцип обязательности подчинения меньшинства большинству. Обоснование необходимости применения этого демократического принципа содержалось в написанном Энгельсом обращении от имени одной из секций Интернационала в Англии.

«Товарищи рабочие! — гласило обращение.— Одобряете ли вы лично или не одобряете резолюции, принятые в Гааге, в настоящий момент они являются *для Интернационала законом.* Если кто-нибудь из вас их не одобряет, то может обратиться к очередному конгрессу. Но ни одна секция, ни Британский федеральный совет, ни какой бы то ни было созванный им национальный съезд не имеет права отвергать резолюции общего конгресса, созванного на за-

---

[1] См.: Запись речи К. Маркса о созыве конгресса и о полномочиях Генерального Совета.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 637 (приложения).

[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Резолюции общего конгресса, состоявшегося в Гааге 2—7 сентября 1872 года.— Соч., т. 18, с. 144.

конном основании. Кто пытается это сделать, тот фактически ставит себя вне рядов Интернационала»[1].

По рекомендации Маркса и Энгельса Генеральный совет принял соответствующее Организационному регламенту решение, ставящее вне рядов Интернационала всех, кто отказывался признать решения Гаагского конгресса[2].

Это был решительный шаг по пути обеспечения идейного единства Интернационала.

Маркс и Энгельс разъясняли, что все, кто выступает против политической пропаганды Товарищества, являются в то же время и противниками его организационного укрепления. «Не следует забывать,— писал Маркс,— что наше Товарищество является *боевой организацией* пролетариата... Сломать нашу организацию в данный момент значило бы сложить оружие»[3].

Не все организационные положения, разработанные Марксом и Энгельсом в годы Интернационала, были восприняты молодыми пролетарскими партиями, возникавшими в 70-х годах. Первоначально только часть из них нашла свое более или менее полное применение. Но, став достоянием передовой части рабочих-партийцев, эти идеи и принципы постепенно внедрялись в партийную практику.

Борьба марксистов с бакунистами в 1871—1872 годах показала тесную взаимосвязь программных и организационных вопросов: чтобы отстаивать и проводить в жизнь программу, необходимы четкие организационные принципы и меры, препятствующие ее искажению, обеспечивающие ее осуществление и ставящие преграду наплыву в пролетарскую организацию чуждых элементов.

Дальнейшая разработка тактических принципов

Подготовкой к созданию в каждой стране самостоятельной пролетарской партии явилась и теоретическая разработка Марксом, Энгельсом и их соратниками тактики борьбы рабочего класса, которая соответствовала новому периоду в развитии рабочего движения. Ее жизненность и эффективность проверялись на опыте классовой борьбы пролетариата разных стран. При этом выработка конкретных решений, определение действий рабочего класса той или иной страны, как и Интернационала в целом, имели общетеоретическое значение, закладывая единые принципы тактики пролетарской партии.

Маркс и Энгельс указывали, что в противоборстве с правящими классами рабочим нужно овладеть всеми средствами политической борьбы. Об этом Маркс говорил на Лондонской конференции,

---

[1] *Энгельс Ф.* Манчестерская иностранная секция — всем секциям и членам Британской федерации.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 195.

[2] См.: Всем членам Международного Товарищества Рабочих. Резолюция Генерального Совета от 26 января 1873 года.— Там же, с. 652 (приложения).

[3] Маркс — Полю Лафаргу, 21 марта 1872 г.— Там же, т. 33, с. 366.

писал в своих статьях: в буржуазном обществе рабочие должны использовать всякое реальное средство классовой борьбы, не упуская при этом из виду своей конечной цели.

Так, популяризируя тактику немецких рабочих во время франко-прусской войны, Маркс и Энгельс характеризовали ее как образец для рабочих всех стран [1]. Эта тактика заключалась в открытом выступлении представителей германского рабочего класса с протестом против захватнического характера войны, в их отказе голосовать в рейхстаге за военные кредиты, в заявлении, что рабочий класс Германии, снимая с себя всякую ответственность за политику правящих классов своей страны, выражает полную солидарность с французскими пролетариями, борющимися против прусской интервенции и аннексии.

К этому времени относится разработка Марксом и Энгельсом классово выдержанной парламентской тактики пролетариата. В противовес как реформистам, фетишизировавшим выборы в парламент «представителей рабочих», но отнюдь не самих рабочих, так и анархистам, которые бойкотировали любые избирательные кампании и выборы, Маркс и Энгельс обосновали значение участия рабочих в парламентских кампаниях и использования рабочими депутатами парламентской трибуны для политических обличений эксплуататорского строя, защиты интересов трудящихся, провозглашения программных требований партии, пропаганды идей социализма. Программной в этом отношении явилась речь Маркса на Лондонской конференции 1871 года, в которой он, в частности, указал на значение выступлений в германском рейхстаге депутатов-социалистов А. Бебеля и В. Либкнехта с пропагандой идей Интернационала. Их деятельность, говорил он, «создает нашим принципам большую популярность»; каждый рабочий, проведенный в парламент,— победа над правящими классами, «но выбирать надо настоящих людей» [2].

В статье «Бакунисты за работой» (1873) Энгельс, анализируя тактику пролетариата в шедшей на подъем в 1873 году испанской буржуазной революции, указал на необходимость деятельного участия рабочих в революции с целью доведения ее до конца вопреки намерениям буржуазии. При этом он обратил внимание на то, что отказ рабочих, идущих за бакунистами, участвовать в выборах в кортесы значительно ослабил позиции испанского пролетариата. В то же время применение общих принципов революционной пролетарской тактики предполагало учет конкретных условий, соотношения классовых сил, уровня развития рабочего класса.

Подготовка пролетариата к революционным боям со всей остротой ставила вопрос о союзниках рабочего класса в борьбе за рас-

---

[1] См.: Запись речи К. Маркса о положении Международного Товарищества Рабочих в Германии и Англии; *Энгельс Ф.* Письмо А. Бебелю, 18—28 марта 1875 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 17, с. 650 (приложения); т. 19, с. 3.

[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 17, с. 647.

ширение демократических прав, за использование тех свобод, которые ему удалось вырвать у правящих классов. О значении совместных действий с демократическими партиями было сказано уже в программе Союза коммунистов — «Манифесте Коммунистической партии». Марксистский анализ результатов революций 1848—1849 годов подтвердил и конкретизировал положения «Манифеста». К этому вопросу Маркс и Энгельс, обогащенные опытом международного рабочего движения последующих лет, вернулись снова, анализируя опыт первой пролетарской революции. Они сформулировали важный принцип революционной тактики: в определенных условиях партия может и должна идти на соглашения о совместных действиях с демократическими силами, не отказываясь при этом от собственных классовых целей и задач борьбы. Заведомый отказ от подобного сотрудничества неизбежно обрекает партию на отрыв от широких масс, на сектантство. Разработка этого тактического принципа была связана с необходимостью разъяснения теоретической несостоятельности тактики бланкистов.

Критика тактики бланкистов

Революционная практика Парижской коммуны с быстротой, невозможной в мирное время, вызвала известную трансформацию некоторых идейных течений в рабочем движении, вынудила представителей утопического социализма — прудонистов и бланкистов действовать в ряде случаев вопреки своим доктринам. Их левое крыло сблизилось с марксистами и выступало вместе с ними. Часть бланкистов под влиянием опыта Коммуны в ряде вопросов перешла на позиции марксизма, выступала вместе с марксистами против бакунизма и реформизма. Но и это крыло бланкистов, заметно отличавшееся от «ортодоксального» бланкизма, все же не смогло подняться до диалектико-материалистического понимания закономерностей общественного развития, связи борьбы за демократию с борьбой за социализм. Пролетарская революция все еще отождествлялась ими в большой степени с политическим заговором и захватом власти, диктатура пролетариата лишалась ее демократического смысла, а пролетарская партия представлялась как узкая организация, готовящая заговор. Такой характер они намеревались придать также Интернационалу, рассматривая его как орудие «немедленного реванша за Коммуну», «могучий рычаг новой революции» [1]. Когда же их призывы были отвергнуты Гаагским конгрессом [2], группа бланкистов (Э. Вайян, Ф. Курне и др.) фор-

[1] Один из лидеров бланкистов, Э. Вайян, писал В. Либкнехту и Л. Бебелю 30 августа 1872 года, что он верит в близость нового натиска революции и надеется, что французский и германский пролетариат излечится «от всяких видов на компромиссы, возобновит борьбу с возросшей энергией» (см.: Гаагский конгресс Первого Интернационала 2—7 сентября 1872 г. Отчеты и письма, с. 417).

[2] В адрес Гаагского конгресса поступило заявление от ряда французских делегатов, содержащее осуждение взглядов бланкистов. Этот документ дает представление о распространении идей марксизма в передовых кругах французского пролетариата. В заявлении говорилось: «При всем глубочай-

мально вышла из Международного товарищества рабочих. Но бланкисты сохраняли определенное влияние на часть рабочих и радикальной мелкой буржуазии, горячо воспринимавших их призывы к «немедленному повторению Коммуны», отмщению версальцам.

Потребовалось открытое разъяснение несоответствия волюнтаристской, авантюристической тактики бланкистов подлинным задачам рабочего класса. Подробный критический анализ этой тактики был дан Энгельсом в статье «Программа бланкистских эмигрантов Коммуны» в «Der Volksstaat» и в статье «О Гаагском конгрессе» в «Neue Freie Presse». В статье о конгрессе Энгельс писал, что у бланкистов «вместо осознания подлинного хода движения господствует революционная фраза, а вместо пропагандистской деятельности — мелкая возня с мнимыми заговорами, ведущая только к бесполезным арестам» [1]. В статье «Программа бланкистских эмигрантов Коммуны» Энгельс раскрыл авантюристическую сущность «бескомпромиссной тактики» бланкистов, которая основывалась на представлении, будто революции осуществимы по предварительному сговору революционеров и их можно начать в «любой момент». Бланкистскому волюнтаризму Энгельс противопоставил принципиальную тактику коммунистов, которые «через промежуточные станции и компромиссы», созданные ходом исторического развития, «ясно видят и постоянно преследуют конечную цель» [2].

Место Первого Интернационала в истории

Решения Гаагского конгресса 1872 года, закрепив победу марксистских программных и организационных принципов, определили основное направление дальнейшего развития революционного движения пролетариата Европы и Америки. Гаагский конгресс фактически был последним конгрессом Международного товарищества рабочих. После него часть федераций Интернационала временно пошла за анархистами, создавшими свое недолговечное международное объединение; большая же часть федераций должна была теперь практически решать сложную, требующую значительных усилий и времени задачу создания пролетарской партии в своих странах. Прежнее организационное объединение с руководящим «сверху» Генеральным советом исчерпало свою роль. Энгельс позднее заметил, что если бы Интернационал продолжал существовать, то его организационные узы в новых условиях «превратились бы в оковы» [3].

шем уважении, какое мы питаем к Бланки, мы вынуждены настоящим заявить, что нынешний парижский рабочий класс уже не разделяет воззрений бланкистов. Мы хотим завоевать политическую власть, в первую очередь добиваясь перехода рабочего сословия на такой уровень духовного развития, который сделает возможным достижение нашей цели — уничтожение всякого классового господства» (цит. по: *Маркс К.* Конгресс Интернационала.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 44, с. 459—460).

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 44, с. 472.

[2] См. там же, т. 18, с. 515.

[3] См.: *Энгельс Ф.* Карл Маркс.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 111.

Объективные условия развития рабочего движения — необходимость для рабочего класса организоваться «у себя дома» (Маркс),— поскольку непосредственной ареной его борьбы является его же страна [1], требовали изменения организационной формы политического объединения рабочих — на смену единой международной организации шло объединение в рамках каждой страны. Это вовсе не означало какого-либо нарушения международного единства пролетарского движения — менялись лишь формы реализации этого единства. Не исключалась, по мысли Маркса и Энгельса, и возможность возникновения в будущем нового международного объединения рабочих. Новый Интернационал — к этому выводу пришли Маркс и Энгельс — может возникнуть уже лишь как союз рабочих партий всех стран [2]. Но для его создания потребуется достаточно длительное воздействие научной социалистической мысли на рабочее движение, на его передовые слои, и тогда новый Интернационал, с уверенностью писал Энгельс, вновь «провозгласит именно наши принципы» [3].

Старый Интернационал ушел с исторической сцены, выполнив свою историческую миссию; он заложил теоретический и организационный фундамент для будущих социалистических партий. В 1876 году Первый Интернационал был официально распущен на конференции в Филадельфии. В большинстве капиталистических стран он оставил после себя испытанные кадры пролетарских борцов, связанные в международном масштабе сложившимися узами солидарности. Революционное ядро этих пролетарских сил состояло из соратников Маркса и Энгельса по Первому Интернационалу.

Деятельность Первого Интернационала составила особый, исключительной важности этап в развитии марксизма и международного рабочего движения. Это был этап начавшегося соединения массового рабочего движения с марксизмом. За восемь лет существования Международное товарищество рабочих сплотило пролетариат в интернациональную классовую силу, развило его в идейно-политическом отношении, направило борьбу разных его отрядов в общее русло совместной классовой борьбы. В Интернационале рабочие массы осознали общность положения и интересов пролетариев всех стран, реально ощутили великую силу международной классовой солидарности. Подтвердилась на практике правильность мысли Маркса о том, что действенным средством для преодоления мелкобуржуазных иллюзий и предрассудков, для достижения единства действий рабочих является их участие в совместной борьбе под руководством своей политической организации. Рабочее движение сделало огромный шаг вперед в своем развитии.

В 60 — начале 70-х годов XIX века марксизм пустил глубокие

---

[1] См.: *Маркс К.* Критика Готской программы.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 22.

[2] См.: Энгельс — Фридриху Адольфу Зорге, 12 [—17] сентября 1874 г.— Там же, т. 33, с. 538.

[3] См. там же.

корни в пролетарском движении. До создания Интернационала марксизм был одной из «многочисленных фракций или течений социализма» [1]. К моменту роспуска Интернационала он стал ведущим течением в рабочем движении, вокруг которого объединилось все его революционное крыло. Марксизм стал идеологическим фактором развития пролетарского движения: с его помощью передовые рабочие осознали смысл классовой борьбы, поняли, что решение всех жизненно важных для трудящихся вопросов возможно только на основе научной теории. Марксистская мысль поднимала сознание рабочих над их повседневными, будничными делами, учила видеть перспективу классовой борьбы. При этом в полной мере проявились жизненность и сила марксистской теории как руководства к действию, реально выявилось неразрывное единство революционной теории с революционной практикой. Марксизм выступал теперь как идейная основа массового пролетарского движения. Впервые рабочее движение, его революционное крыло было сплочено вокруг единой платформы, разработанной под руководством марксистов.

Вместе с рабочим движением развивалась и марксистская теория. Подъем пролетарского движения в годы Интернационала, одним из факторов которого было наличие марксистского руководства, в то же время стал стимулом и для развития самой теории. Маркс и Энгельс изучали, обобщали и осмысливали опыт классовой борьбы пролетариата, проверяли на основе этого опыта правильность своей теории и тактики; обогащенный марксистской мыслью этот опыт они превращали вновь в общее достояние рабочего движения в виде новых программных и тактических выводов и положений. Это особенно ярко проявилось на примере анализа опыта и уроков первой пролетарской революции 1871 года. В ходе этой революции марксизм прошел генеральную проверку, что позволило сформулировать задачи следующего этапа рабочего движения.

За это время был сделан большой шаг вперед в разработке учения марксизма о всемирно-исторической миссии рабочего класса. Углублялось обоснование исторической закономерности и необходимости социалистической революции и диктатуры пролетариата, разрабатывались общая теория государства, проблема соотношения базиса и надстройки, учение о гегемонии пролетариата и его союзниках в революционной борьбе. Многое было сделано для разработки проблемы авангардной роли пролетарской партии; теоретическая разработка этой проблемы была органически связана с практической постановкой задачи создания такой партии в каждой стране на основе выработанных в Интернационале программных и организационных принципов. Решения Лондонской конференции Интернационала 1871 года и Гаагского конгресса 1872 года по это-

[1] См.: *Ленин В. И.* Исторические судьбы учения Карла Маркса.— Полн. собр. соч., т. 23, с. 1.

му вопросу внесли выдающийся вклад в марксистское учение о пролетарской партии. Теоретическая разработка учения о партии и практическая борьба за ее создание стали важнейшей частью процесса соединения марксизма с массовым рабочим движением.

История Интернационала доказала, что задача соединения рабочего движения с теорией научного социализма не может осуществляться без постоянной и последовательной идейной борьбы с мелкобуржуазным социализмом и реформизмом. В процессе этой борьбы марксизм подверг всесторонней критике враждебные рабочему классу доктрины, что также стимулировало позитивное развитие марксистской теории.

В ходе идейной борьбы происходили размежевание и поляризация различных направлений в рабочем движении. В начале 70-х годов главнейшим из них стало революционно-марксистское направление, противостоявшее анархистскому и реформистскому. Марксистское направление было представлено почти в каждой стране последователями и учениками Маркса и Энгельса. Август Бебель, Иоганн Филипп Беккер, Фридрих Больте, Вильгельм Бракке, Адам Вейлер, Валерий Врублевский, Иосиф Дицген, Эжен Дюпон, Ладислав Запотоцкий, Фридрих Адольф Зорге, Пабло Иглесиас, Фридрих Теодор Куно, Поль Лафарг, Фридрих Лесснер, Вильгельм Либкнехт, Хосе Меса, Франсиско Мора, Лео Франкель, Хосе Нобре-Франса, Йозеф Болеслав Пецка, Огюст Серрайе, Карой Фаркаш, Карл Шпейер, Карл Вильгельм Эйххоф и другие — люди разных национальностей — составили блестящую плеяду революционеров, которые действовали в гуще рабочих масс, распространяли среди них идеи научного социализма, возглавили подготовку к созданию на их основе в своих странах пролетарской партии. Благодаря Марксу и Энгельсу с Интернационалом были связаны русские революционеры — Герман Лопатин, Петр Лавров, члены Русской секции Товарищества — предшественники марксистов России. И в этом в годы Интернационала также с большой силой проявился интернациональный характер марксизма.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Парижская коммуна во всемирной истории, по ленинской периодизации, завершила «период бурь и революций». В странах Западной Европы подошла к концу эпоха буржуазно-демократических преобразований. «Запад с буржуазными революциями покончил» [1],— писал Ленин.

Марксизм вышел из сложных испытаний этого периода окрепшим и еще более зрелым, умудренным революционным опытом.

Сформировавшись в 40-х годах XIX века как научное мировоззрение пролетариата, марксизм в бурный период революций 1848 — 1849 годов в странах Западной Европы успешно прошел свою первую историческую проверку. Жизнь, революционная практика, выявив несостоятельность разновидностей мелкобуржуазного социализма, тактики в революции непролетарских политических течений, вместе с тем убедительно подтвердили истинность идей и выводов марксизма о ходе и перспективах исторического развития, правильность его политических и тактических решений и установок. Уже в этот период было положено начало соединению марксизма с рабочим движением.

После спада революционной волны и воцарения политической реакции в Европе Маркс и Энгельс интенсивно работали над дальнейшим совершенствованием своего учения, прежде всего теоретическим обобщением и осмыслением революционного опыта. В этот период напряженной работы теоретической мысли марксизм обогатился важными идеями о гегемонии пролетариата в революционном движении, о пролетарской революции и диктатуре пролетариата, стратегии и тактике его классовой борьбы. Развитие получили историческая концепция марксизма, его эстетические идеи, военно-теоретические взгляды.

В преддверии нового подъема демократических и революционных движений началась и в 60-х годах продолжилась разработка экономического учения марксизма, воплотившаяся в «Капитале», благодаря чему материалистическое понимание истории и научный коммунизм получили развернутое экономическое обоснование и стали, по выражению Ленина, научно доказанными истинами. Экономическое учение вооружало пролетарских борцов пониманием исторической обреченности капиталистического строя, неизбежности пролетарской революции, путей социалистического преобразования общества.

---

[1] *Ленин В. И.* Исторические судьбы учения Карла Маркса,— Полн. собр. соч., т. 23, с. 2.

Новую историческую проверку марксизм выдержал в период деятельности Первого Интернационала. И в этот период он оказался на высоте своего призвания. Маркс, Энгельс и их сподвижники в разных странах своей теоретической, литературно-пропагандистской, всей революционной деятельностью в рабочем движении смогли подготовить идейные предпосылки для создания международного объединения пролетариата, сплочения его передовых отрядов в интернациональную классовую силу.

Главная отличительная черта периода — начало соединения марксизма с массовым рабочим движением. В отличие от предшествующего периода, когда в движение были вовлечены лишь передовые представители и отдельные отряды пролетариата, теперь формирование классового самосознания захватило несравненно большие его слои. В 60-х годах XIX века рабочее движение поднимается на новую ступень: распространяются те формы классовой борьбы, которых ранее либо не было вовсе, либо они существовали лишь в зачаточном виде. При всем разнообразии особенностей идейного развития рабочих разных стран с большой силой проявляется общая тенденция — пробуждение интернациональной пролетарской солидарности, стремление вырваться из-под влияния либеральной и радикальной буржуазии, правительственного контроля как в практическом движении, так и в области идеологии.

Для марксизма это была долгожданная пора широкой практической деятельности в рядах рабочего движения, годы напряженной идейной борьбы против различных мелкобуржуазных течений за влияние на освободительную борьбу пролетариата, ее характер и направление. В результате марксизм прочно утвердился в международном рабочем движении как его надежная идейно-политическая сила. Тесная связь теории марксизма с практикой рабочего движения впервые с такой отчетливостью проявилась в Первом Интернационале. Отныне впредь уже никогда нельзя будет отделить марксизм от повседневной борьбы пролетарских масс.

Конкретные задачи и требования, формы движения и способы действия подсказывались Марксом и Энгельсом пролетарскому авангарду, а проверенные в практике классовой борьбы осмысливались ими и, получив теоретическое обоснование, после их разъяснения и обсуждения, сопровождавшегося идейной борьбой, включались в программу Товарищества, а позднее — и пролетарских партий. Идейная борьба в Первом Интернационале также имела свои характерные особенности. В отличие от предшествующего периода она не сосредоточивалась только на критике теоретических воззрений идеологов того или другого направления (Прудона, Лассаля), к тому времени в значительной мере уже проделанной Марксом и Энгельсом. Основной удар теперь был направлен против реформистских позиций английских тред-юнионистов и тех практических программ, которые были привнесены в движение прудонистами, лассальянцами и бакунистами. Утопическим мелкобуржуазным рецептам лассальянцев, прудонистов и бакунистов,

ограниченной практике английского тред-юнионизма марксизм сумел противопоставить научно обоснованную социально-экономическую программу классовой борьбы пролетариата, определил ее роль в достижении конечной цели пролетариата — полного социального освобождения.

На опыте Первого Интернационала Маркс и Энгельс выработали общий методологический подход к критике немарксистских течений в рабочем движении. Они считали необходимым начинать прежде всего с выяснения того, насколько жизнеспособно данное течение, в какой мере оно выражает реальные интересы участников движения. Этот подход позднее был четко сформулирован Энгельсом на примере борьбы с прудонизмом. Борьба с воззрениями Прудона, писал Энгельс, необходима потому, что тот «играл в истории европейского рабочего движения слишком значительную роль, чтобы можно было так просто предать его забвению» [1]. Еще важнее то обстоятельство, что в странах с преобладающим влиянием мелкой буржуазии, мещанства всегда создается почва для распространения всякого рода идей мелкобуржуазного социализма. А его идеологи вынуждены будут «при формулировании своей программы вернуться к своим предшественникам, и при этом вряд ли обойдется без Прудона» [2].

На новом уровне был решен марксизмом также ряд тактических и организационных задач. В Товариществе на практике применялся принцип (первоначально сформулированный еще в «Манифесте Коммунистической партии»), не допускавший шаблона в подходе к пролетарскому движению. Марксизм считался с неодинаковым уровнем развития капитализма в разных странах, с существованием наряду с развитыми капиталистическими странами целых регионов, где еще господствовала многоукладность социально-экономических отношений и существовали докапиталистические формы производства. Маркс учитывал и такое явление, как постоянное увеличение доли средних классов [3], усложнение структуры общества. Все это определило необходимость постановки и решения вопроса о союзниках пролетариата в социалистической революции — его отношении к мелкобуржуазным слоям города и деревни, национально-освободительным движениям угнетенных народов.

Парижская коммуна, явившись «духовным детищем Интернационала», дала марксизму практическую возможность проверить свой идейный арсенал применительно к первой в истории пролетарской революции. Теоретическое обобщение исторического опыта Коммуны обогатило марксизм важнейшими положениями и выводами: если из опыта революций 1848—1849 годов был сделан вы-

---

[1] См.: *Энгельс Ф.* Предисловие ко второму изданию книги «К жилищному вопросу».— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 337.

[2] См. там же, с. 338.

[3] См.: *Маркс К.* Теории прибавочной стоимости.— Там же, т. 26, ч. II, с. 636.

вод о необходимости слома в ходе пролетарской революции старой, угнетательской государственной машины, то теперь был найден ответ на вопрос, чем именно заменить разбитую буржуазную государственную машину, как строить пролетарскую государственность.

Парижская коммуна дала мощный импульс дальнейшему идейно-политическому развитию Интернационала, ускорила его, способствовала победе в Интернационале программных и организационных принципов марксизма. Первый Интернационал закончил свое славное существование, подготовив под направляющим влиянием марксизма новый этап в развитии рабочего движения — этап создания в странах Европы и в США массовых пролетарских партий.

Марксизм, закаленный в революционных боях, полный творческих сил вступал в полосу своего дальнейшего развития и распространения вширь.

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ *

Труды классиков марксизма-ленинизма

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, 2-е изд. Т. 1—50.— М.: Политиздат, 1955—1981.

Указатели ко второму изданию Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса.— М.: Политиздат, 1974.

Предметный указатель ко второму изданию Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса (1—39 т.). Ч. I. А—М. Ч. II. Н—Я.— М.: Политиздат, 1978.

Marx/Engels. Gesamtausgabe (MEGA). Abteilung I, II, III, IV. Berlin: Dietz Verlag, 1975 —

Marx K., Engels F. Collected Works. In fifty volumes.— Moscow: Progress, 1975 —

Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 1—55.— М.: Политиздат, 1958—1965.

Справочный том к Полному собранию сочинений В. И. Ленина. Ч. I—II.— М.: Политиздат, 1969—1970.

Ленин В. И. Конспект переписки К. Маркса и Ф. Энгельса 1844—1883 гг.— М.: Политиздат, 1968.

Произведения видных деятелей международного коммунистического и рабочего движения

Бебель А. Из моей жизни.— М.: Политиздат, 1963.

Датт Р. П. Интернационал. Очерк истории коммунистического движения. 1848—1963.— М.: Прогресс, 1966.

Дюкло Ж. Бакунин и Маркс. Тень и свет.— М.: Прогресс, 1975.

Дюкло Ж. На штурм неба. Парижская Коммуна — предвестник нового мира.— М.: Изд. иностр. лит-ры, 1962.

Жданов А. А. Выступление на дискуссии по книге Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии» 24 июня 1947 г.— М.: Госполитиздат, 1951.

Лафарг П. Воспоминания о Марксе.— М.: Политиздат, 1967.

Либкнехт В. Из воспоминаний о Марксе.— М.: Политиздат, 1968.

---

* Настоящее издание имеется в виду дополнить специальным историографическим томом, в котором на основе международной библиографии, осуществимой лишь совместными усилиями научных учреждений братских коммунистических партий, рассмотреть с возможной полнотой историографию истории марксизма-ленинизма, а также дать критику социал-реформистских и ревизионистских концепций истории марксизма-ленинизма, раскрыть фальсификаторский характер основных направлений буржуазной историографии истории марксизма-ленинизма.

Меринг Ф. История германской социал-демократии.— 2-е изд.— Т. 1—3.— М.-Пг.: 1923.

Меринг Ф. Карл Маркс. История его жизни.— М.: Госполитиздат, 1957.

Меринг Ф. К. Маркс и Ф. Энгельс — создатели научного коммунизма.— М.: Госполитиздат, 1960.

Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. В 5-ти т.— М.: Госполитиздат, 1956—1958.

Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова. В 3-х т.— М.: Наука, 1973—1974.

Фостер У. З. История трех Интернационалов. Международное социалистическое и коммунистическое движение с 1848 года до настоящего времени.— М.: Госполитиздат, 1959.

Документы и материалы

Базельский конгресс Первого Интернационала 6—11 сентября 1869 г.— М.: Партиздат, 1934.

Гаагский конгресс Первого Интернационала 2—7 сентября 1872 г. Протоколы и документы.— М.: Политиздат, 1970.

Гаагский конгресс Первого Интернационала 2—7 сентября 1872 г. Отчеты и письма.— М.: Политиздат, 1972.

Генеральный Совет Первого Интернационала. 1864—1866.— Лондонская конференция 1865 года. Протоколы.— М.: Госполитиздат, 1961.

Генеральный Совет Первого Интернационала. 1866—1868. Протоколы.— М.: Политиздат, 1963.

Генеральный Совет Первого Интернационала. 1868—1870. Протоколы.— М.: Политиздат, 1964.

Генеральный Совет Первого Интернационала. 1870—1871. Протоколы.— М.: Политиздат, 1965.

Генеральный Совет Первого Интернационала. 1871—1872. Протоколы.— М.: Политиздат, 1965.

Лондонская конференция Первого Интернационала. 17—23 сентября 1871 г.— М.: Партиздат, 1936.

Первый Интернационал и Парижская Коммуна. Документы и материалы.— М.: Политиздат, 1972.

Протоколы заседаний Парижской Коммуны 1871 года.— М.: Изд-во АН СССР, 1959—1960.

Союз коммунистов. 1836—1849. Сборник документов.— М.: Мысль, 1977.

К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Тезисы ЦК КПСС.— М.: Политиздат, 1969.

О 110-й годовщине со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Постановление ЦК КПСС от 13 декабря 1979 г.— М.: Политиздат, 1979.

Основоположник научного коммунизма. Тезисы к 150-летию со дня рождения К. Маркса.— М.: Политиздат, 1968.

Постановление ЦК КПСС о 150-летии со дня рождения Карла Маркса. 18 мая 1967 г.— В кн.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК.— 8-е изд.— Т. 9.— М.: Политиздат, 1970.

Постановление ЦК КПСС о 150-летии со дня рождения Фридриха Энгельса. 13 февраля 1970 г.— В кн.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК.— 8-е изд.— Т. 10.— М.: Политиздат, 1972.

Столетие Первого Интернационала. 1864—1964. (Тезисы).— М.: Политиздат, 1964.

Der Bund der Kommunisten. Dokumente und Materialien. Band 1. 1836—1849.— Berlin: Dietz Verlag, 1970; Band 2. 1849—1851.— Berlin: Dietz Verlag, 1982; Band 3. 1851—1852.— Berlin: Dietz Verlag, 1984.

Die I. Internationale in Deutschland (1864—1872). Dokumente und Materialien.— Berlin: Dietz Verlag, 1964.

И

«Искра», Лейпциг, Мюнхен, Лондон, Женева (1900—1903) — IV, 296.

Н

«Народное дело», Женева (1868—1870) — VIII, 642.

«Немецкая брюссельская газета» — см. «Deutsche-Brüsseler-Zeitung».

«Немецко-французский ежегодник» — см. «Deutsche-Französische Jahrbücher».

«Новая Рейнская газета» — см. «Neue Rheinische Zeitung».

Р

«Русское слово», Петербург (1859—1866) — VI, 460.

С

«Современник», Петербург (1836—1866) — II, 163.

A

«Allgemeine Literatur-Zeitung» («Всеобщая литературная газета»), Шарлоттенбург (декабрь 1843—октябрь 1844) — II, 139, 140.

«Allgemeine-Militär-Zeitung» («Всеобщая военная газета»), Дармштадт, Лейпциг (1826—1902) — V, 405.

«Allgemeine Zeitung» («Всеобщая газета») (с 1798), Аугсбург (1810—1882) — I, 97, 116; II, 149.

«Das Arbeiter-Blatt» («Рабочая газета»), Вена (1868) — VII, 565.

«Die Arbeiter-Union» («Рабочий союз»), Нью-Йорк (с 1868) — VIII, 642.

«Arbeiter-Wochen-Chronik» («Рабочая еженедельная хроника»), Будапешт (1873—1890), с параллельным выпуском на венгерском языке «Munkás-Heti-Krónika» — VIII, 642.

«L'Atelier Démocratique» («Демократическая мастерская»), Брюссель (с 1846) — III, 209.

B

«The Bee-Hive Newspaper» («Газета Улей»), Лондон (1861—1876) — VIII, 641.

C

«The Commonwealth» («Республика»), Лондон (февраль 1866—июль 1867) — VIII, 624, 638, 641.

«Le Courrier français» («Французский курьер»), Париж (1861—1868) — VIII, 642.

D

«Daily Telegraph» («Ежедневный телеграф»), Лондон (1855—1937) — V, 409.

«The Democratic Review of British and Foreign Politics, History and Literature» («Демократическое обозрение английской и иностранной политики, истории и литературы»), Лондон (июнь 1849 — сентябрь 1850) — IV, 330, 354.

«Demokratisches Wochenblatt» («Демократический еженедельник»), Лейпциг (январь 1868 — сентябрь 1869) — VII, 564, 565; VIII, 643.

«Deutsch-Französische Jahrbücher» («Немецко-французский ежегодник»), Париж (февраль 1844) — I, 79, 107, 110, 111, 115, 116, 123; II, 135—137, 165.

«Der deutsche Arbeiter» («Немецкий рабочий»), Чикаго (1869—1870) — VIII, 642.

«Deutsche-Brüsseler-Zeitung» («Немецкая брюссельская газета») (январь 1847 — февраль 1848) — III, 227, 229—231, 266; IV, 284, 289.

«Le Devoir» («Долг»), Льеж (1865—1870) — VIII, 642.

«Düsseldorfer Zeitung» («Дюссельдорфская газета») (1826—1926) — VII, 558.

E

«The Eastern Post» («Почта Ист-Энда»), Лондон (1868—1873) — VIII, 641.

«L'Égalité» («Равенство»), Женева (декабрь 1868 — декабрь 1872) — VIII, 642, 643.

«L'Égalité» («Равенство»), Париж (1877—1883, 1886) — VII, 565.

«L'Eguaglianza» («Равенство»), Неаполь (ноябрь 1869 — январь 1870) — VIII, 642.

«Die Eisenbahn» («Железная дорога»), Лейпциг (1838—1844) — I, 116.

«Elberfelder Zeitung» («Эльберфельдская газета») (1834—1904) — VII, 558.

«La Emancipacion» («Освобождение»), Мадрид (1871—1873) — VII, 565; VIII, 642.

«L'Espiègle» («Уленшпигель»), Брюссель (1864—1869) — VIII, 642.

F

«La Federacion» («Федерация»), Барселона (1869—1873) — VIII, 642.

«La Fédération» («Федерация»), Бордо (апрель — май 1871) — VIII, 642.

«Felleisen» («Котомка»), Цюрих, Женева (1862—1874) — VIII, 642.

G

«Gassettino Rosa» («Красная газета»), Милан (1867—1873) — VIII, 642.

H

«Hallische Jahrbücher für deutsche Wissenschaft und Kunst» («Галлеский ежегодник по вопросам немецкой науки и искусства»), Лейпциг (январь 1838 — июль 1841) — I, 81.

I

«The International Courier» («Международный курьер»), Лондон (ноябрь 1864 — июль 1867) — VIII, 641.

«L'Internationale» («Интернационал»), Брюссель (1869—1873) — VIII, 642.

«L'Internationale» («Интернационал»), Сан-Франциско (январь — март 1872) — VIII, 642.

J

«Journal de l'Association Internationale des Travailleurs» («Газета Международного товарищества рабочих»), Женева (декабрь 1865 — сентябрь 1866) — VIII, 642.

K

«Kölnische Zeitung» («Кёльнская газета») (с 1802) — I, 94, 95; II, 148.

«Kommunistische Zeitschrift» («Коммунистический журнал»), пробный номер, Лондон (сентябрь 1847) — III, 219, 225, 227.

L

«Libertà e Guistizia» («Свобода и справедливость»), Неаполь (1867—1868) — VIII, 642.

«La Liberté» («Свобода»), Брюссель (1865—1873) — VII, 565; VIII, 642.

«Literarisches Centralblatt für Deutschland» («Центральное литературное обозрение для Германии»), Лейпциг (1850—1944) — VII, 561.

M

«Mannheimer Abendzeitung» («Мангеймская вечерняя газета») (1842—1849) — II, 148.

«La Marseillaise» («Марсельеза»), Париж (декабрь 1869 — сентябрь 1870) — VIII, 642.

«Il Martello» («Молот»), Милан (февраль — март 1872) — VIII, 642.

«Munkás-Heti-Krónika» — см. «Arbeiter-Wochen-Chronik».

N

«Neu-England-Zeitung» («Газета Новой Англии»), Бостон (с 1852) — V, 439.

«Neue Badische Landeszeitung» («Новая баденская газета»), Мангейм (1867—1933) — VII, 558.

«Neue Freie Presse» («Новая свободная пресса»), Вена (1864—1939) — IX, 699.

«Neue Oder-Zeitung» («Новая одерская газета»), Бреславль (Вроцлав) (март 1849—1855) — V, 377, 424.

«Neue Rheinische Zeitung. Organ der Demokratie» («Новая Рейнская газета. Орган демократии»), Кёльн (июнь 1848 — май 1849) — III, 251, 252; IV, 291—303, 306—322, 324, 326, 327—334, 346, 347, 357; V, 373, 427, 437.

«Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue» («Новая Рейнская газета. Политико-экономическое обозрение»), Лондон, Гамбург (декабрь 1849 — ноябрь 1850) — IV, 341—344, 361; V, 373, 436.

«Die Neue Zeit» («Новое время»), Штутгарт (1883—1923) — Введ. 49; V, 377.

«The New Moral World: and Gazette of the Rational Society» («Новый нравственный мир и Газета разумного общества»), Лидс, Лондон (1834—1846) — I, 104; II, 149; III, 207.

«New-York Daily Tribune» («Нью-Йоркская ежедневная трибуна») (1841—1924) — IV, 345, 368; V, 377, 378, 424; VI, 445.

«The Northern Star» («Северная звезда»), Лидс, Лондон (1837 — ноябрь 1844, ноябрь 1844 — 1852) — **III**, 206, 207; **IV**, 295, 314, 315.

«Notes to the People» («Заметки для народа»), Лондон (1851—1852) — **V**, 424, 435.

P

«O Pensamento Social» («Социальная мысль»), Лиссабон (февраль 1872 — апрель 1873) — **IX**, 685.

«The People's Paper» («Народная газета»), Лондон (1852—1858) — **V**, 378, 381, 424, 437, 439, 440.

«La Plebe» («Народ»), Лоди, Милан (1868—1875, 1875—1883) — **VIII**, 642; **IX**, 683.

«Praxis. Revue philosophique» («Праксис»), Загреб (1965—1975) — **I**, 132.

«Die Presse» («Пресса»), Вена (1848—1896) — **V**, 377, 378.

«Il Proletario Italiano» («Итальянский пролетарий»), Турин (1871) — **VIII**, 642.

«Putnam's Monthly Magazine» («Еженедельный журнал Патнема»), Нью-Йорк (1853—1857) — **V**, 400.

R

«The Red Republican» («Красный республиканец»), Лондон (июнь — ноябрь 1850) — **III**, 252.

«Die Reform» («Реформа»), Нью-Йорк (март 1853 — апрель 1854) — **V**, 378, 426, 436, 438, 439.

«La Réforme» («Реформа»), Париж (1843—1850) — **III**, 226.

«La Réforme sociale» («Социальная реформа»), Брюссель (1870) — **VIII**, 642.

«Le Réveil» («Пробуждение»), Париж (июль 1868 — январь 1871) — **IX**, 652.

«Die Revolution» («Революция»), Нью-Йорк (1852) — **IV**, 345.

«Rheinische Jahrbücher zur gesellschaftlichen Reform» («Рейнский ежегодник по вопросам социальной реформы»), Дармштадт, Бельвю (август 1845 — конец 1846) — **III**, 207, 208.

«Rheinische Zeitung für Politik, Handel und Gewerbe» («Рейнская газета по вопросам политики, торговли и промышленности»), Кёльн (январь 1842 — март 1843) — **I**, 79, 90, 91, 93, 94, 97—99, 103, 104, 106; **IV**, 291.

«Rheinischer Beobachter» («Рейнский обозреватель»), Кёльн (1844— начало 1848) — **II**, 148.

«La Rive gauche» («Левый берег»), Париж, Брюссель (октябрь 1864 — август 1866) — **VIII**, 642.

S

«Schweizerischer Republikaner» («Швейцарский республиканец»), Цюрих — **I**, 104; **III**, 207.

«Social-Demokrat» («Социал-демократ»), Берлин (декабрь 1864—1871) — **VII**, 564, 582, 632.

«Sozialistische Monatshefte» («Социалистический ежемесячник»), Берлин (1897—1933) — **Введ.**, 67.

«Stimme des Volkes» («Голос народа»), Чикаго (1860) — **V**, 426.

T

«Die Tagwacht» («Часовой»), Цюрих (1869—1880) — **IX**, 686.

«Telegraph für Deutschland» («Германский телеграф»), Гамбург (1838—1848) — **I**, 87.

«The Times» («Времена»), Лондон (с 1785) — **V**, 409.

«Le Travail» («Труд»), Париж (октябрь — декабрь 1869) — **VIII**, 642.

«La Tribune du Peuple» («Трибуна народа»), Брюссель (1861—1869) — **VIII**, 642.

«The Volunteer Journal, for Lancashire and Cheshire» («Волонтерский журнал Ланкашира и Чешира»), Манчестер (1860—1862) — **V**, 404.

«Der Vorbote» («Предвестник»), Женева (1866—1871) — **VII**, 563; **VIII**, 639, 642, 643.

«Vorwärts!» («Вперед!»), Париж (январь — декабрь 1844) — **II**, 135—138.

V

«La Voix du peuple» («Голос народа»), Париж (октябрь 1849 — май 1850) — **VIII**, 642.

«Das Volk» («Народ»), Лондон (май — август 1859) — **V**, 378, 427, 438, 441; **VII**, 460, 461.

«Der Volksstaat» («Народное государство»), Лейпциг (1869—1876) (быв. «Demokratisches Wochenblatt») — **VIII**, 643; **IX**, 685, 686, 694, 699.

«Die Volksstimme» («Голос народа»), Вена (апрель — декабрь 1869) — **VIII**, 642.

«Der Volks-Tribun» («Народный трибун»), Нью-Йорк (январь — декабрь 1846) — **III**, 212.

«Volkswille» («Воля народа»), Вена (январь 1870 — июнь 1874) — **VIII**, 642; **IX**, 686.

W

«De Werker» («Рабочий»), Антверпен (1868—1914) — **VIII**, 643.

«Das Westphälische Dampfboot» («Вестфальский пароход»), Билефельд, Падерборн (январь 1845—1848) — **III**, 213, 217.

«The Workman's Advocate» («Защитник рабочего»), Лондон (с 1865) — **VIII**, 641.

«The World» («Мир»), Нью-Йорк (1860—1931) — **IX**, 667.

Z

«Die Zeit» («Время»), Вена (1902—1919) — **Введ.**, 67.

«Die Zukunft» («Будущее»), Кёнигсберг, Берлин (1867—1871) — **VII**, 558.

А

Адлер (Adler) Мортимер Джером (род. 1902) — III, 262.

Аничков Виктор Михайлович (1830—1877) — V, 399.

Анненков Павел Васильевич (1812—1887) — II, 192—194, 203.

Аплгарт (Applegarth) Роберт (1833—1925) — VIII, 576, 620, 640.

Арон (Aron) Робер — **Введ.**, 42.

Б

Бабёф (Babeuf) Гракх (настоящее имя Франсуа Ноэль) (1760—1797) — **Введ.**, 37, 64; I, 105.

Байрон (Byron) Джордж (1788—1824) — I, 104.

Бакунин Михаил Александрович (1814—1876) — **Введ.**, 41, 42; II, 135; VII, 566, 586; IX, 656, 673, 689—692.

Бальзак (Balzac) Оноре (1799—1850) — V, 413.

Барбес (Barbès) Арман (1809—1870) — **Введ.**, 37.

Барт (Barth) Эрнст Эмиль Пауль (1858—1922) — **Введ.**, 49.

Бартенев Виктор Иванович (род. 1838) — VIII, 625.

Бартенева Екатерина Григорьевна (1843—1914) — VIII, 625.

Бастиа (Bastiat) Фредерик (1801—1850) — VI, 450; VII, 561.

Бауэр (Bauer) Брупо (1809—1882) — I, 81, 107; II, 138, 140, 173—176.

Бауэр (Bauer) Генрих — III, 205, 210, 214, 218, 221, 242.

Бауэр (Bauer) Эдгар (1820—1886) — I, 89; II, 146.

Бебель (Bebel) Август (1840—1913) — **Предисл.**, 8; VIII, 582, 602, 618, 637, 638; IX, 646, 691, 697, 698, 702.

Бёйст (Beust) Фридрих (1817—1899) — IV, 286.

Беккер (Becker) Бернхард (1826—1882) — VIII, 581.

Беккер (Becker) Герман Генрих (1820—1885) — IV, 344, 367.

Беккер (Becker) Иоганн Филипп (1809—1886) — V, 435, 442, 443; VII, 563; VIII, 599, 637, 639, 642; IX, 686, 702.

Белинский Виссарион Григорьевич (1811—1848) — I, 116.

Белл (Bell) Даниель (род. 1919) — VI, 497.

Бергсон (Bergson) Абрам — VII, 571.

Бергсон (Bergson) Анри (1859—1941) — **Введ.**, 42.

Бернайс (Bernays) Карл Людвиг (1815—1879) — II, 135, 174.

Бёрне (Börne) Людвиг (1786—1837) — I, 88.

Бернштейн (Bernstein) Эдуард (1850—1932) — **Введ.**, 63, 65, 67; VII, 570.

Биго (Bigo) Пьер — **Введ.**, 49.

Бизли (Beesly) Эдуард Спенсер (1831—1915) — VIII, 576.

Биньями (Bignami) Энрико (1846—1921) — VIII, 642; IX, 691.

Бисмарк (Bismarck) Отто (1815—1898) — V, 432, 434; VIII, 577, 581, 630; IX, 646, 648.

Блан (Blanc) Луи (1811—1882) — **III**, 217, 226; **IV**, 281, 285, 290, 342, 343.

Бланки (Blanqui) Луи Огюст (1805—1881) — **Введ.**, 37; **III**, 206; **IV**, 336, 337; **V**, 428; **IX**, 699.

Блок (Block) Морис (1816—1901) — **VII**, 562.

Больте (Bolte) Фридрих — **Предисл.**, 10; **IX**, 691, 702.

Бонапарт Луи — см. Наполеон III.

Бонхорст (Bonhorst) Леонхард (род. 1840) — **VIII**, 582, 617.

Боркхейм (Borkheim) Сигизмунд Людвиг (1825—1885) — **V**, 435.

Борн (Born) Стефан (настоящее имя Симон Буттермильх) (1824—1898) — **III**, 210, 225, 290, 291; **IV**, 327.

Борнштедт (Bornstedt) Адальберт (1808—1851) — **III**, 227; **IV**, 289.

Бохеньский (Bochénski) Юзеф Мария (род. 1902) — **Введ.**, 41, 64, 71.

Бракке (Bracke) Вильгельм (1842—1880) — **VII**, 564; **VIII**, 582, 602; **IX**, 702.

Брей (Bray) Джон Фрэнсис (1809—1895) — **II**, 199.

Бронте (Bronte) Шарлотта (псевдоним Каррер Белл) (1816—1855) — **V**, 413.

Брусс (Brousse) Поль (1844—1912) — **Введ.**, 42.

Буагильбер (Boisguillebert) Пьер (1646—1714) — **VI**, 450.

Бэр (Baer) Карл Эрнст (Карл Максимович) (1792—1876) — **VII**, 530.

Бюргерс (Bürgers) Генрих (1820—1878) — **IV**, 367.

В

Вайян (Vaillant) Эдуард Мари (1840—1915) — **IX**, 698.

Валлау (Wallau) Карл (1823—1877) — **IV**, 287.

Варлен (Varlin) Луи Эжен (1839—1871) — **VIII**, 640; **IX**, 652, 659.

Вебер (Weber) — **Предисл.**, 10.

Вегеций (Флавий Вегеций Ренат) (конец IV в.) — **V**, 399.

Веерт (Weerth) Георг (1822—1856) — **II**, 174; **III**, 210, 227; **IV**, 293, 294, 297.

Вейдемейер (Weydemeyer) Иосиф (1818—1866) — **Предисл.**, 10; **III**, 209, 213; **IV**, 336, 345, 350, 351, 364; **V**, 398, 417, 425, 426, 435, 438, 439; **VIII**, 637.

Вейлер (Weiler) Адам — **IX**, 702.

Вейтлинг (Weitling) Вильгельм (1808—1871) — **Введ.**, 39, 44, 61; **I**, 97; **III**, 206, 207, 210, 211, 219—221; **IV**, 302; **VIII**, 585.

Вермут (Wermuth) — **IV**, 365.

Вестфален (Westphalen) Людвиг фон (1770—1842) — **I**, 82.

Веттер (Wetter) Густав (род. 1911) — **Введ.**, 41, 49, 64, 71.

Вико (Vico) Джамбаттиста (1668—1744) — **Введ.**, 42.

Виллизен (Willisen) Вильгельм (1790—1879) — **V**, 399.

Виллих (Willich) Август (1810—1878) — **IV**, 332, 360—364, 366, 367, 369.

Вильгельм I (1797—1888) — **V**, 434.

Вольтер (Voltaire) Франсуа Мари (1694—1778) — **Введ.**, 47; **I**, 104.

Вольф (Wolff) Вильгельм (1809—1864) — **III**, 209, 219, 225—227; **IV**, 289, 293, 294, 296, 318, 319, 342, 345.

Вольф (Wolff) Фердинанд (1812—1895) — **III**, 210, 217; **IV**, 293, 294.

Враницкий (Vranicki) Предраг (род. 1922) — **Предисл.**, 6.

Врублевский (Wróblewski) Валерий Антоний (1836—1908) — **IX**, 702.

Г

Габсбурги (1282—1918) — **IV**, 279, 285, 309, 316; **V**, 419, 420.

Гарибальди (Garibaldi) Джузеппе (1807—1882) — **V**, 419.

Гарни (Harney) Джордж Джулиан (1817—1897) — **III**, 206, 208, 209, 242, 252; **IV**, 314, 315, 336, 337.

Гаскелл (Gaskell) Элизабет (1810—1865) — **V**, 413.

Гегель (Hegel) Георг Вильгельм Фридрих (1770—1831) — **Введ.**, 49, 53—55; **I**, 80, 81, 85—88, 89, 98—101, 118, 123, 124, 129, 130, 137, 139—142, 167, 175, 177, 193, 195; **VII**, 519, 520, 522, 525, 526.

Гед (Guesde) Жюль (настоящее имя Матьё Жюль Базиль) (1845—1922) — **Введ.**, 42.

Гейне (Heine) Генрих (1797—1856) — **I**, 116; **II**, 149.

Гейнцен (Heinzen) Карл (1809—1880) — **III**, 227—229; **V**, 439.

Гельвеций (Helvétius) Клод Адриан (1715—1771) — **Введ.**, 47.

Гепнер (Hepner) Адольф (1846—1923) — **IX**, 686.

Гервег (Herwegh) Георг (1817—1875) — **II**, 203; **IV**, 289.

Герцен Александр Иванович (1812—1870) — **I**, 116.

Гесс (Hess) Мозес (1812—1875) — **I**, 81; **II**, 149, 174, 177; **III**, 232.

Гёте (Goethe) Иоганн Вольфганг (1749—1832) — **Введ.**, 56; **I**, 83, 98; **V**, 410, 413.

Гизо (Guizot) Франсуа Пьер Гийом (1787—1874) — **Введ.**, 48, 50, 51, 53; **IV**, 343; **V**, 406, 407.

Гинс (Hins) Эжен (1839—1923) — **VIII**, 601.

Гогенцоллерны (1415—1918) — **IV**, 284; **V**, 419.

Годскин (Hodgskin) Томас (1787—1869) — **II**, 199.

Гольбах (Holbach) Поль Анри (1723—1789) — **Введ.**, 47; **I**, 104.

Гомер — **V**, 411.

Готшальк (Gottschalk) Андреас (1815—1849) — **IV**, 290, 291.

Грюн (Grün) Карл (1817—1887) — **II**, 149, 174, 177; **III**, 213, 214, 219.

Гуго (Hugo) Густав (1764—1844) — **I**, 94.

Гуцков (Gutzkow) Карл (1811—1878) — **I**, 88.

Гюго (Hugo) Виктор (1802—1885) — **IV**, 341; **V**, 437.

Д

Даниельс (Daniels) Ролапд (1819—1855) — **II**, 174; **III**, 210, 274; **V**, 436.

Даниельсон Николай Францевич (псевдоним Николай—он) (1844—1918) — **VI**, 466, 467; **VII**, 565—568.

Дантон (Danton) Жорж Жак (1759—1794) — **IV**, 323.

Дарвин (Darwin) Чарлз Роберт (1809—1882) — **V**, 376; **VII**, 560.

Даримон (Darimon) Луи Альфред (1819—1902) — **V**, 431.

Датт (Dutt) Раджани Палм (1896—1974) — **Предисл.**, 9.

Даумер (Daumer) Георг Фридрих (1800—1875) — **IV**, 344.

Дезами (Désamy) Теодор (1803—1850) — **Введ.**, 64; **I**, 97.

Демокрит (ок. 460 — ок. 370 до н. э.) — **I**, 85.

Де Пап (De Paepe) Сезар (1842—1890) — **VIII**, 615, 623, 637, 640.

Джонс (Jones) Ричард (1790—1855) — **VI**, 512, 513.

Джонс (Jones) Эрнест Чарлз (1819—1869) — **III**, 242; **IV**, 337; **V**, 423, 424, 435, 439—441; **VIII**, 637.

Джонсон (Johnson) Эндрью (1808—1875) — **VIII**, 628.

Джоуль (Joule) Джемс Прескотт (1818—1889) — **V**, 376.

Дидро (Diderot) Дени (1713—1784) — **Введ.**, 47.

Диккенс (Dickens) Чарлз (1812—1870) — **V**, 413.

Дицген (Dietzgen) Иосиф (1828—1888) — **Предисл.**, 7; **VI**, 460; **VII**, 564; **IX**, 702.

Дмитриева (Томановская) Елизавета Лукинична (1851 — после 1909) — **VIII**, 625.

Добролюбов Николай Александрович (1836—1861) — **V**, 420.

Дронке (Dronke) Эрнст (1822—1891) — **IV**, 289, 293, 294, 296, 297.

Дункер (Duncker) Франц (1822—1888) — **VI**, 456.

Дюпон (Dupont) Эжен (ок. 1831—1881) — **VIII**, 595, 636, 638; **IX**, 702.

Дюринг (Dühring) Евгений Карл (1833—1921) — **VII**, 561.

Дюрье К.— **V**, 437.

Ж

Жаклар (Jaclard) Шарль Виктор (1843—1903) — **VIII**, 640.

Жиго (Gigot) Филипп Шарль (1819—1860) — **III**, 209, 226.

Жомини (Jomini) Анри (1779—1869) — **V**, 399.

З

Запотоцкий Ладислав (1852—1916) — **IX**, 702.

Зейлер (Seiler) Себастьян (ок. 1810—ок. 1890) — **III**, 209.

Зибель (Siebel) Карл (1836—1868) — **VII**, 561.

Зомбарт (Sombart) Вернер (1863—1941) — **Введ.**, 48, 63, 64.

Зорге (Sorge) Фридрих Адольф (1828—1906) — **Предисл.**, 10; **Введ.**, 45; **V**, 426; **VII**, 564; **VIII**, 639; **IX**, 686, 691, 702.

И

Кабе (Cabet) Этьенн (1788—1856) — (1805—1856) — **VIII**, 619.

Иглесиас (Iglesias) Пабло (1850—1925) — **IX**. 702.

Ипполит (Hyppolite) Жан (1907—1968) — **I**, 133.

Й

Йётрек (Görtrek) Пер — **III**, 225.

К

Кабе (Cabet) Этьенн (1788—1856) — **Введ.**, 37, 64; **I**, 105; **II**, 177; **III**, 206, 210, 221.

Кальвез (Calvez) Ж.— **I**, 133.

Камелина (Camélinat) Зефирен (1840—1932) — **VIII**, 640.

Кампанелла (Campanella) Томмазо (1568—1639) — **Введ.**, 64.

Кампфмейер (Kampffmeyer) Пауль (1864—1945) — **Введ.**, 63.

Кант (Kant) Иммануил (1724—1804) — **Введ.**, 48; **I**, 83, 84.

Карлейль (Carlyle) Томас (1795—1881) — **I**, 115, 116; **IV**, 343.

Карно (Carnot) Лазар Никола (1753—1823) — **IV**, 323.

Картер (Carter) Джемс — **VIII**, 598.

Кауб (Kaub) Карл — **VIII**, 636.

Каутский (Kautsky) Карл (1854—1938) — **II**, 154; **VI**, 503; **VII**, 570.

Кафьеро (Cafiero) Карло (1846—1892) — **IX**, 680.

Кейнс (Keynes) Джон Мейнард (1883—1946) — **VI**, 486.

Келсо (Kelso) Льюис (род. 1913) — **III**, 262.

Кенэ (Quesnay) Франсуа (1694—1774) — **VI**, 479.

Кётген (Köttgen) Густав Адольф (1805—1882) — **III**, 210.

Клаузевиц (Clausewitz) Карл (1780—1831) — **V**, 399.

Клейн (Klein) Карл Вильгельм — **V**, 427.

Клингс (Klings) Карл (ок. 1825 — после 1874) — **V**, 427; **VIII**, 642.

Клусс (Kluss) Адольф (ок. 1820 — после 1889) — **IV**, 287, 336, 345, 364; **V**, 425, 435, 438, 439.

Кобылица Лукьян (1812—1851) — **IV**, 316.

Колаковский (Kolakowski) Лешек (род. 1927) — **Предисл.**, 6.

Консидеран (Considérant) Виктор (1808—1893) — **I**, 97.

Корен (Koren) Генри Дж.— **I**, 132.

Корню (Cornu) Огюст (1888—1981) — **Предисл.**, 8.

Кошут (Kossuth) Лайош (Людвиг) (1802—1894) — **IV**, 323, 324; **VIII**, 624.

Криге (Kriege) Герман (1820—1850) — **III**, 212—214.

Кример (Cremer) Уильям Рандал (1838—1908) — **VIII**, 576, 598, 640.

Кромптон (Crompton) Альберт — **VIII**, 576.

Кромптон (Crompton) Генри (1836—1904) — **VIII**, 576.

Кросленд (Crosland) К. А.— **VII**, 571.

Кроче (Croce) Бенедетто (1866—1952) — **Введ.**, 42.

Кугельман (Kugelmann) Людвиг (1828—1902) — **Предисл.**, 10; **V**, 427; **VI**, 464; **VII**, 525, 558, 561, 565; **VIII**, 626, 631; **IX**, 664, 669.

Куно (Cuno) Фридрих Теодор (1847—1934) — **IX**, 692, 702.

Курне (Cournet) Фредерик Этьенн (1839—1885) — **IX**, 698.

Кэри (Carey) Генри Чарлз (1793—1879) — **V**, 439; **VI**, 450, 475, 476, 511; **VIII**, 577.

Л

Лабриола (Labriola) Антонио (1843—1904) — **Введ.**, 41, 43.

Лавров Петр Лаврович (1823—1900) — **IX**, 702.

Ламарк (Lamarck) Жан Батист Пьер Антуан (1744—1829) — **Введ.**, 56.

Ланге М.— **Введ.**, 64.

Ландсхут (Landshut) З.— **I**, 131.

Лассаль (Lassalle) Фердинанд (1825—1864) — **V**, 398, 413, 414, 427, 431, 432—434, 443; **VI**, 449, 455, 461; **VIII**, 577, 580—582, 604; **Заключ.**, 704.

Лафарг Лаура — см. Маркс Лаура.

Лафарг (Lafargue) Поль (1842—1911) — **Предисл.**, 8; **VI**, 467; **VIII**, 595, 623, 626, 637, 639; **IX**, 681, 686, 691, 692, 702.

Лашатр (Lachâtre) Морис (1814—1900) — **VII**, 569.

Леви-Кореф (Levy-Koreff) Г.— **Введ.**, 49.

Левин (Lewin) Хаскелл — **VII**, 496.

Ледрю-Роллен (Ledru-Rollin) Александр Огюст (1807—1874) — **III**, 226; **IV**, 332.

Лекрафт (Lucraft) Бенджамин (1809—1897) — **VIII**, 621, 640.

Леман (Lehmann) Альберт — **III**, 221, 242.

Ленин Владимир Ильич (1870—1924) — **Предисл.**, 5—8, 10—16, 18, 19, 21—24, 26—28; **Введ.**, 30, 32, 36, 40, 43, 44, 46—48, 51, 57—60, 66,

68—71, 73—76; **I**, 79, 103, 110, 111, 115; **II**, 139, 143, 146—148, 156—158, 162—164, 180, 191, 199; **III**, 252, 253, 255, 264, 268, 269, 274, 276; **IV**, 280, 282, 290, 296, 302, 312, 317, 327, 334—336, 338, 339, 342, 343, 352, 353, 358, 360; **V**, 373, 375, 377, 386, 398, 425, 432, 433; **VI**, 446, 447, 456, 460, 467, 468, 470—472, 481, 482, 486, 488, 490, 496, 499, 509, 517; **VII**, 520, 528, 529, 532—534, 538, 557—559, 562; **VIII**, 576, 581—584, 586, 608, 614, 625, 630, 637; **IX**, 657, 660, 661, 664, 666, 677, 679, 681, 685, 692, 701; **Заключ.**, 703.

Лео (Leo) Генрих (1799—1878) — **I**, 81.

Леру (Leroux) Пьер (1797—1871) — **I**, 97.

Лесснер (Lessner) Фридрих (1825—1910) — **III**, 210; **IV**, 297, 367; **V**, 427; **VII**, 564, 567; **VIII**, 629, 636, 639; **IX**, 702.

Лефрансе (Lefrançais) Гюстав (1826—1901) — **IX**, 656.

Ле Шапелье (Le Chapelier) Исаак Рене Ги (1754—1794) — **VIII**, 575, 608.

Либкнехт (Liebknecht) Вильгельм (1826—1900) — **Предисл.**, 8; **V**, 427, 435, 441, 442; **VII**, 561, 564; **VIII**, 582, 602, 618, 636—638, 642, 643; **IX**, 646, 692, 697, 698, 702.

Линкольн (Lincoln) Авраам (1809—1865) — **VIII**, 627, 628.

Лич (Leach) Джемс — **III**, 206.

Лонге (Longuet) Шарль (1839—1903) — **VIII**, 623, 637, 640.

Лопатин Герман Александрович (1845—1918) — **VII**, 566; **VIII**, 637, 639; **IX**, 702.

Лохнер (Lochner) Георг (род. ок. 1824) — **V**, 427.

Луи Бонапарт — см. Наполеон III.

Луи-Наполеон — см. Наполеон III.

Луи-Филипп (1773—1850) — **IV**, 279.

Любавин Николай Николаевич (1845—1918) — **VII**, 566, 567.

Людовик XV (1710—1774) — **VII**, 548; **VIII**, 624.

Люксембург (Luxemburg) Роза (1871—1919) — **Введ.**, 49.

Люлье (Lullier) Эрнест Шарль (1838—1891) — **VIII**, 640.

М

Мабли (Mably) Габриель (1709—1785) — **Введ.**, 64.

Мадзини (Mazzini) Джузеппе (1805—1872) — **Введ.**, 41; **VIII**, 577, 586.

Майер (Mayer) И.— **I**, 131.

Майер (Mayer) Юлиус Роберт (1814—1878) — **V**, 376.

Макиавелли (Machiavelli) Никколо (1469—1527) — **V**, 399.

Мак-Куллох (MacCulloch) Джон Рамси (1789—1864) — **VI**, 511.

Малон (Malon) Бенуа (1841—1893) — **Введ.**, 42.

Мальтус (Malthus) Томас Роберт (1766—1834) — **I**, 114, 115; **III**, 250; **VI**, 478, 511, 512, 516.

Ман (Man) Гендриг де (1885—1953) — **I**, 131.

Маркс (Marx) Генрих (1777—1838) — **I**, 82.

Маркс (Marx) Женни, урожденная фон Вестфален (1814—1881) — **I**, 82.

Маркс (Marx) Лаура, в замужестве Лафарг (1845—1911) — **III**, 275; **VIII**, 626.

Маркузе (Marcuse) Герберт (1898—1979) — **I**, 132, 133.

Мартов Л. (Цедербаум Ю. О.) (1873—1923) — **VII**, 570.

Мархейнеке (Marheineke) Филипп Конрад (1780—1846) — **I**, 81.

Масарик (Masaryk) Томаш (1850—1937) — **Введ.**, 63.

Мейер (Meyer) Альфред Джордж (род. 1920) — **II**, 165.

Мейер (Meyer) Герман (1821—1875) — **VIII**, 642.

Мейер (Meyer) Зигфрид (ок. 1840—1872) — **V**, 427; **VIII**, 626, 640.

Мёйрер (Mäurer) Герман (1813—ок. 1882) — **III**, 206, 221.

Мейснер (Meissner) Отто Карл (1819—1902) — **VII**, 557, 568.

Мелье (Meslier) Жан (1664—1729) — **Введ.**, 64.

Меринг (Mehring) Франц (1846—1919) — **Предисл.**, 8; **Введ.**, 70.

Меса-и-Леомпарт (Mesa y Leompart) Хосе (1840—1904) — **IX**, 692, 702.

Мизес (Mises) Л. фон — **VII**, 571.

Миллс (Mills) Чарльз Райт (1916—1962) — **Введ.**, 69.

Милль (Mill) Джемс (1773—1836) — **VI**, 511, 516.

Милль (Mill) Джон Стюарт (1806—1873) — **II**, 199; **VI**, 516; **VIII**, 576, 582.

Милнер (Milner) Джордж — **VIII**, 640.

Мильке (Milke) Фриц — **IX**, 686.

Мильтон (Milton) Джон (1608—1674) — **V**, 412.

Минье (Mignet) Франсуа Огюст Мари (1796—1884) — **Введ.**, 48, 50; **V**, 406.

Мицкевич (Mickiewicz) Адам (1798—1855) — **VIII**, 624.

Молль (Moll) Иосиф (1813—1849) — **III**, 205, 208, 210, 214, 218, 221, 242; **IV**, 290.

Монталамбер (Montalembert) Марк Рене (1714—1800) — **V**, 399.

Монтекукули (Montecucculi) Раймунд (1609—1681) — **V**, 399.

Мор (More) Томас (1478—1535) — **Введ.**, 64.

Мора (Mora) Франсиско (1842—1924) — **IX**, 691, 692, 702.

Морелли (Morelly) (XVIII в.) — **Введ.**, 64.

Моррис (Morris) Якоб — **VI**, 496.

Мундт (Mundt) Теодор (1808—1861) — **I**, 88.

Мюнцер (Münzer) Томас (ок. 1490—1525) — **Введ.**, 64.

Мюфлинг (Müffling) Фридрих Фердинанд Карл (1775—1851) — **V**, 399.

Н

Наполеон I Бонапарт (1769—1821) — **V**, 399, 401, 404.

Наполеон III (Луи-Наполеон Бонапарт) (1808—1873) — **IV**, 341, 355; **V**, 404, 418, 433; **VIII**, 577, 624; **IX**, 646, 648, 650, 651, 670.

Нейпир (Napier) Уильям Фрэнсис Патрик (1785—1860) — **V**, 399.

Нобре-Франса (Nobre-França) Хосе — **IX**, 702.

Нотъюнг (Nothjung) Петер (1821—1866) — **IV**, 290, 367.

О

Оджер (Odger) Джордж (1820—1877) — **VIII**, 576, 640.

О'Коннор (O'Connor) Фергюс (1794—1855) — **IV**, 315.

Оппенхейм (Oppenheim) Дагоберт (1809—1889) — **I**, 96.

Оуэн (Owen) Роберт (1771—1858) — **Введ.**, 59, 60, 65; **II**, 158; **III**, 206, 221, 272, 273; **VIII**, 585.

П

Пелутье (Pelloutier) Ф. (1867—1901) — **Введ.**, 42.

Петрович (Petrović) Гайо (род. 1927) — **I**, 132.

Петти (Petty) Уильям (1623—1687) — **Введ.**, 52; **VI**, 447, 450, 471, 503.

Пецка (Pecka) Йозеф Болеслав (псевдоним Болеслав Страговски) (1849—1897) — **IX**, 702.

Пипер (Pieper) Вильгельм (род. ок. 1826) — **IV**, 345; **V**, 435.

Пленге (Plenge) (1874—1963) — **Введ.**, 49.

Плеханов Георгий Валентинович (1856—1918) — **Введ.**, 48, 49, 50, 52; **III**, 275.

Плутарх (ок. 46 — ок. 125) — **I**, 85.

Поляков Николай Петрович (ок. 1841—1905) — **VII**, 565.

Прудон (Proudhon) Пьер Жозеф (1809—1865) — **Введ.**, 42; **I**, 97; **II**, 146, 147, 177, 190—201, 203, 206, 210, 213—215, 261; **IV**, 290, 345; **V**, 428, 430, 431, 434, 437; **VI**, 452; **VIII**, 577—580, 582, 586, 604, 609, 611, 623; **IX**, 659; **Заключ.**, 704, 705.

Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837) — **V**, 413.

Пфендер (Pfänder) Карл (1818—1876) — **III**, 210, 221, 242; **V**, 427; **VIII**, 636.

Пютман (Püttmann) Герман (1811—1894) — **II**, 149.

Р

Рамсей (Ramsay) Джордж (1800—1871) — **VI**, 512.

Рассел (Russel) Бертран (1872—1970) — **II**, 165.

Рёзер (Röser) Петер Герхард (1814—1865) — **IV**, 290, 367.

Рикардо (Ricardo) Давид (1772—1823) — **Введ.**, 52, 58; **I**, 120; **II**, 147, 148, 199, 201; **III**, 246; **VI**, 447, 469, 471, 474, 477, 481, 487, 492, 498, 504, 508—513, 516; **VII**, 520, 525; **VIII**, 582, 583.

Робинсон (Robinson) Джоан Райолет (род. 1903) — **VI**, 491, 511.

Родбертус-Ягецов (Rodbertus-Jagetzow) Иоганн Карл (1805—1875) — **Введ.**, 49; **VI**, 511; **VIII**, 582.

Руа (Roy) Жозеф — **VII**, 569.

Руге (Ruge) Арнольд (1802—1880) — **I**, 81, 99, 106, 116; **II**, 137; **V**, 439; **VII**, 562.

Руссо (Rousseau) Жан Жак (1712—1778) — **Введ.**, 48; **I**, 104; **VIII**, 610.

Рюстов (Rüstow) Фридрих Вильгельм (1821—1878) — **V**, 399.

С

Савиньи (Sawigny) Фридрих Карл (1779—1861) — **I**, 94.

Сазонов Николай Иванович (1815—1862) — **II**, 135; **VI**, 460.

Сениор (Senior) Нассау Уильям (1790—1864) — **VII**, 566.

Сен-Симон (Saint-Simon) Анри (1760—1825) — **Введ.**, 49, 59, 60, 65; **I**, 105; **II**, 177; **III**, 272, 273; **VIII**, 585.

Сервантес де Сааведра (Cervantes de Saavedra) Мигель (1547—1616) — **V**, 413.

Серно-Соловьёвич Александр Александрович (1838—1869) — **VIII**, 642.

Серрайе (Serrailler) Огюст (род. 1840) — **VIII**, 640; **IX**, 652, 702.

Сильвис (Sylvis) Уильям (1828—1869) — **VIII**, 575.

Сисмонди (Sismondi) Жан Шарль Леопар Симонд де (1773—1842) — **I**, 114; **II**, 161; **VI**, 450, 471, 474, 504, 516; **VIII**, 582.

Смит (Smith) Адам (1723—1790) — **Введ.**, 52, 58; **I**, 112, 119, 126; **II**, 147, 148, 160, 201; **VI**, 447, 471, 474, 475, 481, 483, 484, 486, 487, 492, 504, 506—512, 516, 520; **VII**, 525, 535; **VIII**, 582.

Струве Петр Бернгардович (1870—1944) — **Введ.**, 48, 49; **VI**, 496.

Суворов Александр Васильевич (1730—1800) — **V**, 401.

Сэй (Say) Жан Батист (1767—1832) — **VI**, 486, 500, 510, 511, 516.

Т

Таймер (Theimer) Вальтер — **Введ.**, 41, 50, 71.

Тедеско (Tedesco) Виктор (1821—1897) — **III**, 210, 242.

Теккерей (Thackerey) Уильям Мейкпис (1811—1863) — **V**, 413.

Тимирязев Климент Аркадьевич (1843—1920) — **VII**, 565.

Ткачев Петр Никитич (1844—1885) — **VI**, 461.

Толен (Tolain) Анри Луи (1828—1897) — **VIII**, 578.

Томпсон (Thompson) Уильям (ок. 1785—1833) — **II**, 199.

Туган-Барановский Михаил Иванович (1865—1919) — **VI**, 496; **VII**, 569, 570.

Тьер (Thiers) Адольф (1797—1877) — **IX**, 655.

Тьерри (Thierry) Жак Никола Огюстен (1795—1856) — **Введ.**, 48, 50, 51; **V**, 406, 407.

Тюрго (Turgot) Анн Робер Жак (1727—1781) — **VI**, 505, 506.

У

Уркарт (Urquhart) Давид (1805—1877) — **V**, 390.

Утин Николай Исаакович (1841—1883) — **VIII**, 625.

Уэстон (Weston) Джон — **VIII**, 604.

Ф

Фаркаш (Farkas) Кароль (1843—1907) — **IX**, 702.

Фаухер (Faucher) Жюль (Юлиус) (1820—1878) — **VII**, 561.

Фейербах (Feuerbach) Людвиг (1804—1872) — **Предисл.**, 7; **Введ.**, 47, 55; **I**, 89, 99—101, 103, 107, 108, 118, 123—126, 129, 130, 139, 141, 142, 148, 164—176, 179; **III**, 207, 221; **VII**, 531, 562, 569.

Фетчер (Fetscher) Иринг (род. 1922) — **Введ.**, 49.

Фихте (Fichte) Иоганн Готлиб (1762—1814) — **I**, 83, 84; **II**, 141, 175.

Флеминг (Fleming) Джордж Александр — **III**, 207.

Флуранс (Flourens) Гюстав (1838—1871) — **VIII**, 640.

Флюз (Fluse) Пьер — **IX**, 685.

Фогт (Vogt) Август (ок. 1830 — ок. 1883) — **V**, 427; **VIII**, 626, 640.

Фогт (Vogt) Карл (1817—1895) — **V**, 429, 430, 433, 442.

Фокс (Fox) Питер (настоящее имя Питер Фокс Андре) (ум. 1869) — **VIII**, 623.

Фостер (Foster) Уильям (1881—1961) — **Предисл.**, 9.

Франкель (Frankel) Лео (1844—1896) — **VIII**, 637, 640, 642; **IX**, 656, 658, 664, 702.

Франц-Иосиф I (1830—1916) — **IV**, 308.

Фрейлиграт (Freiligrath) Фердинанд (1810—1876) — **Предисл.**, 10; **IV**, 293, 294, 345, 366.

Фридрих II («Великий») (1712—1786) — **V**, 399, 403.

Фридрих-Вильгельм IV (1795—1861) — **I**, 81.

Фромм (Fromm) Эрих (1900—1980) — **I**, 132.

Фурье (Fourier) Шарль (1772—1837) — **Введ.**, 39, 59, 60, 65; **I**, 105; **II**, 177; **III**, 206, 221, 272, 273; **VII**, 550.

Х

Хаар Герхард Бернхард ван — I, 82.

Хабермас (Habermas) Юрген (род. 1929) — II, 172.

Харрисон (Harrison) Фредерик (1831—1923) — VIII, 576.

Хауэлл (Howell) Джордж (1833—1910) — VIII, 576, 640.

Хейльберг (Heilberg) Луи (род. 1818) — III, 209; IV, 286.

Хенгстенберг (Hengstenberg) Эрнст Вильгельм (1802—1869) — I, 81.

Хильдич (Hilditch) Ричард — II, 199.

Хинкельдей (Hinckeldey) Карл Людвиг Фридрих (1805—1856) — IV, 365.

Хинрикс (Hinrichs) Герман Фридрих Вильгельм (1794—1861) — I, 81.

Хук (Hook) Сидни (род. 1902) — II, 165, 172.

Ц

Цезарь (Гай Юлий Цезарь) (ок. 100—44 до н. э.) — V, 399.

Ч

Чернышевский Николай Гаврилович (1828—1889) — V, 420; VI, 469, 498, 499; VII, 566; VIII, 625.

Ш

Шаппер (Schapper) Карл (ок. 1812—1870) — III, 205, 206, 208, 210, 211, 214, 218, 221, 225, 241, 274; IV, 289, 290, 360—367, 369.

Шванн (Schwann) Теодор (1810—1882) — V, 376.

Швейцер (Schweitzer) Иоганн Баптист (1833—1875) — VIII, 581.

Шёй (Scheu) Генрих (1845—1926) — IX, 685.

Шекспир (Shakespeare) Вильям (1564—1616) — I, 82; V, 413.

Шелгунов Николай Васильевич (1824—1891) — II, 163.

Шелли (Shelley) Перси Биши (1792—1822) — I, 104.

Шеллинг (Schelling) Фридрих Вильгельм (1775—1854) — I, 88, 89.

Шербюлье (Cherbuliez) Антуан Элизе (1797—1869) — II, 199.

Шидер (Schieder) Теодор (род. 1908) — Введ., 69.

Шили (Schily) Виктор (1810—1875) — VIII, 637.

Шиллер (Schiller) Фридрих (1759—1805) — I, 83; V, 412, 414.

Шлейден (Schleiden) Маттиас Якоб (1804—1881) — V, 376.

Шо (Shaw) Роберт (ум. 1869) — VIII, 637, 641.

Шпейер (Speyer) Карл (род. 1845) — IX, 702.

Штейн (Stein) Лоренц (1815—1890) — Введ., 48, 49.

Штибер (Stieber) Вильгельм — IV, 365—367.

Штирнер (Stirner) Макс (литературный псевдоним Каспара Шмидта) (1806—1856) — II, 173, 174, 176; III, 261.

Штраус (Strauss) Давид Фридрих (1808—1874) — I, 81, 88, 89, 104.

Штумпф (Stumpf) Пауль (ок. 1827—1913) — V, 427.

Шульце-Делич (Schulze-Delitsch) Герман (1808—1883) — VIII, 576.

Э

Эвербек (Ewerbeck) Август Герман (1816—1860) — II, 135; III, 206, 211, 213, 221.

Эйххорн (Eichhorn) Иоганн Альбрехт Фридрих (1779—1856) — I, 81.

Эйххоф (Eichhoff) Карл Вильгельм (1833—1895) — **V**,, 427, 435; **VII**, 561; **VIII**, 635; **IX**, 702.

Эккариус (Eccarius) Иоганн Георг (1818—1889) — **III**, 210, 242; **IV**, 342, 345; **V**, 427, 435—438; **VII**, 564; **VIII**, 595, 598, 616, 620, 621, 629, 633, 636, 638, 639, 642.

Эктон (Acton) Г.— **I**, 134.

Эпикур (ок. 341 — ок. 270 до н. э.) — **I**, 85.

Эхтермейер (Echtermeyer) Теодор (1805—1844) — **I**, 81.

Ю

Юнг (Jung) Герман (1830—1901) — **VIII**, 595, 636, 639.

Юнге (Junge) Адольф Фридрих — **III**, 210, 213, 226.

Я

Якоби (Jacobi) Абраам (1830—1919) — **V**, 436.

А

Агитационный союз — IV, 365.

Американский рабочий союз — V, 426, 427.

Б

Бельгийская рабочая партия — VIII, 640.

Братские демократы — III, 208, 210, 226, 243; VIII, 585.

В

Всемирное общество коммунистов-революционеров — IV, 336.

Всеобщий германский рабочий союз — V, 427, 432, 434; VIII, 575, 580—582, 608.

Второй Интернационал — **Предисл.**, 16.

Г

Генеральный совет I Интернационала — см. Международное товарищество рабочих. Генеральный совет.

Германская социал-демократическая рабочая партия — **Предисл.**, 27; **Введ.**, 42; V, 441.

«Гора», партия — IV, 332, 343.

Д

Демократическая ассоциация — III, 226, 243.

Демократическое общество в Кёльне — IV, 289, 302.

Докторский клуб — I, 81, 84.

З

«Земля и воля» — V, 420.

К

Кёльнский рабочий союз — III, 251; IV, 286, 288, 290, 328, 329.

Комитет помощи немецким эмигрантам (Социал-демократический эмигрантский комитет) — IV, 336.

Коммунистическая партия Советского Союза — **Предисл.**, 11, 21, 29.

Коммунистический Интернационал — **Предисл.**, 11, 16, 21.

Коммунистический клуб в Нью-Йорке — V, 426, 427; VI, 460.

Коммунистический корреспондентский комитет в Брюсселе — III, 209, 210, 212—214.

Коммунистический корреспондентский комитет в Лондоне — III, 210, 218, 226.

Л

Лига земли и труда — VIII, 602, 620.

Лига мира и свободы — VIII, 631.

М

Майнцский просветительный рабочий союз — IV, 287; V, 439.

Международное товарищество рабочих — **Предисл.**, 16, 18, 27; **Введ.**, 73; **III**, 275; **V**, 427, 441; **VII**, 558, 563, 564, 568; **VIII**, 572—643; **Заключ.**, 704—706.
Женевский конгресс — **VIII**, 578, 598, 600, 603, 604, 607—609, 611—613, 623, 638, 640; **IX**, 657.
Лозаннский конгресс — **VIII**, 579, 615, 620.
Брюссельский конгресс — **VII**, 564; **VIII**, 611, 614—616, 619, 629, 635, 640.
Базельский конгресс — **VIII**, 601, 608, 610, 611, 616, 618—621, 640, 642; **IX**, 690, 693.
Гаагский конгресс — **VIII**, 640; **IX**, 667, 680, 682—686, 690, 695, 696, 698, 699, 701.
Майнцский конгресс (несостоявшийся) — **VIII**, 620, 621, 643.
Лондонская конференция — **VIII**, 600, 623; **IX**, 682—687, 690, 691, 694, 696, 697, 701.
Конференция в Филадельфии — **IX**, 700.
Генеральный совет — **VII**, 566; **VIII**, 582, 586, 592—597, 599, 600, 603, 604, 606, 610—612, 614—616, 618, 620, 623, 625, 626, 628—630, 633—641, 643; **IX**, 647, 648, 650, 652, 662, 664, 665, 678, 679, 684—686, 690, 695, 696.
Постоянный комитет (Подкомитет) — **VIII**, 595.
Берлинская секция — **VIII**, 635.
Женевская секция — **VIII**, 599.
Манчестерская секция — **VIII**, 617.
Парижская секция — **VIII**, 598, 623.
Русская секция — **VIII**, 625, 639, 642, 643.
Бельгийский федеральный совет — **VIII**, 620.
Британский федеральный совет — **IX**, 685, 695.
Руанская федерация — **VIII**, 642.
Североамериканская федерация — **IX**, 686.
Центральный комитет группы секций немецкого языка — **VIII**, 599, 620, 639.

Международный альянс социалистической демократии — **IX**, 690.

«Молодая Германия» — **I**, 80, 88.

Н

Национальная чартистская ассоциация — **Введ.**, 36; **V**, 423.

Национальный рабочий союз (США) — **VIII**, 575.

Немецкое рабочее общество в Брюсселе — **III**, 226, 243, 249, 251; **IV**, 328.

О

Общество времен года — **Введ.**, 37, 39.

Общество прав человека — **Введ.**, 37.

Общество семей — **Введ.**, 37.

«Освобождение труда», группа — **III**, 251.

П

Первый Интернационал — см. Международное товарищество рабочих.

Просветительное общество немецких рабочих в Лондоне — **III**, 205, 221, 274; **IV**, 363; **V**, 427; **VI**, 460; **VIII**, 575, 626, 635.

Р

Рабочая партия США — **VIII**, 640.

Рабочее братство — **IV**, 291, 327.

Рейнский окружной комитет демократов — **IV**, 297, 304, 328.

С

«Свободные» — **I**, 88, 91, 103.

Социал-демократическая рабочая партия Германии (эйзенахцы) — **VIII**, 582, 601, 602, 617, 618, 638, 643; **IX**, 646, 648, 662, 681, 694.

Социал-демократический эмигрантский комитет — см. Комитет помощи немецким эмигрантам.

Союз коммунистов — **Предисл.**, 16, 18; **Введ.**, 62; **III**, 219, 220, 222, 225—227, 232, 235, 239—244, 252; **IV**, 282, 283, 286—288, 290, 291, 293, 295, 296, 328, 332, 335—337, 339, 341, 344, 345, 360, 361—367, 369, 370; **V**, 373, 422, 423, 425—427, 429, 436, 439; **VIII**, 576, 580, 585—588, 593, 596, 636, 638, 639; **IX**, 654, 685, 698.

Союз немецких рабочих обществ — **VIII**, 575, 582.

Союз отверженных — **Введ.**, 39.

Союз пролетариев — **V**, 426, 427.

Союз справедливых — **Введ.**, 39, 62; **II**, 135; **III**, 205, 206, 209—211, 213, 214, 218—221, 234, 235; **VIII**, 585.

Ч

Чикагский рабочий союз — **V**, 426, 427.

Э

Эмигрантский клуб — **IV**, 365.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие к изданию 5

Вводный раздел
ВОЗНИКНОВЕНИЕ МАРКСИЗМА — ВЕЛИКИЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРЕВОРОТ В ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ, КОРЕННОЙ ПЕРЕЛОМ В ОСВОБОДИТЕЛЬНОМ ДВИЖЕНИИ 30

1. Исторические условия возникновения марксизма —

2. Идейные предпосылки и теоретические источники марксизма 46

3. Превращение социализма из утопии в науку 64

4. Теория революционного действия, коммунистического преобразования мира 69

Раздел первый
ФОРМИРОВАНИЕ МАРКСИЗМА

Глава первая
ИДЕЙНОЕ РАЗВИТИЕ МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА К МАТЕРИАЛИЗМУ И КОММУНИЗМУ (1842—1844 гг.) 79

1. В начале пути. Юношеские искания Маркса и Энгельса 82

Идейное развитие Маркса в университетские годы — 83. Становление революционно-демократических взглядов Энгельса — 87.

2. На пути от идеализма к материализму и от революционного демократизма к коммунизму 90

Деятельность Маркса в «Рейнской газете» — 90. Поворот Маркса к материализму и коммунизму — 94. У истоков материалистического понимания истории — 99. Первые шаги Энгельса к материализму и коммунизму — 103.

3. Переход Маркса и Энгельса на позиции пролетариата 106

Участие Маркса и Энгельса в «Немецко-французском ежегоднике» — 106. «Оружие критики не может заменить критики оружием» — 108. «Гениальный набросок» новой экономической теории — 111.

4. Важная веха в подготовке нового мировоззрения 116

«Экономическо-философские рукописи 1844 года» — 116. Определение социальной сущности частной собственности — 118. Выяснение происхождения частной собственности — 122. Идеи пролетарского коммунизма — 127. Материалистический подход к диалектике и теории познания — 129. «Экономическо-философские рукописи» в идеологической борьбе — 131.

Глава вторая

СОЗДАНИЕ МАРКСОМ И ЭНГЕЛЬСОМ ОСНОВ НАУЧНОГО ПРОЛЕТАРСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ (1844—1847 гг.) 135

1. Начало совместной теоретической и политической деятельности Маркса и Энгельса —

Историческая встреча — 135. Первый совместный труд Маркса и Энгельса — 138. Критика субъективного идеализма младогегельянцев — 139. Выдвижение идей пролетарского мировоззрения — 142. Эльберфельдские речи — 149.

2. Идеи пролетарского коммунизма в книге Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» 151

Пролетариат не только страдающий, но и борющийся класс — 153. Развитие и перспективы рабочего движения — 157. Идеи экономического учения — 159.

3. «Гениальный зародыш нового мировоззрения» (Тезисы о Фейербахе) 164

Тезисы о Фейербахе — 164. Концепция практики — 167. Практика и сознание — 168. Общественная сущность человека — 170. Назначение философии — служить изменению мира — 172.

4. «Сведение счетов с прежней философской совестью» 173

«Немецкая идеология» — 173. Критика немецкой философии — 174. Материалистическое понимание истории — 178. Диалектика общественного развития — 180. Проблемы революции и государства — 184. «Жизнь определяет сознание» — 187. Коммунизм — практический материализм — 188.

5. Критика взглядов Прудона 190

Первый набросок «Нищеты философии» — 192. Проблемы материалистической диалектики — 195. Идеи пролетарской политической экономии — 197. Идеи материалистической теории общества — 202.

Глава третья

НАЧАЛО БОРЬБЫ МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА ЗА ПРОЛЕТАРСКУЮ ПАРТИЮ. СОЗДАНИЕ ПРОГРАММЫ МЕЖДУНАРОДНОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ (1846—1848 гг.) 205

1. «Важно было убедить в правильности наших убеждений европейский и прежде всего германский пролетариат» —

В среде пролетарских революционеров — 205. Разрыв с Вейтлингом — 210. Борьба с «истинным социализмом» — 212. Разоблачение реформистских взглядов Прудона — 214.

2. Союз коммунистов — первая революционная партия международного пролетариата. Первые шаги в подготовке партийно-программного документа марксизма 219

Основание Союза коммунистов — 219. Проект программного документа — 222. Борьба за сплочение революционных сил — 225. «Принципы коммунизма» — 232. Второй конгресс Союза коммунистов — 241.

3. «Наемный труд и капитал» — опыт пропаганды марксизма среди рабочих 243

Экономические основы классовой борьбы — 244. Заработная плата и революционная борьба — 247.

4. «Манифест Коммунистической партии» 252

Преходящий характер буржуазного строя — 253. Всемирно-историческая миссия пролетариата — 256. Коммунистическая партия и ее принципы — 259. Основные черты коммунизма — 261. Стратегия и тактика партии в борьбе за коммунизм — 266. Размежевание с ненаучным социализмом — 269. «Духом «Манифеста» живет и движется весь организованный и борющийся пролетариат» — 274.

Раздел второй

РАЗВИТИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ МАРКСИЗМА, УТВЕРЖДЕНИЕ ЕГО В РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ (1848—1871 гг.)

Глава четвертая

ПЕРВАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОВЕРКА МАРКСИЗМА. ОБОБЩЕНИЕ МАРКСОМ И ЭНГЕЛЬСОМ ОПЫТА РЕВОЛЮЦИЙ 1848—1849 годов 279

1. В период подъема революций —

На исходном рубеже периода «бурь и революций» — 279. Революции — время испытаний — 281. Программа пролетариата в революции — 283. На пролетарском фланге революционной демократии — 287. Против шатаний «влево» и «вправо» — 289.

2. «Новая Рейнская газета» — орган пролетарского крыла немецкой и европейской демократии 291

Штаб революционной борьбы — 292. «Лучший, непревзойденный орган революционного пролетариата» — 294. «Мы отступали с развевающимся знаменем» — 296. Анализ хода германской революции — 298. Тактика революционной борьбы — 299. Буржуазия и пролетариат в революции — 304. Развенчание конституционных иллюзий — 306. Международные аспекты революции — 308. Под знаменем пролетарского интернационализма — 311. Защита интересов крестьянских масс — 316. Пролетарская позиция в национальном вопросе — 319. Конкретно-исторический подход к национальным движениям — 323.

3. На завершающем этапе революций 326

На пути к пролетарской партии — 326. В авангарде борьбы против наступления контрреволюции — 329. Марксизм о причинах поражения революций 1848—1849 годов — 333.

4. Теоретическое осмысление опыта революций — главная задача 335

Возрождение Союза коммунистов — 335. «Уяснить пережитый период революции» — 338. Налаживание марксистской печати — 341. «Революции — локомотивы истории» — 346. Идея непрерывной революции — 348. Диктатура пролетариата — 350. Слом буржуазной государственной машины — 352. Крестьянство — союзник пролетариата — 353. Руководство революционной борьбой. Вооруженное восстание — искусство — 356. Углубление методологических основ революционной теории — 358.

5. Уроки борьбы с сектантско-авантюристической фракцией в Союзе коммунистов 360

Идейно-тактические разногласия в Союзе коммунистов — 360. Борьба с фракцией Виллиха — Шаппера — 362. Отпор организаторам травли пролетарских революционеров — 364. Значение Союза коммунистов — 369.

Глава пятая

РАЗВИТИЕ МАРКСИСТСКОЙ МЫСЛИ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ МАРКСИЗМА В ГОДЫ РЕАКЦИИ И НОВОГО ПОДЪЕМА ПРОЛЕТАРСКОГО И ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЙ (1852—1864 гг.) 371

Европа после революций — 371. Теоретические исследования Маркса и Энгельса — 374. Публицистическая деятельность — 376.

1. Разработка теоретических проблем в публицистике Маркса и Энгельса 379

Новые идеи экономического учения — 379. Разработка теории революции — 383. Роль политической и идеологической надстройки — 386.

2. Развитие марксистского учения по национальному и колониальному вопросу 391

Обличение колониальной системы — 391. Освободительное движение в колониях — 394. Антиколониальное движение и пролетариат — 396.

3. Разработка основ марксистской военной теории 398

Становление военной теории марксизма — 398. Диалектико-материалистическое осмысление проблем военного дела — 401.

4. Анализ Марксом и Энгельсом развития общественной мысли. Обоснование принципов марксистской эстетики 405

Общественные науки в условиях буржуазного строя — 405. Идеологическая функция прессы — 407. Материализм и диалектика в понимании художественного творчества — 410. Метод реализма — 413.

5. Вклад в разработку стратегии и тактики классовой борьбы пролетариата 415

С позиций «шестой державы» — 416. Пролетарская тактика борьбы за национальное единство Италии и Германии — 418. «Независимость Польши и революция в России взаимно обусловливают друг друга». Солидарность с борцами против рабства в США — 420.

6. За пролетарскую партию, против мелкобуржуазных течений в рабочем движении 422

Сплочение ядра будущей партии — 422. За возрождение чартизма на социалистической основе — 423. Коммунистическая пропаганда в рабочем движении США — 425. Связи с пролетарскими революционерами в Германии и Франции — 427. За честь партии и ее кадров — 428. Опровержение утопических проектов Прудона — 430. Выяснение порочности идейно-политических позиций Лассаля — 431.

7. Пропаганда идей научного коммунизма соратниками Маркса и Энгельса 435

Пропагандисты марксизма — 435. И. Г. Эккариус в Англии — 436. И. Вейдемейер и А. Клусс в США — 438. Э. Джонс в Англии — 439. В. Либкнехт в лондонской эмиграции и в Германии — 441. И. Ф. Беккер в Швейцарии — 442.

Глава шестая

РАЗРАБОТКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ И ДРУГИХ СОСТАВНЫХ ЧАСТЕЙ МАРКСИЗМА В ПРОЦЕССЕ СОЗДАНИЯ «КАПИТАЛА» 444

1. «Капитал» «имеет прямую революционную задачу» —

Изучение капитализма — революционная задача — 445. Новый этап экономических исследований Маркса — 447. Экономическая рукопись 1857—1858 годов — 450. Разработка структуры будущего «Капитала» — 454. Книга «К критике политической экономии» — 456. Рецензия Энгельса на книгу Маркса — 461. Экономическая рукопись 1861—1863 годов — 463. Создание «Капитала» — 464. Выпуск Энгельсом II и III томов «Капитала» — 466.

2. Раскрытие тайны капиталистической эксплуатации 468

«Экономическая клеточка буржуазного общества» — 468. Учение о прибавочной стоимости — 470. Рабочий день и заработная плата — 472. Всеобщий закон капиталистического накопления — 476.

3. «Капитал можно понять лишь как движение, а не как вещь, пребывающую в покое» 479

Кругооборот капитала — 479. Воспроизводство общественного капитала — 481. Реализация общественного продукта — 482. Схемы воспроизводства — 483.

4. Весь рабочий класс эксплуатируется всем классом капиталистов 487

Анализ закономерностей капитализма и обнажение его эксплуататорской сущности — 487. Противоречия капитализма и неотвратимость его крушения — 492. Рост паразитизма буржуазии — 497. Будущее человечества — коммунизм — 500.

5. «В науке не только результат, но и путь к нему должен быть истинным» 503

«Теории прибавочной стоимости» — 503. Догадки физиократов — 504. Трудовая теория стоимости А. Смита — 506. Вклад Д. Рикардо в политическую экономию — 508. Критика Мальтуса — 511. Плодотворные идеи других представителей буржуазной экономической мысли — 512.

6. «Капитал» как единое целое 513

Глава седьмая

РАЗРАБОТКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ И ДРУГИХ СОСТАВНЫХ ЧАСТЕЙ МАРКСИЗМА В ПРОЦЕССЕ СОЗДАНИЯ «КАПИТАЛА» (Продолжение) 519

7. «В «Капитале» применена к одной науке логика, диалектика и теория познания материализма» —

Законы диалектики — 521. Методология познания — 525. Логическое и историческое — 526. Восхождение от абстрактного к конкретному — 530.

8. «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» 536

Развитие исторического материализма — 536. Учение об общественно-экономической формации — 538. Закономерности человеческой деятельности — 540. Отчуждение труда, его преодоление — 543. Научное познание, его социальная роль — 545.

9. «Классовая борьба, практическая и теоретическая, принимает все более ярко выраженные и угрожающие формы» 546

Место капитализма в истории — 546. Учение о классах и классовой борьбе — 548. Принципы коммунизма — 549. «Мерой богатства будет свободное время» — 552. Проблема человека — 555.

10. «Выводы «Капитала» станут основными принципами великого движения рабочего класса» 557

Рецензии Энгельса на I том «Капитала» — 557. «Заговор молчания» сорван — 561. ««Капитал» — это наш меч, наша броня, оружие нападения и защиты» — 562. Русский перевод «Капитала» — 565. Новые издания I тома «Капитала» — 568. «Капитал» в идеологической борьбе — 569.

Глава восьмая

НАЧАЛО СОЕДИНЕНИЯ МАРКСИЗМА С МАССОВЫМ РАБОЧИМ ДВИЖЕНИЕМ. ПЕРВЫЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ (1864—1870 гг.) 572

1. Предпосылки международного объединения пролетариата —

Рабочее движение на новом рубеже — 572. Влияние буржуазного либерализма и радикализма. Тред-юнионизм — 576. Прудонизм — 577. Лассальянство — 580. Единая сущность противостоявших марксизму течений — 582. Основание Интернационала и марксизм — 583.

2. Провозглашение и воплощение в Интернационале программных и организационных принципов марксизма 587

Первые программные документы Интернационала — 587. «Освобождение рабочего класса должно быть завоевано самим рабочим классом» — 589. «Завоевание политической власти — великая обязанность рабочего класса» — 590. Начало соединения марксизма с массовым рабочим движением — 591. Разработка организационных принципов — 593. Руководящие органы Интернационала — 594. Членство в Интернационале — 596. Принципы организационной деятельности — 599. Складывание организационной структуры — 600.

3. Формирование социально-экономической программы Интернационала. Утверждение в программе социалистических принципов 603

Необходимость экономической борьбы пролетариата — 604. Экономическая борьба и профсоюзы — 607. Женский и детский труд, воспитание и образование — 608. Кооперативная организация производства — 613. Применение машин. Обобществление орудий производства — 614. Вопрос о земле. Обобществление средств производства — 615. Аграрная политика пролетариата — 616. Накопление в программе социалистических элементов — 620.

4. Разработка политики пролетариата по отношению к национально-освободительным движениям и войнам 621

Поддержка польского освободительного движения — 622. Пролетарское решение ирландского вопроса — 625. Политика в вопросах войны и мира — 628.

5. Распространение идей научного социализма, их воздействие на рабочее движение 632

Во главе рабочего движения — 633. Распространение идей марксизма — 635. Соратники Маркса и Энгельса — 636. Пресса Интернационала — 641.

Глава девятая

МАРКСИЗМ И ПЕРВЫЙ ОПЫТ ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА 644

1. Разработка в Интернационале революционной тактики пролетариата в период франко-прусской войны 645

Верность пролетарскому интернационализму — 646. Развитие военной теории марксизма — 649. Революционный Париж. Идея Коммуны — 651.

2. Парижская коммуна — первый опыт диктатуры пролетариата 654

«Духовное детище Интернационала» — 654. Мероприятия правительства рабочего класса — 656. Ломка старых и создание новых органов власти — 658. Пролетарский интернационализм — основа солидарности с Коммуной — 661.

3. Теоретическое обобщение Марксом и Энгельсом опыта Парижской коммуны 663

«Гражданская война во Франции» — 664. Проблемы революции — 666. Тактика вооруженного восстания — 668. Слом буржуазной государственной машины — 669. Задачи диктатуры пролетариата — 672. Демократическая сущность Коммуны — 674. Опыт Коммуны — рабочим всех стран — 677.

4. Идейно-политическое развитие Интернационала после Парижской коммуны 679

Задача создания пролетарских партий — 680. Проблемы политической деятельности — 683. Итоги разработки программы Интернационала — 686. Укрепление позиций марксизма в борьбе с бакунизмом — 688. Победа марксизма в борьбе за организационные принципы — 693. Дальнейшая разработка тактических принципов — 696. Критика тактики бланкистов — 698. Место Первого Интернационала в истории — 699.

Заключение 703

Основные источники 707

Указатель периодических изданий 710

Указатель имен 715

Указатель организаций 726

И90 **История** марксизма-ленинизма. Формирование, развитие и распространение марксизма, утверждение его в рабочем движении. 40-е годы XIX века — 1871 г. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; Редкол.: В. Ю. Самедов и др.— М.: Политиздат, 1986.— 734 с.

В первой книге серийного издания «История марксизма-ленинизма» раскрыт закономерный характер возникновения марксизма как научного пролетарского мировоззрения. История марксизма рассматривается как целостный процесс развития его теоретической мысли в единстве и взаимообусловленности ее составных частей — философии диалектического и исторического материализма, пролетарской политической экономии и научного коммунизма. Освещается важнейшая закономерность истории марксизма — взаимосвязь революционной теории и революционной практики, показывается распространение идей марксизма в различных странах, их утверждение в рабочем движении, воздействие на освободительную борьбу пролетариата.

Издание рассчитано на широкие круги партийного и советского актива, научных работников, преподавателей-обществоведов и студентов, пропагандистов.

И $\frac{0302020000-086}{079(02)-86}$ **56—86** **ББК 1г**

ИСТОРИЯ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

Формирование, развитие
и распространение марксизма,
утверждение его в рабочем движении.
40-е годы XIX века — 1871 год

Указатели к тексту составили:
М. С. Давыдова (руководитель работы),
Б. А. Калашников, Ю. В. Кунец, Е. А. Меликьян,
А. В. Коновалов

Литературную редакцию глав провел Д. А. Макаров

Общую редакционно-техническую подготовку рукописи книги
осуществили М. С. Давыдова и Ю. В. Кунец
при участии Г. А. Ивановой, Л. С. Шерстобитовой, А. В. Коновалова,
Д. А. Макарова, В. У. Раджапова, Э. И. Сазонова,
В. Н. Крючкова и И. А. Цыганова

В рецензировании и обсуждении глав и разделов участвовали:

Г. А. Багатурия, кандидат философских наук,
Б. В. Богданов, доктор философских наук,
М. Н. Грецкий, доктор философских наук,
А. Г. Здравомыслов, доктор философских наук,
К. И. Коннова, старший научный сотрудник,
Р. П. Конюшая, доктор исторических наук,
А. Д. Косичев, доктор философских наук,
И. М. Кривогуз, доктор исторических наук,
К. Т. Кузнецов, доктор философских наук,
Н. И. Лапин, доктор философских наук,
В. Я. Моргунов, кандидат исторических наук,
К. Н. Орлова, кандидат философских наук,
Я. А. Певзнер, доктор экономических наук,
Б. С. Попов, доктор исторических наук

Художник Г. В. Колоскова
Художественный редактор О. Н. Зайцева
Технический редактор Е. В. Васильевская

ИБ № 5499

Сдано в набор 05.11.85. Подписано в печать 03.03.86. А 00045.
Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 1.
Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая.
Усл. печ. л. 46,0. Усл. кр.-отт. 46,0. Уч.-изд. л. 53,46.
Тираж 60 тыс. экз. Заказ 1233. Цена 3 р. 70 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.